

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ **vol. VIII** _ nr. 1 - 2

CHIȘINĂU 2012

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Colegiul de redacție

Redactor șef: dr. hab. **Oleg Levițki** (Chișinău)

Redactor responsabil: dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție: **Larisa Ciobanu** (Chișinău)

Membrii colegiului de redacție: dr. hab. **Igor Brujako** (Odesa), dr. **Valeriu Cavruc** (Sfântu Gheorghe), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Chișinău), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Serghej Sanžarov** (Lugansk), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Serghej Skoryj** (Kiev), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva** (Chișinău), cu concursul dr. **Roman Croitor** (Chișinău) și **Ghenadie Sîrbu** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al "Revistei Arheologice", Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the «Archaeological Magazine», the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

ОЛЬГА ЛАРИНА (<i>Кишинэу</i>), ЖАТВЕННЫЕ ОРУДИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.....	5
ВАЛЕРИЙ КАВРУК (<i>Сфынту Георге</i>), ОЛОВО И СОЛЬ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (ЧАСТЬ II).....	16
СЕРГЕЙ ГОРБАНЕНКО, ДМИТРИЙ КАРАВАЙКО (<i>Киев</i>), РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НАСЕЛЕНИЯ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	37
EUGEN UȘURELU (<i>Chișinău</i>), APARIȚIA ȘI EVOLUȚIA AȘA-NUMITELOR „SAPE” ÎN EPOCA BRONZULUI DIN EUROPA DE EST	50
OLEG LEVIȚKI, LIVIA SÎRBU (<i>Chișinău</i>), CONSIDERAȚII PRIVIND STADIUL ACTUAL ȘI PRIORITĂȚILE CERCETĂRII CULTURII HALLSTATTULUI CANELAT DE TIP CHIȘINĂU-CORLĂTENI DIN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN (SEC. XII-X Î.E.N.)	58
НИКОЛАЙ ТЕЛЬНОВ (<i>Кишинэу</i>), ВИТАЛИЙ СИННИКА (<i>Тирасполь</i>), ФРАКИЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ СКИФОВ 3-2 ВВ. ДО Н.Э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА.....	69
VASILE IARMULSCHI (<i>Chișinău</i>), CONTRIBUȚII LA POZIȚIA CRONOLOGICĂ A NECROPOLEI DE TIP POIENEȘTI-LUCAȘEUCA DE LA DOLINJANY	84
SVETLANA REABȚEVA (<i>Chișinău</i>), CORONIȚELE DIN PLĂCUȚE IMPRIMATE DIN REGIUNEA CARPATO-DUNĂREANĂ ÎN CONTEXTUL ANTICHITĂȚILOR DIN EUROPA DE EST ȘI SUD-EST (SEC. XII-XV).....	93

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

SERGIU BODEAN (<i>Chișinău</i>), PLASTICA ANTROPOMORFĂ DIN AȘEZAREA CUCUTENI-TRIPOLIE CIULUCANI I (RAIONUL TELENEȘTI, REPUBLICA MOLDOVA)	105
SERGIU BODEAN, ION URSU (<i>Chișinău</i>), SOCOLA – O STAȚIUNE PLURISTRATIFICATĂ A CULTURII CUCUTENI-TRIPOLIE DIN BAZINUL NISTRULUI.....	113
SERGIU POPOVICI (<i>Chișinău</i>), O NOUĂ NECROPOLĂ PLANĂ A CULTURII MNOGOVALIKOVAJA	118
СВЕТЛАНА АНДРУХ, ГЕННАДИЙ ТОЩЕВ (<i>Запорожье</i>), КУРГАН У Г. ТОКМАК (ИССЛЕДОВАНИЯ 2011 Г.).....	121
ДАНИИЛ ВОРОНЦОВ, СЕРГЕЙ СКОРЫЙ (<i>Киев</i>), АНДРУШЕВСКИЙ КУРГАН.....	137
ВАЛЕНТИН ДЕРГАЧЕВ (<i>Кишинэу</i>), КЛАД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ СЕЛА БАХУ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА.....	154
ВАЛЕНТИН ДЕРГАЧЕВ (<i>Кишинэу</i>), НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ГАЛЫШТАТТА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.....	161
ЛЕОНИД СУББОТИН (<i>Одесса</i>), СЕРГЕЙ АГУЛЬНИКОВ (<i>Кишинэу</i>), КЛАД БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. КАМЕНКА В ДУНАЙ-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ.....	182
СВЕТЛАНА АНДРУХ, ГЕННАДИЙ ТОЩЕВ (<i>Запорожье</i>), РАННЕСКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ ЗАПОРОЖЬЯ (ПРОСПЕКТ СОВЕТСКИЙ)	190
СЕРГЕЙ КУРЧАТОВ (<i>Кишинэу</i>), САРМАТЫ НА ГОРОДИЩЕ РУДЬ-ЛА ШАНЦУРЬ.....	193
GEORGE D. HÂNCEANU (<i>Roman – Neamț</i>), CERCETĂRI DE SUPRAFAȚĂ PE TERITORIUL JUDEȚULUI NEAMȚ (I).....	201

VLAD VORNIC, ION URSU (<i>Chişinău</i>), LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, RADU PÎRNĂU (<i>Iaşi</i>), LARISA CIOBANU (<i>Chişinău</i>), CERCETĂRILE ARHEOLOGICE DIN SITUL MEDIEVAL DE LA LOZOVA-LA HOTAR CU VORNICENII. REZULTATE PRELIMINARE	222

SILVIU ANDRIEŞ-TABAC, IURIE CAMINSCHI (<i>Chişinău</i>), UN VÂRF DE STEAG DESCOPERIT ÎN CODRII TIGHECIULUI	257

LILIA DERGACIOVA (<i>Chişinău</i>), MONEDE MEDIEVALE MOLDOVENEŞTI DIN COLECȚII PARTICULARE DIN REPUBLICA MOLDOVA (VI).....	260

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

ВАСИЛИЙ РОГУДЕЕВ (<i>Ростов</i>), БЫЧЬЯ УПРЯЖЬ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОЛЕСНИЧЕСТВА В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ.....	266

VASILE HAHEU (<i>Chişinău</i>), DESPRE UN TIP DE DESCOPERIRI DIN PERIOADA HALLSTATTIANĂ TÂRZIE: DISPOZITIVELE ELICEFORME TRIPALETATE DE BRONZ	275

VASILE HAHEU, DUMITRU BRATCO (<i>Chişinău</i>), ORIGINEA ȘI EVOLUȚIA VIȚEI DE VIE ÎN SPAȚIUL DINTRE NISTRU ȘI PRUT.....	284

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

ROMAN CROITOR, OLEG LEVIČKIĬ, GENNAĬIĬ SYRBU (<i>Кишинэу</i>). ARHEOZOO-ЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ТРИПОЛЬСКОГО ПАМЯТНИКА ТРИНКА-ЛА ШАНЦ	291

ROMAN CROITOR, THEODOR ARNAUT †, ION CEBAN (<i>Chişinău</i>), ARCHEOZOOLOGICAL REMAINS FROM THE GETIC FORTIFIED MONUMENT STOLNICENI (HÎNCEȘTI, MOLDOVA).....	305

ANGELA SIMALCSIK (<i>Iaşi</i>), ANALIZA ANTROPOLOGICĂ A SERIEI SCHELETICE DESCOPERITE ÎN NECROPOLA MEDIEVALĂ DE LA LOZOVA, SECOLELE XIV-XV	316

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CĂRȚI – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

С.И. Посохов, С.В. Дьячков, С.Д. Литовченко (ред.), Харьковський історико-археологічний ежегодник ДРЕВНОСТИ 2011 [Anuarul istorico-arheologic din Harkov ANTICHITĂȚI 2011] Harkov, 2011, 420 pag., ISBN 978-617-578-066-4 (LARISA CIOBANU, <i>Chişinău</i>)	344

NOTA REDACȚIEI	349

IN HONOREM

К 85-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ ФЕОКТИСТОВИЧА ЧЕБОТАРЕНКО (Н.П. ТЕЛЬНОВ, <i>Кишинэу</i>)	351

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM TUDOR ARNĂUT (SERGIU MATVEEV, <i>Chişinău</i>)	353

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЩЕРБАКОВОЙ (Н.П. ТЕЛЬНОВ, <i>Кишинэу</i>)	356

ANTROPOLOGUL BASARABEAN ALEXANDRU N. DONICI (SERGIU POPOVICI, <i>Chişinău</i>).....	359

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	363

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	366

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА	368

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	370

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

ЖАТВЕННЫЕ ОРУДИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Ольга ЛАРИНА, Кишинэу

Uneltele de secerat și evoluția lor. În articolul de față sunt discutate probleme ce țin de reconstituirea agriculturii vechi pe baza studiului și comparării uneltelor de recoltat. Autorul prezintă materiale ale neoliticului preceramic din Orientul Apropiat.

В статье рассматриваются проблемы становления древнейшего земледелия на основе изучения и сравнения жатвенных орудий. Автор привлекает материалы докерамического неолита Ближнего Востока.

Harvest tools and their development. The paper considers the problem of formation of the ancient farming on the base of study and comparison of harvest tools. Also, the author presents the pre-ceramic Neolithic of the Middle East.

Key words: ancient farming, harvest tools, pre-ceramic Neolithic; the Middle East.

Проблемы реконструкции древних форм хозяйствования периодов докерамического и керамического неолита сохраняют свою актуальность и в современных исследованиях.

К истории терминов

В системе археолого-исторической периодизации неолит представляет собой последний, завершающий этап в истории каменного века. В системе культурно-исторической периодизации первобытного общества по схеме Льюиса Моргана (конец XIX века), неолит был классифицирован как «варварство». Ему предшествовала «дикость» и следовала «цивилизация» (Морган 1935).

К настоящему времени в этнографической и исторической литературе употребление терминов «дикость» и «варварство» утратило своё прежнее стадияльное противопоставление «цивилизации». На смену категоричности терминов пришло осознание «изначальных» творческих возможностей и способностей человека. К современным и к древним культурам применяется единый **цивилизационный подход** реконструкции и осмысления процессов их жизнедеятельности и ментальности (Моисонжик 2000).

Так, мы выделяем неолит как эпохальный тип культуры, связанный с определённой степенью

(или стадией) социально-экономического, технологического и культурного прогресса человечества. Он представляет собой **тип раннеземледельческой эпохи, где культурные и технологические достижения способствовали возникновению нового «деревенского» способа и образа жизни**. Для культур неолита цивилизационный подход основан на понятии «хозяйственно-культурная общность».

Культуролог Э.С. Маркарян в одной из своих работ подчёркивал, что благодаря культуре, человеческая деятельность обладает уникальными по своим потенциям **преобразовательными возможностями**. При этом он отмечал, что «в ходе адаптации человека к окружающей среде приспособительный эффект достигается средствами социокультурной перестройки **самых человеческих индивидов**. И это происходит путём универсального **преобразования** внешней и внутренней среды их обитания. Что и выводит нас на системы жизнеобеспечения» (Маркарян 1980).

Правомерность культурологического подхода подтверждается существованием многих современных культур, которые сохраняют «ядро» этно-культурной специфики с начальных этапов формирования. Обычно они включали и включают народы, которые живут в сходных природных условиях и вырабатывают сходные типы технологий и формы

адаптации к ним. В первую очередь речь, конечно, идёт о хозяйственных, жизнеобеспечивающих отраслях.

Без преувеличения можно сказать что земледелие явилось одной из важнейших отраслей хозяйства большей части человеческого общества. Само же открытие земледелия, по словам академика В.И. Вернадского, *решило всё будущее человечества*. Оно связано с самым молодым периодом в истории Земли, именуемым **голоценом**. Слово «голоцен» образовано от двух греческих корней (целый-полный и время). Этот период продолжается и сейчас. По договорённости специалистов его начало определяют датой 10 тысяч лет назад. Именно с этого времени началось мощное потепление климата, вызвавшее отход ледников. Исследования показывают, что это потепление произошло в геологическом смысле почти мгновенно, в течение первых десятилетий. Сам термин «голоцен» был предложен и утверждён в 1867 году на геологическом конгрессе в городе Болонья (Италия).

Голоцен – это те природные условия и «время», в котором живём и мы (Долуханов 2000). В силу природно-климатических изменений этапа раннего голоцена, древнейшие центры происхождения культурных растений и домашних животных фактически совпадают. Их ареалы размещены по центру земного шара, между южным и северным тропиками. И размещены так, что фактически каждый континент (за исключением Антарктиды) получил, уже на ранних стадиях своего существования, возможность «окультуривания» и «одомашнивания» отдельных видов растений и животных (Вавилов 1957).

Н.И. Вавилов знал, что процесс видообразования продолжается. И повсюду человек находил и будет находить среди местной флоры растения, пригодные для введения в культуру. Согласно его исследованиям, для возникновения крупного очага исторического развития культурной флоры и фауны необходимы два условия. Это богатство местной флоры такими растениями, которые пригодны для введения в культуру и наличие древней земледельческой цивилизации. Очаги же отличаются от остальных территорий особой интенсивностью видообразовательного процесса. И особенно большим количеством вошедших в культуру растений, которые были массово «окультурены».

Разработки 70-х годов XX века выделяют пять основных географических очагов областей исторического развития культурной флоры и фауны. Они включают:

I. Древнесредиземноморскую область, представленную высохшим морем Тетис.

1. Переднеазиатский очаг.
2. Средне Юго-Западная Азия (Среднеазиатский очаг).
3. Средиземноморский очаг.
- II. Восточно-Азиатская область.
- III. Южноафриканская область.
- IV. Новый свет представлен Центрально-Мексиканской подобластью и
- V. Южноамериканской подобластью.

Особенно выделяются районы Южной Азии, Передней Азии и Восточного Средиземноморья. Эти территории Н.И. Вавилов обозначил как «Горнило творенья». Процесс неолитизации этих территорий охватывает XI–VI тыс. до н.э. Эти районы относят к ландшафтно детерминированным этногенезам. К ним относят образования древних китайцев, египтян, протоиндийцев и ряда народов Месопотамии и Передней Азии. Они сформировались в зонах илистых отложений аллювия в долинах Хуанхэ, Нила, Ганга, Тигра и Евфрата. Здесь имелись условия для собирания диких злаков и существовали возможности для гарантированного мотыжного земледелия.

Так, для Юго-Восточной Азии об этом свидетельствует появление керамики и сопутствующего «зернового или клубневого орудийного комплекса». Они связаны с территориями Китая, Тайланда, Японии, Кореи. Для них, столь раннее появление этого центра неолитизации связано с окультуриванием и возделыванием проса (чумиза) и риса.

Для Японии неолит представлен культурой Дзёмана. Период до Дзёмана выделяется как бескерамическая стадия неолита. Основой экономики было рыболовство и морской промысел. Вместе с тем, находки на стоянках каменных зернотёрок и пестов свидетельствуют о существовании интенсивного собирательства. В остатках были выделены 43 видов растений. Среди них есть рис, культивированная рожь и остатки семян тыквы. Они были собраны в раковинной куче Торахама на острове Хонсю. На поселениях позднего Дзёмана Центральной и Юго-Западной Японии открыты следы довольно развитого зернового земледелия со следами возделывания риса, проса, гречихи. Предполагается, что гречиха была наиболее удобной для возделывания культурой на северных территориях. Для её созревания требуется всего 8-10 недель, и лучше всего она вызревает в условиях влажного и прохладного климата.

И все же земледелие не было ведущей формой хозяйства в Японии. Большинство данных свиде-

тельствуют об интенсивном морском промысле. По моделированию экономических структур, предложенных В.М. Массоном, ясно, что эта структура соответствует его третьей модели. Она характеризуется формированием «земледельческой экономики» в условиях большой роли рыболовства или зверобойного промысла (морской охоты), что способствовало ранней осёдлости населения.

Развитие новой земледельческой отрасли экономики повлияло на мировоззрение населения и его искусство. Это находит отражение в появлении на поселениях уже среднего периода Дзёмана глиняных статуэток догу, фаллических изображений и сложной орнаментики глиняных сосудов. Во многих странах мира они, без сомнения связаны, прежде всего, с аграрными культами.

Для Китая эндемиком являются культуры риса, просо. Пшеница была занесена позже. Границей для размещения каждой из этих земледельческих культур служила река Хуанхэ, «великая мать китайской цивилизации». Пшеницу и просо культивировали к северу от реки, в умеренном поясе долины, тогда как заливное рисоводство было распространено к югу от Хуанхэ и Яндзы с их притоками, в субтропической и субэкваториальной областях.

Отметим, что дикий рис произрастает здесь и в настоящее время. Его, как и раньше (в неолите) собирают жители, выдёргивая «колосья» из воды. Но, разумеется, жители не мегаполисов, а приречных деревень (сведения Интернета).

Наиболее яркими и хорошо исследованными для востока являются культуры Яншао и Мацзяо (Китай). Формы и росписи их сосудов, к удивлению, находят параллели и схожесть с керамикой неолитических и энеолитических культур Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, они удивительно «созвучны» с керамическими шедеврами европейской культуры Кукутень-Триполье, что чрезвычайно усиливает единство ментальных воззрений человека неолита-энеолита как «планетарной личности» (Белвуд 1986; Боршевич 2005).

К этому же времени «неолитизируются» оазисы Средней Азии. Наиболее значимой, по важности результатов, стала итоговая публикация материалов полностью раскопанного в Южной Туркмении раннеземледельческого поселения Джейтун. Его земледелие было основано на культивировании ячменя и пшениц. Исследование этого памятника явилось первоклассным образцом изучения археологического объекта как комплекса, в единстве всех его составляющих.

Огромную исследовательскую работу провела Г.Ф. Коробкова. Методом «трассологии» ею были определены типы и виды «рабочих следов» на ору-

диях, что позволило идентифицировать функции самих орудий. И на этой основе уже реконструировать типы и виды производственной деятельности населения. Доказано, что древние производства были децентрализованы и приурочены к усадьбам жителей. Судя по площади жилых домов, они предназначались для одной семьи.

И, что особенно важно для темы нашей статьи, так это работа исследователей по выявлению остатков и определению типов и видов растений. Тщательная промывка культурного слоя путём флотации позволила обнаружить большое количество органических остатков самих растений и их отпечатков в обожжённой глине.

Для культивировавшихся злаков анализ мякоти показал, что после сбора урожая, зерно провеивали и молотили. Изучение отпечатков соломы, примешанной к строительной глине домов, позволило определить, что осуществлялась двойная жатва. Первоначально срезали наиболее ценное – колоски с зерном. Поэтому в отпечатках отсутствовала «приколосковая» часть стебля. Только затем срезалась солома. Причём её использовали дифференцировано. К строительной глине примешивали только пшеничную солому. Тогда как более питательная ячменная солома, видимо, шла на корм скоту (Массон 1971; 1996, 35; Современные... 1996, 11-12).

Особая роль в становлении древнейшего земледелия принадлежит переднеазиатскому очагу. На территориях Ближнего Востока, Северной Африки, Синае с долинами «библейских» рек Евфрат, Иордан, Нил функционировал независимый центр аккультурирования древних злаков и приручение животных.

Интересные данные имеются для Египта. Земледелие начало развиваться здесь в глубочайшей древности. Но та небольшая территория, где непосредственно жили земледельцы Египта, дельта Нила, могла дать очень мало материала для введения в земледельческую культуру. Это были только некоторые прибрежные растения: папирус, чужа, злак *Eragrostis pilosa*, растущий по песчаным отмелям. Остальные же культурные растения, **почти все**, ещё в доисторическое время были занесены в Египет из соседних стран всё той же Передней Азии и Средиземноморья и, в малой степени, из более южных стран Африки.

Сахара в то время представляла собою сухую степь и была покрыта растительностью. Здесь обитали многочисленные животные и существовало земледелие. Начиная со II тыс. до н.э. климат Сахары постепенно менялся, становясь жарким. Известно, что уже к середине I века до н.э. Сахара приобрела черты современного облика пустыни.

Кормилицей для Египта до сих пор продолжает оставаться дельта Нила. Разливы в дельте давали и дают этой земле исключительное плодородие. Условия болотистой поймы, орошаемой в древности семью «рукавами» протоками, позволяли сеять зерно без вспашки. Его надо было только раскидать по мокрой земле. Всё это способствовало процветанию древней цивилизации, поражающей наше воображение до сих пор. Однако из семи «рукавов» реки, к настоящему времени сохранилось только два.

Культуртрегерская миссия ближневосточного центра неолитизации распространялась на берега акватории Средиземного моря. Именно с этим центром, основанным на культивировании пшениц и ячменя, оказалась связана впоследствии территория Южной и всей Европы (Синская 1966).

Очаги распространения растений по типам и видам

1. **Юго-Западно-Азиатский очаг** включал в себя территории Передней и Малой Азии, Иран, Афганистан, Среднюю Азию. Эти страны дали следующие виды растений: пшеница мягкая, ячмень, полба-эммер, полба-спельта, однозернянка, лён. Вышеперечисленные растения (за исключением полбы-спельты) были занесены в Европу уже в раннем неолите, через Балканы. А северная граница этих культур, ещё на заре земледелия, уже доходила до Дании и южной Швеции, включительно. Полба-спельта была занесена, вероятно, позднее. Она присутствует в Приальпийской области Европы. Её древняя культура открыта в Иране, Азербайджане и Малой Азии. Кроме того, эти территории дали миру яблоки, груши, вишню.

2. **Восточно-Азиатский элемент** представлен растениями Индо-Китая. Он дал миру рис, просо (чумиза), сою, азиатский хлопок. С речными долинами горного и восточного Китая Н.И. Вавилов связывал происхождение редиса, citrusовых, чая, гороха, тутовых деревьев. Из Китая в Европу, через Армению, был занесён абрикос.

3. **Средиземноморский элемент** включает растения, распространившиеся в Среднюю и Северную Европу собственно из Средиземноморья: Италии, Испании, Балкан, Сирии, Палестины, Алжира, Марокко. Эти территории дали миру артишок, лаванду, крупносеменные и крупноплодные сорта многих растений. Также здесь были культивированы оливы, фиги, овёс, горох.

4. **Собственно европейские аборигенные виды** растений представлены, в значительной степени, клубнеплодами. Это редька, редис. Их дикие родоначальники распространены по морским побе-

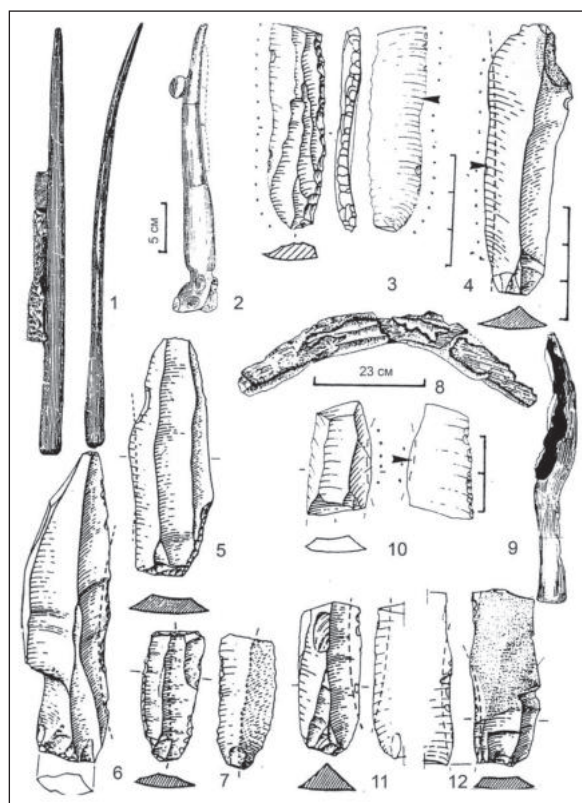

Рис. 1. Прекерамический неолит «А». 1 – Фаюм, Египет (4-5 тыс. до н.э.); 2 – Израиль, Мугарет ель Кебарх (9 тыс. до н.э.); 3 – Мурейбит, Эпи Натуф (9-8 тыс. до н.э.); 4-7 – Израиль, Хатула (9 тыс. до н.э.); 8 – Джармо, Ирак; 9 – роговая оправа – Израиль, Нахал (8 тыс. до н.э.); 10-12 – вкладыши – Израиль, Хатула.

режьям, в том числе по берегам Британского архипелага и Северного моря.

Наиболее примитивный и холодостойкий рапс происходит из Англии. Брюква – чисто европейский вид. Но оба этих вида хорошо себя чувствуют и в Сибири. Виды брюквы и рапс являются амфидиплоидами и возникли в результате скрещивания сурепицы с капустой.

Репы чёрные, серые, желтые индемичны для Европы в целом. Однако на юге Европы они вырождаются: слишком жарко.

Многие декоративные растения имеют также европейское происхождение. Львиный зев и нарцисс белый вошли в культуру из альпийских лугов. Дикорастущие плодовые – яблони, груши, крыжовник, несомненно, участвовали в происхождении европейских сортов путём гибридизации.

Особенно следует отметить культуртрегерскую миссию ближневосточного центра неолитизации, которая распространялась по берегам акватории Средиземного моря. И именно с этим центром, основанным на культивировании пшениц и ячменя,

оказалась связана впоследствии территория Южной и всей Европы.

Европа не являлась родиной земледелия и скотоводства. Они были привнесены сюда в готовом виде, в результате процесса неолитизации. Идеологическим центром выработки неолитизирующих идей для Европы послужил Ближний Восток.

Докерамический неолит Ближнего Востока (10.000 до н.э. 8000-5500 BC)

Согласно археологическим данным, в нескольких областях Передней Азии ко времени 10.000 до н.э. начался процесс формирования современных ландшафтов, климата, растительного покрова и соответствующего им животного мира. При этом отмечаются также и кризисные признаки разрушения древнего охотничьего хозяйства. Жители предгорий со степной и лесопарковой растительностью и сухим жарким климатом переходят к интенсивному собирательству дикорастущих злаков и плодов. Это был длительный по времени этап специализированного планомерного собирательства. У постоянных собирателей были свои «поля» с поселениями поблизости от них. Обширные заросли дикой пшеницы, ячменя и других зерновых до сих пор известны в горных областях Передней Азии, включая Иорданию, Ирак, Иран, Армению. В Юго-Восточной Турции до сих пор сохранились массивы дикой пшеницы однозернянки, двузернянки и дикого ячменя. Именно эти виды злаков стали основной «житницей» для собирателей «диких урожаев». И сейчас в Галилее, в дождливый сезон, дикий эммер и ячмень дают урожай 500-800 кг с 1 га. На сбор 1 кг злаков уходит 1 час. А семья из 4 человек за три недели работы могла собрать одну тонну зерна.

Плодородные почвы, обилие колосовых дикорастущих трав в районах Леванта-Тауроса, Загроса, Сирии и центральной Анатолии позволяло населению жить оседло возле естественных полей. Как показатель особо благоприятных условий существования населения, собирающих урожаи, выступает фактор появления и развития в это время каменной архитектуры жилых домов. При том, что, например, в Мюрайбите (8000-7500 BC) среди нескольких тысяч зерен дикорастущей пшеницы и ячменя, палеоботаниками не было найдено ни одного экземпляра культурных растений.

Возможность собирать урожай «не сея» были обусловлены природно-климатическими изменениями этапа раннего голоцена. Устанавливается континентально средиземноморский климат. Влага поступает преимущественно в виде дождя. Средняя t° года $+17^\circ\text{C}$, средняя летняя 27° , средняя зимняя 6°C . Максимальная t° лета 45°C . Минимальная

зимняя -18°C . Сухой период длится почти полгода и иногда продолжается от 90 до 150 дней.

Жители предгорий со степной или лесопарковой растительностью и сухим жарким климатом переходят к интенсивному собирательству дикорастущих злаков и плодов. К этому же времени относятся и первые попытки одомашнивания диких животных. Среди них оказались представлены первыми особи: свинья, мелкий рогатый скот и крупный рогатый скот. Именно этот этап стал предтечей в становлении раннего земледелия и животноводства на Ближнем Востоке.

Собиратели должны были быть кровно заинтересованы в том, чтобы особо ценные для них растения не погибали, а процветали и увеличивали свои площади. Для этого они не только пытались обрядовыми средствами умножить пищевые ресурсы, но и особенно бережно относились к важным для них растениям. Своеобразный культ растений, вероятно, возник ещё до появления сельского хозяйства. И зарождение элементов земледелия, как отрасли, появляется в недрах присваивающего хозяйства, в котором собирательство наиболее устойчиво обеспечивало население продуктами питания.

К числу факторов, способствовавших одомашниванию диких растений, относят непреднамерен-

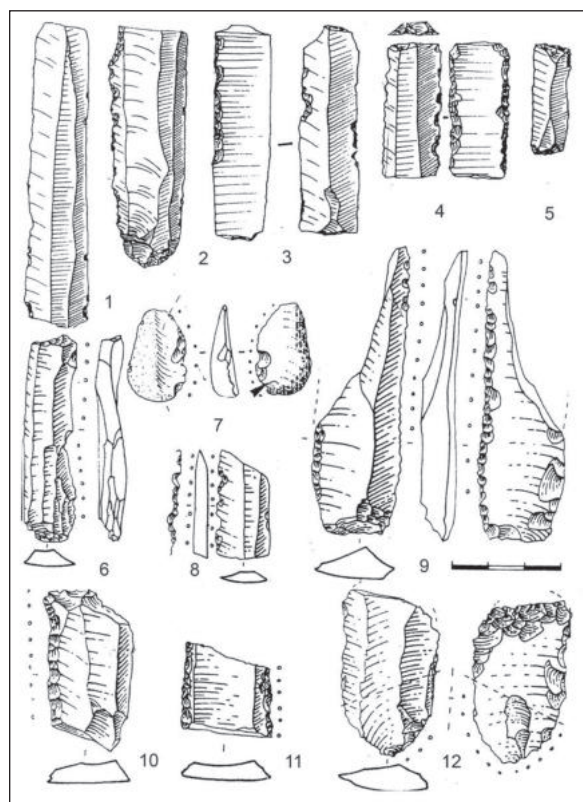

Рис. 2. Прекерамический неолит «В» – жатвенные ножи. 1-5 – Али Кош, Ирак; 6-12 – Магзалия, Иран.

ное удобрение почвы, которое происходило вблизи жилищ древних охотников и собирателей. Древесная зола костров, пищевые отбросы животного и растительного происхождения оставались на покинутых стоянках. Время от времени кочующие группы возвращались и, конечно, оказывали влияние на прорастающие семена. Зола, щелочные вещества (калий, фосфаты) ещё больше обогащали почву, превращая её в гумус. Обыкновенная крапива, подорожник, бобовые, лён кулинарный, приспособившись к человеческому жилью, служили пищей человеку и кормом для животных. А также материалом для разнообразных волокнистых изделий. Съедобные семена растений встречаются в различных странах.

Как показатель особо благоприятных условий существования населения, «собирающих урожаи», выступает фактор появления и развития в это время каменной архитектуры жилых домов. При этом, среди нескольких тысяч зёрен дикорастущей пшеницы и ячменя, палеоботаниками не было найдено ни одного экземпляра культурных растений.

Характерный комплекс жатвенных орудий, жилищная архитектура в виде каменных или глинобитных жилищ урбанистического типа, довольно определённо позволили исследователям интерпретировать как неолитические, но бескерамические, целый ряд памятников Ближнего Востока 8000-6000 BC.

Ремарка: столь раннее внимание человека именно к этим «диким» видам будущих земледельческих культур: к просу в Китае, к пшенице, ячменю и конопле на Ближнем Востоке, по нашему мнению, обусловлено тем, что *эти культуры наименее требовательны к воде*. Из них наиболее засухоустойчиво просо. Оно довольствуется 25% влаги; конопля растёт при 43,9%. Пшенице необходимо 45,5%, а ячменю 48,2% влаги. Причём эти злаки наиболее требовательны к воде лишь в момент кущения и колошения, т.е. фазы образования зерна. В этот момент необходим минимальный запас влаги от 10 до 40%. Для прорастивания необходима температура $+1+2^{\circ}$, а для всходов $t + 4+6^{\circ}$ (Макаров, Ремезов 1966). А их важность заключается в том, что все эти растения являются хлебными, крахмалосодержащими. Именно эти виды растений, такие как пшеница, рожь, ячмень, овёс, маис, рис, просо, занимают ведущее место в культуре мирового земледелия (Семёнов 1974, 6-8).

Собиратели постепенно и интуитивно накапливали и формировали эмпирические знания о растениях. Что позволяло им, безусловно, отрабатывать приёмы ухода за каждым определённым видом, а также способы уборки.

Пшеница является важнейшей культурой среди злаковых растений и насчитывает очень большое число видов. Но почти все они могут быть выведены из двух диких видов: 1) дикого айнокорна (*T. aegilopoides*) (однозернянка) и дикого эммера (*T. dicoccoides*) (двухзернянка).

Опыты по собиранию диких злаков были осуществлены в 1960-1970 гг. российским учёным исследователем С.А. Семёновым. Так, обламывая растения рукой, экспериментатор за **2,5 часа собрал более 30 кг зёрен дикой пшеницы**. На территории разряженного роста дикого злака результаты были чуть меньше. За 1 час было собрано 2,05 кг урожая. При втором способе сбора урожая, с применением кремневого серпа, за час было собрано 2,45 кг зерна (Семёнов 1974, 18-19). Эти данные конкретно доказывают и подтверждают возможность для человека собирать большие урожаи диких злаков и запасать их впрок.

Особенности сбора урожая диких колосовых

Следует отметить одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что у полбяных пшениц

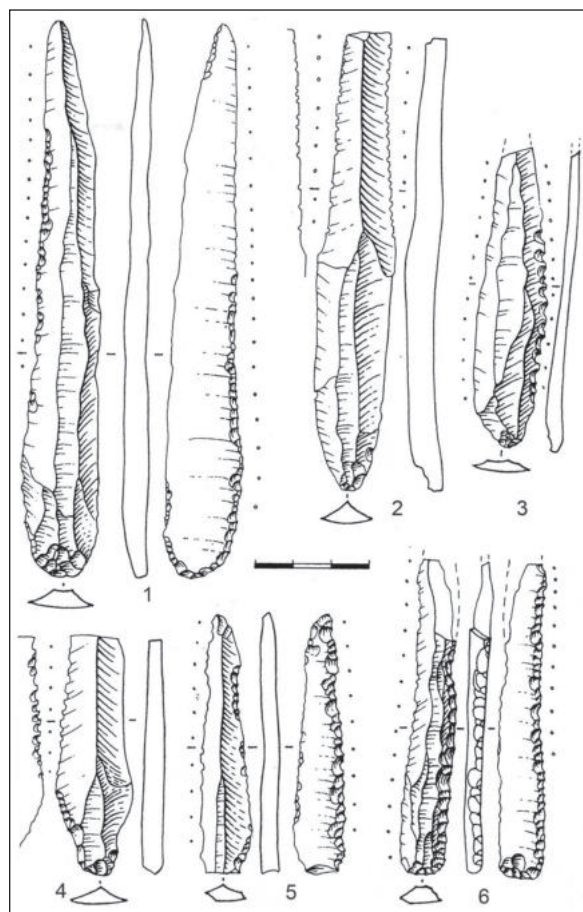

Рис. 3. Прекерамический неолит «В» – жатвенные ножи. 1-6 – Джадэ эль Мугара, Евфрат, Сирия.

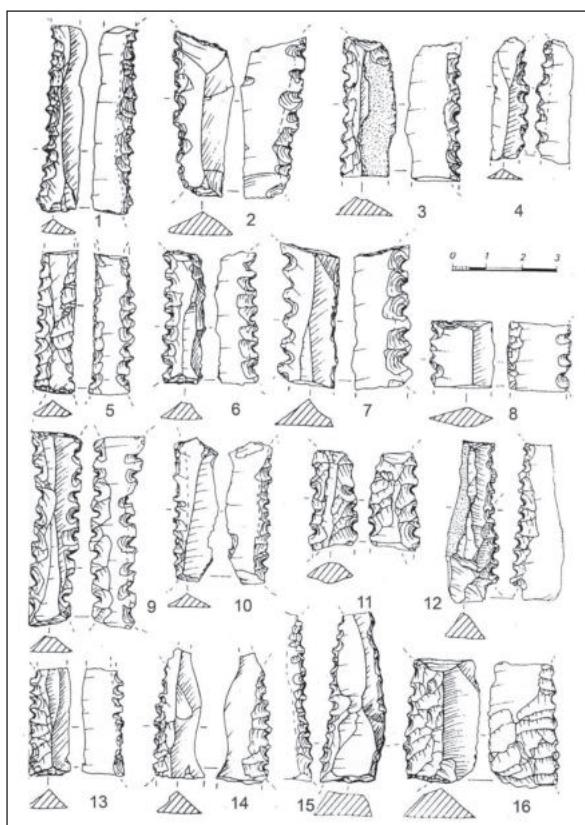

Рис. 4. Прекерамический неолит «В» – жатвенные ножи. 1-16 – Телль Али Ария Д, слой 2 (7 тыс. до н.э.).

и у дикорастущих видов: *Tr. monosocum*, *Tr. Dicocoides*, *Tr. Spontaneum* стержень колоса ломкий. Поэтому колос в зрелом состоянии распадается на колоски с члениками стержня. Зерно же очень трудно вымолачивается из колосковых и цветковых плёнок.

Другой важнейшей сельскохозяйственной культурой человечества является ячмень (*Hordeum* L.). Ареал культуры охватывает Евразию. Дикие формы двурядного ячменя до сих пор сохранились в Закавказье, Малой и Средней Азии, Афганистане, Ливии, Сирии и Палестине. Его родиной является Юго-Западная Азия.

Особенностью диких видов ячменя, в противоположность с пшеницей, является распадающийся при созревании колос и выпадение зерновок. Природа, в данном случае, сохраняя вид, позаботилась о «самосеве». Поэтому было важно не пропустить этот момент. Колосья с зерновками вручную отделяли от стержня и собирали в корзины, мешки, обеспечивая себя не только хлебом, но и ячменным пивом для праздников.

Не удивительно, что уже на ранних этапах развития этих обществ появляются и сравнительно крупные населённые пункты.

Также оказалось, что собиратели диких злаков продолжали расширять ареалы своей «кормовой» территории на протяжении длительного периода. В сферу этой деятельности были включены территории Северной Сирии (финал). А также памятники центральной Анатолии: Азикли Хуюк 6661 $\pm$ 108 BC; Неолитик II – Чатал Хуюк 6000-5500 BC в Малой Азии.

Для памятников Анатолии имеются данные по продолжительности жизни населения. Они представлены для поселения Азикли Хуюк в Анатолии. Здесь существовал интродуральный родовой могильник. Для мужчин продолжительность жизни в этой группе представлена 18-19, 35-39 и 55-57 лет. Тогда как женские захоронения зафиксированы в двух случаях в возрасте 20 и 25 лет. Дети представлены младенцами 8-9 месяцев.

По современным меркам, женщины уже старые. Для них, как и для мужчин, отмечаются болезни зубов, прогрессирующий артрит и травматизм. Их жизнь базировалась в основном на животных протеинах, получаемых сначала от интенсивной охоты на диких животных, и использование в пищу дикорастущих злаков.

А также уже началась целенаправленная работа по доместикации овцы. Большое количество

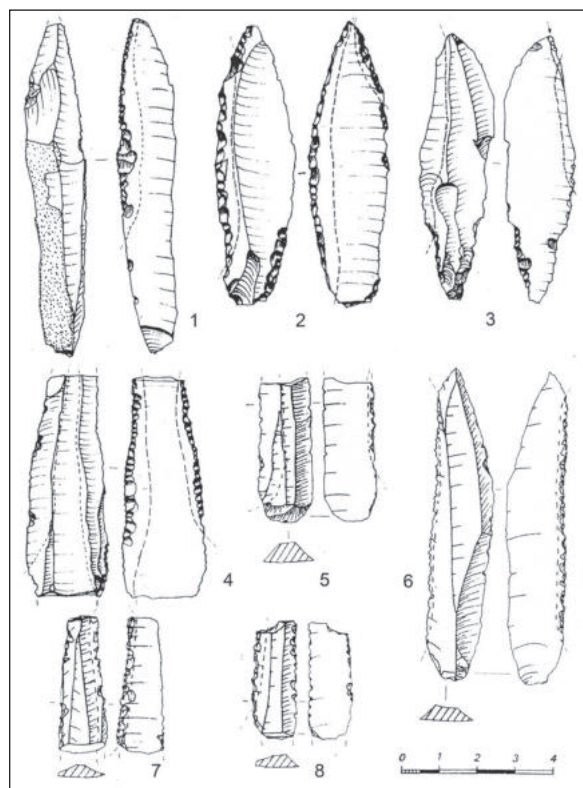

Рис. 5. Прекерамический неолит «В» – жатвенные ножи. 1-8 – Центральный Леван, Кфар Ха Хореш.

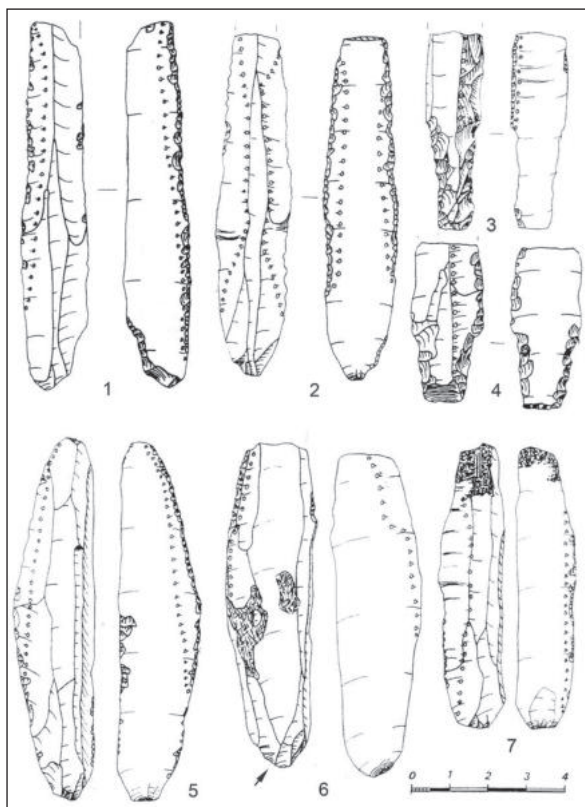

Рис. 6. Прекерамический неолит «В» – жатвенные ножи. 1-7 – Макзалия, Ирак.

Рис. 7. Прекерамический неолит «С». 1-6 – Мурейбит, Сирия.

костей от молодых животных подтверждают целенаправленную работу с детёнышами, и начало их протодоместикации в Азикли Хуюк.

Второй памятник, Чатал Хуюк, занимал площадь около 12 га. При разной методике оценок, здесь могло размещаться население от 2000 до 5000 человек. Чатал Хуюк был центром Конийской долины, где располагались ещё 22 мелких посёлка указанного времени. В.М. Массон интерпретировал этот комплекс как центр сельскохозяйственной округи и политического центра группы племён.

Современные логистические разработки позволили выделить для памятников Ближнего Востока три хронологических этапа прекерамического неолита.

На функционирование каждого из них исследователи отвели условно по 500 лет (Gebel, Kozłowski 1994, 596-601).

Прекерамический неолит «А» – 8000 BC (Израиль, Левант, Таурос, Загрос).

Прекерамический неолит «Б» – 7500-7000 BC (Северная Сирия, Загрос, Лефатиян).

Прекерамический неолит «С» – 7000-6500 BC (Северная Сирия, Левант фация; Центральная Ана-

толия). Неолит I, Азикли I, Чатал Хуюк (индустрия) 6500-6000 BC.

Как показатель относительно благоприятных условий существования населения, «собирающих урожаи», выступает фактор появления и развития в это время каменной архитектуры.

Жатвенные орудия собирателей диких злаков

С начальных этапов собирательства диких злаков, человек, практически одновременно, уже отработал несколько вариантов жатвенных орудий. Оказалось, что принцип конструирования отдельных их видов сохранился практически до наших дней. Как достоверный показатель инструмента, использовавшегося при жатве, выступает заполировка рабочего края орудия.

Заполировка на орудиях, служивших для срезания хлебных злаков, довольно подробно описывалась С.А. Семёновым. По его мнению, она обладает зеркальной степенью блеска и присутствует как на брюшке, так и на спинке лезвия орудия. При этом заполированная поверхность покрыта тонкими царапинами штрихами, лежащими параллельно линии рабочего лезвия. Лишь в отдельных случаях штрихи пересекают друг друга. На пути этих штри-

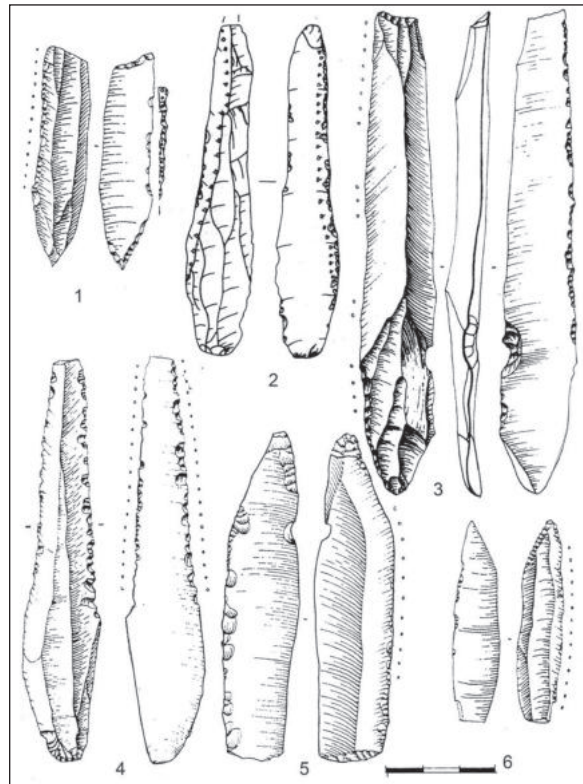

Рис. 7. Прекерамический неолит «С». 1-6 – Мурейбит, Сирия.

хов лежат лунки или ямки неправильных очертаний и разного размера. Лунки, как правило, имеют высокий правый край и низкий левый.

По мнению Г.Ф. Коробковой, заполировка, представленная на серпах для культурных злаков, отличается от травянистой более выровненной поверхностью. Тогда как для следов по срезанию травы, заполировка представлена прикромочным типом. Она слабо распространена, а поверхность рабочего участка более выпуклая.

У жатвенных орудий для сбора растений преобладает микроблеск вдоль рабочих краёв лезвийных орудий. Микроблеск является результатом интенсивного теплообразования при трении от контакта рабочего материала и высвобождение воды из обрабатываемого материала. Также вода способствует микрозаполировке и износу рабочего края орудия. По мере использования орудий, микроостатки обрабатываемого материала перемещаются на лезвие орудия и способствуют его заполировке (silica gel). Эти остатки покрывают гелеобразным слоем лезвие кремневого орудия, что является чётким свидетельством обработки растений. Следует добавить, что и разделка мяса также даёт прикромочный блеск на ноже.

Древние жатвенные орудия появляются в коллекции Ближнего Востока на стадии прекерамического неолита **этапа «А»** 9000- 8000 BC в культуре Натуф. Для этой культуры прослежен континуитет до раннего неолита.

Особенностью жатвенных орудий этого периода является их видовое разнообразие. Человек, видимо, на уровне «проб и ошибок» вырабатывает наиболее продуктивные для него инструменты. Поэтому они столь разнообразны на этом этапе.

Земледельческие орудия уже представлены жатвенными ножами в костяных оправках с композитными кремневыми вкладышами. Такими орудиями уже работали в 9 тыс. до н.э. в Израиле на памятнике Мугарет ель Кебарах (рис. 1,2). Почти также был сконструирован жатвенный нож из Фаяюма (Египет) 5 тыс. до н.э. (рис. 1,1). Отметим, что прямолинейные жатвенные ножи преобладают на этом этапе (рис. 3,7,10-12).

Но, что особенно важно, так это то, что, почти одновременно с жатвенными ножами на этом этапе появляются серповидные инструменты.

Уже в 8 тыс. до н.э. здесь достоверно зафиксирована костяная оправка жатвенного орудия серповидной формы. Она была выполнена из челюсти животного. Её рабочая режущая часть, судя по всему, должна была быть дополнена каменными вкладышами-лезвиями из кремня или обсидиана(?) (рис. 1,9).

Орудием примерно такой же формы собирали урожай диких злаков в 8 тыс. до н.э. и на терри-

тории современного Ирака в Джармо. Его изогнутая серповидная форма была выложена четырьмя кремневыми вкладышами, закреплёнными в оправе органическим склеивающим материалом (битум сохранился до наших дней) (рис. 1,8).

Орудия прекерамического неолита этапа «Б»

Однако, поиски вариантов более продуктивных форм жатвенных орудий, при наличии больших площадей диких колосовых злаков, эмпирически привёл человека времени прекерамического неолита к использованию в трудовой деятельности преимущественно орудий типа **жатвенных ножей**. Выбор такого типа инструментов, безусловно, был основан на приспособлении к однородным пищевым ресурсам. И, видимо, был обусловлен и зависел от конкретных ландшафтно-географических условий. Адаптация, основанная на приспособлении к однородным пищевым ресурсам в конкретных ландшафтно-географических условиях, ведёт к образованию специализированного хозяйства, и, в конечном итоге, к образованию того или иного хозяйственно культурного типа.

В комплексе, это и привело к образованию специализированного хозяйства. Его можно охарактеризовать как отдельный хозяйственно культурный тип «собирателей урожаев».

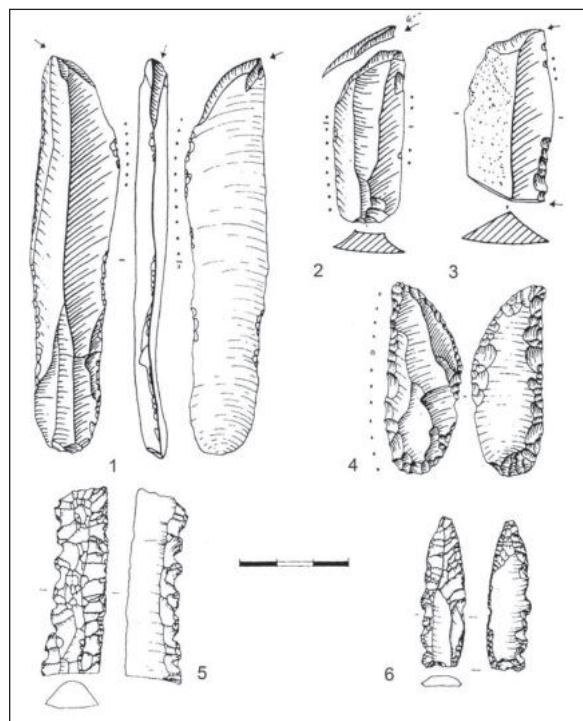

Рис. 8. Прекерамический неолит «С». 1-6 – Мурейбит, Сирия.

Масштабы деятельности коллективов «собираелей» можно оценить, воспользовавшись, одними из многих данных. Они были разработаны, например, для памятников долины Deh Luran/Дех Луран территории Khuzestan/Кузестан (Hole 1994, 101-116).

На его ранних прекерамических фазах Ali Kosh/Али Кош и Магзалия в Ираке было выявлено: для первого памятника Ali Kosh 203 ед. (97%) жатвенных ножей и всего 7 единиц вкладышей серповидных орудий (3%) (рис. 2,1-5). А второй памятник, Магзалия в Ираке фазы Bas Mordeh/Бас Морден, содержал 42 ед. (100%) только жатвенных ножей (рис. 2,6-12).

В основном ножи изготавливались из крупных пластин шириной 2,3-2,5 см и до 8 см высотой. Лезвия серповых вкладышей более мелкие. Их размеры: 1,3х3,5 см; 1,0х3,0 см.

В это же время, на памятнике Джаде ель Мугара в Сирии, на Ефрате, появляется новый тип жатвенных орудий (рис. 3,6). Они представлены крупными и средними жатвенными ножами, их рабочие края оформлены зубчатой ретушью. Размеры пластин достигают 143х18х6 см. Особенностью этого памятника является то, что новый вариант

жатвенных ножей очень быстро прогрессировал. И на Телле Али «Ареа Д2» 7 тыс. до н.э. (территория Израиля) жатвенные орудия представляют собой «полноценные» односторонние и двусторонние пилы с зубчатыми краями (рис. 4). Таких серпов из кремня и обсидиана зафиксировано 142 ед.

Для центрального Ливана жатвенные орудия среди инструментария составляют 14% , что составляет 75 ед. И все они представлены крупными и средними жатвенными ножами (рис. 5).

Очень крупные жатвенные ножи характерны для памятника Магзалия в Ираке с прикомочной заполировкой участков лезвий ножей (рис. 6).

Орудия прекерамического неолита этапа «С»

Они представлены материалами памятников Сирии: Айн Хазал (рис. 7,1-2), Мурейбит Хасан (рис. 7,3-6; рис. 8,1-6). И это уже время появления керамического неолита. Но жатвенные ножи продолжают использоваться и на этом этапе, что подтверждается материалами телля Хазна I. Этот памятник достаточно поздний, IV–III тыс. до н.э. Но оказалось, что и на этом этапе жатвенные ору-

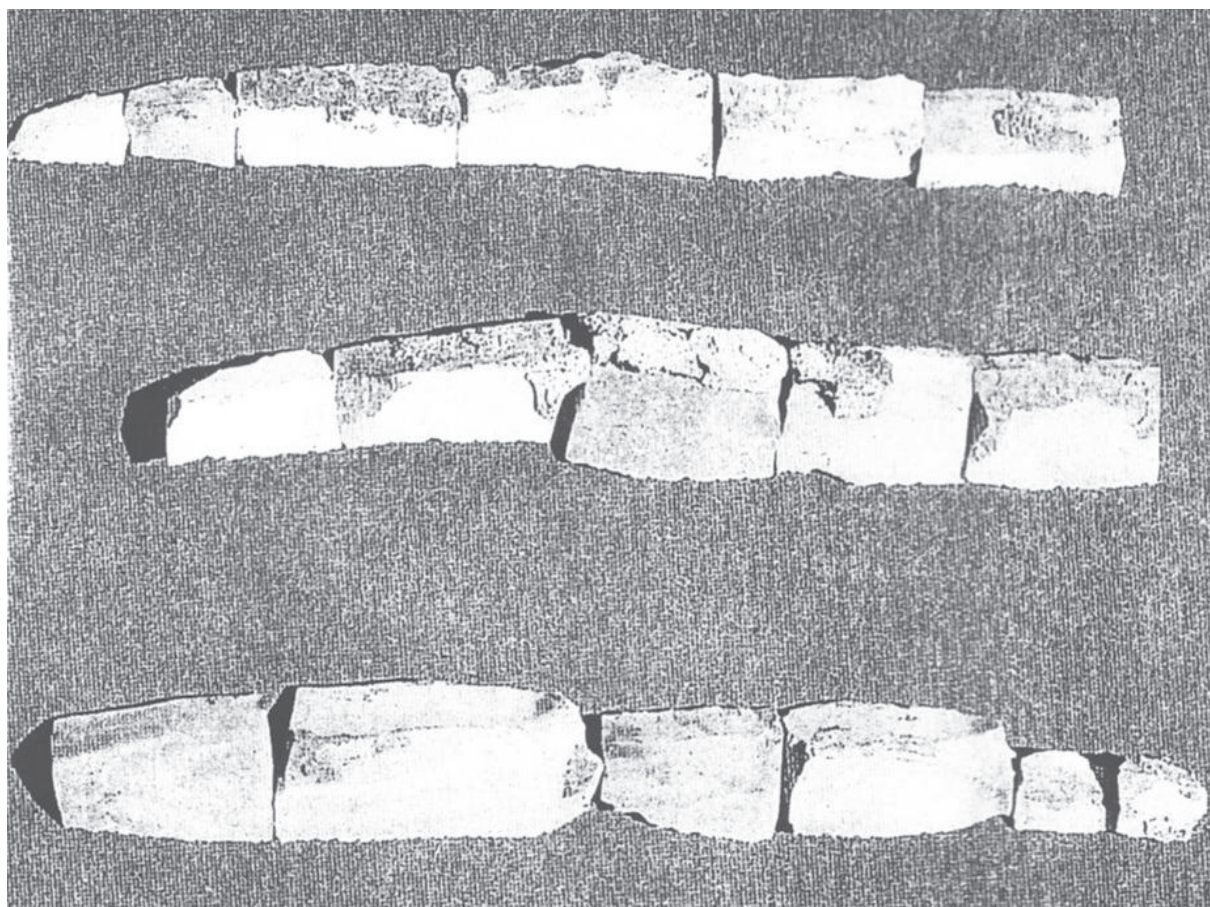

Рис. 9. Прекерамический неолит «С». Сирия, телль Хазна 1.

дия представлены в основном жатвенными ножами (Мунчаев, Мерперт, Амирханов 2004) (рис. 9).

Вне сомнения, на ранних этапах становления и развития земледелия, ведущую роль играли особенности природной среды. Они определяли её специфику. И, в первую очередь, это такие факторы как климат, количество осадков, качество почвы, микрорельеф.

Само происхождение производящей экономики связано с комплексным характером доземледельческого хозяйства, в котором собирательство наиболее устойчиво обеспечивало людей продуктами питания.

Для Переднеазиатского центра злаковое земледелие было основано на первобытных пшеницах и ячмене. Климат был относительно сухим. Соответственно и земледелие, очевидно, возникло на полупустынных территориях. Однако посевы увлажнялись естественным путём. Дожди в этом регионе, главным образом, приурочены к основным этапам вегетации растений. В высокогорных районах влага поступает в виде росы.

Земледелие становилось одним из основных способов жизнеобеспечения. Оно дополнялось мясной пищей, получаемой от одомашненных

животных. Для Ближнего Востока и Европы, это так называемая «неолитическая триада»: мелкий и крупный рогатый скот, свинья. С усложнением структуры, хозяйство приобретало комплексный характер, что позволяло наилучшим образом отработать систему жизнеобеспечения. А в экстремальных случаях выбирать стратегию выживания.

Кроме того, на неолитической стадии развития сообщества как раз и происходило формирование древнеземледельческой цивилизации. В комплексе условий её существования доминировали «ландшафтные» природно-климатические факторы. Именно они обеспечивали адаптацию древнейших земледельцев и скотоводов к новым способам и приёмам жизнеобеспечения.

По разработкам культурологов, установлено, что, уже начиная с неолита, структурный набор основных направлений и видов человеческой деятельности на протяжении истории оставался и продолжает оставаться (и в настоящее время) более или менее постоянным. Следует только осознать, что изменились уровень качества, сложность технологий и конкретные организационные формы, в которых происходит эта деятельность в настоящее время.

Библиография

- Белвуд 1986:** В. Белвуд, Покорение человеком Тихого океана. Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху (Москва 1986).
- Боршевич 2005:** В.И. Боршевич, Антропология Восхождения: дискурс цивилизаций. *Stratum plus* 2 (2003-2004), 2005, 14-62.
- Вавилов 1957:** Н.И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений. Труды по прикладной ботанике и селекции (Ленинград 1957).
- Долуханов 2000:** П.М. Долуханов, Истоки этноса (Санкт-Петербург 2000).
- Макаров, Ремезов 1966:** В.Т. Макаров, Н.П. Ремезов, Почвоведение с основами земледелия (Москва 1966).
- Маркарян 1980:** Э.С. Маркарян, Теория культуры и современная наука (Москва 1980).
- Массон 1971:** В.М. Массон, Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. МИА 180 (Ленинград 1971).
- Массон 1996:** В.М. Массон, Исторические реконструкции в археологии (Самара 1996).
- Морган 1935:** Л. Морган, Древнее общество (Ленинград 1935).
- Мосионжик 2000:** Л. Мосионжик, Антропология цивилизаций (Кишинёв 2000).
- Мунчаев, Мерперт, Амирханов 2004:** М. Мунчаев, Н. Мерперт, Ш. Амирханов, Телль Хазна I (Москва 2004).
- Семенов 1974:** С.А. Семенов, Происхождение земледелия (Ленинград 1974).
- Современные...1999:** Современные экспериментально-трассологические и технико-техно-логические разработки в археологии. Первые Семёновские чтения (Санкт-Петербург 1999).
- Синская 1966:** Е.Н. Синская Учение Н.И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры. В сб.: Вопросы географии культурных растений и Н.И. Вавилов (Москва-Ленинград 1966), 22-31.
- Gebel, Kozłowski 1994:** H.G. Gebel, S.K. Kozłowski. Research cooperation and goods Easter Neolithic Chipped Industrie. In: Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent (Berlin 1994), 596-601.
- Hole 1994:** F. Hole, Interregional Aspects of the Khuzestan – Early Pottery Neolithic sequence. In: Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent (Berlin 1994), 101-116.
- Neolithic...1994:** Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent. Edited by Hans Georg Gebel and Stefan Karol Kozłowski. Studies in Earli Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 1 (Berlin 1994).

Ольга Ларина, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД 2001, Кишинэу, Республика Молдова.

ОЛОВО И СОЛЬ В КАРПАТСКОМ БАСЕЙНЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (ЧАСТЬ II)

Валерий КАВРУК, Сфынту Георге

Станиул și sarea în Bazinul Carpatic (partea a 2-a). *Reevaluarea datelor privind exploatarea sării și staniului a prilejuit confirmarea celor mai multe premise ale ipotezei conform căreia, pe parcursul epocii bronzului sarea din spațiul intracarpatic a fost schimbată cu staniul din Europa Centrală. Pe parcursul epocii bronzului rolul staniului în Bazinul Carpatic era în creștere permanentă. În mil. III î.Hr. bronzurile cu staniu se produceau sporadic și accidental, de cele mai multe ori din minereuri mixte. În prima jumătate a mil. II î.Hr. în acest spațiu circulau deja arme și podoabe de prestigiu confecționate din aliajul artificial de cupru cu staniu. În a doua jumătate a mil. II – începutul mil. I î.Hr. în metalurgia bronzului în mod sistematic a fost folosit cositorul pur pentru confecționarea armelor, podoabelor și a uneltelor. În mil. III î.Hr. sarea a fost exploatată fără echipamente și unelte speciale. În schimb, între 1600 și 850 î.Hr. exploatarea sării a devenit o industrie complexă, specializată, bine organizată și orientată spre consumatori externi. Cele mai multe date C14 privind exploatarea sării în Transilvania și Maramureș cuprind sec. XV-X. Dinamica exploatării sării în spațiul intracarpatic în mare parte coincide cu cea a utilizării staniului în tot Bazinul Carpatic. Cele mai importante căi prin care sarea din spațiul intracarpatic putea fi transportată în Câmpia Maghiară, estul Slovaciei și nord-vestul Peninsulei Balcanice, au fost Tisa, Someșurile și Mureșul. Aceste căi sunt marcate de așezări fortificate, depozite bogate de bronzuri și arme de prestigiu. Astfel, de-a lungul Someșului se remarcă descoperirile din zona Becleanului, cea a Medieșului Aurit-Apa și de la Opâlyi. În zona Becleanului, de exemplu, în proximitatea siturilor de exploatare a sării se află o așezare fortificată a culturii Wietenberg III-IV de la Coldău-Varbă (singura așezare fortificată din acea perioadă în toată Transilvania). Aceasta pare să fi controlat în sec. XV-XIII traficul sării pe Someșul Mare. „Drumul sării” pe Mureș este marcat de o serie de descoperiri din epoca bronzului târziu. Printre acestea se remarcă grupul format din cinci așezări fortificate ale culturii Cruceni-Beleghiș: Cornești, Sântana, Orosháza, Munar și Topolovățu Mare. Una dintre premisele de bază ale ipotezei în discuție – cea conform căreia în Europa de Sud-Est nu există zăcămintele de staniu – s-a dovedit a fi eronată, întrucât minereuri ce conțin acest metal există în partea centrală, estică și nordică a Bazinului Carpatic și în nord-vestul Peninsulei Balcanice. În epoca bronzului târziu staniul circula pe spații foarte largi. Una dintre cele mai importante componente ale rețelei transeuropene de circulație a acestui metal era interfluviul Dunării Mijlocii și al Tisei. După toate probabilitățile, de aici cositorul pătrundea și în spațiul intracarpatic. În condițiile arătate, ipoteza schimbului staniului din Boemia și Saxonia cu sarea intracarpatică se cere a fi nuanțată în sensul că staniul pătrundea în Bazinul Carpatic din mai multe surse și pe căi diverse.*

Большинство посылок гипотезы, согласно которой в бронзовом веке трансильванско-марамурейская соль обменивалась на центрально-европейское олово, в целом подтвердились. Так, например, было подтверждено, что на протяжении бронзового века роль олова и соли в Карпатском бассейне постоянно возрастала. Во второй половине II тыс. до н.э. добыча соли во внутрикарпатской котловине стала широкомасштабной, высокоорганизованной индустрией, ориентированной главным образом на внешнего потребителя. Между ритмами производства, использования и циркуляции оловянистых бронз и олова в Карпатском бассейне – с одной стороны, и динамикой эксплуатации соли в Трансильвании и Марамуреше – с другой, наблюдается значительное совпадение. Соль, добывавшаяся во внутрикарпатском регионе, начиная с середины II тыс. до н.э. поставлялась в Среднедунайскую низменность и сопредельные территории главным образом по Тисе, Сомешам и Мурешу. В поддержку этого может свидетельствовать, в частности, тот факт, что на ключевых участках этих рек находятся укрепленные поселения и богатые клады позднего бронзового века. Высокий уровень социального развития и широко разветвленная система внутри- и межрегиональных связей в Среднедунайской низменности позволяли сообществам этого региона обеспечить постоянный приток соли из Трансильвании и Марамуреша. Показано, что вопреки одной из опорных посылок обсуждаемой гипотезы – состоящей в том, что в Юго-Восточной Европе нет залежей олова – источники этого металла имеются в центральной, восточной и северной частях Карпатского бассейна, а также на севере Балканского полуострова. В бронзовом веке олово широко циркулировало по Европе. В Дунайско-Тисское междуречье, находящееся на перекрестке важнейших трансевропейских путей сообщения, оно могло поступать из различных источников и по многим каналам. По всей вероятности, значительная часть олова поступала в Трансильванию и Марамуреш именно из этого региона. В этих условиях, гипотеза, согласно которой карпатская соль обменивалась на богемско-саксонское олово, нуждается в серьезных поправках. Важнейшая из них состоит в том, что обмен соли на олово был частью многосложной и неопосредованной системы межрегиональных связей.

Tin and salt in the Carpathian Basin (part 2). The review of the evidence for Bronze Age salt production and tin use in bronze metallurgy seem to confirm most of the premises of the theory according to which salt from Transylvania and Maramureş was exchanged on central-European tin. The role of tin in the Carpathian Basin increased significantly during Bronze Age. In the 3rd millennium BC tin bronzes were produced irregularly and accidentally, and mainly from mixed copper-tin ores. In the first half of the 2nd millennium BC just prestige weapons and adornments were produced from intentionally made copper-tin alloy. In the last three centuries of 2nd millennium BC pure tin was regularly added to copper to produce efficient bronze tools and weapons. In the 3rd millennium BC the salt in Transylvania and Maramureş was extracted without specialised equipment and tools. In contrast, between 1600 and 850 BC, the rock salt extraction became a large-scale, highly organized industry oriented towards external consumers. The dynamics of tin use in the Carpathian Basin coincides to a great extent with the rhythms of salt production in Transylvania and Maramureş. Thus the period of "industrial" production of salt corresponds with the period of wide circulation of tin and regular use of this metal in the bronze metallurgy. Carpathian salt was carried to the Great Hungarian Plain and adjacent territories along the navigable rivers Tisza, Someş and Mureş. The fortified settlements, rich hoards and elite weapons concentrated in the key positions along these rivers suggest that during Middle and Late Bronze Age these rivers were intensively exploited for the passage of important goods. Many long-lasting Bronze Age settlements as well as the high role of stockbreeding in the salt-poor Great Hungarian Plane must have demanded considerable amounts of salt. The high level of social-economic development and the complex network of regional and interregional connections in this region highly suggest that the local Bronze Age communities were able to ensure a regular import of salt from Transylvania and Maramureş and to transfer it to Balkan Peninsula. It is shown that one of the basic arguments of the hypothesis considered, i.e. that there are no tin ores in southeast Europe, was not entirely right, since several tin deposits are available in the Carpathian Basin and within the Balkan Peninsula. Tin travelled widely, by various ways throughout Europe during the Bronze Age. The Danube-Tisza Interfluvium might have been one of the most important passageways, as part of a complex exchange network, through which tin might have come from different sources and by various ways. Thus it looks plausible that Transylvania and Maramureş were supplied with tin from this area. In this context the hypothesis of direct exchange of Carpathian salt on the Bohemian-Saxonian tin should be approached just as one possibility. The available evidence highly suggests that the salt-tin exchange was just a part of a very complex exchange network, through which tin would reach the Carpathian Basin from many sources and by various ways.

Key words: salt, tin, Bronze Age, trans-European exchange.

Введение

Как было показано в предыдущей части настоящей работы (Каврук 2011), некоторые из посылок гипотезы, согласно которой соль, добывавшаяся в бронзовом веке на территории Трансильвании и Марамурэша, обменивалась на центрально-европейское олово, остаются в силе. В то же время, другие посылки этой гипотезы оказались не вполне состоятельными.

Одна из подтвердившихся посылок состоит в том, что на протяжении бронзового века роль олова в бронзовой металлургии Карпатского бассейна и сопредельных территорий постоянно возрастала. Использование олова начинается здесь ещё в раннем бронзовом веке со sporadических случаев изготовления металлических предметов главным образом из комбинированных медно-оловянных руд и достигает кульминации в эпоху поздней бронзы массовым производством изделий из искусственных медно-оловянных сплавов. К середине II тыс. до н.э. они постепенно „одомашниваются” — т.е.

превращаются из предметов с высокой символической ценностью в предметы повседневного обихода¹. Соответственно, „экзотическая”² ипостась олова и его роль в «алхимическом» создании субститута золота заметно ослабевает, а на первый план выступает его роль в повышении материальных свойств создаваемого с его помощью сплава. В третьей четверти II тыс. до н.э. в бронзовой металлургии Карпатского бассейна стало регулярно использоваться чистое олово, о чём наиболее убедительно свидетельствуют находки этого металла в некоторыхкладах-мастерских этого времени. Этим же периодом датируются древнейшие в регионе оловянные изделия. Симптоматично, что именно с этого времени дозировка соотношения меди и олова в бронзовых изделиях — в зависимости от их назначения — становится всё более тонкой, что едва ли было бы возможно без добавления в сплав чистого олова.

Подтвердилась также посылка, согласно которой на протяжении бронзового века на территории Тран-

¹ Термин «domestication» по отношению к олову, в приведённом здесь смысле, кажется, первым употребил Джон Чапмэн (Chapman 2008).

² Термин «экзотический» проник в археологию из культурной антропологии после появления в печати широко цитируемой книги Мэри Хелмс (Helms 1988). В данном контексте этот термин следует понимать как труднодоступный, чудесный, чудотворный, ценный, впечатляющий, изотерический, имеющий магическую «сверхъестественную» силу.

силывании и Марамуреша прогрессивно развивалась добыча соли. Если в III тыс. до н.э. этот минерал добывался в рамках мелко-масштабного промысла, то во второй половине II – начале I тыс. до н.э. добыча соли стала крупномасштабной, специализированной, комплексной индустрией, значительно превышавшей нужды внутреннего потребления.

С другой стороны, одна из опорных посылок обсуждаемой гипотезы, состоявшая в том, что в Юго-Восточной Европе нет залежей олова и что ближайшие к Карпатскому бассейну залежи оловосодержащих руд находятся в Богемии и Саксонии, оказалась ошибочной. Источники олова имеются также в Карпатском бассейне: на территории Словакии, в горном и предгорном Банате, в Трансильвании и Марамуреше³. Кроме того, легкодоступные залежи касситерита встречаются на северо-западе Балканского полуострова – напротив впадения Тисы в Дунай. Хотя до сих не удалось установить, эксплуатировались ли балкано-карпатские месторождения олова в бронзовом веке, и было ли их достаточно для бурно развивавшейся в позднем бронзовом веке бронзовой металлургии⁴, связывать вопрос об источниках, откуда этот металл поступал в мастерские Карпатского бассейна, исключительно с богемско-саксонскими месторождениями едва ли правомерно. Вполне допустимо, что литейщики балкано-карпатского региона использовали олово, происходящее (и) из иных, более близких, хотя и не столь богатых, источников. Поступало ли оно сюда из Балкан, Богемии, или из более отдалённых – западноевропейских, или даже переднеазиатских – источников, эксплуатировались ли местные залежи оловосодержащих руд, при нынешнем состоянии исследований на этот вопрос ответить пока невозможно. Следует иметь в виду и тот факт, что в Европе, за исключением британских и иберийских находок, пока нет прямых археологических свидетельств

эксплуатации оловянных руд. Кроме того, вплоть до последних лет учёным не удавалось выявить специфические для каждого месторождения маркеры, по которым можно было бы установить происхождение олова в оловосодержащих предметах. Такой метод был разработан лишь в последние годы, а его применение находится ещё на самом начальном уровне (Haustein et al. 2010)⁵.

В этих условиях приходится опираться лишь на косвенные показатели. Таковыми могут быть:

- соотношение динамики использования олова и оловянистых бронз с ритмами эксплуатации соли в Карпатском бассейне;
- археологические свидетельства использования в бронзовом веке Тисы, Сомеша и Муреша для перевозки грузов из Трансильвании и Марамуреша в Среднее и Нижнее Потисье, Среднее Подунавье и на Балканы;
- соответствие рассматриваемой гипотезы с нынешними представлениями о культурном, социально-экономическом и политическом контексте Юго-Восточной и Центральной Европы в эпоху бронзы.

Динамика эксплуатации соли в Трансильвании и Марамуреше в бронзовом веке

Опорным памятником для установления динамики эксплуатации соли в Трансильвании является центр соледобычи в Бэиле Фига, где представлен наиболее широкий диапазон радиоуглеродных дат: от 3000 до 850 cal BC⁶. Самые ранние находки на этом памятнике представлены двумя фрагментами дерева со следами обработки, неопределённого назначения, найденными в переотложенном состоянии. Следующие по времени даты – последняя треть III – начало II тыс. до н.э. – связаны с вполне убедительными свидетельствами добычи соли: выкопанная в соляной породе яма с керамикой типа *Besenstrich und Textilmuster Keramik* характерной для группы Ернут-Золтан⁷, а так-

³ Помимо данных относительно наличия залежей олова в Карпатском бассейне, цитированных в: Каврук 2011, следует также иметь в виду результаты недавних исследований, которые показали, что некоторые залежи меди на территории западной Румынии и Словакии содержат значительное количество мышьяка и олова (Papalas 2008).

⁴ Имея в виду огромное количество бронзовых предметов эпохи поздней бронзы в Карпатском бассейне, едва ли местные источники олова могли вполне удовлетворять потребности бронзовой металлургии этого региона.

⁵ Первые результаты применения этого метода подтвердили, что олово циркулировало широко не только в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Центральной Европе.

⁶ Радиоуглеродные даты этого памятника подробно опубликованы в: Cavguc, Harding 2010, а также в: Harding, Kavruk 2011.

⁷ Группа Ернут-Золтан (Ciugudean 1996; Cavguc 1997) распространена на большей части Трансильвании и относится к заключительной фазе раннего бронзового века – около 2300/2200 – 2000/1900 гг. до н.э. На основе значительного сходства по керамике с одновременными ей группами в Олтении (Орлешть-Силя/Orleşti-Silea) и Банате (Горня-Водняк/Gornea-Vodneas и Фоень/Foeni), в последние годы предложено считать её частью единой культурно-исторической общности Горня-Фоень/Gornea-Foeni (Пора, Totoianu 2010). В то же время, по керамике эта группа обнаруживает значительное сходство с ранними фазами культуры Хатван, распространённой на территории Венгрии и Словакии (Furmánek, Marková 2008), которые, согласно радиоуглеродным датировкам, относятся к последним столетиям III тыс. до н.э. (Görsdorf et al. 2004).

же массивный деревянный молот (ОхА-19273: 3837±35 BP). Насколько позволяют судить имеющиеся данные, на протяжении III тыс. до н.э. добыча соли в Бэиле Фига была *мелкомасштабным, неспециализированным промыслом*. Был ли этот промысел предназначен для местного потребления, и/или же он имел целью обеспечение солью территорий, где нет удовлетворительных источников этого минерала, при нынешнем уровне исследований установить трудно⁸

На протяжении последующих трёх-четырёх веков (между примерно 2000/1900 и 1600/1500 гг. до н.э.), судя по отсутствию находок этого времени, в Бэиле Фига соль не эксплуатировалась.

Около 1600/1500 гг. до н.э. залежи каменной соли этого месторождения начали вновь эксплуатироваться, но уже с использованием многосложной «индустриальной» технологии, которая без существенных изменений просуществовала примерно до середины IX в. до н.э. (Cavruc 2010; Каврук 2011; Cavruc & Harding 2012). В пределах этого периода (около 1600-850 гг. до н.э.) имеющиеся радиоуглеродные даты распределены статистически неравномерно. Наибольшее количество дат (11) на этом памятнике приходится на XV в. до н.э. Второе место по количеству дат на этом памятнике приходится на каждый из последующих пяти веков (XIV-X вв. до н.э.) – от 4 до 6 на каждый век, всего 25. Последнее место по количеству дат занимают начальный и заключительный века этого периода. Так, на XVI в. до н.э. приходится 3 даты, а на IX в. до н.э. – 2. Кроме того, в XV-XIV вв. до н.э. в северной части памятника существовало кратковременное поселение культуры Витенберг, а к XIII-XII вв. до н.э. относятся следы другого кратковременного поселения, находящегося в 100-150 м к западу от соляных разработок, с керамикой Лэпуш и Ноуа. Несмотря на относительно небольшую статистическую выборку, есть основания полагать, что представленные цифры отражают динамику добычи соли на этом памятнике более или менее адекватно. Впервые, пробы на предмет радиоуглеродной датировки были отобраны равномерно по всей площади памятника. Во-вторых, эти цифры вписываются в

«нормальную» кривую: наименьшая величина на начальном этапе (XVI в. до н.э.), максимальная – на втором (XV в. до н.э.), средние величины на третьем – самом продолжительном (XIV-X вв. до н.э.) этапе, а самая малая приходится на заключительный этап (IX в. до н.э.).

На памятнике *Сэсарм* самые ранние находки представлены скоплениями керамики, залегающей в сильно насыщенном древесным углём и золой слое. В целом она аналогична керамике раннего периода бронзового века из Бэиле Фига и, видимо, относится к тому же времени. Затем, после примерно пятивекового перерыва, здесь были сооружены многочисленные деревянные структуры, связанные с «индустриальной» добычей соли⁹. Радиоуглеродные калиброванные даты этого памятника вписываются во вторую половину XV в. и весь XIV в. до н.э.

Единственная радиоуглеродная дата из *Валя Флорилор* – 3000±80 BP или 1378-1128 cal BC при вероятности 68,2% или 1425-1012 cal BC при вероятности 95,4%. При отсутствии других дат на этом памятнике, строго говоря, невозможно укоротить этот достаточно широкий диапазон. Тем не менее, Ф. Вольманн и Х. Чугудян сочли наиболее вероятной датой этого комплекса приблизительно 1200 г. до н.э. (Wollmann, Ciugudean 2005).

Радиоуглеродные калиброванные даты из памятника *Кайла* охватывают примерно XIII-IX вв. до н.э.

Датировки деревянных предметов из *Тисолово* вписываются в хронологический диапазон между 1450 и 850 cal BC (Harding 2011). При этом все полученные даты из этого комплекса взаимно перекрываются временем около 1125 г. до н.э. Соответственно, наиболее вероятная датировка этого комплекса – третья четверть XII в. до н.э.¹⁰

На основе приведённых данных можно заключить, что древнейшие свидетельства добычи соли в Карпатском бассейне происходят из Северо-Восточной Трансильвании и относятся к рубежу IV-III тыс. до н.э. На протяжении III тыс. до н.э. эксплуатация соли носила здесь характер *мелкомасштабного неспециализированного промысла*. При этом заслуживает интереса, с одной стороны, местонахождение обоих памятников

⁸ В работах последних лет было сделано предположение о том, что в раннем бронзовом веке соль в Трансильвании добывалась исключительно для собственного потребления (Cavruc 2010; Каврук 2011; Cavruc & Harding 2012). Однако ряд не учтённых ранее обстоятельств позволяют допустить, что и в раннем бронзовом веке соль добывалась с целью её поставки в отдалённые территории (смотреть ниже).

⁹ Летом 2012 г., при очередном осмотре этого памятника, автор обнаружил „затычку” от корыта-желоба, изготовленную из ветки бузины, а также часть тулова корыта-желоба. Эти находки не оставляют сомнений в том, что в Сэсарм в третьей четверти II тыс. до н.э. использовалась та же технология добычи соли, что и на остальных цитированных здесь памятниках.

¹⁰ Косвенно, такое сужение датировки тисоловских находок подтверждается находкой керамики культуры Гава в непосредственной близости от этого памятника (Harding 2011, 7).

последней трети III тыс. до н.э. (Бэиле Фига и Сэсарм) вблизи Большого Сомеша, а с другой – сходство керамики группы Золтан-Ернут с синхронными культурами на территории Венгрии и Словакии (главным образом Хатван). Это позволяет допустить возможность того, что добыча соли на этих памятниках в эпоху ранней бронзы носила «экспедиционный» характер, а соль была предназначена для территорий, находящихся к западу от Трансильвании¹¹.

Около 1600 г. до н.э. в Северо-Восточной Трансильвании возникает новая, «индустриальная» технология добычи соли, основной целью которой было обеспечение этим минералом территории, расположенной между горами Апусень на востоке, меридиональным течением Дуная на западе, Западными Карпатами на севере и Балканами на юге. Древнейшие свидетельства такого рода добычи соли представлены в Северо-Восточной Трансильвании – на памятнике Бэиле Фига (1620 cal BC). В XV–IX вв. до н.э. эта технология продолжала использоваться в Северо-Восточной Трансильвании (Бэиле Фига и Сэсарм). В XIII в. до н.э. ареал применения этой технологии расширяется за счёт Центрально-Западной Трансильвании (Валя Флорилор) и Закарпатской Украины (Тисолово и, возможно, Солотвино). Эта технология эксплуатации соли использовалась затем вплоть до середины IX в. до н.э.

Соотношение динамики использования олова и оловянистых бронз в Карпатском бассейне с ритмами эксплуатации соли в Трансильвании и Марамуреше

При сопоставлении выше очерченных ритмов добычи соли с динамикой производства и использования олова и оловянистых бронз¹², можно констатировать следующее:

1. Период «промысловой» добычи соли на протяжении III тыс. до н.э. в северной Трансильвании в целом соответствует периоду спорадического распространения оловянистых бронз в Юго-Восточной Европе, в том числе в Карпатском бассейне.
2. Период, для которого не было обнаружено свидетельств добычи соли в Трансильвании и Марамуреше (примерно между 2000 и 1600 гг. до н.э.), соответствует времени регулярного изготовления и использования оловянистых бронз символической значимости в Карпатском бассейне (серия Хайдушамшон-Апа/*Hajdúšámszon-Apa*).
3. Начальный период «индустриальной» добычи соли в северной Трансильвании (1600–1500 гг.

до н.э.) соответствует косидерскому горизонту. В этот период количество предметов из оловянистых бронз в регионе заметно возрастает, изделия постепенно утрачивают былую парадность и находятся не только в кладах, но и в погребениях и даже на поселениях. Бронзовые предметы начинают «одомашниваться». В это же время на европейском континенте начинают циркулировать предметы, изготовленные из чистого олова.

4. Первый период наиболее активной «индустриальной» эксплуатации соли в северо-восточной Трансильвании датируется XV–XIV вв. до н.э. В целом, он соответствует времени резкого роста количества изделий из оловянистых бронз в Карпатском бассейне, которые представлены в многочисленных кладах серии Уриу-Домэнешть-Опай (*Uriu-Domănești-Ópályi*), а также на поселениях и в погребениях. Часто богатые клады бронзовых предметов этого времени находятся вблизи богатых залежей каменной соли и вдоль судоходных рек, связывающих Трансильванию и Марамуреш с бессольными регионами Подунавья и Потисья. В этот период заметно усиливается процесс «одомашнивания» бронзовых предметов – они становятся предметами массового потребления. В это же время в Средиземноморье и в Центральной Европе активно циркулируют предметы из чистого олова, а также сырьё в виде слитков этого металла (например, слитки олова на судах, обнаруженных в Хайфе и Улу Бурун).
5. Второй период активизации «индустриального» производства соли в Трансильвании и Закарпатье (XIII–X вв. до н.э.) в целом соответствует раннегалльштатскому периоду (Рейнеке На A₁₋₂ и На B₁). В этот период в Трансильвании преобладают предметы серий Чинку-Сусень (*Cincu-Suseni*) и Жупалник-Турия (*Jupalnic-Turia*), а к западу от Трансильвании представлены бронзовые предметы серий Курд (*Kurd*), Гьермей (*Gyermely*), Хойду-Бёжёрмень (*Hajdú-Bözsörmény*). Период Рейнеке На A был временем максимального развития бронзовой металлургии в Карпатском бассейне. Именно к этому периоду относятся наиболее богатые клады-мастерские бронзовых предметов, открытые в непосредственной близости от богатых залежей каменной соли (Уиоара де Сус, Гуштерица, Дипша и др.). На некоторых памятниках этого времени (клад Чёкловина, курганный комплекс Лэпуш и др.) встречаются оловянные предме-

¹¹ В этой связи заслуживает интереса то обстоятельство, что большинство памятников культурной группы Ернут-Золтан (шире Фоень-Орлешть-Ернут-Золтан) находятся вблизи месторождений соли в прикарпатской Олтении и Трансильвании (Cavruc 2010; Cavruc, Harding 2012).

¹² О динамике производства и использования олова и оловянистых бронз в Карпатском бассейне смотреть в: Каврук 2011.

ты, а в нескольких кладах-мастерских (Уиоара де Сус, Гуштерица и др.) найдено чистое олово. Кроме того, к этому времени относятся прямые свидетельства широкой циркуляции олова в Средиземноморье и на европейском континенте: слитки олова, найденные на судах, затонувших в заливе Гелидония (приблизительно 1200 г. до н.э.) и у Девонского побережья Юго-Западной Англии (примерно X в. до н.э.).

6. Период заметного спада добычи соли во внутрикарпатском регионе (IX в. до н.э.) соответствует периоду Райнеке На В₂, когда в Трансильвании распространяются бронзовые предметы серии Мойград-Тэутеу (*Moigrad-Tăuteu*), а на территории Венгрии – бронзы серии Романд (*Románd*). В это время в Карпатском бассейне происходит заметный спад металлургии бронзы и начинается распространение железа.

Таким образом, наблюдается значительное соответствие между ритмами производства, использования и циркуляции оловянистых бронз и олова в Карпатском бассейне – с одной стороны, и ритмами эксплуатации соли в Трансильвании и Марамуреше – с другой. Это соответствие само по себе ещё не является доказательством того, что между указанными сферами есть прямая причинно-следственная связь. Вполне возможно, что: а) между вышеупомянутыми сферами нет никакой связи, а указанное совпадение ритмов случайно; б) между вышеупомянутыми сферами есть прямая причинно-следственная связь, например, обмен олова на соль; в) у вышеупомянутых сфер имеется общий фактор или ряд общих факторов, предопределивших совпадение ритмов (гипотетически, такими факторами могли быть: зависимость от тех же самых властных структур, наличие некоего «общего рынка», где эти сферы взаимодействовали и др.). Первая из вышеперечисленных возможностей представляется наименее вероятной.

Циркуляция соли в Карпатском бассейне

Есть некоторые указания на то, что соль из Трансильвании и Закарпатской Украины поставлялась на территорию Среднего и Нижнего Потисья и Балканского полуострова. Это предположение было основано на трёх аргументах. Первым из них было то, что добыча соли в Бэиле Фига (а по аналогии – и на других подобных памятниках) значительно превы-

шала потребности собственного потребления. Вторых, все известные во внутрикарпатском регионе памятники эксплуатации соли в бронзовом веке расположены вблизи судоходных рек: Тисы, Сомешей и Муреша (Рис. 1; 2; 4). Эти реки связывают Трансильванию и Закарпатскую Украину со Средне-Дунайской низменностью и Балканским полуостровом – территориями, где доступных месторождений соли либо нет, либо они крайне скудны (Рис. 1). В-третьих, письменные источники свидетельствуют о том, что, начиная с раннего средневековья, именно по указанным рекам соль из внутрикарпатского региона регулярно поставлялась на территорию Моравии, нынешней Венгрии и на Балканский полуостров¹³. Однако, приведённые выше аргументы не могут считаться вполне убедительными. Наиболее убедительным доказательством циркуляции соли могло бы стать достоверно установленное присутствие соли на памятниках, находящихся на значительном расстоянии от источников этого минерала и выявление в этих следах маркеров, характерных для месторождений соли. Однако соответствующие методы находятся на самом начальном уровне разработки и пока не могут быть использованы.

В этих условиях следует опираться лишь на косвенные археологические свидетельства использования путей сообщения между регионами, где соль добывалась, и теми, где нет месторождений этого минерала. Кроме того, следует проверить, согласуется ли эта гипотеза с общим контекстом взаимоотношений между внутрикарпатской котловиной и сопредельными территориями Балкано-Карпатского региона.

Некоторые археологические свидетельства использования судоходных рек в бассейне Тисы в эпоху бронзы

Для речной перевозки грузов на более или менее значительные расстояния необходимы соответствующие технические средства, навыки и знания. В Карпатском бассейне прямых свидетельств на этот счёт крайне мало. Тем не менее, исследователи не сомневаются в том, что в этом регионе, как и на остальной части Европы (смотреть например Harding 2000, 177-185 и цитированную литературу) люди бронзового века владели необходимыми средствами, знаниями и навыками для использования речного транспорта (Duffy 2010, 136-137)¹⁴.

¹³ Упомянутые в первой части настоящей статьи данные средневековых письменных источников отчасти подтверждаются археологическими данными (Yotov 2012).

¹⁴ Duffy 2010, 136-137: „Most archaeologists do not doubt that travel by boat was common, though there is little evidence of it on the Great Hungarian Plain. Two small indications include a boat shaped pendant from the Late Bronze Age Satu Mare hoard (Bader 1978:114; Mozsolics 1973:117), and a dugout canoe found by Tompa and Márton at Tószeg, since lost (Banner 1955:142, fn.3)”.

Одним из возможных свидетельств того, что в бронзовом веке Тиса, Сомеши и Муреш использовались для перевозки грузов, может служить тот факт, что нередко на ключевых участках этих водных артерий находятся укрепленные поселения, обнаружены богатые клады, а также престижные предметы. И те и другие могли быть связаны с «контролем» этих «торговых» путей.

Тиса является важнейшей водной артерией восточной половины Карпатского бассейна по, как минимум, двум причинам географического порядка. Во-первых, подавляющее число крупных рек этого региона являются её притоками. Во-вторых, эта река является самым крупным притоком Дуная. Она берёт своё начало в Восточных Карпатах и в своём верхнем течении пересекает с востока на запад Марамуреш с его богатыми и легкодоступными залежами соли, которые концентрируются на площади около 400 км². На левом берегу Тисы наиболее богатые залежи соли находятся в Коштуй/*Coștiui*, Глод/*Glod*, Рона/*Rona*, Окна Шугатаг/*Ocna Șugatag*, Слэтиоара/*Slătioara*, Вадул Изей/*Vadul Izei*. На её правом берегу наиболее богатые источники этого минерала находятся у Солотвино, а также вдоль её северного притока – р. Нерешница (Kacsó 2006, 97). На территории Северо-Восточной Венгрии Тиса поворачивает на юг и затем пересекает всю Великую Венгерскую низменность, где нет источников соли (Рис. 1).

Следует отметить, что оба памятника добычи каменной соли в позднем бронзовом веке в Марамуреше расположены в долине Верхней Тисы. Один из них – Солотвино – находится на правом берегу Тисы, в её непосредственной близости, а второй – на левом берегу речки Лужанка, являющейся притоком речки Тересва, которая в свою очередь является притоком Тисы (Рис. 2).

Потисье, ещё начиная с неолита, было одним из важнейших коридоров трансъевропейских связей (Sherratt 1982; Sherratt 1987; Bánffy, Sümegi 2012). В эпоху бронзы эти связи простирались от Скандинавии и Центральной Европы до Средиземноморья и Причерноморья (Sherratt 1987; Gogâltan 1991; Pydyn 1999; Kristiansen, Larsson 2007, 139, Fig. 46; 156, Fig. 60; 182, Fig. 77; 184, Fig. 79; 205, Fig. 91; 209, Fig. 94, а также цитированная в этих работах литература). Одним из показателей того, что Верхняя Тиса в бронзовом веке была важным путём сообщения, может быть высокая концентрация кладов бронзовых изделий, найденных как

в её непосредственной близости, так и вдоль её притоков. В Верхнем Потисье эти клады нередко находились вблизи залежей каменной соли. Особый интерес представляет клад серии Уриу-Домэнешть-Опай/*Uriu-Domănești-Ópályi*, найденный между сёлами Нерешница и Тисолово, недалеко от центра соледобычи позднего бронзового века в Тисолово/*Valea Regilor/Királyvölgy* (Kacsó 1995, 16; 2009a, 348; Kobal' 2000, 90 no. 93A). В этой же связи заслуживают интереса два клада из Солотвино (Kacsó 2009a, 346) и четыре из Сигетул Мармаций/*Sighetul Marmăției* (Kacsó 1995). Представляет также интерес неоднократно отмеченная в литературе высокая концентрация топоров с дисковидным навершием времени Рейнеке Br D в долине Верхней Тисы (Bratu 2009, 409, harta 5, 412, harta 8, 413, harta 9). В высшей степени показателен также тот факт, что в долине Тисы – от впадения в неё Сомеша до Криша/*Criș* и до западных предгорий гор Апусень – концентрируется две трети (19 из 29) всех известных ситул раннегаллыштатского (Ha A) времени типа Курд, ареал которых простирается от Восточных Карпат до Северных Альп (Gogâltan 1991, 7/17, Fig. 5).

Заслуживает внимания и тот факт, что по обоим берегам Верхней Тисы сосредоточены многочисленные городища эпохи финальной бронзы – раннего Галлыштатта (Смирнова 1966; Прохненко 1998; Щербей 2010; Horedt 1966; Vasiliev 2001; Matuz, Nováki 2002). При этом некоторые из них – например, Сигетул Мармаций/*Sighetul Marmăției* (Horedt 1966) и Солотвино (Kobal' 1997; Vasiliev 2001; Vasiliev et al. 2002) – находятся в непосредственной близости от Тисы и солотвинских залежей каменной соли.

Муреш является самым большим притоком Тисы. Он берёт своё начало в Восточной Трансильвании, где течёт в северном направлении между восточными и западными грядками Восточных Карпат. В межгорном коридоре Топлица-Деда Муреш поворачивает на запад. После этого он пересекает с северо-востока на юго-запад всё Трансильванское плато. Его важнейшие трансильванские притоки – Тырнава Маре/*Târnava Mare*, Тырнава Микэ/*Târnava Mică* и Ариеш/*Arieș* – протекают вдоль богатейших залежей каменной соли: Идечу/*Ideciu*, Прайд/*Praid*, Совата/*Sovata*, Корунд/*Corund*, Окна Муреш/*Ocna Mureș*, Турда/*Turda* и др. Через коридор, разделяющий горы Апусень и Пояна Руска, Муреш покидает Тран-

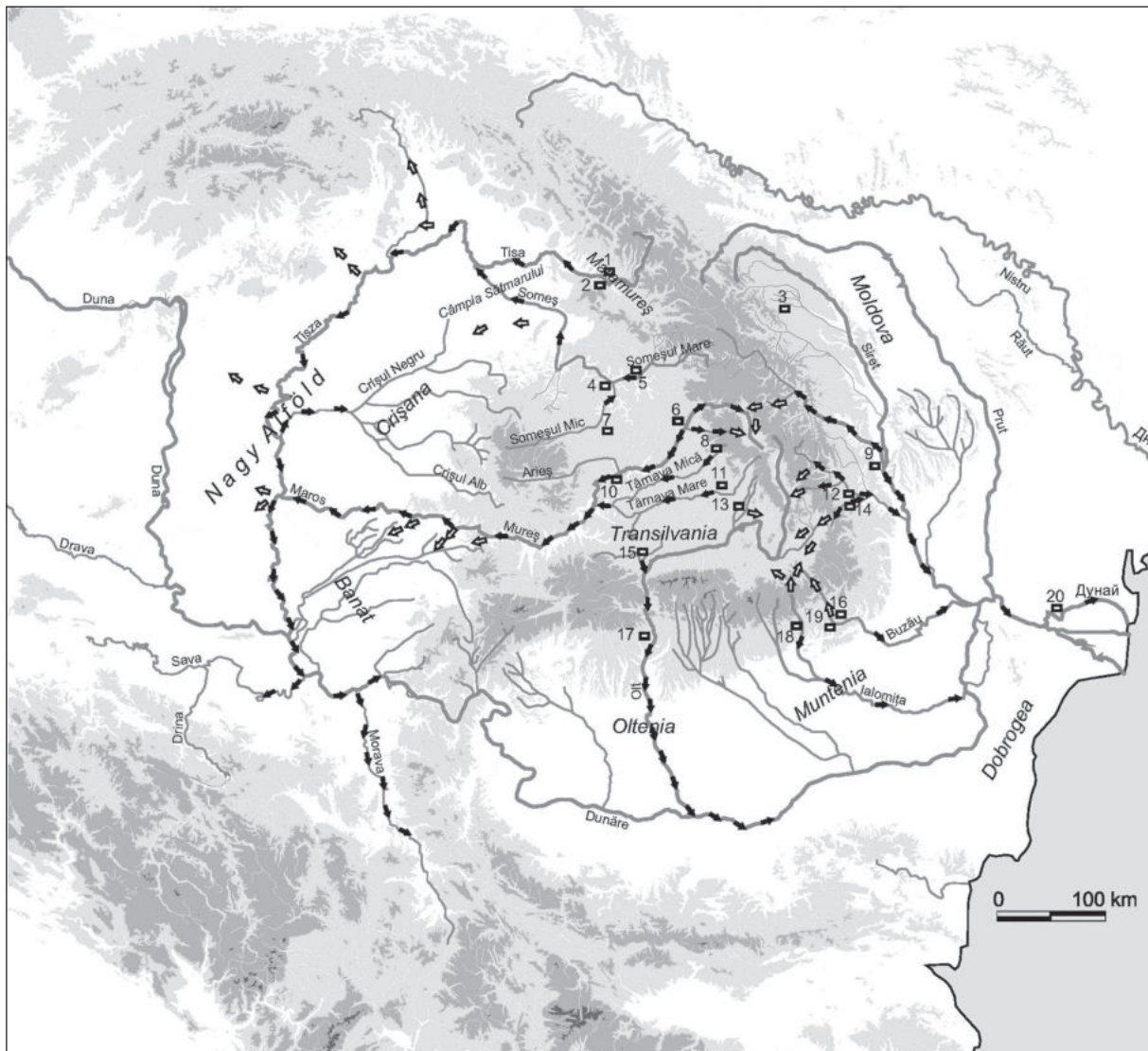

Рис. 1. Залежи каменной соли и пути её циркуляции в Карпатской бассейне (по: Stoica, Gherasie 1981; Medeleț 1995; Rustoiu 2005; Cavruc 2005; Dumitroia, Munteanu 2006; Marc 2006).

Условные знаки:

А (белые прямоугольники) – наиболее богатые и доступные для непромышленной эксплуатации залежи каменной соли в Карпатском бассейне: 1 – Солотвино, 2 – Коштюй/*Coștiui*, 3 – Качика/*Cacica*, 4 – Окна Дежулуй/*Ocna Dejului*, 5 – Думитра/*Dumitra*, 6 – Идечиу/*Ideciui*, 7 – Кожокна/*Cojocna*, 8 – Прайд-Совата/*Praid-Sovata*, 9 – Сэрата/*Sărata*, 10 – Окна Муреш/*Ocna Mureș*, 11 – Корунд/*Corund*, 12 – Слэник Молдова/*Slănic Moldova*, 13 – Сынпаул/*Sânpaul*, 14 – Тыргу Окна/*Târgu Ocna*, 15 – Окна Сибиулуй/*Ocna Sibiului*, 16 – Лопэтарь/*Lopătari*, 17 – Окнеле Марь/*Ocnele Mari*, 18 – Слэник Прахова/*Slănic Prahova*, 19 – Сэрата Монтеору/*Sărata Monteoru*, 20 – Измаил.

Б (чёрные стрелки) – основные речные пути циркуляции соли, засвидетельствованные письменными и этнографическими источниками.

В (белые стрелки) – основные пути циркуляции соли по суше, засвидетельствованные письменными и этнографическими источниками.

Рис. 2. Месторасположение памятников добычи соли в эпоху поздней бронзы в Верхнем Потисье (адаптировано по: Harding 2011).

Условные знаки: А – точное месторасположение памятника добычи соли; В – памятник добычи соли, точное месторасположение которого не установлено; С – месторасположение современных соляных разработок.

сильванию, с тем, чтобы далее пересечь с востока на запад Паннонскую низменность и соединиться с Тисой (Рис. 1).

В долине Муреша известен пока единственный достоверный памятник «индустриальной» добычи соли эпохи бронзы – это комплекс соляных копей у железнодорожной станции Валя Флорилор/*Valea Florilor*, откуда происходят многочисленные деревянные орудия, а также различные приспособления для добычи каменной соли. Этот памятник находится примерно на середине расстояния между Малым Сомешем и Мурешем – недалеко от северного притока Муреша – реки Ариеш/*Arieș*¹⁵. В то же время, целый ряд орудий и приспособлений для добычи каменной соли – не вполне надёжных с точки зрения обстоятельств находки и датировки – в разное время был найден в непосредственной близости от богатых месторождений каменной соли в Окна Муреш/*Ocna Mureș*¹⁶ и Турда/*Turda*¹⁷.

Имеются указания на то, что некоторые участки „мурешского соляного пути” и его притоков в эпоху средней и поздней бронзы находились под контролем местных элит. В этом отношении, особого интереса заслуживают *микенские мечи*, найденные вдоль Муреша и его важнейших притоков (Bader, 1991, Taf. 62)¹⁸, на что – именно в связи с эксплуатацией и «обменом» соли – недавно обратил внимание Лаура Дитрих (Dietrich 2010). Кроме того, показательно, что в последующую эпоху (На А) вдоль трансильванского течения Муреша концентрируются ситылы типа Курд: 2 экземпляра в Брынковенешть/*Brâncovenesti*, 1 – в Гырбова де Сус/*Gârbova de Sus*, 1 – в Уиоара/Уиоара (Gogâltan 1991, 7/17, Fig. 5).

Одним из наиболее ярких свидетельств того, что Муреш находился под контролем неких властных структур, может быть – среди прочего – и то, что по обе стороны нижнего течения Муреша, вплоть до его впадения в Тису, расположена компактная группа мощных городищ третьей четверти II тыс. до н. э. (Gogâltan, Sava 2010). Эта группа включает пять укрепленных поселений: Сынтана Четатя Беке/*Sântana Cetatea Veche* (Восточный Банат, жудец Арад), Орошхазо Ногьтотаршанц/*Orosháza Nagytatársánc* (Восточная Венгрия, комитат Бекеш), Мунар Вольфсберг – Дялул Лупулуй/*Munar Wolfsberg – Dealul Lupului* (Банат, жудец Арад), Корнешть Яркурь/*Cornești Iarcuri* (Банат, жудец Тимиш), Тополовэцу Маре – Жоамба/*Topolovățu Mare Joamba* (Банат, жудец Тимиш). Эти укрепленные поселения расположены вполне компактно по обе стороны Муреша, между горами Апусень и Тисой в радиусе не более 62 км (Рис. 3). Все они принадлежат культуре Кручень-Белегиш (*Cruceni-Belegiș*), ареал которой включал территории от Северо-Восточной Хорватии до предгорного Баната. Они необычайно велики и укреплены сложной системой фортификационных сооружений. В то же время, очевидны существенные различия между этими городищами, с точки зрения их размеров и устройства фортификационных сооружений, что наталкивает на мысль об их иерархии. Самое большое из них – городище Корнешть/*Cornești* – имеет площадь около 1700 га. Это самое крупное в Европе укрепленное поселение бронзового века. Судя по новейшим исследованиям, это грандиозное по своим размерам и комплексности оборонительных сооружений, городище (или даже *город*, как допускают

¹⁵ В первой части настоящей статьи этот памятник был связан с сомешским путём (Каврук 2011), однако рекогносцировка на местности, предпринятая летом 2012 г., показала, что он связан с притоком Муреша – рекой Ариеш.

¹⁶ Среди предметов, найденных в Окна Муреш, упоминается фрагмент каменной «зернотёрки», найденный вместе с бронзовыми предметами. Здесь же, в одной из соляных шахт (Осна Веке) были найдены каменный молот и бронзовый кельт. Особый интерес вызывает найденная при неясных обстоятельствах группа деревянных орудий: лопатка с короткой ручкой, несколько лопат наподобие вёсел, полозья саней, колья, а также примитивная кирка, рабочая часть которой была изготовлена из бычьего рога, а ручка – из дерева. Недалеко от Окна Муреш – в Уиоара де Жос (Uioara de Jos) – во время оползней были замечены заброшенные соляные копи, рядом с которыми находятся поселения позднего энеолита (культура Коцофень) и среднего и позднего периодов бронзового века (культура Витенберг) (Cavruc et al. 2006, 46). Кроме этого, недалеко отсюда – в Уиоара де Сус (Uioara de Sus) – был найден богатейший в Карпатском бассейне и один из самых богатых в Европе знаменитый клад-мастерская раннегаллыштатского времени.

¹⁷ В богатом месторождении соли в долине Муреша – Турда (Turda) – в 1902 г. Иштван Теглаш (István Teglás) при выборке завала древней соляной шахты обнаружил целый ряд деревянных орудий, в том числе лопатку с короткой ручкой, идентичную экземпляру из Окна Муреш (Cavruc et al. 2006, 46).

¹⁸ Заслуживает интереса и тот факт, что значительное количество микенских мечей было найдено в долине Олта, что могло быть связано с трафиком соли из зоны Хомород - Одорхей по этой реке в южном направлении. Этот аспект, однако, выходит за рамки темы настоящей работы.

его исследователи) было центром некоего политического образования (Szentmiklosi et al. 2011). Следует при этом учесть, что во всём регионе – от верховий Тисы вплоть до её впадения в Дунай – не известно ни одного укрепленного поселения этого времени. Имея в виду стратегически важное значение Нижнего Муреша в контексте связей между Трансильванией, Потисьем, Подунавьем и Балканами, едва ли можно сомневаться в том, что эти городища были воздвигнуты с целью контроля важнейшего узла, где соединялись пути, по которым циркулировали транспорты с солью, медью, оловом, янтарем и другими ценными грузами.

Сомеш включает в себя три взаимосвязанные реки: Большой Сомеш, Малый Сомеш и Сомеш. Большой Сомеш берёт своё начало в Восточных Карпатах, откуда он течёт в юго-западном и западном направлениях по Северо-Восточной Трансильвании, вплоть до слияния с Малым Сомешем. Последний берёт своё начало в горах Апусень и течёт сначала в восточном, а затем в северо-восточном и северном направлениях. При этом Малый и Большой Сомеши пересекают территории с богатыми и легкодоступными залежами каменной соли (Рис. 1). Сомеш образуется из слияния Большого и Малого Сомешей на стыке между Северо-Восточной и Северной Трансильванией. На своём начальном пути Сомеш течёт по Северной Трансильвании в западном направлении, а затем – по Северо-Западной Трансильвании – вплоть до границы между Трансильванией и Сатмарской низменностью. После того как Сомеш (через межгорное ущелье Тикэу/*Pasul Ticău*) выходит за пределы Трансильвании, он пресекает в западном и северо-западном направлениях Сатмарскую низменность, а затем – уже на территории Альфёльда – впадает в Тису. Таким образом, Сомеш соединяет богатую солью территорию Северо-Восточной и Восточной Трансильвании с Сатмарской низменностью и Альфёльдом, лишённой источников этого минерала (Рис. 1).

Вдоль этих рек выделяется ряд памятников, которые, видимо, были каким-то образом связаны с их использованием в эпоху бронзы для транспортировки ценных грузов. Наиболее показательны три группы памятников, состоящие из укрепленных поселений, кладов и курганных могильников. Это Колдэу-Уриу/*Coldău-Uriu*

на Большом Сомеше, Медиешул Аурит-Апа/*Medieșul Aurit-Apa* на Сомеше в восточной части Сатмарской низменности и Опай/*Ópályi* на нижнем (венгерском) течении Сомеша – у его впадения в Тису.

Группа памятников Колдэу-Уриу находится на начальном участке «сомешского соляного пути». Она состоит из укрепленного поселения Колдэу-Варбэ, курганного могильника Колдэу и клада бронзовых предметов Уриу. Городище Колдэу-Варбэ (Vlassa 1973) было воздвигнуто в непосредственной близости правого берега Большого Сомеша. Оно занимает мыс, ограниченный с юга – со стороны Большого Сомеша – обрывистым берегом его первой террасы и низкой поймой, находящейся между этой террасой и руслом реки (Рис. 4). В восточную половину поселения, со стороны поймы реки, врежется глубокий овраг, который при половодье заполняется водами Большого Сомеша и, видимо, мог использоваться в качестве *пристани*. Со стороны суши городище защищено искусственным подковообразным рвом и земляным валом. Площадь городища составляет около 300х130 м. Проведённые здесь раскопки выявили материалы, характерные для третьей фазы культуры Витенберг – керамика орнаментированная меандрами в стиле *Zahnstempelung*, а также для финальной (IV) фазы этой культуры – керамика, украшенная в технике широких последовательных наколов. Это позволяет отнести городище к двум последним (III и IV) фазам культуры Витенберг, что в свете нынешних представлений, укладывается примерно в XVI-XIII вв. до н.э. Таким образом, это городище частично синхронно памятникам добычи соли в Бэиле Фига и Сэсарм, находящихся поблизости. Показательно, что городище Колдэу-Варбэ расположено в 1,5 км ниже впадения Мелеша в Большой Сомеш (Рис. 4). Расстояние от соляных разработок в Бэиле Фига до городища Колдэу-Варбэ по ручью Пырыул Сэрат, а затем по реке Мелеш и по Большому Сомешу составляет около 5 км (Рис. 4). Особого интереса заслуживает тот факт, что городище находится у излучины реки, где она замедляет свой бег и не выделяется на фоне местного ландшафта (Рис. 4). Следует отметить, что в окрестностях этого городища не наблюдается сколько-нибудь приметной группировки открытых поселений III и IV фаз культуры Витенберг (Marinescu

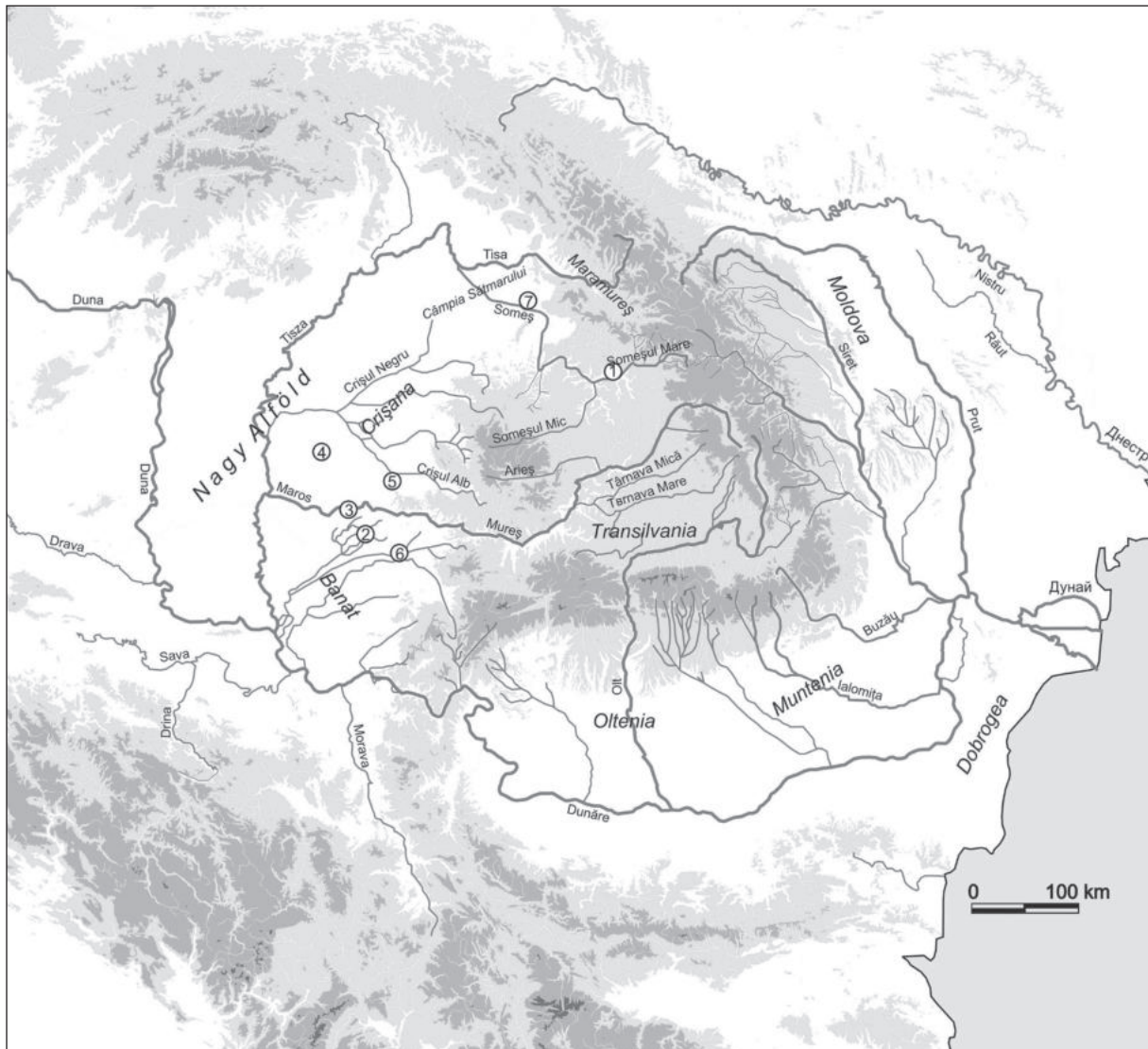

Рис. 3. Укреплённые поселения второй четверти тыс. до н.э. в Карпатском бассейне: 1 – Колдэу Варбэ/*Col-dău Varbă*; 2 – Корнешть Яркурь/*Cornești Iarcu*; 3 – Мунар Вольфсберг – Дялул Лупулуй/*Munar Wolfsberg – Dealul Lupului*; 4 – Орошхазо Ногьтотаршанц/*Orosháza Nagytatarsánc*; 5 – Сынтана Четатя Беке/*Sântana Cetatea Veche*; 6 – Тополовэцу Маре – Жоамба/*Topolovățu Mare Joamba*; 7 – Медиешул Аурит-”Чункаш”/*Medieșul Aurit-„Ciuncaș”*.

2003; 2003a; 2003b; Socaci 2011). Отсюда напрашивается вывод о том, что месторасположение городища было предопределено удобствами связи с излучиной реки, и в меньшей мере – с окружающей его сушей. Иначе говоря, оно, судя по всему, было задумано как *портовое* городище. Следует подчеркнуть, что городище Колдэу-Варбэ – пока единственное во всей Трансильвании укрепленное поселение этого времени. Едва ли случайно, что оно расположено вблизи

одновременных ему центров добычи соли (около 5 км от Бэиле Фига, 7 км от Сэсарм). Показательно и то, что по отношению к этим центрам добычи соли, городище находится ниже по течению Большого Сомеша, что должно было способствовать доставке сюда соли из этих центров. В свете вышеизложенных обстоятельств едва ли можно сомневаться в том, что городище Колдэу-Варбэ было центром накопления и распределения соли, добывавшейся в Бэиле Фига и

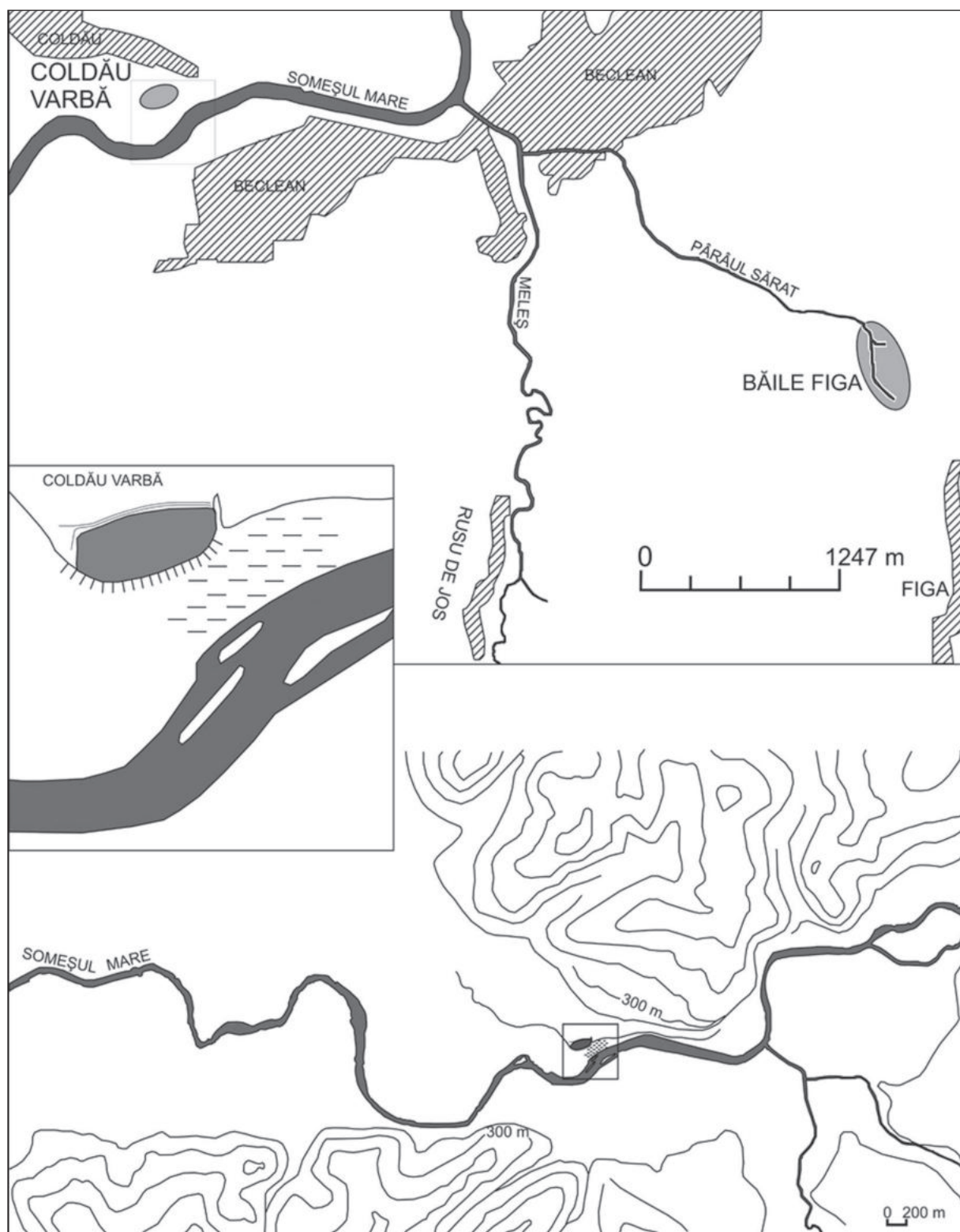

Рис. 4. Месторасположение памятника добычи соли в Бэиле Фига и укреплённого поселения Кодэу-Варбэ в долине Большого Сомеша.

Сэсарм. Судя по всему, сначала соль поставлялась к городищу из упомянутых месторождений по притокам Большого Сомеша, а затем сплавлялась по его течению в западном направлении – в регионы, лишённые месторождений соли.

Это городище было разрушено и сожжено, видимо, носителями культуры Сучиу де Сус-Лэпуш¹⁹. В этой связи следует отметить, что в долине Большого Сомеша известно несколько памятников группы Лэпуш, нередко совместно с материалами, характерными для заключительной фазы культуры Витенберг: Кашею/*Cașeiu* (Gogâltan, Isac 1995), Илишуа/*Ilișua* (Socaci 2011), сосуд типа Лэпуш в кладе Уриу/*Uriu* (Kacsó 2009) и др. Примерно в 400 м к западу от этого городища находится неисследованный курганный могильник, предположительно относящийся к культуре Сучиу де Сус-Лэпуш (Vlassa 1973, 19), а в 3 км к западу от городища Колдэу-Варбэ был открыт эпонимный клад бронзовых предметов *Уриу* с сосудом типа Лэпуш (Kacsó 2009), датированный периодом Рейнеке Br D, то есть примерно XIV-XIII вв. до н.э.

Городище Колдэу-Варбэ прекратило своё существование около XIII в. до н.э. Примерно через два столетия – в «раннегалльштатское» время – на правом берегу Большого Сомеша, напротив впадения реки Шиеу в Большой Сомеш, примерно в трёх км к северо-востоку от городища Колдэу-Варбэ, воздвигается новое укреплённое поселение – Беклян-Билияг-Бекленуц/*Beclean-Bileag-Beclenuț* (Vaida, Florea 1999; Florea et al., 2009). Городище раннегалльштатского времени было воздвигнуто здесь на руинах поселения культуры Коцофень (переходный период от энеолита к бронзовому веку, примерно конец IV – начало III тыс. до н.э.). В свою очередь, раннегалльштатское городище было разрушено в третьей четверти I тыс. до н.э. при постройке на его месте дакийского городища. Галльштатский слой этого памятника в целом одновременен радиоуглеродным датам между 1100 и 830 гг. до н.э. из Бэиле Фига и Кайла. Есть, таким образом, основания полагать,

что в раннегалльштатское время городище Беклян-Билияг-Бекленуц переняло ту роль, которую в предшествовавший период играло в контроле над добычей и распределением соли городище Колдэу-Варбэ. Заслуживает также внимания тот факт, что на месте городища Беклян-Билияг-Бекленуц имеются следы обитания, относящиеся к рубежу IV и III тыс. до н.э. – то есть к тому же времени, к которому относятся древнейшие радиоуглеродные даты из Бэиле Фига (около 3000 cal BC). Что же касается дакийского периода существования городища, отметим его синхронность с соляной шахтой с дакийской керамикой, найденной в южной части памятника Бэиле Фига.

Есть, таким образом, вполне веские основания полагать что начиная ещё с рубежа IV и III тыс. до н.э., а затем в последней трети III тыс. до н.э., в середине – второй половине II тыс. до н.э. – первых веках I тыс. до н.э. и, наконец, в дакийский период (III-II вв. до н.э.), добыча соли находилась под контролем местных властных структур и была – в той или иной мере – предназначена для территорий, находящихся к западу от Трансильвании, где нет природных запасов соли.

Второй центр, который, возможно, был связан с контролем «сомешского соляного пути» расположен в стратегически важном месте долины Сомеша – западнее межгорного коридора Тикэу/*Pasul Ticău*, связывающего Трансильванию с Сатмарской низменностью/*Câmpia Sătmărulei*²⁰. Здесь, на правом берегу Сомеша, в радиусе нескольких сот метров в разное время были найдены: укреплённое поселение XVIII-XV вв. до н.э. *Медиешул Аурит-“Чункаш”/Medieșul Aurit-„Ciuncaș”* (Marta, Ștefan 2011), знаменитый эпонимный клад XVIII-XVII вв. до н.э. *Ана/Апа*, а также «княжеский» курган того же времени (Bader 2011). На основе найденной керамики, городище Медиешул Аурит-“Чункаш”/*Medieșul Aurit-„Ciuncaș”* относится к первой фазе культуры Сучиу де Сус (Kacsó 1995, 95-98) и третьей фазе культуры Отомань с «импортами» керамики третьей фазы культуры Витенберг, относящихся примерно к XVI-XIV вв. до н.э. (Marta, Ștefan 2011, 364) – то есть

¹⁹ Уместно в этой связи отметить, что в 100-150 м к западу от северной части памятника Бэиле Фига (где наибольшая часть радиоуглеродных дат относятся к XIII-XI вв. до н.э.), были исследованы следы кратковременного «поселения» с керамикой группы Лэпуш и Ноуа (смотреть выше). С другой стороны, вблизи городища Колдэу-Варбэ было исследовано несколько поселений с керамикой Сучиу де Сус-Лэпуш (смотреть например: Gogâltan, Isac 1995; Kacsó 2009; Socaci 2011).

²⁰ После преодоления этого коридора Сомеш течёт примерно 120 км в западном, а затем в северо-западном направлении вплоть до впадения в Тису, по территории, лишённой источников соли.

примерно к тому же времени, что и городище Колдэу. Импозантность этого комплекса и его стратегически важное месторасположение позволяют предположить, что здесь находился важный центр контроля над одним из ключевых участков сомешского коридора, по которому осуществлялись связи между внутрикarpатской котловиной и Альфёльдом.

В то время как один из эпонимных кладов серии Уриу-Домэнешть-Опай/*Uriu-Domănești-Ópályi* – Уриу/*Uriu*) находится на начальном отрезке «соляного сомешского пути», другой эпонимный клад этой серии – Опай/*Ópályi* – находится на его конечном отрезке, на другом ключевом участке Сомеша – у его впадения в Тису.

Вне всяких сомнений, свидетельства того, что упомянутые реки были важнейшими водными артериями, по которым в эпоху бронзы циркулировали ценные грузы – в том числе соль – между восточными и западными участками Карпатского бассейна и Балканами, не ограничиваются вышеперечисленными.

*

Приведённые обстоятельства указывают на то, что наиболее вероятным внешним потребителем трансильванской и марамурешской соли были сообщества, проживавшие на территории Великой Венгерской низменности (*Nagy Alföld*) и прилегающим к ней территориям Балканского полуострова и нынешней Словакии. Уместно задаться вопросом, **в какой мере эти сообщества нуждались в соли и обладали ли они необходимыми средствами для того, чтобы обеспечить достаточный приток этого минерала?**

Великая Венгерская низменность небогата природными ресурсами. Возможности для земледелия здесь были ограничены, так как вплоть до осушения этой территории в XIX в. значительная её часть была занята болотистыми топиями (Gyucha et al. 2011). В этом регионе отсутствует целый ряд необходимых в бронзовом веке минералов: соли, меди и олова. В то же время, широко разветвлённая сеть естественных путей сообщения обеспечивала доступ к богатым ресурсам, как соседних, так и отдалённых территорий – от Средиземноморья до Скандинавии и от Причерноморья до Западной Европы. Важнейшим путём коммуникации в этом регионе является Дунай, связывающий Карпатский бассейн со всеми придунайскими регионами Европы. Балканские притоки Дуная – главным образом Драва, Сава и Морава – обеспечивают прямой доступ на Балканский полуостров; при этом Драва и её приток Мур связывают Дунай с Альпийским регионом, где

имеются богатые залежи соли и меди (Szevevényi 2004, 24). Моравско-вардарский коридор обеспечивает выход к Эгейскому Морю, Сава – к Адриатическому побережью северо-западных Балкан, а её южный приток Дрина – к горному массиву Ядар (Западная Сербия), где имеются легкодоступные залежи касситерита (смотреть первую часть настоящей статьи). Второй по важности водной артерией региона является Тиса, которая связывает его, с одной стороны, с Марамурешем (где имеются богатые залежи соли и меди), а с другой – с Дунаем. Восточные притоки Тисы – главным образом Муреш и Сомеш – обеспечивали прямой доступ к богатым ресурсам Трансильвании (золото, медь, соль). Северные притоки Тисы – главным образом Хорна и Слана – обеспечивали доступ к залежам меди и олова на территории восточной Словакии. Исследователи неоднократно указывали на тесные связи между Потисьем, Трансильванией, Средним Подунавьем и Балканами в эпоху бронзы (Horváth 1983, 55; Sherratt 1987a; Maran 1998; Pydyn 1999).

На протяжении раннего и среднего периодов бронзового века этот регион был самым высоко-развитым в Карпатском бассейне. В середине III тыс. до н.э., несмотря на отсутствие залежей меди и олова, он становится одним из наиболее мощных металлургических центров в Европе (Дергачев, Бочкарёв 2002, 8-14; Duffy 2010, 100). При этом сырьё для бронзолитейных мастерских ввозилось из сопредельных территорий. В третьей четверти III тыс. до н.э. в этом регионе возникают долговременные поселения, в том числе телли²¹ (Poroszlai et al. 2003; Poroszlai 2003; Gogâltan 2008; O'shea et al. 2004-2005). Наиболее ярко они представлены в «классическом» бронзовом веке (Райнеке Вг А₂ – Вг В) – в культурах Отомань-Фюзешабонь, Гюлаваршанд и Муреш. В этот же период в Карпатском бассейне воздвигаются многочисленные укреплённые поселения (Valdkinde 2004; Gogâltan 2008). Оба эти феномена имели сходную динамику и, безусловно, были взаимосвязаны; более того, многие телли укреплены валами и рвами. И те и другие возникают в третьей четверти III тыс. до н.э. Их рост приобретает характер устойчивой тенденции в последней четверти III тыс. до н.э., а в первой трети II тыс. до н.э. их развитие достигает кульминации. Затем, около 1600-1500 гг. до н.э. городища и телли были навсегда покинуты. Телли на этой территории больше никогда не появятся, а городища возникнут вновь лишь примерно через два столетия. В отличие от теллей, распространённых исключительно к западу от внутрикarpатской котловины, городища раннего

²¹ Впервые телли возникают на этой территории в энеолите. В конце энеолита они были покинуты примерно на два тысячелетия.

и среднего периодов бронзового века в Карпатском бассейне концентрируются в двух регионах: в Альфёльде и на прилегающих к нему территориях Словакии и Румынии, а также вдоль Восточных Карпат (в Восточной Трансильвании и прикарпатских участках Молдовы и Мунтении). При этом от гор Апусень до Восточных Карпат не известно ни одного укрепленного поселения этого времени. Самая высокая концентрация укрепленных поселений бронзового века наблюдается к западу от гор Апусень – вдоль меридиональных течений Тисы и Дуная и их притоков – на территории Восточной Словакии, Великой Венгерской низменности, в Кришане и Банате. Так, на территории Венгрии известно около ста укрепленных поселений культуры Хатван/*Hatvan*²² (последние века III – начало II тыс. до н.э.). Впоследствии, в первой половине, а особенно во второй трети II тыс. до н.э., комплексность и мощность фортификационных сооружений в этом регионе значительно возрастают. Наиболее развитые городища этого времени известны в культуре Отомань-Фюзешабонь. Только на территории Юго-Восточной Словакии известно около тридцати укрепленных поселений этой культуры, из которых наиболее полно исследованными являются городища Спишски Штврток/*Spišský Štvrtok* (Vladar 1975; Valdkinde 2004), Нижна Мышля/*Nižná Myšľa* (Olexa 2003), а также Барца/*Barca*, Стреда над Бодрогом/*Streda nad Bodrogom*, Гановце/*Gánovce* и др. (Valdkinde 2004). Городища этой культуры имеются также на сопредельных территориях Венгрии: Тосег-Лапошхалом/*Tószeg-Laposhalom*, Гюлаваршанд/*Gyulavarsánd* и др. (Valdkinde 2004) и Румынии: Отомань/*Otomani*, Сэлача/*Sălacea* (Ordentlich 1972)²³.

На многих городищах этого времени в Карпатском бассейне обнаружены многочисленные свидетельства присутствия элит: предметы вооружения и доспехов, украшения и проч. Особый интерес вызывает значительное количество костей лошади – от 4 до 25%; причём найдены исключительно кости *взрослых* особей, что, видимо, свидетельствует о том, что они были приобретены за пределами региона (Duffy 2010, 137). В этом же регионе

отмечена высокая концентрация принадлежностей боевых колесниц, в том числе шипастых псалиев (Vandkilde 2007, 125–126).

Около 1600–1500 гг. до н.э. все телли и укрепленные поселения в Карпатском бассейне были покинуты. Эти изменения были сопряжены с тем, что, с одной стороны, из Центральной Европы в Среднее и Нижнее Потисье проникают носители „курганной” культуры, а с другой – в Трансильванию проникают носители культуры Ноуа. В результате, на территории Баната распространяется культура Кручень-Белегиш (примерно 1500–1250/1200 гг. до н.э.), большая часть Трансильвании была занята культурой Ноуа (примерно 1500–1250/1200 гг. до н.э.) совместно с поздними проявлениями культуры Витенберг (III и IV фаз), а северная Трансильвания включается в ареал культуры Сучиу де Сус-Лэпуш (XIV–XII вв. до н.э.). Кроме того, в Северную и Северо-Восточную Трансильванию в это время проникают элементы группы Чехэлцу/*Ce-hăluț* (Gogâltan et al. 1992; Socaci 2011). Во второй четверти II тыс. до н.э. (согласно радиоуглеродным датировкам, около 1400–1250 cal BC) в Карпатском бассейне вновь начинают воздвигаться укрепленные поселения. Однако, в отличие от предыдущего периода, в это время они группируются только на двух – достаточно ограниченных по территориальному охвату – участках, имеющих ключевое значение для темы настоящей работы: в долине Сомеша на северо-востоке Трансильвании, на крайнем востоке Сатмарской низменности (смотреть выше), а также на территории Баната – по обе стороны Нижнего Муреша (Рис. 3).

Исследователи нередко указывают на связи в эпоху финальной бронзы/раннего Галлыштатта (Рейнеке На А–На В, приблизительно 1250/1200–900 гг. до н.э.) между Карпатским бассейном и Скандинавией по коридору, простирающемуся вдоль Тисы, Среднего и Верхнего Дуная и Эльбы. Один из наиболее ярких аспектов этих взаимоотношений связан с распространением *янтарных украшений*. Долгое время считалось, что все янтарные предметы этого времени, найденные в Карпатском бассейне, изготовлены из балтийского янтаря. В последние же годы стано-

²² Не лишён интереса тот факт, что культура Хатван/*Hatvan* в целом синхронна культуре Ернут-Золтан/*Iernut-Zoltan*, с которой – по керамике – обнаруживает значительное сходство. «Текстильная» и прочерченная керамика, характерная для обеих культур, была обнаружена в Бэиле Фига (в том числе в яме, выкопанной в соляной породе), а также в Сэсарм. Это обстоятельство могло быть связано, например, с «экспедиционной» добычей соли с целью обеспечения этим минералом носителей культуры Хатван.

²³ Сходные укрепленные поселения функционировали в этот период также в Нижней Австрии, южной Германии и южной Польше (Valdkinde 2004). Укрепленные поселения этого времени известны также на северо-западе Балканского полуострова; самое замечательное из них – городище Монкодонья на полуострове Истрия (Hänsel et al. 2012). Заслуживает внимания тот факт, что этим же временем датируются укрепленные городища на огромных просторах евразийских степей – от Левенцовской крепости (Братченко 2012) до Синташты и Аркаима (Генинг и др. 1992; Зданович 1995; Виноградов 2007).

вится всё более очевидным тот факт, что, наряду с изделиями из балтийского янтаря, на территории Румынии есть немало предметов из янтаря местного происхождения, в то время как на территории Венгрии все эти находки изготовлены из балтийского янтаря (Boroffka 2001; 2002; Teodor et al. 2010). Как бы то ни было, распространение янтарных предметов времени Рейнеке На А показывает, что их самая высокая концентрация наблюдается вдоль Верхней и Средней Тисы – от впадения в неё Сомеша до слияния с Мурешем, а также вдоль её восточных притоков к западу от горной гряды Апусень. На то, что этот коридор активно использовался в трансевропейском «обмене» указывает, в частности, местоположение некоторых типов престижных бронзовых предметов. Так, было показано, что самая высокая концентрация бронзовых ситул времени Рейнеке На А наблюдается в долине Тисы и Среднего Дуная, при том, что в целом их ареал простирается от Северных Альп до Восточных Карпат (Gogâltan 1991). Для последующего времени (На В₁) самая высокая концентрация бронзовых сосудов типа Хойду-Бёжёрмень находится в Верхнем Потисье, откуда в северо-северо-западном направлении, по коридору, пересекающему Западные Карпаты и Эльбо-Одерское междуречье, цепь их местонахождений тянется вплоть до Ютландии, при этом изолированные находки сосудов этого типа известны в Трансильвании, на Средней Тисе и в Среднем Подунавье (Rudyn 1999, Map 3).

Ко всему этому следует добавить и тот общеизвестный факт, что на протяжении всего бронзового века указанный регион был тесно связан с Эгейским миром (Vlădar 1975; Ilon 1992; Szeverényi 2004; Valdkinde 2004).

Оседлый образ жизни, высокая плотность населения, а также значительная роль скотоводства, вне всяких сомнений, делали соль жизненно необходимым ингредиентом экономики сообществ, проживавших в эпоху бронзы в Альфёльде и на сопредельных территориях, лишённых природных запасов соли. Высокий уровень социально-экономического развития и широко разветвлённая система внутри- и межрегиональных связей указывают на то, что этим сообществам было под силу обеспечить постоянный приток соли из Трансильвании и Марамуреша и переправлять её далее на Балканы.

Имеющиеся в настоящее время археологические материалы иллюстрируют «индустриальную» добычу и циркуляцию соли в Карпатском бассейне главным образом в период между 1600 и 850 гг. до н.э. Трудно себе представить, однако, что до этого времени население центральной и западной частей Карпатского бассейна обходилось без этого жиз-

ненно важного минерала. При этом более доступных для жителей этого региона источников соли, чем те, что находятся в изобилии в Трансильвании и Марамуреше, не существует. Поэтому следует допустить – в качестве рабочей гипотезы – что те, ещё немногие пока, свидетельства добычи соли времени финальной фазы раннего бронзового века также были предназначены для внешнего потребителя. Вызывает недоумение полное отсутствие каких-бы то ни было свидетельств эксплуатации соли в Трансильвании и Марамуреше между 2000 и 1600 гг. до н.э. В этот период в Дунайско-Тисском междуречье бурно развивается производящая экономика и значительно растёт уровень оседлости. Кроме того, это было время стремительного развития и утверждения во всей Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе в Карпатском бассейне, тесно взаимосвязанных между собой местных военно-теократических элит (Bader 2011; Dietrich, Dietrich 2011 и цитированная литература). Последние могли обеспечить необходимые средства и условия для поступления в этот регион соли. Поэтому следует ожидать, что в будущем во внутрикарпатском регионе будут открыты свидетельства эксплуатации соли и в первой половине II тыс. до н.э.

*

Некоторые выводы

Из приведённых выше данных следует, что гипотеза, согласно которой в бронзовом веке имел место регулярный обмен соли, добывавшейся в Трансильвании и Марамуреше, на олово, добывавшееся в Богемии и Саксонии, в целом справедлива, однако выглядит чересчур однозначной и упрощённой по сравнению с многовекторностью и высокой вариативностью культурных процессов в регионе. В то же время, некоторые аспекты этой гипотезы, особенно предположение о том, что во внутрикарпатской котловине на протяжении бронзового века имела место широкомасштабная, высокоорганизованная добыча соли, ориентированная главным образом на внешнего потребителя, сегодня выглядит намного более убедительно, чем тогда, когда она была впервые сформулирована.

Основными потребителями и «заказчиками» трансильванско-марамурешской соли были высокоорганизованные сообщества, населявшие в бронзовом веке территории между Средним Дунаем на западе, горами Апусень на востоке, Западными Карпатами на севере и Балканами на юге. Кроме того, нельзя исключать и то, что соль из Карпатского региона поступала также на Балканский полуостров.

Судя по всему, в Среднем Подунавье и Потисье, находившихся на одном из путей наиболее интенсивной циркуляции различных товаров, циркулировали также олово и соль. Олово попадало в этот коридор, видимо, из разных источников, в то время как соль поступала сюда главным образом из внутрикарпатского региона. При этом нельзя исключать, что в западную и северную части Карпатского бассейна и на северо-запад Балканского полуострова соль могла поступать и из иных центров соледобычи²⁴. Наиболее убедительные данные на этот счёт относятся к середине II – началу I тыс. до н.э. В первой половине этого временного интервала (около 1500–1250 гг. до н.э.) главным «заказчиком» трансильванской соли были сообщества культуры Кручень-Белегиш (региональный вариант курганный культуры). Эти сообщества – вне всяких сомнений, наиболее высокоразвитые в регионе – судя по всему, не только «потребляли» поступающую к ним из Трансильвании соль, но и контролировали её дальнейшее распределение на значительной части региона, в том числе на северо-запад Балканского полуострова. Основным «поставщиком» трансильванской соли в тот период были, видимо, сообщества культуры Витенберг и Сучиу де Сус-Лэпуш. На следующем этапе (примерно 1250–900 гг. до н.э.) преемники культур Кручень-Белегиш и Лэпуш – носители культуры Гава – устанавливают господство над большей частью Карпатского бассейна и «монополию» на добычу и распределение соли.

Едва ли правомерно рассматривать циркуляцию соли в эпоху бронзы как составную часть обмена, основанного на принципах сугубо экономической целесообразности и эквивалентности. Есть ос-

нования полагать, что добыча и циркуляция соли находились под контролем местных элит, которые получали взамен соли от своих более развитых «партнёров» политическую поддержку, некие привилегии и подарки в виде престижных атрибутов власти (парадное вооружение²⁵, доспехи, колесницы²⁶, боевых коней и проч.).

Что же касается олова, то оно поступало в Карпатский бассейн, видимо, по многим каналам и порой – вне прямой зависимости от производства и циркуляции соли. Более того, едва ли оно поступало из единого источника. Дунайско-Тисское междуречье было одним из важнейших коридоров, по которому от Средиземноморья до Скандинавии и от Причерноморья до Центральной Европы циркулировали многочисленные товары самого разного происхождения. Можно допустить, что именно из этого региона олово, наряду с иными импортами, проникало во все участки Карпатского бассейна. Обилие свидетельств, указывающих на связи между Эгейским миром и Карпатским бассейном (украшения, орнаменты, мечи микенского типа и проч.) может быть связано с циркуляцией трансильванской соли по Дунайско-Тисскому и Вардарско-Моравскому коридорам.

Значительное совпадение ритмов развития соледобывающего производства и распространения и использования олова представляется в высшей степени симптоматичным. Является ли это совпадение следствием обмена соли на олово, или же оно было отражением общих ритмов культурно-экономического развития в регионе, остаётся неясным. В основе этого совпадения лежали, судя по всему, также тесные взаимосвязи между элитами Средиземноморья, Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

²⁴ «Индустриальная» добыча каменной соли в позднем бронзовом веке (начиная с XV в. до н.э.) засвидетельствована также в Галлыштатте (Kowarik, Reschreiter 2010). Этот центр снабжал солью не только окрестные, но и весьма удалённые территории. Возможно, что соль из приальпийской Австрии по южным притокам Дуная – наиболее вероятно, по р. Эннс – сплавлялась в Верхнее и Среднее Подунавье. В то же время, по р. Мур, являющемуся притоком Дравы, галлыштаттская соль могла поступать и на северо-запад Балканского полуострова. Богатые залежи каменной соли имеются в юго-восточной Польше. В этом регионе, к югу и юго-востоку от Кракова, в рамках Лужицкой культуры, были открыты археологические следы выпаривания соли в так называемых брикетажах (Kadrow 2003). Убедительные археологические указания на тесные связи Малопольши с Карпатским бассейном (Przybyła 2009), позволяют предположить, что соль поступала на территорию Словакии не только из Верхнего Потисья, но также из польского Прикарпатья.

²⁵ В недавно опубликованной статье, посвящённой элитам бронзового века в юго-восточной Трансильвании (Dietrich 2010), Лаура Дитрих связывает целый ряд археологических атрибутов элит бронзового века с производством и обменом соли. В частности, по её мнению, концентрация «элитных» находок в этом регионе (например, микенских мечей), а также месторасположение иерархизированных групп поселений культуры Витенберг, являются отражением того, что добыча и поставка соли в Подунавье и на Балканы находились под контролем местных элит. Автор цитируемой работы приводит ряд данных из всего Карпатского бассейна и прилегающих к нему регионов. Показательна в этом смысле карта распространения мечей (Dietrich 2010, 199, Abb.4).

²⁶ Едва ли случайно, что большинство дисковидных псалиев в Карпато-Дунайском регионе сосредоточены в местах особо богатых солью (например, в Сэрата Мотеору) и на ключевых участках судоходных рек (главным образом в венгерском Потисье).

Библиография

- Братченко 2012:** С.Н. Братченко. Леვენцовская крепость. Памятник культуры бронзового века (Киев 2012).
- Виноградов 2007:** Н.Б. Виноградов, Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук (Москва 2007).
- Генинг, Зданович, Генинг 1992:** В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг, Синташта (Челябинск 1992).
- Дергачев, Бочкарёв 2002:** Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинёв 2002).
- Зданович 1995:** Г.Б. Зданович, Аркаим. Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация. В кн.: Аркаим (Челябинск 1995).
- Каврук 2011:** В. Каврук, Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (часть первая). RA, vol. VII, nr. 1-2, 2011, 5-46.
- Прохненко 1998:** И.А. Прохненко, Городища Верхнего Потисья. Карпатика 5, 1998, 55-62.
- Смирнова 1966:** Г.И. Смирнова, Гальштатские городища в Закарпатье. Slovenská archeológia XIV, 2, 1966, 397-410.
- Щербей 2010:** К.И. Щербей, Гальштатські городища Закарпаття. Карпатика 39, 2010, 3-15.
- Bader 1991:** T. Bader, Die Schwerter in Rumänien. Praehistorische Bronzefunde 4, 8 (Stuttgart 1991).
- Bader 1998:** T. Bader, Bemerkungen zur Bronzezeit im Karpatenbecken, Otomani/Füzesabony-Komplex. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte 80, 1998, 43-108.
- Bader 2011:** T. Bader, Grossgrabhugel von Medieşu Aurit/Aranyosmeggyes, Bez. Satu Mare, Rumänien. In: S. Berecki, R.E. Nemeth, B. Rezi (eds.), Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin, Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş, 8-10 October, 2011, 189-212.
- Bánffy, Sümegi 2012:** Eszter Bánffy, Pál Sümegi, The Early Neolithic Agro-Ecological Barrier in the Carpathian Basin: A Zone for Interaction. In: Peter Anreiter, Eszter Bánffy, László Bartosiewicz, Wolfgang Meid & Carola Metzner-Nebelsick (eds), Archaeological, Cultural and Linguistic Heritage. Festschrift for Erzsébet Jerem in Honour of her 70th Birthday (Budapest 2012), 57-70.
- Boroffka 2001:** Nikolaus Boroffka, Bemerkungen zu einigen Bersteinfinden aus Rumänien. Archäologisches Korrespondenzblatt 31(3), 2001, 395-409.
- Boroffka 2002:** Nikolaus Boroffka, Observații asupra descoperirilor preistorice de chihlimbar din România. Apulum, XXXIX, 2002, 145-168.
- Cavruc 1997:** Valeriu Cavruc, The final stage of the Early Bronze Age in South-Eastern Transylvania (in the light of new excavations at Zoltan), TD 18, 1-2, 97-133.
- Cavruc 2005:** Valeriu Cavruc, Some Eneolithic and Bronze Age Funeral evidence on the salt exchange routs in southeast Transylvania. Mousaios, X, 2005, 325-351.
- Cavruc 2010:** Valeriu Cavruc, Considerații privind schimbul cu sare în milenii VI-II î. Hr. în spațiul carpato-dunărean, Tyragetia, s.n., vol. IV [XIX], nr. 1, 2010, 7-34.
- Cavruc et al. 2006:** Valeriu Cavruc, Horia Ciugudean, Anthony F. Harding, Vestigiile arheologice privind exploatarea sării pe teritoriul României în epoca bronzului. În: V. Cavruc, Andrea Chiricescu (eds.), Sarea, Timpul și Omul, Sf. Gheorghe, 2006, 41-48.
- Cavruc, Harding 2010:** Cercetările privind exploatarea sării în nord-estul Transilvaniei (2006-2010). Raport preliminar. Augusta (Arheologie) 14, 2010, 165-244.
- Cavruc, Harding 2012:** V. Cavruc, A. Harding, Prehistoric production and exchange of salt in the Carpathian-Danube Region. In: V. Nikolov & K. Bacvarov (eds), Salz und Gold: die Rolle des Salzes im prähistorischen Europa / Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe (Provincia & Veliko Tarnovo 2012), 173-200.
- Ciugudean 1996:** Horia Ciugudean, Epoca timpurie a bronzului în centrul și sud-vestul Transilvaniei (București 1996).
- Chapman 2008:** J. Chapman, Approaches to trade and exchange in earlier prehistory (Late Mesolithic – Early Bronze Age). In: Prehistoric Europe. Theory and practice. Jones, A. Oxford: Wiley-Blackwell, 2008, 333-355.
- Dietrich 2010:** Laura Dietrich, Eliten der frühen und mittleren Bronzezeit im südöstlichen Karpatenbecken. Prähistorische Zeitschrift 85. Band, 2010, 191-206.
- Dietrich, Dietrich 2011:** Laura Dietrich, Oliver Dietrich, Wietenberg ohne Mykene? Gedanken zu Herkunft und Bedeutung der Keramikverzierung der Wietenberg-Kultur. Prähistorische Zeitschrift 86. Band, 2011, 67-84.
- Duffy 2010:** Paul R. Duffy, Complexity and autonomy in Bronze Age Europe: Assessing Cultural developments in Eastern Hungary. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) in The University of Michigan, 2010.
- Gogâltan 1991:** Florin Gogâltan, Unele probleme privind vasele de bronz hallstattiene din Transilvania. Ephemeris Napocensis, I, 1991, 11-19.
- Gogâltan 2008:** Florin Gogâltan, Fortified Bronze Age Tell Settlements in the Carpathian Basin. In: Defensive Structures from Central Europe to the Aegean in the 3rd - 2nd Millennia BC (Poznan - Bonn 2008), 39-56.
- Gogâltan, Cociș, Păki 1992:** Florin Gogâltan, Sorin Cociș, Adela Păki, Săpături de salvare la Cluj-Becaș - 1989. Ephemeris Napocensis II, 1992, 7-17.
- Gogâltan, Isac 1995:** Florin Gogâltan, Adriana Isac, Die Spätbronzezeitliche Siedlung von Cășeu (I). Ephemeris Napocensis V, 1995, 5-26.
- Gogâltan, Sava 2010:** Florin Gogâltan, Victor Sava, Sântana Cetatea Veche. O fortificație de pământ a epocii bronzului la Mureșul de Jos / A Bronze Age earthwork on the lower Mureș, Arad 2010 (Arad 2010).
- Görsdorf et al 2004:** Jochen Görsdorf, Klára Marková and Václav Furmánek, Some new 14C data to the Bronze Age in the Slovakia, Geochronometria Vol. 23, Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology, 2004, 79-91.

- Gyucha et al 2011:** Attila Gyucha, Paul R. Duffy, and Tod A. Frolking, The Körös Basin from the Neolithic to the Hapsburgs: Linking Settlement Distributions with Pre-Regulation Hydrology Through Multiple Data Set Overlay. *Geoarchaeology: An International Journal*, vol. 26, no. 3, 392-419.
- Florea et al 2009:** Gelu Florea, Lucian Vaida, Liliana Suciu, Fortificațiile dacice din nord-estul Transilvaniei (un stadiu al cercetărilor). In: Istros 2009, 221-230.
- Furmánek, Marková 2008:** Václav Furmánek, Klára Marková, Včelnice: archív dávnej minulosti, Nitra: Slovenská akadémia vied. Archeologické Pamätníky Slovenska, 9.
- Harding 2000:** A.F. Harding, *European societies in the Bronze Age* (Cambridge 2000).
- Harding 2011:** Anthony Harding, Evidence for prehistoric salt extraction rediscovered in the Hungarian Central Mining Museum. *The Antiquaries Journal*, 91, 2011, 1-23.
- Harding & Kavruk 2011:** A prehistoric salt production site at Băile Figa, Romania. *Eurasia Antiqua*, 16, 2011, 131-167.
- Haustein et al 2010:** M. Haustein, C. Gillis, E. Pernicka. Tin isotopy – a new method for solving old questions. – *Archaeometry*, 52, 2010, 816-832.
- Hänsel et al 2012:** Bernhard Hänsel, Biba Teržan, Kristina Mihovilić, Beile und ihre Teile. Beobachtungen an Funden aus Monokodnja/Istrien, in: *Archaeological, Cultural and Linguistic Heritage Festschrift for Erzsébet Jerem in Honour of her 70th Birthday*, Budapest 2012, 225-249.
- Helms 1988: Mary W. Helms, *Ulysses' Sail: An Ethnographic Odyssey of Power, Knowledge, and Geographical Distance*, Princeton University Press, 1988.
- Horedt 1966:** K. Horedt, Așezarea fortificată din perioada târzie a epocii bronzului de la Sighetul Marmăției, Baia Mare 1966.
- Horváth 1983:** Ferenc Horváth, Contributions to the Early and Middle Bronze Age of Southern Alföld. In: *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1982-83/1*, 55-71.
- Ilon 1992:** G. Ilon, Keftubaren ingot from an urn-grave culture settlement at Górkápolnadomb (c. Vas). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 44, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1992, 239-259.
- Kacsó 1995:** Carol Kacsó, Al patrulea depozit de bronzuri de la Sighetu Marmăției, *Revista Bistriței*, 9, 5-48.
- Kacsó 2006:** Date cu privire la exploatarea timpurie de sare din Maramureș. In: V. Cavruc, A. Chiricescu (eds.), *Sarea, Timpul și Omul*, Sf. Gheorghe 2006, 97-121.
- Kacsó 2009:** Carol Kacsó, Depozitul de bronzuri de la Uriu (I). În: *Revista Bistriței*, XIII, 2009, 9-30.
- Kacsó 2009a:** Carol Kacsó, Die Salz- und Erzvorkommen und die Verbreitung der bronzezeitlichen Metalldeponierungen in der Maramuresch. In: J. Gancarski (ed), *Surowce naturalne w Karpatach oraz ich wykorzystanie w pradziejach i średniowieczu: materiały z konferencji, Krośno 25–26 listopada 2008 r.*, Krośno: Muzeum Podkarpackie, 2009, 341–372.
- Kacsó 2012:** Carol Kacsó, Maramuresch – Eine Hortfundlandschaft im Obertheissgebiet. In: Rudolf Kujovský - Vladimír Mitáš (eds.), *Václav Furmanek a doba bronzová. Zborník k sedemdesiatym narodeninám*. Nitra 2012, 175-188.
- Kacsó et al 2011:** Carol Kacsó, Carola Metzner-Nebelsick, Louis D. Nebelsick, New work at the Late Bronze age tumulus Cemetery of Lăpuș in Romania. In: *Ancestral Landscapes. TMO 58, Maison de l'Orient et de la Méditerranée*, Lyon, 2011, 341-353.
- Kadrow 2003:** S. Kadrow, *Charakterystyka technologiczna ceramiki kultury łużyckiej*. In: S. Kadrow (ed), *Kraków-Bieżanów, stanowisko 27 i Kraków-Rzeka, stanowisko 1, osada kultury łużyckiej*, Zespół do Badań Autostrad. *Via Archaeologica. Źródła z badań wykopaliskowych na trasie autostrady A4 w Małopolsce*. Kraków 2003, 205-220.
- Kobal' 1997:** J.V. Kobal', Preliminary report on the results of archaeological research on the multi-level fortified settlement of "Chitattia" (near Solotvino/Aknaszlata, Transcarpathian region, Ukraine) by the Expedition of the Transcarpathian Museum of Local History, A Nyiregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve, 1997, 37-38, 115-51.
- Kobal' 2000:** J.V. Kobal', Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine), *Prähistorische Bronzefunde*, Abt. XX, 4, Stuttgart: Franz Steiner, 2000.
- Kowarik, Reschreiter 2010:** K. Kowarik, H. Reschreiter, Provisioning a Salt mine. On The Infrastructure of the Bronze Age Salt Mines of Hallstatt. In: Franz Mandl/Harald Stadler (Hrsg.), *Archäologie in den Alpen. Alltag und Kult. Anisa BAND 3* (Innsbruck, 2010), 105-116.
- Kristiansen, Larsson 2007:** K. Kristiansen, T.B. Larsson *The Rise of Bronze Age Society* (Cambridge 2007).
- Maran 1998:** Josef Maran, Die Badener Kultur und der ägäisch-anatolische Bereich. *Germania* 76, 1998, 2, 497-525.
- Marinescu 2003:** G. Marinescu, Cercetări și descoperiri arheologice de epoca bronzului în nord-estul Transilvaniei (II). În: G. Marinescu, *Cercetările arheologice în județul Bistrița-Năsăud*. Vol. II (Bistrița 2003), 323-404.
- Marinescu 2003a:** G. Marinescu, Cercetări și descoperiri arheologice de epoca bronzului în nord-estul Transilvaniei. În: G. Marinescu, *Cercetările arheologice în județul Bistrița-Năsăud*. Vol. II (Bistrița 2003), 263-286.
- Marinescu 2003 b:** G. Marinescu, Noi descoperiri de epoca bronzului la Bistrița. În: G. Marinescu, *Cercetările arheologice în județul Bistrița-Năsăud*. Vol. II (Bistrița 2003), 147-162.
- Marinescu 2010:** G. Marinescu, Vestigii hallstattiene timpurii și mijlocii din nord-estul Transilvaniei. *Revista Bistriței* XXIV, 2010, 41-128.
- Matuz, Nováki 2002:** E.D. Matuz, Gy. Nováki, Spätbronzezeitliche, früheisenzeitliche Erdwälle in Nordungarn (Budapest 2002).
- Medeleț 1995:** Fl. Medeleț, Sarea Daciei preistorice, *AnB*, 4, 285-301.
- Olexa 2003:** Ladislav Olexa, Nižná Myšľa Osada a pohrebisko z doby bronzovej, *Archeologické pamätníky Slovenska*, zv. 7 (Košice 2003).
- Ordentlich 1972:** I. Ordentlich, Contribuția săpăturilor arheologice de la „Dealul Vida” (com. Sălacea, jud. Bihor) la cunoașterea culturii Otomani (Satu Mare 1972, 63-84).

- O'shea et al 2004-2005:** John M. O'Shea, Alex W. Barker, Sarah Sherwood, Alexandru Szentmiklosi, New Archaeological Investigations at Pecica Șanțul Mare, Analele Banatului, S.N., Arheologie-Istorie, XII-XIII, 2004-2005.
- Papalas 2008:** Christopher A. Papalas, Bronze Age Metallurgy of the Eastern Carpathian Basin: A Holistic Exploration. Arizona State University, 2008.
- Poroszlai 2003:** Ildikó Poroszlai, Tell cultures of the Early and Middle Bronze Age. In: Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium, Ministry of the National Cultural Heritage, Teleki László Foundation (Budapest 2003), 142-143.
- Poroszlai, Csányi, Tárnoki 2003:** Ildikó Poroszlai, Marietta Csányi & Judit Tárnoki, Changes in the 3rd Millennium B.C.: The dawn of a new period. In: Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium, Ministry of the National Cultural Heritage, Teleki László Foundation (Budapest 2003), 141-142.
- Przybyła 2009:** Marcin S. Przybyła, Intercultural contacts in the Western Carpathian area at the turn of the 2nd and 1st millennia BC (Warszawa 2009).
- Pydyn 1999:** Andrej Pydyn, Exchange and Cultural Interactions. A study of long-distance trade and cross-cultural contacts in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Central and Eastern Europe. BAR International Series 813, 1999.
- Rustoiu 2005:** G.T. Rustoiu, Exploatarea sării și habitatul uman în Transilvania în a doua jumătate a secolului V și prima jumătate a secolului VI p.Chr., In: C. Cosma și A. Rustoiu (eds), Comerț și Civilizație. Transilvania în contextul schimburilor comerciale și culturale în antichitate (Cluj-Napoca 2005), 269-286.
- Sherratt 1982:** Andrew Sherratt, Mobile resources: settlement and exchange in early agricultural Europe. In: A.C. Renfrew and S. J. Shennan (eds), Ranking Resources and Exchange, Cambridge: Cambridge University Press, 1982, 13-26.
- Sherratt 1987:** Andrew Sherratt, Neolithic exchange systems in central Europe, 5000 – 3000 b.c. In: G. Sieveking and M. Newcomer (eds), The Human Uses of Flint and Chert, Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 193-204.
- Sherratt 1987a:** Andrew Sherratt, Warriors and traders: Bronze Age chiefdoms in central Europe. In: B. Cunliffe (ed.), Origins: the roots of European Civilisation. London: BBC publications, 1987, 54-66.
- Socaci 2011:** Adrian Socaci, O așezare aparținând epocii bronzului târziu de la Ilișua (com Uriu, jud. Bistrița-Năsăud). Revista Bistriței, XXV, 2011, 35-67.
- Stoica, Gherasie 1981:** C. Stoica, I. Gherasie, Sarea și sărurile de potasiu și magnezium din România (București 1981).
- Szentmiklosi et al. 2011:** Alexandru Szentmiklosi, Bernhard S. Heeb, Julia Heeb, Anthony Harding, Rüdiger Krause and Helmut Becker, Cornești-Iarcuri – a Bronze Age town in the Romanian Banat? Antiquity, Volume 85, Number 329, 819–838.
- Szeverenyi 2004:** Vajk Szeverenyi, The Early and Middle Bronze Ages in Central Europe. In: Peter Bogucki and Pam J. Crabtree (Eds.), Ancient Europe 8000 B.C.–A.D. 1000: Encyclopedia of the Barbarian World, Scribners, 2004, Vol. II, 20-30.
- Teodor et al. 2010:** E.S. Teodor, E.D. Teodor, M. Virgolici, M.M. Manea, G. Truică, S.C. Lițescu, Non-destructive analysis of amber artefacts from the prehistoric Cioclovina hoard (Romania). Journal of Archaeological Science 37 (2010), 2386-2396.
- Vaida, Florea 1999:** D.L. Vaida, G. Florea, Beclean, Dealul Bileag. Cronică cercetărilor arheologice din România în anul 1998, București: CIMEC, 1999.
- Vandkilde 2004:** Spišský Štvrtok. In: Peter Bogucki and Pam J. Crabtree (Eds.), Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000: Encyclopedia of the Barbarian World, Scribners, 2004, Vol. II, 31-33.
- Vandkilde 2007:** Helle Vandkilde, Culture and Change in Central European Prehistory, Aarhus University Press and Helle Vandkilde, 2007.
- Vasiliev 2001:** V. Vasiliev, Fortificația așezării de la Soltvino (Slatina) – Ucraina Transcarpatică. In: Studii de istorie antică. Omagiu prof. Ioan Glodariu (Cluj-Napoca 2001), 113-125.
- Vasiliev et al. 2002:** V. Vasiliev, A. Rustoiu, E.A. Balaguri, C. Cosma, Soltvino „Cetate” (Ucraina Transcarpatică). Așezările din epoca bronzului, a doua vârstă a fierului și din evul mediu timpuriu (Cluj-Napoca 2002).
- Vlassa 1973:** N. Vlassa, Săpăturile arheologice de la Coldău (jud. Bistrița-Năsăud) – Die archäologischen Grabungen in Coldău (Bez. Bistrița-Năsăud), AMN 10, 1973, 11-37.
- Vladar 1975:** J. Vladar, Spišský Štvrtok. Befestigte Siedlung der Otomani-kultur. In: III. Internationaler Kongress für slawische Archäologie Bratislava 7.–14. September 1975, 2-24. Nitra, Slovakia: Slovakian Academy of Science, 1975.
- Wollmann, Ciugudean 2005:** Noi cercetări privind mineritul antic în Transilvania (I). Apulum 42, 2005, 95-116.
- Yotov 2012:** Valeri Yotov, Bulgarian control over the Salt Road in Transylvania during the 9th century: The archaeological evidence. In: V. Nikolov & K. Bacvarov (eds). Salz und Gold: die Rolle des Salzes im prähistorischen Europa / Salt and Gold: The Role of Salt in Prehistoric Europe (Provincia & Veliko Tarnovo 2012), 323-334.

РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НАСЕЛЕНИЯ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сергей ГОРБАНЕНКО, Дмитрий КАРАВАЙКО, Киев

***Pescuitul în mediul purtătorilor culturii juchnovskaja.** Articolul este consacrat analizei pescuitului la populația culturii juchnovskaja. Materialul de cercetare este alcătuit din două categorii de descoperiri: unelte de prins pește și resturi ihtiologice. Printre materialele culturilor apropiate cronologic, monumentele culturii juchnovskaja se evidențiază printr-o cantitate mare de unelte de prins pește: greutăți de lut pentru plase și harpoane de os. Datele ihtiologice permit concretizarea speciilor de pește prins de purtătorii culturii juchnovskaja.*

Статья посвящена анализу рыболовного промысла населения юхновской культуры. Материалы для исследования представлены двумя категориями находок: орудиями рыбной ловли, а также ихтиологическими остатками. Среди материалов хронологически близких археологических культур юхновские памятники заметно выделяются большим количеством орудий для рыбной ловли: глиняных грузил для сетей и костяных гарпунов. Ихтиологические данные позволяют уточнить видовой состав улова населения юхновской культуры.

***Fishing trade of population of Yukhnov culture.** The article is focused over the analysis of fishing trade of population of Yukhnov culture. Materials for research are presented by two categories of finds: by fishing instruments, and also ichthyological bits and pieces. Among materials chronologic near archaeological cultures Yukhnov monuments are notably distinguished by plenty of instruments for fishing: clay sinkers for nets and bone harpoons. Ichthyological data allow to specify specific composition of catch of population of Yukhnov culture.*

Key words: Yukhnov culture, fishing trade, ichthyological data, clay sinkers for nets, bone harpoons.

Неотъемлемой частью при характеристике любой археологической культуры является анализ хозяйственного уклада данного населения. Степень развития хозяйства, доминирования той или иной отрасли, в полной степени отражает и уровень жизни древних людей. Касательно юхновской культуры отметим, что в последнее время не только возобновились раскопки на ее памятниках, но и появились новые разработки, в том числе касающиеся хозяйственного уклада этого народа. Были охарактеризованы земледелие, животноводство, охота (Каравайко, Горбаненко 2011; Горбаненко, Каравайко в печати; в печати, а). Вместе с тем «четвертая составная» – рыболовство, осталось вне поля зрения. Его анализу и посвящена данная работа.

Достаточно важной отраслью хозяйства населения юхновской культуры, дававшей дополнительный продукт, было рыболовство. Его огромное значение для данного населения неоднократно подчеркивалось многими исследователями (Горюнова 1950, 156; Левенок 1963, 81, 82, и др.). Несколько кратковременных поселений, которые можно трактовать как стан рыболовов, выявлены на левом берегу Десны, напро-

тив Пушкаревского городища. Они расположены по берегам пойменных озер и протоков реки. Зачастую на них обнаружено лишь одно кострище с небольшим количеством фрагментов керамики и скоплением рыбьей чешуи и костей (Воеводский 1949, 74). Река не была существенной преградой, так как по сообщению местных жителей у балки Мосолов Ров еще до недавнего времени ее можно было перейти вброд. Вероятно, подобные стоянки могут существовать и в других местах. Многие городища юхновской культуры расположены невдалеке от брода, как пример городища у с. Бужанка. К сожалению, левый пойменный берег реки крайне слабо исследован.

Культурный слой многих городищ насыщен обломками и целыми глиняными грузилами для сетей, чешуей и костями больших рыб. Ихтиологические определения проводились на материалах с городищ Западное и Восточное Юхновские, на поселении между ними, а также Песочный Ров и Селище, где была выявлена чешуя и кости щуки, сома, судака; леща и других карповых (Лебедев 1944, 241; 1960, 18-19.284-298) (табл. 1,2)¹. Остат-

¹ Таблицы, а также рис. 1 составлены по хронологическому принципу: от древнейших памятников.

ки этих же рыб найдены и на городищах Поповка и Свердловка I (Мельниковская 1968/85, 19; 1970, 20). В.П. Левенок отмечал, что на памятниках особенно многочисленны находки рыбьей чешуи и костей, однако не конкретизировал на каких именно (Левенок 1957, 51). Также, в последнее время получена дополнительная информация для характеристики улова с Западного Юхновского городища². Их остатки выявлены в пределах хозяйственных ям (Каравайко, Кирилук 2007, 28). Кроме того, имеются свидетельства об ихтиологическом материале с Кудлаевского городища. Тут были определены кости сома, щуки, судака, леща, окуня, различных карповых. Подчеркивался значительный размер рыб – от 30 см до 2,3 м, с преобладанием в улове больших сомов³ (Мельниковская 1967/43, 17). В ходе раскопок Мезинского городища обнаружен комплекс, состоящий из 7 грузил и нижней части горшка с рыбьими костями и чешуей (Мельниковская 1968/85, 11).

Орудия рыбака, происходящие с 9 юхновских памятников, дают представления о способе вылова рыбы. В данном случае мы не упоминаем находки глиняных грузил, так как они представляют собою достаточно массовый материал и известны практически на каждом памятнике юхновской культуры. Таким образом, на сегодняшний день источниковую базу для анализа рыболовства составляют материалы с 13 памятников (рис. 1).

1. Ихтиологические данные

Ихтиологические данные проанализированы В.Д. Лебедевым (собственно он и начал изучение ихтиофауны периода существования юхновской культуры), Е.А. Цепкиным, О.П. Кирилук. В зависимости от консервирующих условий окружающей среды, сохранность материала позволила делать определения вида, рода или семейства. Тем не менее, на сегодняшний день, выборка материала достаточно презентабельна и позволяет говорить о том, какую рыбу вылавливало население юхновской культуры (табл. 1).

Таблица 1. Ихтиологические данные из памятников юхновской культуры.

Памятник	Материал		Рыбы															Всего	См., рис. 2
			Щука обыкновенная	Плотва обыкновенная	Вырезуб	Голавль	Язь	Род ельцы	Жерех	Краснопёрка обыкновенная	Линь	Лещ обыкновенный	Карась	Карп	Сом обыкновенный	Судак	Окунь обыкновенный		
Восточное Юхновское	Кости	Количество	16	–	2	–	–	–	–	–	1	1	–	1	15	14	–	50	
		%	32	–	4	–	–	–	–	–	2	2	–	2	30	28	–	100	<i>a, I</i>
	Чешуя	Количество	7	–	1	–	–	1	–	–	–	156	–	2	–	–	10	177	–
		%	4	–	0,6	–	–	0,6	–	–	–	88,1	–	1,1	–	–	5,6	100	<i>a, II</i>
Песочный Ров	Кости	Количество	19	–	–	–	–	–	1	–	1	9	–	–	27	–	3	60	
		%	32	–	–	–	–	–	1,5	–	1,5	15	–	–	45	–	5	100	<i>б, I</i>
	Чешуя	Количество	162	12	7	11	1	257	–	–	–	604	228	18	–	–	47	1347	
		%	12	1	0,5	1	0,1	19,2	–	–	–	44,5	16,8	1,4	–	–	3,5	100	<i>б, II</i>
Западное Юхновское	Кости	Количество	34	–	–	–	1	–	–	1	2	7	–	2	17	5	–	69	
		%	49,3	–	–	–	1,5	–	–	1,5	2,9	10,1	–	2,9	24,6	7,2	–	100	<i>в, I</i>
	Чешуя	Количество	72	–	5	–	–	5	–	–	–	136	–	2	–	–	15	235	
		%	30,6	–	2,1	–	–	2,1	–	–	–	57,9	–	0,9	–	–	6,4	100	<i>в, II</i>
Селище	Кости	Количество	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	6	
		%	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Чешуя	Количество	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	31	110	155	
		%	8,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,6	–	–	20	71	100	–

Примечание. Статистические данные по рыбной ловле юхновской культуры (Западное Юхновское, Восточное Юхновское, Песочный Ров, Селище). Определения В.Д. Лебедева (Лебедев 1944, 241; 1960, 18-19.284-298).

² Материал проанализирован сотрудницей Института гидробиологии НАН Украины О.П. Кирилук.

³ О.Н. Мельниковская сообщала, что анализ был проведен Е.А. Цепкиным; к сожалению, более детальной информации найти не удалось.

Таблица 2. Возрастное соотношение рыб.

Щука обыкновенная																
Памятник	Возраст, от (количество определенного материала)															Всего
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Восточное Юхновское				6				2		1						9
Песочный Ров	1	2	1	6	6	4	7									27
Западное Юхновское			1	1		4	6	5								17
Селище							1									1
Лещ обыкновенный																
Восточное и Западное Юхновское, %			4,6	7,2	17	30,4	20,8	11,5	6,2	0,3	1,4	0,6				100
Песочный Ров			11	19	32	53	44	33	20		5	2				219
Карась																
Песочный Ров					1	1	1		1							4
Селище						1										1
Карп																
Песочный Ров					2	5										7
Карповые																
Десна *			3	10	21	17	19	1	1	1						
Сом обыкновенный																
Песочный Ров							1	2	3	2	1	15		1	1	26
Судак																
Песочный Ров						2			1							
Селище						1		2		1	1					
Окунь обыкновенный																
Восточное Юхновское							1	2	1							4
Песочный Ров					4											4
Западное Юхновское					1	1	2	1								5
Селище				2	1		1									4

Примечание. * Сведенный материал из памятников Западное, Восточное Юхновское, Песочный Ров, Майдан, Трубчевск, Селище.

К сожалению, определения ихтиологических материалов, касательно количества особей, на данном этапе невозможно. Исходя из этого, для выяснения соотношения рыбы в улове имеет относительный характер (больше – меньше). Тем не менее, для определения роли различных видов рыб В.Д. Лебедев использовал следующую систему показателей. Основной объект промысла: наличие костных останков в количестве более 10% или чешуи более 20%; второстепенный: более 5 и 10% соответственно; случайные объекты: менее чем 5 и 10% соответственно (Лебедев 1944, 242). Не игнорируя данную схему, мы проанализировали статистические данные согласно следующим принципам:

- 1) созданы диаграммы показателей костных останков и чешуи рыб (рис. 2);
- 2) определено среднее статистическое между этими показателями;
- 3) перечисленные данные переведены на процентные диаграммы со 100%-й суммой (рис. 3).

Статистические данные по материалам исследований В.Д. Лебедева указывают на то, что основным объектом рыболовного промысла у юхновского населения были щука, сом, лещ; второстепенными – судак (суммарно для Западного и Восточного Юхновских городищ), окунь, карась, плотва (для Песочного Рва); случайными – вырезуб, карп, линь (во всех случаях), окунь, красноперка, род ельцы

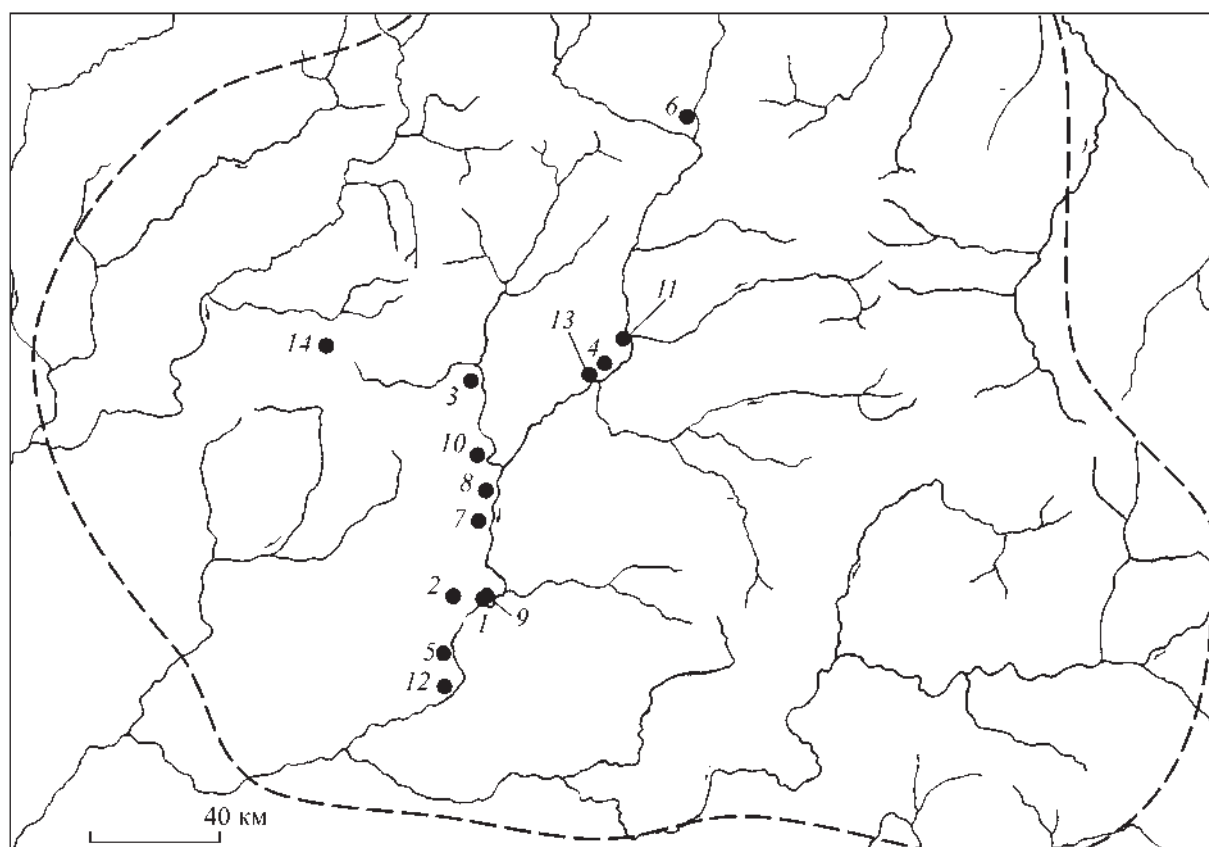

Рис. 1. Карта памятников юховской культуры с материалами, свидетельствующими о рыбной ловле: 1 – Восточное Юховское; 2 – Кудлаевка; 3 – Западное Посудици; 4 – Трубчевск; 5 – Свердловка I; 6 – Торфель; 7 – Киселевка II; 8 – Песочный Ров; 9 – Западное Юховское; 10 – Случевск; 11 – Лбище; 12 – Бужанка I; 13 – Кветунь; 14 – Селище.

(суммарно для Западного и Восточного Юховских городищ), жерех (для Песочного Рва) (Лебедев 1960, 288). Однако, учитывая разновременность Западного и Восточного Юховских городищ, их следует рассматривать раздельно. Отметим, что Восточное относится к VI, Песочный Ров к V, а Западное городище к IV в. до н.э. Именно в таком порядке мы и будем рассматривать ихтиологический материал.

Как видно из диаграмм (на основе критериев предложенных В.Д. Лебедевым), в период существования Восточного Юховского городища в улове преобладали щука, лещ обыкновенный, судак; случайный улов составляли вырезуб, род ельцы, линь обыкновенный, карп, окунь обыкновенный (рис. 2,а). Судя по материалам с Песочного Рва, преобладали щука обыкновенная, лещ обыкновенный, сом; второстепенный улов составляли род ельцы, жерех линь обыкновенный, карп (рис. 2,б). На Западном Юховском городище найдено достаточно много остатков щуки, леща, сома обыкновенного; меньше чешуи и костей от вырезуба, язя, род ельцы, красноперки обыкновенной, линя обыкновенного, карпа, судака, окуня обыкновенного (рис. 2,в).

Усреднение ихтиологических данных дало следующие результаты. Четко видно, что в уловах преобладали (по степени уменьшения значения) лещ, сом и щука обыкновенные. Случайный улов составляли вырезуб, линь обыкновенный, карп, окунь обыкновенный. Останки других рыб присутствуют в материалах не всех памятников.

Кроме общих черт, характеризующих рыбную ловлю населения этих трех памятников, существуют и различия между ними. Так на Песочном Рве найдены род ельцы и карась (9,6; 8,4%); на Юховских городищах первый представлен мизерным количеством, а второй отсутствует вообще. Рыбаки с Восточного Юховского городища в значительном количестве ловили судака, что не характерно для других памятников. Все остальное вполне можно интерпретировать как случайный улов (рис. 3).

Таким образом, существовал так называемый основной улов, который был характерен для всех трех городищ, а также определенная специализация (возможно, она вызвана природными условиями, хотя нельзя исключать фактор случайности).

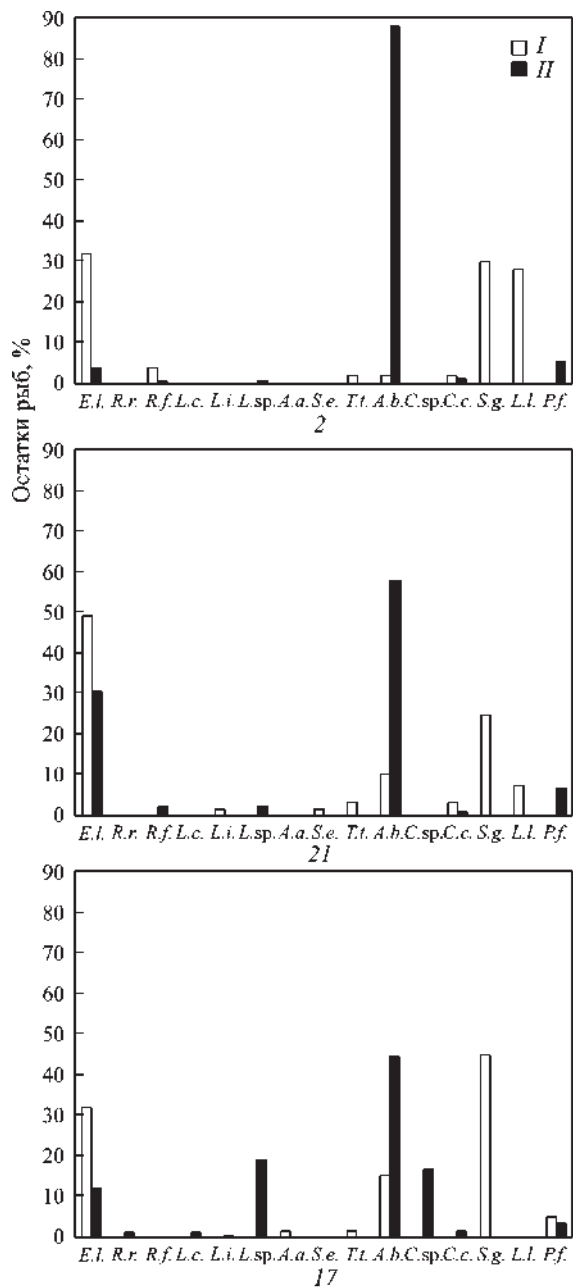

Рис. 2. Диаграммы соотношений костей и чешуи рыб из памятников юхновской культуры: *а* – Восточное Юхновское; *б* – Песочный Ров; *в* – Западное Юхновское. **Условные обозначения:** *I* – количество костей; *II* – количество чешуи; *E. l.* – *Esox lucius* L. (щука обыкновенная); *R. r.* – *Rutilus rutilus* L. (плотва обыкновенная); *R. f.* – *Rutilus frisii* Nord. (вырезуб); *L. c.* – *Leuciscus cephalus* L. (голавль); *L. i.* – *Leuciscus idus* L. (язь); *L. sp.* – *Leuciscus* sp. (род ельцы); *A. a.* – *Aspius aspius* L. (жерех); *S. e.* – *Scardinius erythrophthalmus* L. (красноперка); *T. t.* – *Tinca tinca* L. (лещ); *A. b.* – *Abramis brama* L. (лещ обыкновенный); *C. sp.* – *Carassius* sp. (карась); *C. c.* – *Cyprinus carpio* L. (кари); *S. g.* – *Silurus glanis* L. (сом обыкновенный); *L. l.* – *Lucioperca lucioperca* L. (судак); *P. f.* – *Perca fluviatilis* L. (окунь обыкновенный).

Кроме того, на диаграмме хорошо видно возрастание со временем улова щуки обыкновенной (рис. 3).

В ходе недавних исследований Западного Юхновского городища и поселения (2004 г.) была расчищена яма с чешуей и костями рыб (рис. 4). Результаты исследований показали, что большую часть улова составляли рыбы семейства карповых. Это и не удивительно, учитывая тот факт, что данное семейство наиболее многочисленное (доминирующее). Сравнительный анализ показал значительное сходство современных и ископаемых останков (рис. 5,6). Сравнение чешуи дало возможность установить в ихтиологических материалах с раскопок 2004 г. останки густеры обыкновенной (ранее не известной по археологическим материалам), а также леща.

Возрастную градацию улова провел В.Д. Лебедев (табл. 2). Так, возраст щуки в основном составлял 5-9 лет (колеблясь в пределах 2-11 лет). Лещ обыкновенный, как правило, представлен в возрасте 6-9 лет (4-10) (колеблясь в пределах 2-13 лет); карповые, вид не определен, 5-8 (4-11). Сом обыкновенный, по материалам Песочного Рва, представлен в возрасте от 8 до 16 лет (по 1-3 особи); вылавливали сома преимущественно в возрасте 13-14 лет (15 особей). Остальные выборки малоинформативны. Отметим также, что кроме щуки, остальные рыбы были в возрасте не менее чем 4-5 лет. Рассмотренная нами чешуя семейства карповых, происходящая из недавних раскопок, в целом подтверждает эти данные; возраст рыбы, согласно чешуе, можно установить в пределах 6-11 лет (рис. 7).

Как видим, жители юхновских городищ не употребляли в пищу мелкую рыбу. Ее отсутствие в улове можно объяснить тем, что ее возвращали в реку. С другой стороны ячейки сети могли быть крупными и мелкая рыба проходила сквозь них. Также рациональным было употребление мелкой рыбы в качестве корма для животных. Естественно, что при этом находки отходов (чешуи, костей) будут отсутствовать.

В связи с тем, что кости, дающие возможность определить размеры, и чешуя, позволяющая говорить о возрасте рыб, не могут быть в полной мере сопоставлены между собой, нельзя с полной уверенностью сравнить размеры древних и современных рыб. В.Д. Лебедев, при сравнении разновременных данных, показал, что в древности вылавливали рыбу больших размеров, хотя, вероятно, и старшую.

Тем не менее, для части рыб установлены обе характеристики. В одном случае (Восточное

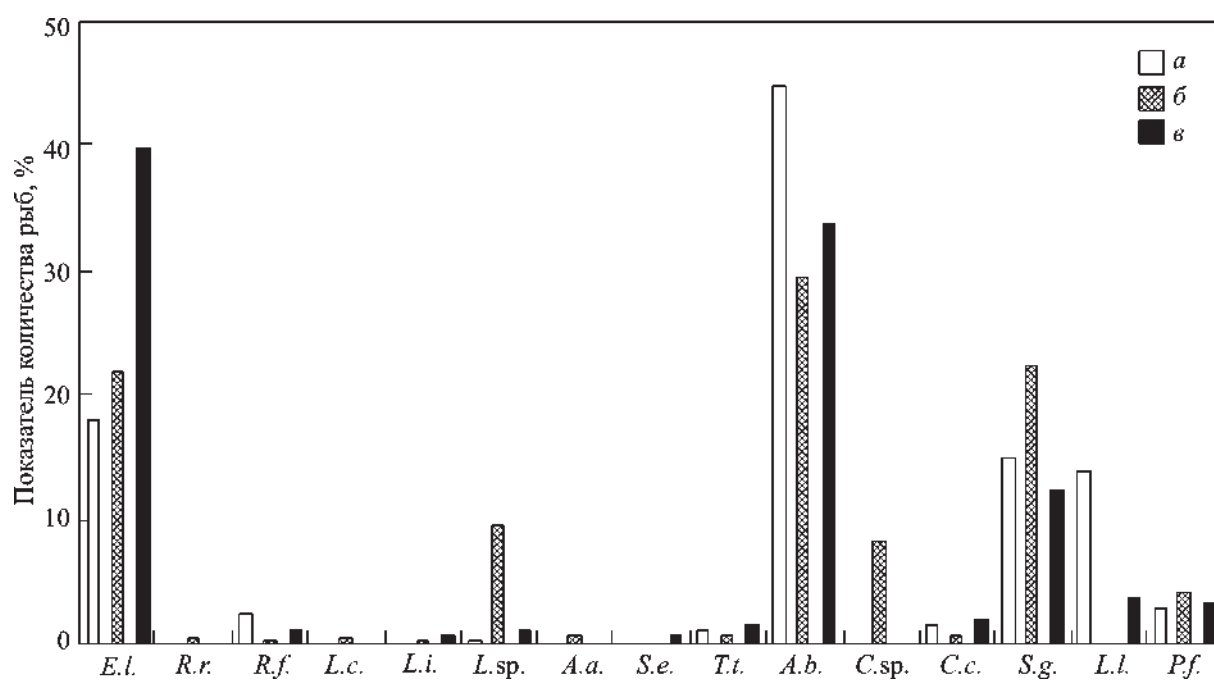

Рис. 3. Диаграммы вероятных соотношений рыб из памятников юхновской культуры: а – Восточное Юхновское; б – Песочный Ров; в – Западное Юхновское. Условные обозначения см. на рис. 2.

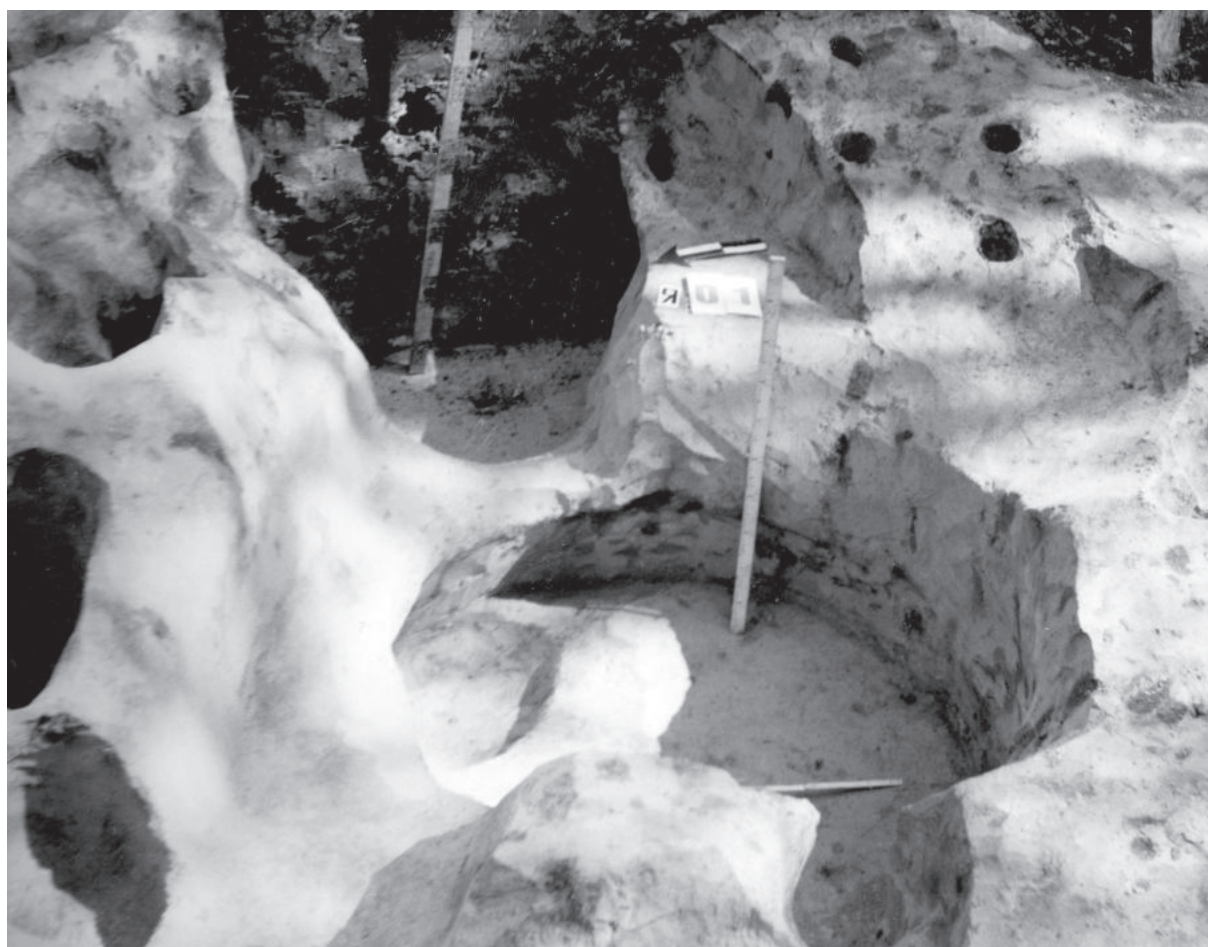

Рис. 4. Яма с находкой остатков рыбы, вид с запада; Западное Юхновское городище.

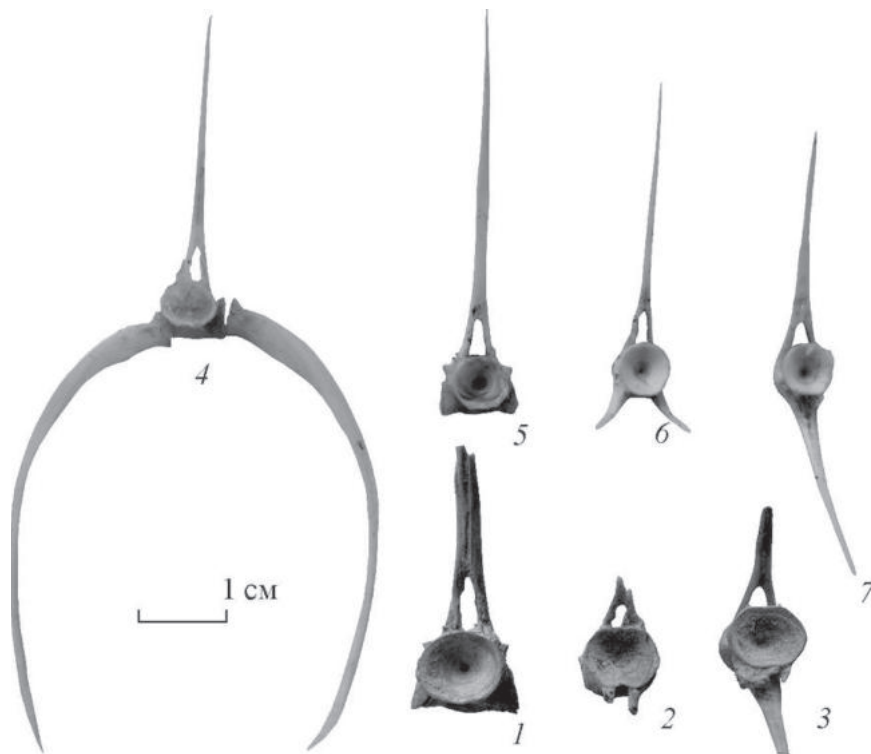

Рис. 5. Кости карповых рыб: 1 – тулова; 2, 3 – хвостовые (из городища Песочный Ров); 4 – тулова; 5-7 – хвостовые (современные).

Рис. 6. Плавники карповых рыб: 1 – из городища Песочный Ров; 2 – современный.

Юхновское городище) установлено, что щука 5 лет имела размеры 69,9 см; на Песочном Рве выявлены кости, принадлежащие особям в возрасте 7 и 8 лет, размерами 70,1; 86,0 см⁴; с городища Селище происходит 1 косточка от особи 8 лет размерами 55,5 см. (Лебедев 1960, 291). Как видим, данные в значительной мере варьируют. Таким образом, мы не можем утверждать, что размеры рыб в I тыс. до н.э. были большими чем аналогичные показатели их современных родственников.

Единственный случай, давший возможность сопоставления возраста и размера рыбы, это два сложных хребта веберова аппарата у сома. В.Д. Лебедев по этому поводу отмечал, что «Это единственный случай, когда темп роста ископаемого сома значительно превышает темп роста современного сома, но из-за незначительности материала по ископаемому сому делать какие-либо выводы вряд ли целесообразно» (Лебедев 1960, 296).

⁴ В.Д. Лебедев прямо об этом не говорит. Это следует из анализа текста.

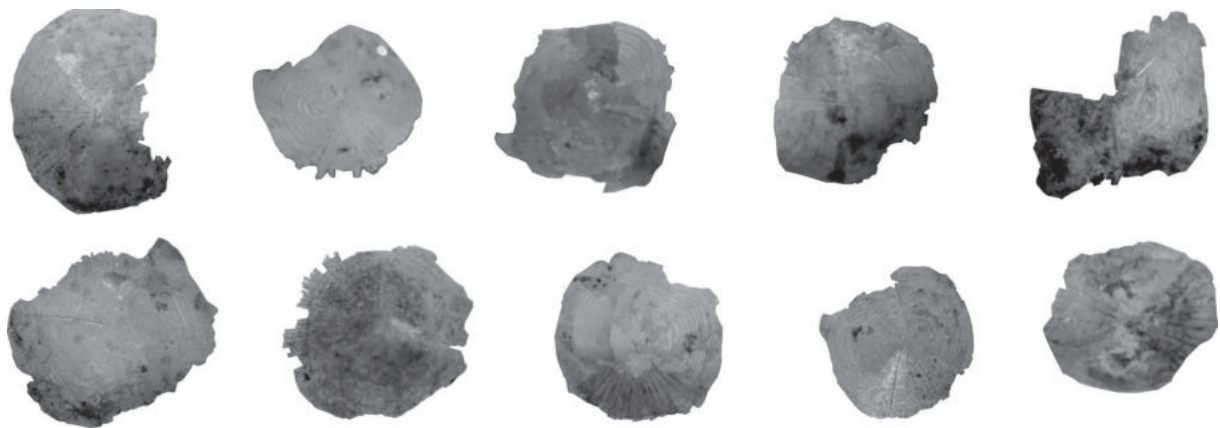

Рис. 7. Чешуя карповых рыб из городища Песочный Ров.

2. Рыбачьие снасти

На основе существующего археологического материала можем реконструировать несколько способов ловли рыбы, используемых юхновским населением. Среди них индивидуальные (на крючок и с помощью гарпуна), а также промышленный способ (неводом и сетью).

Также отметим, что среди материалов юхновской культуры, небогатых на мелкую пластику, присутствует фигурка рыбы, вырезанная из кости. В сравнении с другой пластикой, данная фигурка выполнена особенно тщательно (рис. 8). Этот факт косвенно свидетельствует о важной роли рыболовства у жителей юхновских городищ.

Снасти для индивидуальной ловли. Находки рыбачьих крючков известны с нескольких памятников: в частности несколько экземпляров происходит с Жадинского городища (Мельниковская 1968/85, 22.23.25). Крючки также известны из памятников Кудлаевка, Западное Посудичи, Кветунь. Они достаточно массивные, изготовлены из железа (рис. 9). Вероятно, исходя из их размеров, такие крючки применяли для ловли сома, который, как правило, «стоит» под крутым берегом реки.

Еще один способ, известный с древнейших времен, забивание рыбы с помощью остроги или гарпуна. Такие находки происходят с городищ Лбище, Случевск, Торфель, Западное Юхновское, Бужанка I, Песочный Ров. Их острия изготавливали преимущественно из кости, однако известны и металлические экземпляры, в целом повторяющие формы костяных изделий, но благодаря материалу они более тонкие (рис. 10). Данные снасти можно было использовать на мелководье, в поймах, во время разлива или же с лодки. Существование последней

у юхновского населения косвенно подтверждается находкой каменного якоря(?) с Посудичского городища (Мельниковская 1970, 62). Находки гарпунов широко известны в хронологически близких материалах днепро-двинских племен (Шмидт 1992, 77.78, табл. 2).

Хозяйственный инвентарь рыбака раннего железного века, VI-V вв. до н.э. (по материалам многослойного поселения у с. Хринники на Волини), был проанализирован Д.Н. Козаком. На основе серии костяных находок, происходящих из одного жилищно-хозяйственного комплекса, он предложил обоснованную реконструкцию орудий для ловли рыбы. В комплекс входили: гарпун в виде трезубца, состоящий из трех роговых деталей, крепившихся к деревянному черенку при помощи эластичного жгута или веревки (или же это три разных гарпуна); захват из трех клыков кабана (аналогичным образом закрепленных на короткой деревянной ручке), размещенных изгибом напротив (1 к 2); нож из рога с деревянной ручкой для чистки потрохов (Козак 2009, 95-96, рис. 5; 2009а, рис. 3,4)⁵. В материалах юхновской культуры такие находки *in situ* неизвестны. Поэтому, не исключая возможности существования трезубых гарпунов, все же считаем уместным говорить про обычную, простую форму гарпуна, состоящего из деревянной рукояти и острога наконечника.

*Грузила для рыболовных сетей*⁶. Наиболее распространенным способом, дававшим значительно больший улов, был вылов рыбы при помощи разного рода сетей. Использование сетей и неводов возможно предполагать не только на основе находок глиняных грузил, но и благодаря наличию смешанного улова (Лебедев 1944, 242). Установка

⁵ Художественно-графическую реконструкцию см.: Козак 2010, 56-57, рис. И. Ковтун.

⁶ Материал частично опубликован (Каравайко 2007).

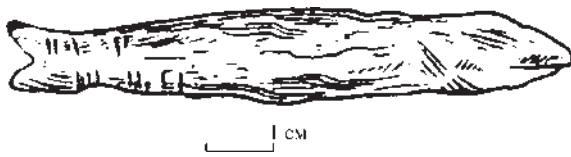

Рис. 8. Фигурка рыбы, Трубчевск (по В.П. Левенку).

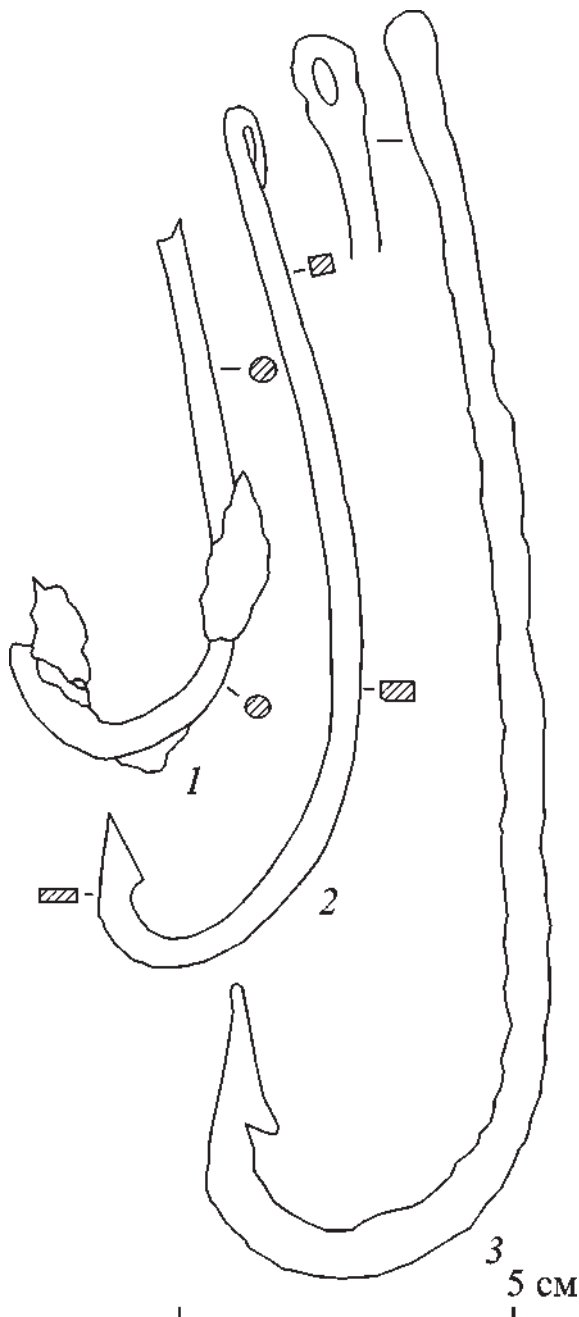

Рис. 9. Орудия рыбной ловли из материалов юхновской культуры; крючки: 1 – Кудлаевка; 2 – Западное Посудичи (по О.Н. Мельниковской); 3 – Кветунь (по В.П. Левенку).

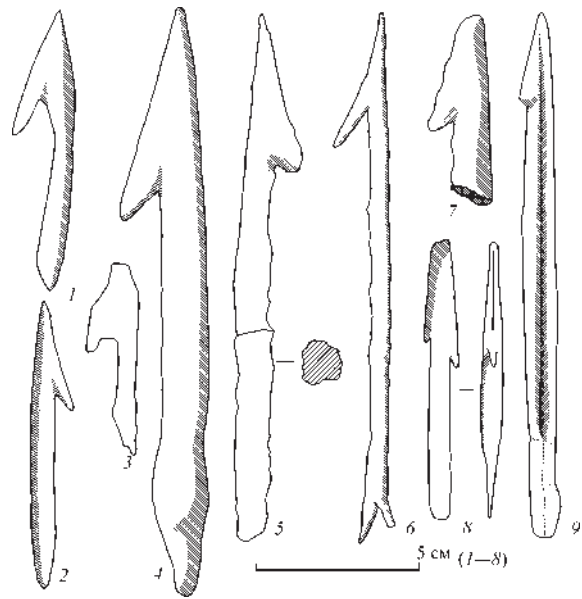

Рис. 10. Орудия рыбной ловли из материалов юхновской культуры; гарпуны: 1-4 – Лбище (по В.А. Падину); 5 – Случевск (по Е.А. Шинакову); 6 – Торфель (по Е.И. Горюновой); 7 – Западное Юхновское; 8 – Бужанка I; 9 – Песочный Ров (по Д.В. Лебедеву). 6 – железо, остальное – кость.

таких снастей достаточно сложна, а порою и невозможна без использования лодки, что является еще одним косвенным доказательством существования последней.

Для плетения сетей применяли разного рода костяные иглы, которые, впрочем, могли быть полифункциональными. Особый интерес представляет находка с городища Свердловка I (рис. 11,1). Согласно описанию О.Н. Мельниковской, это изделие представляло собою костяную пластинку с выделенной головкой и, исходя из современных аналогий, напоминало инструмент для плетения сетей (Мельниковская 1968/85, 18). Несколько схожий предмет найден и на Западном Юхновском городище, что позволяет предположить аналогичную его функцию (рис. 11,2).

Изготовление сетей для рыбной ловли было достаточно простым. Для ее установки необходимо было на полотне сети разместить на противоположных краях поплавки и грузики. Если последние широко известны на городищах юхновской культуры, о чем речь пойдет ниже, то находки разного рода поплавков, изготовленных из дерева, коры или прочего органического материала, по объективным причинам не сохранились. Среди археологически зафиксированных поплавков для сетей в качестве примера приведем материалы древнерусского времени с Киевского Подола (по крайней мере, часть

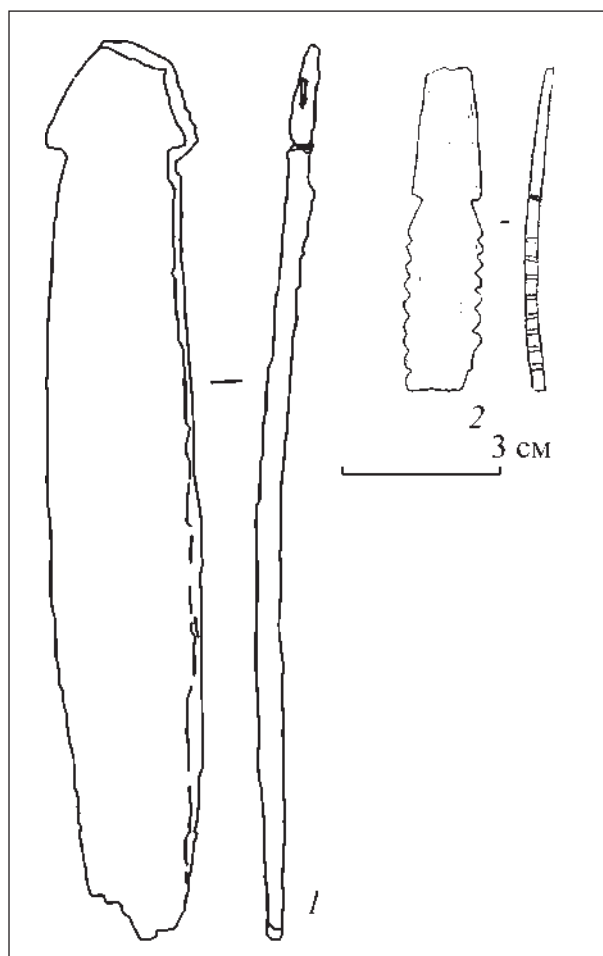

Рис. 11. Орудия для плетения сетей: 1 – Свердлово I (по О.Н. Мельниковской); 2 – Бужанка I.

таких изделий могли использовать рыбаки) (Гупало, Толочко 1975, рис. 21), Берестья (Лысенко 1985, 367.368, рис. 249.250), из слоев X-XV вв. Древнего Новгорода (Колчин 1968, 104, табл. 7). Более ранние находки, к сожалению, не известны.

К числу наиболее массовых находок на юхновских городищах принадлежат фрагменты и целые формы глиняных грузил. Нет смысла перечислять все памятники юхновской культуры, на которых найдены эти изделия, так как по своему количеству они уступают лишь керамическому бою. Грузила определенных форм и в таком количестве характерны только для материального комплекса юхновской культуры. Как правило, они имеют форму усеченного конуса высотой в среднем 7 см с отверстием 1,5-2,5 см (рис. 12). Диаметр верхней части 3-4 см. Нижняя часть диаметром 7-10 см в разрезе имеет несколько выгнутую (овальную) форму, что не позволяет предмету находиться в ровном положении

на плоскости. Известны грузила, имеющие в разрезе форму круга и с неправильными очертаниями. Наибольшее расширение приходится на линию, расположенную несколько ниже середины высоты. При исследовании городища Кудлаевка О.Н. Мельниковская отмечала находки цилиндрических грузил, и как исключение, более сложных форм (Мельниковская 1966/69, 6). Грузила в форме бублика, на сегодняшний день, найдены только на городище Бужанка I (рис. 12, 10.11). К категории рыболовных грузил мы их относим условно.

Вышеописанные грузила в своем большинстве изготовлены достаточно небрежно, поверхность изделия неровная. Обжиг некачественный, примеси в тесте, как правило, отсутствуют; лишь изредка видны незначительные вкрапления песка или органики. О.Н. Мельниковская отмечала, что при попытке взять такое грузило в руки оно рассыпается (Мельниковская 1965/48, 12). Эти изделия орнаментировались крайне редко. Так иногда фиксируются глубокие пальцевые вдавления по бокам, однако они, скорее всего, были не столько декором, сколько служили абсолютно практическим целям — максимальному укреплению корпуса при обжиге. Возможно, именно небрежностью при изготовлении объясняется наличие разных форм. При использовании данных изделий в качестве рыболовных грузил для сетей форма не была главным фактором.

В ходе археологических исследований ряда памятников юхновской культуры⁷ удалось проследить технологию изготовления таких грузил. Изначально лепился конус, затем в его верхней части путем прокручивания палочки делали отверстие (круговые линии в верхней части отверстия сохранились на некоторых фрагментах). В результате такого «сверления» сохранялась общая форма, но деформировался верх конуса и частично стенки. На большинстве фрагментов грузил хорошо видно, что верхняя часть отверстия оформлена достаточно аккуратно, в то время как нижняя несколько меньшая в диаметре и зачастую не имеет четких геометрических форм. Вероятно, что при помощи вращательных движений лишь начинали готовить отверстие, а приблизительно с середины высоты палочку просто продавливали.

Вопрос о предназначении таких грузил в целом может считаться решенным. Еще один из первых исследователей юхновской культуры М.В. Воеводский считал их безусловными грузилами для рыбацких сетей (Воеводский 1949а, 72). К подтверждению приведем несколько доводов. Во-первых,

⁷ Наблюдения проведены в ходе раскопок городищ Западное Юхновское и Киселевка II.

подобные грузила часто находят вместе с рыбьей чешуей и костями, как правило, в заполнении хозяйственных ям. Во-вторых, небрежность при изготовлении и массовость таких находок может свидетельствовать в пользу их одноразового использования. Изготовлению грузил (их качеству) не придавали большого значения и не старались добиться от исключительно утилитарных вещей эстетического вида, так как в процессе рыбалки их очень легко можно было потерять. С практической точки зрения ни качество, ни эстетичный внешний вид были не нужны.

Огромное количество находок грузил может быть объяснено не только вышесказанным. Очевиден достаточно высокий уровень развития рыбной ловли у населения юхновской культуры. Эта отрасль не была настолько развита ни у одной из соседних археологических культур раннего железного века. Причиной тому являлись и удобные природно-географические условия региона. Рыба, идущая на нерест, мигрировала именно в верховья Десны, а не в заболоченные верховья Днепра. Во время таких массовых миграций и проводился активный вылов рыбы, что позволяло пополнить запасы продуктов в наиболее голодную пору года. Интересно, что в Среднем Поднепровье, где рыбы было значительно больше, таких процессов не наблюдаем (как исключение, территория Надпорожья). Не исключено, что возникновение подобной ситуации следует объяснять различным уровнем развития хозяйства (различными ХКТ).

На сегодняшний день мы не можем говорить о временных тенденциях и изменениях в развитии рыболовного промысла у населения юхновской культуры. Снасти для индивидуальной ловли и глиняные грузила для сетей найдены как на наиболее ранних памятниках (Кудлаевка, Киселевка II, Мезин, частично Песочный Ров), так и на самых поздних (Бужанка I). Касательно же территории распространения юхновской культуры, ситуация иная. Так для городищ бассейна р. Сейм находки глиняных грузил явление редкое. Как пример городище Кузина Гора, где подобные находки неизвестны (Алихова 1962). Менее развитый рыболовный промысел населения данного региона может быть так же объяснен природно-географическим фактором.

Способы ловли рыбы не ограничиваются выше названными вариантами. Так, по этнографическим материалам, известны и другие, более простые способы. Д.К. Зеленин сообщал, что на речках с несильным течением рыбаки могли устраивать заборы (из), либо заколы. Первыми перекрывали все русло реки, вторые использовались только под берегом (прибрежники). Их ставили не на всю

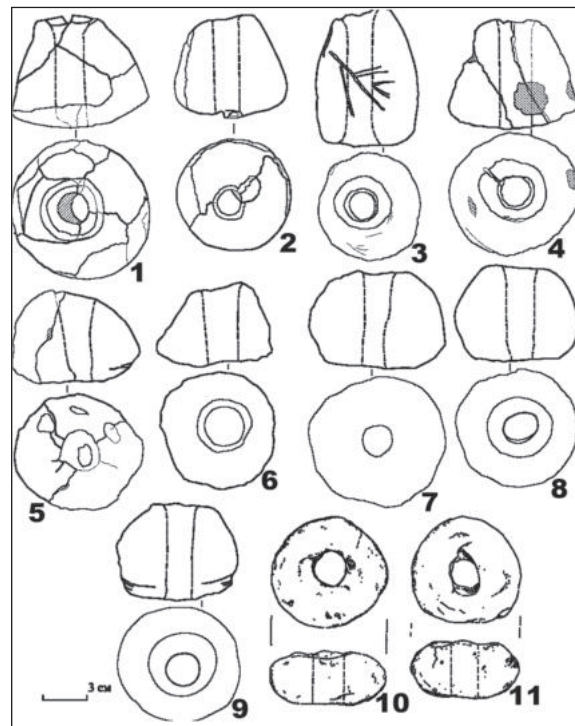

Рис. 12. Грузила для рыболовецких сетей из памятников юхновской культуры: 1, 2 – Песочный Ров; 3, 4 – Западное Юхновское; 5-9 – Киселевка II; 10, 11 – Бужанка I.

ширину реки, а только на 10–20 м от берега. Изготовление такого сооружения достаточно простое: в одну линию втыкались деревянные жерди, которые соединяли между собою. Таким образом, устраивалось «запядня», из которой рыба не могла спастись (Зеленин 1991, 103-104, рис. 29). Естественно, подобные способы ловли рыбы невозможно зафиксировать археологически, поэтому говорить о них можем лишь теоретически.

* * *

То, что рыбная ловля давала существенный дополнительный продукт питания – факт неоспоримый. Однако степень развития данного промысла у разных народов эпохи раннего железа была различная. Как пример, на таких крупных лесостепных городищах как Мотронинское (бассейн Тясмина) и Бельское (бассейн Ворсклы) находки костей рыб, чешуи и рыбацких принадлежностей довольно редкое явление (Шрамко 1987, 91; Бессонова, Скорый 2001, 115).

Анализируя рыболовство у степных скифов, Н.А. Гаврилюк пришла к выводу, что оно стало играть определенную (еще незначительную) роль только с IV в. до н. э. Именно этим временем датируются две хозяйственные ямы с Лысой Горы, заполненные рыбьими костями и чешуей. А уже в позднескифский период такие находки при-

сутствуют повсеместно. К тому же, появляются грузила и рыболовные крючки (Гаврилюк 1999, 234.335).

У населения милоградской культуры рыболовство также не было развитым промыслом. В материальном комплексе данной культуры практически неизвестны находки рыбацких снастей. Касательно последних, имеем нечеткие свидетельства; находка или не может быть однозначно интерпретирована, или происходит с многослойного и разновременного памятника. Аналогичная ситуация и с ихтиологическими останками: они либо неизвестны, либо найдены на многослойном памятнике. Характеризуя рыболовство милоградской культуры в целом, О.Н. Мельниковская отмечала, что на территории Беларуси оно практически не имело никакого значения при получении дополнительного продукта питания, так как вполне достаточно было продуктов, получаемых от животноводства и земледелия (Мельниковская 1967, 139.140).

Более развитым рыболовство было у населения культур штрихованной керамики. В материальном комплексе присутствуют принадлежности рыбака, как для индивидуальной ловли (крючки, гарпуны), так и для массового вылова (грузила для сетей). Анализ ихтиологических данных проведен на таких памятниках как Зазоны и Ратюнки (культура ранней штрихованной керамики)⁸. Среди останков рыб в большом количестве найдены кости и чешуя щуки (практически половина от всего количества), окуня (17,2; 31,5% соответственно), леща (около 1/10), судака (3,4; 7,5% соответственно), плотвы (10,3% на Зазонах); остальные виды (густера, карась, язь, красноперка, угорь, голавль) представлены в небольшом количестве, до 3,4% и меньше (Егорейченко 2006, 48-49). Для культуры поздней штрихованной керамики аналогичные определения не проводились (см.: Егорейченко 2006, 101.103)).

Е.А. Шмидт, опираясь на анализ ихтиологических материалов с таких памятников как Наквасино и Новые Батеки, проанализировал рыболовство у населения днепровско-двинской культуры (Шмидт 1992, 76-78). В результате было установлено⁹, что

абсолютное большинство составляют останки щуки. Так же в улове присутствовали густера, язь, линь, лещ и окунь.

Выводы. Таким образом, необходимо еще раз отметить достаточно высокий уровень развития рыбной ловли у населения юхновской культуры, что не было характерной чертой ни для одной из соседних культур раннего железного века. Именно это подчеркивает определенную самобытность культуры и хозяйственного уклада этого древнего народа. Как видим, в материальном комплексе в большом количестве присутствуют разнообразные орудия рыбака. Исходя из проанализированного материала, мы можем утверждать важную роль индивидуальной рыбной ловли (имеются в виду находки гарпунов и крючков). Чрезмерно огромное количество грузил для рыбацких сетей, найденных на многих городищах, убедительно свидетельствует о промышленном вылове рыбы.

Как уже говорилось выше, причину такой ситуации следует объяснять удобными географическими условиями Деснянского региона. Центральная водная артерия – Десна – изобиловала рыбой, особенно весной, в период нереста. Весенние миграции стимулировали и массовый вылов в период с марта по июнь, т. е. в наиболее голодное время, когда ощущим недостаток запасов продуктов сельского хозяйства. Огромное количество рыбы становилось легкой добычей рыбаков. Ни в один из других сезонов (лето – зима) реки не были настолько богаты рыбой. Подобная ситуация сохранилась и в наши дни. Ведь не зря, с целью охраны популяции некоторых видов, рыбалка запрещена в период нереста (март-июнь).

Состав улова, характерный для древних памятников среднего течения Десны, мы склонны объяснять соответствующей ихтиофауной данного региона, а не какими либо локальными особенностями. Для этой территории такой состав рыбы фиксируется и в наше время (см.: Лебедев и др. 1969). А вот размеры промышленных рыб в целом были несколько большими (см. выше), что легко можно объяснить антропогенным влиянием на развитие ихтиофауны (массовость вылова рыбы до нашего времени).

⁸ Анализ костей рыб проведен м.н.с. Института истории НАН Беларуси Е.А. Ляшкевичем, чешуи – м.н.с. Института зоологии НАН Беларуси А.В. Зубеем.

⁹ Ихтиологические останки проанализировал сотрудник Osteологической лаборатории Института археологии АН СРСР Е.А. Цепкин.

Библиография

- Алихова 1962:** А.Е. Алихова, Древние городища Курского Посеймья. МИА 113, 1962, 86-129.
- Бессонова, Скорый 2001:** С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг.) (Киев; Краков 2001).
- Воеводский 1949:** М.В. Воеводский, Городища Десны. АП УРСР 1, 1949, 105-111.
- Воеводский 1949а:** М.В. Воеводский, Городища Верхней Десны. КСИИМК 24, 1949, 67-77.
- Гаврилюк 1999:** Н.А. Гаврилюк, История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. (Киев 1999).
- Горбаненко, Каравайко в печати:** С.А. Горбаненко, Д.В. Каравайко, Землеробство носіїв юхнівської культури. В зб.: у друку.
- Горбаненко, Каравайко в печати, а:** С.А. Горбаненко, Д.В. Каравайко, Мисливство у носіїв юхнівської культури. У друку, а.
- Горюнова 1950:** Е.И. Горюнова, Городище Торфель. КСИИМК 31, 1950, 148-156.
- Гупало, Толочко 1975:** К.М. Гупало, П.П. Толочко, Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. В зб.: Стародавній Київ (Київ 1975), 40-79.
- Егорейченко 2006:** А.А. Егорейченко, Культуры штрихованной керамики (Минск 2006).
- Зеленин 1991:** Д.К. Зеленин, Восточнославянская этнография (Москва 1991).
- Каравайко 2007:** Д.В. Каравайко, Глиняные грузила юхновской культуры. Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: М-ли Міжнар. наук. конф. (16-19 травня 2007 р.) (Київ; Чигирин 2007), 78-81.
- Каравайко, Кирилюк 2008:** Д.В. Каравайко, О.П. Кирилюк, О рыболовстве у населения юхновской культуры. Проблемы истории и археологии Украины: М-лы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. акад. В.П. Бузескула (Харьков, 10-11 октября 2008 г.) (Харьков 2008), 28.
- Каравайко, Горбаненко 2011:** Д.В. Каравайко, С.А. Горбаненко, Животноводство у населения юхновской культуры. Stratum plus 3, 2011, 275-290.
- Козак 2009:** Д.Н. Козак, Житлово-господарський комплекс рибалок доби раннього залізного віку на Волині. Археологія 2, 2009, 94-98.
- Козак 2009а:** Д.Н. Козак, До питання про рибальство у скіфську добу на Волині. Vita Antiqua 7-8, 2009а, 130-134.
- Козак 2010:** Д.Н. Козак, Етюди давньої історії України (Київ 2010).
- Колчин 1968:** Б.А. Колчин, Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ Е1-55 (Москва 1968).
- Лебедев 1944:** В.Д. Лебедев, К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десны в период от последней межледниковой до современной эпохи. Зоологический журнал 23, Вып. 5, 1944, 240-249.
- Лебедев 1960:** В.Д. Лебедев, Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР (Москва 1960).
- Лебедев и др. 1969:** В.Д. Лебедев, В.Д. Спановская, К.А. Савваитова, Л.И. Соколов, Е.А. Цепкин, Рыбы СССР. Серия: справочники-определители географа и путешественника (Москва 1969).
- Левенок 1957:** В.П. Левенок, Городища юхновской культуры. КСИИМК 7, 1957, 49-53.
- Левенок 1963:** В.П. Левенок, Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА 3, 1963, 79-96.
- Лысенко 1985:** П.Ф. Лысенко, Берестье (Минск 1985).
- Мельниковская 1965/48:** О.Н. Мельниковская, Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. НА ИА НАН України. 1965/48.
- Мельниковская 1966/69:** О.Н. Мельниковская, Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1966 г. НА ИА НАН України. 1966/69.
- Мельниковская 1967/43:** О.Н. Мельниковская, Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. НА ИА НАН України. 1967/43.
- Мельниковская 1967:** О.Н. Мельниковская, Племена южной Белоруссии в раннем железном веке (Москва 1967).
- Мельниковская 1968/85:** О.Н. Мельниковская, Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г. НА ИА НАН України. 1968/85.
- Мельниковская 1970:** О.Н. Мельниковская, Городища юхновской культуры в бассейне р. Судости. АО за 1969 г. (Москва 1970), 61-62.
- Шмидт 1992:** Е.А. Шмидт, Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.) (Москва 1992).
- Шрамко 1987:** Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Сергей Горбаненко - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Отдел археологии ранних славян Института археологии НАН Украины. Украина, 04210, Киев 210, просп. Героев Сталинграда, 12. gorbanenko@gmail.com

Дмитрий Каравайко - кандидат исторических наук, научный сотрудник. Отдел археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины. Украина, 04210, Киев 210, просп. Героев Сталинграда, 12. dvkaravaiko@mail.ru

APARIȚIA ȘI EVOLUȚIA AȘA-NUMITELOR „SAPE” ÎN EPOCA BRONZULUI DIN EUROPA DE EST

Eugen UȘURELU, Chișinău

Autorul studiului abordează problematica apariției și evoluției așa-numitelor „sape” în epoca bronzului din Europa de Est.

Генезис и эволюция так-называемых „мотыг” эпохи бронзы Восточной Европы. В статье рассматриваются вопросы генезиса и эволюции так-называемых „мотыг” эпохи бронзы Восточной Европы.

Entstehung und Entwicklung der sog. „Hacken“ in der Bronzezeit Osteuropas. Der Artikel ist den Problemen der Entstehung und Entwicklung der sog. „Hacken“ in der Bronzezeit Osteuropas gewidmet.

Schlüßelworte: Osteuropa, Bronzezeit, Typologie, Chronologie, sog. „Hacken“ mit geschmiedeter Tülle, Dechselformen mit geschmiedeter Tülle.

Introducere

În privința pieselor abordate în lucrarea de față, în literatura de specialitate se manifestă o diversitate de opinii, atât în ceea ce privește definirea și respectiv destinația lor, cât și referitor la încadrarea cronologică și atribuirea culturală.

Aceleași artefacte sunt definite drept tesle-celturi (Черных, Кузьминых 1989, 39, рис. 3,1-2), celturi (Бадер 1970, 103.106, рис. 39; Черных 1976, 68-69, табл. II,1-8; Куштан 1998a, 97, рис. 7; Берестнев 2001, 96, рис. 86,9.10), tesle-sape (Черных 1970, 147, рис. 52,18), piese în formă de teslă (Пряхин, Саврасов 1989, 73.75, рис. 17,11), sape sau săpăligi (Тихонов 1960, 54-55, табл. X,3; XXV,12; Халиков 1980, 47-48, табл. 51; Тереножкин 1961, 144-146, рис. 96; Leskov 1981, 80, Taf. 9,A76; Березанская 1982, 120, рис. 38,5.6; Чередниченко 1986, 54, рис. 17,22-30; Дергачев 1986, 138, рис. 36,19; Ключко, Козыменко 2011, 27.38, илл. 25; 44; László 1985, 19; 1989, 118; 1994, 147.183, fig. 80,6; László, Safta 1999, 85-88, fig. 1-2; Dergachev 2002, 32.111, Taf. 20,W.Y; Levički 2003, 237, fig. 93,1).

La rândul lor, divergențele în ceea ce privește datarea și atribuirea culturală a acestor artefacte sunt

determinate și de faptul că majoritatea lor reprezintă descoperiri accidentale, îndeosebi cele din zona nord-pontică.

Descoperirile din nordul Mării Negre sunt puse în legătură cu perioada timpurie a epocii bronzului (Ключко, Козыменко 2011, 27, илл. 25), perioada timpurie a culturii Srubnaja¹ (Черных 1976, 158; Чередниченко 1986, 54, рис. 17,22-30; Берестнев 2001, 113), complexe cu ceramică de tip Malopolovec'k (Куштан 1998a, 97) sau perioada culturii Belogradovka și eventual a culturii Černyj Les (în special etapa timpurie) (Тереножкин 1961, 146-147).

În ceea ce privește descoperirile din spațiul carpatonistean, acestea sunt sincronizate cu cultura ceramică cu multe brăie² (Дергачев 1986, 138, рис. 36,19), perioada timpurie a culturii Srubnaja (Dergachev 2002, 32.111), cultura Corlăteni-Chișinău sau eventual grupul Cozia (László 1985, 19; 1989, 118; László 1994, 147.183; László, Safta 1999, 87; Levički 2003, 237).

Luându-se în considerație cele menționate, se impune astfel o abordare a problematicii pieselor în cauză în vederea elucidării aspectelor discutabile în legătură cu acestea³.

¹ Transliterarea terminologiei, a numelor proprii, a denumirilor de localități în grafie chirilică s-a efectuat conform normelor: ISO Transliteration.

² Termenul echivalent în literatura de specialitate rusă este „kul'tura mnogovalikovoj keramiki” sau abrevierea KMK. Aceeași cultură mai este numită și Babino III (Березанская 1960), Babino (Литвиненко 2002) sau blocul cultural Babino (Литвиненко 2009).

³ Țin să mulțumesc și pe această cale dr.hab. V.A. Dergaciov, S.V. Kuz'minych, dr. D.P. Kuștan pentru informațiile și sugestiile importante primite.

I. Principii și metode de clasificare tipologică

În procesul efectuării clasificării tipologice a seriei de obiecte analizate s-au luat în considerație atât caracteristicile morfologice ale pieselor, cât și cronologia complexelor, localizarea descoperirilor. Seria în discuție este delimitată în șase tipuri.

Tipul 1 cuprinde tesle realizate prin turnare și finalizate prin plierea și suprapunerea celor doi „lobi” ai părții superioare. Marginea tocului de înmănușare este unitară, având conturul circular. Partea frontală a corpului este dreaptă, prevăzută cu muchie arcoidă, iar „lobii” pe partea dorsală prezintă spre lamă o „deschizătură” cu conturul arcuit. Partea superioară a corpului este mai îngustă, iar pe partea dorsală și mai scurtă decât lama. Lungimea pieselor - 9,6 cm (fig. 1,1; harta 1,1).

Tipul 2. Tesle având marginea tocului de înmănușare unitară și conturul circular, ceea ce mai degrabă este rezultatul baterii la cald (Бадер 1970, 103.106 рис. 39). Partea frontală a corpului este prevăzută cu „prag” la baza muchiei arcoidale a părții superioare a lamei, iar „lobii” pe partea dorsală prezintă spre lamă o „deschizătură” cu conturul arcuit. Partea superioară a corpului este mai îngustă, iar pe partea dorsală și mai scurtă decât lama. Lungimea pieselor - 11,5 cm (fig. 1,2; harta 1,2).

Tipul 3. Tesle cu conturul marginii tocului de înmănușare circular, având cei doi „lobi” suprapuși nu în partea superioară, ci la baza superioară a lamei. Astfel, „lobii” pe partea dorsală prezintă spre marginea tocului de înmănușare o „deschizătură” cu conturul unghiular, iar spre lamă arcuit. Partea frontală a corpului este prevăzută cu „prag” la baza superioară a lamei. Partea superioară a corpului este mai îngustă, totodată pe partea dorsală și mai lungă decât lama. Grosimea maximă a corpului se află la baza superioară a lamei, formând astfel un suport la baza tocului de înmănușare (fig. 1,3-6; harta 1,3-5). Lungimea pieselor variază între 9 și 12,5 cm (Тихонов 1960, 54).

Tipul 4. Subtipul 4.1. Tesle cu conturul marginii tocului de înmănușare ovoidal, având cei doi „lobi” suprapuși în partea superioară, prezentând spre lamă

o „deschizătură” cu conturul arcuit. Partea frontală a corpului are un contur semioval. Partea superioară a corpului este mai lată, totodată pe partea dorsală și mai scurtă decât lama. Grosimea maximă a corpului se află la baza superioară a lamei, formând astfel un suport la baza tocului de înmănușare (fig. 1,7-14; harta 1,6-10). Dimensiunile pieselor: lungimea - 12 cm, diametrul tocului de înmănușare - 4,3 cm, lățimea lamei - 3,5 cm (fig. 1,8; harta 1,7); lungimea - 6 cm, diametrul tocului de înmănușare - 3 cm, lățimea lamei - 2,6 cm (fig. 1,13; harta 1,9).

Subtipul 4.1.1. Tesle cu marginea tocului de înmănușare reliefată (fig. 1,15-21; harta 1,11-16). Dimensiunile pieselor: lungimea - 10,5 cm, lățimea - 4 cm (fig. 1,15; harta 1,11); lungimea - 13 cm, diametrul maxim al tocului de înmănușare - 4,9 cm, lățimea lamei - 4,8 cm (fig. 1,17; harta 1,13); lungimea - 10,7 cm, diametrul tocului de înmănușare - 3,9x2,6 cm (fig. 1,18).

Subtipul 4.2 include tesle cu partea superioară a corpului mai îngustă decât lama (fig. 1,22-24; harta 1,17). Dimensiunile pieselor: lungimea - 14,3 cm, diametrul tocului de înmănușare - 4,5x2,8 cm (fig. 1,22); lungimea - 8,8 cm, diametrul tocului de înmănușare - 4,4 cm, lățimea lamei - 4,8 cm (fig. 1,23; harta 1,17)⁴.

Tipul 5. Tesle cu conturul marginii tocului de înmănușare circular, având cei doi „lobi” suprapuși în partea superioară, prezentând spre lamă o „deschizătură” cu conturul arcuit. Partea frontală a corpului este dreaptă. Partea superioară a corpului este mai îngustă, iar pe partea dorsală și mai scurtă decât lama. Dimensiunile piesei: lungimea - 11,6 cm, lățimea lamei - 4,2 cm (fig. 1,25; harta 1,18).

Tipul 6. Tesle cu conturul marginii tocului de înmănușare circular, având cei doi „lobi” suprapuși în partea superioară, prezentând spre lamă o „deschizătură” cu conturul arcuit. Partea frontală a corpului are un contur semioval. Partea superioară a corpului este mai îngustă, totodată pe partea dorsală și mai lungă decât lama. Dimensiunile piesei: lungimea - 9,8 cm, lățimea lamei - 3,5 cm (fig. 1,26; harta 1,19).

⁴ O piesă aparținând acestui subtip a fost descoperită accidental în raionul Ungheni, R. Moldova. Mulțumesc și pe această cale dlui dr.hab. V.A. Dergaciov pentru informația oferită.

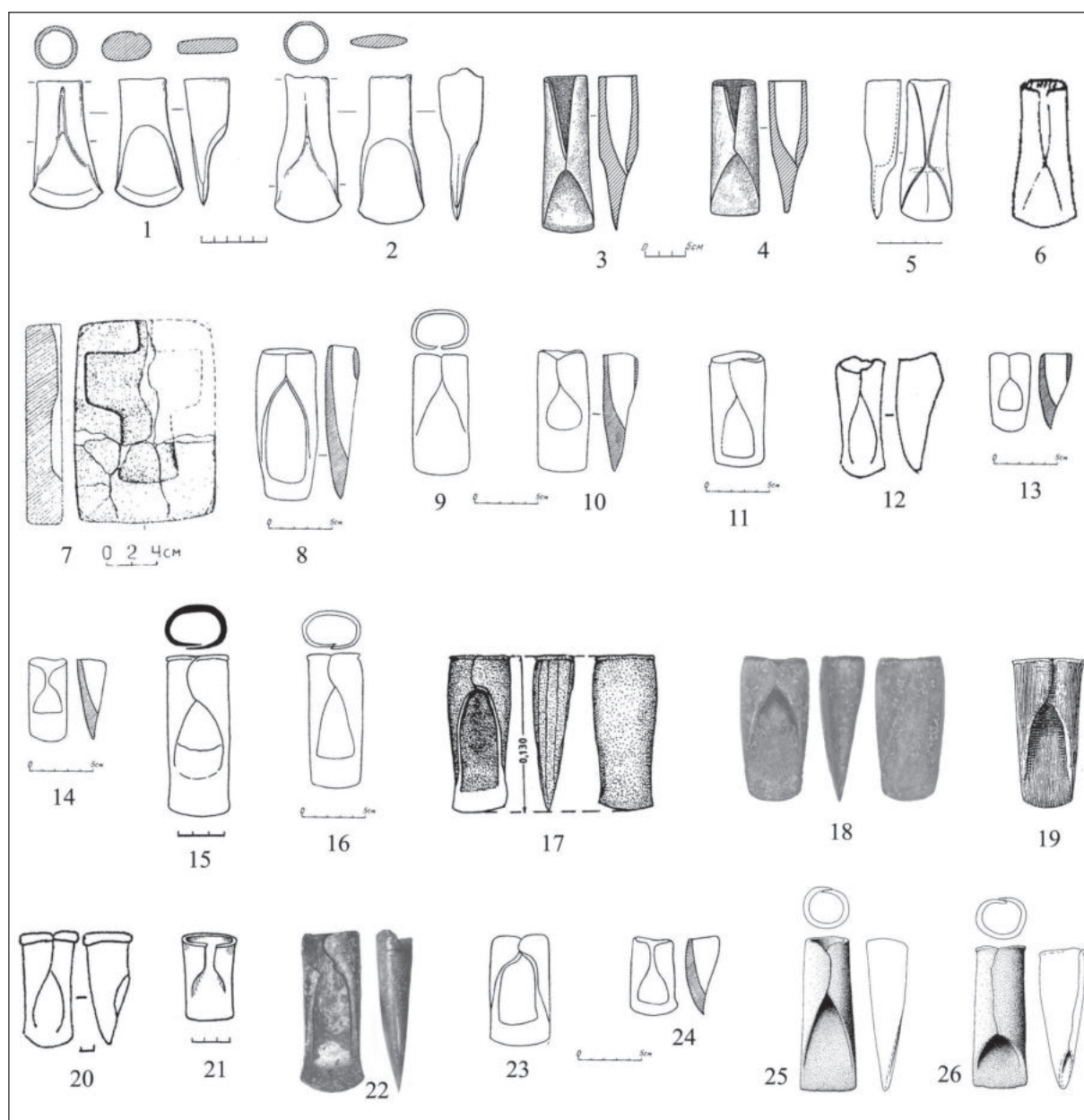

Fig. 1. Tesle din Europa de Est

Tipul 1. 1 – Rešnoe (Черных, Кузьминых 1989, 39, рис. 3,1);

Tipul 2. 2 – Sejma (Черных, Кузьминых 1989, 39, рис. 3,2);

Tipul 3. 3 – Taškirmen'; 4 – Soroč'i Gory (Халиков 1980, 47, табл. 51,2,3); 5 – Stepnoe; 6 – locul descoperirii necunoscut (Тихонов 1960, 54, табл. X,3; XXV,12);

Tipul 4. Subtipul 4.1. 7 – Mosolovka (Пряхин, Саврасов 1989, 73.75, рис. 17,11); 8 – fostul uezd Čerkasskij; 9 – Kanev; 10 – locul descoperirii necunoscut; 11 – fostele gub. Kievskaja și Podol'skaja (Тереножкин 1961, 144-145, рис. 96,1-2.4.7); 12 – reg. Char'kovskaja (Берестнев 2001, 96, рис. 86,10); 13 – Ostrovy; 14 – Severinovka (Тереножкин 1961, 145, рис. 96,6.9); **Subtipul 4.1.1.** 15 – Samovicja-ostrov 3 (Куштан 1998b, рис. 15,19); 16 – Ržišče (Тереножкин 1961, 144-145, рис. 96,3); 17 – jud. Vaslui (László, Safta 1999, 85, fig. 1-2); 18 – reg. Čerkasskaja (Клочко, Козыменко 2011, 27, илл. 25); 19 – Dolinskoe (Виноградский 1955, 90, рис. 2,7); 20 – Karačevo (Берестнев 2001, 96, рис. 86,9); 21 – Morovsk (Черных 1976, 68-69, табл. II,8); **Subtipul 4.2.** 22 – reg. Chersonskaja (Клочко, Козыменко 2011, 38, илл. 44); 23 – fostul uezd Kanevskij; 24 – locul descoperirii necunoscut (Тереножкин 1961, 144-146, рис. 96,5.8);

Tipul 5. 25 – Sărăteni (Dergačev 2002, 32.111, Taf. 20,Y);

Tipul 6. 26 – Chiperceni (Dergačev 2002, 32.111, Taf. 20,W).

6.12.18-19.22.25-26 – scara sursei inițiale este modificată.

Harta 1. Localizarea teslelor în Europa de Est (semne convenționale: simbol plin=complex închis; semiplin=formă de turnare; gol =descoperire teslă).

1 – Rešnoe, r-nul Vyksunskij, reg. Nižegorodskaja, Federația Rusă; 2 – Sejma, r-nul Volodarskij, reg. Nižegorodskaja, Federația Rusă; 3 – Taškirmen', r-nul Laiševskij, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 4 – Soroč'i Gory, r-nul Rybno-Slobodskij, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 5 – Stepnoe, r-nul Spasskij, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 6 – Mosolovka, r-nul Anninskij, reg. Voronežskaja, Federația Rusă; 7 – fostul uezd Čerkasskij, reg. Čerkasskaja, Ucraina; 8 – Kanev, reg. Čerkasskaja, Ucraina; 9 – Ostrovy, fostul uezd Kanevskij, Ucraina; 10 – Severinovka, r-nul Žmerinskij, reg. Vinnickaja, Ucraina; 11 – Samovicja-ostriv, reg. Čerkasskaja, Ucraina; 12 – Ržiščevo, reg. Kievskaja, Ucraina; 13 – jud. Vaslui, România; 14 – Dolinskoe, r-nul Sosnickij, reg. Černigovskaja, Ucraina; 15 – Karačevo, reg. Char'kovskaja, Ucraina; 16 – Morovsk, r-nul Kozeleckij, reg. Černigovskaja, Ucraina; 17 – fostul uezd Kanevskij, reg. Čerkasskaja, Ucraina; 18 – Sărăteni, r-nul Rîbnița, Rep. Moldova; 19 – Chiperceni, r-nul Orhei, Rep. Moldova.

II. Apariția și evoluția așa-numitelor „sape” în epoca bronzului din Europa de Est

În conformitate cu rezultatele determinării cadrului cronologic și cultural al așa-numitelor „sape” din regiunea analizată, cele mai timpurii piese de acest gen descoperite în complexe certe⁵ sunt cele din necropolele Reşnoe (fig. 1,1; harta 1,1) și Sejma (fig. 1,2; harta 1,2), din bazinul râului Oka, aparținând monumentelor de tip Sejma-Turbino (Черных, Кузьминых 1989, 14.17-18.19-20.39, рис. 3,1-2).

Uneltele în discuție sunt definite de către E.N. Černych și S.V. Kuz'minych drept tesle-celturi, totodată fiind subliniat faptul că respectivele piese sunt străine din punct de vedere tehnologic nu numai tradițiilor metalurgice Sejma-Turbino, dar și ale altor culturi din perioada târzie a epocii bronzului din zona de pădure a Eurasiei, avându-și originea în tradițiile metalurgice ale culturii Abaševo⁶ (Черных, Кузьминых 1989, 39).

Din punct de vedere al cronologiei relative, necropola Sejma este sincronă cu cultura Sintašta și parțial cu cultura Petrovka din regiunile sudice transuralice și monumentele de tip Pokrovsk din bazinul r. Volga și bazinul mijlociu al r. Don (Бочкарев 2004, 395).

În ceea ce privește cronologia absolută a monumentelor și culturilor enumerate, în conformitate cu datele ¹⁴C actuale, aceasta este plasată în intervalul cuprins între sfârșitul mileniului III – primul sfert al mileniului II a.Chr. (Епи́махов, Хэнкс, Ренфрю 2005, рис. 3; Koryakova, Epimakhov 2007, tab. o.3; o.4).

O altă grupă de artefacte în cadrul evoluției așa-numitelor „sape”, atât din punct de vedere cronologic, cât și teritorial, este reprezentată de piesele având cei doi „lobi” suprapuși nu în partea superioară, ci la baza superioară a lamei (fig. 1,3-6; harta 1,3-5).

Una din aceste unelte provine dintr-o așezare a culturii Srubnaja (fig. 1,5; harta 1,5), celelalte reprezintă descoperiri izolate din aria culturii Balanovskaja⁷ și a așa-numitei culturi Prikazanskaja⁸.

Piesele respective sunt atribuite de către B.G. Tichonov grupei a doua de unelte în formă de teslă. Însă, dacă prima grupă a acestor unelte sunt definite drept

tesle, atunci cele ale grupei a doua sunt considerate a fi sape sau săpăligi (motyga în rusă). Această opinie este întemeiată pe faptul că raportul între lungimea lamei și a corpului în cazul uneltelor grupei a doua, spre deosebire de prima, este invers, adică corpul este mai lung și lama mai scurtă. Totodată, este subliniat și faptul că lama este mai masivă și nu îndeajuns de ascuțită (Тихонов 1960, 54-55).

În opinia lui S.V. Kuz'minych, și această a doua grupă de unelte în accepțiunea lui B.G. Tichonov, ar reprezenta tesle⁹. Un argument în plus în acest sens este și faptul că rezultatele investigațiilor arheobotanice efectuate în această zonă indică un nivel infim al creșterii culturilor agricole în perioada târzie a epocii bronzului. Iar, în ceea ce privește etapele anterioare, careva indicii în practicarea acestei activități lipsesc în genere (Лебедева 1996; 2004; 2005).

În ceea ce privește propriu-zis sapele sau săpăligile de metal, conform lui S.V. Kuz'minych, acestea probabil că nici nu au existat în Europa de Est în epoca bronzului, spre deosebire de zona Caucazului (cultura Majkop) și cea a Balcanilor.

În calitate de piese ce ar înlesni încadrarea cronologică a pieselor grupei în discuție (fig. 1,3-6), pot fi menționate dăltile-tesle cu caracteristici morfologice similare din depozitele Verchne-Kizyl'skij, Ibrakaevo, Kostromskaja și din cadrul tumulului 6, mormântul 6, de la Utevka VI (Дергачев, Бочкарев 2002, табл. 101,9; 102,19; 103,B1; 109,A1-2; Dergačev, Bočkar'ev 2006, pl. 101,9; 102,19; 103,B1; 109,A1-2). Toate aceste complexe sunt atribuite perioadei I (2000-1600 a.Chr) din schema cronologică a culturilor și complexelor ce conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Dergačev, Bočkar'ev 2006, fig. 1).

Următoarea grupă de artefacte este reprezentată de piesele din nordul Mării Negre (fig. 1,7-16.18-24; harta 1,6-12.14-17) și cele din spațiul carpato-nistean (fig. 1, 17.25-26; harta 1,13.18-19), în majoritate descoperite accidental.

⁵ Trebuie de menționat aici și o descoperire a unei astfel de unelte mai vechi din cadrul unei stațiuni eneolitice (Ust'-Pal') din bazinul r. Kama aparținând culturii Garinskaja (Бадер 1959, 119, рис. 47,7).

⁶ În conformitate cu datele ¹⁴C actuale, cultura Abaševo din zona de silvostepă a regiunii pre-uralice este datată în intervalul 2100-1800 a.Chr. (Koryakova, Epimakhov 2007, tab. o.4).

⁷ Informație oferită de S.V. Kuz'minych.

⁸ Conceptul culturii Prikazanskaja în accepțiunea lui A.Ch. Chalikov (Халиков 1968; 1980) este actualmente revizuit. Etapa Maklašeenskaja este asociată cu o cultură sau comunitate culturală distinctă (Кузьминых 1977; 1983; Марков 1996, 10; Обыденнов 1998; Чижевский 2001; 2008) de la sfârșitul perioadei târzii a epocii bronzului din zona de pădure și de silvostepă a regiunii Volga-Kama (sec. 12/11 – prima jumătate a sec. 9 a.Chr.). În timp ce etapa Atabaevskaja este percepută drept o fază timpurie a culturii din urmă (Чижевский 2001, 30-36) sau parte componentă a culturii Suskanskaja-Lugovskaja (Колев 1991; Колев, Ластовский, Мамонов 1995). Propriu-zis culturii Prikazanskaja, îi revin astfel numai primele două etape ale acesteia, Zajmišenskaja și Balymko-Kartašichinskaja, în accepțiunea lui A.Ch. Chalikov. Dar, și în cazul lor există opinii cu privire la necesitatea unor cercetări noi (Кузьминых 2001, 19-20; Чижевский 2007).

⁹ Expusă în cadrul unei discuții private.

Excepții în acest sens sunt valva de tipar descoperită în așezarea Mosolovka (fig. 1,7; harta 1,6) a culturii Srubnaja și piesa de la Karačevo (fig. 1,20; harta 1,15), care ar face parte din componența unui depozit compus din seceri similare celor din depozitul de la Kabakovo¹⁰ (Leskov 1981, Taf. 1,C1-6), la care se adaugă un vârf de lance și piese cu destinație incertă (Берестнев 2001, 96).

În ceea ce privește valva de tipar, aceasta este considerată a fi prevăzută pentru turnarea unor unelte în formă de teslă (Пряхин, Саврасов 1989, 73, рис. 17,11).

Așezarea de la Mosolovka este înglobată în orizontul eponim al monumentelor din perioada târzie a epocii bronzului, datat în al treilea sfert al mileniului II a.Chr. Începutul acestei așezări este sincronizat cu etapa finală a monumentelor de tip Abaševo, iar sfârșitul – cu mormintele etapei târzii a culturii Srubnaja în cadrul așezării deja abandonate. Poziția cronologică a acestui orizont este plasată începând cu etapa post-Sintašta și finalizând cu etapa anterioară celei a monumentelor târzii cu ceramică cu brăie¹¹ (Пряхин 1997, 49-56).

Rezumând cele expuse, trebuie de subliniat faptul ca dacă poziția cronologică inferioară a categoriei tipologice de unelte abordată rămâne încă nedefinitivă univoc, atunci cea superioară se plasează cu certitudine către sfârșitul perioadei a II-a și începutul perioadei a III-a (sfârșitul sec. XV – începutul sec. XIV a.Chr.) a schemei cronologice a culturilor și complexelor ce conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului

din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Dergačev, Bočkarev 2006, fig. 1).

De asemenea trebuie de menționat și faptul că în cazul dacă definirea categoriei tipologice de unelte abordată drept tesle este corectă, atunci aceasta reprezintă o variație funcțională distinctă în cadrul uneltelor în formă de teslă, pe lângă prima grupă de unelte în formă de teslă în accepțiunea lui B.G. Tichonov (Тихонов 1960, 54, табл. VIII,11; XXV,9), pe de o parte, și pe de alta, dălțile-tesle cu corpul zvelt din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, табл. 101,9; 102,19; 103,B1; 109,A1-2; Dergačev, Bočkarev 2006, pl. 101,9; 102,19; 103,B1; 109,A1-2) și din nordul Mării Negre (Тереножкин 1961, 146, рис. 97,1-3)¹².

Indiferent de aspectul legat de definirea și respectiv destinația uneltelor în cauză, nu este întemeiată în cazul acestora utilizarea termenului de celt, separat sau în asociere cu alt termen. Deoarece noțiunea de celt este mai mult sau mai puțin univoc asociată cu categoria uneltelor cu toc de înmănușare „închis” la un capăt, nu tubular, ca în cazul dat sau altele¹³.

Răspândirea în etape succesive a pieselor seriei analizate, din bazinul Volga-Kama în zona nord-ponctică și spațiul carpato-nistean (fig. 1; harta 1), prezintă similitudini cu evoluția în timp și spațiu și a altor categorii funcționale de piese de origine răsăriteană din etapele ulterioare ale perioadei târzii a epocii bronzului (Дергачев, Бочкарев 2002; Dergačev, Bočkarev 2006; Бочкарев 2002; Ушурелу 2010; Uşurelu 2010; 2011).

¹⁰ Varianta Kobakovo, tipul Derbeden' (după Дергачев, Бочкарев 2002, 93-99, табл. 32-34; Dergačev, Bočkarev 2006, 114-120, pl. 32-34).

¹¹ În limba rusă aceste monumente sunt numite „obščnosti kul'tur valikovoј keramiki” (Черных 1983; 1984; Chernykh 1992).

¹² Sapele sau săpăligile „înguste” în accepțiunea lui A.I. Terenožkin.

¹³ În literatura de specialitate de limbă rusă, cu unele excepții, noțiunea de celt este strict asociată cu primele unelte respective din Siberia de Vest și Europa de Est din mediul Sejma-Turbino (Черных, Кузьминых 1989; Бочкарев 2002) și cele ulterioare din acest spațiu (Грязнов 1941), inclusiv până în epoca fierului.

Bibliografie

- Chernykh 1992:** E.N. Chernykh, *Ancient metallurgy in the USSR* (Cambridge 1992).
- Dergachev 2002:** V. Dergachev, *Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
- Dergachev, Bochkarev 2006:** V. Dergachev, V. Bochkarev, *Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est*. Bibliotheca Archaeologica Moldaviae V (Iaşi 2006).
- Koryakova, Epimakhov 2007:** L. Koryakova, A.V. Epimakhov, *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages* (Cambridge 2007).
- László 1985:** A. László, *Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei*. Rezumatul tezei de doctorat (Iaşi 1985) (1986).
- László 1989:** A. László, *Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe-VIIe siècles av.n.è. La civilisation de Hallstatt. Bilan d'une rencontre* (Liège 1989), 111-129.
- László 1994:** A. László, *Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi*. Bibliotheca Thracologica VI (Bucureşti 1994).
- László, Safta 1999:** A. László, E. Safta, *Un tip de obiect de bronz, de origine nord-pontică, descoperit în Moldova Centrală*. Studia in Honorem Ion Niculiţă (Chişinău 1999), 85-91.
- Leskov 1981:** A.M. Leskov, *Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I*. PBF XX, 5 (München 1981).
- Leviţki 2003:** O. Leviţki, *Lumea tracică şi masivul nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie*. Bibliotheca Thracologica XL (Bucureşti 2003).
- Uşurelu 2010:** E. Uşurelu, *Apariţia şi evoluţia dăţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est*. RA, vol. VI, nr. 2, 2010, 5-23.
- Uşurelu 2011:** E. Uşurelu, *Apariţia şi evoluţia topoarelor-celt cu urechiuşă frontală în epoca bronzului din Europa de Est*. RA, vol. VII, nr. 1-2, 2011, 47-54.
- Бадер 1959:** О.Н. Бадер, *Камская археологическая экспедиция в 1956 году*. КСИИМК, вып. 74, 1959, 110-120.
- Бадер 1970:** О.Н. Бадер, *Бассейн Оки в эпоху бронзы* (Москва 1970).
- Березанская 1960:** С.С. Березанская, *Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине*. СА 4, 1960, 26-41.
- Березанская 1982:** С.С. Березанская, *Северная Украина в эпоху бронзы* (Киев 1982).
- Берестнев 2001:** С.И. Берестнев, *Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.)* (Харьков 2001).
- Бочкарев 2002:** В.С. Бочкарев, *Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы*. В сб.: *Степи Евразии в древности и средневековье* (Санкт-Петербург 2002), 115-118.
- Бочкарев 2004:** В.С. Бочкарев, *О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири*. В сб.: *Археолог: детектив и мыслитель* (Санкт-Петербург 2004), 385-408.
- Виноградский 1955:** Ю.С. Виноградский, *Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания)*. КСИА АН УССР, вып. 5, 86-93.
- Грязнов 1941:** М.П. Грязнов, *Древняя бронза минусинских степей*. Труды отдела истории первобытной культуры. Т.1 (Ленинград 1941), 237-271.
- Дергачев 1986:** В.А. Дергачев, *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы* (Кишинев 1986).
- Дергачев, Бочкарев 2002:** В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы* (Кишинев 2002).
- Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005:** А.В. Епимахов, Б. Хэнкс, К. Ренфрю, *Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья*. РА 4, 2005, 92-102.
- Колев 1991:** Колев Ю.И., *Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье*. В сб.: *Древности Восточно-Европейской лесостепи* (Самара 1991).
- Колев, Ластовский, Мамонов 1995:** Ю.И. Колев, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов, *Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок*. В сб.: *Древние культуры лесостепного Поволжья* (Самара 1995).
- Клочко, Козыменко 2011:** В.И. Клочко, А.В. Козыменко, *Наш недавний бронзовый век* (Киев 2011).
- Кузьминых 1977:** С.В. Кузьминых, *Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.)* (Москва 1977).
- Кузьминых 1983:** С.В. Кузьминых, *Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)* (Москва 1983).
- Кузьминых 2001:** Кузьминых С.В. *О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.)*. В сб.: *Вопросы древней истории Волго-Камья* (Казань 2001).
- Куштан 1998a:** Д.П. Куштан, *Нові знахідки металевих виробів доби бронзи у Черкаському Подніпрої'ї*. Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 96-97.
- Куштан 1998b:** Д.П. Куштан, *Звіт про рятівні археологічні розкопки та розвідки за 1998 рік*. НА ІА НАНУ. № 74 (Київ 1998).
- Лебедева 1996:** Е.Ю. Лебедева, *О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы*. XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов (Уфа 1996), 53-55.

- Лебедева 2004:** Е.Ю. Лебедева, Археоботанические исследования. В сб.: Каргалы. Т. III. Языки славянской культуры (Москва 2004), 240-248.
- Лебедева 2005:** Е.Ю. Лебедева, Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе. OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4, 2005, 50-68.
- Литвиненко 2002:** Р.А. Литвиненко, Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона. В сб.: Археологические памятники Восточной Европы (Воронеж 2002), 76-85.
- Литвиненко 2009:** Р.А. Литвиненко, Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. (Киев 2009).
- Марков 1996:** В.Н. Марков, К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа. Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Тез. научной конференции (Казань 1996).
- Обыденнов 1998:** М.Ф. Обыденнов, Археологические культуры конца бронзового века Прикамья (Уфа 1998).
- Пряхин, Саврасов 1989:** А.Д. Пряхин, А.С. Саврасов, Глиняные литейные формы с мосоловского поселения металлургов-литейщиков. В сб.: Поселения срубной общности (Воронеж 1989), 39-80.
- Пряхін 1997:** А.Д. Пряхін, До виділення мосолівського горизонту доби пізньої бронзи Євразійського степу та лісостепу. Археологія 3, 1997, 49-56.
- Тихонов 1960:** Б.Г. Тихонов, Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА СССР 90 (Москва 1960), 5-115.
- Тереножкин 1961:** А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Ушурелу 2010:** Е.И. Ушурелу, Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. RA, vol. V, nr. 1, 2010, 22-67.
- Халиков 1968:** А.Х. Халиков, Приказанская культура. СА 2, 1968, 23-40.
- Халиков 1980:** А.Х. Халиков, Приказанская культура. САИ, вып. В1-24 (Москва 1980).
- Чередниченко 1986:** Н.Н. Чередниченко, Срубная культура. В сб.: Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 44-82.
- Черных 1970:** Е.Н. Черных, Древнейшая металлургия Урала и Поволжья (Москва 1970).
- Черных 1976:** Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черных 1983:** Е.Н. Черных, Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии. В сб.: Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1983), 81-99.
- Черных 1984:** Е.Н. Черных, Общность культур валиковой керамики Европы (к постановке проблемы). В сб.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья (Москва 1984), 246-258.
- Черных, Кузьминых 1989:** Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Древняя металлургия Северной Евразии (Москва 1989).
- Чижевский 2002:** А.А. Чижевский, Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры. Вопросы древней истории Волго-Камья (Казань 2002).
- Чижевский 2007:** А.А. Чижевский, Эпоха финальной бронзы на территории Нижнего Прикамья, современное состояние проблемы. В сб.: Человек в мире культуры: исследования, прогнозы (Москва 2007).
- Чижевский 2008:** А.А. Чижевский, Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Серия «Археология евразийских степей», вып. 5 (Казань 2008).

CONSIDERAȚII PRIVIND STADIUL ACTUAL ȘI PRIORITĂȚILE CERCETĂRII CULTURII HALLSTATTULUI CANELAT DE TIP CHIȘINĂU-CORLĂTENI DIN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN (sec. XII – X î.e.n.)

Oleg LEVIȚKI, Livia SÎRBU, Chișinău

În studiu se propune o prezentare succintă a istoricului cercetării culturii Hallstattului canelat de tip Chișinău-Corlăteni din spațiul carpato-nistrean, a stadiului actual de elucidare a caracteristicilor componentelor principale ale acesteia, insistându-se îndeosebi asupra realizărilor în studierea problematicii perioadei timpurii a epocii hallstattiene în regiunea carpato-nistreană, în general. În partea finală a articolului, pornind de la deficiențele care mai persistă în cunoașterea culturii Chișinău-Corlăteni, sunt enunțate anumite priorități care se impun în investigațiile din acest domeniu, de importanță majoră fiind considerate cele ce țin de geneza, evoluția și destinul istoric al comunităților culturii discutate.

Современное состояние и перспективы исследования культуры каннелированного галльштатта типа Кишинэу-Корлэтенъ Карпато-Днестровского региона (XII – X вв. до н.э.)

В статье представлен краткий экскурс в историю исследования культуры каннелированного галльштатта типа Кишинэу-Корлэтенъ Карпато-Днестровского региона, анализируется современное состояние изученности ведущих характерных компонентов культуры, особое внимание уделяется достижениям в области разработки проблематики эпохи раннего галльштатта в Карпато-Днестровском регионе в целом. В финальной части работы, исходя из имеющихся в настоящее время дискуссионных проблем в изучении культуры Кишинэу-Корлэтенъ, намечены необходимые конкретные направления исследования в этой области, основные из которых относятся к вопросам генезиса, эволюции и исторической судьбы носителей рассматриваемой культуры.

Considerations on the current state of art and priorities in the study of the Chișinău-Corlăteni culture of the Carpathian-Dniester area (the 12th – 10th centuries B.C.)

The study gives a brief presentation of the history of research of grooved Hallstatt culture of the Carpathian-Dniester area represented by a local variant called Chișinău-Corlăteni, and the current state of art of knowledge of the main cultural. A special attention is paid to the achievements in studying of general issues of the Early Hallstatt period in the Carpathian-Dniester region. The final part of the study proposes more specified directions of research in the present domain taking in consideration the actual debated questions on Chișinău-Corlăteni culture, among which problems of genesis, evolution and historical destiny of the culture bearers could be mentioned

Key words: the grooved Hallstatt culture, the Chișinău-Corlăteni culture, the Carpathian-Dniester area; genesis, evolution and historical destiny

Introducere

Cercetarea monumentelor Hallstattului canelat din spațiul carpato-nistrean, după cum este bine cunoscut, a început pe la sfârșitul anilor 1940, odată cu efectuarea săpăturilor în așezările de la Corlăteni (Nestor 1951, 68-73), respectiv, din apropierea orașului Chișinău (Мелюкова 1956, 39-45; 1961, 5-52). Cu toate acestea, până la mijlocul deceniului 8 al secolului trecut, identificarea și cercetarea siturilor cu ceramică de tip similar avea, în fond, un caracter ocazional. Astfel, în interfluviul Nistru-Prut orizonturi cu materiale identice celor de tip Chișinău au fost cercetate în așezările cu mai multe nivele de locuire Lucășeuca (G.B. Feodorov, 1954-1957), Bălăbănești, Zăicana (E.A. Rikman, 1956, 1958), Petruha (I.G. Hîncu, 1961-1963), așezarea și necropola de la Mîndrești (V.L. Lapușnean, 1969-1970). În 1956 a fost descoperit depozitul de obiecte de bronz de la Valea Rusului și, totodată, a fost adunată și o anumită cantitate de obiecte de bronz depistate ocazional. Spre începutul anilor 1970 apar și primele repertorii ale monumentelor arheologice de tip Chișinău-Corlăteni (în continuare C-C). Paralel, în această perioadă, în teritoriul limitat de râul Prut și Carpații Răsăriteni sunt identificate nivele de locuire cu ceramică de tip Corlăteni în așezările de la Trușești, Valea Lupului, Larga Jijiei, Andrieșeni, Zăpodeni, Săbăoani, Poiana-Dulcești, Dănești, Prăjești, fiind descoperite și investigate și necropolele de la Trifești și Cucorâni (vezi Levițki 1994a, 33-34, inclusiv bibliografia indicată).

Problematika culturii hallstattiene timpurii se studiază în paralel – pentru interfluviul pruto-nistean de către A. Meliukova (1972, 57-72; 1979, 14-36; 1984, 224-234), V. Lapușnean (1979) și V. Dergaciov (1975), iar pentru spațiul carpato-prutean, de M. Petrescu-Dîmbovița (1953a, 443-481; 1960a, 151-170; 1960b, 139-159; 1964, 251-271; 1977a, 107-117) și A. László (1976, 89-98). Grație eforturilor depuse de specialiștii menționați (dar nu numai de ei) în vederea studierii și atribuirii cultural-cronologice a materialului arheologic cunoscut în acea vreme, în cadrul monumentelor de la sfârșitul epocii bronzului – începutul epocii fierului s-a reușit separarea vestigiilor aparținând perioadei târzii a epocii bronzului – culturii Noua (sec. XIII-XII î.e.n.) – de cele ale epocii hallstattiene timpurii din sec. X-IX î.e.n. Monumentele de tip Chișinău și de tip Corlăteni au fost atribuite aceleiași formațiuni culturale – variantei celei mai estice a culturii Hallstattului tracic, indicându-se înrudirea și deosebirea ei de o altă variantă est-carpatică a acestei culturi – Holihrad, a căror apartenență etnică este considerată tracică. S-a demonstrat lipsa legăturilor genetice dintre cultura Noua și cultura Hallstattului timpuriu și s-a formulat supoziția privind formarea celei din urmă în afara spațiului ocupat de cultura Noua etc.

Din a doua jumătate a anilor 1970, investigarea monumentelor de tip C-C dobândește un caracter sistematic, aplicându-se metoda săpăturilor pe suprafețe mari. Au fost cercetate așezările Costești VII, Suruceni, Dănceni, Ivancea II, Trinca, Petrușeni, Văratice V, Petruha și tumulul de lângă satul Braniște. În partea vestică a arealului, au fost efectuate săpături în așezările Lozna, Negrești, Târpești, Gândești și în necropolele Vaslui-Curțile Domnești, Cotu Morii, Ștefănești și Iași (vezi Levițki 1994, 41, inclusiv bibliografia indicată). Volumul informativ acumulat referitor la componentele culturii materiale de tip C-C impunea sistematizarea și examinarea lor în raport cu realizările în domeniul genezei culturilor hallstattiene din regiunea Dunării de Mijloc și de Jos, sintetizate în lucrările lui S. Morintz (1970, 729-732; 1974, 897-906; 1977, 1465-1488; 1978), B. Hänsel (1976) și M. Petrescu-Dîmbovița (1977a), din Ucraina subcarpatică și transcarpatică, elucidate de G. Smirnova (1969, 7-34; 1976, 18-34), L. Krušelnickaja (1985; 1990), pe de o parte și cele din domeniul cercetării masivului cultural nord-pontic sincron, efectuate de S. Berezanskaja (1982), I. Černjakov (1985), V. Vančigov (1983, 88-101; 1990) etc., pe de altă parte. Această circumstanță a făcut posibilă atât aprofundarea cunoașterii perioadei hallstattiene timpurii din spațiul est-carpatic în ansamblu, cât și identificarea în acest teritoriu a variantelor culturale locale, proprii ambelor complexe hallstattiene timpurii cu ceramică canelată

și, respectiv, incizată și imprimată. În această etapă a fost stabilită deosebirea monumentelor de tip C-C de antichitățile înrudite ale grupului Grănicești din nord-vestul Moldovei (László, 1980, 181-197; 1983, 52-58; 1986, 149-163), precum și de monumentele complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată de tip Tămăoani și Holercani-Hansca (László, 1986, 65-91; Левицкий, 1990, 6-8; Levițki, 1994b, 219-256). A fost precizată zona de formare și comunitățile de la care provine cultura Hallstattului canelat din spațiul carpato-nistean și a fost stabilită cronologia acestuia (Смирнова 1985, 33-53; 1989, 19-32; 1990, 20-33; László, 1989, 111-129; Левицкий, Демченко, 1991, 147-149). În sfârșit, au fost realizate lucrări monografice de sinteză de către A. László (1994) și O. Levițki (1994a).

Studiile monografice referitoare la aspectele hallstattiene timpurii din spațiul de la est de Carpați, la complexul cu ceramica canelată – cultura C-C, grupul Grănicești și, respectiv, la cel cu ceramica incizată – grupurile Tămăoani și Holercani-Hansca, realizate de cercetătorii menționați mai sus, de rând cu caracteristicile lor de ansamblu, conțin și importante precizări în legătură cu geneza, evoluția, răspândirea, cronologia și legăturile acestora, în context sud-est european. Sintezele privind nivelul de dezvoltare a metalurgiei bronzului, analiza, localizarea și circulația pieselor de bronz, elaborate de V. Dergaciov, contribuie substanțial la conturarea mai veridică a arealelor formațiunilor, evidențiind, de asemenea, și raporturile comunităților locale cu centrele metalurgice central - sud-est europene și respectiv nord-pontice (Дергачев 1997; 2010, 2011).

Completarea fondului surselor informative cu privire la comunitățile tracice timpurii continuă atât prin cercetările sistematice efectuate în siturile de la Trinca, Saharna Mică, Cartal-Orlovka ș.a., cât și prin identificarea de noi situri și descoperiri de obiecte de bronz, care în comun cu cele deja existente, constituie un bogat și variat lot de materiale cu semnificație deosebită pentru elucidarea problematicei culturilor hallstattiene a tracilor timpurii.

Stadiul actual al cercetării culturii Chișinău-Corlăteni

Conform datelor existente până în prezent (Levițki 2010a, 333-357), vestigiile culturii C-C sunt atestate în întreaga regiune de silvostepă a spațiului carpato-nistean. În arealul desemnat au fost semnalate mai mult de 320 de descoperiri, reprezentate, cu precădere, prin așezări (cca 250 de puncte, 40 dintre care cercetate prin săpături sau sondaje) și într-o măsură mai mică de monumente funerare (7 necropole plane, 2 tumuli și 2 morminte în așezări), 11 depozite de piese de bronz și circa 50 de obiecte de bronz găsite izolat.

Așezările sunt de tipul celor deschise, preponderent de dimensiuni mici (de până la 1 ha) și mijlocii (de la 2 până la 5 ha), întemeiate pe terenuri joase, în apropierea surselor de apă. În același timp, particularitățile topografice ale unor așezări situate pe locuri înalte sau pe coaste de dealuri îngreunau, într-o măsură oarecare, accesul la ele. Singură așezare întărită cu val de pământ și șanț este atestată în Subcarpații Vrancei – la Căndești.

Locuințe au fost descoperite în 44% dintre așezările în care s-au efectuat săpături. Ele se împart în două tipuri: de suprafață și adâncite în sol. Cantitativ, predomină primele. În unele așezări, de exemplu în cea de la Chișinău, sunt semnalate ambele tipuri. Locuințele de suprafață (construite pe un schelet lemnos, pereții împlețiți din nuiele fiind lipiți pe ambele părți cu un strat gros de lut, în unele cazuri, prevăzute pe la colțuri cu stâlpi pe care se sprijinea și acoperișul) și cele adâncite în sol (bordeie și semibordeie) – constau din câte o singură încăpere (cu suprafața de cca 20-26 m.p.) care se încălzea cu vetre deschise, cuptoare cu boltă sau vetre portative.

Comunităților culturii C-C din spațiul est-carpatic le sunt caracteristice *necropolele plane*, amplasate pe locuri înalte și într-o măsură mai mică, mormintele în așezări și tumulii izolați. Ritul funerar practicat era cremația cu depunerea resturilor cinerare în urne (și mai rar în gropi simple), acoperite cu o strachină depusă cu fundul în sus, însoțite și de vase de ofrandă – cești scunde cu toarta mult supraînălțată, cupe și străchini.

Depozitele de bronzuri, atât cele descoperite în așezări, cât și în afara lor, conțin de obicei câte 10-12 piese – unelte (celturi, tesle, topoare cu aripioare, seceri), arme (vârfuri de lance, pumnale, spade) și podoabe (fibule, brățări, spirale, lănișoare ș.a.), preponderent de origine apuseană, cele de proveniență răsăriteană fiind mai puțin numeroase.

Ceramica culturii C-C se împarte, după criterii tehnologice, în două categorii convenționale: fină și grosieră. Prima cuprinde vase modelate dintr-o pastă fină având ca degresant șamotă mărunță, a căror suprafață este bine lustruită. A doua categorie include recipiente cu suprafața doar netezită, modelate din pastă de calitate inferioară, ce conține numeroși degresanți de șamotă. Raportul procentual dintre aceste categorii în așezările în care au fost efectuate săpături variază de la 16 până la 69,5% și, corespunzător, de la 30,5 până la 84%. Din punct de vedere al tehnologiei de confecționare, distingem patru categorii ale ceramicii din pastă fină. Categoria tehnologică (în continuare CT) I include vasele de culoare neagră la exterior și galben-oranj în interior. Exteriorul este lucrat mai bine și lustruit. CT II cuprinde recipiente negre în interior și de o culoare mai deschisă, cafeniu-cenușie, la exterior. Partea interioară

e foarte bine netezită și lustruită. CT III e alcătuită din vase de culoare neagră sau cenușiu-închisă, lustruite pe ambele părți. CT IV include recipiente de culoare deschisă, lustruite pe ambele suprafețe. În ceramica confecționată din pastă grosieră se deosebesc două categorii tehnologice. Vasele cu suprafața exterioară netezită aparțin CT V, printre care se evidențiază cele netezite până la luciu (Va). CT a VI-a îi sunt atribuite vasele cu suprafața exterioară netezită neglijent.

În cadrul veselei fine se identifică trei tipuri definitorii, prezente în colecțiile ceramice ale tuturor siturilor investigate. În primul rând, se remarcă vasele *bitronconice* de proporții (chiupuri) cu buză evazată și fundul relativ îngust. Particularitatea specifică a acestor vase o constituie amplasarea în perechi a proeminențelor-suporturi în plan vertical pe umeri, gâtul fiind ornamentat cu caneluri orizontale, iar umerii cu caneluri verticale sau oblice (Levițki 2003, fig. 2,15-17). În colecții ponderea acestora variază între 46,7 și 67% din totalul ceramicii fine, marea majoritate atribuindu-se CT I, iar episodic, la CT IV. Cantitativ, urmează *străchinile*. Mai reprezentative sunt cele tronconice cu corpul puțin arcuit în partea superioară și buza invazată, prevăzute cu o bandă din caneluri orizontale în partea de sus a vasului. În număr mai redus se întâlnesc străchinile tronconice cu buza modelată vertical, străchinile mici semisferice și străchinile conice de dimensiuni mari cu buza neevidențiată, ornamentate cu caneluri orizontale și diverse motive incizate (Ibidem, fig. 2,6-7.10-12). În cadrul ceramicii fine frecvența lor variază între 26,6 și 40%. În general, se includ în CT II, III, IV. Al treilea loc, în cadrul ceramicii fine, din punct de vedere cantitativ (cu ponderea de 9,4-13%) este deținut de *cănille scunde* cu toarta puternic supraînălțată, la care se orna menta numai toarta cu diverse combinații din caneluri înguste (Ibidem, fig. 2,1-2). Aparțin CT III și IV. Mai rar sunt atestate: vasele bitronconice-pântecoase, cu marginea evazată, la unele recipiente, buza și umerii fiind unite cu două tortițe verticale, ornamentate în partea superioară cu caneluri orizontale (Ibidem, fig. 2,13-14); recipientele mari de formă globulară, ornamentate similar chiupurilor (Ibidem, fig. 2,18); castroanele carenate, ornamentate cu caneluri orizontale, oblice sau verticale (Ibidem, fig. 2,8); cănille cu corpul profilat, umerii și torțile cărora se orna mentau cu caneluri înguste și cu proeminențe conice (Ibidem, fig. 2,3-4); cupele, ornamentate similar cănilor cu corpul profilat (Ibidem, fig. 2,5); vasele în formă de cupe mari, ornamentate cu caneluri și proeminențe conice, ultimele, în unele cazuri hipertrofiat și goale în interior (Ibidem, fig. 2,9) etc.

Ceramica de uz comun este reprezentată, îndeosebi, prin *recipientele fără gât evidențiat* (Ibidem, fig. 2,19.21.23) (vase tronconice cu pereții verticali în par-

tea superioară, vase-borcan scunde, larg deschise, recipiente cu corpul ușor bitronconic, vase cu corpul rotunjit către gură) și *recipiente cu gâtul profilat* (Ibidem, fig. 2,20.22) (oale), de diferite dimensiuni, ponderea acestora în colecții constituind 55-85,7%, respectiv, 14,3-41% din totalul ceramicii grosiere din așezări, ornamentate în partea superioară cu apucători-suporturi, brăie alveolate, tortițe-urechiușe, episodice, cu șir orizontal de alveole sau cu compoziții din aceste elemente de decor. În general, se atribuie CT V și mult mai puțin CT Va și CT VI.

În complexele ceramice din monumentele cercetate, în afară de vasele menționate mai sus, într-un număr nu prea mare se întâlnesc vase originale de tipuri specifice care, cu rare excepții, reprezintă tipuri ceramice caracteristice culturilor vecine sincrone și indică legăturile culturii de tip C-C cu mediul cultural învecinat, iar în unele cazuri atestă împrumuturi sau influențe ale celor din urmă.

Piese de inventar caracteristice culturii C-C încadrează următoarele categorii: unelte, ustensile, piese de harnașament, arme, podoabe și piese vestimentare, piese cu semnificație cultică etc., lucrate din diverse materii prime – silix și piatră, os și corn, lut și, într-o cantitate nu prea mare, metal, îndeosebi, bronz (Ibidem, fig. 3). Obiectele de fier (cuțite cu spatele curb) sunt puține și provin exclusiv din straturile de cultură a așezărilor de la Trușești, Lozna și Căndești.

În ceea ce privește *uneltele*, în comparație cu spațiile populate de comunitățile hallstattiene timpurii amplasate mai la vest, se remarcă relativa „bogăție” a utilajului litic și, respectiv, „sărăcie” a celui de metal. Principalele unelte de silix utilizate de comunitățile hallstattiene timpurii sunt lamele pentru secere, celelalte caracteristice epocii fiind atestate doar sporadic. O categorie deosebită de piese lucrate din piatră sunt uneltele și instrumentele utilizate în metalurgia bronzului – tiparele bivalve, inclusiv cele nefinisate (semifabricate), nicovalele-suporturi; ciocanele, percutoarele și abrazivele. Printre puținele piese de os și corn se numără săpăligile, lustruitoarele, dălțile etc. Uneltele de bronz sunt mult mai rare și sunt prezentate cu precădere prin celturi și sporadic, seceri, printre celelalte numărându-se lamele de ferăstrău, cuțitele, teslele și topoarele cu aripioare.

Obiectele de uz casnic-gospodăresc – *ustensilele* – sunt lucrate din aceleași materii prime ca și uneltele, printre acestea predominând piesele din lut ars – fusaiolele, rondellele din pereți de vase, mosoarele și greutatea piramidale. O categorie deosebită, însă cu altă destinație, prezintă lingurile de lut ars „cu cioc”, utilizate pentru turnarea metalului topit. Dintre ustensilele de piatră se remarcă în primul rând râșnițele, frecătoarele, lustruitoarele și, episodice, piulițele și pisă-

loagele. Printre ustensilele de os, cele mai numeroase sunt străpungătorile și fusaiolele, mânerle și piesele de harnașament (dintre care psaliile întâlnindu-se mai rar). Ustensilele de bronz sunt cunoscute doar prin străpungători și ace fragmentare.

Armele sunt reprezentate de un număr nu prea mare de piese, majoritatea cărora sunt de bronz, cele de os (vârfurile de săgeată) și piatră (măciucile și unele topoare-ciocan perforate de granit) fiind singulare. Armele de bronz, sunt cunoscute prin vârfuri de lance, spade cu limbă la mâner, spade cu mânerul în formă de cupă și spade cu mânerul în formă de antene, pumnale de tip „cimerian”, pumnale cu lamele paralele, vârfuri de săgeată plate cu două aripioare și pedunculul cu bară perpendiculară.

Piese de podoabă, în exclusivitate, erau executate din bronz, toate fiind larg răspândite la începutul epocii hallstattiene. În numărul acestora intră: brățări realizate din bare sau sârmă, cu capetele deschise, respectiv, în formă de spirală; brățări plate cu capetele late și brățări din placă cu nervuri orizontale paralele; cercei cu capetele suprapuse, inele în formă de spirală; ace în formă de cui cu gămălia conică sau îngroșată, ornamentate cu linii incizate.

Accesorii vestimentare sunt reprezentate prin fibule de tipul celor cu două spirale și arcul încovoiat, fibule cu scut oval și posibil de tip *Passamenterie*, precum și de tipuri larg răspândite la sfârșitul epocii bronzului și pe parcursul întregii epoci hallstattiene – nasturi, aplice, verigi, inele închise și lăntișoare, ultimele constituind accesorii de centură ce au servit, în marea lor majoritate, ca atârănători.

Piese cu semnificație cultică, în siturile comunităților hallstattiene timpurii din silvostepa est-carpatică, dar și din alte zone, constituie categorii mai puțin răspândite. Cu referire la interfluviul Prut-Nistru, printre acestea se remarcă: figurinele zoomorfe (reprezentări ale diferitor specii de animale domestice – taur, berbec, oaie și îndeosebi, cal într-o poziție statică); statuetele antropomorfe (piese plate de formă triunghiulară), rotițele de la modele de car, pâinile/turte cu baza aplatizată și partea superioară ușor convexă ș.a. – toate modelate din lut, precum și pandantivele din colț de mistreț etc.

În continuare, în măsura permisă de sursele arheologice accesibile, ne vom referi și asupra viziunilor cu privire la geneza, evoluția și destinul istoric al populației culturii hallstattiene timpurii cu ceramica canelată din spațiul est-carpatic, vehiculate în prezent în literatura de specialitate

Originea și evoluția culturii C-C în spațiul carpato-nistean încă nu este pe deplin elucidată, opiniile diverse ale cercetătorilor cu privire la anumite aspecte ale procesului cultural-genetic continuă să fie discutate în literatura de specialitate.

Totodată, analiza materialelor și observațiile de care dispunem în prezent referitor la complexul cultural hallstattian timpuriu cu ceramica canelată au scos în evidență suficiente argumente, potrivit cărora culturile și grupurile culturale aparținând acestuia s-au constituit în vestul spațiului carpato-dunărean, în afara ariei complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, în zona de sud-vest a României, nord-est a Serbiei și nord-vest a Bulgariei (Banat, Voivodina, Srem, Oltenia) pe fondul culturilor din perioada târzie a epocii bronzului (Cruceni-Belegiș, Zuto Brdo-Gârla Mare, Balta Sărată etc.). La acestea se adaugă contribuția semnificativă a manifestărilor târzii ale complexului cultural central-european al mormintelor tumulare *Hügelgräberkultur* și, apoi, a contactelor cu grupele estice ale culturii de asemenea central-europeană a câmpurilor de urne *Urnenfelderkultur*, în bună parte contemporană cu civilizația hallstattiană timpurie din sud-estul Europei (Gumă 1993, 150 și urm.; 1995, 99, 103; László 2001, 325). Sintezele culturale, constituite aici la finele epocii bronzului și începutul Hallstattului în ultimele secole ale mileniului II î.e.n. (începutul/mijlocul fazei HaA₁, secolul XII î.e.n.), reprezintă principalele manifestări culturale, deja ale perioadei de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului, cu o evoluție „în sens hallstattian” (Gumă 1993, 168 și urm.; 1995, 103-104), care propagându-se spre est au contribuit la „hallstattizarea” întregii regiuni carpato-balcanice (Morintz 1987, 61-62), în spațiul carpato-nistrean conducând la substituirea complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni, care cu rare excepții, nu a transmis nimic și nu pare să fi asigurat un fond local pe care s-ar fi putut suprapune și cu care ar fi putut interfera manifestările culturale hallstattiene timpurii originare din bazinul Dunării de Mijloc (Levițki 1994a, 149-152).

Proveniența culturii hallstattiene timpurii cu ceramica canelată est-carpatică C-C din mediul cultural de la sfârșitul epocii bronzului și începutul Hallstattului din sud-vestul ariei carpato-danubiene – cultura Cruceni II-Belegiș II, și îndeosebi din cel caracteristic perioadei de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului, reprezentat prin grupele culturale Susani, Bobda II, Ticvaniul Mare-Karaburma III, Hinova-Mala Vrbița, se manifestă în componentele principale ale culturii materiale, întâi de toate în ceramică – utilizarea unei tehnologii comune de realizare a ceramicii, îndeosebi a celei fine, în cadrul căreia este prezent același asortiment de recipiente (vase mari bitronconice, vase cu corpul rotunjit, străchini de formă tronconică, cu marginea invazată, căni cu corpul scund, semisferic și torțile supraînălțate, cu particularități morfologice și ornamentale specifice similare) și în ritul și practicile funerare (cremația cu depunerea resturilor cinerare în urne (cu sau fără capac) și mai rar în gropi simple,

în necropole plane) (Смирнова 1990, 20-33; Levițki 1994a, 154). Edificatoare în această ordine de idei, după cum arată cercetările recente, sunt și cele mai răspândite la comunitățile hallstattiene timpurii de la est de Carpați tipuri de bronzuri, îndeosebi uneltele – celurile și secerile, originare cu precădere din zona de la vest de Dunărea de Mijloc (complexele metalice de tip Kurd și de tip Gyermely, atribuite fazelor HaA₁ și respectiv HaA₂, localizate la periferia sud-estică a arealului Urnenfelderkultur timpurie și nord-vestică a culturii Belegiș-Cruceni, faza evoluată) (Деграчев 1997, 38-42).

Acceptându-se în unanimitate că aria formativă a culturii hallstattiene timpurii cu ceramica canelată C-C o constituie regiunile sud-vest carpato-dunărene, derularea nemijlocită a procesului de hallstattizare a spațiilor de la est de Olt, inclusiv a celui est-carpatic, în stadiul actual de cercetare, este prezentat de specialiști în mod diferit. Unii consideră că formarea culturii C-C este rezultatul pătrunderii efective prin teritoriul limitrof malului stâng al Dunării (adică prin Oltenia și Muntenia), a unor comunități de tip Belegiș II sau Bobda II-Susani-Belegiș II în spațiul est-carpatic, care au pus capăt evoluției culturii Noua undeva în perioada HaA₁ (Смирнова 1990, 32; Levițki 1994, 161), alții discută numai de elemente culturale (ceramica cu decor canelat) aparținând grupului Ticvaniul Mare-Caraburma III (Gumă 1993, 176; László 1994, 157-158) care ajung, probabil pe linia Dunării, până în zonele est-carpatic, în aria manifestărilor de tip C-C.

Evident, în stadiul actual al cercetărilor, este greu de răspuns univoc la întrebarea cum a decurs procesul de hallstattizare a spațiului est-carpatic și de constituire a culturii C-C. Totodată, transformarea culturală radicală intervenită la sfârșitul epocii bronzului – începutul Hallstattului, soldată cu substituirea culturii Noua prin formațiunile complexului hallstattian timpuriu cu ceramica canelată, aspectul cărora nu atestă o evoluție în stil hallstattian al fondului cultural local de la sfârșitul epocii bronzului, considerăm că prezintă o dovadă evidentă în favoarea unor deplasări de populație.

Traseul deplasării purtătorilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată spre est, inclusiv în spațiul est-carpatic (hallstattizarea spațiului carpato-dunărean), în prezent pare a fi marcat de descoperirile hallstattiene timpurii cu ceramică canelată din teritoriile intermediare: părțile de nord ale Olteniei – Călugăreni, Răureni, Brezoi, Ocnele Mari, Căzănești, Bârsești etc. și ale Munteniei – Cătunu, Sărata Monteoru, Cărlomănești (Petre-Govora 1983, 85-95; Motzoi-Chicideanu 1999-2001, Abb. 16; László 2001, 318; Lazăr 2005, Pl. LV;), de depozitele de bronzuri ce conțin piese de tradiții de la Dunărea de Mijloc – Socu, Sacoți,

Drajna de Jos (Petrescu-Dîmbovița 1977), precum și de descoperirile fortuite de piese de bronz – spade de tipuri central-europene (Bader 1991, Călătoiu, 2002, 36-62), așezarea din Subcarpații de Curbură de la Căndești (Florescu, Florescu 1981, 112-121) reprezentând punctul de legătură cu masivul monumentelor culturii C-C. Cu totul deosebit se prezintă traseul de răspândire a purtătorilor tradițiilor din zona Dunării de Mijloc în baza analizei și localizării pieselor de metal, care conform acestora, pornea din zona Banatului dunărean în sus, pe Mureș, în centrul Transilvaniei și, mai departe pe râul Olt și peste trecătoarea Brețcu spre zona dintre râurile Siret și Nistru (Депрачев 1997, 54).

Procesul transformării culturale a spațiului carpato-nistrean și constituirea culturii C-C, în opinia specialiștilor, începe încă în cursul perioadei HaA₁ sau din sec. XII î.e.n. (László 1994, 129; 2001, 320; Levițki 1994a, 146-147; 2010a, 337). Populația locală a culturii Noua parțial este asimilată de purtătorii complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată, parțial se retrage, sub presiunea acestora, pe alte teritorii – în zona nord-pontică și la Dunărea de Jos, populate de comunitățile complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Fenomenul este ilustrat atât de componența unor depozite de bronzuri (Antonovka, Nikopol, Novo-Trojany, Rajgorodka) caracteristice comunităților târzii ale acestui complex și ale celor timpurii de tip Belozerka (Депрачев 1997, 49-50), de practicile funerare – apariția necropolelor plane, orientarea defuncțiilor în direcția sud, – cât și de tipul antropologic unic al populației culturilor Noua și Belozerka (Ванчугов 1990, 129 și urm.; Levițki 2003, 70-71).

Caracterul omogen al culturii materiale și specificul ritului și ritualului funerar practicat de comunitățile hallstattiene timpurii din vestul și estul spațiului carpato-dunărean, în linii generale mărturisesc că în ritmul evoluției istorice a acestor spații dacă și a existat un oarecare decalaj, acesta, în fond, era nesemnificativ. Relațiile dintre comunitățile hallstattiene timpurii bănățeano-oltenesti și cele est-carpatică continuă să existe și în perioada ce a urmat deplasării primului val de populație în direcția estică-nord-estică, pe parcursul perioadei HaA₁, la mijlocul sau în a doua jumătate a sec. XII î.e.n. Ceramica, piesele de bronz și îndeosebi renașterea/apariția la comunitățile hallstattiene timpurii est-carpatică a metalurgiei bronzului, prezintă dovezi semnificative în favoarea unor noi impulsuri din aceste regiuni în direcția spațiului est-carpatic, unul, deja în decursul perioadei HaA₂ – sec. XI î.e.n. (Депрачев 1997, 58), care a dus la consolidarea definitivă a procesului de hallstattizare și la asigurarea evoluției paralele, însă foarte mult asemănătoare, a acestor două zone ale lumii hallstattiene timpurii și în perioada următoare HaB₁ – sec. X î.e.n.

Existența culturii C-C, astfel, nu a reprezentat doar un scurt episod în protoistoria spațiului est-carpatic, după cum considera B. Hänsel (1976, 105-113). Evoluția ei poate fi urmărită încă începând din perioada timpurie a epocii hallstattiene, probabil, din HaA₁ (mijlocul/a doua jumătate a sec. XII î.e.n.), și până la mijlocul sau sfârșitul perioadei HaB₁ (sec. X î.e.n.), când teritoriile populate de comunitățile acestei culturi vor intra în stăpânirea purtătorilor culturii Cozia-Saharna-Solonceni (Смирнова 1985, 48; Levițki 1994a, 146-147). În același timp, în cea ce privește limita cronologică finală a culturii C-C nu există încă un consens, unii cercetători insistând asupra ipotezei că cultura Cozia-Saharna-Solonceni a ocupat doar o parte neînsemnată a arealului culturii C-C, acestea coexistând în teritorii vecine pe parcursul secolelor X-IX (-VIII?) î.e.n. (László 1994a, 129-130; Ionomu, Tănăsachi 1992, 23-44).

În prezent, deși încă nu dispunem de suficiente descoperiri bine datate pentru elaborarea unei periodizări a culturii C-C, cu specificarea conținutului fiecărei etape de dezvoltare, totuși în dependență de proveniența și limitele cronologice ale tipurilor pieselor de bronz din depozite, depistate în așezări sau găsite izolat, asocierea acestora cu anumite categorii tehnologice de ceramică, tipuri morfologice și compoziții ornamentale, tipul complexelor funerare, ritul, practicile și inventarul acestora, raportate la realitățile caracteristice comunităților din perioada târzie a epocii bronzului – perioada de tranziție de la epoca bronzului la prima epocă a fierului din zona Dunării de Mijloc și respectiv, spațiul nord-pontic, considerăm că în evoluția ei pot fi schițate trei etape, chiar dacă ele nu au putut fi definite încă riguros. Prima etapă este cea veche/timpurie de la mijlocul – a doua jumătate a fazei HaA₁ (sec. XII î.e.n.); a doua, mijlocie/principală sau „clasică” plasată la sfârșitul fazei HaA₁ – a doua jumătate/sfârșitul fazei HaA₂ (sfârșitul sec. XII – a doua jumătate/sfârșitul sec. XI î.e.n.) și finală/târzie, de la sfârșitul fazei HaA₂-HaB₁, (sfârșitul sec. XI – sec. X î.e.n.) (Levițki 2010a, 337).

Trei faze în evoluția culturii C-C desemnează și A. László, însă în conformitate cu viziunea sa asupra limitei cronologice superioare (perioada HaB inclusiv, respectiv sec. IX (-VIII) î.e.n. și invocarea datării depășite a anumitor indicatori cronologici (în special obiectivele amplasate în partea pruto-nistreană a arealului), acestea se marchează în felul următor: faza veche, care începe în prima jumătate a perioadei HaA, către mijlocul sau a doua jumătate a sec. XII î.e.n.; faza evoluată, datată în principal în perioada HaB 1-2 (sec. X-IX î.e.n.), și etapa finală, demonstrată de prezența celui de-al doilea nivel hallstattian de la Corlăteni (László 1994, 129.157-159; 2001, 320).

În stadiul actual de cercetare, întreruperea evoluției nivelului de locuire corespunzător culturii C-C poate

fi urmărit cu certitudine (este ilustrat) doar în așezarea cu mai multe niveluri de locuire de la Trinca, prin aspectul celui de al doilea orizont cultural-cronologic hallstattian timpuriu identificat aici, cu caracter mixt. Ceramica fină este lipsită de ornament canelat (caracteristic nivelului precedent), sporadic fiind atestate doar motive incizate, iar cea de uz comun este reprezentată cu precădere prin vase în formă de lea, a căror compoziție ornamentală predominantă constă din brâu alveolat plasat pe umăr și șir de găuri sub buză, care în cadrul culturii Černyj Les din zona Nistrului de Mijloc marchează începutul etapei a doua, târzie a acesteia, respectiv la mijlocul sec. X î.e.n. (Тереножкин 1961b, 62-63; Смирнова 1985, рис. 4). Ceramica aceasta se află în asocierie cu psalii în formă de tijă cu trei orificii ovale în același plan, asemănătoare cu cele din așezarea de la Chișinău, cetățuia de la Subbotovo (mediul cultural Černyj Les din silvostepa ucraineană) și așezarea Usatovo (mediul cultural Belozerka din stepele nord-pontice), a căror limită cronologică superioară este hotarul dintre secolele X-IX î.e.n.

Opinia, conform căreia încetarea existenței culturii C-C a avut loc în a doua jumătate – sfârșitul fazei HaB₁ (sec. X î.e.n.), în urma apariției în teritoriile est-carpatice a purtătorilor culturii Cozia-Saharna-Solonceni sau Cozia-Saharna, parte componentă a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată, originară de la Dunărea de Jos și de Mijloc, care nu s-au limitat la ocuparea doar a Podișului Central Moldovenesc și teritoriului dintre Răut și Nistru, dar în scurt timp au colonizat întregul areal populat de comunitățile de tip C-C, în stadiul actual al cercetărilor este susținută de o serie de argumente mai mult decât suficient de convingătoare. Semnificative în această ordine de idei, de rând cu indicatorii cronologici în baza cărora se stabilesc limitele evoluției culturilor examinate, sunt situațiile stratigrafice atestate în unele situri, spre exemplu, succesiunea nivelurilor de locuire din așezarea de la Căndești din Subcarpații de Curbură (Florescu, Florescu 1983, 72-93; László 1986, 65-91) și stratigrafia orizontală a așezării Trinca din partea de vest a Podișului Moldovei de Nord (Levițki 1994a, 143-144). De asemenea – răspândirea și localizarea mai mult sau mai puțin compactă a obiectivelor de tip Cozia-Saharna, îndeosebi a așezărilor, și piesele de bronz caracteristice acestei culturi (celturile cu fațete trapezoidale și arcoidale ornamentate cu decor reliefat, compus din linii paralele verticale), de tradiții Dicevo și Vrbița originare din zona Dunării de Jos (nord-estul și respectiv nord-vestul Bulgariei, răspândite în fazele HaA₂ – HaB₁ și în teritoriile de la nord de Dunăre, inclusiv în aria culturii Babadag), în zonele cu cea mai mare concentrare de obiective ale culturii C-C (Levițki 1994a, fig. 77; Камыба 2000, 255-260; Ușurelu 2003,

211-218); precum și lipsa completă a elementelor ce ar atesta influențe reciproce dintre comunitățile culturilor în discuție, în ceramică, ritul și practicile funerare.

Puținele vestigii, care ar putea fi invocate în calitate de dovezi ale contemporaneității parțiale a comunităților culturii locale C-C și a celor deplasate și stabilite în aria acesteia – a culturii Cozia-Saharna, reprezentate de unele obiecte de bronz (brățară din placă prevăzută pe partea exterioară cu nervuri orizontale paralele; celt cu o urechiușă, cu marginea găurii de înmănușare îngroșată și fațetele de formă trapezoidală, ornamentate cu decor în relief, redat sub forma literei „Y” în centru și câte două nervuri/franjuri pe părți) și piese de harnășament din corn/os (psalii în formă de tijă cu trei orificii ovale în același plan) din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, documentează coexistență lor doar în a doua jumătate-sfârșitul fazei HaB₁ – sec. X î.e.n. (Levițki, Ușurelu, Coban 2003, 171-182) și sunt considerate de specialiști caracteristice, în special, complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată Babadag II-Cozia-Saharna (Смирнова 1985, 39; Ușurelu 2003, 211-219; Дергачев 1997, 58.59; Дергачев 2010, 84-88; Камыба 2000, 325; Jugănar 2005, 65).

Un alt aspect referitor la cultura C-C, organic legat de punctul de vedere asupra limitei cronologice finale de evoluție, nu mai puțin discutat și soluționat încă diferit de către specialiști, este problema *destinului istoric* al populației acesteia.

Destabilizarea situației cultural-istorice în spațiul est-carpatic, îndeosebi în aria pruto-nistreană a culturii C-C pe la mijlocul – a doua jumătate a sec. X î.e.n., a fost cauzată nu numai de deplasarea în această zonă a comunităților complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată de la Dunărea de Jos și de Mijloc, reprezentat de cultura Cozia-Saharna, care în scurt timp au colonizat dinspre sud întregul areal populat de comunitățile de tip C-C. Din partea de nord a zonei de silvostepă pruto-nistreană pătrund unele grupuri de populație estică, preponderent din silvostepa de la est de Nistru, inclusiv și din stânga Niprului, de sorginte Černyj Les II-Bondaricha târzie (Levițchi 1992, 119-121; 2003, 220 și urm.). De asemenea, din stepele nord-pontice vin comunități presupuse a fi de tradiții Belozerka evoluată, sau chiar nomadă timpurie – cimeriană (etapa Černogorovka), pătrunderile sporadice ale ultimelor fiind identificate în Podișul Moldovei de Nord prin complexe funerare reprezentate de înhumări în tumuli din epocile anterioare de la Bădragii Vechi/Edineț și Corjeuți/Briceni, iar în Câmpia Prutului de Mijloc – prin tumulul și mormântul secundar de inhumație de la Petrești/Ungheni (Levițki 2003, 128-129).

Populația nou apărută, în parte purtătoare a culturii Černyj Les II, în Podișul Moldovei de Nord, s-a supra-

pus pe fondul cultural local, parțial înrudit, reprezentat aici de primul orizont hallstattian cu caracter mixt de tip Trinca (C-C – Belogradovka – Černyj Les I), stimulând astfel constituirea în baza acestuia a unei noi sinteze culturale, care va evolua deja în stil Černyj Les II, în paralel și în ritmuri mult asemănătoare celor din bazinul Nistrului de Mijloc. Un alt grup, de un aspect cultural format din elemente Černyj Les II și Bondaric-ha târzie, cu direcția de deplasare spre Câmpia Prutului de Mijloc, suprapunându-se fondului cultural hallstattian cu ceramică canelată, a contribuit la apariția a încă unei sinteze culturale post C-C, în care predominant devine componentul alogen, reprezentat în prezent de un nou tip de monument funerar – tumulul cu mantaua de piatră de la Braniște/Rîșcani, cu suficiente similitudini în complexele tumulare din zona de silvostepă de tip Černyj Les târzie, având ca inventar ceramică fină canelată și recipiente din categoria de uz comun de tip morfologic C-C, însă ornamentate cu motive specifice culturii Bondaric-ha din stânga Niprului (Левицкий 1989, 137-149). Și dacă referitor la Podișul Moldovei de Nord, grație cercetărilor sitului cu mai multe niveluri de locuire de la Trinca, în prezent se cunoaște că populația de origine C-C asimilată continuă să evolueze până la sfârșitul epocii hallstattiene inclusiv (Levițchi 1992, 121), reprezentată în această zonă de grupul podolian de vest (Levițki 2006, 104-113; 2010a, 69-114), atunci despre aceea cât a evoluat în timp și care a fost soarta de mai departe a comunităților din Câmpia Prutului de Mijloc și respectiv din restul arealului C-C intrat în stăpânirea comunităților Cozia-Saharna se presupunea, doar, că aceasta parțial ar fi fost asimilată, iar parțial dislocată pe alt teritoriu, deocamdată neidentificat (Смирнова 1989, 31; Levițki 1994a, 154-156). În acest context, considerăm că nu poate fi complet exclusă versiunea strămutării unui anumit contingent de populație C-C spre nord-vest, în aria culturii Gava-Holihady-Grănicești la sfârșitul fazei timpurii de evoluție a acesteia – Mahala III, sau a eventualei etape intermediare între fazele Mahala III și IV, corespunzătoare sec. X î.e.n. Aspectul complexului ceramic al fazei evolute de tip Mahala IV, datată în secolele IX-VIII î.e.n., care în comparație cu etapa precedentă se caracterizează prin abundența borcanelor ornamentate cu brăie alveolate, frecvența vaselor (chiupurilor) pronunțat bitronconice, înmulțirea străchinilor cu buza înclinată spre interior (László 1994, 93-94), constituie unul dintre argumente.

Monumentele de tip C-C, precum și cele de tip Gava-Holihady din preajma Carpaților ucraineni – luându-se în considerație faptul că componentele principale ale culturii materiale, întâi de toate ceramică, prin utilizarea unei tehnologii comune de realizare, îndeosebi a celei fine, în cadrul căreia este prezent același asortiment de

recipiente (vase mari bitronconice, vase cu corpul rotunjit, străchini de formă tronconică, cu marginea invazată, căni cu corpul scund, semisferic și torțele supraînălțate, cu particularități morfologice și ornamentale specifice similare) și ritul și practicile funerare (cremația cu depunerea resturilor cinerare în urne (cu sau fără capac) și mai rar în gropi simple, în necropole plane) – manifestă similitudini perfecte cu cele caracteristice grupurilor culturale Susani, Bobda II, Ticvaniul Mare-Karaburma III, Hinova-Mala Vrbița din spațiul carpato-dunărean, atribuite Hallstattului timpuriu carpato-balcanic sau blocului tracic, iar purtătorii lor etnosului tracic, în special, tracilor de nord. Totodată, problema atribuirii etnice a culturilor arheologice e atât de complexă, încât soluționarea ei presupune cercetări cuprinzătoare ale tuturor surselor disponibile, întâi de toate ale celor lingvistice (Alexianu 1996, 222-223; László 2001, 326-327; Levițki 2010a, 329-330).

Sursele arheologice actuale permit, de asemenea, să se facă anumite constatări referitoare la modul de viață, activitatea economică, viața spirituală și socială, relațiile interculturale etc. Astfel, se poate afirma că populația culturii C-C ducea un mod de viață sedentar, având o economie mixtă, bazată pe creșterea animalelor – taurine, ove-caprine, porcine, cai și cultivarea cerealelor – orz și grâu pitic, practicând, de asemenea, anumite meșteșuguri specializate (metalurgia bronzului și olăritul) și diferite meșteșuguri casnice, care nu pretind o anumită specializare – țesutul, prelucrarea pieilor, silexului, pietrei, a lemnului, nelipsind nici vânatul, culesul și pescuitul. Din punct de vedere al stadiului de dezvoltare social-politică, comunitățile C-C se aflau în procesul descompunerii relațiilor gentilice și a afirmării democrației militare. Credințele și practicile lor de cult erau subordonate necesităților vitale – înmulțirii turmelor și primirii bunăvoinței pământului, astfel oficiindu-se cultul fecundității și fertilității, precum și adorarea soarelui. Relațiile interculturale și de schimb erau orientate cu preponderență către lumea hallstattiană și într-o măsură mai mică spre vecinii din spațiul nord-pontic, iar prin intermediul celor din urmă și cu comunitățile culturale din Europa Centrală și respectiv, Caucazul de Nord (Levițki 2010a, 344-356).

Recapitulând cele discutate referitor la stadiul actual de cunoaștere a culturii C-C, constatăm că în pofida sporirii volumului de informații și a faptului că studierea Hallstattului timpuriu s-a bucurat, în ultimul timp, de o atenție deosebită din partea specialiștilor, un șir de aspecte continuă să rămână încă insuficient elucidate și discutabile.

Astfel, poziții diverse se mențin în ceea ce privește:
- derularea nemijlocită a procesului de hallstattizare a spațiilor de la est de Olt, inclusiv a celui est-carpatic;

- traseul deplasării purtătorilor complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată spre est, inclusiv în spațiul est-carpatic (hallstattizarea spațiului carpato-dunărean);
- procesul transformării culturale radicale a spațiului carpato-nistrean – substituirea comunităților Noua de purtătorii tradițiilor din zona Dunării de Mijloc și constituirea culturii C-C;
- limitele cronologice și etapele de evoluție (periodizarea) culturii C-C;
- destinul istoric al populației culturii C-C și a factorilor care au dus la dispariția acesteia.

Prioritățile cercetării culturii

Chișinău-Corlăteni

În opinia noastră, în cercetările viitoare din domeniul complexului hallstattian timpuriu cu ceramică canelată, inclusiv a culturii C-C, se impun mai multe priorități, de importanță majoră fiind cele ce țin de geneza, evoluția și destinul istoric al acesteia, printre care se remarcă următoarele:

- crearea bazei de date exhaustive, la moment, referitoare la obiectivele complexului Hallstattului canelat din întreaga arie, de tip Belegiš II – C-C de la Dunărea de Mijloc și până în bazinul Nistrului, atenție deosebită acordându-se regiunilor intermediare – Subcarpații și Piemontul Getic, Subcarpații Curburii, pe de o parte și celor de tip Gava-Holihady-Grănicești din Podișul Sucevei și Subcarpații Ucrainei, pe de altă parte;
- identificarea tipurilor morfologice, motivelor ornamentale și accesoriilor definitorii a ceramicii și pieselor de bronz, precum și asocierilor acestora în complexele închise din aria primară de constituire a complexului

Hallstattului canelat, în vederea conferirii statutului/valorii de indicatori cronologici;

- urmărirea traseelor de răspândire și evidențierea manifestărilor acestora în cadrul aspectelor/grupurilor culturale locale apărute în rezultatul procesului de hallstattizare a mediilor culturale de la sfârșitul epocii bronzului din spațiul carpato-dunărean, inclusiv din cel est-carpatic;

- concretizarea segmentului cronologic când manifestările hallstattiene timpuri de tip C-C au substituit cultura Noua în spațiul est-carpatic, succesiunea nemijlocită a acestora fiind stabilită stratigrafic în siturile cu mai multe niveluri de locuire, iar limita cronologică superioară a primei, conform informațiilor științelor exacte, este simțitor învechită;

- elaborarea periodizării interne și stabilirea limitei cronologice superioare a evoluției culturii C-C în baza indicatorilor cronologici siguri, invocând, de asemenea, și paralelismele atestate în mediile culturale limitrofe sincrone (Gava-Holihady-Grănicești și Belozërka, Belogradovka-Černjy Les I), pe de o parte, și nemijlocit următoare (Babadag II - Cozia-Saharna -Černjy Les II - Mahala IV etc.), pe de altă parte.

Bineînțeles, eforturile depuse în vederea realizării obiectivelor schițate vor avea finalitatea scontată doar în condițiile nuanțării continue a caracteristicilor elementelor definitorii a culturii C-C, precum și a evidențierii preluărilor din mediile culturale de epocă și a inovațiilor intervenite în imaginea de ansamblu a formațiunii, pentru aceasta impunându-se imperios extinderea, cât mai mult posibilă, a investigațiilor de teren, atât în siturile deja cunoscute, cât și în cele nou identificate, de perspectivă, din ambele părți ale arealului.

Bibliografie

- Alexianu 1996:** M. Alexianu, La culture Corlăteni-Chișinău – thrace ou illirienne - ? The Thracian World at the Crossroads of Civilisations (Bucarest 1996), 222-223.
- Bader 1991:** T. Bader, Die Schwerter in Rumänien. PDF IV, 8, 1991.
- Călătoiu 2002:** Gh. Călătoiu, Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geții din nordul Olteniei în sec. XII-IV a.Chr.) (Târgu Jiu 2002).
- Florescu 1983:** M. Florescu, Aspecte ale civilizației traco-getice în zona de curbură a Carpaților Răsăriteni. SAA I (Iași 1983), 71-93.
- Florescu, Florescu 1983:** M. Florescu, A. Florescu, Cercetările arheologice de la Cîndești – Coasta Banului, comuna Dumbrăveni (jud. Vrancea) în perioada 1976-1980 (necropola aparținând purtătorilor culturii Monteoru, așezarea de la sfârșitul epocii bronzului – cultura Noua și resturi de locuire hallstattiană). MCA, a XV sesiune de rapoarte. Muzeul Județean Brașov, 1981 (București 1983), 112-123.
- Gumă 1993:** M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. B.THR IV (București 1993).
- Gumă 1995:** M. Gumă, The End of the Bronze Age and the Beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania. Thracodacica XVI, 1-2 (București 1995), 99-137.
- Hänsel 1976:** Hänsel B., Beiträge zur regionalen und Chronologischen gliederung der Alteren Hallstattzeit an der Unleren Donau (Bonn 1976).
- Jugănar 2002:** G. Jugănar, Cultura Babadag I (Constanța 2002).
- Iconomu, Tănăsachi 1992:** C. Iconomu, M. Tănăsachi, Descoperiri arheologice din necropola hallstattiană timpurie de la Cotu Morii-Iași. AM XV, 1992, 23-44.
- Kașuba, Levițki 2010:** M. Kașuba, O. Levițki, Prima epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (Chișinău 2010), 313-329.
- László 1976:** A. László, Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau, Thracodacica I, 1976, 89-98.

- László 1980a:** A. László, La région extracarpathique orientale a la fin du II-e millénaire et dans la première moitié du I millénaire. Actes du II-e Congrès International de Thracologie V, I (București 1980), 181-197.
- László 1980b:** A. László, Descoperiri din epoca bronzului și din prima epocă a fierului la Cotu Morii (com. Popricani, jud. Iași). SAA I, 1983, 52-58;
- László 1983-1984:** A. László, Un grup hallstattian timpuriu în podișul Sucevei. CI, S.N., XIV-XV, 1983-1984, 65-84.
- László 1984:** A. László, Zu den Beziehungen zwischen der oberen Theissgegend dem nord-östlichen Ausserkarpatischen Raum in der älteren Hallstattzeit. Eine neue Gruppe der Gáva-Holíhrady Kultur in der Suceava-Hochebene, Hallstattkolloquium Vézprem 1984 (Budapest 1986), 149-163.
- László 1986:** A. László, Grupul Tămăoani. Asupra „orizontului” hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din Sudul Moldovei, MA XII-XIV, 1986, 65-91.
- László 1980:** A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe-VIe siècles av. n.e. „La civilisation de Hallstatt”. ERAUL, no. 36 (Liege 1989), 111-129.
- László 1994:** A. László, Începuturile epocii fierului la Est de Carpați, B.THR VI (București 1994), 315 p.
- László 2001:** A. László, Prima epocă a fierului. In: Istoria românilor. Vol. I, Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 294-339.
- Lazăr 2005:** S. Lazăr, Cultura Vârtoș în Oltenia (Craiova 2005).
- Levițki 1992:** O. Levițki, La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'époque du Hallstatt, Symposia Thracologica, nr. 11 (București 1992), 119-121.
- Levițki 1994a:** O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpați, B.THR VII (București 1994).
- Levițki 1994b:** O. Levițki, Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată. In: Relation Thraco-Illyro-Helleniques (București 1994), 219-256.
- Levițki 2003:** O. Levițki, Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.), B.THR XL (București 2003).
- Levițki 2006:** O. Levițki, Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteștilor” (Iași 2006).
- Levițki 2010a:** O. Levițki, Prima epocă a fierului (sec. XII-VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă, Zona de silvostepă. Tracii timpurii. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (Chișinău 2010), 329-357.
- Levițki 2010b:** O. Levițki, Complexe hallstattiene târzii cu ceramică lucrată la roată din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. AM XXXIII, 2010, 69-114.
- Levițki, Ușurelu, Coban 2003:** O. Levițki, E. Ușurelu, Gh. Coban, Piese de metal din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 171-182.
- Morintz 1970:** S. Morintz, Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. Actes du VII-e Congrès International de Sciences Préhistoriques (Praha 1970), 729-732.
- Morintz 1974:** S. Morintz, Sfârșitul epocii bronzului și începutul epocii fierului în spațiul carpato-balcanic. Revista de Istorie, V, 27, 6, 1974, 897-906.
- Morintz 1977:** S. Morintz, Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice. Revista de Istorie, V, 30, 8, 1977, 1465-1488.
- Morintz 1978:** S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii (București 1978).
- Morintz 1987:** S. Morintz, Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag). Thraco-Dacica VIII, nr. 1-2 (București 1987), 39-71.
- Motzoi-Chicideanu 1999-2001:** I. Motzoi-Chicideanu, Ein neuer fund vom beginn der Hallstattzeit aus der Kleinen Walachei, Dacia N.S. t. XLIII-XLV, 1999-2001, 197-229.
- Nestor 1951:** I. Nestor și colab., Săpăturile de pe șantierul Valea Jijiei (Iași-Botoșani-Dorohoi) în anul 1950, SCIV, II, 1, 1951, 68-73.
- Petrescu-Dîmbovița 1953a:** M. Petrescu-Dîmbovița, Contribuții la problema sfârșitului epocii bronzului și începutul epocii fierului în Moldova. SCIV, IV, 3-4, 1953, 443-481.
- Petrescu-Dîmbovița 1953b:** M. Petrescu-Dîmbovița, Cercetări arheologice în așezarea din prima epocă a fierului de la Tămăoani. SCIV, 4, 1953, 3-4, 765-778.
- Petrescu-Dîmbovița 1964:** M. Petrescu-Dîmbovița, Date noi relative la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârșitul epocii bronzului și începutul Hallstattului din Moldova. AM II-III, 1964, 251-271.
- Petrescu-Dîmbovița 1977a:** M. Petrescu-Dîmbovița, Quelques considérations concernant la fin de l'âge du Bronze et le début du Hallstatt dans l'espace carpato-balcanique. L'ethnogenèse des peuples Balcaniques, Studia Balcanica, 5 (Sofia 1977), 107-117.
- Petrescu-Dîmbovița 1977b:** M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri din România (București 1977).
- Petre-Govora 1983:** Gh. Petre-Govora, Un orizont Hallstattian timpuriu în nord-estul Olteniei. Thraco-Dacica IV, nr. 1-2 (București 1983), 85-95.
- Ușurelu 2003:** E. Ușurelu, Considerații cu privire la culturile de tip Coia-Saharna. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 211-219.
- Березанская 1982:** С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).
- Ванчугов 1983:** В.П. Ванчугов, Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. Материалы по археологии Северного Причерноморья (Киев 1983), 88-101.
- Ванчугов 1990:** В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).
- Дергачев 1975:** В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Киев 1975).

- Дергачев 1997:** В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона (Кишинэу 1997).
- Дергачев 2010:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 1. Одноушковые кельты с арковидными фасками (Кишинэу 2010).
- Дергачев 2011:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья (Кишинэу 2011).
- Кашуба 2000:** М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). *Stratum plus* 3, 2000, 241-488.
- Крушельницька 1985:** Л. І. Крушельницька, Взаємоз'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза) (Київ 1985).
- Крушельницкая, Малеев 1990:** Л.И. Крушельницкая, Ю.Н. Малеев, Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). *Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья* (Киев 1990), 123-132.
- Лапушнян 1979:** В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X-начала IY в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
- Левицкий 1989:** О.Г. Левицкий, Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии, АИМ в 1984 г. (Кишинев 1989), 137-149.
- Левицкий 1990:** О.Г. Левицкий, К вопросу о раннегальштатском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-Прутском междуречье. *Проблемы археологии Северного Причерноморья* (Киев 1990), 6-8.
- Левицкий 1991:** О.Г. Левицкий, Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II-I тыс. до н.э. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук (Ленинград 1991).
- Левицкий, Демченко 1991:** О.Г. Левицкий, Т.И. Демченко, К вопросу о финальных рубежах раннегальштатской культуры Кишинев-Корлэтен Днестровско-Сиретского междуречья. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.) (Киев 1991), 147-149.
- Лесков 1967:** А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. *Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР* (Киев 1967), 143-178.
- Мелюкова 1956:** А.И. Мелюкова, Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и МФАН СССР в 1956 году. *Arhiva MNAIM*, nr. 380 (text) și nr. 9 (planșe).
- Мелюкова 1956:** А.И. Мелюкова, Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии. *Известия МФ АН СССР* 4(31) (Кишинев 1956), 39-45.
- Мелюкова 1958:** А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. *МИА* 64 (Москва 1958), 5-102.
- Мелюкова 1960:** А.И. Мелюкова, Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. *МИА Ю-З СССР и РНР* (Кишинев 1960), 129-149.
- Мелюкова 1961:** А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. *МИА* 96, 1961, 5-52.
- Мелюкова 1972:** А.И. Мелюкова, О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. *СА* 1, 1972, 57-72.
- Мелюкова 1979:** А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Мелюкова 1984:** Мелюкова А.И., Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н.э., *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья* (Москва 1984), 224-234.
- Пассек 1956:** Т.С. Пассек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году. *Известия МФ АН СССР* 4(31) (Кишинев 1956), 19-35.
- Петреску-Дымбовица 1960a:** М. Петреску-Дымбовица, К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. *МИА Ю-З СССР и РНР* (Кишинев 1960), 151-170.
- Петреску-Дымбовица 1960b:** М. Петреску-Дымбовица, Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. *Dacia NS*, IV, 1960, 139-159.
- Смирнова 1969:** Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.). *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. *МИА* 150 (Москва 1969), 7-34.
- Смирнова 1976:** Г.И. Смирнова, Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. *АСГЭ* 17 (Ленинград 1976), 18-34.
- Смирнова 1985:** Г.И. Смирнова, Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. *СА* 4, 1985, 33-53.
- Смирнова 1989:** Г.И. Смирнова, Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II – первой половине I тыс. до н.э. По материалам Западно-Украинской экспедиции. *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа* (Ленинград 1989), 19-32.
- Смирнова 1990:** Г.И. Смирнова, Памятники типа Кишинев-Корлэтен в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье. *АСГЭ* 30, 1990, 20-33.
- Тереножкин 1961a:** А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Тереножкин 1961b:** А.И. Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода. *СА* 1, 1961, 63-85.
- Черняков 1985:** И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levitkiolleg_ipc@yahoo.com

Livia Sîrbu, cercetător științific, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, st. 31 august 1989, 121 "A", MD-2012, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

ФРАКИЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СКИФОВ III-II ВВ. ДО Н.Э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Николай ТЕЛЬНОВ (Кишинэу), Виталий СИННИКА (Тирасполь)

Influențe tracice asupra culturii materiale și ritului funerar al sciților din sec. III-II î.e.n. de pe malul stâng al Nistrului Inferior. În articol sunt analizate influențele tracice asupra culturii materiale și ritului funerar al sciților din sec. III-II î.e.n. de pe malul stâng al Nistrului Inferior. Se constată că tradițiile tracice și-au găsit reflectarea în unele podoabe (brățări și cercei), dar și mai mult se observă în complexul ceramic (morfologia vaselor și elemente de decor). Răspândirea largă a veselei de factură tracică este legată de sedentarizarea populației scitice în sec. III-II î.e.n. În același timp, nu sunt puse la îndoială rădăcinile scitice ale ritului funerar și culturii materiale a sciților de pe Nistrul Inferior din sec. III-II î.e.n.

В статье анализируются фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Констатируется, что фракийские традиции нашли своё отражение в некоторых украшениях (браслетах и серьгах), однако наиболее заметны в керамическом комплексе (профилировка сосудов и элементы декора). Широкое распространение посуды фракийского облика связывается с седентаризацией скифского населения в III-II вв. до н.э. В то же время скифские основы погребального обряда и материальной культуры скифов Нижнего Поднепровья в III-II вв. до н.э. не подвергаются сомнению.

Thracian influence on material culture and funeral practice of the scythians of the III-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. The paper analyzes the impact on the Thracian material culture and funeral practice of the scythians of the III-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. It is stated that the Thracian traditions are reflected in some jewelry (bracelets and earrings), but they are the most noticeable in the ceramic complex (profile of the vessels and decorative elements). The wide spread of the Thracian-like vessels is connected with the settling of the scythian population in the III-II centuries BC. At the same time, scythian base of the funeral practice and material culture of the scythians of the Lower Dniester in III-II centuries BC is not questioned.

Key words: *thracian influence, scythians, material culture, bracelets, earrings, vessels, decorative elements.*

Культурные взаимодействия и взаимовлияния являются постоянным объектом внимания в археологических исследованиях. Важность этих явлений трудно переоценить, и для их объективного изучения особое значение имеют надежные археологические источники.

В нашем случае такими источниками, кроме погребальных комплексов из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э. (Мелюкова 1962), являются материалы, полученные на протяжении 1995-2012 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь), которой проводились исследования скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время и содержали 181 скифское погребение. Эти материалы позволяют с достаточной уверенностью фиксировать латенский (Синика 2011), греческий (Синика 2012) и фракийский элементы, отложившиеся на погребальном обряде и материальной культуре нижнеднестровских скифов.

Наряду с греками одними из наиболее важных соседей скифов Нижнего Поднепровья в III-II вв. до н.э., равно как и в предшествующее время, являлись фракийские племена. Большинство гетских поселений в степях Северо-Западного Причерноморья сосредоточено на правом берегу р. Днестр – у сс. Калфа, Гура-Быкулуй, Олэнешть, Тудора, Паланка. Гетскими считаются и некоторые поселения на левобережье Нижнего Поднепровья, в районе с. Граденицы на Кучурганском лимане (Мелюкова 1979, 143). Значительно хуже поселений в Нижнем Поднепровье представлены гетские погребальные памятники. Целенаправленно они исследовались только на двух могильниках – Ханска I и Ханска-Лутэрия (Никулицэ 1969; 1972; 1977; 1987). Два гетских погребения были открыты случайно при земляных работах на правобережье Нижнего Днестра – между сёлами Тудора и Паланка (Сергеев 1960; Левинский 2009, 173-174). Ещё два захоронения известны на левом берегу Днестра: у с. Ташлык¹ и у с. Спя (Хахеу 1992, 124-125; Левинский 2009, 173-174). Несмотря на наличие отдельных гетских погребальных комплексов в Левобережном Поднепровье, на настоящий момент восточной

¹ Материал не опубликован. Гетская урна хранится в Тираспольском объединённом музее.

границей ареала фракийских культур обоснованно считается р. Днестр. Вместе с тем, фракийское влияние на материальную культуру соседних скифских племён зафиксировано гораздо восточнее, вплоть до Поднепровья².

Скифо-фракийским культурным контактам посвящён целый ряд работ, наиболее важные из которых принадлежат А.И. Мелюковой. Итогом многолетнего изучения этой проблемы стала её монография «Скифия и фракийский мир», которая до настоящего времени является единственным обобщающим исследованием о связях и взаимовлияниях скифской и фракийской культур (Мелюкова 1979). В результате проведённого анализа А.И. Мелюковой удалось доказать, что археологические материалы не подтверждают присутствие сколь-нибудь значительных групп фракийцев в степной зоне Северного Причерноморья как в предскифский, так и в скифский периоды (Петренко, Яценко 2001, 8). Аналогичный вывод содержится и в последней работе А.И. Мелюковой, посвящённой скифо-фракийским взаимоотношениям (Мелюкова 1995, 30-32.34).

Проблема фрако-скифских контактов и взаимовлияний затрагивалась и другими исследователями скифских памятников Днестро-Дунайских степей (Оанча 1988; Редина 1993; 1999; 2000; Redina 2005; Синика 2007, 25-26).

Следует особо подчеркнуть, что все имеющиеся на сегодняшний день работы, посвящённые фракийскому влиянию на погребальный обряд и материальную культуру скифов, опирались на анализ материалов, полученных в ходе раскопок скифских погребений VI – начала III в. до н.э.³

Данные, полученные при изучении могильника у с. Глиное, позволяют проанализировать качество и степень фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов Нижнего Поднепровья в III-II в. до н.э.

Фракийское влияние на материальную культуру на могильнике у с. Глиное нашло своё отражение в единственном предмете вооружения, немногих украшениях, но наиболее выражено в керамическом комплексе.

Единственный двулезвийный топор обнаружен в погребении 14/2 могильника у с. Глиное (рис. 1,1). Подобные находки крайне редки в скифских по-

ребальных комплексах Северного Причерноморья. Первая из них происходит из кургана Малая Офирня VI в. до н.э. на Киевщине (Петровська 1968, 167, рис. 4,10), а вторая – из погребения № 43 грунтового могильника у с. Николаевка IV в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1,13) (Мелюкова 1975, 91, рис. 56,1).

Двулезвийные топоры считаются типичным оружием фракийцев, которое связано по происхождению с местными бронзовыми прототипами. В частности, бронзовые двулезвийные топоры известны в двух фракийских погребениях у с. Фериджиле и у с. Бырсесть (Мелюкова 1965, 36; 1979, 202-203, рис. 31,19.20). Относительно топора из упомянутого погребения 43 грунтового могильника у с. Николаевка А.И. Мелюкова совершенно справедливо отмечает, что скифами от фракийцев была воспринята только сама идея двулезвийного топора, «тогда как местное исполнение придало ему свои особенности» – различная длина лезвий, расположение проуха ближе к одному из концов лезвия, где он обычно расположен у однолезвийного топора (Мелюкова 1979, 203).

Украшения фракийского облика на могильнике у с. Глиное представлены браслетом со змеиными головками на окончаниях и браслетами с лопаточковидными окончаниями, единственной серьгой с лопаточковидным окончанием, а также серьгами, окончания которых оформлены в виде конических шишечек.

Браслет со змеиными головками на окончаниях обнаружен только в погребении 33/1 могильника у с. Глиное (рис. 1,2). Подобные браслеты являются редкими находками в степных скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма. Они известны в захоронениях 2 кургана 19/21 на Никопольском курганным поле в Поднепровье (Граков 1962, 66, 93, рис. 8,7), 15/3 Красноперекоевского могильника в Крыму и 27/1 Елизаветовского курганным могильника в Подонье. В.Г. Петренко отмечает, что широкое использование образа змеи во фракийском искусстве и частое применение этого мотива в орнаментации различных украшений и предметов туалета (браслетов, височных колец и фибул) свидетельствует о фракийском влиянии в сложении данного типа браслетов, которые изготавливались местными мастерами⁴ (Петренко 1978,

² Одним из последних исследований, посвящённых данной проблеме, является работа Н.А. Гаврилюк (2009), которая содержит историографию вопроса.

³ Единственным исключением являлись материалы из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э.

⁴ Совсем недавно это мнение получило весомое подтверждение в виде находки литейной формы в Тире, предназначенной для отливки браслетов, орнамент на которых соответствует тому, что нередко встречается на браслетах со змеиными головками на окончаниях и с лопаточковидными окончаниями (Смолянинова 2010, 100-101, рис. 2).

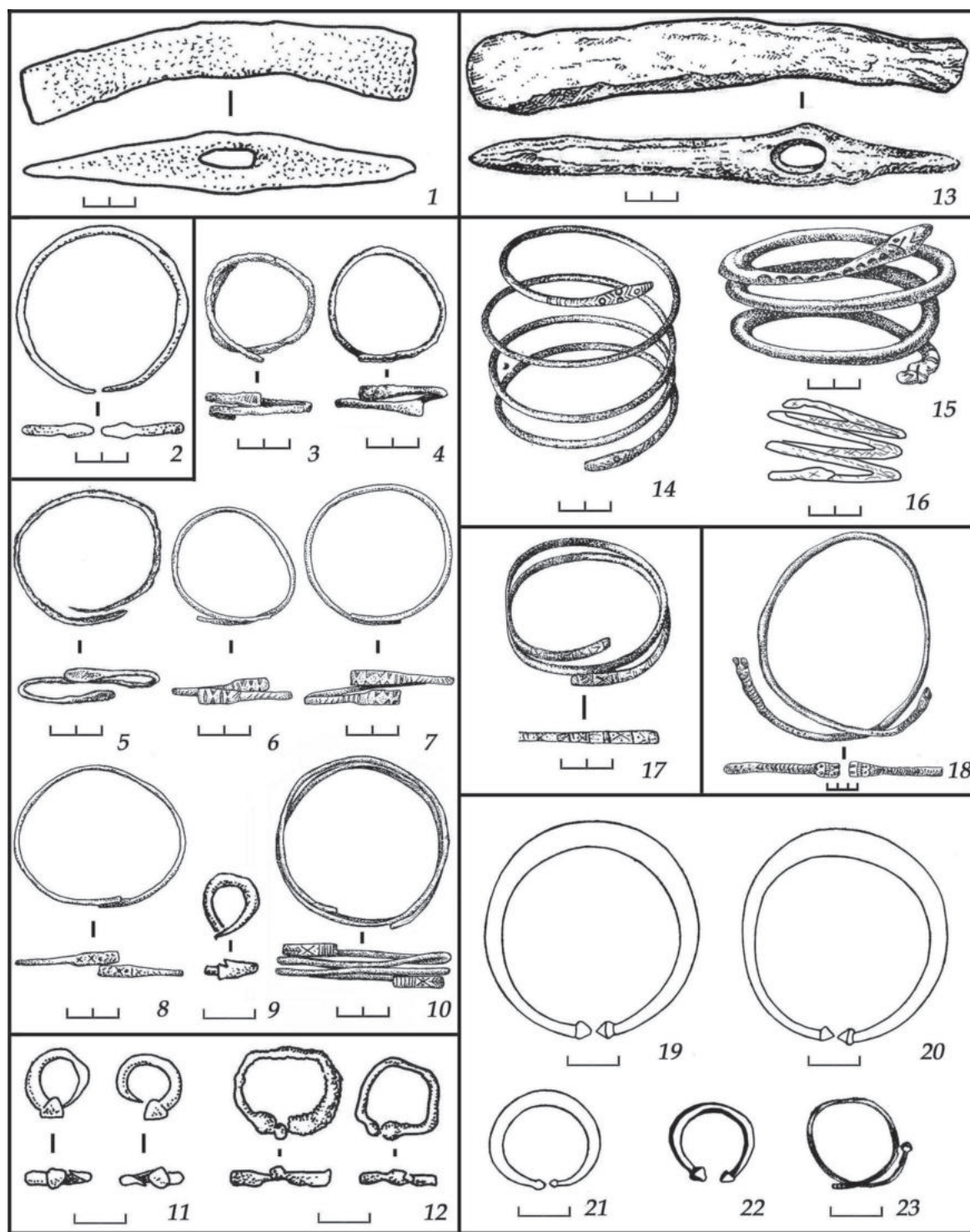

Рис. 1. Находки фракийского облика из могильника у с. Глиное (1-12) и аналогии (13-23): 1 – п.14/2, 2 – п.33/1, 3 – п.12/2, 4 – п.56/2, 5 – п.76/1, 6 – п.33/2, 7 – п.74/2, 8 – п.88/1, 9 – п.111/1, 10 – п.107/3, 11 – п.19/2, 12 – п.109/1; 13 – п.43 могильника у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра (по Мелюкова 1975), 14 – клад у с. Матеуць в Лесостепной Молдове (по Нудельман, Рикман 1956), 15 – п.13/2 могильника Дербент на Нижнем Дунае (по Redina 2005), 16 – могильник в урочище Кавказ на Нижнем Дунае (по Андрух, Чернов 1990), 17 – клад у с. Матеуць (по Нудельман, Рикман 1956), 18 – п.13/2 могильника Дербент (по Redina 2005), 19-21 – клад у с. Матеуць (по Нудельман, Рикман 1956), 22 – к.345 у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (по Мелюкова 1962), 23 – п.5 могильника Николаевка I в Нижнем Поднестровье (по Дзис-Райко 1965).

52-53, табл. 39, 14.15.21). С ней соглашается А.И. Мелюкова, которая указывает на находку серебряного браслета с окончаниями в виде змеиных головок в составе клада у с. Матеуць в Лесостепной Молдавии (рис. 1,14) (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,2; Мелюкова 1979, 231, рис. 34,23). Помимо браслета из с. Матеуць, географически ближайшими аналогиями находкам из могильника у с. Глиное являются браслеты из скифских погребений Нижнего Подунавья: 11/3 у с. Нагорное (Андрух, Суничук 1987, 43, рис. 4,3), 13/2 могильника Дербент (рис. 1,15) (Редина 2000, 250, рис. 1,7; Redina 2005, fig. 1,2) и из могильника в урочище Кавказ в окрестностях г. Измаил (рис. 1,16) (Андрух, Чернов 1990, 157, рис. 2,12).

Наибольшее распространение на скифском могильнике у с. Глиное получили браслеты с лопаточковидными окончаниями. Из 13 погребений происходят 16 таких браслетов: 12/2 (рис. 1,3), 18/1, 19/2 (2 экз.), 33/2 (2 экз.) (рис. 1,6), 53/1, 56/2 (2 экз.) (рис. 1,4), 74/2 (рис. 1,7), 76/1, 88/1 (рис. 1,8), 96/1, 102/2, 103/1, 107/3 (рис. 1,10). В сводке В.Г. Петренко отмечено всего 15 аналогичных украшений, причём только два из них происходят из степных скифских погребений – 19/1 у с. Астанино и 3/2 у с. Ильичёво в Крыму, а остальные – из лесостепных регионов Северного Причерноморья. Мнение о том, что такие браслеты являются «трансформацией браслетов со змеиными головками» представляется обоснованным (Петренко 1978, 53). Об этом также свидетельствует практически идентичная орнаментация в виде кружочков, линий и крестов, которая нередко присутствует на браслетах с окончаниями в виде змеиных головок и в виде лопаточек, имитируя, безусловно, глаза, раскраску и чешую змеи (рис. 1,6-9.14-17). В этой связи показательно, что в кладах у с. Матеуць был обнаружен один браслет с окончаниями в виде змеиных головок (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,2), а другой – с лопаточковидными окончаниями (рис. 1,17) (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,3), причём оба браслета были орнаментированы в единой стилистической манере. Подобный орнамент украшает также окончания серебряной гривны из погребения 2 кургана 13 могильника Дербент в Нижнем Подунавье (рис. 1,18) и серебряной гривны из клада у с. Матеуць (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,4), которые обоснованно считаются свидетельствами фракийского влияния (Редина 2000, 250, рис. 1,6; Redina 2005, fig. 1,3).

Из погребения 111/1 могильника у с. Глиное происходит единственная бронзовая серьга с одним лопаточковидным окончанием (рис. 1,9). Аналогичные украшения нам неизвестны, нет их и в классификации В.Г. Петренко (1978). Однако, по нашему

мнению, есть все основания считать эту серьгу (как и все браслеты с лопаточковидными окончаниями) свидетельством фракийского влияния на материальную культуру скифов Нижнего Днестра в III-II вв. до н.э.

Серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены в погребении 19/2 и 109/1 могильника у с. Глиное.

Отметим, что серьги, оба окончания которых оформлены шишечками, обнаружены на левобережье Нижнего Днестра при раскопках скифского кургана 345 у с. Чобручи IV в. до н.э. (рис. 1,22) (Мелюкова 1962, 151, табл. 10,3), а также из кургана у с. Сукля (Мелюкова 1962, 151, табл. 2,6), дата которого определяется III-II вв. до н.э., т.е. синхронного комплексам могильника у с. Глиное. Из погребения 5 могильника Николаевка I на левобережье Днестровского лимана происходит серьга, у которой только одно окончание оформлено в виде шишечки (рис. 1,23) (Дзис-Райко 1965, 66, рис. 4,10; Петренко 1978, 35, табл. 22,6).

В.Г. Петренко отмечает, что подобные серьги появляются в скифских погребениях не ранее IV в. до н.э., при этом только в памятниках Поднепровья. Вместе с тем исследователь указывает, что подобные изделия достаточно хорошо известны в памятниках VI и VI-V вв. до н.э. Румынии, Болгарии, Венгрии и Боснии и совершенно обоснованно связывает их появление в Северо-Западном Причерноморье с фракийским влиянием (Петренко 1978, 34-35), о чём могут свидетельствовать, в частности, находки трёх аналогичных серег в составе гетского клада из с. Матеуць (рис. 1,19-21) (Нудельман, Рикман 1956, 130-131, рис. 1,1).

Керамический комплекс могильника у с. Глиное в значительно большей степени, чем украшения, демонстрирует фракийское влияние на скифскую материальную культуру III-II вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье (табл. 1). Это влияние проявляется как в профилировке сосудов (миски и чашки с загнутым внутрь венчиком, миски и чашки с выделенным ребром), так и в определённых элементах декора, встречающихся на них (выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек, горизонтальные валики на венчиках мисок, вертикальные валики на бортиках мисок, упоры на плече сосуда, соединённые налепными валиками с пальцевыми вдавлениями).

Загнутый внутрь венчик характерен для мисок фракийского облика (Мелюкова 1974, 42). На могильнике у с. Глиное обнаружены девять подобных мисок – в захоронениях 2/3, 22/2, 22/3, 46/4, 65/1, 68/1, 78/3, 96/2 и 99/1.

Ближайшие аналогии происходят из кургана 282 у с. Чобручи (рис. 2,12) в Нижнем Поднепровье.

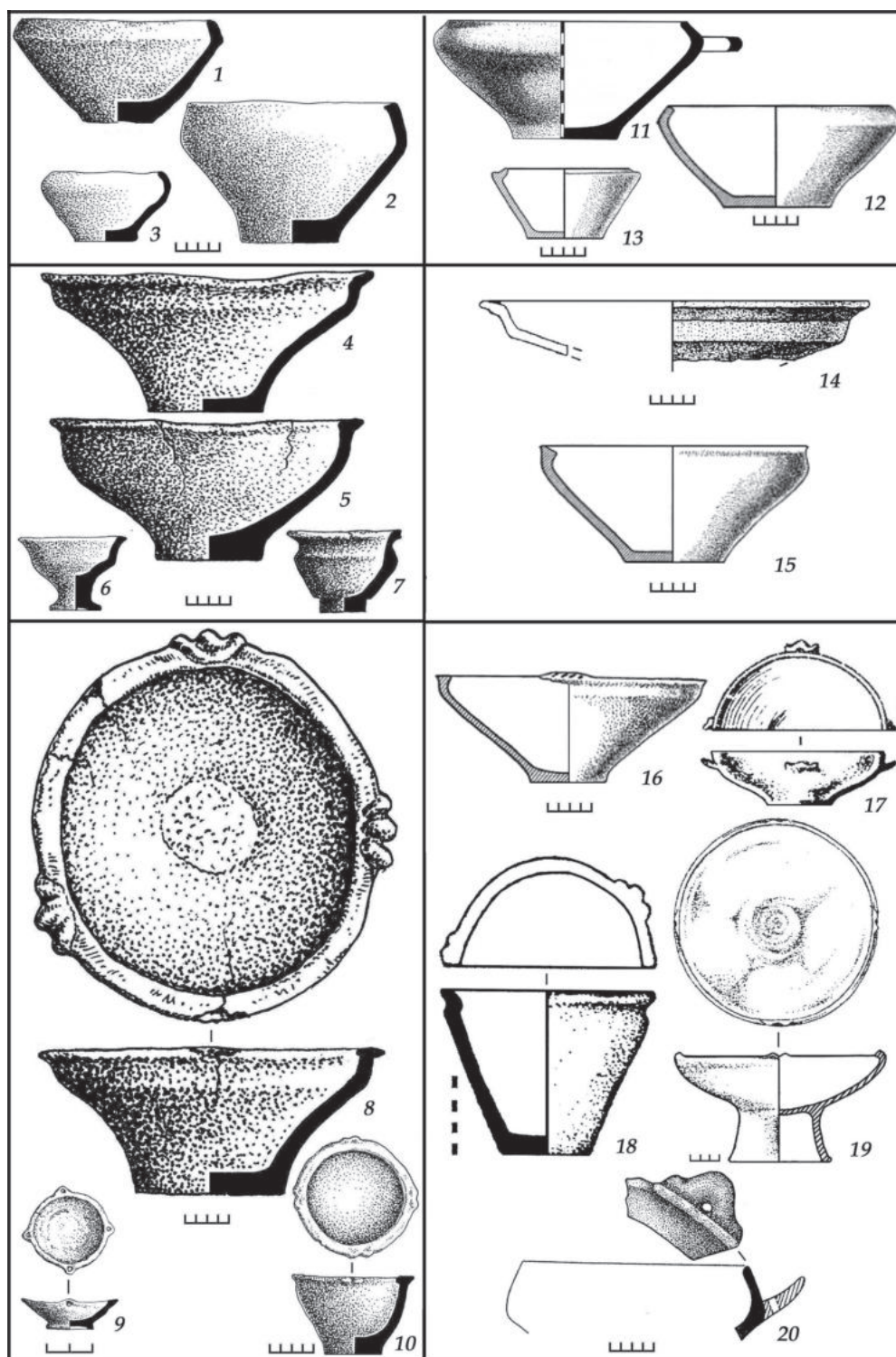

Рис. 2. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное (1-10) и аналогии (11-20): 1 – п.2/3, 2 – п.99/1, 3 – п.103/1, 4 – п.19/1, 5 – п.33/2, 6 – п.27/1, 7 – п.37/1, 8 – п.14/2, 9 – п.47/1, 10 – п.96/1; 11 – п.33/2 могильника Дербент (по Redina 2005), 12 – к.282 у с. Чобручи (по Мелюкова 1962), 13 – к.402 у с. Чобручи (по Мелюкова 1962), 14 – городище Новосельское-II на Нижнем Дунае (по Бруяко 2009), 15 – к.154 у с. Парканы на Нижнем Днестре (по Мелюкова 1962), 16 – к.174 у с. Парканы (по Мелюкова 1962), 17 – могильник Ханска на правом берегу Днестра (по Никулицэ 1977), 18 – погребение у с. Молога на правом берегу Днестровского лимана (по Бруяко 2009), 19 – п.6/1 у с. Яснозорье в Лесостепном правом берегу Поднепровье (по Ковпаненко и др. 1994), 20 – поселение Солончень-Хлиная (по Kašuba *š.a.* 2000).

вье (Мелюкова 1962, 154, рис. 3,4) и из погребений 32/2 могильника Кугурлуй (рис. 2,11) и 15/1 могильника Дербент в Подунавье (Редина 2000, 248, рис. 2,6.7).

Не вызывает сомнения, что по образцу этих мисок были изготовлены и чашки с загнутым внутрь венчиком из погребений 99/1, 103/1 (рис. 2,3), 105/2 и 109/1 могильника у с. Глиное, аналогия которым известна в кургане 402 у с. Чобручи (рис. 2,13) (Мелюкова 1962, 157, рис. 3,12).

Миски с выделенным ребром на могильнике у с. Глиное встречаются чаще, чем другие. Из 73 полностью сохранившихся лепных мисок 48 имеют достаточно выраженное (рис. 2,4) или сглаженное ребро (рис. 2,5). Единственная аналогичная форма из Поднестровья происходит из кургана 154 у с. Паркань (рис. 2,15) (Мелюкова 1962, 153, рис. 3,1).

Чаще всего подобные миски (с выделенным ребром) (рис. 2,14) соотносятся с культурой Поенешть-Лукашёвка (Гаврилюк 2009, 127, рис. 11,1-3; Бруяко 2009, 346, рис. 5,7, 6,2.4). Однако, как следует из недавно проведённого исследования, не только острорёберные, но и миски со сглаженным ребром характерны для Поенешть-Лукашёвской культуры. Отмечено также, что практически идентичные профили присутствуют в керамических комплексах зарубинецкой, ясторфской, пшеворской и других культур, но, за исключением зарубинецкой культуры, встречаются довольно редко (Пачкова 2006, 338, рис. 37; 105,6.8.10; 123,1.3.5; 169,1-8). Оставляя за пределами нашей работы вопрос о генезисе культуры Поенешть-Лукашёвка, который имеет весьма обширную историографию⁵, отметим, что вне зависимости от того, бастарны или геты были основой формирования памятников этой культуры, фракийское (гетское) влияние на её керамический комплекс признаётся большинством исследователей (Фёдоров 1960, 8 и сл.; Романовская 1969; Никулицэ 1987, 196 и сл.; Шукин 1994, 107 и сл.; Ерёмченко 1997, 67 и сл.). Это влияние отчётливо фиксируется в профилировке сосудов и в определённых элементах декора, нередко наблюдается сочетание и первого и второго. Так, из 48 мисок с выделенным ребром, обнаруженных в погребениях могильника у с. Глиное, 15 были орнаментированы выступами-фестонами.

В полной мере всё изложенное выше относится и к чашкам с выделенным ребром. Подобных сосудов на могильнике у с. Глиное найдено всего четы-

ре – в погребениях 27/1 (рис. 2,6), 37/1 (рис. 2,7), 99/1 и 105/2.

Выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек являются одним из наиболее характерных свидетельств фракийского влияния на керамический комплекс могильника у с. Глиное. В 21 случае фестоны отмечены на мисках (7/1, 10/1, 13/1, 13/3, 14/2, 15/1, 17/1, 22/2, 27/1, 38/1, 42/1, 45/1, 57/1, 78/3, 86/1, 93/1, 95/1, 96/1, 103/1, 105/2, 109/1) и в двух – на чашках (47/1, 96/1). Они располагаются в одной плоскости с венчиком или находятся под углом к ней, причём известны различные варианты декорирования сосудов фестонами.

Аналогичные элементы орнамента известны на сосудах из целого ряда фракийских⁶ памятников, в частности, в погребениях могильников Ханска I и Ханска-Лутэрия (рис. 2,17) (Никулицэ, 1977, 111, рис. XII,13), в захоронении у с. Молога (рис. 2,18), а также на городищах Картал и Новосельское (Бруяко, 2009, 350, рис. 6,1-3), Глинжень «Ла Шанц», Солончень-Хлиная (рис. 2,20), Сахарна Маре в Среднем Поднестровье (Kašuba, Naheu, Levițki 2000, 29.40.82, pl. XIII,6; XVIII,5; LI,2). В скифских курганах Тираспольщины III-II вв. до н.э. известна одна миска с выступами-фестонами – в погребении кургана 174 у с. Паркань (рис. 2,16) (Мелюкова, 1962, 153, рис. 3,2).

За пределами Северо-Западного Причерноморья подобный элемент декора на мисках встречается крайне редко в скифских погребальных комплексах. Нам известно всего два таких сосуда. Один из них происходит из захоронения 321/1 у с. Забара в Поросье, дата которого определена второй половиной VII в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 22, рис. 18,2). Вторая миска с выступами-фестонами была обнаружена в захоронении 6/1 у с. Яснозорье в Лесостепном правобережном Поднепровье (рис. 2,19) середины – второй половины VII в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1994, 53.60, рис. 5,1).

Горизонтальные валики на венчиках мисок украшали сосуды из погребений 3/1 (рис. 3,1), 87/1, 88/1 и 89/1 могильника у с. Глиное.

Подобный способ декорирования мисок имеет очень широкое распространение на фракийских памятниках VI-III вв. до н.э., а именно, на городищах Сахарна-Маре, Бутучень, Пояна, Ханска, на могильнике Страхотин и др. (Arnăut 2003, 72, fig. 51,III A2). Миски с таким элементом декора были обнаружены во фракийском погребении у г. Слободзея (рис. 3,3) (Фидельский 2009, рис. 1,1) и на

⁵ Из последних работ см. Пачкова 2006, 315-320; Бруяко 2009, 346.

⁶ Здесь и далее приводятся аналогии более раннего (галыштатского) и более позднего (гетского) времени, поскольку уже давно отмечено, что на протяжении VI-III вв. до н.э. фракийская керамика не претерпевает существенных изменений (Moscalu 1983, 6).

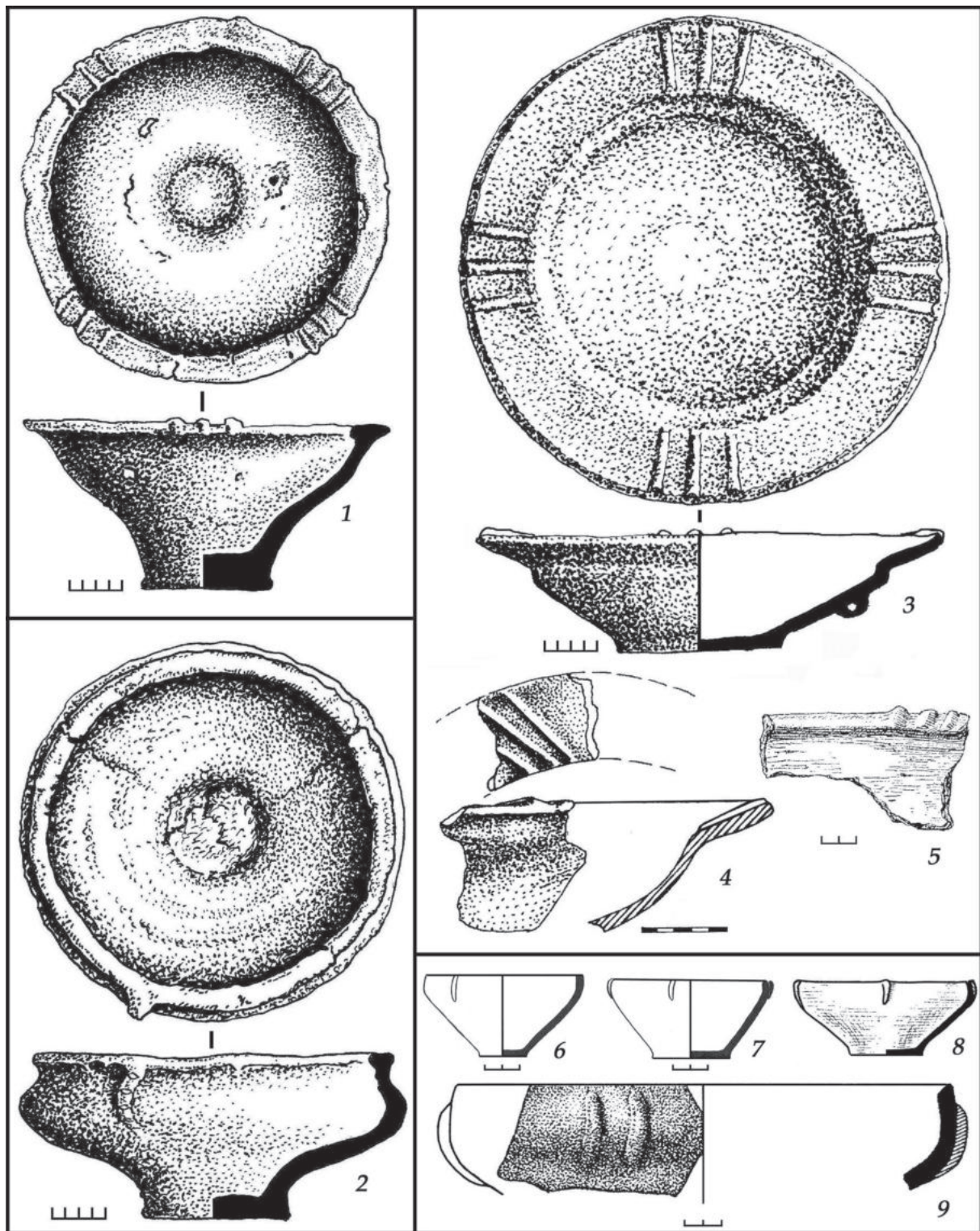

Рис. 3. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное (1, 2) и аналогии (3-9): 1 – п.3/1, 2 – п.46/4; 3 – погребение у г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра (по *Фидельский 2009*), 4 – поселение Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (по *Никулицэ, Фидельский 2004*), 5 – поселение Нагоряны на Среднем Днестре (по *Шовкопляс 1954*), 6-8 – могильники Ханска I и Ханска-Лутэрия (по *Никулицэ 1972; 1979*), 9 – поселение Глинжаны «Ла Шанц» в Молдавской Лесостепи (по *Kašuba š.a., 2000*).

поселении Чобручи (рис. 3,4) (Никулицэ, Фидельский 2004, 197, 13,2) на Нижнем Днестре, а также на поселении Нагоряны (рис. 3,5) в Среднем Поднестровье (Шовкопляс 1954, 102, табл. I,9).

Вертикальным валиком на бортиках были декорированы всего две миски из погребений 46/4 (рис. 3,2) и 68/1 могильника у с. Глиное. Подобный элемент также не представляет собой редкость на фракийской керамике. В частности, он зафиксирован на сосудах из погребений могильника Ханска I и Ханска-Лутэрия (рис. 3,6-8) (Никулицэ, 1972, 119, рис. 3,а,б; 6,а; 1977, 111, рис. 3,3.12.14), в позднегалльштатском и гетском слоях городища Глинжень «Ла Шанц» (рис. 3,9) (Kašuba, Naheu, Levițki 2000, 24.55, pl. VIII,7, XXXI,2.7) и на ряде других памятников (Moscalu 1983, 75-76, pl. LV,7.9.11.12).

Орнамент в виде налепного валика с пальцевыми вдавлениями на могильнике у с. Глиное зафиксирован дважды – на корчагах из погребений

102/3 и 105/2. К сожалению, оба сосуда фрагментированы. Из захоронения 102/3 происходит фрагмент плеча корчаги без венчика, на котором сохранился один упор и отходящий от него в обе стороны налепной валик с пальцевыми вдавлениями (рис. 4,1). В погребении 105/2 сохранился фрагмент верхней части корчаги – венчик и плечо сосуда, на котором также сохранился один упор, однако валик отходит не только в стороны, но и опускается вниз, образуя своеобразную «гирлянду» (рис. 4,2).

Сосуды с аналогичным орнаментом широко известны на фракийских памятниках. В частности, они происходят из гетского могильника Ханска (рис. 4,3) (Никулицэ, 1972, 113, рис. 66), с городища Сахарна Маре (рис. 4,4) (Niculiță, Zănoși, Arnăuț 2008, 103, fig. 93,11) и встречены на городище Новосельское-II (рис. 4,5) на Нижнем Дунае (Бруйко 2009, рис. 5,5.9).

Табл. 1. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное

№	Профиль сосуда (1-3) или элемент декора (4-6)	№№ погребальных комплексов	Примечание
1	Загнутый внутрь венчик у мисок и чашек	2/3 (м), 22/2 (м), 22/3 (м), 46/4 (м), 65/1 (м), 68/1 (м), 78/3 (м), 96/2 (м), 99/1 (м + ч), 103/1 (ч), 105/2 (ч), 109/1 (ч).	фестоны: 22/2 (м), 78/3 (м), гориз. валик на венчике мисок: 46/4, 68/1.
2	Миски с выделенным ребром	7/1, 8/1, 10/1, 11/1, 13/1, 14/2, 15/1, 15/2, 17/1, 19/1, 19/3, 22/2, 23/1, 27/1, 33/2, 36/1, 38/1, 38/3, 41/2, 42/1, 43/2, 45/1, 47/1, 48/1, 52/1 (2 миски), 56/1, 56/2, 57/1, 62/1, 74/2, 75/2, 76/1, 77/1, 81/1, 81/3, 91/2, 94/1, 95/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/2 (2 миски), 106 (изо рта), 109/1, 113/1, 115/1.	фестоны: 7/1, 10/1, 13/1, 14/2, 15/1, 17/1, 27/1, 38/1, 42/1, 45/1, 57/1, 95/1, 103/1, 105/2, 109/1.
3	Чашки с выделенным ребром	27/1, 37/1, 99/1, 105/2.	м – миска ч – чашка
4	Выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек	7/1 (м), 10/1 (м), 13/1 (м), 13/3 (м), 14/2 (м), 15/1 (м), 17/1 (м), 22/2 (м), 27/1 (м), 38/1 (м), 42/1 (м), 45/1 (м), 47/1 (ч), 57/1 (м), 78/3 (м), 86/1 (м), 93/1 (м), 95/1 (м), 96/1 (м + ч), 103/1 (м), 105/2 (м), 109/1 (м).	
5	Горизонтальные валики на венчиках мисок	3/1, 87/1, 88/1, 89/1	
6	Вертикальный валик на бортиках мисок	46/4, 68/1	

Анализ погребального обряда, практиковавшегося на могильнике у с. Глиное, не выявил сколь-нибудь ощутимого влияния со стороны гетского населения. Единственным исключением является, вероятно, ситуация, отмеченная в захоронении 10/1. В погребальной камере этой катакомбы было

вырублено материковое ложе, на которое был положен погребённый; в этом же ложе была вкопана миска (рис. 5). Подобный обряд (вкапывание сосуда в пол погребального сооружения) у скифов северопричерноморских степей ранее не встречался⁶. Вместе с тем исследователями уже отмечалось,

⁷ Мы не принимаем во внимание сосуды, которые были положены в тайники, а затем полностью засыпаны.

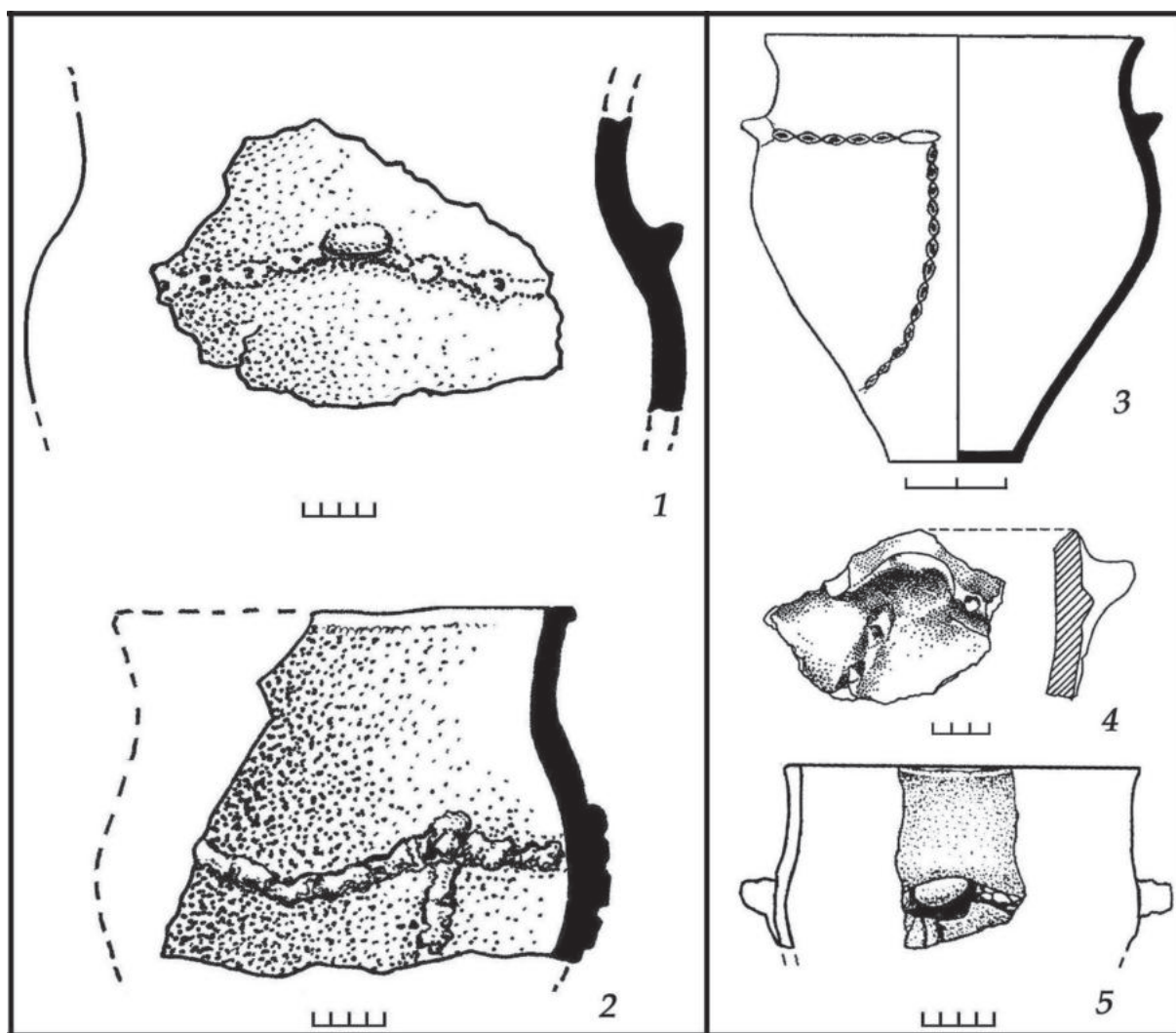

Рис. 4. Корчаги с орнаментом в виде налепного валика с пальцевыми вдавлениями из могильника у с. Глиное (1, 2) и аналогии (3-5): 1 – п.102/3, 2 – п.105/2; 3 – могильник Ханска (по Никулицэ 1972), 4 – городище Сахарна Маре в Молдавской Лесостепи (по Niculiță ș.a., 2008), 5 – городище Новосельское-II (по Бруяко 2009).

что вкопанные в пол сосуды характерны для фракийских культур типа Поенешть-Лукашэвка (Никулицэ 1987, 219). Н.А. Гаврилюк допускает, что расположение заглублённых в пол сосудов в культурных зонах и жилищах Золотобалковского поселения и Гавриловского городища в Нижнем Поднепровье является развитием традиции указанных фракийских культур (Гаврилюк 2009, 127). Если принять данную точку зрения, тогда миска, вкопанная в пол материкового ложа из погребения 10/1 могильника у с. Глиное, будет являться единственным свидетельством фракийского влияния на погребальную обрядность скифов Нижнего Днестра в III-II вв. до н.э.

Суммарный анализ фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд нижнеднестровских скифов в III-II вв. до н.э. позволяет в настоящее время отметить несколько наиболее важных моментов:

1. Фракийское влияние практически не ощущается в погребальном обряде. Фракийское влияние на материальную культуру изредка проявляется в некоторых украшениях, однако наиболее ощутимо в керамическом комплексе.

2. Довольно значительное фракийское влияние на керамический комплекс, по нашему мнению, является результатом непрерывного оседания скифов на землю и, как следствие, их постоянного проживания в непосредственном соседстве с фракийским

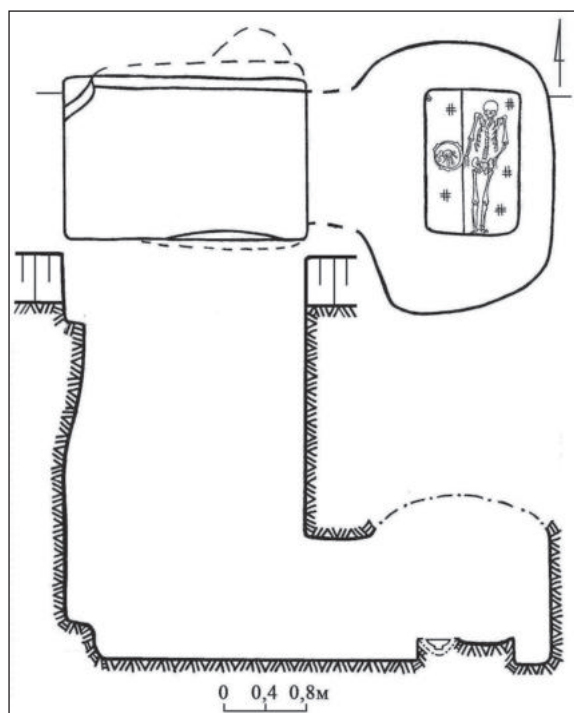

Рис. 5. Погребение 10/1 могильника у с. Глиное.

племенем гетов. Вывод о значительной седентаризации скифского населения в III-II вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье ранее уже был сделан на основании анализа греческого влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника у с. Глиное (Синика 2012, 272).

3. Несмотря на ранее отмеченные латенские (Кривенко и др. 2011; Синика 2011) и греческие (Синика 2012), а также фракийские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Нижнего Днестра III-II вв. до н.э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

В завершении настоящей работы мы считаем нужным затронуть ещё одну «проблему», которая имеет самое прямое отношение к нашему исследованию. Эта проблема недавно появилась в археологической литературе, и, к сожалению, на данный момент не получила должной оценки со стороны специалистов.

В 2010 г. и 2012 г. вышли из печати две работы А.Н. Левинского, посвящённые истории гетов Северо-Западного Причерноморья. Первая представляет собой монографию под названием «История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV в. до н.э.)» (Ле-

винский 2010). Оставляя за специалистами в области гетской археологии и истории право давать общую оценку работы, равно как и её детальную характеристику, мы не можем не остановиться на некоторых обозначенных в ней положениях, которые напрямую связаны с вопросами скифского присутствия в Дунай-Днестровских степях, а значит и скифо-фракийских межкультурных взаимодействий.

Бросается в глаза огромное количество весьма слабо аргументированных, а чаще просто декларативных утверждений относительно дат тех или иных скифских погребальных комплексов в Дунай-Днестровских степях. В частности, указано, что в первой половине V в. до н.э. кочевья скифов, видимо, находились где-то к востоку от Днестра. «Степная зона к западу от реки и до Дуная (Буджакская степь), скорее всего, была лишь подконтрольной территорией. Скифских памятников первой половины V в. до н.э. здесь пока не обнаружено» (Левинский 2010, 93-94). Это утверждение представляется, по меньшей мере, весьма слабо аргументированным. Исследователь или не знает, или осознанно оставляет без внимания такие скифские погребения как Новые Раскаецы (Рэскэций Ной) 2/7 (Яровой, 1990, 36-37, рис. 13/3-7) и Коржова 7/1 (Борзаяк и др. 1983, 26, 27) в Поднестровье, а также Помазаны 2/2, 2/3 (Тошев, Редина 1991, 98-101) и захоронение у пгт. Арциз (Алексеева и др. 1997) в Подунавье. Погребение 2/7 у с. Новые Раскаецы (Рэскэций Ной) на правобережье Днестра следует датировать серединой V вв. до н.э., а никак не второй половиной VII или рубежом VII-VI вв. до н.э. (Левицкий, Демченко 1995, 47.48)⁸. Первой половиной V в. до н.э. датируется погребение 7/1 у с. Коржова с лесбосской амфорой (Mateevici 2007, 63). Оба погребения из кургана у с. Помазаны (совершены одновременно) датируются в пределах первой половины V в. до н.э. на основании бронзовых башнеобразных наконечников стрел со скрытой или выступающей втулкой из погребения 2/3. Арцизский комплекс, хотя и был датирован авторами публикации второй половиной – концом V в. до н.э. (Алексеева, Охотников, Редина 1997, 53), есть все основания относить ко второй-третьей четвертям V в. до н.э. на основании золотых обивок сосудов, выполненных в скифском «зверином» стиле, аналогии которым известны в скифских степных погребениях у с. Ковалёвка в Побужье (Ковпаненко, Бунятян 1978, 139, рис. 1,17) и Большая Знаменка в Поднепровье (Манцевич 1966, рис. 6,8), а также Днепровской Лесостепи – в курганах у с. Пека-

⁸ На это, в частности, указывал А.Ю. Алексеев (2003, 205).

ри, Яблоновка (к. 1) и Берестяги (к. 4) (Петренко 1967, табл. 16,5.8.19; Галанина 1977, табл. 6,2).

Вызывает также удивление замечание о том, что самые ранние захоронения Дубоссарского курганного массива датируются не позднее первой четверти IV в. до н.э. (Левинский 2010, 96). При этом А.Н. Левинский просто ссылается на работу Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова (2005, 154-155), забывая, вероятно, то, что курганы 43 и 46 у г. Дубоссары датируются рубежом VI-V вв. до н.э. на основании амфорного материала (целая самоская амфора и ножка амфоры) из обоих курганов (Mateevici 2007, 64). Не учтён также и тот факт, что железные панцири (пластины от такого были обнаружены в кургане 43) просто не известны в достоверных скифских комплексах IV в. до н.э. В данном случае нам остаётся констатировать некритический подход к интерпретации источника. Также А.Н. Левинским принимается на веру и повторяется едва ли не дословно концепция, высказанная в работе Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова, которая заключается в том, что скифы Днепровского Правобережья, принадлежащие «катакомбному» клану (т.е. практиковавшие обряд захоронения в катакомбах), в конце V – начале IV в. до н.э. появляются на Днестре, а некоторые даже переправляются через реку, на правый берег (Кетрару, Четвериков 2005, 187-191; Левинский 2010, 96). Не останавливаясь подробно на концепции «возникновения катакомбной традиции» в Поднестровье, которая страдает множеством, мягко говоря, изъянов, заметим, что она несостоятельна, в том числе и потому, что помимо скифских курганов у г. Дубоссары в Нижнем Поднестровье (как на левобережье, так и на правобережье) существует целый ряд скифских погребальных памятников более раннего времени, чем рубеж V-IV вв. до н.э.

Просто не соответствует действительности тезис о том, что «к этому же времени [конец V – начало IV в. до н.э. – **Н.Т., В.С.**] относятся самые ранние комплексы в нижнедунайских скифских курганах» (Левинский 2010, 97). Таковыми являются, безусловно, погребение 7/1 могильника Кубей (Субботин и др. 1992, 10), который следует датировать на основании анализа бронзовых наконечников стрел серединой – второй половиной VI в. до н.э.; захоронение 6/1 могильника Чауш (Суничук 1985, 41-42, рис. 3, 11.14) с костяной цилиндрической колчанной застёжкой (!) и железными панцирными пластинами, дата которого никак не выходит за пределы VI в. до н.э.; уже упомянутые комплексы из Помазан и ряд других скифских захоронений, которые легко отыскать даже при беглом знакомстве со специальной литературой.

Опять же со ссылкой на работу Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова (2005, 155) А.Н. Левинский указывает, что позднейшее захоронение Дубоссарского могильника (18/1) было совершено не позже 40-х гг. IV в. до н.э., на что указывают херсонесская амфора и чернолаковый килик. При этом А.Н. Левинский подчёркивает, что он проводит свой «свежий» анализ только на основании надёжных хроноиндикаторов – греческих импортов, в особенности амфор (Левинский 2010, 112). Подобный подход нельзя не приветствовать, т.к. именно он (обращение к хроноиндикаторам, чья хронология разработана наиболее детально) всегда будет являться наиболее продуктивным при определении даты любого археологического комплекса. Однако в то же время мы не можем не обратить внимания, что по какой-то причине (?) А.Н. Левинский игнорирует другие греческие керамические импорты из того же Дубоссарского могильника. Например, одним из них является чернолаковый скифос из кургана 13, дата которого определяется очень точной аналогией с Афинской Агоры 320 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, pl. 17, cat. 353), а с учётом износа (ручки отбиты в древности), этот сосуд, безусловно, попал в погребение кургана 13 позже указанной даты. Подобные примеры могут быть продолжены, в том числе и на материале менее надёжных хроноиндикаторов, которые никак нельзя сбрасывать со счетов при отсутствии других.

Особенно «поражает новизной» замечание А.Н. Левинского относительно скифских могильников Градешка, Дербент и Кугурлуй на левобережье Дуная и могильника Кискань в Запрутской Молдове. По мнению исследователя, их нельзя датировать второй половиной IV – началом III в. до н.э. просто потому, что херсонесские амфоры с клеймами, упоминаемые (!) в публикации С.И. Андрух (1995, 48-50) в настоящее время датируются иначе (не выходят за пределы опять-таки третьей четверти IV в. до н.э.), о чём А.Н. Левинский «доводит до сведения» читателя (Левинский 2010, 113). Однако заметим, что даже самому внимательному читателю не удастся узнать, о каких именно херсонесских амфорах с клеймами идёт речь, поскольку они просто не опубликованы в настоящее время. При этом А.Н. Левинский ссылается на работу С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецова, в которой даже не упоминаются амфоры из указанных могильников, а тем более не пересматривается их хронология (Монахов, Кузнецова 2009). Кроме как «научной казуистикой» с целью решения хронологических проблем подобный подход мы назвать не можем.

Вызывает особое неприятие вывод А.Н. Левинского, являющийся логическим заключением

его предшествующих «хронологических упражнений». Нам остаётся привести его полностью: «Все эти последние уточнения, волей-неволей, заставляют нас сделать вывод, что в последней четверти IV в. до н.э. в Днестро-Дунайском междуречье скифы уже не обитали. Нет ни одного достоверного комплекса. Парадокс, но с этим нужно согласиться» (Левинский 2010, 113).

Мы позволим себе не согласиться с этим абсолютно вымышленным «парадоксом». Ещё в 1962 г. А.И. Мелюкова вводит в научный оборот скифские курганы Тираспольщины IV-I вв. до н.э. (Мелюкова 1962). В 1984 г. она же публикует скифский курган на поле «На горбах» III в. до н.э. (Мелюкова 1984, 90-93). В 1993 г. Е.Ф. Редина опубликовала фибулы из скифских погребений придунайских могильников Градешка, Дербент и Кугурлуй (Редина 1993), анализ которых позволил И.В. Бруяко отнести верхнюю границу функционирования могильников к середине III в. до н.э. (Бруяко 2009, 333). С 1997 г. по настоящее время из печати вышел целый ряд работ, посвящённый могильнику у с. Глиное, в которых в том числе рассматривались и вопросы хронологии памятника (Синика 2004; Бруяко 2009, 333-339). В 2009 г. был опубликован скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (Четвериков, Синика 2009), а погребение у с. Никольское с фибулой отнесено к скифским древностям III-II вв. до н.э. Нижнего Поднестровья (Бруяко 2009, 334-335). Особо подчеркнём, что все указанные работы вышли из печати до появления монографии А.Н. Левинского в 2010 г.

Таким образом, в настоящее время необходимо согласиться с существованием значительного количества скифских памятников III-II вв. до н.э. в Поднестровье, равно как и с тем, что существует определённое количество скифских погребений, дата которых определяется и последней четвертью IV в. до н.э.

Далее А.Н. Левинский реконструирует историю гетов следующим образом. После битвы с Филиппом Македонским в 339 г. до н.э. скифы ослабевают и примерно в 335 г. до н.э. покидают степи Поднестровья и Подунавья, возвращаясь к «своим сильным и богатым сородичам на Днепре, откуда они более полувека назад ушли на запад», где включаются в состав Восточной скифской орды (Левинский 2010, 113-115). В 331 г. Ольвия просит помощи у скифов в борьбе с Зопирионом и получает её, сам Зопирион погибает. Скифы после победы над войском Зопириона возвращаются в Поднестровье и начинают тотально уничтожать все гетские городища Среднего Поднестровья (просто сжигая

их и уничтожая жителей), с чем они справились до конца третьей четверти IV в. до н.э. «После ухода скифов больше некому было убрать и захоронить погибших. Люди остановились на этом месте только более ста лет спустя. Это были «бастарны-пришельцы». Так завершает своё повествование А.Н. Левинский об истории гетов Среднего Поднестровья (Левинский 2010, 115-118).

Несостоятельность этой «гипотезы» перечёркивается простым фактом существования на гетских городищах достаточного количества клеймёного керамического импорта III-II вв. до н.э. (Mateevici 2007).

Чтобы устранить это препятствие на пути своей «гипотезы» совсем недавно А.Н. Левинский провёл ревизию всего существующего амфорного и эпиграфического материала с гетских поселений Молдавской лесостепи (Левинский 2012). В результате мы вновь сталкиваемся с ранее озвученной позицией, которую мы считаем необходимым полностью процитировать: «Насколько можно заметить, на гетских памятниках лесной зоны отсутствуют какие-либо фрагменты типов греческой керамической тары, начало производства которой достоверно отнесено к последней четверти – концу IV в. до н.э., не говоря уже о типах характерных для III в. до н.э.» (Левинский 2012, 272). Как и в случае с историческим развитием гетов, мы оставляем право на детальное изучение этого «исследования» за теми самыми специалистами (в области греческой керамической тары и эпиграфики), на которых многократно ссылается А.Н. Левинский по ходу своей работы. Мы позволим себе сделать только одно замечание, которое считаем концептуальным. А.Н. Левинским констатируется хронологическое несоответствие между морфологическими типами амфор (более ранние!) и их клеймами (более поздние!). Эта проблема решается просто – ввиду несовершенства типологии амфорных клейм (причём, судя по тексту, абсолютно всех центров) декларируется «право при дальнейшем анализе находок делать акцент не на эпиграфике амфорного материала, а на морфологических особенностях керамической тары» (Левинский 2012, 253-254). Этот подход вызывает не только удивление своей наивностью, но и резкое неприятие по двум причинам. Во-первых, абсолютное большинство клейм на поселениях находятся не на целых формах тары, а на ручках (реже, горловинах и, ещё реже, ножках); совершенно иная ситуация в погребальных комплексах – с точностью до наоборот. Это утверждение нам представляется аксиомой. Во-вторых, игнорировать данные эпиграфики в отрыве от морфологии тары нельзя, ибо типология клейм центров, осуществлявших систематическое клеймение, разработана намного

более точно, чем типология амфорной тары. И это утверждение нам также представляется аксиомой.

Завершая краткий анализ двух «исследований» А.Н. Левинского, можно только высказать сожаление о том, что их автор использует археологический источник лишь для того, чтобы с его помощью обосновать заранее созданную идею. Сначала отбирается только подходящий материал, при этом «ненужный» материал либо не знаком автору, либо просто игнорируется им. Затем следует тщательная «подгонка» отобранного материала под те немногие известные нам исторические события, имевшие место в Северном Причерноморье – битва Филиппа Македонского со скифами, поход Зопириона, в результате чего реконструируется ход исторического бытия гетов с конца VI в. до н.э. по конец IV в. до н.э. в Юго-Восточной Европе.

Ставя целью настоящей работы исследовать характер и глубину фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов, проживавших в III-II вв. до н.э. и мирно сосуществовавших с гетами на Нижнем Днестре, мы столкнулись с «удивительной» проблемой, когда у нас есть фракийские влияния, но у нас нет носителей этих влияний. Геты, как «оказалось» в ходе ознакомления с литературой, просто исчезли с исторической арены, притом вместе со скифами, по версии А.Н. Левинского. Многочисленные археологические источники и особенно материалы, полученные в ходе исследования могильника у с. Глиное, однозначно противоречат подобным реконструкциям исторического развития Северо-Западного Причерноморья в IV-II вв. до н.э.

Библиография

- Алексеев 2003:** А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии (Санкт-Петербург 2003).
- Алексеева, Охотников, Редина 1997:** И.Л. Алексеева, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифское погребение у г. Арциз. В сб.: Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (материалы полевого семинара) (Тирасполь 1997), 48-55.
- Андрух 1995:** С.И. Андрух, Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. (этнополитический аспект) (Запорожье 1995).
- Андрух, Суничук 1987:** С.И. Андрух, Е.Ф. Суничук, Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная. В сб.: Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987), 38-46.
- Андрух, Чернов 1990:** С.И. Андрух, С.И. Чернов, Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. СА 2, 1990, 149-163.
- Борзняка, Манзура, Левицкий 1983:** И.А. Борзняк, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий, Коржевские курганы. В сб.: АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинёв 1983), 3-27.
- Брусяк 2009:** И.В. Брусяк, От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus* 3, 2005-2009, 329-370.
- Гаврилюк 2009:** Н.А. Гаврилюк, Фракийцы в Нижнем Поднепровье. *Stratum plus* 3, 2005-2009, 114-141.
- Галанина 1977:** Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). САИ Д1-33 (Москва 1977).
- Граков 1962:** Б.Н. Граков, Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА 115, 1962, 56-113.
- Дзис-Райко 1965:** Г.А. Дзис-Райко, Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 г. (Одесса 1965), 59-68.
- Ерёменко 1997:** В.Е. Ерёменко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).
- Кетрару, Четвериков 2005:** Н.А. Кетрару, И.А. Четвериков, Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.). *Stratum plus* 3, 2003-2004, 77-197.
- Ковпаненко 1981:** Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Россь (Киев 1981).
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994:** Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Ковпаненко, Бунятян 1978:** Г.Т. Ковпаненко, Е.П. Бунятян, Скифские курганы у с. Ковалёвка Николаевской области. В сб.: Курганы на Южном Буге (Киев 1978), 133-150.
- Кривенко, Синика, Тельнов 2011:** А.В. Кривенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Случайные находки III-II вв. до н.э. с Левобережья Нижнего Днестра. *Stratum plus* 6, 2011, 41-45.
- Левинский 2009:** А.Н. Левинский, К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI-IV вв. до н.э.). *Stratum plus* 3, 2005-2009, 162-175.
- Левинский 2010:** А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV в. до н.э.). *Stratum plus* 3, 2010, 15-127.
- Левинский 2012:** А.Н. Левинский, Греческие амфоры на гетских памятниках Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления. *Stratum plus* 3, 2012, 245-274.
- Левицкий, Демченко 1995:** О.Г. Левицкий, Т.И. Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдовы. В сб.: ДСПК V (Запорожье 1995), 41-53.

- Манцевич 1966:** А.П. Манцевич, Деревянные сосуды скифской эпохи, АСГЭ 8, 1966, 23-38.
- Мелюкова 1962:** А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских). МИА 115, 1962, 114-166.
- Мелюкова 1965:** А.И. Мелюкова, Скифские элементы в гетской культуре. КСИА 105, 1965, 32-41.
- Мелюкова 1974:** А.И. Мелюкова, Культура племён Днестровско-Прутского междуречья (VIII-I вв. до н.э.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинёв 1974), 7-52.
- Мелюкова 1975:** А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Мелюкова 1979:** А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Мелюкова 1984:** А.И. Мелюкова, Курганы скифских кочевников у с. Николаевка. В сб.: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 90-103.
- Мелюкова 1995:** А.И. Мелюкова, Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э. РА 1, 1995, 28-35.
- Монахов, Кузнецова 2009:** С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие боспорские или раннехерсонесские). В сб.: Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время (Ростов-На-Дону 2009), 148-161.
- Никулицэ 1969:** И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника Лутерия у с. Ханска. В сб.: Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 134-135.
- Никулицэ 1972:** И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника у с. Ханска-Лутерия. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 105-121.
- Никулицэ 1977:** И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинёв 1977).
- Никулицэ 1987:** И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинёв 1987).
- Никулицэ, Фидельский 2004:** И.Т. Никулицэ, С.А. Фидельский, Чобручи – многослойное поселение на Днестре. Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău-Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004 (Chişinău 2004), 190-216.
- Нудельман, Рикман 1956:** А.А. Нудельман, Э.А. Рикман, Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. Изв. МФ АН СССР 4 (31), 1956, 129-133.
- Оанча 1988:** Е.С. Оанча, О некоторых типах украшений фракийского облика из скифских памятников Днестро-Дунайского междуречья. В сб.: Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным (Москва 1988), 119-121.
- Пачкова 2006:** С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).
- Петренко 1967:** В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. САИ Д1-4 (Москва 1967).
- Петренко 1978:** В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. САИ Д4-5 (Москва 1978).
- Петренко, Яценко 2001:** В.Г. Петренко, И.В. Яценко, К юбилею Анны Ивановны Мелюковой. РА 4, 2001, 5-12.
- Петровська 1968:** Е.Ф. Петровська, Курган VI в. до н.э. біля с. Мала Офірна на Київщині. Археологія XXI, 94-109.
- Редина 1993:** Е.Ф. Редина, Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (Одесса 1993), 50-52.
- Редина 1999:** Е.Ф. Редина, К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие). В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (Запорожье 1999), 223-227.
- Редина 2000:** Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб.: Археологія та етнологія Східної Європи: матеріалі та дослідження (Одесса 2000), 243-252.
- Романовская 1969:** М.А. Романовская, Об этнической принадлежности населения оставившего памятники типа Лукашёвка. МИА 150, 1969, 81-95.
- Сергеев 1960:** Г.П. Сергеев, Скифский кинжал (IV-III вв. до н.э.) из Олонештского района Молдавской ССР. В сб.: ЗОАО, Т. I (Одесса 1960), 262-265.
- Синика 2004:** В.С. Синика, К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы. В сб.: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. I (Киев – Судак 2004), 110-113.
- Синика 2007:** В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII – начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Москва 2007).
- Синика 2011:** В.С. Синика, О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Древность: историческое знание и специфика источника. Мат. между. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V (Москва 2011), 184-187.
- Синика 2012:** В.С. Синика, О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора В.Н. Станко (Одесса 2012), 268-270.
- Смольянинова 2010:** С.П. Смольянинова, Литейные формы из Тире-Белгорода. В сб.: Тира – Белгород – Аккерман (материалы исследований) (Одесса 2010), 100-120.
- Субботин и др. 1992:** Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

- Суничук 1985:** Е.Ф. Суничук, Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В сб.: Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 38-45.
- Тошев, Редина 1991:** Г.Н. Тошев, Е.Ф. Редина, Курганная группа у с. Помазаны Одесской области. В сб.: ДСПК II (Запорожье 1991), 95-104.
- Фёдоров 1960:** Г.Б. Фёдоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. МИА 89 (Москва 1960).
- Фидельский 2009:** С.А. Фидельский, Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо-фракийских памятников. *Tyragetia*, s.n., vol. III [XVIII], nr. 1, 2009, 235-246.
- Хахеу 1992:** В.П. Хахеу, О гетских памятниках Левобережья Молдовы. *Anuar I*, 1992, 122-128.
- Четвериков, Синика 2009:** И.А. Четвериков, В.С. Синика Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: ССПіК XV. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). (Запоріжжя 2009), 204-212.
- Шовкопляс 1954:** И.Г. Шовкопляс, Поселения ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія*, Т. IX, 1954, 98-105.
- Щукин 1994:** М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).
- Яровой 1990:** Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинёв 1990).
- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Kašuba, Haheu, Levițki 2000:** M. Kašuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. *Biblioteca Thracologica XXXI* (București 2000).
- Mateevici 2007:** N. Mateevici, Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a.Chr. *Biblioteca Tyragetia XIV* (Chișinău 2007).
- Moscalu 1983:** E. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
- Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). *Biblioteca Tyragetia XVIII* (Chișinău 2008).
- Redina 2005:** E. Redina, Scytho-Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral. In: *The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczysław Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria»*, BAR Intern. Ser. (London 2005), 231-238.

Николай Тельнов – доктор истории, ведущий научный сотрудник Отдела античной и средневековой археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Бул. Штефан чел Маре, 1. MD 2001, Кишинэу. e-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Виталий Синика – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь. e-mail: sinica80@mail.ru

CONTRIBUȚII LA POZIȚIA CRONOLOGICĂ A NECROPOLEI DE TIP POIENEȘTI-LUCAȘEUCA DE LA DOLINJANY*

Vasile IARMULSCHI, Chișinău

În articol este analizată cronologia relativă și absolută a necropolei de tip Poienesti-Lucașeuca de la Dolinjany. În baza combinațiilor pieselor de inventar am evidențiat două grupe de înmormântări, ce pot fi încadrate în două faze cronologice de funcționare a cimitirului. Am stabilit că aceste etape se sincronizează cu Latène-ul D1-D2 sau cu faza mijlocie și începutul etapei târzii a epocii preromane recente a fierului, ceea ce în date absolute corespunde celei de a doua jumătăți a sec. II – ultimului sfert al sec. I a.Chr.

К вопросу о хронологии могильника типа Поенешть-Лукашеука у села Долиняны. В работе рассматривается хронология могильника типа Поенешть-Лукашеука у села Долиняны. Имея в виду корреляцию типов вещей, нами были выявлены две фазы функционирования данного памятника. Фазы захоронений можно синхронизировать с ЛТ D1-D2 или со средним и началом финального этапа позднего предримского времени, то что в абсолютной хронологии означает вторая половина II в. – последняя четверть I в. до Р.Хр.

Ein Beitrag zur Chronologie der Poienesti-Lucașeuca-Kultur von einem Gräberfeld bei Dolinjany. In dem Artikel wird die Chronologie des Gräberfeldes der Poienesti-Lucașeuca-Kultur bei Dolinjany analysiert. Anhand der Typenkombinationen konnten zwei verschiedene Gruppen aufgestellt werden. Diese entsprechen LT D1-D2 oder der mittleren Phase und dem Beginn der Spätphase der jüngere vorrömischen Eisenzeit. Absolutchronologisch datiert es in die zweite Hälfte des 2. Jhr. und in das letzte Viertel des 1. Jhr. v.Chr.

Schlag-Worten: die Poienesti-Lucașeuca-Kultur, Gräberfeld von Dolinjany, Chronologie, Mittel und Spätlatènezeit, jüngere vorrömische Eisenzeit.

Printre obiectivele arheologice importante din epoca Latène-ului târziu din spațiul pruto-nistean se numără și necropola de tip Poienesti-Lucașeuca (în continuare P-L) de la Dolinjany (reg. Cernăuți, Ucraina) (fig. 1). În rezultatul a cinci campanii de săpături (1977-1978, 1985, 1987-1988), conduse de G. Smirnova și V. Megej, cimitirul, ce conține 58 de morminte, a fost dezvelit aproape integral (fig. 2). Rezultatele cercetărilor au fost publicate în anii 1981 și 1995¹ (Смирнова 1981, 193-207; Smirnova, Megej 1995, 133-160).

Din cele 58 de complexe funerare descoperite, 44 reprezintă morminte de incinerare în groapă, 11 sunt morminte în urnă, iar în trei gropi nu s-au găsit oase

calcinat, respectivele complexe fiind interpretate drept cenotafuri² (fig. 2) (Smirnova, Megej 1995, 133-160). Descoperirea în strat sau la suprafața solului a oaselor incinerate, fragmentelor de vase, precum și a unor piese de port sau podoabe (Смирнова 1981, 203, рис. 8; Smirnova, Megej 1995, 133, fig. 8) ne permite să presupunem că în antichitate cimitirul a cuprins mai multe morminte decât cele identificate prin cercetările arheologice.

Printre dificilele probleme ridicate de necropola de la Dolinjany se numără și cea cronologică. De aceea, în articolul de față ne-am propus drept scop întocmirea unei cronologii interne a cimitirului și stabilirea perioadei lui de funcționare³.

* Pregătirea acestui studiu a fost posibilă grație bursei DAAD, în cadrul unui stagiului de documentare la Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin. Exprim sincerele mele mulțumiri domnului Prof. dr. hab. M. Meyer, celui care a binevoit să-mi fie coordonator în cadrul bursei, pentru sprijinul și consultațiile oferite.

¹ Lucrarea semnată de G. Smirnova și V. Megej a fost publicată și în limba rusă (Смирнова, Мереж 2000, 156-171).

² Deși în descrierea complexelor autorii menționează că în cuprinsul mormintelor 47, 49 și 50 nu s-au găsit oase calcinate, respectivele gropi sepulcrale sunt trecute în categoria mormintelor de incinerare în groapă (Smirnova, Megej 1995, 152.154, fig. 1; Смирнова, Мереж 2000, 165.168, рис. 1).

³ Ținem să remarcăm că, într-o oarecare măsură, acest subiect a fost abordat și de alți cercetători. Astfel, autorii descoperirilor, fără a întocmi o diagramă cu prezența seriilor tipologice de obiecte în morminte, au presupus că situl a funcționat între a doua jumătate a sec. II a.Chr. – prima jumătate a sec. I p.Chr. (Smirnova, Megej 1995, 159; Смирнова, Мереж 2000, 171). M. Babeș, autorul singurei monografii dedicate culturii P-L (Babeș 1993), a analizat materialele descoperite în primele 24 de morminte publicate. În baza incidenței seriilor tipologice, reputatul cercetător de la București a evidențiat două faze cronologice, care corespund etapelor II-III ale culturii P-L, ceea ce, în date absolute, corespunde perioadei cuprinse între a doua jumătate a sec. II – anii 30-20 ai sec. I a.Chr. (Babeș 1985, 203; idem 1993, 142.154, Abb. 41-42). La aceleași concluzii a ajuns și K. Kasparova (Каспарова 1993, 90-93, табл. 30). V. Eremenko a reușit să separe trei faze de evoluție a necropolei. Conform aceluiași autor, situl a funcționat între mijlocul sec. II – ultimul sfert al sec. I a.Chr. (Еременко 1997, 112-114, рис. 33). În sfârșit, amintim contribuția lui Th. Völling, care a identificat trei etape de înmormântări (Völling 2005, 88-89, Taf. 40, Tab. 24).

Fig. 1. Dolinjany. Amplasarea geografică a necropolei.

Înainte însă de a aborda această problemă dorim să prezentăm succint tipologia obiectelor cu relevanță cronologică descoperite la Dolinjany⁴.

Accesorii vestimentare. Această categorie de piese este reprezentată prin fibule și paftale.

Fibule. Utilizate pentru prinderea veșmintelor, dar și ca piese de podoabă, după cum este binecunoscut, fibulele reprezintă o categorie a pieselor de inventar cu o semnificație cronologică extrem de importantă.

Tipul 1. Fibulele acestui tip sunt lucrate dintr-un singur fir de metal, având resortul bilateral format, de regulă, din patru spire și coardă exterioară. Arcul este scund și curbat în apropierea resortului. Piciorul este întors pe deasupra arcului și prins de acesta printr-un manșon realizat prin lățirea extremității piciorului. Prinderea piciorului de arc se făcea, de regulă, la capătul lui, lângă resort (fig. 3,1).

Tipul 2. Piese de dimensiuni mici, confecționate dintr-o singură bucată de metal, cu resortul bilateral format de obicei din șase spire și coardă exterioară. Arcul este curbat, iar piciorul întors pe deasupra arcului și prins de acesta printr-un manșon realizat prin aplatizarea extremității piciorului (fig. 3,2).

Tipul 5. Fibulele cu resortul bilateral format din patru spire și coardă interioară, arcul este curbat în partea

dinspre resort, fiind circular în secțiune. Portagrafa este plină și are forma triunghiulară (fig. 3,3).

Paftale. Sunt reprezentate prin două piese descoperite în mormintele 40 și 44 (idem, fig. 6,40a; 6,44a), având placa triunghiulară și cârlig cu buton. Articularea mobilă a plăcii cu piesa de fixare la cureaua se realiza, cel mai probabil, cu ajutorul unui dispozitiv confecționat dintr-o bucată de sârmă de fier. Acesta trecea prin tubul format în rezultatul îndoirii plăcii pe toată lățimea ei, la capătul opus cârligului, și printr-un tub similar al piesei de fixare. Ultima reprezenta o tablă de fier cu ambele capete îndoite, prevăzută cu două nituri pentru prinderea de cureaua (fig. 3,5).

Obiecte de podoabă. Din categoria obiectelor de podoabă descoperite la Dolinjany, în diagrama combinatorie au putut fi incluse un tip de mărgelă și două tipuri de brățări.

Mărgelă. Tipul 1. Reprezintă piese de formă sferoidală confecționate din pastă de sticlă transparentă (fig. 3,4)

Brățări. Tipul 1. Exemplare lucrate dintr-o sârmă de fier sau bronz, cu secțiunea circulară, având mijlocul îngroșat, tubular, deseori ornamentat (fig. 3,7).

Tipul 2. Reprezintă brățări realizate din sârmă de fier de secțiune circulară, formând o spiră și jumătate, uneori și două, cu capete înfășurate (fig. 3,8).

Din categoria **obiectelor de uz casnic și gospodăresc** în diagrama combinatorie au putut fi incluse doar **cuțitele** de tip 1. Acestea au lama relativ lată și muchia curbă. Limba mânerului este despărțită de tăiș printr-o gardă rectangulară. Pentru fixarea plăselor, în afară de gardă, pe ambele părți ale mânerului erau dispuși câte un nit (fig. 3,6).

* * *

Este de notat că la Dolinjany predomină mormintele sărace sau lipsite cu totul de inventar. Astfel, din cele 58 de complexe funerare identificate, șapte (M. 1, 9, 37, 45, 48, 52 și 58) nu conțin materiale arheologice (Смирнова 1981, 193.197; Smirnova, Megei 1995, 142.149.152.153.154), iar în 13(?) morminte (nr. 5, 6, 10(?), 14, 15, 16, 17, 20, 24, 34, 36, 51 și 56) (Смирнова 1981, 196.197.198-199.200.203; Smirnova, Megei 1995, 142.152.153) s-au găsit doar câte un singur obiect, ceea ce, de regulă, este foarte puțin pentru situarea corectă a mormântului în diagramă.

Pentru stabilirea cronologiei interne a necropolei am întocmit o diagramă a incidențelor dintre seriile tipologice de obiecte descoperite în morminte (fig. 4)⁵.

⁴ Ținem să remarcăm că vom prezenta doar obiectele ce au fost incluse în diagrama combinatorie a pieselor de inventar.

⁵ Analiza combinatorie a fost realizată cu ajutorul programului WinBasp.

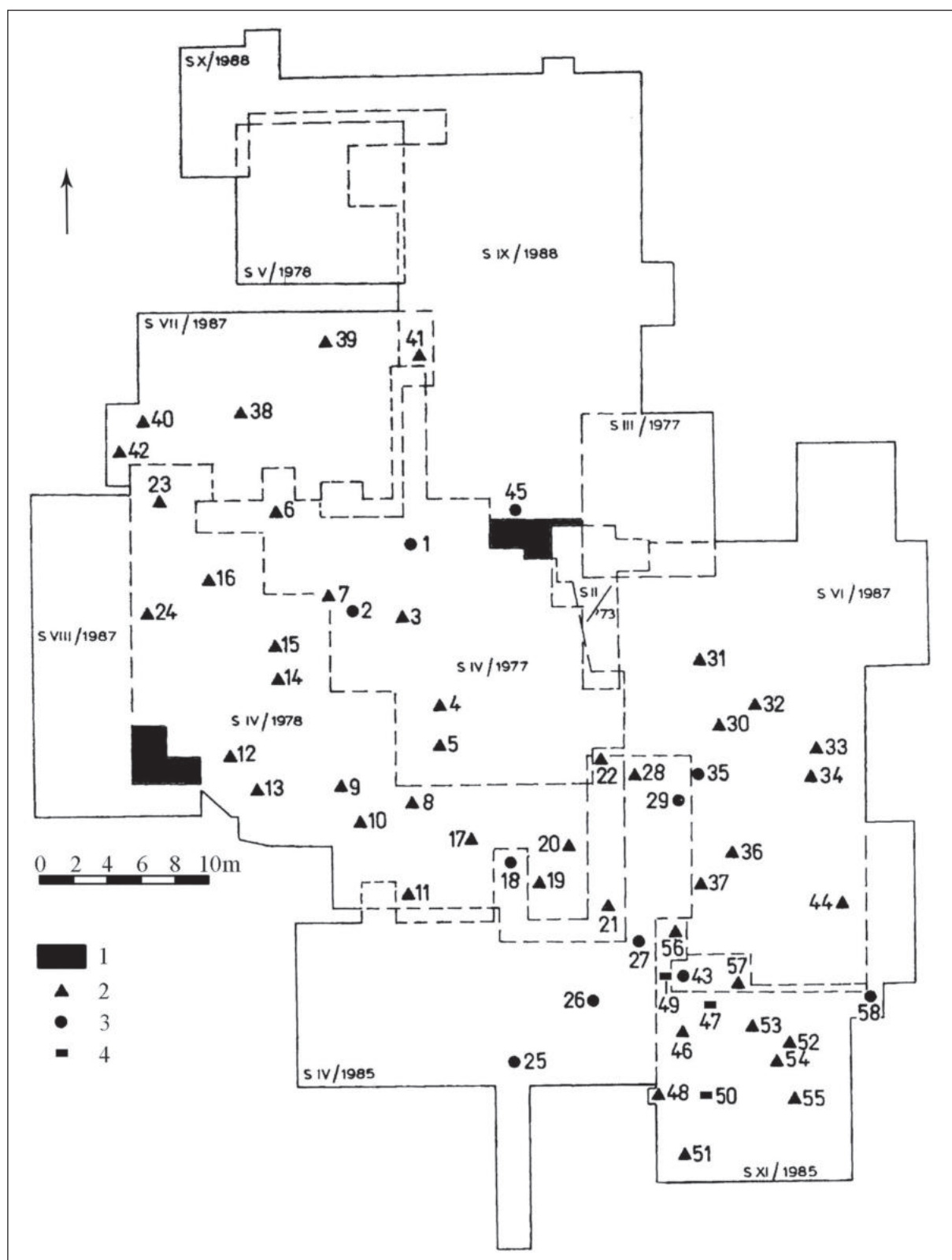

Fig. 2. Dolinjanj. Planul general al necropolei: 1 – suprafețe necercetate; 2 – morminte de incinerare în groapă; 3 – morminte în urnă; 4 – cenotafuri (după Smirnova, Megei 1995 cu completări).

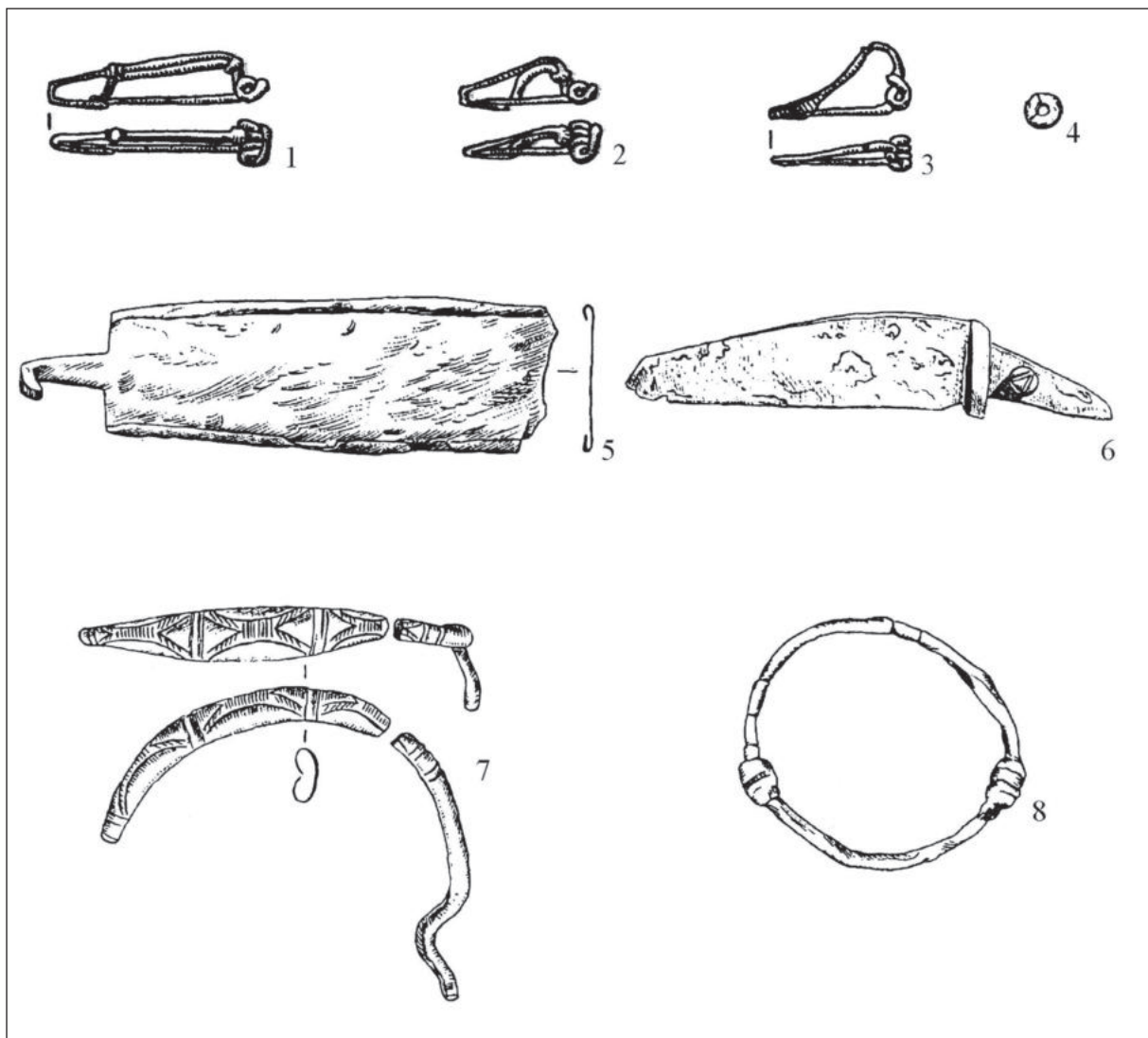

Fig. 3. Dolinjany. Piese incluse în diagrama combinatorie: 1 – fibulă de tip 1; 2 – fibulă de tip 2; 3 – fibulă de tip 5; 4 – mărgeică de tip 1; 5 – pafta cu placa triunghiulară; 6 – cuțit de tip 1; 7 – brățară de tip 1; 8 – brățară de tip 2 (după Smirnova, Megei 1995).

În tabel au putut fi incluse 13 complexe (două morminte în urnă, 10 morminte de incinerare în groapă și un cenotaf) și următoarele serii tipologice de obiecte – fibule de tip 1-2 și 5, paftale, mărgele de tip 1, brățări de tip 1-2 și cuțite de tip 1 (fig. 3).

Succesiunea combinațiilor seriilor tipologice de obiecte din diagramă indică, de la stânga la dreapta, desfășurarea în timp a acestora, pornind de la primele serii de obiecte folosite de populația înmormântată la Dolinjany. La rândul său, fiecare serie tipologică de obiecte luată pe verticală arată, în cadrul cronologiei interne a sitului, perioada în care respectivele piese au fost utilizate de membrii comunității.

Luând în considerație combinațiile pieselor de inventar, am evidențiat două grupuri principale de morminte, care pot fi incluse în două faze de evoluție a cimitirului. Prima grupă este reprezentată de șase morminte, iar a doua de șapte morminte (inclusiv un cenotaf). Fiecare grupă se caracterizează prin anumite serii tipologice de obiecte sau prin combinații ale acestora.

Pentru prima grupă, care cuprinde mormintele dintr-o fază mai veche (I), tipul director este fibula de tip 1⁶ (*Kostrzewski B, Babeș II.3*). În mormintele din această fază se întâlnesc și marea majoritate a brățărilor de tip 1 și mărgelelor de tip 1. Paftalele cu placa triunghiulară,

⁶ Amintim că într-un caz, mai exact în M.28, fibula de tip 1 se asociază cu o agrafă de tip 5 (Smirnova, Megei 1995, 139, fig. 4,28a-b). De notat că fibulele atribuite de noi tipului 5 sunt tipice pentru a doua jumătate a sec. I a.Chr. (Babeș 1993, 96; Völling 1994, 203-207; Brandt 2001, 82; Völling 2005, 126-128).

care se termină printr-un cârlig, se întâlnesc echilibrat în mormintele din faza I-a și a II-a. La fel, în această etapă încep a fi utilizate fibulele de tip 2 (Kostrzewski G/H, Babeș II.4) și brățările de tip 2 (fig. 4).

Tipul definitoriu al fazei târzii de morminte (II) este fibula de tip 5 (Kostrzewski N, Babeș III.3). Ca piese specifice se numără și cuțitele de tip 1. În aceeași etapă continuă să fie utilizate fibulele de tip 2 și brățările de tip 2 (fig. 4).

În afară de mormintele încadrate în diagrama combinatorie, alte 14 complexe funerare ar putea fi datate cu precizie. Astfel, M.5, 10, 23, 26, 30, 41 și 49 trebuie atribuite fazei vechi (I), întrucât conțin ca piese de inventar fibule de tip 1 (fig. 6) (Smirnova, Megei 1995, fig. 2, 5.10; 3,23a; 4,26a; 5,30a; 6,41a; 7,47a). La fel, primei etape de funcționare a sitului aparține M.6, deoarece în cuprinsul lui s-a descoperit o fibulă (Смирнова 1981, 196, рис. 4,8) apropiată tipului III.1 în clasificarea elaborată de M. Babeș (Babeș 1993, 220, Abb. 42). Precizăm că în mediul culturii P-L astfel de agrafe sunt caracteristice pentru faza I-a (ibidem, Abb. 44), dar după cum indică exemplarul descoperit în M.31 de la Borosești, ele se întâlnesc și în următoarea perioadă (ibidem, Abb. 37; Iarmulski

2012, tab. 1). Sfârșitul fazei întâi, foarte probabil, aparțin M.12, 14, 16 și 35. Amintim că din inventarul lor făceau parte fibule de tip 2 (Smirnova, Megei 1995, fig. 3,12b.14.16; 5,35b), piese ce au fost utilizate atât la finalul primei etape, cât și la începutul etapei a II-a (fig. 4). Precizăm că respectivele morminte ocupă porțiunea din nord-vestul și centrul necropolei, acolo unde se întâlnesc majoritatea complexelor date în faza veche a sitului (fig. 5; 6). Aceleași etape cronologice aparține M.4. Notăm că în cuprinsul său a fost găsită o fibulă de tip longobard (Смирнова 1981, 196, рис. 4,7), numite în literatura germană *Lombardenfibel*, *Rechteckfibel* sau *Hannoversche Fibel*. În mediul culturilor germanice, atât de la vest cât și de la est de Oder, acest tip de agrafă se datează la sfârșitul LT D1-D2 (Völling 1994, 175-179; Brandt 2001, 83-84; Völling 2005, 113-114). M.17, în baza fibulei de tip 4, îl datăm în etapa finală de funcționare a sitului. De menționat că astfel de agrafe sunt apropiate de tipul Kostrzewski M și sunt definitorii pentru LT D2 (Müller 1985, 81; Еременко, Щукін 1998, 77; Brandt 2001, 91).

Urmărind dispunerea celor două grupe de morminte în planul necropolei, observăm că ele cuprind zone distincte. Astfel, mormintele din grupa I-a, reprezentând faza veche de înmormântări, ocupă un sector aproximativ din nord-vestul sitului. Aici au fost descoperite patru din cele șase morminte din grupa veche, ce pot fi incluse în diagramă. Celelalte două complexe sunt amplasate în zonele central-vestică și, respectiv, central-estică ale cimitirului (fig. 5).

Mormintele din faza târzie se întâlnesc frecvent în partea de sud-est a necropolei. Aici au fost identificate trei din cele șapte morminte datate în etapa finală. Restul, patru înmormântări, ocupă un sector aproximativ din centrul cimitirului (fig. 5).

Judecând după aceste date, din punct de vedere al evoluției spațiale a necropolei de la Dolinjanj, presupunem că ea a evoluat din nord-vest spre sud-est.

După ce am stabilit etapele de înmormântare, considerăm necesar să precizăm câteva aspecte privind cronologia unor piese ce nu au putut fi incluse în diagrama combinatorie.

Printre artefactele mai timpurii de la Dolinjanj trebuie încadrate mărgelile din pastă de sticlă policromă cu ochi (tipul 2) și cu incluziuni variate (tipul 3). Menționăm că piesele respective au apărut în M.40 (Smirnova, Megei 1995, 144, fig. 6,40h-i), care în baza celorlalte obiecte de inventar (mărgelile de tip 1, brățară de tip 1 și pafta cu placă triunghiulară) a fost datat în faza I-a (fig. 4). Aprecierea se întemeiază și pe constatarea făcută pentru materialele de la Borosești, unde astfel de podoabe au apărut doar în faza târzie a necropolei (Babeș 1993, Abb.37; Iarmulski 2012, tab.1).

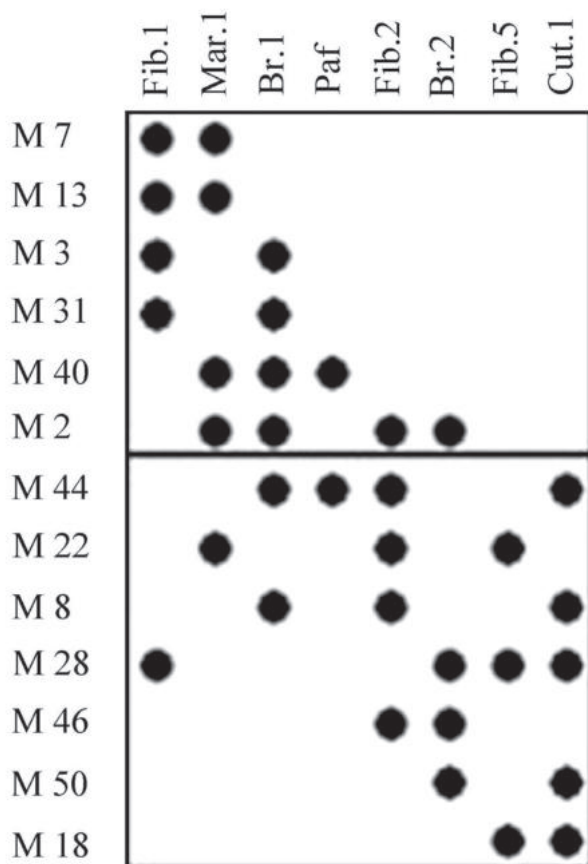

Fig. 4. Dolinjanj. Incidența seriilor tipologice de obiecte pe faze.

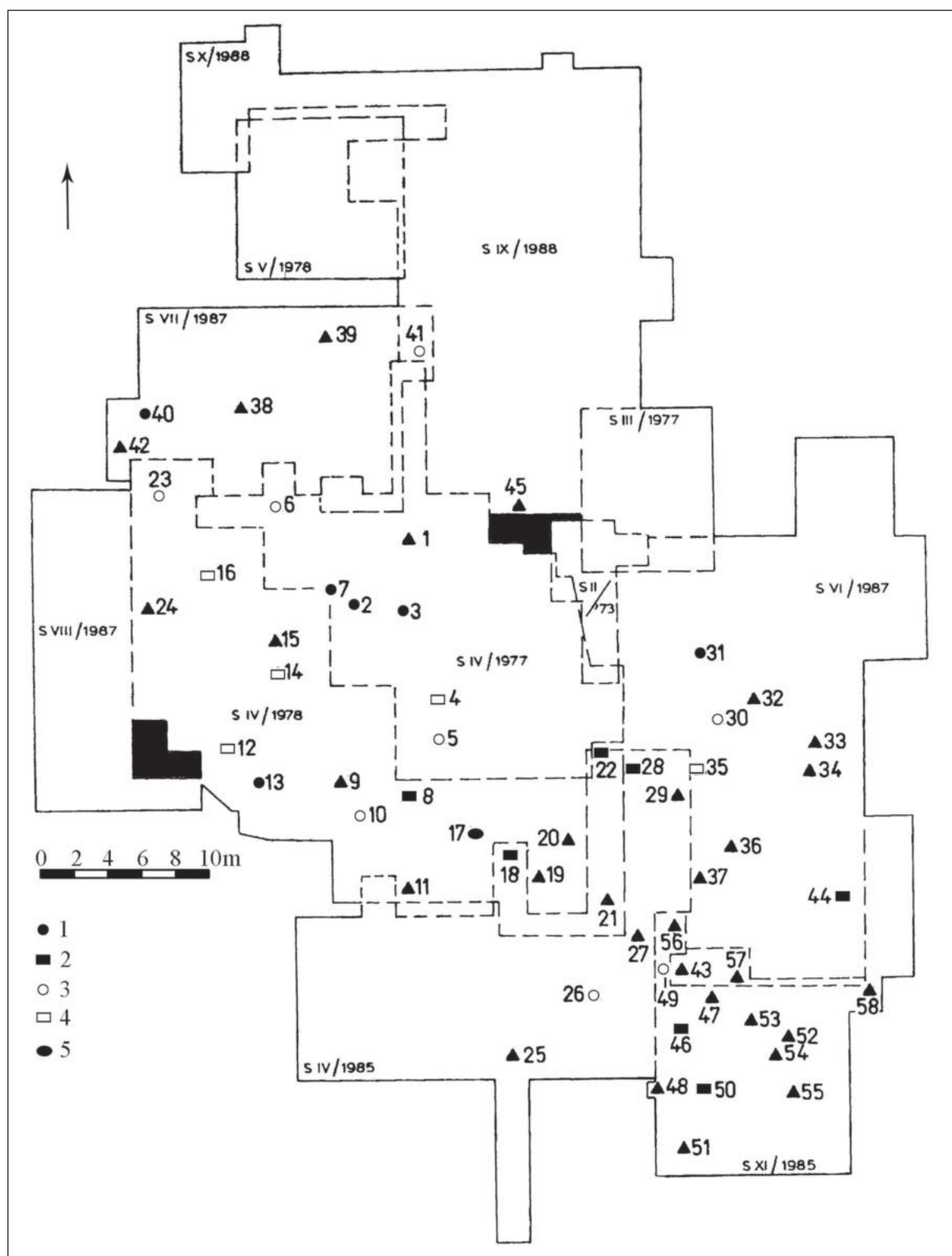

Fig. 5. Dolinjanj. Distribuția mormintelor pe faze: 1- morminte din faza I-a; 2 – morminte din faza a II-a; 3 – morminte cu piese tipice fazei I-a; 4 – complexe cu obiecte caracteristice ambelor faze; 5 – morminte cu piese tipice fazei a II-a.

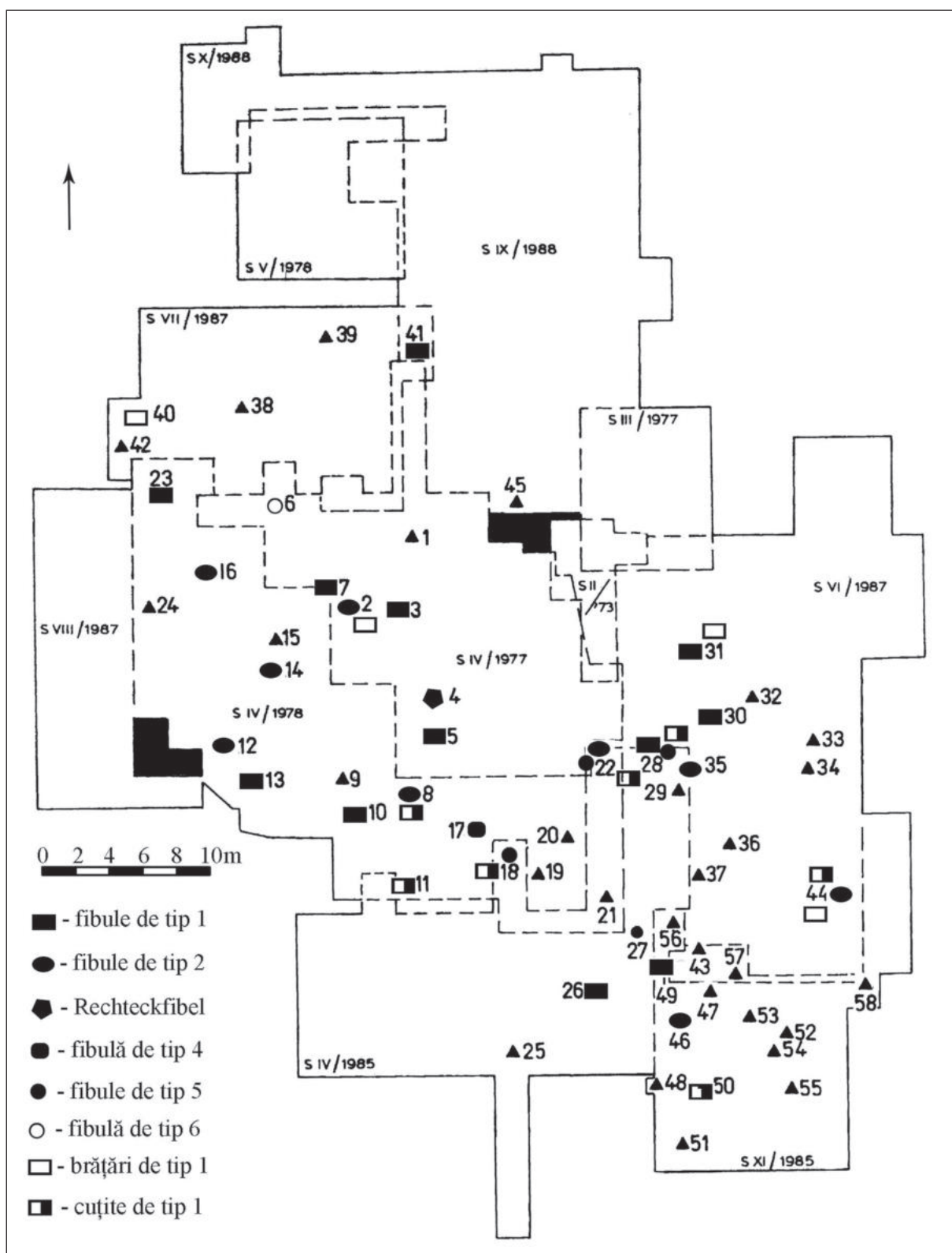

Fig. 6. Dolinjanj. Distribuția pieselor cu relevanță cronologică în cadrul necropolei.

Din etapa veche (I), mai exact dintr-o subfază mai târzie a acesteia, datează și pandantivul în formă de căldărușă recuperat din M.2 (Смирнова 1981, 195, рис. 3,5; Babeș 1993, Taf. 47,2g). Complexul în care s-a descoperit piesa respectivă a fost inclus în diagramă (fig. 4), fiind încadrat în etapa finală a fazei vechi pe baza unei fibule de tip 2, a unei mărgice de tip 1 și a brățarilor de tip 1-2. Este important de menționat că în mediul germanic de la est de Oder, mai exact în arealul culturii Przeworsk, acest tip de pandantive apare cu precădere în complexe dateate în epoca romană timpurie și târzie (Kietlińska, Dąbrowska 1963, 191; Kaczanowski 1987, 67-68; Babeș 1993, 113; Czarnecka 2007, 94.112). În schimb, descoperirile din unele situri din mediul dacic – Popești (Vulpe 1976, 198, fig. 6,24; Babeș 1993, 113; Rustoiu 1996, 125), Piscu-Crăsani (Vulpe 1976, 208; Rustoiu 1996, 125) etc. – par să confirme datarea propusă de noi pentru exemplarul de la Doliniany.

Din faza veche datează, se pare, și piesa de centură de formă circulară (Smirnova, Megei, 1995, 134, fig. 6,24d). Menționăm că analogii apropiate exemplarului de la Doliniany sunt frecvent întâlnite în mediul culturilor Jastorf (Hachmann 1960, Taf. 5,16; Brandt 2001, 113) și Przeworsk (Kostrzewski 1919, 62, Abb. 49; Dąbrowska 1988, 29, tabl. 3,13; Czarnecka 2007, 76), unde ele sunt dateate la sfârșitul LT C2-D1 (Brandt 2001, 113) sau în faza A2 a culturii Przeworsk (Dąbrowska 1988, 29, tabl. 3,13; Czarnecka 2007, 76), ceea ce în date absolute corespunde perioadei cuprinse între a doua jumătate a sec. II – mijl. sec. I a.Chr (Dąbrowska 1988, 59).

Dintre descoperirile din faza târzie trebuie de amintit brățara de bronz cu cinci proeminente triple pe verigă din M.22 (Смирнова 1981, 200-201, рис. 7,6; Babeș 1993, 105, Taf. 48,22b). Precizăm că în baza celorlalte piese de inventar (fibule de tip 2, 5 și mărgica de tip 1) complexul respectiv a fost datat în etapa a II-a (fig. 4).

Este interesant de menționat că în lumea celtică astfel de brățări se întâlnesc atât în Latène-ul mijlociu, cât și în cel târziu (Werner 1979, 18, Abb. 10; Babeș 1993, 113; Еременко 1997, 114).

* * *

Luând în considerație toate datele enunțate, putem afirma că în cimitirul de la Doliniany se pot distinge două faze de înmormântări. Situația dată confirmă unele opinii cu privire la cronologia respectivei necropole (Babeș 1993, 142, Abb. 41-42; Каспарова 1993, 90-93, табл. 30). De asemenea, ținem să-i dăm dreptate lui M. Babeș, după care cimitirul de la Doliniany este sincronizat cu faza a II-a și a III-a a culturii P-L (Babeș 1993, 142.153-154).

Raportarea celor două faze de evoluție a cimitirului la cronologia culturii Latène nu este greu de realizat. Astfel, cele mai vechi morminte le sincronizăm cu LT D1. Tipul definitoriu al fazei a II-a, fibula de tip 5, este înrudit cu varianta Kostrzewski N, care apare doar în LT D2 după H. Polenz (fig. 7) (Polenz 1982).

Cât privește sincronizarea celor două etape de funcționare a sitului cu cronologia epocii preromane recente a fierului (*jüngere vorrömischen Eisenzeit*), prima o raportăm la faza timpurie a epocii mijlocii, iar cea de a doua o sincronizăm cu finalul etapei mijlocii – începutul etapei târzii după R. Hachmann (fig. 7) (Hachmann 1960).

Proiectarea celor două faze în cronologia absolută este un pic mai dificilă. Astfel, prima etapă ar trebui situată între a doua jumătate a sec. II și cel de-al doilea sfert al sec. I a.Chr, iar a doua ar fi de fixat între anii 60-20 ai sec. I a.Chr.⁷ (fig. 7).

În acest mod, credem că avem suficiente dovezi pentru a considera că necropola de la Doliniany a funcționat în perioada cuprinsă între a doua jumătate a sec. II – ultimul sfert al sec. I a.Chr.

Bibliografie

- Babeș 1985:** M. Babeș, Date arheologice și istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole î.e.n. SCIVA 36, 3, 1985, 183-214.
- Babeș 1993:** M. Babeș, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte in Raum ostlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).
- Brandt 2001:** J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Intern. Arch. 66 (Rahden/Westf. 2001).
- Czarnecka 2007:** K. Czarnecka, Oblin. Ein Gräberfeld der Przeworsk Kultur in Südmasovien (Warszawa 2007).
- Dąbrowska 1988:** T. Dąbrowska, Wczesne fazy kultury Przeworskiej (Krakow 1988).
- Hachmann 1960:** R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien. BRGK 41, 1960, 1-276.

⁷ Absolut nejustificată este limita cronologică superioară, prima jumătate a sec. I p.Chr., propusă de autorii săpăturilor (Smirnova, Megei 1995, 159; Смирнова, Мереж 2000, 171). Amintim că această datare a fost fixată pe baza garniturilor de teacă de cuțite care, potrivit lui G. Smirnova și V. Megej, reprezintă buterole de gladiumuri romane (Smirnova, Megei 1995, 159). La aceleași neconcordanțe a atras atenția și M. Babeș (idem 1995, 159, nota *).

Epoca preromană recentă a fierului (Hachmann 1960)	cultura Latene (Polenz 1982)	cultura P-L (Babeș 1993)	cronologia necropolei de la Dolin-jany (Iarmulski 2012)	cronologia absolută (Eremenko 1997)
Faza timpurie	C1	I		220 a.Chr.
	C2			175
Etapa timpurie	D1	II	I	120
Faza mijlocie		III	II	60
Etapa târzie	D2			0
Faza târzie				

Fig. 7. Tabelul cronologic al epocii preromane recente a fierului în centrul și sud-estul Europei.

Iarmulski 2012: V. Iarmulski, Migrația bastarnilor în spațiul carpato-nistean (în baza necropolei de tip Poieniști-Lucașeuca de la Borosești), în manuscris.

Kaczanowski 1987: P. Kaczanowski, Drochlin. Ciałoplane cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu wpływów rzymskich (Kraków 1987).

Kietlińska, Dąbrowska 1963: A. Kietlińska, T. Dąbrowska, Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek. Mat. Stroz. IX, 1963, 143-254.

Kostrzewski 1919: J. Kostrzewski, Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit (Leipzig 1919).

Müller 1985: R. Müller, Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unter Saale und Mittelbe (Berlin 1985).

Polenz 1982: H. Polenz, Münzen in latènezeitlichen Gräbern Mitteleuropas aus der Zeit zwischen 300 und 50 vor Christi Geburt, BayerVbl, 1982, 47, 27-222.

Rustoiu 1996: A. Rustoiu, Metalurgia bronzului la daci (sec. II î.Chr. – I d.Chr.). Tehnici, ateliere și produse de bronz (București 1996).

Smirnova, Megei 1995: G.I. Smirnova, V.F. Megei, Necropola plană de tip Poieniști-Lukașevka de la Dolin-jany (săpăturile din anii 1985, 1987, 1988). SCIVA 46, 2, 1995, 133-159.

Völling 1994: Th. Völling, Studien zu Fibelformen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und ältesten römischen Kaiserzeit. BRGK 75, 1994, 147-282.

Völling 2005: Th. Völling, Germanien an der Zeitwende. Studien zum Kulturwandel beim Übergang von der vorrömischen Eisenzeit zur älteren römischen Kaiserzeit in der Germania Magna. BAR 1360 (Oxford 2005).

Vulpe 1976: Al. Vulpe, Le necropole tumulaire gète de Popești. TD 1, 1976, 193-215.

Werner 1979: J. Werner, Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien (München 1979).

Еременко 1997: В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).

Еременко, Щукин 1998: В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, К вопросу о хронологии латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 1998, 61-89.

Каспарова 1993: К.В. Каспарова, Культура Поянешть-Лукашевка. Периодизация и хронология. В сб.: Славяне и их соседи в I тыс. до н.э-I тыс. н.э. (Москва 1993), 30-33.

Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Могильник типа Поянешты-Лукашевка у села Долин-яны на Буковине. СА 3, 1981, 193-207.

Смирнова, Мегей 2000: Г.И. Смирнова, В.Ф. Мегей, Могильник типа Поянешты-Лукашевка у села Долин-яны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.). Stratum plus 4, 2000, 156-171.

Vasile Iarmulski, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2012, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vasile_iarmulski@yahoo.com

CORONIȚELE DIN PLĂCUȚE IMPRIMATE DIN REGIUNEA CARPATO-DUNĂREANĂ ÎN CONTEXTUL ANTICHITĂȚILOR DIN EUROPA DE EST ȘI SUD-EST (SECOLELE XII-XV)

Svetlana REABȚEVA, Chișinău

Prezentul articol este consacrat coronițelor compuse din aplice separate, executate în tehnica imprimării. În sec. XII-XV, pentru mormintele de femei din spațiul carpato-dunărean sunt caracteristice descoperirile de coronițe constând din plăcuțe de argint sau bronz, decorate cu ornament ștanțat. Aplicele de la coronițele descoperite în Banat și Oltenia diferă vizibil de cele de pe teritoriul dintre Carpați și Prut. Pentru siturile de sec. XII-XIV din Oltenia, Banat (ca și pentru cele din Transilvania, Croația, Bosnia și Serbia) sunt caracteristice coronițele compuse din plăcuțe dreptunghiulare, decorate cu una, două sau trei semisfere imprimate. Un alt tip de coronițe specifice acestei regiuni era decorat cu reprezentări imprimate de crini. În spațiul carpato-nistrean s-au răspândit tipurile de coronițe cu decor specific vegetal-geometric și zoomorf. În regiunea nistreană exista, probabil, și un tip specific de coronițe, decorate cu rozete proeminente și pandantive mici din plăcuțe. Destul de multe analogii pentru coronițele descoperite pe teritoriul voievodatului medieval al Moldovei (date în sec. XIII-XV) provin din siturile din Europa de Est.

Венцы из тисненых бляшек из Карпато-Дунайского региона в контексте древностей Восточной и Юго-Восточной Европы (XII-XV веков). Статья посвящена венцам, собранным их бляшек, изготовленных в технике тиснения. В XII-XV вв. для женских захоронений Карпато-Дунайского региона характерны находки венцов, составленных из тисненых серебряных или бронзовых бляшек, украшенных штампованным орнаментом. Бляшки от венцов, находимые в Банате и Олтенции заметно отличаются от тех, что представлены в Карпато-Днестровском регионе. Для памятников XII-XIV вв. Олтенции и Баната (также как и Трансильвании, Хорватии, Боснии и Сербии) характерны типы венцов с прямоугольными бляшками, декорированными одной, двумя или тремя тиснеными полусферами. Еще один тип венцов, характерный для этого региона украшен тисненым изображением кринов. В Карпато-Днестровском регионе характерны типы венцов со специфическим растительно-геометрическим и зооморфным орнаментом. В днестровском регионе существовал, по всей видимости, еще и характерный тип венцов, декорированных выпуклыми розетками и миниатюрными пластинчатыми подвесками. Основная масса аналогий для венцов с территории средневекового Молдавского княжества (датируемых XIII-XV вв.) происходит из памятников Восточной Европы.

The crowns made of the embossed plaques of the Carpathian-Danube region in the context of the Antiquities of Eastern and South-Eastern Europe (XII-XV centuries). The article is dedicated to crowns with plaques made in the technique of embossing. In XII-XV centuries for women's graves of Carpathian-Danube region are characterized findings of crowns composed of embossed silver or bronze plaques, decorated with stamped ornaments. Plaques of crowns, found in the Banat and Oltenia differ markedly from those shown in the Carpathian-Dniester region. For sites XII-XIV of centuries in Oltenia and Banat (as well as Transylvania, Croatia, Bosnia and Serbia) are specific types of crowns with rectangular plaques decorated one, two or three embossed hemispheres. Another type of crowns, which is characteristic for this region, is decorated with embossed image of krins. Carpathian-Dniester region is characterized by specific types of crowns with plant-geometric and zoomorphic designs. In the Dniester region, there was, apparently, also a characteristic type of crowns, decorated with rosettes and miniature plate pendants. Most of the analogies for the crowns from the territory of medieval Moldova (dating back to XIII-XV centuries) come from sites in Eastern Europe.

Key words: crowns, of Carpathian-Danube region, technique of embossing.

Prezentul demers continuă seria studiilor privind podoabele de cap ale populației regiunii carpato-balcanice. Rezultatele cercetărilor noastre consacrate diademelor de ceremonial și podoabelor suspendate la seturile/acoperămintele de cap au fost parțial publicate (Рябцева 2009, 2011). Intenția noastră este de a scoate în evidență descoperirile unor coronițe compuse din aplice separate, executate în tehnica imprimării. Despre majoritatea acestor podoabe putem vorbi grație cercetărilor complexelor funerare, descoperiri singulare provenind din unele așezări, mai rar detaliile acestor coronițe au ajuns din componența unor tezaure.

Coronițele din aplice imprimate ilustrează portul de gală și cel funerar al reprezentanților clasei de mijloc. Aceste descoperiri nu sunt omogene și sunt executate din diferite materiale. Aplice de bronz au fost găsite în necropolele de la Trifești, Hudum II, Piatra-Neamț Dărmănești, Bedehaza, Izvorul. Aplice de argint sunt cunoscute la Hudum I, Netezi, Șopotu Vechi Movilă, Cuptoare, Nicolinți, iar piese din argint aurit – la Ostrovul Mare, Hlincea, Hudum I, Trifești, Gogoși și Cuptoare. O aplică de aur a fost descoperită la Hudum I (Oța 2007, 117-156).

În sec. XIII-XIV, pentru mormintele de femei de pe teritoriul Carpato-Dunărean sunt caracteristice des-

coperirile de coronițe, compuse din plăcuțe imprimate de argint sau bronz, decorate cu ornament ștanțat, uneori în combinație cu email. În componența coronițelor, plăcuțele imprimate se combinau cu tije metalice, precum și cu mărgelile din pastă. Aplicele de la coronițele descoperite în Banat și Oltenia diferă vizibil de cele de pe teritoriul dintre Carpați și Prut. Pentru mormintele de femei și copii din regiunea carpato-balcanică sunt caracteristice coronițele cu aplice pătrate sau dreptunghiulare, care se remarcă prin prezența unei sau mai multor semisfere imprimate, plasate în centrul plăcuței (Oța 2007, 117-156). Să examinăm aceste descoperiri.

În mormântul nr. 214 din necropola de la Cuptoare (jud. Caraș-Severin) a fost descoperită o coroniță compusă din 16 aplice semisferice aranjate în două șiruri, precum și două alte șiruri din aplice-tije cilindrice. Aplicele sunt executate din argint aurit (Oța 2007, 134). Pe partea frontală a craniului defunctului din M.225 al aceleiași necropole a fost descoperită o diademă fragmentată (5-6 aplice pătrate din argint aurit cu o semisferă convexă în partea de mijloc) (fig. 2, 1-3). Pe lângă diademă, setul mai includea cercei cu o mărgică. Câte un fragment de diademă au mai fost descoperite și în M.232 și M.327 ale necropolei. Aceste aplice dreptunghiulare erau decorate cu două proeminente semisferice. Aparent, necropola a funcționat o perioadă însemnată de timp, fapt reflectat în prezența masivă a monedelor din sec. XII-XIV în morminte (Oța 2007, 120-133).

Câteva plăcuțe pătrate de la coronițe au fost depistate la săpăturile necropolei din Arača (Serbia), una dintre ele asemănându-se destul de mult cu aplicele din Cuptoare. Piesa respectivă este decorată cu o semisferă convexă în centru și un șir de „perle false” dreptunghiulare imprimate pe margine. Alte două aplice sunt ornamentate adițional cu decor vegetal stilizat ce pleacă cruciform de la semisfera centrală (Минић 1996, 121, T. I, 7.8; Oța 2007, 119) (fig. 2, 6-8).

Pe lângă plăcuțele cu o semisferă, pe teritoriul Banatului mai sunt prezente aplicele decorate prin câteva semisfere sau rozete. Astfel, în M.4 al necropolei de la Nicolinți (jud. Caraș-Severin) au fost descoperite 16 plăcuțe dreptunghiulare de la diademă împreună cu fragmentele unui cadru cusut al unei podoabe, 14 dintre aceste aplice sunt mai masive și decorate cu trei rozete, iar altele două – probabil, terminale – sunt decorate cu două rozete (fig. 2, 10-16). Aplicele sunt decorate adițional cu „perle false”. Decorul este amplasat pe margine și desparte rozetele (Oța 2007, 120). În același județ Caraș-Severin, în necropola de la Șopotu Vechi, a fost descoperit un fragment dintr-o aplică dreptunghiulară de argint de la coroniță, ornamentată cu două proeminente mari înconjurate de semisfere mai mici (Teucu 1998, 133.156, fig. 38, 13; Oța 2005, 188; 2007, 121).

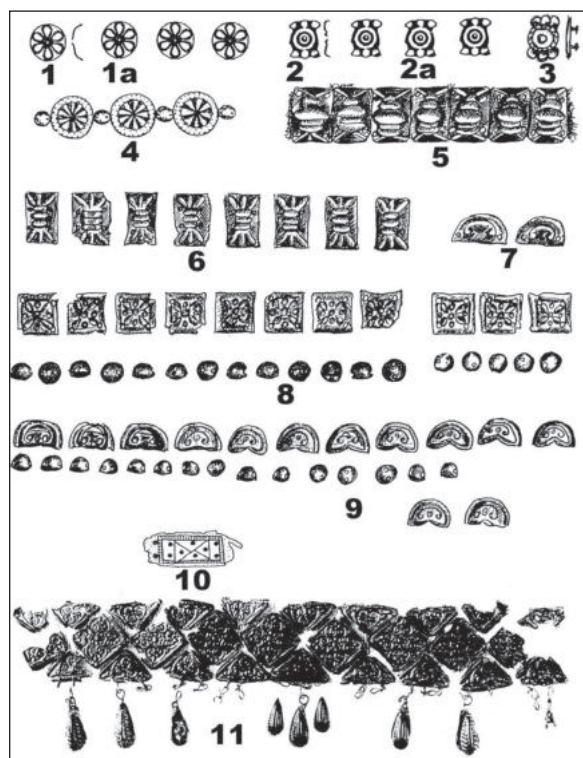

Fig. 1. Coronițe din sec. X-XIV; diferite scări. 1, 2 – Muzeul de Arheologie Sofia (Bulgaria), 1a, 2a reconstrucție după Григоров 2004; 3 – necr. Bolșie Tigani, M.7 (Rusia); 4 – Pliska; 5-9 – necr. Kaliakra; 10 – Mniševsko (Bulgaria), 11 – necr. Krestove (Macedonia) (11-15 după: Бобчева 1978; 1-10, 16, 17 după Григоров 2004).

Pe teritoriul Olteniei fragmente de coronițe au fost semnalate în mai multe așezări. Nu departe de locul descoperirii tezaurului din anul 1929 de la Gogoșu (jud. Mehedinți) a fost găsită o coroniță compusă din aplice executate prin imprimare (posibil, piesa provine dintr-un mormânt) (Oța 2007, 121). Două plăcuțe de bronz de la o coroniță au fost găsite la săpăturile necropolei din Izâmșa (jud. Mehedinți) (Toporu 1976, 175.178; Dumitriu 2001, 126-127, Taf. 11, 3, fig. 92, 3; Oța 2007, 121, fig. 2, 3). Aici au fost găsite plăcuțe ștanțate de două tipuri – pătrată, decorată cu ornament cruciform, amplasată în partea centrală a diademei, și trapezoidală terminală. Ambele plăcuțe au în comun prezența unei borduri din perle false pe margine și linii din perle similare în centru, precum și utilizarea unor orificii rotunjite care accentuează elementul decorului cruciform. Materialele din acest complex pot fi atribuite sec. XII-XIII (Oța 2007, 135).

În M.3 din necropola Ostrovul Mare (jud. Mehedinți), care aparținea unei tinere de 16-18 ani, pe craniu, au fost descoperite resturi de stofă de la coroniță și șapte aplice dreptunghiulare din argint aurit (Dumitriu 2001, Taf. 37, 27-33; Oța 2007, 122, fig. 2). Aplicele sunt decorate prin reprezentări imprimate de rozete du-

ble și o bordură din perle false rotunjite pe margine. Printre materialele din necropolă au fost găsite monede din sec. XII-XIV, iar din M.3 provin monede din perioada lui Andronic II (1282-1328) (Oța 2007, 133.137) (fig. 2,17).

În mormântul unui copil, nr. 9, din necropola de la Portărești (jud. Dolj), lângă capul defunctului, au fost găsiți năsturași sau clopoței (Dumitriu 2001, Taf. 94,5-16; Oța 2007, 118). În acest caz, însă, e mai probabil că avem detalii din decorul acoperământului pentru cap, decât dintr-o coroniță. Printre materialele din necropolă sunt prezente monede din sec. XIV (Oța 2007, 133).

Fragmente de coronițe sunt cel mai des descoperite în complexele funerare unde, fiind găsite în preajma oaselor, pot fi identificate cu ușurință din punct de vedere funcțional. În așezări, asemenea plăcuțe sunt găsite mai rar, atribuirea lor este mai dificilă deoarece piesele si-

milare pot fi atât detalii de la coronițe, cât și elemente cusute pe veșminte sau aplice pentru brâu. O asemenea piesă este fragmentul unei plăcuțe dreptunghiulare din bronz de la coroniță cu decor vegetal din așezarea Sfântul Gheorghe-Bedehaza (jud. Covasna, Transilvania) (Horedt 1956, 22-31, fig. 17,4; Oța 2007, 132).

Majoritatea analogiilor pentru aceste coronițe cu semisfere convexe și decor criniform provin din Balcani, în special de pe teritoriul republicilor sud-slave. Acolo sunt cunoscute și matrice pentru imprimarea plăcuțelor, utilizate la decorarea coronițelor, diadelor și altor piese de podoabă. Aceste descoperiri ilustrează popularitatea utilizării plăcuțelor metalice în costumele populației de pe aceste teritorii. Cusute pe o bandă din stofă sau piele, piesele respective se purtau în calitate de coronițe frontale. Aplice similare se utilizau și pentru ornamentarea gulerelor și a mânecelor veșmintelor (Минић 1996, 113). Costumele decorate în acest mod s-a reflectat și în obiectele de artă. Reprezentarea unei fete cu coroniță compusă din plăcuțe dreptunghiulare separate a fost plasată pe o cupă de argint din sec. XIV-XV, descoperită în împrejurimile or. Pirot (Serbia) (Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић 1969, 84, кат. 132).

În Serbia, în Kapelin Breg (zona Vršac) a fost descoperită o matrice bipartită, destinată imprimării plăcuțelor utilizate în decorarea veșmintelor. Plăcuțele realizate cu această matrice aveau formă diversă – circulară, pătrată, dreptunghiulară, rozetă. Pe aplicele mai masive era plasat un decor artistic – figuri de animale fantastice, scena luptei dintre om și leu, înger care binecuvântează. Plăcuțele mai mici erau decorate cu un ornament geometric, utilizându-se rozete, semisfere și borduri din perle false (Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић 1969, 84, кат. 132; Минић 1996, 116, fig. 2,3). Una dintre matrice, destinată imprimării plăcuțelor dreptunghiulare, este foarte apropiată de forma aplicelor din necropolele Cuptoare-Sfordea, Șopotu Vechi și Nicolinți din România.

Mai multe plăcuțe rotunde și pătrate pentru decorarea veșmintelor provin din necropola medievală Vrclava-Vodenica din Croația (Минић 1996, 113). Perioada de funcționare a necropolei se datează la sfârșitul sec. X – începutul sec. XV. Două plăcuțe-aplice pătrate (una din bronz și alta din argint aurit) au fost descoperite în M.101, care aparținea unei fete de 12 ani. Aplicele se aflau în regiunea toracelui și, probabil, erau cusute pe veșminte. Comun pentru aceste piese este motivul semisferei centrale, iar aplica de argint este decorată adițional cu ornament vegetal și o bordură din perle false, găsindu-și cele mai apropiate analogii în descoperirile din Araca. Două aplice rotunde, de asemenea utilizate la decorarea îmbrăcămintei, au fost găsite într-un mormânt distrus din necropola Vrclava-Vodenica.

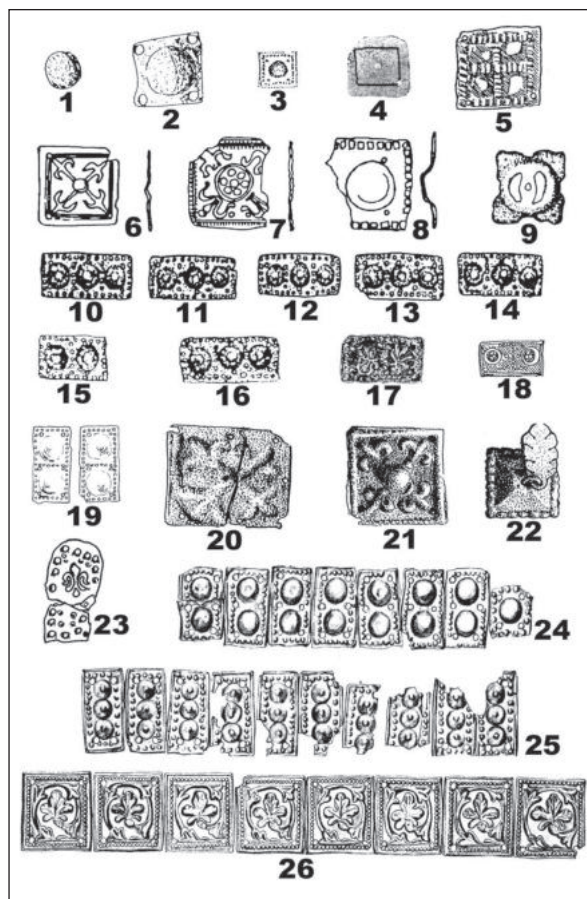

Fig. 2. Coronițe din sec. XII-XIV, diferite scări. 1-3 – Cuptoare-Sfocșea, 4 – Piatra Niamț-Dărmănești (România), 5 – Izâmșă (România), 6-8 – Arača (Serbia), 9 – Doina Girov, 10-16 Nicolinți-Râpa Galbenă, 17 – Ostrovul Mare, 18 – Jidosia (România), 19 – Libičevac, 21,22 – Nosa-Hinga (Voevodina), 24-26 – Hajdučka Vodenita (Serbia) (1-18 după: Oța 2007; 19 după: Radoslavliević-Krunić 1986; 21,22 după: Stanojević 1989; 24-26 după: Ercegović Pavlović 1986).

Una dintre aplice este ornamentată cu reprezentarea unui vultur în postură heraldică (Минић 1996, 121).

Pe teritoriul Serbiei a fost descoperită o cantitate impunătoare de plăcuțe dreptunghiulare și pătrate, decorate cu semisfere în centru și perle false pe la margini. Piese de acest tip provin din Mirkovo, Vinča, Brestovik, Brzde Palanka, Ljubičevac. Aplicele din Peč, Sibnica, Stare Pavločec sunt decorate cu reprezentări de crini, păsări, grifoni în relief (Минић 1996, 115). Câteva dintre plăcuțele cele mai timpurii, de formă pătrată simplă cu o semisferă în centru, provin din necropola din sec. XII de la Brestovik (Ćorović-Ljbin-kovic 1956, 131-137, fig. 4). Într-un mormânt din necropola din sec. XII-XIV de la Belo Brdo, în apropiere de Vinča, a fost găsită o coroniță compusă din 29 de plăcuțe de acest fel cu o proeminență în partea centrală. În componența coroniței mai intrau două inele cu câte o mărgea rotundă masivă decorată cu sârmă filigranată în partea de mijloc (Ерцеговић Павловић 1979, 279-282; Marjanović-Vujović 1979, 211; Marjanović-Vujović 1982, 59). Aplice similare provin din necropola Kašić-Mastirin (Jelovina 1963, T. LXIII, 12). Ele au analogii cu piesele din M.225 al necropolei Cuptoare din România.

Aplice cu câteva rozete voluminoase, similare celor din Șopotu Vechi, Nicolinți și Cuptoare (România), au fost găsite în Serbia în Vajuga-Pešak lângă Vinča (M.7) și în Ljubičevac (M.27). Monedele din inventarul acelorasi complexe permit datarea pieselor la sfârșitul sec. XII – începutul sec. XIII. Aplicele descoperite în mormântul nr. 15 al necropolei Hajdučka Vodenica, sunt din sec. XII-XIV (Radosavljević-Krunić 1986, 328-341; Ерцеговић Павловић 1979, 280, сл. 4). În necropola din sec. XII-XIII de la Ljubičevac, plăcuțe dreptunghiulare din argint și argint aurit cu două semisfere provin din mai multe complexe funerare (M.7, M.22, M.27). În M.7, împreună cu fragmentele aplicelor de acest tip, a fost descoperit și un fragment de monedă bizantină schiphată de la sfârșitul sec. XII sau începutul sec. XIII (Radosavljević-Krunić 1986, 329-345).

În mormintele feminine din necropola de sec. XII – începutul sec. XV, din Hajdučka Vodenica lângă Tekije, au fost descoperite coronițe de două tipuri (Ерцеговић Павловић 1979, 279-285; Ерцеговић Павловић 1986, 89, табл. IV). În afară de cele 8 aplice decorate cu două semisfere din M.15, menționate mai sus, din M.2 provine o garnitură din 10 plăcuțe imprimate din argint aurit, decorate cu trei semisfere și perle false pe margine (fig. 2, 24-25). Aplicele sunt prevăzute cu orificii pentru cusut la vârfuri. În acest mormânt, aplicele cu trei proeminente au fost utilizate pentru decorarea mânecelor hainelor defunctului. Probabil, mâneca era destul de largă, iar aplicele erau plasate cu partea mai lungă paralel marginii de jos a mânecii, în șiruri a câte trei.

Aplicele de aceeași formă din necropola de la Brestovik decorau colanele pentru gât (Ерцеговић Павловић 1979, 281, сл. 2). În M.11 a fost descoperită o coroniță din argint aurit, compusă din plăcuțe pătrate decorate cu vlăstari vegetali stilizați (Ерцеговић Павловић 1979, 280, сл. 3) (fig. 2, 26). Piesele decorate cu motive similare de frunze de acant se datează în sec. XIV-XV (Радојковић 1966, 34.55).

Aplice cu o semisferă încadrată în vlăstari vegetali, similare celor de la Arača, provin din Nosa-Hinga în Voivodina (Stanojev 1989, 79-83, fig. 427; 85.86, fig. 448; Oța 2007, 135) (fig. 2, 21.22). În Bosnia sunt cunoscute trei descoperiri de fragmente de coronițe din sec. XIII-XIV, din Grborezi, Arnautovići și Bihać (Минић 1996, 115). Din Bikač (Voivodina) provine o coroniță, ce poate fi datată în sec. XIII, compusă din plăcuțe dreptunghiulare decorate cu reprezentări imprimate de crin, baza căruia este încadrată în rozete. Pe marginea plăcuțelor este prezentă o bordură din perle, iar plăcuțele terminale sunt decorate pe centru cu figuri romboidale (Čremošnik 1951, 256, tab. III, 7.8).

Variante specifice de coronițe, compuse din plăcuțe, au fost găsite pe teritoriul Bulgariei. De exemplu, în Plisca, în mormântul datat în sec. X – prima jumătate a sec. XI, au fost găsite trei plăcuțe circulare imprimate din argint aurit, decorate cu reprezentări de rozete, despărțite de patru mărgeli mici din bronz (Дмитров 1995, 42-70; Григоров 2004) (fig. 1, 4). Mai multe aplice diferite provin din necropola Kaliakra, datată în sec. XIII-XIV (Бобчева 1978, 158). Printre materialele necropolei se găsesc aplice pătrate cu decor de rozete, aplice dreptunghiulare ornamentate cu doi crini contrapusi, aplice-lunule cu decor de volute, precum și aplice-mărgeli mici semisferice (fig. 1, 5-9). Aplicele semisferice sunt găsite împreună cu cele pătrate și în formă de lunulă. Piese respective erau executate din argint și bronz, uneori fiind aurite.

Așadar, se poate constata că pentru siturile de sec. XII-XIV din Oltenia, Banat, Transilvania, Croația, Bosnia și Serbia sunt caracteristice tipuri specifice de coronițe feminine pentru cap. Ele erau compuse din plăcuțe dreptunghiulare, decorate cu una, două sau trei semisfere imprimate. În mai multe cazuri, compoziția din trei proeminente se repetă de trei ori pe aceeași aplică. Semisfere similare convexe sunt deseori prezente și în ornamentul unor diademe mai bogate, care provin din tezaure.

Un alt tip de coronițe caracteristice pentru această regiune avea drept decor reprezentări imprimate de crini. De regulă, crinii erau prevăzuți cu detalii de intercalare în partea de jos. Acest ornament își are cele mai apropiate analogii pe aplicele cusute de alte forme, precum și în decorul inelelor din această perioadă (vezi, de ex., Stanojev 1989, 83, fig. 425; Dumitriu

2001, Taf. 87). În general, se poate vorbi despre un tip specific de costum, la care aplice similare erau utilizate pentru decorarea coronițelor, gulerelor, poalelor și mânecilor veșmintelor.

Între Carpați și Prut doar în 4 morminte ale necropolei din sec. XIII-XIV de la Doina-Girov (jud. Neamț) au fost găsite coronițe compuse din plăcuțe cu partea de mijloc convexă (Spinei, Alexianu, Butnaru 1985, 227-260; Oța 2007, 222). În alte situri ale acestei regiuni, aplicele de la coronițe nu au asemenea proeminențe. Aici erau răspândite coronițe de alte tipuri.

Plăcuțe dreptunghiulare de la coronițe cu decor imprimat au fost găsite în situri din sec. XIII-XIV: la necropolele de la Hudum, Izvoare și Trifești. Coronițe similare sunt descoperite și în morminte din sec. XIV-XV în Hlincea-Iași, Netezi, Piatra Neamț (Vulpe 1957, 324, fig. 341,3.4; Ioniță 1962, 737, fig. 6; Spinei, Popovici 1988, 243, fig. 4; Dumitriu 2001, 23; Oța 2007, 123-126). Aplicele acestor coronițe sunt ornamentate cu decor geometric, vegetal sau zoomorf (fig. 3).

În necropola de la Hlincea-Iași, într-un mormânt de femeie, pe craniul defunctei, a fost găsită o cantitate mare de perle mici din os și sticlă, precum și două aplice din argint aurit cu reprezentarea unui leu în poziție mergând. Coada animalului se termină printr-un crin (Popescu 1970, 20.22, fig. 14) (fig. 3,16).

Pe cinci plăcuțe din argint aurit din M.35 al necropolei de la Trifești, este reprezentată o serie întreagă de animale fantastice. În acest mormânt s-a mai păstrat și bordura din mărgelă a coroniței. În aceeași necropolă (M.12), au fost descoperite și aplice cu ornament buclat în forma literei „S” (Spinei 1994, 464, fig. 30,16-20) (fig. 3,7, 17,18). Din necropola de la Izvoare (M.3) provin aplice cu decor vegetal și geometric (Vulpe 1957, 324) (fig. 3,2.3).

Cele mai multe detalii de la coronițe au fost descoperite în necropolele de la Hudum. În necropola Hudum I fragmente de diademe au fost găsite în 10 morminte (Spinei 1994, 464, fig. 30,24-29; Spinei, Popovici 1988, 243, fig. 1,4.5; Oța 2007, 123-126). De regulă, în morminte sunt prezente câte 2-4 exemplare de plăcuțe dreptunghiulare executate din aliaj de cupru, decorate cu ornament geometric în forma literei „S”. În mai multe cazuri, pe lângă aplice au fost găsite și mărgelă. Cel mai bine s-a păstrat coronița din M.144, care includea opt plăcuțe de argint și fragmente din baza de stofă (fig. 3,1). Plăcuțele acestei coronițe, decorate în centru cu reprezentarea unei rozete geometrizate, se asociau cu șiruri de mărgelă, executate din pastă de sticlă (de culoare cenușie, verde, galbenă și albastră). În necropola Hudum II, plăcuțe de la coronițe au fost găsite în trei morminte, câteva exemplare în fiecare mormânt. M.150 și

M.169 conțineau plăcuțe de bronz cu decor geometric și unul indescifrabil. În M.112 din aceeași necropolă au fost găsite patru aplice din argint aurit cu reprezentări zoomorfe.

În M.58 al necropolei de la Netezi a fost descoperită o coroniță din opt plăcuțe de argint, decorate cu palmete (Bătrâna, Bătrâna 1985, 309.310, fig. 3-5; Oța 2007, 125) (fig. 3,4). Patru aplice imprimate din cupru au fost găsite în M.5 al necropolei de la Vărmănești împreună cu o monedă din perioada lui Petru Mușat (1375-1391) (Dumitriu 2001, 23; Oța 2007, 126).

Fig. 3. Coronițe din sec. XIII-XV; diferite scări. 1,11-15 – Hudum, 2,3 – Izvoare, 4-6 – Netezi, 7, 17,18 – Trifești (România), 8,9 – Costești (Republica Moldova), 10 – Bedeháza, 16 – Hlincea-Iași (România), 19-25 – Kalinovșina (Ucraina), 26 – Cuhureștii de Sus (Republica Moldova), 27 – Mihalkovo (Ucraina), 28-30 – Krivcikiškio-Kernava (Lituania), 31 – Tarasova (Republica Moldova), 32,33 – Vasilev (Ucraina), 34,35 – Sēlpilis (Letonia), 36,38 – Dzurkiv, 37 – Nedoboivci (Ucraina) (1,11-14 după: Spinei, Popovici 1988; 2,3 după: Vulpe 1957; 6 după: Bătrâna, Bătrâna 1985; 11-13,17,18 după: Spinei 1984; 7,15, 10 după: Oța 2007; 15,16 după: Popescu 1970; 19-25 după: Седов 1982; 26 după: Маркевич, Полевой, Финн 1961; 27,34,35,36,38 după: Svetikas 2009; 28-29 după: Velius 2001; 32,33 după: Пивоваров 2006; 37 după: Мисько 2006)

De pe teritoriul Republicii Moldova încă nu ne sunt cunoscute detalii de la coronițe descoperite *in situ* în morminte. Două plăcuțe cu reprezentări de animale în profil provin din tezaurul de la Cuhureștii de Sus, datat în sec. XV (Маркевич, Полевой, Финн 1961, 75-111) (fig. 3,26). Drept fragmente de la o podoabă pentru cap pot fi interpretate plăcuțele cu decor vegetal ce provin, probabil, din Costești (Abîzova, Reabțeva 2006, 89) (fig. 3,8,9). Putem presupune aceeași funcționalitate și pentru o aplică de bronz cu rozete imprimate la colțuri, descoperită recent într-o așezare medievală tardivă din s. Tarasova (r. Rezina) (Бурян, Дергачева, Рабинович, Тельнов 2009, 204, fig. 5). Plăcuța era decorată și cu un pandantiv trapezoidal cu vârf în formă de „coadă de rândunică” (fig. 3,31).

Analogia cea mai apropiată pentru plăcuța de la Tarasova sunt plăcuțele pătrate din Vasilev (Ucraina), dateate în sec. XII-XIII. Pe fiecare dintre aceste aplice sunt redată câte cinci rozete proeminente – patru în colțuri și una în centru (fig. 3,32,33). Pe unele rozete s-au păstrat pandantive în formă de plăcuțe cu vârf în formă de „coadă de rândunică”. Marginea plăcuțelor este netedă sau decorată cu o bordură din perle false sau bordură reiată, prin colțuri sunt amplasate orificii pentru cusut (Spinei 1994, 454, fig. 20,12; Пивоваров 2006, 224, fig. 47,1-3). Plăcuțe cu doua pandantive provin din necropolele Kalinovshina și Dzhurkiv (Ucraina) (Svetikas 2009, tab. XV,4.5) (fig. 3,36). Recent, o plăcuță similară care de asemenea putea să reprezinte un detaliu de la coroniță pentru cap, a fost descoperită în timpul săpăturilor așezării fortificate de la Nedoborovo din regiunea Hotin, Ucraina (Мисько 2006, 233, fig. 1) (fig. 3,37). Astfel, în regiunea nistreană exista, probabil, un tip specific de coronițe, decorate cu rozete proeminente și pandantive mici din plăcuțe. Cu toate că faptul decorării acestor plăcuțe cu rozete imprimate le apropie de pieșele din Oltenia și Banat (Oța 2007, 120-133), schema de amplasare a rozetelor aici este diferită.

Aș vrea să atrag atenția asupra unui detaliu, aparent neînsemnat, al decorului acestor aplice, precum pandantivele din plăcuțe cu ornament circular ștanțat. Pe teritoriul așezării de lângă s. Tarasova au fost descoperite destul de multe pandantive de acest fel. Însă unele exemplare erau utilizate în decorul cerceilor de sârmă sau verigilor de tâmplă (Рябцева, Чокану 2009, 178, fig. 5). Pe teritoriul Republicii Moldova asemenea pandantive nu se întâlnesc atât de des. Putem aminti aici și descoperirea unui cercel cu dublu pandantiv din Tsybli Tserkva (Ucraina), decorat cu asemenea pandantive¹. Trebuie să subliniem că acest element al decorării podoabelor era răspândit destul de frecvent. Aici pot fi

Fig. 4. Coronițe din sec. XII-XV; diferite scări.

1-4 – Obeliai (Lituania), 5-7,14,18,19 – Dvorceanî (Belorusia), 8 – Kaukola-Kekomäki (Rusia), 9-11,20-25 – Puzeli, 12,13 – Novogrudok, 15-17 – Venzovșcina (Goncariha), 26,27 – Venzovșcina (Borok), 28-30 – Volcea, 31 – Gorovec, 32-44 – aplice, provenite din săpăturile lui V.A. Șuşkevič (Belorusia) (1-8, 10,11,14 după: Svetikas 2009; 9,15-44 după: Квятковская 1998; 12,13 după: Гуревич 1983).

evidențiate cel puțin două regiuni, unde astfel de pandantive sunt reprezentate prin serii întregi. Ele erau destul de specifice pentru portul de podoabe al populației unor regiuni din Bulgaria. Piese cu pandantive similare se întâlnesc și în siturile din Lituania.

În Bulgaria, podoabele cu pandantive din plăcuțe persistă de-a lungul unei perioade destul de însemnată. În Bulgaria de Sud, inelele masive de sârmă cu bucle în partea inferioară, de care sunt suspendate diverse pandantive cu ornament circular, sunt prezente în necropolele creștine din sec. IX-X (Miševsko, Zlatograd, reg. Rodop) (Выжарова 1976, 362). Piese cu pandantive imprimate se întâlnesc și în situri mai târzii. De exemplu, o cantitate destul de mare de asemenea piese provin din necropola de sec. XV-XVIII de lângă s. Nedelkovo din reg. Tyrnovo (Петрунова 2006, 189-203). Cercetările acestei necropole au furnizat 157 de pan-

¹ În aceste context, aș vrea să-mi exprim profunđa recunoștință cercetătorului științific superior al AȘ din Rusia A.A. Peskova pentru posibilitatea de a mă documenta asupra descoperirilor fortuite din acest punct.

Fig. 5. Coronițe din sec. XII-XV; diferite scări.

1-15, 20-32 – Logovișe; 16-19 – platol Ijora (Rusia), 33-35, 38, 39 – Minsk; 36-37, 41-43 – Poloțk; 44 – Dvorceani; 45-53 – Kamena (Bielorusia) (1-15, 20-32 după: Соболев 2007; 16-19 după: Спицын 1896; 33-35, 38, 39 după: Загоруйский 1982; 36-37, 41-43 după: Штыхов 1975; 44-53 după: Зверуго 1989).

dantive de diferite tipuri: circulare, foliforme, cu mai multe unghiuri (inclusiv și cu vârf în formă de „coadă de rândunică”), romboidale, trapezoidale. Deseori, pandantivele sunt fixate cu lănișoare sau plăcuțe metalice subțiri, cu decor punctat. În Bulgaria, pandantive similare erau destinate decorării acoperământului de cap feminin și al acelor pentru păr, erau cusute pe acoperământul de cap bărbătesc, se utilizau la decorarea veșmintelor. În afară de aceasta, în M.22 al necropolei din Nedelkovo au fost găsite podoabe pentru cap din plăcuțe cruciforme, decorate cu pandantive cu vârf „coadă de rândunică”, asociate cu pandantive romboidale. Asemenea pandantive din plăcuțe datate în perioada medievală târzie se întâlnesc în Bulgaria doar în necropolele regiunii de sud-vest (Петрунова 2006, 191, 192, табл. 2, 3, 9).

Și în necropolele lituaniene din sec. XV-XVI se întâlnesc destul de des pandantive similare. Aici ele erau folosite atât la decorarea acoperământului pentru cap, cât și în calitate de pandantive pentru coliere complexe. În Lituania, aceste pandantive sunt găsite în necropolele cu un puternic component letonian (Берпа 2001, 421-430).

După toate probabilitățile, tradiția de decorare a podoabelor pentru cap (inclusiv, și ale coronițelor) cu pandantive suspendabile din plăcuțe, creând un efect de strălucire a metalului, de freamăt și dangăt înăbușit, era răspândită destul de larg pe parcursul unei perioade îndelungate de timp. În portul etnografic al popoarelor din Balcani, podoabele pentru cap cu pandantive sunătoare erau destul de caracteristice (Здравев 1996; Тешин 2003). A existat o asemenea tradiție și în Europa de Est. În Ucraina de Vest coronițele din aplice imprimate s-au păstrat și în portul etnografic. O coroniță datată în sec. XIX provine din regiunea Cernăuților (Русанова, Тимошук 1981, 101). Această coroniță este compusă din aplice pătrate imprimate și e decorată cu franjuri din plăcuțe în forma de piciorușe de pasăre pe marginea de jos.

Destul de multe analogii pentru coronițele descoperite pe teritoriul voievodatului medieval al Moldovei (datate în sec. XIII-XV) provin din siturile din Europa de Est. Aici, podoabe de acest tip se întâlnesc și în situri mai timpurii. O coroniță compusă din aplice imprimate din argint aurit cu decor geometric a fost descoperită în M.13 al necropolei creștine de la Novogradok, foarte modestă în inventar (fig. 4, 12, 13). Matrice pentru imprimarea aplicelor de acest fel au fost găsite în așezarea din Novogradok într-un strat din sec. XII (Гуревич 1983, 48-54, fig. 1)².

Aplice dreptunghiulare cu centrul plat, neted, similare celor de la Novogradok, provin din straturile sincronice de la Minsk (Загоруйский 1982, табл. XVIII). În afară de această, aici au fost depistate și aplice cu ornament reliefat. Aplice similare cu cele descoperite la Novogradok, dar și de formă dreptunghiulară cu decor vegetal, romboidal și cruciform, la fel de formă triunghiulară, *pandeloque* și circulare, au fost depistate în Poloțk (Штыхов 1997, 345, fig. 34). Aplice tăiate cu imaginea acvilei, uzuale pentru decorul veșmintelor sau acoperământului de cap, provin din mormintele datate în a doua jumătate a sec. XII – sec. XIII, cercetate în Друќ (Лавыш 2010, 176, fig. 7).

Aplice de coronițe sunt prezente și în necropole rurale. Numeroase descoperiri ale unor asemenea aplice sunt atestate pe cursul superior al fluviului Neman, în monumentele arheologice (așa-numitele „necropole de piatră”), atribuite de un șir de cercetători antichităților

² Tradiția de port a coronițelor din aplice ștanțate care-și face apariția în estul Europei în sec. XII a existat și în acest teritoriu, mai mult ca probabil, până în sec. XV. După cum am menționat mai sus, în unele regiuni asemenea piese sunt documentate în setul etnografic.

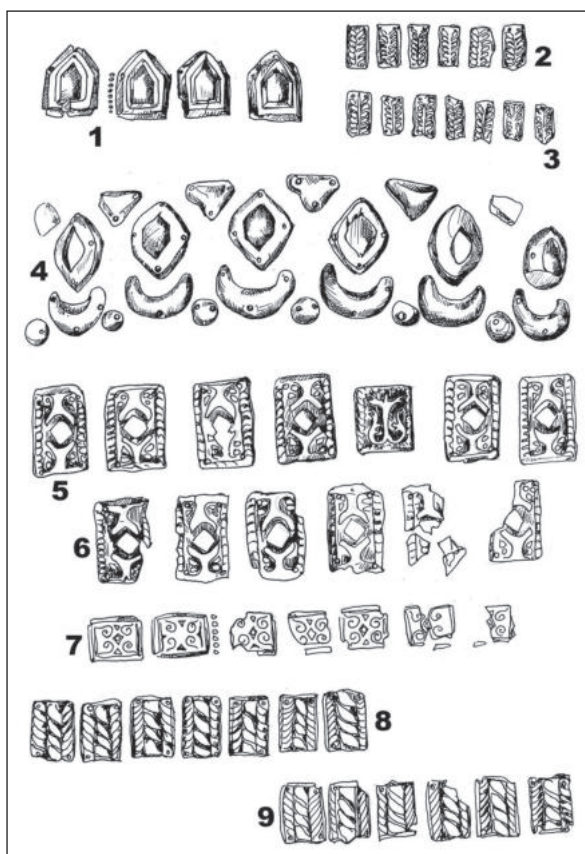

Fig. 6. Coronițe din sec. XIV-XV, necr. Krivcikiškio-Kernava (Lituania); diferite scări.

1 – M.165, 2,3 – M.112, 4 – M.215. 5,6 – M.125, 7 – M.175, 8,9 – M.8 (1,4 după: Velius, 2,3, 5-9 după: Svetikas 2009).

poporului iatvigilor (Квятковская 1998; Velius 2001, 383-389)³. Coronițele depistate în aceste necropole se referă, în majoritate, la sec. XII-XIV. Aplicele erau confecționate din argint (mai rar placate cu aur) sau bronz. Sunt de formă diversificată, se întâlnesc aplice pătrate, triunghiulare, rotunde, pentagonale, în formă de inimă, care erau fixate pe țesătură sau piele. Fragmentele unei căciulițe de piele în formă de coif, decorată în partea frontală cu aplice, au fost descoperite în necropola din Venzovščina (Borok). Deseori în morminte se păstrau mărele mărunte de culoare neagră sau galbenă, care înconjurau/încadrau aplicele coronițelor – de exemplu, în necropolele Kukli și Venzovščina (Borok) (Квятковская 1998, 71).

Aplicele dreptunghiulare, inclusiv cu decor crini-form, provin din necropola Dvorceanî, setul de aplice triunghiulare – din necropola Kamena; au fost depis-

tate aplice de la coronițe și în necropolele de lângă localitățile Venzovščina, Puzeli, Volcea, Perevoz, Gorovetz (Квятковская 1998, 69, fig. 10; Археология Белоруссии 2000, 107; Барвенова 2008, 105, fig. 155-160). În necropola datată în sec. XIII-XIV din Malevici (r. Minsk, reg. Vilen), au fost descoperite aplice pătrate și dreptunghiulare din argint aurit, decorate cu ornament în formă de volute vegetale (Археологическое наследие 2012, 99).

În acest context menționăm unitatea motivelor decorative ale unui șir de aplice provenite de pe teritoriul Nemanului Superior și spațiul carpato-nistean. Astfel, atât aplicele dreptunghiulare cu ornament specific crini-form provenite din Obeliai, Dvorceanî și Puzeli (fig. 4.1-11, 14), cât și aplicele cu ornament în formă de „S”, provenite din săpăturile lui V.A. Suškevici, sunt foarte aproape de descoperirile prezentate din teritoriul Moldovei medievale (necropola Netezi) (fig. 3,4). La rândul său, aplicele înalte, cu ornament executat prin îngrădire, vegetal în formă de arbore crinilat sau vegetal-geometric din așezările Puzeli și Venzovščina (Borok) prezintă analogii cu antichitățile din Letonia.

Coronițele cu aplice imprimate erau tipice pentru teritoriul Ucrainei de azi. În opinia unor cercetători, o concentrare a descoperirilor de coronițe imprimate este legată de zonele populate de urmașii tiverților și croaților din izvoarele scrise (Возний 2008, 49). Trei aplice de bronz de la o coroniță au fost găsite în Drovleani, o plăcuță subțire metalică cu decor, de care erau suspendați clopoței și un pandantiv trapezoidal – în Dzurkiv, 10 plăcuțe cu decor imprimat și orificii pentru fixare provin din Mikhalkov. aplicele din Kalinovshina, probabil, erau utilizate pentru decorarea unei coronițe, și nu a unei centuri (Седов 1982, 128, табл. XXXI). Dimensiunile lor, caracterul decorului și modul de fixare de bază le apropie de plăcuțele coronițelor de la Izvoare și Hudum (fig. 3,19-25). O aplică de coroniță cu reprezentarea unei păsări pășind, la fel și matrițe pentru confecționarea podoabelor similare, au fost depistate lângă localitatea Krutilov (defileul Zvenigorod), precum și la Kalinovshina din reg. Ternopol, Ucraina (Ягодинська 2010, 239, fig. 4).

Podoabe similare sunt cunoscute și în Lituania. Informații utile despre componența și modul de purtare a acestor coronițe provin din materialele necropolei cercetate în Kernava (Velius 2001, 383-389; Svetikas 2009, 38-50). Aplicele din această necropolă sunt datate în sec. XIII-XIV, în opinia lui Velius (2001, 383-389) sau în sec. XIV-XV potrivit lui Svetikas (2009,

³ Actualmente, denumirea din cronici *iatvigi* este asociată cu grupul militar-comercial policultural format în a doua jumătate a sec. X. După toate probabilitățile, aici au coabitat componentele nordic (scandinav), baltic și slav. Teritoriul populat de iatvigi se afla în sec. X în zona de interes a Poloniei și Rusiei. Potrivit lui A.S. Kibin' (Кибинь 2008, 117-131), de la mijlocul sec. XI termenul *iatvigi* deja se referă la populația din familia lingvistică baltică din nord-estul Poloniei, Mazovia și Nemanul Superior. În sec. XI în spațiul Bugului și Nemanului, ca urmare a colonizării de către rușii vechi, își fac apariția așezări de tip urban, iar de la mijlocul sec. XIII, spațiul vizat intră definitiv în sfera de influență a cnejilor lituanieni (Квятковская 1998, 6-8).

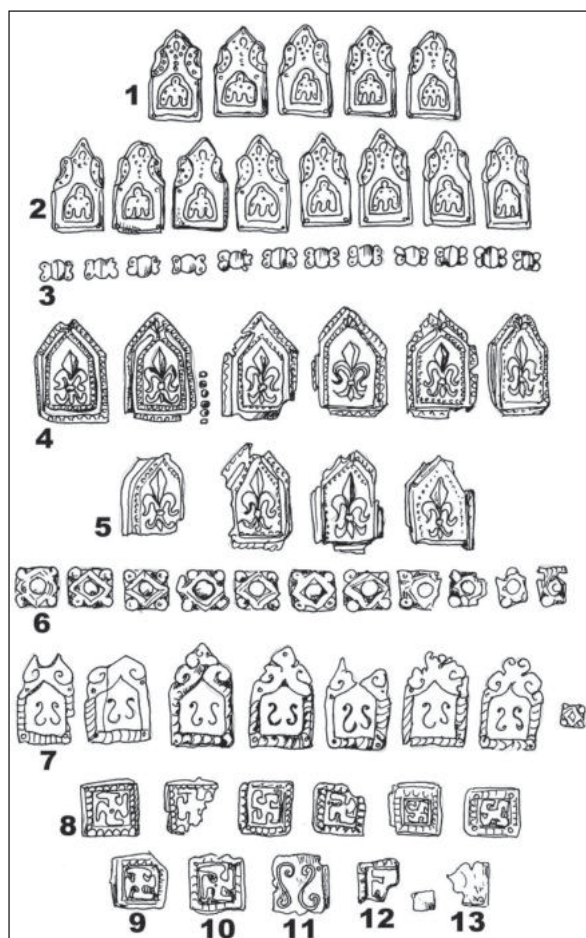

Fig. 7. Coronițe din sec. XIV-XV, necr. Krivcikiškio-Kernava (Lituania); diferite scări.

1-3 – M.21; 4-6 – M. 177; 7 – M.52; 8-13 – M.157 (după: Svetikas 2009)

49.50). Din cele 253 de morminte din această perioadă, 29 de complexe includeau coronițe pentru cap compuse din aplice imprimate. Aplicele erau fixate pe o bază din stofă sau piele, iar în patru cazuri baza coronițelor era executată din fire metalice (fig. 6-8).

În mormintele necropolei de la Kernava au fost descoperite aplice de diferite forme – dreptunghiulare (3 coronițe), pătrate (8 coronițe), triunghiulare (2 coronițe), pentagonale (11 coronițe). Descoperirea unor asemenea podoabe *in situ* ne permite să le estimăm dimensiunile și modul de purtare a lor. Coronițele acopereau fruntea și tâmpilele cu aproximativ 1 cm mai sus de orbite. Plăcuțele erau decorate pe margini cu perle de dimensiuni mici, creând un efect similar cu acel de pe coronița de la Hudum I. De regulă, plăcuțele erau plasate pe coroniță într-un rând, în 5 cazuri însă au fost aranjate în două rânduri, iar într-un caz – în mai mult de două rânduri. De cele mai multe ori, podoabe de acest tip se găseau în mormintele de fete și femei. Diapazonul vârstei defuncților

cu coronițe este între 10 și 29 de ani. Astfel, aceste date contrazic ideea afirmată deja în rândul cercetătorilor, conform căreia coronița reprezenta un atribut al fetițelor. În unele cazuri, coronițele se întâlneau și în mormintele femeilor în vârstă.

Toate aplicele erau executate în tehnica imprimării. Se disting aplicele, imprimate în aceeași matrice. Majoritatea pieselor erau din argint aurit. Sunt cunoscute de asemenea aplice din argint, bronz și bronz placat cu cositor. În mai multe cazuri, aplicele erau decorate adițional cu inserțiuni colorate. Motivul ornamental de bază era decorul vegetal și geometric. Destul de populare erau motivul arborelui și al crinului (inclusiv și al crinului intercalat). Este interesantă descoperirea câtorva plăcuțe, decorate cu reprezentarea unei feline fantastice de pradă, cu coroană și coadă înflorită (Velius 2001, 383-389, fig. 1-4) (fig. 3,28,30). Cele mai apropiate analogii pentru aceste plăcuțe provin de la Trifești, Iași și Cuhurești.

În necropola Sareai aplice imprimate de bronz de la coronițe au fost descoperite în patru morminte datate în sec. XIII-XIV (Kunciene 1979, 76-100, pav. 21,22). În opinia autorului publicației, coronițele (compuse din aplice pătrate și de formă pentagonală alungită și mărgelile mărune) decorau căciulițele feminine rotunde în partea frontală. Decorul acestor aplice înalte prin ornament criniform este analogic cu cel al aplicelor din Kernava. În setul de podoabe corolele se asociau cu inele de tâmplă cu numeroase mărgelile (Kunciene 1979, 99, pav. 21) (adică, aceeași combinație de elemente care sunt întâlnite în tezaurele Schinetea, Cuhurești, necropola Kalinovščina, la fel o serie de complexe din sec. XIV-XV).

În total, de pe teritoriul Lituaniei de Est sunt cunoscute 35 de coronițe din plăcuțe metalice din 6 necropole. Din regiunea de la est de Marea Baltică provine doar o coroniță din plăcuțe triunghiulare din argint, cusute de o bandă de piele (necropola din sec. XI din Irzekapis), iar descoperiri singulare de coronițe sunt prezente în straturile de cultură ale așezărilor fortificate din Lituania. În număr mic, aplice de la coronițe sunt găsite și în orașele din Rusia Kieveană, de exemplu în Novgorod, Staraja Russa, Kiev, Jaropolci Zaleskij (Седова 1981, 153; Торопова, Пежемский, Торопов, Самойлов 2007, 79; Церква Богородицы 1996, 49, Седова 1972, 70). La Kiev, un fragment de diademă împreună cu baza-țesătură a fost descoperit în anul 1939 în componența unui tezaur din așa-numita ascunzătoare a bisericii Desjatinnaja. S-au păstrat nouă aplice dreptunghiulare de aur, ștanțate pe aceeași matriță, de asemenea, aplice trapezoidale, alungite la vârfuri. În centrul aplicelor se află imaginea crinului ștanțată în relief, înconjurată de un cadru din câte două șiruri de perle (Церква Богородицы 1996, 49, табл. 1).

Aplicele dreptunghiulare și pătrate cusute de la Novgorod se referă, în ansamblu, la secolele XII–XI–II. Predomină aplicele netede, fără decor, se întâlnesc însă și piese decorate cu reprezentări vegetale, cruci înclinate, romburi, volute în formă de „S”. În afară de aceasta, sunt cunoscute aplice triunghiulare, ovale și sub forma de lunule (Седова 1981, 153, fig. 60, 61). Dacă descoperirile novgorodiene puteau servi pentru decorul coronițelor, dar și al altor piese vestimentare, atunci în Staraja Russa coronița a fost descoperită *in situ*, în mormântul datat în a doua jumătate a sec. XIV, nu departe de biserica Sf. Gheorghe (Торопова и др. 2007, 79)⁴. Coronița era compusă din 44 de aplice, 13 dintre care aveau formă asemănătoare clepsidrei sau fundițelor. Forma piesei este subliniată printr-un decor din două triunghiuri ștanțate. Marginile aplicelor sunt înconjurată de perle false, cu care sunt intercalate 14 aplice de formă ovală cu incizie în partea de mijloc. Coronița este încadrată de 17 aplice semisferice închise. Cele mai apropiate analogii cu aplicele ovale

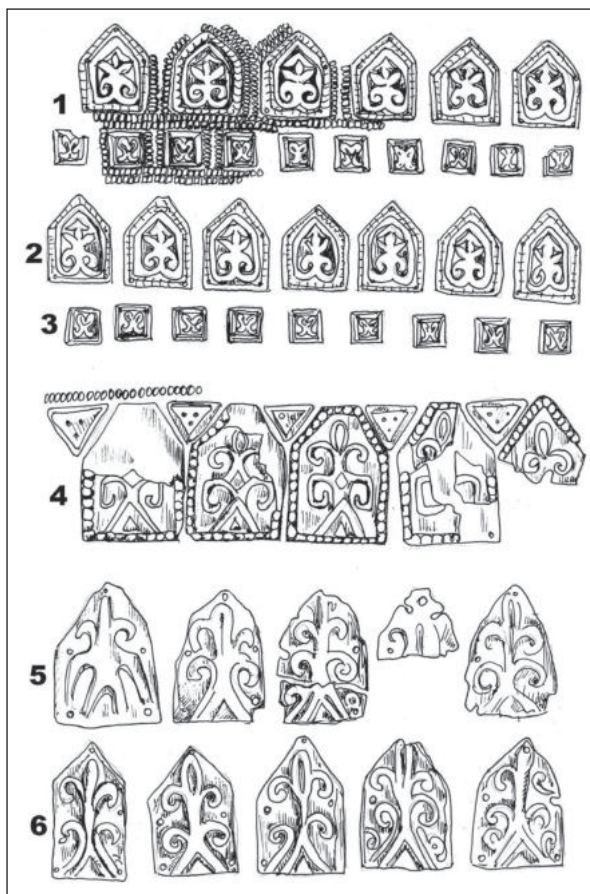

Fig. 8. Coronițe din sec. XIV-XV; diferite scări.
1-3 – Krivcikiškio-Kernava, M.192 (Lituania); 4 – Kuklu perk, M.3,5,6. Geniakalnis (Lituania) (după: Svetikas 2009).

incizate prezintă antichitățile din Lituania (Kernava). Totodată, aceeași idee de coroniță compusă cu aplice de diferite forme, inclusiv și aplice semisferice închise, a fost răspândită destul de larg (a se vedea, de exemplu, coronițele din așezarea Kaliakra din Bulgaria). Descoperiri singulare ale coronițelor de acest gen se atestă și în necropolele rurale din regiunile nord-vestice ale Rusiei Vechi. Coronițele cu aplice ștanțate, inclusiv decorate cu inserții de sticlă, sunt prezente pe platoul Ijorsk (Рябинин 1983, 32-39). În acest teritoriu s-au descoperit aplice dreptunghiulare, pătrate și rotunde de argint, inclusiv și aurite. În mijlocul unei serii de aplice erau plasate orificii destinate inserțiilor colorate. Se întâlnesc și aplice în formă de fundițe, apropiate, deși nu identice pieselor depistate în Staraja Russa (Спицын 1896, 12, табл. XII, 1.2.4-6).

Din regiunea Pskovului provin aplice ștanțate de diferite forme (dreptunghiulare, pătrate, triunghiulare), realizate din argint și aliaj metalic în bază de plumb și staniu, descoperite în cadrul săpăturilor efectuate de L.A. Vasiliev în așezarea de lângă Logovișce (Соболев 2007, 255, fig. 2). O serie de aplice de argint, dreptunghiulare, pătrate și triunghiulare, au partea de mijloc netedă, aplatizată, decorul lor fiind apropiat pieselor pe care le putem analiza de la Novogrudok. Câteva aplice masive triunghiulare sunt decorate cu un ornament criniform rafinat. Aparte sunt grupate aplicele dreptunghiulare realizate din aliaj în bază de plumb și staniu, cu orificii în mijloc, destinate pentru inserțiile colorate.

În regiunea r. Luga podoabe similare au fost descoperite într-o serie de necropole: în necropola nr. 2 de la Jitkovitza – o coroniță din aplice ștanțate de argint aurit; în necropola de pe teritoriul poligonului militar de lângă or. Luga – aplice dreptunghiulare, triunghiulare și semisferice închise; în necropola din preajma lacului Retin – aplice dreptunghiulare din argint aurit, cusute pe o țesătură; în tumulul nr. 47 de lângă Lihoreva Gorka – coroniță din aplice ștanțate; în cimitirul din preajma satului Bor – coroniță din aplice ștanțate; în tumulul nr. 8 de la Udraj II – coroniță din aplice pătrate, triunghiulare și circulare mărunte (Соболев 2007, 255-257).

Astfel, coronițele cu decor imprimat reprezintă un detaliu destul de răspândit al acoperământului de cap din perioada medievală tardivă. În decorul lor, însă, pot fi evidențiate atât trăsături generale, cât și diferențe regionale. Observația se referă și la descoperirile din spațiul carpato-balcanic. Aplicele de la coronițe, descoperite pe teritoriul Valahiei medievale, se deosebesc destul de evident de cele din cnezatul Moldovei. În primul caz, elementele decorative de bază sunt semisferele proeminente netede sau în formă de rozetă, care uneori se combină cu o bordură din perle false. Pe

⁴ Îmi exprim toată gratitudinea lui E.V. Toropova și S.E. Toropov pentru informația oferită și posibilitatea de a vedea piesa.

aplicele pătrate, semisferele sunt de regulă amplasate în centru, pe aplicele dreptunghiulare – într-un rând sau două. Semisferele imprimate de pe aplicele pătrate sunt uneori încadrate într-un decor specific în formă de crin cu intercalare (prindere) în partea superioară a tulpinii. Majoritatea analogiilor pentru aceste piese provin din siturile Serbiei (Oța 2007, 120-133). În același timp, motivul crinului poate fi privit drept o manifestare generală în arta gotică europeană.

Printre coronițele din regiunea balcanică, cele mai apropiate de piesele de pe teritoriul carpato-nistean sunt descoperirile din necropola bulgară de la Kaliakra din sec. XIII-XIV (Бобчева 1978, 158). Aici, fragmente de coronițe se întâlnesc destul de des. Au fost găsi-

te aplice executate din argint și bronz, uneori aurite. Printre aplicele de formă diversă se evidențiază piesele pătrate decorate cu rozete, destul de apropiate celor din necropola Hudum I (fig. 3,1). Însă setul principal de analogii pentru coronițe, specifice portului populației din spațiul carpato-nistean, provine din zona est-europeană.

În acest caz, teritoriul cu cea mai mare concentrare și, posibil, și arealul inițial al răspândirii coronițelor cu decor specific vegetal-geometric, a fost zona Nemanului Superior. Un tip asemănător de podoabe își face apariția în spațiul carpato-nistean și în Lituania, fapt condiționat, după toate probabilitățile, de interacțiunea vitală între aceste regiuni.

Bibliografie

- Abâzova, Reabțeva 2005:** E., Abâzova, S Reabțeva. Noi piese medievale din metale neferoase din patrimoniul Muzeului Național de Istorie. *Tyragetia* XV, 2005, 89-95.
- Bătrâna, Bătrâna 1985:** L. Bătrâna, A. Bătrâna, Reședința feudală de la Netezi (jud. Neamț). *SCIVA*, t. 36, nr. 4, 297-316
- Čremošnik 1951:** I. Čremošnik, Nalazi nakita u srednjevjekovnoj zbirci Zemlejskog muzeja u Sarajevu. *Glasnik Zemlejskog muzeja u Sarajevu*, NS, T. VI (Sarajevo 1951), 241-270.
- Dumitriu 2001:** L. Dumitriu. Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert (București 2001).
- Horedt 1956:** K. Horedt, Ținutul Hunedorean în secolele IV–XII. In: *Contribuții la cunoașterea regiunii Hunedoara 3* (Deva 1956), 101-116.
- Ioniță 1962:** I. Ioniță, Săpăturile de salvare de la Trifești. *MCA* 8, 733-739.
- Kunciene 1979:** O. Kunciene, Sarius Senkapis. *Lietuvos Archeologija* 1, 1979, 76-100.
- Marjanović-Vujović 1979:** G. Marjanović-Vujović, Necropole medievale Vinča (Belgrad 1979).
- Marjanović-Vujović, Tomić, 1982:** G. Marjanović-Vujović, G. Tomić, Jewellery on the Territory of Serbia. From Mediaeval Necropolises from 9th to the 15th centuries (Beograd 1982).
- Oța 2007:** S. Oța, Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV). *SCIVA*, t. 58, nr. 1-2, 2007, 117-156.
- Popescu 1970:** M. Popescu, Podoabe medievale în Țările Române. Editura Meridiane (București 1970).
- Radu, Țicu 2003:** A Radu, D. Țicu, Nicolinț, com. Ciuchici, jud. Caraș-Severin, punct D'aia Parte, Crăguieț, Râpa Galbenă. *CCA, campania 2002* (București 2003), 212-213.
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Spinei, Alexianu, Butnaru 1985:** V. Spinei, M. Alexianu, V. Butnaru, Săpăturile arheologice de la Doina-Girov din 1982-1983. *MA* 9-11, 1985, 227-260
- Spinei, Popovici 1988:** V. Spinei, R. Popovici, Săpăturile arheologice din necropola medievală de la Hudum (1987). *AM* 12, 233-247.
- Stanojev 1989:** N. Stanojev, Nekropolen aus dem 10-15. Jahrhundert in der Vojvodina. *Katalog 1* (Novi Sad 1989).
- Svetikas 2009:** E. Svetikas, Didžiosios kunigaikštystes christianizacija XIV a pab. – XV A. T.I (Vilnius 2009).
- Toporu 1976:** O. Toporu, Romanitatea târzie și străromânii în Dacia traiană sud-carpatică (sec. III-XI) (Craiova 1976).
- Țeucu 1998:** D. Țeucu, Banatu montan în evul mediu (Timișoara 1998).
- Radoslavliević-Krnić 1986:** S. Radoslavliević-Krnić, Une necropole medievale a Ljbičevac. *Тердапске свеске III. Chaiers des Portes de Fer III* (Београд 1986), 329-345.
- Velius 2001:** G. Velius, XIII-XIV A. kernaves kapinyno apgalviai. *Lietuvos archeologija* (Vilnius 2001), 383-389.
- Vulpe 1957:** R. Vulpe. Izvoare (Bucuresti 1957).
- Археология Белоруссии 2000:** Археология Белоруссии (Минск 2000).
- Археологическое наследие 2012:** Археологическое наследие Белоруси (Минск 2012).
- Барвенова 2008:** Г.А. Барвенова, Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі (Мінск 2008).
- Берга 2001:** Т. Берга, Литовские элементы в кладбищах Августинишки и Слутини XIV – начала XVII в. *Lietuvos archeologija* 21 (Vilnius 2001), 421-430.
- Бобчева 1978:** Л. Бобчева, Некропол от XIII-XIV век в Калиакра. *Известия на Народния музей-Варна. Книга XIV* (XXIX), 152-180.
- Бурян, Дергачева, Рабинович, Тельнов 2009:** А.Н. Бурян, Л.В. Дергачева, Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов, Первые археологические исследования на поселении Тарасова (Молдова). *Stratum plus* 5. 2005-2009, 199-215.
- Возний 2008:** І. Возний, Прикрас из відкритих поселень X-XIV ст. межиріччя Верхнього Сирету та Середнього Дністра. В сб.: *Стародавній Іскоростень І слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. I* (Коростень 2008), 47-54.
- Выжарова 1976:** Ж. Выжарова, Славяне и прабългари (София 1976).

- Григоров 2003:** В. Григоров, Принос към проучването на старобългарската диадема (VIII-XI). Археология. Год. XLIV. Кн. 1 (София 2003), 29-37.
- Григоров 2004:** В. Григоров, Средновековна диадема-прочелник от Националния археологически музей – София. Археология. Год. XLV. Кн. 3-4 (София 2004), 61-62.
- Гуревич 1983:** Ф.Д. Гуревич, Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X – 70-е годы XIII в.). КСИА, вып. 175, 48-54.
- Дмитров 1995:** Я. Дмитров, Църква и некропол във Вършиня град на Плиска (края на X–XI в.). В сб.: Плиска-Преслав 7, 1995, 42-70.
- Ерцеговић Павловић 1979:** М. Ерцеговић Павловић, Средњовјековни накит од украсних плочица. Зборник народног музеја IX-X (Београд 1979), 279-282.
- Ерцеговић Павловић 1986:** М. Ерцеговић Павловић, Средњовјуковна насеља и некрополе у Бољетину и Хајдучкој Воденици. Ћердапске свеске I (Chaiers des Portes de Fer I) (Београд 1986).
- Загорульский 1982:** Э.М. Загорульский, Возникновение Минска (Минск 1982).
- Зверуго 1989:** Я.Г. Зверуго, Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. (Минск 1989).
- Здравев 1996:** Г. Здравев, Македонски народни носии (Скопје 1996).
- Квятковская 1998:** А.В. Квятковская, Ятвяжские могильники Белоруссии (конец IX – XVII в.) (Вильнюс 1998).
- Кибињ 2008:** А.С. Кибињ, Ятвяги в X-XI вв.: «балтское племя» или «береговое братство»? В сб.: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2(4), 2008, 117-132.
- Лавыш 2010:** К.А. Лавыш, Мотив птиц в изделиях художественного ремесла XII–XIII вв. на территории Белоруссии. Археологические вести 16 (2009) (Санкт-Петербург 2010), 173-178.
- Маркевич, Полевой, Финн 1961:** В.И. Маркевич, Л.Л. Полевой, Ш.Р. Финн, Когурештский монетно-вещевой клад XV в. Труды ГИМ, вып. 1, 1961, 75-111.
- Минић 1996:** Д. Минић, Украсне плочице из Врцалове Воденице код Руме. Рад музеја Војводине 37-38 (Нови Сад 1995/1996), 113-121.
- Мисько 2006:** Ю. Мисько, Давньоруські прикраси з Недобойського городища. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 10, 2006, 233-236.
- Петрунова 2006:** Б. Петрунова, Накити от некропола до с. Неделково, Трънско. Приноси към българската археология, т. III-IV (София 2006), 189-203.
- Петрунова 2008:** Б. Петрунова, Археологически разкопки в нар. «Килиакра». Археологически открития и разкопки през 2007 г. (София 2008), 571-574.
- Пивоваров 2006:** С. Пивоваров, Середньовічне населення мижиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (Чернівці 2006).
- Радікович 1966:** Б. Радікович, Српско златарство XVI и XVII века (Нови Сад 1966).
- Русанова, Тимошук 1981:** И.П. Русанова, Б.А. Тимошук, Древнерусское Поднестровье (Ужгород 1981).
- Рябинин 1983:** Е.А. Рябинин, О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли. КСИА, вып. 175, 1983, 32-39.
- Рябцева 2009:** С.С. Рябцева, Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII-XVI вв. RA, vol. V, nr. 1, 2009, 80-89.
- Рябцева 2011:** С.С. Рябцева, Парадные диадемы и венцы X-XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия. RA, vol. VII, nr. 1-2, 2009, 72-95.
- Рябцева, Чокану 2009:** С.С. Рябцева, М.М. Чокану, Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции). Stratum plus 5, 2005-2009, 2009, 164-198.
- Седов 1982:** В.В. Седов, Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР (Москва 1982).
- Седова 1981:** М.В. Седова, Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.) (Москва 1981).
- Соболев 2007:** В.Ю. Соболев, Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого. В сб.: Археология и история Пскова. Семинар имени академика В.В. Седова (Псков 2007), 245-269.
- Спицын 1896:** А.А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. МАР 20 (Санкт-Петербург 1896).
- Тешић 2003:** Ј. Тешић, Невестински накит код Срба у XIX веку и првој половини XX века из збирке Етнографској музеја у Београду. Септамбар, 2003 (Београд 2003).
- Торопова и др. 2007:** Е.В. Торопова, Д.В. Пежемский, С.Е. Торопов, К.Г. Самойлов, Археологические исследования у ц. Св. Георгия в Старой Руссе в 2006 году. В сб.: Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 21 (Великий Новгород 2007), 68-81.
- Церква Богородиці 1996:** Церква Богородиці Десятинна в Києві (Київ 1996).
- Ђоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ђуровић 1969:** М. Ђоровић-Љубинковић, Д. Милошевић, М. Татић-Ђуровић, Средњовековна уметност у Србији (Београд 1969).
- Штыхов 1997:** Г.В. Штыхов, Древний Полоцк (IX–XIII вв.) (Минск 1997).
- Ягодинська 2010:** М.О. Ягодинська, Ювелірні вироби с давньоруських пам'яток Західного Поділля (за матеріалами Тернопільської області). В сб.: Археологія Правобережної України 2010, вип. 2 (Київ 2010), 235-248.

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

PLASTICA ANTROPOMORFĂ DIN AȘEZAREA CUCUTENI-TRIPOLIE CIULUCANI I (RAIONUL TELENEȘTI, REPUBLICA MOLDOVA)

Sergiu BODEAN, Chișinău

În articol este prezentată plastica antropomorfă din așezarea Ciulucani I (r-nul Teleneshți, Republica Moldova) cercetată prin săpături în anul 1990. Această categorie de artefacte este reprezentată de statuete modelate în picioare sau în poziție șezândă, pe suprafața cărora s-au semnalat urme de pictură realizată cu roșu, și de statuete cu decor incizat. În baza ceramicii și plasticii recuperate așezarea a fost încadrată în etapa Cucuteni A-B2 cu analogii semnalate în inventarul așezării Iabloana I.

Антропоморфная пластика поселения культуры Кукутень-Триполье Чулукань I (Теленештский р-н, Республика Молдова). В статье представлена антропоморфная пластика с кукутень-трипольского поселения Чулукань I (Теленештский р-н, Республика Молдова) из раскопок 1990 года. Она имеет типичные характеристики для пластики Кукутень А-В2. Ближайшие аналогии для неё, как и для керамики, встречаются на поселении Яблоана I.

Anthropomorphic figurines from the Cucuteni-Tripolie Culture settlement Ciulucani I (Telenesti district, Republic of Moldova). The paper describes anthropomorphic figurines from the Cucuteni-Tripolie Culture settlement Ciulucani I (Telenesti district, Republic of Moldova) discovered during the excavations in 1990. The figurines show typical characteristics for plastic art of Cucuteni A-B2. The closest analogy for figurines under study, as well as for the pottery from Ciulucani I is found in the site of Iabloana I.

Key words: anthropomorphic figurines, the Cucuteni-Tripolie Culture, settlement Ciulucani I.

Așezarea Ciulucani I se situează pe versantul văii unui pârâu, afluent de stânga al râului Ciulucul Mic, la 12 km nord de satul Ciulucani, raionul Teleneshți (Тодорова 1992, 1; Cazac ș.a. 2007, 128). Ea a fost descoperită în anul 1990 cu ocazia amenajării unui iaz. În același an expediția condusă de Tatiana Todorova a efectuat în așezare săpături care aveau menirea să salveze de la distrugerea iminentă o parte din suprafața ei. Dimensiunile sitului în baza răspândirii materialelor de suprafață a fost estimată la 150x250 m. Aici au fost excavate două suprafețe (I și II) însumând în total 346 m.p. În rezultatul cercetărilor au fost identificate resturile a patru construcții de suprafață și a unei gropi menajere. Înainte de a purcede la descrierea pieselor de plastică antropomorfă vom oferi o prezentare a construcțiilor cercetate în așezare, precum și a contextului descoperirii acestor piese.

Locuința 1 (Suprafața I) cu axul lung orientat V-E, avea lungimea de 9,5 m și lățimea de 6,5 m (suprafața aprox. 60 m.p.). Resturile ei constau dintr-un strat de lut ars cu grosimea de 10-14 cm, pe partea inferioară a căruia au fost semnalate amprente de lemn despicat cu

lățimea de 9-18 cm așezat perpendicular față de axul lung al locuinței. Deasupra stratului menționat au fost descoperite patru aglomerări de ceramică și o râșniță. Majoritatea ceramicii se găsea însă sub stratul de lipitură unde s-au semnalat 30 de vase strivite. Ele se situau preponderent în partea de mijloc a locuinței, lângă peretele sudic. Careva amenajări de lut sub stratul cu amprente de lemn despicat nu au fost semnalate. La distanța de 1 m sud de locuință se afla o groapă menajeră cu diametrul de 0,95-1,02 m și adâncimea de 0,18 m. Umplutura ei, de culoare brună-deschisă, conținea câteva bucăți de lut ars și trei fragmente ceramice (Тодорова 1992, 3-5). Spre nord-est de locuința 1 se găseau trei aglomerări de materiale arheologice situate la distanța de 1 m una față de alta. Prima (2x2 m) consta din 36 fragmente de râșnițe, fragmente ceramice, două vase strivite, o strachină miniaturală și bucăți de lut ars, dintre care unele purtau amprente de lemn despicat orientate preponderent NV-SE. A doua aglomerare (2x1,2 m) era compusă din bucăți de lut ars cu amprente de lemn despicat și un număr mic de fragmente ceramice. Cea de-a treia aglomerare (1,5x1,5 m) de asemenea

conținea bucăți de lut ars, unele cu amprente de lemn despicat și fragmente ceramice. De menționat e că în a doua și a treia aglomerare amprente de lemn despicat atestate erau preponderent orientate pe direcția NV-SE (Тодорова 1992, 4-5). Aglomerările descrise mai sus, în opinia autoarei săpăturilor, aparțin posibil unei anexe (construcția 2) care formează un complex unic cu locuința.

Vestigiile construcției 3 (Suprafața II) sub forma unei aglomerări de lut ars și ceramică, ovală-neregulată în plan, avea lungimea de 7,7 m și lățimea de 2 m (15,4 m.p.). Pe lutul ars se păstrasera amprente de lemn despicat, orientate preponderent de direcția NV-SE. Aglomerările de ceramică descoperite în cadrul ei se găseau atât pe partea superioară a lipiturii, cât și sub ea. Respectiva construcție a fost apreciată ca fiind una cu tavanul de grosime mică și probabil nu era folosită în calitate de locuință (Тодорова 1992, 20). Construcția 4 (Suprafața II) se afla la 3 m SV de cea precedentă. Resturile ei se prezentau sub forma unei aglomerări ovale-neregulate în plan, alungită pe direcția NV-SE. Ea avea lungimea de 4 m și lățimea de 1,5 m. Lipitura înregistrată aici era dispersată și puternic zgurificată. În partea de SE a construcției au fost descoperite patru vase-binoclu strivite și fragmentele a încă șase vase de acest tip. Ceramica, parțial zgurificată, se găsea atât deasupra stratului de lipitură, cât și sub el. Construcțiile 3 și 4, în opinia autoarei săpăturilor, formau un complex unic și aveau un caracter de cult evident, dovadă în acest sens servind dimensiunile lor mici, tavanul subțire (construcția 3), aglomerarea de vase-binoclu și prezența statuetei antropomorfe, ultimele lipsind în cadrul locuinței 1 (Тодорова 1992, 20-21.25).

Plastica antropomorfă descoperită numără șapte piese, șase din care provin din suprafața II (fig. 1,2-6.8) iar una din cercetările de suprafață (fig. 1,1). În raportul de săpătură sunt menționate opt piese (Тодорова 1992, 24-26, рис. 18), dar în urma studierii mai atente a artefactelor recuperate am constatat că este vorba doar de șapte exemplare, deoarece două fragmente trecute ca piese separate provin în realitate de la o singură statueta (fig. 1,8). Piese au fost descoperite în jurul construcțiilor de suprafața 3 și 4 (Тодорова 1992, рис. 9). În cazul statuetei de dimensiuni mai mari (fig. 1,8), cele două fragmente ale ei se găseau la distanța de aproximativ 3 m unul față de altul. Adâncimile la care au fost semnalate piesele variază între 0,57 și 1,08 m de la punctul cel mai înalt al Suprafeței II.

1. Statuetă fragmentară modelată în poziție șezândă (fig. 1,3) din pastă fină, arsă oxidant. Are capul și capătul picioarelor rupte. Brațele sunt redactate prin amorse. Picioarele pe ambele suprafețe sunt individualizate parțial prin două linii incizate. Pe suprafața piesei și în

ruptura ei se observă un număr mic de cavități rezultate în urma arderii materiilor organice din componența pastei. Suprafața piesei este acoperită cu o crustă de săruri insolubile în mediul acid. H = 6,5 cm; lățimea în zona umerilor = 2,4 cm; lățimea în zona feselor = 1,9 cm.

2. Statuetă fragmentară (fig. 1,5) modelată în picioare, cu partea superioară și cea inferioară rupte. Piesa este lucrată din pastă fină, arsă oxidant. Fesele sunt ușor proeminente, iar abdomenul și genunchii marcați cu câte o proeminență perforată orizontal. Pliurile inghinale sunt evidențiate prin două adâncituri oblice care formează pe marginea superioară două caneluri mici. În ruptura din zona genunchilor putem observa modul în care a fost modelat piciorul. Astfel, el se compune din două bare de lut lipite vertical între ele, deasupra cărora a fost aplicat un strat de lut mai fin. Ultimul a fost acoperit cu o angobă albicioasă, pe care la rândul său a fost aplicată pictura roșie crudă, urmele căreia se observă pe ambele suprafețe ale statuetei. Picioarele sunt individualizate cu câte o linie incizată. H = 8,3 cm, lățimea în zona feselor = 2,9 cm.

3. Fragment de picior (fig. 1,8) de la o statueta modelată în picioare, din pastă fină de nuanță brună-cenușie. Fesele și gambele sunt proeminente. Picioarele sunt demarcate prin linii incizate, genunchii fiind marcați cu o proeminență perforată orizontal. Ca și în cazul statuetei descrise mai sus, piciorul a fost modelat din două bare de lut lipite între ele, acoperite ulterior cu un strat de lut fin. Pe suprafața fragmentului se păstrează urme de pictură roșie. H = 15,2-15,3 cm, lățimea în zona feselor = 4,7 cm, lățimea maximă în zona gambelor = 2,6 cm.

4. Fragment de picior (coapsă) (fig. 1,4) provenind de la o piesă lucrată din pastă fină, arsă oxidant. Suprafața fragmentului, corodată, este parțial acoperită cu o crustă de săruri insolubile și poartă urme de așchiere rezultate în urma săpăturilor. Fesa este proeminentă, iar genunchii sunt marcați cu o proeminență perforată. H = 6,4-6,5 cm.

5. Fragment de picior cu gamba și talpa ușor proeminente (fig. 1,6), de la o statueta modelată din pastă fină, arsă oxidant. Suprafața piesei, cu angobă albicioasă ștearsă pe alocuri, poartă urme liniare rezultate în procesul de confecționare. În partea superioară a fragmentului se atestă o proeminență care marca genunchii. H = 7,1 cm, d maxim = 2 cm.

6. Fragment de picior cu gamba ușor proeminentă, ce provine de la o piesă lucrată din pastă fină, arsă oxidant (fig. 1,2). În partea superioară fragmentul este decorat cu trei linii circulare incizate, iar suprafața, acoperită cu angobă albicioasă, poartă urme de pictură roșie, prezente inclusiv și în liniile incizate. H = 6,1 cm, d maxim = 1,9 cm.

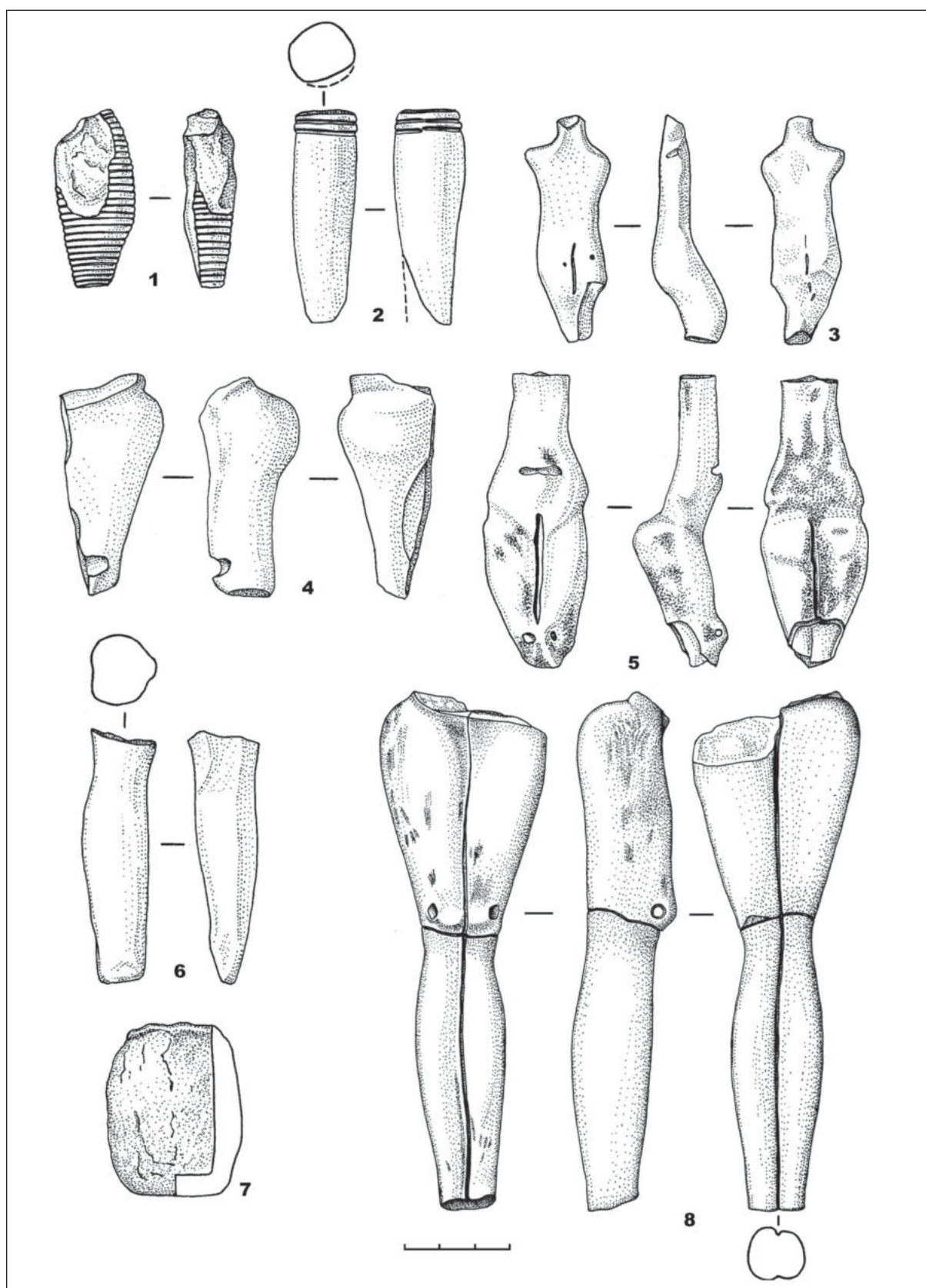

Fig. 1. Ciulucani I. Plastică antropomorfă (1-6, 8), vas miniatural (7).

7. Fragment de picior (coapsă) de statueta modelată din pastă fină, arsă oxidant (fig. 1,1). Suprafața piesei este decorată cu linii incizate subțiri, iar picioarele au fost individualizate prin două incizii verticale. Fragmentul are o cavitate în interior (probabil, cauzată de desprinderea stratului de lut fin aplicat pe piciorul modelat din două bare lipite vertical). H = 5,1 cm.

Privită în ansamblu, plastica antropomorfă de la Ciulucani I își găsește analogii în mai multe așezări din etapa Cucuteni A-B2, pentru care sunt caracteristice reprezentările feminine, masculine și androgine. Practic în majoritatea dintre aceste situri, pe lângă plastica lipsită de decor sau pictată, sunt atestate și statuete cu decor incizat – tradiție preluată din faza anterioară, Cucuteni A (Порожева 1983, 59-65; Monah 1997, 95-109). Pentru statuetele de la Ciulucani I am semnalat analogii (tipuri, modalități de modelare, decor) în colecția de plastică antropomorfă din așezarea Iabloana I (Sorochin, Borzic 2001, 116, fig. 1,13, 118, fig. 2,4).

La piesele de cult se atribuie și fragmentul de măsuță-altar cu orificiu central, modelată din pastă fină, descoperită în locuința 1 (fig. 3,12). Tăblia este bine netezită, iar partea inferioară este neuniformă, pe ea înregistrându-se urme de modelare lăsate de o unealtă cu lama lată. Pe partea inferioară se observă urmele a două picioare cu diametrul de 7,5-8 cm. Marginea piesei era prevăzută cu o bordură pe care s-au păstrat urme de vopsea brună-închisă. Orificiul central cu diametrul de 7,3 cm pe partea inferioară este înconjurat cu o bordură bine evidențiată. Măsuța avea, după toate probabilitățile, formă pătrată sau dreptunghiulară, și patru picioare (Тодорова 1992, 18-19). În așezările fazei Cucuteni A-B din România sunt cunoscute măsuțe-altar cu orificiu central (Băiceni-Dâmbul Morii, Adâncata-Dealul Lipovanului), ele însă se atribuie altui tip, diferit de cel descoperit la Ciulucani I (Dinu 2006, 53, fig. 13,1; Niculică 2001, 105, fig. 8,3, 106, fig. 9,1).

Ceramica recuperată în urma săpăturilor numără circa 30 vase întregibile și circa 1200 de fragmente. Predominantă procentual este ceramica pictată reprezentată de pahare (fig. 3,1.2.4), vase cu corpul ușor bombat prevăzute cu două torți pe umăr (fig. 3,5.6), vase-binoclu (fig. 2,1-4), străchini (fig. 3,8.9.11), capace (fig. 2,10, fig. 3,7.10), cratere (fig. 2,6), vase bi-

tronconice (fig. 2,5), vase bitronconice cu două torți diametral opuse amplasate pe gât (fig. 2,9), pictate cu predilecție în stilurile $\alpha 1$, $\beta 1$. Un alt stil de pictură atestat pe vasele-binoclu și cratere (fig. 2,4.6) se întâlnește în mai multe așezări Cucuteni A-B2 din spațiul pruto-nistean (Iabloana I, Rădulenii Vechi II, Polivanov Jar II₁). Celelalte categorii de ceramică (cu adaos de cioburi pisate, incizată, cu scoică pisată) cedează simțitor ceramicii pictate. Remarcăm un vas-strecurătoare din pastă arsă oxidant cu buza evazată (fig. 2,8) și un vas miniatural modelat din pastă prost frământată (fig. 1,7). Ceramica de la Ciulucani ca formă și decor își găsește cele mai apropiate analogii în lotul ceramic descoperit la Iabloana I. Ultima este încadrată în etapa Cucuteni A-B2 (Sorochin, Borzic 2001, 117), iar mai nou a fost apreciată ca făcând parte din Cucuteni A-B1 (Bem 2007, 89.107). Se susține prezența grupeii stilistice ABa în complexul ceramic de la Iabloana I (Bem 2007, 107), situație care însă nu a fost confirmată de alți cercetători (Сорокин 1989b, 214-215).

În baza cercetărilor efectuate până la finele anilor 90 ai secolului trecut a fost schițat un tablou sumar în ceea ce privește siturile Cucuteni A-B/Tripolie BII din Republica Moldova. Astfel, în cadrul acestei faze au fost definite așezările de aspect Soloncenii și Iabloana (Сорокин 1990, 96-97; Sorokin 1994, 79)¹. Conform aceleiași scheme cronologice propuse, așezările care încheie evoluția acestei faze și marchează începutul fazei Cucuteni B/Tripolie CI sunt cele de la Racovăț, Hrustovaia², Mihailovca IV și Florești V (Sorokin 1994, 79).

Contribuțiile din ultimele două decenii, deși restrânse la număr, vin să aducă noi descoperiri referitoare la prezența așezărilor Cucuteni A-B în zona de nord a Republicii Moldova (Палагуца 1997, 111-120; Palaguta 1998, 101-110; Agulnikov, Bicbaev, Panko 2004, 27-39; Chitic 2006, 213-216), prezentarea unui tip de așezări din cadrul acestei faze (Sorochin 2004, 167-202), considerații privind apariția manifestărilor Cucuteni A-B în așezările Cucuteni A din acest spațiu și precizări referitoare la raportul cronologic dintre așezările celor două faze (Sorochin 2002, 188-193; Palaguta 2007).

¹ Natalia Vinogradova a propus delimitarea unei noi etape (Tripolie BI-BII) echivalentă cu faza Cucuteni A-B care urma să completeze periodizarea culturii tripoliene (Виноградова 1974, 14; idem 1983, 75). Etapa propusă nu a fost însă acceptată de alți autori sub pretextul complicării terminologiei și a periodizării așezărilor tripoliene. S-a susținut veridicitatea echivalenței fazei Cucuteni A-B cu Tripolie BII, utilitatea practică a schemelor tradiționale de periodizare precum și a noțiunii de „tip de monument”, care și-a dovedit eficacitatea în practica cercetărilor arheologice (Сорокин 1988, 32; idem 1989a, 49). Dacă cercetătorii din România au utilizat periodizarea elaborată de V.I. Dumitrescu, încadrând așezările în faza Cucuteni A-B cu etapele Cucuteni A-B1 și Cucuteni A-B2, în literatura editată în spațiul URSS s-a utilizat cu precădere noțiunea de „tip de monumente” care însera în sine atât o valoare de secvență cronologică dar avea și menirea de la caz la caz să indice deosebirile regionale existente între anumite grupuri de așezări sincrone. Situația este valabilă și pentru istoriografia altor etape de evoluție ale culturii tripoliene, împărțirea pe secvențe cronologice numerotate cu cifre arabe a anumitor etape ale periodizării elaborate de Tatiana Passek fiind efectuată mai târziu și nu a căpătat o utilizare largă.

² Actualmente localitatea se numește Hristovaia.

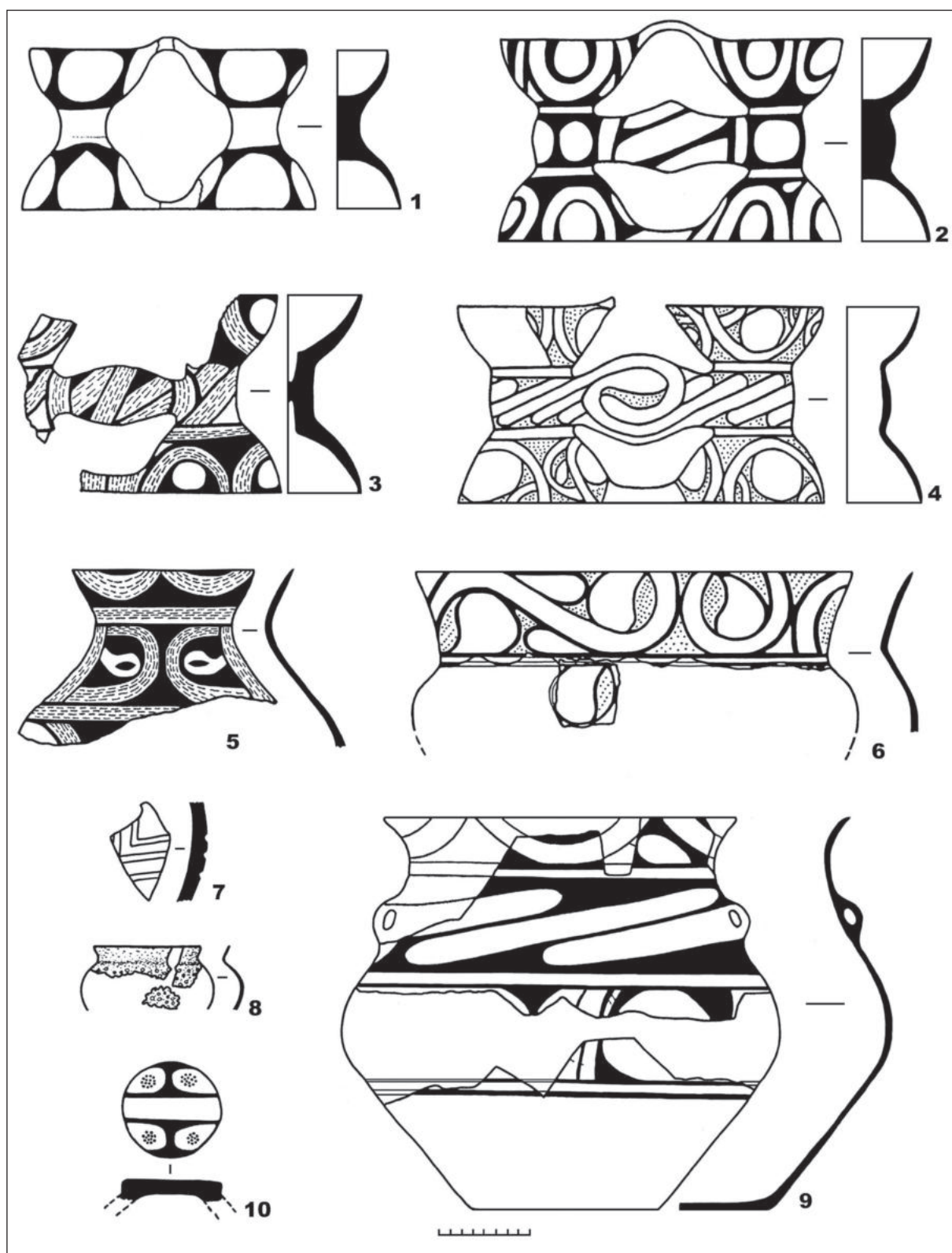

Fig. 2. Ciulucani I. Ceramică pictată (1-6.9.10), cu decor incizat (7), vas-strecurătoare (8) (după T. Todorova).

În Podișul Codrilor în ultimii ani au fost cercetate mai multe așezări care au un inventar caracteristic așezărilor încadrate în etapele Cucuteni A3, Cucuteni A4, dar în complexul ceramic al cărora sunt atestate și elemente de decor specifice fazei Cucuteni A-B. Este vorba în primul rând de așezarea Horodca X, cercetată prin săpături în anii 2003 și 2005 (Bodean 2004, 60; Бодян 2004a, 17-21; Бодян 2004b, 19). Setul de materiale ceramice recuperat din această așezare își găsește analogii directe în siturile din dreapta Prutului cum ar fi Berești-Dealul Bulgarului (Dragomir 1985, 126-136.139), Chetrești-Capul Dealului (Alaiba 2002, 43-87) ș.a. Chiar dacă se susține prezența la Chetrești-Capul Dealului a două nivele – unul Cucuteni A_{3b} și altul încadrat în subfaza de tranziție Cucuteni A-B2 (Alaiba 2002, 28), suntem de acord cu Dumitru Boghian care menționează că în acest caz este vorba de o singură locuire contemporană de la începutul fazei Cucuteni A-B (Boghian 2006, 170). O situație similară a fost înregistrată și la Horodca X, unde pe lângă ceramica care tradițional este atribuită etapelor Cucuteni A3 – Cucuteni A4, în complexe închise au fost descoperite și vase cu decor specific fazei Cucuteni A-B (pahare, capace ș.a.) analoage ca formă și decor celor de la Chetrești-Capul Dealului (Alaiba 2002, 85, fig. 20,1, 86, fig. 21,1.3-5). Pe lângă asemănările în ceea ce privește ceramica pictată, grosieră, cu scoică pisată în compoziția pastei (Cucuteni C), plastica antropomorfă și alte piese de lut, o altă categorie de ceramică comună pentru aceste așezări este așa numita ceramică de interferență dintre categoriile Cucuteni C și pictată (Alaiba

2006, 186), descoperită și la Horodca X (Бодян 2004a, 21, рис. 2,3). Această categorie de ceramică este prezentă în mai multe situri Cucuteni A3-Cucuteni A4 din dreapta Prutului (Alaiba 2006, 181-208). Spre deosebire de siturile menționate, în așezarea Horodca X a fost descoperită și ceramică cu decor incizat rezultată, după toate probabilitățile, în urma contactelor avute cu comunitățile de la început de Cucuteni A-B caracteristice zonei de nord a spațiului pruto-nistean, arealul de răspândire a cărora coboară la această fază până în zona centrală a Moldovei³. În complexul ceramic de la Horodca X ea constituie un procent foarte redus, cedând prioritatea celorlalte categorii de ceramică (Бодян 2004a, 18; idem 2004b, 19)

În prezent credem că putem vorbi despre o pătrundere în Podișul Codrilor a comunităților din așezările situate preponderent pe teritoriul actual al județelor Iași, Vaslui, Galați (România), cu inventar specific etapelor Cucuteni A3-Cucuteni A4, dar care conține și primele manifestări Cucuteni A-B. Actualmente în regiunea menționată sunt cunoscute și alte situri similare, amplasate într-o zonă relativ restrânsă de pe teritoriul raioanelor Hîncești, Ialoveni și Strășeni – Horodca Mare-La Cetate (Bodareu 2010, 121-123)⁴, Stolniceni-Cetate, Stolniceni-Vîșina⁵ și probabil Trușeni III (Церпа 2005, 256-265). Șirul așezărilor din zona centrală a Republicii Moldova nu se încheie aici, în ultimii ani fiind descoperite mai multe așezări Cucuteni A-B1 și Cucuteni A-B2 care deocamdată sunt inedite. Plasarea lor în circuitul științific va aduce noi precizări referitoare la evoluția fazei Cucuteni A-B din spațiul pruto-nistean.

³ O așezare Cucuteni A-B în care a fost descoperită ceramică cu decor incizat este situată spre NV de Horodca X, în apropierea satului Sadova, r-nul Călărași (Sorochin 2001, 13)

⁴ Deși în publicația consacrată rezultatelor săpăturilor efectuate anul 2008 în această așezare autoarea nu oferă o încadrare cronologică mai nuanțată a materialelor recuperate, similitudinea cu așezarea Horodca X este evidentă atât în ceea ce privește ceramica, cât și plastica antropomorfă.

⁵ Materiale inedite din săpăturile efectuate de către expediția arheologică condusă de regretatul dr. Tudor Arnăut (1959-2012)..

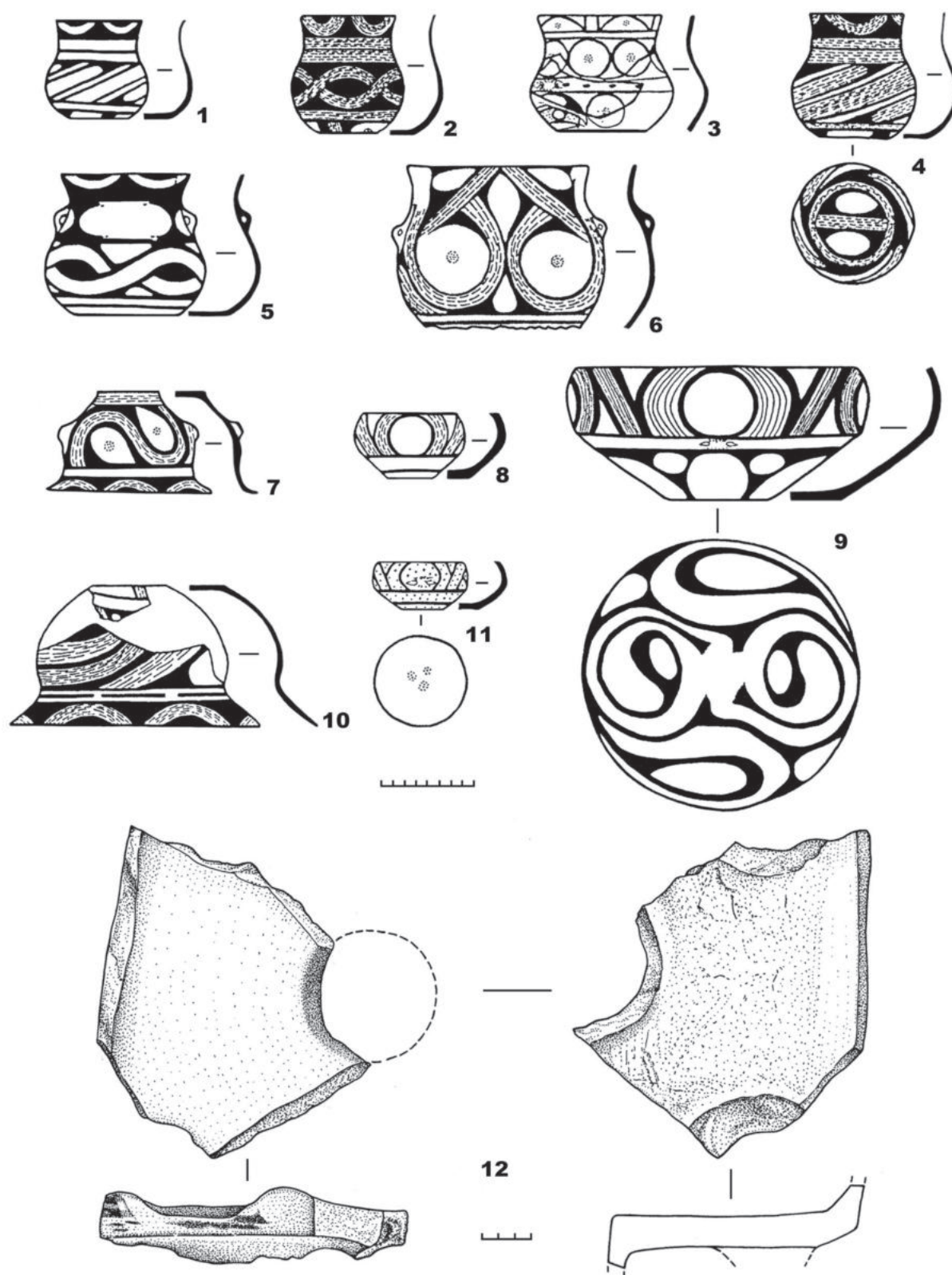

Fig. 3. Ciulucani I. Ceramică pictată (1-11), fragment de măsuță-altar (12) (1-11 – după T. Todorova).

Bibliografie

- Agulnikov, Bichbaev, Panko 2004:** S. Agulnikov, V. Bichbaev, V. Panko, Investigații arheologice de suprafață în microzona satului Limbenii Vechi (r. Glodeni). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003), vol. I (Chișinău 2004), 27-39.
- Alaiba 2002:** R. Alaiba, Cercetări arheologice la Chetrești-*Capul Dealului*, jud. Vaslui, campaniile 1988, 1992. CI XVIII-XX (1999-2001), 2002, 33-87.
- Alaiba 2006:** R. Alaiba, Ceramica de tip Cucuteni C. In: Cucuteni 120 – valori universale (Iași 2006), 181-208.
- Bem 2007:** C. Bem, Traian Dealul Fântânilor: fenomenul Cucuteni A-B (Târgoviște 2007).
- Bodareu 2010:** G. Bodareu, Cercetările arheologice din zona nord-estică a sitului Horodca Mare, raionul Ialoveni în 2008. Tyragetia, vol. IV [XIX], nr. 1, 2010, 121-132.
- Bodean 2004:** S. Bodean, Horodca X: the Cucutenian Site in the Valley of the Botna River. In: Rezumatele comunicărilor colocviilor internaționale Cucuteni. 120 de ani de cercetări. Timpul bilanțului și Arheologia pre- și protoistorică a sării, 21-24 octombrie 2004, Piatra-Neamț (Piatra Neamț 2004), 60.
- Boghian 2006:** D. Boghian, Unele considerații asupra fazei A-B în contextul civilizației cucuteniene. In: Cucuteni 120 – valori universale (Iași 2006), 163-180.
- Cazac ș.a. 2007:** V. Cazac, C. Mihailescu, Gh. Bejenaru, G. Gâlcă, Resursele acvatice ale Republicii Moldova, vol. I. Apele de suprafață (Chișinău 2007).
- Chitic 2006:** O. Chitic, O nouă așezare a culturii Cucuteni-Tripolie de la Temeleuți, raionul Florești, Republica Moldova. RA, vol. II, nr. 1-2, 2006, 213-216.
- Dinu 2006:** M. Dinu, Principalele rezultate ale cercetărilor arheologice de la Băiceni-*Dâmbul Morii*, com. Cucuteni (1961-1966). In: Cucuteni 120 – valori universale (Iași 2006), 31-56.
- Dragomir 1985:** I.T. Dragomir, Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice de la Berești „Dealul Bulgarului” (1981), județul Galați. MA IX-XI (1977-1979), 1985, 93-139.
- Monah 1997:** D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie (BMA III) (Piatra-Neamț 1997).
- Niculică 2001:** B. Niculică, O nouă așezare cucuteniană pe teritoriul satului Adâncata (comuna Adâncata, județul Suceava). Suceava XXVI-XXVII-XXVIII, 2001, 89-107.
- Palaguta 1998:** I. Palaguta, Așezări ale culturii Cucuteni-Tripolie evolute din bazinul de mijloc al r. Soloneț. RA 2, 1998, 101-110.
- Palaguta 2007:** Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI). The relative chronology and local grouping of sites (BAR International Series 1666) (Oxford 2007).
- Sorochin 2001:** V. Sorochin, Contribuții privind așezările complexului cultural Cucuteni-Tripolie. Pyretus 1, 2001, 9-14.
- Sorochin 2002:** V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura (BMA XI) (Piatra-Neamț 2002).
- Sorochin, Borziac 2001:** V. Sorochin, I. Borziac, Plastica antropomorfă din așezarea cucuteniană Iabloana I, jud. Bălți. MA XXII, 2001, 115-136.
- Sorochin 2004:** V. Sorochin, Așezările cucuteniene de tip Soloncenii. MA XXIII, 2004, 167-202.
- Sorokin 1994:** V. Sorokin, Culturile eneolitice din Moldova. TD XV, 1-2, 1994, 67-92.
- Бодян 2004a:** С. Бодян, Раскопки на трипольском поселении Хорodka X в 2003 году. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003), vol. I (Chișinău 2004), 17-21.
- Бодян 2004b:** С. Бодян, Среднетрипольское поселение Хорodka X (Пруто-Днестровское междуречье). Тези доповідей Першого Всесвітнього конгресу Трипольська цивілізація, Київ, 7-11 жовтня 2004 року (Київ 2004), 19.
- Виноградова 1974:** Н.М. Виноградова, Трипольские племена Пруто-Днестровского междуречья в период расцвета (периодизация, хронология, локальные варианты). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Москва 1974).
- Виноградова 1983:** Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев 1983).
- Палагута 1997:** И.В. Палагута, Поселения развитого Триполья в среднем течении р. Солонец. Вестник МГУ, серия 8. История, 5, 1997, 111-120.
- Погожева 1983:** А.П. Погожева, Антропоморфная пластика Триполья (Новосибирск 1983).
- Сорокин 1988:** В.Я. Сорокин, Трипольское поселение у с. Гура Каинарулуй. АИМ в 1983 (Кишинев 1988), 20-34.
- Сорокин 1989a:** В.Я. Сорокин, Культурно-исторические проблемы племен среднего триполья Днестровско-Прутского междуречья. Изв. АН МССР, сер. общ. наук, 3, 1989, 45-54.
- Сорокин 1989b:** В.Я. Сорокин, Памятники яблонского типа. In: Тези доповідей XX Республіканської конференції, Одеса, жовтень 1989 р. Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР (Київ 1989), 214-215.
- Сорокин 1990:** В.Я. Сорокин, К проблеме хронологии памятников среднего Триполья Молдавии. In: Тезисы докладов I полевого семинара, Тальянки 1990, Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине (Київ 1990), 94-101.
- Тодорова 1992:** Т.Д. Тодорова, Отчет о полевых исследованиях на поселениях Чулукань I и Александровка II в 1990 г. Arhiva MNAIM, inv. nr. 328 (Кишинев 1992).
- Церна 2005:** С.В. Церна, Находки среднетрипольского времени с поселения Трушени III. Stratum plus 2 (2003-2004), 2005, 256-265.

SOCOLA – O STAȚIUNE PLURISTRATIFICATĂ A CULTURII CUCUTENI-TRIPOLIE DIN BAZINUL NISTRULUI

Sergiu BODEAN, Ion URSU, Chișinău

În articol sunt reflectate rezultatele cercetărilor periegetice efectuate în anul 2007 în stațiunea pluristratificată de lângă s. Socola, r-nul Șoldănești, Republica Moldova. Aici au fost documentate trei niveluri de locuire aparținând culturii Cucuteni-Tripolie (Cucuteni A-B, Cucuteni B/Tripolie CI, Tripolie CII).

Сокола – многослойное поселение культуры Кукутень-Триполье в бассейне р. Днестр. В статье представлены результаты разведочных работ 2007 года на многослойном поселении у с. Сокола, Шолдэнештский р-н, Республика Молдова. Здесь были выявлены три слоя культуры Кукутень-Триполье, относящихся к Кукутень А-В, Кукутень В/Триполье CI, Триполье CII.

Socola, the multilayered site of Cucuteni-Tripolie Culture from the Dniester Valley. The article reports the results of prospecting excavations of the multilayered site near village Socola (Șoldănești District, Republic of Moldova) carried out in 2007. The study revealed three cultural levels: Cucuteni A-B, Cucuteni B/Tripolie CI, and Tripolie CII.

Key words: Cucuteni-Tripolie Culture, village Socola.

Stațiunile pluristratificate ale culturii Cucuteni-Tripolie au suscitat atenția specialiștilor încă de la primele etape de cercetare ale acestora. Stratigrafia lor a stat la baza elaborării periodizărilor existente. În spațiul prutonistean situri de acest fel au fost semnalate din primele două decenii ale secolului XX (Darabani, Lipcani). Actualmente sunt cunoscute mai multe asemenea situri, marea lor majoritate fiind situate în bazinele râurilor Nistru și Prut. Ele sunt amplasate de regulă pe promontorii flancate de văi sau defilee adânci și conțin de la două până la cinci niveluri de locuire din diferite faze de evoluție ale culturii (Попова 2003, 223-224; Bodean 2012, 6-7). Săpăturile sistematice efectuate în așezările Polivanov Jar (Попова 2003) și Mereșeuca-Cetățuie (Sorokin 1997, 67) s-au soldat cu identificarea a cinci niveluri de locuire în primul caz și patru în cel de-al doilea caz¹. Situația înregistrată în ultima așezare menționată aduce precizări importante referitoare la raportul cronologic al anumitor tipuri de așezări din etapa Tripolie CII.

Cercetările periegetice realizate în ultimii ani în Bazinul Nistrului au contribuit la descoperirea și verificarea mai multor situri din diferite perioade istorice, precum și la identificarea unei stațiuni pluristratificate Cucuteni-Tripolie, situată lângă satul Socola, raionul Șoldănești, semnalată în anul 2007 de către Ion Ursu (fig. 1, 1). În momentul descoperirii în literatura de specialitate figurau informații despre două situri ale culturii Cucuteni-Tripolie, Socola I și Socola II. Primul dintre acestea, descoperit de către Vsevolod Marchevici

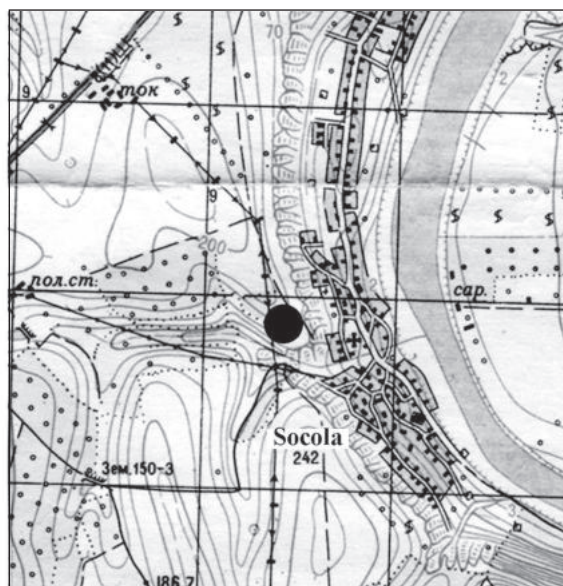
în anul 1954, este situat la 1 km est (Маркевич 1955, 136) sau sud (Маркевич 1973, 121; Свод 1987, 862) de pădurea Craina, lângă un iaz. Aici au fost identificate resturi de locuire din etapa Tripolie CII, precum și altele aparținând culturii getice și Sântana de Mureș-Černjahov (Маркевич 1955, 136, 140, 142; Маркевич 1973, 121). Referitor la cel de-al doilea sit nu dispunem de informații privind amplasarea sa în teren (Пасек 1953, 38; Пасек 1955, 22). Din această stațiune, semnalată în anul 1952 și atribuită etapei Tripolie CII (Маркевич 1973, 121), au fost ilustrate trei fragmente ceramice, dintre care unul cu impresiuni de șnur răsucit (Пасек 1955, 23, рис. 3, 16-17).

Situl descoperit în anul 2007 este situat pe malul drept al Nistrului, la marginea de sud-vest a satului, pe un promontoriu format de cursul râului și o râpă adâncă care se deschide spre albia acestuia. Promontoriul stâncos cu lungimea de aproximativ 650 m și lățimea ce variază între 30-290 m are marginile stabilizate prin plantarea unor arbori (fig. 1, 2-3). În momentul descoperirii suprafața stațiunii era suprapusă de o plantație de viță-de-vie. În urma periegetice au fost semnalate numeroase resturi de locuințe de suprafață, fragmente de ceramică din diferite faze de evoluție ale culturii Cucuteni-Tripolie, piese de silex, fragmente de rășnițe și oase de animale. De pe suprafața prospectată provin și piese de silex puternic patinate, care denotă prezența în acest loc și a unei stațiuni paleolitice (paleoliticul mijlociu?).

¹ Conform altei informații, la Mereșeuca-Cetățuie sunt cunoscute cinci niveluri de locuire ale culturii Cucuteni-Tripolie (Бикбаев 2011, 14).

1

2

3

Fig. 1. Socola. 1 – poziția geografică a satului Socola; 2 – amplasarea topografică a stațiunii; 3 – vedere aeriană asupra stațiunii.

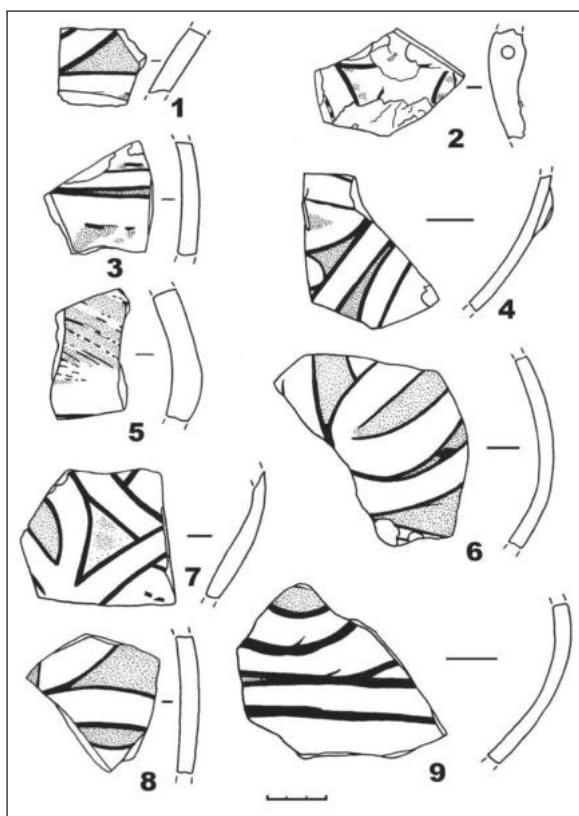

Fig. 2. Socola. Ceramică pictată din faza Cucuteni A-B (1-9).

Primul nivel de locuire Cucuteni-Tripolie este reprezentat de ceramica atribuită etapei Cucuteni A-B2. Ceramica pictată este confecționată din pastă fină, fără degresanți vizibili sau în unele cazuri cu adaos neînsemnat de pietricele. Predomină fragmentele de vase pictate cu roșu și negru (fig. 2,1-9; fig. 3,1). Pictura era aplicată pe angoba alb-gălbuie astfel: inițial era realizată cea cu roșu, mai apoi fiind aplicată și cea neagră. Liniile negre suprapun adeseori motivele decorative pictate cu roșu. Vase de diferite forme cu un decor asemănător sunt cunoscute în mai multe așezări situate la est de Prut, precum Ciorna (Татаренко 1977, 26, рис. 2,б,в; 31, рис. 7; 36, рис. 12; 47, рис. 24; 48, рис. 26), Rădulenii Vechi II (Marchevici 1994, 134, fig. 5,2; 135, fig. 6,7,19), Florești V (Тодорова 1992б, 68, рис. 5,13), Kliščev (Заєць 2004, 223), Tripolie (Passek 1935, pl. X,1). Ceramică similară încadrată în grupa stilistică δ^3 este cunoscută și în așezarea Polivanov Jar (nivelul II₁) (Попова 2003, 105, рис. 61,1.3.8-10). Un fragment de vas este pictat cu negru pe angoba alb-gălbuie (fig. 3,2), iar altul cu roșu închis aplicat pe angoba roșiatică (fig. 3,5). Două fragmente care provin de la un singur vas cu corpul bombat au decorul pictat cu negru pe angoba roșiatică (fig. 3,7-8). Deoarece ceramica este destul de fragmentară, sunt dificil de identificat formele de vase de la care provin. Putem evidenția cu certitudine doar vasele cu corpul bombat înzestrate cu două torți mici dispuse în zone diametral opuse (fig. 2,2)

și străchinile (fig. 3,1.4.6). Ceramica cu decor incizat este reprezentată de fragmentul unui vas de dimensiuni mari, modelat din pastă fină, de culoare gălbuie (fig. 3,3).

Așezările fazei Cucuteni A-B din spațiul pruto-nistrean au fost analizate într-o lucrare de sinteză apărută la începutul anilor 80 ai secolului trecut (Виноградова 1983). Publicată într-o formă succintă, cu puțin material ilustrativ și cu unele colecții de materiale prelucrate sumar, monografia poate fi considerată doar ca o primă etapă în cercetarea acestei faze din spațiul vizat. De la momentul apariției ei, volumul materialelor acumulate a crescut, fapt care impune o nouă abordare a acestui subiect, ținându-se cont de specificul fazei Cucuteni A-B din acest areal. Modul în care este tratată poziția cronologică a unor așezări Cucuteni A-B de mai mulți autori doar prin prisma prezenței, absenței sau asocierii grupurilor stilistice, în opinia noastră este unul unilateral. De regulă, alte materiale sau caracteristici ale sale sunt omise când vine vorba despre stabilirea poziției cronologice a unei așezări. Ne referim aici la forma și parametrii vaselor pictate, alte categorii de ceramică nu mai puțin informative, cum ar fi cea cu decor incizat, ceramica Cucuteni C sau plastica antropomorfă, care – după o analiză tipologică și procentuală – pot oferi indicii suplimentare. Relativ recenta încadrare a unor așezări din spațiul pruto-nistrean într-o schemă menită să definească etapele de evoluție ale fazei Cucuteni A-B

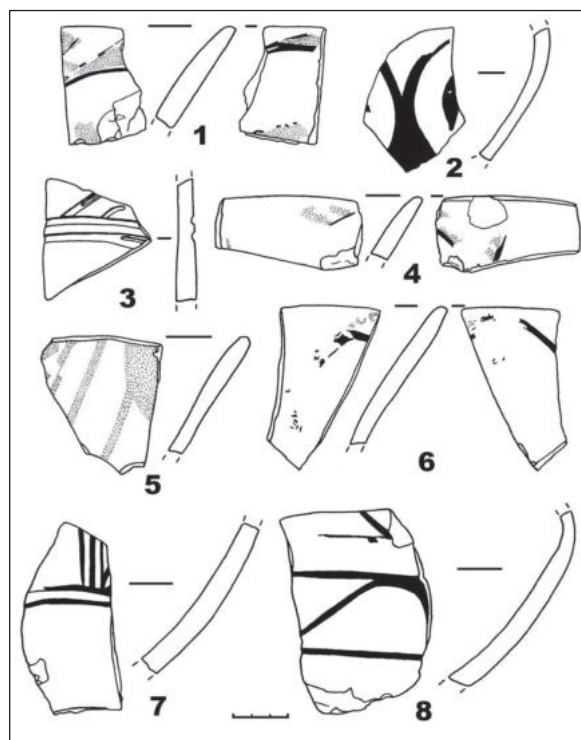

Fig. 3. Socola. Ceramică pictată (1-2, 4-8) și cu decor adâncit (3) din faza Cucuteni A-B.

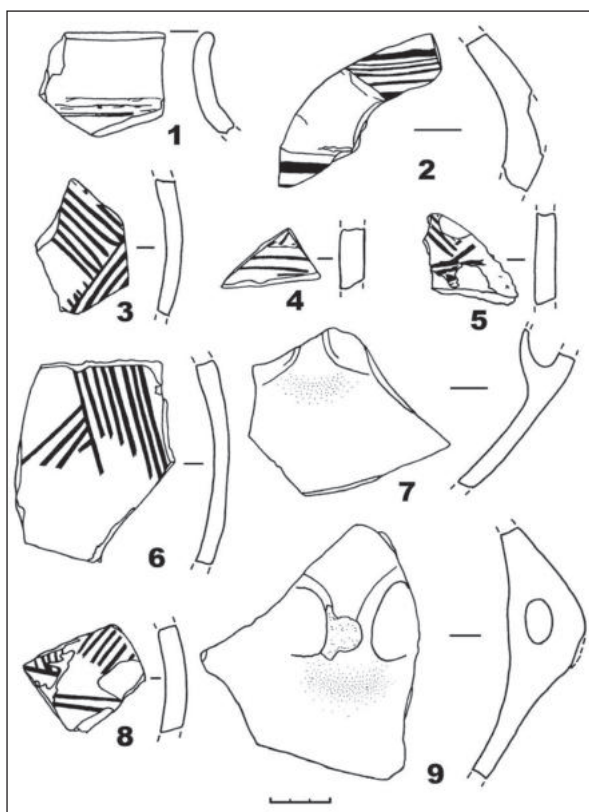

Fig. 4. Socola. Ceramică pictată din etapa Tripolie CII (1, 3-9) și Cucuteni B/Tripolie CI (2).

conține și ea unele lacune (Marinescu-Bîlcu, Bem 2005, 314-315). Este discutabilă plasarea așezărilor Gura Căinarului I și Orheiul Vechi în etapa Cucuteni A-B2, precum și a așezărilor Iabloana I și Rădulenii Vechi II în etapa Cucuteni A-B1, chiar dacă autorii susțin că nu au dorit să ofere un model de aranjare a stațiunilor acestei faze. Siturile Gura Căinarului I și Orheiul Vechi au un inventar cu mai multe elemente de tradiție Cucuteni A4, comparativ cu Iabloana I și Rădulenii Vechi II. Primele două sunt atribuite așezărilor de tip Solonceni (Sorochin 2004, 168-202). Afirmția despre ceramica incizată majoritară în etapa Cucuteni A-B2 (Marinescu-Bîlcu, Bem 2005, 314-315) nu este valabilă pentru așezările din interfluviul Prut-Nistru. Această categorie de ceramică se întâlnește într-un procent mai mic comparativ cu ceramica pictată pe parcursul fazei Cucuteni A-B din spațiul

pruto-nistrean. Astfel, la Gura Căinarului I (Сорокин 1988, 30-31; Sorochin 2004, 181.183), Orheiul Vechi (Виноградова, Бейлекчи, Бырня 1974, 75-76) și Polivanov Jar (straturile II₁ și II₂) (Попова 2003, 89.121) ceramica cu decor incizat, uneori asociat cu pictură în cazul primelor două așezări, este mai puțin prezentă decât ceramica pictată. Situația este valabilă și pentru alte situri, precum Solonceni II (Виноградова 1983, 43), Drăgănești-Valea Ungureanului, Drăgănești-Curtea Boierească (Palaguta 1998, 102.104) sau Ciulucani I (Тодорова 1992a, 17).

Fazei Cucuteni B/Tripolie CI din stațiunea nou semnalată de la Socola îi aparțin mai multe fragmente ceramice, dintre care unul provine de la un vas bitronconic de dimensiuni mari, modelat din pastă fină, fără degresanți vizibili. Acesta este decorat cu benzi orizontale formate din linii subțiri și late pictate cu negru pe angoba brună-roșiatică. Partea superioară a vasului este separată de cea inferioară prin două linii late (fig. 4,2).

Al treilea nivel de locuire atestat în acest sit datează din etapa Tripolie CII. Materialul ceramic din cadrul său este reprezentat de fragmente de vase pictate, realizate din pastă fină, fără degresanți vizibili. Acestea sunt decorate cu compoziții din linii negre paralele pictate pe angoba alb-gălbuie a vaselor (fig. 4,1.3-6.8), asociate uneori cu linii mai scurte dispuse pe marginea benzilor (fig. 4,3). Un fragment de buză provine de la un vas cu corpul mai mult sau mai puțin bombat ce are pictate la baza gâtului trei linii orizontale (fig. 4,1). Două fragmente cu pictura ștersă aparțin unor vase prevăzute cu două torți, amplasate pe diametrul maxim (fig. 4,7.9). Această formă de vas este caracteristică așezărilor de tip Gordinești, fiind cunoscută de exemplu în așezarea eponimă (Маркевич 1981, 51, рис. 81,1) și la Tătărauca Nouă-Piscul Gol (Sava ș.a. 1995, 319, fig. 12,1). Materialele acestui nivel de locuire completează șirul de descoperiri din etapa Tripolie CII cunoscute în această zonă (Маркевич 1973, 121; Bodean 2004, 25-28; Топаз, Церна 2010, 281-298).

Deși cercetările periegetice efectuate în stațiunea Socola au avut un caracter restrâns, s-a reușit stabilirea caracterului pluristratificat al acesteia. De domeniul cercetărilor viitoare ține precizarea detaliată a situației stratigrafice și acumularea unui eșantion de materiale care ar permite o caracterizare mai amplă a nivelurilor de locuire Cucuteni-Tripolie atestate aici.

Bibliografie

- Bodean 2004:** S. Bodean, Așezări eneolitice de lângă satele Chetroșica Veche și Climăuții de Jos. Tyragetia XIII, 2004, 22-29.
- Bodean 2012:** S. Bodean, Așezări pluristratificate ale culturii Cucuteni-Tripolie din spațiul pruto-nistrean. In: Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor. Conferință științifică cu participare internațională. Chișinău, 31 mai-1 iunie 2012. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2012), 6-7.
- Marchevici 1994:** V. Marchevici, Așezarea culturii Cucuteni-Tripolie de la Rădulenii Vechi (II), R. Moldova. MA XIX, 1994, 127-141.
- Marinescu-Bîlcu, Bem 2005:** S. Marinescu-Bîlcu, C. Bem, Unde și cum s-a putut realiza trecerea de la faza Cucuteni A la Cucuteni A-B. În: Scripta praeistorica. Miscellanea in honorem nonagenarii magistri Mircea Petrescu-Dîmbovița oblata (Iași 2005), 295-328.
- Palaguta 1998:** I. Palaguta, Așezări ale culturii Cucuteni-Tripolie evolute din bazinul de mijloc al r. Soloneț. RA 2, 1998, 101-110.
- Passek 1935:** T. Passek, La céramique tripolienne. Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle, Fascicule 122 (Moscou-Leningrad 1935).
- Sava ș.a. 1995:** E. Sava, I. Manzura, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, Investigații istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova). CAANT I, 1995, 281-357.
- Sorochin 2004:** V. Sorochin, Așezările cucuteniene de tip Solonceni. MA XXIII, 2004, 167-202.
- Sorokin 1997:** V. Sorokin, Considerații referitoare la așezările fazei Cucuteni A – Tripolie B₁ din Ucraina și Republica Moldova. MA XXI, 1997, 7-83.
- Бикбаев 2011:** В. Бикбаев, Укрепленные поселения культуры Кукутень-Триполье на территории Республики Молдова по данным аэрофотосъемки, спутниковых снимков и наземных исследований. Sesiunea MNAIM (ed. a 21-a). Chișinău, 20-21 octombrie 2011. Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău 2011), 13-17.
- Виноградова, Бейлекчи, Бырня 1974:** Н.М. Виноградова, В.С. Бейлекчи, П.П. Бырня, Раскопки трипольского поселения в Старом Орхее. АИМ 1972 г. (Кишинев 1974), 67-77.
- Виноградова 1983:** Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев 1983).
- Засць 2004:** І.І. Засць, Кліщів. В: ЕТЦ, т. 2 (Київ 2004), 222-224.
- Маркевич 1955:** В.И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. Известия МФ АН СССР № 5(25), 1955, 131-145.
- Маркевич 1973:** В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2 (Кишинев 1973).
- Маркевич 1981:** В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена северной Молдавии (Кишинев 1981).
- Пассек 1953:** Т.С. Пассек, Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1952 г. Arhiva MNAIM, inv.nr. 369 (Москва 1953).
- Пассек 1955:** Т.С. Пассек, Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Изв. МФ АН СССР № 5(25), 1955, 15-29.
- Попова 2003:** Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург 2003).
- Свод 1987:** Свод памятников истории и культуры МССР. Северная зона. Макет (Кишинев 1987).
- Сорокин 1988:** В.Я. Сорокин, Трипольское поселение у с. Гура Каинарулуй. АИМ в 1983 г. (Кишинев 1988), 20-34.
- Татаренко 1977:** С.С. Татаренко, Отчет по Резинской археологической экспедиции Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР за 1976 г. Arhiva MNAIM, inv. nr. 117 (Кишинев 1977).
- Тодорова 1992a:** Т.Д. Тодорова, Отчет о полевых исследованиях на поселениях Чулукань I и Александровка II в 1990 г. Arhiva MNAIM, inv.nr. 328 (Кишинев 1992).
- Тодорова 1992b:** Т.Д. Тодорова, Результаты исследований на поселении Флорешты V. АИМ в 1986 г. (Кишинев 1992), 58-72.
- Топал, Церна 2010:** Д.А. Топал, С.В. Церна, Позднетрипольский могильник и поселения у с. Кунича (Флорештский р-н, Республика Молдова). Stratum plus 2, 2010, 281-298.

Sergiu Bodean, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: arheo25@mail.ru

Ion Ursu, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ion_ursu11@yahoo.com

O NOUĂ NECROPOLĂ PLANĂ A CULTURII MNOGOVALIKOVAJA

Sergiu POPOVICI (Chișinău)

Lucrarea de față are ca scop introducerea în circuitul științific a unei recente descoperiri de lângă com. Talmaza – a unei necropole plane. În urma prospectărilor s-a constatat gradul înalt de distrugere la care este supus monumentul și a fost întreprinsă cercetarea urgentă a unui mormânt parțial distrus. În rezultatul analizei materialelor dateate în perioada mijlocie a epocii bronzului s-a constatat apartenența mormântului culturii mnogovalikovaja.

Новые находки на территории Нижнего Днестра. В настоящей публикации в научный оборот вводятся материалы грунтового могильника, открытого у с. Талмаза в Нижнем Поднестровье. В процессе исследований выяснилась большая степень разрушения памятника. Были проведены спасательные раскопки одного погребения, частично разрушенного. По результатам исследования материала, датирующегося периодом средней бронзы, это захоронение следует отнести к культуре многоваликовой керамики.

A New Plane Necropolis of the Mnogovalikovaja Culture. The present publication introduces in the scientific circuit the artifacts from the ground necropolis discovered near Talmaz Village, Lower Dniester Area. Since the monument was greatly damaged, a salvation excavation was undertaken. The study of unearthened artifacts dates the monument back to the Middle Bronze Age and suggests its belonging to the Mnogovalikovaja Culture.

Key Words: Moldova, Lower Dniester Area, Middle Bronze Age, Mnogovalikovaja Culture.

În primăvara anului 2011, cu ocazia unor cercetări perieghetice organizate în apropierea satului Talmaza, au fost descoperite mai multe monumente arheologice, printre care un interes aparte prezintă o necropolă plană. Depistarea ei, ca și a majorității monumentelor de acest tip, a fost posibilă datorită procesului distructiv, la care a fost supusă în urma intervențiilor antropice.

Amplasare. Necropola este localizată pe teritoriul com. Talmaza, r-nul Ștefan Vodă, RM. Se află pe un mic platou la capătul unui promontoriu prelung, ce face parte organică dintr-un versant mai mare situat în partea sud-vestică a satului. Platoul pe care a fost amenajată necropola are dimensiunile de cca 33 x 21 m și este situat la înălțimea de 88 m deasupra nivelului mării (fig. 1,2). Pantele dealului sunt abrupte, la poalele lui trece drumul public local (L 530) legând localitățile Căușeni – Plop Știubei – Talmaza – Tudora. Accesul pe promontoriu este posibil doar din partea de sud, atunci când admitem posibilitatea inundării în vechime a complexului natural „Lunca Talmaza” și a lacului „Adana”. Chiar și astăzi pe tot teritoriul „Luncii Talmaza” destul de des se pot întâlni băltoace, canale, mlaștini și ape de mică adâncime.

Situl arheologic. A fost depistat în urma studierii vizuale a profilului abrupt al pantei promontoriului. Aici, în solul argilos de culoare brună cu nuanțe deschise, au fost surprinse câteva contururi de gropi (cca 4) umplute cu un sol cenușiu tipic de pădure. La cca 8,5 m mai jos de aceste gropi, la poalele promontoriului, au fost sem-

nalate câteva oase umane. După examinarea minuțioasă a profilului s-a evidențiat o groapă, pe fundul căreia se observau mai multe oase umane. Luând în considerație faptul că acest promontoriu reprezintă o sursă de extracție neautorizată a argilei de către localnici, s-au întreprins măsuri urgente de investigare a complexului. În urma cercetării s-a constatat distrugerea în proporție de 50% a mormântului. Însă puținele date obținute ne pot oferi, totuși, unele detalii privind ritul de înmormântare și încadrarea culturală a complexului.

Groapa cu o adâncime de 80 cm a fost săpată de la nivelul suprafeței antice de călcare. Avea probabil formă ovală, dimensiunea căreia în profil constituia cca 105 cm. Pe fundul gropii au fost depistate câteva oase: vertebre lombare, coaste, falange, o parte a bazinului și femurul stâng. Oasele se aflau într-o poziție semi-anatomică datorată procesului de distrugere, la care a fost supus mormântul. După amplasarea oaselor, putem admite că poziția inițială a scheletului a fost chircită pe spate pe partea dreaptă, gradul de chircire fiind unul puternic. Orientat cu capul spre nord-est (fig. 1,1).

Inventar. 1. Lângă coaste au fost depistate câteva fragmente ale unui vas fragmentar de tip borcan modelat cu mâna din pastă de lut în amestec cu șamotă, având buza puțin îngroșată la interior și fundul plat evidențiat. Dimensiuni: înălțime 8,7 cm, diametrul buzei 10,8 cm, diametrul fundului 9,2 cm (fig. 1,6). Vasul se încadrează în tipul VIII al clasificării ceramicii mnogovalikovaja propusă de către E. Sava (Cavba 1992, 36)

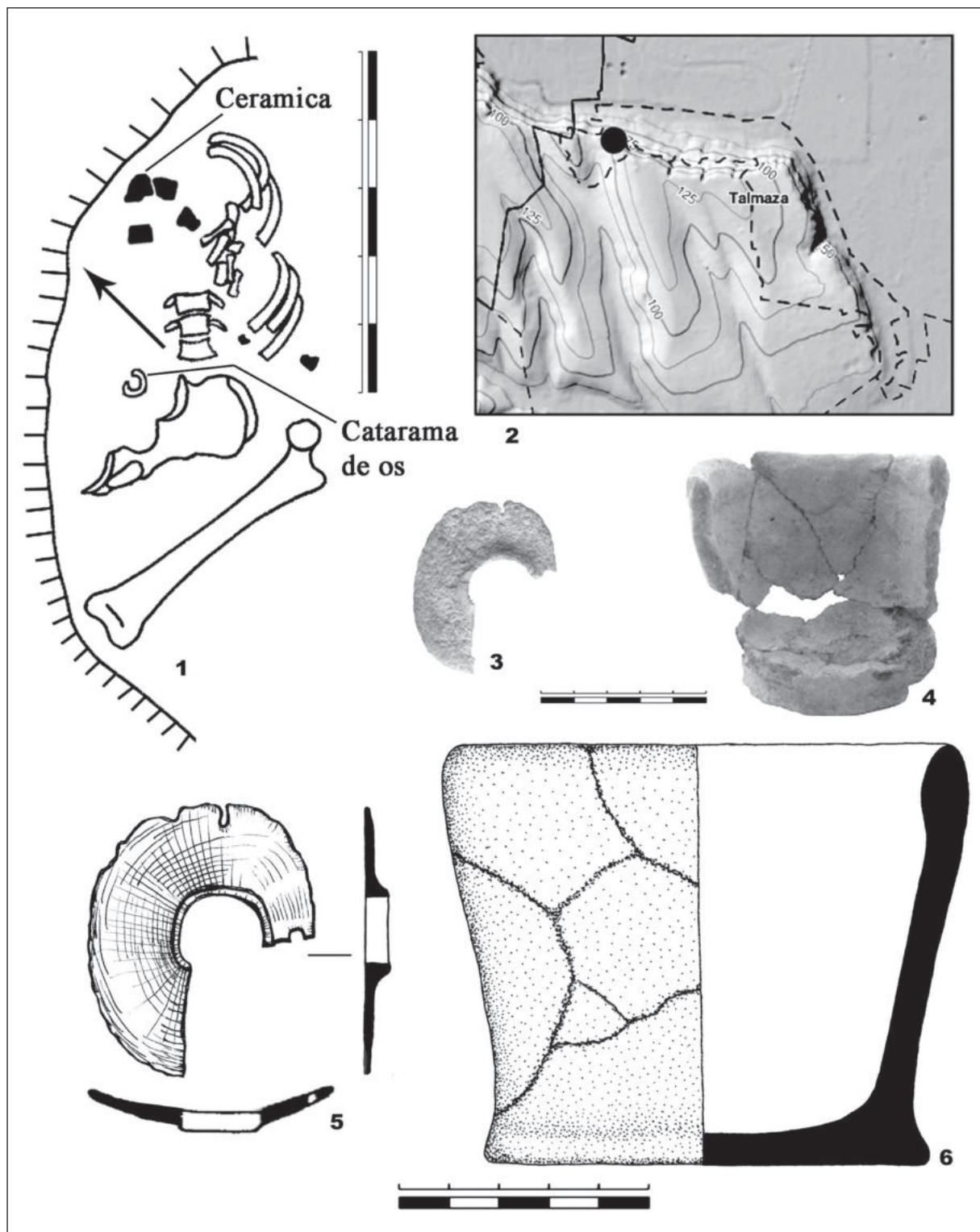

Fig.1. Necropola de la Talmaz. 1 - mormântul 1; 2 - amplasarea geografică a necropolei; 3- cataramă de os (foto); 4, vas ceramic (foto); 5 - cataramă de os (desen); 6 - vas ceramic (desen).

2. Lângă bazin a fost depistată o „cataramă” de os, bine șlefuită, de formă ovală, cu o fața convexă și una concavă. Orificiul central, cu diametrul de 1,8 cm, este prevăzut cu o mică gardină, alăturat fiind executată o perforație de cca 3 mm. Dimensiuni: lungimea 5,5 cm, lățimea 4,8 cm. „Catarama” a fost deteriorată în vechime (fig. 1,5). Vestigiile de acest fel se încadrează în tipul III al clasificării „cataramelor” din spațiul prutonistean, de o largă răspândire (Савва 1992, 44).

Concluzii. Caracterul plan și spațiul unde a fost amplasată necropola descoperită exclude din start existența în acest loc a unui tumul, eventual aplatizat sau deteriorat, care ar fi putut „găzdui” în vechime mormântul cercetat. Necropolele tumulare, răspândite în număr mare pe malul drept al Nistrului de Jos, sunt localizate în exclusivitate pe terasa a treia a râului, cu vegetație și relief de stepă. Din cele mai vechi timpuri gradul de împădurire a primelor două terase a fost considerabil. Chiar și în prezent, teritoriile silvice au păstrat cele mai vechi arboreteuri, baza cărora o constituie copacii seculari (Planul de management... 2011, 46).

Luând în considerație ritul și ritualul de înmormântare, inventarul depistat, propunem să datăm acest complex în perioada mijlocie a epocii bronzului, încadrându-l în cultura mnogovalikovaja. Cu toate că necropolele plane nu sunt caracteristice aces-

tei culturi în spațiul nord-vest pontic (Савва 1992, 64), totuși au fost semnalate mai multe cazuri când s-a practicat înhumarea defuncțiilor în afara spațiilor tumulare (Тоцев 1986, 83). Sunt cunoscute câteva necropole plane și morminte izolate amplasate cu precădere pe marginile promontoriilor sau pe malurile râurilor de stepă. Printre acestea putem menționa: Calfa (Чеботаренко 1965, 101), Dănceni (Дунявина, Дергачев 1975, 68-69)¹, Bichir (Tuzla) (Тоцев 1980, 70-72), Ismail (Тоцев 1981, 39)², Beșalma (Дергачев 1973, 54), Comrat (Дергачев 1973, 54)³, Cartal-Orlovka (Субботин 1984, 43), Sărata Veche (Сергеев 1961, 130). În cadrul necropolelor plane, pentru majoritatea mormintelor este caracteristică forma ovală a gropilor, defuncții fiind depuși chirciți pe una din părți, poziția mâinilor fiind diferită.

Cu toate că nu se deosebesc cu nimic de mormintele tumulare, suntem de părerea că cimitirile plane au fost folosite ocazional de către purtătorii culturii mnogovalikovaja din spațiul nord-vest pontic. Posibil, doar în perioada incipientă de aflare în acest teritoriu, când comunitățile nou venite încă nu și-au amenajat propriile spații tumulare prin adăugare de mantale peste tumulii existenți, sau când încă nu și-au ridicat propriile movile funerare. În aceste cazuri admitem existența ritualului plan de înmormântare.

Bibliografie

- Planul de management... 2011:** Planul de management pentru zona Ramsar „Nistrul de Jos” (proiect) / A. Andreev, T. Izverskaia, L. Josan, L. Kotomina, G. Mărgineanu, I. Rotaru, A. Rusciuc, G. Sîrodoev., V. Stajilov, I. Talmaci, A. Tiscenkov și alții (Chișinău 2011).
- Дергачев 1973:** В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ (Кишинев 1973).
- Дунявина, Дергачев 1975:** В.М. Дунявина, В.А. Дергачев, Могильник многоваликовой культуры у с. Дэнчаны. В сб.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (1825-1975): Тезисы докладов юбилейной конференции (Одесса 1975)
- Савва 1992:** Е.Н. Савва, Культура Многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда) (Кишинев 1992).
- Субботин 1984:** Л.В. Субботин, Могильник культуры многоваликовой керамики у с. Орловка. В сб.: Новые археологические исследования на Украине (Киев 1984).
- Тоцев 1980:** Г.Н. Тоцев, Могильник культуры Богатоваликовой керамики у с. Тузли Одесской области. Археология 33 (Киев 1980).
- Тоцев 1981:** Г.Н. Тоцев, Безкурганные погребения культуры многоваликовой керамики Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981).
- Тоцев 1986:** Г.Н. Тоцев, Средний период эпохи бронзы Юго-Запада СССР. Монография депонирована в ИНИОН АН СССР, №29903 (Запорожье 1986).
- Сергеев 1961:** Г.П. Сергеев, Археологические исследования музея в 1958 г. В сб.: Труды государственного историко-краеведческого музея. Вып. 2 (Кишинев 1961).
- Чеботаренко 1965:** Г.Ф. Чедотаренко, Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА АН СССР, вып. 105 (Москва 1965)

Sergiu Popovici, cercetător științific, Centrul de Arheologie, IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt I, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: popovicisergiu@mail.ru

¹ Cercetătorul Eugen Sava pune sub semnul întrebării prezența la Calfa și Dănceni a ritului plan de înmormântare, optând pentru caracterul tumular al cimitirelor, admitând posibilitatea aplatizării movilelor (Савва 1992, 64).

² Mormânt singular.

³ Mormânt singular.

КУРГАН У Г. ТОКМАК (ИССЛЕДОВАНИЯ 2011 Г.)

Светлана АНДРУХ, Геннадий ТОЩЕВ

Tumulul de lângă or. Tokmak (investigațiile din anul 2011). Autorii introduc în circuitul științific materialele tumulului din preajma or. Tokmak, reg. Zaporož'e, Ucraina, investigat în anul 2011. Mantaua de formă cvasiovală, cu înălțimea de 1 m și diametrele de 40x32 m, a fost ridicată deasupra M.9, atribuit culturii Jamnaja. Ulterior au fost efectuate înmormântările nr. 7, 8 și 10 aparținând aceleiași culturi, mai târziu – cele cu nr. 3-6, 12 și 13 din perioada culturii Katakombnaja, toate amplasate în cerc în jurul centrului tumulului, cu o distanțare la nord. Dintre aceste morminte se pot deosebi unele mai timpurii (nr. 5-6, 12-13), altele mai târzii (nr. 3-4). Complexele funerare nr. 11 și 14 pot fi atribuite epocii bronzului. Cronologic, a urmat M.2 aparținând sarmaților și M.1, cuman. Inventarul mormintelor se încadrează în standardele obișnuite pentru acest teritoriu. Materialele arheologice recuperate în procesul cercetării tumulului, în linii generale, corespund antichităților descoperite în lunca r. Moločnaja prin săpăturile din anii 1951-1952.

Публикация вводит в научный оборот материалы кургана у г. Токмак Запорожской области раскопанного в 2011 г. Насыпь подовальной формы, высотой 1 м, диаметрами 40 x 32 м, возведена над ямным погребением №9. Позже в нее были впушены ямные же захоронения № 7-8, 10, катакомбные № 3-6, 12-13, расположенные по кругу вокруг центра с разрывом на севере. Среди них выделяются ранние (№ 5, 6, 12, 13) и более поздние (№ 3-4). Захоронения 11 и 14 в целом могут быть отнесены к эпохе бронзы. Последующие по времени захоронения принадлежат сарматам (п.2) и половцам (п.1). Набор инвентаря стандартный для погребальных комплексов этой территории. Материалы исследованного кургана в целом соответствуют разновременным древностям, выявленным в пойме р. Молочной более ранними раскопками (1951-1952 гг).

A tumulus near Tokmak town (excavations of the field season 2011). The article presents a description of artifacts from the tumulus near Tokmak town of Zaporozhie region, excavated during the field season of 2011. The mound is sub-oval shaped, 1 m high, diameters 40 x 32 m, situated over the pit burial Nr. 9. Later, pit burials Nr. 7-8, and 10, and catacomb burials Nr. 3-6, 12-13 were introduced. Those accessory burials are arranged in a circle around the center with a break in the north. The burials 11 and 14 belong to the Bronze age. Younger burials belong to belong Sarmatians (m. 2) and Kipchaks (m. 1). A set of standard equipment for the funerary complexes of the territory is reported. Archaeological implements of the studied mound generally correspond to the antiquities of various ages and cultures discovered earlier (1951-1952) in the valley of Molochnaia River.

Key words: tumular burials, Bronze Age, Sarmatians, Kipchaks, Eastern Europe.

В связи с планируемым строительством ферросплавного завода археологической экспедицией ЗНУ в 2011 г. проведены раскопки кургана вблизи г. Токмак Запорожской области. Ближайшие территориально насыпи исследовались К.Ф. Смирновым в начале 50-х гг. (Смирнов 1960, 164-189).

Курган располагался на южной окраине г. Токмак, на плато, ограниченном балками, которые

выходили в пойму р. Токмачка в 300 м к ЮЗ от территории завода (рис. 1).

Высота насыпи 1 м, в плане подовальной формы, вытянута по линии З-В на 40 м, по линии С-Ю на 32 м (рис. 2)¹.

Всего выявлено 14 погребений. Из них четыре ямной культуры (№ 7-10), шесть катакомбной (№ 3,4,6,12,13), два эпохи бронзы (№ 11,14), сарматс-

¹ Наличие насыпи было зафиксировано в 2007 г. сотрудником областной инспекции памятников истории и культуры Ушаковым Г.Л. К моменту исследований на учет не взят, не имел охранного номера. В 2008 г. территория планируемой застройки была подвергнута обследованию с целью выявления археологических объектов сотрудниками дочернего предприятия «Південьгідроархеологія» Государственного предприятия «Научно-исследовательский центр» «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАНУ. Ими заложены 98 шурфов размерами 1x2 м. Свыше 10 шурфов различной конфигурации и глубины впушены в насыпь кургана, образуя своеобразную линию «окопов». К началу работ насыпь была сильно распахана и покрыта густой растительностью высотой до 1 м, ее южная и восточная полы повреждены шурфами, заполненными мусором. Шурфы к моменту раскопок, как на кургане, так и на прилегающем пространстве не засыпались и превратились в свалки... С подобным явлением – шурфовка кургана – авторы сталкиваются впервые. Как показали результаты раскопок, выводы сотрудников «Охранной службы» не соответствуют действительности. Насыпь в результате разбивки ям оказалась поврежденной, не засыпанные шурфы представляли и представляют до сих пор угрозу для людей и автотехники. Аналогичная ситуация отмечена и в районе Каменки-Днепровской, где в 2008 г. велось такое же «обследование».... Полевому комитету ИА следовало бы обязать сотрудников дочернего предприятия «Південьгідроархеологія» Государственного предприятия «Научно-исследовательский центр» «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАНУ провести рекультивацию на местах их «научной» деятельности в районах области.

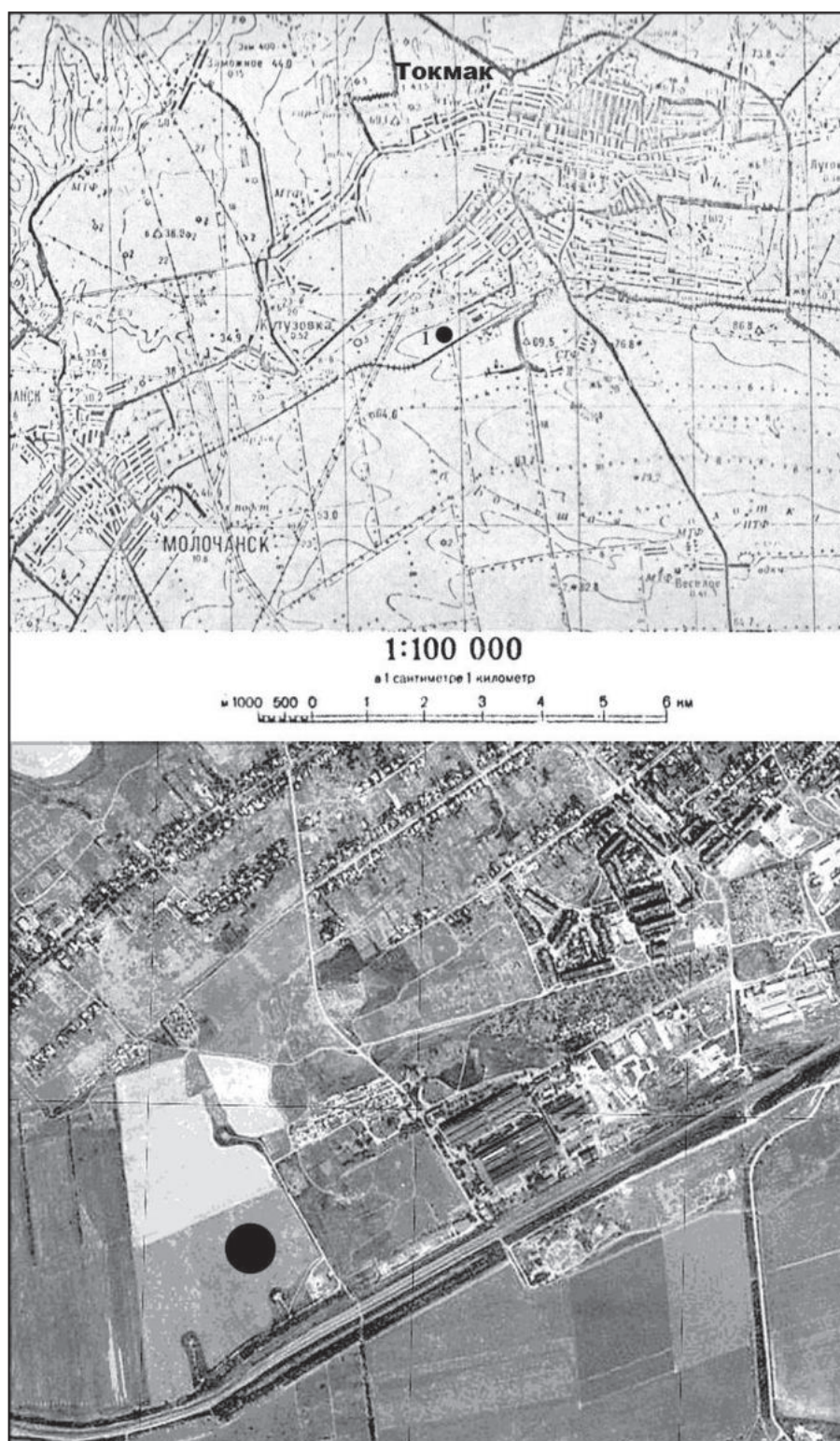

Рис. 1. Местонахождение кургана у г. Токмак

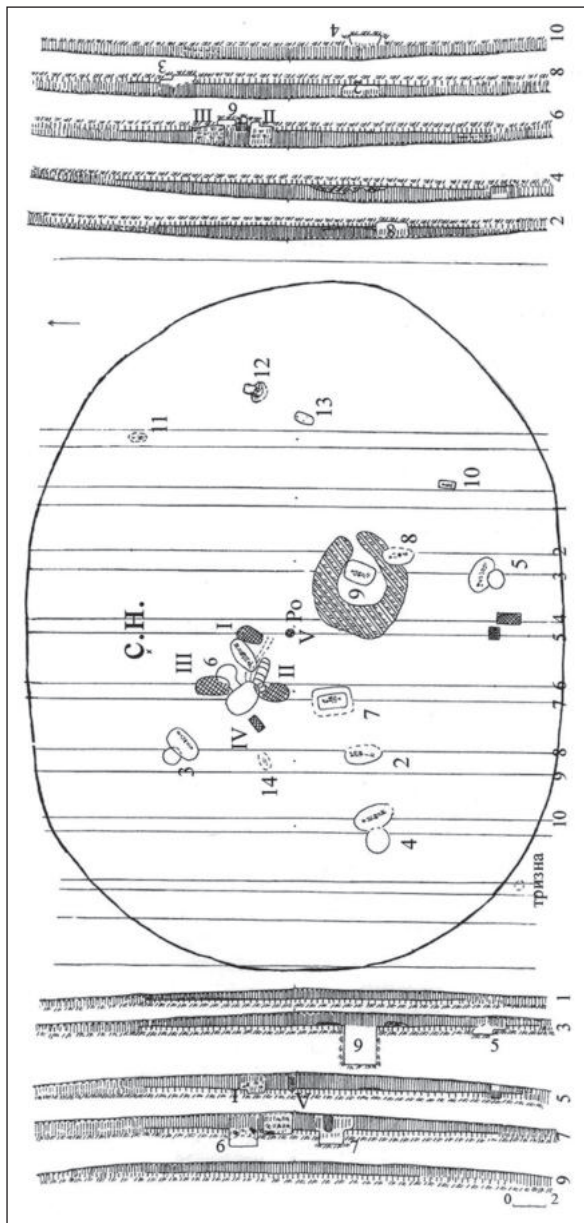

Рис. 2. Общий план кургана у г. Токмак
Условные обозначения: 1,2 – номера погребений; I, II – номера поздних ям; П-шурфы; с.н.-находка в насыпи; – нора животного

кое (№ 2) и половецкое (№1), тризна и грабительские ямы.

Погребение 1 – половецкое (рис. 3,1). Обнаружено в 2,8 м к ССВ от Ро на глубине 0,8 м в слое чернозема. Яма в плане вытянутой подовальной формы, размерами 2,1х1,2 м, ориентирована по линии 3-В с незначительным отклонением. Глубина ямы от уровня фиксации контуров 0,2 м. Заполнение – рыхлый чернозем.

Костяк погребенного лежал вытянуто на спине, головой на 3 с незначительным отклонением. Пра-

вая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кистью уложена на костях таза.

Рядом с костяком зафиксированы деревянные плахи, сохранившиеся на длину до 20 см. Не исключено, что погребенный был уложен в деревянном решетчатом гробовище, размеры которого могли составлять 1,8х0,7 м.

Справа от черепа зафиксированы фрагменты костяной накладки (1). Под обеими половинками таза обнаружены железные кольца (2,3). На левой тазобедренной кости и слева от нее, в заполнении найдены два железных кресала (4,5). Между северной стенкой и локтевым сгибом левой руки располагалась железная пряжка с языком (6). На плечевой кости левой руки (рис. 5,3) зафиксирован берестяной тусок (8), внутри которого найдена костяная пуговица (7). Между тазобедренными костями (рис. 5,4) прослежены фрагменты берестяного изделия (9).

Инвентарь:

1. Три фрагмента накладок вытянутой формы, изготовленных из костяной пластины. В сечении они полуовальной формы, внешняя поверхность выпуклая, внутренняя ровная. Поверхность подложена, украшена с обеих сторон врезными продольными линиями. Сохранившаяся длина 8,3, 5,8 и 5 см. Ширина 2 см, один из фрагментов расширяется до 2,4 см. Толщина по центру сечения 0,5 см (рис. 3,3).

2. Кольцо железное, фрагментированное, из округлой в сечении проволоки. Диаметр 3,6 см, диаметр проволоки 0,7 см (рис. 3,8).

3. Кольцо железное из округлой в сечении проволоки. Диаметр 4 см, диаметр проволоки 1 см (рис. 3,7).

4. Кресало железное удлинено-подовальной формы. Концы с одного края не сомкнуты. Изготовлено из подпрямоугольной в сечении проволоки. Длина 6 см, высота 3 см. Ширина нижнего края 1 см, толщина 0,5 см. Верхний край сужается к не сомкнутому концу, его ширина 1-0,5 см, толщина 0,5 см (рис. 3,5).

5. Кресало железное вытянутой подовальной формы, фрагментировано. Изготовлено из подпрямоугольной в сечении проволоки. Сохранившаяся длина 9,7 см, высота 2 см. Ширина нижнего края 1 см, толщина 0,6 см. Ширина верхней пластины 1,2 см, толщина 0,2 см (рис. 3,4).

6. Фрагменты круглой железной пряжки с язычком. Изготовлено из округлой в сечении проволоки. Диаметр 2,5 см, диаметр проволоки 0,4 см (рис. 3,6).

7. Пуговица костяная полусферической формы. Диаметр основания 1,8 см, высота 0,4 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 3,2).

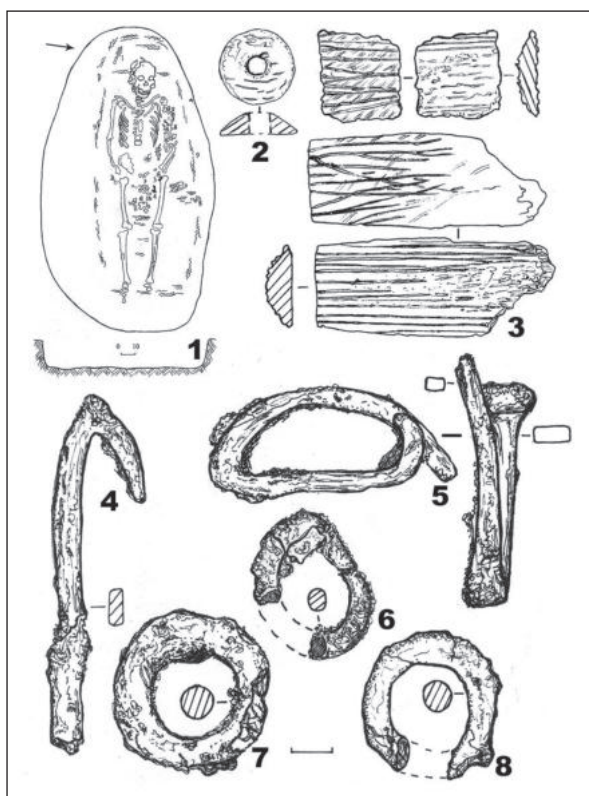

Рис. 3. План и материалы погребения 1

8. Фрагменты берестяного туюска цилиндрической формы. Длина 33 см, ширина 8 см.

9. Фрагменты изделия из бересты, плоского, овальной формы, размерами 10х6 см.

Погребение 2 – сарматское (рис. 4,1). Обнаружено в 5 м к ЮЗ от Ро на глубине 0,82 м. Яма ориентирована по линии С-Ю. В плане она вытянутой подовальной формы, с наибольшим расширением к северу, размерами 2,07х0,6-1,2 м.

Прослеженная глубина ямы 0,2 см. Судя по разрезу бровки, дно находилось на уровне ДГ первичной насыпи кургана. Заполнение мелкозернистый чернозем.

Костяк погребенного лежал вытянуто на спине, головой на С. Череп, локтевая и лучевая кости левой руки и кости левой ноги повреждены бульдозером.

Справа от черепа на боку, венчиком к черепу, лежал горшок (1). В верхней части левой половины грудной клетки обнаружена железная булавка (2), шляпкой вверх, иглой наискосок вниз. Напротив, на правой половине грудной клетки зафиксирован тлен от деревянного изделия, ниже – фрагмент бронзового изделия. За локтевым сгибом правой руки обнаружена одна кость полувзрослой овцы.

Инвентарь:

1. Горшок лепной округлобокий, с наибольшим расширением тулова в средней части сосуда. Венчик отогнут наружу, шейка короткая, дно округлое (рис. 4,2-3). Диаметр венчика 8,2 см, высота – 17,2 см, диаметр тулова по центру – 18,8 см.

2. Булавка железная с округлой шляпкой и длинной иглой из подовальной в сечении проволоки. Общая длина 8,3 см, длина иголки 7 см, диаметр шляпки 2 см (рис. 4,4).

Погребение 3 – КК (рис. 5,1; 10,1). Зафиксировано в 8,2 м к СЗ от Ро. Впущено с поверхности насыпи. Входной колодец прослеживался с глубины 0,4 м. В плане он округлой формы диаметром 0,8 м, Его глубина от уровня современной поверхности 0,9 м (1,1 м от Ро), заполнение – смесь чернозема и суглинки.

Погребальная камера располагалась с ЮВ стороны. В плане она вытянутой овальной формы, размерами 2,35х1,3 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Заполнение – плотный комковатый чернозем. Дно на глубине 0,3 м от дна входного колодца. Сохранившаяся высота свода в западном конце камеры 0,3 м.

Погребенный лежал вытянуто на спине вдоль южной стенки камеры, головой на СВ. Кости плохой сохранности. За стопами ног располагались разрозненные мелкие кости мелкого животного. Между черепом и локтевым сгибом правой руки прослежено пятно охры.

Погребение 4 – КК (рис. 5,2; 6,1). Зафиксировано в 10 м к ЮЗ от Ро на глубине 0,9 м от современной поверхности (1,25 м от Ро). Впущено с поверхности насыпи. Входной колодец прослеживался в бровке с глубины 0,4 м. В плане он округлой формы диаметром 1,1 м. Его глубина от уровня фиксации 0,25 м, заполнение – материковая глина с незначительной примесью суглинки и чернозема.

Погребальная камера располагалась с восточной стороны. В плане она вытянутой овальной формы, размерами 2,3х1,35 м, вытянута по линии СЗ-ЮВ. Заполнение – смесь чернозема и материковой глины. Дно на глубине 0,3 м от дна входного колодца. Сохранившаяся высота свода 0,35 см.

Погребенный лежал вытянуто на спине по центру камеры, головой на СЗ. Кости верхней части скелета частично повреждены грызунами. Справа от черепа слегка наклонно, горловиной на Ю стоял лепной горшок (1). Ниже находился каменный болас (2). Ниже боласа, а также под правой рукой и под правой половинкой таза, зафиксировано скопление охры темно-красного цвета овальной формы, диаметром 0,8х0,4 м. Между запястьем правой руки и тазовой костью на дне камеры находился кремне-

вый наконечник стрелы, острием на Ю (3).

Инвентарь:

1. Горшок лепной округлобокий с прямым венчиком и зауженной шейкой. По шейке украшен четырьмя концентрическими врезными линиями. В месте перехода шейки в тулово орнаментирован косыми короткими насечками. На одной из сторон ниже насечек нанесен орнамент из двух групп косых врезных линий по три в каждой, образующих треугольник вершиной вверх. В тесте обильная примесь шамота. Цвет пятнистый, светло-коричневый и черный. Высота 11,4 см, диаметр венчика 9,8 см, дна – 5,5 см (рис. 5,3).

2. Болас каменный округлой формы с одной стороны имеется овальное углубление (треснул в древности). Диаметр 5,6 см (рис. 5,5).

3. Наконечник стрелы кремневый плоский, подтреугольной формы, со слегка загнутыми шипами и глубокой овальной выемкой. Края обработаны струйчатой ретушью. Высота 1,5 см, размах лопасти 1 см (рис. 5,4).

Погребение 5 – КК (рис. 6,2). Зафиксировано в 14 м к ЮВ от Ро на глубине 1,25 м. Впущено с поверхности насыпи. Входной колодец фиксировался в разрезе бровки по заполнению из чернозема с белоглазкой. В плане он округлой формы, диаметром 1,05 м, ооконтурен на глубине 1,8 м от Ро. Отмеченная глубина 0,1 м. Погребальная камера располагалась с С стороны. В плане она вытянутой овальной формы диаметром 2,3х1,55 м, вытянута по линии ССВ-ЮЗЗ. Заполнение – чернозем. Дно камеры ниже на 0,15 м. дна входного колодца. Костяк лежал на спине головой на ЮЗЗ. Череп лицевой частью слегка повернут вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги уложены коленями вправо под тупым углом. Костяк очень плохой сохранности. Кости левой руки, ребра, таз, тазобедренная кость левой ноги снесены грызунами.

По центру дна прослежен темно-коричневый тлен от подстилки, имеющей подпрямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,85х0,85 м. От запястья правой руки и под тазобедренными костями прослежен еще слой подстилки белесого цвета. Справа от черепа, на уровне плечевой кости зафиксировано пятно охры алого цвета – имитация топора с топорищем. Длина «топора» 13 см, ширина 5 см. Длина «топорища» 18 см, ширина 2,5 см. За коленным суставом правой ноги – не различимое пятно охры малинового цвета.

Погребение 6 – КК (рис. 6,3). Располагалось в 2-2,2 м к С от Ро. Частично перекрывалось более поздними ямами (объекты II и III). Контуры погребения окончательно зафиксированы на глубине 1,15-1,3 м. Заполнение входного колодца – мате-

риковая глина с примесью суглинка и чернозема в придонной части. В плане он подовальной формы, размерами 1,8х0,8-1 м, вытянут по линии СЗ-ЮВ. Прослеженная глубина 0,2-0,4 м. Дно понижалось к ЮЗ. Из ЮЗ части колодца в сторону камеры сделан дромос шириной 0,8-1 м, длиной 0,8 м.

Камера бобовидной формы размерами 2,4х1,8 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, дно на 0,55-0,6 м ниже дна колодца. Глубина камеры от Ро – 2 м.

Погребение ограблено. В мешанном, материково-суглинистом заполнении отмечены разбросанные кости человека. Встречены они также в углублении овальной формы, размерами 0,8х0,6 м, глубиной 0,4 м, располагавшемся в ЮВ части камеры.

Погребение было также нарушено норой крупного грызуна (лиса?), лаз которой, диаметром 0,3-0,4 м, вел в камеру с ЮВ стороны. Прослежен на длину до полутора метра. В заполнении его также встречены кости человека и шелуха семечек.

Погребение 7 – позднемное (рис. 7,1). Выявлено в 1,2 м к Ю от Ро. Контуры ямы с уступом четко прослеживались в разрезе бровки с поверхности насыпи. Дно уступа находилось на уровне древнего горизонта первичной насыпи – 1 м. Заполнение до дна уступа – чернозем с суглинком, в С и Ю концах – материковая глина, между ними – черноземный клин до уровня ДГ. Уступ в плане вытянутой овальной формы, размерами 2,5х1,6 м, вытянут по линии С-Ю с незначительным отклонением. Западная часть повреждена бульдозером.

Погребальная камера располагалась по центру уступа. В плане она подпрямоугольной формы, размерами 1,55х1,08 м, глубина от уступа 0,96 м. На стенках отчетливо прослеживались следы орудий труда в виде вертикальных желобков длиной до 0,25 м, шириной 3-4 мм.

Костяк погребенного лежал скорченно на спине с разворотом влево, головой ориентирован на ЮЮЗ, лицевой частью повернут на 3. Левая рука уложена вдоль туловища, правая согнута в локте под тупым углом, фаланги пальцев уложены «друг к другу». Ноги подогнуты коленями влево под тупым углом к туловищу, пятки у таза.

На тазовых костях находилось 6 маленьких комков различной формы из лессовидной породы.

Дно камеры покрыто мелом. Под меловой подстилкой – тлен от циновки коричневого цвета. Под локтевой и лучевой костями левой руки и рядом зафиксировано пятно охры темно-коричневого цвета диаметром около 20 см.

Погребение 8 – ЯК (рис. 8,2). Обнаружено в 10 м к ЮВ от Ро на глубине 1,25 м. Впущено с поверхности насыпи. Яма в плане вытянутой овальной формы, вытянута по линии С-Ю. Восточная стенка срезана буль-

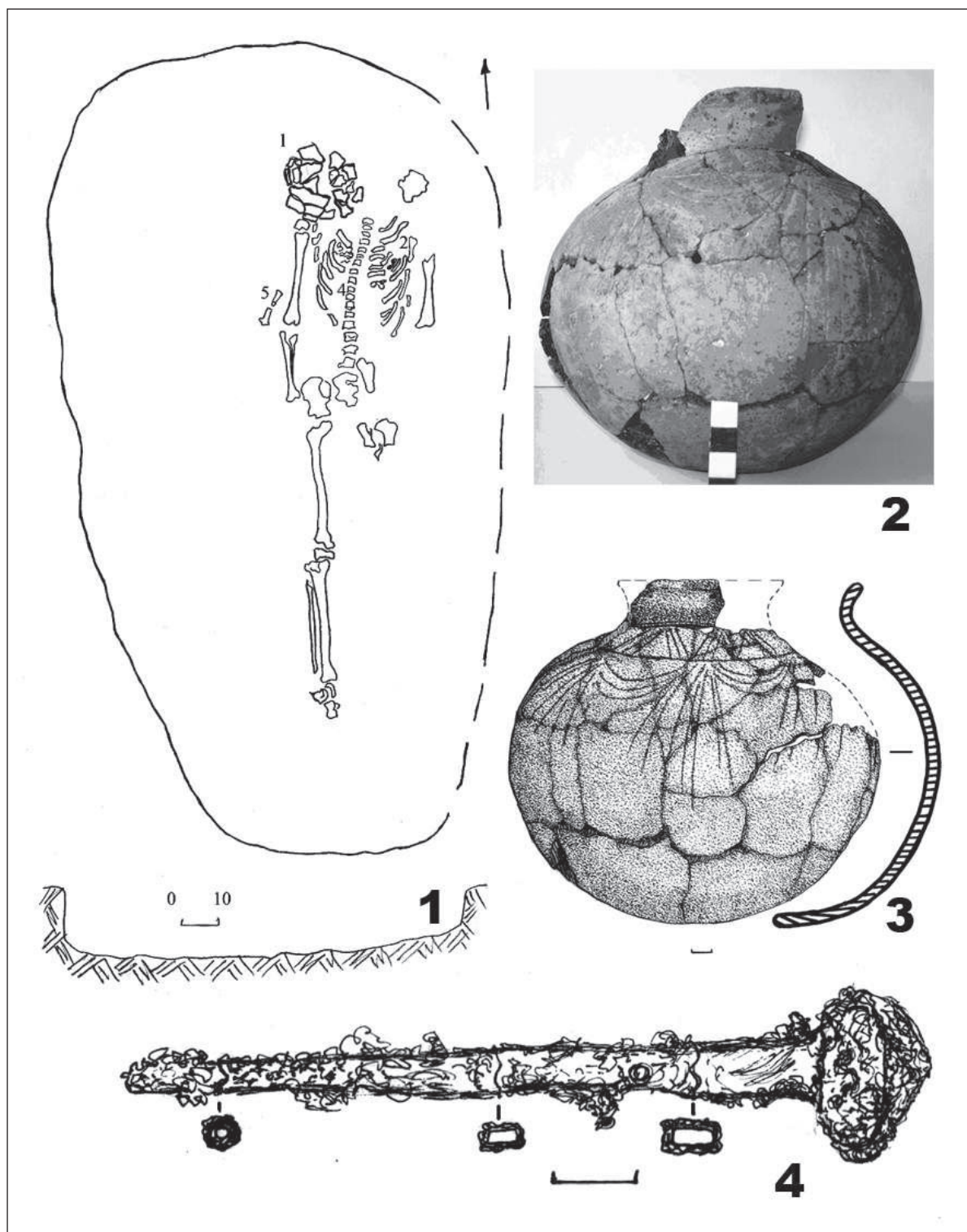

Рис. 4. План (1) и материалы (2-4) погребения 2

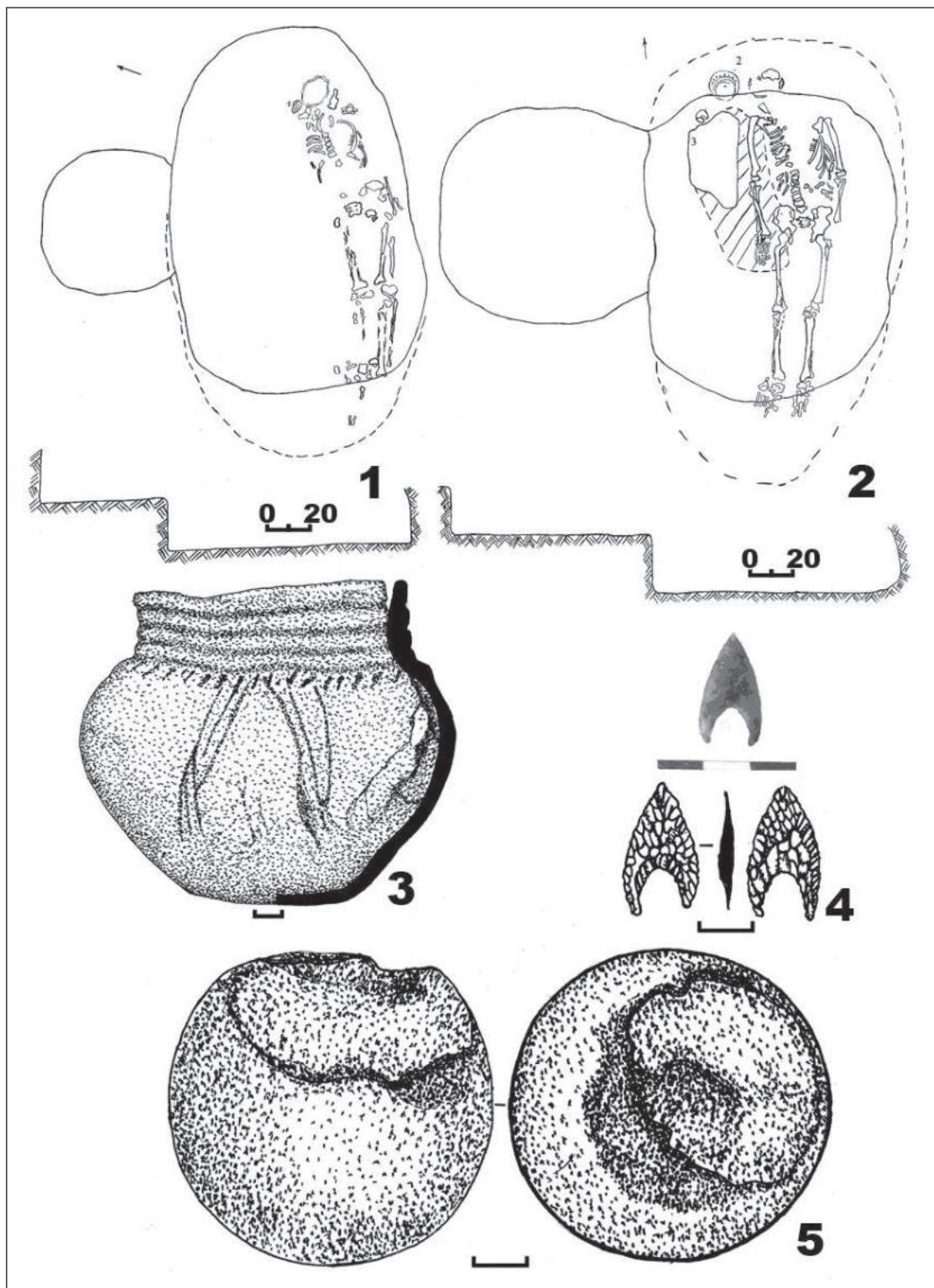

Рис. 5. Планы и материалы погребений: 1 – погребение 3; 2-5 – погребение 4

дозером. Длина ямы 1,9 м, ориентировочная ширина 1,2 м. Заполнение – чернозем. Яма перерезала выброс глины из п.9. Дно на глубине 0,15 м от уровня фиксации контуров, покрыто тленом коричневого цвета.

Костяк лежал скорченно на правом боку с незначительным разворотом на спину, головой на С. Руки согнуты в локтях под тупым углом, кистями уложены ниже таза. Тазобедренная кость левой ноги уложена вдоль под небольшим углом к туловищу. Тазобедренная кость правой ноги и берцовые кости ног снесены бульдозером.

Погребение 9 – основное, ЯК (рис. 8,1). Зафиксировано в 7,8 м к ЮВ от Ро с уровня древней поверхности (1 м), в 3 части срезано до материка. Погребение окружено материковым выбросом, имеющим кольцевидную форму с несомкнутыми краями с В стороны. Диаметр выброса 6,5х6 м, наибольшая толщина (с 3 стороны) 0,5 м расстояние между несомкнутыми краями 0,6 м (рис. 7,3).

При снятии бровки вручную над восточной частью камеры прослежено, что на уровне ДГ яма по периметру была перекрыта растительной циновкой с поперечным плетением, частично заходящей на выброс. К краю ямы циновка обрывалась, но, судя по наличию отпечатков ее в заполнении, она полностью перекрывала погребение. Тлен циновки темно- и светло-коричневого цвета. Прослежена с В на 3 на 3,1 м, с С на Ю на 0,7 м.

Яма в плане подпрямоугольной формы, размерами 1,9х1,3 м, вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ. Заполнение – чернозем, в придонной части – смесь материковой глины и чернозема. До глубины 2 м встречались куски грунта с отпечатками циновки. Дно на глубине 2,4 м от уровня ДГ. На стенках ямы прослежены вертикальные следы орудий труда шириной до 0,7 м, длиной до 1 м. В придонной части, в СВ и ЮЗ углах отмечены стоявшие под наклоном деревянные плашки, длиной до 30 см, шириной до 5 см.

Костяк лежал на спине, головой на ССВ, череп лицевой частью повернут на 3. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены коленями вправо под тупым углом к туловищу и под тупым углом к тазу. На костях грудной клетки с правой стороны находился глиняный цилиндрический валик, покрытый охрой темно-малинового цвета. Над левой ключицей рядом с черепом находился фрагмент трубчатой кости крупного копытного.

Дно устлано спрессованной подстилкой из камки толщиной до 4 см.

Инвентарь:

1. Глиняный валик подцилиндрической формы, небрежно оформленный. Высота 9 см, диаметр 4-5 см. Поверхность покрыта охрой темно-малинового цвета (рис. 8,2).

Погребение 10 – позднеемное (рис. 9,1). Зафиксировано в 15,8 м к ЮЮВ от Ро на глубине 1,3 м.

Яма в плане подпрямоугольной формы, размерами 1,1х0,5 м, вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ. Заполнение – рыхлый чернозем с незначительной примесью суглинка. Дно на глубине 0,5 м от уровня фиксации контуров.

Костяк ребенка лежал на спине с разворотом на правый бок, головой на ССВ. Кости плохой сохранности. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте под тупым углом, кистью у таза. Ноги согнуты в коленях вправо под тупым углом к туловищу и под тупым углом к тазу.

В СВ углу стоял горшочек плохой сохранности (1), у запястья правой руки – чашечка (2). По периметру ямы прослежен тлен от деревянных плашек (имитация гробовища) размером 0,9х0,35 м. Кости покрыты охрой малинового цвета. Кости правой ноги покрыты мощным слоем (до 0,03 м) золы. Под костями – тлен от подстилки белесого цвета, обильно покрытой охрой малинового цвета.

Инвентарь:

1. Горшочек миниатюрный, тонкостенный, фрагментирован. Венчик прямой, его диаметр 8,5 см, высота сосуда 10,5-11 см. По краю покрыт косыми насечками. Шейка короткая, плавно переходящая в тулово. Сохранился фрагмент верхней части тулова, орнаментированный тремя косыми линиями шнурового орнамента. Дно округлое. В тесте обильная примесь шамота и песка. Цвет черно-бурый (рис. 9,3).

2. Чашечка приземистая овальной формы с округлым дном. Венчик прямой, к краям заостряется, резко скошен наружу. Высота 3 см, внутренний диаметр венчика 6,5-7,1 см, внешний – 9-9,5 см, глубина 1,5 см. На одной из сторон, в месте перехода венчика в дно сделано вертикальное углубление длиной 1,5 см, глубиной 0,5 см, шириной 0,4 см.

Внешняя поверхность покрыта линиями гусеничного штампа образующими треугольниками, вершиной к центру дна. В совокупности узор имеет радиальное оформление.

Тесто изготовлено из хорошо отмученной глины с примесью мелкого шамота и песка. Обжиг несквозной. Цвет в изломе черный. Цвет поверхности пятнистый, темно- и светло-коричневый. Внутренняя поверхность и частично внешняя покрыты охрой малинового цвета (рис. 9,2,4).

Погребение 11 – эпохи бронзы (рис. 9,5). Выявлено в 18 м к СВ от Ро на глубине 0,45 м. от уровня современной поверхности в данном месте, на глубине 0,95 м. от Ро в черноземном заполнении. Костяк подростка плохой сохранности, частично срезан бульдозером. Уложен на спине с разворотом

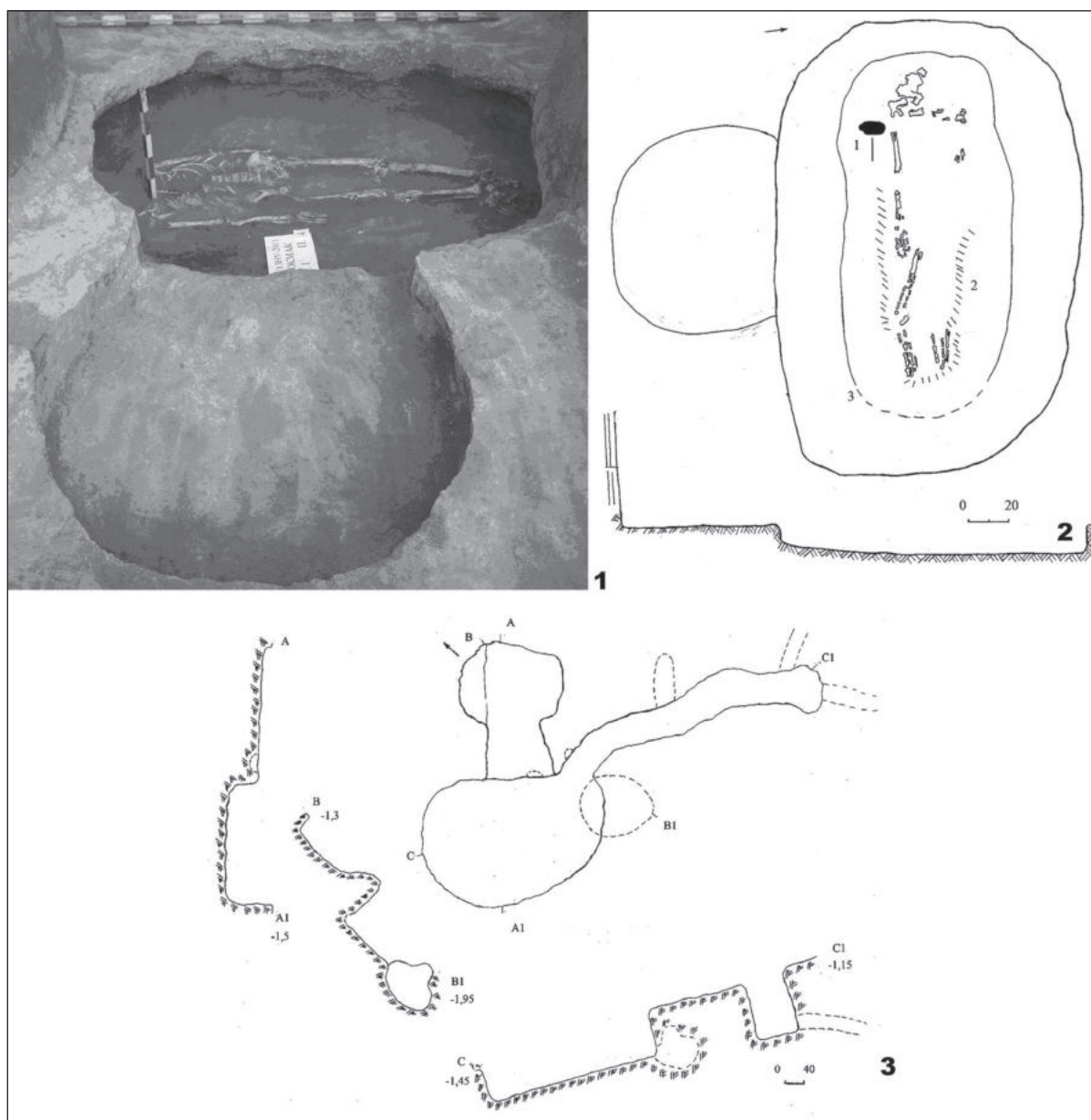

Рис. 6. Вид на погребение 4 (1); Планы погребений 5 (2) и 6 (3).

на левый бок (или на левом боку), головой на Ю. Кость руки располагалась под углом к туловищу. Тазобедренная кость ноги согнута влево под тупым углом к туловищу.

Погребение 12 – КК (рис. 9,6). Выявлено в 18,2 м к ЮВВ от Ро. Входной колодец округлой формы, диаметром до 1,1 м. фиксировался по материковому заполнению с глубины 0,4 м. Полностью контуры захоронения прослежены на глубине 1,2 м. Входной колодец в плане подовальной формы, диаметром 0,67x0,85 м, вытянут по линии С-Ю с незначительным смещением. В Ю части, у входа в камеру расширился до 0,85 м.

Заполнение – материковая глина. Дно на глубине 0,3-0,35 м.

Погребальная камера располагалась с Ю стороны, В плане она овальной формы, размерами 1,4x0,95 м. вытянута по линии 3-В. Дно на глубине 0,35 м от дна входного колодца (0,7 м от уровня обнаружения контуров). Прослеженная высота свода 0,6 м. Заполнение – смесь чернозема с материковой глиной.

Костяк погребенного уложен на спине, головой на В, череп лицевой частью повернут на С. Правая рука вытянута вдоль туловища, Левая согнута в локте под тупым углом, кисть на тазе. Ноги согну-

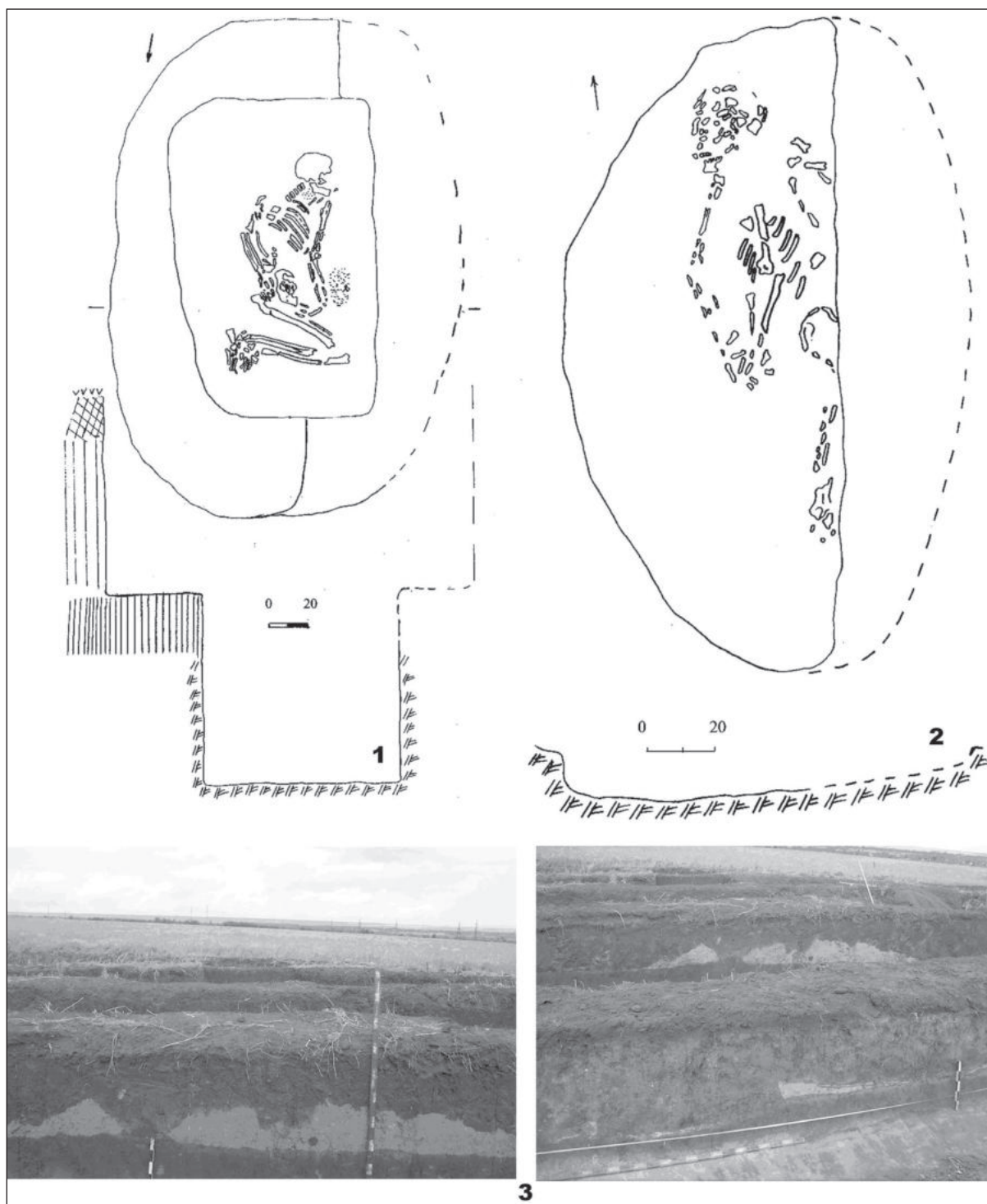

Рис. 7. Планы погребений 7 (1) и 8 (2); Вид на выброс погребения 9 с запада (3).

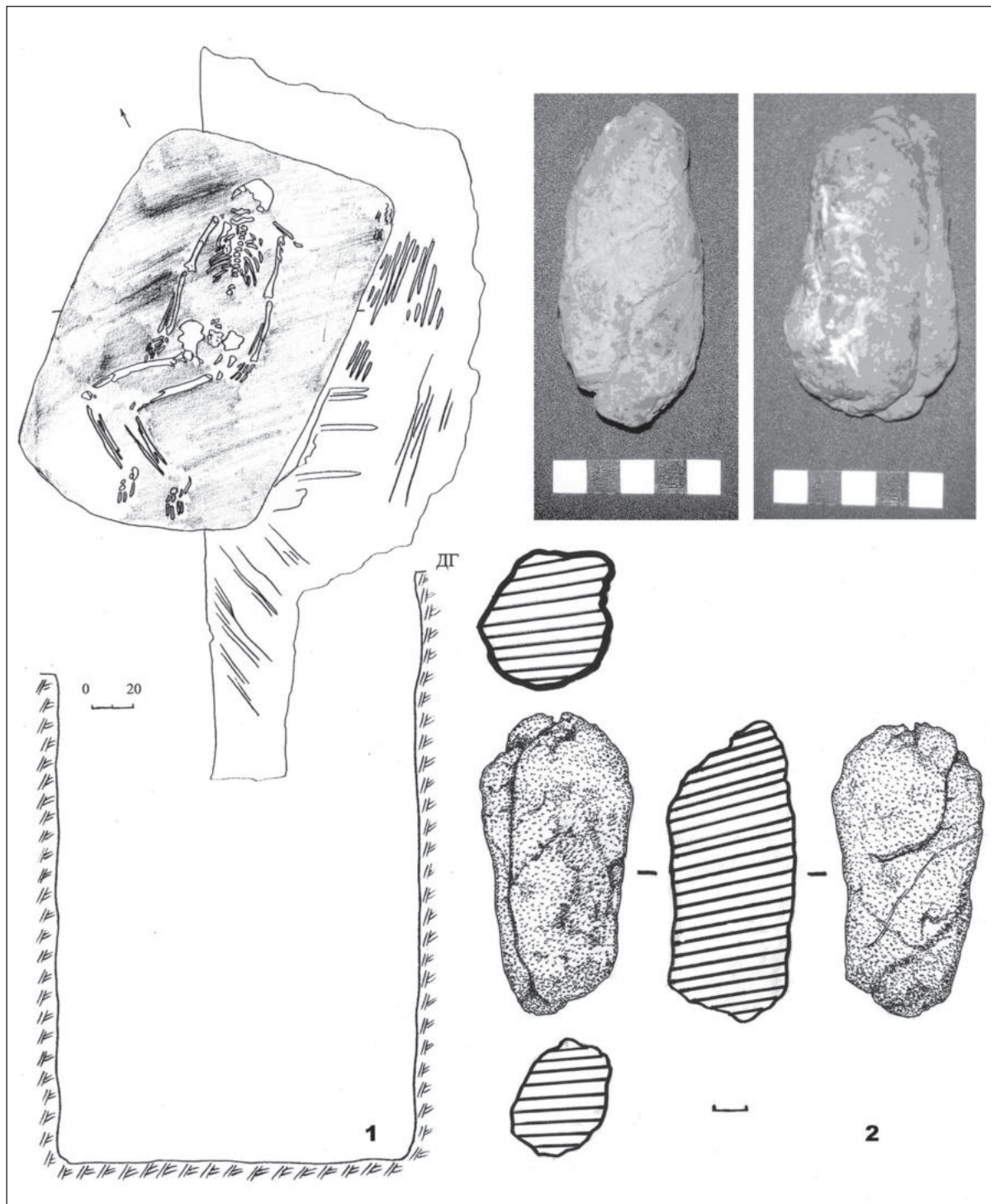

Рис. 8. План и разрез погребения 9 (1), изделие из глины (2).

ты в коленях вправо, под тупым углом к туловищу и под острым – к тазу.

Погребение 13 – КК, кенотаф (рис. 10,1). Выявлено в 16,5 м к В от Ро на глубине 1 м. Яма в плане подовальной формы, размерами 0,95х0,6 м, вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ. Заполнение чернозем с незначительной примесью суглинка. Дно на глубине 0,1 м от уровня фиксации контуров. В СЗ углу обнаружен растиральник (1), по центру – половинка горшка (2). В ЮВ углу – заготовка изделия (3).

Инвентарь:

1. Растиральник каменный, приземистый, усечено-конической формы. Высота 3,5 см, диаметры 6,3-4,5 см (рис. 10,4).

2. Фрагменты лепного горшка. Венчик слегка отогнут наружу, подпрямоугольный в сечении, диаметр 12,5-13 см. Шейка короткая, плавно переходящая в тулово. Наибольший диаметр сосуда, в месте перехода шейки в тулово. В тесте примесь крупнозернистого шамота. Обжиг несквозной. Цвет в изломе черный, поверхности пятнистый – черный и коричневый. По внешней и внутренней поверхности – следы косых заглаживаний (рис. 10,2).

3. Кременеподобная заготовка для изготовления изделия. Она плоская, овальной формы, со следами сколов по краям. Диаметр 8,5-7,2 см, толщина 1,8-0,5 см (рис. 10,6).

Погребение 14 – эпохи бронзы (рис. 10,5). Обнаружено в 4,2 м к СЗ от Ро в черноземном заполнении на глубине 0,85 м при снятии бровки. Большая часть костяка снесена бульдозером. Сохранились плечевая и лучевая кости левой руки, часть позвоночного столба, левая ключица. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, головой на ЮЗЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища.

Тризна (рис. 10,3). Выявлена в 18 м к ЮЗ от Ро на глубине 0,7 м. в черноземном заполнении при снятии бровки, на 1,55 м от Ро. Представляет собой череп основанием вниз, мордой на СЗ. На черепе – кости конечностей. Всего 27 костей одной взрослой особи крупного рогатого скота. Судя по прекрасной сохранности костей, тризна связана с погребением I половецкого времени.

Помимо археологических объектов, в кургане выявлена серия ям позднего происхождения, которые повредили насыпь. К ним относятся шурфы, ямы XIX-XX столетия.

Поздние перекопы

Объект 1

В 3,6 м к СВ от Ро по разрезу бровки зафиксирована яма, впущенная с поверхности насыпи. В плане она овальной формы, размерами 1,8х1 м, вытянута по линии С-Ю с незначительным отклонением.

Заполнение – рыхлый чернозем. Дно на уровне древнего горизонта (1 м.). На дне ямы, в СВ части, найден фрагментированный горшок периода Киевской Руси (1). Южнее обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда срубной культуры (2).

Инвентарь:

1. Горшок гончарный с отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой, наибольшим диаметром тулова в верхней части сосуда. Украшен в месте наибольшего расширения тремя врезными концентрическими линиями. Тесто изготовлено из хорошо отмученной глины с незначительной примесью шамота. Цвет в изломе серый, внутри черно-коричневый, снаружи черный. Внешняя поверхность покрыта сажей. Высота 15,3 см, диаметр венчика 15 см, дна – 8,3 см. На дне рельефный знак в виде буквы П с косыми ответвлениями от середины вертикальных сторон (рис. 10,7).

2. Фрагмент венчика лепного сосуда (рис. 10,8). Венчик слегка отогнут наружу, шейка короткая, плавно переходит в тулово. В месте перехода венчика в шейку украшен врезной горизонтальной линией гусеничного штампа. От шейки по тулову орнаментирован двумя косыми врезными линиями, к которым примыкают короткие горизонтальные линии гусеничного штампа (по две с каждой стороны). В тесте примесь мелкозернистого шамота. Цвет черный. Не исключено, что при возведении ямы было разрушено захоронение срубного времени.

Объект 2. Отмечен в 0,2 м к С от Ро (рис. 2,3). Впущено с поверхности насыпи. Яма в плане овально-прямоугольной формы размерами 2х1,2 м, вытянута по линии С-Ю, заполнение состояло из смеси материковой глины и чернозема. Дно на глубине 1,4 м. К СВ краю ямы примыкала яма вытянутой прямоугольной формы (по оси С-Ю) размерами 2х0,6 м, имеющая 3 ступеньки. Уровень нижней на глубине 1,5 м.

Объект 3. В 3,8 м к С от Ро. Яма в плане прямоугольной формы с сильно округленными углами, ее размеры 2х1,2 м, дно на глубине 1,4 м. Заполнение состояло из смеси чернозема и материковой глины.

Объект 4. Яма подпрямоугольной формы размерами 0,9х0,6 м выявлена на глубине 1,5 м, в 2,8 м к СЗ от Ро. Отмеченная глубина 0,2 м. Заполнение чернозем.

Объект 5. Округлая яма в 3,3 м. к В от Ро впущена с поверхности насыпи. Размеры 0,6х0,5 м. Заполнение комковатый чернозем. Дно на глубине 1 м.

Шурфы, заложенные сотрудниками дочернего предприятия «Південьгідроархеологія» Государс-

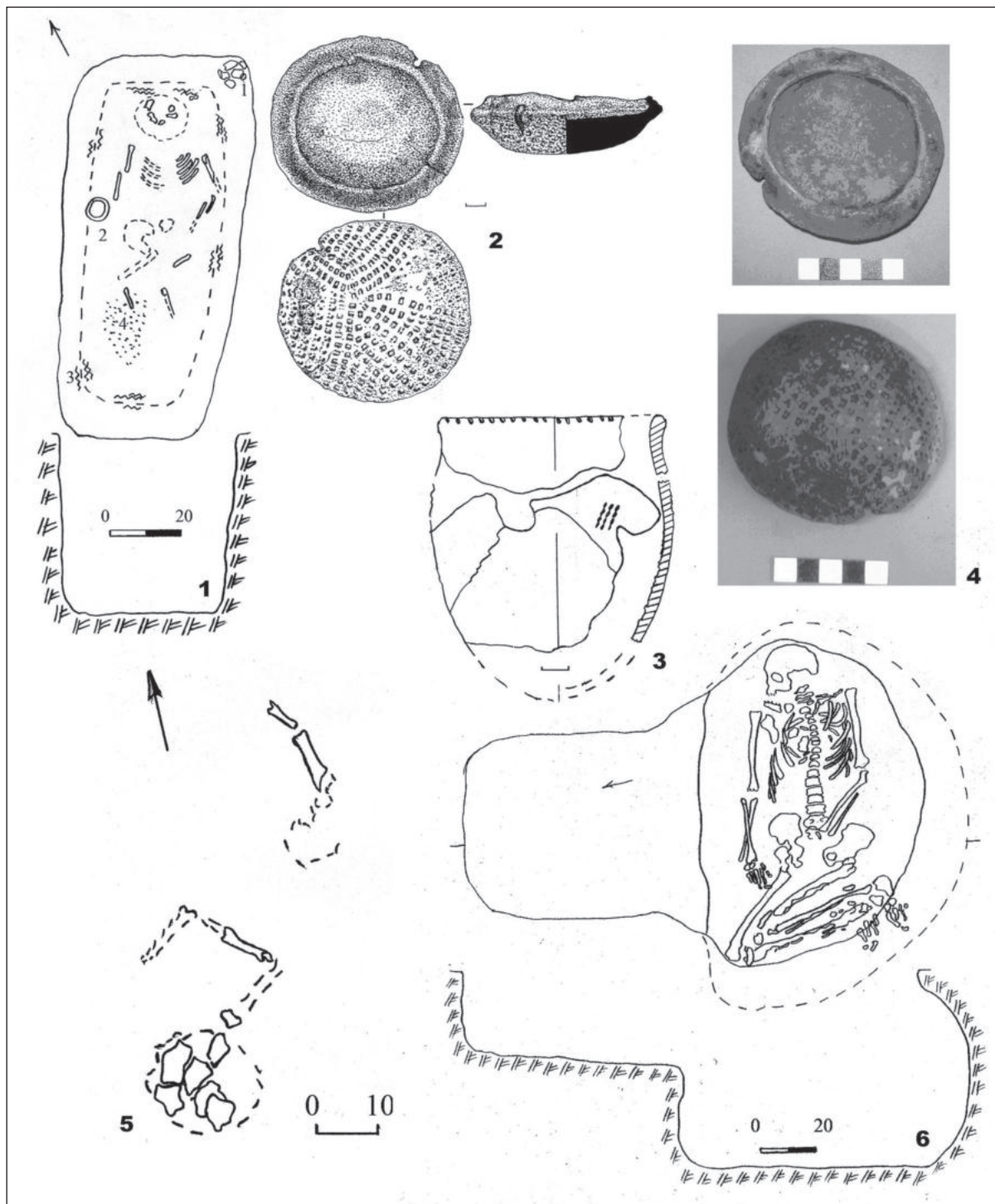

Рис. 9. План (1) и материалы (2-4) погребения 10; Планы погребений 11 (5) и 12 (6)

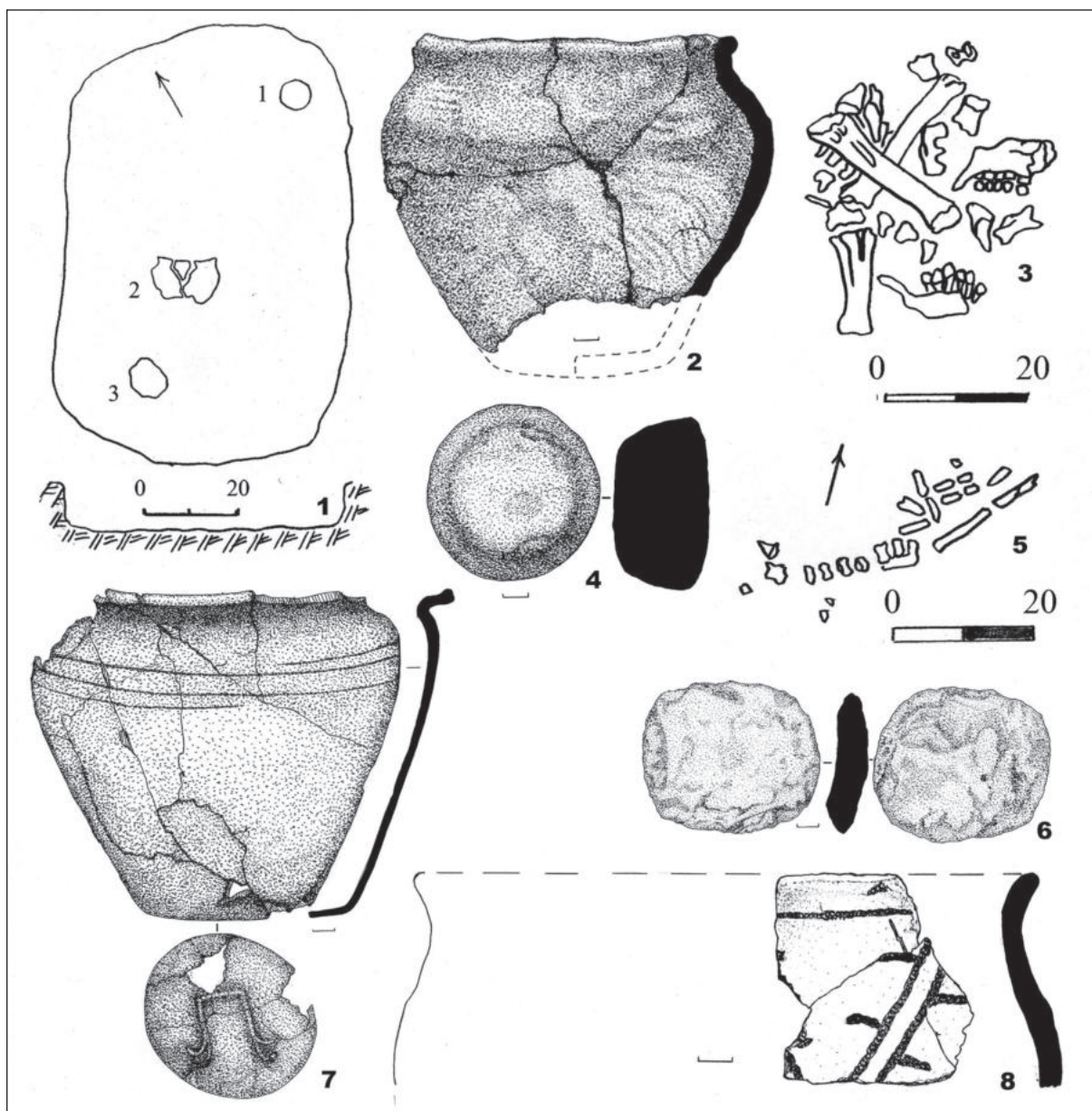

Рис. 10. План (1) и материалы погребения 13 (2-4); план погребения 14 (5), тризна (6); керамика (1-2) из поздней ямы - объект I (7-8)

твенного предприятия «Научно-исследовательский центр» «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАНУ в южной и юго-западной секторах насыпи. Судя по разрезам (рис. 2,6), до материка прокопаны не были.

В 9,5 м к ССВ от Ро на глубине 0,5 м выявлен обломок железа нового времени, в насыпи встречены также гильзы от патронов.

Стратиграфия кургана. К моменту раскопок насыпь долгое время распаивалась, глубина пахотного слоя достигала 0,15-0,2 м. В плане курган вытянуто-овальной формы, по оси С-Ю на 28-32 м, по оси З-В до 45 м. Уровень древней дневной поверхности отчетливо прослеживался на глубине 1 м от Ро.

Насыпь возведена над ямным погребением №9, которое с трех сторон было окружено мощным материковым выбросом, значительная часть которого перекрывалась цинковкой. Разрыв в выбросе располагался с СВ стороны.

Насыпь над погребением однородная, состояла из комковатого чернозема. Позже в нее были впущены ямные же захоронения № 7-8, 10, катакомбные № 3-6, 12-13. Последние расположены по кругу вокруг центра с разрывом на севере. Среди них выделяются ранние (№ 5, 6, 12, 13) и более поздние (№ 3-4). В основании насыпи, судя по разрезам № 5,6,10, на длину до 1-1,5 м фиксируются известняковые вкрапления, которые не исключают возможность локальных подсыпок над катакомбами.

Захоронения 11 и 14 в целом могут быть отнесены к эпохе бронзы.

Последующие по времени захоронения принадлежат сарматам (п.2) и половцам (п.1).

Набор инвентаря стандартный для погребальных комплексов этой территории.

Материалы ЯК представлены двумя сосудами и одной глиняной поделкой,

Интерес представляет орнаментированная плочка. Подобные находки весьма редки, найдены, например, в ямном захоронении 12 к.1 у с. Корчино Николаевского района Николаевской области. Здесь в погребении 1,1х0,7 м с разбросанными костями найдена неорнаментированная плочка диаметром 9 см и высотой 2 см (Ковпаненко, Гаврилюк, 2004, 382).

Находки поделок из глины (фаллос?) единичны. По данным В.В. Отрощенко подобная известна из раскопок Л.П. Крыловой, более реалистичная найдена в срубном погребении (Носаки) (Отрощенко

Савовский, Томашевский, 1977). Отдаленное сопоставление можно провести с материалами энеолитического комплекса 4 у с. Джорджулешть в Молдове, в котором между тазовых костей погребенного стоял рог оленя (Манзура 1997, 28-29).

Следует также отметить значительные трудовые затраты, связанные с сооружением основного погребения. Среди известных нам комплексов этого времени данное выступает наиболее объемным, что в совокупности с находкой указывает на высокий прижизненный статус погребенного.

В наборе катакомбных материалов 2 сосуда, болас и кремневый наконечник стрелы, растиральник из камня и заготовка изделия.

Керамика с аналогичным изображением (прочерченный треугольник) найдена в п. 22 к. 2 у с. Новокайры (Тошев, Самар 1990 51, рис. 10,5). Кстати, следует отметить, что наборы инвентаря (сосуд, болас, кремневые поделки) эти комплексы полностью совпадают. Находки боласов и кремневых наконечников рядом с погребенным широко представлены в погребениях этого времени².

Материалы срубной культуры представлены обломком орнаментированной верхней части сосуда. Близкая по форме и украшению керамика засвидетельствована в п.9 к.8 вблизи Александровска Луганской области (Братченко 2008, 199, рис. 67,4).

Из находок сарматского погребения отметим округлотелый сосуд. Подобная форма керамики в степях Северного неизвестна. Так, в сводке А.В. Симоненко «Сарматы Таврии» (Симоненко 1993) ни один из приводимых экземпляров не может быть сопоставлен с нашим. Но достаточно близкие по форме встречены в савроматских и сарматских памятниках более восточных территорий (Степи... 1989, 193.375, табл. 70; 377, табл. 72; 388, табл. 83).

Материалы половецкого комплекса характерны для этого времени.

К этому времени, возможно, относить и сосуд с клеймом на дне. Подобные найдены, например, на берегах устья р. Суры, вблизи с. Волошское (Бодянский 2006, 101). Серия половецких погребений 12-начала 13 вв. в Днепропетровской области сопровождалась сосудами разных форм с различными клеймами (Шалобудов 1993).

Материалы исследованного кургана в целом соответствуют разновременным древностям, выявленным в пойме р. Молочной раскопками 1951-1952 гг. (Тереножкін 1960, 3-16).

¹ Акцентируем внимание на том, что наконечник лежал рядом с костями, а не среди них.

Бібліографія

- Бодяньський 2006:** А.В. Бодяньський, Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі. В сб.: Археологічна спадщина А.В. Бодяньського (Запоріжжя 2006), 99-102.
- Братченко 2008:** С.Н. Братченко, Олександрівські могили-кургани в долині Лугані. В сб.: Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 8 (Луганськ 2008), 134-217.
- Ковпаненко, Гаврилюк 2004:** Г.Т. Ковпаненко, Н.А. Гаврилюк, Кургани у сс. Ново-Юрьевка и Корчино Николаевской области. АВУ 2002-2003 рр. (Київ 2004), 373-383
- Манзура 1997:** И.В. Манзура, Археология основного мифа. СТРратум: СТРуктуры и катаСТРофы (Санкт-Петербург 1997), 26-46.
- Отрощенко, Савовский, Томашевский 1977:** В.В. Отрощенко, И.И. Савовский, В.А. Томашевский, Курганная группа Рясные Могила у с. Балки. В сб.: Курганные могильники Рясные Могила и Носаки (Киев 1977), 16-60.
- Степи.. 1989:** Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Москва 1989).
- Симоненко 1993:** А.В. Симоненко, Сарматы Таврии (Киев 1993).
- Смирнов 1960:** К.Ф. Смирнов, Кургани біля м. Великого Токмака. АП, Т. VIII, 1960, 164-189.
- Тереножкін 1960:** О.І. Тереножкін, Кургани в долині р. Молочної. АП, Т. VIII, 1960, 3-16.
- Тощев, Самар 1990:** Г.Н. Тощев, В.А. Самар, Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине. ДСПК, Т. I, 1990, 31-66.
- Шалобудов 1993:** В. Н. Шалобудов, Позднекочевнические погребения с керамикой (по материалам экспедиции ДГУ). В сб.: Проблемы археологии Поднепровья. (Дніпропетровськ 1993), 91-104.

Светлана Андрух, кандидат исторических наук, доцент, ст. преподаватель, исторический факультет Запорожского Национального Университета; e-mail: nnlad.nds@znu.edu.ua

Геннадий Тощев, кандидат исторических наук, доцент, зав. лабораторией кафедры археологии, исторический факультет Запорожского Национального Университета; e-mail: nnlad.nds@znu.edu.ua

АНДРУШЕВСКИЙ КУРГАН

Даниил ВОРОНЦОВ, Сергей СКОРЫЙ, Киев

***Tumulul de la Andrușevka.** Prin prezentul articol se introduc în circuitul științific materialele recuperate în tumulul din preajma localității Andrușevka, reg. Žitomir din Ucraina, investigat acum 20 de ani, dar rămas nepublicat din varii motive. În pofida faptului ca acest complex funerar a fost jefuit, în el s-a descoperit o înmormântare scitică timpurie colectivă (familială), efectuată într-o construcție de lemn la nivelul orizontului antic. Interesant este și inventarul funerar. Cel mai elocvent grup este constituit de complexul ceramicii lucrate cu mâna, din care se evidențiază în mod deosebit recipientele cu elemente ale tradiției hallstattiene de răsărit.*

Публикация вводит в научный оборот материалы кургана у пгт. Андрушевка на Житомирщине, раскопанного более 20 лет назад, и в силу разных причин неизданные ранее. Несмотря на ограбление этого погребального памятника, в нём выявлено коллективное (семейное) погребение раннескифского времени, выполненное в деревянной конструкции на уровне древнего горизонта и интересный сопровождающий вещевой набор. Наиболее яркую его группу составляет комплекс лепной посуды, среди которой особое внимание привлекают сосуды с элементами восточногальштатской керамической традиции.

***The Tumulus near Andrushevka.** The paper presents a description of artifacts unearthed 20 years ago in the tumulus near Andrushevka town (Zhitomir region, Ukraine). Despite the tumulus been looted before, the archaeological excavations revealed an Early Scythian collective (family) burial placed in a wooden construction situated at the ancient ground surface level. The burial yielded interesting implements, including a set of molded pottery. The jars with some elements of Eastern Hallstatt ceramic tradition represent a special interest.*

Key words: Early Scythian Time, Dnieper Right-Bank, Forest-Steppe, the Barrow.

Введение

Летом 1990 г. в окрестностях пгт. Андрушевка Житомирской обл. экспедицией научно-производственного кооператива «Археолог» под руководством Д.О. Воронцова был раскопан курган эпохи раннего железа, входивший в зону вскрышных работ угольного разреза «Коростышевский» производственного объединения «Александрия-уголь»¹.

Краткая информация об осуществлённых работах была размещена в «Археологічних дослідженнях на Україні у 1990 р.» (Воронцов 1991). Позже, на основании обстоятельного отчёта автора раскопок, было издано сжатое описание памятника и обнаруженных в нём артефактов, но без каких-либо иллюстраций (Шевченко 2004). При этом правда, приводилась ссылка на более полную совместную публикацию материалов 2004 г. Увы, в реалиях такой статьи Д.О. Воронцова и Н.П. Шевченко – не существует. Наконец, недавно иллюстрации ряда

наиболее эффектных находок из кургана у пгт. Андрушевка были скопированы М.Н. Дараган из научного отчёта Д.О. Воронцова и приведены в нескольких её обобщающих работах (Daragan 2004, 115, Abb. 47,15-20; Дараган 2010, 91, рис. 5,1, 97, рис. 10,3; 101, рис. 15,1,13; 108, рис. 22,9; Дараган 2011, 481, рис. IV,6,12, рис. V,7; 521, рис. IV,64,1; 685, рис. V,58,1; 689, рис. V,63,3; 691, рис. V,67,13; 698, рис. V,75,9). Рисунок одного из наиболее эффектных сосудов приводится также в работе М.С. Бандриковского и Л.И. Крушельницкой (Бандрівський, Крушельницька 2011, 51, рис. 3,3), со ссылкой на статью М.Н. Дараган.

В любом случае, по прошествии более двух десятков лет со времени раскопок, все материалы этого, бесспорно интереснейшего погребального памятника (что мы и попытаемся продемонстрировать далее), остались, по сути, полностью неопубликованными, а соответственно – неизвестными

¹ Исследование памятника осуществлено 15 июня – 4 июля 1990 г. на основании Открытого листа № 218/25 от 28.05.1990 г., выданного Полевым комитетом Института археологии АН УССР на имя Воронцова Д.О. Раскопки финансировались дирекцией разреза «Коростышевский» п/о «Александрия-уголь». Землеройная техника представлялась управлением разреза. В раскопках в качестве землекопов активное участие принимали сапёры Бердичевского сапёрного отряда.

науке. Исправить это положение вещей призвана настоящая работа².

Географическое расположение памятника

Исследованный курган (обозначенный под №1), а также находящийся поблизости с ним курган №2, являлись частью некогда обширного курганного могильника, расположенного по берегам р. Гуйва – правого притока р. Тетерев. С точки зрения географического районирования район, где расположены памятники, является зоной лесостепи с довольно богатыми чернозёмами. Курганы находятся на вершине плато левого берега Гуйвы, примерно в 1 км от современного русла реки. Поверхность здесь ровная, с лёгкими всхолмлениями.

Курган №1 был расположен в 500 м к СЗ от северо-западной окраины поселкового кладбища, которое занимает северо-западную окраину пгт. Андрушевка, с правой стороны грунтовой дороге на с. Староселье (рис. 1,1).

Курган №2 (высотой 3,2 м, диаметром по линии 3-В 78 м, а С-Ю – 60 м) находился в 300 м к В от кургана №1. Насыпь его была значительно повреждена строительной техникой.

Оба кургана помечены на картах отметками: курган №1 – 227,6 и курган №2 – 227 м по Балтийской системе высот. Курган №2 не попадал в зону вскрышных работ и поэтому раскопан не был.

Описание кургана №1 и обнаруженных в нём захоронений

Насыпь кургана №1 была сильно распаханной и к моменту исследований имела округлую форму при высоте 1,5 и диаметре 36-38 м (рис. 1,2). Памятник раскопан на снос, с использованием бульдозера С-130 и оставлением 6 бровок, ориентированных по оси С-Ю (рис. 2). Из них для понимания истории сооружения кургана принципиальное значение имеют центральная (2 профиля), первая западная (восточный профиль) и первая восточная (западный профиль) бровки (рис. 1,2).

Изучение профилей указанных бровок свидетельствует, что курган сооружался в два приёма. Первая насыпь имеет диаметр по оси С-Ю 20,5 м. Состоит из однородного чернозёма и сильно изрыта норами грызунов. По-видимому, первоначально она была выше существующей ныне насыпи. Досыпка увеличила диаметр насыпи до 36-38 м и, вероятно, его высоту. Состоит она также из однородного чернозёма, в меньшей степени повреждённого

грызунами. Говорить о первоначальных высотах первой насыпи и последующей досыпки, увы, не приходится.

Пахотный слой на кургане – 0,3-0,4 м. Погребённый (древний) чернозём прослеживался лишь на небольшом участке западного профиля центральной бровки, на глубине 1,7 м от поверхности кургана (условного ноля или репера). Мощность его 0,5-0,6 м. Погребённый чернозём плавно переходил в предматериковую глину (рис. 1,2).

Почти под пахотным слоем, в первую очередь – в западной и северной частях насыпи, в плане и профилях упомянутых бровок, прослежены пятна от двух конструкций подпрямоугольной формы и окопов – следы опорного пункта времени Великой Отечественной войны. Конечно, их сооружение сказалось на внешнем виде насыпи, в первую очередь – на её высоте.

В центре кургана, в первой западной траншее, сразу под пахотным слоем, было зафиксировано пятно грабительской ямы, размерами 4,2 (С-Ю) x 3,1 (В-З) м, заходящее частично в центральную бровку (рис. 1,2). В верхнем срезе ямы обнаружены: бронзовая булавка, пастовая и сердоликовая бусины, обломок фаянсовой статуэтки, часть железного ножа. В заполнении, на разных уровнях, зафиксированы куски истлевшего дерева (отдельные – со следами горения), обожжённой глины. Их значительное количество свидетельствует о сожжении большого количества горящих материалов.

В различных местах грабительской ямы найдены фрагменты гончарной красноглиняной керамики и фрагмент сосуда черняховской культуры. На глубине 1,8-2,35 м от репера, на дне этой ямы (непосредственно под центральной бровкой) обнаружены в кучу сложенные человеческие кости (череп, берцовые кости, голени, рёбра, позвонки). Вместе с тем, в различных местах собраны фрагменты человеческих костей, отличающихся своей сохранностью, от сложенных в кучу, и сходные по степени сохранности с костями, обнаруженными в погребениях.

Погребение № 1

Деревянное *перекрытие* могилы было обнаружено на глубине 1,1-1,2 м. от репера. Доски охватывали прямоугольную площадь 3,6 (С-Ю) x 2,2 (В-З) м. Углы прямоугольника фиксировались верхушками трёх *столбиков* (северо-западный, юго-западный, юго-восточный). Четвёртый (северо-восточ-

² Статья подготовлена на основании научного отчёта и всей полевой документации автора раскопок Андрушевского кургана (Воронцов 1990). Чертежи исследованных объектов, рисунки и фото обнаруженных в кургане предметов выполнены П.А. Улько.

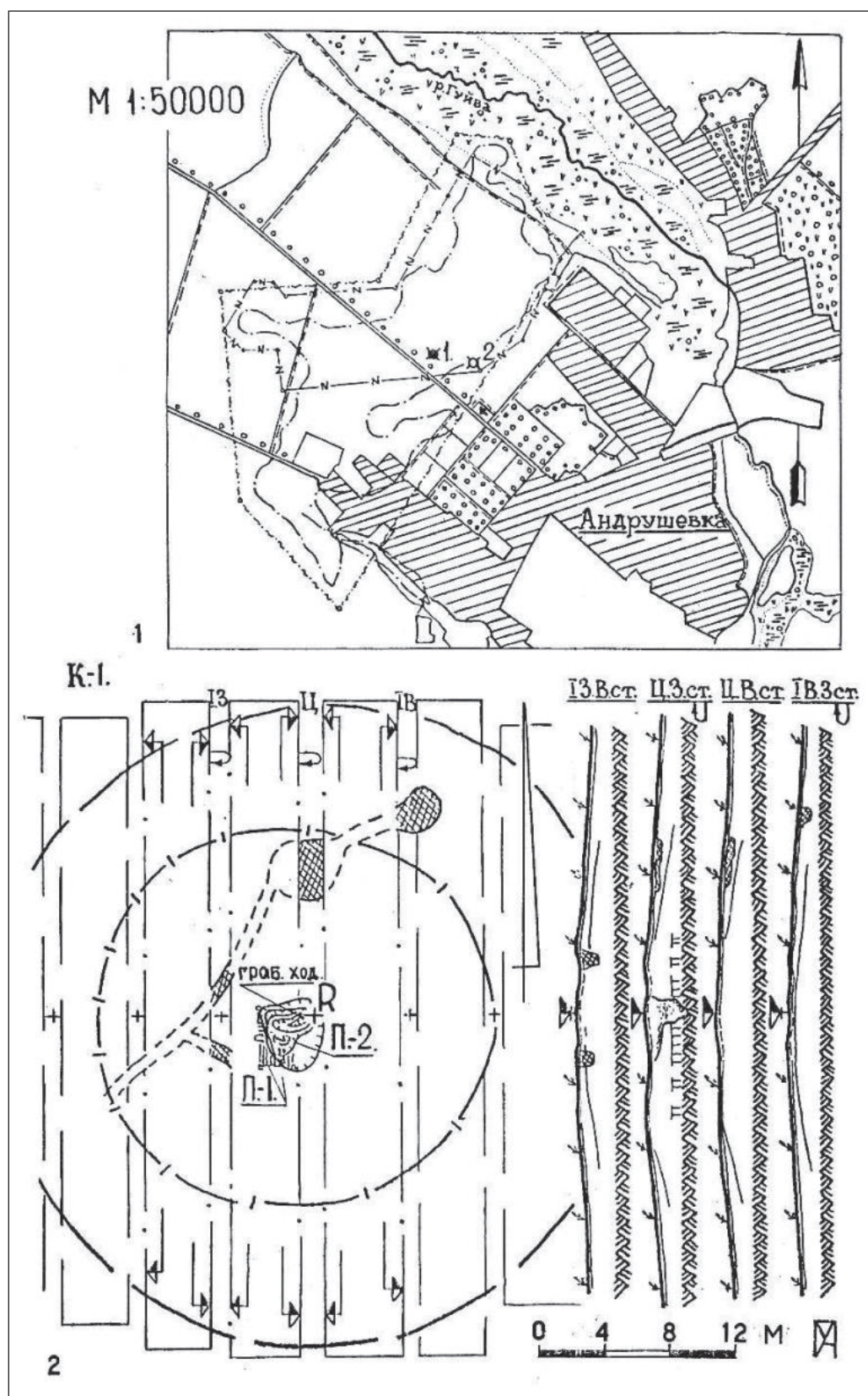

Рис. 1. Местоположение курганов у пгт. Андрюшевка (1), план и профили кургана №1 (2).

Рис. 2. Курган № 1 в процессе раскопок. Вид с С.

ный) столбик был уничтожен грабительской ямой (рис. 3). Перекрытие состоит из двух примерно одинаковых по площади частей – северной и южной. В северной части доски перекрытия лежали поперёк могилы, по оси В-3, в южной – выложены вдоль могилы, по оси С-Ю. Доски северной части опирались на стенки могилы. Для южной части опорой на Ю служила стенка могилы, на С – довольно мощное бревно, расколотое пополам (диаметром 36 см), лежащее по центру могилы. Оно выступало за западный край могилы на 50 см. Доски перекрытия имели толщину 3-5, при ширине 15-25 см (в истлевшем состоянии). Они также строго по длине не подгонялись и выступали за края могилы на 10-40 см. В северной части перекрытия удалось проследить 5 досок, в южной – 11. Диаметры трёх угловых столбиков варьировали в пределах 18-25 см. Общая площадь перекрытия могилы составляла около 8 кв.м. Северо-восточная часть его разрушена упоминавшейся грабительской ямой (рис. 3).

На глубине 1,6-1,7 м. от репера, или в 0,4-0,5 м ниже досок перекрытия, находился пол погребального сооружения, в виде 11 досок, положенных вдоль могилы на два поперечных столба – лага. Столбы находились непосредственно на древнем горизонте (далее – ДГ). Толщина досок пола 2-3, ширина в истлевшем состоянии – 12-15 см, длина

– 3,7-4,0 м. Они не образовывали с С на Ю чётких ровных линий. Южный столб, на который были положены доски пола, сохранился полностью: длина его 2,7 м, диаметр – 15х17 см. От северного столба, вследствие разрушения грабительской ямой, осталась лишь фрагмент длиной 0,50 м при аналогичном диаметре (рис. 4).

Стенки могилы состояли также из досок, поставленных на ребро. С каждой стороны их находилось по две. Упомянутые выше угловые столбики были расколоты пополам и закопаны в землю таким образом, что доски стенок крепились при помощи распора между столбиками и досками перпендикулярной стенки. Столбики были закопаны с уровня ДГ в ямки диаметром 0,50-0,56, глубиной 0,62-0,68 м от уровня ДГ. Они возвышались над уровнем ДГ на 0,5-0,6 м (рис. 4).

Итак, в свете всего сказанного, данная могила представляла собой *деревянную гробницу (или склеп) в виде ящика*, сооружённую непосредственно на уровне ДГ и возвышавшуюся над ним примерно на 0,5-0,6 м. Внутренняя площадь ее составляла 6,8 кв.м.

На полу деревянной гробницы, в центре, находилась нижняя часть скелета, лежащего вытянуто, на спине, головой на С (рис. 4; 5). Верхняя часть костяка разрушена грабительской ямой. Руки умер-

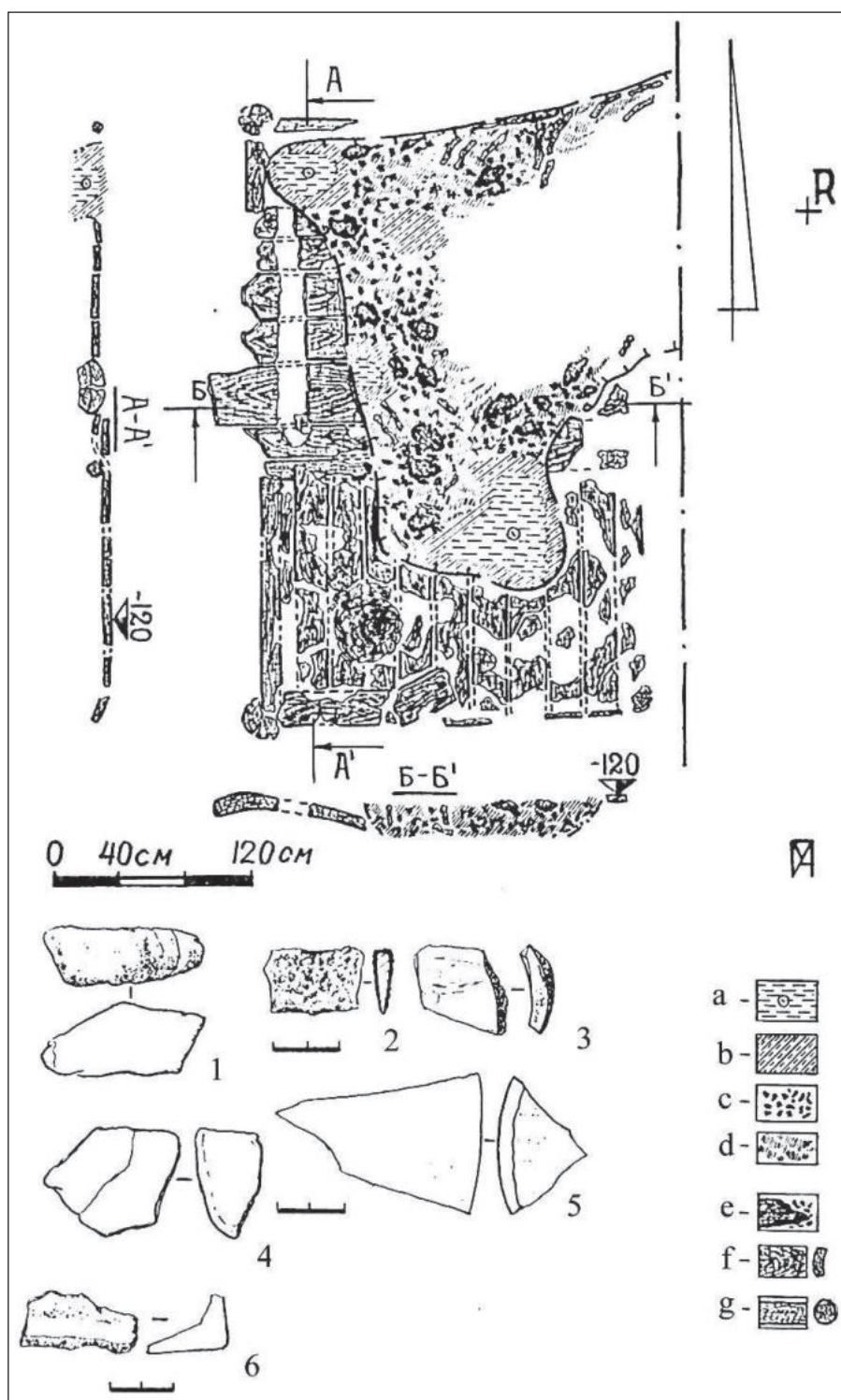

Рис. 3. План и разрез перекрытия деревянной гробницы в кургане №1 (а – светло-желтая глина; б – обожжённый грунт; с – скопление углей; d – зола; е – дерево обгоревшее; f – доски и их торцы; g – брёвна и их торцы) и некоторые находки из грабительской ямы (1, 4 – куски сере; 2 – фрагмент железного ножа; 3, 6 – красноглиняная гончарная тонкостенная керамика; 5 – фрагмент керамики черняховской культуры).

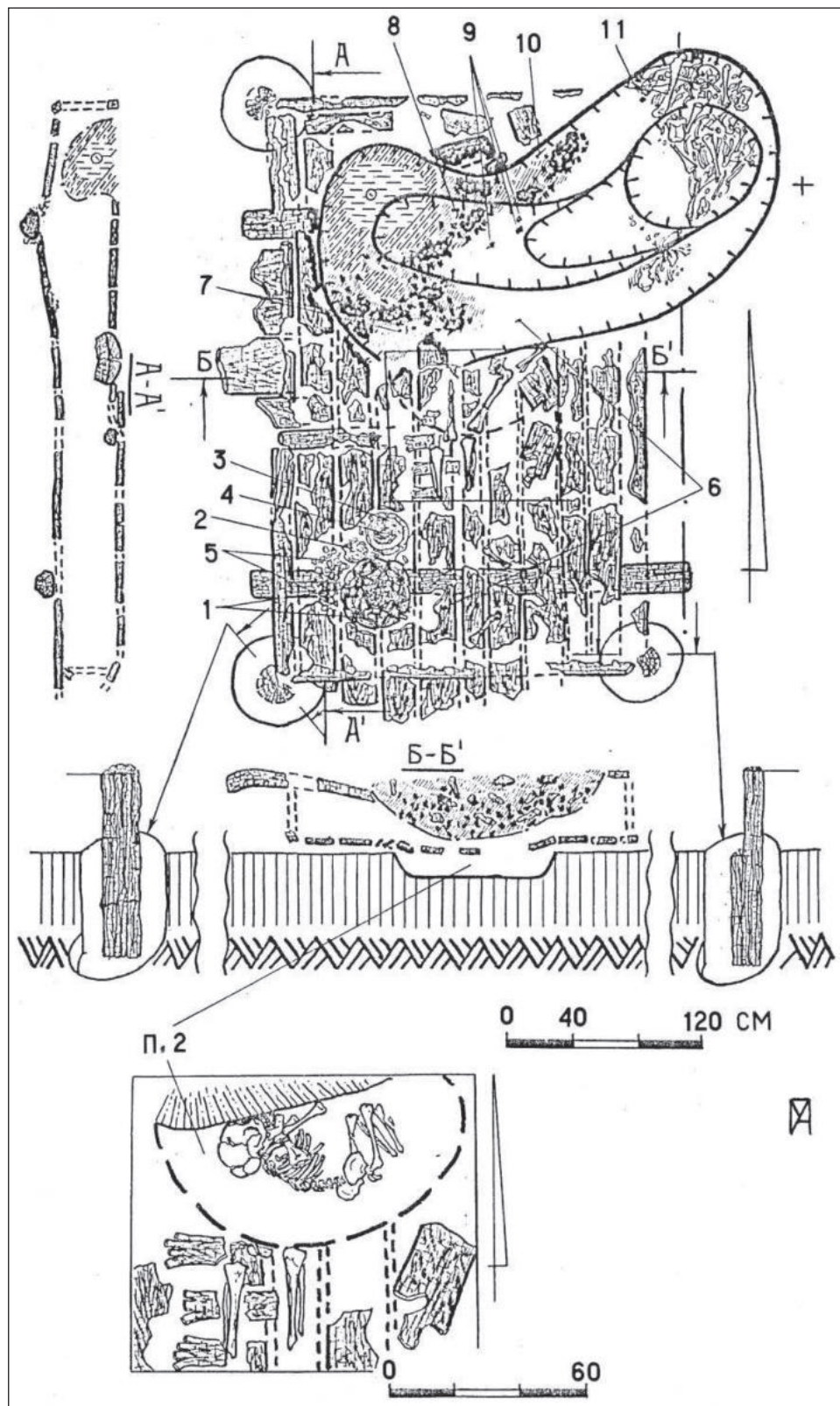

Рис. 4. План и разрез деревянной гробницы в кургане №1: 1 – корчага; 2 – сосуд-кernos; 3 – миска; 4 – кубок; 5 – миска; 6 – куски серы; 7 – бусины; 8 – фрагмент фаянсовой статуэтки; 9 – обломки гончарной керамики; 10 – бронзовая булавка; 11 – фрагмент железного ножа и сопровождающее детское захоронение (П.2).

Рис. 5. Пол деревянной гробницы с остатками костей умерших (задний план) и набором керамической посуды (передний план).

Рис. 6. Костяк ребёнка под полом деревянной гробницы.

шего, скорее всего, лежали вдоль туловища. Тазовые и бедренные кости вместе с досками пола просели в яму, расположенного ниже погребения № 2 (которое будет рассмотрено далее) на 10-15 см. Кости скелета плохой сохранности. Под костяком были выявлены фрагменты 4-х тонких досок, лежащих поперёк гробницы. По-видимому, это остатки импровизированного погребального ложа. Фиксируемая длина досок 0,2-0,4 м, ширина 10 см, толщина 1 см.

В южной части гробницы найдены 2 кости ребёнка – бедренная и лучевая. На полу и в заполнении обнаружены зубы ребёнка.

Были собраны также все более или менее сохранившиеся кости. После осуществления их антропологического определения³ есть основания утверждать, что в кургане было похоронено 5 погребённых, 3 из которых, видимо, следует связывать с захоронениями в деревянной гробнице. В частности, это: 1) женщина (возраст *adultus*: возмужалый), скелет которой с разрушенной в ходе ограбления верхней частью лежал в центре могилы; 2) ребёнок 5-6 лет, крупные кости которого найдены в южной части могилы, а зубы в различных местах; 3) мужчина (возраст *adultus/matures*: возмужалый/зрелый), несколько костей которого по степени сохранности вполне сопоставимы с костями женщины и ребёнка.

В северо-западном углу гробницы выявлены остатки жертвенной пищи в виде плечевой кости овцы или козы⁴.

В юго-западном углу гробницы, на полу, *in situ*, располагался комплекс лепной посуды – корчага, 2 миски, черпак, находящийся внутри одной из мисок и сосуд типа *кернос* (рис. 4, 1-5). Юго-восточнее сосудов зафиксирован кусок серы. Аналогичный кусок серы найден и в заполнении грабительской ямы.

Описание вещевого комплекса

1) *Корчага* биконическая, с воронковидным высоким горлом, имеющим отогнутый, горизонтально обрезанный венчик, раздутым туловом, резко сужающимся к плоскому донцу. По плечикам, в месте перехода тулова в горловину, сосуд украшен четырьмя выступами-упорами, ниже которых – канеллированный орнамент в виде четырех (в трех случаях) или пяти (один случай) концентрических полукружий. Поверхность сосуда тщательно заглажена, но не залощена. Корчага изготовлена из хоро-

шо отмученной глины с примесью мелкого песка. Обожжена до бурого цвета. Общая высота сосуда 44, диаметр внешний венчика 21, максимальный диаметр тулова 38, диаметр дна – 13 см. Толщина стенок сосуда не превышает 1,2 см. Внутренняя поверхность корчаги также заглажена. Сосуд восстановлен из фрагментов (рис. 7, 4; 9, 5).

2) *Миска* с полусферическим туловом, прямым, довольно широким, отогнутым краем, волнообразно оформленным донцем. Поверхность – чёрного лощения, как с внешней, так и внутренней сторон. Край миски по внешней поверхности

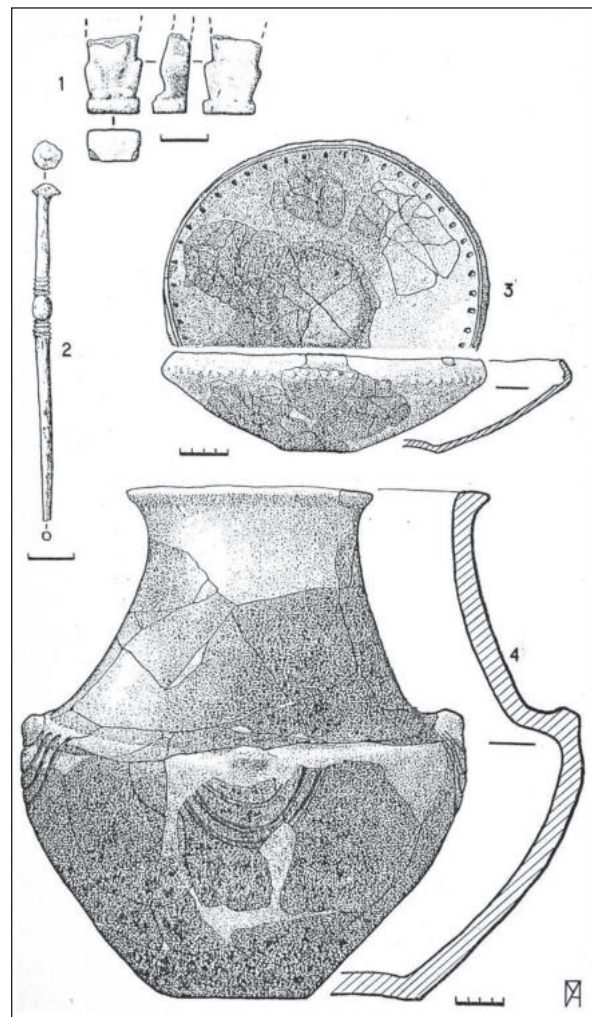

Рис. 7. Вещи из основной (деревянной) гробницы: 1 – фрагмент фаянсовой статуэтки; 2 – бронзовая булавка; 3 – миска; 4 – корчага.

³ Все антропологические определения и наблюдения осуществлены палеоантропологом С.И. Круц (Институт археологии НАН Украины).

⁴ Определение произведено археозоологом О.П. Журавлёвым (Институт археологии НАН Украины).

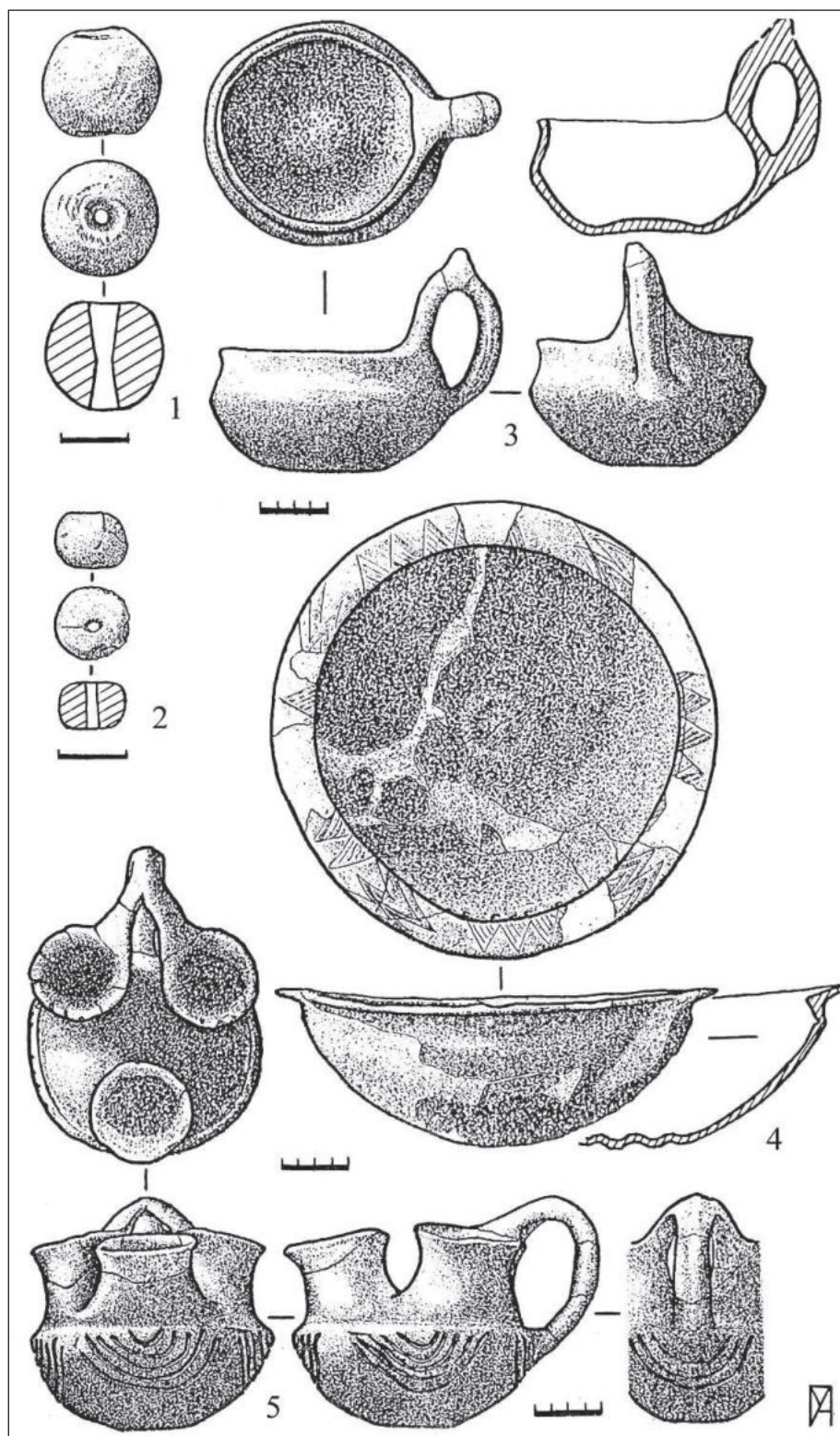

Рис. 8. Находки из кургана № 1 у пгт. Андрюшевка: 1-2 – бусины (впускное захоронение), 3 – черпак; 4 – миска; 5 – сосуд-кernos (основное захоронение).

украшен резным геометрическим орнаментом, представляющим собой четыре группы (две по четыре и две по пять) заштрихованных треугольников и четыре группы зигзагов. Ниже края – декор в виде горизонтальной линии «жемчужин»-выпуклин, полученных путем вдавливания палочкой по сырой глине с внутренней стороны. Миска изготовлена из глины с примесями довольно крупных частиц слюды и мелкого графита. Высота миски 9,1, диаметр по внешнему краю венчика 26,4, диаметр внутреннего края – 21,7 см. На дне миски в центре – вдавление диаметров 4,5 см. Стенки, толщиной до 5 мм, равномерно обожжены (рис. 8,4; 12).

3) *Миска* с усечено-коническим туловом, расположенным под прямым углом венчиком, имеющим округлый край, и плоским слегка вогнутым дном. Поверхность снаружи и изнутри – чёрного лощения. В верхней части тулова миски, на переходе к краю – орнамент в виде слабо выступающих «жемчужин». Сосуд изготовлен из глины со слабозаметной примесью мелко измельчённой слюды и песка. Высота миски 7,5, диаметр верхнего края – 26,5, диаметр тулова 27,6, диаметр дна 8,5 см. (рис. 7,3; 11).

4) *Черпак* с довольно глубокой биконической чашечкой, слегка отогнутым венчиком, плоским, слабо вогнутым дном и высокой петельчатой ручкой с коническим выступом. Внешняя и внутренняя поверхности – качественного чёрного лощения, до графитного блеска. Черпак изготовлен из хорошо отмученной глины, с примесями мелкой слюды и графита. Поверхность обожжена равномерно. Высота тулова 7,2, высота ручки 12,7, диаметр венчика 11,8, диаметр тулова по ребру 13,4 см. Толщина стенки черпака 0,7 см. Сосуд частично реставрирован (рис. 8,3; 10).

5) *Сосуд* с полусферическим туловом, имеющим в верхней части ребро, тремя горловинами и довольно высокой петельчатой ручкой. Поверхность чёрного лощения, с графитным блеском. Тулово, от ребра вниз, с четырех сторон, украшено каннелированным орнаментом в виде свисающих концентрических полукружий. В каждой группе их по пять.

Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с плохо заметной примесью слюды. Высота корпуса 7,7, высота горловин 4,1 см от верхней границы корпуса. Диаметр тулова по ребру 14,2 см. Диаметр венчиков горловин от 5,7 до 6 см. Высота ручки 13,2 см. На дне – вдавление диаметром 4,4 см (рис. 8,5; 13). Относится к группе культовых сосудов типа *кернос*.

6) *Булавка* (или *шпилька*) гвоздевидная с грибовидной шляпкой. Нижняя часть обломана. В верх-

ней части – шаровидное утолщение, ограниченное с двух сторон рядами рубчиков. Сохранившаяся длина предмета 7,3, диаметр стержня 0,3, диаметр шляпки 0,65 см (рис. 7,2; 9,1).

7) *Статуэтка* фаянсовая, голубого цвета, фрагментированная. Сохранилась нижняя часть, с изображением ног на постаменте. Высота фрагмента 1,7, ширина 1,2, толщина 1,0х0,5 см. (рис. 7,1; 9,2).

Погребение № 2

Располагалось непосредственно под полом деревянной гробницы, под лежащим в центральной части на полу костяком женщины. Захоронение было выполнено в неглубокой яме, контуры которой прослеживались с трудом. Судя по всему, она имела овальную форму, размеры 1,0х0,6-0,7 м при глубине до 0,20 м от уровня ДГ. Яма ориентирована по оси В-3. Она не засыпалась землёй, что подтверждается просадкой над ней участка деревянного пола. На дне ямы лежал скелет ребёнка (3-5 лет), в скорченном положении, на боку, головой на С. Кости ног сильно поджаты к тазу. Лицевые кости черепа и кости рук частично

Рис. 9. Вещи из основного погребения: 1 – бронзовая булавка; 2 – фрагмент фаянсовой статуэтки; 3-4 – куски серы; 5 – корчага.

повреждены грабительской ямой, разрушившей северную стенку могилы (рис. 4; 6). Какой-либо инвентарь отсутствует. Любопытно, что на правой бедренной кости фиксировались следы каких-то механических повреждений.

Нет никаких сомнений, что данное детское погребение (№2) связано с захоронениями в деревянной гробнице (№1), составляя с ними *единый* погребальный комплекс, и, соответственно, является синхронным им по времени. Расположение детского костяка относительно упомянутого женского захоронения в самой гробнице следующее: он находился в районе таза и бедренных костей женщины, перпендикулярно им.

Погребение № 3

О наличии впускного погребения, располагавшегося некогда в центре кургана, полностью уничтоженного обширной грабительской ямой, определённо свидетельствует ряд фактов. Это – наличие человеческих костей, найденных кучно в грабительской яме и отличающихся значительно лучшей сохранностью от костей, обнаруженных в первую очередь на полу деревянной гробницы, некоторые предметы вещевого комплекса и – что немаловажно отметить – упоминавшаяся уже досыпка насыпи, основательно увеличившая размеры кургана.

Антропологические определения костных останков позволяют считать, что в могиле был погребён мужчина (возраст *adultus*: возмужалый).

Сохранившиеся предметы вещевого набора из этого комплекса представлены следующими вещами:

1). Бусина сферическая сердоликовая диаметром 1,8, высотой 1,6 см. Диаметр отверстия 0,4 см (рис. 8,1).

2). Бусина пастовая округлой формы, жёлтого (янтарного) цвета. Диаметр 1,1, высота 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см. Бусина слегка повреждена (рис. 8,2).

3). Фрагмент железного ножа длиной 2,3, шириной до 2, максимальной толщиной 0,2 см (рис. 3,2).

4). Фрагменты гончарной керамики тонкостенной, красного цвета, с нанесённым красным лаком рисунком (рис. 3,3,6).

Судя по сохранившимся вещам, впускное погребение может быть отнесено к сарматскому времени. Возможно, с ним связан был огненный ритуал, следы которого были зафиксированы в виде обгоревших обломков дерева и горелой глины.

Не исключено, что ограбление кургана – относительно раннее, например, относится ко времени бытования черняховских племён, в пользу чего, похоже, свидетельствует фрагмент сероглиняной керамики, характерной для этой культуры, найден-

ный в заполнении грабительской ямы (рис. 3,6). Впрочем, это лишь – версия.

Разумеется, особого внимания заслуживает главный, первичный погребальный комплекс, представленный захоронениями в деревянной гробнице и сопровождаемым погребением, расположенным под полом.

Обряд захоронения первичного комплекса

Рассмотрим сведения, которыми мы располагаем о погребальном ритуале этого комплекса в контексте известных похоронных традиций предскифского и скифского времени на территории, в первую очередь лесостепного ареала. Для чернолесской культуры (и Днепровского Лесостепного Правобережья в частности) захоронения в деревянных гробницах, на уровне ДГ были вовсе не характерны. Как известно, в Чернолесье, особенно в его северном ареале (где, к слову, расположен Андрюшевский курган) целиком доминировал обряд кремации, чаще всего с последующим захоронением праха кремированных в сосудах-урнах (Тереножкин 1961, 43-46; Клочко, Скорый 1993, 54-55). Известные в чернолесской культуре (поздний период) труположения встречаются обычно южнее, например, в бассейне р. Рось, чаще всего – в обычных грунтовых могилах, хотя известно и несколько плохой сохранности деревянных склепов, также сооружённых в ямах. Северная ориентировка для ингумаций позднечернолесского времени не свойственна (Ковпаненко 1981, 58-59).

Не демонстрируют какие-либо надёжных аналогий андрюшевской гробнице и подкурганые могилы Новочеркасской группы (которые мы склонны соотносить с киммерийским, пришлым в лесостепь населением). Совершение захоронений на уровне ДГ для этих памятников – крайне редко, конструкции, устройство которых удалось проследить, отличны от гробницы, открытой в кургане у пгт. Андрюшевка. Пожалуй, лишь в одном случае, с определённой оговоркой, можно считать деревянным склепом на уровне ДГ могилу в кургане V у с. Рыжановка (раскопки XIX в.). Однако тип его остался непонятым. Ориентировка погребённых головой на С для новочеркасских захоронений Лесостепи также, как и для чернолесских, абсолютно не характерна (Скорый 1999, 13).

В скифское время обычай захоронения покойников на ДГ, в том числе в деревянных конструкциях различного рода, получает значительно большее, чем в предскифский период, распространение. Их число практически равно в процентном отношении (20% и более) как для периода архаики (VII – I-я половина VI в. до н.э.), так и для среднескифского

(2-я половина VI – V в. до н.э.) и позднескифского (конец V – рубеж IV–III вв. до н.э.) периодов. Во всяком случае, это хорошо демонстрируют памятники Днепровского Лесостепного Правобережья, наиболее близкие территориально к Андрушевскому кургану (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 28-29, табл. 4,34, табл. 5,46, табл. 9). При этом – что необходимо подчеркнуть – деревянные склепы (или гробницы), известные в скифское время, наиболее свойственны именно для архаики. Так, в бассейне р. Тясмин было зафиксировано 6 захоронений в деревянных конструкциях на уровне ДГ, из них 4 склепа и один сруб (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 29.32). К сожалению, все они настолько плохой сохранности (многие были почти сожжены), что говорить о конкретном устройстве деревянных гробниц не приходится. Правда, в начале 2000-х гг. неогрabenное мужское захоронение конца VII – начала VI в. до н.э., в срубе, на уровне ДГ, было открыто у с. Вороновка Городищенского р-на Черкасской обл., в междуречье Роси и Тясмина. Однако, в связи с распашкой, сруб сохранился лишь в один венец, что не позволяет также проследить детали устройства этой деревянной конструкции⁵.

Следует подчеркнуть, что ориентировка склепов по оси С-Ю (т.е. то, что мы видим в кургане у Андрушевки) присуще именно могилам эпохи скифской архаики, сооружённым на уровне ДГ (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 34, табл. 5,40, табл. 7,46, табл. 9). В равной степени это относится и к ориентировке погребённых. Преобладание ориентировки покойников головой на С наблюдается именно в архаических могилах, т.е. VII – первой половины VI вв. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 34, табл. 5,40, табл. 7,46, табл. 9).

Сопровождение основного покойника в погребении зависимым лицом (обычно это дети или подростки), лежащим чаще всего в скорченном положении, на боку, иногда при иной ориентировке, чем основной погребённый (или погребённые) – довольно обычная черта в захоронениях времени скифской архаики в Лесостепи. В качестве примеров можно упомянуть захоронения подростка и ребёнка в гробницах №№1-2 кургана Репяховата Могила (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 35-36.40), гробнице Червоной Могилы у с. Флярковка (Ковпаненко 1984, 110.112) и ряде иных памятников.

Помещение в могилу серы, имеющей, вероятно, магическое очищающее назначение, довольно обычно для погребальных памятников скифской

поры в широком евразийском ареале и архаики в частности (см. библиографию: Скорый 1990, 28). Обычна эта традиция и для захоронений восточноевропейский лесостепи (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 36.40). В равной степени свойственна для захоронений скифской поры и жертвенная мясная пища, следы которой зафиксированы в андрушевском погребении.

Итак, сохранившиеся погребальная конструкция, способ захоронения умерших и некоторые черты обряда, засвидетельствованные в андрушевском кургане, находят ближайшие аналогии в погребальных памятниках эпохи *скифской архаики* в Правобережной Днепровской лесостепи.

Аналогии вещевому набору

Сохранившийся инвентарь захоронения, исходя из особенностей внешнего вида, может быть разделён на 3 группы вещей: 1) предметы восточноевропейского лесостепного типа, 2) изделия карпатодунайского гальштатоидного облика, 3) восточные импорты.

К *первой* группе относятся: два лепных сосуда – миска с усеченно-коническим туловом, на плоском поддоне, с орнаментом по краю в виде «жемчужин» (рис. 7,3; 11) и черпак с довольно глубокой чашечкой, имеющей хорошо выраженное ребро на тулове, высокой петельчатой ручкой, украшенной треугольным выступом (рис. 8,3; 10), а также бронзовая гвоздевидная булавка (или шпилька) с грибовидной головкой, украшенная на стержне шаровидным утолщением, ограниченным с двух сторон рядами рубчиков (рис. 7,2; 9,1).

Миски подобной формы, декорированные по краю «жемчужинами», известны в лесостепном ареале уже на позднем этапе чернолесской культуры (Тереножкин 1961, 64), определённое распространение получили в жаботинский период предскифского времени (Ильинская 1977, 139, рис. 19,10.15; Дараган 2011, 396), но особую популярность приобрели в комплексе лепной посуды раннескифской поры, широко присутствуя в поселенческих и погребальных древностях, прежде всего, Правобережной и в значительно меньшей степени – Левобережной лесостепи (Ковпаненко 1981, 90-91, рис. 54,2.6; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 51-52, рис. 7,12-13.16; 55, рис. 9,19; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, 54, рис. 5,4; Ильинская 1968, табл. LIX,4-5.10). Широкое распространение подобные миски получают в памятниках раннескифского времени Побужья (Смирнова 1998, 86).

⁵ Раскопки А.В. Назарова. Материалы не опубликованы. Благодарю автора за разрешение сослаться на этот памятник (Назаров 2002: 13, мал.4; 14, мал.5).

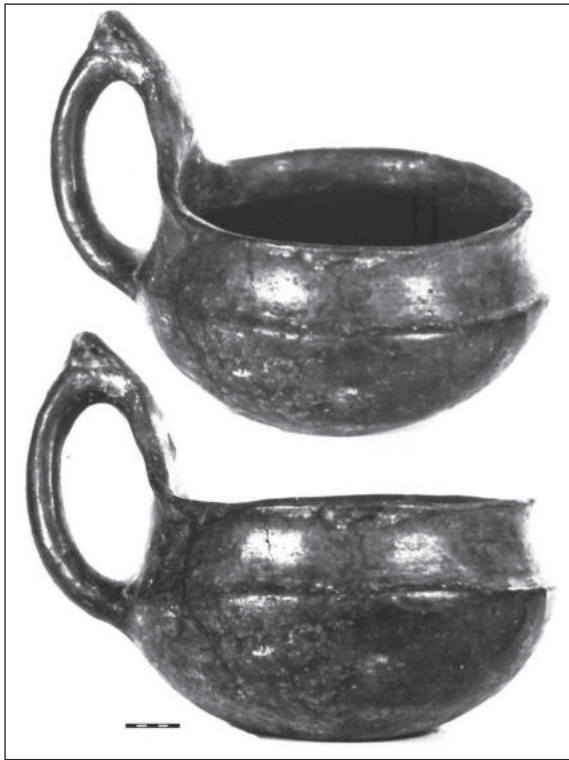

Рис. 10. Черпак из основного погребения.

Черпаки, аналогичные андрюшевскому сосуду, прекрасно представлены в древностях Лесостепи, в частности в ряде погребальных комплексов второй половины – конца VII в. до н.э., например, в курганах №№ 41, 87 у с. Бобрица, № 289 у с. Бурты, № 5 у с. Гамарня, в кургане № 77 у с. Куриловка в Поросье (Ковпаненко 1981, 16, рис. 12,2; 17, рис. 13,6; 19, рис. 15,4; 20, рис. 16,3; 34, рис. 25,10), в кургане Червона Могила у с. Флярковка (Ковпаненко 1984, 111, рис. 2,10.12), в бассейне Тясмина, кургане Мала Офирна (Петровська 1968, 173, рис. 6,2-6), кургане № 1 у с. Триполье (Ханенко 1899, 11-12; Вовк 1900, 5-7⁶; Максимов, Петровская 2008, 26.108, рис. 29,2.6) в Киевском Поднепровье и ряде иных памятников.

Бронзовые гвоздевидные булавки типа найденной в гробнице у с. Андрюшевка – характерные и обычные находки в женских захоронениях эпохи архаики, особенно Правобережной лесостепи. По типологии В.Г. Петренко, это булавки 4-го типа (1-ый вариант). Весьма представительная группа таких булавок, по сути идентичных андрюшевской,

найдена на поселениях и в погребальных памятниках Правобережья (Петренко 1978, 8.89, табл. 1,11-19,22-25). Памятниками, территориально наиболее близкими Андрюшевскому кургану, в которых обнаружены подобные бронзовые булавки, являются курганы Глеваха (Тереножкін 1954, 90, табл. I,13) и Перепятиха (Скорий 1990, 37, рис. 6,7-13), относящиеся к концу VII в. до н.э., а также – экземпляры с Хотовского городища (Максимов, Петровская, 2008, рис. 11,12-14) в Киевском Поднепровье.

Вторая группа сохранившихся находок, на наш взгляд, представляет значительно больший интерес. В неё входят 3 лепных сосуда: корчага, украшенная по тулову выступами-упорами, а ниже – каннелированными концентрическими полукружьями (рис. 7,4; 9,5), миска с полушаровидным туловом и отогнутым широким краем, декорированным резным геометрическим орнаментом и дополнительно – «жемчужинами» (рис. 8,4; 12), трёхгорлый сосуд-кернос, также украшенный по тулову каннелированными полукружьями (рис. 8,5; 13).

Корчаги, подобные андрюшевской по типу, т.е. с широким коническим горлом, раздутым туловом, нередко имеющие выступы-упоры в широкой части тулова получают распространение в украинской лесостепи с началом скифской архаики. Они известны и в различных регионах Поднепровья (Тереножкін 1954, 92, рис. 12-13; Ильинская 1968, табл. LVII,2; Ильинская 1977, табл. X,1, XII,3; Ковпаненко 1981, 52, рис. 41,11) – при этом в Днепровском Левобережье такие сосуды появляются явно под правобережным влиянием (Ильинская 1968, 167) и – в большей степени – в Среднем Поднепровье (Смирнова 2001, 37). Вполне возможно, что генезис корчаг подобного типа связан именно с последним регионом (Смирнова 2001, 31). Примечательно, что весьма похожие корчаги встречаются и западнее Среднего Поднепровья, в памятниках скифского типа Трансильвании (Vasiliev 1980, pl. 7,1-2), относящихся ко времени не позже конца VII в. до н.э.

Что же касается каннелированного орнамента в виде нескольких концентрических полукружий, то, бесспорно, его происхождение следует связывать с традициями, идущими из более западных территорий восточного гальштатта, а скорее всего – гальштаттской периферии Карпато-Подунавья (Смирнова 2001, 42-43). В Днепровском Правобережье подобный орнамент известен уже в определённой

⁶ В нумерации курганов у с. Триполье, раскопанных В.В. Хвойкой в 1897 г., существует некоторая путаница. Так, в работе Б.Н. и В.И. Ханенко курган с женским захоронением обозначен под №2, а курган, содержащий мужское захоронение соответственно – под №1 (Ханенко 1899, 11-12). В статье Хв. Вовка – наоборот: женское погребение размещается в кургане №1, а мужское в кургане №2 (Вовк 1900, 5-9). Я придерживаюсь версии Хв. Вовка, давшего более детальное описание эт их двух захоронений.

степени на сосудах позднего Чернолесья (Тереножкін 1961, 69, рис. 63), но распространение получает именно в раннескифское время. Орнамент в виде каннелированных полукружий засвидетельствован на черпаках из района Канева в Поросье (Ханенко 1900, 40, табл. XXXIV,632) и кургана Перепятиха в Киевском Поднепровье (Скорый 1990, 47, рис. 7,2). Сочетание же подобного орнамента с выступами-упорами присутствует, в частности, на широкогорлом сосуде, найденном вблизи Канева (Ковпаненко 1981, 97,8) и в кургане №2 у с. Триполье в Киевском Поднепровье (Ханенко 1899, 41, табл. XXXV,667; Вовк 1900, 8-9, табл. I; Максимов, Петровская 2008, 26.108, рис. 29,4; 109, 5).

Весьма сходные корчаги, украшенные к тому же выступами-упорами и каннелированными полукружиями хорошо представлены в раннескифских слоях Немировского городища в Побужье (Смирнова 2001, 38, рис. 3,12-13,16).

В целом же наиболее близкими аналогиями корчаге из Андрушевки (по форме и сочетанию двух видов орнамента – выступов-упоров и каннелюр), пожалуй, являются сосуды из упоминавшегося кургана №2 у с. Триполье (Киевское Поднепровье), могилы скифской культуры из Чипэу (Трансильвания) (Vasiliev 1980, pl. 7,2). Аналогична и одна из корчаг, обнаруженных в раннескифском слое Немировского городища (Смирнова 2001, 38, рис. 3,16). Упомянутые два погребения, где были найдены корчаги-аналоги андрушевскому сосуду, относятся ко второй половине – концу VII в. до н.э. Территориально к Андрушевскому кургану наиболее близким памятником является курган №2 у с. Триполье, находящийся с ним, по сути, на одной широте. Напомним, что в этом же кургане у с. Триполье найдены и черпаки, аналогичные андрушевскому.

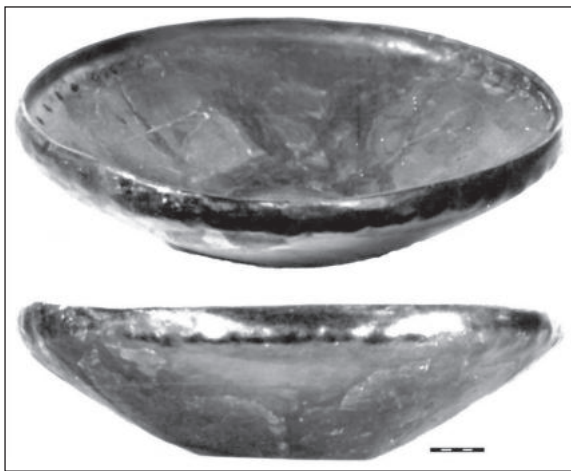

Рис. 11. Миска с туловом усечено-конической формы из основного погребения.

Рис. 12. Миска с туловом полусферической формы из основного погребения.

Миски с полушаровидным туловом и широким отогнутым краем, украшенным резным геометрическим орнаментом в Днепроградской Правобережной Лесостепи единичны. Отдельные фрагменты таких сосудов встречены в поздних слоях Жаботинского поселения (Дараган 2011, 217, табл. 64,1), в ранних слоях Мотронинского городища (Бессонова, Скорый 2001, рис. 38,3.7.9) в бассейне Тясмина, Трахтемировского в Поросье (Ковпаненко 1968, 109, рис. 1), городища Млынок – в Киевском Поднепровье (Бессонова, Скорый 1987, 37, рис. 3,10). Особую важность представляют 2 целых миски, найденные в курганах конца VII – начала VI вв. до н.э. – Глевахе в Киевском Поднепровье (Тереножкін 1954, 93, рис. 14) и №406 у с. Журовка в бассейне р. Тясмин (Ильинская 1975, табл. IX,10). Глевахская миска по форме абсолютно подобна сосуду из Андрушевки, и украшена геометрическим орнаментом в виде заштрихованных ромбов, дополненным в двух местах пластинчатыми налестками. Сосуд из Журовки имеет иную форму, но край его украшен орнаментом, аналогичным андрушевскому, т.е. заштрихованными треугольниками. Исследователи давно и вполне справедливо связывают появление подобных по форме и орнаментике мисок в керамическом комплексе населения Правобережной лесостепи с влиянием одной из культур раннего железного века Подунавья – Басарабы или – как её ныне называют – Басараба-Шолдэнешть (Ильинская 1975, 142; Мелюкова 1979, 81-83). Именно на территории Румынии в указанной культуре представлены наиболее яркие образцы подобной посуды (Vulpe 1965, Abb. 1,7-8,13,15). В лесостепи Восточной Европы миски подобной профилировки и сходного декора хорошо известны в памятниках Побужья, в част-

Рис. 13. Сосуд-кернос из основного погребения.

ности – в скифских слоях Немировского городища (Смирнова 2001, 41, рис. 6).

Бесспорно, интереснейшим сосудом этой группы является трёхгорлый культовый сосуд-кернос. Базовой основой для него послужил черпак. Аналогии ему в Восточной Европе не известны. Да и в целом круг культовых сосудов типа *кернос* здесь не широк. Их подборка приведена в работе М.Н. Дараган (Дараган 2011, 461). До находки в Андрюшевке в восточноевропейском ареале был известен лишь один целый сосуд подобного назначения – кернос из впускного погребения предскифского времени (№1) у с. Великая Александровка на Херсонщине (Кубышев, Полин, Черняков 1985, 145, рис. 1,2). Базовой основой для последнего послужила корчага. Фрагменты керносов, довольно близких по форме, выполненных на основе корчаг, обнаружены также на ряде поселений и городищ раннего железного века в украинской лесостепи: поселении у с. Жаботин в бассейне Тясмина, Трахтемировском городище в Поросье, Немировском городище в Побужье (Дараган 2011, 519, рис. IV,62,1; 520, рис. IV,63,2-3), поселениях у сс. Комаров (Ковпаненко 1998, 33; Дараган 2011, 519, рис. IV,62,2), Жуков, Непоротово (Бандрівський, Крушельницька 2011, 50, рис. 2,3-4; 51, рис. 3,2). В целом, керносы относятся к

категории ритуальной посуды, связанной с земледельческими культами. Наиболее ранние образцы их известны в Восточном Причерноморье с IV тыс. до н.э., хотя ареал таких сосудов, как, впрочем, и хронологический диапазон весьма широки. Керносы довольно широкое распространение получили в гальштаттском мире, откуда, по-видимому, как тип сосудов они и были заимствованы восточноевропейским населением эпохи раннего железа. По форме тулова и его орнаментации кернос из Андрюшевки может быть соотнесён с упоминавшимися уже черпаками из Перепахтихи в Киевском Поднепровье (конец VII в. до н.э.) и найденным вблизи Канева в Поросье (Скорий 1990, 47, рис. 7,2; 65, рис. 10,8), соответствуя, скорее всего, им по времени.

В целом складывается вполне определённое впечатление, что наличие этих сосудов гальштатоидного облика в составе керамического комплекса андрюшевского захоронения, как, впрочем, и присутствие подобных сосудов в иных погребальных комплексах скифского времени Лесостепного Правобережья и на поселениях является не более, чем проявлением моды на посуду определённых форм и декора, получившей распространение в Восточной Европе вследствие культурных импульсов, идущих из восточногальштаттского мира (Смирнова 2001, 42-43).

Третья группа (восточные импорты) находок представлена единственным фрагментированным предметом – нижней частью фаянсовой антропоморфной статуэтки египетского производства (рис. 7,1; 9,2). К сожалению, определить изображённый персонаж невозможно. В Лесостепи Восточной Европы, помимо находки в Андрюшевке, египетская фаянсовая статуэтка была обнаружена ранее лишь в кургане №1 у с. Триполье конца VII – начала VI вв. до н.э. (Вовк 1900, 6, мал. 9,с,d; Максимов, Петровская 2008, 26.108, рис. 29,9). На ней передана фигурка сидящего мужчины, возможно, Беса, который являлся олицетворением силы плодородия у многих восточных народов и египтян в том числе (Максимов, Петровская 2008, 50). В целом же, изделия из египетского фаянса были довольно популярны в античных колониях Северного Причерноморья, причём наиболее ранние из них, прежде всего – фигурные изделия, производились в VI-V вв. до н.э. (по представлениям 1970-х гг.) в Навкратисе, откуда и поставляли их на берега Северного Понта (Алексеева 1975, 25-28). Значительное количество изделий из египетского фаянса открыто в Ольвии (Алексеева 1975, 28).

Датировка, этнокультурная принадлежность и некоторые соображения о социальном статусе погребённых лиц

Приведённые аналогии погребальной конструкции, сохранившимся чертам похоронного ритуала, а главное – предметам вещевого набора вполне одно-

значно свидетельствуют: предложенные ранее даты погребения раннего железного века в кургане у пгт. Андрушевка в рамках предскифского времени, точнее IX–VIII (Воронцов 1991, 14) или более узкая – конец IX – вторая половина VIII вв. до н.э. (Шевченко 2004, 102) – ошибочны. Соответственно неверно и отнесение этого погребения к чернолесской культуре, в частности ко второй её ступени (Шевченко 2004, 102). Бесспорно, данная могила принадлежит раннескифскому времени, причём вовсе не глубокой архаике. На первый взгляд, её можно отнести ко второй половине VII в. до н.э. Однако, похоже, что несколько артефактов (в первую очередь, корчага с выступами-упорами, орнаментированная резными полукружьями, бронзовая гвоздевидная булавка, фрагментированная египетская фаянсовая статуэтка), находящиеся убедительные аналогии в погребальных памятниках, прежде всего – территориально близко расположенных подкурганных захоронениях Киевского Поднепровья (курганы Перепятиха, №№ 1-2 у с. Триполье), позволяют ещё более сузить дату андрушевского погребения – конец VII в. до н.э.

Таким образом, хронологически погребение в Андрушевском кургане определено относится к довольно обширному пласту подкурганных захоронений в украинской лесостепи – как на Правое, так и на Левобережье – в число которых в Киевском Поднепровье входят такие яркие погребальные памятники, как Перепятиха, курганы у сёл Глеваха, Малая Офирна, Иванковичи, Триполье и пр.

С точки зрения исторической локализации андрушевский курган, находясь в кругу небольшой группы курганов раннескифского времени у сёл Новая Котельня Андрушевского р-на, Жовтневе, Ерчики Попельнянского р-на, Пилиповичи Радомышленского р-на Житомирской области (Ковпаченко, Бессонова, Скорый 1989, 139-140), маркирует западную периферию памятников скифской поры Киевского Поднепровья – составной части Киево-Черкасского региона Днепровской Правобережной Лесостепи.

Итак, перед нами коллективное, скорее всего – семейное захоронение раннескифской поры (мужчина-женщина-ребёнок), территориально несколько удалённое от места основной концентрации близких по времени погребальных древностей Днепровского Лесостепного Правобережья.

Можно полагать что лица, погребённые в андрушевском кургане, вовсе не относились к рядовому населению, а имели относительно высокий социальный статус. Об этом говорят, во-первых, довольно обширная и непростая по изготовлению деревянная погребальная конструкция, во-вторых, сопровождение основных погребённых человеческим жертвоприношением (под полом гробницы), в-третьих,

сохранившиеся вещи, в ногах покойников (в числе которых – набор великолепно, в том числе лощёной, посуды, среди которой – редкий культовый сосуд), импортная фаянсовая египетская статуэтка. Поскольку могила основательно ограблена (и судя по всему, в древности), мы вправе предположить, что первоначальный погребальный инвентарь был достаточно представительный и разнообразный.

В определённой степени смущает, по сути, полное отсутствие в могиле типично мужских вещей, в частности – наконечников стрел, которые – и это хорошо известно специалистам – чаще всего, хоть и в небольшом количестве, но сохраняются в захоронениях после ограблений. Думается, объяснение может быть следующим: колчаный набор изначально отсутствовал в захоронении. На первый взгляд, для мужских скифских захоронений такой факт необычен. Но это – лишь на первый взгляд. Ныне мы уже знаем несколько мужских захоронений – и что самое важное, неограбленных – в которых отсутствовали колчаные наборы. Яркой иллюстрацией сказанного является упоминавшаяся уже могила в кургане у с. Вороновка, в междуречье Росси и Тясмина, в Днепровском Правобережье. Она не ограблена. Мужчина-воин, похороненный в срубе, сопровождался следующими предметами вооружения: кинжал-акинак, боевой топор и копье. И никакого колчанного убора... Разумеется, подобные погребения расширяют и в определённой степени корректируют наши представления о воинстве скифской поры.

Резюмируя всё сказанное о раннескифском погребении в Андрушевском кургане, можно отметить следующее. Несмотря на ограбление:

1) замечательной особенностью его является довольно хорошо сохранившаяся деревянная конструкция в виде «ящика», на уровне ДГ, устройство которого удалось проследить детально: ранее подобные конструкции не фиксировались; 2) в могиле обнаружен, хотя и немногочисленный, но весьма выразительный погребальный инвентарь, в кругу которого, наряду с обычными предметами раннескифской поры в Лесостепи (лепные миски, черпак, бронзовая булавка) особенное значение имеет комплекс лепной посуды, в том числе гальштаттоидного облика, и импортная фаянсовая египетская статуэтка, свидетельствующие о многовекторности культурных и торговых связей населения скифского времени Правобережной лесостепи.

Всё это позволяет считать захоронение у пгт. Андрушевка одним из наиболее ярких погребальных памятников скифской культуры конца VII – начала VI вв. до н.э. на западной периферии Киево-Черкасской локальной группы Днепровского Лесостепного Правобережья.

Библіографія

- Алексеева 1975:** Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12 (Москва 1975).
- Бандрівський, Крушельницька 2011:** М.С. Бандрівський, Ю.Л.І. Крушельницька, Кернос із Непоротова і керносоподібні посудинки з Середнього і Верхнього Придністров'я: проблеми походження і датування. В сб.: С.И. Посохов (отв. ред.), Древности Восточной Европы (Харьков, 2011), 47-56.
- Бессонова, Скорый 1987:** С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новое городище скифского времени на Киевщине. В сб.: (Е.В. Черненко отв. ред.), Скифы Северного Причерноморья (Киев 1987), 33-40.
- Бессонова, Скорый 2001:** С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (Киев 2011).
- Вовк 1900:** Хв. Вовк, Знахідки у могилах між Верем'єм і Стретівкою і біля Трипілля. Матеріали до українсько-руської етнології т.ІІІ (Львів 1900), 1-11.
- Воронцов 1990:** Д.О. Воронцов, Отчет о раскопках кургана у пгт. Андрушевка Житомирской области в 1990 году. НА ИА НАНУ, 1990 / 181 (Киев 1990).
- Воронцов 1991:** Д.О. Воронцов, Курган киммерийского времени у пгт. Андрушевка Житомирской обл. Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. (Київ 1991), 14.
- Дараган 2010:** М.Н. Дараган, Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштат: поиск хронологических реперов. *Revista arheologica*. Vol.VI, Nr.2, 2010, 85-113.
- Дараган 2011:** М.Н. Дараган, Начало раннего железного века в Днепропровской Правобережной Лесостепи (Киев 2011).
- Ильинская 1968:** В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).
- Ильинская 1975:** В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).
- Ильинская, Мозолевский, Тереножкин:** В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: (А.И. Тереножкин отв. ред.), Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-63.
- Клочко, Скорый 1993:** В.И. Клочко, С.А. Скорый, К исследованию позднечернолесского погребального обряда. РА 4, 1993, 54-64.
- Ковпаненко 1968:** Г.Т. Ковпаненко, Раскопки Трахтемировского городища. Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып.2 (Киев, 1968), 103-106.
- Ковпаненко 1981:** Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Ковпаненко 1984:** Г.Т. Ковпаненко, «Червона Могила» у с. Флярковка. В сб.: (А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко отв. ред.), Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва 1984), 107-113.
- Ковпаненко 1998:** Г.Т. Ковпаненко, Поселение предскифского времени на Днестре у с. Комаров. Скифы. Хазары. Славяне. Русь. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова (Санкт-Петербург 1998), 33-34.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1987:** Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А.Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киев 1989).
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994:** Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: (Е.В. Черненко отв. ред.), Древности скифов (Киев 1994), 41-63.
- Кубышев, Полин, Черняков 1985:** А.И. Кубышев, С.В. Полин, И.Т. Черняков, Погребение раннежелезного века на Ингульце. СА 4, 1985, 144-154
- Максимов, Петровская 2008:** Е.В. Максимов, Е.А. Петровская, Древности скифского времени Киевского Поднепровья (Киев 2008).
- Мелюкова 1979:** А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Петренко 1978:** В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. САИ, вып. Д1-4 (Москва 1978).
- Назаров 2002:** О. Назаров, Звіт про рятівні археологічні дослідження кургану скіфського часу біля села Воронівка Городищенського району Черкаської області у 2002 році. НА ИА НАНУ, 2002/132 (Київ 2002).
- Петренко 1978:** В.Г. Петренко, Украшения Скифии VIII—III вв. до н.э. САИ. Вып.Д4-5 (Москва 1978)
- Петровська 1968:** С.О. Петровська, Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині, Археологія Т.21, 1968, 164-174.
- Скорый 1990:** С.А. Скорый, Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя) (Київ 1990).
- Скорый 1999:** С.А. Скорый, Киммерийцы в Украинской лесостепи (Киев 1999)
- Смирнова 1998:** Г.И. Смирнова, Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике. МАИ-ЭТ, Т. VI (Симферополь 1998), 77-121.
- Смирнова 2001:** Г.И. Смирнова, Гальштатский компонент в раннескифской культуре Лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). РА 4, 2001, 33-44.
- Тереножкин 1961:** А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Тереножкин 1954:** О.І. Тереножкин, Курган біля с. Глеваха. Археологія Т.IX, 1954, 80-97.
- Ханенко, Ханенко 1899:** Б.Н. Ханенко, В.И. Ханенко, Древности Придніпров'я. Вып. 2 (Киев 1899).
- Шевченко 2004:** Н.П. Шевченко, Нові дані до вивчення поховального обряду населення Середнього Подніпров'я передскифської доби. Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології. Матеріали Міжнародної наукової конференції (Київ 2004), 100-102.
- Daragan 2004:** M. Daragan, Periodisierung und Chronologie der Siedlung Žabotin. *Eurasia Antiqua*, Bd.10, 2004, 55-146.
- Vasiliev 1980:** V. Vasiliev, *Scitii agatirși pe teritoriul României* (Cluj-Napoca 1980).
- Vulpe 1965:** Al. Vulpe, Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien (Die Basarabi-Kultur). *Dacia*, N.S. T. IX, 1965, 105-132.

Даниил Воронцов, бывший сотрудник Института археологии НАН Украины

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины; e-mail: idanfirs@ukr.net

КЛАД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ СЕЛА БАХУ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Валентин ДЕРГАЧЕВ, Кишинэу

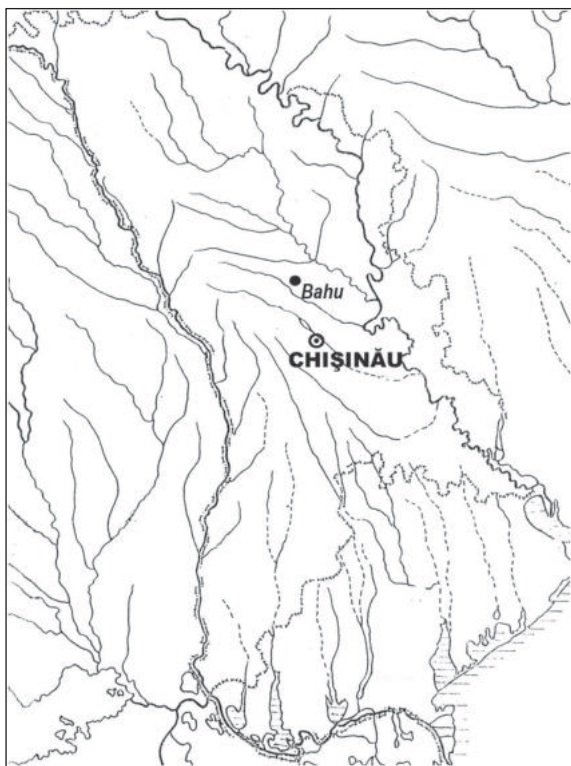
Depozitul din bronzul târziu din satul Bahu, Republica Moldova. Articolul este dedicat valorificării unui nou depozit de bronzuri descoperit în anul 2012 în zona satului Bahu (com. Săseni, raionul Călărași) din R. Moldova. Depozitul include piese atât de origine locală, nordpontică, cât și de la Dunărea de Jos. Depozitul este datat în perioada BrD, fiind atribuit purtătorilor culturii Noua.

Статья посвящена публикации нового клада, открытого в 2012 г у села Баху (коммуна Сэсень, район Кэлэрашь) в Р. Молдова. Клад содержит как местные, северопричерноморские, так и изделия нижнедунайских типов. Клад датируется периодом BrD и связывается с носителями культуры Ноуа.

Late Bronze Age hoard from the Bahu village, Republic of Moldova. The article deals with the publication of a new hoard, found in 2012 in the Bahu village (Săseni commune, Călărași region), Republic of Moldova. The hoard includes some items of local origine (northern Black sea region), as well as the bronze items from the Lower Danube types. The hoard is related to the BrD period and is being assigned to the Noua culture.

Key words: Late Bronze Age, hoard, Bahu village, the Noua culture.

В июне 2012 года близ села Баху/Bahu (коммуна Сэсень/Săseni, р-н Кэлэрашь), в центральной части Республики Молдова (Илл. I), был открыт очередной клад бронзовых предметов периода поздней бронзы. По имеющейся информации, клад был найден случайно в 1,5 км к СВ от села, на лесной

Илл. I. Клад Баху, географическая локализация.

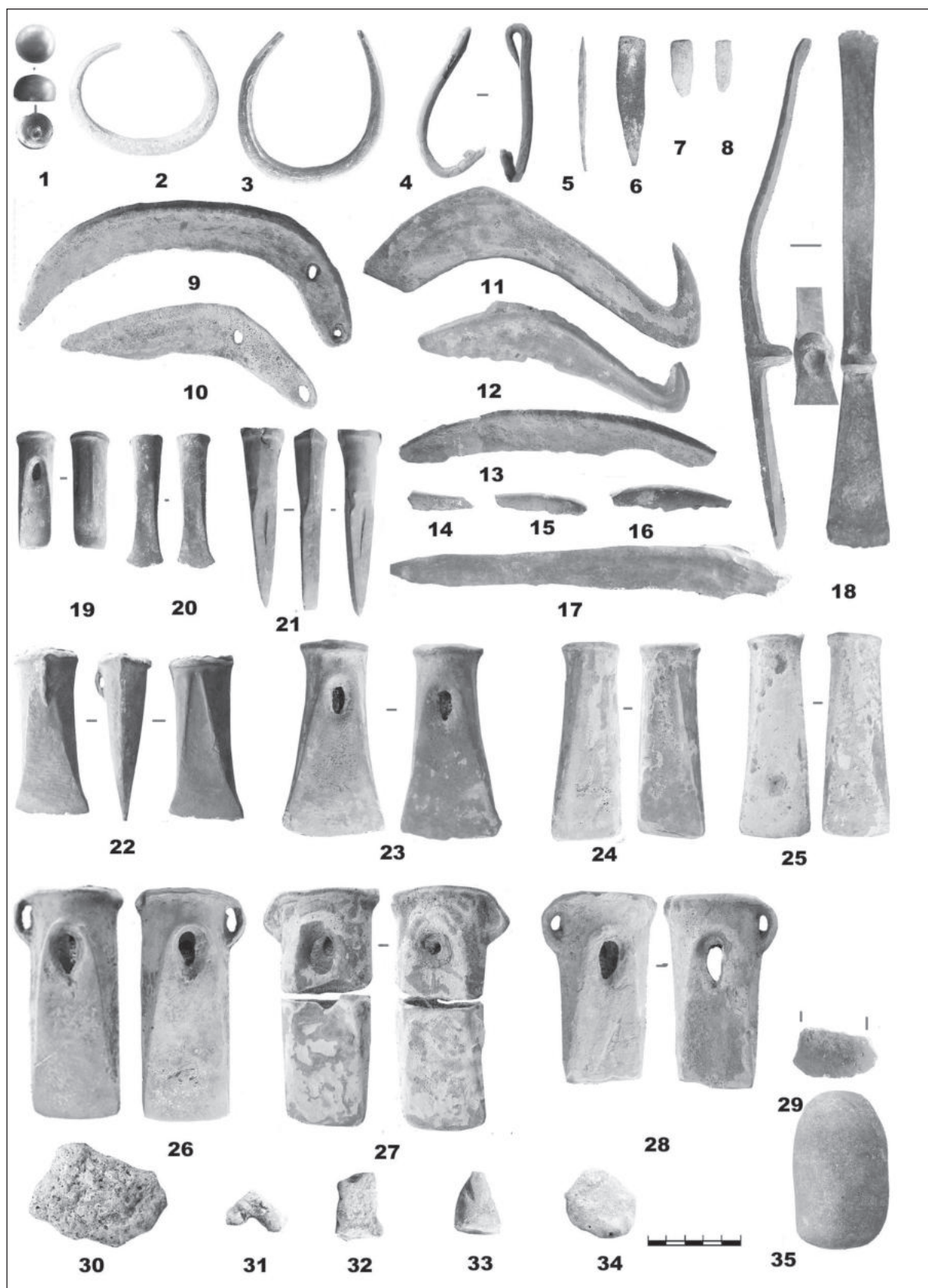
дороге. Все предметы клада залежали в беспорядке, на глубине 0,1-0,15 м, в радиусе около одного метра. Собранные предметы поступили в частную коллекцию и мне остается лишь поблагодарить находчика за представленные качественные фотографии, которые и легли в основу этой публикации. К сожалению, личная зарисовка материала и снятие точных метрических показателей изделий было недоступно.

Клад объединяет 35 предметов, среди которых 29 целых и фрагментированных орудий труда и украшений (Илл. П,1-29), пять кусков зашлакованного металла (Илл. П,30-34) и каменный пест (Илл. П,35).

Среди орудий труда имеются восемь кельтов (Илл. П,22-29), три долота (Илл. П,19-21), один целый и восемь фрагментированных серпа (Илл. П,9-17), один из которых был переделан в нож (Илл. П,17), три мелких обломка то ли от серпов, то ли от ножей (Илл. П, 6-8), рыболовный крючок (Илл. П,4), шило (Илл. П,5) и один предмет, функциональное назначение которого остается неясным (Илл. П,18). Украшения представлены двумя браслетами (Илл. П, 2-3) и полусферической бляшкой (Илл. П,1).

Кельты

1-3. Три кельта типа *Рышеить*. Это одноушковые кельты с хорошо выраженными ободками по краю втулки, с арковидными фасками, с пещерками на них. Все они имеют подпрямоугольное в плане тулово и шестигранное сечение.

Илл. II. Клад Баху. 1-34 – бронза, 35 – камень.

1. Кельт, отличающийся хорошей сохранностью (Илл. II,26; III,23). Лезвийная часть откована и заострена, был в работе. Высота 12,5, ширина тулова под ушком 4,5, ширина лезвия 4,6 см.

2. Кельт, разломанный в древности на две половинки. Отличается несколько суживающимся к лезвию под клин туловом (Илл. II,27; III,24). Ушко залито металлом. Поверхность сильно окислена, со своеобразной корочкой “выветривания”. Высота в целом виде около 12,4, ширина тулова под ушком 4,7, ширина лезвия 4,1 см.

3. Кельт, лезвие которого было обломано в древности, а затем вторично заточено. Имеет несколько суживающееся к лезвию тулово (Илл. II,28; III,25). Поверхность в хорошем состоянии. Высота 10,4 (в исходном состоянии около 12,5), ширина тулова под ушком 4,7, ширина лезвия 4,2 см.

Кельты типа Рышешть были рассмотрены автором в специальной работе (Дергачев 2010, 34 и след.), а дополнительные сведения по ним можно найти во второй статье автора, в этом же номере журнала. Отметим лишь что, судя по внешним параметрам (размеры, подклиновидная конфигурация тулова, залитость металлом одного из ушек), все три кельта воспринимаются как относительно архаичные изделия и, вероятнее всего, восходят еще к начальным этапам периода BrD. В Молдове кельты этого типа известны покладам Избиште, Христич, Вэрвэреука и по целой серии единичных находок (Dergachev 2002, Taf. 21H; 31B,2-3; 39,1-2; 40E; 41C; 43E; 44A.D.H и др.).

4. Безушковый кельт малых размеров, высоких пропорций, с расширяющимся к лезвию туловом, шестигранный в сечении (Илл. II,23; III,20). Имеет утолщенный край втулки, арковидные фаски, с пещерками на них. Кельт хорошей сохранности. Лезвийная часть откована и заточена, был в работе. Высота 10,5, ширина тулова под ободком 3,2, ширина лезвия 5,3 см. Подобные изделия характерны для Нижнего Подунавья и датируются концом периода BrD–NaA1. По размерам и пропорциям этот кельт более всего близок кельтам типа Данку-Есеница (Дергачев 2011, 92, таб. 15,1-3.15-17), а по наличию пещерок – некоторым из кельтов варианта Ойнаку (там же, 65 и след., таб. 10,123.126.135-136). Первые в Молдове известны покладу Данку (Dergachev 1991, 411, fig. 1,3-4), вторые – покладу Еникиой (Дергачев 2010, 121, рис. 1,1-2) и случайной находке из Рышканского района (Dergachev 2002, Taf. 41D).

5-6. Два кельта типа Касимча. Безушковые, высоких пропорций, со слабо выраженными ободками по краю втулки, со сплошными трапециевидными фасками. Тулова кельтов слегка расширяются к

лезвию, шестигранные в сечении. Лезвийные части откованы и заточены.

5. Высота 10,2, ширина тулова под ободком 2,5, ширина лезвия 3,6 см (Илл. II,24; III,21).

6. Высота 10,6, ширина тулова под ободком 2,5, ширина лезвия 3,5 см (Илл. II,25; III,22).

Кельты рассматриваемого типа выделены для Нижнего Подунавья, но достаточно часто встречаются и в Восточном Прикарпатье, и в Северном Причерноморье. Датируются концом периода BrD–NaA1. В Молдове эти кельты известны покладу Кишинэу, единичным находкам из Тигина/Бендер и Комрата (Дергачев 2011, 117 и след., таб. 20,41-49.51-56).

7. Кельт с лобным ушком типа Красный Маяк. Тулово плавно расширяется к лезвию, симметричный в профиле. Имеет валиковое утолщение по краю втулки, трапециевидные фаски, как бы ограниченные тонкими нервюрами, шестигранный в сечении. На одной из фасок, в ее верхней части, имеется простое лобовое ушко. Лезвийная часть откована на расширение и заточена (Илл. II,22; III,19). Высота 8,9, ширина тулова под ободком 3, ширина лезвия 4 см. Проблема происхождения и эволюции кельтов-тесел с лобным ушком недавно была рассмотрена в специальной работе Е. Ушурелу (Uşurelu 2011). Наиболее точными аналогиями нашему экземпляру могут послужить негативы двусторонней литейной формы изклада Красный Маяк (Bočkarev, Leskov 1980, 16, Taf. 6,47a). В Молдове два кельта этого типа известны покладу из Мындрешть (Dergachev 2002, 38, Taf. 37,A1-2). Время бытования этих кельтов – периоды BrD–NaA1.

8. Лезвийная часть кельта неопределенного типа (Илл. II,29; III,26). Максимальная высота сохранившегося фрагмента 2,6 см, ширина лезвия 4,5 см.

Долота

9-11. Представлены тремя разнотипными экземплярами.

9. Цельнолитое втульчатое желобчатое долото с подпрямоугольным в плане туловом с хорошо выраженным арковидным желобком, с пещеркой в верхней его части. Край втулки усилен валиковым утолщением. На оборотной стороне долота имеется слабо выраженная вертикальная нервюра. Лезвийная часть долота сильно изношена из-за длительного использования. Лезвие дуговидное, заточено (Илл. II,19; III,16). Максимальная высота долота 6,4 (в изначальном виде – около 8) см, ширина тулова под ободком 1,3, ширина лезвия 1,3 см. Втульчатые желобчатые долота специально рассматривались и в работе Е. Ушурелу (Uşurelu 2010), и в работе авто-

ра (Дергачев 2011, 216 и след.). Идентичные желобчатые долота с пещерками известны как покладам периода BrD из Рышешть и Гермэнешть (Правобережье Прута), по кладу Курячи Лозы (Побужье), так и по единичным находкам в Мунтении (Сэрата Монтеору) и Северо-Восточной Болгарии (Дергачев 2011, 217, рис. 136,4-5.12.14.15.23).

10. Цельнолитое втульчатое долото. Имеет слабо выраженное утолщение края втулки. Тулово несколько сужается книзу, с резким расширением к дуговидному лезвию. В верхней части имеет округлое сечение, а в нижней – прямоугольное (Илл. II,20; III,17). Высота 7,3, ширина под краем втулки 1,7, ширина лезвия 2 см. В типологическом отношении более всего соотносится с долотами типа АП-АПШ по классификации Е. Ушурелу (Uşurelu 2010, 14, fig. 3,16.18-21). Датируется периодом BrD.

11. Цельнолитое втульчатое долото. Отлито в двусторонней форме. По верхнему краю проходит хорошо выраженное валиковое утолщение. Тулово сужается книзу под клин к узкому плоскому лезвию. В верхней части имеет округлое сечение, а в нижней – подпрямоугольное (Илл. II,21; III,18). Высота 9,5, ширина под краем втулки 1,8, ширина лезвия 0,7 см. Долота сходных форм характерны как для Восточной Европы (Uşurelu 2010, 15, fig. 4,3.6-7.10-11), так и для Трансильвании (Bălan 2009, Pl. XI, A17.27a). Датируется периодом BrD–HaA.

Серпы

12-13. Два серпа типа *Хелешть* дуговидно-коленчатой формы с двумя отверстиями на рукояточной части. Отлиты в односторонних закрытых формах. Спинки серпов усилены ребристым утолщением.

12. Целый серп. Лезвийная часть откована и заточена, был в работе (Илл. II,9; Илл. III,9). Максимальная длина по хорде 17,8, ширина лезвия 2,7 см.

13. Серп с невышедшей при литье лезвийной частью. Полуфабрикатное изделие без следов вторичной обработки (Илл. II,10; Илл. III,10). Максимальная длина по хорде 14,1 (в целом виде – около 18), ширина лезвия 2,5 см.

Серпы типа *Хелешть* – одна из ведущих форм, характерных для культуры Ноуа Карпато-Поднепровья (Дергачев, Бочкарев 2002, 237 и след.; Dergachev, Bochkarev 2006, 286 и след.). Из новых принципиальных открытий последнего десятилетия особо обращают на себя внимание две створки литейных форм с негативами подобных серпов из клада Днепрово-Каменка (Гершкович 2009, 581, рис. 3,1-2), которые, вопреки прежним предположениям (Дергачев, Бочкарев 2002, 252 и

след.; Dergachev, Bochkarev 2006, 306 и след.), окончательно подтверждают мысль о том, что, как и в случае многих других форм, серпы типа *Хелешть* были выработаны в мастерских культуры Сабатиньки Нижнего Поднепровья, но чаще всего были реализованы в ареале культуры Ноуа лесостепного Пруто-Днестровья. Датируются периодом BrD и отчасти периодом HaA1.

14-15. Два серпа типа *Гермэнешть*. Это дуговидно-коленчатые серпы, рукояточная часть которых завершается цельнолитым крюком. Отлиты в односторонних закрытых формах. Спинки серпов усилены ребристым утолщением.

14. Серп с обломанной в древности носковой частью. Лезвийная часть откована и заточена, был в работе. Место литника не просматривается (Илл. II,11; III,11). Максимальная длина по хорде 17,3 (в целом виде – около 20,5), ширина лезвия по линии излома 2,7 см. Длина рукояточной части 13,4, лезвийной – около 13,5 см. По соотношению двух последних показателей, серп вероятнее всего относится к варианту *Гермэнешть*.

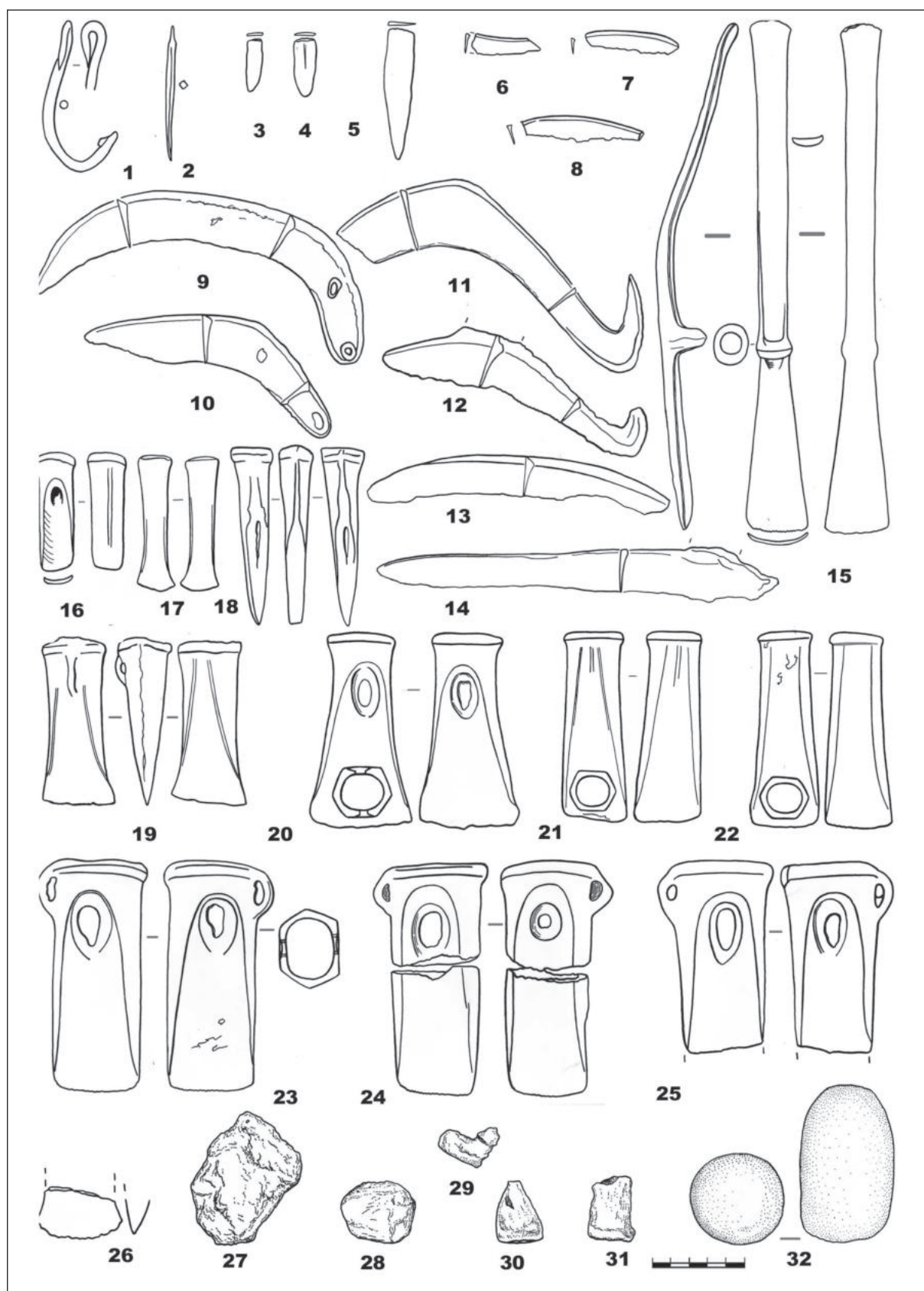
15. Серп с не вышедшей при литье лезвийной частью. Полуфабрикатное изделие без следов вторичной обработки. Был отлит со стороны коленчатого изгиба (Илл. II,12; III,12). Максимальная длина по хорде 14,5 (в целом виде – около 19), ширина лезвия 2,7 см. Длина рукояточной части 9,7, лезвийной – около 11 см. По соотношению двух последних показателей, серп вероятнее всего относится к варианту *Илишень*.

Крюкастые серпы типа *Гермэнешть* (с тремя вариантами: *Гермэнешть*, *Ружиноаса* и *Илишень*) характерны для культуры Ноуа преимущественно Пруто-Сиретского междуречья, откуда они вместе с носителями культуры Ноуа передались в Трансильванию, получив там чрезвычайно широкое распространение. Датируются они периодом BrD и отчасти периодом HaA1 (Дергачев, Бочкарев 2002, 188 и след.; Dergachev, Bochkarev 2006, 229 и след.; Petrescu-Dîmbovița 1978, 57 и след.).

16-20. Пять фрагментов серпов неопределенных типов.

16. Лезвийная часть серпа, отлитого в односторонней закрытой форме, с утолщенной спинкой. Лезвие отковано и заточено (Илл. II,13; III,13). Максимальная длина фрагмента 16,1, ширина лезвия 2,1 см.

17. Лезвийная часть дуговидно-коленчатого серпа, отлитого в односторонней закрытой форме, с утолщенной спинкой. Серп был отлит со стороны коленчатого изгиба. После облома, лезвийная часть была выпрямлена и превращена в однолезвийный нож. Лезвие ножа отковано и заточено (Илл. II,17;

Илл. III. Клад Баху. 1-31 – бронза, 32 – камень.

III,14). Максимальная длина ножа 21,4, ширина лезвия 2,3 см.

18. Небольшой обломок, по-видимому, от рукояточной части серпа, отлитого в односторонней закрытой литейной форме, с утолщенной спинкой (Илл. II,14; III,6). Макс. длина фрагмента 3,7, ширина 1,1 см.

19. Небольшой фрагмент лезвийной части серпа, отлитого в односторонней закрытой литейной форме, с утолщенной спинкой (Илл. II,15; III,7). Максимальная длина фрагмента 5,1, ширина 1,1 см.

20. Фрагмент лезвийной части серпа, отлитого в односторонней закрытой литейной форме, с утолщенной спинкой (Илл. II,16; III,8). Максимальная длина фрагмента 6,5, ширина 1,4 см.

21-23. Три плоских острия от неопределенных предметов.

21. Плоское острие с клиновидным сечением, возможно – носковая часть серпа (Илл. II,6; III,5). Максимальная длина фрагмента 7, ширина 1,5, толщина одного из краев 0,2 см.

22. Плоское острие со слабо просматривающейся медиальной нервюрой, возможно – острие двухлезвийного кинажала или ножа (Илл. II,7; III,4). Длина фрагмента 3, ширина 1,2, толщина 0,2 см.

23. Плоское острие (Илл. II,8; III,3). Длина фрагмента 2,8, ширина 0,8, толщина 0,2 см.

24. Шило простой формы, с ромбовидным сечением и коротким, суженным черенком (Илл. II,5; III,2). Длина 7,2, длина черенка 0,9, толщина 0,3х0,3 см.

25. Бронзовый рыболовный крючок из проволоки круглого сечения. Имеет простое петлевидное ушко и хорошо выраженное жало (Илл. II,4; III,1). Максимальная высота 8, диаметр сечения проволоки 0,4 см.

26. Предмет неизвестного предназначения в форме удлиненного плоского двухлезвийного тесла, с кольцевидным ушком на одной из плоскостей. Отлит в двухсторонней закрытой литейной форме. Его внешняя сторона несколько выпуклая, а внутренняя, с кольцевым ушком – вогнутая. Нижний, наиболее расширенный конец предмета заточен и имеет дуговидное в профиле очертание (Илл. II,18; III,15). Максимальная высота предмета 27,2, ширина в нижней части 3,3, в верхней – 2,1 см. Внешний диаметр кольцевидного ушка 2 см, диаметр отверстия – 1 см.

На сегодняшний день единственной аналогией описанному предмету является негатив предмета на литейной форме из Дудчаны (р-н Нововоронцовка, обл. Херсон), на которой он сочетается с негативом кинжала-меча типа Красный

Маяк и негативом двухушкового кельта с арковидными фасками с пещеркой (Gerškovič 1999, Taf. 49,1-4).

Украшения

27-28. Два браслета овальной формы с несомкнутыми концами. Изготовлены из жгута овального сечения, равномерно суживающихся к противоположным концам. Оба браслета украшены выгравированными полосками из нескольких параллельных линий в сочетании с заштрихованными треугольниками и короткими насечками.

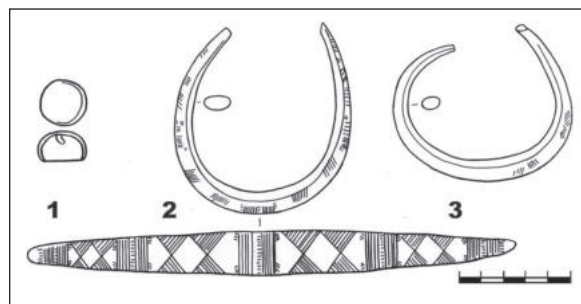
27. Браслет с хорошо сохранившимся орнаментом (Илл. II,3; IV,2). Его диаметр 7,8х8,6 см. Максимальная длина жгута в выпрямленном виде 21,6, ширина 1,8, толщина 0,8 см.

28. Браслет со сходным, но сильно стертым орнаментом (Илл. II,2; IV,3). Его диаметр 7,8х6,6 см. Длина жгута в выпрямленном виде 20,6, ширина 1,7, толщина 0,8 см.

Описанные браслеты, с тем же или близко сходным в стилистическом отношении орнаментом, вполне обычны для комплексов периодов BrD–HaA1 румынской Молдовы и Трансильвании (Petrescu-Dîmbovița 1998, Taf. 52,597; 56,651; 64,786-788; 70,884-884A; 82,1027.1035; 93,1154-1158 и др.). В Молдове наиболее близкими аналогиями этим браслетам являются два экземпляра из клада Вэрвэреука Флорештского района (Dergașev 2002, Taf. 39,8-9).

29. Бляшка полусферической формы с гвоздевидным язычком (обломан) на внутренней стороне. Отлита в двусторонней закрытой форме и отличается непропорционально толстыми стенками (Илл. II,1; IV,1). Ее диаметр 2,1, высота 1,3, толщина стенок – до 0,2 см.

Как уже отмечалось, помимо бронзовых изделий, в состав клада входят пять аморфных кусков зашлакованного металла (Илл. II,30-34; III,27-31) и каменный пест. Последний изготовлен из плотной породы коричневого цвета, имеет форму невысокого цилиндра с заметно сработанными обоими

Илл. IV. Клад Баху. Украшения – бронза.

концами (Илл. П,35; III,32). Его высота 8,3, диаметр сечения – 5 см.

Как и большинство других металлических комплексов Молдовы (Лозова, Данку, Кишинэу, Еникиой, Мындрешть), клад из Баху характеризуется смешанным составом и включает в себя как изделия обычные для местного-ноавского металлопроизводства (кельты типа Рышешть – Илл. П,26-28; серпы типа Хелешть – Илл. П,9-10; серпы типа Гермэнешть – Илл. П,11-12), изделия сугубо северопричерноморских, сабашиновских типов (кельт-тесло с лобным ушком типа Красный Маяк – Илл. П,22; своеобразное теслообразное орудие – Илл. П,18), так и изделия, свойственные для нижнедунайского очага металлообработки (кельты типа Данку-Ойнаку – Илл. П,23; кельты типа Касимча – Илл. П,24-25).

Своеобразие этого клада выражается в сочетании готовых или фрагментированных изделий с остатка-

ми металлопроизводственной деятельности, засвидетельствованных кусками зашлакованной бронзы (Илл. П,30-34) и каменным пестом (Илл. П,35).

Клад Баху оценивается нами как комплекс длительного накопления, пополняющийся на всем протяжении периода BrD. Наиболее ранними для него представляются кельты крупных размеров типа Рышешть (Илл. П,26-28), один из крюкастых серпов, по-видимому, варианта Гермэнешть (Илл. П,11) и, возможно, тесловидное орудие (Илл. П,18). Наиболее поздними для клада выступают кельт с лобным ушком типа Красный Маяк (Илл. П,22) и безушковые кельты нижнедунайских типов (Илл. П,23-25), датирующиеся концом периода BrD – началом периода HaA1.

Соответственно сказанному, клад из Баху связывается с носителями культуры Ноуа, его общая датировка оценивается периодом BrD, а его депозитирование – началом периода HaA1.

Библиография

- Гершкович 2009:** Я.П. Гершкович, Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. *Stratum plus* 2, 2009, 578-590.
- Дергачев 2010:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып 1 (Кишинэу 2010).
- Дергачев 2010а:** В.А. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего Гальштатта с территории Молдовы. *RA*, vol. VI, nr. 2, 120-129.
- Дергачев 2011:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья (Кишинэу 2011).
- Дергачев, Бочкарев 2002:** В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).
- Bălan 2009:** G. Bălan, Cronologia și tipologia dărilor de bronz cu toc de înmănușare din România. *Apulum* XLVI, 2009, 1-40.
- Bočkarov, Leskov 1980:** V.S. Bočkarov, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *PBF* XIX, B. 1. (München 1980).
- Dergachev 1991:** V. Dergachev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu. *Thraco-Dacica* 12, 1-2, 1991, 39-55.
- Dergachev 2002:** V. Dergachev, Die äneolithischen und brozezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. *PBF* XX, B. 9. (Stuttgart 2002).
- Dergachev, Bočkarov 2006:** V. Dergachev, V. Bočkarov, Secerele de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est (Iași 2006).
- Gerškovič 1999:** Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. *Archäologie in Eurasien*. B.7. (Rahden/Westf. 1999).
- Petrescu-Dîmbovița 1978:** M. Petrescu-Dîmbovița, Die Sichel in Rumänien. *PBF* XVIII, B.1. (München 1978).
- Petrescu-Dîmbovița 1998:** M. Petrescu-Dîmbovița, Der Arm- und Beinschmuck in Rumänien. *PBF* X, B.4. (München 1998).
- Ușurelu 2010:** E. Ușurelu, Apariția și evoluția dărilor cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *RA*, vol. VI, nr. 2, 2010, 5-23.
- Ușurelu 2011:** E. Ușurelu, Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *RA*, vol. VII, nr. 1-2, 2011, 47-54.

Валентин Дергачев, доктор хабилитат исторических наук, Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ГАЛЬШТАТТА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Валентин ДЕРГАЧЕВ, Кишинев

Noi complexe și descoperiri izolate de piese metalice din bronzul târziu – Hallstattul timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova. Articolul este dedicat valorificării a două depozite și unei serii de piese din bronz găsite izolat, recent descoperite în Republica Moldova. Depozitul din satul Codreanca (raionul Strășeni) și o parte din piesele izolate sunt datate în perioada BrD (cultura Noua). Depozitul din satul Petrușeni (raionul Rîșcani) și o parte din piesele izolate țin de perioada Hallstattului timpuriu (prioritar cultura Chișinău-Corlăteni).

Статья посвящена публикации двух кладов и серии единичных находок эпохи бронзы, недавно открытых в Республике Молдова. Клад из села Кодрянка (район Стрэшень) и часть единичных находок датируются периодом BrD (культура Ноуа). Клад из села Петрушень (район Рышкань) и часть единичных находок относятся к периоду раннего Гальштатта (преимущественно культура Кишинэу-Корлэтень).

New hoards and isolated findings of metal items of the Late Bronze Age - Early Hallstatt, discovered in the Republic of Moldova. In the article will be presented two hoards and a collection of single finds of bronzes recently discovered in the Republic of Moldova. The first hoard and a part of the single finds, found in Codreanca village (Strășeni district) are date from the BrD period (Noua Culture). The second hoard, found in the Petrușeni village (Rîșcani district) and some single finds related to the early Hallstatt period (priority Corlateni-Chisinau Culture).

Key words: Codreanca village, Noua Culture, Petrușeni village, Corlateni-Chisinau Culture

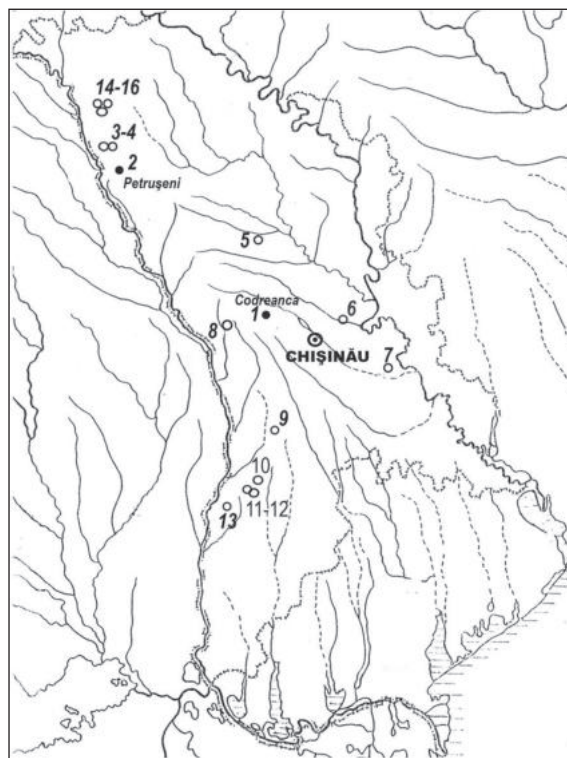
Настоящая статья посвящена публикации двух новых кладов и серии единичных находок металлических предметов, открытых на территории Р. Молдова за последние два года. Речь идет о материалах, добытых иллегальным путем, ставшими известными автору благодаря опосредованной конфиденциальной информации или же через «Онлайн ресурс». Большинство этих материалов, следует полагать, давно покинули пределы страны. Задача автора – сохранить эти данные для науки.

Клад Кодрянка/Codreanca, р-н Стрэшень (Илл. 1, №1).

Происходит из центральной части Р. Молдова. Условия обнаружения неизвестны. Включает пять предметов.

1. Одноушковый кельт *типа Рышеить* (Илл. 2,1; 3,5). Характеризуется подпрямоугольными очертаниями, шестигранный в сечении, с хорошо выраженным ободком по краю втулки и слегка расширенной лезвийной частью. Имеет арковидно оформленные фаски со сквозными отверстиями-пещерками на них. Отличается крупными размерами (высота тулова 12,8, шир. лезвия 5 см) и тяжелым весом (438 г.). Лезвийная часть откована и заточена.

2. Цельнолитое желобчатое долото *типа Малые Копани* (Илл. 2,2; 3,4). Имеет прямоугольные в плане очертания, хорошо выраженный ободок по краю втулки, удлиненный глубокий желобок и дуговидное лезвие. На тулове отчетливо просмат-

Илл. 1. Локализация местонахождений.

Клады: 1 – Кодрянка, 2 – Петрушень; единичные находки: 3-4 – Шептебань, 5 – Теленештский р-н, 6 – Фурчень, 7 – Кобуска Веке, 8 – Ниспоренский р-н, 9 – Жавгур, 10 – Кочулия, 11-12 – Капакля, 13 – Лэргуца, 14-16 – Север Молдавии (Рышканский или Единецкий р-н).

риваются тонкие вертикальные рельефные нервюры. Высота долота 13,2, максимальная ширина на уровне верхнего ободка 2,4, ширина лезвия 2,2 см. Вес 186 г.

3. Серп типа *Хелештень* (Илл. 2,3; 3,3), дуго-видно-коленчатой формы с двумя сквозными отверстиями на рукояточной части. Лезвийная часть откована и заточена. Максимальная длина серпа по хорде 20,9, длина лезвийной части 18,4, рукояточной – 9 см. Ширина лезвия в средней части 3 см. Вес 144 г.

4-5. Два шила удлинненно-биконической формы с квадратным сечением. Максимальная длина одного из них (Илл. 2,4; 3,2) 14,5 см, вес 19 г., второго (Илл. 2,5; 3,1) – 10,5 см, вес 10 г.

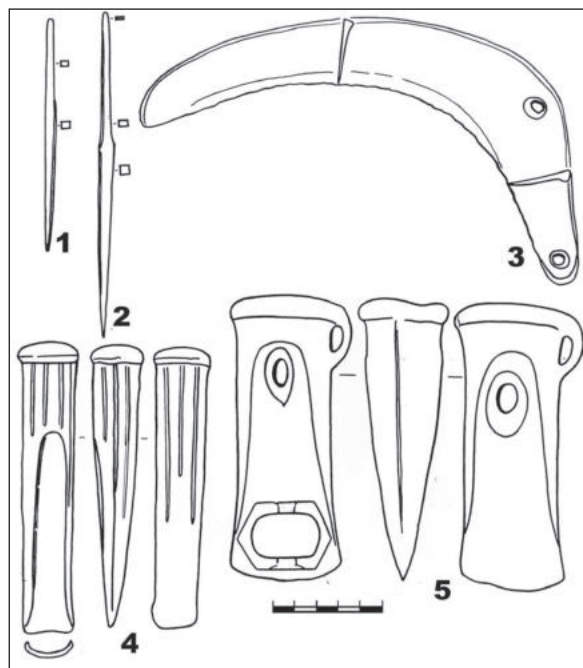
Набор изделий клада из Кодрянка вполне обычен для металлических комплексов периода BgD культуры Ноуа Восточного Прикарпатья. Это обстоятельство определяется по всем трем его основным составляющим: серпам типа *Хелештень* (Дергачев, Бочкарев 2002, 239 и след.; Dergachev, Bochkarev 2006, 286 и след.), кельтам типа *Рышешть* (Дергачев 2010а, 34 и след.) и желобчатым долотам типа *Малые Копани* (Дергачев 2011, 216 и след.), специально рассмотренных в указанных работах.

Клад Петрушень/Petruşeni, р-н Рышкань (Илл. 1, №2).

Обнаружен на оползневом склоне, по-видимому, вблизи какого-то поселения. Материалы клада были разбросаны на глубине от 0,3 до 0,4 м на полосе шириной около одного и длиной около двух метров. Клад включает 39 целых и фрагментированных предмета, среди которых пять целых

Илл. 2. Клад Кодрянка.

Илл. 3. Клад Кодрянка.

или фрагментированных кельта, фрагментированный нож (?), два наконечника копий, остальные – украшения, включительно четыре из янтаря (Илл. 4).

1. Одноушковый кельт (Илл. 5,1) со сплошными трапециевидными фасками, орнаментированными V-образно расположенными нервюрами, шестигранный в сечении. Под утолщенным краем втулки проходят три дополнительных горизонтальных ободка. Ушко не вышло при литье. На фасках имеются маленькие отверстия от неполного литья. Лезвийная часть откована и заточена. Высота 7,1, ширина тулова под основанием ушка 2,9, ширина лезвия 4 см. Глубина втулки 4,3 см. Вес 97 г.

2. Одноушковый кельт (Илл. 5,2), подовального сечения, орнаментирован дуговидными, попарно расположенными вертикальными нервюрами. Ушко не вышло при литье. Лезвийная часть откована и заточена. Высота 6,1, ширина тулова под основанием ушка 2,9, ширина лезвия 3,7 см. Глубина втулки 4,2 см. Вес 99 г.

3. Верхняя часть одноушкового кельта (Илл. 5,3) с клювовидным выступом на втулке, овально-подпрямоугольный в сечении. Обломан в древности. Максимальная высота обломка 5,8 (в целом виде около 10) см. Вес 72 г.

4. Обломок втульчатой части одноушкового кельта (Илл. 5,4) с дополнительным ободком под утолщенным краем втулки. Обломан в древности. Максимальная высота обломка 2,7 см, вес 24 г.

Илл. 4. Клад Петрушень.

5. Обломок втульчатой части одноушкового кельта (Илл. 5,5) с тремя дополнительными ободками под утолщенным краем втулки. Фаски были орнаментированы двумя дуговидными, горизонтально расположенными, нервюрами. Обломан в древности. Максимальная высота обломка 3,6 см, вес 25 г.

6. Обломок, по-видимому, небольшого ножа (Илл. 5,6) с дуговидной, односторонне утолщенной

спинкой. Обломан в древности. Лезвийная часть заточена. Максимальная длина 4,5, ширина 1,6 см. Вес 9 г.

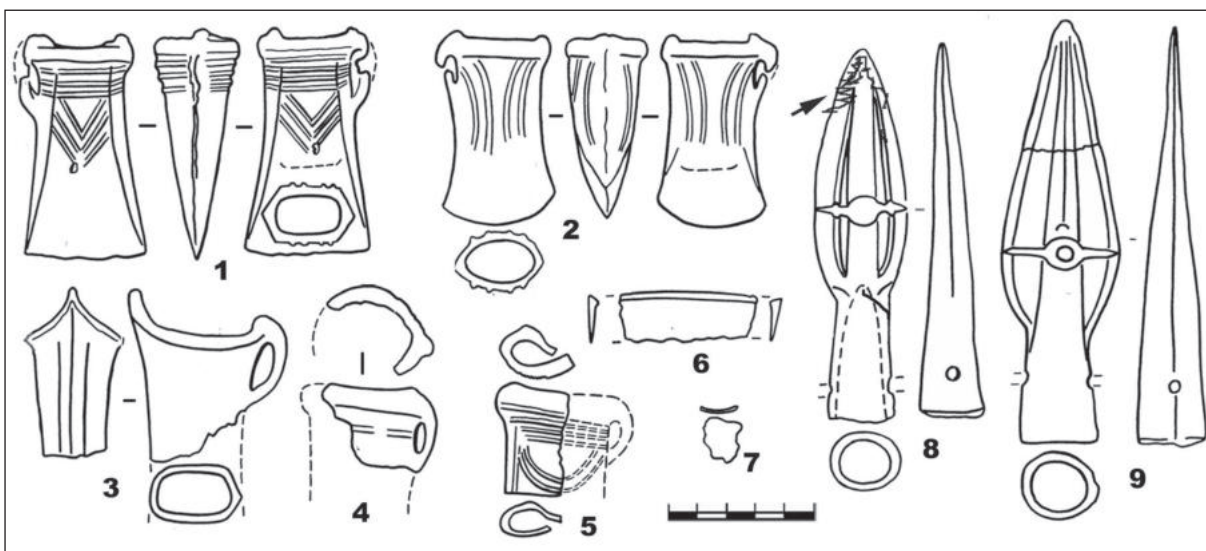
7. Наконечник копья (Илл. 5,8) с хорошо выделенной втулкой и листовидным пером. Перо снабжено двумя дополнительными продольными нервюрами. На втулке, в нижней ее части, имеются два противоположно расположенных отверстия для скрепления древка. На острие пера, с обеих сторон, отчетливо прослеживаются остатки железных окислов. Максимальная длина копья 12,3, длина пера 8 при ширине 3,1 см. Максимальный диаметр втулки 2,1 см, ее глубина – 4,5 см. Вес копья 60 г.

8. Наконечник копья (Илл. 5,9) с хорошо выделенной втулкой и простым листовидным пером. Острие пера было обломано в древности. На втулке, в нижней ее части, имеются два противоположно расположенных отверстия для скрепления древка. Максимальная длина копья 14, длина пера 10,3 при ширине 3,8 см. Максимальный диаметр втулки 2,6 см, ее глубина 7,3 см. Вес копья 77 г.

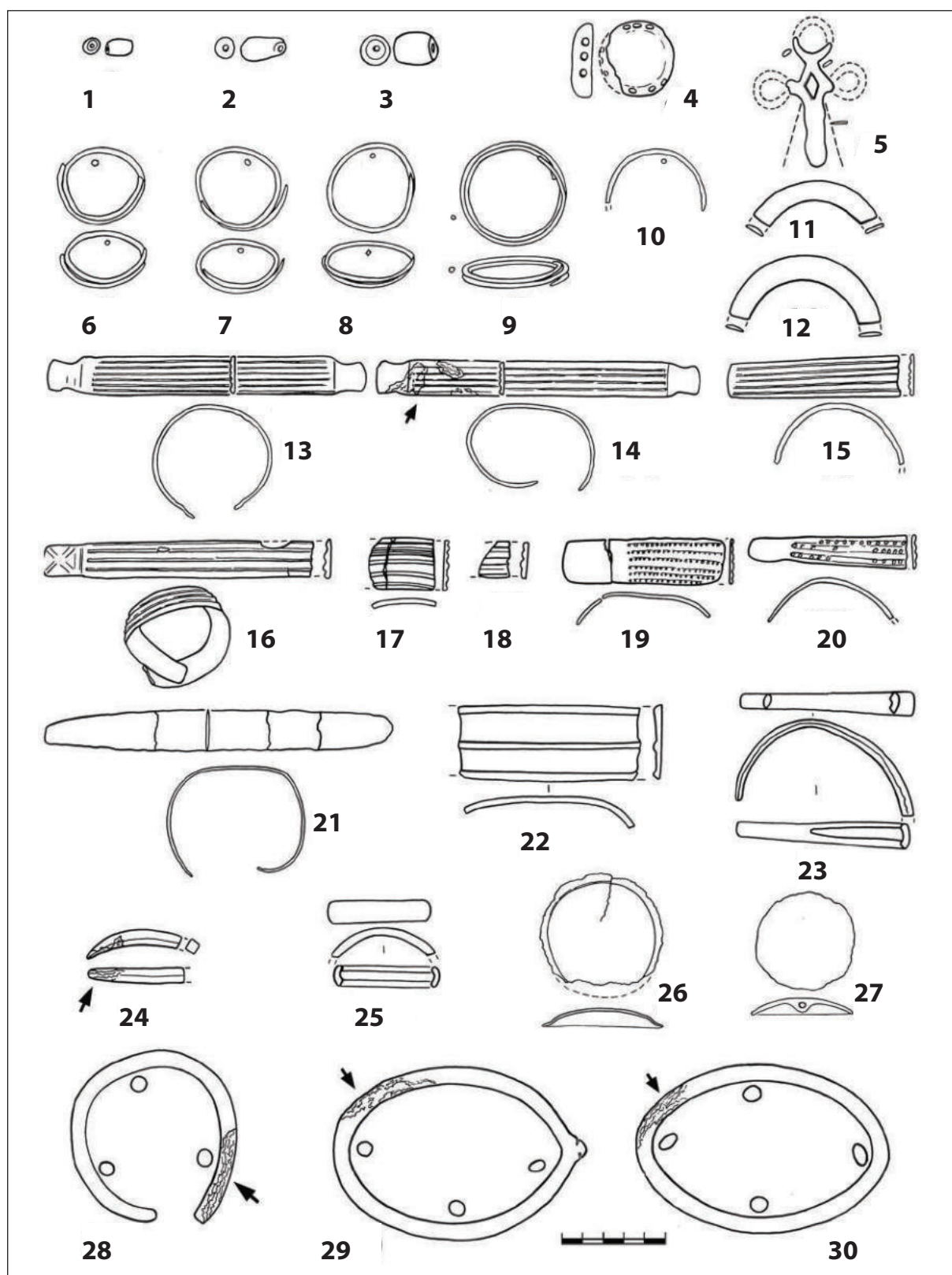
9-11. Три янтарных бусины (Илл. 6,1-3) простой подбочкообразной формы со сквозными отверстиями. Их длина и диаметры, соответственно: 11 на 7,5 мм при весе 0,36 г.; 19 на 10 мм при весе 1 г.; 18 на 16 мм при весе 2,6 г.

12. Янтарная подвеска (Илл. 6,4) дисковидной формы с тремя строенными, симметрично расположенными, боковыми отверстиями, сходящимися к ее центру. Подвеска отчасти повреждена. Диаметр подвески 3,6, толщина 0,9 см, диаметр отверстий 0,2 см. Вес 5,7 (в целом виде – около 6,5) г.

13. Верхняя часть, очевидно, ромбовидной бронзовой подвески с навершием в виде трех крес-

Илл. 5. Клад Петрушень (стрелка указывает на отпечатки окислов железа).

Илл. 6. Клад Петрушень.

1-4 – янтарь, 5-30 – бронза (стрелки указывают на отпечатки окислов железа).

товидно расположенных колец (Илл. 6,5). Нижняя часть подвески почти полностью изношена и сильно стерта. Верхнее из колец сохранилось лишь наполовину, а два боковых – утрачены. Максимальная высота сохранившейся части 6,3 см, толщина менее 0,2 см, вес 2,58 г.

14-16. Три спиральных браслета в полтора оборота. Изготовлены из проволоки округлого сечения толщиной около 0,2 см и имеют слегка заостренные концы. Диаметр одного из них 3,8х3,5 см при весе 4,33 г (Илл. 6,6), второго – 4,0х3,9, при весе 1,85 г (Илл. 6,7) и третьего – 4,2х4,2 см, при весе 3,6 г (Илл. 6,8).

17. Спиральный проволочный браслет в два оборота (Илл. 6,9). Изготовлен из сходной проволоки, диаметром 0,2 см, со слегка заостренными концами. Его диаметр 4,8 см, при весе 4,06 г.

18. Половинка витка от сходного проволочного браслета (Илл. 6,10). Его диаметр 4,7 см, вес 1,04 г.

19-20. Обломки от двух разных кольцевидных, по-видимому, цельнолитых, плоских пластинчатых браслетов, острием на ребро, обломанных в древности. Диаметр одного из них около 6,8 см, ширина браслета 0,95, толщина 0,15, вес 6 г (Илл. 6,11). Диаметр второго – около 7,5 см, ширина браслета 1,1, толщина 0,15, вес 10 г (Илл. 6,12).

21. Пластинчатый браслет с несомкнутыми концами (Илл. 6,13). Изготовлен из удлиненной прямоугольной пластины с несколько зауженными концами. Верхняя поверхность пластины украшена пятью тонкими рельефными нервюрами. Диаметр браслета 5,0х5,6, ширина 1,8, толщина 0,25 см. Вес 32 г.

22. Пластинчатый браслет, сходный с предыдущим (Илл. 6,14). На верхней поверхности одного из его концов сохранились интенсивные окислы железа. Диаметр браслета 6,1х4,0, ширина 1,52, толщина 0,25-0,3 см. Вес 33 г.

23. Половинка пластинчатого браслета со сходным орнаментом, но с невыделенным концом (Илл. 6,15). Диаметр браслета – около 6 см, ширина 1,9, толщина 0,3 см. Вес 23 г.

24. Фрагментированный пластинчатый браслет сходной формы и по орнаменту, но отличающийся тем, что на сохранившемся, слегка суженном конце, выгравированы крестообразно расположенные насечки (Илл. 6,16). Диаметр браслета в деформированном состоянии около 5 см, ширина 1,6, толщина 0,25 см. Вес 19 г.

25-26. Два мелких фрагмента от сходных браслетов. Размеры одного из них (Илл. 6,17): длина 3, ширина 2,4, толщина 0,2 см, вес 8 г. Размеры второго (Илл. 6,18): длина 1,3, ширина 1,7, толщина 0,2 см, вес 1,8 г.

27-28. Обломки от двух разных пластинчатых браслетов с несомкнутыми концами, отличающиеся от вышеописанных тем, что поверх их рельефных орнаментальных нервюр были выбиты точечные углубления. Размеры одного из обломков (Илл. 6,19): длина 7,6, ширина 2,1, толщина 0,22 см, вес 13 г. Размеры второго (Илл. 6,20): длина 7,3, ширина 1,4, толщина 0,2 см, вес 10 г.

29. Пластинчатый браслет с несомкнутыми концами (Илл. 6,21). Изготовлен из удлиненно-овальной пластины со слегка зауженными концами, линзовидного сечения. Поверхность не орнаментирована. Диаметр браслета 8,0х5,1, ширина 1,9, толщина 0,15 см. Вес 22 г.

30. Обломок широкого пластинчатого браслета с тремя продольными рельефными нервюрами (Илл. 6,22). Длина обломка 8,6, ширина 3,4, толщина 0,3 см. Вес 52 г.

31-32. Два обломка от, по-видимому, двух разных браслетов, изготовленных из жгута с внешней выпуклой, а внутренней – вогнутой поверхностями. Длина одного из них по хорде 8,2, макс. ширина 1,2, толщина 0,4 см, вес 22 г (Илл. 6,23). Длина второго 4,8, ширина 1, толщина 0,4 см, вес 9 г (Илл. 6,25).

33. Кончик браслета, изготовленного из жгута с подромбовидным сечением (Илл. 6,24). На его острие хорошо сохранились окислы железа. Длина фрагмента 4,3, максимальная толщина 0,6х0,6 см, вес 7 г.

34. Кольцевидный браслет с несомкнутыми концами из жгута округлого сечения (Илл. 6,28). Один из его концов покрыт густыми окислами железа. Диаметр браслета 8,0х7,9, диаметр жгута 0,7 см, вес 61 г.

35. Умбоновидная бляшка уплощенно-полусферической формы с выделенными профилированными краями, с хорошо пролощенной поверхностью (Илл. 6,26). Ее максимальный диаметр 5,7, высота 0,7, толщина 0,1 см, вес 12,3 г.

36. Умбоновидная бляшка уплощенно-полусферической формы, с цельнолитым, петлевидным ушком на внутренней поверхности и пролощенной внешней поверхностью (Илл. 6,27). Ее максимальный диаметр 4,6, высота 0,6, толщина 0,1 см, вес 11,3 г.

37. Цельнолитое кольцо овальной формы с небольшим выступом на одной из длинных сторон овала (Илл. 6,29). Кольцо имеет равномерно округлое сечение, а ближе к коническому выступу – подовальное. Кончик конического выступа (по-видимому, остатки литника), как бы выделен скобковидными «зарубками». На части кольца сохранились интенсивные следы окислов железа. Максимальная

длина кольца 12,0, ширина 8,2, диаметр сечения 0,8 см, вес 109 г.

38. Кольцо сходной формы, но без конического выступа (Илл. 6,30). По длинным сторонам жгут имеет округлое сечение, а по коротким – неравномерно подовальное (внешняя сторона более выпуклая, нежели внутренняя, впечатление – сильных потертостей). Как и в первом случае, на поверхности одной из оконечностей кольца сохранились интенсивные остатки окислов железа. Максимальная длина кольца 13,1, ширина 8, диаметр сечения 0,8 см, вес 131 г.

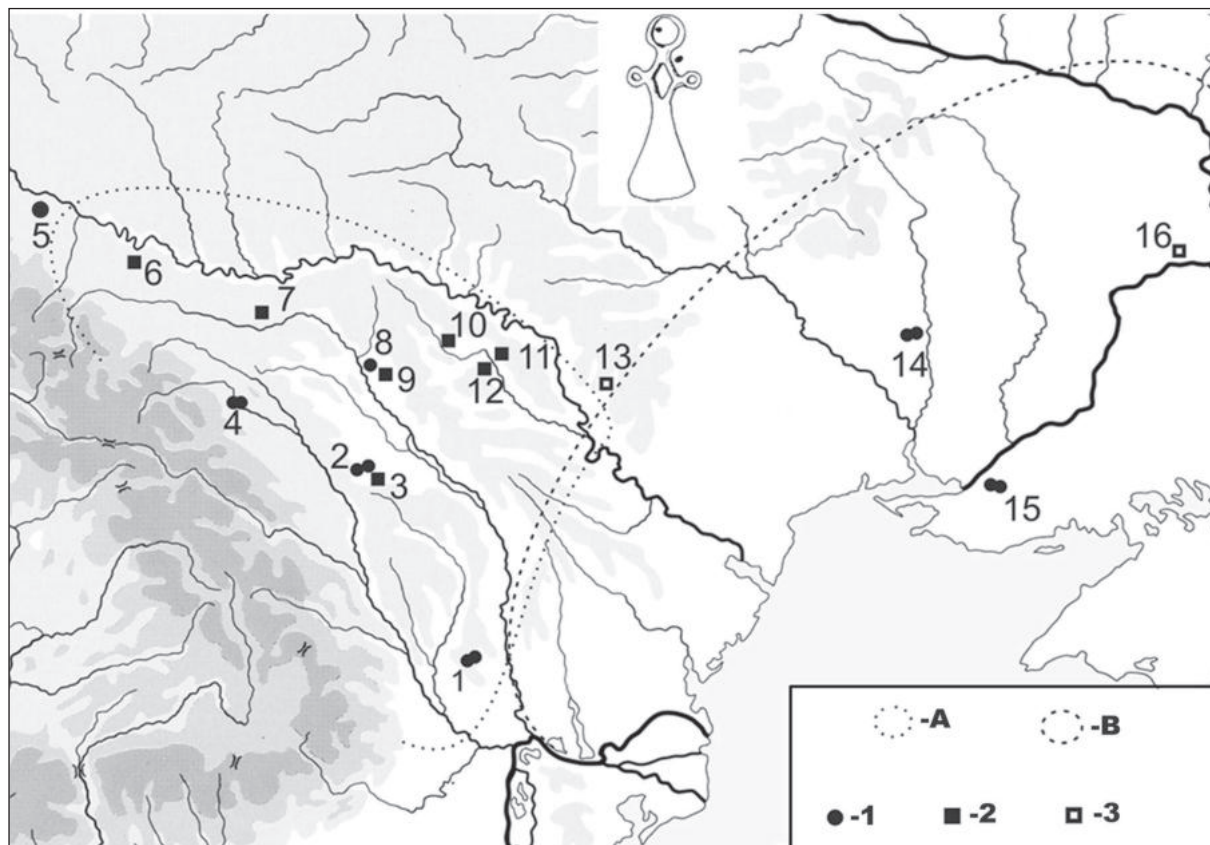
39. Мелкий обломок чешуйчатообразной формы от неопределенного предмета (Илл. 5,7).

По набору изделий клад из Петрушень представляется комплексом относительно длительного накопления.

Наиболее ранним для него изделием, вне сомнения, является остатки ромбовидной ажурной

подвески, с навершием в виде трех крестовидно расположенных колец (Илл. 6,5). В настоящее время автором зарегистрировано 15 местонахождений подобных изделий, объединяющих около 30 целых или фрагментированных подвесок, их составляющих или негативы на литейных формах. Они хорошо известны покладам, находкам с поселений, реже по единичным случайным находкам или литейным формам. Подавляющее их большинство происходит из ареала культуры Ноуа и в меньшей степени из ареала культуры Сабатиновка (Илл. 7-8).

В Румынской Молдове, семь подобных подвесок (Илл. 8,2-8) происходят из клада Бэлень/Băleni (Dragomir 1967, R 18с, 37-43); две и, по-видимому, фрагмент от третьей (Илл. 8,9-11, соответственно: высота 10,3 см, вес 12 г.; 9,4 см, вес 13 г.; 3 см, вес 3 г.) – из клада Улми-Литень/Ulmi-Liteni (Florescu 1961, 118, fig. 3,1-2,4)¹; три подвески (две целые и одна фрагментированная), из белого металла (?)

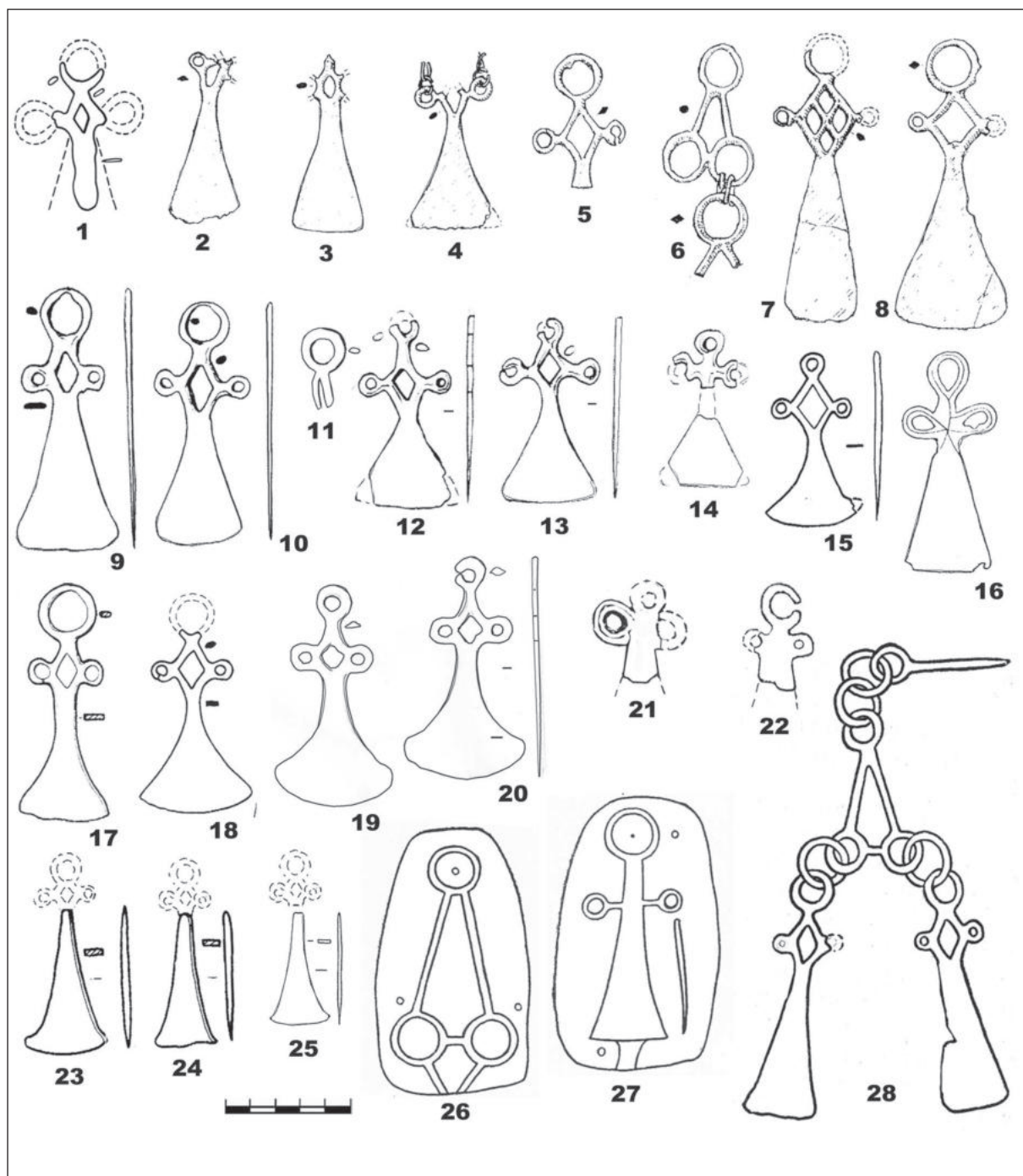

Илл. 7. Местонахождения ажурных подвесок.

1 – Бэлень, 2 – Улми-Литень, 3 – Белчешть, 4 – Сучава, 5 – Держив, 6 – Островци, 7 – Магала, 8 – Петрушень, 9 – Мэлзешть, 10 – Одая-Мичурин, 11 – Гиндешть, 12 – Рошиетич, 13 – Красный Маяк-?, 14 – Антоновка, 15 – Солонец, 16 – Вышетарасовка.

Ареалы культур: А – Ноуа, В – Сабатиновка. 1 – клады, 2 – находки с поселений, 3 – литейные формы.

¹ Muz. Iași. Инв №№ 899, 896, 901.

Илл. 8 Ажурные подвески из ареалов культур Ноуа-Сабатиновка. 1– Петрушень, 2-8 – Бэлень, 9-11 – Улми-Литень, 12-14 – Сучава, 15 – Белчешть, 16 – Держив, 17 – Рошиетич, 18 – Мэлэешть, 19-20 – Антоновка, 21 – Магала, 22 – Островци, 23-24 – Гиндешть, 25 – Одая-Мичурин, 26-27 – Вышетарасовка, 28 – Солонец. (2-8 – по I.Dragomir, 15- V.Chirica, M.Tanasachi, 16 – K.Żurowski, 21 – Г.И.Смирнова, 22 – Е.А. Балагури, 25 – Е.Сава, Е.Кайзер, 26-27 – И.Н. Шарафутдинова, 28 – А.И.Тереножкин)

(Илл. 8,12-14, соответственно: высота 7,4 см, вес 7 г.; 7,8 см, вес 7,5 г.; около 6 см) – из клада Сучава/Suceava I (Chițescu 1976, 105, fig. 3,2-4.)² и одна (Илл. 8,15, высота 6,9 см) с поверхности поселения культуры Ноа у с. Белчешть/Belcești (Chirica, Tanasachi 1984, 50, fig. 11, 1).

В Республике Молдове, помимо клада из Петрушень, две такие подвески происходят с поверхности поселений культуры Ноа у с. Рошиетич (Илл. 8,17, высота 9,4) и Мэлэешть (р-н Рышкань) (Илл. 8,18, высота 8,2 см.) (Dergachev 2002, 41, № 136; 43 № 157, Taf. 43D; Taf. 46B). Кроме того, две нижние части от подвесок по всей вероятности рассматриваемого типа (Илл. 8, 23-24) найдены в процессе раскопок поселений культуры Ноа у с. Гиндешть (Мелюкова 1961, 30, рис. 13,3-4) и одна (Илл. 8,25) у с. Одая-Мичурин (Сава, Кайзер 2011, 241-242, рис. 72,26).

На Украине, в ареале культуры Ноа Верхнего Поднестровья, подобные подвески известны по кладу из с. Держив (Илл. 8,16 – Żurowski 1949, 159, tab. 57,12) и по двум фрагментированным экземплярам (Илл. 8,21-22) с поселений упомянутой культуры у сс. Остривец (Балагурі 1968, 145, таб. 12,8) и Магала (Смирнова 1969, 15, рис. 7, 1, 21).

В Северном Причерноморье, в ареале культуры Сабатиновка, по две ажурные подвески (Илл. 8,19-20, соответственно высота 8,7 см, вес 14 г. и 8,7 см и 13 г.) входят в состав Ингульского клада из с. Антоновка (Сымонович 1966, 129, рис. 2,1-2)³ и из “клада” у с. Солонец (Илл. 8,28) (Тереножкін 1964, 204, рис. 2). Негатив подвески близко сходной формы, а также кольцевидных рам для их подвешивания (Илл. 8,26-27), известны по литейной форме из Вышестарасовки (Березанская и др. 1986, 108, рис 33,2-3) и, в последнем случае, возможно, на одной из литейной форм мастерской из клада Красный Маяк (Bočkarjev, Leskov 1980, 17, Taf. 7,53b).

Своеобразие всех этих подвесок, условия их обнаружения и культурный контекст не оставляют никаких сомнений относительно происхождения и датировки экземпляра из клада Петрушень (Илл. 7,8; Илл. 8,1), который определенно восходит к культуре Ноа (периоду BrD), а об его длительном использовании лучше всего говорит его чрезвычайная степень изношенности.

Все остальные типы изделия рассматриваемого клада связаны с периодом раннего Гальштатта.

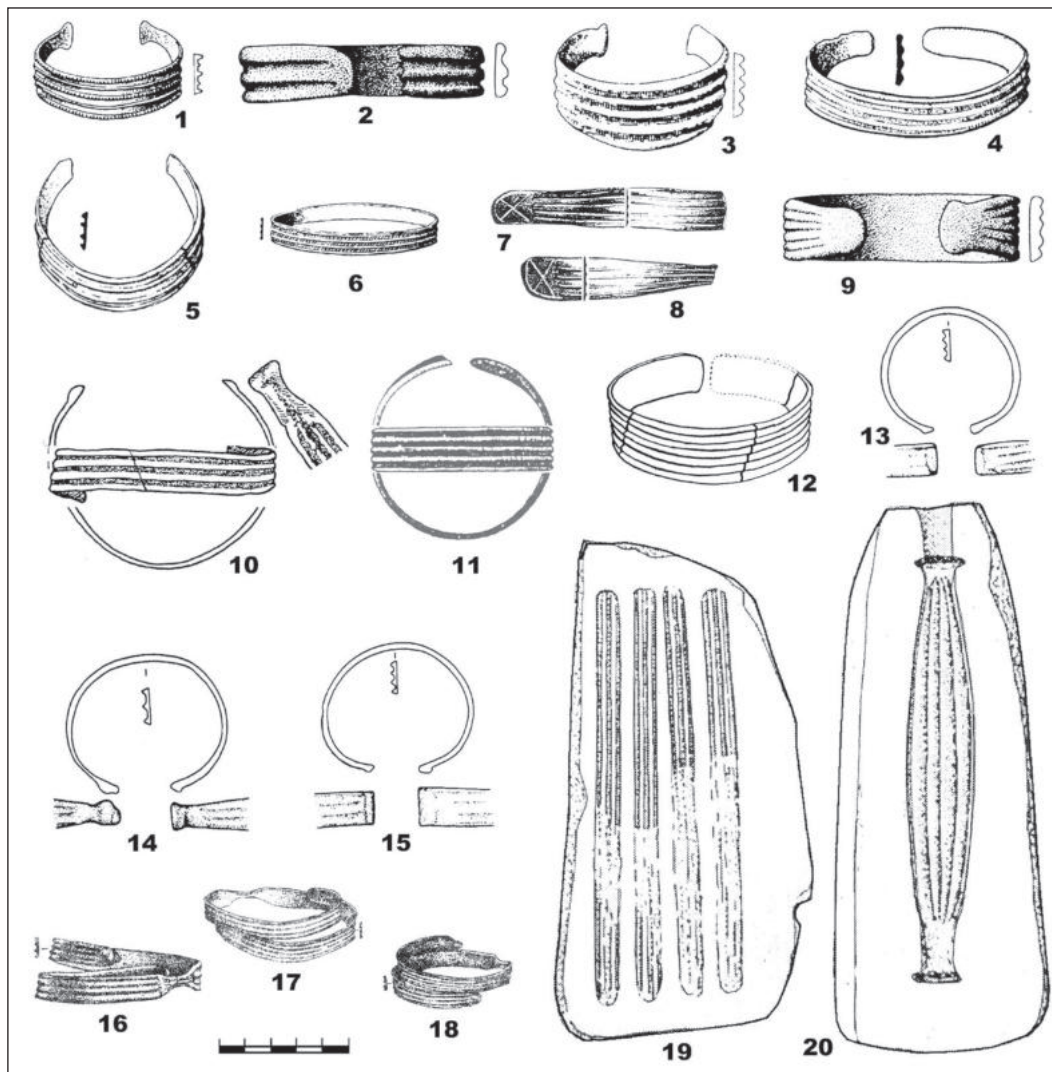
Наиболее многочисленными и характерными для клада выступают кольцевидные пластинчатые

браслеты с несомкнутыми концами с рифленой поверхностью, представленные девятью целыми и фрагментированными экземплярами. Три из них имеют простые – подпрямоугольные (Илл. 6,15.16.19), три других – несколько стянутые, зауженные окончания (Илл. 6,13-14.20), остальные три – фрагменты от срединных частей браслетов (Илл. 6,17-18.22). Все они были отлиты в односторонних литейных формах и имеют рифленую поверхность в виде продольных рельефных нервюр. В этом отношении выделяются два экземпляра, на которых рифление сочетается с дополнительными, вторично вычеканенными точечными углублениями (Илл. 6,19-20). А в одном случае (Илл. 6,16), на концах браслета (сохранился лишь один из них) вторично были выгравированы крестовидно расположенные насечки.

Следуя разработкам В.А. Брунн и Б. Хенсель, пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами, с рифленой поверхностью появляются еще в период средней бронзы в Центральной Европе, откуда к концу периода они широко внедряются и в Карпато-Подунавье (Brunn 1968, 171 и след.; Hänsel 1968, 101). К настоящему времени для Карпато-Подунавья зарегистрировано более 50 местонахождений подобных браслетов, концентрирующиеся главным образом в Среднем Задунавье, Потисье, Центральной Трансильвании и в меньшей степени – в областях к востоку от Карпат: в Мунтении и Пруто-Днестровье (Илл. 9-10). Лишь в относительно редких случаях они связаны с комплексами средней и поздней бронзы (Илл. 9,1-3,19-20) (Furmánek et al. 1999, 65,98. Abb. 25,5; Abb. 47,21; Petrescu-Dîmbovița 1998, 182-183, Taf. 158, nr. 2256; Taf. 159, nr. 2266; Hänsel 1968, Taf. 25,14.15a). Как правило, большинство из них приходится на комплексы периода HaA-HaB1, включительно и наиболее поздние, такие как клад из Дриду/Dridu, в Олтении (Илл. 9,13-15 – Enăchiuc 1995, 284, Abb. 5,1-5), Арсура/Arsura, в румынской Молдове (Илл. 9,10 – Leahu 1997, 341, fig. 2,2-3), Валя Русулуй/Valea Rusului, в Р. Молдова (Dergachev 2002, 46, Taf. 48,13) или Неделиска, в верховьях Днестра (Илл. 9,12 – Żurowski 1949, 169, tab. 49,3). Обращает на себя внимание браслет с крестовидной гравировкой на конце (Илл. 6,16), находящий пока что единственные точные аналогии в изделиях клада Сечня II, в сербском Банате (Илл. 9,7-8 – Праисторијске оставе... 1994, 44, таб. 34,7-8).

² Muz. Suceava. Инв. №№ C/50-52.

³ Арх. муз. Одесса. Инв. № 80166а-б.

Илл. 9. Образцы разновариантных браслетов с рифленой поверхностью.

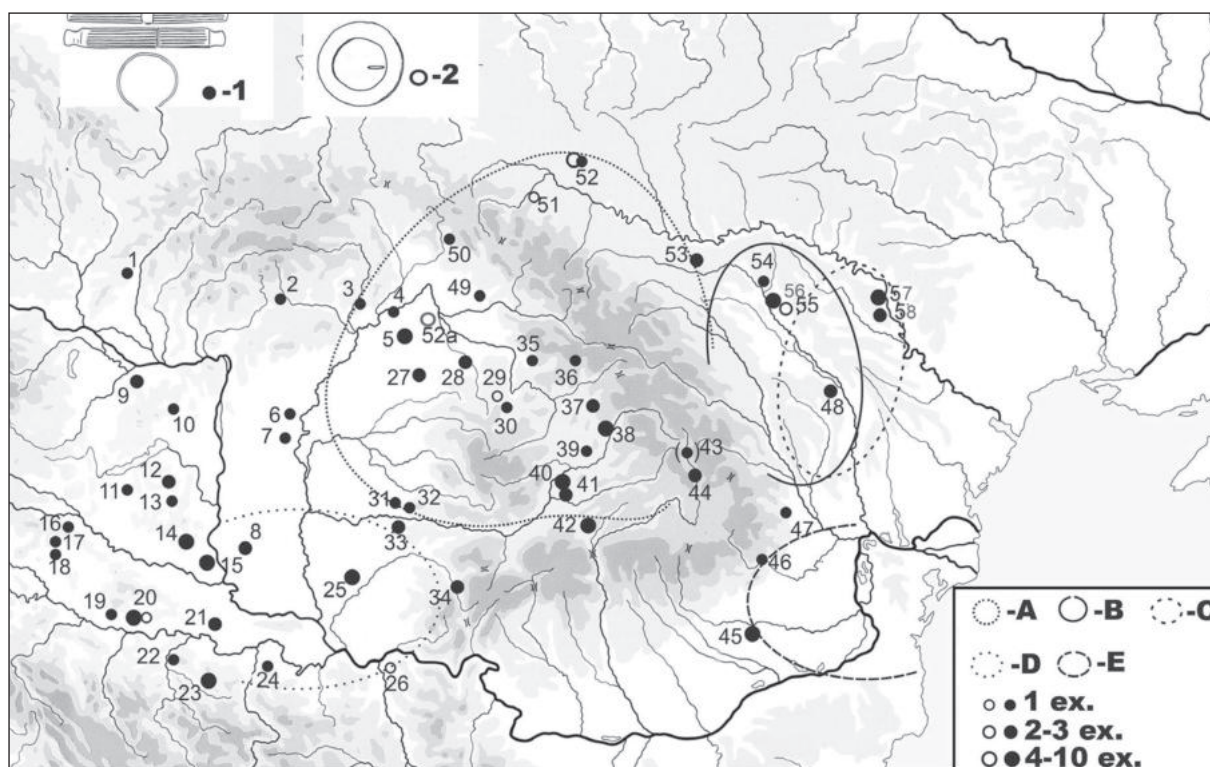
1 – Smolenice, 2 – Sărata Monteoru, 3 – Rimavská Sobota, 4-5 – Brodski Varoš, 6 – Pričac. 7-8 – Sečnja II, 9 – Pecica, 10 – Arsura, 11 – Кицмань, 12 – Неделиска, 13-15 – Dridu, 16-18. Сахарна I, 19-20 – Soltvadkert.

(1, 3 – по V.Furmánek et al., 2, 9 – M. Petrescu-Dîmbovița, 4-6 – K.Vinski-Gasparini, 7-8 – Праисторијске оставе, 10 – V. Leahu, 11 – С.Пивоваров, М. Льків, 12 – K.Żurowski, 13-15 – V. Enăchiuc, 16-18 – М.Кашуба, 19-20 – B.Hänsel).

Следуя составленной карте (Илл. 10), очевидно, что пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами и рифленой поверхностью имели достаточно широкое распространение на всем протяжении раннего Гальштатта как в Среднем Задунавье, так и в Трансильвании, в ареале культуры Гава-Голиграды, от которой они, по-видимому, распространились и в Восточном Прикарпатье, в ареале культуры Кишинэу-Корлэтең. Позднейшими в этом хронологическом ряду выступают браслеты с рифленой поверхностью из могильников 1 и 2 у Сахарны, отличающиеся, однако, во-первых, наличием перехвата посередине, а во-вторых тем, что они скручены в полтора оборота (Илл. 9, 16-

18 – Кашуба 1999, 374-375, рис. 3, 5.7; 2000, 319, рис. 39, 23.25).

Другую, достаточно редкую характерную форму имеют плоские кольцевидные браслеты, острием на ребро, представленные двумя половинками (Илл. 6, 11-12). По одному подобному браслету известно из клада периода HaA1 из Brodski Varoš (Илл. 10, № 20; Илл. 11, 3 – Vinski-Gasparini 1973, 178, таб. 57, 42), кладу Vojilovo (Илл. 10, № 26; Илл. 11, 1 – Праисторијске оставе... 1994, 77, таб. 70, 9) в Среднем Подунавье, покладам периода HaB1 Moigrad I в Трансильвании (Илл. 10, № 29; Илл. 11, 2 – Petrescu-Dîmbovița 1977, 131, pl. 311, 10) и кладу Rohod III (Илл. 10, № 52a) в Верховьях Тисы (Mozsolics 2000, 69, Taf. 81, 6).

Илл. 10. Местонахождения пластинчатых рифленых браслетов (1) и плоских кольцевидных браслетов (2).

Ареалы культур: А – Gáva-Golihrad-Grănicești; В – Chișinău-Corlăteni; С – Cozia-Saharna; D – Susani- Bobda II-Belegiș; E – Babadag II. 1 – Smolenice, клад (*Furmánek et al. 1999. 65. Abb. 25, 5*); 2 – Rimavská Sobota, клад (*Furmánek et al. 1999. 98. Abb. 47. 21*); 3 – Abaújszántó, клад (*Kemenczei 1984. 109. Taf. 30, 17*); 4 – Balsa, клад (*Kemenczei 1984. 169. Taf. 166, 31*); 5 – Napkor, клад (*Mozsolics 1985. 157. Taf. 258, 3-4, 6, 9*); 6 – Szolnok, клад (*Mozsolics 1985. 198. Taf. 220, 22*); 7 – Jászkarajenő, клад (*Mozsolics 1985. 129. Taf. 250, 20*); 8 – Soltvadker, мастерская (*Hänsel 1968. Taf. 25, 14-15a*); 9 – Mosonszolnok, поселение (*Patek 1968. 171 N 63. Taf. 47, 3-4*); 10 – Székesfehérvár, клад (*Mozsolics 1985. 193. Taf. 243, 15*); 11 – Pamuk, клад (*Mozsolics 1985. 168. Taf. 106, 25*); 12 – Keszöhidérgút, клад (*Mozsolics 1985. 136. Taf. 35, 16-17, 19*); 13 – Regöly III, клад (*Mozsolics 1985. 181. Taf. 30, 19*); 14 – Márok, клад (*Mozsolics 1985. 147. Taf. 92, 3-11*); 15 – Szöke, клад (*Mozsolics 1985. 196. Taf. 89, 2-5*); 16 – Struga (*Vinski-Gasparini 1973. 185. Tab. 74D, 2*); 17 – Budinščina, клад (*Vinski-Gasparini 1973. 178. Tab. 79, 13*); 18 – Topličica I, клад (*Vinski-Gasparini 1973. 186. Tab. 76, 22*); 19 – Pričac, клад (*Vinski-Gasparini 1973. 183. Tab. 71, 31*); 20 – Brodski Varoš, клад (*Vinski-Gasparini 1973. 178. Tab. 57, 42; Tab. 59, 35, 40-43, 1*); 21 – Otok-Privlaka, клад (*Vinski-Gasparini 1973. 182. Tab. 28, 31, 53*); 22 – Grapska, клад (*König 2004. 198. Taf. 78, 11*); 23 – Bocoviá, клад (*König 2004. 182. Taf. 47, 241-247*); 24 – Dobrinac (*Праисторијске оставе... 1994. 8, 16. Tab. 15, 10*); 25 – Sečnja I, клад (*Праисторијске оставе... 1994. 42, 44. Tab. 32, 14; Tab. 33, 4, 7; Tab. 34, 7-8*); 26 – Vojilovo, клад (*Праисторијске оставе... 1994. 77. Tab. 70, 9*); 27 – Chehăluț I, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 185. Taf. 160, NN 2318-2319*); 28 – Bicăz II, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159, NN 2270-2271*); 29 – Moigrad I, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1977. 131. Pl. 311, 10*); 30 – Brăglez, клад (*Bejinariu 2007. 49. Pl. 17, 91*); 31 – Pecica IV, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159, 2282*); 32 – Pecica, случ. нах. (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 183. Taf. 158, 2261*); 33 – Felnac, погребение (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 183. Taf. 159. NN 2264-2265*); 34 – Caransebeș, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159. NN 2273-2274*); 35 – Baia Mare, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 183. Taf. 159, N 2268*); 36 – Bogdan Vodă, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159, N 2272*); 37 – Dîpșa, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 182, 184. Taf. 158, N 2255; Taf. 159, N 2275*); 38 – Suseni (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 183-184. Taf. 158. NN 2257, 2262-2263; Taf. 159. NN 2283-2284*); 39 – Band, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159. N 2269*); 40 – Uioara de Sus, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 160, NN 2288-2316*); 41 – Șpălnasa II, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159, NN 2285-2287*); 42 – Gușterița II, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 159, NN 2276-2281*); 43 – Miercurea Ciuc-muz., безадрес. находка (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 184. Taf. 160, N 2317*); 44 – Tușnad, клад (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 182-183. Taf. 158, NN 2258-2260; Taf. 159, N 2267*); 45 – Dri-du, клад (*Enăchiuc 1995. 284. Abb. 5, 1-5*); 46 – Sărata Monteoru. Мор. 2, погр. 2. (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 182. Taf. 158, N 2256*); 47 – Căndești, погребение (*Petrecu-Dîmbovița 1998. 183. Taf. 159, N 2266*); 48 – Arsura, клад (*Leahu 1997. 341. Fig. 2, 2-3*); 49 – Берегово IV, клад (*Kobal' 2000. 74. Taf. 46B, 3*); 50 – Лози I, клад (*Kobal' 2000. 84. Taf. 47, 22*); 51 – Copit, погребение (*Крушелницкая 1985. 51. Рис. 16, 9*); 52 – Неделиска, клад (*Żurowski 1949. 169. Tab. 49, 3; Tab. 54, 1-4, 6-9, 11-12*); 52a – Rohod III (*Mozsolics 2000. 69. Taf. 81, 6*); 53 – Кішмань, клад (*Пивоваров, Льків 2009. 93. Рис. 3, 7-9*); 54 – Trinca „Izvorul lui Luca”, поселение (*Leviți, Ușurelu, Coban. 2003. 179. Fig. 3, 1*); 55 – Petrușeni, клад (*Рис. 6, 11-20*); 56 – Valea Rusului, клад (*Dergačev 2002. 46. Taf. 48, 13*); 57 – Saharna, мор. I. (*Каиуба 1999. 374-375. Рис. 3, 8-9. 11, 12, 14; 2000. 319. Рис. 39, 21, 24, 26-28*); 58 – Saharna, мор. II. (*Каиуба 1999. 374-375. Рис. 3, 5, 7; 2000. 319. Рис. 39, 23, 25*).

В Восточном Прикарпатье идентичный браслет обнаружен при раскопках могильника раннегальштатского времени Сопіт в Верховьях Днестра (Илл. 10,51; 11,4 – Крушелницкая 1985, 51, рис. 16,9). Кроме того, 10 таких браслетов входят в состав уже упомянутого клада периода HaB1 (B2-?) из Неделиска (Илл. 10, № 52; Илл. 11,5-6 – Żurowski 1949, 169, tab. 54,1-4,6-9,11-12).

Практически ту же географию и тот же хронологический диапазон обнаруживают и остальные, более простые, разновидности браслетов, как-то провололочные браслеты в полтора или два оборота (Илл. 6,6-10) или жгутовой кольцевидный браслет с несомкнутыми концами (Илл. 6,28). Они сполна представлены в кладах периодов HaA1–HaB1 как Среднего Подунавья и Потисья (Vinski-Gasparini 1973, таб. 28,49; таб. 83,13; Mozsolics 1985, Taf. 24, 36; Taf. 109,1-3.9-34; Taf. 229,8-32; Taf. 242,1-11; Mozsolics 2000, Taf. 94,2,4-5,8 и мн. другие), так и Трансильвании (Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 181,8-9; pl. 184,1-2; pl. 190,7,9,14; pl. 283,3-9; pl. 297,8-10; pl. 312,1-3 и др.).

Сказанное, в равной степени касается и имеющих в кладе Петрушень двух уплощенно полусферических бляшек, из которых одна с цельнолитым ушком на внутренней стороне (Илл. 6,26-27). Они вполне обычны для кладов рассматриваемого пространства и времени (Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 168,13-16; pl. 213,33-34; pl. 248,1-36; pl. 363,3-4; Vinski-Gasparini 1973, таб. 45,11-21; таб. 49,9-12; таб. 53,17-18; таб. 73,14-15; Enăchiuc 1995, Abb. 6,1-15 и мн. др.).

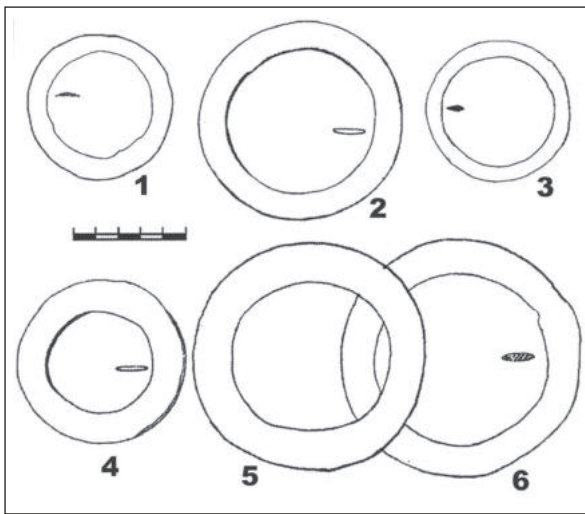
К сожалению, ничего определенного нельзя сказать о двух цельнолитых кольцах овальной формы (Илл. 6,29-30), единственными близкими аналогиями для которых можно назвать два кольца неизвестного происхождения из Верхнего Поднестровья, опубликованные К. Żurowski (1949, tab. 53,2-3).

Интерес, конечно же, вызывает впервые обнаруженные в кладах Молдовы янтарные украшения (Илл. 6,1-4). Полная сводка этой категории находок, применительно к территории Румынии, была дана в относительно недавних работах N. Boroffka (2001; 2002). Напомним лишь, что ближайшим в территориальном отношении к нашему комплексу является клад поздней бронзы из Сучавы, содержавшего 25 разнотипных янтарных подвесок (Chițescu 1976, 107, fig. 4), а в хронологическом отношении – клад Дриду с 32 подвесками (Enăchiuc 1995, 86, nr. 130-161). В Северном же Причерноморье, помимо ранее известных для белозерских памятников единичных находок (Березанская и др. 1976, 126, рис. 38,5; Ванчугов 1990, 102), большая коллекция янтарных подвесок происходит из Городиивского могильника в Южном Побужье (Шумова 2011).

Из пяти разнотипных кельтов, содержащихся в кладе Петрушень, наибольший интерес вызывает одноушковый кельт с клювовидным выступом на втулке (Илл. 5,3). В свое время, эти кельты были выделены нами в особую – венгеро-трансильванскую серию, обозначенную нами под названием *тип Gemzse/Гэмжэ*. Это один из самых многочисленных типов кельтов Карпатской зоны. Они возникли в период поздней бронзы в Верховьях Тисы и Сомеша, в ареале культуры Сучиу де Сус и, добавим, по-видимому – Лэпуш. Впоследствии, на протяжении раннего Гальштатта, они стали одним из ведущих типов изделий, характерных для всего ареала культуры Гава-Голиграды, а в виде различных модификаций – и для других культур Среднего Подунавья (Дергачев 1997, 33 и след., карты 16-17; Dergačev 2002, 169-171, Taf. 124). Между тем, если в верховьях Днестра и Прута эти кельты встречаются чрезвычайно широко, будучи представленными в кладах как в виде единичных находок, так и на негативах литейных форм (Илл. 12,13-24), то в среднем течении этих рек они предельно редки. В частности, для территории Р. Молдова, помимо экземпляра из клада Петрушень ныне известно всего еще восемь таких кельта. Два из них входят в состав клада Валя Русулуй (Илл. 12,1-2), три в клад Вэратик (Илл. 12,4-6), один в клад Хечул Ноу (Илл. 12,3) (Dergačev 2002, Taf. 48,2-3; Taf. 49,1-3; Гончарова 2002, 582, рис. 1,4) и две единичные находки: из Кишкэрень (Илл. 12, 8 – Ușurelu, Niciș 2003, 166, Fig. 1,3) и Шептебань (Илл. 12,7 – см. далее по тексту). Крайне редкими являются эти кельты и для запрутской Молдовы, где известно всего четыре единичные находки: из Вэратик (Илл. 12,10 – Ignat 2000, 81, Fig. 26,63), Ибэнешть (Илл. 12,11 – Șadurschi 1989, 168, fig. 6,10), Тазлэу (Илл. 12,12) и один без точного места находки (Илл. 12,9 – Muz. Iași. Инв. № 890).

Чтобы разобраться в различиях распространения этих кельтов в пределах Восточного Прикарпатья, была составлена полная сводка всех их местонахождений. И вот что выясняется.

В общей сложности, для оговоренного региона, зарегистрировано без малого около 100 таких кельтов, 56 из которых входят в состав 20 различных кладов, а 43 (включительно две литейные формы) – единичные находки. Но, что показательно, молдавские находки (четыре клада с семью кельтами, две единичные находки и, возможно – экземпляр из музея в г. Яссы), образуют достаточно компактную территориальную группу и приходится на северную часть ареала культуры Кишинэу-Корлэ-тень. Все остальные местонахождения (не считая нескольких нелокализованных, а также находок

Илл. 11. Плоские колцевидные браслеты.

1 – Vojilovo, 2 – Moigrad I, 3 – Brodski Varoš, 4 – Conit, 5-6 – Неделиска.

(1 – по Праусторуйске оставе, 2 – M. Petrescu-Dîmbovița 3 – K. Vinski-Gasparini, 4 – Л.И. Крушельницкая, 5-6 – K. Żurowski).

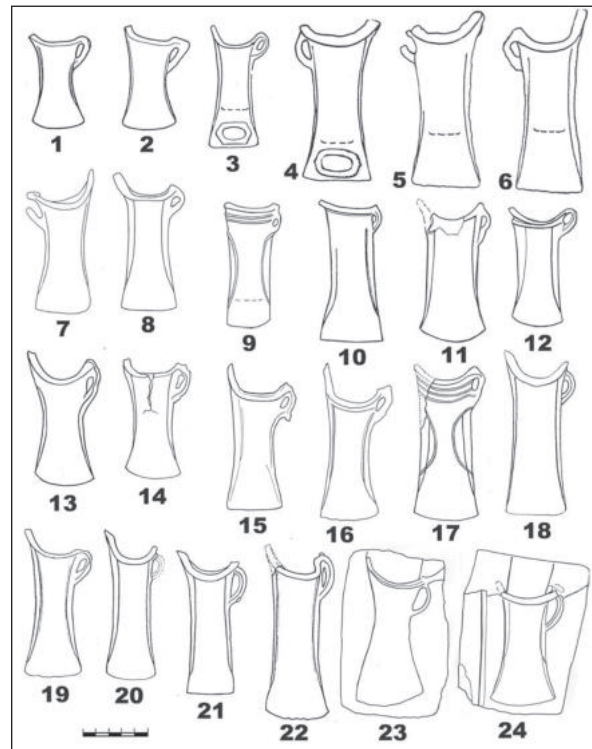
из Тазлэу и Буша) целиком укладываются в ареал памятников группы Голиграды-Грэничешть (Илл. 13). Массовое присутствие кельтов с клювовидным выступом в кладах Верхнего Поднестровья, начиная с периода HaA1 и вплоть до периода HaB1 и, возможно – B2, их широкая представленность в виде единичных находок, а в двух случаях – и на литейных формах (Илл. 12, 23-24), дают все основания рассматривать этот регион в качестве особого, относительно самостоятельного очага металлообработки, действующего на всем протяжении бытования культурной группы Голиграды-Грэничешть. С другой стороны, учитывая оговоренную выше локализацию местонахождений таких кельтов в ареале культуры Кишинев-Корлэтенъ, при их практически полном отсутствии в зоне среднего и нижнего течения реки Сирет, позволяют утверждать, что их поступление в ареал этой культуры связано не с трансильванскими, а именно с верхнеднестровским или, в ином выражении – с голиградским очагом металлообработки. Что же касается хронологии, то, судя по сечению и сравнительно малым размерам, петрушенский экземпляр представляется как относительно позднее изделие.

Вероятнее всего в диапазонах периода HaB датируются кельты, изображенные на Илл. 5, 1-2. Наиболее точная аналогия первому из них (Илл. 5, 1) имеется в кладе Валя Русулуй (Dergachev 2002. Taf. 48, 5). Второй (Илл. 5, 2) известен в Восточном Прикарпатье главным образом по единичным на-

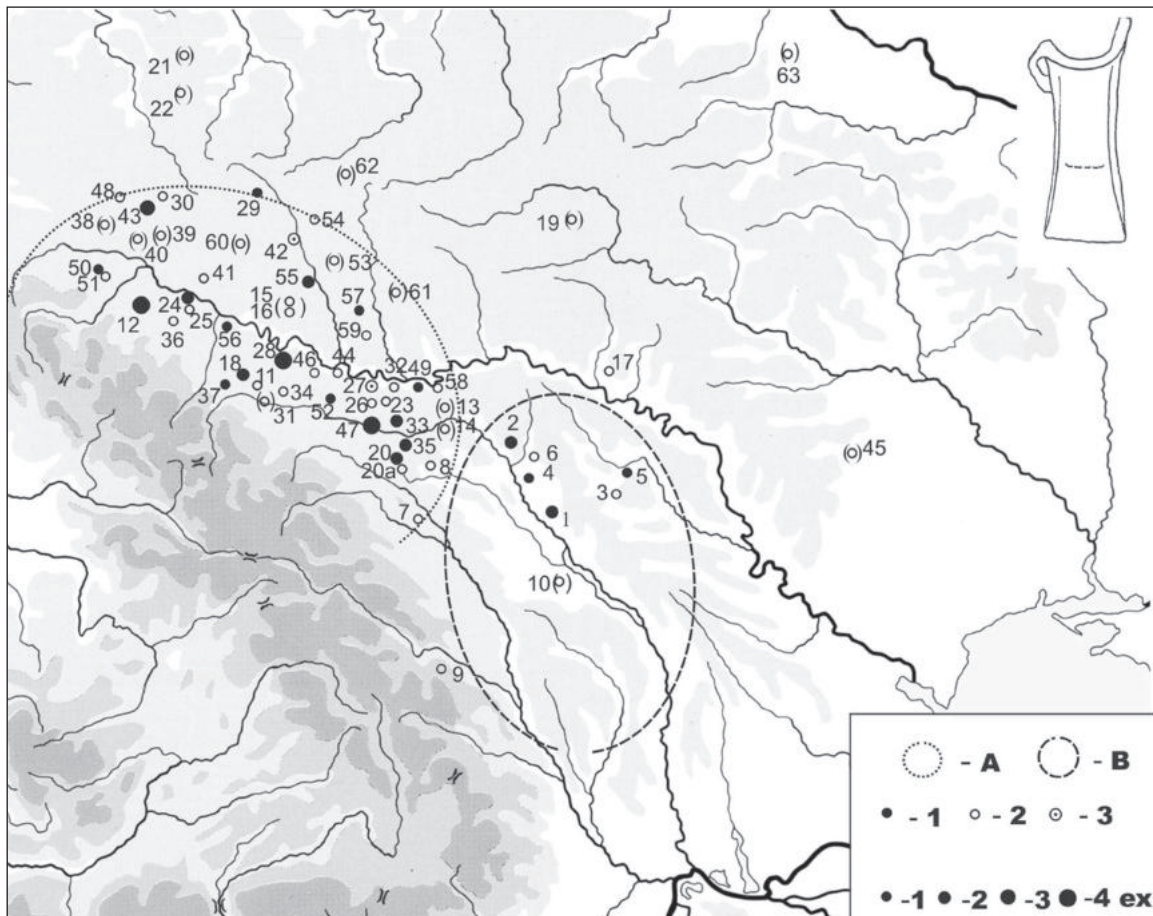
ходкам, рассмотренным в ранее опубликованной работе (Дергачев 2010а, таб. 23, 27-29, 36-38).

Что же касается наконечников копий (Илл. 5, 8-9), то наиболее близкие им аналогии наблюдаются в изделиях кладов периода HaA1 Аюд/Аюд, Чинку/Чинку, Шпэлнака/Şpălnaca II (Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 107, 3; pl. 130, 8; pl. 202, 1, 3), так и кладах периодов HaA-HaB1 Arad II, Moigrad I, Porumbeni, Suceava или Dridu (Там же, pl. 297, 5; pl. 310, 14-15; pl. 314, 18; Hänsel 2005, fig. 3, 7; Enăchiuc 1995, Abb. 2, 10).

Таким образом, следуя изложенному, клад из Петрушень накапливался начиная с финальных этапов периода BrD (крестовидная подвеска) и, преимущественно, на протяжении периодов HaA1-HaB1, а отчасти – возможно и B2, последние из которых и определяют время его депозитирования. Вместе с ранее известными кладами из Вэратик, Валя Русулуй и Арсура в Запрутской Молдове,

Илл. 12. Кельты с клювовидным выступом типа Gemzse/Гэмжэ из ареала культуры Кишинэу-Корлэтенъ (1-9) и ареала культурной группы Голиграды-Грэничешть (10-24). 1-2 – Валя Русулуй, 3 – Хечул Ноу, 4-6 – Вэратик, 7 – Шептебань, 8 – Кишкэренъ, 9 – “Iași”, 10 – Vărătic, 11 – Ibănești, 12 – Tazlău, 13-14 – Баличе, 15 – Потичок, 16 – Кицмань, 17-18 – Самбор, 19 – Великая Каменка, 20-21 – Грушка, 22 – Галиче, 23 – Городница, 24 – Мышковичи. (8 – по E. Uşurelu, 10 – M. Ignat, 13-14, 17-22 – K. Żurowski, 15, 23 – Л.И. Крушельницкая, 16 – М. Ільків, 24 – Ю.Н. Малеев).

Илл. 13. Местонахождения кельтов с клювовидным выступом в Восточном Прикарпатье. Ареалы культур: А – Гава-Голиграды-Грэничешть, В – Кишинэу-Корлэтунь. 1 – клады, 2 – единичные находки (в скобках без точных адресов), 3 – литейные формы. 1 – Valea Rusului (Dergachev 2002. 46. Taf. 48, 2-3); 2 – Văratice (Dergachev 2002. 46-47. Taf. 49, 1-3); 3 – Chișcăreni (Ușurelu, Nicic 2003. 166. Fig. 1, 3); 4 – Petrușeni; 5 – Heciul Nou (Гончарова 2002. 582. Рис. 1, 4); 6 – Șeptebani (см. далее текст); 7 – Văratice (Ignat. 2000. 81, Fig. 26, 63); 8 – Ibănești (Șadurschi 1989. 168. Fig. 6, 10); 9 – Tazlău (Petrescu-Dîmbovița 1953. 465. Fig. 14, 1); 10 – “Iași”-muz. (Muz. Iași. Инв. № 890); 11 – Балинцы (Žurowski 1949. 156 Tab. V, 1); 12 – Баличе (Žurowski 1949. 156 Tab. I, 1-3, 6; Tab. II, 7; Tab. IV, 3); 13-14 – Буковина (Dergachev 2002. 205. Taf. 75, A 481-A482); 15-16 – “Бучач или Снятын” (Клочко, Козыменко 2011. 166. Илл. 107-108); 17 – Буша (Борисковский 1950. 127. Таб. II, Рис. 11); 18 – Великая Каменка (Žurowski 1949. 164 Tab. II, 4; Tab. V, 5; Tab. 12, 2); 19 – “Винница” (информация В.И. Клачко); 20 – Волока (Войнаровский, Смирнова Г.И. 1993. 183-84. Рис. 1, 6-8); 20а – Волока-Цурч (Войнаровский, Смирнова Г.И. 1993. 186. Рис. 4, 2); 21-22 – “Волинская” обл. (Клочко, Козыменко 2011. 165. Илл. 103, 105); 23 – Гарасимив (Мацкевой Отчет 1974. Рис. 7, 1); 24 – Галич (Žurowski 1949. 162 Tab. II, 5; Tab. III, 6); 25 – Галич (Žurowski 1949. 176 Tab. 4, 1); 26 – Городенка (Žurowski 1949. 163. Tab. III, 4); 27 – Городница, лит. форма (Крушельницкая 1985. 49. Рис. 13, 23); 28 – Грушка (Žurowski 1949. 159-161 Tab. II, 3, 6, 8; Tab. III, 1, 3, 8; Tab. IV, 4-7); 29 – Заложец (Žurowski 1949. 174. Tab. I, 1; Крушельницкая 1985. 78. Рис. 34, 10); 30 – Золочев (Žurowski 1949. 175 Tab. II, 1); 31 – “Ивано-Франковск”-обл. (Клочко, Козыменко 2011. 165. Илл. 102); 32 – Кадубовцы (Льків 2008. 380. Рис. 1, 12); 33 – Кицмань (Льків 2008. 380. Рис. 1, 16-17); 34 – Корнич (Žurowski 1949. 165. Tab. II, 2); 35 – Коровия (Льків 2008. 29. Рис. 1, 5-6); 36 – Крылос (Žurowski 1949. 166. Tab. III, 2); 37 – Лесная Слободка (Žurowski 1949. 172 Tab. I, 4); 38 – “Львов”-обл. (Žurowski 1949. 176. Tab. V, 2); 39-40 – “Львов”-обл. (Клочко, Козыменко 2011. 166. Илл. 104, 109); 41 – Мельна (Žurowski 1949. 167. Tab. V, 4); 42 – Мышковицы, лит. форма (Малеев 1976. 232-233. Рис. 1, 4; Крушельницкая 1985. 57. Рис. 19, 2); 43 – Недилиська (Žurowski 1949. 168-169. Tab. IV, 8; Tab. V, 7-9); 44 – Незвиско (Мацкевой 1974. Рис. 7, 3); 45 – “Одесса”-обл. (Клочко, Козыменко 2011. 165. Илл. 101); 46 – Подвербцы (Мацкевой 1974. Рис. 7, 2; 2000. 234. Рис. 4, 1); 47 – Потичок (Крушельницкая, Филипчук 1993. 131. Рис. 71, 1-7); 48 – Поршна (Žurowski 1949. 170. Tab. VI, 3); 49 – Прилипче (Льків 2008. 378. Рис. 1, 11); 50 – Самбор (Žurowski 1949. 171 Tab. III, 5; Tab. VI, 2); 51 – Самбор-околиця (Žurowski 1949. 171 Tab. IV, 2); 52 – Стецева (Žurowski 1949. 171 Tab. III, 7); 53 – “Тернополь”-обл. (Клочко, Козыменко 2011. 166. Илл. 106); 54 – Толстолуг (Žurowski 1949. 173. Tab. VI, 1); 55 – Трудовое (Трудолюбовка) (Конопля, Малеев 1994. 136. Рис. 1-3); 56 – Узин (Свешников 1961. 53. Рис. 7); 57 – Хоростков (Žurowski 1949. 157. Tab. V, 3); 58 – Хотин (Льків 2008. 380. Рис. 1, 14); 59 – Шупарка (Žurowski 1949. 173. Tab. V, 6); 60-61. “Верхнее Поднестровье” (Žurowski 1949. 176. Tab. I, 5; Tab. VI, 1, 4); 62 – “Украина” (Колл. Платар № 4708; 3.3.-27); 63 – “Украина” (НМИУ Инв. № 134)

Петрушенский клад образует единый культурно-хронологический горизонт, характеризующий металлургический комплекс носителей культуры Кишинэу-Корлэтеень Восточного Прикарпатья.

Единичные находки (Илл. 14-15)

Шептебань/Şeptebani, р-н Рышкань (Илл. 1, №№3-4). Два разных кельта, найденные в разное время в окрестностях села.

Одноушковый кельт *tipa Gemzse/Гэмжэ* с высоким клювовидным выступом. Фаски выделены вертикальными дуговидными гранями, подпрямоугольно-овальный в сечении. Ушко не вышло при литье. Откован, заточен (Илл. 12,7; 15,4). Приблизительные размеры: макс. высота 11 см, высота тулова 9, ширина тулова 3,3, ширина лезвия 4,1 см. О кельтах этого типа сказано выше. Возможная датировка – период HaB1.

Одноушковый кельт *tipa Рышешть*, найден случайно в лесу. Имеет арковидные фаски, шестигранный в сечении. Под арочками на одной из фасок имеется сквозное овальное отверстие-пещерка, а на второй – овальное углубление. Лезвийная часть откована и заточена. (Илл. 14,15; 15,10). Высота 10,9, ширина тулова под ушком 3,7, ширина лезвия 4,5 см. Глубина втулки 6,5 см. Вес 236 г.

Из Рышканского же района (Илл. 1, №14), по всей вероятности, происходит и второй кельт того же типа, отличающийся “глухими пещерками”, в виде овальных вмятин. Его ушко было обломано в древности. Лезвийная часть откована и заточена (Илл. 14,14; 15,11). Высота 8,5, ширина тулова под ушком 3,5, ширина лезвия 4,1 см. Глубина втулки 5,5 см. Вес 189 г.

Оба последних кельта, однотипный кельт из клада Кодрянка (Илл. 3,5), как и опубликованные нами четыре других кельта (Дергачев 2010б, 128, рис. 5,3-6), существенно дополняют ранее известный список изделий типа Рышешть (Дергачев 2010, 143 и след.). К этому списку можно добавить еще четыре находки, ставшими известными для территории Украины. Это случайная находка у с. Велика Буда, Герцаївського р-на, обл. Чернівці (Ільків 2008, 376, рис. 1,6), два кельта – один из Винницкой, другой из Тернопольской областей (Клочко, Козыменко 2011, 164, Илл. 90,92) и один с Полтавской области (Берестнев 2001, рис. 86,14).

Из **Рышканского** или **Единецкого районов** севера Р. Молдова (Илл. 1, №№15-16) происходят еще два разных кельта.

Один из них – кельт *tipa Debrecen/Дэбрэцэн* (Илл. 14,10; 15,3). Это одноушковый кельт, высоких пропорций, с невыделенными фасками, овального сечения. Имеет массивный ободок по краю втулки.

Тулово орнаментировано тремя тонкими горизонтальными нервюрами в сочетании с угловидными вертикальными. Лезвийная часть откована и заточена. Высота 13,6, ширина тулова (под ушком) 3,1, ширина лезвия 4,4 см. Глубина втулки 7,8 см. Вес 131 г.

Кельты типа Дэбрэцэн восходят к среднедунайским традициям и имели очень широкое распространение от Моравии и Словакии до Юго-Восточной Трансильвании, в особенности в ареале культур Гава-Голиграды (Дергачев 1997, 39, карта 22; Dergachev 2002, 174, Taf. 127). В Венгрии они характерны преимущественно для кладов горизонта Gyermely (=HaA2), а в Трансильвании – для кладов периода HaA2–HaB1. В Восточном Прикарпатье, в ареале культуры Кишинэу-Корлэтеень, этот тип известен лишь по четырем экземплярам из клада Вэратик (Dergachev 2002, 46-47, Taf. 49,7-10). Все остальные их местонахождения приходится на ареал памятников типа Голиграды-Грэничешть Верхнего Попрутья и Поднестровья – Пэрхэуэць, Потичок, Галич и др. (Dergachev 2002, 205, Taf. 75, A485; Крушельницкая, Филиппчук 1993, 131-132, рис. 72,7-9; Żurowski 1949, 173, tab. IX,1-2,4).

Вторая находка (Илл. 14,8; 15,2) – кельт, условно названный нами ранее “*tipa Сынешть/Sâneşti*” (Дергачев 2010, 124.). Это одноушковый кельт с арковидно оформленными фасками, орнаментированными четырьмя вертикально опущенными нервюрами, подшестигранный в сечении. Под утолщенным краем втулки имеются по две тонких горизонтальных нервюр. Отверстие ушка не вышло при литье. Лезвийная часть откована и заточена. Высота кельта 7,3, ширина тулова (под ушком) 3,4, ширина лезвия 4,4 см. Глубина втулки 5,3 см. Вес 161 г. Как было установлено нами ранее, эти кельты восходят к банатским традициям. В Восточном Прикарпатье известны лишь по единичным находкам, характерным для ареала культуры Кишинэу-Корлэтеень. Их возможная датировка – период Ha B1-2 (Дергачев 2010, 124, рис. 94, таб. 17, 36-42).

Теленештский р-н (Илл. 1, №5). С этим районом связана находка носковой части серпа. Серп был отлит в односторонне закрытой форме. Имеет утолщение по краю спинки. Лезвие отковано и заточено (Илл. 14,7). К сожалению, по носковой части, его типологическое определение невозможно. Длина сохранившегося фрагмента 11,6, ширина на уровне излома 2 см. Вес 39 г. Вероятнее всего связан с периодом поздней бронзы.

Фурчень/Furceni, р-н Орхей (Илл. 1, №6). Плоский черенковый нож, найденный в обрыве берега р. Реут. Был отлит в односторонней, по-видимому, открытой форме. Имеет слегка прогнутую спинку и дуговидное лезвие, сечение – линзовид-

ное, а у черенка – прямоугольное. Лезвие отковано и заточено (Илл. 14,3). Макс. длина ножа 12,4, ширина 2, толщина 0,2 см. Длина черенка 3,5 при ширине 0,6 см. Вес 15 гр. Нож отчасти сопоставим с отдельными экземплярами, содержащимися в кладах периода HaA1 Гуштерица/Guşterița II и Уйора де Сус/Uioara de Sus, но последние отличаются утолщенной спинкой (Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 154,12; pl. 243,22).

Кобуска Веке/Cobusca Veche, р-н Анений Ной (Илл. 1, №7). Одиночный кельт был найден на пограничье сс. Кобуска Веке и Кобуска Ноуэ. Кельт безушковый, с арковидными фасками и пещеркой на одной из них, шестигранный в сечении. Лезвийная часть откована и заточена (Илл. 14,9; 15,5). Высота 8,9, ширина тулова под ободком 2,8, ширина лезвия 4,2 см. Глубина втулки 6 см. Вес 146 г. По размерам и пропорциям этот кельт близок изделиям типа Данку (Есеница-Флорентин) (Дергачев 2011а, 92 и след.), а по наличию пещерки – кельтам варианта Ойнаку (там же, 65 и след.). Датируется концом периода BrD – HaA1.

Ниспоренский р-н (Илл. 1, №8). Наконечник копья красномаяцкого типа, происходящий откуда-то из центральной части района. Имеет хорошо выделенную втулку и характерное удлиненное листовидное (точнее – подромбовидное) перо, суживающееся к втулочной части. На втулке, ближе к краю, имеются по одному, противоположно расположенному, отверстию для скрепления к древку. Перо заточено и покрыто благородной патиной (Илл. 14,16; 15,12). Длина наконечника 13,8, макс. ширина пера 2,1, внешний диаметр края втулки 1,6х1,8, ее глубина 9,3 см. Вес 42 г.

К настоящему времени, не считая двух негативов на литейных формах из мастерской Красный Маяк (Илл. 16,15-16 – Bočkarov, Leskov 1980, 15, Taf. 4,45; Taf. 5,44с), от которых и происходит название типа, известно еще 12 подобных наконечников. В ареале культуры Ноуа это наконечник из клада периода BrD из с. Лозова и случайная находка из исторического муз. г. Бырлад (Илл. 16,2,4 – Dergachev 2002, 37.203, Taf. 35,18; Taf. 70,A431). С носителями этой же культуры, по-видимому, следует связать и экземпляр, входящий в состав клада периода HaA1 из Красна/Crasna, в Трансильвании (Илл. 16,1 – Hampel 1886, Tab. 27,7; Petrescu-Dîmbovița 1977, 90, pl. 134,4). В ареале культуры Сабатиновка подобные наконечники известны по

кладу Добрянка (Илл. 16,11 – Leskov 1981,18, Taf. 4D,2), единичным находкам из Романково (Илл. 16,6 – Черных 1976, 102, таб. 28,4)⁴, Игрень (Илл. 16,12 – Кривцова-Гракова 1955, 139, рис. 34,22)⁵ и по находке на поверхности кургана у с. Раздольное, Донецкой обл. (Илл. 16,10 – Гершкович 1998, 61, рис. 4). Три таких наконечника происходят из Среднего Поднепровья: Селище (Илл. 16,5 – Тереножкин 1961, 140, рис. 92,14; Качалова 1974, 22, таб. 19,7), Прохоровка (Илл. 16,9 – Тереножкин 1961, 140, рис. 92,16)⁶ и Гришенци (Илл. 16,7 – Ключко 2006, 226, рис. 84,12). Возможно, с этим же регионом связан еще один наконечник без точной локализации, из коллекций Кундеревица (Илл. 16,8 – Тереножкин 1961, 140, рис. 92,15)⁷. В последние годы, для Украины, еще два подобных наконечника стали известны по частным коллекциям. Один из них – безадресная находка, второй происходит из Белгородского р-на, в Крыму (Илл. 16,13-14 – Ключко, Козыменко 2011,162, Илл. 64-65). Таким образом, по совокупности данных, датировка наконечников типа Красный Маяк уверенно определяется второй половиной периода BrD – началом HaA1, а их бытование с культурами Сабатиновка и Ноуа (Илл. 17).

Жавгур/Javgur, р-н Чимишлия (Илл. 1, №9). Черенковый нож листовидной формы. Был отлит в двухсторонней литейной форме. Край спинки утолщен, с двумя продольными дуговидными нервюрами под ним. Лезвийная часть откована и заточена (Илл. 14,5; Илл. 15,1). Максимальная длина 14,5, длина ножа 10,2, максимальная ширина 2,8 см. Черенок плоский, подпрямоугольного сечения. Самые ближайшие аналогии – нож из Черковна и негатив на литейной форме неизвестного происхождения из Болгарии. Но там речь идет о ножах-секачах крупных размеров (Черных 1978, табл. 16-17). Из относительно сходных по размерам можно назвать ножи из клада Бэлень/Băleni и Гура Доброжей/Gura Dobrogei (Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 73,12-13; pl. 100,11). Предположительная датировка – конец периода BrD – начало HaA1.

Кочулия/Cociulia, р-н Кантемир (Илл. 1, №10). Безушковый кельт с ободком несколько ниже края втулки. Имеет расширяющееся книзу тулово, овальный в сечении (Илл. 14,13; Илл. 15,9). Приблизительные размеры: высота 9,2, ширина тулова под ободком 2,8, ширина лезвия 4,2 см. В типологическом отношении представляет подтип или вари-

⁴ ДИМ Инв. № 591. Макс. высота 15,1 см. Вес 60 г.

⁵ ДИМ Инв. № А 3039. Макс. высота 17,7 см. вес 111 г.

⁶ НИМУ. Инв. № а 11/14. Высота 9,8 (в целом виде – около 14,8) см. Вес 56 (в целом виде – около 75) г.

⁷ НИМУ, Инв. № а211/25. Макс. высота 14,4 см. Вес 62 г.

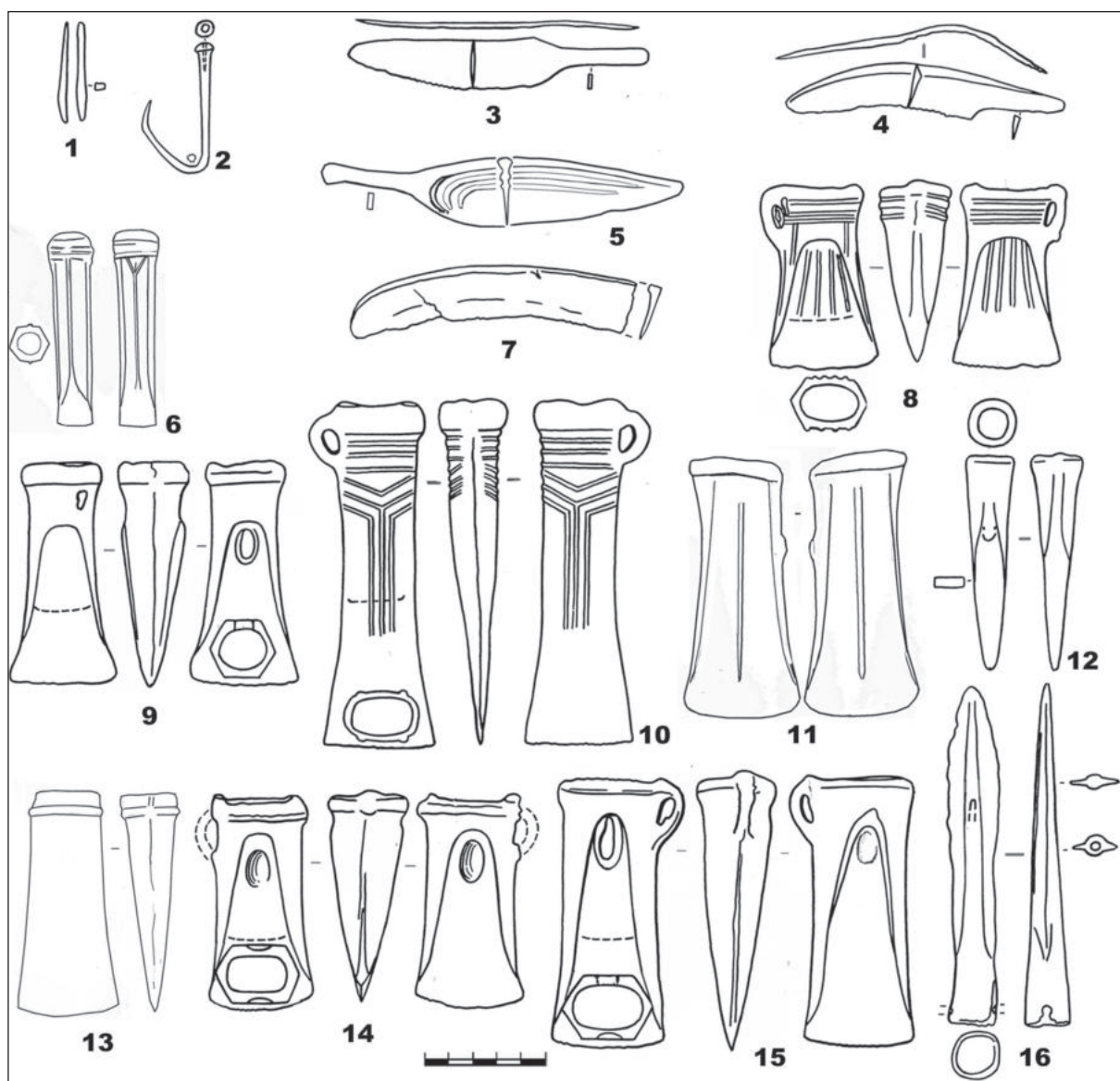
ант от кельтов с лобным ушком, недавно рассмотренных в специальной работе E. Uşurelu (2011, 49, fig. 2,38-41). В Молдове идентичный кельт имеется в кладе из Фырлэденъ, в котором он сочетается с двуушковым кельтом *типа Кардашинки* (Dergachev 2002, 202-203, Taf. 68, A413-A414). Датировка – конец периода BrD – начало HaA1.

Капакля/Сараclia, р-н Кантемир (Илл. 1, №11-12). Две разные находки, найденные в окрестностях села.

Одноушковый кельт со сплошными трапециевидными фасками, шестигранный в сечении. На обеих

фасках имеется по одной вертикальной рельефной нервюре. Ушко не вышло при литье. Лезвийная часть откована и заточена (Илл. 14,11; 15,6). Высота 10,3, ширина тулова под ободком 3,2, ширина лезвия 4,8 см. Вес 225 г. Это своеобразный, малоизвестный тип. Относительно близкие аналогии – клады Жабеница/Jabenița (Lazar 1997, 9, pl. 1,5) и Шпэлнака/Șpălnaca II (Dumitrescu 1938, 205, fig. 5,130). Предположительная датировка – период HaA.

Втульчатое, цельнолитое копьевидное долото. Отлито в двухсторонней литейной форме. Край втулки несколько утолщен. Лезвийная часть сужается под

Илл. 14. Единичные находки. 1-2, 4 – неизвестного происхождения, 3 – Фурчень, 5 – Жавгур, 6 – Лэргуца, 7 – Теленештский р-н, 8, 10 – Рышканский р-н, 9 – Кобуска Веке, 11-12 – Капакля, 13 – Кочулия, 14 – Север Молдовы, 15 – Шептебань, 16 – Ниспоренский р-н.

клин, плоская, прямоугольного сечения (Илл. 14,12; 15,7). Макс. высота 8,8, внешний диаметр втулки 2, ее глубина 3,5 см. Вес 45 г. Подобные долота в Карпато-Подунавье неизвестны. Согласно данным В.С. Бочкарева, они лишь изредка встречаются в Волго-Урале, где они датируются заключительным этапом поздней бронзы (Бочкарев 2008, 248). Вполне возможно, что негативы для отливки именно таких долот высечены на литейной форме из Красного Маяка (Bočkarov, Leskov 1980, Taf. 4,46a).

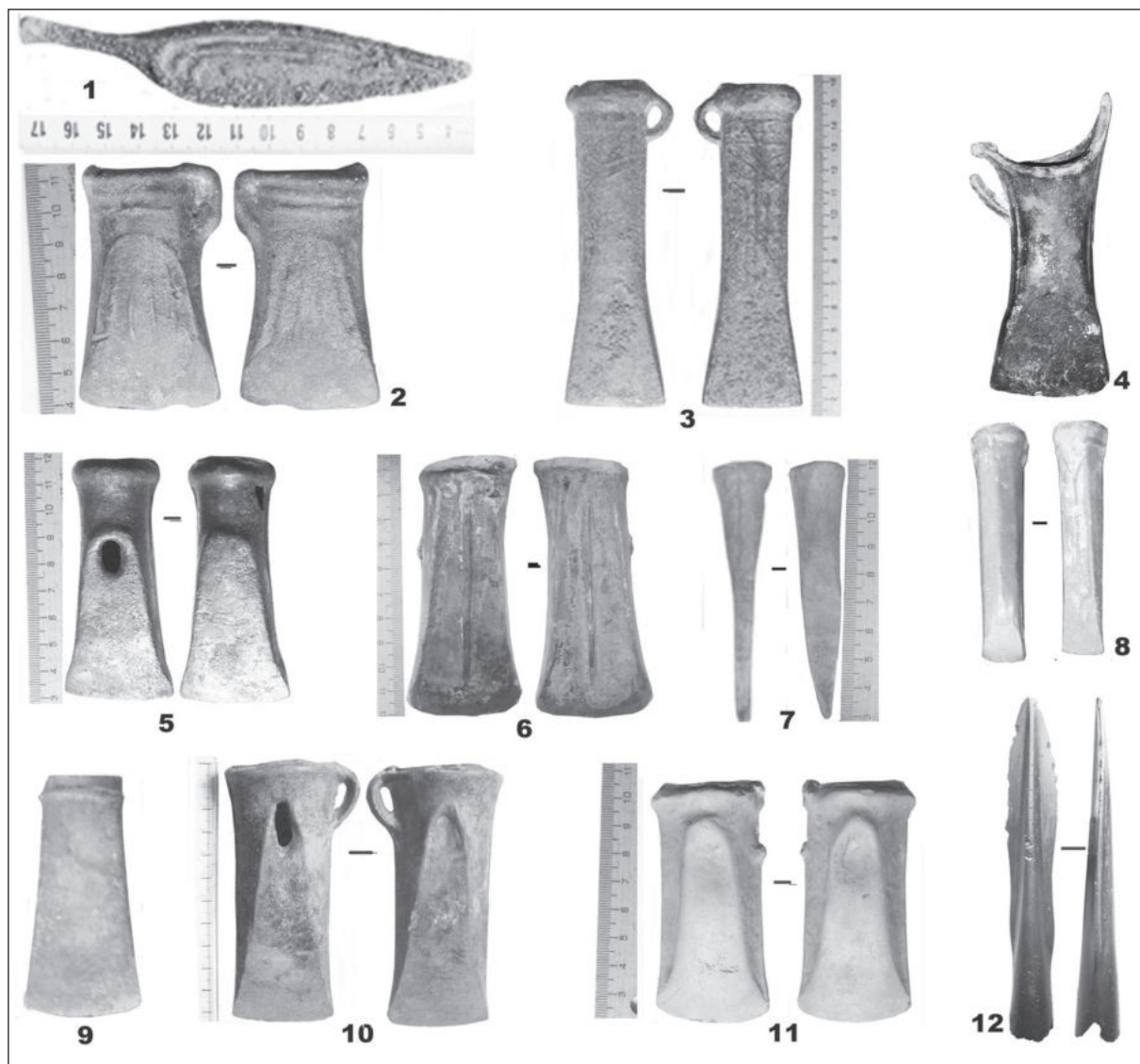
Лэргуца/Lărguța, р-н Кантемир (Илл. 1, №13). Втульчатое цельнолитое долото с ободком по краю втулки, подшестигранное в сечении. На фасках имеются по одной тонкой вертикальной нервюре, одна из которых, в виде “трезубца”. Лезвийная часть откована и заточена (Илл. 14,6; 15,8). Высота

7,6, внешний диаметр втулки 1,8, ширина лезвия 1,4 см. Вес 100 г. Долото более всего напоминает негативы на литейных формах из мастерской Ново-Александровка (Bočkarov, Leskov 1980, Taf. 9,78a-b). Но отдельные сходные экземпляры встречаются и в Трансильвании (Bălan 2009, 18, pl. II).

Безадресные находки. К таковым относятся три предмета.

Миниатюрное бронзовое шило, прямоугольного сечения (Илл. 14,1). Его высота 4,2, сечение 0,2х0,4 см. Вес 3,5 г. Вероятнее всего связано с периодом поздней бронзы.

Булавка с полусферической головкой, с вертикальным отверстием в ней, стержень – округлого сечения (Илл. 14,2). Ее высота 9,0, диаметр головки 0,4, макс. диаметр стержня 0,4 см. Вес 2,45 г.

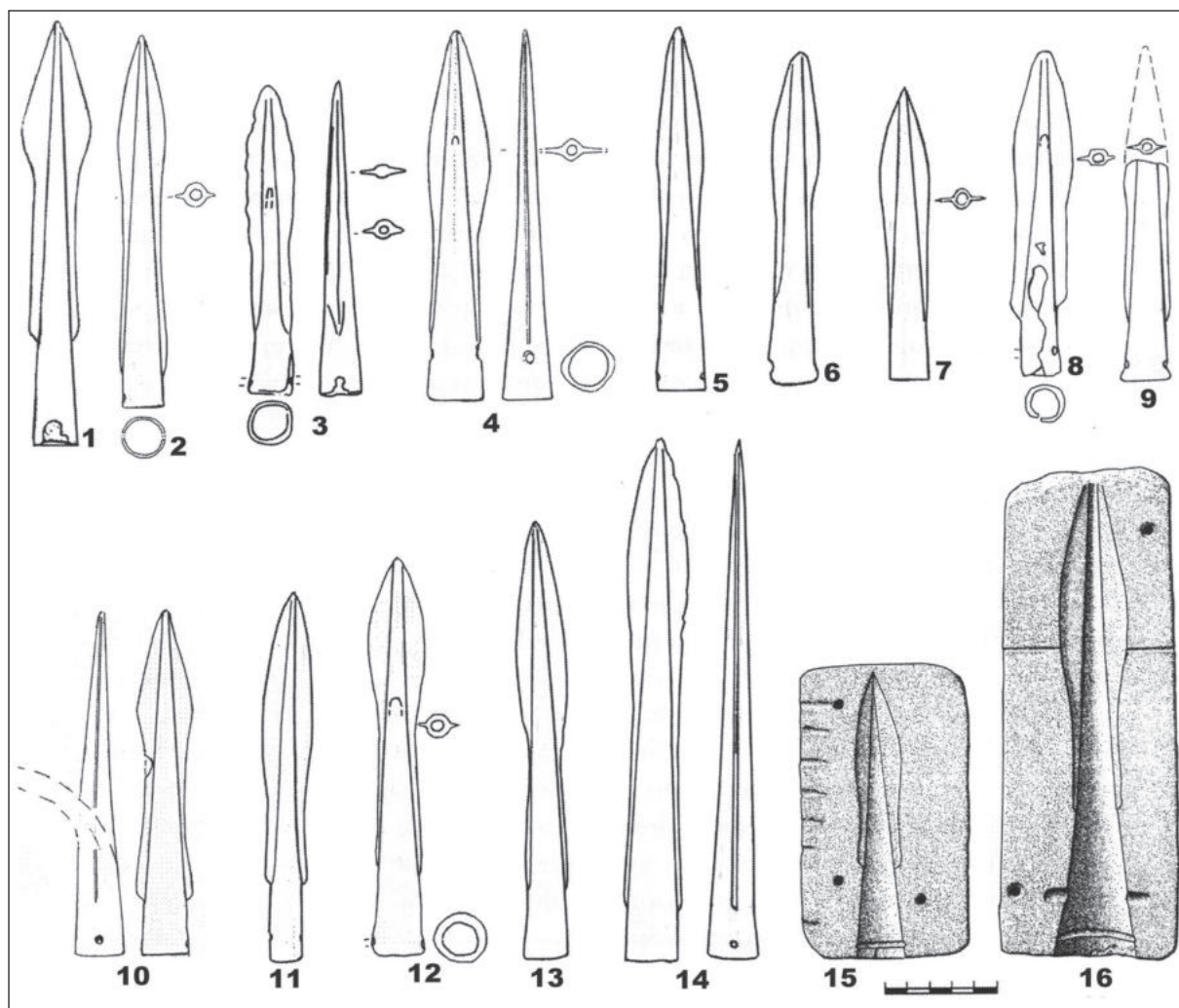
Илл. 15. Единичные находки. 1 – Жавгур, 2-3 – Рышканский р-н, 4, 10 – Шептебань, 5 – Кобуска Веке, 6-7 – Капакля, 8 – Лэргуца, 9 – Кочулия, 11 – Север Молдовы, 12 – Ниспоренский р-н.

Подобные булавки, только обычно с косым отверстием в головке, хорошо известны по находкам на поселениях культуры Ноуа и Сабатиновка (Der-gačev 2002, 42-43, 204, Taf. 44,E1; Taf. 45,F2; Taf. 74,A469-A471), по кладу Бэлень/Băleni (Dragomir 1967, R 18e 94-95).

Черенковый нож со слегка изогнутым лезвием. Отлит в односторонней форме, с односторонним утолщением края спинки (Илл. 14,4) Макс.

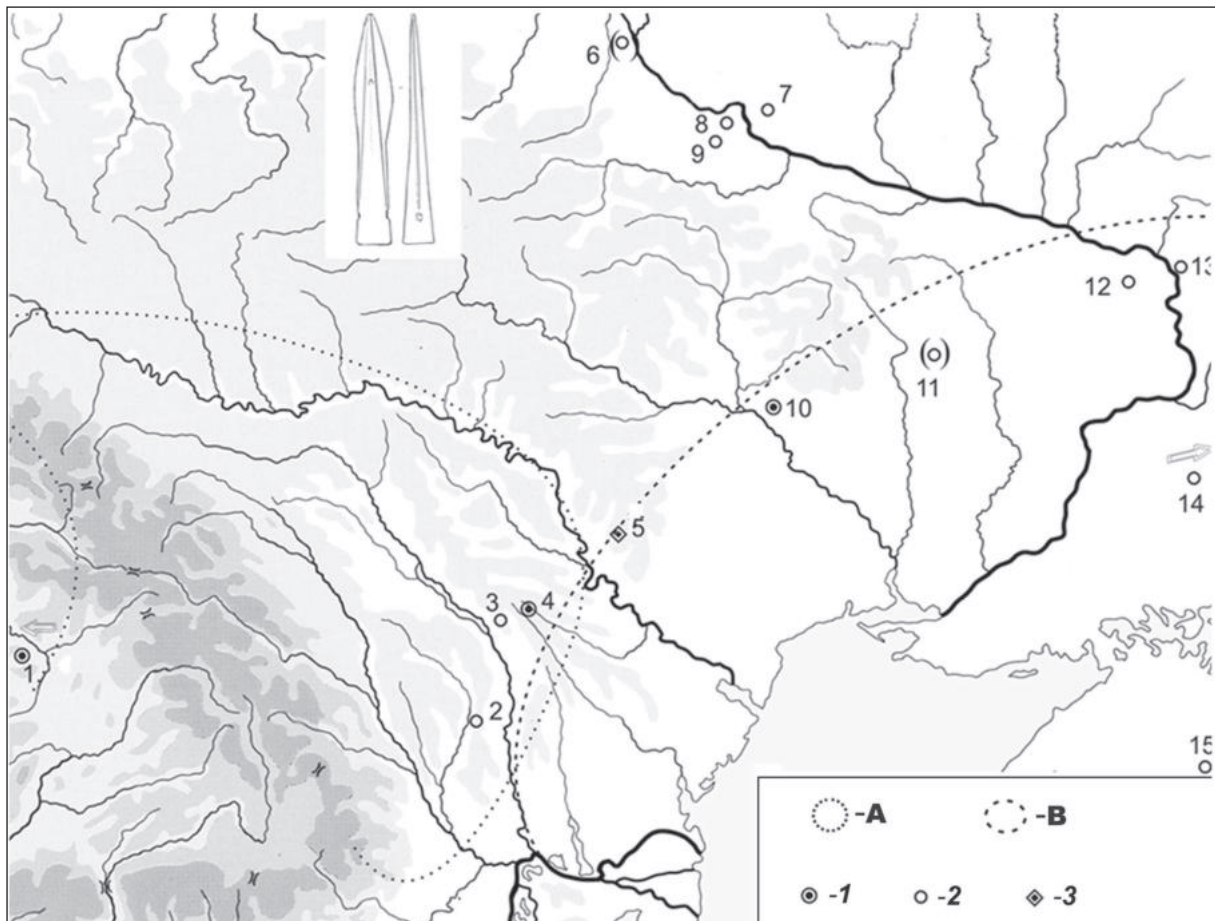
длина 11,6, длина лезвийной части 7,8, ширина лезвия 1,8 см. Вес 25,8 г. В типологическом отношении это достаточно простая форма и может относиться как к поздней бронзе, так и к раннему Гальштатту.

Таковы новые материалы, которые существенно дополняют базу данных и общий набор типов изделий, характерных для культур поздней бронзы и, в особенности – раннего Гальштатта Р. Молдова.

Илл. 16. Наконечники копий типа Красный Маяк. 1 – Красна, 2 – Бырлад-муз, 3 – Ниспорень-р-н, 4 – Лозова, 5 – Селище, 6 – Романково, 7 – Гришенци, 8 – Киев-муз., 9 – Прохоровка, 10 – Раздольное, 11 – Добрянка, 12 – Игрень, 13 – «Украина», 14 – Белгород-р-н., 15-16 – Красный Маяк.

(1 – по М. Petrescu-Dîmbovița, 2 – Н.К. Качалова, 7, 13-14 – В.И. Клочко, 10 – Я.П. Гершкович, 11 – А.М. Leskov, 15-16 – V.S.Bočkarev, А.М. Leskov).

Илл. 17. Местонахождения наконечников копий типа Красный Маяк. 1 – Красна, 2 – Бырлад-муз., 3 – Ниспорень-р-н, 4 – Лозова, 5 – Красный Маяк, 6 – Киев-муз., 7 – Прохоровка, 8 – Селище, 9 – Гришенци, 10 – Добрянка, 11 – «Украина», 12 – Романково, 13 – Игрень, 14 – Раздольное, 15 – Белгород - р-н. Условные обозначения: 1 – клады, 2 – единичные находки (в скобках – без точных адресов), 3 – литейные формы.

Библиография

- Балагурі 1968:** Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівця Івано-Франківської області. Археологія 21, 1968, 135-146.
- Балагурі 1972:** Е.А. Балагурі, Культура Ноа. Археологія Української РСР. Т. 1 (Київ 1972), 385-395.
- Березанская и др. 1986:** С.С. Березанская, В.В. Отрошенко, Н.Н. Чердниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Київ 1986).
- Берестнев 2001:** С.И. Берестнев, Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) (Харьков 2001).
- Борисковський 1950:** П.И. Борисковський, Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Надністрянщини. Археологія IV, 117-131.
- Бочкарев 2008:** В.С. Бочкарев, Знаменская находка. Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 (Саратов 2008), 245-250.
- Ванчугів 1990:** В.П. Ванчугів, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Київ 1990).
- Войнаровский, Смирнова 1993:** В.Н. Войнаровский, Г.И. Смирнова, Новые находки древних бронз в окрестностях с. Волока на Буковине. РА 4, 1993, 183-200.
- Гершкович 1998:** Я.П. Гершкович, Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологических соотношений памятников. Археологический альманах. Вып. 7 (Донецк 1998), 61-92.
- Гончарова 2002:** Ю.В. Гончарова, Два новых клада бронзового века из частных коллекций г. Кишинева. Stratum plus 2 (2001-2002), 582-586.
- Дергачев 1997:** В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштатта Карпато-Данубио-Нордпонтитского региона (Кишинэу 1997).

- Дергачев 2010а:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 1 (Кишинэу 2010).
- Дергачев 2010б:** В.А. Дергачев, Новые металлические предметы поздней бронзы – раннего Гальштатта с территории Молдовы. RA, vol. VI, nr. 2, 2010, 120-129.
- Дергачев 2011:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья (Кишинэу 2011).
- Дергачев, Бочкарев 2002:** В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).
- Ільків 2008:** М. Ільків, Нахідки кельтів у межиріччі верхнього Сирету та Середнього Дністра. МДАПВ. Вип. 12, 2008, 375-386.
- Качалова 1974:** Н.К. Качалова, Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. Свод археологических источников. В4-12 (Москва 1974).
- Кашуба 1999:** М.Т. Кашуба, «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой. Stratum plus 3, 1999, 369-388.
- Кашуба 2000:** М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
- Клочко 2006:** В.І. Клочко, Озброєння та військова справа давнього населення України (Київ 2006).
- Клочко, Козыменко 2011:** В.І. Клочко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).
- Конопля, Малеев 1994:** В. Конопля, Ю. Малеев, Клад бронзовых топоров из Подолии. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. (Тирасполь 1994), 135-137.
- Кривцова-Гракова 1955:** О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).
- Крушельницька 1985:** Л.І. Крушельницька, Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (Київ 1985).
- Крушельницька 2006:** Л.І. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).
- Крушельницька, Філіпчук 1993:** Л. Крушельницька, М. Філіпчук, Нові скарби із Снятинщини Івано-Франківської обл. Памятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті (Київ 1993), 129-134.
- Малеев 1976:** Ю.Н. Малеев, Литейные формы с поселения Мышковичи в Поднестровье. В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины (Киев 1976), 232-239.
- Мацкевой 1974:** Л.Г. Мацкевой, Звіт про роботи Прикарпатської мезоліто-неолітичної експедиції Інституту суспільних наук. АН УРСР в 1974 р. Архив Інституту суспільних наук. АН УРСР (б/н).
- Мелюкова 1961:** А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода. МИА 96 (Москва 1961), 5-52.
- Пивоваров, Ільків 2009:** С. Пивоваров, М. Ільків, Нові знахідки скарбів епохи бронзи – раннього заліза на території Буковини. В сб.: Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи (Київ-Львів 2009), 80-98.
- Праисторијске оставе II, 1994:** Праисторијске оставе у Србији и Војводини. Т. II (Београд 1994).
- Сава, Кайзер 2011:** Е. Сава, Е. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Chişinău 2011).
- Свешніков 1961:** І.К. Свешніков, Два бронзові скарби в Станіславській області. МДАПВ, вип. 3, 1961, 52-58.
- Смирнова 1969:** Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.) МИА 150 (Москва 1969), 7-34.
- Сымонович 1966:** Э. А. Сымонович, Ингульский клад. СА 2, 1966, 127-142.
- Тереножкин 1961:** А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Тереножкін 1964:** А.І. Тереножкін, Поховання епохи бронзи біля с. Солонець. Археологія 16, 1964, 202-207.
- Черных 1976:** Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черных 1978:** Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).
- Шумова 2001:** В.О. Шумова, Бурштин Гордіївського могильника. Гордіївський могильник (Вінниця 2001), 270-274.
- Bălan 2009:** G. Bălan, Cronologia şi tipologia dărilor de bronz cu toc de înmănuşare din România. Apulum. XLVI. Alba Iulia 2009. 1-40.
- Bejinariu 2007:** I. Bejinariu, Depozitul de bronzuri de la Brăglez (comuna Surduc, judeţul Sălaj) (Cluj-Napoca 2007).
- Bočkarev, Leskov 1980:** V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XIX, 1, 1980.
- Boroffka 2001:** N. Boroffka, Bemerkungen zu einigen Bernsteinfunden aus Rumänien. Archäologisches Korrespondenzblatt 31. Heft 3. (Mainz 2001), 395-409.
- Boroffka 2002:** N. Boroffka, Consideraţii asupra descoperirilor preistorice de chihlimbar din România. Apulum 39 (Alba Iulia 2002), 145-168.
- Brunn 1968:** W. Brunn, Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit. Römisch-Germanische Forschungen. B. 29. (Berlin 1968).
- Chirica, Tanasachi 1984-1985:** V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi. Vol. 1-2 (Iaşi 1984-1985).
- Chişescu 1976:** L. Chişescu, Depozitul de bronzuri de podoabă, din epoca bronzului, de la Suceava. SCIVA 27, 1, 1976, 103-107.

- Dergačev 2002:** V. Dergačev, Die äneolithischen und brozezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, B. 9. (Stuttgart 2002).
- Dergačev, Bočkarev 2006:** V. Dergačev, V. Bočkarev, Secerele de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est (Iași 2006).
- Dragomir 1967:** I. Dragomir, Le dépôt de l'âge du bronze tardif de Băleni. Inventaria Archeologica. F. 4. R. 18 (București 1967).
- Dumitrescu 1938:** H. Dumitrescu, Objects inédits du dépôt en bronze de Șpălnaca, au Musée National des Antiquités de Bucarest. Dacia V-VI (1935-1936). 1938, 195-214.
- Enăchiuc 1995:** V. Enăchiuc, Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomița. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. B. 10. (Berlin 1995), 279-310.
- Florescu 1961:** M. Florescu, Depozitul de obiecte de bronz de la Ulmi-Liteni. AM I, 1961, 115-127.
- Furmánek et al. 1999:** M. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Die Bronzezeit im slowakischen Raum. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. B. 15. (Rahden/Westf. 1999).
- Hampel 1886-1896:** J. Hampel, A bronzkor emlékei Magyarhonban (Budapest R.I (1886), II (1892), III (1896)).
- Hänsel 2005:** A. Hänsel, Un depozit de bronzuri din ținutul Sucevei. Bronzefunde aus Rumänien II. Bistrița (Cluj-Napoca 2005), 285-299.
- Hänsel 1968:** B. Hänsel, Beiträge zur Chronologie der Mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken (Bonn 1968).
- Ignat 2000:** M. Ignat, Metalurgia în epoca bronzului și în prima epocă a fierului din Podișul Sucevei (Suceava 2000).
- Kemenczei 1984:** T. Kemenczei, Die Spätbronzezeit Nordostungarns (Budapest 1984).
- Kobal' 2000:** J. Kobal', Bronzezeitliche Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). PBF XX, B. 4. (Stuttgart 2000).
- König 2004:** P. König, Spätbronzezeitliche Hortfunde aus Bosnien und der Herzegowina. PBF XX, B. 11. (Stuttgart 2004).
- Lazar 1997:** V. Lazar, Depozitul de bronzuri de la Jabenita (jud. Mureș). Revista Bistriței X-XI (1996-1997) (Bistrița 1997), 9-12.
- Leahu 1997:** V. Leahu, Depozitul de obiecte de bronz descoperit la Arsura. Cultură și civilizație la Dunărea de Jos XV (Călărași 1997), 325-352.
- Leskov 1981:** A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I. PBF XX, B. 5. (München 1981).
- Levițki, Ușurelu, Coban 2003:** O. Levițki, E. Ușurelu, G. Coban, Piese de metal din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic (Chișinău 2003), 171-182.
- Mozsolics 1973:** A. Mozsolics, Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens (Budapest 1973).
- Mozsolics 1985:** A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely (Budapest 1985).
- Mozsolics 2000:** A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte Hajduböszörmény, Románd und Bükkzentlázló. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. B. 17. (Kiel 2000).
- Patek 1968:** E. Patek, Die Urnenfelderkultur in Transdanubien (Budapest 1968).
- Petrescu-Dîmbovița 1977:** M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri din România (București 1977).
- Petrescu-Dîmbovița 1978:** M. Petrescu-Dîmbovița, Die Sicheln in Rumänien. PBF XVIII, B.1. (München 1978).
- Petrescu-Dîmbovița 1998:** M. Petrescu-Dîmbovița, Der Arm- und Beinschmuck in Rumänien. PBF X, B.4. (München 1998).
- Șadurschi 1989:** P. Șadurschi, Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. Hierasus 7-8, 1989, 157-182.
- Ușurelu 2011:** E. Ușurelu, Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. RA, vol. VII, nr. 1-2, 2011, 47-54.
- Ușurelu, Nicic 2003:** E. Ușurelu, A. Nicic, Noi piese metalice din perioada bronzului târziu descoperite pe teritoriul Republicii Moldova. Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic (Chișinău 2003), 164-170.
- Vinski-Gasparini 1973:** K. Vinski-Gasparini, Kultura polja sa žarama u Severnoj Hrvatskoj (Zadar 1973).
- Żurowski 1949:** K. Żurowski, Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu I wczesnego okresu żeleza z dorzecza gornego Dniestru. Przegląd archeologiczny. T.VIII, 2, 1949, 155-247.

Valentin Dergachev, доктор хабилитат исторических наук, Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

КЛАД БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. КАМЕНКА В ДУНАЙ-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Леонид СУББОТИН, Одесса, Сергей АГУЛЬНИКОВ, Кишинэу

Depozitul culturii Belozerka din împrejurimile s. Kamenka în interfluviul Dunăre-Nistru. În anul 2002 în preajma s. Kamenka (r. Sarata, reg. Odessa, Ucraina) a fost descoperit un depozit, compus din 5 obiecte de bronz și 2 de piatră. În componența complexului intrau un topor de tip celt și o daltă. Interesantă este descoperirea unui harpon de bronz, care nu are analogii directe în vestigiile din perioada bronzului târziu din spațiul nord-vest pontic. Componența depozitului din Kamenka sugerează că el putea fi lăsat de către un „meșter” specializat în turnarea pieselor din bronz. Mai multe analogii indică asupra unei datări de la sf. sec. XII – sec. XI î.e.n. În aceeași perioadă poate fi datată și dălta de bronz, descoperită în împrejurimile s. Rojljanka.

В 2002 г. в окрестностях с. Каменка Саратовского р-на Одесской обл. Украины был найден клад, состоящий из 5 бронзовых изделий, а также 2 предметов, выполненных из камня. В составе клада имелись кельт и долото. Интерес представляет находка уникального бронзового гарпуна, не имеющего прямых аналогий в древностях позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Состав изделий Каменского клада показывает, что данное депонирование, как целых орудий, так и заготовок для литейного производства, могло быть произведено «мастером», специализирующимся в бронзолитейном производстве. По ряду аналогий клад из Каменки датируется концом XII – XI в. до н.э. К этому же периоду относится и бронзовое долото, найденное в окрестностях с. Ройлянка.

The hoard of the Belozerka culture from the surroundings of the Kamenka village of the Dunav-Nistru interfluv. In 2002, in the vicinity of the Kamenka village (Sarata district, Odessa region, Ukraine) a hoard was found, consisting of 5 bronze and 2 stone items. The hoard included an axe of the "celt"-type and a chisel. Interesting is the discovery of an bronze harpoon, which has no direct analogies within the inventory of the late Bronze Age cultures from the North-West Pontic region. The structure of the hoard suggest that it could have been deposited by a „craftsman” specialized in bronze foundry. Analogies for the items from the hoard allow to date it with the end of the XII – XI century BC. The same dating can be proposed for a bronze chisel from the surroundings of the Roileanka village.

Key words: Kamenka village, the late Bronze Age cultures, the North-West Pontic region.

По сравнению с предшествующими памятниками массива Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, в Белозерской материальной культуре металлических изделий сравнительно немного. Но, несмотря на немногочисленность, металлический инвентарь Белозерской культуры достаточно разнообразен и включает в себя в большей степени орудия и украшения, в меньшей степени предметы сопоставимые с вооружением. Преобладающее количество металлических изделий происходит из погребальных комплексов, меньшее число найдено в результате раскопок поселений. В Пруто-Днестровском междуречье имеются клады и отдельные находки изделий из бронзы. В степной зоне Дунай-Днестровского междуречья насчитывается на сегодняшний день 14 кладов и отдельных находок металлических изделий, атрибутированных Белозерской культуре (не включая определенное количество металлических изделий, найденных на поселениях и в могильниках). Подавляющее большинство подобных находок опубликовано и классифици-

ровано специалистами (Ванчугов 1990; Дергачев 1975; 2011, Dergacev 2002, Черных 1976; Черняков 1985).

В 2002 году новый клад бронзовых изделий был случайно открыт у с. Каменка Саратовского р-на Одесской обл. Украины (рис. 1). Клад был найден на склоне левого берега р. Сарата, в 0,2-0,3 км к востоку от современного русла этой небольшой степной речки, которая является притоком причерноморского лимана-озера Сасык (Кундук) (рис. 2).

Находки из состава клада находятся в частной коллекции в г. Одесса. Всего в состав клада входило 8 различных предметов:

1. **Двуушковый топор-кельт** (рис. 3,3), с двумя разделенными валиками под устьем втулки и лавролистым рельефом по бокам. Сечение овальное. С одной широкой стороны под нижним валиком каплеобразное отверстие. Длина изделия (с учетом выступов над устьем) 10 см, наибольшая ширина (с учетом ушек) 6,3 см, размер сечения корпуса под валиками 4х2,4 см, размер овала приустьевого ва-

Рис. 1. Географическое расположение места находки клада у с. Каменка в Пруто-Днестровском междуречье.

лика 4,6х3,3 см, овала устья втулки 3,5х2,5 см, овала ее основания 2,2х0,5 см, глубина втулки 6,5 см, ширина края лезвия 4,3 см, размер бокового отверстия 0,3х0,2 см.

2. **Прямолезвийное втульчатое долото** (Türlengerademeißel) (рис. 3,6) с двумя горизонтальными ободками под устьем втулки и тройными, перпендикулярными нервюрами по всей длине обеих широких плоскостей. Прямой в плане корпус чуть сужается к середине и расширяется к округленному, дуговидному краю лезвия. Устье округлое, корпус в сечении шестигранный. Под нижним поперечным валиком одного бока имеется каплеобразное отверстие, скорее всего результат некачественного литья. Размеры: длина 7,9 см, диаметр по верхнему ободку 2,3 см, в сечении под поперечными ободками 1,7х1,7 см, ширина края лезвия 1,8 см, диаметр устья втулки 1,6 см, глубина 6 см, размер овала её основания 0,6х0,4 см, размер бокового отверстия 0,5х0,3 см.

3. **Бронзовый поворотный гарпун** (рис. 3,4), откованный в форме четырехгранного острия с цилиндрической втулкой и выступающим от нее роговидным шипом, со сквозным поперечным отверстием в корпусе под ним, перегородженным посередине цилиндрическим стержнем с мелкозубчатой нарезкой, выполненной для прочности закрепления шнура обмотки, скреплявшей орудие

с деревянным(?) основанием. Втулка отгорожена от поперечного отверстия тонкой площадкой с овально вытянутой прорезью.

Размеры: общая длина изделия 10,1 см, длина острия с втулкой 8,4 см; размер овального отверстия в основании у края втулки 2х1,19 см, в устье 1,7х1,5 см, площадки-перегородки 1,2х0,9 см, прорези в перегородке 0,9х0,35 см, размер поперечного основания 1,5х0,7 см, диаметр стержня с нарезкой 0,45 см.

4, 5. **Бронзовые слитки**, напоминающие по форме долота (рис. 3,8-9), откованы в виде четырехгранных стержней с утончающимися, уплощенными окончаниями, один из которых раскован в слабо расширяющиеся и скошенное в окончании лезвие. Один экземпляр целый, второй представлен обломком. Размеры целого экземпляра: длина 10,4 см, ширина 0,9 см, толщина 0,7 см, ширина края лезвия 1,1 см. Размеры обломка: длина 4 см, ширина в изломе 1,2 см, толщина 0,8 см, ширина края «лезвия» 1,1 см.

6. **Обломок бронзовой крицы**, аморфной формы (рис. 3,2). Размеры 4,2х4,1х1,5 см. Предмет сильно патинизирован.

7. В составе клада также находился **каменный растиральник-отбойник** вытянутой овальной формы, в сечении орудие также овальное. Поверхность отполирована, со следами сработанности и ударов на рабочих окончаниях (рис. 3,5). Растиральник выполнен из плотного песчаника темного цвета.

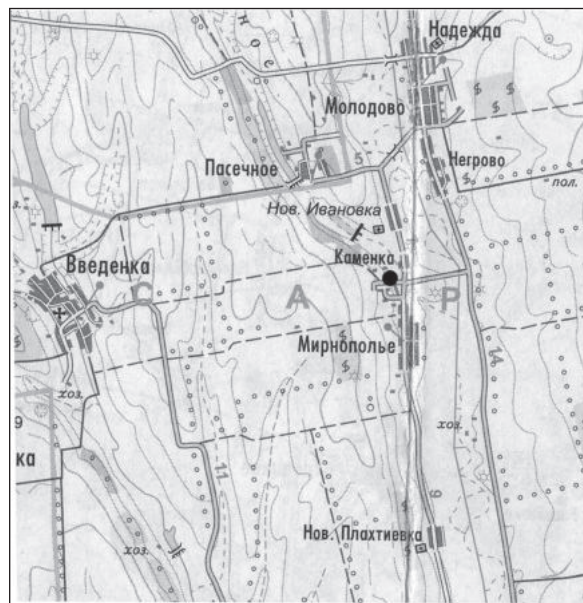

Рис. 2. Ситуационный план места находки клада у с. Каменка.

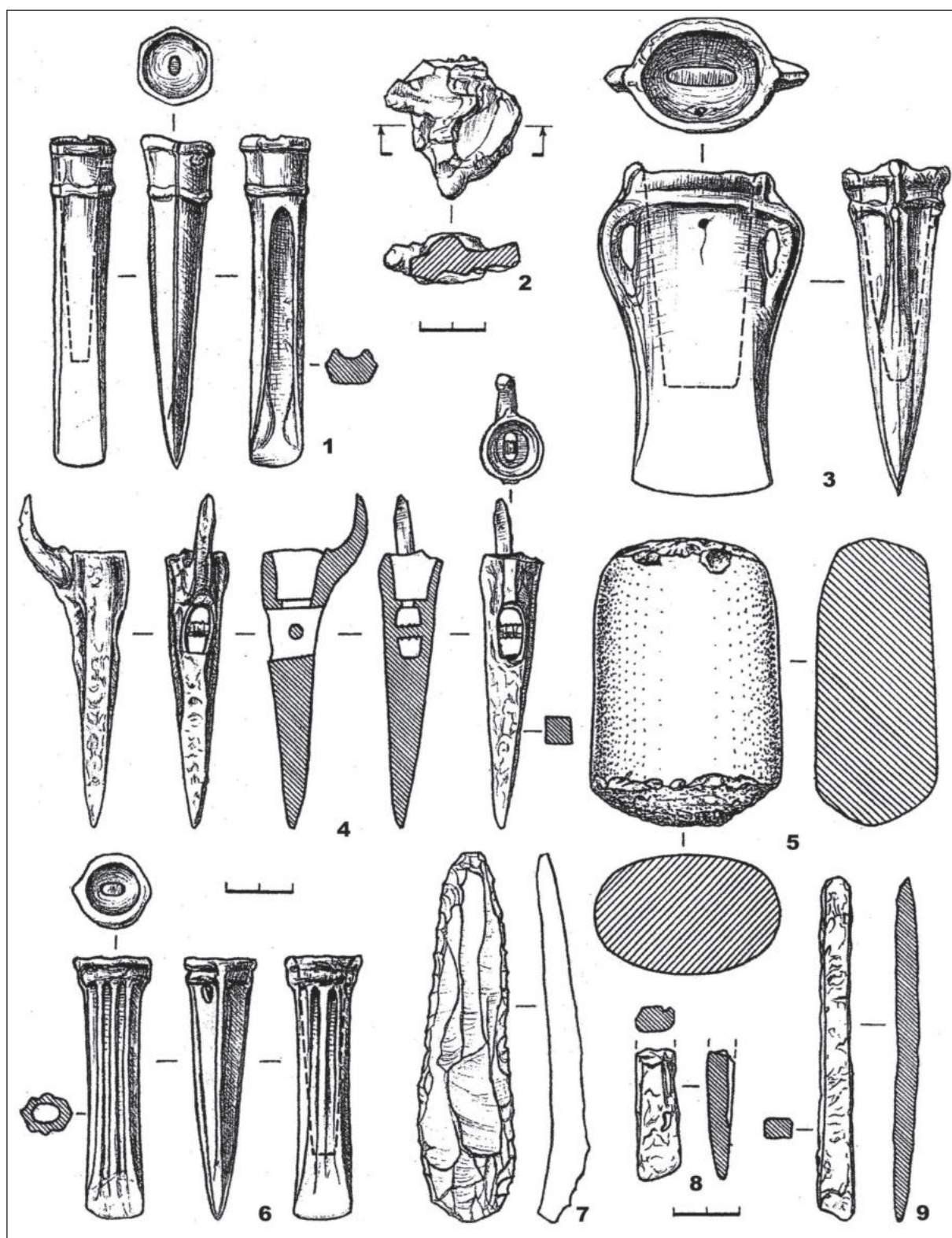

Рис. 3. Изделия из состава клада у с. Каменка и долото из Ройлянки: 1 – долото; 2 – фрагмент бронзовой крыши, 3 – топор-кельт, 4 – бронзовый гарпун, 5 – каменный пест, 6 – долото, 7 – кремнёвая ножевидная пластина, 8-9 – бронзовые слитки.

Размеры: длина 8,8 см, ширина – до 5,8 см, толщина – до 3,7 см.

8. **Долото из Ройлянки.** Говоря о предметах, найденных в составе клада из Каменки, считаем уместным рассмотреть в данной публикации и находку бронзового долота, выявленную в 10 км к СВ от места обнаружения клада. В 1988 г. И.П. Кузей, житель с. Ройлянка, Татарбунарского р-на Одесской обл. Украины, во время вспашки поля обнаружил бронзовый предмет. Место находки было осмотрено специалистами, в результате осмотра было предположено, что изделие происходит из расположенного поблизости распахиваемого древнего кургана.

Долото из Ройлянки (рис. 3,1) оформлено с продольным желобом по туловцу и заканчивается дуговидным заостренным лезвием. Втулка изделия предусмотрена двумя поперечными валиками на втулке, один из которых расположен по устью, а другой в 1 см ниже него на туловце. Между валиками имелось небольшое округлое отверстие диаметром 0,25 см. Основание изделия в сечении шестиугольное, желоб дуговидно вогнут. Размеры: длина 10 см, ширина втулки 1,9 см, основания туловца и лезвия 1,6 см, размер шестиугольного валика у устья 2,2x2,1 см, диаметр устья 1,8 см, размер его овального основания 0,5x0,3 см, глубина основания 6,8 см.

Клад: Согласно существующим типологическим классификациям, кельт из Каменки относится к разряду К-70 (Черных 1976, 87-88, табл. VIII, 16-19), III типу (Bočkarëv, Leskov 1980, 52; Leskov 1981, 34-35, Taf. 4,G1; 5,A 3.5), типу Кардашинка (Дергачев 1997, 13, рис. 1.П.1-4; Dergačëv 2002, 117-119) или к вариантам П.5.13 и П.5.16 (Ушурелу 2010, 39, рис. 11,1-9.12-13; 12,1-9).

Данный тип кельтов представлен в комплексах литейных форм и в кладах бронзовых изделий начиная с позднесабатиновского времени, но преобладает в комплексах раннего периода Белозерской культуры и распространен в основном в степной части Северного Причерноморья, от Пруто-Днестровского междуречья до Северского Донца.

В качестве аналогий долоту из состава клада из окрестностей Каменки можно привести негативы литейных форм комплексов из Солохи, а также из Завадовки, позднего периода белозерской культуры (Bočkarëv, Leskov 1980, Taf. 8,71.72a; 9,78a.b). В первом случае, долота имеют по два горизонтальных валика, во втором, только один, по краю втулки. Широкие плоскости (фаски) имеют идентичное оформление, как и у нашего изделия.

В комплексах литейных форм и в кладах бронзовых изделий поздней бронзы Северного Причерно-

морья преобладают желобчатые втульчатые долота (Tüllenhohlmeißel), восходящие к восточноевропейским и сеймино-турбинским желобчатым втульчатым долотам (Uşurelu 2010). А появление прямолезвийных втульчатых долот (Tüllengerademeißel), скорее всего, является результатом карпато-балканских влияний. На что указывает и оформление широких плоскостей (фасок) вышеуказанных долот, аналогичное фаскам у топоров-кельтов или кельтов-долот с территории Болгарии (Черных 1978, табл. 36,4.5.9).

Дичево-вырбицкие элементы орнамента, в виде вертикальных нервюр, отмечены в оформлении желобчатого втульчатого долота из клада Курячи Лозы позднесабатиновского времени (Никитин, Черняков 1981, рис. 4,4), а также на негативе литейной формы комплекса Кардашинка I (Bočkarëv, Leskov 1980, Taf. 11,87a.b.).

Ройлянское долото представляло собой желобчатое втульчатое долото (Tüllenhohlmeißel), с ободком по краю втулки и другим валиком, немножко ниже (рис. 3,1). Отличается от других желобчатых втульчатых долот с валиком по краю втулки Северного Причерноморья наличием второго валика. Одним валиком по краю втулки и другим немножко ниже, предусмотрен и негатив тыльной широкой плоскости (фаски) долота литейной формы из Капуловки, раннесабатиновского времени (Bočkarëv, Leskov 1980, 27, Taf. 12,102a). Но, последний имеет под нижним валиком рельефный орнамент, состоящий из двух свисающих углов. Желобчатые долота подобного типа поэтапно распространяются от Волго-Уралья до Днестра, Нижнего Подунавья и Восточного Прикарпатья (Uşurelu 2010). В отличие от долота с двумя ободками по краю втулки из Ройлянки гораздо лучше известны изделия с одним ободком у края втулки. Определенное их количество тяготеет к ареалу культуры Ноа и в основном датируются периодом BrD (Дергачев 2011, 219). Это изделия из кладов серии Рышешть-Бэлень (Petrescu-Dîmbovița, Florescu 1971, R. 35a; 39,5; Petrescu-Dîmbovița 1977, 73-78, pl. 81,5; 85,5) и Кодрянка (Дергачев 2011, 219-220, рис. 138). Наибольшее количество подобных желобчатых долот связано с Нижним Поднепровьем и Побужьем, где они бытуют от раннего сабатиновского вплоть до белозерского времени (Дергачев 2011, 219, рис. 137). Для сабатиновского периода Северного Причерноморья это изделия из клада Курячи Лозы (Никитин, Черняков 1981, 23, рис. 4,4). Для позднесабатиновского-раннебелозерского времени это негативы на литейных формах Красномаяцкой, Кардашинской и Волошской мастерских (Bočkarëv, Leskov 1980, 27, Taf. 7,51a.52c.102a; Taf. 11,87). В Пруто-Днестров-

ском междуречье подобное долото присутствует в составе клада из Соколен (Dergachev 2002, 46, Taf. 4, B4). В.А. Дергачев выделяет по основным метрическим показателям две соразмерные группы данной категории изделий. Первая группа объединяет долота, высота которых колеблется от 12 до 14 см, а вторая представлена изделиями высотой от 7,5 до 10,6 см. Первая группа состоит из изделий более ранних по времени, относящихся к раннесабатиновскому периоду и включает в себя экземпляры, найденные в наиболее ранних комплексах (Малые Копани, Кодрянка) (Дергачев 2011, 219-220). А вторая группа, в свою очередь, свойственна белозерским древностям (Дергачев 2011, 220-221, рис. 139), к которым относится и экземпляр из Ройлянки. Исходя из того, что в типологическом развитии топоров-кельтов и желобчатых втульчатых долот Северного Причерноморья выявлены общие тенденции, выражающиеся в идентичном оформлении втулки, а также других морфологических показателей (Uşurelu 2010, 5-24), данное долото также можно датировать концом позднесабатиновского времени – ранним периодом белозерской культуры.

Гарпун: Бронзовый гарпун, найденный в составе клада из Каменки, представляет функциональное орудие, спецификой которого является применение при рыбной ловле. Бронзовому изделию предшествовали орудия, изготовленные из рога-кости. При этом в конструкции орудия всегда присутствуют такие элементы как острие и шип-крючок, при помощи которого пойманная добыча транспортируется из воды на сушу. Прототипы подобных гарпунов были изготовлены преимущественно из кости. В дальнейшем, в связи с развитием металлопроизводства, появляются экземпляры, изготовленные из меди-бронзы. Наиболее ранние гарпуны известны на территории Северо-Западного Причерноморья с периода энеолита. Так, наиболее древними являются находки с раннетрипольского поселения Лука-Врублевская на Нижнем Днестре (Бибиков 1953, 318, табл. 26, рис. 3,9). Отмечена находка гарпуна такого же типа и на поселение культуры Гумельница Озёрное в Нижнем Подунавье (рис. 4,9) (Субботин 1983, 52-54, рис. 21,29). Что касается периода поздней бронзы, то находки гарпунов присутствовали на поселениях сабатиновской и белозерской культур Викторовка III (рис. 4,2-3) (Черняков 1985, 86.88, рис. 41,4); Дудчаны (рис. 4,4), Ушкалка (рис. 4,8) (Березанская и др. 1994, 120, рис. 35,5; 160, рис. 49,14; 161).

В плане аналогий к находке гарпуна из клада у Каменки следует обратить внимание на объект, найденный в результате раскопок на эпонимном памятнике Грэдиштя-Кослоджень на Нижнем Дунае. Там в одном из жилых комплексов культуры

Кослоджень была найдена двусторонняя литейная форма для отливки бронзовых кельта и двойного гарпуна (рис. 4,5). Кельт был орнаментирован вертикальными рельефными нервюрами, его длина составляла 10,5 см, ширина 4,4 см, размеры гарпуна 11,5х3,5 см (Neagu, Nanu 1986, 99-129, fig. 21). Показательно, что кельт с данной матрицы имеет дичево-вырбицкие элементы орнамента, состоящие из вертикальных нервюр, и соответственно, может датироваться позднесабатиновским-раннебелозерским периодом. По времени подобные кельты сосуществуют с желобчатыми втульчатыми долотами. Немаловажен тот факт, что на поселении Грэдиштя-Кослоджень найдена и однопружинная бронзовая фибула с аркообразной спинкой (Neagu, Nanu 1986, 112-117, fig. 22,24). Авторы раскопок датируют этот горизонт XII-XI вв. до н.э. (Neagu, Nanu 1986, 117), что соответствует позднесабатиновскому-раннему белозерскому времени в Северо-Западном Причерноморье. Стоит добавить, что форма бронзового гарпуна из Грэдиштя-Кослоджень восходит к более ранним гарпунам с двусторонними шипами на лезвии, имеющимся в Нижне-Дунайских энеолитических комплексах переходного периода от культуры Боян к культуре Гумельница-Радовану, Лишкотянка, Ульмень (Comşa 1986, 43-50, fig. 1). Следует отметить, что в позднем бронзовом веке костяные изделия использовались наравне с металлическими. Так, в процессе раскопок северо-восточного участка памятника Картал-Посад на Нижнем Дунае, в заполнении жилища земляночного типа раннегалльштатского периода был найден костяной наконечник гарпуна с отверстиями для крепления и выделенным заостренным шипом (рис. 4,6) (информация И.В. Бруяко).

Каменное орудие: Рассмотрим находку обломка «топора-молота», а скорее песта, найденного в составе клада из Каменки. Подобные изделия свойственны тем памятникам позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья, где прослеживаются свидетельства металлообработки. Сравнивая материалы, полученные в результате исследования позднесабатиновских и раннебелозерских памятников Буджакской степи с находками на позднесрубных поселениях Северного Причерноморья и Нижнего Подонья, следует отметить их сходство с орудиями металлообработки, выявленными в результате раскопок данных археологических комплексов. Привязные молоты, двуручные песты, отбойники-«зернотерки» – на самом деле орудия для перетирания бронзовой руды – имеются на поселениях Усово Озеро в Восточной Украине (Березанская 1990, 73). Множество подобных

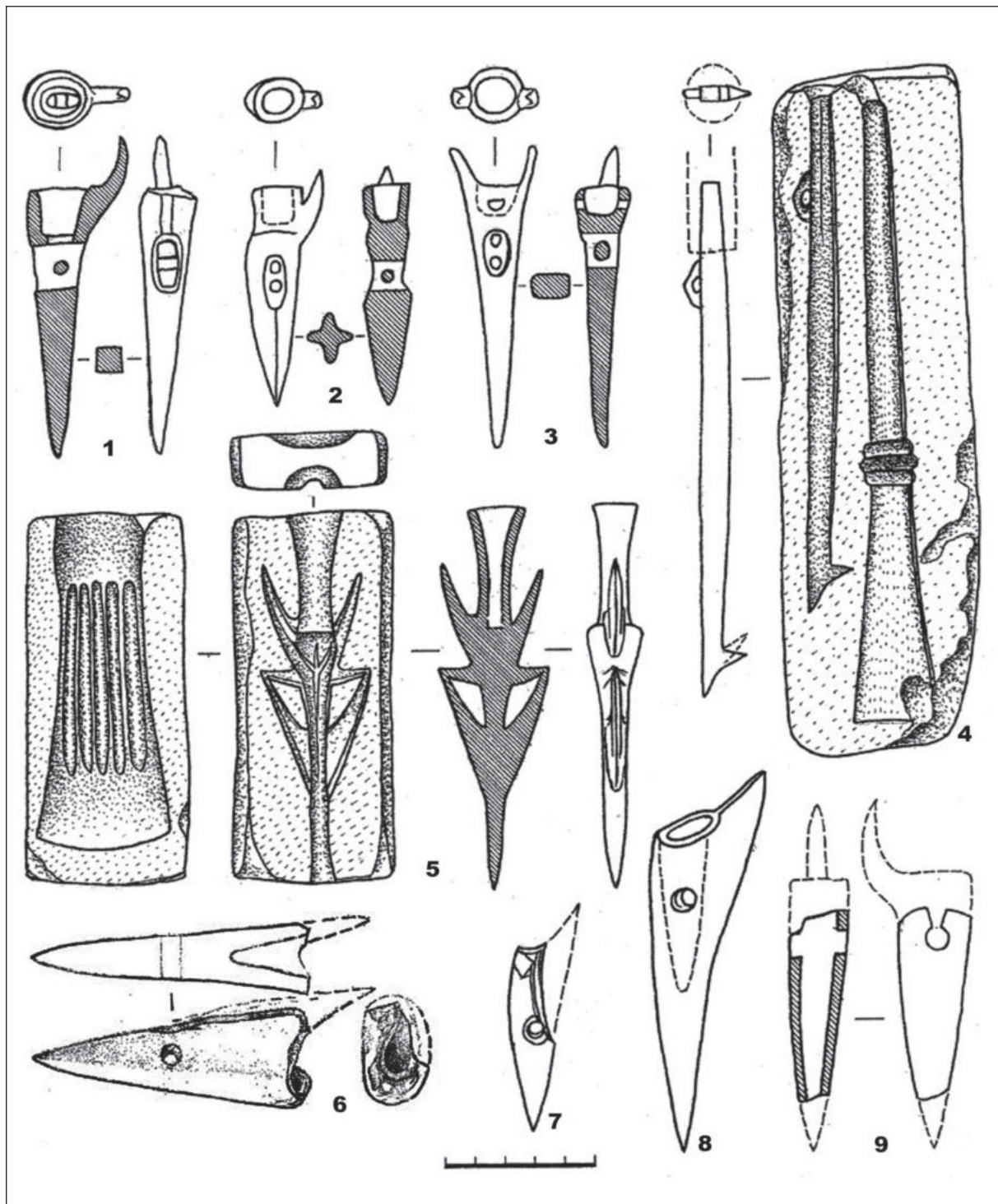

Рис. 4. Гарпуны различных периодов с территории Северо-Западного Причерноморья: 1 – гарпун из состава клада у с. Каменка, 2-3 – с поселения Викторовка, 4 – с поселения Дудчаны, 5 – гарпун из Грэдиштя-Кослоджень, 6. Гарпун из раннегалыштатского горизонта памятника Картал-Орловка по И.В. Бруяко, 7 – Лука-Врублевская (Раннее Триполье), 8 – Ушкалка, 9 – Озерное (культура Гумельница).

орудий было найдено на Мосоловском поселении на Среднем Дону (Пряхин 1996, 155-166). Не исключается и возможность существования пока не идентифицированных, производственных центров, занятых металлообработкой в Северо-Западном Причерноморье (Островерхов 2002, 386-431), за пределами которых находился ряд мастерских, рассеянных по различным регионам (Островерхов 2002, 386-431). Местная металлообработка фиксируется и на территории Пруто-Днестровского междуречья (Дергачев 1975, 81-83).

Бронзовые слитки: Находки древнего металла в виде аморфной крицы в составе кладов Северного Причерноморья далеко не редкость. Они известны, например, в Журавлинском и Ингульском кладах (Черняков 1985, 116, рис. 59,14; 121, рис. 63,25-27). Встречаются такие находки и на позднебронзовых поселениях степной зоны Днестро-Дунайского междуречья. Так, подобный кусок бронзовой крицы был найден к северу от с. Виноградовка Болградского р-на Одесской обл. Украины (Субботин 1972, 367-368). Бронзовые слитки, оформленные в виде «долота», встречаются не очень часто, но определенные аналогии данным изделиям наблюдаются на негативе одной из литейных форм из Малых Копаней и среди бронзовых изделий Ульяновского клада (Черняков 1985, 97, рис. 45,10; 100, рис. 47,8; Черных 1976, 106).

В целом, несмотря на немногочисленность находок бронзовых изделий белозерского времени на территории Пруто-Днестровского междуречья, имеющиеся экземпляры наглядно демонстрируют экономическую ситуацию, сложившуюся в конце II тыс. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье. В процессе своего продвижения с запада на восток раннегалыштатские племена культуры Гава-Голиграды блокируют обитателям северопричерноморских степей доступ к меднорудным месторождениям Карпатского металлургического очага (Дергачев

1997, 56). Этот факт способствует сокращению металлообработки и производства бронзовых изделий в Белозерской культуре, что приводит к миниатюризации бронзовых предметов, а зачастую к замене их кремневыми орудиями. При этом основное количество находок бронзовых изделий в Пруто-Днестровском междуречье приходится на позднесабастиновский-раннебелозерский периоды – XII в. до н.э.

Сопоставляя находки из комплекса, найденного в окрестностях с. Каменка, можно без особых сомнений утверждать, что данное депонирование как целых орудий, так и заготовок для литейного производства (крица, бронзовые стержни, вышедшие из употребления орудия) могло производиться «мастером», специализирующимся в бронзолитейном производстве. Не исключено, что данное депонирование могло производиться ремесленником, занятия которого, включали в себя и прочие ремесла, не связанные с бронзолитейным производством, доказательством чему может служить находка в составе клада двулезвийной кремневой ножевидной пластины. С другой стороны, устройство и совершение кладов могло иметь ритуальный характер, например посвящение тому или иному божеству. Клад приобретал форму определенной жертвы. И если жертвенное животное, как правило, убивали, то изделия в составе клада могли быть ритуально «умерщвлены», а точнее просто поломаны, согнуты. Но зачастую, депонируемые бронзовые предметы представляют собой вышедшие из употребления изделия. Этот факт объясняется элементарным рационализмом, бронза имела определенную ценность, поэтому в жертву приносилось изделие, не подлежащее ремонту или переплавке. Таким ритуальным жертвоприношением вполне мог являться и клад, составленный из различных по назначению предметов, найденный в окрестностях с. Каменка.

Библиография

- Бибиков 1953:** С.Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевская. МИА 38, 1953.
Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро (Киев 1990).
Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994).
Бочкарев 2006: В.С. Бочкарев, Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. Производственные центры (С. Петербург 2006).
Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).
Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).
Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
Дергачев 1997: В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего галыштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона (Кишинев 1997).
Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья (Кишинев 2011)
Никитин, Черняков 1981: В.И. Никитин, И.Т. Черняков, Курлозский клад эпохи поздней бронзы. СА 2, 1981, 151-160.

- Острове́рхов 2002:** А.С. Острове́рхов, Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н.э. – первая половина VII в. до н.э.). *Stratum-plus* 2, 2001-2002, 2002, 386-431.
- Пряхин 1996:** А.Д. Пряхин, Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы (Воронеж 1996).
- Субботин 1983:** Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).
- Субботин 1972:** Л.В. Субботин, Нові пам'ятки в Понизії Дунаю. АДУ в 1969 р. (Київ 1972), 367-368.
- Черных 1976:** Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черняков 1975:** И.Т. Черняков, Племена Северо-Западного Причерноморья в эпоху бронзы. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук (Киев 1975).
- Черняков 1985:** И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине I тыс. до н.э. (Киев 1985).
- Ушурелу 2010:** Е.И. Ушурелу, Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *RA*, vol. V, nr. 1, 2010, 22-67.
- Bočkarov, Leskov 1980:** V.S. Bočkarov, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *PBF XX*, 1 (München 1980).
- Comşa 1986:** E. Comşa, Date despre harpoanele din epoca neolitică din Muntenia. In: *Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos*, vol. II (Călăraşi 1986), 43-50.
- Dergačev 2002:** V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. *PBF XX*, 9 (Stuttgart 2002).
- Leskov 1981:** A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I. *PBF XX*, 5 (München 1981).
- Neagu, Nanu 1986:** M. Neagu, D.B. Nanu, Consideraţii preliminare asupra aşezării eponime de la Grădiştea-Coslogeni, judeţul Călăraşi. In: *Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos*, vol. II (Călăraşi 1986), 99-129.
- Petrescu-Dîmboviţa 1977:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România. *Biblioteca de Arheologie XXX* (Bucureşti 1977).
- Uşurelu 2010:** E. Uşurelu, Apariţia şi evoluţia dălţilor cu toc de înmănuşare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *RA*, vol. VI, nr. 2, 2010, 5-24.

Леонид Субботин, к.и.н., старший научный сотрудник Одесского национального археологического музея НАНУ, г. Одесса, Украина, ул. Ланжероновская 7. Одесский национальный археологический музей; e-mail: lvsubbotin@mail.ru

Сергей Агульников, научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, Кишинэу, Республика Молдова; e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

РАНЕСКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ Г. ЗАПОРОЖЬЯ (ПРОСПЕКТ СОВЕТСКИЙ)

Светлана АНДРУХ, Геннадий ТОЩЕВ

Stelă antropomorfă scitică timpurie din or. Zaporozhie (bulevardul Sovetskij). În anul 2011 expediția arheologică a Universității de Stat din Zaporozhie a investigat o necropolă tumulară din perimetrul orașului, pe malul drept al Niprului. Într-un tumul din epoca bronzului a fost semnalat un mormânt scitic timpuriu. În sectorul de sud, printre pietrele cromlehlului, a fost descoperită o stelă funerară. Un șir de indicii caracteristice (materialul sculpturii, figura în poziție șezând, particularitățile iconografice și de repertoriu al atributelor) permit datarea stelei în sec. VII-VI a.Chr., posibil, la hotarul sec. VII-VI a.Chr.

В 2011 г. археологической экспедицией Запорожского государственного университета исследован курганный могильник в пределах города, на правом берегу Днепра. В кургане эпохи бронзы выявлено впускное раннескифское погребение. В южном секторе среди камней cromleха было обнаружено изваяние. Ряд характерных признаков (материал памятника, сидящая фигура, особенности передачи иконографии и предметного репертуара) позволяют отнести изваяние к VII-VI вв. до н.э., возможно, к рубежу VII-VI в. до н.э.

Early Scythian Sculpture from Zaporozhie City (Sovietsky Boulevard). In 2011, the archeological expedition of the Zaporozhie State University explored a tumulus situated within the City area on the right bank of Dnieper. An inlet Early Scythian burial was discovered in the Bronze Age tumulus under study. The sculpture found in the southern part of the burial among cromlech stones represents the subject of this study. The set of specific characters (material, the sitting pose of the figurine, iconographic peculiarities and implement repertoire) allow to attribute the figurine to VII-VI centuries BC.

Key Words. Tumulus, Scythians, Figurine, Iconography.

Монументальная каменная скульптура относится к числу важнейших источников по изучению истории и культуры древних и средневековых кочевников Евразийского степного пояса. Особое место в ряду этих памятников занимают скифские изваяния, исследованию которых посвящены фундаментальные монографии (Ольховский, Евдокимов 1994; Ольховский 2004; Бессонова 2009), а также огромное количество статей и тезисов.

Неиссякаемый интерес к данной проблеме вполне закономерен, в связи с увеличением количества изваяний, пополнением данных об иконографии и предметном репертуаре, новыми подходами к интерпретации как самих изваяний, так и их территориального распространения в контексте социально-политической истории скифов.

В 2011 г. коллекция скифских изваяний пополнилась находкой, сделанной в г. Запорожье при

исследовании курганного могильника в районе Бабурки, на правом берегу Днепра.

Изваяние было обнаружено в южном секторе кургана эпохи бронзы №2 (высота 0,4 м) среди камней cromleха, перекрывающих ров. Судя по расположению, оно уложено в ложе, для чего была сделана выборка камней cromleха.

Стела изготовлена из массивной гранитной плиты темно-серого цвета, которой придана подпрямоугольная форма с закругленными углами, небрежно заостряющаяся книзу. Высота 1,45 м, ширина средней части на уровне «пояса» – 0,33 м, основания – 0,3 м, ширина головы на уровне «усов» – 0,3 м, толщина – 0,35 м.

Изваяние воспроизводит сидящую мужскую фигуру, выполненную в технике гравировки, подтески и шлифовки. Голова выделена подтеской. Реалистично выполнено лицо. Глазные впадины выполнены контррельефом, имеют миндалевидную форму. Глаза выполнены в виде гравирован-

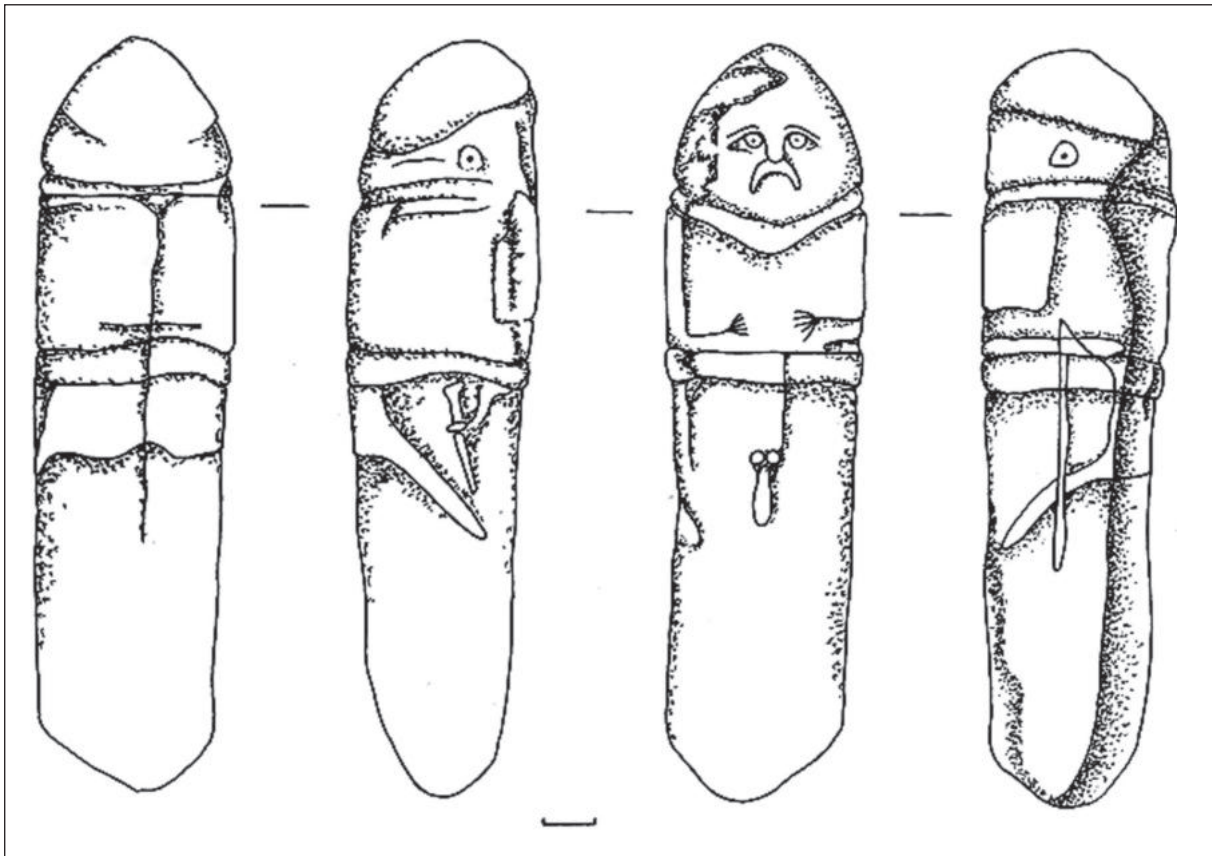

Рис. 1. Раннескифское изваяние из г. Запорожье.

ного кружка с точкой-зрачком. Надбровные дуги резко опущены к вискам. Нос удлиненный прямой, прочерчен слабо. Усы имеют подковообразную форму. На голове изображена или короткая прическа или шлем. Правое ухо изображено в виде незавершенного книзу круга с точкой внутри, левое – подтреугольной формы с точкой внутри. Шея не моделирована.

Руки изображены гравировкой, согнуты в локтях под прямым углом, предплечья на поясе встык. Кисти рук моделированы тонкой гравировкой, схематично, в виде «птичьих лапок».

Ниже пояса гравировкой передан фалл.

На тыльной стороне изваяния изображен позвоночный столб в виде вертикальной ложбины, проходящей от шеи до поясницы. Данный участок патинирован. Далее вертикальная ложбина опускается ниже ягодиц (непатинированный участок), создавая впечатление сидящей на колу фигуры.

Ягодичные мышцы и ноги переданы гравировкой, причем левая нога – точечной гравировкой. Ноги моделированы схематично, правая в вытяну-

том положении, левая в слегка изогнутом, ступни не проработаны.

Предметный репертуар представлен изображениями пяти предметов воинского снаряжения и атрибутов власти.

Одновитковая плоская гривна, переданная гравировкой и подтеской, отделяет голову от туловища. По центру изваяния гравировкой моделирован гладкий портупейный пояс с завязкой. На правом боку к поясу под углом при помощи лопасти для подвешивания крепился акинак, имеющий прямоугольное перекрестье и слегка изогнутое в центральной части навершие. На левом боку выгравирован топор в положении «рукоятью вниз, острием вперед». На этом же боку выгравировано изображение натянутого лука. Причем, что характерно, его основание является составной частью рукояти топора, а нижняя часть тетивы – составной частью левой ноги.

По ряду характерных признаков (материал памятника, сидящая фигура, особенности передачи иконографии и предметного репертуара) позволяют отнести изваяние к VII-VI вв. до н.э., возможно, к рубежу VII-VI в. до н.э.

Рис. 2. Фото раннескифского изваяния из г. Запорожье.

Таким образом, данный памятник дополняет крайне немногочисленную группу из 10 раннескифских изваяний, выделенных В.С. Ольховским и Г.Л. Евдокимовым. Подавляющее большинство их расположено на периферии скифского мира: четыре на западе (три в Добрудже, одно в Одесской области); три на севере (в Кировоградской и в Черкасской областях); два на востоке и юго-востоке (Донецкая область и юго-восток Запорожской области). В центральном регионе, в месте наибольшей концентрации скифских памятников, отмечены всего два изваяния – у гг. Никополь и Запорожье.

Изваяния первой хронологической (VII-VI в. до н.э.) группы являются реальными свидетельствами первой волны вторжения скифов в Северное Причерноморье, когда была захвачена степная зона региона и сделаны первые попытки вторжения их в сопредельные регионы – в лесостепь и на Балканы. Идеологическим обоснованием господства на захваченных землях скифам служили статуи, символизирующие культ вождя, воина-первопредка, охранявшего данные территории (Шульц, 1976). Особое предпочтение отдавалось установке статуй с их охранительной и патронирующей функцией на периферийных территориях, заселенных зачастую враждебным скифам населением.

Библиография

- Бессонова 2009:** С.С. Бессонова, Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии. *Stratum plus* 3, 2005-2009, 14-93.
- Ольховский 2005:** В.С. Ольховский, Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей (Москва 2005).
- Ольховский, Евдокимов 1994:** В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. (Москва 1994).
- Шульц 1976:** П.Н. Шульц, Скифские изваяния. В сб.: *Художественная культура и археология античного мира* (Москва 1976), 225-237.

Светлана Андрух, кандидат исторических наук, доцент, ст. преподаватель, исторический факультет Запорожского Национального Университета; e-mail: nnlad.nds@znu.edu.ua

Геннадий Тощев, кандидат исторических наук, доцент, зав. лабораторией кафедры археологии, исторический факультет Запорожского Национального Университета; e-mail: nnlad.nds@znu.edu.ua

САРМАТЫ НА ГОРОДИЩЕ РУДЬ-ЛА ШАНЦУРЬ

Сергей КУРЧАТОВ, Кишинэу

Sarmații în cetatea Rudi-La Șanțuri. În lucrare este analizată situația cultural-istorică, existentă în cetatea Rudi-La Șanțuri în sec. I e.n. Nu se exclude posibilitatea contactului sarmaților cu o populație latenizată, pentru care această cetate rămânea un centru de cult.

В настоящей работе рассматривается культурно-историческая ситуация, сложившаяся на городище Рудь-Ла Шанцурь в I в. н.э. Не исключается вероятность контактов сарматов с неким латенизированным населением, чьим культурным центром оставалось городище.

Sarmatians on Rudi-La Șanțuri site of ancient settlement. In the present work the cultural and historical situation in the Rudi-La Șanțuri site of ancient settlement (I century BC) is considered. The probability of contacts of Sarmatians with a certain latenized population whose cult center was a site of ancient settlement isn't excluded.

Key word: Sarmatians, city, Northwest Pontic Region, cultural and historical processes, ritual and funerary complex.

Сарматская культура в Северо-Западном Причерноморье известна исключительно по погребальным памятникам. Концентрация в отдельных микрорегионах значительного количества впускных захоронений рядовых кочевников в насыпях более древних курганов, курганов племенной элиты и родовых или племенных кладбищ, являвшихся средоточием религиозной и духовной жизни сарматского общества, указывает на возможное наличие неких поселенческих структур в виде летовок или зимников. Однако, до настоящего времени они археологически не фиксируются и нет надежды, что будут открыты в будущем, ввиду интенсивного освоения всех перспективных участков под землепользование начиная со второй половины XX в. В связи с этим, несомненный интерес представляют любые материалы, позволяющие расширить наши познания в области взаимоотношения сарматского населения региона с земледельческими культурами предшествующего исторического периода.

Особое место, на начальном этапе освоения сарматами земель Днестровско-Прутского междуречья, занимает округа городища Рудь-Ла Шанцурь с мощной системой оборонительных валов и удаленных на некоторое расстояние “фортов”. Построенное в гальштатское время городище, претерпев ряд культурно-исторических и архитектурных трансформаций, просуществовало вплоть до рубежа эр. Жизнь на нем затухает где-то в первой половине I в. н.э. Было это связано с изменениями культурно-исторической ситуации в регионе, осложнившейся в результате сарматской экспансии на запад или с какими-то другими катастрофическими событиями, сказать трудно. В настоящей заметке мне хотелось остановиться на отдельных вещах, свидетельствующих о пребывании сарматского этнокультурного элемента на городище в завершающий период

существования или после его упадка. Часть материалов уже была ранее введена в научный оборот. Другие находки публикуются впервые. Собранные вместе, они отражают, как мне представляется, реальное положение вещей, сложившееся на городище и в его окрестностях, на момент появления в микрорегионе сарматов.

Первые масштабные археологические исследования на городище связаны с деятельностью М.А. Романовской. Небольшие шурфовки, проводившиеся ранее, не представляют для нас существенного интереса (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 78-79). В течение восьми полевых сезонов (1969-1976 гг.) ей удалось выяснить культурно-хронологическую принадлежность оборонительных валов и части углубленных сооружений, попавших в пределы траншеи прорезавшей городище с востока на запад. Полученные материалы позволили выделить основные, соответственно гальштатский, гетский и Поенешть-Лукашевский этапы исторического развития городища (Романовская 1973; Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 122-123). Примечательно, что гетских материалов на исследованных участках городища Рудь-Ла Шанцурь в общем-то не обнаружено. Между тем, в непосредственной близости от него находится гетское поселение со своим изолированным источником воды. Основываясь на большом количестве человеческих останков, найденных на городище, М.А. Романовская пришла к выводу, что оно, вероятно, погибло в результате штурма в первом веке нашей эры.

В 1995 году раскопки на городище возобновились и продолжались с небольшими перерывами до 2002 г. Исследования проводились на восточной стрелке мыса, центральной части городища, где был открыт ряд ритуально-погребальных комплексов содержавших от одного до пятнадцати расчле-

ненных человеческих трупов, преимущественно детей, и большое количество костей домашних и диких животных (Tasiuc, Zsápcsin 2000; Pavlov 2000, tab. 2). В последнее время городище подвергается периодическим набегам “любителей древностей”, что серьезно сокращает вероятность обнаружения в будущем датирующих культурный слой вещей из металлов.

Присутствие сарматов в рассматриваемом регионе уверенно фиксирует погребение взрослой женщины, случайно открытое при исследовании городища Пискул Гол (Тэтэрэука Ноуэ V) (Sava ş.a. 1995), находящегося на противоположной от Ла Шанцурь стороне балки. Погребение обнаружено вблизи внешнего оборонительного вала, в обвале стенки раскопа II, на глубине 95 см. В профиле контуры ямы не читались. Скелет человека лежал вытянуто на спине с разворотом вправо, головой на северо-восток, лицевой частью черепа вверх. Руки вытянуты вдоль тела, кисти открыты ладонями вниз. Слабо согнутые ноги лежали коленями и ступнями вправо. Создавалось впечатление, что тело было насильственно втиснуто в очень узкую яму (рис. 1,1).

На правой стороне груди погребенной лежало ожерелье, состоявшее из 5 бусин:

- 2 глобоидальных из синего стекла с белыми ресничками и желтыми глазками в центре. Одна диаметром 0,7 см, толщиной 0,5 см. Вторая 0,5х0,3 см.

- 1 глобоидальная из зеленого стекла с желтыми ресничками. Центральные глазки выпали. Диаметр 0,5 см, 0,3 см.

- 2 дисковидные перламутровые бусины в фрагментах. Диаметр 0,5 см, толщина 0,3 см. Диаметры отверстий всех бусин не превышали 0,1 см (рис. 1,2).

У локтя правой руки, в чехле из органического материала от которого сохранился тлен коричневого цвета, ручкой вверх лежало бронзовое зеркало с валиком по краю диска и коническим выступом в центре. Ручка прямоугольная, с овальным отверстием для подвешивания. Размеры ручки 2,2х1,1 см, диаметр зеркала 7 см, отверстия 0,4х0,6 см, толщина диска 0,5 см (рис. 1,3).

Систематизируя позднесарматские бронзовые зеркала, А.М. Хазанов объединил многочисленные экземпляры с боковой ручкой и отверстием для подвешивания в IX тип (Хазанов 1963, 65-67). Позднее внутри него удалось выделить три варианта (Абрамова 1971, 123-129), характерных для определенных регионов сарматской культуры. Рассматриваемое зеркало относится к 1 варианту, получившему наибольшее распространение на Северном Кавказе и Среднем Прикубанье. Для других облас-

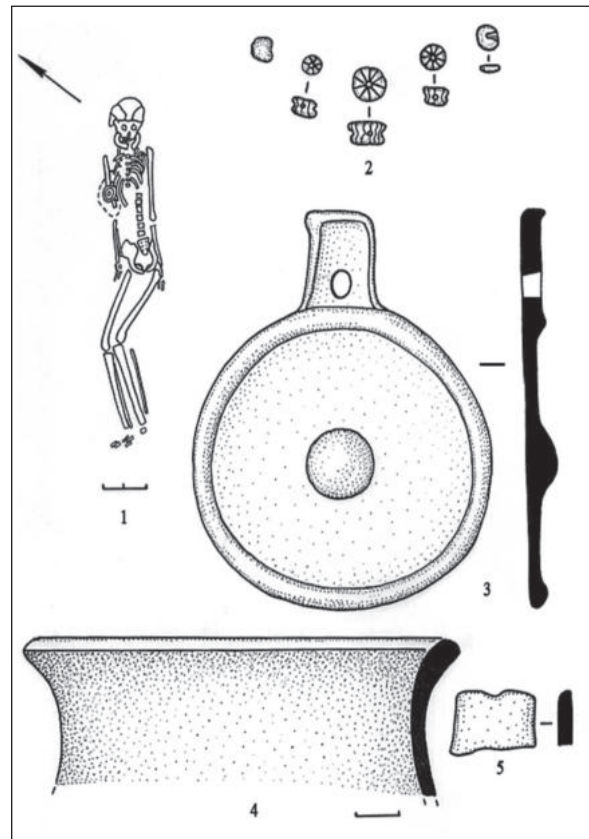

Рис 1. Городище Пискул гол (Тэтэрэука Ноуэ V): 1-3 – сарматское погребение; Материалы с городища Рудь-Ла Шанцурь: 4 – венчик гончарного сосуда; 5 – фрагмент ручки сарматского бронзового зеркала-подвески.

тей сарматской культуры изделия этого варианта мало характерны (Абрамова 1971, 123,125; 1987, 93-94; Марченко 1996, 24). В хорошо датированных погребальных комплексах, в частности Подкумского могильника, они встречаются преимущественно с фибулами I в. н.э. (Абрамова 1971, 126; 1987, рис. 16,22).

Не противоречит предложенной дате время бытования глобоидальных стеклянных бусин с ресничковым орнаментом, характерных для I в. н.э. (Алексеева 1982, тип 486, 43, табл. 49,1-2). Период использования найденных в захоронении вещей, с учетом особенностей погребального обряда, позволяет ограничить время его совершения второй половиной I в. н.э.

Как на первом, так и на втором этапах исследования городища Рудь-Ла Шанцурь были встречены материалы, хронологически соответствующие сарматскому присутствию в регионе. Все интересующие нас материалы происходят преимущественно из куль-

турного слоя. В 1972 г на городище найден бронзовый светильник открытого типа, уплощенной формы (Масленников, Романовская, Юшко 1974). Треугольный резервуар, размерами 12,5x10,5x2 см, переходит в полукруглый рожек, диаметром 2,5 см, отделенный в верхней части прямоугольной перемычкой. Углы основания резервуара украшены округлыми выступами на бортиках. Ближе к рожку, ко дну резервуара припаян круглый в сечении стержень – фитильник(?) с кольцевым перехватом на уровне бортика. Выше фитильник слабо наклонен к ручке, верхний край вертикально ровный. Высота стержня 5,5 см, диаметр 0,5 см. Светильник снабжен кольцевидной ручкой диаметром 2,5 см, свернутой из прямоугольной в сечении пластины шириной 2 см. К верхней части ручки крепится листовидной формы экран с выделенным вертикальным ребром, высотой 3 см и шириной 2,5 см. Длина светильника 15 см, высота корпуса 2 см, толщина стенок 0,3 см (рис. 2)¹.

Прямых аналогий настоящему светильнику мне не известно. Конструктивно он близок получившей распространение в Западном Причерноморье группе круглых ламп открытого типа (Simion 2003, pl. XLV-XLVII; Минчев 2003, 117, обр. 12), изготовлявшихся из различных материалов (железо, бронза). Наиболее хорошо сохранившийся экземпляр светильника этого типа происходит также из Поднестровья, из сарматского погребения в Мокре, датируемого первой третью II в. н.э. (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2003, 208, рис. 14,5). Наличие декоративных округлых выступов на углах резервуара, листовидной формы экран, наличие стержня и общие размеры светильников позволяют предположить, что они могли быть изготовлены в мастерских одного из античных центров Западного Причерноморья. По наблюдениям А. Минчева, отмечавшего вероятность местного производства рассматриваемого типа светильников, лампы открытого типа различной формы появляются в римских провинциях в первой половине I в. и использовались вплоть до конца II в. (Минчев 2003, 118).

Из отвала прирезки I (1973 г.) происходит фрагмент кубковидной курильницы с широким, слабо скошенным во внутрь венчиком Т-образной формы. От конусовидного тулова венчик отделяется рельефным острореберным валиком. Ниже него тулово курильницы украшено аналогичным валиком волнообразной формы. Дно не сохранилось. На плоскость венчика наколами по сырой глине нанесены два орнаментальных знака, отдаленно напоминающие литеры. Изготовлена курильница из хорошо отмученного теста с примесью органики и мелкого

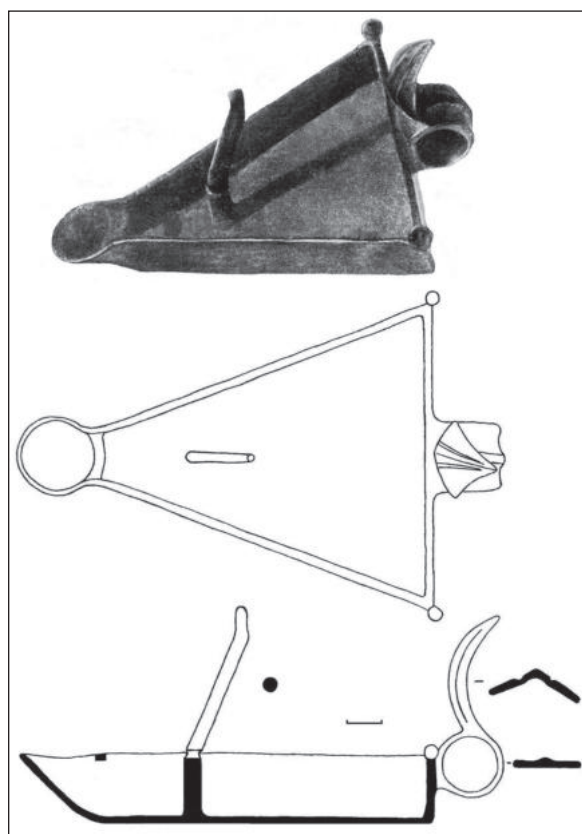

Рис. 2. Бронзовый светильник с городища Рудь-Ла Шанцурь.

песка. Цвет темно-серый. Диаметр венчика 14 см. Высота сохранившейся части 10 см (рис. 3).

Использование аналогичных ритуальных сосудов соседними сарматами народами Северо-Западного Причерноморья мне не известно. Между тем, наличие курильниц различных форм является одним из определяющих признаков для всего ареала сарматской культуры. Морфологически рассматриваемый сосуд относится, по классификации К.Ф. Смирнова, к VIII типу крупных курильниц на высоких поддонах (Смирнов 1973, рис. 1, VIII, ВЗ; рис. 2, VIII, в). Часто широкие венчики сосудов украшались напольчатый или геометрическим врезным орнаментом, тулово – углубленным орнаментом или различной комбинацией рельефных валиков. Встречаются подобные курильницы преимущественно в восточных областях сарматской культуры – Поволжье, Волжско-Донском междуречье и на Северном Кавказе. На западе они не получили широкого распространения. Связано это с тем, что в начале II в. крупные курильницы выходят из употребления (Глухов 2000, 37). На смену им приходят ритуальные сосуды малых форм.

¹ Прорисовка и размеры светильника даны по рис. 26 в АКМ 4, Кишинев, 1974.

Из заполнения погребения 2 (1998 г.) происходит фрагмент боковой ручки сарматского зеркала с остатками отверстия для подвешивания (Tcsăcius, Zsăpchin 2000, fig. 1,18). Верхний слом в области отверстия заглажен в древности, нижний – рваный. Высота фрагмента 1,5 см, ширина 1,8 см, толщина 0,3 см. Диаметр отверстия 0,4 см (рис. 1,5). На этом, собственно, исчерпывается ряд известных мне вещей, свидетельствующих о присутствии сарматов на городище в начале нашей эры. Не исключено, что с течением времени их количество увеличится.

В завершении анализа интересующих нас материалов особого упоминания заслуживает серо-лощенная гончарная керамика, обнаруженная в последние годы исследования городища Рудь-Ла Шанцурь. Количество ее невелико. Фрагменты сосудов концентрировались преимущественно в культурном слое, в заполнении некоторых ритуально-погребальных комплексов. По мнению авторов краткой публикации материалов раскопок городища за последние несколько лет, попадала она туда в результате поминального пира (Tcsăcius, Zsăpchin 2000, 103). Изготавливалась керамика из хорошо отмученного керамического теста без заметных примесей. Внешняя поверхность тщательно обрабатывалась. Из верхней части заполнения ритуально-погребального комплекса 3 происходит характерный для этой группы керамики венчик сосуда с отогнутым утолщенным краем, диаметром 10 см (рис. 1,4). Полная публикация всех материалов раскопок, надо полагать, более представительного отразит присутствие этой категории находок на городище.

Генетически, настоящая форма сосудов с характерным утолщением отогнутых венчиков находит надежные параллели в позднекельтских гончарных традициях Центральной Европы. Иногда горло и плечики сосудов дополнительно орнаментировались уступами или рельефными валиками. В первых столетиях нашей эры приобретенные латенскими гончарами навыки получили дальнейшее развитие в керамическом комплексе ряда латенизированных культур Северо-Западного Причерноморья. В хронологически наиболее близкой к исходным формам липицкой культуре аналогичные сосуды представлены вторым типом гончарных горшков (Цигилик 1975, 105, рис. 44,3.4.6; 45,7). Сильное латенское влияние отмечается также в керамическом производстве более поздних культур – карпов (Bichir 1973, 73) и карпатских курганов (Смішко 1960, 87-88).

Следует отметить, что керамические изделия тождественной формы и сходного размера происходят из полуземлянки позднелатенского времени

открытой на поселении липицкой культуры у с. Бовшев, единственного, в настоящее время, кельтского поселения к востоку от Карпат (Крушельницкая 1965, рис. 29,7). Вследствие отсутствия согласованного представления о хронологическом диапазоне сложения липицкой культуры (Щукин 1974, 19-20) остается открытым вопрос, с носителями какой археологической культуры настоящая керамика могла попасть на городище? Условия обнаружения, преимущественно в культурном слое и в заполнении ритуально-погребального комплекса 3, содержавшего фрагмент среднелатенского бронзового браслета, не позволяет с полной уверенностью говорить о ее принадлежности латенской или латенизированной липицкой культуре. Самый поздний из открытых на городище комплексов датируется первой половиной – серединой I в. до н.э. (Tcsăcius, Zsăpchin 2000, 106.107, fig. 1,17). Между тем, судя по фрагменту стеклянной чаши *Rippenschale* (Tcsăcius, Zsăpchin 2000, 106), фрагментам псевдокосских амфор типа C Ia и Син III (Внуков 2006, 167, рис. 10), в изобилии встречавшихся как с напольной стороны, так и на территории самого городища Рудь-Ла Шанцурь, жизнь на нем не прерывалась вплоть до середины I в. н.э. Вероятно, следует ожидать открытие сооружений более позднего времени. Иначе трудно объяснить с каким населением помимо сарматов связаны находки вещей конца I в. до н.э. – I в. н.э. Открытие богатых сарматских погребений рубежа эр в Колоколинине с набором кельтских вещей и Чижикове только фиксируют время появления кочевников в Верхнем Поднестровье, в ареале липицкой культуры, не прибавляя ясности в этом вопросе. Смена приоритетов в интерпретации части сопроводительных материалов с кельтского (Щукин 1974, 18-19) на германский (Рора 2004) для наших целей безразлична.

Следует отметить, что керамика липицкого типа была обнаружена также на Григоровском городище. Расположено оно на противоположном, левом берегу Днестра, в 10 километрах севернее Рудь-Ла Шанцурь и не уступает последнему в масштабах занимаемой площади и системы укреплений (Артамонов 1955, 106-107). Локализация птолемеевского Мэтония не входит в задачи настоящей работы (Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 125, сноска 11). Наше внимание привлекло лишь наличие на городище гончарной керамики липицкого типа, неизвестной на других памятниках хорошо обследованной округи городища Рудь-Ла Шанцурь. Дело в том, что ближайший липицкий памятник находится в 100 км от рассматриваемого городища.

Сложно сказать с чем столкнулись сарматы на территории городища Рудь-Ла Шанцурь. Многие

вопросы этнокультурной и обрядовой жизни обитателей городища остаются открытыми. Кем были населявшие его жители, как долго продолжалось сосуществование с ними сарматов, если оно вообще имело место, и каковы были их взаимоотношения с окружающим населением? Открытие на территории городища ритуально-погребальных комплексов с большим количеством фрагментов людей и животных (Романовская 1973; Pavlov 2000), совершенных с соблюдением определенных обрядовых норм и традиций, указывает на пребывание в регионе группы людей, исповедующей идеологические представления совершенно чуждые местному населению. Есть основания полагать, что здесь мы столкнулись с древней традицией человеческих жертвоприношений.

Странное впечатление оставляет знакомство с так называемыми жилищами рубежа эр, открытыми М.А. Романовской на городище. Обращает внимание отсутствие в них отопительных сооружений, материалов характерных для жилых помещений и наличие большого количества человеческих останков и костей животных на полу (Романовская 1973; Масленников, Романовская, Юшко 1974, 425). Запечатленные на рабочих фотографиях позы обнаруженных в этих сооружениях людей, якобы погибших при штурме, заставляют сомневаться в их насильственной смерти. Следует отметить, что у обитателей городища была разработана стройная система церемоний и ритуалов обращения с человеческими останками. В результате скрупулезного разбора заполнения комплексов удалось проследить отдельные детали, позволяющие частично реконструировать их последовательность. Совокупность последних совершенно исключает вероятность интерпретации настоящих сооружений как жилые комплексы. Они могут быть определены не иначе как культовые. В этой связи, особый интерес представляет открытое вблизи внешнего вала крупное помещение округлой формы (Масленников, Романовская, Юшко 1974, 425). Судя по западным аналогиям, оно имело храмовое нежелезное жилое предназначение. Между тем, на соседнем городище Пискул Гол (Тэтэрэука Ноуэ V), являвшимся одним из «фортов» Ла Шанцурь с тождественным свитком культурных наслоений, остатки производственно-жилых построек были обнаружены. Не исключена вероятность их открытия в будущем и на городище Ла Шанцурь. Исследованная территория ничтожна в отношении всей площади городища. Вопрос где и в чем проживали обитатели городища требует дальнейшего изучения.

По ряду признаков комплексы городища Рудь-Ла Шанцурь сходны с погребально-жертвенными

комплексами Семилюкского городища скифского времени на Дону. У нас пока нет оснований проводить между ними прямые параллели, но определенная хронологическая и обрядовая близость очевидна. Жизнь на городище прекращается в начале – середине III в. до н.э. В конце этого века, судя по имеющимся материалам, закладываются первые ритуально-погребальные комплексы на городище Рудь-Ла Шанцурь (Tcaciuc, Zsâpchin 2000, 106-107). В свете этих построек, казалось бы, можно говорить о некой хронологической преемственности памятников. Однако, наметившиеся между ними параллели в настоящее время не находят удовлетворительного объяснения. Следует также отметить, что открытые на Семилюкском городище погребально-жертвенные комплексы не поддаются однозначной интерпретации. Одна часть исследователей считает их сооружение результатом эпидемии, другая – свидетельством военного разгрома городища (Пряхин, Разуваев 1999, 214). Необходимо также подчеркнуть, что комплексы Семилюкского городища не находят прямых аналогий в ареале скифской культуры. Ритуальное использование отдельных человеческих черепов было широко распространено в культовой практике традиционных культур Евразии. Приводимые аналогии несопоставимы по масштабам с рассматриваемыми комплексами и не отражают всего многообразия мистерий, совершавшихся на городище Рудь-Ла Шанцурь.

Комплекс более близких совпадений обрядовых действий, совершавшихся на рассматриваемых сооружениях, обнаруживается в культовой практике, связанной с хтоническими культами укрепленных латенских святилищ Центральной Европы (Брюно, Бюнкеншюц 1990). Совершавшиеся на них священнодействия предполагали человеческие жертвоприношения, известные практически на всей территории распространения культуры, и различные манипуляции с человеческим телом. Не последнее место в них занимал культ отрубленной головы, как вместилища жизненной силы. Как уже отмечалось выше, возникновение исследованных погребально-жертвенных комплексов хронологически приходится на II – середину I в. до н.э., время реальной угрозы кельтского вторжения в Северо-Западное Причерноморье.

Косвенным подтверждением латенской подосновы совершавшихся на городище мистерий являются останки жертвенных животных, обнаруженных в ритуально-погребальных комплексах. В составе собранного в них остеологического материала преобладали кости домашних животных. Останки диких животных встречаются редко. Предпочтение отдавалось преимущественно быкам и лошадям,

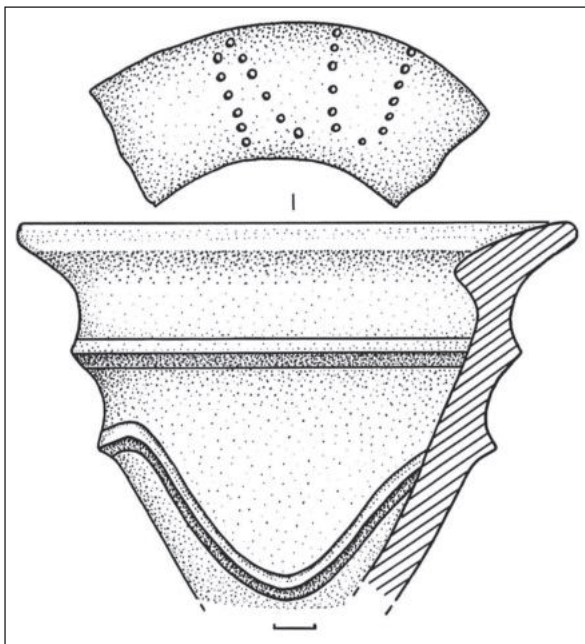

Рис. 3. Фрагмент курильницы с городища Рудь-Ла Шанцурь.

традиционно приносившимся в жертву хтоническим божествам кельтской мифологии. Обычно при совершении обрядовых церемониалов ими замещали человека. Значительное место в жертвоприношениях занимали также останки свиней и овец, составлявших основные блюда культовых пиршеств (Брюно, Бюнксеншюц 1990, 137-138). Региональное своеобразие жертвенному комплексу придает достаточно большое количество останков собак (Pavlov 2000, tab. 1). Справедливости ради следует отметить, что сходный состав стада домашних животных, с небольшими локальными проявлениями, отмечен на лесостепных скифских городищах (Цалкин 1969; Шрамко 1973, 109) и был характерен, надо полагать, для всех скотоводческо-земледельческих культур Латена и раннеримского времени.

Любопытно, что одна и та же специфическая комбинация идей под влиянием различных внешних факторов возникла в различных местах в одно и то же время. Конечно нельзя исключать независимого, параллельного развития комплекса наблюдаемых идеологических представлений.

Оставив в стороне рассуждения о якобы кельтских архитектурных приемах, использовавшихся при сооружении системы укреплений городища (Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981, 122), следует отметить, что находки отдельных латенских вещей, не составляющих, однако, сплошного массива, достаточно широко распространены в Северо-Западном Причерноморье (Бидзиля, Щукин,

1993, 69, карта 15). Большинство из них происходят с территории распространения носителей культуры Поенешть-Лукашевка. Материалы свидетельствуют о их тесных связях с центральноевропейскими областями. Однако, характер этих связей остается пока неясным. Недостаток знаний о религиозных представлениях ее носителей позволяет предположить, что они могли стать ретрансляторами некоторых латенских традиций в Северо-Западное Причерноморье.

Исследователи давно обратили внимание на анклав кельтских топонимов на Среднем Днестре, упоминаемых в "Географии" Клавдия Птолемея (Ptol. Geogr. III, 5,6). Один из них – Мэтоний с различной степенью уверенности отождествляется с городищем Рудь-Ла Шанцурь (Мачинский 1974, 39-40; Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981; Фалилеев 2009, 286-287). Между тем, археологических свидетельств настоящей версии ранее не находилось. Своеобразные материалы городища Рудь-Ла Шанцурь, казалось бы, впервые позволяют обоснованно говорить о ее материальном подтверждении. Не исключено, что аналогичные материалы будут открыты и на других крупных приднепровских городищах.

В настоящее время нет оснований говорить о существовании в Северо-Западном Причерноморье латенской археологической культуры в полном смысле этого слова. Между тем, большое количество латенских вещей и так называемых кладов едва ли позволяет сомневаться в том, что отдельные кельтские отряды спорадически достигали Днестровско-Прутского междуречья в среднелатенское время. Наличие позднелатенской землянки в Бовшеве и части сопроводительных материалов в сарматском погребении в Колоколинне предполагают присутствие в регионе на рубеже эр какой-то изолированной группы населения, использовавшего в религиозной практике обряды избиения младенцев. Совокупность признаков, отмеченных при исследовании ритуально-погребальных комплексов позволяет предположить, что идея организации сакрализованного пространства была привнесена на городище Рудь-Ла Шанцурь некой группой латенского или, скорее всего, латенизированного населения, дублирующего латенские традиции с местным колоритом. Символика обрядовых действий в совокупности обязана служить сакральным средством достижения жизненно важных целей в традиционном обществе посредством общения с иным миром. Какой комплекс представлений стоял за настоящими ритуалами неизвестно. Зачастую религиозные представления в отрыве от основной территории культуры принимали причудливые формы.

Обращает внимание необычайно длительное существование городища Рудь-Ла Шанцурь, пережившего богатые бурными событиями последние века до н.э., вплоть до появления в регионе сарматов. Следует отметить, что укрепленные поселения совершенно неизвестны в ареале синхронных ему Поенешть-Лукашевской и липицкой культур. Мощные оборонительные сооружения свидетельствуют о стремлении его обитателей либо защитить себя от пришедших в движение народов Европы, либо о желании оградить территорию сосредоточения духовной жизни региона от проникновения идеологически чуждых элементов. Последнее наводит на мысль о его особом статусе для окружающего населения. Не исключено, что все время своего существования оно оставалось межплеменным культовым центром.

На данный момент мы располагаем довольно скудными данными физического присутствия сарматов на городище Рудь-Ла Шанцурь. Судя по всему, это были кратковременные визиты с целью подношения местным святыням небольших жертвований. Захоронение на городище Пискул Гол (Тэтэрэука Ноуэ V), надо полагать, было совершено уже после того как население его оставило. Следует помнить, что сарматская культура всегда оставалась открытой системой, конструирующей себя во взаимодействии с другими культурами. Не случайно все обнаруженные на городище сарматские приношения обладали для своих хозяев сакральной субстанцией. Не является исключением и светильник – предмет, редко использовавшийся в культовой практике кочевников. В данном контексте он демонстрирует не только символ домашнего очага, но и реальность сосуществования обитателей городища, обеспечивавших проведение обрядовых действий и защиту сакрального места от возможного разорения, с сарматскими племенами в начале I в. н.э.

Подытоживая вышесказанное следует отметить, что городище Рудь-Ла Шанцурь остается уникальным явлением в Северо-Западном Причерноморье. Открытие на его территории большого количества человеческих останков и отсутствие явных следов военного разгрома свидетельствуют о его особом положении в ареале археологических культур последних веков до н.э. – начала н.э. Материальная культура его обитателей не обнаруживает видимых связей с какой-то одной археологической культурой. Впору говорить о новом синкретическом культурно-историческом феномене, охватывающем культурные импульсы всего свитка близлежащих культурных образований рубежа эр, основанного на сложной системе космогонических представлений. Среди последних следует отметить влияние латенизированных Поенешть-Лукашевской, в окружении которой развивалось городище, пшеворской и, вероятно, зарубинецкой и латенской археологических культур. Следует отметить, что связи с позднескифскими памятниками, ближайший очаг которых находился в Нижнем Поднестровье – так-называемая Тираспольская группа – не прорслеживаются. Судя по монетным находкам, единичным на позднескифских памятниках Нижнего Поднестровья (Кривенко, Синика, Тельнов 2011, 44) и более многочисленным в северных областях региона (Preda 1973, fig. 10,15), это связано с разнонаправленными векторами их связей, ориентированных на Добруджу и Центральную Европу соответственно. Всесторонний анализ всего керамического комплекса рубежа эр, обнаруженного на городище, позволит говорить о его этнокультурных составляющих. Выявление роли и места городища Рудь-Ла Шанцурь в процессах культурогенеза Северо-Западного Причерноморья на рубеже эр остается делом будущего. На имеющихся в нашем распоряжении материалах ее историческая реконструкция пока невозможна.

Библиография

- Абрамова 1971:** М.П. Абрамова, Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. В сб.: История и культура Восточной Европы по хронологическим данным (Москва 1971), 121-131.
- Абрамова 1987:** М.П. Абрамова, Подкумский моильник (Москва 1987).
- Алексеева 1982:** Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12 (Москва 1982).
- Артамонов 1955:** М.И. Артамонов, Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг. КСИИМК, вып. 59 (Москва 1955), 100-117.
- Бидзиля, Щукин 1993:** В.И. Бидзиля, М.Б. Щукин, Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат. В сб.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР (Москва 1993), 67-84.
- Брюно, Бюнкеншюц 1990:** Ж.Л. Брюно, О. Бюнкеншюц, Новые исследования кельтской цивилизации во Франции. ВДИ 3, 1990, 137-139.
- Внуков 2006:** С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли (Санкт-Петербург 2006).
- Глухов 2000:** А.А. Глухов, Глиняные курительницы из среднесарматских погребений Волги и Дона. Донская археология 2 (Ростов на Дону 2000), 29-39.

- Кашуба, Курчатов, Щербакова 2003:** М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова, Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). *Stratum plus* 4, 2001-2002, 2003, 180-252.
- Кривенко, Синика, Тельнов 2011:** А.В. Кривенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Случайные находки II-III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра. *Stratum plus* 6, 41-45.
- Крушельницкая 1965:** Л.И. Крушельницкая, Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье. КСИА, вып. 105 (Москва 1965), 119-122.
- Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974:** В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АМК, вып. 4 (Кишинев 1974).
- Марченко 1996:** И.И. Марченко, Сираки Кубани (Краснодар 1996).
- Масленников, Романовская, Юшко 1974:** А.А. Масленников, М.А. Романовская, А.А. Юшко, Работы на городище Рудь. АО 1973 года (Москва 1974), 424-426.
- Мачинский 1974:** А.Д. Мачинский, Кельты на землях к востоку от Карпат. В сб.: Кельты и кельтские языки (Москва 1974), 31-41.
- Минчев 2003:** А. Минчев, Античните бронзови лампи от Варненския археологически музей. Известия Народния музей (Варна 2003).
- Пряхин, Разуваев 1999:** А.Д. Пряхин, Ю.Д. Разуваев, К оценке Семилуцкого городища скифского времени. Материалы конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова)» (Запорожье 1999), 213-214.
- Романовская 1973:** М.А. Романовская, О работе гетского отряда. АО 1972 года (Москва 1973), 415-418.
- Романовская, Шелов-Коведяев, Щеглов 1981:** М.А. Романовская, Ф.В. Шелов-Коведяев, А.Н. Щеглов, Городище Рудь – Мэтоний Птолема? ВДИ 4, 1981, 121-137.
- Смирнов 1973:** К.Ф. Смирнов, Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. В сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности (Москва 1973), 166-179.
- Смішко 1960:** М.Ю. Смішко, Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери (Київ 1960).
- Фалилеев 2009:** А.И. Фалилеев, Кельтские лингвистические остатки Юго-Восточной Европы: некоторые результаты и перспективы исследования. *Acta Linguistica Petropolitana - Труды Института лингвистических исследований*, том V, часть 1 (Санкт-Петербург 2009), 275-299.
- Хазанов 1963:** А.М. Хазанов, Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА 4, 1963, 58-71.
- Цалкин 1969:** В.И. Цалкин, Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону. МИА 151, Население Среднего Дона в скифское время (Москва 1969), 128-136.
- Цигилик 1975:** В.М. Цигилик, Населення верхнього Подністров'я перших століть нашої ери (Племена липицької культури) (Київ 1975).
- Шрамко 1973:** Б.А. Шрамко, Восточное укрепление Бельского городища. Скифские древности (Киев 1973), 82-112.
- Щукин 1974:** М.Б. Щукин, Кельто-дакийские памятники рубежа нашей эры и липицкая культура. В сб.: Кельты и кельтские языки (Москва 1974), 14-21.
- Bichir 1973:** Gh. Bichir, *Cultura carpică* (București 1973).
- Pavlov 2000:** M. Pavlov, *Materiale antropologice și arheozoologice de la cetatea Rudi-La Șanțuri*. *Tyragetia* IX, 2000, 113-118.
- Popa 2004:** A. Popa, *Einge Bemerkungen zum frühkaiserzeitlichen Prunkgrab von Kolokolin in der heutigen Ukraine*. *Germania* 82, 2004, 491-508.
- Preda 1973:** C. Preda, *Monedele Geto-Dacilor* (București 1973).
- Sava ș.a. 1995:** E. Sava, M. Tcaciuc, S. Kurciatov, V. Bubulici, R. Rabinovici, V. Guchin, R. Alaiba, M. Bădău-Wittenberger, *Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, Republica Moldova)*. *Cercetări Arheologice în aria Nord-Tracă I* (București 1995), 281-357.
- Simion 2003:** G. Simion, *Opaițe Greco-Romane de bronz din România* (Cluj-Napoca 2003).
- Tcaciuc, Zăsăpchin 2000:** M. Tcaciuc, G. Zăsăpchin, *Date noi de la cetatea Rudi-La Șanțuri. Caracterizarea tipologică și cronologică a complexelor închise*. *Tyragetia* IX, 2000, 101-112.

Сергей Курчатов, научный сотрудник Центра археологии, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре, 1, МД 2001, Кишинэу, Р. Молдова

CERCETĂRI DE SUPRAFAȚĂ PE TERITORIUL JUDEȚULUI NEAMȚ (I)

George Dan HÂNCEANU, Roman – Neamț

În 2010 am continuat seria cercetărilor de suprafață începută în anii anteriori (2008-2009) și ne-am axat pe zona bazinului Siret, în locuri în care nu s-au efectuat până în prezent periegeze sau săpături sistematice. Astfel, am revenit pe teritoriul comunei Stănița, mai exact la Poienile Oancei, unde în 2009 am identificat două situri (în punctul Dealul Hanului), unul neolitic și altul aparținând dacilor liberi, situate în preajma pâraurilor Pietrei și Siliște, afluenții Siretului. De această dată, am identificat la cca 2 km distanță de stațiunile amintite o nouă așezare (în punctul La Iaz), unde nivelul neolitic este suprapus de unul medieval (sec. XVI-XVII). Tot în 2010, ne-am îndreptat atenția spre un areal complet necercetat, comuna Valea Ursului, și anume terasa pâraului Glodeni, afluent al Siretului. Cu acest prilej, am descoperit două cuptoare de ars ceramică. Din cauza alunecărilor succesive de teren starea ambelor complexe era extrem de avariata, din ele păstrându-se cca 20-30%. Totuși, din interiorul instalațiilor s-a strâns o anumită cantitate de materiale ceramice, inclusiv bucăți din grătarul cuptoarelor, care au permis datarea lor aproximativă între sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII. Acest nivel este suprapus de altul, din care am extras câteva obiecte ce ieșeau din mal, cum ar fi o plăsea din os fragmentară, cuțite, cuie, o cataramă din fier, fragmente de sticlă, precum și un inel sigilar din argint (în legenda câmpului fiind printre altele o coroană și o cruce). Ultimele piese delimitează nivelul mai recent, încadrându-l în a doua jumătate a sec. XVIII – final de secol XIX. Conform inelului (purtaș cu începutul din a doua jumătate a sec. XVII/început de secol XVIII), putem distinge limita celor două straturi culturale undeva la primul sfert – maxim jumătatea sec. XVIII. Așadar satul Glodeni, atestat, potrivit izvoarelor scrise, în prima jumătate a sec. XV, este confirmat și prin intermediul descoperirilor arheologice, dovedindu-se existența a două niveluri de locuire din sec. XVII-XIX. De altfel, conform surselor documentare, de la jumătatea sec. XIX satul cunoaște dese separări sau contopiri cu moșiile din preajmă, una dintre ele fiind Chiliile, nume predestinat unui așezământ religios, situație susținută și de artefactul cu simbol creștin găsit în zona cuptoarelor. Îmbinarea informațiilor scrise cu rezultatele arheologice permit estimarea locuirii satului Glodeni, de pe malul pâraului cu același nume, între începutul sec. XV – începutul veacului XIX, cca 400 ani zona respectivă fiind populată de generații succesive ale unei comunități medievale românești.

Археологические разведки на территории уезда Нямц (I). В 2010 г. была продолжена серия археологических разведок, начатых в 2008-2009 гг. Мы обследовали зону бассейна р. Сирет, где до 2008 не производились разведки или систематические раскопки. На территории коммуны Стэница, у с. Поениле Оанчей, в 2009 г. были открыты два памятника (в пункте Дялул Ханулуй), один неолитический и другой культуры свободных даков, расположенные вблизи рек Петрей и Силиште, притоков Сирета. На расстоянии около 2 км от упомянутых поселений было обнаружено новое, в пункте Ла Яз, где неолитический слой находится под средневековым (XVI-XVII вв.). Так же, в 2010 г. было обращено внимание на совершенно неисследованную археологически территорию коммуны Валя Урсулуй. Здесь, на террасе речки Глодень, притока Сирета, были обнаружены остатки двух гончарных горнов. Из-за постоянных оползней степень сохранности обоих комплексов крайне неудовлетворительная (около 20-30%). В развалинах сооружений были найдены материалы, в том числе фрагменты решетки с продухами, позволяющие датировать приблизительно период их функционирования XVII – самое позднее первой половиной XVIII в. Над этим археологическим слоем расположен другой, из которого собрано несколько предметов (из обрыва): костяная накладка, ножи, гвозди, фрагменты стекла, железная пряжка, серебряное кольцо-печатка с изображением короны и креста. Последние находки датируют данный горизонт второй половиной XVIII – концом XIX в. Судя по печатке, которую носили со второй половины XVII – начала XVIII в., можно разделить эти два культурных уровня где-то в первой четверти – максимум в середине XVIII в. Таким образом, село Глодень, упоминаемое в письменных источниках в первой половине XV в., локализовано и археологически, с выделением двух уровней функционирования на протяжении XVII-XIX вв. Судя по известным документам, село со второй половины XIX в. претерпело изменение своих границ в отношении соседних селений, одно из которых – Килише. Сопоставление письменных источников с данными археологии позволяют датировать существование села Глодень на берегу одноименной речки в пределах начала XV – начала XIX в. В этом пункте на протяжении около 400 лет проживало нескольких поколений румынского сообщества.

Recherches de surface sur le territoire du département de Neamț (I). En 2010 on a continué dans la région du bassin de la rivière de Siret la série des recherches de surface qu'on a commencées dans les derniers ans (2008-2009) et on a abordé des lieux qui n'ont pas été signalés par les archéologues (soit par des recherches de surface ou par des fouilles systématiques). Ainsi, on est revenu sur le territoire de la commune Stănița, plus précisément à Poienile Oancei où, en 2009, on a identifié deux points d'intérêt – un site néolithique et un autre appartenant aux daces libres. Les deux points sont placés près des rivières Piatra et Siliște, deux affluents de Siret. Cette fois, à approximativement 2 km des stations sous mentionnées on a identifié un nouveau établissement (dans le point La Iaz) où le niveau néolithique est superposé par un niveau médiéval (XVIème – XVI-

lème siècles). Toujours en 2010 on s'est dirigé vers une autre zone complètement inconnue, du point de vue archéologique, la commune Valea Ursului, plus exactement la terrasse du ruisseau Glodeni, affluent du Siret. À cette occasion on a découvert deux fours pour la céramique. À cause des glissements successifs de terrain les vestiges se présentent très détériorés (on a gardé seulement 20-30% de l'installation initiale). Pourtant on a réussi d'amasser des matériels céramiques (y compris des fragments provenant du décrotoir du four); ces fragments nous ont permis de dater la période de fonctionnement des fours dans l'intervalle du XVIIème siècle jusqu'à la première moitié du XVIIIème siècle. Ce niveau est superposé par un autre duquel on a extrait quelques objets qui apparaissaient dans le rivage – fragments de verre, manche fragmentaire en os, couteaux, clous, une boucle de ceinture en fer et un anneau sigillaire en argent (dans la légende du champ existent parmi les autres un couronne et une croix). Les dernières pièces délimitent le niveau le plus récent et l'encadrent dans l'intervalle de la deuxième moitié du XVIIIème siècle et la fin du XIXème siècle. C'est l'anneau (utilise en commençant de la deuxième moitié du XVIIème siècle - début du XVIIIème siècle) qui fixe les limites des deux niveaux – c'est le premier quart/la moitié du XVIIIème siècle. Ainsi le village Glodeni, attesté conformément aux sources écrites dans la première moitié du XVème siècle, est confirmé aussi par les découvertes archéologiques (qui témoignent sur l'existence des deux niveaux d'habitation des XVIIème jusqu'au XIXème siècle). En commençant de la moitié du XIXème siècle, les sources documentaires parlent de nombreuses séparations ou assimilations avec les domaines voisines; un de ces domaines s'appelle Chiliile, nom prédestiné pour un établissement religieux, la situation est confirmée par l'existence d'un objet avec un symbole chrétien trouvé dans la région des fours. La jonction des informations écrites avec les résultats des recherches archéologiques permet d'estimer que le village Glodeni fut habité pendant l'intervalle du début du XVème siècle jusqu'au début du XIXème siècle; c'est à dire, 400 ans pendant lesquels la région respective fut habitée par des générations successives d'une communauté médiévale roumaine.

Mots clef: le ruisseau Glodeni, fours médiévales pour la céramique, vases-sac (pots), décor incisé, ornements polies, anneau sigillaire en argent, village Glodeni.

Introducere

Un capitol important în cercetarea arheologică a teritoriului românesc îl ocupă recunoaşterile de teren, fără de care nu putem avea o imagine de ansamblu asupra unei microregiuni geografice. Deşi pentru teritoriul judeţului Neamţ s-au desfăşurat numeroase periegheze încă din prima parte a secolului XX, am considerat că este necesar să menţinem acest parcurs, cu scopul adăugirii de noi situri la lista celor existente, pentru un viitor repertoriu arheologic.

În 2010 am continuat seria cercetărilor de suprafaţă începută în anii precedenţi (2008-2009) (Hânceanu 2010, 99-132) şi ne-am îndreptat atenţia¹ spre o zonă mai greu accesibilă, situată la graniţa cu judeţele Bacău şi Vaslui. În consecinţă, ne-am deplasat la Poienile Oancei-Stăniţa şi Chiliz-Valea Ursului, ambele zone geografice aflându-se în bazinul Siretului. Atât în prima locaţie, dar îndeosebi în cea de-a doua am avut ocazia să identificăm mai ales situri medievale, fapt ce indică o preferinţă a comunităţilor respective pentru aceste locuri.

Descrierea siturilor şi obiectelor arheologice

Ambele aşezări sunt amplasate pe terasele afluenţilor Siretului, prima se află la legătura pârâurilor Piatra şi Silişte, iar cea de-a doua pe malul pârâului Glodeni. Din punct de vedere geografic, siturile sunt poziţionate la extreme, primul în latura nord-estică – estică, iar al doilea în partea sud – sud-estică a judeţului Neamţ, la o distanţă de cca 30-40 km de municipiul Roman.

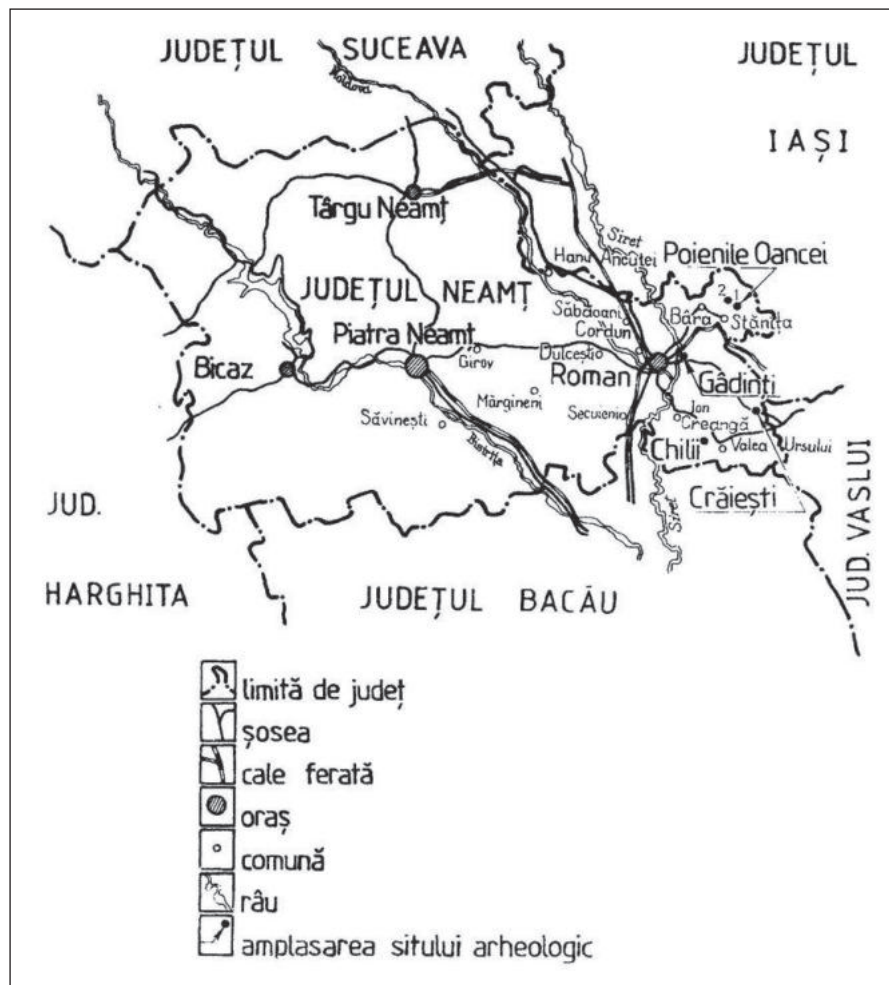
I. Poienile Oancei – Stăniţa (punctul La Iaz)

În 2009 am identificat pe teritoriul localităţii Poienile Oancei (în punctul Dealul Hanului), din comuna Stăniţa, două aşezări situate de-o parte şi de alta a drumului de acces ce leagă Stăniţa de Todireni (drum ce se intersectează cu cel spre Poienile Oancei), una specifică neoliticului, iar alta perioadei carpice (Hânceanu 2010, 112-121) (pl. I, nr.1). În 2010 am descoperit pe teritoriul aceleiaşi localităţi, dar în sat, o nouă aşezare cu două niveluri de locuire, unul neolitic şi altul medieval târziu. Situl se află în punctul La Iaz, situat nord-est de sat, pe un teritoriu în pantă (pl. I, nr.2). Printre materialele adunate se numără trei fragmente din silex alb (posibile aşchii) şi două lame din silex, una ruptă neagră, iar cealaltă cenuşie, cu vârful ascuţit şi cu urme de retuşare (nr.inv. 43992). Pe lângă silexuri (pl. II, 1-5) s-au găsit şi trei fragmente ceramice (două buze şi un fund) de vase lucrate cu mâna, din pastă grosieră, de culoare cărămidă, nedecorate (pl. II, 6-8). Probabil, aceste obiecte sunt cucuteniene.

Ceramica ce provine din epoca medievală târzie este lucrată la roată rapidă şi este de culoare cenuşie şi cărămidă. Dintre fragmentele selectate se disting ca tipuri ceramice vasul borcan (oala), castronul şi ulciorul. Întrucât nu există decât două categorii ceramice, pentru această perioadă de timp, am folosit ca şi criteriu distinctiv modul de ardere a vaselor (reducător sau oxidant):

a) Ceramica modelată la roată de culoare cenuşie este reprezentată prin fragmente de torţi, buze

¹ Pe teren am fost însoţit de colegul meu, muzeograful Dan Spătariu, desenatorul Muzeului de Istorie Roman, căruia îi aduc mulţumiri şi pentru partea grafică din articol.

Pl. I. Harta județului Neamț: amplasarea siturilor arheologice de la Gădini (punctul *Pe Deal*), Crăiești-Poienari (punctul *La Nucii*), Poienile Oancei-Stănița (1, punctul *Dealul Hanului*; 2, punctul *La Iaz*), descoperite în periegezele din 2008-2010 și Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*) identificat în 2010.

drepte sau evazate, funduri cu pereții groși ori subțiri și bucăți din corpul vaselor borcan (oalelor). După pastă, modul de ardere și aspect, unele fragmente (buzele evazate, drepte, una decorată cu roțița – pl. III, 1, torțile și fundurile groase) datează din sec. XVI-XVII (pl. III), în timp ce altele (buzes drepte, bucăți de corp cu ornamente lustruite) sunt din veacurile XVIII-XIX (pl. IV, 7-11).

b) Ceramica modelată la roată de culoare cărămizie este prezentă prin intermediul fragmentelor de buze și funduri drepte. Buzes sunt de la vase borcan și de la un castron (pl. IV, 4), primele decorate cu linii lustruite la exterior și smălțuite cu verde la interior. Fundurile sunt simple cu pasta ușor poroasă. Se distinge un gât de ulcior cu buza îngustă, care a dispus de un smălț de culoare gălbui-cărămizie (pl. IV, 2). Caracteristicile ceramicii indică un interval de timp corespunzător sec. XVI-XVII (pl. IV, 1-6), probabil perioada mai intens locuită din așezare. De altfel, aceleași perioade îi aparțin-

ne și o cataramă din fier de formă dreptunghiulară, ruptă din vechime și cu spinul lipsă (nr. inv. 43993). Deși fragmentară, piesa este interesantă ca mod de realizare, extremitățile de care a fost prins spinul fiind tubulare în diametru și puternic bombate la exterior, contrastând cu celelalte două laturi subțiri (pl. IV, 12).

Posibil ca după sec. XVI-XVII arealul respectiv să fi fost locuit sporadic și de comunități autohtone din veacurile XVIII-XIX sau pur și simplu aceste fragmente (puține la număr) să fi ajuns întâmplător din alte părți.

* * *

Potrivit acestei scurte descrieri, putem atribui zonei respective o nouă așezare, cu două niveluri distincte de locuire, situate cronologic la extremități, una din epoca neolitică și alta din perioada medievală târzie. Acest nou sit se alătură celor anterioare (o așezare neolitică și una specifică dacilor liberi), descoperite în 2009 în punctul *Dealul Hanului*, însă la o distanță considerabilă de acestea (pl. I – 1 în 2009, 2 în 2010).

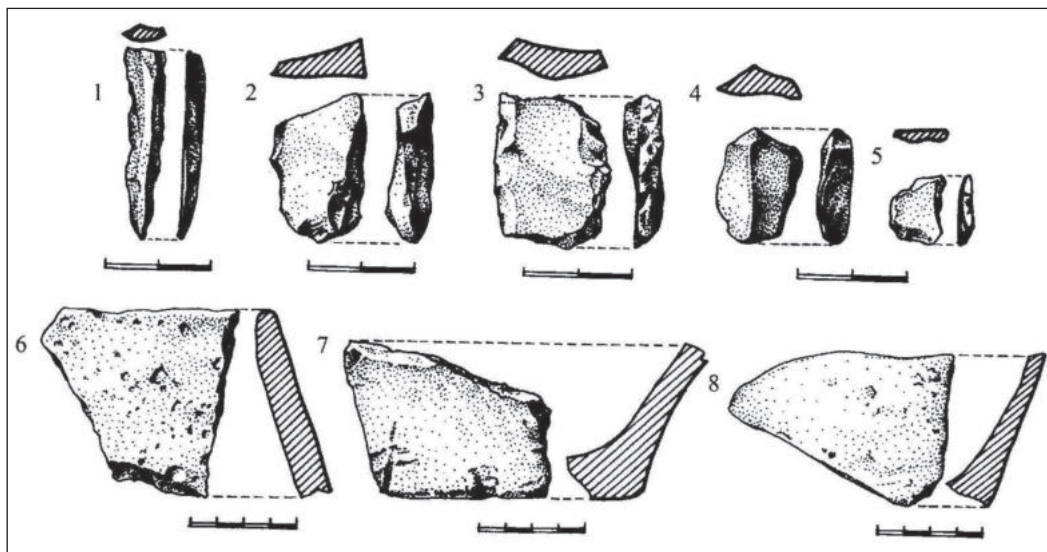
Până acum, aceste puncte au fost identificate la Poienile Oancei, dar am mers cu cercetarea de teren și într-un sat alăturat, în localitatea Ghidion, a cărei suprafață este mai bine de jumătate acoperită de pădure. Pe terenul aflat în afara pădurii nu am identificat situri arheologice.

II. Chilii – Valea Ursului (punctul *Glodeni-La cuptoare*)

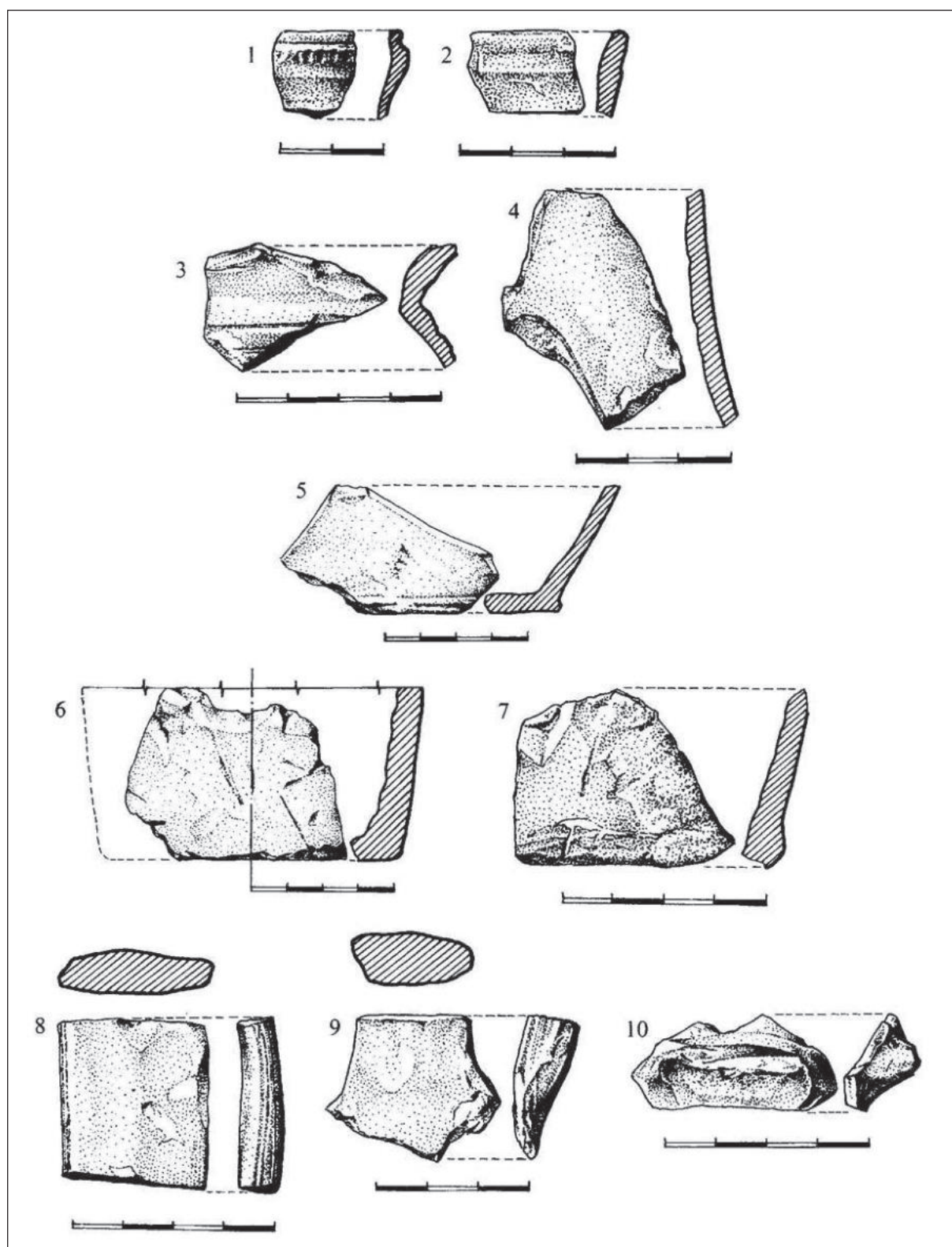
Tot în 2010 am început să cercetăm și zona bazinului Glodeni, pârâul respectiv fiind afluent al Siretului. Teritoriul cu rețeaua hidrografică este parte componentă a comunei Valea Ursului. Aflată la granița cu județele Vaslui și Bacău, zona nu a fost cercetată anterior venirii noastre, iar acest fapt ne-a oferit un plus în activitatea desfășurată. Inițial, am verificat câteva surse care indicau prezența unei cetăți în pădurea din apropierea satelor Chilii și Tabăra. În punctul *Gârla Zoiței* am constatat câteva blocuri calcaroase, friabile, care erau formațiuni naturale și nicidecum rezultatul unei acțiuni umane. Ulterior, potrivit altor informații privind existența unor schelete, pe terasa pârâului amintit, am traversat satul Chilii, iar după ce-am trecut de cimitirul satului ne-am îndreptat spre locul menționat. Nu s-au găsit oseminte umane, probabil au dispărut în timp, însă am descoperit vetrele a două cuptoare, situate chiar pe buza terasei (pl. V, foto 2). Poziționarea celor două instalații de foc a avut pentru noi atât efecte pozitive, întrucât erau vizibile de la distanță, și au permis o ușoară identificare, cât și negative: prin prăbușirea terasei mai bine de jumătate din diametrul lor a dispărut, iar accesul a fost mult îngreunat.

Perimetrul în care se aflau cele două cuptoare, dar și alte situri de pe terasa superioară a pârâului Glodeni (pl. V, foto 1), de-o parte și de alta a cursului, poartă din vechime numele generic de *Glodeni*, însă pentru o mai bună distingere toate punctele identificate prin periegeze au beneficiat de o denumire convențională suplimentară, precum în acest prim caz, *Glodeni-La Cuptoare* (pl. I).

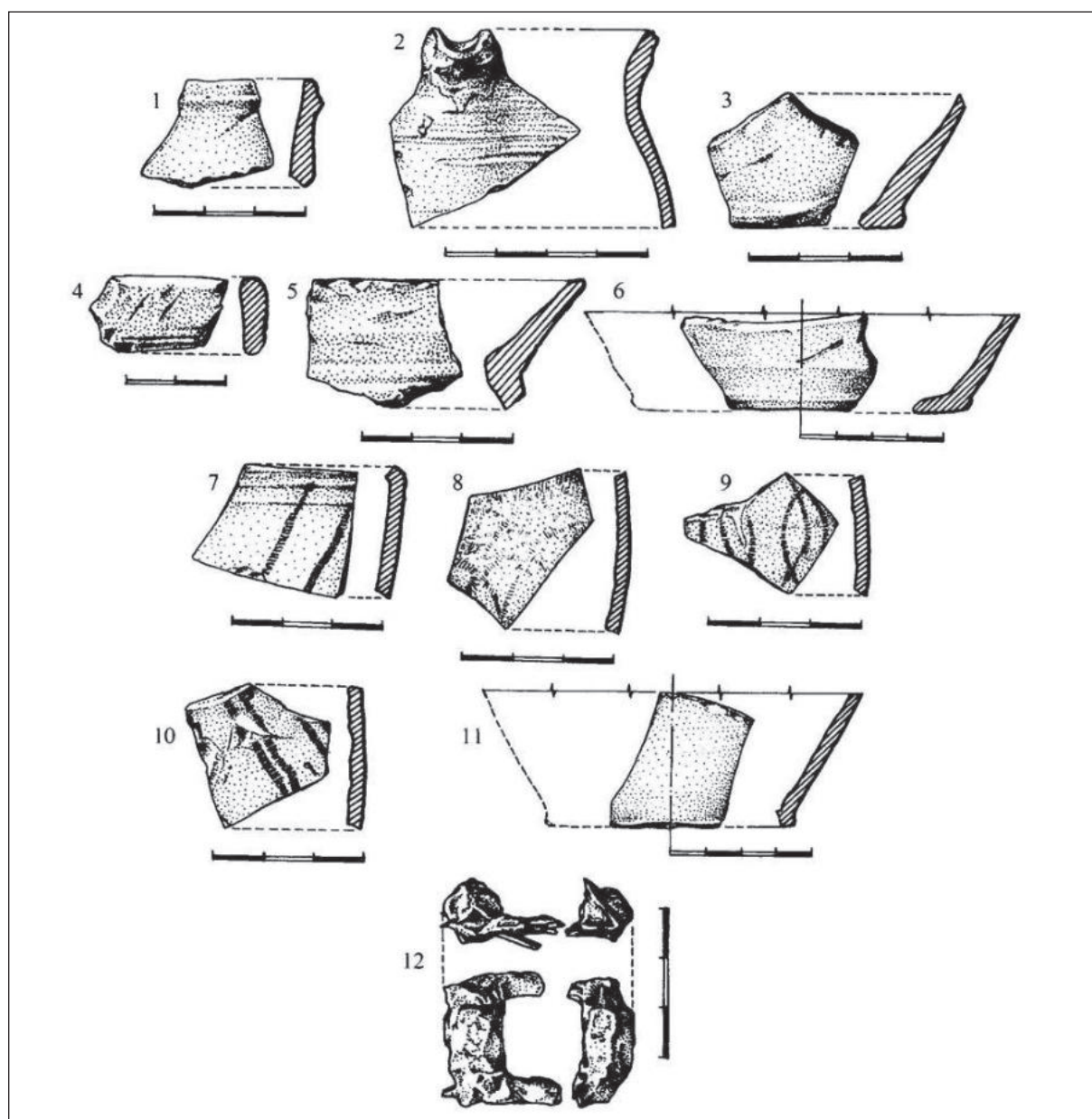
Primul cuptor (notat C1) era mai mare și se afla la o adâncime de 1,20 m. În profilul rupt al malului se găsea o parte din grătarul cuptorului, lung de 1,20 m și gros de 0,15 m (pl. V, foto 2). În câteva dintre bucățile desprinse din grătar (pl. X, 2.3) se observă găurile care permiteau trecerea căldurii, necesară uscării și arderii vaselor. De sub grătar și până la capătul gropii de alimentare mai erau 0,25 m de material tasat, pământ în amestec cu pigmenți, cărbuni, cenușă și ceramică fragmentară. Conform caracteristicilor, posibil ca acest prim cuptor să fi avut un diametru maxim situat între 1,20-1,50 m (pl. VI), dar din el s-a pierdut cca 70%. Nu s-au păstrat pereții cuptorului, fapt ce indică un alt mod de izolare a vaselor, care după ce erau așezate pe grătar, de-o parte și de alta se ridicau pereți prin ungerea cu lut, ce se spargeau la final pentru extragerea recipientelor. Datorită presiunii pământului și a prăbușirii unei părți consistente din structura instalației de foc, s-a constatat un amestec și o tasare a materialului, fragmente ceramice fiind găsite deasupra grătarului, dar și sub acesta. După abandonarea C1, în interior s-au aruncat și alte resturi ceramice găsite în amestec cu cenușă și cărbuni. Fragmentele extrase chiar din interiorul lui indică o datăre mai veche a instalației de foc, iar cele din stratul de deasupra și din căzătura sa sunt mai recente, fapt ce

Pl. II. Obiecte neolitice de la Poienile Oancei, punctul *La Iaz*: 1,4, lame din silex cu urme de retușare, prima cenușie cu vârful ascuțit, iar cealaltă ruptă, de culoare neagră; 2,3,5, așchii de silex de culoare albă; 6-8, fragmente ceramice modelate cu mâna, grosiere, de culoare cărămidă și nedecorate.

Pl. III. Ceramică medievală lucrată la roată de culoare cenușie: 1-10, buze drepte sau evazate, uneori ornamentate cu rotița, funduri drepte și torți late nedecorate. Poienile Oancei, punctul *La Iaz* (sec. XVI-XVII).

Pl. IV. Ceramică medievală lucrată la roată de culoare cărămizie sau cenușie: 1-3,5,6, buze drepte sau evazate, smălțuite cu verde la interior și funduri de vase borcan de culoare cărămizie, inclusiv un gât de ulcior (2, smălțuit gălbui-cărămiziu); 4, buză de castron dreaptă, ușor îngroșată, de culoare cărămizie; 7-11, fragmente de vase borcan de culoare cenușie, majoritatea decorate cu linii verticale drepte sau oblice executate prin lustruire; 12, fragment de cataramă din fier, fără spin și cu extremitățile îngroșate. Poienile Oancei, punctul *La Iaz* (1-6, 12, sec. XVI-XVII; 7-11, sec. XVIII-XIX).

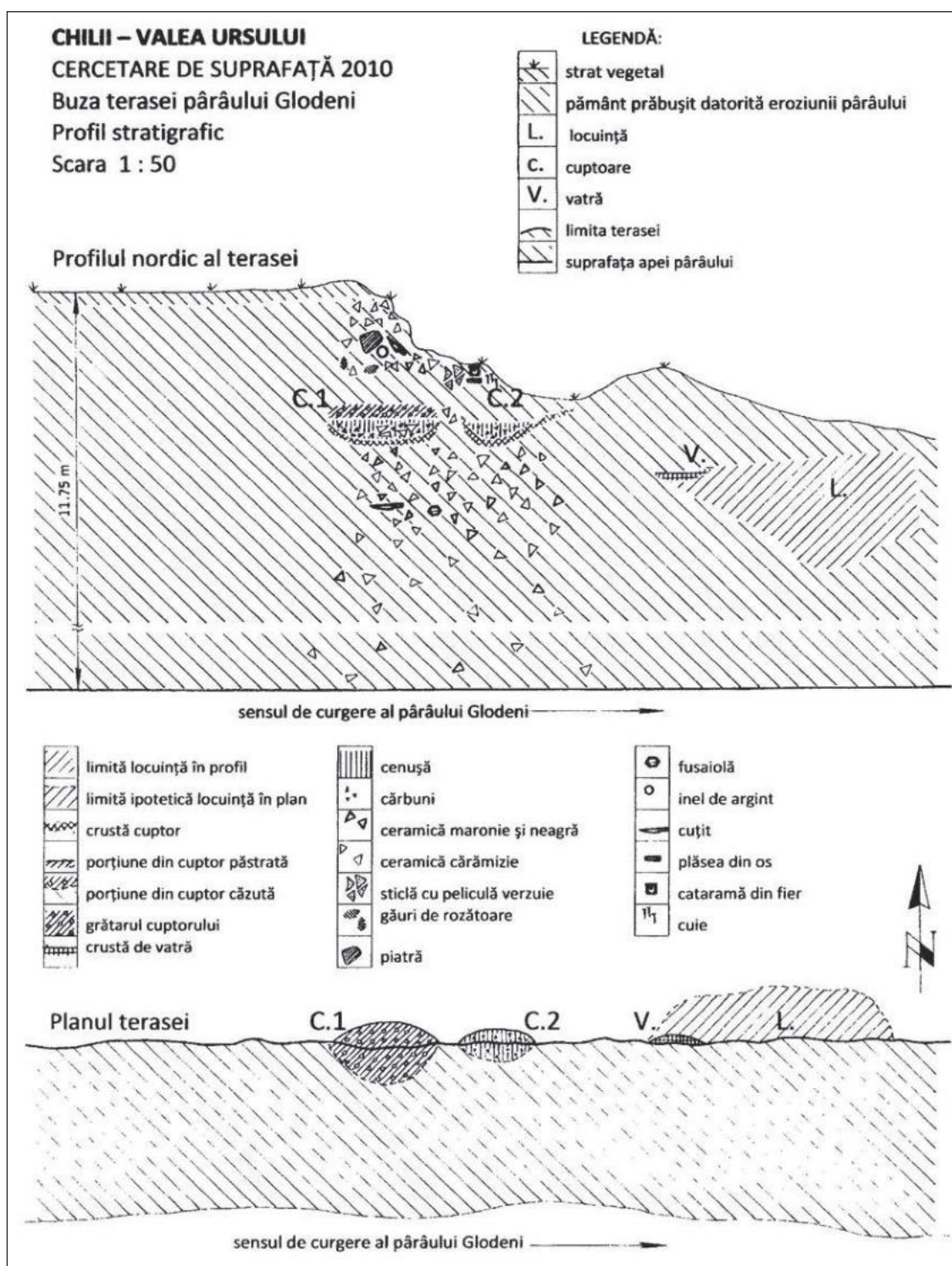
denotă o prelungire a locuirii zonei de către meșterii olari și poate chiar de o parte a membrilor comunității, întrucât în apropiere aveau materia primă necesară olăritului. Așadar, chiar dacă vatra satului Glodeni s-a mutat, meșterii olari și poate rudele acestora au continuat să locuiască aici și mai târziu, după dispariția satului.

Al doilea cuptor (notat C2) era mult mai mic și se afla la doar 0,80 m adâncime. Deși contemporan cu C1 (C2 avea fundul gropii de alimentare mai jos cu 10

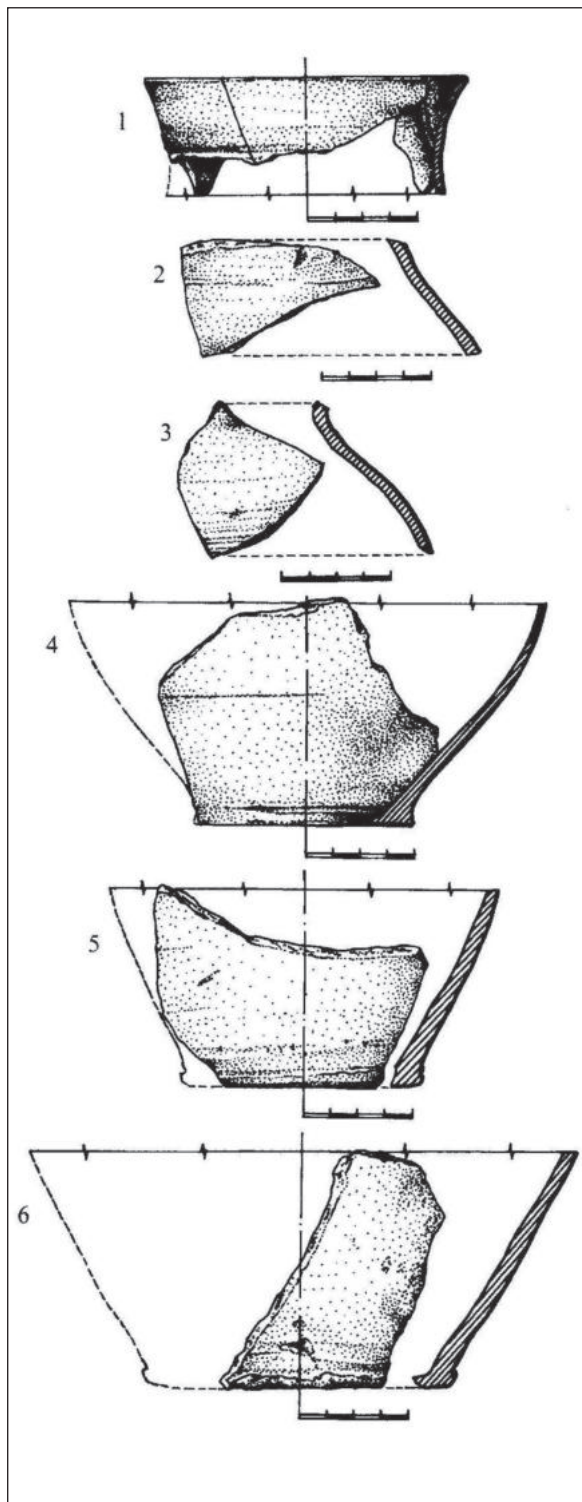
cm), de care-l desparte doar 0,25 m, acesta diferă ca adâncime și datorită stării actuale a solului, care a suferit modificări, prin prăbușiri succesive ale solului (pl. V, foto 2). Lungimea C2 era de 0,80 m, iar compoziția interioară ocupa 0,20 m grosime în profil. Interiorul acestuia cuprindea un amestec de materiale, pe lângă pământ găsindu-se pigmenți, cărbuni, cenușă și fragmente ceramice. Diametrul C2 putea fi de maxim 0,80 -1 m (pl. VI). Nu s-au păstrat resturi de la grătar, ca la

Pl. V. Terasa superioară a pârâului Glodeni (foto 1) și cuptoarele medievale (foto 2).

Pl. VI. Stratigrafia și planul cuptoarelor medievale de la Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*)

Pl. VII. Ceramică modelată la roată din interiorul cup-torului 1 (C1): 1-3, fragmente de căni cu buza dreaptă și corpul ușor bombat, de culoare maronie sau cărămizie; 4-6, funduri de vase borcan de culoare cărămizie. Chilia-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII.

cuptorului precedent, întrucât C2 este mult mai afectat (pierdut în proporție de 80%) decât C1. Similar instalației anterioare, și aceasta avea în interior fragmente de vase diferite față de cele descoperite în nivelul de deasupra cuptoarelor, care sunt mai recente. De asemenea, nu s-au găsit pereții C2, deci beneficia de același sistem de construcție a pereților (prin ungere la fiecare sarjă de vase).

Tot din ruptura malului s-au extras și alte obiecte interesante (cuțite de fier, plăsea de os și un inel din argint), asupra cărora vom reveni cu detalii la descrierea inventarului.

Amplasate pe terasa stângă, pe direcția cursului pâ-râului, cele două vetre de cuptor s-au păstrat în proporție de 20-30% din total, restul lor pierzându-se în timp. Din fragmentele ceramice extrase din cuptoare nu s-a restau-rat nici un vas, fapt ce indică abandonarea intenționată a instalațiilor și nicidecum forțată de vreun eveniment. Am încercat să mai recuperăm din materialele arheolo-gice, prin strângerea celor găsite la suprafață, în căzătura cuptoarelor, situată mai jos de acestea, la baza pâ-râului Glodeni. Dintre obiectele strânse amintim, pe lângă ce-ramică, o fusaiolă fragmentară și un cuțit din fier.

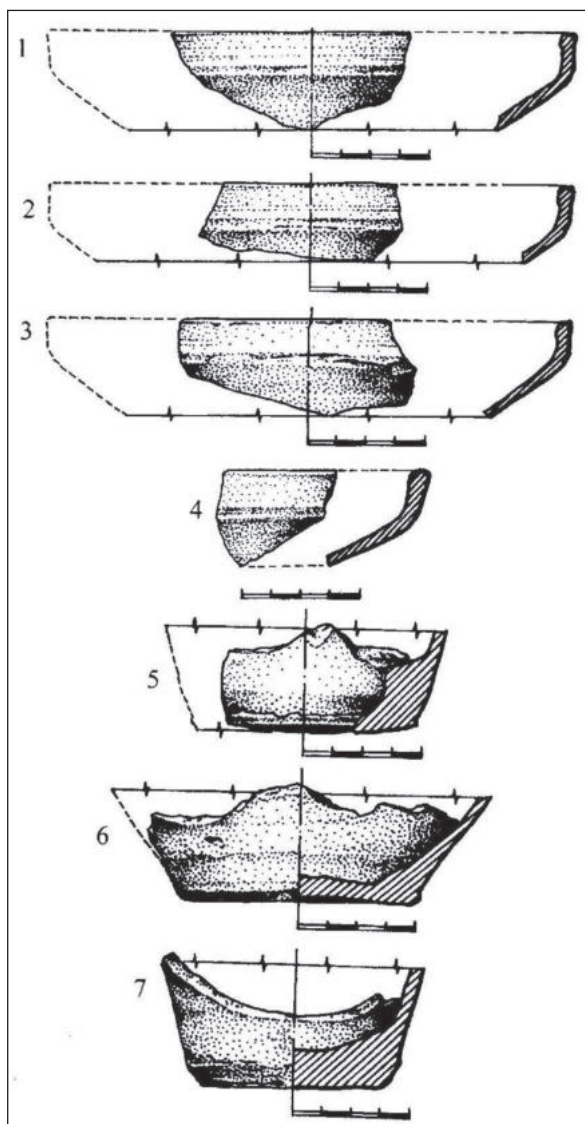
Pentru aflarea mai multor amănunte care să permi-tă o cronologie cât mai apropiată a celor două vestigii medievale și pentru a situa cât mai exact în timp comu-nitatea ce a locuit și folosit aceste instalații, vom de-scrie detaliat obiectele descoperite în ruptura terasei:

a) Ceramica modelată la roată din C1: din struc-tura tasată, datorită presiunii pământului, s-au extras câteva fragmente de vase care permit stabilirea unei cronologii de început pentru folosirea acestei instalații de către membrii comunității satului medieval Glodeni. Printre fragmentele descoperite se numără o buză, cio-buri de la gâturi, pereți și funduri de vase, specifice ur-mătoarelor tipuri ceramice:

1. Căni reprezentate prin două fragmente, de la gât și mijlocul corpului, primul drept, celălalt bombat, din pastă cu microprundișuri, de culoare cărămizie (pl. VII,2,3). Un alt fragment, de la buza unei căni, are pas-ta fină cu mult nisip, pereții subțiri și de culoare ma-ronie (pl. VII,1). Buza este dreaptă și nu evazată ca la alte căni medievale. Două funduri grosiere drepte de culoare maronie sau neagră (pl. VIII,5,7) se adaugă la totalul fragmentelor provenind de la cele cinci căni.

2. Vase borcan (oale) prezente printr-un număr de patru funduri drepte, din pastă cu microprundișuri, de culoare cărămizie (pl. VII,4-6; VIII,6). Dacă funduri-le vaselor borcan sunt mai subțiri și pereții groși (pl. VII,4-6; VIII,6), pentru căni situația se inversează, fun-durile acestora fiind extrem de groase și pereții subțiri (pl. VIII,5,7).

3. Castroane în număr de patru, fragmentare. Bu-zele lor sunt rotunjite, ușor trase la interior, iar umărul

Pl. VIII. Ceramică lucrată la roată din interiorul cuptorului 1 (C1): 1-4, fragmente de castroane cu buza trasă spre interior și corpul tronconic, de culoare maronie; 5, 7, funduri de câni, drepte și groase, de culoare maronie ori neagră; 6, fund de vas borcan, drept și subțire, de culoare cărămizie. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII.

pastă cu microprundișuri, de culoare cărămizie (pl. IX,3.4).

3. Castroane din care avem un singur fragment, grosier, cu buza și pereții drepți (pl. IX,2), vasul fiind modelat dintr-o pastă cu microprundișuri de culoare cărămizie.

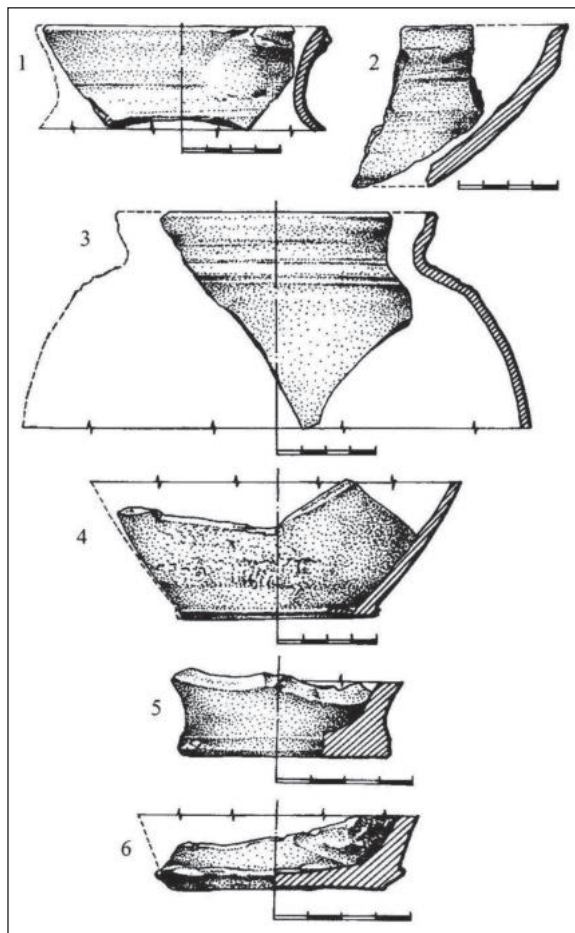
În ambele cuptoare s-au găsit fragmente de la 19 vase (8 câni, 6 vase borcan, 5 castroane), 13 din C1 și 6 din C2. Domină ceramica de culoare cărămizie (12 vase), urmată de cea maronie (6 vase) și neagră (1 vas),

ridicat se continuă tronconic spre fund (pl. VIII,1-4). Pasta are microprundișuri, pereții fiind grosieri, iar culoarea maronie.

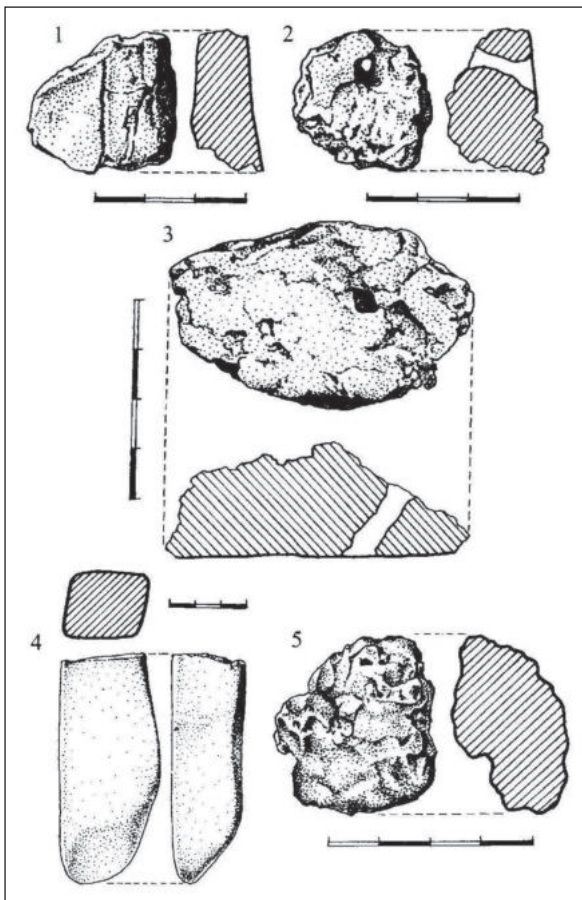
b) Ceramica modelată la roată din C2: din aceeași structură de pământ, vatră și cioburi tasate, am scos doar câteva fragmente de vase (buză și funduri), caracteristice acelorași tipuri ceramice:

1. Câni din care s-au păstrat o buză evazată, fragmente din corpul bombat cu locul de prindere al torții (pl. IX, 1), precum și două funduri drepte, circulare, ușor grosiere (pl. IX,5.6). Pasta a fost modelată la o roată rapidă, având microprundișuri în compoziție și o culoare cărămizie.

2. Vase borcan (oale) exemplificate printr-o buză evazată și corpul puternic bombat, precum și un fund rotund, drept; ambele recipiente erau lucrate dintr-o

Pl. IX. Ceramică lucrată la roată din interiorul cuptorului 2 (C2): 1,5,6, fragmente de câni cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, de culoare cărămizie; 2, fragment de castroan cu buza trasă la interior și corpul tronconic, de culoare cărămizie; 3,4, fragmente de vase borcan cu buza evazată și corpul puternic bombat cu fundul drept, de culoare cărămizie. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII.

Pl. X: 1-3, bucăți din grătarele cuptoarelor, dintre care două au perforații; 4, piatră de ascuțit fragmentară, dreptunghiulară și de culoare cenușie; 5, fragment zgură de ceramică, de culoare cenușie-neagră. Chilii-Valea Ursului, punctul *Glodeni-La Cuptoare*, sec. XVII-XVIII.

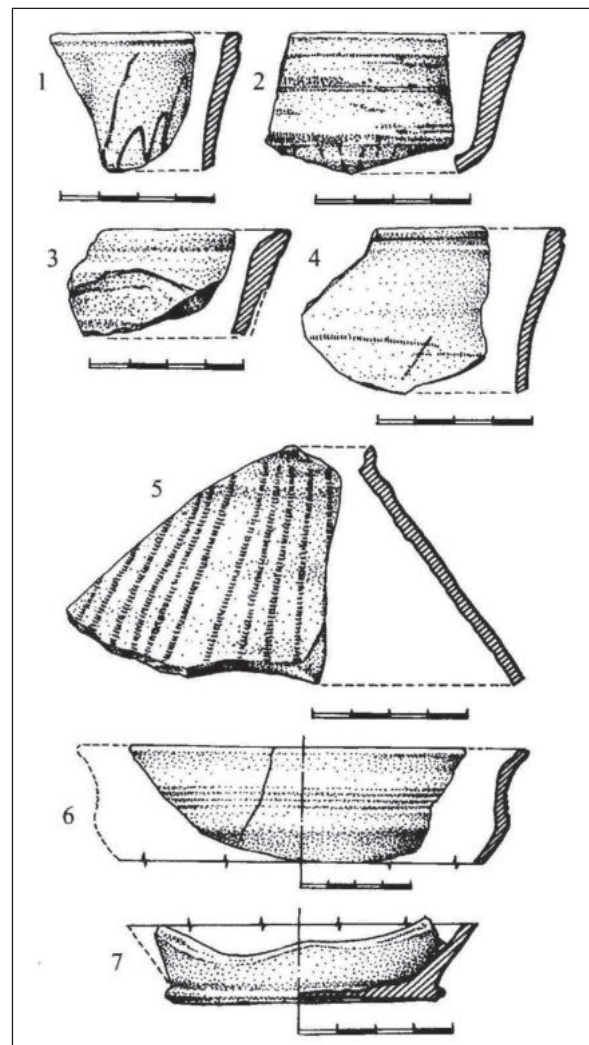
iar în C2 s-au descoperit doar fragmente cărămidii. Între cele trei tipuri există un echilibru numeric, semn că recipientele respective erau cerute și folosite în cantități aproximativ egale de către membrii comunității de pe malul pârâului Glodeni sau de către alte grupuri autohtone stabilite în locuri învecinate. Ceramica descrisă este lipsită de ornamente.

Între cele două instalații de foc, la 0,60-0,80 m adâncime, s-a găsit un fragment de zgură de ceramică de culoare cenușie-neagră (pl. X,5), o piatră de ascuțit cenușie, de formă dreptunghiulară, ruptă la un capăt (pl. X,4), dar și lama unui cuțit din fier, triunghiulară în secțiune și cu vârful ușor rotunjit (nr.inv. 43994). Taișul lamei este tocit, iar mânerul nu s-a păstrat (pl. XV,1). Dimensiuni: 10,2 x 1,6 cm. Posibil ca această unealtă să fi folosit la tăierea lutului, materie primă aflată în apropiere și utilizată la alcătuirea pastei vaselor ceramice.

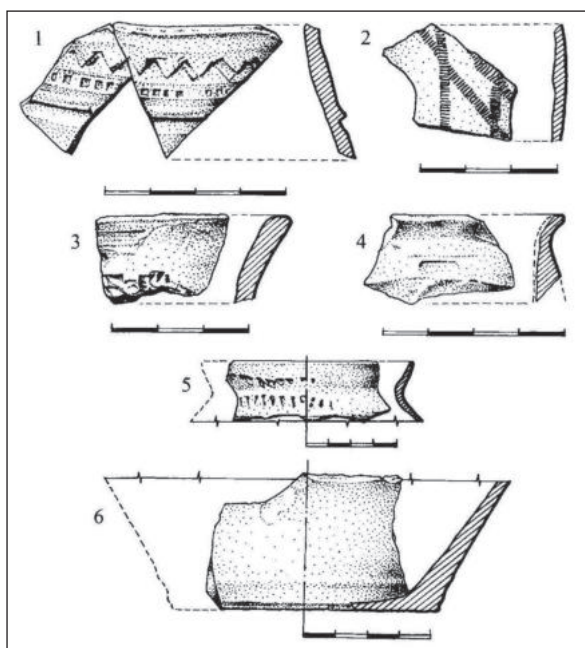
Conform caracteristicilor ceramicii (compoziția pastei, modelarea la roata rapidă, modul de ardere uniform, forma vaselor), perioada funcționării cuptoare-

le se încadrează, în linii mari, în sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII, însă la final, ținând cont de toți factorii implicați, vom corobora descoperirile arheologice cu sursele documentare pentru a contura imaginea comunității de la Glodeni.

Analogii în privința formelor, pastei și decorurilor întâlnim tot pe teritoriul județului Neamț la Hangu (punctul *Grozăvești*) (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 204-207; 440, fig. 96,3.11.12; 442, fig. 98,1-3), unde ceramica găsită în cuptorul de ardere și din locuința medievală se datează tot în sec. XVII. O situație similară găsim la Ceahlău (punctul *Palatul Cnejilor*) (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003,

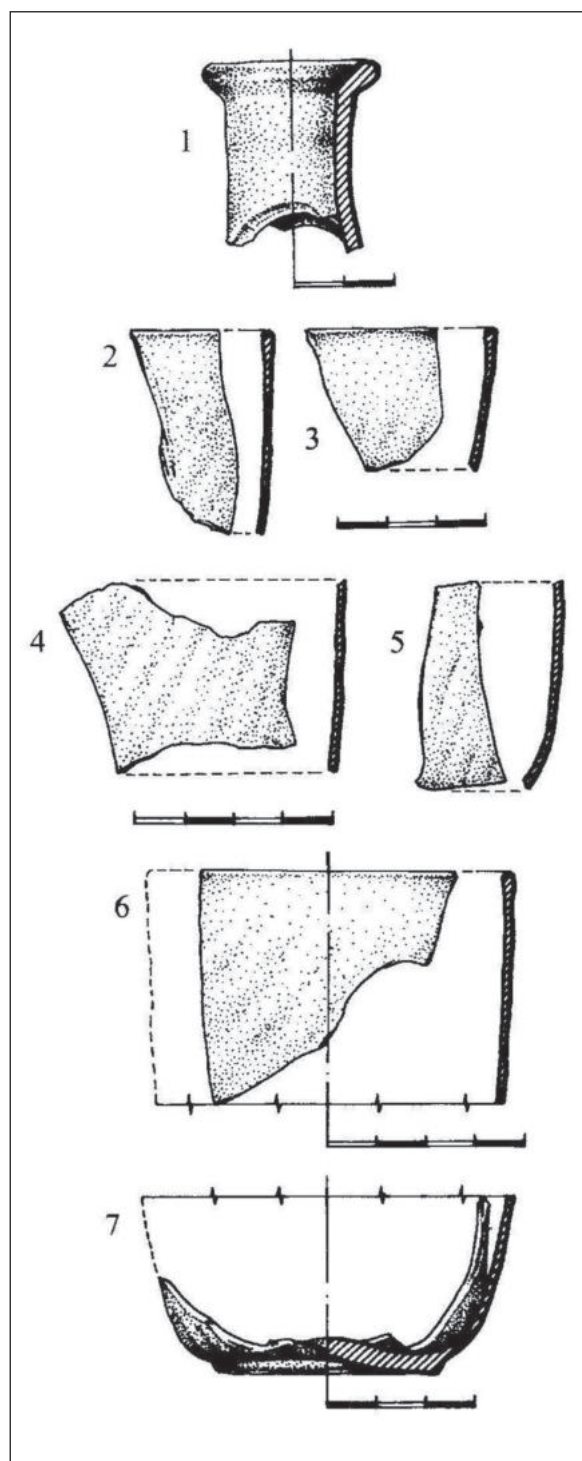
Pl. XI. Ceramică modelată la roata de culoare neagră din stratul situat deasupra cuptoarelor: 1, 3-5, fragmente de căni cu buza evazată sau dreaptă, uneori decorate cu linii vălurite sau verticale lustruite; 2,6, fragmente de străchini cu buza dreaptă ori evazată și corpul tronconic, una fiind ornamentată cu patru linii circulare incizate orizontal; 7, fund de vas borcan. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XIX.

Pl. XII. Ceramică lucrată la roată de culoare neagră (1, 2) sau cărămie (3-6) descoperită în nivelul aflat deasupra cuptoarelor: 1,2, fragmente de vase borcan ornamentate cu roți ori cu linii oblice lustruite; 3,4, buze evazate de la câni; 5,6, fragmente de vase borcan, cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, cu decor format din linii verticale incizate și linii circulare pictate orizontal cu alb. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX (3-6) și XIX (1, 2).

220-225; 452, fig. 108,1-4.6-12), unde în cele patru cuptoare de ars oale s-a descoperit în cea mai mare parte o ceramică de uz casnic asemănătoare celei de la Glodeni și încadrată cronologic intervalului sec. XVII-XVIII. Alte situri, în care s-a găsit ceramică asemănătoare (în strat sau complexe – locuințe, gropi, cuptoare) din secolele XVII-XVIII, sunt cele de la Ceahlău (punctul *Schitișor*) (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 232-237; 461, fig. 117,1; 466, fig. 122,2.4-5.7.9-14; 467, fig. 123,1-5), Buhalnița-Hangu (punctul *Biserică/Mănăstire*) (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 254-259; 476, fig. 132,1; 478, fig. 134,2.5; 481, fig. 137,5.9.11-12.14; 482, fig. 138,15.18.19; 483, fig. 139,1-2.10.16-18.20) și Traian-Zănești (punctul *Dealul Fântânilor*) (Bichir 1967, 319, fig. 4,2.4-5.7-9).

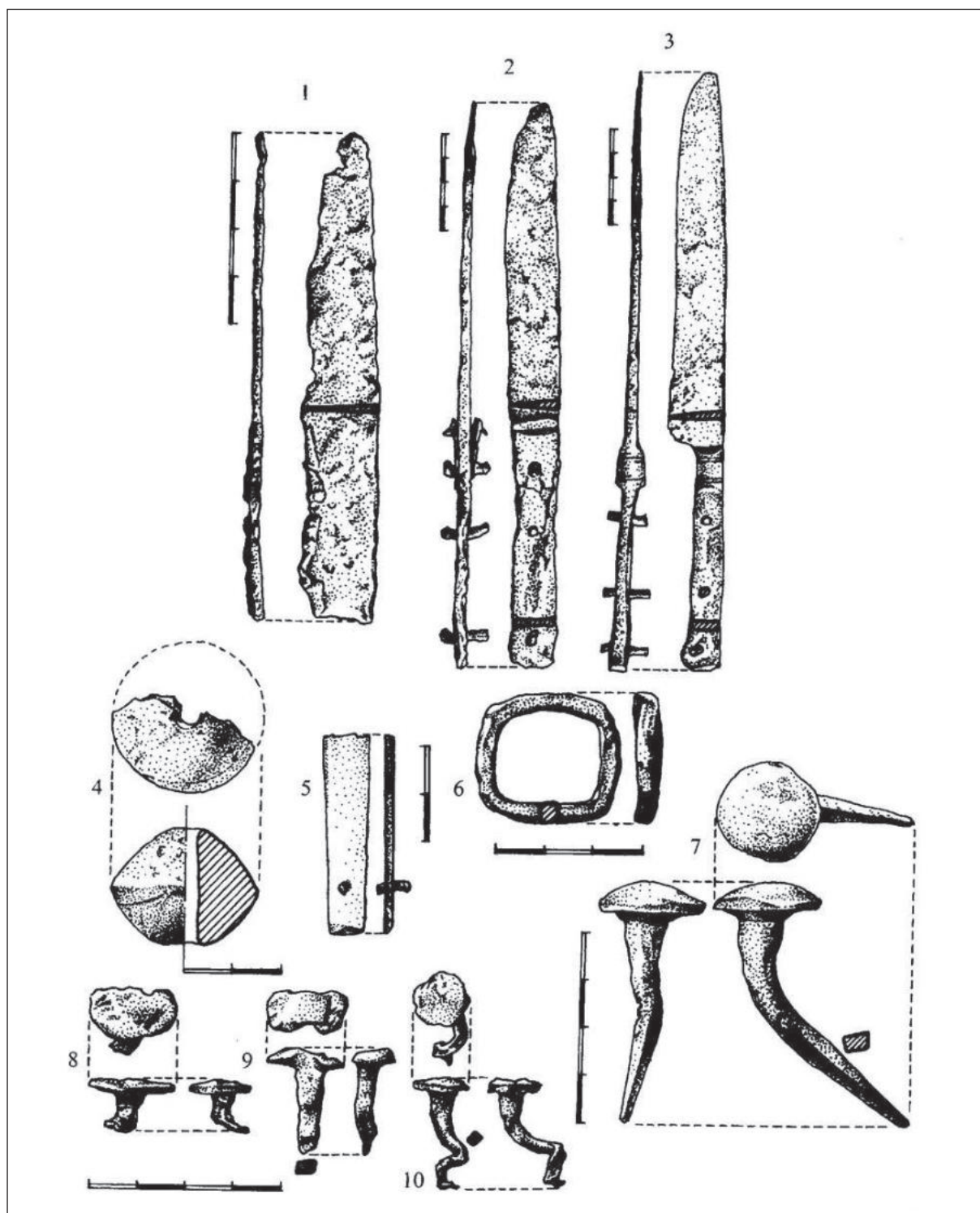
Deasupra cuptoarelor se observă prezența unui alt nivel cultural, care potrivit ceramicii este mai recent decât cel corespunzător lor. Din acest strat, situat la 0,60 m adâncime de la actualul nivel de călcare, am strâns direct din ruptură mai multe fragmente ceramice, dar și alte obiecte interesante, care ne-au indicat continuarea locuirii zonei de comunitatea respectivă.

Pl. XIII. Sticlă din nivelul situat deasupra cuptoarelor: 1, gât de vas globular cu buza evazată, îngroșată, acoperit cu o peliculă protectoare și totodată decorativă, de culoare verzuie; 2-7, fragmente de pahare cu buza și pereții drepi, fundul rotund tras în interior și acoperite tot cu o peliculă protectoare, decorativă, de culoare verzuie. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX.

Pl. XIV: 1, 2, fragmente de sticlă (recipient pentru lichide și pahare) care au la exterior o peliculă decorativă și protectoare, ușor exfoliată. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX.

Pl. XV. Obiecte din nivelul aflat deasupra cuptoarelor (1,2,5-7) și din căzătura acestora (3,4): 1, lamă de cuțit din fier triunghiulară în secțiune, cu tăișul tocit și vârful rotund; 2, cuțit din fier cu lama triunghiulară în secțiune, vârful rotund și mânerul prins cu nituri; 3, cuțit din fier cu lama triunghiulară în secțiune, vârful rotund și mânerul prins cu nituri; 4, fragment de fusaioală din lut, de formă bitronconică și de culoare gălbui-cărămizie; 5, fragment de plăsea din os, nedecorată, cu un nit de prindere la capăt; 6, verigă din fier, pătrată, de cataramă; 7, piron din fier cu floarea rotundă, piciorul lung și gros, cu vârful ascuțit; 8-10, cuie din fier cu floarea rotundă și picioarele îndoite. Chilia-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII (1,4,6), XVIII-XIX (2,3,5) și XIX (7-10).

Iată descrierea acestor materiale:

1. Ceramica modelată la roată este reprezentată prin fragmente de câni, oale și străchini, de culoare cărămizie și neagră. Ceramica cărămizie, lucrată din pastă fină, cu mult nisip în compoziție, este prezentă prin fragmente de câni și oale cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept (pl. XII,3-6). Uneori, buzele au pe suprafața exterioară un ornament combinat din două șiruri de linii scurte verticale incizate, realizate cu roțița, și alte două-trei linii circulare orizontale, pictate cu alb (pl. XII,3.5). Ceramica neagră are o pastă fină, cu mult nisip în compoziție, iar ca tipuri se remarcă cana, oala și strachina. Cănila au buza evazată ori dreaptă și gâtul prelung, decorat cu linii verticale lungi făcute prin lustruire (pl. XI,1.3-5). Oalele au gura evazată sau dreaptă, corpul bombat și fundul drept. Ornamentul lor este constituit din linii lustruite sau făcute cu roțița (pl. XI,5; XII,1.2). Străchinile au buza dreaptă ori evazată, formă tronconică și decor format din patru linii circulare incizate (pl. XI,2.6). *Grosso-modo*, ceramica cărămizie se datează în sec. XVIII-XIX, iar cea neagră doar în veacul XIX.

2. Recipiente din sticlă prezente prin intermediul fragmentelor descoperite în profilul malului. Dintre ele menționăm un gât de la un vas de formă alungită, cu corpul bombat (probabil globular), utilizat pentru depozitarea lichidelor (pl. XIII,1; XIV, foto 1). De asemenea, alte fragmente sunt de la trei pahare, medii ca înălțime, cu buza și pereții drepecți iar fundul rotund, tras în interior (pl. XIII,2-7; XIV, foto 2). Toată sticla a avut pe suprafața exterioară o peliculă subțire protectoare și totodată decorativă, de culoare verzuie, care în timp s-a exfoliat. Cronologic ea se încadrează sfârșitului sec. XVIII – începutului sec. XIX.

În afara ceramicii și a sticlei s-au descoperit și alte obiecte:

3. Cataramă din care s-a păstrat doar veriga de formă pătrată, lipsită de limba de prindere. Fabricată din fier, prin turnare, piesa vestimentară este simplă, cu dimensiunile de 3 x 2,7 cm (nr.inv. 43997). Una dintre laturi este ușor rotunjită, fapt ce indică partea din afară, opusă capătului prins în curea (pl. XV,6). Cronologic se datează în sec. XVII-XVIII, fiind asemănătoare cu exemplarul găsit la Ceahlău-Neamț (punctul *Palatul Cnejilor*) (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 457, fig. 113,4).

4. Cuțit păstrat întreg (nr.inv. 43996) cu lama triunghiulară în secțiune și cu vârful rotund. Plăselele obiectului nu s-au păstrat în timp, însă mai are încă trei nituri de prindere. Interesant că, deși cuțitul și niturile sunt din fier, partea metalică a mânerului a fost învelită cu două plăci din bronz. De asemenea, lama este de-

limitată de mâner prin două lamele tot din bronz (pl. XV,2), ușor scoase în relief, poate pentru a fixa lama într-o teacă. Dimensiuni: 24 x 2 cm. Dată – sec. XVI-II-XIX.

5. Plăsea păstrată fragmentar. Lucrată din os, piesa este de dimensiuni reduse și nu are decoruri (nr.inv. 44002). Posibil să provină de la mânerul unui brici sau de la un cuțit de mici dimensiuni. La unul din capete are un mic nit din fier, pentru prindere (pl. XV,5). Dimensiuni: 4,1 x 0,9 cm. Cronologic, piesa se datează în perioada sec. XVIII-XIX.

6. Cuie din fier păstrate întregi. De dimensiuni diferite (1 cm, 2 cm sau 2,1 cm), obiectele aveau floarea mare rotundă, iar piciorul scurt drept (două din ele îl au strâmb în urma folosirii). La cele trei exemplare (nr. inv. 43998, 43999, 44000) se adaugă și un piron întreg (nr.inv. 44001), de 5 cm lungime, cu floarea mare rotundă și piciorul gros ușor deviat (pl. XV,7-10). Dată în sec. XIX.

7. Cel mai interesant și mai important artefact găsit în acest nivel este un **inel din argint** (nr.inv. 44004) care are doar o mică parte din suport ruptă. Inelul este sigilar și are toată legenda câmpului păstrată intact (pl. XVI, 1). În interiorul câmpului este o cruce, care reprezintă primul simbol de sus al piesei. Sub cruce se află o coroană, iar mai jos sunt trecute două litere chirilice, ultimele simboluri de jos ale câmpului. Prima literă **III** – **Ш** este redată singură, iar a doua **Ж** – **Ж** este trecută în paranteze, de unde pleacă și ornamentul liniar și punctat de pe laterala inelului (pl. XVI,2). Probabil de factură locală, obiectul a fost în posesia unui preot de țară și era pe degetul mic (Hănceanu 2011, 5-8). Acest tip de inel începe să fie răspândit, cu precădere, din a doua jumătate a sec. XVII/început de veac XVIII, fiind des întâlnit în zapise². Deși lucrat rudimentar, cu unele scăpări (imperfecțiuni) de redare a decorurilor pe marginea *chaton*-ului, inelul este important prin semnificația legendei și prin materialul din care a fost produs. Posibil ca obiectul să se fi pierdut ori să fi fost aruncat după ruperea baretei inelare. Indiferent de situație, prezența sa certifică existența unuia sau mai multor preoți de țară în cadrul comunității satului Glodeni.

Toate materialele prezentate, provenite din stratul de cultură situat deasupra cuptoarelor, dovedesc o locuire neîntreruptă a satului Glodeni și pentru intervalul sec. XVIII-XIX.

* * *

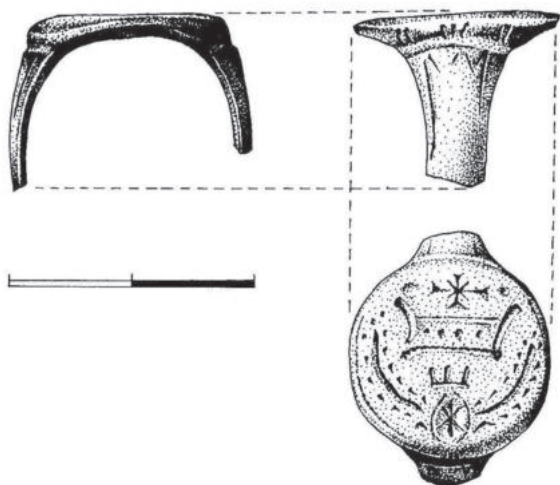
Exceptând obiectele provenite din interiorul cuptoarelor și din nivelul de cultură ulterior acestora, alte dovezi au fost descoperite în căătura malului, de unde am adunat o parte considerabilă de material ceramic aflată la suprafață. Pământul prăbușit din mal se întin-

² Mulțumim pentru colaborare colegului muzeograf drd. Silviu Ceașu, de la Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra-Neamț, care ne-a oferit toate datele legate de respectivul inel sigilar și totodată despre prima mențiune a satului Glodeni.

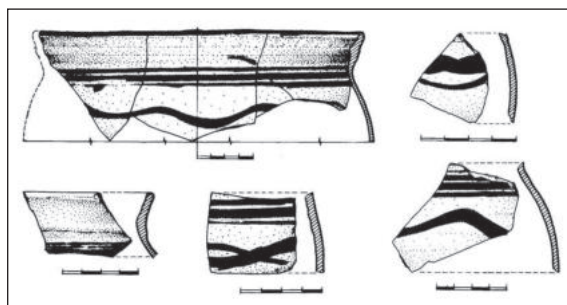
dea de la baza cuptoarelor până spre cursul pâraului aflat cam la 10 m mai jos de vestigii.

Ceramică modelată la roată:

1. Ceramică grosieră are multe microprundișuri în compoziția pastei și este de culoare cărămidie și neagră. Tipurile ceramice sunt reprezentate de vase borcan (oale), căni și castroane. Oalele au buza evazată, corpul bombat, iar fundul drept este gros, comparativ cu pereții, pentru stabilitate (pl. XVIII, 1.2.4). Cănille sunt cu corpul bombat, având urme de ardere secundară (pl. XVIII, 3). Castroanele au o formă tronconică cu buza dreaptă, ușor trasă în interior, iar pereții și fundul sunt groși (pl. XXII, 2). Excepție face un fragment dintr-un corp de vas care este acoperit cu un smalț verde (pl. XXIII, 1). Asemănător celor din interiorul cuptoarelor, și aceste fragmente nu prezintă decoruri și se datează în sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII.

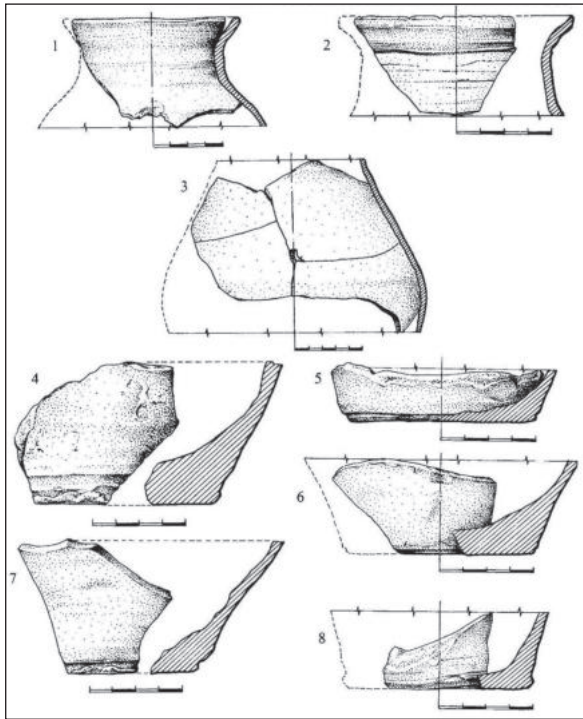
Pl. XVI: 1, 2, inel sigilar din argint (foto și desen) descoperit în nivelul aflat deasupra cuptoarelor. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*). Secolele XVII-XVIII.

Pl. XVII. Ceramică lucrată la roată de culoare cărămidie-roșie, decorată cu linii albe pictate (căzătura C1): 1, 2, cinci fragmente provenind de la patru vase de provizii cu buza evazată și corpul bombat (desen și fotografie). Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII.

Alte argumente în sprijinul acestei datări, îndeosebi pentru cuptoare, sunt cele cinci fragmente ceramice de culoare cărămidie-roșie, ornamentate cu câte trei linii albe pictate, urmate de linii groase vălurite pictate în alb (pl. XVII, 1.2). Provenind de la trei vase diferite, de dimensiuni mari, probabil de provizii, fragmentele au buzele evazate și una este pictată cu alb (doar cel mare). Astfel de motive ornamentale se întâlnesc pe ceramica fragmentară găsită în Groapa cu frescă de la Episcopia Romanului (Ursachi 2008, 137, pl. 55, 1-3; 140, pl. 58, 1-5; 141, pl. 59, 1-3.6-8; 232, pl. 150, 1-4; 233, pl. 151, 1-5), datată în sec. XVI-XVII și pe cea din așezările de la Buhalnița-Hangu (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 257.479, fig. 135, 4-6.8.10-11.13) și Traian-Zănești (jud. Neamț) (Bichir 1967, 318, fig. 3, a-b), specifică sec. XVII. De altfel, pictura cu humă albă pe ceramica de uz comun de culoare roșie este bine reprezentată în multe așezări din Moldova secolului XVII (Zaharia, Petrescu-Dîmbovița, Zaharia 1970, 22-23.36), fiind o tehnică decorativă generalizată încă din perioada anterioară (sec. XVI) (Slătineanu 1958, 104). O gamă variată a motivelor respective poate fi observată pe vasele comune (străchinii, farfurii) găsite la cuptoarele medievale (sec. XVII-XVIII) descoperite la Orașul de Floci (jud. Ialomița) (Păunescu 1998-2000, 180-186, fig. 3; 4, a-b).

2. Ceramică fină are mai mult nisip în compoziția pastei și este de culoare cărămidie, maronie și neagră. Ca tipuri ceramice s-au distins vasele borcan (oalele), cănille, cănițele și străchinile. Oalele cărămizii au pereții subțiri, buza evazată, corpul puternic bombat și fundul drept (pl. XIX, 1.8; XXII, 5.6; XXIII, 5.6; XXIV, 2-5). Cănille au buza evazată și corpul bombat, cu pereții subțiri (pl. XIX, 2; XXII, 3). Cănițele sunt de dimensiuni mici, cu buza evazată și corpul bombat (pl. XIX, 7). Străchinile au buza dreaptă și corpul tronconic (pl. XXIII, 2). Pe ceramica cărămidie se întâlnesc

Pl. XVIII. Ceramică lucrată la roată, de culoare cărămizie (1, 3, 4), maronie (2) sau neagră (5-8) descoperită în căzătura C1 și a nivelului ce-l suprapune: 1,2,4, fragmente de vase borcan cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, ușor îngroșat; 3, fragment de cană cu urme de ardere secundară; 5-8, funduri de vase borcan, drepte, groase și cu pereții subțiri. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII (1-4) și XVIII-XIX (5-8).

decoruri formate din brăuri mici, simple sau duble, cu creștături realizate cu roțița, ca niște ghirlande (pl. XIX,3-6; XXIV,1), mai rar fiind aplicat decorul lustruit (pl. XIX,9).

În cazul ceramicii negre decorurile sunt alcătuite din linii lustruite sau din linii scurte verticale ori puncte incizate făcute cu roțița. Vasele borcan au buza evazată, corpul bombat și fundul drept, gros comparativ cu pereții, uneori fiind prevăzute cu câte o toartă (pl. XVIII,5-8; XXI,1.3; XXII,4; XXIII,10). Străchinile sunt tronconice, negre, cu buza puțin evazată, iar perețiidecorați cu câte trei linii circulare ușor incizate (pl. XXII,1). Ca motive decorative se întâlnesc liniile vălurite executate cu roțița (pl. XX,1-9; XXIII,4) sau cercurile, liniile verticale lustruite ori liniile circulare incizate situate la gât, pe torți sau pe corpul vaselor maronii și negre (pl. XXI,2.4-7; XXIII,3.7-9).

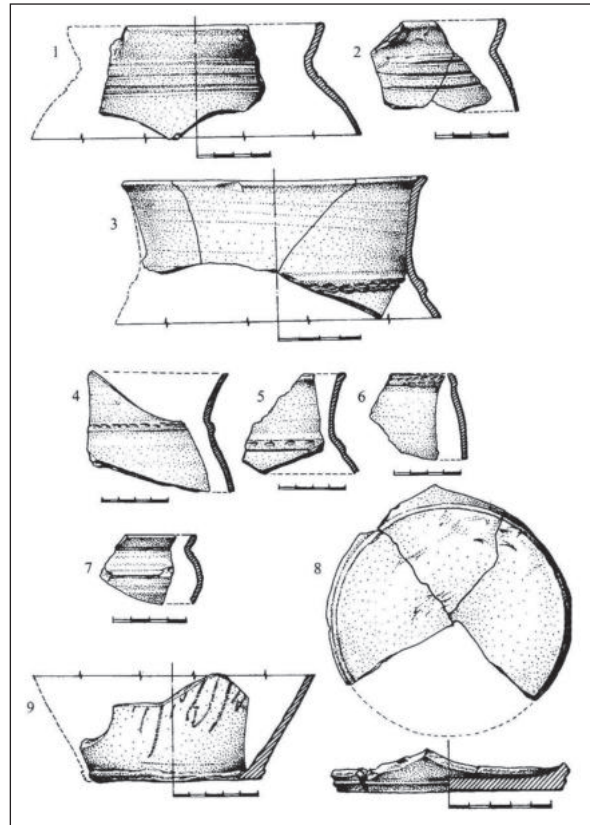
Cronologic fragmentele cărămizii, maronii și negre (nedecorate și cu fundul gros sau ornamentate cu roțița) se încadrează în sec. XVIII-XIX, iar cele negre (decorate cu linii lustruite și cu fundul subțire) în veacul XIX.

Alte obiecte precum o fusaiolă și un cuțit.

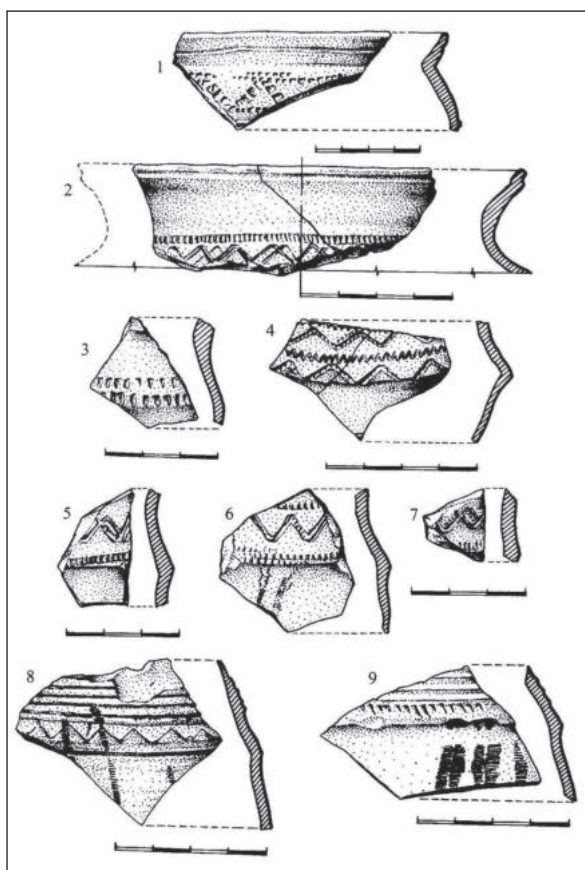
1. Fusaiolă din lut, fragmentară, lucrată la roată, de formă bitronconică. Restaurat, obiectul (nr.inv. 44003) este de culoare gălbui-cărămizie și are o mică deviație din fabricație. Dimensiuni: 2 cm înălțime x 3 cm diametru (pl. XV,4). Datare în sec. XVII-XVIII.

2. Cuțit păstrat întreg (nr.inv. 43995) cu lama triunghiulară în secțiune și cu vârful rotund. Plăselele obiectului nu s-au păstrat în timp, însă mai are încă trei nituri de prindere. Fabricat din fier, prin turnare, unealta are lama despărțită de mâner printr-un tub circular, decorat cu două rânduri de câte două linii circulare orizontale (pl. XV,3). Dimensiuni: 25 x 2 cm. Similar exemplarului anterior, acesta este mai lung cu 1 cm și mai bine conservat. Datare: sec. XVIII-XIX.

În materialul adunat se observă că o parte este corespunzătoare nivelului cultural specific cuptoarelor, iar cealaltă stratului cultural mai recent, de deasupra instalațiilor respective. Am selectat acest material arhe-

Pl. XIX. Ceramică lucrată la roată de culoare cărămizie găsită în căzătura C1 și a nivelului situat deasupra: 1,3-6,8,9, fragmente de vase borcan cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, unele decorate la gât cu nervuri ori cu mici creștături (ghirlande), pe unul sau două șiruri sau cu linii vălurite lustruite; 2, fragment de cană cu buza evazată, corpul bombat și ornamentat cu nervuri; 7, fragment de căniță cu buza evazată și corpul bombat. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX.

Pl. XX. Ceramică făcută la roată de culoare neagră descoperită în căzătura C1 și din nivelul ce-l suprapune: 1-9, fragmente de vase borcan cu buza evazată și corpul bombat, ornamente cu linii scurte verticale, oblice, verticale executate cu roțița și îmbinate cu linii orizontale sau verticale lustruite. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX.

ologic deoarece s-a amestecat în momentul prăbușirii terasei. Primului nivel îi corespunde ceramica grosieră, fără decoruri, inclusiv fusaiola, produsă cu siguranță într-unul dintre cuptoare, iar ceramica fină, cu pereții subțiri acoperiți de ornamente, este specifică celui de-al doilea strat, mai nou.

După ceramica descoperită în cele două niveluri stratigrafice se poate remarca o diferență privind tipologia vaselor, astfel dacă pentru sec. XVII – prima parte a sec. XVIII avem doar vase borcan, căni și castroane, pentru perioada ulterioară, a doua jumătate a sec. XVIII – prima jumătate a secolului XIX, la recipiente amintite se adaugă cânițele, străchinile și vase mari (de provizii sau pentru păstrat apa).

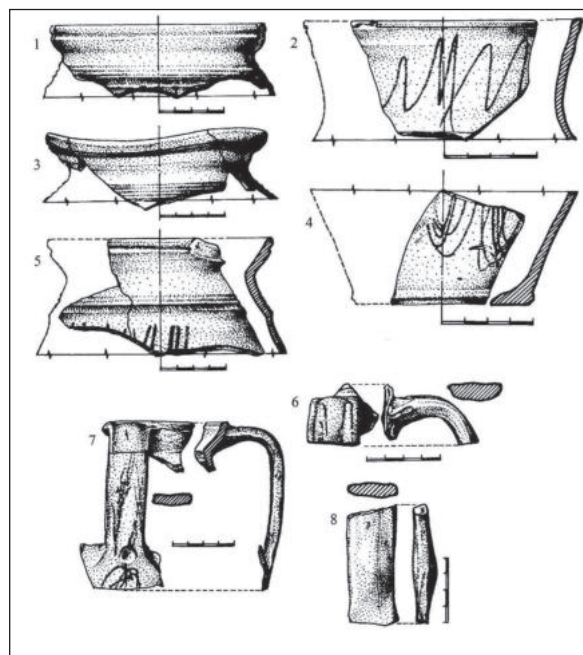
* * *

Interpretări istorico-arheologice

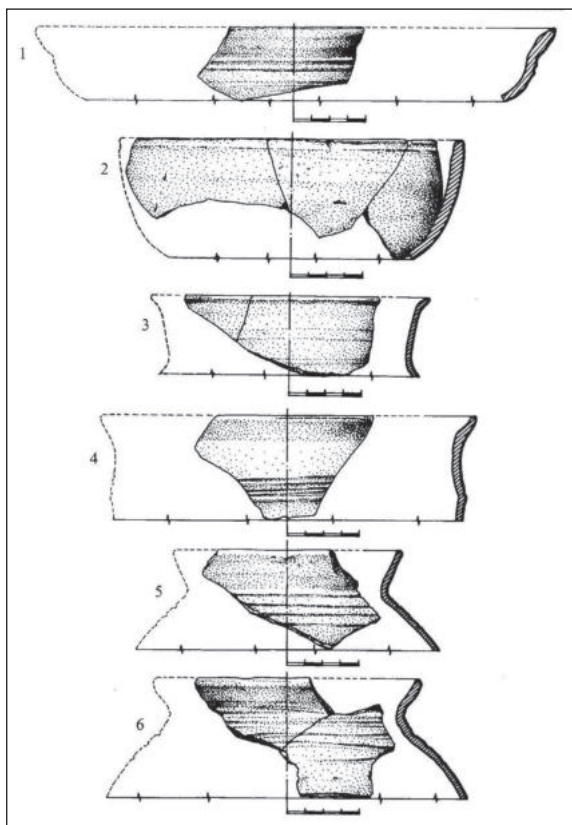
Pe parcursul prezentării materialelor arheologice ne-am rezumat la o datare *grosso-modo*, însă acum, după finalizarea descrierii obiectelor trecem la îmbina-

rea datelor arheologice cu cele documentare. În vederea stabilirii unei cronologii mai exacte pentru ceramica fabricată local și utilizată de către locuitorii satului Glodeni, am ținut seamă de analogiile cu alte situri similare, dar ne-am îndreptat atenția și asupra izvoarelor scrise. Astfel, prima mențiune documentară este din prima parte a sec. XV, din timpul fiilor lui Alexandru cel Bun (Cihodaru 1975, 215), iar existența sa este estimată până spre prima jumătate a sec. XIX, când satul cunoaște dese separări sau contopiri cu moșiile din preajmă (Moldoveanu 1991, 488-489), una dintre ele fiind Chiliile, unde de altfel și oamenii locului spun că „s-a mutat” vechiul sat Glodeni.

Prin asocierea informațiilor documentare cu argumentele arheologice (materialul ceramic găsit în buza terasei) propunem o datare *grosso-modo* a nivelului de locuire sincron perioadei de funcționare a cuptoarelor în sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII (aproximativ 125-150 ani), iar stratul de deasupra – din a doua jumătate a sec. XVIII până spre primul sfert, poate jumătatea veacului XIX (circa 85-100 de ani). În cazul ceramicii mai recente, cea de culoare cărămizie și maronie, cu pasta fină și pereții subțiri, datarea este mai

Pl. XXI. Ceramică lucrată la roată de culoare neagră găsită în căzătura C1 și din nivelul de deasupra: 1,3,5, buze de vase borcan, evazate, uneori strâmbe din fabricație, decorate prin lustruire; 2,4, fragmente de căni cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, ornamente cu linii vârluite lustruite; 6-8, torți plate de la căni sau vase borcan care păstrează amprenta digitală și decorul lustruit. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XIX.

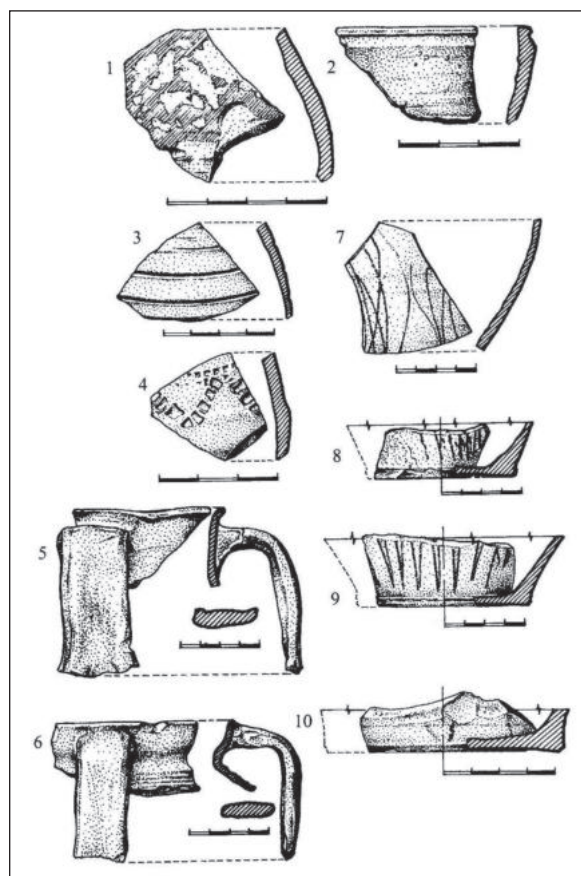
Pl. XXII. Ceramică lucrată la roată de culoare cărămizie (2, 3, 5, 6) sau neagră (1, 4) descoperită în căzătura C2 și în nivelul situat deasupra: 1, fragment grosier de strachină cu buza evazată și corpul tronconic, decorat cu două nervuri; 2, fragment de castron cu buza dreaptă trasă la interior și corpul ușor rotunjit; 3, buză evazată de cană; 4-6, fragmente de vase borcan cu buza evazată și corpul bombat, ornamentat cu linii sau cu cercuri concentrice incizate. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII-XVIII (2) și XVIII-XIX (1, 3-6).

largă, pentru sec. XVIII – prima jumătate a veacului XIX, iar pentru cea neagră, cu pasta fină și pereții subțiri, datarea corespunde primei jumătăți a sec. XIX.

Deși satul Glodeni este menționat din prima jumătate a sec. XV, stratul medieval al cuptoarelor începe doar din sec. XVII, întrucât în interiorul instalațiilor de ars oale nu s-au găsit fragmente din perioada veacurilor XV-XVI. În sprijinul datării cuptoarelor, ca punct principal de reper, apelăm la fragmentele de vase mari, de culoare cărămizie-roșie, ornamentate cu linii albe pictate (pl. XVII, 1.2 – C1) și la fragmentul de vas borcan smălțuit cu verde (pl. XXIII, 1 – C2), descoperite în preajma instalațiilor respective și care corespund cronologic secolului XVII. Analogiile oferite pe parcurs susțin cronologia propusă. De altfel, formele acestor vase de uz comun, de la Glodeni, au stat la baza tipologiei vaselor actuale, fiind „rădăcinile” ceramicii po-

pulare din zilele noastre. Analiza ceramicii medievale indică finalizarea procesului de „stabilire a formelor” (Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003, 206), tipuri observate și astăzi îndeosebi în partea de nord a Moldovei, unde există centre de producere a olăriei locale.

În delimitarea celor două straturi culturale un rol important l-a avut și prezența inelului sigilar din argint, care începe să fie utilizat din a doua jumătate a sec. XVII/început de XVIII, fapt ce a înlesnit stabilirea cronologiei stratigrafice, oferind un punct de delimitare. De altfel, nu excludem nici posibilitatea ca acest inel să fi fost purtat mai târziu, așa cum au circulat multe alte obiecte timp îndelungat după producerea lor sau după răspândirea modei respective. Ca urmare și stabilirea ipotetică a limitei nivelurilor de suprapunere la începutul – maxim mijlocul sec. XVIII. Exceptând ceramica, restul obiectelor au fost lesne datate prin asociere cu

Pl. XXIII. Ceramică lucrată la roată din căzătura C2 și a nivelului ce-l suprapune: 1, fragment de vas borcan smălțuit cu verde; 2, buză de strachină de culoare cărămizie; 3, fragment de vas borcan de culoare maronie, decorat cu cercuri concentrice incizate; 4, fragment de vas borcan de culoare neagră, ornamentat cu roțița; 5, 6, torți de vase borcan de culoare cărămizie; 7-10, fragmente de vase borcan de culoare neagră, decorate cu linii verticale lustruite. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVII (1), XVIII-XIX (2-6) și XIX (7-10).

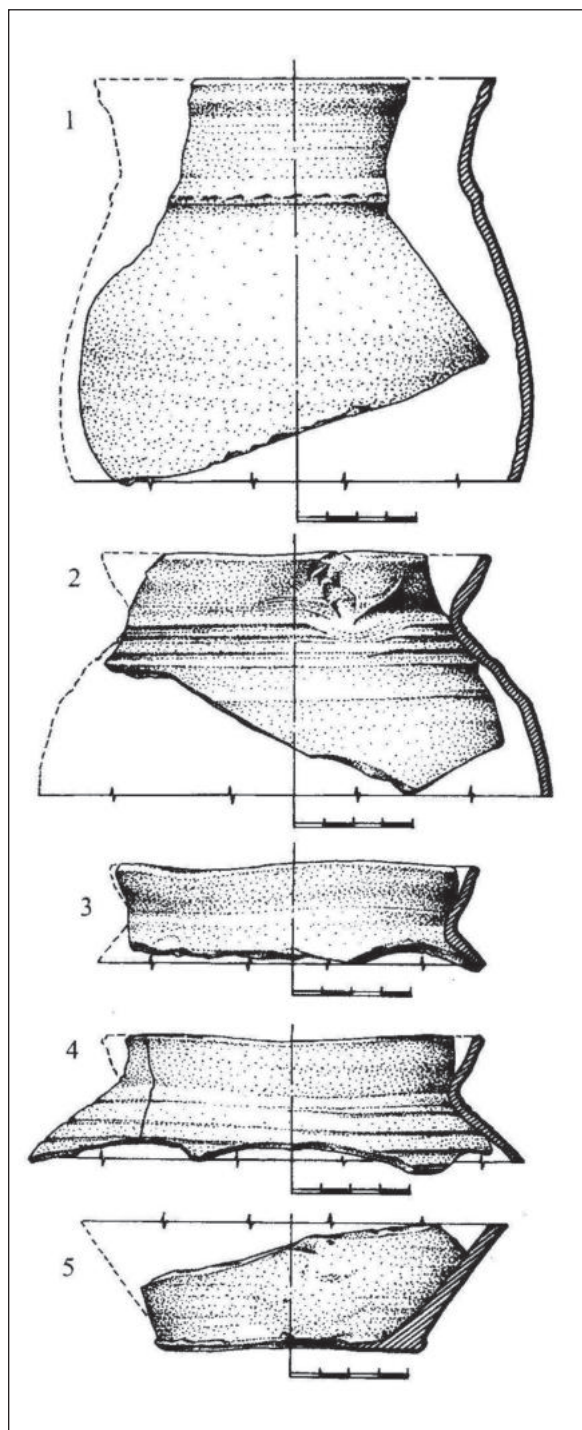
cele lângă care s-au găsit și în primul rând potrivit nivelului în care erau situate. În altă ordine de idei, lama de cuțit, bucata de zgură ceramică, piatra de ascuțit descoperite între cele două cuptoare și fusaiola găsită în căzătură corespund nivelului instalațiilor de foc, adică sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII, iar inelul, catarama, cuțitele, plăseaua, recipientele din sticlă, cuiele se încadrează în nivelul atribuit celei de-a doua jumătăți a sec. XVIII și primei părți a sec. XIX.

Din totalul fragmentelor ceramice nu s-a reușit restaurarea vreunui vas ceramic, însă o parte din celelalte obiecte s-au găsit întregi (cuțitele, cuiele) ori au putut fi restaurate și conservate (inelul, fusaiola).

Potrivit izvoarelor scrise, dublate de cele arheologice, satul Glodeni și locuitorii acestuia au dăinuit o perioadă îndelungată, din prima jumătate a sec. XV și până în prima jumătate a sec. XIX; așadar, timp de patru secole zona respectivă a fost locul de desfășurare al vieții cotidiene și spirituale. De altfel, chiar în preajma cuptoarelor (la maxim 1,10 m distanță), în stratigrafia terasei, în nivelul corespunzător instalațiilor de foc, se observă conturul unei locuințe adâncite (de formă neregulată), care ar putea fi chiar locuința-atelier a meșterului olar și a familiei acestuia. Din cauza prăbușirii terasei, nivelul locuinței s-a adâncit cu mult față de cel al cuptoarelor, fiind la 1,20 m adâncime față de nivelul de călcare, care este mai jos comparativ cu cel de deasupra instalațiilor de foc. În interiorul locuinței (notată L), ce se conturează stratigrafic, este și un fragment dintr-o crustă de vatră, probabil cuptorul din casă folosit ca sursă de foc pentru prepararea hranei și în scopul încălzirii casei. Conform stratigrafiei, lungimea locuinței putea ajunge la 2,60 m, așadar încăpătoare, unde puteau fi puse și rafturile de depozitare a vaselor proaspăt arse. Deși pare fără argumente concrete, această ipoteză ar putea fi plauzibilă dacă vom reuși să aducem mai multe amănunte legate de acest nou complex închis, amplasat în apropierea cuptoarelor. Totuși, pentru a reuși să strângem aceste informații utile trebuie să apelăm, pe viitor, la o săpătură sistematică, poate chiar de salvare (preventivă), deoarece terasa se află expusă oricând pericolului prăbușirilor de noi falii de pământ.

Ceramica și diversele obiecte descoperite denotă o febrilă activitate casnică din partea celor care aveau în grijă cuptoarele, pe lângă olărit, practicat de bărbați, femeile și copii puteau aduce lutul în vederea prelucrării, să care apă de la pârâu și să se ocupe de tors, țesut, coaserea hainelor. Până la cercetarea acestei locuințe am recurs la mici presupuneri legate de posibilul ei rol în angrenajul comunității respective.

După cca 125-150 de ani cele două cuptoare își încetează activitatea, din diverse motive (dispariția meșterilor, ineficiență sau lipsa comenzilor) renun-

Pl. XXIV. Ceramică lucrată la roată de culoare cărămizie (1,2,5) sau maronie (3,4), descoperită în căzătura C2 și în stratul de deasupra: 1-5, fragmente de vase borcan cu buza evazată, corpul bombat și fundul drept, uneori decorate la baza gâtului cu mici creștături pe orizontală (ghirlande) sau cu cercuri concentrice incizate. Chilii-Valea Ursului (punctul *Glodeni-La Cuptoare*), sec. XVIII-XIX.

țându-se pașnic la ele, însă terasa pârâului Glodeni continuă să fie locuită și ca dovadă avem acele diverse obiecte utilizate de cei noi stabiliți, precum vase din sticlă, unelte casnice și piese vestimentare. Totodată, majoritatea vaselor din sec. XVIII și prima jumătate a sec. XIX dispun de urme de ardere secundară, fapt ce indică folosirea lor în gospodărie, probabil la pregătirea hranei.

Locuirea satului Glodeni timp de 400 ani nu ne surprinde, deoarece pe întreaga terasă a pârâului, de-o parte și de alta pe direcția cursului, am identificat noi așezări medievale, ai căror membri au fost contemporani cu cei din preajma cuptoarelor. Nu știm încă cât se întindea satul Glodeni, întrucât în spatele cuptoarelor am găsit doar ceramică sporadică, fapt ce sugerează că instalațiile de ars vase se aflau la marginea așezării, pentru a fi mai aproape de materia primă (lut și apă), iar satul era ceva mai departe, poate în latura opusă cuptoarelor. Însă, cu certitudine bazinul aceluiași pârâu a fost locul preferat de multe comunități medievale. Unul dintre siturile cele mai apropiate de așezarea comunității posesoare a cuptoarelor se află

în laterala acesteia, la cca 120-150 m distanță, semnalat prin câteva fragmente ceramice (a doua parte a sec. XIX), dar mai ales prin prezența unei vetre de cuptor în ruptura terasei. Acest nou vestigiu a intrat în atențiile noastre un an mai târziu, cu prilejul altor cercetări de suprafață, și s-a dovedit a fi o instalație de foc din sec. XIX. Așadar, posibil ca aici, la mică distanță de primele cuptoare, să se fi așezat alte generații, urmașii celor care au stat în zona cuptoarelor și celor ce le-au urmat. De altfel, acest perimetru pare să fi fost locuit de generații înrudite, primele s-au ocupat cu olăritul (sec. XVII – maxim prima jumătate a sec. XVIII), următoarele au rămas aproximativ în aceeași zonă (mijlocul sec. XVIII – începutul/maxim mijlocul sec. XIX), iar ultimele s-au stabilit oarecum în lateral, în dreptul vetrei cuptorului casnic (a doua jumătate a sec. XIX), situat la circa 120-150 m distanță de vechile cuptoare.

Imaginea locuirii bazinului Glodeni va fi completă abia după parcurgerea întregii sale suprafețe, când vom putea emite mai multe ipoteze privind modul de viață al comunităților trecute.

Bibliografie

- Bichir 1967:** Gh. Bichir, Urme de locuire din epoca feudală la Traian-Zănești. *SCIV*, t. 18, 2, 1967, 313-326.
- Cihodaru 1975:** Documenta Romaniae Historica, seria A Moldova, vol. I (1384-1448), volum întocmit de C. Cihodaru (București 1975), 215, nr. 156 (document original).
- Hânceanu 2010:** G.D. Hânceanu, Așezări dacice descoperite în județul Neamț, prin periegeze arheologice. Suceava XXXVII, 2010, 99-132.
- Hânceanu 2011:** G.D. Hânceanu, Un inel medieval descoperit la Chilii-Valea Ursului (jud. Neamț). In: Din istoria orașului Roman: 619 ani de la prima atestare documentară (București 2011), 5-8.
- Moldoveanu 1991:** Tezaurul toponimic al României, vol. I: Repertoriul istoric al unităților administrativ-teritoriale 1722-1988, partea 1. A. Unități simple (Localități și moșii), A-O, coordonator D. Moldoveanu (București 1991), 488-489.
- Păunescu 1998-2000:** Anca Păunescu, Cuptoare medievale de ars ceramica descoperite la Orașul de Floci, județul Ialomița. CA XI (partea I), 1998-2000, 175-187.
- Petrescu-Dîmbovița, Spinei 2003:** M. Petrescu-Dîmbovița, V. Spinei (coordonatori), Cercetări arheologice și istorice din zona lacului de acumulare Bicaz (Piatra-Neamț 2003).
- Slătineanu 1958:** B. Slătineanu, Ceramica feudală românească (București 1958).
- Ursachi 2008:** V. Ursachi, Episcopia Romanului. Cercetări arheologice (Roman 2008).
- Zaharia, Petrescu-Dîmbovița, Zaharia 1970:** N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmbovița, Emilia Zaharia, Așezări din Moldova. De la paleolitic până în secolul al XVIII-lea (București 1970).

George Dan Hânceanu, doctor în istorie, muzeograf-arheolog la Muzeul de Istorie Roman – Complexul Muzeal Județean Neamț, str. Cuza-Vodă, 19, cod. 611009, Roman, jud. Neamț, România; e-mail: georgehanceanu@yahoo.com.

CERCETĂRILE ARHEOLOGICE DIN SITUL MEDIEVAL DE LA LOZOVA-LA HOTAR CU VORNICENII. REZULTATE PRELIMINARE

Vlad VORNIC, Ion URSU, Chișinău, Ludmila BACUMENCO-PÎRNĂU, Radu PÎRNĂU, Iași,
Larisa CIOBANU, Chișinău

Autorii prezintă datele esențiale privind cercetările din anii 2010 și 2011, efectuate în situl arheologic cu mai multe orizonturi cultural-cronologice de la Lozova-La hotar cu Vornicenii. Cele mai vechi resturi de cultură materială semnalate datează din evul mediu timpuriu (sec. VI-VII), fiind reprezentate printr-un complex adâncit prevăzut cu o instalație de foc, o fusaiolă, mai multe fragmente de vase lucrate cu mâna și resturi faunistice. Al doilea orizont cultural-cronologic aparține perioadei de dominație a Hoardei de Aur (prima și a doua treime a sec. XIV) și este documentat prin cioburi de recipiente de lut, bucăți de vase de fontă, un lacăt de fier și oase de animale. Ultimul orizont arheologic corespunde perioadei statului medieval moldovenesc (a doua parte a sec. XIV – sec. XV), fiind reprezentat prin cioburi răzlețe specifice așezărilor acestei epoci și printr-un cimitir cu morminte de înhumatie. Cele 54 morminte identificate până în prezent aparțin unei comunități locale; toți decedații (maturi și copii) au fost înhumați potrivit ritualului tradițional creștin: pe spate, cu capul spre vest și picioarele întinse, iar brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe abdomen, piept sau pe umeri. Inventarul funerar este în general sărac, în câteva morminte descoperindu-se câte două-trei piese vestimentare sau de podoabă: nasturi sferoidali, verigi de tâmplă, inele de argint și bronz, un cercel de argint, mărgelile din pastă sticloasă și coral, piese care indică perioada de utilizare a cimitirului în sec. XIV-XV. Acest ansamblu arheologic, alcătuit din așezare și cimitir, este amplasat la hotarul dintre comunele actuale Lozova și Vorniceni, într-o zonă unde în timpul domniei lui Alexandru cel Bun a existat, presupunem, satul Săcăreni, dăruit împreună cu Lozova, Vorniceni și alte șapte sate de pe valea Bucovățului la 25 aprilie 1420 de voievodul Alexandru cel Bun boierului Oană vornic „pentru dreaptă și credincioasă slujbă”.

Археологические исследования средневекового памятника у ком. Лозова-Ла хотар ку Ворниченый. Предварительные результаты. Авторы представляют основные итоги археологических исследований 2010-2011 гг., проведенных на многослойном памятнике у ком. Лозова-Ла хотар ку Ворниченый. Самые древние остатки материальной культуры датируются ранним средневековьем (VI-VII вв.) и представлены углубленным комплексом с печкой-каменкой, пряслицей, фрагментами лепной керамики и костей. Второй культурно-хронологический горизонт соответствует периоду господства Золотой Орды (первая и вторая трети XIV в.). Он документирован фрагментами гончарных глиняных и чугунных сосудов, железным замком и костями животных. Последний археологический слой – периода молдавского средневекового государства (вторая половина XIV – XV в.), который представлен спорадическими фрагментами керамики, характерной для поселений данной эпохи, и кладбищем с ингумациями. Все выявленные до сих пор 54 погребения принадлежат местному населению. Усопшие (взрослые и дети) были похоронены в соответствии с традиционными христианскими обрядами: на спине, головой на запад, ноги прямые, руки согнуты в локтях, кисти уложены на животе, груди или плечах. Погребальный инвентарь в общем бедный, лишь в некоторых захоронениях обнаружены по две-три находки из категории деталей одежды или украшений: сфероидальные пуговицы, височные кольца, серебряные и бронзовые кольца, серебряная сережка, бусы из стеклянной пасты и коралла, датирующиеся XIV-XV вв. Археологический комплекс у ком. Лозова, состоящий из поселения и некрополя, расположен на границе землевладений данного населенного пункта и соседней ком. Ворничень. В этой зоне, предполагаем, в период правления молдавского господаря Александра Доброго находилось село Сăcăренъ, дарованное вместе с Лозова, Ворничень и другими семью селами долины реки Буковэц воеводой Александром Добрым 25 апреля 1420 г. бояру Оанэ ворнику «за верное и преданное служение».

Archaeological research in medieval site from Lozova - On the Border with Vorniceni. Preliminary results. The authors present key data on archaeological research from 2010 and 2011 years, made in an archaeological site with many cultural and chronological horizons from Lozova - On the Border with Vorniceni. The oldest reported remains of material culture date from the early Middle Ages (VI – VII century), being represented by a deepened complex equipped with a fire installation, a spindles, several fragments of made by hand vessels and faunal remains. The second cultural horizon chronologically corresponds to the Golden Horde domination period (the first and the second third of the XIVth century) and is documented by crocks of pottery, pieces of cast iron vessels, an iron padlock and animal bones. The last archaeological horizon corresponds to Moldavian medieval state period (the second part of the XIV-th – XV-th centuries), being represented by scattered fragments specific to this epoch settlements and by a cemetery with graves for inhumation. The 54 graves, so far identified, belong to a local community; all deceased (adults and children) were buried according to the traditional Christian ritual: back, head stretched westward and legs outstretched, arms bent at the elbows, hands resting on the abdomen, chest or shoulders. Funerary inventory is generally poor, in some graves only two or three pieces of clothing or jewelry being discovered: spheroidal buttons, head rings, silver and bronze rings, a silver earring, glass pulp and coral beads, pieces indicating that the cemetery was used in the period of XIV-XV century. This archaeological ensemble consisting of a settlement and a cemetery is located on the border between the current villages Vorniceni and Lozova in an area, where during the reign of

Alexander the Good (Alexandru cel Bun), Săcăreni village is assumed to exist. At April 25, 1420 Prince Alexander the Good endowed it, together with Lozova, Vorniceni and other seven villages from Bucovat valley, to vornic (governor) Oana for "just and faithful service".

Key words: Lozova, archaeological site, cultural horizon, necropolis, Middle Age

I. Introducere

Localitatea Lozova a intrat în istoriografia istorico-arheologică la sfârșitul anilor 50 ai secolului trecut, prin identificarea și cercetarea parțială a unei importante așezări medievale rurale din perioada stăpânirii Hoardei de Aur (sec. XIV). Aceasta se află la marginea de E a satului, în microzona numită de localnici *Oaňa*, pe ambele maluri ale unei văgăuni prin care curge un pârâu ce se varsă în râul Bucovăț. Așezarea la care ne referim a fost descoperită întâmplător în anul 1958, când în unul din malurile surpate ale ravenei au ieșit la iveală mai multe vestigii arheologice. Doi ani mai târziu, I. Rafalovič a efectuat aici un sondaj documentar restrâns, scoțându-se la lumină câteva complexe și materiale de valoare științifică deosebită – două cuptoare de olărie cu reverberație, un bordei, un tezaur cu monede de argint și bronz ș.a. (Рафалович, Полевой 1964, 241-247). Astfel, chiar de la începutul prospectării sale, așezarea medievală de la Lozova-*Oaňa* se profila a fi unul dintre cele mai interesante situri arheologice de pe teritoriul Republicii Moldova, având o importanță aparte pentru cunoașterea realităților etnico-demografice și culturale din deceniile premergătoare extinderii Țării Moldovei la răsărit de Prut. Cu toate acestea, și în pofida faptului că fiind acoperită în parte de grădini și construcții gospodărești, se afla sub pericolul real al distrugerii, situl arheologic medieval de la periferia estică a comunei Lozova, în anii care au urmat n-a mai fost cercetat prin săpături sistematice, iar materialele arheologice obținute din primul sondaj n-au fost valorificate corespunzător, unele rămânând inedite.

O altă așezare medievală datând din aceeași perioadă a dominației tătar-mongole a fost semnalată pe teritoriul comunei Lozova în anul 1969 de către Pavel Bârnea, cu ocazia efectuării unor recunoașteri arheologice de teren (Полевой, Бырня 1974, 33-34). Înscris în literatura de specialitate cu numele de *Vorniceni I*, acest sit arheologic este situat la cca 0,9 km E de marginea localității Lozova și la cca 0,7 km V de satul Vorniceni, în capătul estic al microzonei *Oaňa*, la baza pantei unui deal din partea dreaptă a râului Bucovăț. În toamna anului 2006 stațiunea în discuție, denumită de noi Lozova-La hotar cu Vornicenii, a fost prospectată prin cercetări de suprafață de Ion Ursu, prilej cu care

a fost recoltată o bogată colecție de ceramică caracteristică pentru secolele XIV-XVII și a fost identificat un mormânt de înhumatie aflat în pericol de distrugere de lucrările agricole. Pentru dezvelirea și cercetarea acestui complex funerar, în primăvara anului următor o echipă de arheologi de la Centrul de Arheologie al IPC AȘM s-a deplasat la fața locului și a executat un mic sondaj arheologic¹. Investigațiile au arătat că, în afara craniului, distrus în parte de fierul plugului modern, restul scheletului, care aparținea unui individ adult, s-a păstrat intact, fiind depus într-o groapă de formă aproximativ trapezoidală, în decubit dorsal, cu capul orientat spre V, mâinile așezate pe abdomen și picioarele întinse și paralele. Singurul element de inventar îl constituia un ciob de vas din pastă gălbuie-roșiatică, tipic epocii Hoardei de Aur, aflat pe fundul gropii mortuare. Pe baza formei gropii, a orientării și poziției defunctului, precum și a altor indicii, mormântul descoperit a fost atribuit unui creștin din epoca medievală, fără să se poată stabili însă precis dacă complexul reprezintă o înmormântare izolată, face parte dintr-un grup de morminte ori dintr-un cimitir mai mare.

Luând în considerație valoarea științifică specială a descoperirilor făcute în siturile medievale de la Lozova, îndeosebi în cel din marginea de est a localității, și având în vedere împrejurarea că ambele complexe se află sub pericolul distrugerii, se impunea imperios salvagardarea vestigiilor și realizarea unei cercetări arheologice sistematice în limitele obiectivelor în discuție.

Inițierea cercetărilor arheologice sistematice și din perspectiva interdisciplinară a fost posibilă datorită obținerii unei finanțări din partea Academiei de Științe a Moldovei pentru perioada anilor 2010-2011, prin proiectul științific pentru tinerii cercetători „*Cercetarea arheologică a așezării rurale de la Lozova din perioada constituirii statului medieval moldovenesc*”. Cercetările din cadrul proiectului au urmărit mai multe obiective: determinarea caracteristicilor principale ale sitului medieval, clarificarea cronologiei, precum și alte aspecte de natură socio-economică și culturală referitoare la această așezare rurală medievală de pe malul drept al Bucovățului. Un obiectiv aparte l-a constituit elucidarea chestiunii dacă mormântul creștin descoperit recent este o înmormântare izolată sau face

¹ Componenta echipei: dr. V. Vornic, I. Ursu, dr. Nicolai Telnov, dr. Ludmila Bacumenco, L. Ciobanu, V. Iarmulski.

parte dintr-un cimitir medieval, iar dacă aparține unei necropole, cercetarea acesteia².

Înainte de demararea săpăturilor arheologice, la începutul lunii iulie 2010, pe suprafața sitului medieval au fost efectuate prospecțiuni magnetometrice de către un grup de cercetători, coordonat de dr. Vasile Cotiugă, în cadrul Platformei de Cercetare Interdisciplinară în Domeniul Arheologiei „Arheoinvest” (Facultatea de Istorie, Universitatea „Al.I. Cuza” Iași), prospecțiuni care urmează a fi valorificate din punct de vedere științific.

În lucrarea de față este făcută descrierea amănunțită a cercetărilor și analiza preliminară a materialelor arheologice recuperate.

II. Amplasarea geografică și caracteristicile solului

Localitatea Lozova este situată în partea central-vestică a Republicii Moldova, pe teritoriul actualului raion Strășeni, la circa 45 km vest de municipiul Chișinău.

Din punct de vedere geografic, arealul studiat ocupă o poziție central-nord-estică în cadrul Podișului Central Moldovenesc, pe versantul drept al râului Bucovăț, între localitățile Lozova și Vorniceni, la intersecția paralelei de 47°08'06.53"N cu meridianul de 28°23'06.73"E (fig. 1).

Individualitatea geomorfologică a regiunii este dată de fragmentarea reliefului sub forma unor culmi interfluviale prelungi, orientate pe direcția NV-SE, separate de o rețea de văi consecvente, încadrate într-un ansamblu general de relief de cueste.

Structura geologică, alcătuirea petrografică și declivitatea versantului pe care se află amplasat situl arheologic reprezintă elementele principale care au stat la baza modelării reliefului actual și a proceselor geomorfologice ce acționează în arealul studiat. Alunecările de teren constituie principalele procese de modelare care afectează versantul drept al râului Bucovăț, acestea fi-

ind favorizate de energia mare de relief și de alternanța straterelor permeabile nisipoase cu strate impermeabile argiloase. Acest facies argilos basarabean constituit dintr-un pachet de strate cu caractere litologice distincte a fost observat și în timpul săpăturilor arheologice, în special în cazul secțiunilor II și III, care au intersectat depozite argiloase spre partea superioară a versantului și nisipoase spre cea inferioară.

Corpul de alunecare pe care se află amplasat situl este în prezent stabilizat, dar afectat pe suprafețe însemnate de eroziunea în suprafață, care, fiind accelerată și de actualele activități agricole, determină distrugerea sitului. Alunecările de teren recente prezente în partea superioară a versantului nu au afectat și arealul sitului, un indiciu în acest sens fiind și faptul că scheletele cercetate în timpul săpăturilor arheologice se aflau în poziție anatomică.

Solurile caracteristice zonei sunt cele de silvostepă, reprezentate prin cernoziom tipic și cernoziom cambic. La altitudini mai mari, deasupra satelor Lozova și Vorniceni, acolo unde precipitațiile sunt ceva mai ridicate, iar vegetația dominantă este cea forestieră, procesul de cambizare este înlocuit cu cel de argiloiluvieri, solurile tipice fiind cele cenușii, de pădure.

În ceea ce privește strict microzona sitului arheologic, morfologia complexă a terenului specifică unei alunecări de teren, cu un val de alunecare estompat, afectat de eroziune în suprafață și precedat la partea superioară de o zonă ușor depresionară cu exces de umiditate, a determinat o distribuție complexă și a tipurilor de sol. Caracteristicile învelișului de sol au fost analizate în timpul săpăturilor arheologice, descrierea morfologică a solului (orizonturi, culoare, structură etc.), fiind însoțită de prelevarea de probe de sol în vederea efectuării unor analize fizice și chimice. În tabelul 1 sunt prezentate rezultatele analizelor pentru probele de sol prelevate din secțiunea II, caroul 1.

Tab. 1. Cernoziom tipic (Secțiunea II, caroul 1, Lozova)

Oriz.	Adânc. (cm)	Culoare	pH	CaCO ₃ %	Humus %	Ntot %	P ppm	K ppm	Nisip %	Praf %	Argila %	Textura*
Am	0-27	10YR 2/1	7.47	-	3.84	0.195	117	399	26.7	22.0	51.3	AL
AB	27-42	1 0 Y R 3,5/2	7.56	1.08	4.05	0.207	426	286	27.2	23.6	49.2	AL
Ba	42-60	10YR 4/4	7.68	1.52	2.85	0.144	298	240	28.7	25.1	46.2	AL
Ck	60-90	10YR 5/6	7.76	5.42	-	-	-	-	30.4	26.1	43.5	TT
Cca ₁	90-110	10YR 5/6	7.89	16.60	-	-	-	-	39.1	24.1	36.8	TT
Cca ₂	110-130	10YR 7/4	7.75	9.82	-	-	-	-	35.5	25.6	38.9	TT

*AL-argilă lutoasă; TT-lut argilos.

² Datele arheologice mai relevante dobândite prin săpăturile executate în anii 2010 și 2011 în situl medieval de la Lozova au fost prezentate într-un articol sintetic (Bacumenco-Pîrnău, Ursu, Vornic 2011) și câteva comunicări, două rezumate ale acestora fiind și publicate (Bacumenco ș.a. 2010; Vornic ș.a. 2011). De asemenea, rezultatele științifice principale au fost diseminate în mass-media.

Fig. 1. Poziția geografică și topografia sitului.

Morfologia profilului și proprietățile chimice și fizice sunt specifice unui cernoziom tipic, cu mențiunea că partea superioară a solului prezintă caracteristici care indică intervenția antropică, posibil și de dată mai recentă, având în vedere faptul că în acest carou nu au fost identificate morminte. Astfel, valorile conținutului de humus și de azot total înregistrează o creștere atipică în adâncime în primii 50 cm, iar conținutul de fosfor și potasiu mobil prezintă valori foarte mari pe același interval. Chiar dacă valorile mari ale acestor elemente pot fi asociate unui procent mare de argilă (45-50%), îmbogățirea excesivă a solului în fosfor și potasiu poate fi și rezultatul unui aport de cenușă datorat incendiilor, a descompunerii resturilor animale și vegetale, a prezenței în proximitatea sitului a unor vechi gropi de gunoi menajer, vetre de foc etc.

Cernoziomul descris mai sus este caracteristic pentru cea mai mare parte a perimetrului sitului, cu mici diferențieri cauzate de eroziunea în suprafață care a condus la trunchierea solului.

Totodată, atenția noastră s-a îndreptat și spre analiza unor probe de sol prelevate din interiorul gropilor de înhumare, de la diferite adâncimi, inclusiv din interiorul scheletelor, din craniile etc., rezultatele acestor analize fiind prezentate în tabelul următor:

Tab. 2. Date analitice. Secțiunea III/2010

Nr. mormânt	Adâncime proba	pH	CaCO ₃ %	P ppm	K ppm	Nisip	Praf	Argilă	Text.
M.1	25-30	7,86	8,18	63	210	43,1	23,6	33,3	TT
M.1	45-50	8,04	11,50	34	229	29,4	28,8	41,8	TT
M.2	30-40	7,77	11,36	36	194	42,5	25,0	32,5	LL
M.3	35-45	7,66	2,00	59	226	40,8	24,0	35,2	TT
M.3	45-55	7,95	4,46	30	250	29,2	26,9	43,9	TT
M.3	55-65	7,85	8,24	27	230	30,8	24,0	45,2	TT
M.4	50-60	7,77	0,83	69	254	40,5	23,5	36,0	TT
M.6	60-70	7,48	1,89	57	293	35,2	27,2	37,6	TT
M.9	70-80	7,53	0,67	68	314	34,8	26,0	39,2	TT
M.9	60-70	7,19	-	192	300	28,8	29,5	41,7	TT
M.10	40-50	7,92	3,51	33	242	34,5	26,8	38,7	TT
M.11	40-50	7,99	5,34	195	223	35,5	27,1	37,4	TT
M.12	50-60	8,03	4,84	139	210	35,9	25,9	38,2	TT
M.13	40-50	7,71	0,50	277	261	40,0	24,0	36,0	TT
M.14	45-55	7,80	0,33	135	311	38,6	25,0	36,4	TT

Reacția solului este alcalină în cazul probelor prelevate (pH: 7,5-8), excepție făcând proba prelevată din interiorul craniului din M.9, în care de altfel și carbonații de calciu sunt absenți. Probele prelevate din carourile 3-10 au un conținut foarte redus de carbonați de calciu, în cazul acestora mormintele fiind săpate până deasupra nivelului carbonato-acumulativ. În ca-

zul mormintelor din carourile 10-15 (campania 2010), din cauza declivității terenului și implicit a eroziunii, fundul gropilor de înhumare apare la o adâncime mai mică (30-40 cm).

Ariditatea climatului determină o slabă levigare a sărurilor greu solubile (CaCO₃) și totodată o alterare slabă a părții minerale a solului, fără migrarea

fracțiunilor granulometrice mai fine (argila) în adâncime.

Valori mari ale conținutului de fosfor apar în cazul mormintelor din partea mediană a secțiunii (M.9, M.11, M.12, M.13, M.14), iar conținutul de potasiu este foarte mare în toate probele analizate. În general, fosforul și potasiul se găsesc în cantități mari în sol acolo, unde și materialul arheologic este abundent, motiv pentru care aceste elemente chimice pot constitui un indicator util în interpretarea arheologică.

În concluzie, datele analitice privind solul, coroborate cu datele obținute de antropolog, pot oferi informații valoroase privind influența unor proprietăți fizico-chimice ale solului asupra stării de conservare a oaselor.

III. Descrierea săpăturilor

Săpăturile arheologice din anii 2010 și 2011, precedate de prospecțiunile geomagnetice, au fost efectuate în situl arheologic medieval, care se află la cca 0,9 km E de satul Lozova, în capătul estic al microzonei *Oața*, la hotar cu vatra agricolă a comunei Vorniceni, cunoscut în literatură de specialitate cu denumirea de *Vorniceni I*. Acest sit arheologic, întrucât este amplasat în cea mai mare parte, dacă nu chiar integral, pe teritoriul comunei Lozova și pentru a nu fi confundat cu așezarea medievală Lozova-*Oața* (Lozova I) de la periferia satului, a fost denumit de noi Lozova-*La hotar cu Vorniceni* (fig. 1).

În ceea ce privește așezarea medievală descoperită și sondată de I. Rafalovici, înscrisă în circuitul științific cu denumirile de *Lozova I* și *Oața*, după cum am arătat mai sus, actualmente este acoperită de plantații de viță de vie sau de grădini și de construcții gospodărești. Din această cauză și neavând încă acceptul proprietarilor respectivi pentru a face intervenții asupra solului, așezarea Lozova-*Oața* nu a putut fi deocamdată cercetată de noi decât prin recunoașteri arheologice de teren.

La momentul demarării campaniei arheologice, cea mai mare parte a suprafeței sitului Lozova-*La hotar cu Vorniceni* era acoperită cu porumb și alte culturi anuale. Câteva porțiuni de teren, reprezentând loturi de pământ individuale aflate în proprietate privată, au rămas însă înțelenite, unele fiind acoperite și cu diferiți arbori și arbuști. În luna iulie a anului 2010, două dintre aceste fâșii de pământ, aflate în partea de est și centrală ale stațiunii, au putut fi prospectate magnetometric de echipa de specialiști „Arheoinvest” de la Universitatea „Al.I. Cuza” Iași, coordonată de dr. Vasile Cotiugă.

În legătură cu săpăturile arheologice, precizăm că acestea s-au desfășurat pe suprafața a patru secțiuni, notate S.I, S.II, S.III și S.IV, cu dimensiuni și for-

me diferite, însumând în total o arie de cca 300 m.p. Secțiunile au fost trasate în diferite sectoare ale sitului, două în cuprinsul primei fâșii de teren prospectate magnetometric, iar alte două la vest de zona investigată geomagnetic. Nici una dintre cele patru secțiuni nu a fost orientată strict după punctele cardinale N-S sau V-E, la trasarea lor fiind nevoiți să ținem cont de orientarea loturilor de pământ și a rândurilor de pomi, care coincid, de fapt, cu direcția pantei.

În ceea ce privește descrierea lucrărilor de pe suprafața secțiunilor trasate, menționăm că aceasta va fi făcută pe straturi de săpătură, de la nivelul solului vegetal spre pământul viu, așa cum a decurs cercetarea. Înmormântările, care reprezintă complexe cele mai numeroase, vor fi descrise și analizate separat.

La săpăturile propriu-zise se adaugă o prospecțiune de suprafață cu caracter de salvare în zona de sud-vest a necropolei medievale, efectuată în prima decadă a lunii mai 2011, unde au fost reperate și înregistrate 18 înmormântări de înhumatie, ale căror schelete erau răscolite și parțial scoase la suprafață prin lucrările agricole din toamna anului 2010.

A. CAMPANIA 2010. SECȚIUNILE I-III

Secțiunea I (fig. 2; 3) a fost trasată în zona de SE a sitului, într-un sector din marginea sud-estică a primei fâșii de teren prospectate magnetometric, pe un lot de pământ înțelenit aflat în pantă, având la suprafață rare fragmente de vase ceramice lucrate la roată din pastă gălbuie-roșiatică. Tot din această zonă s-au recuperat și două fragmente de fontă provenind de la un cazan tipic pentru epoca Hoardei de Aur (fig. 24,3)

Inițial, a fost deschisă o secțiune de forma unui șanț cu dimensiunile de 2x30 m, orientat pe direcția NV(320°)-SE, aproximativ de-a lungul versantului, care în acest loc este înclinat puțin. Secțiunea era compusă din 15 carouri de 4 m.p. fiecare, numerotate de la SE spre NV.

Ulterior, pentru dezvelirea integrală a unei locuințe adâncite, depistate în limitele car. 7-9, pe ambele laturi ale S.I au fost adăugate două casete mici, una, din partea de V, de 1x2 m și a doua de 1x4 m. Drept urmare, secțiunea a căpătat o formă neregulată și a atins o arie totală de 66 m.p.

Pământul din S.I s-a scos cu hârlețul în patru-cinci straturi succesive, cu grosimea de 0,20-0,25 m fiecare, ultimul strat, de control, fiind săpat în lutul viu. S-a constatat faptul că până la adâncimea de 0,35-0,45 m stratul arheologic a fost afectat de lucrările agricole, mai exact de fierul plugului modern.

Stratul I consta din pământ de culoare cenușiu-închisă cu resturi vegetale, în care s-a găsit un obiect inform de fier (casetă 2), un fragment din pereții unui cazan de fontă din perioada Hoardei de Aur (caroul 5),

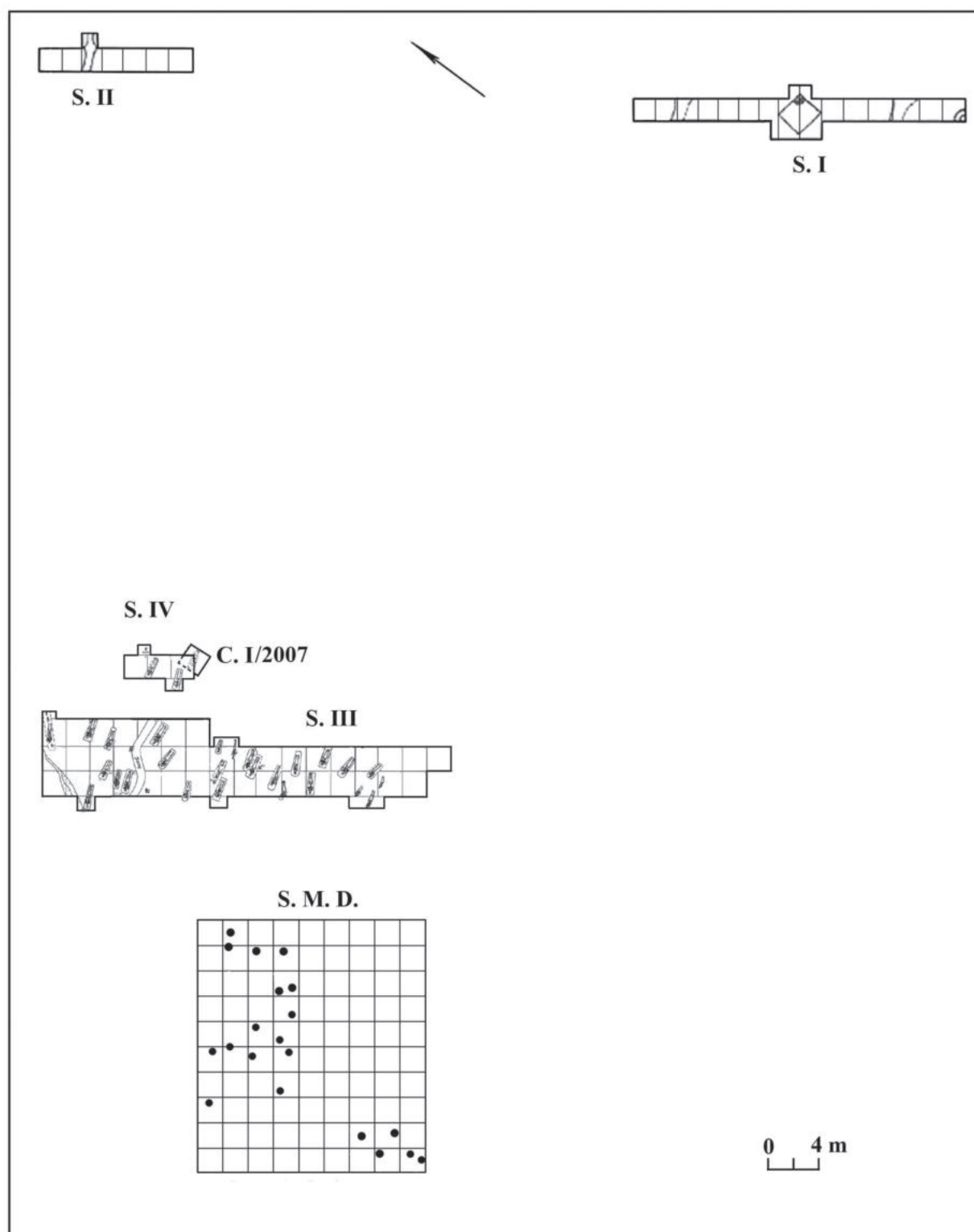

Fig. 2. Planul general al săpăturilor (C. – casetă; S. – secțiune; S.M.D. – suprafața mormintelor distruse).

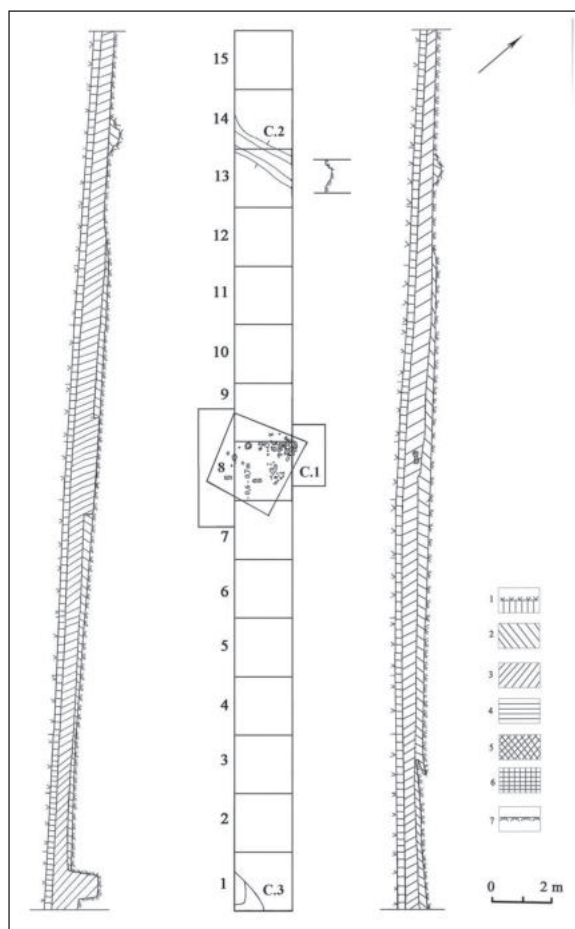

Fig. 3. Planul și profilele secțiunii I. 1, sol vegetal (nivelul actual de călcare); 2, sol de culoare cenușie-brună; 3, sol de culoare brun-gălbui; 4, sol de culoare brună; 5, lut galben umblat; 6, lut ars; 7, lut viu.

o bucată mică de zgură de fier, un ciob atipic de vas lucrat cu mâna, 72 de cioburi de vase lucrate la roata înceată din pastă gălbui-roșiatică datând din sec. XIV (fig. 17; 18), 56 de fragmente de vase lucrate la roata rapidă atribuite evului mediu târziu (fig. 19), 61 de oase de animale, șapte bucăți de lut ars și patru pietre brute de calcar.

Stratul II prezenta în parte același sol cenușiu-închis, sub care urma un pământ de culoare cenușiu-brună, recuperându-se un lacăt fragmentat cu cheie de fier (lungimea 10 cm) (car. 8, adâncimea 0,4 m) (fig. 24,2), nouă cioburi de vase lucrate cu mâna atribuite evului mediu timpuriu (sec. VI-VII), 194 de fragmente de vase tipice perioadei Hoardei de Aur (fig. 17; 18; 19), 36 de cioburi de vase corespunzătoare sec. XV-XVII, cinci cioburi nedeterminate, 35 de resturi faunistice, opt bucăți de lut ars și o piatră neprelucrată.

Stratul III continua stratul anterior de nuanță cenușiu-brună, descoperindu-se următorul material arheologic: patru cioburi de vase lucrate cu mâna din sec. VI-VII, 27 de fragmente de recipiente caracteristi-

ce Hoardei de Aur, cinci cioburi de vase datând din sec. XV-XVII și un os de animal.

În car. 11-15, la adâncimea de 0,6-0,7 m de la suprafața solului, urma lutul galben steril. În restul carourilor secțiunii se afla un sol brun intermediar cu infiltrații din depunerile de deasupra, având grosimea de 0,1-0,3 m, sub care, la nivelul de 0,8-1,0 m, urma lutul viu.

După stratul III efectuându-se răzuirea, pe fondul lutului galben sau a solului brun, în diferite zone ale secțiunii, au fost surprinse trei pete de nuanță mai închisă, de forme și dimensiuni variabile, considerate drept urme a trei complexe arheologice.

Complexul 1 (fig. 3) a fost surprins în cuprinsul car. 7-9, la adâncimea de 0,6-0,7 m, și intra sub ambele taluzuri ale secțiunii. Pentru dezvelirea lui integrală, așa cum am menționat mai sus, au fost săpate două casete mici. Complexul reprezenta o locuință parțial îngropată în sol aparținând unui nivel de locuire datat în evul mediu timpuriu (sec. VI-VII) (fig. 4; 22,1). Ea avea formă relativ rectangulară, cu lungimea laturilor de N și V de 2,5 m, a celei de E de 2,4 m și a peretelui de S de 2,3 m, adâncimea de 0,2-0,3 m de la nivelul identificării, și orientarea pe axa N-S. Umplutura

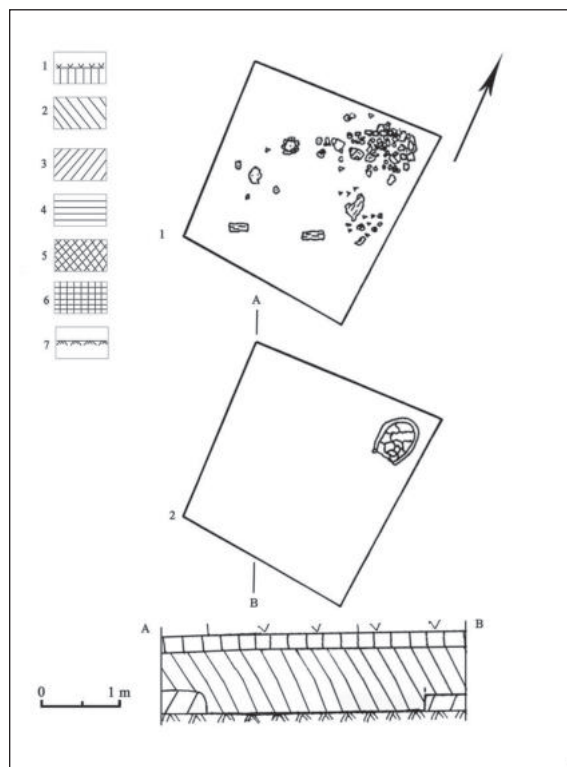

Fig. 4. Complexul 1 din secțiunea I: planul la nivelul de 0,6-0,7 m (1) și nivelul 0,8-0,9 cu profilul sud-vestic (2). 1, sol vegetal (nivelul actual de călcare); 2, sol de culoare cenușie-brună; 3, sol de culoare brun-gălbui; 4, sol de culoare brună; 5, lut galben umblat; 6, lut ars; 7, lut viu.

locuinței consta din sol cenușiu-închis, amestecat cu mult cărbune, bucăți de lemn ars, pigmenți de lut ars și pietre de gresie și calcar de dimensiuni mici, trecute prin foc. Drept inventar, locuința conținea un fragment de fusaiolă bitronconică de lut ars (înălțimea 2,4 cm) (fig. 21,1), 27 de cioburi provenind de la patru sau cinci oale lucrate cu mâna din pastă grosieră (fig. 20; 21) și câteva oase de animale. Majoritatea sau poate chiar toate pietrele, unele arse puternic la roșu sau negru, proveneau de la o instalație de foc, care era amplasată în colțul de NE al locuinței. Instalația reprezenta, se pare, un cuptor, ce consta dintr-o vatră de lut ovală sau în formă de potcoavă, cu dimensiunile de 0,46x0,58 m și orientarea N-S, înconjurată de un parament de pietre mici de gresie și calcar. Vatra era realizată dintr-o lipitură de lut având grosimea de cca 2-3 cm. De jur-împrejur, exceptând latura de S, unde se afla gura cuptorului, vatra prezenta o mică gardină de lut, înaltă de 4-5 cm. Pe vatră, care era puternic arsă, s-a găsit cărbune și multă cenușă. La sud de cuptor, în imediată apropiere, lângă latura estică a locuinței s-a semnalat o aglomerație compusă din pământ ars, cărbune și cenușă, de formă oarecum ovală, cu dimensiunile de cca 0,35x0,42 cm. Podeaua locuinței se găsea la adâncimea de cca 1 m de la suprafața actuală a solului și consta din argilă vie bătătorită.

Prin particularitățile de construcție, dar mai ales prin caracteristicile ceramicii descoperite în umplutura lui, complexul nr. 1 descris mai sus se încadrează în cultura materială medievală timpurie datând din sec. VI-VII (Corman 1998, 14-28.65-81).

Drept complexul nr. 2 (fig. 3) a fost desemnat un șanț cu orientarea V-E, depistat în limitele carourilor 13 și 14, pe o lungime de cca 2,2-2,4 m, la adâncimea de cca 0,6-0,7 m de la nivelul actual de călcare a solului, pe fondul lutului galben steril. Șanțul avea lățimea de 0,75-0,90 m în partea superioară și 0,35-0,50 la bază, pereții oblici și fundul ușor albiat, iar adâncimea de cca 0,3 m de la nivelul identificării. Umplutura șanțului consta din sol brun-gălbui, în care nu s-au semnalat resturi arheologice. Datarea și funcționalitatea acestui complex rămâne incertă, ele urmând a fi clarificate prin cercetările viitoare.

Complexul nr. 3 (fig. 3) a fost surprins în colțul sud-vestic al caroului 1, la adâncimea de cca 0,8 m de la suprafața solului. Reprezenta, se pare, o groapă cu treaptă de dimensiuni mari, din care s-a putut cerceta doar o mică porțiune, pe o lungime de cca 1,4 m și o lățime de cca 1 m. Avea pereții ușor oblici, treapta aflându-se la nivelul de 1,15 m, iar baza la adâncimea de 1,8 m de la suprafața actuală a solului. Umplutura prezenta sol de culoare cenușie, pigmentat cu mici fragmente de cărbune, fără materiale arheologice. Destinația și apartenența cultural-cronologică a acestui complex nu ne sunt clare.

Secțiunea II (fig. 5) a fost trasată în marginea de NV a aceluiași prim lot de pământ înțelenit prospectat geomagnetic, la distanța de cca 43,5 m NNV de S.I, pe un teren ușor înclinat spre NV, la suprafața căruia s-au semnalat câteva fragmente de vase lucrate la roată de culoare roșietico-gălbuie specifice epocii Hoardei de Aur. Scopul trasării S.II l-a constituit verificarea datelor prospecțiunilor geofizice, după care în acest loc s-ar fi constatat existența unei anomalii corespunzătoare unui complex arheologic.

Inițial, s-a executat un șanț de sondaj orientat NV(320°)-SE, cu dimensiunile de 2x14 m, compus din 7 carouri de 4 m.p. fiecare, numerotate de la SE spre NV. Colțul de NE al secțiunii se afla la cca 6 m S de un stâlp de beton armat, fixat ca reper cu prilejul prospecțiunilor geofizice. Coordonatele acestui reper, luate cu aparatul GPS, sunt N 47° 08'58.2" E 28° 24'32.8" și altitudine 104 m.

Ulterior, în legătură cu descoperirea unui șanț (notat complexul 4) lângă latura estică a secțiunii, în dreptul joncțiunii carourilor 5 și 6, a mai fost săpată o mică casetă de formă pătrată, cu dimensiunile de 1,5x1,5 m. Ca urmare, S.II a atins suprafața de cca 31 m.p.

Pământul din secțiune s-a scos cu cazmaua în trei-patru straturi succesive, cu grosimea de 0,20-0,25 m

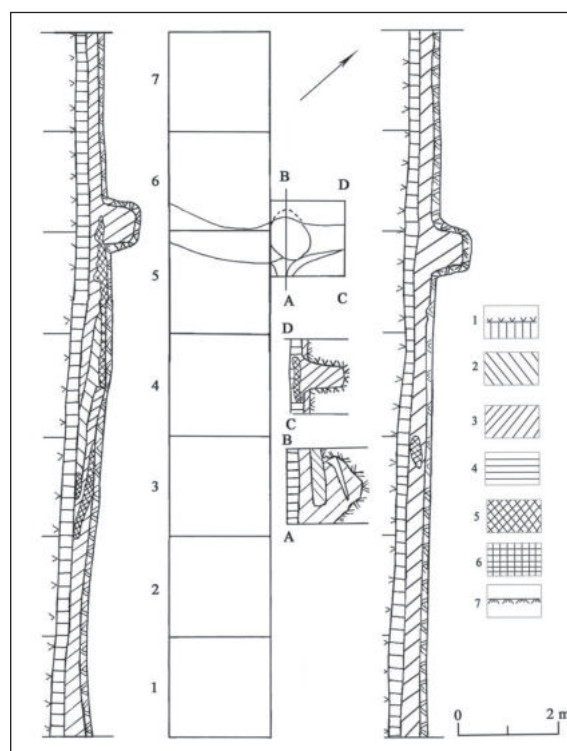

Fig. 5. Planul și profilele secțiunii II. 1, sol vegetal (nivelul actual de călcare); 2, sol de culoare cenușie-brună; 3, sol de culoare brun-gălbuie; 4, sol de culoare brună; 5, lut galben umblat; 6, lut ars; 7, lut viu.

fiecare, până la adâncimea de 0,7-0,9 m de la nivelul actual de călcare a solului. La fel ca și în cazul S.I, s-a confirmat faptul că stratul de depuneri antropogene a fost afectat până la adâncimea de 0,35-0,40 m de lucrările agricole.

Stratul I de săpătură consta din pământ de culoare cenușiu-închisă, bolovănos, amestecat cu resturi vegetale, din care s-au recuperat 72 de cioburi de vase din perioada Hoardei de Aur (fig. 17-19), 20 de fragmente ceramice datând din evul mediu târziu, 10 oase de animale, patru bucăți de lut ars și două pietre. Menționăm și descoperirea în car. 7 a unui fragment de zgură de fier.

Stratul II continua în parte stratul anterior de culoare cenușie, sub care, la adâncimea de 0,3-0,4 m, urma o bandă de pământ cenușiu-brună, cu grosimea de 0,3-0,5 m, care tot conținea materiale arheologice. În carourile 3-6, stratul de sol cenușiu-brun era întrerupt de câteva lentile de lut umblat de culoare gălbui-deschisă, fără vestigii arheologice. În stratul II s-au găsit trei cioburi de vase lucrate cu mâna din evul mediu timpuriu, 47 de fragmente ceramice caracteristice perioadei de stăpânire a Hoardei de Aur (fig. 17-19), șapte cioburi de vase datând din epoca medievală târzie, două cioburi nedeterminate și două bucăți mici de lut ars. Se cuvine de notat și descoperirea unui fragment de fusaiolă(?) bitronconică de lut ars de culoare cenușie (car. 7) cu datare incertă și a unei plăci prevăzute cu un nit de fier (dimensiuni 2,5x4 cm) (car. 6, adâncimea 0,45 m), care este, se pare, de origine recentă.

La adâncimea de 0,35-0,45 m, în perimetrul carourilor 5-7, atât în plan, cât și în profil, s-au evidențiat urmele fierului de plug, sub forma unor benzi de pământ de culoare brună, care aveau orientarea generală N-S.

Stratul III prezenta în mare parte pământ de culoare cenușiu-brună, din care s-a recuperat un fragment de împungător(?) de fier (car. 7), trei fragmente de pereți provenind de la vase lucrate cu mâna specifice orizontului cultural din sec. VI-VII d.Hr., 34 de cioburi de vase de tip Hoarda de Aur și trei resturi faunistice.

La adâncimea de 0,64-0,70 m, pe fondul pământului viu, la limita dintre carourile 5 și 6 s-au surprins urmele unui șanț sub forma unei pete de pământ de nuanță închisă ce intra sub ambele taluzuri ale secțiunii, notat complexul 4.

Stratul IV de săpătură, exceptând aria complexului, prezenta lut gălbui-deschis, fără material arheologic.

Segmentul de șanț depistat în cuprinsul carourilor 5-6 avea lățimea de 0,6-0,8 m, pereții relativ drepecți, fundul ușor albiat și adâncimea de 1,06-1,17 m de la nivelul actual de călcare a solului. Umplutura șanțului consta din pământ de culoare cenușiu-brună, amestecat pe alocuri cu pigmenți de cărbune, nisip și lut galben, precum și cu cioburi, oase de animale și bucăți

mici de lut ars. Șanțul sau, mai exact, porțiunea de șanț surprinsă în S.II prezenta un contur ușor arcuit, cu orientarea aproximativă ENE-VSV, lărgindu-se spre peretele estic al săpăturii (fig. 5).

Precum am notat mai sus, în scopul cercetării mai detaliate a șanțului și pentru clarificarea destinației și cronologiei lui, lângă latura estică a S.II a fost săpată o casetă pătrată, de dimensiuni mici (1,5x1,5 m). Pământul din casetă a fost scos cu hârlețul în două straturi succesive până la adâncimea de 0,5-0,6 m, unde s-a surprins conturul complexului adâncit. În solul excavat de deasupra complexului s-a găsit un fragment de cui de fier, un ciob de farfurie de porțelan de culoare albă de origine recentă și câteva fragmente ceramice specifice epocii tătaro-mongole.

În ceea ce privește complexul 4, s-a confirmat clar faptul că pe o anumită porțiune el se lărgeste, căpătând forma unei gropi, apoi se îngustează simetric și se bifurcă, intrând în pereții dinspre est și sud ai casetei, care însă, din cauza semănăturilor cu porumb din această zonă, nu a mai putut fi lărgită. Groapa menționată avea în plan formă oarecum ovală, cu dimensiunile de 0,8x1,0 m, peretele nord-vestic cotlonit și fundul albiat, aflat la adâncimea de cca 1,55 m de la suprafața actuală a solului. Șanțul propriu-zis din zona casetei avea lățimea de cca 0,6 m, pereții relativ verticali și fundul ușor concavat, situat la adâncimea de 1,2 m de la nivelul actual de călcare a solului, adică cu cca 0,35 m mai sus decât baza gropii. Umplutura gropii era aceeași ca și a șanțului, constând din pământ de culoare cenușiu-brună, amestecat cu rari pigmenți de cărbune, nisip și lut galben, precum și cu diferite resturi arheologice, ceea ce arată că șanțul și groapa constituiau un complex unitar ce a funcționat în același interval cronologic. Inventarul gropii cuprindea 17 cioburi de vase ceramice din perioada Hoardei de Aur, un ciob atipic nedeterminat, un fragment de recipient de porțelan de culoare albă din epoca modernă sau contemporană (depistat la adâncimea de 1,35 m), un os, un fragment de lut ars și o piatră mică de gresie, aflată pe fund. Materialul arheologic descoperit în cuprinsul șanțului conținea două cioburi de la pereții unor vase lucrate cu mâna specifice evului mediu timpuriu, 49 de fragmente ceramice datând din sec. XIV, 20 de fragmente ceramice aparținând evului mediu târziu, șase oase și cinci bucăți mici de lut ars. De asemenea, în pământul de umplutură a șanțului, în locuri și la adâncimi diferite, s-au găsit trei cioburi de la o farfurie(?) ceramică de culoare albă datând din epoca modernă sau contemporană.

Judecând după resturile de vase de porțelan de culoare albă și alte indicii, complexul 4 (alcătuit din șanț și groapă) aparține unei perioade mai recente, care în stadiul actual al cercetărilor nu poate fi precizată.

Evident, atât cronologia, cât și funcționalitatea acestui complex arheologic urmează a fi elucidate de investigațiile ulterioare.

Secțiunea III (fig. 6; 22,2) a fost trasată pe un lot de teren în paragină situat în partea de NV a sitului, la cca 61 m SV de S.II și cca 4 m SV de sondajul I, efectuat în anul 2007 pentru salvarea mormântului de înhumatie identificat de Ion Ursu. Scopul principal pentru care s-a deschis S.III a fost să se verifice dacă înmormântarea descoperită fortuit și cercetată de noi printr-o intervenție de salvare în aprilie 2007 reprezintă un complex funerar izolat sau face parte dintr-o necropolă. Pe loturile de teren cultivate cu porumb situate în imediată apropiere de porțiunea de teren înțelenit unde s-a trasat S.III, atât la V, cât și la E, în ajunul trasării secțiunii, prin recunoașteri de teren amănunțite, s-au semnalat câteva fragmente de oase umane răzlețe, care păreau să reprezinte urme ale unor morminte de înhumatie deranjate de lucrările agricole.

Inițial, a fost trasată o secțiune de forma unei tranșee, orientate NV(312°)–SE (138°), cu lungimea de 30 m și lățimea de 2 m, împărțită în 15 carouri, notate cu cifre arabe de la SE spre NV. Atât la V, cât și la E de S.III, la cca 2 m distanță de ambele laturi lungi, se afla câte un rând de pomi de măr. În jumătatea de SV a secțiunii, adică în zona carourilor 1-7, terenul este relativ drept, iar în cealaltă jumătate – înclinat spre NV.

Ulterior, pe măsura descoperirii unor morminte și în scopul dezvelirii acestora, s-au efectuat noi adăugiri. Pe latura estică, la joncțiunea carourilor 9-10 și în dreptul car. 14, s-au săpat două casete, una (notată cu nr.1) având dimensiunile de 2x1 m, iar alta (nr. 3) pătrată de 1x1 m. Pe latura vestică, în dreptul carourilor 5, 7, 9, 10 și 15, s-au mai adăugat cinci casete mici (nr. 2, 4-7), cu dimensiuni variind între 1,0x0,5 m și 1,5x1,0 m. În consecință, S.III s-a transformat într-o parcelă de formă neregulată, cu aria totală de cca 36 m.p.

În cuprinsul săpăturii au fost identificate 17 morminte de înhumatie, dintre care 13 cercetate integral și patru parțial, un segment al unui șanț și trei margini ale unor pete reprezentând, după cum s-a constatat în parte ulterior, morminte ce intrau sub pereții secțiunii, din care cauză au rămas necercetate în campania din 2010.

Pământul de pe suprafața S.III s-a scos cu cazmaua și cu șpaclul pe o adâncime ce varia între 0,25 m (car. 15) și 1,3 m (car. 1, 7, 8, 9). Stratul I, prezentând sol cenușiu în amestec cu resturi vegetale și rare fragmente ceramice, a fost scos din întregul perimetru al secțiunii. În cuprinsul primului strat de săpătură s-au găsit 48 de fragmente ceramice datând din perioada Hoardei de Aur, trei cioburi de vase tipice epocii medievale târzii și câteva oase mici, provenind de la schelete umane afectate de lucrările agricole.

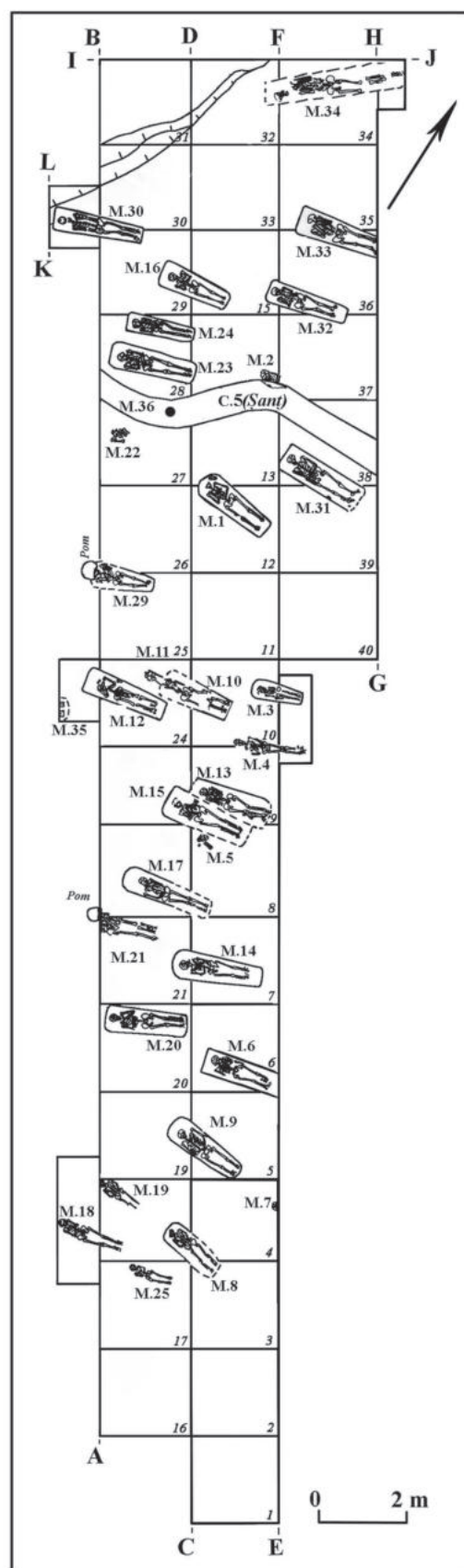

Fig. 6. Planul secțiunii III.

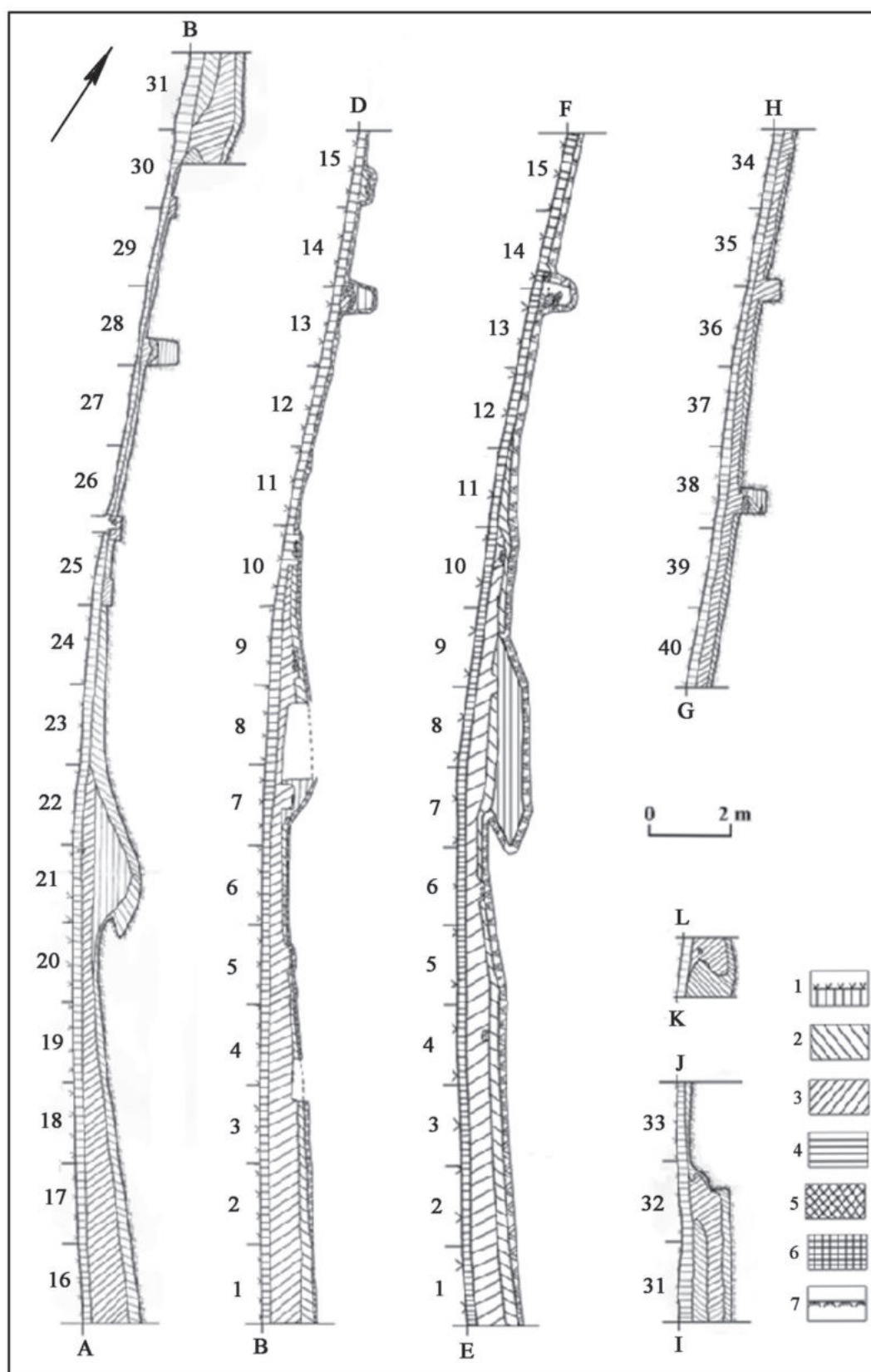

Fig.7. Profilele secțiunii III. 1, sol vegetal (nivelul actual de călcare); 2, sol de culoare cenușie-brună; 3, sol de culoare brun-gălbui; 4, sol de culoare brună; 5, lut galben umblat; 6, lut ars; 7, lut viu.

Imediat sub pătura de vegetație, la adâncimea de 0,20-0,25 m, în cuprinsul carourilor 11-15 din partea de NV a secțiunii, aflată în pantă, a apărut roca naturală, ce prezenta lut de culoare gălbui-deschisă.

Efectuându-se răzuirea, pe fondul lutului viu, la adâncimea de 0,20-0,25 m,³ la joncțiunea carourilor 12 și 13 a fost identificată groapa de formă aproximativ trapezoidală orientată V-E a unui mormânt de înhumatie, notat M.1. Câteva oase mici din craniul acestui schelet au fost găsite și în solul vegetal de deasupra, ajunse aici prin lucrările agricole. De altfel, pe o anumită porțiune din suprafața car. 12 și 13 au fost surprinse și urme de plug, sub forma unor mici benzi de pământ cenușiu-brun, orientate pe direcția N-S.

De asemenea, sub stratul vegetal, la adâncimea de 0,22-0,25 m au fost identificate M.2 (car. 14), M.3 (car. 10), M.11 (caseta 2), M.12 (caseta 2) și M.16 (car. 15), precum și o porțiune de șanț (car. 13-14). Menționăm, totodată, depistarea la nivelul de 0,25-0,27 m de la suprafața solului a trei mici pete de culoare brun-gălbui (car. 14-15) ce intrau, două, sub perețele de V, iar una sub cel de E ai secțiunii, reprezentând, după cum s-a stabilit în parte ulterior, urme de gropi de morminte, care au fost verificate și cercetate în campania din 2011.

În ceea ce privește segmentul de șanț surprins în S.III, desemnat de noi convențional complexul 5, acesta era orientat aproximativ ENE-VSV, intrând sub ambii pereți ai secțiunii. În caseta deschisă pentru dezvelirea integrală a M.2 s-a surprins încă o mică porțiune de șanț, care prezenta în acest loc o arcuire, modificându-și direcția înspre E. În zona cercetată, șanțul avea lățimea de 0,64-0,67 m, pereții aproape verticali, fundul relativ drept și adâncimea de 1,1 m de la nivelul actual de călcare al solului. Umplutura lui consta din pământ de culoare brun-cenușie amestecat în partea superioară cu bucăți de cărbune de lemn și fragmente de lut ars. Drept material arheologic, menționăm descoperirea în umplutură a șapte fragmente ceramice de vase tipice epocii Hoardei de Aur, dintre care unul ars secundar.

Tot referitor la șanțul din S.III, trebuie subliniat faptul că s-a putut observa clar că acesta a distrus parțial M.2, câteva oase din schelet (coaste, vertebre ș.a.) fiind găsite în solul de umplutură a șanțului, lângă taluzul estic al săpăturii. Această suprapunere sau, mai bine spus, înrețaiere de complexe constituie dovada sigură că șanțul datează dintr-o perioadă mai recentă decât cimitirul, fără a se putea însă preciza deocamdată cronologia și destinația lui.

Judecând după caracteristicile pe care le prezintă și după împrejurarea că se află aproximativ pe aceeași direcție, este posibil ca cele două porțiuni de șanț sur-

prinse în secțiunile II și III să facă parte dintr-un singur complex de dimensiuni mari. Această ipoteză de lucru urmează însă a fi verificată de săpăturile viitoare.

În perimetrul carourilor 1-10, sub solul vegetal urma un pământ de culoare cenușie-brună, cu puține cioburi de vase lucrate la roată datând din perioada Hoardei de Aur și epoca medievală târzie. Este de remarcat faptul că grosimea acestui strat de pământ cenușiu-brun nu se prezintă la fel, variind între 0,05-0,10 m (în caroul 10) și 0,6 m (capătul de SE al secțiunii). De asemenea, se cuvine de menționat că cioburile de vase ceramice corespunzătoare sec. XIV-XVII s-au aflat doar în straturile I-III de săpătură, lipsind de la baza solului cenușiu-brun din partea de SE a secțiunii. În schimb, în straturile IV-VI de săpătură, în cuprinsul carourilor 1-4 s-au semnalat câteva cioburi de vase lucrate cu mâna din pastă grosieră, a căror apartenență cultural-cronologică pentru moment este mai dificil de stabilit.

La nivelul stratului II de săpătură, în solul cenușiu-brun, au fost surprinse trei înmormântări, și anume cele marcate cu nr. 4, 5 și 10, toate fiind cercetate integral. Pentru dezvelirea completă a două dintre aceste morminte (nr. 4 și 10), întrucât intrau sub pereții secțiunii, s-a procedat la deschiderea a două cassette laterale.

Alte patru înmormântări (nr. 6, 7, 9 și 14) din zona centrală și de SE a S.III au fost identificate la nivelul corespunzător stratului III de săpătură sau, mai exact, la adâncimile de 0,60 m, 0,62 m, 0,59 m și, respectiv, de 0,54 m. Trei dintre aceste complexe au fost cercetate integral. M.7 însă, din care s-a surprins doar craniul, restul scheletului intrând sub taluzul estic al secțiunii, urmează a fi cercetat ulterior.

În sfârșit, ultimele patru complexe funerare (nr. 8, 13, 15 și 17) au fost semnalate la adâncimea de 0,72 m și 0,82 m de la nivelul actual de călcare al solului. Este, credem, important de remarcat faptul că mormântul aflat la adâncimea cea mai mare (nr. 8), dezvelit însă doar parțial, se găsea și cel mai la S dintre toate, marcând astfel în acest sector marginea cimitirului.

Referitor la registrul stratigrafic din partea inferioară a S.III, notăm că sub solul cenușiu-brun, constatat în carourile 1-10, urma o bandă de pământ de nuanță brun-gălbui având grosimea de 0,1-0,3 m, fără resturi arheologice. Sub această dungă de pământ intermediar, în limitele carourilor 1-6 și 10 a apărut roca naturală, reprezentând lut de culoare galbenă. În cuprinsul carourilor 7-9 însă, între solul brun-gălbui și lutul galben viu se găsea un strat de pământ brun-castaniu, steril din punct de vedere arheologic, cu grosimea de 0,2-0,6 m, a cărui semnificație ne scapă.

³ Facem precizarea că avem în vedere nivelul la care au fost surprinse gropile sau scheletele din morminte. Adâncimea propriu-zisă a acestora, măsurată de la suprafața solului până la baza gropii mortuare, urmează a fi prezentată la descrierea înmormântărilor.

B. CAMPANIA 2011. SECȚIUNILE III-IV ȘI PROSPECȚIUNEA DE SUPRAFAȚĂ

Săpăturile din vara anului 2011 s-au derulat exclusiv în arealul necropolei, fiind extinsă în diferite direcții S.III și executată o altă mică secțiune (S.IV) în zona sondajului din 2007. La acestea se adaugă o prospecțiune de suprafață cu caracter de salvare în zona de sud-vest a cimitirului medieval, efectuată în primăvara anului 2011, unde au fost reperate și înregistrate 18 înmormântări de înhumăție, scheletele cărora au fost răscolite și parțial scoase la suprafață prin lucrările agricole din toamna anului 2010.

Secțiunea III. Inițial, s-a procedat la trasarea în partea de vest a săpăturii din anul precedent, paralel cu aceasta, dar deplasat cu 2 m spre nord, a unui șanț de 2x30 m, împărțit în 15 carouri, notate cu nr. 16-30 de la SE spre NV (fig. 6). Ulterior, în capătul nord-vestic al secțiunii s-au mai adăugat trei carouri (nr. 31-33), unul în continuarea car. 30, iar alte două în continuarea car. 15. Apoi, în partea de est a secțiunii s-a mai executat o tranșee de 2x14, compusă din 7 carouri marcate cu nr. 33-40 de la NV spre SE. De asemenea, pe măsura descoperirii unor morminte și în scopul dezvelirii acestora, pe latura vestică a S.III s-au deschis un număr de 3 casete, cu dimensiunile de 3x1 m, 1,5x1 m și, respectiv, 1,6x1,4 m, iar pe latura estică a car. 34 încă o casetă, cu dimensiunile de 0,5x1,6 m. Drept urmare, la cei 36 m.p. ai S.III dezveliți în 2010 s-au mai adăugat alți cca 57 m.p., întreaga suprafață cercetată însumând cca 93 m.p. Trebuie arătat, însă, că pentru dezvelirea integrală a mormintelor 8, 17, 23, 24 și 32 surprinse în 2010, în cuprinsul car. 2-3, 7-8, 14 și 15 cercetate în campania precedentă au fost trasate și săpate alte patru casete, cu dimensiunile de 1,4x1,4 m, 1,4x0,8 m, 1,8x0,5 m și, respectiv, 1x0,5 m. Precizăm de asemenea că pentru realizarea unor profile și/sau evitarea căderii pământului degajat anterior în aria în curs de cercetare, pe marginea estică a carourilor 16-30 și pe cea vestică a car. 34-40 s-au cruțat niște pereți-martori, cu lățimea de 0,5 m și 0,2 m, care ulterior au fost excavați.

În cuprinsul săpăturii au mai fost descoperite 16 morminte de înhumăție, dintre care 13 cercetate integral și trei parțial, și două segmente ale șanțului identificat în cursul cercetărilor din 2010, notat complexul 5.

Pământul din S.III s-a scos cu cazmaua și cu șpaclul pe o adâncime ce varia între 0,3 m (car. 26-29) și 1,8 m (car. 31). Stratul I, prezentând sol cenușiu în amestec cu resturi vegetale și rare fragmente ceramice, a fost scos cu cazmaua de pe întreaga arie a secțiunii. În cuprinsul primului strat de săpătură s-au găsit peste 50 de fragmente ceramice datând din perioada Holardei de Aur, câteva cioburi de vase tipice epocii medievale

le târzii și câteva oase mici, provenind de la schelete umane afectate de lucrările agricole. La adâncimea de 0,10-0,15 m, în limitele car. 27, s-a identificat o aglomerație mică de oase umane, care s-a dovedit că reprezintă un complex funerar distrus în bună parte de lucrările agricole, marcat M.22.

Imediat sub pătura de vegetație, la adâncimea de 0,20-0,25 m, în cuprinsul carourilor 24-30 din partea de NV a secțiunii, aflată în pantă, a apărut roca naturală, ce prezenta lut de culoare galbenă-deschisă. Efectuându-se răzuirea, pe fondul lutului viu, la adâncimea de 0,20-0,25 m, au fost identificate mormintele 12 (car. 24 și cas. 9), 23 (car. 28), 24 (car. 28), 29 (car. 25 și 26) și 30 (car. 29-30 și cas. 10), precum și o porțiune de șanț (car. 27-28). Menționăm, totodată, depistarea la nivelul de 0,25-0,27 m de la suprafața solului, în colțul nord-vestic al săpăturii, în cuprinsul car. 30-32, a unei pete de culoare cenușie ce intra sub pereții de V și de N ai secțiunii, considerată inițial ca fiind urmele unui complex adâncit de dimensiuni mari. Ulterior s-a constatat însă că acest sol de culoare cenușie nu constituie umplutura unui complex adâncit, ci, foarte probabil, reprezintă urmele unor alunecări de teren. Tot consecință a unor alunecări de teren este, se pare, și poziția oaselor scheletului M.34, situat în imediată apropiere, în colțul de nord-est al secțiunii (a se vedea mai jos).

La nivelul stratului II de săpătură, mai exact la adâncimea de 0,30-0,35 m, a apărut solul viu și pe cea mai mare parte a suprafeței din cuprinsul car. 34-40, din partea de nord-est a săpăturii, aflată de asemenea în pantă. La această adâncime (0,30-0,35 m) au fost surprinse mormintele 31 (car. 39-40), 32 (car. 15, 37-38), 33 (car. 35-36), 34 (car. 34 și cas. 11) și o altă porțiune a șanțului amintit mai sus (car. 37-38).

În ceea ce privește șanțul surprins în S.III, desemnat de noi convențional complexul 5, acesta era orientat aproximativ E-V, cu două arcuiri în zona car. 13-14 și 27-28, intrând sub ambii pereți ai secțiunii. În zona cercetată, șanțul avea lățimea de 0,60-0,67 m, pereții ușor oblici, fundul relativ drept și adâncimea de 1,10-1,18 m de la nivelul actual de călcare a solului. Umplutura lui consta din pământ de culoare brun-cenușie, amestecat în partea superioară cu bucăți de cărbune de lemn și fragmente de lut ars. În solul de umplutură a șanțului din zona car. 27-28 s-au semnalat mai multe oase umane provenind dintr-un mormânt răvășit cu prilejul săpării șanțului, altul decât cele distruse aflate în imediată apropiere (mormintele 2 și 22), marcat cu nr. 36. Drept material arheologic, menționăm descoperirea în umplutură a câtorva fragmente ceramice de vase tipice epocii Holardei de Aur.

În perimetrul car. 16-24, la fel ca și în cuprinsul car. 1-10, cercetate în 2010, sub solul vegetal urma un pământ de culoare cenușie-brună, cu puține cioburi de vase lucrate la roată datând din perioada Holardei de

Aur și epoca medievală târzie. Este de remarcat faptul că grosimea acestui strat de pământ cenușiu-brun nu se prezintă la fel, variind între 0,10 m (în caroul 24) și 0,60 m (în capătul de SE al secțiunii). De asemenea, se cuvine de menționat că cioburile de vase ceramice corespunzătoare sec. XIV-XVII s-au aflat doar în straturile I-III de săpătură, lipsind de la baza solului cenușiu-brun din partea de sud-est a secțiunii. În schimb, în straturile IV-VI de săpătură, în cuprinsul car. 17-19 s-au semnalat o lamă de silex și câteva cioburi de vase lucrate cu mâna din pastă grosieră, a căror apartenență cultural-cronologică pentru moment este mai dificil de stabilit.

La baza stratului II de săpătură, la adâncimea de 0,40-0,50 m, în solul cenușiu-brun sau brun-gălbui, au fost surprinse două înmormântări, și anume cele marcate cu nr. 19 și 35, dintre care doar primul a fost cercetat integral.

Alte șase înmormântări (nr. 8, 17-18, 20-21 și 25) din zona centrală și de sud-est a secțiunii au fost identificate la nivelul corespunzător stratului IV de săpătură sau, mai exact, la adâncimile de 0,75 m, 0,66 m, 0,77 m, 0,65 m, 0,66 și, respectiv, 0,70 m. Cinci dintre aceste complexe au fost cercetate integral, M.21 însă doar parțial, întrucât partea superioară a scheletului intra sub taluzul vestic al secțiunii, unde se află un pom.

Referitor la registrul stratigrafic din partea sud-estică a S.III (fig. 7), notăm că sub solul cenușiu-brun, constatat în car. 16-24, urma o bandă de pământ de nuanță brun-gălbuie având grosimea de 0,1-0,3 m, fără resturi arheologice. Sub această dungă de pământ intermediar, în limitele car. 16-20 și 24 a apărut roca naturală, reprezentând lut de culoare galbenă. În cuprinsul car. 21-23 însă, între solul brun-gălbui și lutul galben viu se găsea un strat de pământ brun-castaniu, steril din punct de vedere arheologic, cu grosimea de 0,2-0,6 m, a cărui semnificație ne scapă.

Diferit se prezintă stratigrafia verticală din zona colțului nord-vestic al secțiunii (car. 30-32), unde, precum am menționat, sub solul vegetal, a fost identificată o pată de pământ de culoare cenușie, a cărei singură margine delimitată este cea din partea de sud-est, și care s-a dovedit a fi ușor arcuită. Acest sol cenușiu, intercalat pe alocuri cu o lentilă de pământ de culoare cenușiu-gălbuie, lată de cca 0,3-0,4 m, se adâncește până la cca 1,4-1,5 m, unde urmează un strat intermediar de sol brun-gălbui cu grosimea de cca 0,2 m, sub care, la nivelul de cca 1,6-1,8 m, apare lutul galben. Este de remarcat că pe întreaga lungime a marginii din partea de sud-est a acestei pete, solul cenușiu intra oblic sub lutul galben, situație care este mai dificil de explicat (alunecări de teren?). Notăm de asemenea că în partea superioară, până la adâncimea de cca 0,7 m, solul cenușiu și cel cenușiu-gălbui conțineau rare cioburi de vase tipice

Hoardei de Aur și de vase smălțuite din perioada statului medieval moldovenesc, în partea inferioară materialele arheologice lipsind. În limitele aceleiași pete, lângă peretele nordic al car. 32, la adâncimea de 0,25 m și, respectiv, 0,40 m de la nivelul actual de călcare, s-au găsit două bucăți de zgură de fier și alte câteva mici fragmente informe de obiecte de fier.

Secțiunea IV (fig. 8A) a fost trasată la distanța de 2,2 m est de un rând de pomi și la 3,75 m est de S.III, paralel cu aceasta, pe un teren aflat la hotarul dintre un lot în paragină și altul plantat cu viță de vie și porumb, înclinat spre NV și E. Scopul deschiderii acestei secțiuni a fost identificarea și localizarea exactă a casetei mormântului A/2007 și eventual depistarea și cercetarea a noi alte înmormântări.

Inițial, S.IV a avut forma unui șanț orientat pe direcția NNV(320°)–SSE, cu dimensiunile de 2×6 m, fiind compusă din 3 carouri de 4 m.p. fiecare, numerotate de la S spre N cu cifre arabe. Ulterior, pentru dezvoltarea unor morminte (nr. 27 și 28), pe laturile de vest și de est ale secțiunii s-au adăugat două mici casete, cu dimensiunile de 1,5×1 m și respectiv de 0,8×0,8 m, săpătura căpătând astfel o formă neregulată, cu suprafața de 13,3 m.p. Pământul s-a scos cu cazmaua în 3-5 straturi succesive până la adâncimea de 0,6-1,1 m de la nivelul de călcare actual al solului.

Stratul I, reprezentând sol vegetal de culoare cenușie, a fost scos de pe întreaga suprafață investigată. S-au găsit câteva cioburi roșiatice tipice Hoardei de Aur și două oase de animale. După răzuire, sub pătura de vegetație, la adâncimea de 0,2-0,25 m, în diferite zone ale secțiunii au fost identificate trei morminte de înhumatie, numerotate cu nr. 26, 27 și 28, fără însă să poată fi surprinsă caseta mormântului A/2007, care probabil a fost afectată de fierul plugului.

Stratul II de săpătură din car. 1 și cea mai mare parte a car. 2 și cas. 1 consta din sol brun-gălbui fără resturi arheologice, sub care urma, la adâncimea de 0,5 m, lutul galben. În car. 3 și parțial car. 2 continua însă, până la adâncimea de 0,6-0,7 m, solul cenușiu, apoi urma un strat de pământ brun fără resturi arheologice, cu grosimea de 0,1-0,3 cm; la nivelul de 0,8-0,9 m era un strat subțire (cca 0,1 m) de pământ brun-gălbui, lutul galben steril apărând la adâncimea de 0,9-1 m.

Suprafața mormintelor distruse. În cursul unor prospecțiuni de suprafață în microzona sitului de la Lozova-La hotar cu Vornicenii, efectuată la 26 aprilie 2011, s-a constatat că în partea de vest a obiectivului arheologic respectiv, pe lotul de pământ al locuitorului satului Lozova Valentin Lozovanu, cu prilejul arăturilor de toamnă, au fost răscolite și scoase la suprafața terenului mai multe schelete umane aparținând necro-

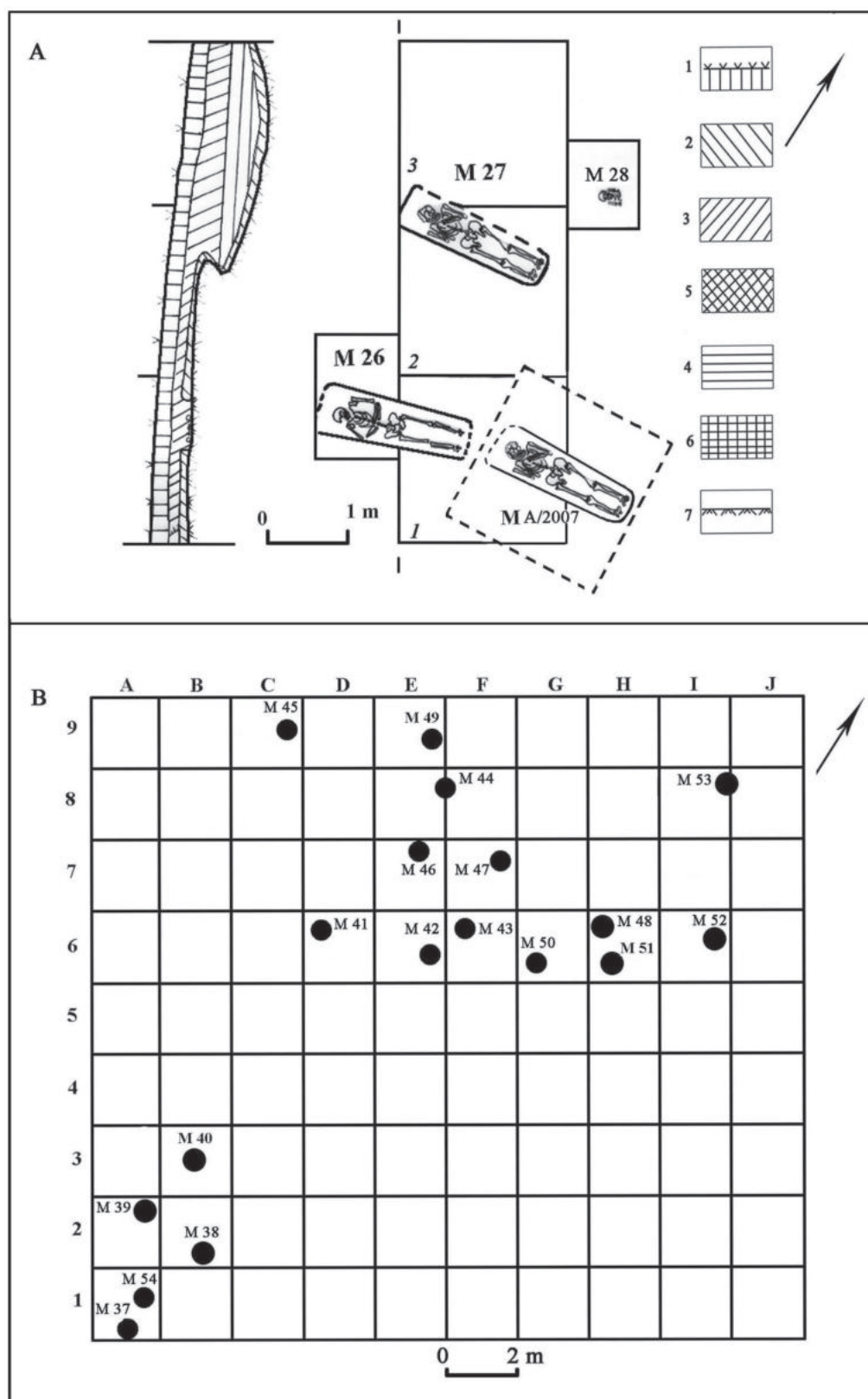

Fig. 8. Planul și profilele secțiunii IV (A) și planul suprafeței mormintelor distruse (B). 1, sol vegetal (nivelul actual de călcare); 2, sol de culoare cenușie-brună; 3, sol de culoare brun-gălbui; 4, sol de culoare brună; 5, lut galben umblat; 6, lut ars; 7, lut viu.

polei medievale. Pentru evitarea răvășirii complete a acestor înmormântări, imediat a fost anunțată Comisia Națională Arheologică și preîntâmpinat proprietarul terenului să stopeze pentru câteva zile lucrările agricole de aici, iar pe 6 mai echipa noastră de cercetare a efectuat o intervenție de salvare în zonă.

Întrucât în acel moment nu am avut permisiunea proprietarului, dar nici mijloacele financiare necesare pentru executarea unei săpături arheologice propriu-zise, am hotărât să procedăm la înregistrarea și strângerea concentrațiilor de oase umane și a materialelor arheologice aflate la suprafața solului. În primul rând s-a întocmit un plan al acestor descoperiri, reprezentând o suprafață de formă rectangulară, cu dimensiunile de 18x20 m, orientată pe direcția NV(320°)–SE, paralelă cu secțiunea III, colțul sudic al casei respective aflându-se la 30 m distanță față de colțul sudic al caroului 1 al S.III (fig. 8B). Apoi suprafața delimitată a fost împărțită în 90 de carouri, de 2x2 m fiecare, notate de la S spre N cu cifre arabe (1-9), iar de la V spre E cu litere latine majuscule (A-J). Terenul din acest loc este puternic înclinat spre NV și ușor înclinat în direcția ENE. În cuprinsul suprafeței respective au fost înregistrate 19 aglomerații de oase umane care provin, potrivit determinărilor antropologice, de la 18 schelete diferite. Inițial, în cursul lucrărilor de teren, marcarea acestor morminte distruse s-a făcut cu cifre arabe, începând cu nr. 1. În lucrarea de față însă, pentru evitarea unor confuzii, complexe răvășite la care ne referim au fost numerotate în continuarea celor descoperite prin săpături metodice, începând cu nr. 37.

În ceea ce privește planul descoperirilor din intervenția de salvare, trebuie subliniat că acesta nu redă o situație foarte exactă. Mai întâi, știm sigur că toate mormintele scoase la iveală întâmplător au suferit nu numai o deranjare a oaselor, ci și o oarecare deplasare de la locul unde fuseseră depuse inițial. Pe lângă aceasta, mai presupunem că unele morminte au fost complet distruse de plug, iar altele au rămas acoperite în pământ. Deci, ceea ce am înregistrat noi pe plan reprezintă o situație parțială și într-o măsură oarecare relativă.

La fel ca și restul complexelor funerare, înmormântările din intervenția de salvare vor fi descrise într-un capitol aparte. Consemnam aici faptul că doar asupra unui singur schelet s-au descoperit piese de inventar, și anume asupra celui notat cu nr. 40. Este de presupus însă că și alte morminte conțineau obiecte de inventar, care însă nu au apărut sau nu au fost observate la suprafața solului.

Tot la suprafața solului, dar la o distanță de cca 200 m NNV de aria prospectată a cimitirului, în vara anului 2011 s-a descoperit o unealtă de fier. Piesa prezintă o

răzuitoare sau custură cu partea activă lățită, de forma unei lame triunghiulare, mânerul torsionat și capătul îndoit pentru atârnare (lungimea 12,5 cm, lățimea lamei 7 cm) (fig. 24,4). Din punct de vedere cronologic, unealta poate aparține atât orizontului din sec. XIV, cât și celui din vremea statului moldovenesc.

IV. MORMINTE

Fără îndoială, complexe cele mai importante descoperite până acum în situl arheologic de la Lozova-La hotar cu Vornicenii sunt mormintele. În total, au fost identificate 54 de complexe funerare, care reprezintă, fără nici o excepție, morminte de înhumatie ce fac parte cu siguranță dintr-un cimitir mai mare, ale cărui dimensiuni urmează încă a fi precizate. Dintre acestea, un mormânt, marcat cu sigla A și care va fi prezentat primul în catalogul-inventar de mai jos, a fost cercetat prin intervenția cu caracter de urgență din primăvara anului 2007. Un număr de 36 de înmormântări au fost identificate în perimetrul secțiunilor III și IV pe parcursul săpăturilor din 2010 și 2011. Alte 18 morminte, distruse prin lucrările agricole din toamna anului 2010, au fost înregistrate în partea de vest a cimitirului, cu prilejul unei prospecțiuni de suprafață din primăvara anului 2011. Din cele 36 de morminte identificate prin săpături, 32 au fost dezvelite integral. Deoarece intrau în cea mai mare parte sub pereții S.III, două înmormântări (nr. 7 și 35), nu au putut fi dezvelite integral, ele fiind conservate pentru a fi cercetate complet prin săpăturile arheologice viitoare. Un alt mormânt (nr. 21) nu a fost decopertat integral, deoarece treimea superioară a scheletului intra sub taluzul vestic al secțiunii, unde se află un pom. Încă un mormânt, marcat cu nr. 36 și semnalat la joncțiunea carourilor 27 și 28, în pământul de umplutură a segmentului de șanț notat complexul 5, a fost distrus complet cu prilejul săpării șanțului respectiv.

Lipsindu-ne condițiile adecvate de păstrare și posibilitatea de a le transmite momentan spre studiere unui antropolog, cea mai mare parte a osemintelor scheletelor descoperite în 2010 au fost reîngropate pe același loc. Pentru determinări antropologice au fost selectate și împachetate doar craniile și oasele bazinului provenind de la 12 schelete (mormintele 1-4, 6, 9-11, 13-16). Studiul antropologic al acestor resturi osteologice, precum și al celor 18 morminte distruse prin lucrările agricole, a fost efectuat în primăvara-vara anului 2011 de dna dr. Angela Simalsik, cercetător științific în Secția de Cercetări Antropologice a Academiei Române, Filiala Iași⁴, rezultatele preliminare ale analizelor fiind utilizate de noi și în raportul științific privind

⁴ Multumim și pe această cale dnei dr. Angela Simalsik pentru implicare activă la cercetări și deschidere spre colaborări viitoare.

cercetările arheologice de la Lozova, prezentat Comisiei Naționale Arheologice la sfârșitul lunii iulie 2011. În ceea ce privește materialul antropologic descoperit prin săpăturile din vara anului 2011, acesta a fost studiat integral de antropologul de la Iași, care a putut participa și la studierea *in situ* a scheletelor dezvelite în ultima campanie arheologică de la Lozova.

În continuare, urmează descrierea mormintelor în ordinea numerotării lor, cum apar pe planurile de la fig. 6 și 8, ordine care coincide cu evoluția săpăturilor. Descrierea fiecărui mormânt din catalog include prezentarea lui amănunțită (ca rit și ritual) și a elementelor de inventar, cu precizarea locului aflării pieselor și menționarea dimensiunii lor. Ilustrația aferentă este grupată pe complexe, înglobând desene și fotografii ale mormintelor și obiectelor descoperite.

Mormântul A/2007 (fig. 9A). Descoperit în caseta 1/2007, la adâncimea de 0,35 m. Orientarea V(270°)–E (cap-picioare). Groapa, de formă trapezoidală, mai largă la cap și mai îngustă la picioare, cu dimensiunile de 1,75x0,3-0,60 m, a fost surprinsă sub stratul vegetal, adâncindu-se cu 0,13 m de la nivelul identificării. Scheletul, cu excepția cutiei craniene distrusă de lucrările agricole, era relativ bine conservat, având lungimea de 1,60 m și lățimea în dreptul umerilor de 0,35 m. Judecând după dimensiuni, mormântul a aparținut unui individ adult, al cărui sex rămâne neprecizat. Scheletul era depus pe spate, cu fața în sus, având picioarele întinse în lungul corpului și brațele îndoite din coate, cu mâna stângă așezată pe piept, iar dreapta adusă spre umăr. În partea dreaptă a picioarelor, spre fundul gropii a fost descoperit un ciob din pereții unui vas lucrat la roată din pastă roșietico-gălbui, caracteristic epocii Hoardei de Aur. După toate probabilitățile, ciobul respectiv nu a fost depus intenționat în mormânt ca inventar, ci a ajuns aici întâmplător, odată cu pământul aruncat pentru astuparea gropii sepulcrale.

Mormântul 1 (fig. 9B). Observat în S.III, la joncțiunea car. 12 și 13. Adâncimea 0,45 m. Orientarea V–E. Groapa de formă cvasitrapezoidală, cu capătul vestic mult rotunjit, pereții drepecți și fundul înclinat ușor spre E și N. Lungimea gropii era de 2 m, iar lățimea de 0,55 m în zona picioarelor și 0,80 m în regiunea capului. Scheletul, aparținând unui *maturus* (45-50 de ani), de sex probabil masculin, era depus pe spate, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu palma stângă așezată pe bazin, iar cea dreaptă pe cutia toracică. Craniul era răsturnat pe partea stângă și mișcat la circa 13 cm de oasele gâtului, maxilarul inferior fiind desprins și rămas pe vertebrele gâtului. Umplutura gropii mormântului consta din pământ cenușiu-brun, în partea superioară a scheletului, în zona pieptului fiind semnalate fragmente de cărbune de lemn, iar în zona craniului

urme de oxizi de culoare verde de la un obiect(?) de bronz, fără să se găsească însă vreo piesă de inventar.

Mormântul 2 (fig. 10A). Descoperit în S.III, car. 14, lângă peretele lui estic. Adâncimea 0,3 m. Orientarea generală V–E. Groapa a fost surprinsă doar în mică parte, mai precis colțul ei de nord-vest, având, se pare, formă trapezoidală. Scheletul, aparținând unei femei de vârstă adultă, a fost în mare parte distrus cu prilejul săpării șanțului descoperit în perimetrul carourilor 13-14. *In situ* s-au păstrat craniul, care era spart, cu mandibula dedesubt, vertebre, coaste, spatula stângă, humerusul și parte din antebrațul stâng, care a fost tăiat cu ocazia săpării șanțului. Inventarul consta dintr-o verigă de tâmplă(?) cu capetele suprapuse, lucrată din sârmă subțire de bronz (diametrul 3,5 cm) (fig. 10A,3), găsită la creștetul capului, și două mărgelile din pastă sticloasă: una sferoidală înaltă, de culoare galbenă, încrustată cu o bandă vălurită de nuanță turcoaz (dimensiuni 1,3x1,4 cm) (fig. 10A,1) descoperită în dreapta craniului, și alta piriformă, de culoare cafenie, decorată prin intarsiere cu o linie în val de nuanță turcoaz (dimensiuni 1,3x1,4 cm) (fig. 10A, 2), găsită în zona craniului.

Mormântul 3 (fig. 9C). Aflat în caroul 10, la adâncimea de 0,4 m, lângă taluzul estic al S.III. Întrucât în secțiunea trasată inițial a fost surprinsă doar partea superioară a scheletului, s-a deschis o mică casetă pentru a fi dezvelit întreg scheletul. Groapa mormântului avea formă trapezoidală, cu capătul vestic arcuit, pereții verticali și fundul înclinat spre E și N. Dimensiunile gropii erau de 0,35-0,55x1,4 m. Scheletul avea lungimea de 1,05 m, aparținând unui *infans I* de 6-7 ani, probabil de sex feminin. Craniul era spart, oasele în bună parte putrezite, osul sacru și cele ale labelor picioarelor lipsă, probabil dispărute prin putrezire. Defunctul a fost așezat pe spate, cu picioarele întinse și brațele îndoite din cot, cu mâinile aduse pe piept. Orientat cu capul spre VSV(245°). Lipsit de inventar.

Mormântul 4 (fig. 9D). Descoperit la intersecția car. 9 și 10, la cca 1,3 m SE de M.3, sub taluzul estic al secțiunii, dezvelindu-se integral prin deschiderea unei casete laterale. Fiind săpată în solul cenușiu-brun, groapa nu a putut fi delimitată. Adâncimea 0,40 m. Orientarea VSV(245°)–ESE. Scheletul, cu lungimea de 1,62 m, aparținea unei femei mature de 50-55 de ani. S-a conservat nesatisfăcător, o parte din oase fiind putrezite. Scheletul era așezat în poziție întinsă pe spate, cu fața în sus, având craniul spart, coloana vertebrală ușor arcuită, picioarele alăturate și ambele brațe aduse, după cât se pare, pe piept. La mijlocul craniului, în partea lui dreaptă au fost găsite resturi de cuie(?) de fier, iar la 10 cm spre SE, în solul de umplutură a gropii – un fragment mic de perete de vas ceramic de culoare gălbui-roșiată tipic perioadei Hoardei de Aur.

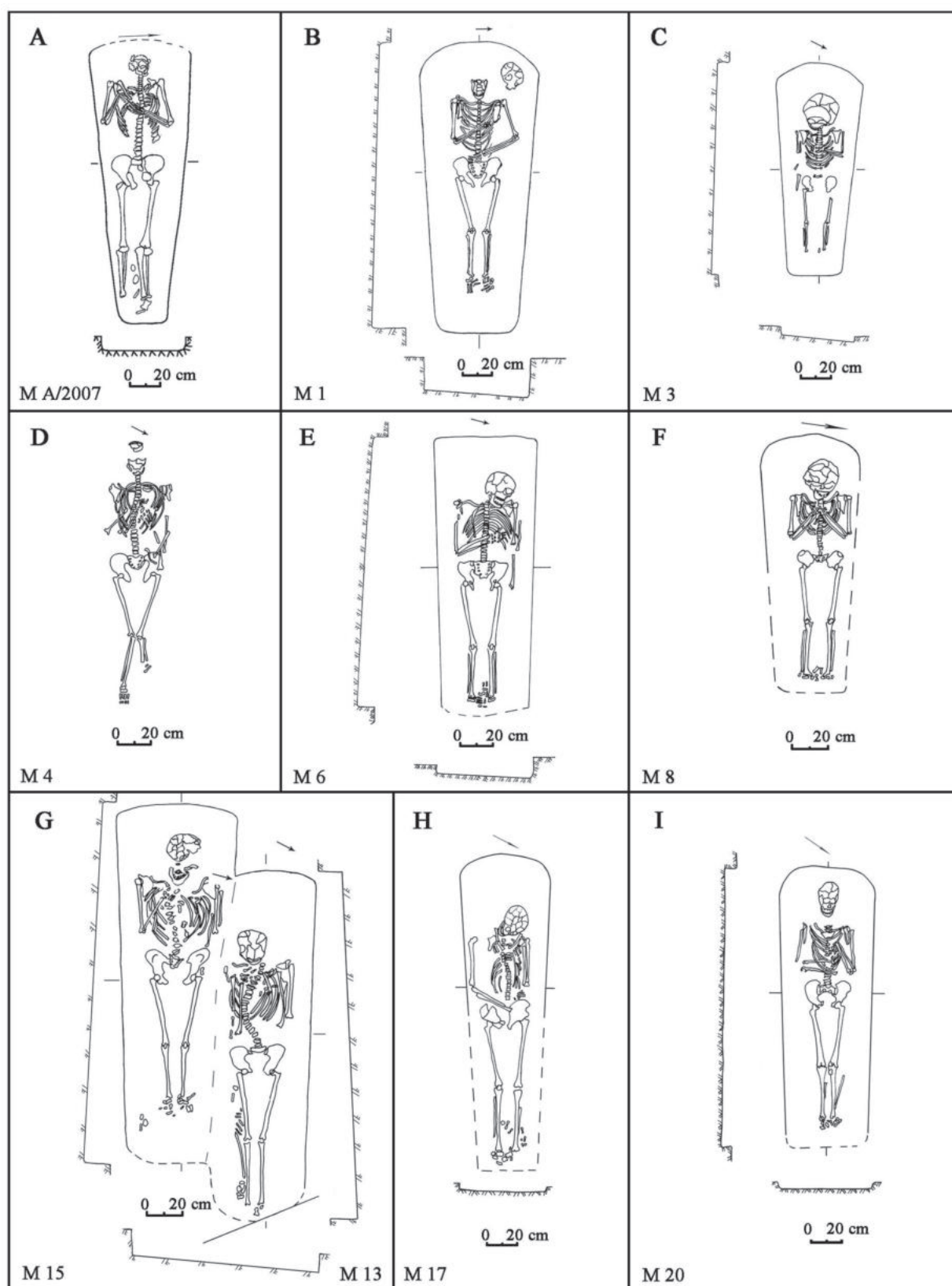

Fig. 9. Mormintele A/2007 (A), 1 (B), 3 (C), 4 (D), 6 (E), 8 (F), 13 (G), 15 (G), 17 (H) și 20 (I).

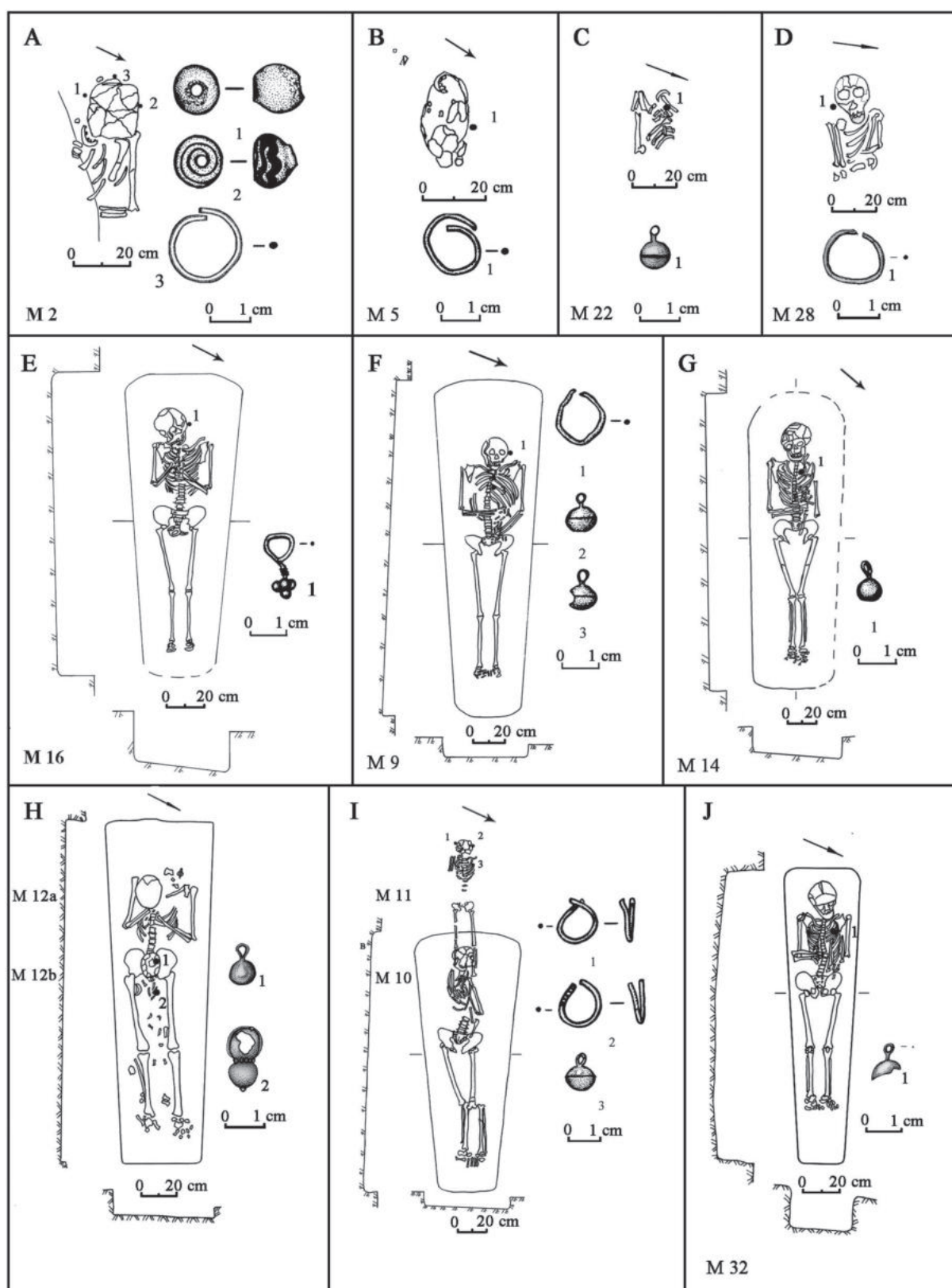

Fig. 10. Mormintele 2 (A), 5 (B), 9 (F), 10 (I), 11(I), 12a (H), 12b (H), 14 (G), 16 (E), 22 (C), 28 (D) și 32 (J).

Mormântul 5 (fig. 10B). Aflat în partea de N a car. 8, la adâncimea de 0,3 m. Groapa nesesizată. Orientarea a fost stabilită cu aproximație, fiind pe direcția generală V-E. Scheletul, aparținând unui copil de 6-7 ani, a fost distrus de lucrările agricole(?). *In situ* s-a găsit craniul spart, întors pe partea dreaptă și orientat cu creștetul spre V. Sub și lângă craniu erau resturi osoase de la cutia toracică și două fragmente de la un antebraț. În zona oaselor s-a descoperit un fragment de perete de vas ceramic tipic epocii Hoardei de Aur. De asemenea, la 0,15 m S de craniu, la nivelul de 0,45 m de la suprafața actuală a solului, s-a găsit o verigă de tâmplă(?) de bronz și un dinte uman acoperit cu patină verde. Veriga este lucrată din sârmă subțire de bronz, circulară în secțiune, având capetele apropiate (diametrul 1,6 cm).

Mormântul 6 (fig. 9E) Descoperit în car. 6, la adâncimea de 0,70 m. Groapa de formă trapezoidală, cu dimensiunile de 0,55-0,64x1,75 m. Colțul nord-vestic al gropii intra sub taluzul estic al secțiunii. Orientarea V-E. Scheletul, aparținând unui bărbat matur de 45-50 de ani, se afla depus în decubit dorsal, cu craniul ușor ridicat, întors pe partea dreaptă și brațele îndoite din coate, cu palmele așezate pe piept. Unele oase ale labelor picioarelor au fost aflate între oasele gambelor, iar un os al antebrațului stâng – lângă bazin. Umplutura gropii prezenta sol de culoare cenușiu-brună. Inventarul lipsește.

Mormântul 7. A fost surprinsă doar jumătatea superioară a craniului, în car. 4, sub taluzul estic, la adâncimea de 0,62 m. Conturul gropii nedelimitat. Urmează a fi cercetat ulterior.

Mormântul 8 (fig. 9F). Descoperit la joncțiunea car. 3, 4, 17 și 18, la adâncimea de 0,82 m. Orientarea VSV(265°)-ENE. Groapa trapezoidală, cu partea din spre cap rotunjită, având lățimea maximă de 0,51 m, delimitată însă doar în partea superioară a scheletului, pe o lungime de 0,6-0,8 m. Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-brun, în care s-au semnalat mici fragmente de cărbune de lemn. Scheletul, cu lungimea de 1,22 m, aparține unui *infans II*, probabil de sex masculin. S-a conservat nesatisfăcător, o parte din oase fiind putrezite. Scheletul era așezat în poziție întinsă pe spate, cu fața în sus, având craniul spart, coloana vertebrală relativ dreaptă, picioarele alăturate și ambele brațe aduse în partea superioară a cutiei toracice. Fără inventar

Mormântul 9 (fig. 10F). A fost observat în car. 5. Întrucât scheletul intra parțial sub taluzul vestic al secțiunii, pentru dezvelirea lui integrală a fost necesară deschiderea unei case. Adâncimea 0,70-0,74 m. Orientarea V(250°)-E. Groapa de formă trapezoidală cu capetele ușor rotunjite, pereții verticali și fundul ușor înclinat spre E (dimensiuni 0,4-0,66x2,5 m). Umplutura gropii consta din pământ cenușiu-brun. Schele-

tul, cu lungimea de 1,5 m și lățimea în dreptul umerilor de 0,4 m, aparținea unui bărbat matur de 50-55 de ani. A fost depus pe spate, cu craniul ușor întors spre dreapta, picioarele întinse în lungul corpului și brațele îndoite din coate, cu palma stângă așezată pe bazin, iar dreapta pe piept. Inventarul include trei piese găsite în zona gâtului: o verigă de tâmplă(?) din sârmă de bronz, având capetele apropiate (diametrul 1,4 cm) (fig. 10F) și doi nasturi sferoidali de bronz cu urechiușă de prindere (unul cu lungimea de 1,1 cm și diametrul corpului 0,9 cm – fig. 10F, iar altul având lungimea 1,2 cm și diametrul corpului 0,8 cm – fig. 10F).

Mormântul 10 (fig. 10I). Descoperit în partea de V a car. 10, intrând parțial sub profil, din care motiv, pentru dezvelirea lui integrală a fost deschisă o casetă notată cu nr. 2. Adâncimea 0,40-0,45 m. Orientarea VSV(250°)-ENE. Groapa era de formă trapezoidală cu colțurile rotunjite, lungimea ei fiind de 1,80 m, lățimea de 0,75 m la cap și 0,44 m la picioare. Pereții gropii erau relativ drepecți, iar fundul ușor înclinat spre E. Umplutura gropii prezenta sol de culoare cenușiu-brună. Scheletul, aparținând unei femei mature de 50-55 de ani, avea lungimea de 1,55 m; se găsea pe spate, cu craniul spart, întors pe partea stângă, coloana vertebrală ușor arcuită spre N, oasele cutiei toracice deranjate, brațul drept rupt, cu poziția neprecizată, iar cel stâng îndoit din cot, cu palma adusă spre umăr și picioarele întinse și apropiate. În zona bazinului s-au depistat fragmente mici de cuie(?) de fier. În partea de V M.10 era suprapus de M.11, de copil.

Mormântul 11 (fig. 10I). Aflat în caseta 2, sub solul vegetal, la adâncimea de 0,22 cm. Orientarea VSV(250°)-ENE. Groapa nedelimitată. Scheletul, aparținând unui copil de 6-7 ani cu sexul indeterminabil, era prost conservat, având multe dintre oase (brațul stâng, o parte din coaste și din bazin ș.a.) dispărute prin putrezire. El se găsea pe spate, cu fața în sus(?), brațul drept îndoit din cot, cu palma adusă spre umăr, și picioarele întinse, cu oasele gambelor și labelor aflate peste craniul scheletului M.10. Drept inventar au fost semnalate trei piese: un nasture sferoidal de bronz cu urechiușă de prindere (lungimea 1,4 cm; diametrul corpului 1 cm) (fig. 10I), descoperit între oasele cutiei toracice, și două verigi de tâmplă(?) din sârmă de argint, având capetele apropiate (prima cu diametrul de 1,2 cm – fig. 10I, a doua – de 1,4 cm – fig. 10I), găsite sub oasele craniului.

Mormântul 12 (fig. 10H; 23,1) a fost descoperit în car. 24 și cas. 12, la adâncimea de cca 0,3-0,48 m. Orientarea VSV(250°)-ENE. Groapa avea formă trapezoidală, cu lungimea de 1,95 m și lățimea de 0,6 m, la cap, și de 0,4 m, la picioare. Pereții gropii erau relativ drepecți, iar fundul ușor înclinat spre vest și nord. Umplutura gropii prezenta sol de culoare cenușiu-brună,

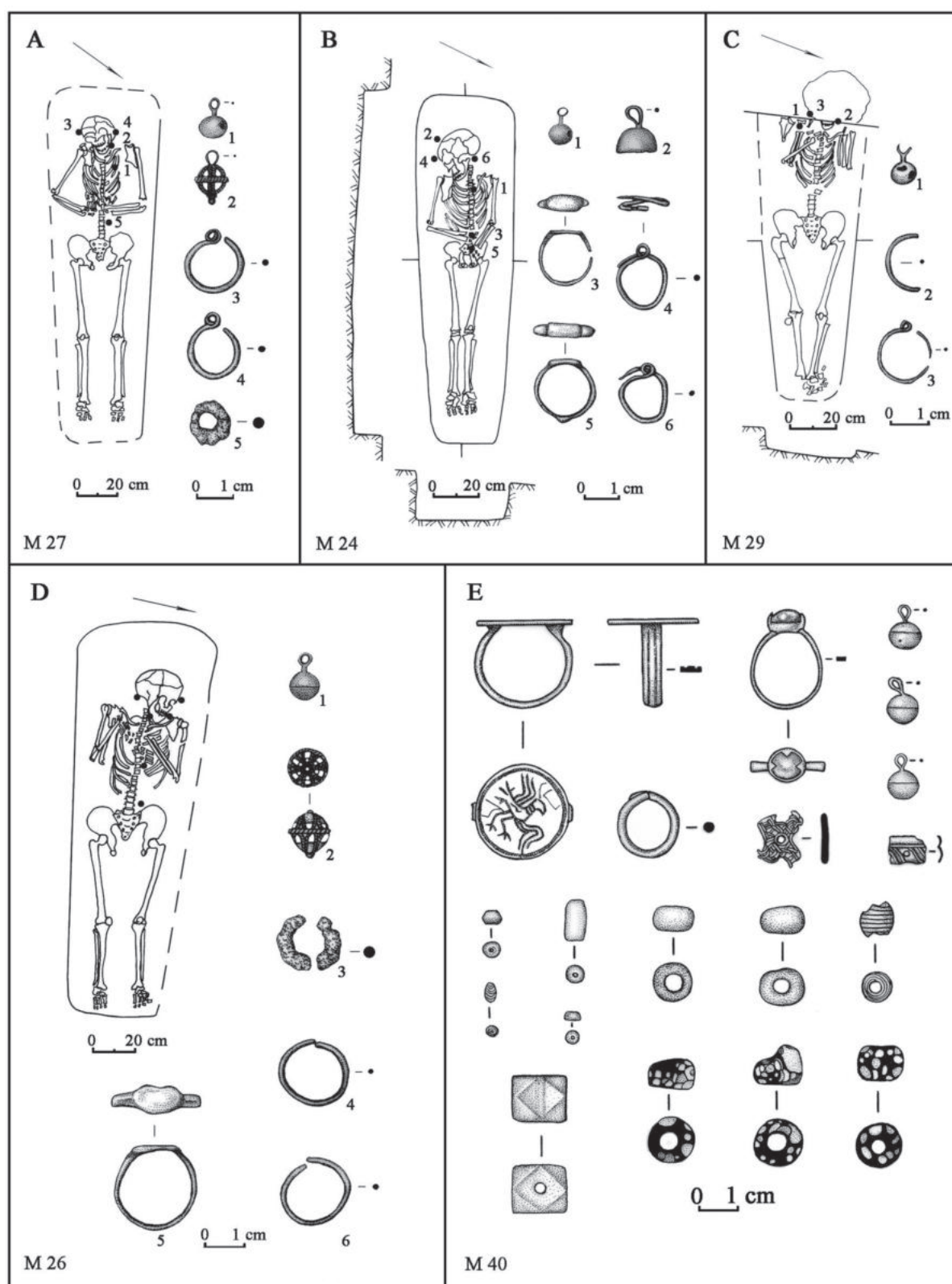

Fig. 11. Mormintele 24 (B), 26 (D), 27 (A) și 29 (C) și obiecte din mormântul 40 (E).

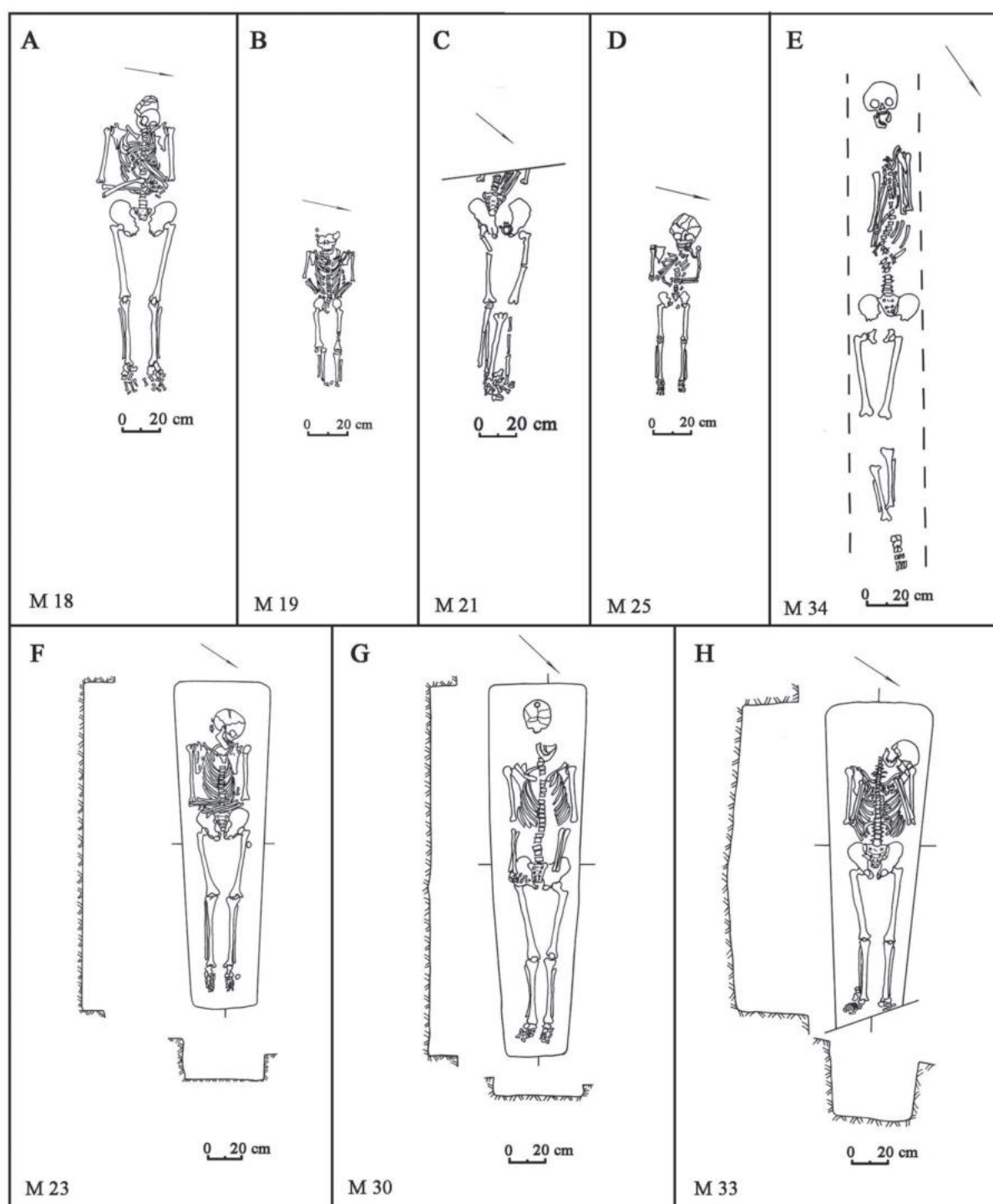

Fig. 12. Mormintele 18 (A), 19 (B), 21 (C), 23 (F), 25 (D), 30 (G), 33 (H) și 34 (E).

în care s-au semnalat câteva mici bucăți de cărbune. Mormântul este dublu.

12A. Scheletul, întins pe spate, cu craniul deplasat, căzut pe partea superioară a pieptului, ușor spre dreapta, mandibula la ceafa cutiei craniene, brațele îndoite puternic din coate, cu palmele așezate pe piept și picioarele alăturate, a aparținut unui *adultus* de 25-30 de ani, probabil de sex feminin. Pe capătul dinspre stern a claviculei stângi a fost observată o pată verde, lăsată, se pare, de un obiect mic de bronz ce nu s-a păstrat.

12B. Scheletul, prost conservat, în decubit dorsal, cu craniul în parte sfărâmat, întors pe partea dreaptă, se afla pe oasele bazinului scheletului 12A; avea cele mai multe oase ale corpului putrezite și femurul stâng dispus în lungul corpului. A aparținut unui copil de 3-4 ani. În zona toracelui a fost găsit un pandantiv/nasture(?) de argint alcătuit din două sfere mici de dimensiuni diferite, având urechiușa ruptă; în zona de joncțiune a sferelor, piesa prezintă o nervură în relief decorată în tehnica granulației. Un nasture sferoidal de bronz cu urechiușă de prindere (lungimea 1,4 cm; diametrul corpului 1 cm) se afla sub oasele craniului.

Mormântul 13 (fig. 9G; 23,2). Descoperit în car. 9, la adâncimea de cca 0,7 m. Orientarea VSV(245°)–ENE. Groapa, de formă trapezoidală(?) cu capetele ușor rotunjite, a putut fi surpinsă doar în partea de N și V, în partea de S fiind tăiată de groapa M.15. Avea lungimea de cca 2 m, pereții drepți și fundul ușor înclinat spre E și N. Umplutura gropii consta din pământ de culoare cenușiu-brună, amestecat pe alocuri cu rare boabe de cărbune de lemn. În solul de umplutură a gropii din zona picioarelor s-a mai semnalat un mic fragment din pereții unui vas datând, probabil, din perioada stăpânirii tătar-mongole. Scheletul, cu lungimea de 1,68 m și lățimea în dreptul umerilor de 0,40 m, se afla pe spate, cu fața în sus, având coloana vertebrală arcuită spre S, picioarele întinse și alăturate, brațul stâng îndoit din cot, cu palma adusă spre umăr, iar cel drept deranjat, probabil cu prilejul săpării gropii M.15. Mai multe oase ale labelor picioarelor se aflau lângă humerusul și tibia piciorului drept. Potrivit determinărilor antropologice, scheletul a aparținut unui tânăr de 18-20 de ani. Două falange de degete aflate în zona cutiei toracice prezentau pete de culoare verde, probabil urme de la piese de bronz, care nu s-au păstrat. La adâncimea de 0,70 m, la baza osului sacru, s-a semnalat un fragment mic de zgură de fier(?). În marginea de S, groapa M.13 a fost suprapusă de M.15.

Mormântul 14 (fig. 10G). A fost surprins în car. 7. Întrucât capătul vestic al mormântului intra sub peretele secțiunii, pentru dezvelirea lui integrală s-a deschis o mică casetă laterală. Adâncimea 0,7 m. Orientarea VSV(230°)–ENE. Groapa de formă cvasirectangulară, cu capetele rotunjite, pereții drepți și fundul înclinat

spre E (dimensiuni 0,65x2,4 m). Umplutura gropii consta din pământ de culoare brun-închisă, pe alocuri (cu precădere în zona femurului drept) semnalându-se și cărbuni de lemn. Scheletul avea lungimea de 1,65 m și aparținea unui bărbat matur de 30-35 ani. Era depus pe spate, cu craniul în poziție normală cu fața în sus, brațele îndoite din cot cu palmele așezate pe piept, picioarele întinse și apropiate, în zona genunchilor și a labelor fiind chiar lipite. În partea stângă a gâtului, sub mandibulă, se afla un nasture sferoidal de bronz cu urechiușă de prindere (lungimea 1,1 cm; diametrul corpului 0,7 cm).

Mormântul 15 (fig. 9G; 23,2). Semnalat la limita car. 8-9, având capătul vestic intrat sub peretele secțiunii. La fel ca și în alte câteva cazuri, pentru dezvelirea integrală a mormântului s-a deschis o casetă laterală. Scheletul se afla la adâncimea de cca 0,7 m, fiind orientat cu craniul spre V(245°). Groapa sepulcrală era de formă trapezoidală, mai largă în zona capului, cu pereții drepți și fundul înclinat spre E și N (dimensiuni 2,05x0,48-0,68 m). Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-brun, în care s-au semnalat mici fragmente de cărbune de lemn. Scheletul avea lungimea de 1,72 m și aparținea unui bărbat matur de 40-45 ani. Era așezat în decubit dorsal, cu craniul întors pe partea stângă, mandibula pe vertebrele gâtului, mâinile îndoite din cot cu palmele aduse spre umeri și picioarele întinse și apropiate. Fără nici un element de inventar.

Mormântul 16 (fig. 10E). Descoperit în car. 16 și caseta 7, la adâncimea de 0,5 m. Orientarea VSV(240°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu capetele puțin rotunjite, pereții drepți și fundul înclinat spre V și, îndeosebi, spre N (dimensiuni 0,4-0,65x1,65 m). Umplutura gropii mormântului consta din sol cenușiu-gălbui, în care s-au semnalat rari pigmenti de cărbune de lemn. Scheletul se găsea pe spate, cu craniul ușor întors spre dreapta, brațele îndoite din cot cu palmele depuse pe partea superioară a cutiei toracice și picioarele întinse și paralele. Are lungimea de 1,3 m și aparține unei fete de 13-14 ani. Inventar: în zona urechii drepte se afla un cercel de argint în formă de ”?””, prevăzut cu un ciorchine compus din patru boabe la bază (lungimea 1,9 cm, diametrul verigii 0,7 cm) (fig. 10E).

Mormântul 17 (fig. 9H). Aflat în car. 8 și 22, la adâncimea de 0,72 m. Orientarea VSV(250°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu capătul vestic rotunjit, a fost delimitată în partea superioară pe o lungime de 1,2 m și pe o adâncime de 0,05-0,07 m; are lățimea de 0,6 m în zona capului și de 0,4 m la picioare. Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-brun, în care s-au semnalat mai multe fragmente de cărbune de lemn. Scheletul avea lungimea de 1,7 m și aparținea unui bărbat matur de 35-40 de ani. Era așezat în decubit dorsal, cu craniul

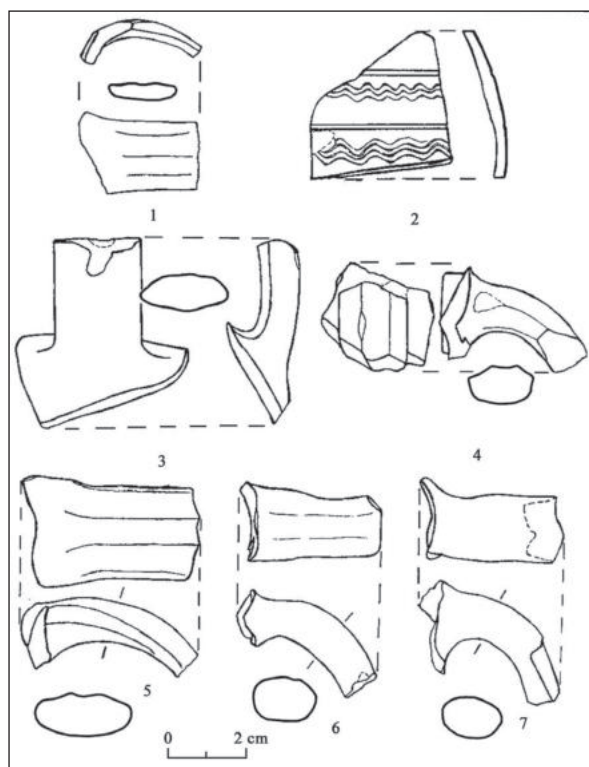

Fig. 13. Ceramică roșietico-gălbuie lucrată la roată cu turație medie descoperită la suprafața solului.

sfărâmat, deplasat în față și întors ușor pe partea stângă; coloana vertebrală puțin arcuită spre N, brațul stâng adus spre umăr, cel drept cu palma așezată pe iliacul stâng; picioarele întinse și apropiate. Fără inventar.

Mormântul 18 (fig. 12A). Descoperit în partea de V a car. 18, intrând parțial sub profil, din care motiv, pentru dezvelirea lui integrală a fost deschisă o case-tă, notată cu nr. 8. Adâncimea 0,75-0,77 m. Orientarea VSV(265°)–ENE. Groapa nesesizată. Scheletul, aparținând unui bărbat matur de 35-45, avea lungimea de 1,72 m și lățimea în dreptul umerilor de 0,41 m; se găsea pe spate, cu craniul spart, întors pe partea dreaptă, coloana vertebrală dreaptă, brațul drept îndoit în unghi drept cu palma așezată pe abdomen, iar cel stâng îndoit puternic din cot, cu palma adusă pe partea superioară a cutiei toracice; picioarele întinse și apropiate. În zona abdomenului s-au depistat fragmente mici de cărbune, iar lângă craniu un ciob atipic de vas lucrat cu mâna. Fără alt inventar.

Mormântul 19 (fig. 12B). Observat în colțul nord-vestic al car. 8. Fiind săpată în solul cenușiu-brun, groapa nu a putut fi delimitată. Adâncimea 0,60-63 m. Orientarea VSV(260°)–ESE. Scheletul, cu lungimea de 0,92 m, aparținea unui copil de 5-6 de ani. S-a conservat nesatisfăcător, o parte din oase fiind putrezite. Scheletul era așezat în poziție întinsă pe spate, cu fața

în sus, având craniul spart, brațele așezate pe bazin și picioarele alăturate, aflate puțin mai sus decât oasele bazinului. În diferite zone ale scheletului s-au semnalat bucăți mici de cărbune de lemn. În dreapta craniului, lângă orbită, au fost găsite câteva fragmente de sârmă din fier corodate și un mic fragment de sârmă din bronz.

Mormântul 20 (fig. 9I). Aflat în partea de nord a car. 20, la adâncimea de 0,61 m. Orientarea VSV(250°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu colțurile rotunjite (0,52-0,62x1,92 m). Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-brun, în zona toracelui semnalându-se un fragment de cărbune de lemn. Scheletul avea lungimea de 1,69 m și aparținea unui bărbat matur de 45-50 ani. Se găsea în decubit dorsal, cu craniul sfărâmat, în poziție normală, coloana vertebrală puțin arcuită spre N, brațul stâng adus pe partea superioară a cutiei toracice, iar dreptul cu palma așezată pe abdomen și picioarele întinse și apropiate. Fără inventar.

Mormântul 21 (fig. 12C). Descoperit la limita dintre car. 21 și 22, la adâncimea de 0,70-0,72 m. Groapa nesesizată. Scheletul aparținea unui bărbat adult de 25-30 de ani. Au fost dezvelite picioarele, aflate în poziție întinsă, apropiate în zona labelor, oasele bazinului, antebrațului stâng (aflat în zona bazinului), și câteva

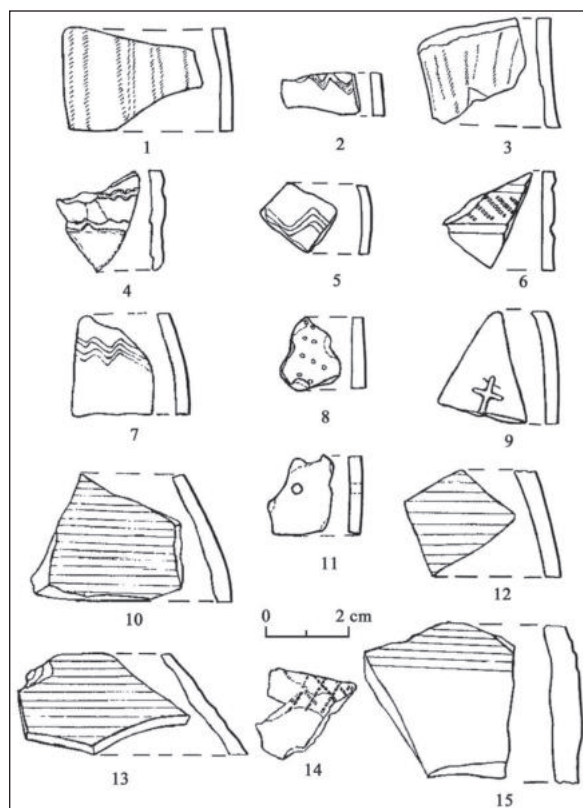

Fig. 14. Ceramică roșietico-gălbuie lucrată la roată cu turație medie descoperită la suprafața solului.

vertebre și coaste, restul scheletului, intrând sub perețele vestic al secțiunii, unde se află un pom, nu a putut fi cercetat. Judecând după poziția picioarelor și a altor oase dezvelite, scheletul are orientarea VSV(235°)–ENE. În regiunea humerusului drept și a bazinului au fost depistate fragmente mici de cărbune de lemn și un mic ciob atipic de vas ceramic modelat cu mâna. Fără inventar.

Mormântul 22 (10C). Descoperit în car. 27, în partea lui de vest, la adâncimea de 0,20-0,22 m. Groapa nesesizată. Scheletul, aparținând unei femei mature de 50-55 ani, a fost distrus în mare parte de lucrările agricole. *In situ* s-a mai păstrat o porțiune din cutia toracică și *humerus*-ul drept. Mâna dreaptă era îndoită sub un unghi ascuțit, cu palma adusă spre umărul drept. Printre oase s-a semnalat un mic fragment de cărbune de lemn. Judecând după poziția humerusului drept, orientarea mormântului era VSV–ESE. Inventarul consta dintr-un nasture sferoidal de bronz cu urechiușă de prindere (lungimea 1 cm; diametrul corpului 0,7 cm), găsit în zona cutiei toracice.

Mormântul 23 (fig. 12F). Aflat în car. 28, iar capătul estic și la joncțiunea cu car. 14, la adâncimea de 0,46-0,48 m. Orientarea VSV(240°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu colțurile ușor rotunjite, mai largă în zona capului (0,39-0,6x2,04 m). Umplutura gropii prezenta sol brun-gălbui, cu concrețiuni de carbonat de calciu și de oxizi de fier. Scheletul aparținând unui bărbat adult de 20-25 de ani era așezat în decubit dorsal, cu craniul căzut pe piept, întors puțin pe partea stângă, brațele îndoite din coate sub un unghi de 90°, cu palmele așezate pe abdomen și picioarele întinse și apropiate. Fără inventar. Pe mandibulă, în partea ei stângă, s-a observat însă o pată clară de culoare verde provenind, probabil, de la un obiect de bronz ce nu s-a păstrat.

Mormântul 24 (fig. 11B). Descoperit în partea nordică a car. 28, iar capătul estic – la joncțiunea car. 14 și 28, la adâncimea de 0,48-0,50 m. Orientarea VSV(250°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu colțurile ușor rotunjite, mai largă în zona capului (0,35-0,45x1,6 m). Umplutura gropii consta din sol brun-gălbui, cu concrețiuni de carbonat de calciu și de oxizi de fier și urme de cărbune (în zona cutiei toracice). Scheletul, cu lungimea de 1,3 m, aparținea unui *infans II* (10 ani), probabil de gen feminin. Era depus în decubit dorsal, cu craniul întors pe partea dreaptă, mâna stângă ușor îndoită din cot, cu palma pe bazin, iar cea dreaptă îndoită sub un unghi de aproape 90°, plasată pe abdomen; picioarele întinse și apropiate. Inventarul include două inele de bronz(?), unul găsit în partea inferioară a abdomenului, pe inelarul drept și altul – tot în zona abdomenului, pe o falangă colorată în verde; doi cercei sau verigi de tâplă de bronz(?), semnalate în zona craniului; un pandantiv de bronz se-

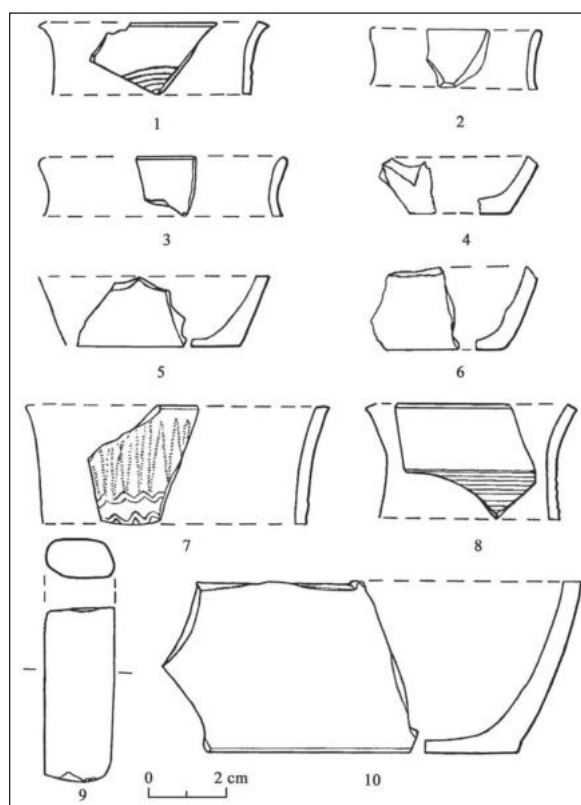

Fig. 15. Ceramică roșietico-gălbue lucrată la roată cu turație medie descoperită la suprafața solului.

misferic cu tortiță, descoperit la creștet, lipit de craniu; un nasture globular cu tortiță, de bronz, păstrat cu un mic rest de pânză, găsit în partea superioară a toracelui; câteva fragmente mici de tablă de bronz (probabil de la o diademă), găsite pe partea frontală a craniului, care s-a colorat în verde.

Mormântul 25 (fig. 12D). Observat în partea nordică a car. 17, la adâncimea de 0,7 m. Orientarea VSV(260°)–ENE. Groapa nesesizată. Scheletul, conservat prost, avea lungimea de cca 1 m și aparținea unui copil de 7-8 ani. Se găsea pe spate, cu craniul fragmentat, ușor înclinat pe partea stângă; mâna dreaptă, îndoită sub un unghi ascuțit, era adusă spre gură, iar dreapta, îndoită sub unghi drept – așezată pe torace; membrele inferioare întinse și alăturate. Fără inventar.

Mormântul 26 (fig. 11D). Descoperit în secțiunea IV, la joncțiunea car. 2 și 3. Adâncimea 0,29 m. Orientarea VSV(260°)–ENE. Groapa, surprinsă doar parțial, de formă trapezoidală, cu colțurile rotunjite, avea lungimea de cca 1,9 m, iar lățimea, în zona picioarelor, de 0,44 m și de 0,64 m în regiunea capului. Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-brun-gălbui, de nuanță mai gălbui la picioare și cenușiu-brun în jumătatea superioară a scheletului, cu urme slabe de cărbune de lemn. Scheletul, aparținând unui *adultus* (20-25 ani) de sex feminin, era depus pe spate, cu craniul întors pe par-

tea stângă, picioarele întinse și brațele îndoite puternic din coate, aduse spre omoplați. Ca inventar mormântul conținea un inel de bronz(?), găsit în partea inferioară a cutiei toracice, în stânga coloanei vertebrale; doi cercei sau verigi de tâmplă de bronz(?), primul descoperit pe osul temporal stâng și al doilea la tâmpla dreaptă; un nasture globular cu tortiță, lucrat din argint, găsit sub mandibulă; un pandantiv sau nasture de argint, ajurat, de formă ovoidală, cu tortiță, semnalat sub mandibulă; o piesă fragmentară, de formă cilindrică(?), lucrată din foiță subțire de bronz, descoperită în zona abdomenului, în partea dreaptă a coloanei vertebrale; o verigă de dimensiuni mici executată din fier, corodată, găsită în zona abdomenului, mai sus de iliacul stâng; un obiect inform de fier, puternic corodat, observat pe creștetul craniului (s-a descompus la degajarea oaselor).

Mormântul 27 (fig. 11A). Semnalat în S.IV, car. 1 și caseta 1, la adâncimea de 0,25-0,42 m. Orientarea VSV(240°)–ENE. Groapa, surprinsă doar parțial, era de formă trapezoidală, cu colțurile rotunjite, având lungimea de cca 1,85 m, iar lățimea, în zona picioarelor, de 0,38 m și 0,6 m în regiunea capului. Umplutura gropii consta din sol cenușiu-brun-gălbui, de nuanță mai gălbuie la picioare și cenușiu-brun în jumătatea superioară a scheletului. Scheletul, cu lungimea de 1,58 m, a aparținut unei femei mature de 45-50 de ani. Era depus în decubit dorsal, cu craniul întors puțin pe partea dreaptă, picioarele întinse și brațele îndoite

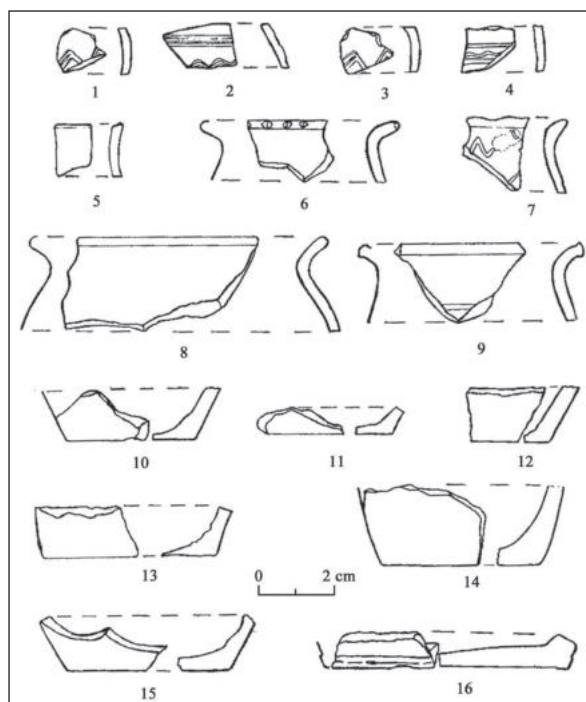

Fig. 16. Ceramică cenușiu-cărmizie din pastă cu nisip lucrată la roata cu turație medie de la suprafața solului.

din coate, cu palmele așezate pe abdomen. Inventarul consta din doi cercei sau verigi de tâmplă de bronz(?), găsite lângă tâmpla dreaptă și, respectiv, cea stângă; un nasture globular cu tortiță, de argint(?), descoperit în zona toracelui; un pandantiv sau nasture ovoidal ajurat, de argint, cu tortiță, găsit sub mandibulă; o piesă fragmentară, de formă bitronconică alungită(?), lucrată din foiță subțire de bronz, observată pe osul sacru; două verigi de fier, de dimensiuni mici, puternic corodate, găsite în zona abdomenului.

Mormântul 28 (fig. 10D). Descoperit în secțiunea IV, caseta 1, la adâncimea de 0,20-0,23 m. Orientarea VSV–ENE. Groapa nesensizată. Scheletul, aparținând unui copil de 6-12 luni, era distrus în cea mai mare parte. *In situ* s-a păstrat numai cutia toracică și craniul strivit, după poziția cărora s-a putut stabili orientarea scheletului. În partea dreaptă a craniului a fost găsit un cercel sau verigă de tâmplă de bronz(?).

Mormântul 29 (fig. 11C). Aflat în S.III, la joncțiunea car. 25 și 26. Adâncimea 0,22-35 m. Capătul vestic al mormântului nu a putut fi cercetat, întrucât intra sub taluzul secțiunii, unde se află un pom. Orientarea VSV(260°)–ENE. Groapa, surprinsă doar parțial, avea formă trapezoidală, cu capătul estic rotunjit, fiind înclinată spre nord. Scheletul, aparținând unui *juvenis* (18-20 ani) de sex feminin, era depus pe spate, cu brațele îndoite puternic din coate, aduse spre omoplați; picioarele întinse și apropiate în zona labelor; craniul distrus de rădăcinile copacului. Inventarul includea doi cercei sau verigi de tâmplă, de bronz(?), fragmentare, găsite lângă tâmpla dreaptă și, respectiv, cea stângă, și un nasture globular de bronz, cu tortiță de prindere(?), depistat în partea dreaptă a pieptului, lângă clavicula dreaptă.

Mormântul 30 (fig. 12G; 23,3). Descoperit la joncțiunea car. 29, 30 și a casetei 10 (S.III). Adâncimea 0,40-0,43 m. Orientarea SSV(230°)–NNE. Groapa de formă trapezoidală, mai largă în zona capului (0,35-0,56x2,08 m). Umplutura gropii consta din sol brun-gălbui, cu concrețiuni de carbonat de calciu și de oxizi de fier și rare urme de cărbune de lemn. Scheletul masiv, cu lungimea de 1,9 m, a aparținut unui bărbat matur de 45-50 de ani, fiind depus în decubit dorsal, cu craniul deplasat puțin spre vest, ușor întors spre dreapta. Avea mandibula desprinsă, deplasată pe oasele gâtului, brațele întinse pe lângă corp, cu palmele așezate pe bazin, iar picioarele întinse și alăturate. Osul parietal stâng al craniului prezenta o adâncitură circulară cu diametrul de cca 2 cm, posibil o trepanație parțial vindecată. În zona labelor picioarelor s-a găsit un mic fragment atipic de vas Hoarda de Aur. Fără alt inventar.

Mormântul 31. Surprins la joncțiunea car. 38 și 39 (S.III), la adâncimea de 0,42-0,5 m. Orientarea VSV(265°)–ENE. Groapa de formă cvasitrapezoidală, cu pereții ușor oblici, fundul înclinat spre nord și est, cu

o alveolare în zona gambelor (0,45-0,60x1,82 m). Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-gălbui, cu pigmenti de cărbune de lemn. Scheletul, cu lungimea de 1,61 m și lățimea în zona umerilor de 0,37 m, a aparținut unui *maturus* avansat (55-60 de ani) de sex feminin, fiind așezat pe spate. Avea craniul sfărâmat, întors pe partea stângă, brațul drept dispus în lungul corpului, iar stângul îndoit din cot, cu palma așezată pe abdomen, și picioarele întinse și paralele. În zona labei piciorului drept s-a găsit un mic nit de fier, probabil de la încălțăminte.

Mormântul 32 (fig. 10J). Aflat la joncțiunea car. 15, 35 și 36 (S.III), la adâncimea de 0,52-0,55 m. Orientarea VSV(250°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu pereții ușor oblici și fundul înclinat spre nord și est (0,27-0,45x1,7 m). În stânga scheletului, pe o lungime de cca 10 cm, și în zona picioarelor au fost surprinse urme de lemn putrezit, iar pe latura vestică a gropii bucăți mici de cărbune. Scheletul, aparținând unui *infans II* de 9-10 ani, era așezat pe spate, cu craniul parțial sfărâmat, ușor înclinat spre stânga, având brațul drept îndoit din cot sub un unghi drept și palma adusă pe piept, iar mâna stângă așezată, se pare, pe bazin; picioarele erau întinse și alăturate. În partea superioară a toracelui se afla un nasture sferoidal de bronz cu urechiușă de prindere (lungimea păstrată 0,8 cm; diametrul corpului 0,8 cm).

Mormântul 33 (fig. 12H). Surprins la limita dintre car. 35 și 36 (S.III), la adâncimea de 0,8-0,91 m. Orientarea VSV(240°)–ENE. Groapa de formă trapezoidală, cu pereții ușor oblici și fundul înclinat spre nord și est (0,45-0,6x1,82 m). Umplutura gropii prezenta sol cenușiu-gălbui, cu pigmenti de calcar. În zona osului sacru s-au semnalat fragmente mici de cărbune de lemn. Scheletul, conservat relativ bine, a aparținut unui bărbat matur de 35-40 de ani. Era depus pe spate, cu craniul întors pe partea stângă; avea brațele îndoite în unghi ascuțit, cu palmele aduse pe clavicule. Lipsit de inventar.

Mormântul 34 (fig. 12E; 23,4). Descoperit în colțul nord-estic al secțiunii III, în limitele car. 32, 34 și casei 11. Orientarea SSV(210°)–NNE. Conturul gropii s-a surprins vag, pe o lungime de cca 2 m și o lățime de 0,40 m, din zona capului până la cea a gambelor. Scheletul, aparținând unui bărbat matur de 35-40 ani, a fost găsit parțial mișcat, pe o lungime de 2,65 m, cu întreruperi de la craniu până la vertebre și humerus de 0,20 m, de la femure la oasele gambelor de 0,26 m și între gambe și labe de 0,10-0,15 m. Oasele scheletului se aflau la adâncimi diferite: craniul la 0,92 m; cutia toracică și brațele la 0,62-0,68 m; bazinul la 0,54-0,56 m; femurele la 0,50-0,54 m; tibiile și peroneele la 0,68-0,74 m; labele la 0,71-0,74 m. Craniul se afla cu fața în sus, ușor mișcată spre stânga, mandibula fiind deplasată și fracturată, oasele cutiei toracice îngrămădite, brațele puternic îndoite și la fel îngrămădite, cu palmele depuse pe partea superioară a pieptului și picioarele întinse. După câte se pare, această poziție a oaselor scheletului

M.34 reprezintă o consecință a unor alunecări de teren. Lipsit de inventar.

Mormântul 35. Aflat în peretele vestic al casei 10 din S.III, la adâncimea de 0,40-0,52 m. Conturul gropii nedelimitat. Au fost dezvelite doar oasele labelor picioarelor și capătul inferior al tibiei piciorului stâng, restul scheletului intrând sub taluzul vestic al săpăturii. Urmează a fi cercetat ulterior.

Mormântul 36. Semnalat la joncțiunea car. 27 și 28 (S.III) în pământul de umplură al segmentului de șanț notat **complexul 5**, la adâncimea de 0,3-0,6 m. A fost distrus cu prilejul săpării șanțului. Scheletul, din care s-a recuperat doar o parte din oase (un humerus, un femur, coaste, vertebre etc.), a aparținut unei femei de 40-45 de ani.

Mormântul 37. Distrus de lucrările agricole. A fost identificat la suprafața solului, în car. 1A al casei mormintelor distruse. Scheletul, din care s-au recuperat oase ale bazinului, fragmente de femure etc., a aparținut unui copil de 3-4 ani.

Mormântul 38. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în cuprinsul car. 2B. Scheletul, din care s-a recuperat mandibula, oase ale cutiei craniene ș.a., a aparținut unui bărbat de 40-45 ani.

Mormântul 39. Distrus de lucrările agricole. A fost observat la suprafața solului, în cuprinsul car. 2A. Scheletul, din care s-au semnalat oase ale bazinului, un femur ș.a., a aparținut unui copil de 6-7 ani.

Mormântul 40. Distrus de lucrările agricole. A fost surprins în car. 3B, la suprafața solului și până la adâncimea de 0,25 m. S-au descoperit mai multe oase umane, dintre care unele, precum bazinul și parte din oasele picioarelor, aflate *in situ*. Scheletul a aparținut unui copil de 8-9 ani. Inventarul consta dintr-un inel sigilar de argint cu placă de montură circulară, având redată prin incizie pe partea superioară o pasăre încadrată într-un chenar circular (diametrul 2,5 cm, greutatea 8, 4 g); un inel de bronz cu montură de sticlă albastră (diametrul 2 cm, greutatea 1,64 g); un cercel sau verigă de tâmplă de argint (diametrul 1,6 cm, greutatea 1,64 g); un nasture sferoidal de bronz, prevăzut cu urechiușă de prindere (lungimea 1,1 cm, diametrul corpului 0,7 cm); două mărgelile cilindrice de coral(?) (lungimea 1,1 cm); o mărgică cuboedrică de sticlă incoloră (lungimea 1,3 cm); 10 mărgelile sferoidale și ovoidale din pastă sticloasă multicoloră, de dimensiuni mici și mijlocii; două fragmente de aplice de bronz și resturi minuscule de pânză provenind, se pare, de la o diademă.

Mormântul 41. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în cuprinsul car. 6D. Scheletul a aparținut unui bărbat matur de 35-40 de ani.

Mormântul 42. Distrus de lucrările agricole. A fost observat la suprafața solului, în cuprinsul car. 6E. Scheletul a aparținut unui tânăr de 20-25 de ani.

Mormântul 43. Distrus de lucrările agricole. A fost sesizat la suprafața solului, în cuprinsul car. 6F. Scheletul a aparținut unei femei mature de 40-45 de ani.

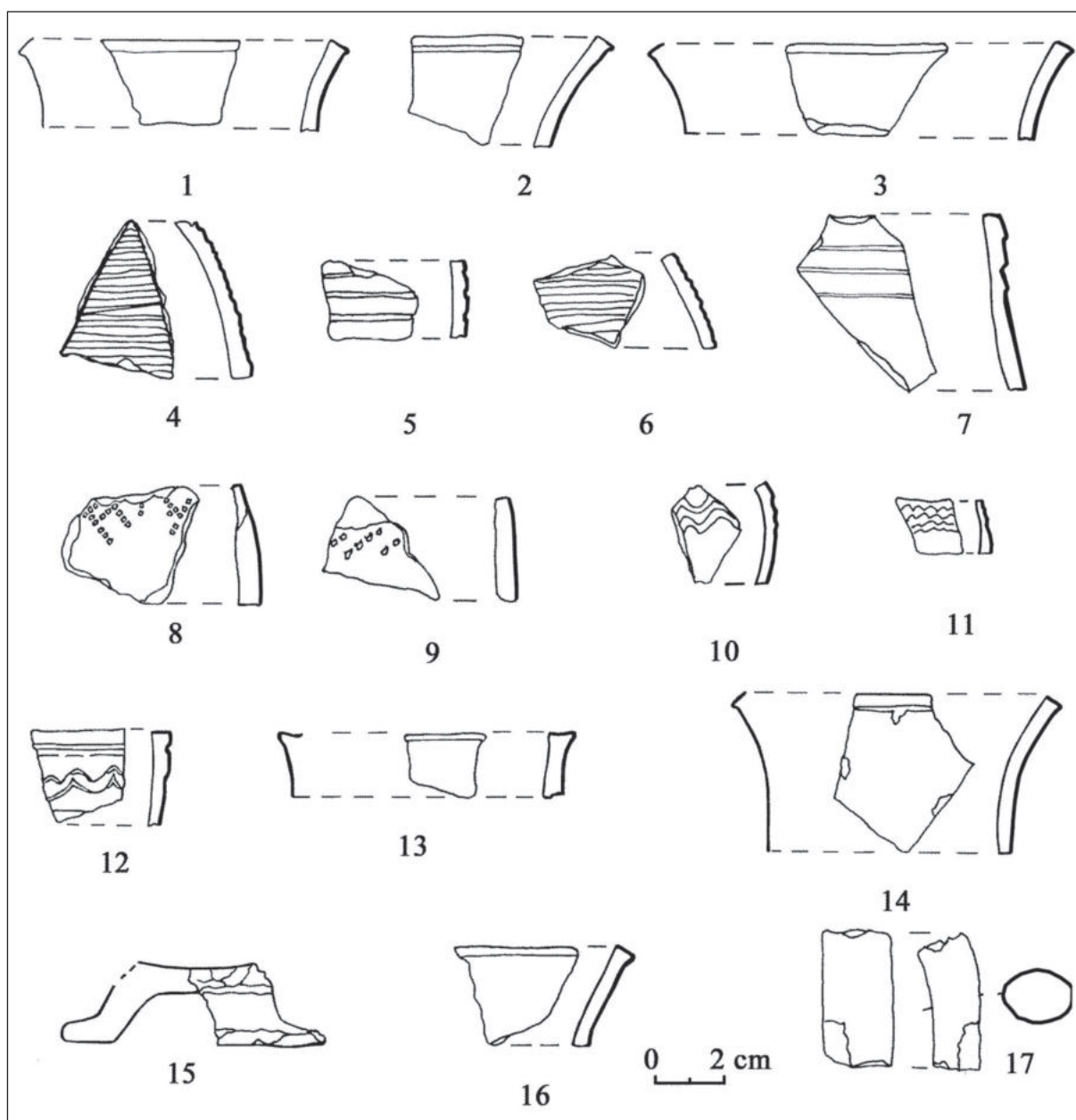

Fig. 17. Ceramică roșietico-gălbuie lucrată la roata cu turație medie descoperită în secțiunea I, straturile I (1.2.4.6-8.11.12.14-16) și II (3.5), secțiunea II, stratul I (9.13.17) și secțiunea III, stratul II (10).

Mormântul 44. Distrus de lucrările agricole. A fost surprins la suprafața solului, la joncțiunea carourilor 8E și 8F. Scheletul a aparținut unui bărbat adult de 25-30 de ani.

Mormântul 45. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în cuprinsul car. 9C. Scheletul a aparținut unui *juvenis* (17-19 ani), probabil de sex masculin.

Mormântul 46. Distrus de lucrările agricole. A fost observat la suprafața solului, în limitele car. 7E. Scheletul a aparținut unui bărbat adult de 20-25 ani.

Mormântul 47. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în cuprinsul car. 7F.

Scheletul a aparținut unui *juvenis* (17-19 ani) de sex feminin.

Mormântul 48. Distrus de lucrările agricole. A fost surprins la suprafața solului, în perimetrul car. 6H. Scheletul a aparținut unui bărbat de 20-25 ani.

Mormântul 49. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în cuprinsul car. 9E. Scheletul, din care s-au recuperat oase ale bazinului, un femur ș.a., a aparținut unui *infans II* (11-12 ani), probabil de sex feminin.

Mormântul 50. Distrus de lucrările agricole. A fost găsit la suprafața solului, în limitele car. 6G. Scheletul a aparținut unei femei de cca 50 de ani.

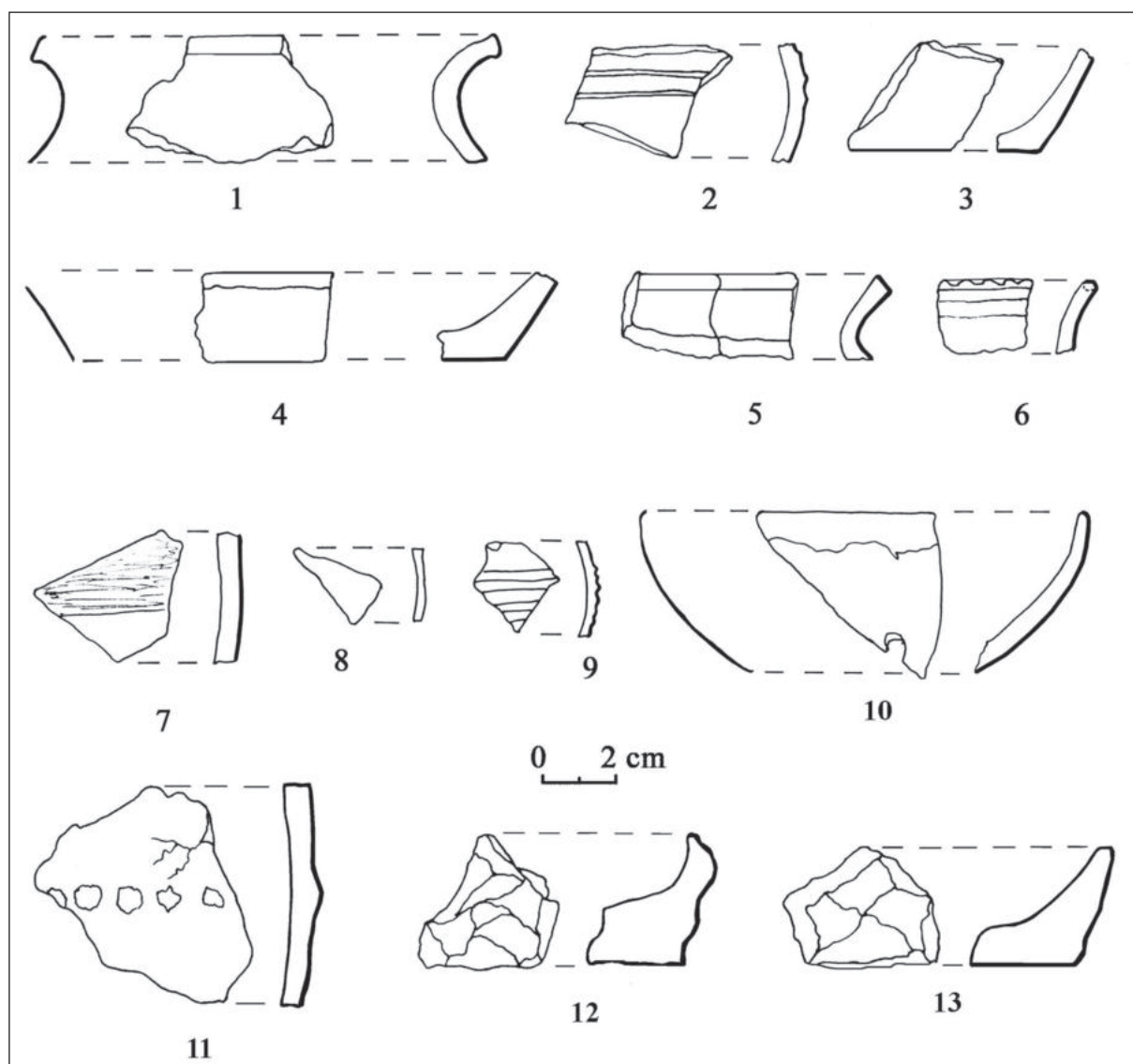

Fig. 18. Ceramică roșietico-brună lucrată la roata cu turație medie (1-6), din caolin cu smalț cafeniu în interior (8), roșietică cu smalț de culoare verde în interior (10), roșietico-gălbui cu smalț verde în interior și alb în exterior (7), roșietico-gălbui cu smalț galben în interior (10) și lucrată cu mâna din pastă grosolană de culoare cărămizie (11-13) descoperită în secțiunea I, stratul I (1-4.6.8), II (9) și III (5), secțiunea II, stratul II (7, 13) și secțiunea III, stratul I (10-11) și stratul IV (12).

Mormântul 51. Distrus de lucrările agricole. A fost observat la suprafața solului, în cuprinsul car. 6H. Scheletul a aparținut unui bărbat de 20-25 de ani.

Mormântul 52. Distrus de lucrările agricole. A fost semnalat la suprafața solului, în perimetrul car. 6I. Scheletul, din care s-au găsit oase ale bazinului, un femur ș.a., a aparținut unui copil de 6-7 ani.

Mormântul 53. Distrus de lucrările agricole. A fost descoperit la suprafața solului, la joncțiunea carourilor 8I și 8J. Scheletul, din care s-au semnalat oase ale bazinului, un femur ș.a., a aparținut unei femei de 45-50 de ani.

Mormântul 54. Distrus de lucrările agricole. A fost observat la suprafața solului, în marginea estică a car. 1A. Scheletul a aparținut unui copil de 4-4,5 ani.

V. CONSIDERAȚII GENERALE

Pe parcursul cercetărilor efectuate în campaniile 2010-2011 în situl arheologic medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii au fost identificate resturi arheologice aparținând la trei niveluri de locuire sau orizonturi cultural-cronologice diferite.

Cel mai vechi nivel se datează în evul mediu timpuriu (sec. VI-VII), fiind clar documentat printr-un complex de locuire adâncit de formă aproximativ pătrată, cu dimensiunile de 2,4x2,5 m. Locuința era prevăzută în colțul de NV cu o instalație de foc, constând dintr-o vatră de lut ovală cu dimensiunile de 0,5x0,6 m, înconjurată de un parament de pietre mici de gresie. În umplutura complexului, spre bază, s-au

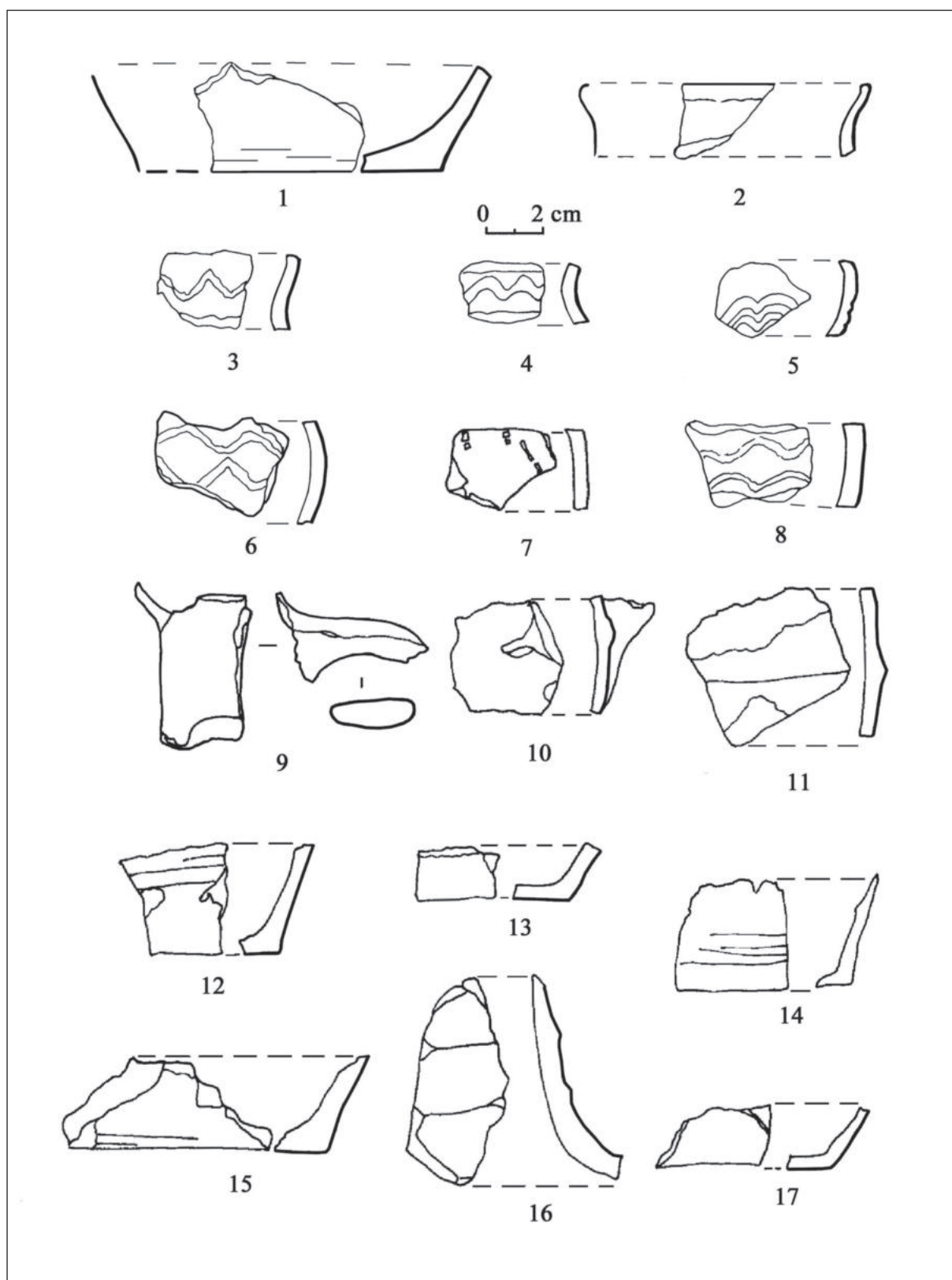

Fig. 19. Ceramică roșietico-gălbuie (7.9-17) și cărămidă zgrunțuroasă cu adaos de nisip în pastă, lucrată la roata medie (1-6.8), descoperită în secțiunea I, stratul I (2-8.12-14.17), II (1.9.15.16), secțiunea II, stratul I (11) și secțiunea III, stratul I (10).

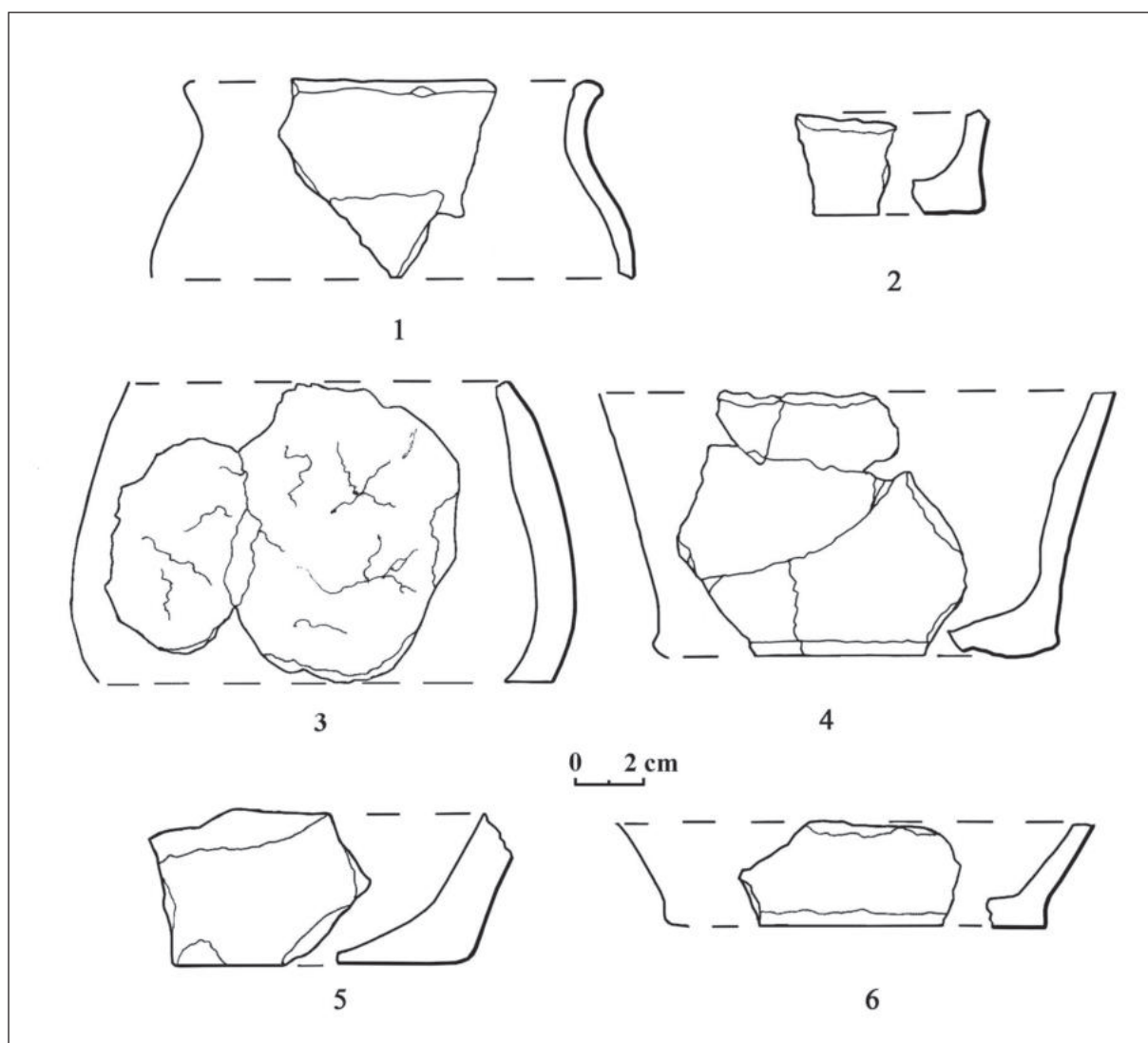

Fig. 20. Ceramică lucrată cu mâna din secțiunea I, complexul 1.

găsit o fusaiolă de lut, fragmente de vase ceramice lucrate cu mâna din pastă cu șamotă în compoziție, unele cu profilul bitronconic, și resturi faunistice. Prin particularitățile complexului de locuire, dar mai ales ale ceramicii, vestigiile medievale timpurii se încadrează în cultura materială din sec. VI-VII, atribuită de unii specialiști populației locale romanice, iar de alții triburilor migratoare ale slavilor (Corman 1998, 14-28, 65-81).

Al doilea orizont cultural-cronologic corespunde perioadei de dominație a Hoardei de Aur (prima și a doua treime a sec. XIV), pentru moment nefiind reprezentat prin complexe închise, ci doar prin cioburi de recipiente de lut de culoare roșietico-gălbui lucrate la roata de turație medie, fragmente de amfore de import, bucăți de vase de fontă tipice acestei perioade, un lacăt de fier și oase de animale.

Ultimul orizont arheologic din situl investigat la Lozova, cel din perioada statului medieval moldovenesc (sfârșitul sec. XIV – sec. XV), este documentat prin cioburi răzlețe specifice așezărilor acestei epoci și printr-un cimitir aparținând unei comunități creștine, care reprezintă și cea mai importantă descoperire realizată în aceste campanii. De asemenea, în cuprinsul celor trei secțiuni trasate au fost surprinse segmente ale unor șanțuri, a căror cronologie și destinație urmează a fi precizate prin cercetările ulterioare.

Prezentând o însemnătate deosebită pentru studierea evoluției așezărilor rurale medievale și a vieții spirituale a locuitorilor din spațiul est-carpatic în perioada constituirii și consolidării Țării Moldovei, așezarea și necropola identificate de noi, așa cum am menționat deja, sunt amplasate în imediata apropiere a hotarului dintre satele actuale Lozova și Vorniceni, prin urmare, într-o zonă unde în timpul domniei lui

Alexandru cel Bun a existat, se pare, satul *Săcăreni* (ulterior dispărut), dăruit împreună cu Lozova, Vorniceni și alte șapte sate de pe valea Bucovățului la 25 aprilie 1420 de voievod boierului său Oană vornic pentru „dreaptă și credincioasă slujbă” (DRH I, 1976, 67-69, doc. nr.47)⁵.

Cele 54 morminte identificate până în prezent în cimitirul medieval de pe malul drept al Bucovățului aparțin unei comunități locale creștine, toți decedații (maturi și copii) fiind înhumați potrivit ritualului tradițional creștin: cu capul spre vest și privirea spre răsărit, în poziție pe spate, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe abdomen, piept sau pe umeri. Adâncimea mormintelor este destul de redusă, variind între 0,20 și 0,92 m de la nivelul actual al solului. Gropile mortuare erau de formă trapezoidală, cu pereții verticali și colțurile deseori rotunjite, fiind săpate după dimensiunile decedatului. Urme de lemn provenind de la sicrie deocamdată nu au fost reperate, decât la un singur mormânt (nr. 32). În schimb, în cuprinsul mai multor morminte s-au semnalat cărbuni de lemn, fenomen atestat și în alte cimitire medievale, cum ar fi de exemplu cele de la Vornicenii Mari și Hudum (Matei, Emandi 1982, 118-119.). Inventarul funerar este în general sărac sau complet lipsă, numai în câteva morminte descoperindu-se câte trei-cinci piese vestimentare sau de podoabă: nasturi sferoidali de bronz, verigi de tâmplă de argint și de bronz, inele de argint și bronz, mărgelile din pastă sticloasă și coral și un cerceș de argint, piese care indică, în lipsa monedelor, perioada de utilizare a necropolei sfârșitul sec. XIV–sec. XV.

Un cimitir similar, datat la finele secolului XIV – mijlocul veacului următor, a fost descoperit și parțial cercetat în anul 1990 de Anatol Gorodenco și Vasile Gukin în împrejurimile comunei Sadova (situată la cca 7 km N de Lozova), fiind pus de autorii investigațiilor în legătură cu *Seliștea lui Tigomir*, pomenită în aceeași danie de la 25 aprilie 1420 a lui Alexandru cel Bun către Oană vornic (Gorodenco, Gukin 2001, 23-32). Potrivit autorilor, dintre cele 31 de morminte descoperite, 30 erau orientate cu capul spre vest și doar unul spre nord-vest. Defuncții erau culcați pe spate, cu picioarele întinse și brațele așezate cel mai adesea pe piept. Din totalul mormintelor, 10 aparțin copiilor, ceea ce presupune un procent mare al morții infantile. Inventarul este foarte sărac: cinci nasturi și două butoane (cu funcție de nasturi), care au o utilizare destul de lungă, în perioada secolelor XIV-XVI.

Fără îndoială că ipoteza specialiștilor citați despre identificarea cimitirului de la Sadova cu *Se-*

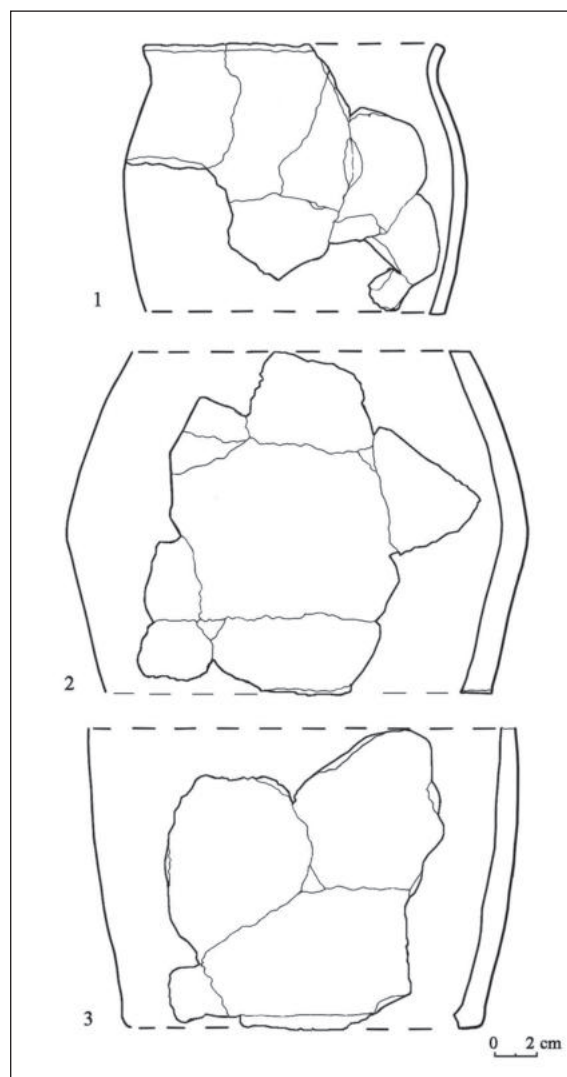

Fig. 21. Ceramică lucrată cu mâna din secțiunea I, complexul 1.

liștea lui Tihomir, ca și supoziția noastră privind localizarea satului medieval *Săcăreni* urmează a fi verificate prin cercetări arheologice și interdisciplinare ulterioare, cercetări care se cer a fi mai ample și detaliate.

În concluzie, relevăm că situl de la Lozova-La Hotar cu Vornicenii se dovedește a fi unul deosebit de important pentru arheologia satului medieval din interfluvul Prut-Nistru. Investigațiile sistematice viitoare vor furniza, sperăm, noi date și materiale concludente, în măsură să contribuie la rezolvarea unor probleme ce țin de istoria locală și regională din perioada constituirii și consolidării Țării Moldovei.

⁵ Pentru reprezentarea cartografică a habitatului din zona respectivă vezi planșa cu hartă istorică și ilustrații: Țara Moldovei în timpul domniei lui Ștefan cel Mare și Sfânt. Ținuturi, orașe, cetăți, ctitorii, așezări rurale atestate documentar, Chișinău, Centrul Editorial „Integritas”, 2007.

Fig. 22. Secțiunea I, complexul 1 (vedere dinspre NNE) (1) și secțiunea III, mormintele 3-5.10.13 (vedere dinspre NNV) (2).

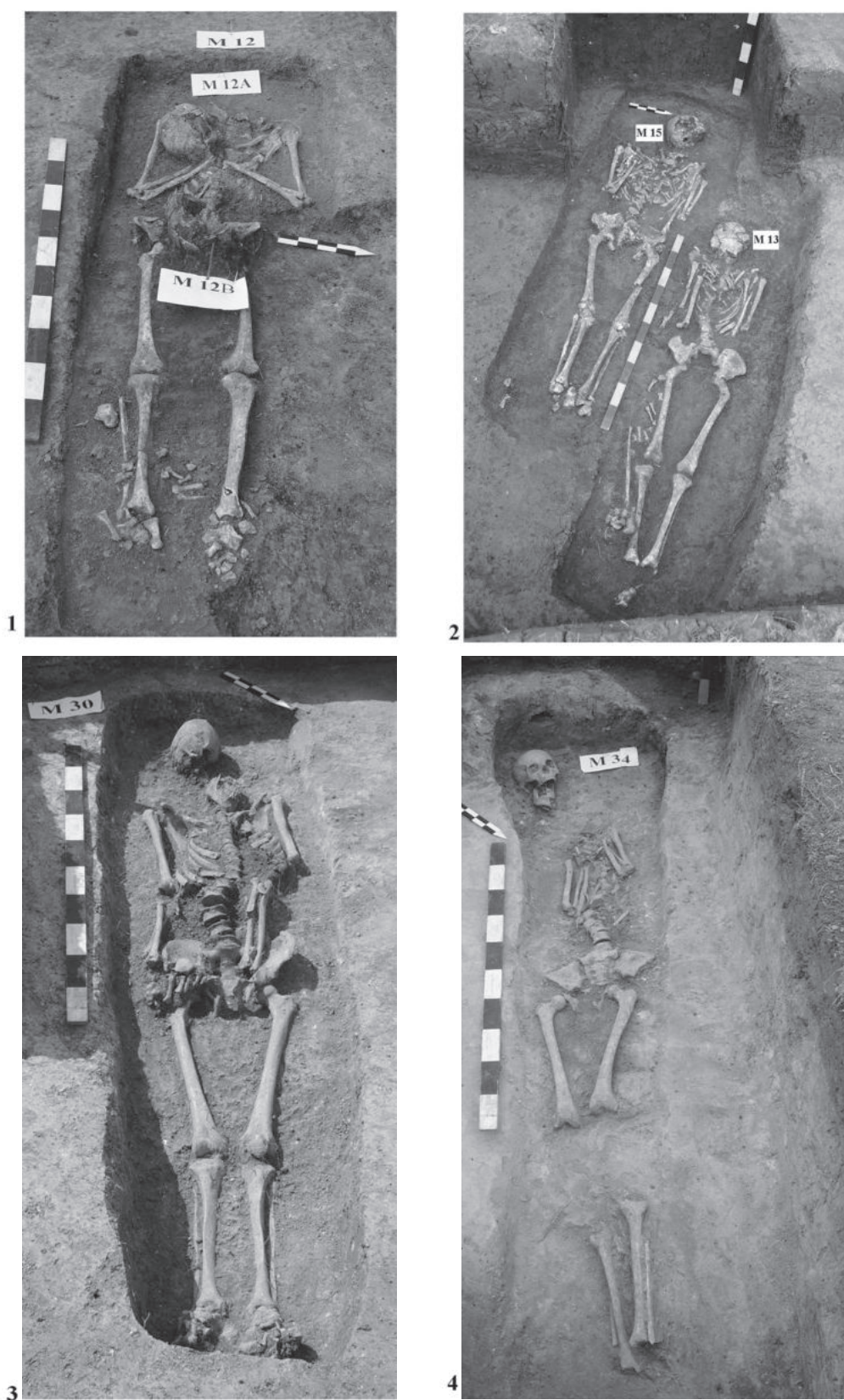

Fig. 23. Mormintele 12A și 12 B (1), 13 și 15 (2), 30 (3) și 34 (4).

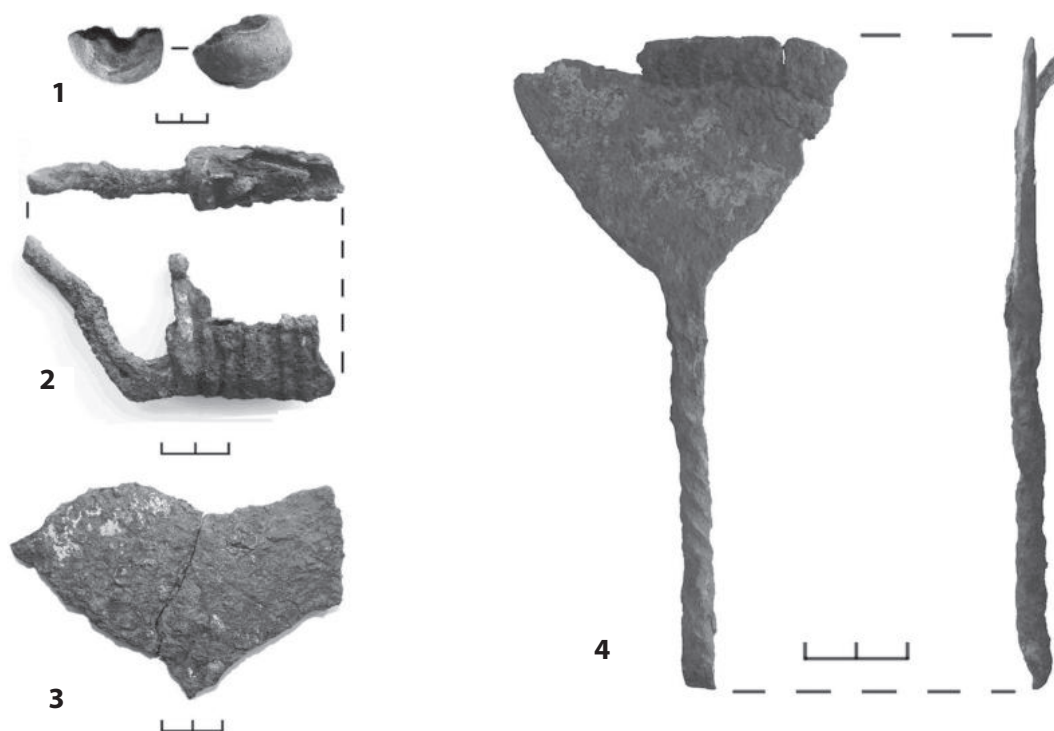

Fig. 24. Fusaiolă de lut (1) din complexul 1, lacăt (2), răzuitoare(?) de fier (4) și fragment de vas de fontă (3) din secțiunea I, strat (2,3) și de la suprafața solului (4).

Bibliografie

- Antoni, Obreja 1983:** S. Antoniu, C. Obreja, Studiul antropologic al scheletelor medievale de la Hudum-Botoșani din secolele XIII-XIV. AM X, 1983, 75-89.
- Bacumenco-Pîrnău ș.a. 2010:** L. Bacumenco-Pîrnău, I. Ursu, V. Vornic, V. Iarmulșchi, A. Pelivan, Considerații preliminare privind cercetările arheologice de la Lozova (r-nul Strășeni) din anul 2010. Sesiunea Științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (ed. a 20-a), 14-15 octombrie: Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău 2010), 25-27.
- Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011:** L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, I. Ursu, Descoperiri arheologice în situl medieval de la Lozova. Akademos 2 (21), 2011, 120-123.
- DRH I 1976:** Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, vol. I (1384-1448), întocmit de C. Cihodaru, I. Caproșu, L. Șimanschi (București 1976), 67-69.
- Gorodenco, Gukin 2001:** A. Gorodenco, V. Gukin, Seliștea lui Tigomir. Pyretus 1, 2001, 23-32.
- Matei, Emandi 1982:** M. Matei, I.E. Emandi, Habitatul medieval rural din valea Moldovei și din bazinul Șomuzului Mare (secolele XI-XVII) (București 1982).
- Spinei, Popovici-Baltă 1974:** V. Spinei, R. Popovici-Baltă, Principalele rezultate ale săpăturilor de la Hudum Botoșani din anii 1970-1972. In: Din trecutul județului Botoșani, I (Botoșani 1974).
- Vornic ș.a. 2011:** V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, L. Ciobanu, Noi descoperiri în necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni). Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (ediția a XXI-a), 20-21 octombrie 2011. Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2011), 28-30.
- Полевой, Бырня 1964:** Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV-XVII вв. АКМ, вып. 7 (Кишинев 1974), 33-34.
- Рафалович, Полевой 1964:** И.А. Рафалович, Л.Л. Полевой, Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово. В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев 1964), 241-247.

Vlad Vornic, doctor în istorie, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Ion Ursu, doctor în istorie, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ion_ursu11@yahoo.com

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, doctor în istorie, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ludmila_bacumenco@yahoo.com

Radu Pîrnău, doctor în geografie, cercetător la Universitatea „Al.I. Cuza” Iași, Bd. Carol I, 23 A., Iași, email: radupirna@yahoo.com

Larisa Ciobanu, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ciobanu.lora@yahoo.com

UN VÂRF DE STEAG DESCOPERIT ÎN CODRII TIGHECIULUI

Silviu ANDRIEȘ-TABAC, Iurie CAMINSCHI, Chișinău

În toamna anului 2012, la periferia sudică a masivului Codrilor Tigheciului, mai la nord de satul Haragâș, raionul Cantemir, pe locul unei așezări medievale târzii cu mai multe nivele de locuire, a fost găsit întâmplător un vârf de steag medieval în formă de cruce. Se păstrează acum într-o colecție particulară din Chișinău. Piesa este din fier forjat ruginit și are picior conic gol de îmbrăcare pe hampă. S-a păstrat în stare bună, rupându-se doar extremitățile, și are la moment 160 mm în înălțime și 120 mm în lățime. La mijlocul crucii grosimea metalului atinge circa 3 mm. Tipologic, crucea în sine poate fi definită ca una latină, labată (pattée) și înflorită (fleuronnée) sau latină ancorată-lanceolată (enhendée). În lipsa unor probe obiective, autorii propun datarea prealabilă a vârfului de steag cu epoca medievală, nu mai târziu de secolul al XVIII-lea, și atribuirea lui forțelor armate autohtone moldovenești.

Знаменное навершие, обнаруженное в Тигечских Кодрах. Осенью 2012 года, на южной окраине вековых лесов Тигеч, к северу от села Харагыш, района Кантемир, на месте позднего средневекового многоуровневого поселения, было случайно обнаружено средневековое знаменное навершие крестообразной формы. Ныне оно хранится в частной коллекции в Кишиневе. Предмет покрыт ржавчиной, изготовлен из железа путемковки и имеет полую конусообразную ножку для надевания на древко. Сохранность – удовлетворительная, потеряны лишь кончики лап креста и ножки. В настоящем виде изделие имеет 160 мм в высоту и 120 мм в ширину. В середине креста толщина металла достигает около 3 мм. Типологически, сам крест может быть описан как латинский, лапчатый (pattée) и лилевидный (fleuronnée) или же как якорный с наконечниками пик (enhendée). В отсутствие объективных доказательств, авторы предлагают предварительно датировать знаменное навершие как средневековое, не позднее XVIII-го века, и как принадлежавшее местным вооруженным силам Молдавского княжества.

Un bout de hampe de drapeau decouvert dans les forêts de Tigheci. En automne 2012, à la périphérie du sud des forêts séculaires de Tigheci, au nord du village Haragâș, district de Cantemir, à la place d'une colonies de la fin du Moyen Age aux plusieurs niveaux d'habitation, a été trouvé par hasard un bout de hampe d'un drapeau médiéval en forme de croix. Maintenant, ce bout est conservé dans une collection privée à Chișinău. La pièce est en fer forgé très rouillé et a un pied conique creux à mettre sur la hampe. Elle reste en bon état, ne perdant que ses extrémités. L'article a le 160 mm en hauteur et le 120 mm en largeur. Au milieu de la croix l'épaisseur du métal atteint environ 3 mm. Du point de vue typologique la croix elle-même peut être définie comme une croix latine, pattée et fleuronnée ou une croix latine enhendée. En absence de preuves tangibles, les auteurs proposent une datation préalable pour ce bout de hampe de drapeau à la fin du Moyen Age, au plus tard le XVIIIe siècle, et une appartenance aux forces armées autochtones de la Principauté de Moldavie.

Mots-clés: bout de hampe de drapeau, drapeau militaire, vexillologie, croix, forêts de Tigheci, village Haragâș.

Într-o colecție particulară din Chișinău se păstrează un vestigiu arheologic de mare valoare vexilologică. Este vorba de un vârf de steag medieval în formă de cruce. Deși existența acestor vârfuri nu poate fi tăgăduită, în literatura vexilologică românească până în prezent nu au fost semnalate piese reale de epocă. Este posibil ca acestea să fi fost semnalate în lucrările de arheologie, de rând cu alte vestigii, dar verificarea lor imediată nu ne stă la îndemână.

Din spusele deținătorului, piesa ar fi fost achiziționată la un târg de vechituri din Chișinău. Vânzătorul ei a relatat că aceasta a fost descoperită în toamna anului 2012 la periferia sudică a masivului Codrilor Tigheciului, mai la nord de satul Haragâș, raionul Cantemir, pe partea dreaptă a drumului natural ce continuă spre nord artera principală a satului de pe direcția sud-nord,

în pădure, aproximativ în locul unde acest drum face o cotitură spre direcția nord-est, pentru a traversa ulterior râpa din care începe valea menționată în hărțile militare sovietice ca Valea Haragâșului. Pe versantul sud-vestic al acestei râpe, cu ocazia lucrărilor de defrișare a pădurii, s-au putut constata urmele arheologice ale unei așezări medievale târzii cu mai multe nivele de locuire, localnicii descoperind vârfuri de săgeți, un vârf de sulită, topoare de luptă de fier, monede medievale poloneze și moldovenești și parale bătute la Sadagura la sfârșitul secolului al XVIII-lea.

Piesa este din fier forjat și reprezintă o cruce plată înaltă al cărei picior este fasonat în formă de con gol cu scopul de a fi îmbrăcat pe vârful ascuțit al hampei. Pentru a forma acest con laturile piciorului, ca niște poale, se îmbină pe partea din dos a piesei intrând fașă peste fașă pe un segment de circa 3 mm. Grosimea

plăcii metalice la mijlocul crucii ajunge la circa 3 mm, subțindu-se spre extremități, din cauza baterii, până la circa 1 mm la extremitățile brațelor, și la mai puțin de 1 mm la extremitatea piciorului. Grosimile mai exacte nu pot fi măsurate din cauza ruginii abundente care acoperă piesa.

Din cauza subțierii metalului la extremități, acestea în mare parte s-au rupt, cel mai grav suferind piciorul, partea din jos a căruia s-a frânt, rămânând probabil pe hampa din lemn dispărută în timp. Astfel, extremitatea piciorului are marginea neregulată. Ruperea piciorului nu permite stabilirea diametrului hampei pe care vârful de steag a fost îmbrăcat. La locul ruperii diametrul intern al conului ajunge la circa 15 mm.

Dimensiunile liniare ale piesei de asemenea nu pot fi stabilite cu exactitate, din același motiv că extremitățile s-au rupt. La momentul descoperirii, înălțimea piesei este de 160 mm, iar lățimea de 120 mm, inițial putând fi mai mare cu 10-12 mm.

Tipologic, crucea în sine poate fi definită ca una latină, labată (*pattée*) și înflorită (*fleuronnée*) sau latină ancorată-lanceolată (*enhendée*) (pentru tipologia crucii heraldice vezi: Andrieș-Tabac 2010), deși piesa reală nu se înscrie întru totul în modelul heraldic ideal. Brațele laterale au extremitățile în trei petale lunguițe și rotunjite, fără ca cele de la margini să fie reîndoite spre mijlocul crucii, ca la florile de crin heraldice clasice desenate, dar nici răsfrânte prea tare, ca la crucea an-

corată-lanceolată. La ambele brațe laterale s-a păstrat intactă doar petala de jos, celelalte două rupându-se în timp, dar brațul drept, mai bine conservat, permite această încadrare tipologică. Brațul vertical a avut de suferit mai mult, petalele laterale fiind rupte practic de la baza trifurcării. Petala din mijloc, la rândul ei, se pare că rupându-se anterior celorlalte, a fost refasonată prin bifurcare, devenind parcă ancorată (*ancrée*), fapt care pledează pentru o perioadă mai lungă de utilizare și chiar pentru o reciclare după o primă „rană” a vârfului.

Cariera crucii în calitate de vârful de steag se pare că trebuie căutată în mare. După cum arată cunoscutul vexilolog american de origine poloneză Alfred Znamierowski, din secolele XI-XII, vasele comerciale din Marea Nordului și Marea Baltică amplasau în vârful catargului o cruce metalică în formă de grilă, ca simbol al protecției regale, iar din secolul al XII-lea cel puțin același simbol, sub formă de baston surmontat de o cruce, s-a folosit și pe uscat, în special de către principii și orașele din teritoriile dependente de Imperiul german. Deja la începutul secolului al XIII-lea corăbiile comerciale din Europa de Nord și-au fixat pe catarge drapele de stofă colorată surmontate de o cruce (Znamierowski 2000, 13).

Ulterior, rolul crucii-vârful de steag a evoluat spre unul diferit de cel inițial și dublu ca sens simbolic: a) marcarea spațiului creștin în opoziție cu cel necreș-

Fig. 1. Vârful de steag descoperit în codrii Tigheciului: față (fotografie) și verso (desen de Eugen Sterpu)

tin, islamic în primul rând; și b) invocarea grației divine asupra purtătorilor de drapele – militari, eclesiastici sau civili. De la invocarea Împăratului Sfânt s-a trecut la invocarea Împăratului Ceresc – unic pentru toți creștinii, încât drapelele cu vârfuri-cruci au putut fi utilizate și de catolici și de ortodocși, cu același succes.

Crucea-vârf de steag a făcut carieră și în sânul bisericii, atât în artă, cât și în ceremonial (Popova 2011), supraviețuind până în zilele noastre. Dar problema pătrunderii steagului regal și mai ales a celui militar în biserică nu constituie subiectul acestei notițe.

Condițiile de descoperire și necunoașterea unor analogii fac imposibilă datarea exactă a vârfului de cruce descoperit în Codrii Tigheciului. Nu ne ajută în acest sens nici faptul că istoria satului Haragâș, dar și a zonei întregi este foarte puțin cercetată și cunoscută, mai ales în ceea ce privește epoca medievală. În orice caz este clar că piesa nu poate fi datată mai târziu de secolul al XVIII-lea, căci din epoca modernă avem su-

ficiente cunoștințe despre modelele de drapele utilizate și acestea arată altfel.

Simplitatea piesei și urmele de „suferință” ne tentază s-o atribuim forțelor armate autohtone moldovenești, dar această atribuție nu poate fi probată obiectiv. Pe de altă parte, nu avem niciun motiv să credem că steagurile armatelor creștine din țările mai mult sau mai puțin învecinate cu Țara Moldovei și contemporane vârfului de steag descoperit la noi ar fi arătat foarte diferit, dată fiind sincronizarea istorică obiectivă a oricăror atribute legate de purtarea războiului.

În concluzie, trebuie să subliniem încă o dată că cel puțin din punct de vedere vexilologic vârful de steag în formă de cruce descoperit în Codrii Tigheciului – probabil militar, medieval și moldovenesc – trebuie tratat ca o piesă rară, de mare valoare istorică și heraldică, iar semnalarea lui va trezi interesul arheologilor și vexilologilor întru depistarea analogiilor în spațiul românesc și învecinat.

Bibliografie

Andrieș-Tabac 2010: S. Andrieș-Tabac, Tipologia crucii heraldice. In „Analecta catholica”, Episcopia romano-catolică de Chișinău, IV (2008) (Chișinău 2010), 97-127: il.

Popova 2011: E. Попова, Църковната хоругва (Велико Търново 2011).

Znamierowski 2000: A. Znamierowski, *Encyclopédie mondiale des drapeaux*, traduit de l'anglais par Gisèle Pierson (Genève 2000).

Silviu Andrieș-Tabac, doctor în istorie, vicedirector științific al Institutului Patrimoniului Cultural AȘM, silviu_tabac@yahoo.fr

Iurie Caminschi, pictor heraldic, yucaminschi@yahoo.com

MONEDDE MEDIEVALE MOLDOVENEȘTI DIN COLECȚII PARTICULARE DIN REPUBLICA MOLDOVA (VI)

Lilia DERGACIOVA, Chișinău

În articol se publică un lot de monede medievale moldovenești (22 ex.) din sec. XV, ce a făcut parte din colecția particulară a lui M. Ciocanu (Chișinău) în anul 2003. Alte șase piese din aceeași colecție au fost semnalate în literatura de specialitate. După datele oferite de posesor, piesele prezentate acum provin de la Săseni, raionul Călărași (1 ex.), Orheiul Vechi, raionul Orhei (7 ex.), Costești, raionul Ialoveni (8 ex.) sau nu au loc sigur de proveniență și au fost găsite pe teritoriul Republicii Moldova.

Средневековые молдавские монеты из частных коллекций Республики Молдова. В статье публикуется собрание молдавских монет XV века (22 экз.) из коллекции М. Чокану (Кишинев), исследованных автором в 2003 году. Остальная часть монет из той же коллекции (6 экз.) была уже опубликована. Из полученной информации, представленные здесь монеты были найдены в Сэсень Кэлэрашского района (1 экз.), в Старом Орхее Орхейского района (7 экз.), и в Костешть Яловенского района (8 экз.). Часть монет не располагает точным местом обнаружения и происходит с территории Республики Молдова (6 экз.).

Moldauische mittelalterliche Münzen aus privat Münzsammlungen der Republik Moldau. Der vorliegende Bericht stellt eine weitere Sammlung moldauischer Münzen des 15. Jahrhunderts dar. Die Münzsammlung befindet sich im Privatbesitz von M. Ciocanu (Chisinau), wurde im Jahr 2003 von uns bearbeitet und besteht aus zwei und zwanzig Exemplaren. Andere sechs Münzen sind schon veröffentlicht. Die Münzen, die wir hier präsentieren stammen aus Saseni, Calarasi Kreis (1 Ex.), Alt Orhei, Orhei Kreis (7 Ex.), Costesti, Ialoveni Kreis (8 Ex.) oder die ungenaue Fundstelle haben und in der Republik Moldau entdeckt wurden (6 Ex.).

Schlagwörter: Numismatik, Mittelalter, moldauische Münzen des 15. Jahrhunderts.

În articolul de față continuăm să prezentăm monede medievale moldovenești din colecții particulare din Republica Moldova. Piesele în discuție ne-au fost oferite spre cercetare de posesorul colecției, dl M. Ciocanu, în anul 2003¹.

Din 28 de piese verificate atunci, șase au fost deja semnalate în literatura de specialitate. În anul 1999 și 2001, A. Gorodenco a publicat două monede de tip Asprocastron, susținând că acestea provin din zona orașului Bilgorod-Dnistrovskij (r. Odesa, Ucraina) (Городенко 1999, 156-158; Городенко 2001, 8-13). Recent, E. Nicolae a reluat discuția asupra acestor piese, comunicând că una dintre ele a fost adusă în anul 1987 de un elev din Strășeni unei persoane de la care a preluat-o M. Ciocanu în colecția sa. Cel mai probabil, anume în orașul Strășeni a fost găsită moneda în discuție (Nicolae 2009, 218-219, nota 4).

La fel, din colecția lui M. Ciocanu au fost publicate alte patru piese – groși ai lui Bogdan III (Дергачева 2005, 364-367). Acestea fac parte din monedele risipite printre locuitorii satului Săseni (raionul Călărași) din tezaurul găsit aici în 1973, dintre care M. Ciocanu a cunoscut de-a lungul timpului 80 de exemplare. Cele patru monede ale lui Bogdan III, publicate de sem-

natura acestor rânduri, se adaugă celor 26 de groși ai lui Bogdan III, găsiți în anul 1973 și altor trei groși, semnalați de Gh. Postică (Postică 2005, 14). Până în prezent, tezaurul de la Săseni rămâne depozitul cu cele mai numeroase piese de la Bogdan III găsit în spațiul statului moldovenesc. Menționăm, că la data de descoperire în anul 1973 în componența tezaurului a fost semnalat un număr de 272 de piese, toate fiind bătute în sec. XIV – începutul sec. XVI (Нудельман 1974, 204-208, № 2; Нудельман 1975, 103-105, № 31; Нудельман 1976, 96-97, № 8; Niculiță, Boldureanu, Nicolae 1997, 201-209; Nicolae 2002, 145-150; Nicolae 2003a, 89; Niculiță 2004, 15; Nicolae 2007, 183-210; Niculiță 2007, 211-222). E. Nicolae a reluat recent discuția asupra tezaurului de la Săseni. Pe lângă publicarea unui lot necunoscut de monede orientale din tezaur, cercetătorul prezintă circumstanțele de descoperire, istoricul cercetării, loturile risipite de piese și numărul total aproximativ al pieselor din tezaur, care ar fi de peste 340 de exemplare (Nicolae 2012, 81-88, cu bibliografia).

În continuare, vom prezenta celelalte 22 de monede (vezi catalogul), care nu au fost incluse în circuitul științific².

¹ Pe această cale aducem sincere mulțumiri dlui M. Ciocanu pentru permisiunea de a le publica și pentru informația asupra locului de proveniență al acestora.

² Informația, ca și imaginile acestor piese, au fost folosite parțial în teza de licență a autorului (Дергачева 2003).

Pieseile acestea sunt interesante din punct de vedere al provenienței, deoarece pentru majoritatea lor se cunoaște locul de descoperire. Monedele provin de la Săseni (1 ex.), Orheiul Vechi (7 ex.), Costești (8 ex.) sau au fost găsite izolat (fără precizări) în Republica Moldova (6 ex.).

Astfel, de la Săseni provine o piesă, bătută în domnia lui Alexandru I (nr. 9). Aceasta este o jumătate de groș de tip V, plasată de către O. Iliescu spre sfârșitul de domnie lui Alexandru I (Iliescu 1970, 28 (seria V, 1430); Iliescu 2000, 80 (faza a III-a, 1409-1431), emisiunea a IX-a (paralelă), 1425-1430). Cel mai probabil, piesa a fost găsită izolat și nu face parte din tezaurul de la Săseni.

La Orheiul Vechi au fost găsite șapte piese, dintre care una este jumătate de groș de tip V al lui Alexandru I (nr. 8); trei groși ai lui Iliaș I ce reprezintă trei variante ale unei serii monetare atribuite de O. Iliescu tipului V (Iliescu 1970, 30) și emise, probabil, în timpul domniei comune a lui Iliaș I și Ștefan II (nr. 14-16); trei groși de tip I (nr. 20) și tip II (nr. 21-22) de la Ștefan III.

Pieseile acestea se încadrează în limitele cronologice ale circulației monetare atestată în zona sitului. Din descoperirile similare de acolo menționăm monedele din sec. XV descoperite izolat în urma investigațiilor arheologice, publicate de G. Smirnov (Смирнов 1954, 27), G. Cebotarenco (Чеботаренко 1956, 181-185), L. Polevoj (Полевой 1956, 99, № 22; Полевой 1960, 317-352; Полевой 1972, 238-240), A. Nudel'man (Нудельман 1976, 139-141, etc.), E. Abizova, P. Bîrnea, A. Nudel'man (Абызова, Бырня, Нудельман 1982, 63-92), S. Travkin (Травкин 1998, 163-165), Gh. Postică (Postică 2003, 91-143; Postică 2005, 371-385) etc. și un ansamblu monetar, considerat tezaur. Dintr-o notă preliminară din 1988 se cunoaște că la Orheiul Vechi, într-o locuință, au fost găsite șapte groși din prima parte de domnie a lui Ștefan III. Din păcate, acestea nu au fost publicate în întregime (Бырня, Рябой 1988, 122).

Următorul lot de monede este mult mai complex și provine dintr-un sit mai puțin cercetat – de la Costești, r. Ialoveni. Dispunem de trei piese ale lui Alexandru I (nr. 3-4, 6), de o piesă de „tip cruce cu brațe egale” (nr. 12), de o piesă de la Iliaș I (nr. 13), de două piese de la Ștefan II (nr. 17-18) și de o piesă mai puțin descifrabilă, atribuită cu o anumită rezervă lui Ștefan II (nr. 19).

Pieseile lui Alexandru I, ca și în cazurile precedente, sunt reprezentate de nominaluri mici, anepigrafe, de jumătăți de groși de tip V (nr. 3-4, 6). Moneda de „tip cruce cu brațe egale” apare într-un singur nominal anepigraf de jumătate de groș (nr. 12), fiind atribuită de unii cercetători domniei lui Alexandru I (Iliescu 1970, 28; Iliescu 2000, 82) sau unui domn necunoscut (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 64-65). Deocamdată nu insistăm asupra atribuirii exacte a acestor emisiuni. Una din cele mai frumoase și bine păstrate piese este

un groș și jumătate de la Iliaș I (nr. 13), atribuită tipului I și bătută în primul an de domnie al acestuia³. După trăsăturile stilistice, forma generală a legendei aversului și reversului, tipul copiază piese epigrafe din ultima serie a lui Alexandru I (tip VI după Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, 65). La fel apare coroana deschisă deasupra scutului și unele sigle la dreapta și la stânga scutului. Lui Ștefan II îi sunt atribuite două jumătăți de groș: prima piesă cu coroana deasupra scutului este de tip I (nr. 17), iar a doua – de tip III (nr. 18). Această emisiune anepigrafă este mai rar întâlnită; pe revers deasupra scutului apare (în cazul de față) un T, iar în primul cartier al scutului – o aripă. Semnificația acestor elemente rămâne necunoscută. Ultima piesă – jumătate de groș, a fost emisă probabil tot în timpul domniei lui Ștefan II (nr. 19). Starea ei proastă de conservare face imposibilă descifrarea tuturor elementelor. O atribuim lui Ștefan II datorită aspectului general al piesei și prezenței pe revers deasupra scutului a unei roze din cinci puncte și a unor semne care sunt tipice pieselor lui Ștefan II de tip VI (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 534-538). Însă atribuirea aceasta rămâne sub semnul întrebării, deoarece nici un element de pe revers, de la dreapta și stânga scutului, nu a fost descifrat.

Cum a fost menționat mai sus, situl medieval de la Costești este foarte puțin cercetat din punct de vedere arheologic, în ciuda faptului că suprafața lui este cu mult mai mare decât suprafața celui alt oraș de origine tătarească – Orheiul Vechi. Orașul medieval se situează pe râul Botna, în partea de sud-est a satului Costești. Situl cuprinde valea râului Botna, pantele joase ale văii și se extinde la 2,5 km pe cursul râului de la marginea de sud-est a satului Costești (Полевой 1974, 156).

Puținele studii și investigații arheologice sporadice au atestat prezența în valea râului a mai multor cartiere de elită. Aici au fost descoperite resturile unor clădiri de piatră echipate cu sisteme de alimentare cu apă, locuințe etc. În partea de nord a sitului, pe deal, au fost atestate ateliere de ceramică, iar pe dealurile din apropiere unele fortificații de pământ (Рикман 1955, 95-112; Полевой 1967, 119-130; Полевой 1974, 155-158).

Este cunoscut faptul că în secolul XIV aici a existat un oraș de origine tătar-mongolă, iar pe teritoriul său, în 1359-1363, au fost emise monedele de cupru, numite de tip Costești-Gârla (Nicolae 2005, 89-104). Existența orașului nu este atestată posterior anului 1369, când regimul politic al regiunii se schimbă definitiv iar centrele orientale din spațiul pruto-nistrean (Costești și Orheiul Vechi) sunt distruse (Nicolae 2002, 148; Nicolae 2003b, 168).

După evenimentele politice menționate mai sus, cel mai probabil, la Costești este prezentă o modestă locuire în limitele orașului oriental de la mijlocul secolului XIV. Lucrul acesta este suficient arătat în descoperi-

³ Din păcate dispunem numai de desenul acestei piese.

rile monetare. În prezent sunt cunoscute câteva piese monetare moldovenești bătute în prima jumătate a sec. XV ce provin din valea râului Botna (Полевой 1969, 148; Приложение, 160, № 94/37, 95/119; Нудельман 1974, 147-148, № 67). Pe lângă aceasta L. Polevoj, publicând raportul privind săpăturile de la Costești a remarcat că stratul cultural cel mai intens din Costești se referă la sec. XIV și că acesta are maximă întindere pe suprafața sitului. Cercetătorul precizează că locuirea mai târzie, în limitele acestui spațiu, la fel a fost atestată, însă aceasta ocupă o zonă mult mai mică (Полевой 1967, 121).

Recent, la Costești au fost efectuate săpături arheologice sub conducerea lui N. Russev și A. Gorodenco. Din informațiile obținute de la N. Russev, de pe teritoriul cercetat au fost ridicate aproximativ 300 de monede, din care marea majoritate

erau emisiuni ale Hoardei de Aur din secolul XIV, monede locale de tip Costești-Gârla și câteva monede moldovenești de cupru⁴. Faptul acesta, ca și piesele din colecția noastră care nu au loc exact de proveniență cert confirmă existența mai multor straturi culturale din diferite perioade, inclusiv o locuire din prima jumătate a sec. XV.

Ultima grupă de piese (6 ex.) nu au loc sigur de descoperire, provin de pe teritoriul Republicii Moldova și au fost atribuite lui Alexandru I. Sunt jumătăți de groși, bătute din cupru, de tip V (nr. 1-2, 5, 7, 10-11).

Toate aceste monede vin în completarea dosarului descoperirilor monetare medievale moldovenești din spațiul pruto-nistean și sunt necesare pentru viziunea complexă asupra circulației monetare în perioada de înflorire maximă a Statului moldovenesc.

CATALOG

Moldova

Atelier: Suceava

Alexandru I (1400-1432)

Jumătate de groș [1425-1430]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II șapte flori de crin; la dreapta scutului sigla A.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, nr. 418 (tip V); Iliescu 1970, 28, seria V (1430); Iliescu 2000, 80, faza a III-a (1409-1431), emisiunea a IX-a (paralelă) (1425-1430).

1. AE, 1,12 g, 17,5 mm, tocită; R. Moldova.
2. AE, 0,82 g, 17 mm, tocită, baterea dublă (rv.); R. Moldova.
3. AE, 0,73 g, 14 mm, 11h, tocită; Costești (r. Ialoveni).
4. AE, 0,67 g, 15 mm, 2h; Costești (r. Ialoveni).
5. AE, 0,58 g, 18 mm, tocită; R. Moldova.
6. AE, 0,57 g, 17,5 mm, 5h, tocită; Costești (r. Ialoveni).
7. AE, 0,50 g, 16 mm, tocită, ciupită din margine; R. Moldova.
8. AE, 0,50 g, 15 mm, 2h; Orheiul Vechi (r. Orhei).
9. AE, 0,47 g, 15 mm, 11h, perforată; Săseni (r. Călărași).
10. AE, 0,45 g, 16,5 mm, tocită, ruptă din margine; R. Moldova.
11. AE, 0,35 g, 13x16 mm, tocită, ruptă din margine; R. Moldova.

Jumătate de groș, tip cruce cu brațe egale

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Cruce cu brațe egale, în cantoane: I coroană, II coroană(?), III stea, IV semilună.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 465 (domn necunoscut, tip cruce cu brațe egale); Iliescu 1970, 28 (Alexandru I, tip cruce cu brațe egale (1415-1431)); Iliescu 2000, 82, (Alexandru I, emisiunea a XI-a, cu destinație specială).

12. AE, 0,44 g, 14 mm, 2h, perforată; Costești (r. Ialoveni).

Iliaș I (1432-1442, cu întreruperi)

Un groș și jumătate [1432]

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roza, la stânga semiluna. Legenda circulară.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II șapte flori de crin, deasupra scutului coroană deschisă, la dreapta scutului o literă (se vede I), la stânga scutului o literă sau un semn(?). Legenda circulară.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 472 (tip I); Iliescu 1970, 29, tip I (1432).

13. AR, 1,39 g, 20 mm, 7h, ruptă din margine; Costești (r. Ialoveni).

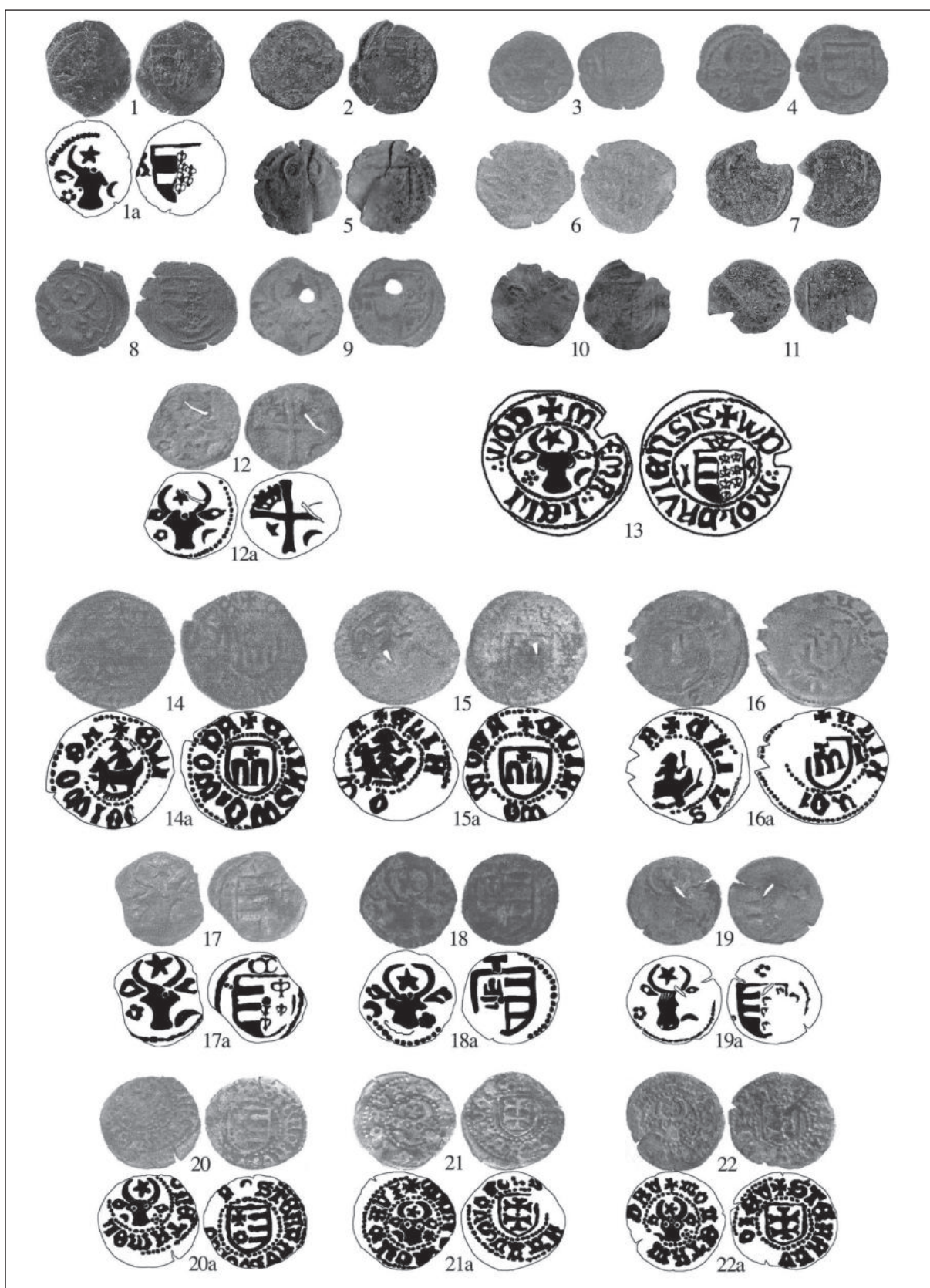
Av. +M...ETA : hELL... : WOD

Rv. +WD : MOLDAVIENSIS

Groș [cca 1436-1442]

Av. Călăreț spre dreapta, ținând o spadă ridicată în mâna stângă. Legenda circulară.

⁴ Piese sunt inedite.

Pl. 1. Monede medievale moldovenești, descoperite la Săseni (nr. 9); Orheiul Vechi (nr. 8, 14-16, 20-22); Costești (nr. 3-4, 6, 12-13, 17-19) și fără loc sigur de descoperire, găsite în Republica Moldova (nr. 1-2, 5, 7, 10-11).

Rv. Edificiu cu două turnuri schematizat, însoțit sus de cruce. Legenda circulară.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 500 (tip V); Iliescu 1970, 30, tip V (cca 1436-1442).

14. AE arg, 0,63 g, 20 mm, 6h; Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. +ELI...WOIWODA

Rv. +ELIASWOIWODA

15. AE arg, 0,38 g, 20 mm, 2h; Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. +ELIA...O...W...A

Rv. +ELIA...WO...WODA

Av. Călăreț spre dreapta, ținând o spadă ridicată în mâna stânga. Legenda circulară.

Rv. Edificiu cu două turnuri schematizat, însoțit sus de cruce; la stânga scutului litera I. Legenda circulară.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 501 (tip V); Iliescu 1970, 30, tip V (cca 1436-1442).

16. AE arg, 0,40 g, 20 mm, 6h, tocită (av.-rv.); Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. +ELIAS...A

Rv. +ELIA...WOI...

Ștefan II (1433-1447, cu întreruperi)

Jumătate de groș **[1433-1435]**

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roză, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II mai multe (se văd numai trei) flori de crin, în partea superioară a scutului apare sigla(?) Φ, deasupra scutului coroana închisă, la dreapta scutului două puncte; globulă în centru.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 514 (tip I); Iliescu 1970, 30 cf., tip I (1433-1435).

17. AR-BI, 0,510 g, 12 mm, 2h; Costești (r. Ialoveni).

Jumătate de groș **[1435-1443]**

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta semiluna, la stânga roză; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I aripă în sus, II trei fascii, deasupra scutului sigla T.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 522 (tip III); Iliescu 1970, 31 cf., tip III (1435-1443);

18. AE (arg?), 0,75 g, 14 mm, 11h; Costești (r. Ialoveni).

Ștefan II(?) (1433-1447, cu întreruperi)

Jumătate de groș **[cca 1433-1447(?)]**

Av. Cap de bour, stea cu cinci raze între coarnele convergente, la dreapta roză, la stânga semiluna; globulă în centru.

Rv. Scut despicat: I trei fascii, II șapte flori de crin (?), deasupra scutului roză, la dreapta scutului un semn sau o literă (se vede un punct), la stânga scutului un semn sau o literă (?).

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 534-538 (tip VI); Iliescu 1970, 30 (nu consemnează acest tip);

19. AE, 0,66 g, 13,5 mm, 2h, perforată; Costești (r. Ialoveni).

Ștefan III (1457-1504)

Groș **[1465/1467-1476]**

Av. Cap de bour, roză cu cinci puncte între coarnele convergente, la dreapta semiluna, la stânga roză. Legenda circulară.

Rv. Scut despicat, I cruce cu brațe egale deasupra unei roze, II trei fascii. Legenda circulară.

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 613 (tip Ib, rozeta 2); Iliescu 1970, 33, tip I (1457-1476); Oberländer-Târnoveanu 2005, 307 cf., tip I, varianta 2(?), subvarianta b (1465/1467-1476).

20. AR, 0,66 g, 14 mm, 7h; Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. ...ONETAMOL...

Rv. ...STEFANVSVOIEV...A

Groș **[1476/1479-1497]**

Av. Cap de bour, roză cu cinci puncte între coarnele convergente, la dreapta semiluna, la stânga roză. Legenda circulară.

Rv. Cruce dublă în scut. Legenda circulară.

21. AR, 0,510 g, 14 mm, 6h; Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. +MONE...MOLDAVI

Rv. *?S...FANVS?VOIE?...

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 714-721 (tip IIb, rozeta 3); Iliescu 1970, 33, tip II (1480-1504); Oberländer-Târnoveanu 2005, 307 cf., tip II, varianta 2 (?), subvarianta b (1476/1479-1497).

22. AR, 0,470 g, 13,5 mm, 11h; Orheiul Vechi (r. Orhei).

Av. +MONETAM...DAV

Rv. +STEFANV...OIEV

Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977, cf. nr. 694 (tip IIb, rozeta 2); Iliescu 1970, 33, tip II (1480-1504); Oberländer-Târnoveanu 2005, 307 cf., tip II, varianta 1, subvarianta b (1476/1479-1497).

Bibliografie

- Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977:** G. Buzdugan, O. Luchian, C. Oprescu, Monede și bancnote românești (București 1977).
- Iliescu 1970:** O. Iliescu, Moneda în România (491-1864) (București 1970).
- Iliescu 2000:** O. Iliescu, Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. RI XI, 1-2, 2000, 59-95.
- Nicolae 2002:** E. Nicolae, Două monede din perioada de sfârșit a dominației Hoardei de Aur la vest de Nistru. SN 2001, 2002, 145-150.
- Nicolae 2003a:** E. Nicolae, Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451-1512 (Chișinău 2003).
- Nicolae 2003b:** E. Nicolae, Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Şehr al-Cedid). SN 2002, 2003, 167-179.
- Nicolae 2005:** E. Nicolae, Monedele de tip Costești-Gârla. SN 2003, 2005, 89-104.
- Nicolae 2007:** E. Nicolae, Monedele tătarești din tezaurul de la Săseni, raionul Călărași, Republica Moldova. SN 2004, 2007, 183-210.
- Nicolae 2009:** E. Nicolae, Date noi privind monedele și contramărcile de tip Asprokastron. In: Studia Varia in Honorem Professoris Ștefan Ștefănescu Octogenarii (București-Brăila 2009), 217-226.
- Nicolae 2012:** E. Nicolae, Un fragment din tezaurul de la Săseni, raionul Călărași, Republica Moldova. SCN 2 (XIV) 2011, 2012, 81-88.
- Niculici 2004:** A. Niculiță, Monedele europene din tezaurul de la Săseni, r. Calarași. Simpozion de Numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor, 29 septembrie – 2 octombrie 2004 (Chișinău 2004), 15.
- Niculici 2007:** A. Niculiță, Monedele europene din tezaurul de la Săseni, raionul Călărași, Republica Moldova. SN 2004, 2007, 211-222.
- Niculici, Boldureanu, Nicolae 1997:** A. Niculiță, A. Boldureanu, E. Nicolae, Les aspres ottomans du trésor de Săseni, dép. de Călărași (Rép. de Moldavie). SCN XI (1995), 1997, 201-209.
- Oberländer-Târnoveanu 2005:** E. Oberländer-Târnoveanu, Emisiunile monetare bătute pe teritoriul Moldovei în vremea lui Ștefan cel Mare (1457-1504) – Analiză critică. CN IX-XI (2003-2005), 2005, 299-388.
- Postică 2003:** Gh. Postică, Cetatea Orheiului Vechi în lumina cercetărilor arheologice din anii 1996-2000. AM XXVI, 2003, 91-143.
- Postică 2005a:** G. Postică, Noi informații despre tezaurul monetar descoperit la Săseni și Mereni. Simpozion de Numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor, 20-22 octombrie 2005 (Chișinău 2005), 14-15.
- Postică 2005b:** Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. RA I, 1, 2005, 371-385.
- Travkin 1998:** S. Travkin, Descoperiri numismatice din Orheiul Vechi (anul 1987). RA 2, 1998, 163-165.
- Абызова, Бырня, Нудельман 1982:** Е.Н. Абызова, П.П. Бырня, А.А. Нудельман, Древности Старого Орхья (молдавский период) (Кишинев 1982).
- Бырня, Рябой 1988:** П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, Археологические работы в Старом Орхее. В сб.: АИМ в 1983 г., 1988, 113-126.
- Городенко 1999:** А. Городенко, Две монеты чеканки Аспрокастро. Stratum plus 6, 1999, 156-158.
- Городенко 2001:** А. Городенко, Монеты чеканки Аспрокастро (Белгорода) из частных коллекций. Labirint 1, 2001, 8-13.
- Дергачева 2003:** Л. Дергачева, Старый Орхей по нумизматическим данным. Дипломная работа (Кишинев 2003).
- Дергачева 2005:** Л. Дергачева, Неизвестные монеты Богдана III из Сесенского клада. RA I, 1, 2005, 364-367.
- Нудельман 1974:** А.А. Нудельман, Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. В сб.: АИМ в 1973 г., 1974, 188-229.
- Нудельман 1975:** А.А. Нудельман, К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (По материалам кладов). В сб.: Карпато-Дунайские земли в средние века (Кишинев 1975), 94-124.
- Нудельман 1976:** А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавии, вып. 8 (Кишинев 1976).
- Полевой 1956:** Л.Л. Полевой, К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XV вв. В сб.: Изв. МФ АН СССР 4 (31), 1956, 91-103.
- Полевой 1960:** Л.Л. Полевой, Монеты из раскопок Старого Орхья (1947-1956). В сб.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 317-352.
- Полевой 1967:** Л.Л. Полевой, Поселение XIV в. у с. Костешты. В сб.: ЗОАО 2 (35), 1967, 119-130.
- Полевой 1969:** Л.Л. Полевой, Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.). В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 146-161.
- Полевой 1972:** Л.Л. Полевой, Монеты из раскопок 1968-1969 гг. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг., 1972, 238-257.
- Полевой 1974:** Л.Л. Полевой, Памятники золотоордынского времени (XIV в.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 151-168.
- Рикман 1955:** Э.А. Рикман, Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. В сб.: Изв. МФ АН СССР 5 (25), 1955, 95-112.
- Смирнов 1954:** Г.Д. Смирнов, Археологические исследования Старого Орхья. КСИА 56, 1954, 24-39.
- Чеботаренко 1956:** Г.Ф. Чеботаренко, Археологические раскопки на территории МССР в 1955 г. В сб.: Изв. МФ АН СССР 4 (31), 1956, 181-185.

Lilia Dergaciovă, doctor în istorie, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: dergaciovă.lili@gmail.com

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

БЫЧЬЯ УПРЯЖЬ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОЛЕСНИЧЕСТВА В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Василий РОГУДЕЕВ, Ростов-на-Дону

Harnașamentul pentru boi și problema apariției carelor de luptă în stepele din sudul Rusiei. Către momentul apariției în stepă a carelor de luptă, transportul pe roți și hamurile pentru boi cu frâu trecuseră o cale lungă de dezvoltare – cel puțin începând din cultura majkop ce aparține perioadei timpurii a epocii bronzului – și este dificil de evidențiat un oarecare raion mic, care să poată fi considerat drept centru unic de invenție a carului și harnașamentului (frâului). La examinarea hamurilor evoluat pentru boi din diverse sisteme, se poate spune cu siguranță că pentru harnașamentul cailor putea fi utilizat sistemul cu bară de nas și frâu incipient, la care tija de nas a trecut în gura calului și a devenit zăbală. O atenție deosebită trebuie acordată folosirii la hamurile pentru boi atât a nodului și inelului de siguranță, cât și a „aplicelor” de cuplare-frânare. Perioada apariției psaliilor de os poate fi determinată după două descoperiri: prima din așezarea Kamenka din Crimeea de Est și a doua – din cetățuia de stâncă a lui Stepan Razin de pe malul drept al r. Volga, din reg. Saratov. După materialul arheologic ele aparțin intervalului cronologic al culturii katakombnaja târzie (sau katakombnaja finală). Premise materiale pentru apariția carelor de luptă deja existau. Purtătorii culturii katakombnaja cunoșteau bine caii, utilizau căruțele cu două roți. Un mare stimulent pentru folosirea pe larg a cailor înhămați și transformarea hamurilor pentru boi în harnașament de cai l-a constituit, probabil, „marele” război din stepă. Necesitățile militare au contribuit la transformarea căruțelor cu două roți în care de luptă.

К моменту появления в степи боевых колесниц, колесный транспорт и бычья упряжь с уздой прошли долгий путь развития, по крайней мере, от майкопской культуры, эпохи ранней бронзы, и затруднительно выделить какой-нибудь маленький район, который может претендовать на единый центр изобретения колесниц и конской упряжи (узды). При рассмотрении развитой бычьей упряжи разных систем можно с уверенностью говорить, что для упряжи коней можно было использовать преимущественно систему с носовой тягой и недоуздом, в которой носовая тяга переместилась в рот лошади и стала удилами. Особое внимание надо обратить на применение в бычьей узде стопорного узла и стопорной шайбы, а также соединительно-стопорных «бляшек». Время появления костяных псалев можно определить по двум находкам: 1 - из поселения Каменка в Восточном Крыму, 2 - городище утес Степана Разина на правом берегу р. Волга, Саратовская область. По археологическому материалу они связаны с позднекатакомбным (или финально-катакомбным) временем. Материальные предпосылки для появления колесниц уже были. Катакомбное население хорошо знало коней, использовало двухколесные повозки. Огромным стимулом для широкого использования коней в упряжке и преобразования бычьей узды в конскую явилась, видимо, «большая» война в степи. Военная необходимость заставила превратить двухколесные повозки в колесницы.

By the time the steppe war chariots, wheeled vehicles and the bull harness with the bridle come a long way of development, at least from the Maikop culture and Early Bronze Age, and is difficult to identify some small area, which can pretend to the invention, a single point of chariots and horse harness (bridle). When considering advanced bull harness the different systems can safely say that for harness horses, you can use the system primarily with the bow thrust and halter in which thrust the bow moved to the horse's mouth and began to bit. Particular attention should be paid to the use of stopper knot in bull harness and lock washer, as well as connective-lock «plaques». Time of occurrence of bone cheek-pieces can be identified by two findings: 1 - from the settlement of Kamenka in the Eastern Crimea, 2 – settlement of Stepan Razin rock on the right bank of the river. Volga, Saratov region. The archaeological material they are associated with later catacomb (or final catacomb) time. Material preconditions for the emergence of chariots have been. The population of Catacomb culture is well aware of horses, used a two-wheeled carts. A great incentive for greater use of horses in harness and reins in the transformation of bovine harness into horse was probably the “big” war in the steppe. Military necessity has forced to make two-wheeled carts in the chariot.

Key words: the Maikop culture, Catacomb culture, horse harness, bridle.

Начало эпохи поздней бронзы отмечено почти что внезапным появлением в степи ярких погребальных комплексов воинов-колесничих. Соответственно большой интерес вызывает вопрос о месте и времени появления колесниц и прослойки воинов-колесничих. Это, в свою очередь, определяет более пристальное внимание к памятникам нашего региона предшествующего (катакомбного) времени.

В свое время большой интерес вызвали две работы: К.Ф. Смирнова об археологических остатках конской упряжи (псалии) (Смирнов 1961, 46-72) и Е.Е. Кузьминой о раннем развитии колесного транспорта и коневодства у индоевропейцев (Кузьмина 1974, 68-87). И этот интерес не ослабевает, так в последние годы вышли специализированные сборники, посвященные колесничеству в целом и упряжи (псалиям) в частности (Археологический альманах... 2004; Происхождение и распространение коолесничества... 2008; Кони, колесницы и колесничие... 2010). Также активно обсуждается вопрос, где раньше была одомашнена лошадь и появилось колесничество: в степях или на Ближнем Востоке (Горелик 1982, 183-184).

Данная работа в определенной мере является продолжением статьи «Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества» (Рогудеев 2008, 71-90). При анализе комплексов с повозками позднекатакомбного времени нельзя говорить о воинах-колесничих, но подобные погребения явно отражают социальную градацию общества. Основу работы составил доклад, прочитанный в Астрахани на 3-й Нижневолжской археологической конференции (Рогудеев 2010, 116-121).

Для эпохи средней бронзы, по скудным археологическим остаткам, можно приблизительно восстановить конструкцию повозок и колес. Также довольно редко повозки сопровождаются костями (черепами и кости ног) тягловых животных. Соответственно остается совершенно не известной система и форма упряжи катакомбного времени.

При рассмотрении материалов Ближнего Востока можно констатировать, что археологические данные так же скупы и основная информация получена на основе изучения изображений и моделей. На них узды и упряжь показаны достаточно условно (Горелик 1982, табл. 1-3).

В целом в археологическом материале остатки ранней узды представлены находками носовых колец с целыми скелетами быков и остатками повозок в богатых погребениях Месопотамии и Элама. Поэтому большое значение для нашего региона представляет недавно исследованное погребение 25, ранней бронзы, кургана №1 могильника «Ма-

рьинская-5» (Канторович, Маслов, Петренко 2010, 166). Погребение 25, майкопской культуры, совершено в деревянной гробнице из вертикальных бревен. Между стенками ямы и гробницы найдены два черепа быков с «петлевидными» носовыми кольцами. Одно кольцо с ременной обмоткой найдено прямо в носовой части бычьего черепа.

Эта находка в свою очередь позволяет говорить, что развитие колесного транспорта в Южнорусских степях и Передней Азии шло в одном русле. Косвенно, глубокие связи между двумя регионами подтверждает тезис о единой циркумпонтийской металлургической провинции (Черных и др. 2002, 5-23). Сложение и сохранение единства циркумпонтийской металлургической провинции должно подразумевать активные связи между регионами.

Но в целом при таких скудных данных, вопрос о ранней узде и упряжи остается больше теоретическим. Понять систему и форму узды катакомбного времени можно только обратившись к материалам этнографии. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (статья Рабочий скот) кратко описано распространенное в Южной России шейное парное ярмо, которое представляется в виде вытянутого четырехугольника с двумя «пряслами», гораздо реже представлена лобная запряжка.

Очень важно следующее замечание: в Западной Европе употребляют для упряжи род хомута, но такая запряжка очень сложна, в силу чего и не может найти широкого распространения. Действительно бычья упряжь проста или откровенно примитивна. Это замечание объясняет, почему именно простая упряжь с рамочным ярмом сохраняется неизменной с эпохи ранней бронзы до 20 века. Это в свою очередь заставляет более внимательно рассмотреть бычью упряжь разных регионов, сохранившуюся до 20 века.

Следующее описание в словаре В.И. Даля.

Упряжь воловья: ярмо с занозами (затычками), прихваченное притыкою к войю (дышлу), и налыгач на рога; возжей нет, волю знают соб (направо, левый вол) и сабе (правый вол, налево); местами волов запрягают постромками, за рога, без войя; буйволам иногда продевают больницу в носовой хрящ, для возжей. Парная упряжь, ярмо, и по одной возже, взятой за больницу, за кляпыш, продетый в носовой хрящ (Даль 1994б, т. IV, 505). Кляпыш – завертка, застежка (Даль 1994а, т. II, 123-124) (как для старой палатки, т.е. короткая палочка на шнурке).

Для лучшего понимания рассмотрим изобразительные материалы. Использованы фотографии и рисунки быков в упряжи. Небольшое количество рисунков и фотографий найдено в печатных изда-

ниях (Ляшко 1997, рис. 1; Палкевич 2005, 140; Петросян 1972, рис. 10-11; Пржевальский 2008, 51) и картина В.В. Верещагина «Повозка в Дели» 1875 г. Гораздо больше фотографий было просмотрено в Интернете. За длительный срок было просмотрено несколько сотен фотографий. На полусотне фотографий достаточно хорошо видна бычья узда и упряжь. К сожалению, многие фотографии уже убраны из Интернета, что затрудняет ссылку на источник. Большинство фотографий без указания автора, часть – с пометкой РИА НОВОСТИ.

Я разделил бычью упряжь на две большие группы.

1. Вожжи идут к рогам быков (рис. 1,15). Они привязываются или к основанию рогов (на голову), или к кончикам рогов.

2. Система с носовой тягой (рис. 1,16-17) – шнур пропущен через носовой хрящ (см. описание В. Даля). Вожжи идут к этой носовой тяге. Кольцо в носу быка, это только разновидность этой системы.

В этой системе носовая тяга соединялась: а) с недоуздкой (рис. 1,16.17.19); б) с ошейником (рис. 1,18.20.21), реже шнур носовой тяги завязывался вокруг рогов быка. Это было необходимо для того, чтобы ограничить свободный ход шнура носовой тяги. С одной стороны это ускоряло поворот головы быка, с другой – позволяло меньше травмировать нос животного. Носовая тяга соединялась с недоуздкой просто узлом (рис. 1,16) или посредством «бляшки», которая одновременно стопорила ход носовой тяги и соединяла её с недоуздкой (рис. 1,17.19). Эта система для нас наиболее интересна, так как именно она явилась прототипом конской упряжи.

Не менее интересно соединение носовой тяги с ошейником. Носовая тяга соединялась с ошейником коротким шнурком. Свободный ход носовой тяги ограничивал стопорный узел, который упирался в петлю этого шнура (рис. 1,20). В другом случае стопорный узел упирался прямо в ноздрю быка. Площадь узла увеличивала стопорная шайба (рис. 1,18). Также отмечены случаи, когда носовая тяга соединялась с ошейником посредством цилиндрической бусины-трубки (рис. 1,21). Бусина стопорила скользящий узел. Таким же стопором выступал и «кляпыш».

В этой системе упряжь делится на одиночную и парную. Одиночная упряжь (рис. 1,16.17) – основной принцип, наличие двух вожжей. Наиболее интересна упряжь с носовой тягой и недоуздкой. Носовая тяга соединена с недоуздкой с двух сторон головы быка (узлами или «бляшками»). Далее носовая тяга становится вожжей. Иногда, она па-

раллельно сопровождается и шнуром от недоуздки (рис. 1,16). Порой, одиночная упряжь с двумя вожжами используется и в парной запряжке (рис. 1,17).

Иногда упряжь с 1 вожжей использовалась в одиночной упряжи. Парная упряжь (рис. 1,18-21) делится на две группы: а) внутреннее, б) внешнее расположение вожжей.

Внутренняя система расположения вожжей, наиболее распространенная и в наши дни (рис. 1,15.19-21). С внутренней стороны упряжи к носовой тяге (или рогам) быка подвязана только одна вожжа. Например, для поворота направо тянут вожжу левого быка, он поворачивает и постепенно заставляет повернуться и правого быка. Соответственно налево – поворачивают правого вола. При внутренней системе каждый бык занимает свое определенное место. Эта система удобна, когда повозка занята грузом и возница сидит на дышле, уже между быками.

Внешняя система (рис. 1,18), с наружной стороны упряжи к носовой тяге также подвязано по одной вожже. Но с внутренней стороны носовые тяги двух быков связаны одним шнуром. То есть упряжь как бы закольцована. Для поворота направо тянут вожжу правого быка, а шнур, соединяющий носовые тяги, заставляет быстрее повернуться и левого быка. Вероятно, влияние одиночной системы упряжи. Следует уточнить, что в основном бычья узда состоит только из веревок или ремней, соединительные бляшки и бусины используются достаточно редко.

Вернемся из этнографии в археологию. В целом в археологическом материале, кроме находок носовых колец со скелетами быков, остатки ранней узды отсутствуют. Другое дело разного рода изображения.

При рассмотрении колесниц Переднего Востока (рис. 1,1-2) видим, что используется «парная» упряжь с внутренней системой вожжей. Часто показан недоуздок, вместо носовой тяги – кольцо, к нему же идет вожжа. В целом, видно: для военных четырехколесных колесниц образцом послужили грузовые повозки, со всеми недостатками. При внутренней системе вожжей «медленное» управление животными, а при четырехколесной повозке без поворотного приспособления движение было только прямым – таранным. Вероятно, наиболее эффективным действие таких колесниц было на коротком расстоянии: таранная атака фаланги тяжеловооруженной пехоты. Соответственно и колесничие вооружены копьями, дротиками и топорами. Защитой служил высокий передок повозки.

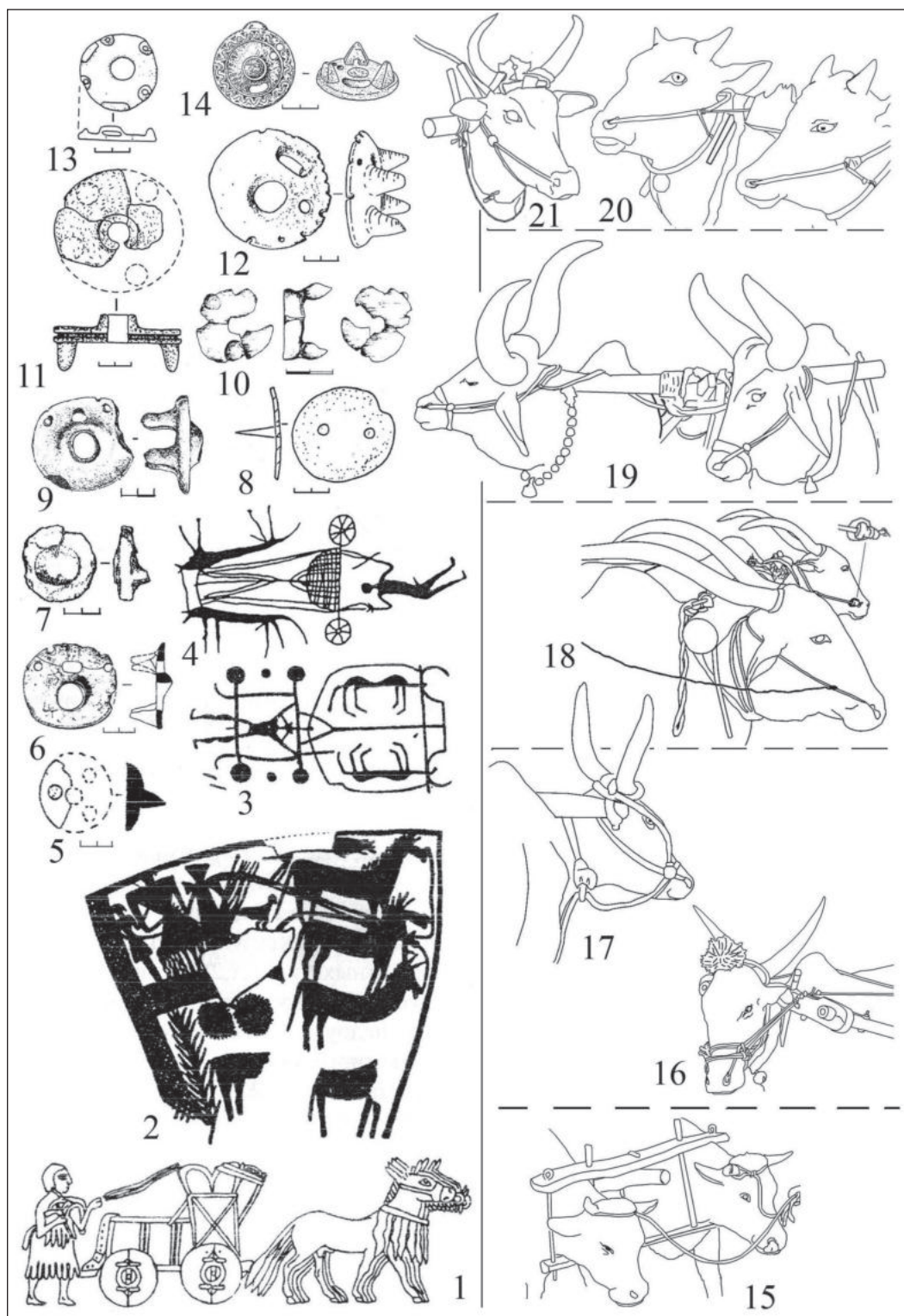

Рис. 1. Виды бычьей упряжи и ранних псалий. 1 – штандарт из Ура (2-я половина 3 тыс. до н.э.); 2 – роспись сосуда из Хафадже, Месопотамия (середина 3 тыс. до н.э.); 3 – Армения, Сисианский района; 4 – Памир, Акджилга; 5 – пос. Утес Степана Разина; 6 – пос. Каменка, Крым; 7 – пос. Суруш; 8 – Каменный Амбар-5 к.2, п.8; 9 – Потапово к.3, п.4 (псалий 1); 10 – Танаберген к.7, п.23; 11 – Зардчахашифа; 12 – Трахтемиров (Средн. Днепр); 13 – Румыния, Бард; 14 – Микены, IV шахтовая гробница, круг А; 15 – Украина; 16–19 – Индия; 20 – Индонезия; 21 – Таиланд (15-21 – прорисовка по фотографиям).

Также, именно расположение возницы на дышле послужило примером для создания колесницы с седлом, тип III по Горелику М.В. (Горелик 1985, 184). Изогнутое дышло переходит в брус над колесами, на котором устроено седло для одного человека. Вероятно, такие не защищенные маневренные колесницы использовали, прежде всего, для охоты.

Можно предполагать, что подобная упряжь была и в майкопском комплексе (ранней бронзы) Марьинская-5 1/25, описанном выше. Учитывая огромное влияние, которое майкопская культура оказывала на степное население, можно утверждать, что подобная упряжь с носовой тягой могла использоваться в это время и в степи.

Примерно в это же время появляется и упряжь с внешней системой вожжей. Так в Сисианском районе Армении, среди наскальных изображений есть рисунок телеги (рис. 1,3) запряженной быками, с внешней системой вожжей. Только шнур соединяет не носовые тяги, а рога быков. У телеги сзади продольные брусья загнуты как полозья саней, такую же особенность имеет повозка из катакомбного погребения, низовья р. Сал, м-к Балабинский-1 к. 10, богатое погребение 14 (Рогудеев 2008, 84). Также шнур, соединяющий головы коней, показан на более позднем изображении колесницы с Памира (рис. 1,4).

В большинстве степных комплексов средней бронзы с повозками (или колесами) нет костей тяловых животных, что затрудняет не только поиски возможных остатков упряжи, но и ставит вопрос – какие животные запрягались. В некоторых комплексах с повозками представлены черепа и кости ног быков. Поэтому важно погребение предкавказской культуры – Новый, к. 106, большая катакомба п. 14 (Рогудеев 2008, №17). Во входном колодце парами – черепа и кости ног 2 коней и 2 быков. В это время известны разные лошади, так из катакомбного поселения Матвеевка I получены кости лошадей: малорослых и рослых; тонконогих, полутонконогих и средненогих (Журавлев, Сычева 1989, 152). В материалах однослойного позднекатакомбного Славяногорского поселения на Северском Донце также встречены кости лошади – толстоногой и полутонконогой (восточного типа) (Журавлев, Санжаров 2004, 171).

В целом кони хорошо были известны не только в степи (Кузьмина 1974, 81; Рогудеев 2008, 86), но и на Ближнем Востоке (Горелик 1985, 192), и в Средней Азии (БМАК) (Сарианиди 2001, 37-39). Изредка в степи встречаются комплексы с двухколесными повозками: 1) Элистинский 5/8, модель фургона 2-колесной повозки; 2) в Лолинском 4/4

представлены остатки рамы с 2 очень маленькими колесами (Рогудеев 2008, 86); 3) Марьевка (Тягунова Могила) 11/27 остатки двухколесной повозки с гробовиной; 4) Большой Ипатовский курган п.32, остатки закавказской двухколесной повозки (Избицер 2009, 125-130). Именно маневренные двухколесные повозки могли использовать для охоты. И в этих же целях могли пробовать в упряжи коней. Основным оружием охоты был лук со стрелами.

Как видим, к моменту появления в степи боевых колесниц, колесный транспорт и бычья упряжь с уздой прошли долгий путь развития, по крайней мере, от майкопской культуры, эпохи ранней бронзы, и затруднительно выделить какой-нибудь маленький район, который может претендовать на единый центр изобретения колесниц и конской упряжи (узды). При рассмотрении развитой бычьей упряжи разных систем (вожжи на рога и узда с носовой тягой, соответственно с недоуздкой и ошейником) можно с уверенностью говорить, что для упряжи коней можно было использовать преимущественно систему с носовой тягой и недоуздкой, в которой носовая тяга переместилась в рот лошади и стала удилами. Этому способствовали особенности черепа лошади, между передними и задними (коренными) зубами есть пустой участок как раз для удил. Также лошади не являются жвачными животными – меньше вероятность перетереть мягкие удила. И особое внимание надо обратить на применение в бычьей узде стопорного узла и стопорной шайбы или «кляпыша», а также соединительно-стопорных «бляшек» и цилиндрических бусин.

Приведем небольшую подборку архаичных псалиев, от Средней Азии и Урала до Греции (Микен) (рис. 1,5-14). Подборка, по нашему мнению, отражает разнообразные попытки улучшить известную узду с недоуздкой.

Маленькие псалии в виде простых шайб с шипами и 1 центральным отверстием (Танаберген к.7, п.23) (рис. 1,10). Круглый псалий с двумя шипами, но без центрального отверстия (Каменный Амбар-5 к.2, п.8) (рис. 1,8). Возможно, такие псалии крепились (вшивались) между ремнями недоуздки. Аналогичен им псалий (или заготовка) из пос. Суруш (рис. 1,7). Эти псалии ближе всего к небольшим стопорным шайбам, которые выполняли только функцию стопора, без соединения.

Псалий с шипами из Зардчхалифа более крупный с 1 центральным отверстием и желобком по торцу щитка (рис. 1,11). Видимо, по этому желобку проходил шнур, которым псалий крепился к недоуздку.

Маленькие круглые псалии из Микен (рис. 1,14) без центрального отверстия, но отверстия есть по

краю диска и в одном из шипов. Вероятно, псалий был «накладной», поверх недоуздка. Такими же были псалии с 2 отверстиями.

Остальные псалии, тоже небольших размеров, уже выполняли стопорно-соединительные функции. Центральное отверстие для удила и боковые отверстия для крепления недоуздка.

Время появления костяных псалиев можно определить по двум находкам.

1. Псалий из поселения Каменка в Восточном Крыму (Рыбалова 1974, 19-20.22). По словам исследователя, поселение раньше имело оборонительный вал, скрытый в поздние годы. Наиболее ранними являлись жилища 1, 2 и 6. Из этих комплексов получен материал характерный для средней бронзы (катакомбной культуры): выпрямители стрел, обломки каменных топоров и керамика близкая по форме и орнаменту катакомбной посуде. Именно из жилища 1 происходит псалий (рис. 1,6).

2. Городище утес Степана Разина на правом берегу р. Волга, Саратовская область (Василенко 2008, 141, рис. 5). Маленький обломок круглого псалия (рис. 1,5) вместе с катакомбной керамикой, в основном среднедонской катакомбной культуры. Возможно, он относится к ранним образцам с 1 центральным отверстием.

По материалу они связаны с позднекатакомбным (или финальнокатакомбным) временем. Материальные предпосылки для появления колесниц уже были. Катакомбное население хорошо знало коней, использовало двухколесные повозки.

Следует обратить внимание, что псалии происходят с укрепленных поселений. Каменке близка по материалу Ливенцовская крепость на Дону с многочисленными следами боевых действий. В Поволжье следует обратить внимание на памятники с вольско-лбищенской керамикой (Васильев, Кузнецов 2000, 65-84). Пункты с такой керамикой, как правило, находятся на высоких естественно защищенных мысах. На Среднем Дону так же представлены поселения расположенные на высоких естественно защищенных мысах (Пряхин 1982, 90-144). А.Д. Пряхин также отмечал распространение подобных поселений дальше на запад (Пряхин 1982, 126-127). Все это отражает проявление военной агрессии на огромном пространстве катакомбной общности и соседних культур.

Вопрос, что могло способствовать агрессии на столь большой территории. Теоретически это можно объяснить климатическими изменениями. По мнению некоторых исследователей, повышенная влажность приходится на период 40-25 вв до н.э. (Кременецкий 1997, 43) или 23-20 вв. до н.э. (Пустовалов 2001-2002, 321). Сейчас пересматри-

вают датировки культур бронзы в сторону их удешевления, т.е. влажный период мог приходиться на время катакомбной культуры. Это подтверждается находками костей бобра в материалах однослойного позднекатакомбного Славяногорского поселения на Северском Донце (Журавлев, Санжаров 2004, 172) и в насыпях катакомбных курганов: могильник Пробужденовский на р. Сал (среднее течение) и могильник Ливенцовский VII (окраина г. Ростова-на-Дону) (Рогудеев 2000, 54). В 2009 г на окраине Ростова в к.1 м-ка Западный II (раскопки С.А. Науменко), в насыпи разрушенного погр.19, видимо, эпохи средней бронзы, также найдена кость бобра (определение кандидата биологических наук Е.Ф. Батиевой). Если здесь жили бобры (особенно на р. Сал), то это предполагает наличие пойменного леса, как на р. Медведица (на этой реке есть бобры, живущие в норах). В настоящее время бобры отмечены уже в окрестностях ст. Раздорской.

В целом это предполагает повышенную влажность и оптимальные условия для животноводства. Косвенное подтверждение этому – многочисленные курганные могильники средней бронзы и прежде всего в полупустынной Калмыкии. Влажный период сменяется достаточно длительным периодом аридизации и усиления континентальности климата. В Калмыкии и на Нижней Волге эти процессы начинаются раньше чем в западных районах (Кременецкий 1997, 43).

Ухудшение климата (достаточно и многолетней засухи) заставляло искать новые пастбища, вероятно часть людей уходила со скотом дальше обычного, за пределы родовых участков. Потрава чужих пастбищ приводила к насилию и убийствам. Борьба за пастбища могла проходить и внутри племени, такие ситуации наблюдались, например, у казахов в 19 веке (Радлов 1989, 256-257). Более сильные и многолюдные семейные группы захватывали лучшие летние пастбища, творя насилие над более слабыми семьями. Это могло вызвать даже распад старых родоплеменных образований.

Можно предположить, что ухудшение климата привело к росту агрессии и быстрому распаду катакомбной общности изнутри. Вероятно, короткое время была ситуация – война всех против всех. С этим периодом, финальнокатакомбным, и следует связывать появление архаичных кованых копий и быстрое развитие, и распространение колесничества в степи. В результате сложились новые группировки, часть населения вообще должна была покинуть степь, оказывая давление на соседние территории. Мы уже писали о южном влиянии (Рогудеев 2002, 142), так же было высказано предположение, что позднекатакомбное население могло совершать

Рис. 2. Карта распространения ранних щитковых псалиев типа 1: вариант 1 (●), вариант 2 (○) (по С. Пеннеру). 1 – Баланбаш; 2 – Бестамак; 3 – Большекараганск; 4 – Брад; 5 – Кырломанешти; 6 – Дендра; 7 – Филаговка; 8 – Каменка; 9 – Каменный Амбар-5; 10 – Кондрашкинский; 11 – Кондрашевка; 12 – Красноселки; 13 – Микены; 14 – Отропка; 15 – Пичаево; 16 – Потапово; 17 – Сарата-Монтеору; 18 – Селезни; 19 – Синташта; 20 – Солнце II; 21 – Старицкое; 22 – Староюрьево; 23 – Суруш; 24 – Тавлыкаево; 25 – Трахтемиров; 26 – Ульмени; 27 – Утевка; 28 – Уваровка II; 29 – Веселый; 30 – Власово; 31 – Зардчахаифа

походы в Переднюю Азию. Возможно, отражение таких передвижений – некоторые погребальные комплексы Муганской равнины на юго-востоке Азербайджана (Махмудов, Нариманов, Ахундов 2003, 147-148). Отдельные детали сближают их с предкавказскими комплексами. В этом плане интересно основное погребение в кургане у с. Ени Алведи, совершенное в Н-видной катакомбе с умершим на правом боку (там же, 154-156, рис. 4).

Примечательно, что комплексам воинов-колесничих, сосредоточенных в основном в лесостепи, «противостоят», но уже в лесной зоне, комплексы

с оружием сеймо-турбинского круга. Показателен пример, архаичные псалии из Трахтемирова на Среднем Днепре (рис. 1, 12; 2), а в лесной зоне комплексы среднечепровской культуры уже с литыми копьями (Стрелица п.53 на р. Сож) (Артеменко 1967, рис. 27).

К западу от Дона засухи случаются реже и здесь быстрее наступила стабилизация, сложилась культура КМК-Бабино и редки находки ранних псалиев. В Волго-Уральском регионе засухи проявляются сильнее и длятся дольше и именно здесь больше всего комплексов колесничих. Волго-Уральский

очаг культуро-генезиса (опора на Уральские меднорудные месторождения), тезис В.С. Бочкарева (Бочкарев 2010, 52-53), оказывается, прежде всего, очагом военного напряжения. И в этом районе происходит дальнейшее развитие упряжи. Следует отметить: по сравнению с архаичными псалиями, более поздние (с добавочной планкой) распространены на меньшей территории.

Именно «большая» война явилась огромным стимулом для широкого использования коней в упряжке и преобразования бычьей узды в конскую. Военная необходимость заставила превратить двухколесные повозки в колесницы. В свое время шумеры для военных нужд использовали бычью упряжь с внутренней системой вожжей и непово-

ротливые четырехколесные повозки. Они только заменили быков на ослов и онагров. Эту взаимосвязь войны и колесниц уже отмечали исследователи (Кожин 1985, 177). Катакомбные погребальные комплексы четко показывают, что общество уже достигло социальной градации и имело предпосылки для выделения прослойки (или сословия) колесничих.

В заключении хочется сказать, что вычленение в археологическом материале деталей бычьей узды только предстоит. Это могут быть, прежде всего, стопорные шайбы, крупные костяные цилиндрические бусины с залощенным внутренним каналом и «кляпыши» в виде коротких стержней или пластин.

Библиография

- Артеменко 1967:** И.И. Артеменко, Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы (Москва 1967).
- Археологический альманах 2004:** Археологический альманах №15, Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности (Донецк 2004).
- Бочкарев 2010:** В.С. Бочкарев, Культурогенезис и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010), 52-53.
- Василенко 2008:** А. И. Василенко, О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры. В сб.: Происхождение и распространение колесничества (Луганск 2008), 130-165.
- Васильев, Кузнецов 2000:** И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, Памятники вольско-лбищенского типа. В сб.: История Самарского Поволжья с древнейших дней до наших дней (бронзовый век) (Самара 2000), 65-84.
- Горелик 1985:** М.В. Горелик, Боевые колесницы Переднего Востока III-II тыс. до н.э. В сб.: Древняя Анатолия (Москва 1985), 183-202.
- Даль 1994а:** В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II (Москва 1994).
- Даль 1994б:** В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV (Москва 1994).
- Журавлев, Сычева 1989:** О.П. Журавлев, Л.В. Сычева, Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I. СА 2, 1989, 150-152.
- Журавлев, Санжаров 2004:** О.П. Журавлев, С.Н. Санжаров, Остеологические материалы позднекатакомбного Славяногорского поселения на Северском Донце. В сб.: Матеріали та дослідження з археології Східної України, 3 (Луганск 2004), 158-182.
- Избицер 2009:** Е.В. Избицер, Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы. В сб.: Материалы по исследованию историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 9 (Ставрополь 2009), 125-130.
- Канторович, Маслов, Петренко 2010:** А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, Р.Г. Петренко, Погребения майкопской культуры кургана №1 могильника «Марьинская-5». В сб.: XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа (Магас 2010), 164-167.
- Кожин 1985:** П.М. Кожин, К проблеме происхождения колесного транспорта. В сб.: Древняя Анатолия. (Москва 1985), 169-182.
- Кони, колесницы и колесничие... 2010:** Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. (Екатеринбург, Самара, Донецк 2010).
- Кременецкий 1997:** К.В. Кременецкий, Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии. В сб.: Степь и Кавказ (культурные традиции) Труды ГИМ. Вып. 97 (Москва 1997), 30-46.
- Кузьмина 1974:** Е.Е. Кузьмина, Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения Южнорусских степей. ВДИ 4, 1974, 68-87.
- Ляшко 1997:** С.Н. Ляшко, Об использовании тягловой силы быков в колесном транспорте эпохи бронзы. В сб.: Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. VI (Запорожье 1997), 68-71.
- Палкевич 2005:** Я. Палкевич, Труды и дни Меконга. ГЕО 1, 2005, 126-140.
- Петросян 1972:** Л.Н. Петросян, Армянские народные сухопутные средства передвижения. В сб.: Кавказский этнографический сборник. Вып. V (Москва 1972), 98-118.
- Пржевальский 2008:** Н.М. Пржевальский, Путешествия в Центральной Азии (Москва 2008).
- Происхождение и распространение колесничества 2008:** Происхождение и распространение колесничества (Луганск 2008).

- Пряхин 1982:** А.Д. Пряхин, Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья (Воронеж 1982).
- Пустовалов 2001-2002:** С.Ж. Пустовалов, Динамика изменений климата среднего голоцена и некоторые проблемы социально-экономических реконструкций катакомбного общества Северного Причерноморья. *Stratum plus* 2, 2001-2002, 317-334.
- Радлов 1989:** В.В. Радлов, Из Сибири (Москва 1989).
- Рогудеев 2000:** В.В. Рогудеев, Связи населения южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы. В сб.: Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (Саратов 2000), 52-54.
- Рогудеев 2002:** В.В. Рогудеев, Южный импульс в конце эпохи поздней бронзы (предварительное сообщение). *Археологические записки*. Вып. 2, 2002, 140-153.
- Рогудеев 2008:** В.В. Рогудеев, Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества. В сб.: Происхождение и распространение колесничества (Луганск 2008), 71-90.
- Рогудеев 2010:** В.В. Рогудеев, Происхождение и распространение колесничества в южнорусских степях. 3-я Нижневолжская археологическая конференция *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия* (Астрахань 2010), 116-121.
- Рыбалова 1974:** В.Д. Рыбалова, Поселение Каменка в Восточном Крыму. АСГЭ, Вып. 16, 1974, 19-49.
- Сарианиди 2001:** В.И. Сарианиди, Некрополь Гонура и иранское язычество (Москва 2001).
- Смирнов 1961:** К.Ф. Смирнов, Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. *СА* 3, 1961, 46-72.
- Черных и др. 2002:** Е.Н. Черных, Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская, С.В. Кузьминых, Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду. *РА* 1, 2002, 5-23.
- Махмудов, Нариманов, Ахундов 2003:** Ф.Р. оглу Махмудов, И.Г. оглу Нариманов, Т.И. оглу Ахундов, Некоторые памятники эпохи бронзы Муганской равнины. В сб.: *Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Европы* (Санкт Петербург 2003), 144-155.

Василий Рогудеев, Заведующий сектором отдела археологического наследия ГАУК РО «Донское наследие». Раб. тел. 240-91-35; e-mail: Romaro@fromru.com

DESPRE UN TIP DE DESCOPERIRI DIN PERIOADA HALLSTATTIANĂ TÂRZIE: DISPOZITIVELE ELICEFORME TRIPALETATE DE BRONZ

Vasile HAHEU, Chișinău

Pentru perioada hallstattiană târzie în arealul nord-tracic se cunosc în jur de 60 de piese lucrate din bronz desemnate diferit de către cercetători, dar care, în majoritate, sunt interpretate drept capete de ace. Ele au formă de elice tripaletată, cu un orificiu foarte îngust pe centru. Au fost descoperite în Moldova, Transilvania și Dobrogea, deși exemplare singulare se cunosc în Ucraina de Sud-Vest, Muntenia și Bulgaria de Nord-Est. Majoritatea acestora constituie descoperiri fortuite, în unele cazuri fiind găsite în contexte arheologice sigure: morminte plane și tumulare, locuințe, gropi. Este semnificativ că în morminte obiectele în discuție se găseau lângă oasele picioarelor. Despre originea acestor vestigii nu poate fi spus mai mult decât că se întâlnesc doar în arealul nord-tracic, fiind probabil o creație locală. Este problematică și situația cu datarea, ele încadrându-se într-un diapazon destul de larg: mijlocul sec. VII – sec. III î.Hr. Credem că exemplarele masive, de proporții sunt mai timpurii (sec. VII-V î.Hr.), iar cele mici, cu capetele rotunjite – mai târzii (sec. IV-III î.Hr.). În ce privește funcționalitatea acestora, nu credem că erau obligatoriu capete de ace, având în vedere și locul plasării lor în mormintele de înhumăție.

Об одной категории находок позднегальштатского времени: трехлопастные пропеллеровидные предметы. В северофракийском ареале позднегальштатского времени известны около 60 бронзовых предметов, которые интерпретируются по-разному, но большинство специалистов называют их наконечниками для булавок. Они имеют форму пропеллера с тремя лопастями и узким отверстием по центру. В основном происходят из Молдовы, Трансильвании и Добруджы, хотя единичные экземпляры известны на юго-западе Украины, в Мунтении и на северо-востоке Болгарии. Большинство артефактов представлены случайными находками, хотя были найдены и в закрытых археологических комплексах: грунтовые и курганные погребения, жилища, ямы. Интересен факт, что в труположениях они обнаружены у костей ног. О происхождении этих находок нельзя сказать больше того, что они отмечены исключительно в обозначенном северофракийском регионе, что указывает на их местное изготовление. Сложное положение с датировкой этих вещей – довольно широкой: середина VII – III вв. до н.э. Нам кажется что большие массивные экземпляры более ранние (VII-V вв. до н.э.), а помельче с округленными краями – более поздние (IV-III вв. до н.э.). Относительно назначения подобных находок, нам не кажется бесспорным что они были наконечниками для булавок, тем более имея в виду их расположение в труположениях.

On a type of findings from late Hallstatt: propeller formed objects paletted in bronze. For the late Hallstatt period in the north Thracian area we are aware of about 60 tools from bronze qualified differently by researchers. Of them, a large majority are interpreted as needle ends. They have the form for a propeller, with a narrow hole in the centre. They have been discovered in Moldova, Transylvania and Dobrogea, although we are also aware for individual examples in South-West Ukraine, Muntenia, and North-East Bulgaria. A large majority of them are fortuitous discoveries, in some cases being found in individual archaeological contexts: plane and raised tombs, settlements, holes. It is important to indicate that in case of tombs, they were found by the feet. On their origin we cannot say more than the fact that they are found only in the north Thracian area, most likely being a local creation. It is also difficult to date them, having been included in a long time span: middle of VII – III BC. We believe that the larger objects belong to an earlier period of time (VII-V BC), and those that are smaller and have a rounded end are later (IV-III BC). As to their functionality, they were not necessarily needle ends taking into account their placement in tombs.

Key words: Late Hallstatt; Thracians; bronze objects in the form of propeller with three wings, chronological

Pentru perioada Hallstattiană târzie în spațiul Moldovei și a Dobrogei este cunoscut un tip de vestigii din bronz desemnate ca dispozitive în formă de elice. Asemenea obiecte au fost semnalate pentru aceeași perioadă și în Transilvania în cadrul grupului cultural Cium-

brud. Câteva descoperiri, deși singulare, s-au semnalat în Muntenia, Bulgaria de NE și Ucraina de SV (Anexa 1, fig. 1, harta). Cu toate că într-o perioadă de mai bine de un secol au fost depistate în jur de 60 de astfel de piese, funcția, semnificația și originea acestora rămân

un semn de întrebare. Nu mai bine stau lucrurile și cu încadrarea lor cronologică. În cele ce urmează vom încerca să abordăm din nou problema acestei categorii de descoperiri, deși ea a mai fost prezentă în literatura de specialitate.

Considerații taxonomice și de terminologie

Pe lângă multiplele semne de întrebare pe care le provoacă tipul de vestigii analizat, mai constatăm și unul subiectiv, rezultat din terminologia utilizată de către cercetătorii contemporani în desemnarea lor.

Dintre primii autori care aduc în discuție acest tip de vestigii, Vasile Pârvan în baza descoperirii de la Rodbav, pe lângă alte obiecte de podoabă menționează prezența unui „pandantiv cu trei aripioare” (Pârvan 1926, 355). Un deceniu mai târziu M. Roska publică o piesă identică provenită dintr-un mormânt de la Proștea Mică (azi Copșa Mică, vezi: Vasiliev 1980, 148), calificând-o ca și Vasile Pârvan drept pandantiv cu trei aripioare (Roska 1937, 167-203). D. Berciu desemnează descoperirea de la Cernavoda în calitate de capăt de ac cu aripioare (Berciu 1957, 295). Piesa de la Satu-Nou a fost prezentată drept *cap de ac tripaletat în formă de elice* (Mitrea, Preda, Angheliescu 1961, 286). Prezentând o succintă și foarte generală trecere în revistă a descoperirilor din necropola birituală de la Enisala, G. Simion pomeneste despre depistarea „...în mai multe morminte...capete de la acele de păr de formă tripaletată” (Simion 1977, 55; pl. XI,g).

Abordând problema acestui tip de vestigii, A. Meljukova le denuște *capete de ac în formă de elice* (Мелюкова 1979, 107), adăugând în continuare că forma deplină a pieselor respective este imposibil de reconstituit (Ibidem, 226). Exact același termen este utilizat și pentru exemplarele de la Pocreaca-Iași (Ionomu 2006, 57). V. Vasiliev, analizând acest tip de obiecte, le încadrează în categoria armelor, mai concret a vârfurilor de săgeți, tipul D, calificându-le drept *săgeți cu „elice”* (Vasiliev 1980, 76, pl. 9,19). T. Arnăut, deși le desemnează *dispozitive cu trei aripioare elice-forme*, în continuare scrie despre orificiul în care se fixa acul, de unde reiese că erau capete de ace (Arnăut 2003, 141). Anticipând, menționăm faptul că analizele majorității descoperirilor nu a dovedit prezența rămășițelor unor oarecare materiale (metale, lemn, piele etc.) în spațiul orificiului. Dispozitive eliceforme le denuște și I. Mitrea (Mitrea 1983, 60-61, fig. 1,10.11; 2,1-2.4). Abordând problema acestui tip de descoperiri în baza obiectului găsit în umplutura șanțului cetății de la Trahtemir, autorii publicației le desemnează drept piese de bronz cu trei petale (Фіалко, Болтрик 2003, 59; Фіалко 2003, 40-45), sau piese cu trei aripioare (Фіалко 2003, 41). Pentru teritoriul Ucrainei se cunosc încă două obiecte de acest tip: în mormântul

secundar nr. 1 (de femeie) al tumulului 2 din necropola scitică de la Ust' Kamenka (Dnepropetrovsk), desemnat în calitate de *pandantiv de bronz în formă de ancoră* (Костенко, Мухопад 1990, 102), iar piesa de la cetățuia Nadlimanskoe este denumită *capăt helicoidal de ac* (Дзис-Райко 1966, 174, fig. 5).

O opinie cu totul aparte, deși singulară, a fost pusă de către cercetătorul bulgar M. Manov, care în baza vestigiilor găsite în zona de litoral a Bulgariei de Nord-Est le prezintă în calitate de piese cu trei aripi și le interpretează ca semne premonetare (Манов 1998, 79-82). D. Măndescu, referindu-se la descoperirile din sec. V-III î.Hr. din regiune, le califică drept capete de ac în formă de elice (Măndescu 2003, 7-10; idem 2005, 35), sau capete de ace în formă de elice tripaletată (idem 2010, 334-339). Varianta propusă de către D. Măndescu este dintre cele mai plauzibile și „fericite”, deoarece autorul operează cu unica piesă de acest tip (Budureasca-Vadu Săpat) găsită cu adevărat integrală, capătul cu elice tripaletată este prezentat ca fiind descoperit împreună cu acul (Măndescu 2010, 336, pl. 319,4). Situația de la Cernavoda, unde în aceeași urnă funerară au fost găsite astfel de dispozitive și fragmente de tijă (ac - *n.n.*) (Berciu 1957, 295) nu ne apare deloc convingătoare, cazul fiind nerelevant. Dar nici la Budureasca-Vadu Săpat lucrurile nu sunt elucidate pe deplin: nu sunt indicate condițiile și contextul descoperirii, lipsește desenul, fotografia invocată fiind oarecum neclară, precum sunt neclare și trimiterele autorului la săpăturile mai vechi la acest obiectiv, realizate de către V. Teodorescu (Teodorescu ș.a. 1993, 365-387). Citind însă publicația la care se face trimitere, nu am găsit nici o referință la o asemenea piesă. În studiul special din 2003 (Măndescu 2003) piesa nu este pomenită. Doar în ultimele două elaborări este prezentată această descoperire, practic fără nici o explicație (idem 2005, 35; fig. 2,4; idem 2010, 336, pl. 319,4).

Descoperirile de la Enisala sunt denumite ace de păr tripaletate (Simion 1977, 55), pe când cele similare depistate în tumulii de la Celic-Dere sunt calificate drept elemente compozite de vârfuri de săgeată în formă de elice (Simion 2000, 69-82; idem 1996, 249). În ce ne privește, publicând necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești, în cadrul căreia mormântul I avea în calitate de inventar și cinci piese de acest tip, le-am denumit *dispozitive de bronz cu trei aripioare în formă de elice* (Levițki, Haheu 1999, 122, fig. 2,13-17), denumire utilizată și de către V. Căpitanu pentru exemplarele de la Cimbala (Căpitanu 1968, 71). O asemenea calificare ne apare dintre cele mai adecvate și complete. Diversitatea termenilor în denumirea acestor artefacte este cauzată de intenția autorilor contemporani de a le desemna funcționalitatea, fiecare denumindu-le așa cum crede de cuviință

Morfologic, aceste descoperiri constituie un tip de vestigii cu un caracter oarecum unitar. Sunt confecționate din bronz și au formă de elice cu trei aripioare. Locul unde aripioarele se unesc este prevăzut cu un orificiu foarte îngust. Se deosebesc ne semnificativ morfologic, dar se constată variații după configurația și dimensiunile aripioarelor, precum și după ungiurile de dispunere a aripioarelor una față de alta.

În ce ne privește, credem că cea mai adecvată denumire pentru obiectele analizate ar fi *dispozitive în formă de elice tripaletate*.

Arealul de răspândire

Deși nu prea numeroase, aceste piese au fost atestate pe un areal destul de extins: de la Bugul Mijlociu până în nord-estul Bulgariei și din Transilvania până la litoralul românesc și ucrainean al Mării Negre. Nu credem că în prezent se poate cunoaște o cifră exactă cu referire la numărul obiectelor eliceforme de bronz. Pe de altă parte, prezența acestora este neuniformă și cantitativ destul de diferită, dar în general ne semnificativă pentru anumite zone (Ucraina – 3 exemplare, Bulgaria – 4, dintre care 3 sunt într-o colecție privată). Excepție fac doar Transilvania, Moldova și Dobrogea,

unde s-au găsit majoritatea descoperirilor (Anexa 1, fig. 1, harta).

Contextul descoperirilor

Menționăm și ceva mai sus faptul că majoritatea dintre aceste piese au o proveniență incertă, sau găsite fortuit. Deși destul de neproportional, unele dintre vestigiile în discuție au fost descoperite în cele mai diverse contexte arheologice sigure. În complexele funerare ele sunt cunoscute atât în necropole plane, cât și în tumuli. Obiectele din necropole plane proveneau din morminte de inhumatie, precum cele de la Gâmbaș (partea stângă a oaselor picioarelor – locul tolbei) (Ferenczi 1967, 36, fig. 8,7; Vasiliev 1980, 76) și Giurgiulești (între oasele picioarelor, mai sus de genunchi) (Levițki, Haheu 1999, 122; fig. 3,3). Piesa de la Ust' Kamenka provine din tumulul scitic 2, dintr-un mormânt secundar de inhumatie (femeie). A fost semnalat în zona toracelui și a mâinii drepte, zonă în care s-au mai descoperit mărgelile, *salta-leone*, o brățară, un pandantiv din colț de animal, cercei din bronz. De menționat alături de oasele bazinului descoperirea a trei vârfuri de săgeată (Костенко, Мухопад 1991, 102). Mai multe piese de acest tip provin din mormintele de incineratie de la Cernavoda (Berciu 1957,

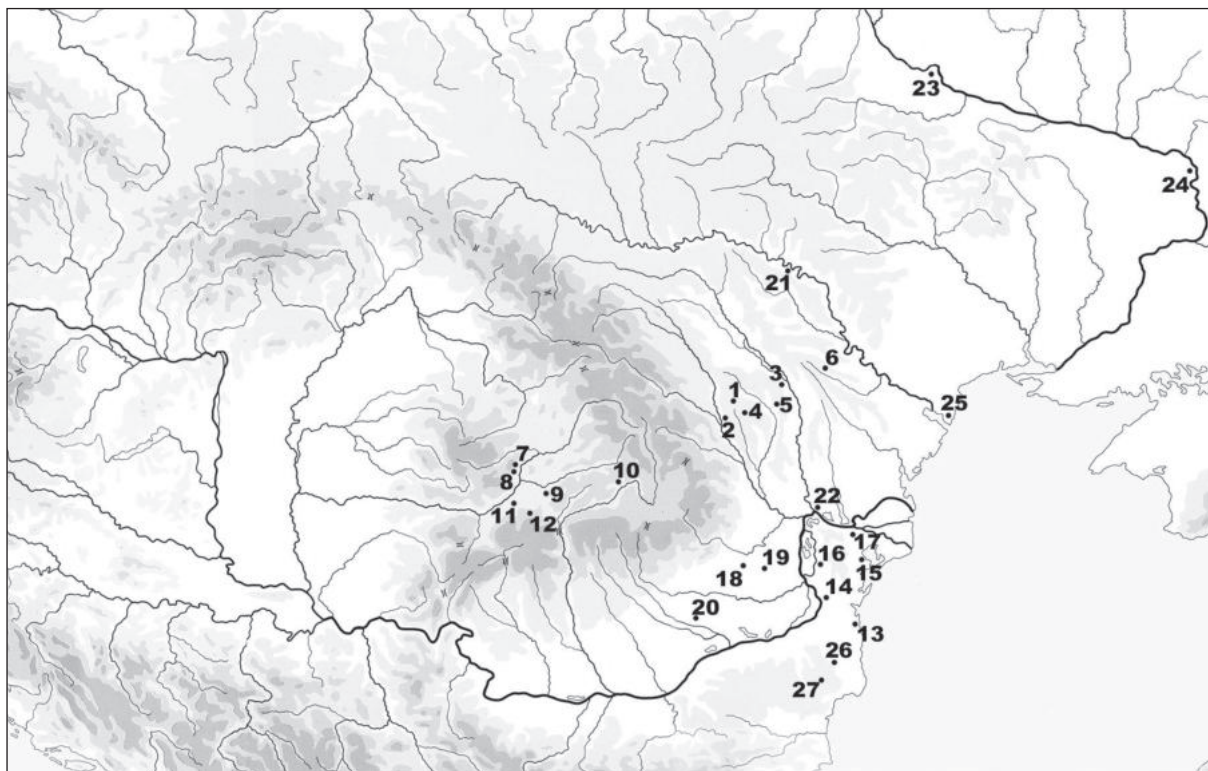

Fig. 1. Harta descoperirilor dispozitivelor eliceforme tripaletate. 1- Cimbala; 2- Mileștii de Sus; 3- Huși; 4- Pocreaca; 5- Poieniști; 6- Huși; 7- Gâmbaș; 8- Ciumbud; 9- Copșa Mică (Proștea Mică); 10- Rodbav; 11- Ungurei; 12- Șeica Mică; 13- Cernavoda; 14- Satu Nou „Suat”; 15- Enisala; 16- Piatra Frecăței; 17- Celic-Dere; 18- Budureasca-Vadu Săpat; 19- Stelnica-Grădiștea Mare; 20- București-Tei; 21- Saharna la Revechin; 22- Giurgiulești; 23- Trahtemir; 24- Ust' Kamenka; 25- Nadlimanskoe; 26- Bulgaria de NE; 27- Kregulevo.

290; fig. 11,4-5), Satu Nou (Mitrea 1960, 409; fig. 1,3; Mitrea, Preda, Anghelescu 1961, 266; fig. 4), Kregulevo (Бобчева 1975, 120), dar subliniem că în aceste cazuri mai puțin relevante nu se pot reconstitui prea multe, artefactele fiind amesecate. Trei piese au fost descoperite în cadrul unor cetăți în diverse contexte: groapa de provizii XXXV de la Nadlimanskoe (Дзис-Райко 1966, 174, рис. 5), umplutura șanțului la adâncimea de 2,5 m a împunătoarei cetăți de la Trahtemir (Фіалко, Болтрик 2003, 556, fig. 33; Фіалко 2003, 40-45, fig. 1), precum și în cadrul locuinței de suprafață nr. 7 de la Saharna-La Revechin (Levinschi 2003, 53). Exemplarul de la Poieniști inițial a fost desemnat drept componentă a unui tezaur (depozit), dar fiind incerte toate circumstanțele descoperirii, nu este exclus să fi fost vorba despre un complex funerar (Cihodaru 1937-1938, 55-56; fig. 54-55, 1-2.4; Măndescu 2010, 335). Sunt invocate mai multe descoperiri pentru care nu se cunoaște locul precis de proveniență, precum și contextul acestora: piesele din Bulgaria de NE (Манов 1998, 79-81), cele de la Ciumbud (Vasiliev 1980), Robdav (Pârvan 1926), Copșa Mică, Șeica Mică, Ungurei (Vasiliev 1980, 76). Din cauza publicațiilor prea sumare, rezumative și regretabil de incomplete, categoriei pieselor cu context incert le atribuim pe cele de la Enisala și Piatra Frecăței (Simion 1977, 49-72; idem 1976, 144, fig. 1), dar și pe cele de la Celic Dere (Simion 2003, 247-258, fig. 4). De curând au fost publicate alte două piese provenite din Dobrogea(?), dintr-o colecție particulară (Iconomu 2010, 444-445).

Pentru piesele descoperite în complexe funerare sigure și nederanjate este importantă fixarea locului depunerii acestora. Spre regret, doar în puține cazuri acest lucru este posibil. În cele două morminte de la Gâmbaș obiectele se aflau lângă femurul stâng (Ferenczi 1967, 36; Vasiliev 1980, 76), iar la Giurgiulești toate cele cinci piese din mormântul 1 se aflau între oasele femurale, puțin mai sus de genunchi (Levițki, Haheu 1999, 122). La Ust' Kamenka dispozitivul eliceform se afla pe oasele toracelui și mâinii drepte. Ultima remarcă are repercusiuni importante în ce privește funcționalitatea pieselor, care, de regulă, în morminte ocupau poziția pe care o aveau în viața cotidiană a indivizilor. După cum vedem, situația nu este univocă, la Ust' Kamenka semnalându-se o diferență. Dar pentru acest caz mai facem o mențiune: una dintre aripioare este ruptă în vechime, fapt ce ne sugerează o utilizare secundară a acesteia în calitate de pandantiv. Menționăm, o dată în plus, că pentru incinerării, mai ales în urne, situația nu este deloc relevantă, toate artefactele fiind amestecate. Revenind iar la vestigiile din Dobrogea, constatăm că ele sunt amintite în diferite contexte, dar fără informații cu caracter de descriere și alte precizări relevante, inclusiv lipsind desenele (Simion 2000, 70-72).

Încercări de clasificare tipologică

Până nu demult piesele eliceforme erau analizate ca un tip unitar de vestigii, fără anumite distincții, fapt care, după cum vom demonstra în continuare, impunea o datare inadmisibil de largă: mijlocul sec. VII – sec. III î.Hr. O atribuire cronologică mai îngustă se făcea doar pentru anumite exemplare, însoțite de artefacte cu datare mai sigură (material grecesc, din mediul iliric, obiecte scitice etc.). Într-adevăr, la prima vedere, toate aceste vestigii prezintă un tip unitar de descoperiri – elice tripaletate din bronz. Pe de altă parte, la o analiză mai atentă a pieselor se observă anumite deosebiri de detaliu. Astfel, în baza unor criterii – morfologici și dimensionali – este posibil de evidențiat mai multe variante ale acestui tip de descoperiri. Regretăm o dată în plus lipsa unor imagini clare (grafice sau foto) ale pieselor, precum și lipsa scării (a dimensiunilor în general) la majoritatea dintre acestea, fapt care permite doar conturarea unor variante ale artefactelor, nu și crearea coloanelor tipologice sigure.

În așa fel, conform caracteristicilor morfologice (forma aripioarelor/paletelor) și dimensionale, evidențiem următoarele variante:

1. Piese cu paletelile de formă cvasitriunghiulară, având colțurile ușor rotunjite și capetele ușor arcuite. De regulă sunt de proporții mari: Trahtemir (fig. 2,1), unul dintre exemplarele din Bulgaria de NE (fig. 2,2), Giurgiulești (fig. 2,3.4.6.7), Ciumbud (fig. 2,9).

2. Piese cu aripioare având marginea bombată și dimensiuni puțin mai reduse decât cele precedente: una dintre piesele de la Giurgiulești (fig. 2,5), Nadlimanskoe (fig. 2,8), Piatra Frecăței (fig. 2,10), Cernavoda (fig. 2,11), Ust' Kamenka (fig. 3,1), Satu Nou (fig. 3,8), Saharna-La Revechin (fig. 3,9). Deși este dificil de descifrat fotografia prezentată (Măndescu 2010, pl. 319, fig. 4), aici se încadrează și exemplarul de la Budureasca-Vadu Săpat (fig. 3,4).

3. Piesele cu paletelile în formă de „picătură”: Stelnica (fig. 2,15.16), Dobrogea, colecție particulară (fig. 2,17.18), una dintre piesele de la Mileștii de Sus (fig. 2,12).

4. Piesele cu paletelile de formă cvasiovală. Înălțimea acestora este cu mult mai mică decât la celelalte variante. Aici se încadrează vestigiile de la Pocreaca (fig. 3,5-7) și, probabil, două dintre piesele din Bulgaria de NE (fig. 3,14-15).

Aceste variante sunt doar conturate, desenele disponibile neadecvate nu permit a spune mai multe. Majoritatea pieselor fiind puternic corodate, este imposibil de a le determina varianta la care se referă (Mileștii Mici – fig. 2,13-14).

Încercări de încadrare cronologică

Referitor la încadrarea cronologică a vestigiilor în discuție, lucrurile sunt destul de controversate, majoritatea cercetătorilor datându-le în fiecare caz aparte reieșind din contextul descoperirilor în general. Astfel

s-a și ajuns la aceea că diapazonul cronologic al dispozitivelor eliceforme de bronz este destul de larg: de la mijlocul-sfârșitul sec. VII până în sec. III î.Hr.

Situația se pare că este cauzată de faptul că specialiștii le analizează prea simplu, din punct de vedere morfologic și al dimensiunilor. Într-adevăr, la prima vedere, tipologic aceste piese formează un grup distinct și unitar. Dar la o privire mai atentă se observă și particularități individuale, în primul rând referitoare la forma elicei propriu-zise (a paletelor/aripioarelor) și dimensiunile acestora (lungime-lățime-grosime). Regretăm, o dată în plus, cazurile când sunt publicate doar fotografiile pieselor (deseori necalitative), ilustrația grafică este fără scară, sau și mai grav, fără a fi descrise ori ilustrate. Exemplarele de la Giurgiulești (5), Trahtemir (1), din nord-estul Bulgariei (3), Ciumbud (1) sunt mai masive. Lungimea paletelor constituie 1,8-2 cm, lățimea lor maximală fiind aproximativ aceeași. În unele cazuri (Giurgiulești, Stelnica) lățimea maximală a aripioarelor este mai mare decât lungimea lor. Pentru toate aceste piese marginile sunt doar ușor segmentate, fiind sesizabilă o carenă aproximativ unghiulară la trecerea spre laterale. Piesa de la Trahtemir a fost datată la mijlocul sec. VII î.Hr. (Фіалко 2003, 40-42).

Piesa de la Ust' Kamenka, prin totalitatea inventarului cu pondere de datare (spadă, vârfuri de săgeată) se datează în sec. IV î.Hr. (Костенко, Мухопад 1990, 106).

Credem necesară reluarea discuției cu referire la dispozitivele descoperite în mormântul 1 de la Giurgiulești, datat de noi la mijlocul-sfârșitul sec. VII î.Hr. (Levițki, Haheu 1999, 121-134). D. Măndescu, abordând problema cronologiei acestora, vorbește doar despre faptul că piesele „erau asociate cu o fibulă de tip Glasinac, ce poate fi datată în sec. VI a.Chr. sau... nu este exclusă o datare ceva mai târzie... în sec. V a.Chr.” (Măndescu 2010, 337). Este regretabil faptul că autorul respectiv face referințe privind situl „Stâna lui Mocanu” la cele mai diverse studii semnate de diferiți autori, numai nu la sursa de bază – articolul redactat în anul 1999 de către autorii săpăturii (Levițki, Haheu 1999, 121-134), studiu în care încadrarea cronologică a artefactelor se face în baza analizei tuturor pieselor de inventar.

Menționăm aici faptul că evidențierea variantelor nu are o relevanță în aspect cronologic, piesele din diferite variante fiind atestate în complexe unitare închise (Giurgiulești).

Modele de reconstituiri funcționale

Prezintă cea mai discutată și controversată problemă cu referire la acest tip de vestigii, și în prezent fiind încă departe de a fi elucidată. Mai degrabă prin metoda excluderii este posibil de a ne pronunța referitor la destinațiile mai puțin probabile. Avem în vedere, în primul rând, opinia despre utilizarea lor în calitate de semne premonetare, tot așa cum sunt interpretați delfinașii și

vârfurile de săgeată. Punctul de vedere a fost enunțat de către M. Manov în contextul abordării vestigiile din Bulgaria de NE (Манов 1998, 79-82). Sunt vizate trei piese dintr-o colecție particulară, fără a se cunoaște locul și condițiile descoperirii lor. M. Manov este nu doar promotorul acestui punct de vedere, dar și unicul adept al opiniei respective. Toți specialiștii în domeniu nu numai că nu acceptă ideea, dar au și demonstrat imposibilitatea practică a unei asemenea interpretări (Фіалко, Болтрик 2003, 60; Фіалко 2003, 44).

Majoritatea cercetătorilor abordează această categorie de piese în calitate de elemente de port sau podoabe. Și aici avem un punct de vedere destul de discutabil, și anume desemnarea lor ca pandantive (Pârvan 1926, 365; Levinschi 2003, 53). În calitate de argument A. Levinschi invocă următoarele: „Piesa... purtată timp îndelungat ca pandantiv, fapt sugerat de „gâtuirea” orificiului în spațiul dintre aripioarele scurte” (Levinschi 2003, 53). Se mai cunosc cazuri de utilizare neadekvată a anumitor piese pentru mai multe epoci istorice – folosirea monedelor în calitate de pandantive (salbe). Nu excludem utilizarea piesei concrete de la Saharna-La Revechin în calitate de podoabă, deși concluzia a fost făcută doar în baza observațiilor vizuale simple, fără analize trasologice. Ca și în cazul precedent, forma pieselor, prevăzută cu aripioarele respective, pune la îndoială o asemenea destinație a lor.

Deși fără prea mulți adepți, este vehiculată intens opinia despre posibila destinație a obiectelor analizate în calitate de *săgeți cu elice* – tipul D după V. Vasiliev (Vasiliev 1980, 76). Argumentul invocat de către autor se bazează pe faptul că în cazul descoperirii unora dintre ele în contexte arheologice nederanjate – morminte de înhumare (Gâmbaș), acestea erau plasate în partea stângă a oaselor picioarelor, locul unde tradițional se afla tolba cu săgeți. Deși inițial le interpreta drept capete de ace/piese de podoabă, ulterior, G. Simion devine și el unul dintre puținii autori care de asemenea le desemnează drept vârfuri de săgeată în formă de elice (Simion 1996, 249). Amintim aici, o dată în plus, că și la necropola de la Giurgiulești, în înhumarea nederanjată nr. 1, toate piesele în discuție (5) se aflau, la fel, în regiunea oaselor picioarelor, dar de data aceasta între ele. Nu că ar fi vorba despre imposibilitatea de utilizare a acestora în calitate de vârfuri de săgeată din cauza „orificiului de fixare” prea îngust relativ de corpul lemnos. Eventual, tija putea fi realizată din bronz. Ne gândim mai întâi la sensul unui asemenea vârf. Deosebirea între acestea și vârfurile tradiționale sunt tranșante, punând destule semne de întrebare. În context, doar succint, amintim aici despre confuzia bibliografică în legătură cu desemnarea pieselor ca componentă a săgeții în general. Colegii ucraineni, probabil neînțelegând prea bine ce avea în vedere V. Vasiliev (dificultățile de limbă), inițiază o discuție pe mai multe pagini despre imposibilitatea utilizării pieselor analizate în calitate

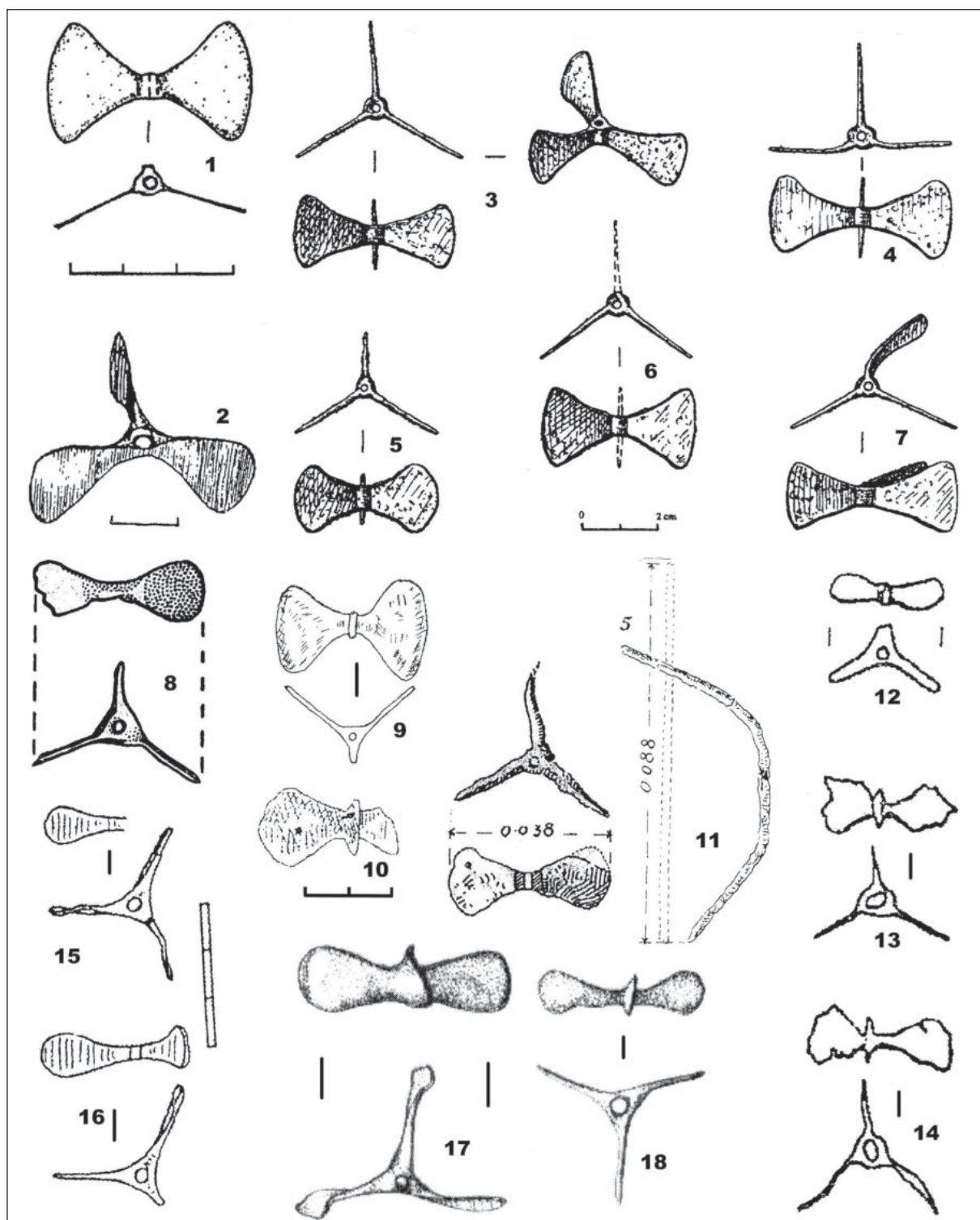

Fig. 2. Dispozitive eliceforme tripaletate. 1- Trahtemir (după Фіалко 2003); 2- Bulgaria de NE (după Манов 1998); 3-7- Giurgiuilești (după Levițki, Haheu 1999); 8- Nadlimanskoe (după Дзис-Райко 1966); 9- Ciumbud (după Vasiliev 1980); 10- Piatra Frecăței (după Simion 1977); 11- Cernavoda (după Berciu 1957); 12-14- Mileștii de Sus (după Mitrea 1983); 15-16- Stelnica (după Conovici, Matei 1999); 17-18- Dobrogea (după Iconomu 2006).

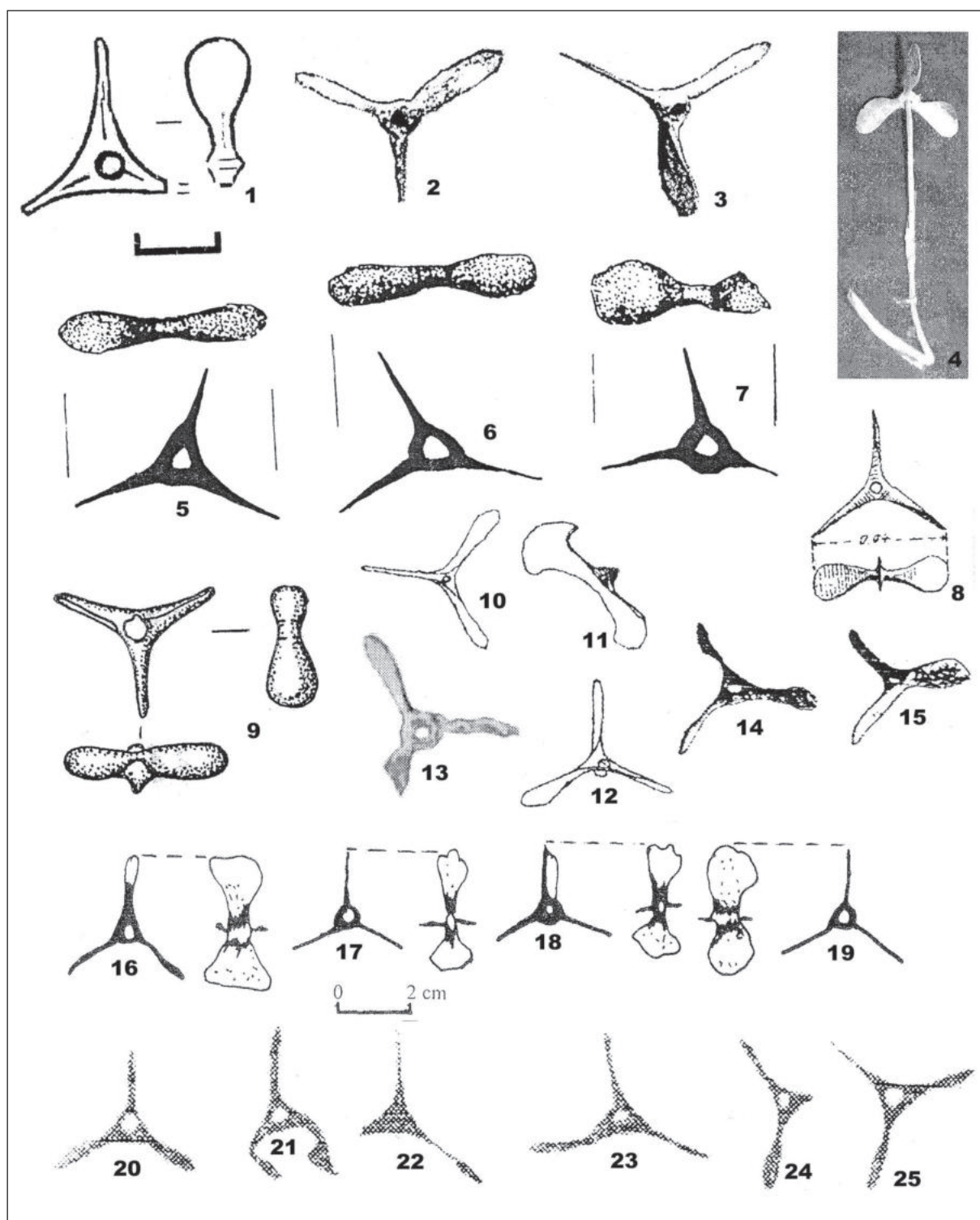

Fig. 3. Dispozitive eliceforme tripaletate. 1- Ust' Kamenka (după Костенко, Мухопад 1990); 2-3- Celic-Dere (după Simion 2000); 4- Budureasca-Vadu Săpat (după Măndescu 2010); 5-7- Poceasca (după Iconomu 2006); 8- Satu Nou (Mitrea, Preda, Anghelescu 1961); 9- Saharna La Revechin (după Levinschi 2003); 10-12- Cimbala (după Căpitanu 1968; Măndescu 2010); 13- Poieniști (după Cihodaru 1937-1938); 14-15- Bulgaria de NE (după Манов 1998); 16-19- Celic-Dere (după Simion 1996); 20-25- Enisala (după Simion 1977).

de...bază a săgeții și nu vârful (Фіалко 2003, 43-44). Repetăm, este o simplă neînțelegere și doar atât. Este clar că nu poate fi vorba despre baza săgeții, deoarece o asemenea plasare ar contravine principiului de funcționare a arcului în general.

Dintre cele mai populare opinii referitoare la destinația acestor descoperiri este interpretarea lor în calitate de capete de ace de păr (sau nu obligatoriu de păr). În calitate de argument a stat la bază descoperirea de la Cernavoda, unde într-un complex funerar (dar de incinerare în urnă) a fost găsit un exemplar de astfel de piesă împreună cu fragmente de tijă, dar oricum ambele separate (Berciu 1957, 290). Mult mai convingător este cazul descoperirii de la Budureasca, de unde D. Măndescu invocă o piesă întreagă compusă din capătul tripaletat și acul introdus în acesta (Măndescu 2010, 336). Nu se poate trece cu vederea faptul că în acest caz se publică doar o fotografie a piesei, care este destul de neclară, lipsind desenul. Cu toate acestea, majoritatea cercetătorilor sunt tentați să interpreteze descoperirile respective în calitate de vârfuri de ace (nu obligatoriu de păr, avându-se în vedere diametrul destul de mic al acului-tijă), sau le atribuie categoriei de piese de port. În legătură cu ultima opinie, credem posibil de mai enunțat o eventuală destinație a acestor vestigii. Este în legătură cu locul descoperirii lor în mormintele nederanjate (Gâmbaș, Giurgiulești) și ar fi posibil de interpretat în calitate de elemente anexate la centură/brâu. Este în același timp o presupunere destul de îndoielnică (ca și majoritatea celorlalte), cu atât mai mult avându-se în vedere exemplarul de la Budureasca. Nu putem pune la îndoială veridicitatea reprezentării piesei respective, cu regret redată atât de neclar fotografic. Se mai adaugă și faptul că nu sunt prea clare trimiterile lui D. Măndescu la studiile anterioare (ale autorilor investigației de la Budureasca?) (Teodorescu et alii 1993, 365-387), în care nu am întâlnit referiri la posibila piesă. Au mai fost enunțate și alte presupuneri cu referire la utilizarea/funcționalitatea acestor piese, în legătură cu plasarea lor în mormintele de înhumare și se interpretează drept încheietori (ca și în cazul unor aplice) cu un anumit sistem de prindere prin curelușe. Nu este exclusă utilizarea acestora în calitate de bumb – o protofibulă în complexul vestimentar, sau încuietore pentru tolbă (Фіалко 2003, 45). Toate acestea ar fi posibile dacă nu ar fi exemplarul de la Budureasca.

Pe lângă toate ipotezele înaintate cu privire la utilizarea acestor piese, încercăm să propunem și noi una, dar se pare, și mai ipotetică. Poate fi vorba despre folosirea acestora în calitate de „armă de aruncat” de sine stătătoare, fie prin metoda inversată, fie direct. Judecând după exemplarul de la Budureasca-Vadu Săpat, lungimea acului este apreciabilă. Nu știm dacă acesta se îngroșă spre capăt. În acest caz, dispozitivul tripaletat în formă de elice juca rolul de balansator și menținea direcția necesară. Este mai mult decât ipotetică

presupunerea, deoarece mormântul 1 de la Giurgiulești era sigur de femei, deși despre amazoanele de epocă există deja o bibliografie solidă.

Oricum, doar descoperirea de piese complete și în contexte nederanjate (de dorit funerare, de înhumare), probabil ar contribui la elucidarea problemei.

Opinii cu privire la origini și apartenențe

Au fost expuse mai multe opinii referitoare la arealul cultural de origine a dispozitivelor eliceforme de bronz. Inițial se credea că ele au origine estică, venind din lumea scitică. Dar de fapt în est s-au descoperit doar trei piese (Ust' Kamenka, Nadlimanskoe și Trahtemir), și acelea în contexte arheologice practic incerte (piesa de la Ust' Kamenka se pare că se utiliza secundar în calitate de pandantiv după ce fusese ruptă o aripioară). Vestigiile se concentrează în arealul nord-tracic, în alte arealuri culturale lipsind complet, fapt ce conduce la constatarea originii lor locale. Mai convingător ar fi de presupus originea acestora din mediul sciților agatârși din Transilvania (grupul Ciumbud), de unde ele puteau pătrunde în Podișul Central Moldovenesc și în continuare în zona Dunării de Jos. Pe de altă parte, grupul Ciumbud este venit aici din nordul Mării Negre, unde astfel de piese practic lipsesc. Rămâne mai plauzibilă originea lor nord-tracică. Pentru nord-estul Bulgariei situația este incertă, piesele provenind din colecții particulare, cu excepția exemplarului de la Krăgulevo. În ce privește zona Dunării de Jos, mai facem o remarcă. Deși au fost publicate sumar, aceste piese se deosebesc prin dimensiuni mult mai mici, fapt constatat de autor și prin analiza vizuală în cadrul unei vizite de documentare la complexul muzeal Tulcea. Nu este exclus ca anume acest criteriu să fi cauzat datarea mai târzie a acestor piese pentru zona Dunării de Jos.

Concluzii

1. Reieșind din faptul că piesele respective sunt răspândite pe un areal concret și limitat, nefiind caracteristice altor grupuri culturale, este de presupus originea locală a acestora în mediul nord-tracic.

2. Încadrarea cronologică tradițională a pieselor eliceforme de bronz este destul de largă: mijlocul sec. VII – sec. III î.Hr. Judecând după caracteristicile lor morfologice și dimensionale, credem că ar putea fi vorba despre evidențierea a două etape de utilizare a acestora: sec. VII-V î.Hr. și respectiv sec. IV-III î.Hr., când ele degradează.

3. Funcționalitatea pieselor rămâne o problemă deschisă, fiind exclusă însă din start utilizarea lor în calitate de monede, pandantive sau vârfuri de săgeată. Dintre cele mai plauzibile rămân presupunerile despre folosirea lor drept vârfuri de ace (de păr sau vestimentare), cu toate că poziția în mormintele de înhumare mai lasă loc pentru îndoeli. Și nu în ultimul rând, am presupus utilizarea vestigiilor analizate în calitate de arme de aruncat.

Anexa 1. Indice de descoperiri (numerotarea corespunde hărții 1)

1. România. a) *Podișul Central Moldovenesc*: 1. Cimbala, 2. Mileștii de Sus, 3. Pocreaca, 4. Huși, 5. Poienеști; b) *Bazinul Intracarpatic*: 6. Gâmbaș, 7. Ciurbrud, 8. Copșa Mică (Proștea Mică), 9. Rodbav, 10. Ungurei, 11. Șeica Mică. c) *Dobrogea*: 12. Cernavodă, 13. Satu Nou „Suat”, 14. Enisala, 15. Piatra Frecăței, 16. Celic-Dere; d) *Muntenia*: 17. Budureasca-Vadu Săpat, 18. Stelnica-Grădiștea Mare, 19. București-Tei?; 2. Republica Moldova: 20. Saharna-La Revechin, 21. Giurgiulești; 3. Ucraina: 22. Trahtemir, 23. Ust' Kamenka, 24. Nadlimanskoe. 4. Bulgaria: 25. Bulgaria de NE, 26. Krăgulevo.

Bibliografie

- Arnăut 2003**: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Berciu 1957**: D. Berciu, Descoperirile de la Cernavoda (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii Latene geto-dace la Dunărea de Jos. MCA IV, 281-317.
- Căpitanu 1968**: V. Căpitanu, Un mormânt hallstattian descoperit la Cimbala. Carpica I, 69-72.
- Cihodaru 1937-1938**: C. Cihodaru, Poienеști-Tamasidava. O așezare carpică în Moldova Centrală. ArtArh Iași 1937-1938, 13-14, 30-59.
- Conovici, Matei 1999**: N. Conovici, G. Matei, Necropola getică de la Stelnica-Grădiștea Mare (jud. Ialomița). Raport general pentru anii 1987-1996. MCA, 1999, 99-144.
- Ferenczi 1967**: Cimitirul „scitic” de la Ciurbrud (Partea a II-a). AMN 4, 1967, 19-43.
- Iconomu 2006**: C. Iconomu, Un mormânt de la sfârșitul primei epoci a fierului de la Pocreaca-Iași. AM XXIX, 2006, 57-65.
- Iconomu 2006**: C. Iconomu, Some Dobruđa – discovered items from a private collection. Signa Praehistorica. In: Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno (Iași 2006), 443-455.
- Levinschi 2003**: A. Levinschi, Mărturii privind prelucrarea metalelor la geți în sec. VI-IV î.e.n. Tyragetia XII, 2003, 45-54.
- Levițki, Haheu 1999**: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 121-134.
- Levițki, Haheu 2011**: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești în contextul cultural-istoric de la Dunărea de Jos. RA, vol. VII, nr. 1-2, 2011, 55-71.
- Măndescu 2003**: D. Măndescu, Capetele de ac în formă de elice. Danubius 21, 2003, 7-14.
- Măndescu 2005**: D. Măndescu, Despre periferia sudică a grupului Ferigile. Cu specială privire asupra necropolei de la Teiu (județul Argeș). Istros 12, 2005, 33-43.
- Măndescu 2010**: D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani (Brăila 2010).
- Mitrea, Preda, Anghelescu 1961**: B. Mitrea, C. Preda, N. Anghelescu, Săpăturile de salvare de la Satu-Nou. Cimitirul geto-dacic I. MCA VII, 1961, 283-288.
- Mitrea 1983**: I. Mitrea, Două morminte din sec. VI-V î.e.n. descoperite la Mileștii de Sus, jud. Bacău. SAA 1, 1983, 59-63.
- Pârvan 1926**: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (București 1926).
- Simion 1976**: G. Simion, Les Gètes de la Dobroudja septentrionale du VI au I siècle av. n.e., Thraco-Dacica I, 1976, 143-163.
- Simion 1977**: G. Simion, Necropolele getice de la Enisala și Telița. Peuce VI, 1977, 49-72.
- Simion 2003**: G. Simion, Gètes et Scythes aux Bouches du Danube. Actes du XIII Congrès International de Sciences Prehistoriques and Protohistoriques, 8-14 sept. 1996, Forlì-Italia, 4, Forlì 1996, 753-764. In: G. Simion, Culturi antice în zona gurilor Dunării, vol. I, Preistorie și protoistorie (Cluj-Napoca 2003).
- Simion 2000**: G. Simion, Tombes tumulaires de la nécropole de Celic-Déré. Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du II Colloque International d'Archéologie Funéraire (Tulcea 2000), 69-82.
- Teodorescu ș.a. 1993**: V. Teodorescu, V.I. Dupoi, M. Peneș, D. Lichiardopol, Gh. Panait, Stațiunea arheologică Budureasca, jud. Prahova (complexe daco-romane și străromânești), Materiale 17, Ploiești 1983 (II, 1993), 365-387.
- Vasiliev 1980**: V. Vasiliev, Sciții agatârși pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).
- Vasiliiu 1933-1934**: C. Vasiliiu, Un mormânt scitic la Huși. AA IX-X (Iași 1933-1934).
- Бобчева 1975**: Л. Бобчева, Тракийски некрополи при селата Кръгулева и Черна, Толбухински окръг. ИНМВ, т. XI (XXVI), 1975, 119-128.
- Дзис-Райко 1966**: Г. Дзис-Райко, Археологические исследования городища у села Надлиманское, МАСП 5, 1966, 163-175.
- Костенко, Мухопад 1990**: В. Костенко, С. Мухопад, Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области. В сб.: Исследования по археологии Поднепровья (Днепропетровск 1990), 96-106.
- Манов 1998**: М. Манов, Нов тип домонетни форми от българските земи. Археология 3-4, 1998, 79-82.
- Мелюкова 1979**: А. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Фіалко 2003**: О. Фіалко, Трилопатеві предмети з пам'яток скіфського часу. Магістеріум, вип. 11, 2003, 40-45.
- Фіалко, Болтрик 2003**: О. Фіалко, Ю. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Київ 2003).

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: haheu.vasile@gmail.com

ORIGINEA ȘI EVOLUȚIA VIȚEI DE VIE ÎN SPAȚIUL DINTRE NISTRU ȘI PRUT

Vasile HAHEU, Dumitru BRATCO, Chișinău

„Vița de vie la noi s-a păstrat atât de pură,
încât poate fi considerată cea mai pură din
Europa”

I. Paczoski

Se abordează problemele originii (locale sau aduse), procesului de cultivare (evoluție locală sau adusă în formă cultivată) a viței de vie, precum și perioada începutului producerii vinului în spațiul nominalizat. Descoperirea la Naslavcea a amprentelor de frunză de vie datate în Sarmațianul Inferior, a semințelor de struguri de la Bursuc din depunerile miocene, precum și atestarea pentru sec. XIX, dar și în prezent a viței de vie sălbatică în pădurile de luncă ale Nistrului și Prutului demonstrează originea locală a acesteia. Cultivarea viței de vie începe din epoca neolitică, iar producerea vinului - cu mult înainte de cultivarea acesteia, în baza soiurilor sălbatice. Ulterior, pentru toate epocile istorice cultivarea viței de vie și producerea vinului devin o ocupație tradițională a populației din regiune.

К вопросу о происхождении винограда и эволюции виноградарства в Днестровско-Прутском междуречье. Ставится вопрос о происхождении (местном или привозном) винограда, эволюции виноградарства (местные традиции или привозные), о периоде начала производства вина. Находки отпечатка виноградного листа около с. Наславча (верхнесарматский ярус), виноградных семян у с. Бурсук (миоцен), а также наличие в XIX веке в пойменных лесах Днестра и Прута дикого винограда доказывают его местные корни. Начиная с эпохи неолита, виноград культивируется. Производство вина начинается задолго до этого, на основе дикого винограда. Впоследствии, для всех исторических эпох виноградарство и производство вина становятся традиционными занятиями населения региона.

The origin and evolution of grapevine in the space between Dniester and Prut. This article looks into the origins (local or brought in), and cultivation (evolution and local tradition, or borrowed traditions in the form of culture) of grapevine, as well as the period of vine production in the aforementioned space. Findings of leaf traces at Naslavcea, dated with Lower Sarmatian, of seeds from Bursuc from miocen residues, as well as the findings of wild grapevine in the XIXth centuries and present times in the valleys of rivers Dniester and Prut demonstrate its local origins. Starting with productive centuries we can see the cultivation of grapevine. The production of wine precedes this because it was produced from wild grapevine. Ultimately, the cultivation of grapevine and the production of wine become a traditional occupation for the people in the region.

Key words: grapevine, origins, wild, cultivate, wine production.

Viticultura și producția viniviticolă constituie una dintre ramurile principale ale agriculturii și economiei, în general, a Republicii Moldova. Este o veritabilă carte de vizită, bogăția și mândria țării. Pe de altă parte, reconstituirea aspectelor istorice cu referire la apariția viței de vie în regiune, evoluția acesteia și apariția speciei de cultură, rămân încă multe semne de întrebare. În contextul titlului enunțat, de la bun început, evidențiem câteva probleme, abordarea cărora constituie subiectul prezentului studiu.

Din punct de vedere taxonomic, fiecare dintre noțiunile prezentate își are problematica sa aparte și, respectiv, propriile modalități de soluționare. Pentru epocile mai vechi ale spațiului desemnat, un aport considerabil revine abordării interdisciplinare ale realităților istorice. În așa fel, nominalizăm problemele de bază,

care urmează a fi luate în discuție și care se reduc la următoarele. 1. Este vița de vie un element cu origini locale sau a fost adusă în regiune; 2. Transformarea viței de vie în specie de cultură s-a realizat pe loc sau a fost adusă aici din alte regiuni; 3. Când și cum a început producerea viniviticolă în regiune.

Istoria plantei viței de vie își are începuturile în perioada geologică creatică superioară, când pe *Terra* au apărut reprezentanții speciilor *Vitis Linn* (era mezozoică) și mai târziu, în special cu apariția *Vitis Vinifera L.*, ultima atribuindu-se deja la plantele agricole de cultură. Această perioadă durează în timp peste 70 de milioane de ani, și este cu mult înainte de apariția hominizilor și a omului în general.

Originea viței de vie cultivată – *Vitis vinifera L.* – majoritatea cercetătorilor o leagă de specia sălbatică

de pădure *Vitis sylvestris* Gmel (Де Кандоль 1885; Пачоский 1912; idem 1912a; Вавилов 1931; Негруль 1968; *citat după*: Янушевич 1976, 186). Lăstărișuri ale acesteia se întâlneau încă des în regiune la răscrucea secolelor XIX-XX (Săvulescu, Rayss 1934, *passim*; Пачоский 1912, 33), în prezent mai fiind atestați doar sporadic în crângurile din lunca Prutului și a Nistrului (Янушевич, Пелях 1971, 11-33; Маковецкий 1949, 33-35; Негруль 1968, 329-338). Mai mulți specialiști susțin ideea precum că vița de vie sălbatică în teritoriile Eurasiei exista încă din terțiar, ocupând suprafețe importante. Răspândirea acesteia în regiune era favorizată de prezența în locurile inundabile ale Nistrului și ale Prutului a pădurilor viguroase de luncă cu regimuri de soluri prielnice pentru dezvoltarea viței de vie. Aici creșteau în abundență copaci înalți cu frunza lată (castani, mesteceni, stejari etc.), împlețiți cu diverse liane, inclusiv și de corzile viței de vie, care aveau lungimi apreciabile (15-20 m). În cazul acestor râuri, spre deosebire de altele din Euroregiune, perioadele de revărsare de primăvară nu erau de lungă durată, fapt ce crea condiții speciale pentru creșterea unei importante vegetații de pădure pe primele terase. Terasile erau inundate pentru puțin timp sau deloc, nivelul apelor freatice fiind, în același timp, la adâncimi nu prea mari (Янушевич 1976, 187).

În materialele arheologice colectate la mai multe stațiuni străvechi din interfluviul Nistru-Prut au fost semnalate suficiente artefacte ce demonstrează ocupația populației respective cu culesul în păduri și lunci. De fapt, culesul este caracteristic tuturor epocilor istorice și pentru toate așezările umane. Se deosebea doar diversitatea speciilor și ponderea acestora. Vița de vie sălbatică dezvoltată din belșug și fructiferă, cu bobite dulci și mustoase, nu putea rămâne neobservată de către om, devenind un important produs al economiei de consum. O altă prioritate a speciei de pădure o prezenta nivelul înalt de zaharitate – 16-20% și respectiv vinul obținut avea 9-12°, mult mai tare decât la alte băuturi (cumâsul – 1-2°, berea de secară – 2-4°), făcându-l mai atractiv (Пелях 1970, 30-31). Dar fiind la înălțimi mari, culesul strugurilor era oarecum dificil, fapt care ulterior a determinat oamenii să „reteze” plantele respective, aducându-le în apropierea așezărilor și ale locuințelor și să se înceapă îndelungatul proces de transformare a viței de vie în plantă de cultură. Nu este exclus ca inițial retezarea să se fi făcut pe loc, așa cum o demonstrează observațiile etnografice.

Pentru spațiul în discuție cele mai vechi vestigii în legătură cu primele atestări ale viței de vie (unicale până în prezent) au fost descoperite de către T.A. Jakubovskij în depunerile din apropierea s. Naslavcea (Ocnița), din râpa „Karpov Jar” în formă de amprentă de frunză (*Vitis Teutonica*) pe piatră, coroborată la de-

pozitele de marnă ale nivelului sarmațianului inferior – ultimul din miocenul Europei de SE (6-25 milioane de ani în urmă).

Această descoperire este coroborată la depozitele de marne ale etajului *sarmațianului inferior* – ultimul etaj al *miocenului* din zona sud-estul Europei, reprezentat la noi prin straturi de marne, de nisipuri și de argile. Flora perioadei respective din Moldova prezenta păduri latifolii cu puține plante veșnic verzi și o abundență de liane, printre care și vița de vie (*Vitis Linne*). Clima moderată caldă (precipitații: 1000-1100 mm, temperatura medie 15-16°C), ca și prezența pădurilor de luncă cu un regim pedologic excelent, favoriza creșterea viței. Specia respectivă este urmată ulterior de *Vitis sylvestris*.

În baza materialelor descoperite de către T.A. Jakubovskij în anul 1955 a fost realizată lucrarea monografică „*Flora sarmațiană a Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești*”, în care se conține prezentarea și analiza viței de vie de rând cu multe alte plante (Якубовский 1955).

Prezintă interes descrierea acestei frunze, deoarece poate fi analizată comparativ (în aspect botanic) cu cele ale speciilor de cultură. Este formată din cinci palete cordiforme denticulare aproximativ egale, distanța dintre acestea nedepășind 1 cm. Frunza are cinci nervuri, dintre care cea centrală este dreaptă, celelalte fiind arcuite. Nervurile secundare sunt la bază arcuite, mai departe – drepte. De la ultimele pornesc perpendicular nervurile terțiare, care sunt mai subțiri. Prin analogii cu exemplarul de la Amvrosievka (reg. Donețk, Ucraina), se include perfect în specia *Vitis Teutonica* (Пелях 1970, 7).

O a doua descoperire paleobotanică a vestigiilor viței de vie o reprezintă atestarea de către A. Negru (1967, 67-68) a semințelor de *Vitis aestivalis* și *Ampelopsis*, găsite în depunerile miocene (sarmațianul inferior) din centrul Moldovei, lângă s. Bursuc (Florești), în râpa Namalva (Пелях 1974, 22; Янушевич, Пелях 1971, 7-8). Ambele specii sunt înrudite cu cele contemporane din estul și respectiv sud-estul SUA (Herpy 1967, 67-68). În opinia cercetătorilor Z. Januševič și M. Peljah, pe baza descoperirilor de la Naslavcea și Bursuc, schimbul speciilor de *Vitaceae* din cele mai vechi timpuri până la planta de cultură s-a petrecut conform succesiunii: *Vitis teutonica* A.Br. – *Vitis parasilvestris* – *Vitis sylvestris* Gmel – *Vitis vinifera* L.

Pentru început, foarte succint, prezentăm condițiile naturale în care apare vița de vie în regiune, circumstanța care joacă un rol decisiv în procesul de apariție a speciei de cultură.

Vița de vie sălbatică de pădure – *Vitis sylvestris* Gmel – prin însăși denumirea sa presupune existența pădurilor în calitate de component natural. Nu este

vorba despre păduri în general, dar despre acelea din luncile umede ale râurilor. În interfluviul Nistru-Prut erau păduri în luncile râurilor, dar și pe locuri mai înalte, uscate. În ultimile, nu erau condiții de creștere a viței de vie sălbatică, atestarea acesteia, în abundență pentru sec. XVIII – începutul sec. XX fiind un lucru obișnuit și o raritate în prezent ca rezultat al distrugerii ei în masă.

Clima Moldovei este uscată, temperat continentală. Cantitatea medie de depuneri atmosferice în partea de nord-vest și centrală este de 500-550 mm, pe când în cele de sud-est și sud nu trece de 400-450 mm, dintre care 75-80% revine perioadei de vară. Temperatura medie a aerului este la nord 7,5-9°C, la centru 9,1-9,5°C și la sud 9,6-9,9°C. Uneori iarna temperatura scade la nord până la 34°C și la sud 30°C sub zero. Vara deseori este secetoasă (Гейдеман 1966, 8). În asemenea condiții climaterice pădurile uscate de stejar și fag nu erau favorabile creșterii viței de vie sălbatică, aceasta se întâlnea doar în luncile umede ale râurilor (îndeosebi meridional pe Nistru și Prut), care erau inundate primăvara pentru un timp scurt. Compararea datelor în legătură cu condițiile de creștere a viței de vie sălbatică demonstrează faptul că în majoritatea cazurilor ea creștea (și mai crește) în pădurile de luncă, cu soluri umede, care constituie condiția de bază de existență a plantelor. Dintre locurile în care s-au descoperit și cercetat mostre de plante sălbatice invocăm pe cele din lunca Prutului: crângul Tețcani (Briceni), Biserici, cantonul de pădure Balatina (Glodeni), Cotu Morii (Hîncești), Valea Mare (Ungheni) și a Nistrului: cantoanele de pădure Chițcani și Copanca (Grigoriopol), pădurea de stejari de lângă Dubăsarii Vechi (Criuleni) etc. Uneori, neavând suporturi, vița se „târa” direct pe sol, dar de cele mai dese ori vlăstarele se ridicau în sus, agățându-se de copaci și crengile acestora. Dezvoltarea optimală specia o capătă în locurile asigurate din abundență cu umiditate – malurile râurilor mari și mici, râpi, văi, vâlcele.

Stabilirea perioadei exacte a valorificării viței de vie în calitate de cultură agricolă este un lucru destul de dificil, dar posibil cu o anumită aproximație, luându-se în considerație volumul și diversitatea materialelor arheologice, ale izvoarelor scrise precum și alte diverse surse disponibile. În prezent, pe teritoriul Republicii Moldova este răspândită doar o specie de viță de vie – *Vitis vinifera*, care tradițional se împarte în două subspecii: de cultură (*sativa* D.C.) și sălbatică de pădure (*Silvestris* Gmel).

Despre răspândirea speciilor sălbatice (mai ales în luncile Nistrului și Prutului) dispunem de foarte multe informații scrise începând cu mijlocul sec. XVIII, dar mai ales din sec. XIX și începutul sec. XX, după care, mai ales datorită factorului uman (la început tăierea viței

în scopuri gospodărești, pentru confecționarea anumitor obiecte, mai târziu – prin defrișarea totală a luncilor râurilor și „lărgirea” suprafețelor arabile), acestea devin o raritate. I.K. Paczowski, unul dintre primii mari cunoscători și cercetători ai florei din regiune, studiind speciile sălbatice de viță de vie, stăruia asupra caracterului ei local: „Flora Basarabiei (inclusiv vița de vie – *n.n.*) trebuie privită nu ca adusă aici în ultima vreme, dar ca ceva local, aborigen, care creștea aici din perioada terțiară” (Пачоский 1912, 46; idem 1914, 25). Din relatările mai vechi ale lui A. Mejer, V. Besser, Fr.Th. Koppen, T.I. Barej sunt cunoscute tufărișuri de viță de vie sălbatică în lunca Nistrului între Akkerman și Ofatinți, lângă Iagorlic, la Corotnoe, între Slobozia și Tiraspol, la Crasnogorca și Coșnița, între Chițcani și Leuntea, precum și în județul Chișinău (neprecizat – *n.n.*); pentru lunca Prutului și a Dunării Fr.Th. Koppen, M. Ballas menționează fâșia dintre Sculeni până la granița cu jud. Hotin, inclusiv împrejurimile s. Corpaci, M. Ballas mai accentuând „originea primară” a speciei *Vitis silvestris* Gmel în Basarabia (citată după: Пелях 1970, 12-14 cu notele respective; Рожанец 1950, 294-296). Suprafețe importante de tufăriș cu *V. Adonis aestivalis* au fost semnalate pe Nistru între satele Oxentea și Holercani (Пачоский, 1914, 7-9). În lucrarea capitală a lui I. Paczowski referitor la flora Basarabiei specia sălbatică de pădure este inclusă în categoria „tufari” (idem 1912, 44).

Este dificil de reconstituit când și unde apare vița de vie de cultură și în ce măsură este implicată în acest proces specia sălbatică. În aspectul respectiv este foarte important de a stabili caracteristicile distinctive ale ambelor specii. Cel mai sigur aceasta este posibil de realizat în baza semințelor, trăsăturile morfologice ale cărora constituie un criteriu stabil în determinarea apartenenței de specie a plantelor, ele păstrându-se perfect atât în cazul carbonizării, cât și în cel al amprentelor. Considerăm necesar să reamintim aici aceste caracteristici, doar succint, pentru a facilita înțelegerea procesului de apariție a viței de vie de cultură. Deosebiriile dintre speciile sălbatice și de cultură se reduc la dimensiunile și forma corpului semințelor. La cele de cultură semințele sunt piriforme alungite, având ciocul lung de 1-2 mm, pe când la *Vitis silvestris* Gmel semințele sunt scurte, rotunjite și cu ciocul scurt de 0,5-1 mm. La speciile sălbatice *halaza* este rotunjită, bine conturată, aflată într-o adâncitură pe mijlocul corpului seminței, pe când la cele de cultură aceasta este, de cele mai dese ori, ovală, proeminentă, împinsă în sfertul superior al seminței. O trăsătură importantă o constituie indexul – coraportul dintre lungimea și lățimea semințelor, la speciile de cultură lungimea fiind de două ori mai mare decât lățimea. Speciile sălbatice au, de regulă, indexul 1,2-1,4 (Янушевич 1976, 189). Bobițele acestora sunt mici, rotunjite, iar a celor de cultură – de dimensiuni

mai mari, semințele de asemenea fiind mari, alungite (Негруль 1946, 159-216).

Pentru plantele de cultură sunt caracteristice creșterea dimensiunilor și o schimbare masivă (polimorfism) anume a acelor părți, care au o valoare de hrană sau o altă destinație gospodărească. Specializarea în utilizarea plantelor, cel mai probabil, avea loc treptat. În condițiile când pe un teren limitat creșteau împreună mai multe specii, care în condiții naturale de regulă erau izolate, apăreau exemplare hibride prin polenizare reciprocă. La început procesul era inconștient, cu timpul fiind direcționat. Plantele în noile condiții încep a fi sădite în același timp, se schimbă condițiile de existență și ca rezultat apar diverse forme, ce se deosebesc prin particularitățile de dezvoltare stadială. Plantele de cultură se deosebesc de cele sălbatice printr-o mai mare necesitate de vlagă (Синская 1969, 14). Referitor la apariția viței de vie de cultură există opinii denumite „imigraționiste”, conform cărora aceasta ar fi fost adusă din alte regiuni, teorii foarte populare până nu demult în Europa de Vest și spațiul sovietic (teoria *Maar*-istă). Altă opinie, fără a nega cu totul rolul „influențelor” străine, susține apariția plantelor de cultură în baza prototipurilor locale sălbatice. În general se acceptă modelul de apariție a agriculturii în sens politropic, independent în diferite zone și la diferite popoare. Anume de aici, poate fi urmărit în continuare procesul de schimb, dar nu obligatoriu la nivel de specii, ci de asortiment (ibidem, 15). Apariția plantelor de cultură poate fi monotipă (o zonă) sau politropă (diferite zone); monofiletică (o specie-strămoș) sau polifiletică (mai multe specii-strămoș). În prezent, majoritatea cercetătorilor opinează în favoarea supoziției conform căreia *Vitis vinifera* și *Vitis silvestris* provin de la o specie-strămoș comună (ibidem). Mai mult decât atât, ampelografii contemporani acceptă originea monofiletică a viței de vie de cultură de la o specie comună – *Vitis silvestris* Gmel – pe parcursul unei îndelungate perioade de selecție naturală și ulterior artificială, în condițiile unei îngrijiri mai bune.

Specia de regulă este relativ monofilă, pornind de la o anumită categorie-strămoș, dar apariția acesteia, de regulă, merge de la diferite forme ale speciei primare (subspecii, diverse variații, dar totuși nu de la una dar de la mai multe exemplare) (ibidem, 18). Inițial, procesul de schimbare a trăsăturilor plantelor era încet și treptat. În atare situație un rol aparte revenea factorului climatic. Transferarea plantelor în condiții noi, mediul agricol, selecția conștientă (având în vedere că loturile erau limitate, nu prea mari) a jucat un rol decisiv în apariția plantelor de cultură (ibidem, 16).

În prezent este destul de dificil și problematic de a demonstra faptul că omul a cultivat vița de vie direct din speciile sălbatice de pădure de pe malurile Prutului

și Nistrului, lipsind cu desăvârșire materialele concludente. Ne bazăm doar pe informații tangențiale (obținute prin analiza comparativă) acordate de vestigiile arheologice, de datele paleolinvistice, precum și de realitățile din alte zone istorice, prin analogie. Pentru specialiștii în domeniu în prezent este unanim acceptat faptul că semințele fosile, datate în perioade mai timpurii, în cadrul unor zone concrete, după formă și dimensiuni sunt mai apropiate celor de specie sălbatică de pădure. Semințele din descoperirile aparținând perioadelor mai târzii ale aceluiași zone, în majoritatea cazurilor, conform criteriilor identice, se atribuie categoriei de cultură. În baza acestui postulat este posibil de a urmări calea de evoluție a artefactelor. Acestea apar în diferite zone de cultură veche a viței de vie din formele sălbatice. Transformarea era diferită în diverse zone, fiind dependentă de vechimea și tradițiile ocupațiilor agricole, vectorii selecției, factorii pedologici și climatici.

Primele atestări arheologice sigure cu referire la cultivarea viței de vie (*Vitis silvestris* Gmel) datează din neolitic, odată cu începuturile economiei productive. În cadrul așezărilor culturii *Criș-Sacarovca* (prima jumătate a mileniului VI î.Hr.), în apropierea locuințelor, de rând cu vișinul și cireșul creștea și vița de vie. Ultima, după toate probabilitățile, era cultivată de mai multe generații ale acestor comunități, deoarece specia atestată era deja apropiată de speciile contemporane (Larina 2010, 203). La situl arheologic de la Sacarovca (Singerei), printre rămășițele carbonizate de semințe de plante s-au găsit și două semințe de struguri. Indexurile acestora nu permit a le atribui speciilor cultivate, și importanța lor constă în restabilirea lanțului de la specii sălbatice la specii cultivate. Autorii investigațiilor de la Sacarovca susțin că locuitorii acelei așezări deja cunoșteau procedeele selecției viței de vie în baza clonelor locale, fără atragerea formelor de cultură din alte regiuni (Кузьмина, Дергачев, Ларина 1998, 173-174). În perioada eneolitică (mijlocului mileniului IV – începutul mileniului III î.Hr.) triburile de agricultori de pe teritoriul Moldovei actuale au activat în epoca așa-numitei culturi *Cucuteni-Tripolie*, perioadă de timp ce a fost detaliat studiată de către T.S. Passek, care a expus rezultatele cercetărilor sale într-o monografie fundamentală (Пасек 1961). Pentru etapa mijlocie a culturii *Cucuteni-Tripolie* a fost documentată fără dubii prezența semințelor de struguri de viță de vie cultivată prin amprentele acestora pe ceramica din așezările Ruseștii Noi I (amprentă pe fragment de ceramică, mostră cu ciocul alungit de specie de cultură) și Varvareuca VIII (amprentă pe vas pictat din etapa tripoliană târzie, sămânța piriformă alungită – 7,8 mm, lungimea ciocului – 1,9 mm) (Янушевич 1976, 190). Conform clasifică-

rii lui A. Negrul', proveneau de la boabe de struguri de dimensiuni mari din sorturile de masă (Негрұл 1946, 159-216). Prin analogii, nu este exclus ca ultima specie să fi fost adusă din Asia Anterioară prin filiera balcanică, deși este posibil să fi fost un produs local în baza *Vitis silvestris* Gmel (Янушевич, Пелях 1971, 88; Янушевич 1976, 192). Autorii studiului despre vița de vie sălbatică susțin că transformarea acesteia în plantă de cultură s-a petrecut anume în perioada culturii arheologice *Cucuteni-Tripolie* (Янушевич, Пелях 1971, 93). Capacitatea de a se înmulți repede (prin semințe și butași), viabilitatea înaltă, nepretenționalitatea și productivitatea înaltă la roadă, inclusiv în condiții nefavorabile culturii, nu a rămas în afara câmpului de vedere a populației culturii respective, care nu numai că au adus vița de vie în apropierea așezărilor și locuințelor, dar au și declanșat procesul de selecție naturală și artificială. Indirect avea loc și procesul de „îngrășare” a solului, prin aruncarea deșeurilor. Era în plin proces transformarea *Vitis silvestris* Gmel în *Vitis vinifera* ssp. *sativa*. În prezent sunt răspândite mai multe soiuri de poamă, morfologic apropiate de cele sălbatice (*Feteasca neagră*, *Rara neagră*, *Neagra moale* etc.). Unii dintre specialiști presupun că tripolienii (mileniul IV î.Hr.) cunoșteau deja tehnologia de preparare a vinului din struguri. Mai mult decât atât, prepararea vinului a început cu mult înainte de a fi cultivată vița de vie, în calitate de materie primă fiind utilizate speciile sălbatice de pădure (Янушевич, Пелях 1971, 94).

Atestarea viței de vie a fost făcută și pentru arealul culturii Gumelnița (5 500-4 000 î.Hr.) din zona de sud a republicii (Rotea 2004, 16). În epoca bronzului și mai ales în epoca fierului sunt semnalate importante transformări și schimbări radicale în activitatea economică și socială a comunităților umane. Bineînțeles, introducerea viței de vie în calitate de cultură agricolă se petrecea lent și neuniform pentru întreg teritoriul Moldovei, purtând, probabil, un caracter eterogen, prin evidențierea de focare în conformitate cu condițiile naturale: relief, climă, sol și de combinații ale acestora.

Pentru epocile ulterioare cultivarea viței de vie a fost documentată la purtătorii culturii *Belozerka* din epoca bronzului târziu/prima epocă a fierului (sec. XII-X î.Hr.), prin descoperirea amprentelor de boabe de struguri în calitate de degresant al pastei din care se modela ceramica. Semințele de viță de vie descoperite în așezarea de la Etulia, conform determinărilor specialiștilor, aparțin atât speciilor sălbatice, cât și celor cultivate (Янушевич 1986, 14-16; Levițki, Agulnicov 2010, 390-391). Vestigiile, în număr de patru, au fost depistate într-o groapă de păstrare a grăunțoselor și sunt deosebite prin relevanța lor. Sămânța 1 este de dimensiuni mici, cvasirotunjită și după formă, dimen-

siunile ciocului și indexului general se atribuie speciei *Vitis silvestris* Gmel. Sămânța 4 are dimensiuni mai mari, cu ciocul mare și morfologic se aseamănă speciilor de cultură. Semințele 3 și 4 reprezintă tipuri intermediare (Янушевич 1986, 14-15; fig. 13/a). În opinia autorului, semințele descoperite la Etulia proveneau de la exemplare locale de sorginte sălbatică, în trecut atât de răspândite în luncile Prutului și Dunării din apropiere. Indiferent dacă avea loc și introducerea speciilor de cultură din alte regiuni, incontestabil se utilizau și soiurile sălbatice locale, care aduse și crescute pe lângă locuințe serveau drept bază pentru formarea speciilor locale de cultură (ibidem).

Semințe de viță de vie, de rând cu pere carbonizate, au fost găsite pe vatra cuptorului-crematoriu din necropola Hansca-Lutăria (Ialoveni), aparținând populației *traco-gețice*, sec. IV-III î.Hr. (Niculiță 2010, 458; Никулицэ 1977, 116-117). Pentru această perioadă, nu este exclus ca populația locală să fi cultivat soiuri de viță „târătoare”, mai rezistente la geruri, în sezonul rece fiind acoperite cu pământ (Никулицэ 1977, 116-117). Sciții, care în intervalul de timp nominalizat conlocuiau cu traco-geții, preferau vinul grecesc din orașele-colonii de pe litoralul nord-pontic (Kașuba 2010, 474).

În mai multe cazuri prezența viței de vie, precum și a vinului este menționată în izvoarele antice și medievale timpurii. Despre consumul de vinuri la geți ne mărturisește cu lux de amănunte descrierea banchetului dat de către regele geților Dromichaite în cinstea regelui macedonean Lisimach, ultimul fiind captiv la geți împreună cu fiul său și mai mulți demnitari. Este semnificativă relatarea din *Geografia* lui Strabon despre geții lui Burebista care se ridică prin „abținere de la vin”, și pe care preoții supremi (Zamolxis/Deceneu) îi conving să taie viță de vie și să trăiască fără vin (Strabon VII,3,11). Pasajul respectiv prezintă un interes dublu. Pe de o parte este o dovadă a existenței seculare a viticulturii și vinăritului la geți, cu mult timp înainte de Burebista, avându-se deja o experiență în domeniu, și, se pare nu într-un totu reușită pentru alte sfere ale vieții „celor mai viteji și mai drepti dintre traci” (social, politic etc.). Pe de altă parte, și aceasta reiese din prima, avem atestată o primă campanie antialcoolică din istoria omenirii. Despre prezența viței de vie la geți ne relatează poetul Ovidiu în *Tristele* sale (Ovidiu III,10,70). Polibiu, în *Istoriile* ne vorbește despre rolul vinului la geți, dar menționează precum că cel de calitate era importat din Grecia (Polibiu IV,38,4).

În perioada antică, cu mult timp înainte de „marea colonizare” grecii întreprind primele vizite episodice pe țărmul de nord-vest al Mării Negre, iar la mijlocul – finele sec. VII î.Hr. au fost fondate primele orașe-colonii și s-au stabilit legăturile sistematice ale grecilor cu localnicii (Samoilova 2010, 490).

Perioada colonizării grecești a acestor meleaguri a lăsat destul de multe vestigii materiale și surse literare care permit de a reconstitui cu lux de amănunte imaginea viticulturii și vinificației de pe atunci. Pe de altă parte, este dificil a reconstitui în ce măsură experiența grecească a influențat deprinderile băștinașilor în domeniu. Cert este că vinurile grecești erau de o calitate net superioară față de cele ale băștinașilor (grație și condițiilor geo-climatice), fapt relatat în contextul prizonieratului lui Lisimach la geți, când acesta este servit cu vin grecesc de lux, pe când aristocrații locali beau vin de pe loc, de o calitate inferioară.

Rezumând cele expuse mai sus, tragem trei concluzii de bază. Originea viței de vie de cultură în spațiul dintre Prut și Nistru este locală, evoluează în baza speciei sălbatice *Vitis silvestris* Gmel începând cu epocile istorice ale comunităților cu economie productivă. Are loc „aducerea” acesteia din păduri în apropierea localităților și așezărilor umane (semințe? butași?). Pentru comoditate vița începe să fie retezată, procedeu ce consemnează începutul cultivării. Urmează alte intervenții și specia începe a fi direcționată, devenind plantă de cultură. Constituirea tradiției are loc pe baza deprinderilor și experienței acumulate timp de decenii, secole și milenii, formându-se deplin spre sfârșitul antichității, fapt demonstrat și prin descoperirile în masă a cosoarelor pentru curățarea viței de vie în majoritatea așezărilor umane de epocă. Pentru perioadele evului mediu evoluat tradițiile devin mai performante și conștientizate. Este epoca primelor podgorii specializate, cu o ocupație permanentă, complexă și experimentări

în domeniului selecției speciale. În ce privește producția viniviticolă, aceasta se pare că este mult mai veche decât apariția viței de vie de cultură, omul din cele mai străvechi timpuri obținând-o atât din specia sălbatică de pădure, cât și din alte diverse pomușoare etc.

Este imposibil să nu amintim aici, în legătură cu corelația și succesiunea viței de vie sălbatice și cea de cultură, contribuția unei așa discipline științifice, cum este paleolingvistica. Speciile sălbatice au o onomastică diferită de cele de cultură.

Limba română face parte din grupul lingvistic romanic de est și este puternic influențată de cea romană/latină. Romanii desemnau vița de vie de cultură ca *Vitis*, iar pe cea sălbatică – *Labrusca*. Pentru specia sălbatică, în mai multe zone ale României s-a păstrat denumirea romană sau derivate ale acesteia – *laurusca*, *leurușca*, *raprușca*. În Moldova, în zona Nistrului aceasta se numește *pomrusca* (poamă+labrusca). Pe Prut, de rând cu acest termen se mai utilizează noțiunile de *rarusca*, *reurusca* (rară+labrusca), legăturile lingvistice fiind de asemenea evidente. Soiurile de cultură, de cele mai dese ori, erau denumite conform unor caracteristici mai vizibile ale acestora – *Albă mustoasă*, *Brumărie*, *Neagră bătută*, *Grasa* etc., sau după localitatea de origine – *Chermanca* (Akkerman), *Durleasca* (Durlești) etc. (Янушевич, Пелях 1971, 82). Cercetările paleolingvistice ulterioare referitoare la soiurile viței de vie vor contribui, de asemenea, la lămurirea și precizarea originii acestora.

Evoluția de mai departe a viticulturii și producerii viniviticole în spațiul pruto-nistean urmează a fi prezentată într-un studiu ulterior.

Bibliografie

- Larina 2010:** O. Larina, Începuturile economiei productive. Neoliticul. Orânduirea gentilico-tribală. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 198-205.
- Kașuba 2010:** M. Kașuba, Cultura sciților. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 465-489.
- Levițki, Agulnicov 2010:** O. Levițki, S. Agulnicov, Cultura Belozerca. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 381-399.
- Niculiță 2010:** I. Niculiță, Constituirea culturii getice. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 432-465.
- Rotea 2004:** M. Rotea, Preistoria. In: Istoria României (Cluj-Napoca 2004), 9-30.
- Samoilova 2010:** T. Samoilova, Colonizarea grecească a litoralului de nord-vest al Mării Negre (Olbia, Tyras, Histria). In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 490-521.
- Săvulescu, Rayss 1934:** Fr. Săvulescu, T. Rayss, Materiale pentru flora Basarabiei (București 1934).
- Вавилов 1962:** Н.И. Вавилов, Пять континентов (Москва 1962).
- Гейдеман 1966:** Т.С. Гейдеман, Растительный покров Молдавской ССР. Автореф. докт. дисс. (Кишинев 1966).
- Кузьминова, Дергачев, Ларина 1998:** Н.Н. Кузьминова, В.А. Дергачев, О.В. Ларина, Палеоботанические исследования на поселении Сакаровка I. RA 2, 1998, 166-182.
- Маковецкий 1949:** Н.И. Маковецкий, Дикий виноград на Днестре. Виноделие и виноградарство Молдавии, № 1 (Кишинев 1949), 33-35.
- Негру 1969:** А.Г. Негру, Миоценовая флора села Бурсук в Молдавии. Ботанический журнал СССР, т. 54, № 11, 1968, 63-69.
- Негруль 1946:** А.М. Негруль, Происхождение культурного винограда и его классификация. Ампеология СССР, т. I (Москва 1946), 159-216.

- Негруль 1968:** А.М. Негруль, Происхождение культурного винограда. Доклады Тимирязевской сельскохозяйственной академии, вып. 139 (Москва 1968), 329-338.
- Никулицэ 1977:** И. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Пассек 1961:** Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские племена) Поднестровья. МИА 84 (Москва 1961).
- Пачоский 1912a:** И.К. Пачоский, Очерк растительности Бессарабии (Кишинев 1912).
- Пачоский 1912b:** И.К. Пачоский, Дикий херсонский виноград (*Vitis silvestris* Gmel). Труды по прикладной ботанике, т. 5, вып. 7 (Москва 1912).
- Пачоский 1914:** И.К. Пачоский, Материалы для флоры Бессарабии. In: Materialien zur Kenntniss der Flora Bessarabiens von I. Paczowski (Chişinău 1914), 1-91
- Пелях 1970:** М. Пелях, История виноградарства и виноделия Молдавии (Кишинев 1970).
- Пелях 1974:** М. Пелях, Рассказы о винограде (Кишинев 1974).
- Рожанец 1950:** Г.М. Рожанец, Дикий виноград (*Vitis silvestris* Gmel) на Пруте. Ботанический журнал, т. 35, № 3 (Кишинев 1950), 294-296
- Синская 1969:** Е.Н. Синская, Историческая география культурной флоры (на заре земледелья) (Ленинград 1969).
- Якубович 1955:** Е.Ф. Якубович, Растительность сарматского периода Молдавской ССР (Кишинев 1955).
- Янушевич 1976:** З.В. Янушевич, Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям (Кишинев 1976).
- Янушевич 1986:** З.В. Янушевич, Культурные растения Северного Причерноморья (палеоэтноботанические исследования) (Кишинев 1986).
- Янушевич, Пелях: 1971:** З.В. Янушевич, М.А. Пелях, Дикорастущий виноград Молдавии (Кишинев 1971).

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie; Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Dumitru Bratco, doctor în științe agricole, cercet. șt. superior, Instituția Publică "Institutul de Cercetări Științifice pentru Horticultură și Tehnologii Alimentare", str. Vieru 59, MD 2004, Chişinău, Republica Moldova, e-mail: dbratco@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ТРИПОЛЬСКОГО ПАМЯТНИКА ТРИНКА-ЛА ШАНЦ

Роман КРОЙТОР, Олег ЛЕВИЦКИЙ, Геннадий СЫРБУ, Кишинэу

Complexul arheozoologic din monumentul culturii Cucuteni-Tripolie Trinca-La Șanț. În articol se descrie materialul osteologic bogat din monumentul arheologic cucutenian Trinca-La Șanț. Majoritatea materialului arheozoologic aparține animalelor domestice (vite cornute mari, vite cornute mici, porci, câini). Rămășițele de cal sunt foarte rare. De asemenea extrem de puține (3% din numărul total al oaselor determinabile) sunt resturile animalelor sălbatice (cerbul nobil și iepurele de câmp). Numărul scăzut al rămășițelor de animale sălbatice reprezintă o particularitate specifică a complexului arheozoologic din Trinca-La Șanț, spre deosebire de complexele arheozoologice din alte monumente cucuteniene cunoscute până acum, unde cantitatea resturilor faunei sălbatice atinge 30-40%.

В статье описывается богатый остеологический материал из трипольского памятника Тринка-Ла Шанц, представленный в подавляющем большинстве домашними животными (крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, домашняя свинья, собака). Лошадь представлена в материале единичными фрагментами костей. Крайне малочисленны (3%) остатки диких животных (благородного оленя и зайца), что отличает археозоологический комплекс из Тринки-Ла Шанц от известных ранее трипольских археозоологических комплексов, где остатки дикой фауны составляют от 30 до 40%.

Archaeozoological complex from the Tripolian monument Trinca-La Șanț. The article describes a rich osteological material from the Tripolian monument Trinca-La Șanț. The main part of skeletal remains belongs to domestic animals (cattle, small livestock, pig, dog). Horse remains are insignificant. The remains of wild mammals (red deer and hare) are underrepresented as well, attaining 3% of the whole number of identified bone remains, while the number of remains of wild fauna in the Tripolian monuments normally attains 30-40%. Such a low number of wild fauna remains in a Tripolian monument is unusual and makes the specificity of the archaeozoological complex from Trinca-La Șanț.

Key words: Cucuteni-Tripolie culture, archaeozoological complex, mammal remains, domestic herd structure.

Введение

В полевом сезоне 2011 г., в рамках проекта «Летние школы археологов и реставраторов, организация молодёжных археологических и реставрационных отрядов» были продолжены раскопки на укрепленном поселении (городище) культуры Кукутень-Триполье Тринка-Ла Шанц. Исследуемый археологический памятник располагается на юго-западной окраине села Тринка (северо-запад Республики Молдова, район Единец), на высоком мысу, образованном меандром р. Драгиште. Мыс ориентирован с юго-востока на северо-запад и возвышается над долиной реки примерно на 75 м. Северо-западная часть мыса, в месте наименьшей ширины, в направлении юго-запад – северо-восток, пересечена фортификационной линией из вала и рва, окончания которой упираются в отвесные края мыса. Площадь укрепления составляет около

600х400–250 м. Высота вала от современной дневной поверхности составляет около 0,5–0,7 м, глубина рва – около 0,9 м (Левицкий и др. 2012).

Памятник Тринка-Ла Шанц известен археологам ещё с середины 90-х гг. прошлого столетия. Однако первые небольшие стационарные исследования (48 кв. м) проводились лишь в 1999 г. и были ограничены только разрезом оборонительной системы. Результаты этих разведочных раскопок позволили установить, что археологический материал, в целом, относится к среднему периоду существования культурного комплекса Кукутень-Триполье (Levițki, Chitic 2006, 169-180; Levițki, Alaiba 2009, 23-39; Левицкий и др. 2012).

В результате археологических раскопок был собран богатый остеологический материал, который насчитывает 2407 костей и их обломков. В данной работе мы предлагаем систематическое

описание археозоологического материала и сравнительный анализ его структуры с целью выяснить особенности хозяйственной деятельности человека на этом археологическом памятнике и его место среди других памятников трипольской культуры.

Материал и методы исследования

В основу данного исследования лёг материал, собранный во время полевого сезона 2011 года под руководством одного из авторов статьи (О. Левицкого). Богатый археозоологический комплекс насчитывает 2407 костных фрагментов, из которых 1242 экземпляра поддаются видовому определению. Костный материал в значительной степени разрушен: кости сильно раздроблены, на многих наблюдаются отпечатки корней растений. Определение костных остатков мелкого рогатого скота проводилось по морфологическим критериям, опубликованным В. Громовой (1950), Н. Fernandez (2001) и Р. Halstead et al. (2002). Промеры костей брались по методике разработанной А. фон ден Дриеш (1976). В разделе, посвящённом морфологическому описанию костных остатков, мы сконцентрировали наше внимание лишь на тех видах, которые лучше всего представлены в остеологическом материале.

Названия археозоологических комплексов (скопления костей в ямах, слоях и отдельных квадратах раскопа) воспроизводятся в статье так, как они указаны в описях. Сокращения, используемые в статье: DLM –латеро-медиальный промер кости; DAP – передне-задний промер кости; L – длина; D – ширина или диаметр; dist – дистальный; prox – проксимальный; max – максимальный или наибольший; min – минимальный или наименьший.

Обзор и тафономическая характеристика археозоологических комплексов

Раскоп II, скопление 1

Табл. 1. Видовой и количественный состав археозоологического материала из Раскопа II, скопления костей 1

Вид	кости	особи	обработка
<i>Bos taurus</i>	124	2	2
<i>Ovis aries</i>	32	4	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
<i>Sus scrofa ferus</i>	7	1	
<i>Lepus europaeus</i>	1	1	
<i>Canis sp.</i>	1	1	
<i>Homo sapiens</i>	10	2	
Неопределённые	168		

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Две особи представлены всеми частями скелета. Кости сильно раздроблены. Одна из особей ювенильная: дистальный эпифиз её бедренной кости и проксимальный эпифиз большой берцовой кости не приросли к диафизам. Вторая особь – взрослая, характеризуется средней степенью изношенности зубной системы. Очевидно, фрагменты рёбер с насечками, оставленными режущим орудием, так же принадлежат крупному рогатому скоту.

Домашняя овца (*Ovis aries*). Этот вид представлен наибольшим количеством особей в выборке: костные остатки принадлежат четырём разновозрастным особям.

1. Половозрелая особь с полностью сформированной и функционирующей зубной системой. Представлена правой ветвью нижней челюсти (длина серии нижних моляров – 48.3 мм, длина и ширина $M_3 - 22.7 \times 8.5$ мм).

2. Половозрелая особь, представленная верхнекоренными зубами (M_1 и M_2) на более продвинутой стадии изнашивания.

3. Ювенильная особь с полным рядом функционирующих нижних молочных зубов и M_1 на начальной стадии изнашивания. Представлена левой ветвью нижней челюсти с PD_2 - PD_4 и M_1 , а так же правым верхним M^1 . Индивидуальный возраст – около 6-7 месяцев.

4. Ювенильная особь, представленная правым верхним M^1 на ранней стадии изнашивания. По индивидуальному возрасту сходна с предыдущей особью.

Собака (*Canis familiaris*). Некрупная собака представлена дистальным фрагментом плечевой кости (дистальная ширина 27.5 мм, поперечный дистальный диаметр 22.0 мм).

Дикий кабан (*Sus scrofa ferus*). Левая верхнечелюстная кость с полным рядом коренных зубов, фрагменты плечевой кости, малой берцовой кости, большой берцовой кости и ребра. Верхнечелюстная кость принадлежит взрослой особи с сильно изношенными зубами, особенно глубоко изношен M^3 . Промеры зубов: длина зубного ряда P^2 - M^3 – 130 мм, длина премоляров P^2 - P^4 – 45.5 мм, длина моляров M^1 - M^3 – 86.2 мм; длина и ширина верхнего третьего моляра M^3 – 45.6×20.6 мм.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Благородный олень представлен единственной таранной костью (высота кости – 70.6 мм, дистальная ширина – 42.6 мм, поперечный дистальный промер – 32.6 мм).

Заяц-русак (*Lepus europaeus*). Третий дикий вид в выборке материала, который так же представлен единственным костным фрагментом – частью лопаточной кости.

Слой II, квадрат В9

Табл. 2. Видовой и количественный состав археозоологического материала из квадрата В9 слоя II

Вид	кости	особи	обуг- лен- ные	пог- рызы
<i>Bos taurus</i>	56	2		1
<i>Ovis aries</i>	24	2		
<i>Cervus elaphus</i>	1	1		
<i>Sus scrofa domesticus</i>	1	1		
<i>Equus caballus</i>	1	1		
<i>Canis familiaris</i>	1	1		
<i>Homo sapiens</i>	3	1		
Неопределённые	115		2	

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Две особи: половозрелая, представленная Р² и Р³ (правый Р² на начальной стадии изнашивания и левый Р³ полноценно функционирующий). Вторая особь ювенильная и представлена верхним правым молочным РD₄, а так же левыми М₁ и М₂. Второй моляр едва прорезался и находится на начальной стадии изнашивания. Кости сильно раздроблены, на многих наблюдаются отпечатки корней растений. Индивидуальный возраст ювенильной особи составляет около полутора лет или чуть меньше.

Домашняя овца (*Ovis aries*). Фрагменты костей конечностей, нижних челюстей, изолированные коренные зубы и фрагмент лобной кости с роговым стержнем принадлежат двум особям. Фрагмент лобной кости принадлежит ювенильной особи, так же как и фрагмент левой ветви нижней челюсти с едва прорезавшимся М₃. Приблизительный возраст – 1 год и 9 месяцев. Вторая особь является половозрелой и характеризуется полностью сформированной зубной системой (представлена правым фрагментом нижней челюсти с М₂-М₃).

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Представлена небольшим фрагментом коренного зуба.

Лошадь (*Equus caballus*). Представлена единственной сесамовидной костью.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Благородный олень представлен разрушенной выветриванием таранной костью.

Человек (*Homo sapiens*). Представлен фрагментами черепа.

Слой III, квадрат В8

Табл. 3. Видовой и количественный состав археозоологического материала из квадрата В8 слоя III

Вид	кости	особи	обуг- лен- ные	обра- ботка
<i>Bos taurus</i>	78	3		1
<i>Capra hircus</i>	44	2		
<i>Sus scrofa domesticus</i>	5	2		
<i>Lepus europaeus</i>	2	1		
<i>Equus caballus</i>	1	1		
<i>Cervus elaphus</i>	2		1	
<i>Citellus suslica</i>	1	1		
<i>Homo sapiens</i>	3	1		
Неопределённые	91		1	

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Две половозрелые особи, различающиеся, судя по размерам пальцевых фаланг, по размерам тела: более мелкая и грацильная особь, и крупная и тяжёлая, очевидно самец. Изолированные глубоко изношенные коренные зубы М₃ и М¹⁻² принадлежат старой особи. Более молодой особи принадлежит М₁₋₂ на средней стадии изнашивания. Третья ювенильная особь представлена неприсосшим проксимальным эпифизом второй фаланги. Дистальный фрагмент плечевой кости несёт многочисленные насечки, оставленные режущим орудием.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Костные остатки принадлежат двум особям: ювенильной (представлена левой лобной костью с основанием тонкого рогового стержня диаметром 17.0 мм) и половозрелой (представлена роговым стержнем длиной 83 мм и диаметрами у основания 43.0×20.7 мм).

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Двум особям принадлежат фрагмент нижнего клыка, дистальный фрагмент большой берцовой кости, две локтевые кости (правая и левая), которые заметно различаются в размерах и принадлежат разным особям.

Заяц-русак (*Lepus europaeus*). Пяточная кость (длина – 37.5 мм) и дистальный фрагмент большой берцовой кости.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Два небольших фрагмента штанги рога, один из них обожженный.

Суслик (*Citellus suslica*). Череп с повреждённой затылочной и основной частью (длина – 39 мм). По-видимому, не принадлежит данному археозоологическому комплексу.

Слой IV, квадрат В10

Табл. 4. Видовой и количественный состав археозоологического материала из квадрата В10 слоя IV

Вид	кости	особи	обугленные
<i>Bos taurus</i>	149	4	
<i>Capra hircus</i>	65	5	2
<i>Sus scrofa ferus</i>	6	2	
<i>Lepus europaeus</i>	1	1	
<i>Canis sp.</i>	4	1	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
Неопределённые	273		

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Четыре разновозрастные особи, представленные изолированными зубами и фрагментами костей конечностей:

1. Сенильная особь, представленная Р³ и М₃ на продвинутой стадии изнашивания.

2. Молодая взрослая особь, представленная М³ и Р⁴ на ранних стадиях изнашивания, а так же нижним клыком, который находится на начальной стадии изнашивания. Возраст – между 3.5 и 4 годами.

3. Молодая особь возрастом до трёх лет (около 2-х лет), представлена едва прорезавшимся Р₃ без явных следов изнашивания.

4. Ювенильная особь, представленная левым фрагментом нижней челюсти с РD₃ и РD₄. Возраст – менее 2-х лет.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Пять разновозрастных особей:

1. Половозрелая особь с полностью сформировавшейся и нормально функционирующей зубной системой. Представлена обеими ветвями нижней челюсти. Длина ряда моляров М₁-М₃ составляет 54.0 мм, длина и ширина М₃ – 24.3 и 10.1 мм соответственно.

2. Половозрелая особь, представленная фрагментом левой ветви нижней челюсти с Р₂-М₁.

3. Половозрелая особь, представленная передней частью левой ветви нижней челюсти (премоляры выпали из альвеол).

4. Ювенильная особь, представленная фрагментом едва затронутого изнашиванием правого нижнего М₁ или М₂.

5. Половозрелая особь, представленная правой ветвью нижней челюсти с Р₃-М₂.

Дикий кабан (*Sus scrofa ferus*). Одна особь представлена резцовой частью нижней челюсти, дистальным фрагментом большой берцовой кости, атласом и фрагментом верхней челюсти с М² (L×D–27.5×21.0 mm). Вторая особь поменьше, так же представлена фрагментом резцовой части нижней челюсти.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Благородный олень представлен единственной второй пальцевой фалангой.

Собака (*Canis familiaris*). Собаке принадлежат фрагменты черепа, нижней челюсти и тазовой кости.

Слой V

Табл. 5. Видовой и количественный состав археозоологического материала из слоя V

Вид	кости	особи	обугленные
<i>Bos taurus</i>	44	2	
<i>Ovis aries</i>	11	2	
<i>Sus scrofa domesticus</i>	1	1	
<i>Cervus elaphus</i>	2	1	
<i>Canis familiaris</i>	2	1	
Неопределённые	32		2

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Две половозрелые особи с зубной системой на средней и более продвинутой стадии изнашивания.

Домашняя овца (*Ovis aries*). Две половозрелые особи, представленные костями посткраниального скелета.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Одной особи принадлежит единственный фрагмент локтевой кости.

Собака (*Canis familiaris*). Одна особь, представленная фрагментом скуловой дуги и верхнечелюстной костью с Р⁴ и М³.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Вторая пальцевая фаланга и диафиз плечевой кости.

Слой VI

Табл. 6. Видовой и количественный состав археозоологического материала из слоя VI

Виды	кости	особи
<i>Bos taurus</i>	27	2
<i>Capra hircus</i>	4	1
<i>Cervus elaphus</i>	1	1
<i>Canis familiaris</i>	2	1
Неопределённые	12	

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Две особи: более молодая (возраст около 3-х лет или немного меньше) представлена недавно прорезавшимся Р₄ на начальной стадии изнашивания, и сенильная, которой принадлежит М₃ на продвинутой стадии изнашивания.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Фрагмент верхнего коренного зуба, фрагмент трубчатой кости,

фрагмент рогового стержня (диаметры у основания – 38.8×26.0 мм).

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Проксимальный фрагмент левой лучевой кости.

Собака (*Canis familiaris*). Два фрагмента правой ветви нижней челюсти. Зубы выпали из альвеол.

Насыпь

Табл. 7. Видовой и количественный состав археозоологического материала из насыпи

Вид	кости	особи	Обработка
<i>Bos taurus</i>	20	2	1
<i>Capra / Ovis</i>	8	1	
<i>Lepus europaeus</i>	1	1	
<i>Equus caballus</i>	1	1	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
<i>Canis familiaris</i>	1	1	
Неопределённые	13		

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Молодая особь представлена М² на начальной стадии изнашивания, эпифизы локтевой, пяточной, проксимальный плечевой, проксимальный бедренной дистальный большой берцовой костей не срослись с телом кости. Вторая особь представлена изолированными верхними коренными зубами на продвинутой стадии изнашивания. Фрагмент бедренной кости крупного рогатого скота несёт на задней части диафиза следы режущего орудия.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Фрагменты рогового стержня и костей конечностей.

Собака (*Canis familiaris*). Локтевая кость, поврежденная выветриванием.

Лошадь (*Equus caballus*). Представлена единственным верхним третьим моляром.

Заяц-русак (*Lepus europaeus*). Дистальный фрагмент лучевой кости.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Дистальный фрагмент плюсневой кости (ширина – 46.0 мм, поперечный промер – 29.3 мм).

Комплекс С. 5В

Табл. 8. Видовой и количественный состав археозоологического материала из комплекса С. 5В

Вид	кости	особи	Обработка
<i>Bos taurus</i>	13	1	1
<i>Ovis aries</i>	9	1	
Неопределённые	7		

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Половозрелая особь, представленная Р₄ на средней стадии изношенности (длина × ширина = 23.8 × 14.7 мм).

Домашняя овца (*Ovis aries*). Взрослая, но не старая особь, характеризующая полностью сформировавшейся зубной системой, корни коренных зубов еще не заросли.

Комплекс из ямы 2

Табл. 9. Видовой и количественный состав археозоологического материала из ямы 2

Вид	кости	особи	обугленные
<i>Bos taurus</i>	155	4	
<i>Capra hircus</i>	70	6	
<i>Sus scrofa domesticus</i>	6	2	
<i>Lepus europaeus</i>	6	1	
<i>Equus caballus</i>	1	1	
<i>Cervus elaphus</i>	7	2	1
<i>Homo sapiens</i>	2	1	
Неопределённые	214		3

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Костные остатки крупного рогатого скота наиболее многочисленны и принадлежат нескольким разновозрастным особям:

1. Половозрелая особь с функционирующими молярами на средней стадии изнашивания. Представлена фрагментом правой верхней челюсти с М²-М³.

2. Сенильная особь, представленная левым М¹ на завершающей стадии изнашивания.

3. Молодая особь, представленная едва прорезавшимся Р₃₋₄ и М₂ на начальной стадии изнашивания. Возраст составляет чуть больше двух лет.

4. Ювенильная особь, представленная молочным РД₃ и обломком М₁₋₂ без следов изнашивания. Возраст – от 0.5 лет до одного года.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Тонкие и мелкие кости домашней козы, и в первую очередь принадлежащие ювенильным особям, хуже сохранились в археозоологическом комплексе, уступая по количеству костным остаткам крупного рогатого скота, не смотря на то, что домашняя коза представлена в комплексе большим количеством особей:

1. Ювенильная особь, представленная правой ветвью нижней челюсти с функционирующим рядом молочных зубов и едва прорезавшимся М₁ на начальной стадии изнашивания. Возраст – около 6 месяцев.

2. Ювенильная особь, представленная фрагментом левой ветви нижней челюсти с функционирующими молочными зубами и М₁ (на более продвинутой стадии изнашивания, чем у предыдущей особи). Альвеола М₂ уже открыта. Возраст – около года.

3. Ювенильная особь, представленная фрагментом левой ветви нижней челюсти с функционирующими молочными зубами, функционирующим M_1 и едва прорезывающимся M_2 . Возраст – около года.

4. Молодая особь, представленная левой ветвью нижней челюсти с P_3 и P_4 на начальной стадии изнашивания и функционирующим M_1 . Возраст – около 2 лет.

5. Половозрелая особь с полностью сформировавшейся зубной системой на средней стадии изнашивания. Представлена фрагментом левой верхней челюсти с P^4-M^1 и фрагментом правой ветви нижней челюсти с P_3-P_4 .

6. Половозрелая особь, представленная изолированным правым M^1 на более продвинутой стадии изнашивания, чем у предыдущей особи.

Собака (*Canis familiaris*). Одна взрослая особь, представленная фрагментом затылочной кости и правой ветвью нижней челюсти.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Ювенильная особь, представленная левой ветвью нижней челюсти с функционирующими PD_3-PD_4 и не затронутым изнашиванием M_1 . Возраст составляет около 6 месяцев. В материале присутствуют так же лопатка, третья метакарпальная кость, фрагменты пяточной кости и первая пальцевая фаланга, принадлежащие половозрелой особи, а так же таранная кость небольших размеров.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Проксимальный фрагмент большой берцовой кости и дистальный фрагмент плечевой кости, пяточная кость с опавшим дистальным концом, обугленный фрагмент пяточной кости, две первые и одна вторая пальцевые фаланги.

Заяц-русак (*Lepus europaeus*). Проксимальные фрагменты правой и левой бедренных костей, тазовая кость, дистальный фрагмент плечевой кости, проксимальный фрагмент лопатки, локтевая кость.

Платформа

Табл. 10. Видовой и количественный состав археозоологического материала из платформы

Вид	кости	особи	обугленные
<i>Bos taurus</i>	40	1	
<i>Capra hircus</i>	21	2	
<i>Sus scrofa domesticus</i>	3	1	
<i>Sus scrofa ferus</i>	1	1	
<i>Cervus elaphus</i>	2	1	1
Неопределённые	50		1

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Фрагменты рёбер и костей конечностей одной особи.

Домашняя коза (*Capra hircus*). Фрагменты нижних челюстей и костей посткраниального скелета. Взрослой особи принадлежит M^{1-2} на средней стадии изношенности, Ювенильной особи принадлежит первая пальцевая фаланга с отпавшим верхним эпифизом.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*). Костные остатки принадлежат двум особям. Более мелкая особь представлена целой третьей метатарсальной костью (длина – 84.7 мм). Ей же, возможно, принадлежит и нижний клык самки.

Дикий кабан (*Sus scrofa ferus*). Дикому кабану принадлежит проксимальный фрагмент сравнительно крупной метатарсальной кости.

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Обожженный фрагмент рога и фрагмент левой ветви нижней челюсти с P_2 .

Комплекс из основания насыпи

Материал включает 35 фрагментов костей посткраниального скелета и левой верхней челюсти с P^4-M^3 (M^3 на начальной стадии изнашивания), которые принадлежат двум молодым половозрелым особям крупного рогатого скота. Дистальные эпифизы лучевых костей у обеих особей не приросли к телу кости. Возраст – около трёх лет.

Комплекс из ямы 4

Двенадцать фрагментов костей, принадлежащих сенильной (P^3 глубоко изношен) и молодой особи (M_{1-2} на начальной стадии изнашивания) крупного рогатого скота. Этой же молодой особи принадлежит дистальный фрагмент большой берцовой кости с опавшим эпифизом. В материале так же присутствуют девять фрагментов посткраниального скелета мелкого рогатого скота.

Комплекс из ямы 5

Семь фрагментов посткраниального скелета крупного рогатого скота, одна таранная кость мелкого рогатого скота.

Комплекс из ямы 7

Восемь сильно фрагментированных остатков крупного рогатого скота, в том числе три обожженных фрагмента. Три мелких фрагмента посткраниального скелета мелкого рогатого скота.

Комплекс из ямы 8

Табл. 11. Видовой и количественный состав археозоологического материала из ямы 8

Вид	кости	особи
<i>Bos taurus</i>	32	2
<i>Capra hircus</i>	3	1

Небольшой археозоологический комплекс из ямы 8 представлен фрагментами костей конечностей крупного рогатого скота и домашней козы (табл. 11).

Комплекс из ямы 9

Табл. 12. Видовой и количественный состав археозоологического материала из ямы 9

Вид	кости	особи	обработка
<i>Bos taurus</i>	2	1	
<i>Capra hircus</i>	10	1	
<i>Sus scrofa ferus</i>	1	1	
<i>Lepus europaeus</i>	1	1	
Неопределённые	1		1

Домашняя коза представлена мелкими фрагментами костей посткраниального скелета и изолированным М² на начальной стадии изнашивания, принадлежащим ювенильной особи годовалого возраста.

Заяц представлен лобным фрагментом черепа. Дикая свинья представлена крупной таранной костью. Крупному рогатому скоту принадлежат два небольших фрагмента – ребра и бедренной кости. Единственный фрагмент кости, неподдающийся

определению, несёт два просверленных углубления (табл. 12).

Описание костных остатков некоторых видов

Лошадь (*Equus caballus*). Остатки лошади крайне малочисленны и представлены сесамовидной костью, третьим верхним моляром, и некоторыми незначительными фрагментами костей посткраниального скелета. Длина коронки М³ – 26.6 мм, ширина – 23.0 мм, длина протокона – 14.5 мм. Моляр характеризуется относительно длинным протоконом с волнообразной эмалью на лингвальной стороне. Размеры зуба попадают в пределы изменчивости дикого тарпана (*Equus gmelini*) и ботайской лошади (по данным И.Е. Кузьминой, 1997). Обращает на себя внимание сравнительно длинный протокон (длина протокона по отношению к длине коронки дуба составляет 54.5%). Протокон зуба из Тринки значительно длиннее протокона аналогичного зуба тарпана, несколько длиннее среднего значения выборки из Ботая (тем не менее, оставаясь в пределах изменчивости длины протокона ботайской лошади) и близок к средним значениям длины протокона позднелепистоценовых лошадей (рис. 1). Таким образом, следует отметить умеренные размеры третьего верхнего моляра лошади из

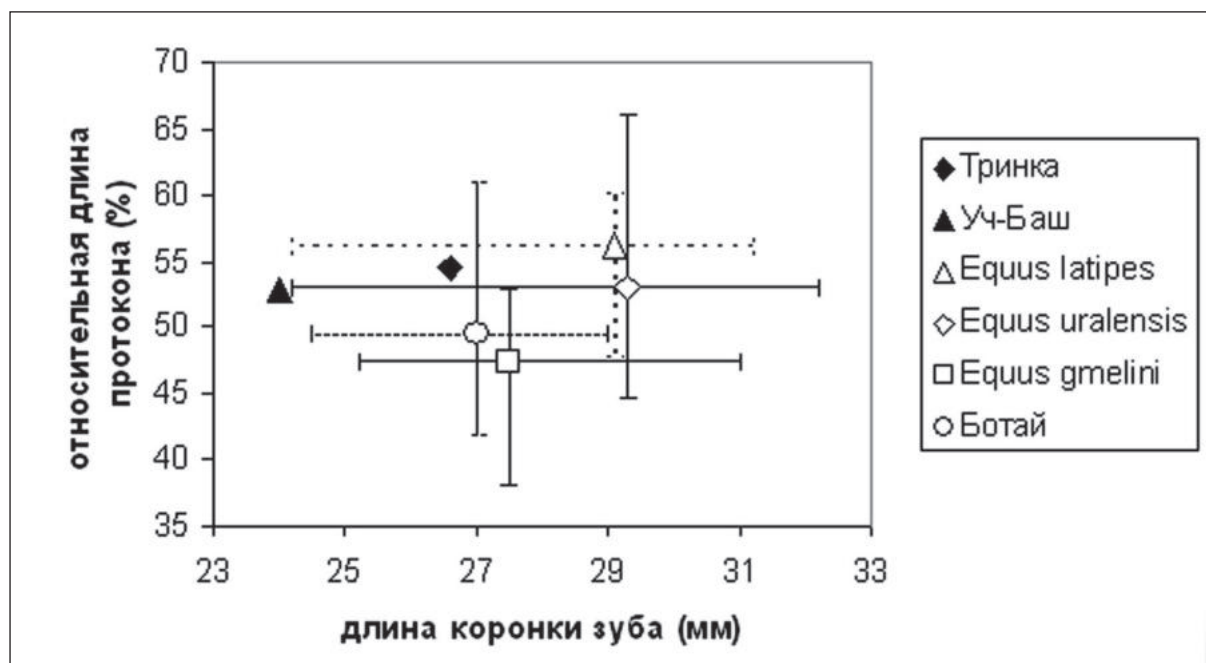

Рис. 1. Сравнение относительной длины протокона и длины коронки третьего верхнего моляра лошади из Тринки–Ла Шанц с ископаемыми и современными лошадьми Евразии. Данные по памятнику Уч-Баш раннего железного века Крыма приведены из Кройтор (2012), данные по неолитическому памятнику Ботай (Казахстан), ископаемым видам и тарпану (*Equus gmelini*) приводятся по Кузьминой (1997).

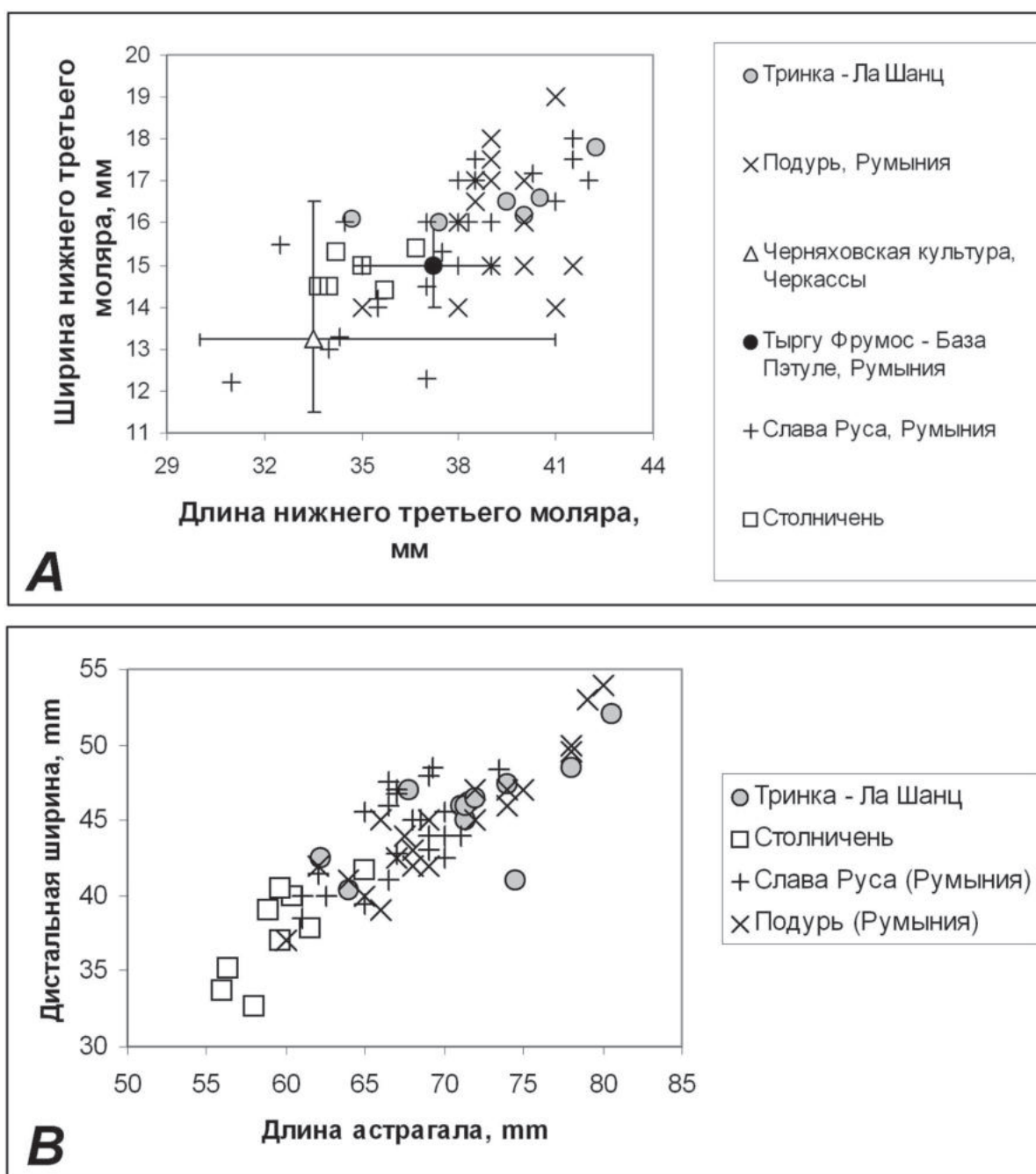

Рис. 2. Сравнение скелетных остатков крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из Тринка-Ла Шанц с данными из памятников Триполья и других эпох. Данные по трипольским памятникам Подурь и Тыргу Фрумос-База Пэтуле (Румыния) приводятся по работам Stank (2009b) и Naimovici (2000-2001) соответственно; данные по крупному рогатому скоту черняховского времени приводятся по данным Цалкина (1966), данные по крупному рогатому скоту позднеантичного памятника Слава Руса (Румыния) – по Stanc (2009a), данные по гетскому памятнику Столничень приведены из Croitor et al. (в печати).

Тринки и относительно длинный протокон, который отличает этот экземпляр от восточноевропейского дикого тарпана.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Крупный рогатый скот представлен наиболее многочисленными костными остатками (табл. 13) и наибольшим количеством особей. Порода крупного рогатого скота из Тринки характеризуется очень крупными размерами, что отмечено для остатков крупного скота из других трипольских памятников (Haimovici 2000-2001, Stanc 2009b), превосходя в этом отношении породы из других более поздних эпох, которые значительно уступают в размерах. Однако следует отметить одну интересную особенность, обнаруженную при сравнении наших данных с материалами из познеантичного памятника Слава Русэ из Румынии (по данным Stanc 2009a): промеры третьего нижнего моляра (M_3) из Тринки хоть и превосходят средние значения из Слава Русэ, однако остаются в пределах изменчивости румынского материала (рис. 2А). Совершенно иная картина наблюдается при сравнении размеров таранной кости, которая хорошо соотносится с общими размерами тела. Материал из Трин-

ки, значительно перекрываясь с данными из Слава Русэ, всё же превосходит максимальные значения из румынского материала (рис. 2В). Не исключена возможность того, что материал из Тринки содержит некоторую примесь остатков дикого тура, или же, домашний крупный рогатый скот скрещивался с диким туром¹. Можно так же предположить, что измельчание пород в условиях одомашнивания происходит неравномерно и сильнее сказывается на костях конечностей, чем на зубах. Единственная целая челюсть крупного рогатого скота из Тринки очень близка по размерам и пропорциям к экземплярам, найденным в энеолитическом поселении Хорodka (Кройтор, Бодян 2008) и прекукутенском памятнике Тыргу Фрумос в Румынии (Haimovici 2000-2001). S. Haimovici (*ibidem*) определяет свою находку как *Bos primigenius*, однако, нам это определение представляется ошибочным. Г.Д. Чемиртан (1978) отмечает присутствие в трипольском памятнике Брынзены-Цыганка двух пород, различающихся общими размерами, однако, скорее всего, в этом случае мы имеем дело с половым диморфизмом, который достаточно хорошо выражен у всех полорогих.

Табл. 13. Промеры костных остатков крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из трипольского поселения Тринка–Ла Шанц

Промеры	Значения (мм)									
Нижняя челюсть (mandibula)										
L P ₂ -M ₃	148.0									
L P ₂ -P ₄	51.5									
L M ₁ -M ₃	96.3									
L P ₄	20.7	23.3	23.9	24.5	25.0	24.8	23.8	23.8		
D P ₄	12.5	13.3	14.2	14.3	13.3	15.3	14.7	14.7		
L M ₃	45.6	37.4	34.7	38.3	39.5	40.5	40.0	42.2		
D M ₃	20.6	16.0	16.1	17.7	16.5	16.6	16.2	17.8		
Лучевая кость (radius)				Пястная кость (metacarpus)						
DLMprox	85.4	82.0	81.2	74.2	57.1					
DAPprox	44.8	41.7	43.0	45.7	31.7					
Большая берцовая кость (tibia)										
DLMdist	70.7	65.3	66.4	59.0	78.0					
DAPdist	56.7	52.3	50.0	49.2	62.0					
Таранная кость (talus, astragalus)										
Lmax	80.5	74.5	71.0	71.6	74.0	78.0	71.3	62.2	67.7	64.0
DLMdist	52.1	41.0	46.0	46.2	47.4	48.5	45.0	42.5	47.0	40.4
DAPdist	41.0	33.5	35.0	34.1	38.6	37.4	36.1	34.1	33.3	28.7
Плюсневая кость (metatarsus)										
DLMprox	53.4	60.6	54.1	53.3	45.2	45.5				
DAPprox	52.1	56.5	52.4	50.7	44.7	44.0				

¹ Исходя из результатов генетического анализа мужской Y-хромосомы, Götherström et al. (2005) пришли к выводу, что в Центральной и Северной Европе имели место неоднократные скрещивания домашних коров с быками дикого тура *Bos primigenius*.

Мелкий рогатый скот (*Capra hircus*, *Ovis aries*). Домашняя коза по численности костных остатков и особей доминирует над овцой. Очевидно, объяснение кроется в преимуществах содержания козы в условиях пастушеского скотоводства и стойлового содержания. В отличие от овцы, коза, которая изначально является одомашненным горным животным, менее прихотлива в пище и качестве пастбища. Общеизвестна способность домашней козы, вставая на задние ноги, добираться до корма, который недоступен овцам (кустарники и мелкие деревца). Таким образом, домашняя коза способна полнее использовать пастбищные ресурсы по сравнению с овцой способна давать сравнительно большее количество продукта (мясо, молоко) исходя из доступных пастбищных ресурсов в условиях осёдлого хозяйства, чем овца.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении роговым стержням козы, один из которых принадлежит самцу и два – самкам (табл. 14), по размерам и массивности роговых стержней козы из Тринки ничем не отличались от энеолитической формы домашней козы, описанной ранее (Чемыртан 1979).

К сожалению, мы мало что можем сказать о породе овцы из Тринки, поскольку имеющийся в нашем распоряжении материал крайне скуден. Г.Д. Чемыртан (1979) на основе единичных находок

целых пястных и плюсневых костей из различных энеолитических памятников приходит к спорному выводу о существовании в энеолите на территории Пруто-Днестровского междуречья двух пород овец – низкорослой и высокорослой. Во-первых, подобного характера выводы нельзя основывать на единичных костных остатках, которые, скорее всего, представляют собой индивидуальные отклонения (усиление размаха индивидуальной изменчивости является одним из следствий одомашнивания), и, во-вторых, Г.Д. Чемыртан в своей работе не принимает во внимание явление полового диморфизма, который обязательно должен проявиться в размерах костей конечностей.

Табл. 14. Промеры роговых стержней и нишних коренных зубов домашней козы (*Capra hircus*) из трипольского поселения Тринка–Ла Шанц

Промеры	значения (мм)			
Роговой стержень				
L		83.0		
D max	63.7	43.0	38.6	
D min	33.8	20.7	26.0	
Нижные коренные зубы				
L M ₁ -M ₃	45.2		54.0	50.2
L M ₃	23.5	22.0	24.3	24.0
D M ₃	9.1	8.5	10.1	9.4

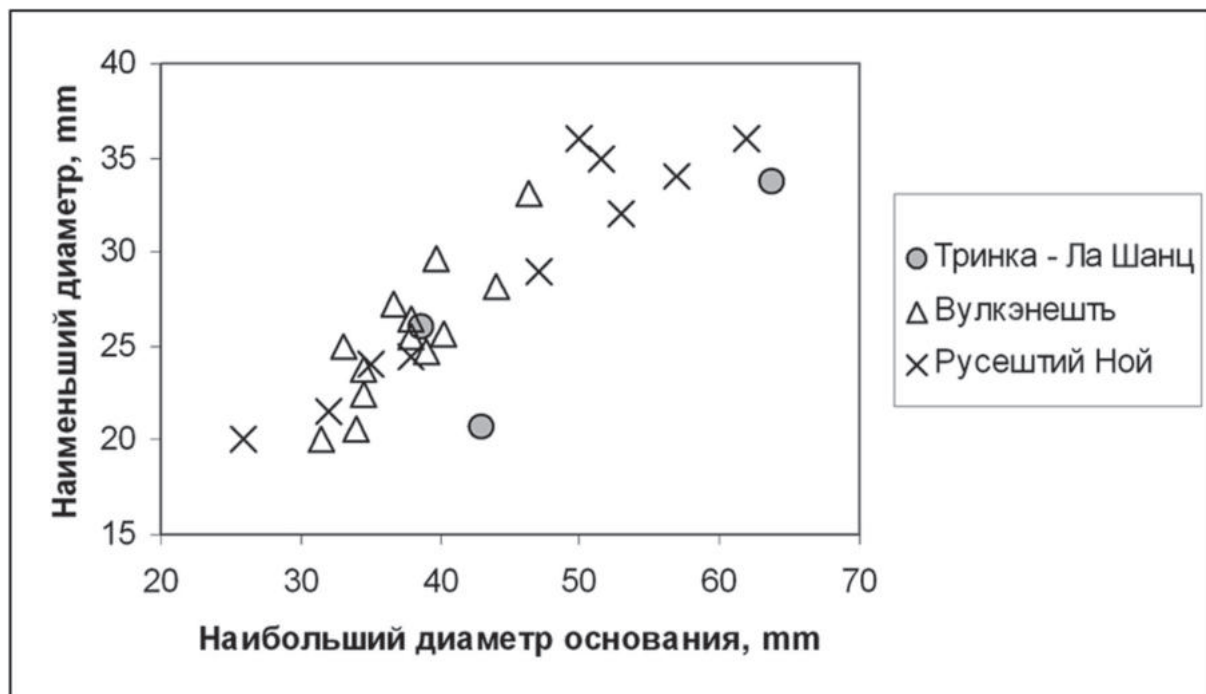

Рис. 3. Промеры основания роговых стержней домашней козы (*Capra hircus*) из Тринка–Ла Шанц и некоторых других энеолитических памятников. Данные по материалу из Вулкэнешть и Русештий Ной приводятся по Чемыртан (1979).

Собака (*Canis familiaris*). Остатки собаки имеют иной тип сохранности: они менее раздроблены, встречаются крупные фрагменты черепов и костей конечностей, нередко следы выветривания как следствие длительного нахождения костей на поверхности земли. Это свидетельствует о том, что остатки собак, по крайней мере, в некоторых случаях не принадлежат археозоологическим комплексам, извлечённым из хозяйственных ям для пищевых и других хозяйственных отходов. Исходя из промеров костных остатков, мы имеем дело с некрупной породой собаки (табл. 15). Масса тела, вычисленная по длине нижнего хищного зуба по методике Van Valkenburgh (1990), составляет 14,6 кг.

Табл. 15. Промеры костных остатков собаки (*Canis familiaris*) из трипольского поселения Тринка–Ла Шанц

Кость	Промеры	значения (мм)
Плечевая кость (humerus)	DLM dist	27.5
	DAP dist	22.0
Хищный зуб (M_1)	L M_1	20.4
	D M_1	7.9

Благородный олень (*Cervus elaphus*). Благородный олень является наиболее многочисленным по остаткам и особям диким видом в изучаемом нами археозоологическом комплексе. Значительную часть материала представляют кости конечностей и фрагменты челюстей, в меньшей степени материал представлен фрагментами рогов, что свидетельствует о том, что благородный олень был объектом охоты. Некоторые костные остатки, как например таранная кость и проксимальный фрагмент лучевой кости (табл. 16), принадлежат очень крупным особям, по видимому, самцам, которые, очевидно, рассматривались как более предпочтительный объект охоты, в том числе и благодаря их рогам, которые использовались как сырьё для обработки и изготовления костных орудий, утвари и т.п. Тем не менее, фрагменты рогов в материале немногочисленны и характер остатков благородного оленя не указывают на присутствие на памятнике костерезной мастерской.

Табл. 15. Промеры костных остатков благородного оленя (*Cervus elaphus*) из трипольского поселения Тринка–Ла Шанц

Кость	Промеры	значения (мм)
Таранная кость (talus)	L max	70.6
	DLM dist	42.6
	DAP dist	32.6
Лучевая кость (radius)	DLM prox	63.7
	DAP prox	33.8
Плюсневая кость (metatarsus)	DLM dist	46.0
	DAP dist	29.3

Общая характеристика археозоологического комплекса

Домашнее стадо включает крупный рогатый скот, который занимает доминирующее положение (770 костных остатков или 63% от общего количества археозоокомплекса), домашнюю козу (280 костных остатков или 23%), домашнюю овцу (76 костных остатков или 6%) и домашнюю свинью (23 костных остатков или 2%) (табл. 16). Лошадь представлена единичными остатками из различных комплексов (всего шесть костей). Так же немногочисленны остатки домашней собаки (13 костных фрагментов). Остатки диких животных в комплексе скудны и составляют всего 4% от общего количества определённых костей. Дикая фауна представлена лишь благородным оленем (23 костных фрагмента), диким кабаном (14 костей) и зайцем (11 костей). Однако если учитывать количество особей, то удельный вес диких животных в материале несколько возрастает (до 21%). Тем не менее, такое незначительное количество остатков дикой фауны в общем можно считать специфической чертой данного памятника трипольской культуры, хотя для известных трипольских памятников отмечен довольно широкий разброс в соотношении остатков диких и домашних животных (рис. 4).

Основу домашнего стада составляют крупный и мелкий рогатый скот, которые вместе насчитывают более 80% поголовья домашних животных, зарегистрированных на памятнике. Домашняя свинья занимает подчинённое положение. Лошадь отнесена к домашнему стаду условно, для удобства сравнения с литературными данными, поскольку у нас нет неоспоримых доказательств того, что найденные остатки лошади принадлежат одомашненной форме. Возможно, тот факт, что единственный зуб лошади из памятника Тринка–Ла Шанц отличается от дикого европейского тарпана относительно длинным протоконом, является существенным, однако для окончательных выводов необходима широкая выборка материала из трипольских местонахождений. Эта трудоёмкая работа выходит за рамки нашего исследования.

Интерес представляет демографический состав домашних животных из Тринки. Практически в половине случаев крупный рогатый скот представлен половозрелыми особями (12 из 25 особей с установленным индивидуальным возрастом). Однако, в комплексе зарегистрировано так же значительное число ювенильных (восемь) и сенильных (пять) особей крупного рогатого скота. Совершенно иная демографическая структура обнаружена у мелкого рогатого скота, представленного ювенильными (десять) и половозрелыми (четырнадцать) особями.

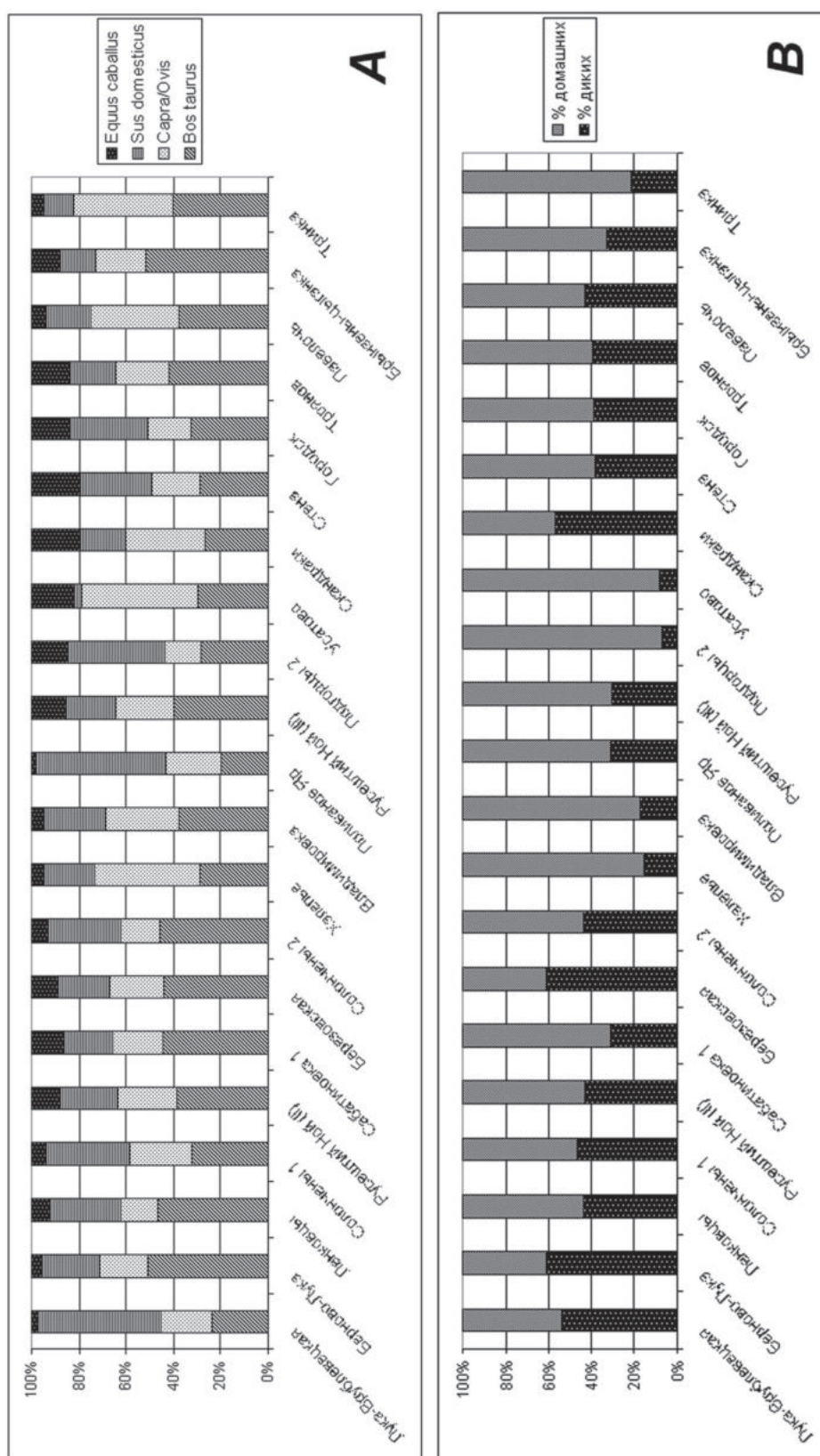

Рис. 4. Структура домашнего стада (А) и соотношение диких и домашних животных (В) из археозоологического комплекса трипольского поселения Тринка–Ла Шанц в сравнении с аналогичными данными из других трипольских памятников Восточной Европы (по данным Цалкина 1970).

Только у одной овцы отмечена сравнительно более продвинутая изношенность коренных зубов, однако, это животное всё-таки нельзя назвать сенильным. Специфической демографической структурой отличается так же и материал по свиньям, который в основном представлен половозрелыми особями (семь особей), и только одна особь является ювенильной. Полученный демографический состав по остаткам домашней свиньи необычен для археологических памятников, поскольку чаще нам приходилось сталкиваться в археозоологических комплексах с доминированием ювенильных особей (Кройтор, неопубликованные данные).

Возможно, особенности структуры домашнего стада из памятника Тринка–Ла Шанц (основа стада – в равных пропорциях крупный и мелкий рогатый скот, который, судя по демографическому составу, содержался как источник мяса, при незначительном присутствии домашней свиньи) следует расценивать как свидетельство отгонного животноводства, основанного на сезонном отгоне скота на небольшие расстояния, сочетающегося с земледелием. Мясное направление животноводства объясняет так же сравнительно незначительное присутствие остатков диких промысловых животных в археозоологическом комплексе.

Табл. 16. Общая количественная характеристика археозоологического комплекса из трипольского памятника Тринка–Ла Шанц

Виды	кости	особи	следы орудий	обожженные	погрызы
<i>Bos taurus</i>	770	30	4	1	2
<i>Ovis aries</i>	76	9			
<i>Capra hircus</i>	280	21		2	
<i>Capra/Ovis</i>	8	1			
<i>Sus scrofa domesticus</i>	23	9			
<i>Sus scrofa ferus</i>	14	4			
<i>Equus caballus</i>	6	4			
<i>Canis familiaris</i>	13	7			
<i>Cervus elaphus</i>	23	11	1	3	
<i>Lepus europaeus</i>	11	5			
<i>Homo sapiens</i>	18	4			
Неопределённые	1165			9	
Всего	2407	105	5	15	2

Библиография

- Бибикова 1953:** В.И. Бибикова, Фауна ранне-трипольского поселения Лука-Врублевская. МИА 38, 1953, 411-456.
- Громова 1950:** В. Громова, Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1: Определитель по крупным трубчатым костям. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, IX (Москва-Ленинград 1950).
- Кройтор 2012:** Р. Кройтор, Археозоологический комплекс с поселения Уч-Баш. Археология 1, 2012, 71-81.
- Кройтор, Бодян 2008:** Р. Кройтор, С. Бодян, Костные остатки диких и домашних животных из трипольского поселения Хорodka X. RA, vol. IV, nr. 1, 216-224.
- Кузьмина 1997:** И.Е. Кузьмина, Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. Труды Зоологического института РАН, 273 (Санкт-Петербург 1997), 1-221.
- Левицкий и др. 2011:** О.Г. Левицкий, М.Т. Кашуба, С.И. Коваленко, В.А. Бурлаку, Г.В. Сырбу, Л.В. Ермураки, Археологические исследования в микроне Тринка, Республика Молдова, в 2011 г. (краткий предварительный отчет). В сб.: Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии, материалы школы молодых археологов (Москва 2011), 319-327.
- Цалкин 1966:** В.И. Цалкин, Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии (Москва 1966).
- Цалкин 1970:** В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы (Москва 1970).
- Чемыртан 1978:** Г.Д. Чемыртан, Остатки млекопитающих из позднетрипольского поселения Брынзены-Цыганка. В сб.: Фауна позднего Кайнозоя междуречья Днестр-Прут (Кишинёв 1978), 54-75.
- Чемыртан 1979:** Г.Д. Чемыртан, Мелкий рогатый скот поселений Энеолита Молдавии. В сб.: Микро- и макрофауна позднего Фанерозоя юго-запада СССР (Кишинёв 1979), 83-92.
- Croitor et al.:** R. Croitor, Th. Arnaut, I. Ceban, Archeozoological remains from the Getic fortified site Stolniceni (Hîncești, Moldova). RA, vol. VIII, nr. 1-2, 2012, ... (в печати)
- Driesch 1976:** A. von den Driesch, A guide to the measurements to animal bones from archaeological sites. Peabody Museum Bulletin (Harvard University, 1976), 1-137.

- Fernandez 2001:** H. Fernandez, Osteologie comparee des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres Rupicapra, Ovis, Capra et Capreolus): diagnose differentielle du squelette appendiculaire. These pour obtenir le grade de Docteur es sciences, mention biologique, Universite de Geneve (Geneve 2001), v. 1-2.
- Götherström et al. 2005:** A. Götherström, C. Anderung, L. Hellborg, R. Elburg, C. Smith, D. G. Bradley, H. Ellegren, Cattle domestication in the Near East was followed by hybridization with aurochs bulls in Europe. Proceedings of the Royal Society, B, 272, 2005, 2345-2350.
- Haimovici 2000-2001:** S. Haimovici, Problema unui caz: studiul faunei din groapa 25 a sitului precucutenian de la Târgu Frumos, prin perspective metodologiei arheozoologice. Codrul Cosminului, S.N., 6-7 (16-17), 2000-2001, 21-35.
- Halstead et al. 2002:** P. Halstead, P. Collins, V. Isaakidou, Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult Ovis and Capra. Journal of Archaeological Sciences 29, 2002, 545-553.
- Levițki, Alaiba 2009:** O. Levițki, R. Alaiba, The archaeological sites Trinca-La Șanț B,, Edineț District, Republic of Moldova. Annales d'Universite Valahia, Section d'Archeologie et d'Histoire, Tome XI, Numero 2 (Târgoviște 2009), 23-39.
- Levițki, Chitic 2006:** O. Levițki, O. Chitic, În ce perioadă putea fi fortificată așezarea Trinca „La Șanț” (Raionul Edineț, Republica Moldova. RA, vol. II, nr. 1-2, 2006, 169-180.
- Schmid 1972:** E. Schmid, Atlas of Animal Bones (Amsterdam-London-New York, Elsevier Publishing Company, 1972).
- Stanc 2009a:** S. Stanc, Arheozoologia primului mileniu d.Hr. pentru teritoriul cuprins între Dunăre și Marea Neagră (Iasi 2009).
- Stanc 2009b:** S. Stanc, Cercetari arheozoologice privind Cultura Cucuteni, faza A (Iasi 2009).
- Van Valkenburgh 1990:** B. Van Valkenburgh, Skeletal and dental predictors of body mass in carnivores. In: J. Damuth and B.J. Macfadden (eds.), Body Size in Mammalian Paleobiology: Estimation and Biological Implications (Cambridge 1990), 181-205.

Роман Кройтор, доктор биологических наук, старший научный сотрудник, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: rotancroitor@europa.com

Олег Левицкий, доктор habilitat исторических наук, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: levitkiolog_ipc@yahoo.com

Геннадий Сырбу, докторанд, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

ARCHEOZOOLOGICAL REMAINS FROM THE GETIC FORTIFIED MONUMENT STOLNICENI (HÎNCEȘTI, MOLDOVA)

Roman CROITOR, Theodor ARNAUT †, Ion CEBAN, Chișinău

The article describes animal remains from the tumulus IV and the space between the tumulus IV and the tumulus III, as well as proposes a structural analysis of the archaeozoological complex from the Getic monument of Stolniceni. The herd structure is characterized by domination of domestic pig and suggests a settled agricultural economy. The hunting did not have any economic significance.

Rămășițele arheozoologice din monumentul getic Stolniceni (Hîncești, Moldova). *Articolul prezintă descrierea materialului arheozoologic din tumulul IV, spațiul dintre tumulii IV și III, precum și analiza structurii complexului arheozoologic din situl getic fortificat Stolniceni. Componența turmei de animale domestice din Stolniceni se caracterizează prin dominarea porcinelor, ceea ce sugerează tipul sedentar de argicultură. Vânatul practic nu a avut nici o semnificație economică pentru această comunitate.*

Археозоологические остатки из гетского памятника у села Столничены (Хынчешты, Молдова). *В статье описываются костные остатки животных из кургана IV и участка между курганами III и IV, а так же предлагается обобщающий анализ археозоологического комплекса из Столничен. Состав домашнего стада, характеризующегося доминированием домашней свиньи, свидетельствует об осёдлом типе хозяйствования. Ближе всего по составу домашнего стада и особенностям домашних пород к археозоологическому комплексу из Столничен стоят скифские памятники Восточной Европы. Охота в Столниченах не имела практического значения, поскольку охотничьи трофеи, за исключением фрагментов рогов благородного оленя и костей конечностей зайца-русака, отсутствуют.*

Key-words: *Getic animal breeding, domestic mammals, taphonomy, herd structure.*

Introduction

The archaeozoological material from the Getic archaeological monument Stolniceni was a subject of preliminary reports focused upon taphonomical peculiarities (Arnău et al., 2007; Croitor & Arnău, 2010) and systematical composition (Croitor & Arnău, 2010) of the archaeozoological complex from the tumulus III. The present article describes the taphonomical and systematical structure of new archaeozoological material unearthed from the IVth tumulus and the space between tumulus III and tumulus IV of Stolniceni. The article also includes description of morphology of osteological remains that was not included in the previous publications, as well as general remarks on taphoomy and human activity in Stolniceni.

The fortified Getic monument Stolniceni is situated at the southern edge of Codru Hills Massive and represents a rich Getic monument dated back to V-III century BC (Sârbu, Arnău 1995; Arnău, Ursu-Naniu 2004). The archaeological site is situated on the left side of Coghilnic River, on a hill 348 meters high above sea level bounded by two deep ravines. The system of earthen fortifications is located on the top of the hill, and consists of two parallel moats with earth mounds of 200 meters length situated 350 meters from each other, which stretch from the south-west to north, and

two additional protective earthen walls of 70-80 meters length on the north side. Within the fortified area the remains of three rills are detected. Twenty mounds situated on the eastern part of the fortified area represent the most intriguing peculiarity of this fortified monument. For this moment, the role and functional significance of the Getic fortification is not quite clear. It could be a fortress of refuge that subsequently was transformed into a necropolis, or a fortified settlement with necropolis. The analysis of osteological remains from the tumulus III revealed routine human activities such as butchering carcasses of domestic animals, cooking, and production of goods from bone and antler material.

Material and methods

The arheozoological material was collected during the 2006, 2007, 2010 and 2011 field seasons under the direction of Prof. Theodor Arnaut. The measurements of osteological material are taken according to Driesh (1976). In the determination of material, we followed the morphological distinctions between sheep and goat according to Fernandez (2001) (limb bones) and Halstead et al. (2002) (lower teeth and mandible).

The minimal number of individuals (MNI) is based on fragmented remains of mandibles and isolated teeth, taking in account the left and right sides, stage of ontogenetic development of dentition (in juveniles) and degree of tooth crown wearing. In some cases, the MNI is based on other skeletal remains (horn cores or postcranial bones) that suggest a higher number of individuals.

The approximate season of slaughtering of juvenile individuals is deduced from the individual age of an animal corresponding to the recorded ontogenetic stage of the dentition development, and the presumption that the season of offspring occurrence in primitive breeds of domestic animals was similar to the breeding season of their wild ancestors.

Abbreviations used in the text: DLM, latero-medial diameter (measurement); DAP, antero-posterior diameter (measurement); L, length; dist, distal; prox, proximal; H, height; D, thickness or transversal diameter.

DESCRIPTION

Tumulus IV

Human remains. The tumulus has yielded human remains that belong at list to two individuals. A 30-35 y. o. adult (gender unclear) is represented by a right side fragment of mandible with tooth series P_4 - M_2 . The molars are characterized by third stage of wearing: the enamel of cusps on the occlusal surface is worn and dentine is opened on the major part of the occlusal side. The enamel is visible only in the central pit and fissures between cusps. M_1 is worn some-what deeper than M_2 . The measurements are quoted in the Table 1.

Another right side fragment of lower mandible did not preserve teeth. Unlike the previous specimen, this lower mandible is characterized by comparatively low and thick ramus.

It is not clear if the isolated right M_3 ($L=11.4$, $D=10.0$ mm) belongs to the above described mandibles. The tooth is unworn, four-cusped, with $\chi 4$ morphological type of the occlusion surface.

Bos taurus. Cattle is represented by the most numerous osteological remains (up to 74% of the sample), which belong to six individuals. The bones are heavily fragmented and represent almost all parts of body (postcranial skeleton, including a complete metatarsal bone, lower cheek teeth, fragments of skull). Five individuals are mature and only one is juvenile (Tab. 2).

Sus domesticus. Domestic pig is another important species of the sample. The pig is represented by the largest number of individuals; however the number of skeletal fragments is comparatively low due to some taphonomical factors. First of all, domestic pig is a comparatively small-sized animal with thin bones that

can be easily destroyed during the process of archaeologization (for instance, by dog activity or acidic soil chemical environment). Another factor is the specific demographic composition of the pig remains, which often belong to juvenile individuals with growing skeleton, that is not fully ossified, therefore the soft cartilaginous parts of skeleton were easily destroyed by scavenging dogs or soil bacteria. For this reason, postcranial elements are often underrepresented and fragments of mandible and teeth, which consist of hard mineralized tissue in juveniles as well, represent the most reliable indication of MNI. The postcranial remains are poorly preserved and the majority of determinable remains are presented by isolated teeth and mandible fragments. The satisfactory preserved teeth provide also the information on individual age of each animal at the moment of slaughtering. Only 4 of 10 individuals of domestic pig from the sample are adult.

1. A juvenile individual with complete row of milk teeth and erupted M_1 with signs of initial wearing. The animal is represented by left ramus of lower mandible. The stage of ontogenetic development of dentition corresponds to the age of 6 months. The animal was slaughtered during the autumn season.

2. A juvenile individual with full row of milk teeth on the wearing stage similar to the previous individual. The individual is represented by the right ramus of lower mandible. The animal was slaughtered during the autumn season at the age of 6 months.

3. A juvenile individual with M_1 and M_2 on the initial stage of wearing. M_3 did not erupt yet. The individual is represented by the fragment of left mandibular ramus with M_1 and M_2 . The individual age is about one year or slightly more. The animal was slaughtered during the spring-summer season.

4. A juvenile individual with M_1 and M_2 some-what deeper worn if compared to the previous individual. M_3 did not erupt yet. The individual is represented by the fragment of left mandibular ramus with M_1 and M_2 . The animal at the moment of slaughtering was more than one year old, therefore, it was slaughtered during the summer season.

5. A juvenile individual characterized by functional PD_4 and M_1 and M_2 in the process of eruption. The animal is presented by the right ramus of lower mandible with PD_4 , M_1 , and M_2 . The individual was slaughtered during the autumn season at the age of about 0.5 year.

6. A young individual with an M_2 deeply worn, a P_4 slightly touched by wearing, and M_3 in the process of eruption. The animal is represented by a fragment of right hemimandible with P_4 , M_2 , and M_3 . The individual age at the moment of slaughtering was around 1.5 year. The animal was slaughtered during the autumn season.

7. An adult individual with almost completely erupted M_3 with initial stage or wearing; presented by a fragment of left hemimandible with M_3 . The age at the moment of slaughtering is about 1.5 year. The animal was slaughtered during the autumn season.

8. An adult individual with fully developed dentition represented by the fragment of right hemimandible. The individual age at the moment of slaughtering was older than 1.5 year. This specimen is peculiar in comparatively reduced size of M_3 and apparently belongs to a female.

9. An adult individual with fully developed dentition represented by the fragment of right hemimandible with M_1 , M_2 , and M_3 .

10. An adult individual with fully developed dentition. As in two previous individuals, M_3 is characterized by an initial stage of wearing. The animal is represented by a fragment of right ramus of lower mandible with M_2 and M_3 .

Ovis aries. The sheep is represented by three individuals of different individual ages.

1. A juvenile individual with complete functional set of milk teeth and functional M_1 . Some small-sized poorly mineralized postcranial bones, including tibia and metatarsus, also belong to this individual. The age at the moment of slaughtering was between 0.5 and 1.5 year. The season of slaughtering is not clear.

2. An adult male represented by a fragment of frontal bone with a robust horn core. The larger diameter of horn core base amounts to 51.0 mm; the smaller diameter amounts to 39.0 mm.

3. A young male or female represented by a slender horn core with tool cuts at its basal side. The larger diameter of horn core base amounts to 45.3 mm; the smaller diameter amounts to 40.0 mm; the length of horn core amounts to 113.0 mm.

Capra hircus. The remains of three left horn cores belong to three adult individuals. Beside the horn cores, goat remains include some postcranial bones (including complete left and right radii, which belong to two different individuals, a complete left metacarpal bone, and a complete first phalanx), an M_3 , and a fragment of left hemimandible.

Equus caballus. The remains of horse are not numerous and belong to three individuals.

1. A 2-3 years old juvenile individual represented by upper and lower deciduous premolars and a poorly mineralized first phalanx with destroyed distal epiphysis.

2. A young adult individual represented by left M^2 and M^3 , right P^{3-4} and M^1 , a fragment of lower cheek tooth, and upper right I^3 . The cheek teeth are characterized by the early stage of wearing; their roots are still opened. The just erupted I^3 suggests that the age of individual was around 4.5 years.

3. A senile individual represented by deeply worn upper (M^{1-2}) and lower (M_3) molars.

Canis familiaris. The remains of dog belong to six adult individuals. Lower mandibles are the best preserved skeletal parts. The sample contains also a fragment of skull, limb bones, shoulder bones, hip bone, vertebrae.

Cervus elaphus. The character of red deer remains is different, suggesting their specific provenance. All vestiges of red deer are represented by fragments of antlers with clear tool marks: two basal parts of antlers with detached beam and proximal tines, and various parts of antler beams and tines. One of the basal parts of antlers is connected to the cranial pedicle, the second basal part belongs to a shed antler.

Lepus europaeus. This is another wild mammal species recorded in the material from the Tumulus IV. It is represented by complete left and right femurs and tibiae. The bones belong to a single young individual, since the proximal epiphyses of femurs and tibiae are not fully ossified. The total length of the right and left femurs amount to 136.0 and 136.3 mm respectively; DLM of distal epiphysis of the right and left femurs amount to 20.8 and 20.7 mm respectively.

Tool marks and crafted bone material. The main part of processed bone material is represented by antlers of red deer. The sample contains several consecutive stages of antler material work (Figs. 1, 2, 3):

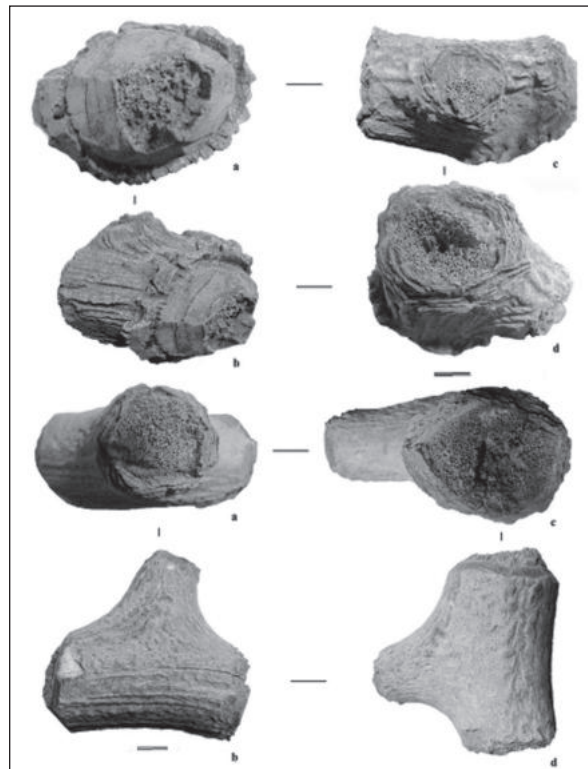

Fig. 1. Basal fragments of antlers with tool marks.

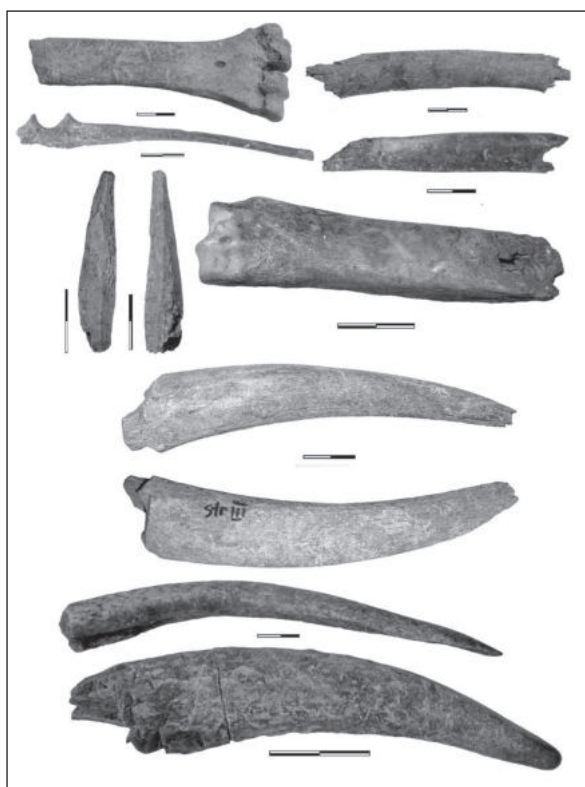

Fig. 2. Fragments of bones and antlers with cut marks.

a) the work pieces that were obtained at the initial stage by chipping and fragmenting the antler: the 180 mm long fragment of antler beam with cut marks on its proximal and distal sides, the basal part of shed antler with beam and proximal tines detached with a cutting tool, and another basal part of unshed antler with lopped beam, basal tines, and pedicle (Fig. 1);

b) the detached distal part of antler tine (the piece length amounts to 97.7 mm);

c) the antler tine piece split in half lengthwise (the piece length amounts to 190 mm);

d) the rectangular plates made of antler material (measurements: $143.2 \times 22.4 \times 7.6$ and $129.6 \times 22.1 \times 8.7$);

e) two small sharpened tips (a punch tool?) with length amounting to 56.4 mm and 67.2 mm.

The sample contains also two horn cores of goat and one horn core of ship with cutting tool marks at their base. This is a common type of tool marks on horn cores and apparently represents an evidence of horn material processing. One of crafted pieces found in the sample, a rectangular plate (measurements: $141.9 \times 17.0 \times 4.4$), is made of compact bone tissue, apparently an epiphysis of long limb bone.

Space between the tumulus III and the tumulus IV

Bos taurus. This is the most important domestic animal represented by the highest number of bone re-

mains and individuals in the sample. The skeletal remains belong to seven adult individuals with fully developed dentition on various stages of wearing and one juvenile individual with functioning deciduous dentition. The bones of cattle have frequent postmortem modifications; three bones (a fragment of metacarpus, another small fragment of metacarpus, and angular part of mandible) bear tooth marks of a small-sized carnivore (dog?); nine bone fragments, including three rib fragments, two fragments of shoulder blade, one metatarsal bone, and one fragment of radius bear traces left by slashing or cutting tools (Tab. 3).

Small livestock. A complete skeleton of a juvenile small livestock (goat or sheep) is represented by 306 skeletal elements, including infused with bone body epiphyses, fragments of skull and lower mandible. The lower dentition is characterized by a full functional row of deciduous teeth and M_1 just erupted. The animal was slaughtered at the age of 6 months.

Capra hircus. Some poor remains belong to two juvenile and one adult individuals.

1. A juvenile individual represented by a fragment of right hemimandible with functioning PD_4 , M_1 , and M_2 . The animal was slaughtered at the age of 1-2 years.

2. A juvenile individual represented by a right fragment of mandible with PD_4 and M_1 . The first lower mo-

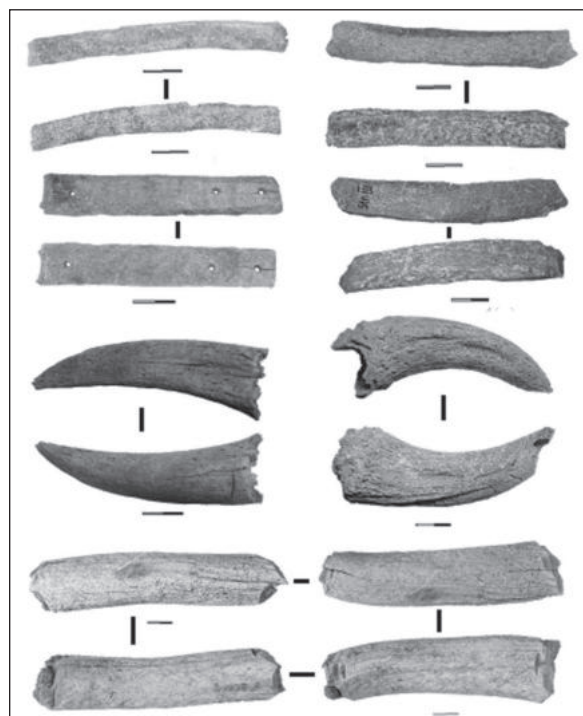

Fig. 3. Bone industry articles from Stolniceni; ship horn core with cut marks; fragment of red deer antler beam with cut marks.

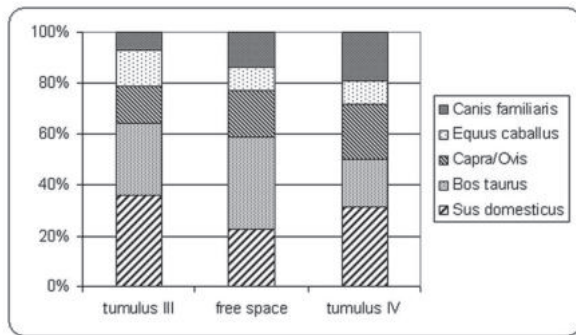

Fig. 4. Structure of domestic animal assemblages from Stolniceni (based on MNI).

lar is fully functioning, while M_2 did not erupt yet. The animal was slaughtered at the age of 6-12 months.

3. An adult individual represented by a horn core, distal fragment of metacarpus, and M_3 at the medium stage of wearing.

Sus domesticus. Five individuals are represented by limb bones, fragments of mandibles and skull, as well as by isolated teeth. Some bones bear notches and traces made with a cutting tool: the traces of a cutting tool are found on a scapula, on the facial part of the skull above the upper canine and above P^3 (at this level, the skull was chipped).

1. An adult individual with fully developed dentition. The entire grinding surface of M_3 is functioning, but the wearing stage is not advanced.

2. An adult individual with fully developed dentition. The last third of the grinding surface of M_3 is not worn.

3. A young individual with M_3 in the process of eruption. The animal was slaughtered at the age of 1.5 years. The animal was slaughtered during the autumn-winter season.

4. A juvenile individual represented by right fragment of mandible with P_2 , P_4 , M_1 , and M_2 . The M_2 is not worn, the M_3 did not erupt yet, while the P_4 is not fully erupted. The animal was slaughtered at the age of 1-1.5 years during the summer season.

5. A juvenile individual represented by right fragment of mandible with PD_4 and M_1 . The M_1 is just slightly touched by wearing. The animal was slaughtered at the age of 6-7 months during the autumn-winter season.

Equus caballus. Two individuals are represented by fragments of limb bones, phalanxes, isolated cheek teeth, and a fragment of lower mandible (Tab. 4). Some notches left by a cutting tool are recorded on the astragalus from this sample.

Canis familiaris. Three adult individuals are presented by fragments of lower mandibles, isolated teeth, a radius, a fragment of femur, a part of hip bone.

Discussion

The comparative analysis of the archaeozoological samples from the tumulus III, the tumulus IV, and the space between them has revealed similar species composition in those samples, however, with some minor differences in proportions among domestic species (Fig. 4). The samples from burials are dominated by domestic pigs, while the area between tumuli is characterized by dominance of cattle. Another peculiarity that should be mentioned here is unusually high number of dogs in the tumulus IV that attain ca 20% of the total number of recorded individuals.

If a general structure of the archaeozoological complex from Stolniceni is compared to data from other cultures and geographical regions, one can assume a strong specialization of the community from Stolniceni toward the settled agricultural economy. The domination of pig in the domestic herd from Stolniceni is unique among the advanced archaeozoological complexes involved in the comparison (Fig. 5). The domestic herd structure of Scythian monuments from Eastern Europe is the closest to the archaeozoological complex from Stolniceni.

The breeds of domestic animals from Stolniceni show a great degree of changes as a result of domestication. The cattle from Stolniceni is rather small-sized (Tab. 5). Its lower third molar (M_3) is rather small if compared to the livestock from Early Cucutenian/Tripolian monument Luka Vrublevetskaia (Fig. 6), but broadly overlaps with samples from Scythian and Czerniahovian samples of Eastern Europe.

Small livestock is characterized by weak and diminished horn-cores if compared with ships and goats from Aeneolithic of Moldova (Tab. 6; Fig. 7). It seems that horn cores of domestic ship from Stolniceni do not show sexual dimorphism as Aeneolithic ship; however the sample from Stolniceni is too small to make a conclusion. Nonetheless, the horn cores of ship from Stolniceni are still stronger than the material from Uch-Bash. The pig from Stolniceni is also rather small-sized (Tab. 7; Fig. 8). The measurements of its M_3 are very close to a comparatively small-sized Czerniahovian breed from Eastern Europe.

The systematical composition of the archaeozoological complex from Stolniceni is peculiar by insignificant presence of remains of wild mammals. Few remains of red deer are represented almost exclusively by fragments of antlers and were used as the raw material for making tools and household items.

The presence of the hind leg bones of hare in the tumulus IV has a specific character due to its different state of preservation and origin. Most probably, the hare remains have a special ritual significance in this burial. Possibly, the complete bones of forelegs of

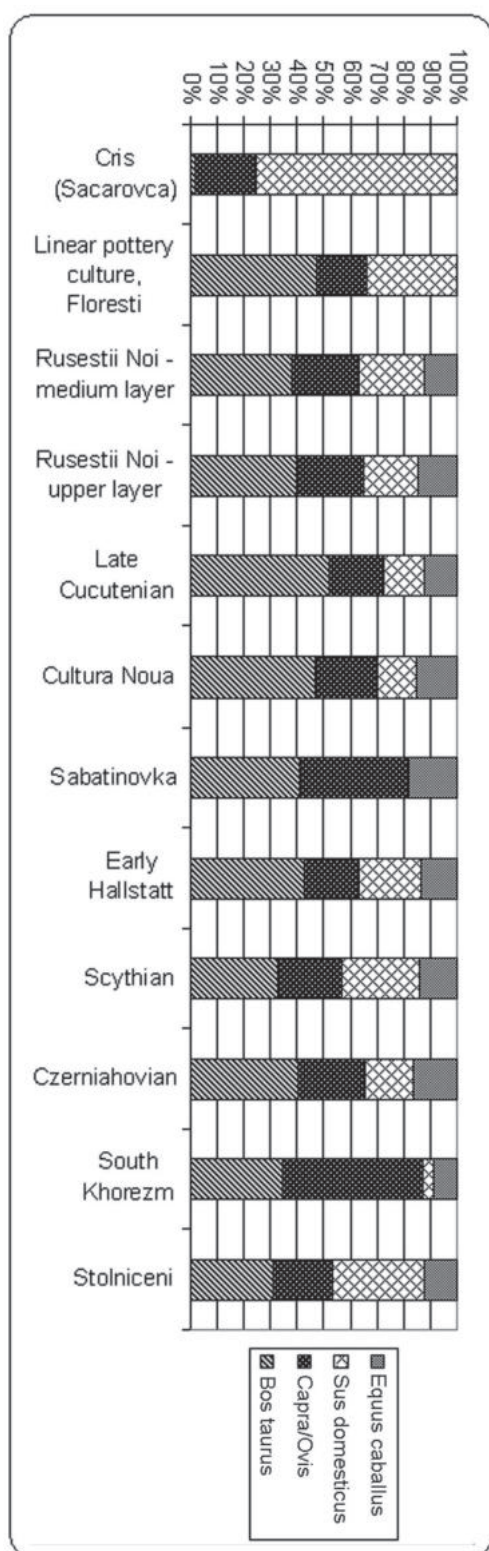

Fig. 5. Comparison of the herd structure from Stolniceni and various cultures from Moldova and other regions (adapted from Tzalkin 1966, 1970).

goat and sheep (radius, metacarpus) also may have a ritual significance in the tumulus IV. We also have to keep in mind that the sample from the tumulus IV is characterized by significant number of individuals of adult dogs.

Conclusions

The archaeozoological complex from Stolniceni suggests that the Getic community from Stolniceni was specialized for the settled agricultural economy. This conclusion is supported by the dominance of the domestic pig in the mammal assemblage. Among the compared domestic animal associations from various advanced cultures of Moldova and other regions, the archaeozoological complex from Stolniceni is characterized by the highest relative quantity of domestic pig in the sample. The breeds of domestic animals from Stolniceni are greatly modified by the process of domestication: they are rather small-sized, small livestock have comparatively weak and slender horn cores. According to the archaeozoological material from Stolniceni, the Getic breeds of domestic animals are quite similar to Scythian and Czerniahovian breeds.

Hunting did not have any significance in the economy of the community from Stolniceni. The only remains of wild mammals found in Stolniceni are fragments of red deer antlers used as the raw material for making tools and household items, and limb bones of a young individual of hare, which, possibly, had a ritual significance in the burial.

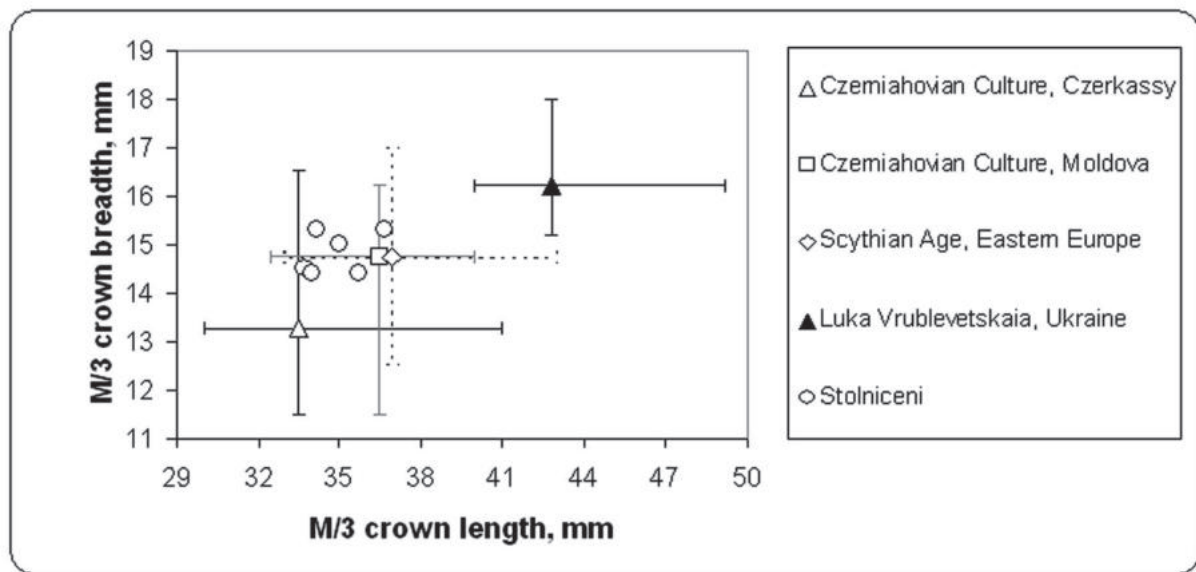

Fig. 6. Measurements of lower third molar (M_3) of the cattle from Stolniceni compared to samples from other cultures of Eastern Europe.

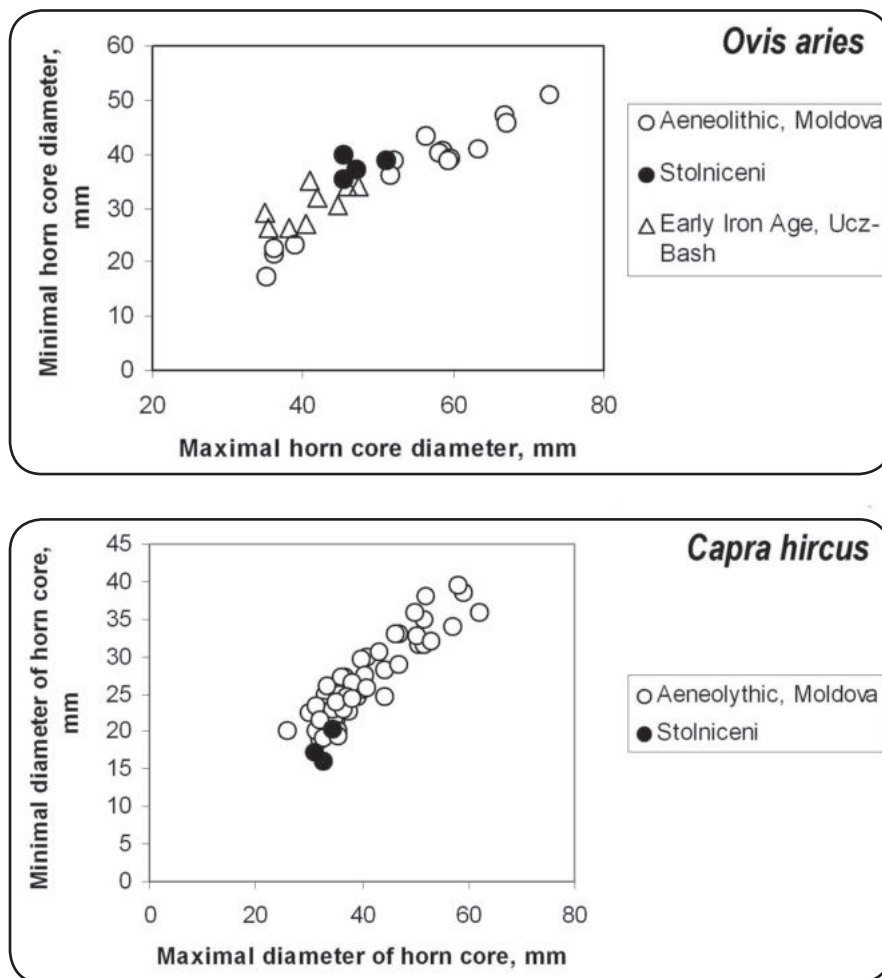

Fig. 7. Measurements of horn core base of the small livestock from Stolniceni compared to samples from other Aeneolithic of Moldova (adapted from Cemirtan 1979) and Early Iron Age site Uch-Bash (adapted from Croitor 2012).

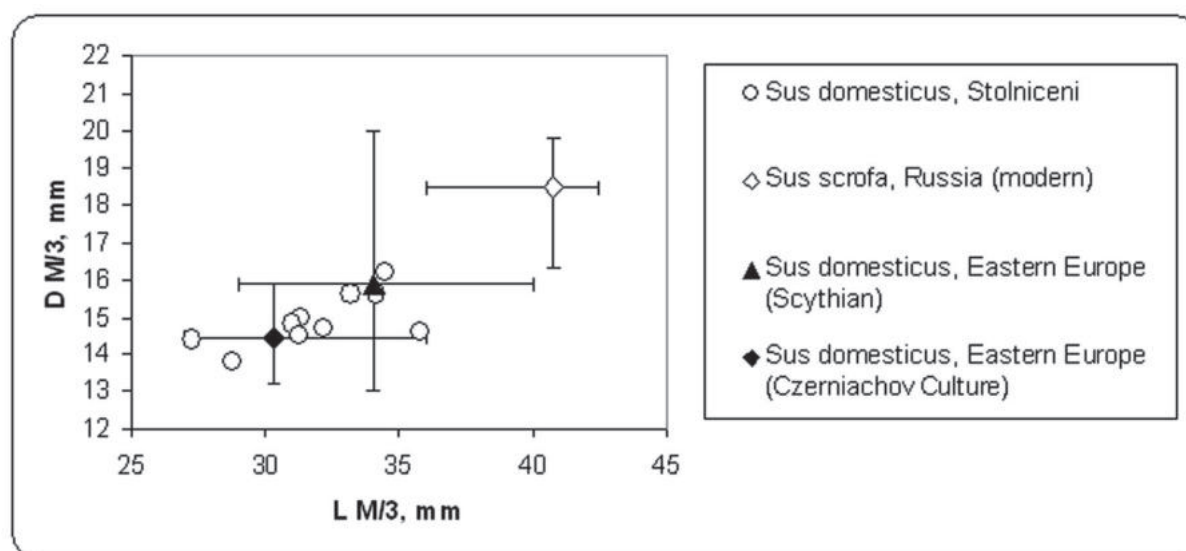

Fig. 8. Size of lower third molars (M₃) of domestic pig from Stolniceni compared to wild boar and domestic stocks from various archaeological cultures. L m₃, length of tooth crown; D m₃, breadth of tooth crown. The data on Scythian and Czerniachov culture data are from Tzalkin (1966), data on modern wild boar of Russia are from Titov (2000).

TABLES

Table 1. Measurements of human mandibles from the tumulus IV.

Measurements	Specimen 1 (30-35 y.o.)	Specimen 2 (age unknown)
P ⁴ L	7.3	
P ⁴ D	8.0	
M ₁ ¹ L	10.3	
M ₁ ¹ D	11.1	
M ₂ ² L	11.4	
M ₂ ² D	10.4	
Mandible H under P ₄	31.6	27.0
Mandible D under P ₄	12.1	12.7
Mandible H under M ₁ ¹	29.8	26.2
Mandible D under M ₁ ¹	13.0	15.3
Mandible H under M ₂ ²	26.2	23.9
Mandible D under M ₂ ²	12.7	16.4

Table 2. Systematical composition and modification structure of the osteological material from the tumulus IV.

Species	Individuals	Number of skeletal elements				
		No damage	Tool marks	Gnawed	Carbonized	Total number
<i>Sus domesticus</i>	10	52		1		53
<i>Bos taurus</i>	6	380	6	3	3	392
<i>Capra hircus</i>	3	16	2			18
<i>Ovis aries</i>	4	22	2			24
<i>Equus caballus</i>	3	19				19
<i>Canis familiaris</i>	6	15				15
<i>Cervus elaphus</i>	1		8			8
<i>Lepus europaeus</i>	1	6				6
Indeterminable		227	2		5	234
Total number	34	737	20	4	8	769

Table 3. Systematical composition and structure of modification of the osteological material from the space between the tumulus III and the tumulus IV.

Species	Individuals	Number of skeletal elements				
		No damage	Tool marks	Gnawed	Carbonized	Total number
<i>Sus domesticus</i>	5	26		2		28
<i>Bos taurus</i>	8	228	9	3		240
<i>Capra hircus</i>	4	321	1			322
<i>Equus caballus</i>	2	45	1			46
<i>Canis familiaris</i>	3	10				10
Indeterminable		402			6	408
Total number	22	1032	11	5	6	1054

Table 4. Measurements of skeletal remains of horse (*Equus caballus*) from Stolniceni.

Bone	L	DLMprox	DAPprox	Ddiaph	DLMdist	DAPdist
Phalanx I (anterior)	79.0	55.0	35.0	35.6	43.8	25.1
Radius					76.3 75.0	43.0 45.5
Tibia					74.3 71.2 74.0	45.2 43.2 45.0
Calcaneus	114.5				33.4	49.8
Talus	57.0 61.8 58.3 58.5				50.5 58.8 54.5 55.0	

Table 5. Measurements of skeletal remains of cattle (*Bos taurus*) from Stolniceni.

Teeth												
L P ₄	20.3	22.7	21.0	23.0	20.7							
D P ₄	10.7	12.4	12.2	12.2	11.6							
L M ₃	33.7	35.0	34.0	36.7	34.2	35.7						
D M ₃	14.5	15.0	14.4	15.3	15.3	14.4						
Humerus												
DLM dist	59.6											
DAP dist	67.6											
D trochlea	36.7											
Radius												
DLM prox	60.5	56.2	69.6	68.0								
DAP prox	32.5	30.5	35.2	35.9								
Metacarpus												
DLM prox	59.5	50.3	52.5	47.4	53.0							
DAP prox	34.7	30.0	33.5	29.3	31.6							
DLM dist	49.7	64.5	59.2	51.5	51.0	53.1						
DAP dist	27.0	32.0	31.3	27.0	27.3	29.7						
Tibia												
DLM dist	58.8	52.8	49.6	48.3	57.3	62.7	52.4	57.8	53.3	49.7	62.2	58.7
DAP dist	42.2	39.3	36.7	36.0	43.2	45.7	39.5	43.0	39.7	36.9	44.4	44.9
Talus												
L max	58.0	58.9	59.7	56.3	65.0	55.9	61.6	60.4	59.7			
DLM dist	32.7	39.0	37.0	35.2	41.7	33.7	37.8	40.0	40.5			
DAP dist	28.2	29.1	27.0	25.8	32.1	25.7		30.2	29.0			

<i>Metatarsus</i>												
L						194.3	190.5					
DLM prox	43.5	41.4	43.5	49.0	41.9	41.3	43.7	46.4	42.4	41.1	41.6	
DAP prox	39.5	38.7	41.4	46.2	39.1	40.2		45.3	38.4	39.5	41.3	
DLM dist	49.4	46.1	52.0	49.2		48.8	51.1					
DAP dist	27.0	26.4	30.0	26.6		29.2						

Table 6. Measurements of skeletal remains of domestic goat (*Capra hircus*) and ship (*Ovis aries*) from Stolniceni

Measurements	<i>Capra hircus</i>			<i>Ovis aries</i>			
<i>Third molar</i>							
M ₃ L	22.2	22.7		21.7			
M ₃ D	8.4	8.2		8.2			
<i>Horn core</i>							
L		155.0	112.0		120.+		
D max	34.3	31.0	32.7	45.4	47.1	51.0	45.1
D min	20.3	17.2	16.2	35.3	37.1	39.0	40.0
<i>Radius</i>							
L	153.1	155.3		144.0			
DLM prox	29.1	28.0		31.0			
DAP prox	14.8	15.0		14.4			
DLM ½ L	15.5	17.1		15.3			
DLM dist	26.3	26.8		27.3			
DAP dist	18.7	18.5		19.6			
<i>Metacarpus</i>							
L		105.2					
DLM prox		21.3		23.8			
DAP prox		16.1		16.4			
DLM dist	24.8	27.0					
DAP dist	15.7	17.1					
<i>Calcaneus</i>							
L	77.6						
DAP prox	29.0						
DAP dist	20.5						
DLM dist	19.0						
Talus							
L	29.0	28.8					
DLM dist	19.1	19.0					
DAP dist	14.8	15.0					
Metatarsus							
L	124.6						
DAP prox	21.5						
DLM prox	20.8						
DLM dist	23.0			22.9			
DAP dist	15.1			15.4			

Table 7. Measurements of lower cheek teeth of domestic pig from the tumulus IV and the space between the tumulus III and the tumulus IV from Stolniceni.

Individual	M ₁ L	M ₁ D	M ₂ L	M ₂ D	M ₃ L	M ₃ D	P ₄ L	P ₄ D	PD ₄ L	PD ₄ D
t.IV-1	16.7	10.4							18.5	8.3
t.IV-2									19.1	8.2
t.IV-3	16.0	11.1	20.5	14.0			16.5	11.0		
t.IV-4	16.0	10.2	19.9	12.4						
t.IV-5	18.0	11.5								
t.IV-6			18.3	12.4			13.0	7.7		
t.IV-7					35.8	14.6				
t.IV-8			20.1	12.4	27.3	14.4				
t.IV-9	16.0	11.7	20.2	14.0	34.5	16.2				
t.IV-10			20.5	14.5	34.2	15.6				
III-IV-1			20.0	14.1	17.6	12.4				
III-IV-2			19.2	13.0	16.6	10.3				
III-IV-4	17.6	12.4	23.4	15.2						
III-IV-5	16.6	10.3								

Bibliography

- Albarella, Payne 2005:** U. Albarella, S. Payne, Neolithic pigs from Durrington Walls, Wiltshire, England: a biometrical database. *Journal of Archaeological Science* 32, 2005, 589–599.
- Arnăuț, Ursu-Naniu 2004:** T. Arnăuț, R. Ursu-Naniu, L'encenite fortifiée de Stolniceni. In: *Congresul al IX-lea Internațional de Tracologie: Tracii și lumea circumponică* (Chișinău – Vadul-lui-Vodă 2004), 85–87.
- Croitor 2012:** R. Croitor, Археозоологічний комплекс з поселення Уч-Баш. *Археологія* 1, 2012, 71–82.
- Croitor, Arnăuț 2010:** R. Croitor, T. Arnăuț, A short report on new osteological and taphonomical records from the getic monument Stolniceni. *RA*, vol. V, nr. 2, 2010, 179–183.
- Fernandez 2001:** H. Fernandez, Osteologie comparee des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres *Rupicapra*, *Ovis*, *Capra* et *Capreolus*): diagnose différentielle du squelette appendiculaire. These pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique, Université de Geneve (Geneve 2001). T. 1–2.
- Halstead, Collins, Isaakidou 2002:** P. Halstead, P. Collins, V. Isaakidou, Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult *Ovis* and *Capra*. *Journal of Archaeological Sciences* 29, 2002, 545–553.
- Sârbu, Arnăuț 1995:** V. Sârbu, T. Arnăuț, Incinta fortificată de la Stolniceni. In: *Cercetări arheologice în aria nord-tracă I* (București 1995), 378–400.
- Schmid 1972:** E. Schmid, *Atlas of Animal Bones* (Amsterdam-London-New York 1972).
- Titov 2000:** V.V. Titov, *Sus* (Suidae, Mammalia) from the Upper Pliocene of the Northeastern Part of the Azov Region. *Paleontological Journal*, 34 (2), 203–210 (Moscow 2000).
- Арнэуț et al. 2007:** Т. Арнэуț, Р. Кройтор, С. Попович, Р. Урсу-Наниу, Osteологический материал из раскопов гетского городища Столничень (предварительные тафономические наблюдения). *RA*, vol. III, nr. 1–2, 2007, 361–369.
- Чемыртан 1979:** Г.И. Чемыртан, Мелкий рогатый скот поселений Энеолита Молдавии. В сб.: И.М. Ганя (отв. ред.): Микро- и макрофауна позднего фанерозоя Юго-Запада СССР (Кишинёв 1979), 83–92.
- Цалкин 1966:** В.И. Цалкин, Древнее животноводство племён Восточной Европы и Средней Азии (Москва 1966).
- Цалкин 1970:** В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы (Москва 1970).

Roman Croitor, Doctor of biology, Center for Archaeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova, Stefan cel Mare Str. 1, MD-2001, Kishinau, Republic of Moldova; romancroitor@europe.com

Tudor Arnăuț, Doctor of history, Chair of Anthropology and History of Romanians, Faculty of History, Moldavian State University, Mateevici Str. 60, MD-2012, Kishinau, Republic of Moldova.

Ceban Ion, Center for Archaeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova, Stefan cel Mare Str. 1, MD-2001, Kishinau, Republic of Moldova.

ANALIZA ANTROPOLOGICĂ A SERIEI SCHELETICE DESCOPERITE ÎN NECROPOLA MEDIEVALĂ DE LA LOZOVA, SECOLELE XIV-XV

Angela SIMALCSIK, Iași

Articolul prezintă analiza antropologică a 51 de schelete umane descoperite în anii 2010 și 2011 în necropola de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), datată de arheologi, pe baza inventarului funerar, în sec. XIV-XV. Aceste schelete au fost studiate din punct de vedere antropometric, tipologic, demografic și patologic, rezultatele servindu-ne la reconstituirea osteobiografică a unei infime părți a populației care a viețuit pe plaiurile moldave acum mai mult de cinci secole.

Антропологический анализ скелетов, обнаруженных в средневековом некрополе Лозова XIV-XV вв. В статье представлен антропологический анализ 51 человеческих скелетов, которые были обнаружены в 2010 и 2011 гг. в средневековом некрополе Лозова (р-н Стрэшень, Республика Молдова). Кладбище датировано археологами на основании погребального инвентаря XIV-XV вв. Мы анализировали эти скелеты по антропометрическим, типологическим, демографическим и патологическим данным. Результаты исследований помогут нам восстановить небольшую часть биографии населения, которое проживало на молдавских землях более пяти веков назад.

The anthropological analysis of the human osteological remains excavated in the medieval necropolis of Lozova, XIV-XV centuries. The article presents the anthropological analysis of 51 human skeletons discovered in 2010 and 2011 in the cemetery at Lozova (Straseni, Moldova) dated to the medieval period (XIV-XV centuries) based on the grave goods that accompanied the deceased. This segment of the Moldavian medieval population has been studied in terms of anthropometry, paleodemographics, typology and paleopathology. The results helped us in reconstituting the osteobiography of a small segment of the population that lived in Moldavian lands more than five centuries ago.

Key words: medieval necropolis, Lozova, XIV-XV centuries, anthropometry, paleodemography, palaeopathology

Introducere

Localitatea Lozova este situată pe teritoriul actualului raion Strășeni, la circa 45 km vest de municipiul Chișinău. Situl arheologic medieval de la Lozova-La hotar cu Vornicenii, situat pe versantul drept al râului Bucovăț (la circa 1 km est de marginea satului actual Lozova și circa 0,8 km de limita vestică a localității Vorniceni), are mai multe orizonturi cultural-cronologice, ceea ce-i conferă o deosebită importanță științifică pentru arheologia și istoria medievală a Moldovei. Cel mai vechi orizont datează din evul mediu timpuriu (sec. VI-VII), al doilea nivel corespunde perioadei de dominație a Hoardei de Aur (prima și a doua treime ale sec. XIV), iar cel mai recent orizont arheologic datează din perioada constituirii statului medieval moldovenesc și anume, sfârșitul sec. XIV – sec. XV. În anii 2010 și 2011 arheologii de la Centrul de Arheologie din Chișinău¹ au întreprins investigații interdisciplinare în situl de la Lozova, unde s-a descoperit și un cimitir ce

a aparținut unei comunități locale creștine. Scheletele scoase la lumină provin de la defuncți înhumați cu capul spre vest și privirea spre răsărit, în poziție pe spate, cu picioarele întinse și brațele îndoite din coate, cu mâinile așezate pe abdomen, piept sau umeri. În lipsa monedelor, inventarul funerar indică drept perioadă de utilizare a cimitirului sfârșitul sec. XIV – sec. XV (Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011, 120-122, Vornic ș.a. 2012).

Materialul osteologic uman deshumat în timpul celor două campanii de săpătură (2010 și 2011) reprezintă o infimă parte a populației medievale de pe teritoriul Moldovei și ne oferă posibilitatea întregirii tabloului antropologic din regiune. Scopul studiului de față este reconstituirea osteobiografică a acestui segment populațional atât de important pentru perioada medievală din Moldova. Sperăm că săpăturile la Lozova vor continua, dat fiind faptul că cimitirul se întinde pe o supra-

¹ Cercetătorii arheologi care s-au ocupat de deshumarea scheletelor umane (dr. Vlad Vornic, dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău, dr. Ion Ursu și Larisa Ciobanu) ne-au oferit toate informațiile necesare privind contextul arheologic. Le mulțumim pe această cale domniilor sale pentru sprijin, deschidere și colaborare.

față mult mai mare decât cea săpată până în prezent, numărul estimativ al mormintelor fiind de peste 150.

Materialul și metodologia de lucru

Materialul osteologic care a stat la baza acestui studiu antropologic este reprezentat prin 51 schelete umane, dintre care 22 de sex masculin, 13 de sex feminin și 16 indivizi indeterminabili din punct de vedere al sexului, cei din urmă făcând parte din categoriile de vârstă *infans I* (0-7 ani) și *infans II* (7-14 ani). Cele 51 schelete provin din 50 morminte de înhumare (M. 12 este dublu) decopertate din necropola medievală de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova) în campaniile de săpătură din anii 2010 și 2011. O estimare generală a stării materialului ne determină să afirmăm că în proporție de circa 50% acesta este bine conservat și s-a pretat unui studiu antropometric și morfoscopic amănunțit, iar în această categorie intră marea majoritate a scheletelor deshumate în campania din vara anului 2011, expediție la care a participat și autorul care semnează acest articol, având astfel avantajul de a studia fiecare schelet *in situ*². Cealaltă categorie a materialului, precar conservată, este reprezentată prin schelete incomplete ori fragmentate. Scheletele deshumate în vara anului 2010 au fost descompletate în timpul săpăturilor arheologice; din motive subiective s-a luat hotărârea să se preleveze de la acestea doar craniul și oasele centurii pelviene, restul componentelor scheletice fiind înhumate la sfârșitul campaniei de săpătură fără a fi studiate de antropolog. Starea precară de conservare a scheletelor descoperite în primăvara anului 2011 se poate pune pe seama răscolirii repetitive a solului de-a lungul anilor din cauza lucrărilor de prelucrare și amenajare a terenului. În linii mari însă starea generală de conservare este satisfăcătoare, materialul scheletic pretându-se atât unei analize individuale, cât și populaționale.

Studiul antropologic a debutat prin restaurarea resturilor osoase în măsura în care acest procedeu a fost posibil, urmând apoi marcarea, examinarea morfoscopică și prelevarea datelor antropometrice (36 metrii și 28 indici cefalo-faciali; 29 metrii și 14 indici postcranieni). Studiul propriu-zis al fiecărui schelet, complet sau mai puțin complet, a constat în primul rând în determinarea sexului și a vârstei la deces. În unele situații, din cauza gradului ridicat de deteriorare osoasă, am purces doar la estimări bazate pe câteva trăsături anatomice,

diagnosticul final în atare cazuri rămânând sub semnul întrebării. A urmat ulterior analiza conformativă, analiza morfoscopică și somatoscopică, analiza tipologică³ și analiza patologiilor, anomaliilor și caracterelor epigenetice (37 trăsături non-metrice craniene și 52 postcraniene).

Pentru diagnoza sexuală am combinat observațiile morfologice cu dimensiunile metrice ale segmentelor cranian și postcranian. Segmentul care oferă cele mai sigure informații în această privință este pelvisul (90-95%, după Bruzek 2002, 157-168), urmat de craniu și de scheletul apendicular. În final, dar nu lipsite de importanță, sunt celelalte părți osoase postcraniene care, alături de oasele membrelor, măresc precizia determinării sexului: oasele centurii scapulare, vertebrele și sacrumul.

În ceea ce privește determinarea vârstei la deces, caracterele utilizate variază în funcție de etapele de creștere. Până la vârsta de 20 ani cel mai utilizat caracter este gradul de evoluție dentară; majoritatea cercetătorilor preferă și recomandă schema oferită de Ubelaker (1980). La fel de recomandat este și gradul de osificare a epifizelor la diafizele oaselor postcraniene. Lungimea oaselor scheletului apendicular este, de asemenea, extrem de utilă, în prezent existând standarde de lungime ale oaselor lungi întocmite pe baza măsurătorilor prelevate încă din mediul intrauterin (Scheuer, Black 2000; Schaefer, Black, Scheuer 2009).

Referitor la determinarea vârstei la deces a subiecților ce au depășit vârsta de 20 de ani, se recomandă a se ține cont de modificarea faciesului simfizar, de gradul de modificare a suprafeței iliace sacro-pelviene și de aspectul țesutului spongios din oasele scheletului apendicular. Unii specialiști recomandă și utilizarea obliterării suturilor craniene, însă doar în situațiile în care nu dispunem de alte indicii, ori când scheletul este extrem de fragmentat sau incomplet și nu poate oferi alte date privind vârsta la deces (Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979, 7-45). Se poate recurge cu prudență și la alți indicatori, dar ținând cont de o serie de fenomene de degenerare osoasă sau maladii care se instalează odată cu înaintarea în vârstă. Gradul de uzură dentară, de exemplu, este un valoros indiciu în ceea ce privește modificările cu vârsta, însă acest indicator poate fi adesea influențat de tipul de alimentație sau de obiceiurile ce țin de utilizarea dinților pe post de instrument (Slootweg 2007).

² Aducem deosebite mulțumiri cercetătorilor dr. Vlad Vornic, dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău, dr. Ion Ursu și Larisa Ciobanu, arheologi care au supravegheat și condus campania de săpătură din luna august a anului 2011. Suntem recunoscători pentru ocazia unică de a participa la decopertarea uneia dintre cele mai importante necropole din Moldova, dar și pentru încredințarea materialului osteologic uman spre studiu.

³ Analiza tipologică a seriei scheletice de la Lozova a fost realizată cu ajutorul și sub îndrumarea doamnei dr. Georgeta Miu, antropolog, cercetător științific gradul II al Secției de Cercetări Antropologice, Academia Română, Filiala Iași. Îi mulțumim domniei sale pentru sprijin colegial și bunăvoință.

În cazul materialului osteologic deshumat din necropola medievală de la Lozova (sec. XIV-XV), pentru determinarea vârstei la deces a indivizilor care nu au atins 20 de ani (*infans I*, *infans II* și *juvenis*) s-au urmărit: erupția dentiției provizorii și a celei definitive, stadiul de dezvoltare a mugurilor dentari, gradul de concreștere a epifizelor oaselor lungi cu diafizele și dimensiunile scheletului apendicular. Ne-am ghidat după metodologia propusă de Maresh (1955, 725-742; 1970), Moorrees, Fanning, Hunt (1963, 1490-1502), Trotter, Peterson (1969, 167-184), Fazekas, Kosa (1978), Ubelaker (1979), Jeanty (1983, 601-602), Scheuer, Black (2000), Schaefer, Black, Scheuer (2009).

În cazul indivizilor trecuți de 20 de ani (*adultus*, *maturus*, *senilis*) caracterele folosite în determinarea vârstei la deces au fost: gradul de uzură a faciesului simfizar pubian și a suprafeței iliace sacro-pelviene, modificarea țesutului spongios din oasele lungi, fenomenele de involuție scheletică și existența unor procese patologice ce pot fi legate de înaintarea în vârstă, gradul de sinostozare a suturilor craniene și gradul de uzură a suprafețelor masticatoare dentare. Pentru determinarea sexului am utilizat următorul complex de caractere: forma generală a bazinului, dimensiunea și gradul de deschidere a marelui șancruri ischiatice, forma/dimensiunea și gradul de curbură a osului sacrum, masivitatea și gradul de robusticitate a scheletului, gradul de dezvoltare a articulațiilor și inserțiilor musculare, dezvoltarea relievelor craniene, forma și gradul de înclinare a frunții, robusticitatea și forma mandibulei, forma și tipul regiunii mentoniere mandibulare, forma și mărimea dinților. În determinarea sexului și vârstei la deces a indivizilor trecuți de 20 de ani am utilizat metodele, criteriile și tehnicile recomandate de Iordanidis (1961, 280-291), Stradalova (1975, 237-244), Ferembach, Schwidetzky, Stloukal (1979, 7-45), Ubelaker (1980), Brothwell (1981), Buikstra, Ubelaker (1994), Mays (1998), Bruzek (2002, 157-168), Walrath, Turner, Bruzek (2004, 132-137), White, Folkens (2005), Schmitt (2005, 1-13), Blanchard (2010).

Analiza osteologică individuală a oferit informații care ne-au ajutat ulterior la stabilirea unor caracteristici antropometrice, conformativă și somatoscopice și, în final, a tipologiei fiecărui individ. Au fost utilizate valorile rezultate din măsurătorile directe și din calculul indicilor conformativi, respectând tehnicile clasice recomandate de Martin și Saller (1956-1966). Evaluarea și încadrarea dimensiunilor valorice absolute și relative s-au realizat după scările dimorfice întocmite de Alekseev și Debetz (1964). S-au luat în considerație și

o serie de caractere somatoscopice și morfologice ale scheletului cefalo-facial: forma craniului (normele verticală, laterală/profil și occipitală), dezvoltarea regiunilor glabelare, supraorbitare și mastoidiene, înălțimea și gradul de curbură a occipitalului, gradul de dezvoltare a protuberanței occipitale externe și a creștelor nucale, lărgimea și poziția oaselor zigomatice, dezvoltarea reliefului zigomatic, dezvoltarea fosei canine și a spinei nazale, forma aperturii piriforme, forma și adâncimea bolții palatine, gradul de robusticitate a mandibulei, forma și gradul de proeminență a regiunilor mandibulare mentonieră, goniacă și a condililor mandibulari. Toate aceste observații au fost înregistrate și analizate conform metodelor clasice propuse de Broca (1875, 1-204), Von Eickstedt (1934) și Olivier (1969).

Au fost luate în considerație și particularități ale oaselor lungi care sunt apreciate în literatura de specialitate ca fiind adaptări funcționale și „urme” ocupaționale sau ale stilului de viață, după cum urmează: forma diafizei femurului și tibiei, gradul de platimerie femurală, gradul de platicnemie tibială, prezența pilastrelor femural, gradul de dezvoltare a reliefului deltoidian humeral, dezvoltarea reliefului osos și a inserțiilor musculare, frecvența foramenului supratrohlear humeral, frecvența și localizarea fațetelor suplimentare de articulație pe tibie și talus. Talia (statura) probabilă a fiecărui individ a fost calculată pe baza lungimilor oaselor lungi ale membrelor superioare și inferioare. S-au utilizat scările dimensionale propuse de Manouvrier (1892, 227-233), Bach (1965, 12-21), Breitingier (1938, 249-274), Trotter, Gleser (1951, 311-324; 1952, 469-514; 1958, 79-123).

O deosebită atenție a fost acordată patologiilor, anomaliilor și caracterelor epigenetice osoase craniene și postcraniene, calculându-se în final prezența osteopatiilor separat pe sexe, dar și raportându-ne la întreaga populație. Identificarea acestora și aprecierea gradului de dezvoltare s-au făcut după metodele, criteriile și tehnicile recomandate de Mays (1998), Sloomweg (2007), Kimmerle, Baraybar (2008), Waldron (2009), Ortner (2003), Katzenberg, Saunders (2008), Aufderheide, Rodriguez-Martin (1998), Barnes (1994), Brickley, Ives (2008).

Un alt aspect pentru care am optat în acest studiu este tipul antropologic⁴, destul de frecvent criticat în prezent, afirmându-se că acesta nu ține cont de variabilitatea intrapopulațională. Cu toate că astăzi se tinde ca metoda cercetărilor tipologice să fie înlocuită, considerăm că aceasta are merite de necontestat ce nu o pot exclude din cercetarea antropologică. Metoda tipologică a dat de-a lungul timpului trăsăturile de bază ale

⁴ Tipul antropologic întrunește toți indivizii dintr-o populație care prezintă o anumită asociere de caractere. Orice populație umană conține multe asemenea elemente în diferite proporții (Hiernaux 1964; King 1981).

subîmpărțirii populației umane pe baza unui material documentar bogat. Chiar și în prezent, când unii autori tind să înlocuiască individul ca unitate de studiu cu populația, metoda tipologică este singura care poate sluji antropologilor în cercetarea structurii populațiilor (Biasutti 1959). Cu toate că există o tendință generală de a ocoli sau nega problema tipurilor antropologice, alt segment de specialiști continuă să le clasifice și să le definească, pentru că diferențele între populații sunt un fapt real care poate fi observat pe tot mapamondul. Trebuie precizat însă că pentru nici o populație, nici măcar preistorică, nu se poate vorbi de un singur tip antropologic, indiferent de arealul său de răspândire. Metisajul între diferitele tipuri antropologice a avut loc nu numai în zonele de contact ale arealelor de răspândire populațională, ci într-un anumit grad și în adâncimea arealelor, ceea ce a dus la încălcarea și suprapunerea lor. Astfel, arealele tipurilor antropologice umane, începând chiar din paleoliticul superior, au pierdut din izolare, s-au rupt și au suferit mixturi (Бунак, Нестурх, Рогинский 1941; Biasutti 1959). Cel mai cunoscut și larg acceptat sistem de clasificare tipologică în Europa este cel al lui Eickstedt, care cuprinde trei trunchiuri mari rasiale și 36 subrase, printre care și *paleorase* care au generat rasele actuale și care persistă în prezent în condiții de izolare (Von Eickstedt 1934; Stevens Coon 1954). În 1951 Čeboksarov elaborează o clasificare pe aceleași principii, dar păstrând termenii de rasă doar pentru grupuri cu origine foarte veche, ale căror particularități sunt rezultatul adaptărilor la medii diferite. Pentru grupele formate mai târziu, când adaptarea a pierdut semnificația ei vitală, autorul propune denumirea de „*tipuri antropologice*”. Sistemul său cuprinde trei rase primare, rase secundare și mai multe grupuri de tipuri antropologice (Boev 1972). În studiul de față determinarea tipului antropologic s-a făcut doar în situațiile în care starea de conservare a scheletului și trăsăturile avute la dispoziție au permis respectivele observații, iar pe baza trăsăturilor tipologice individuale s-au formulat concluzii la nivel populațional. În analiza tipologică ne-am folosit de clasificările și indicațiile propuse de Von Eickstedt (1934), Vallois (1934, 119-120; 1944; 1953; 1965, 127-143), Coon (1939), Comas (1960), Baker (1974), Bunak, Nesturch, Roginskij (1941) și Boev (1972).

Cercetarea structurii antropologice, implicit a osteobiografiei unei populații, nu poate exclude problemele de ordin demografic. Studiul demografic întreprins pe o serie scheletică poate ajuta la stabilirea vechilor areale de locuire umană și a mărimii grupurilor sociale, dar poate servi și pentru a caracteriza din punct de vedere socio-economic o comunitate sau pentru a-i stabili starea de sănătate în diferite etape istorice. Demografia consideră că populația este un subiect de sine stătător ce trebuie analizat cantitativ prin estimarea numărului și densității locuitorilor unei anumite așezări, a duratei medii de viață⁵, a mortalității generale și infantile, a structurii pe sexe⁶, a structurii pe vârste⁷, a speranței de viață la naștere⁸ (Hoppa, Vaupel 2002). Datele de ordin paleodemografic devin edificatoare numai în cazul seriilor osteologice reprezentative statistic pentru fiecare comunitate, cultură sau perioadă istorică. Repartiția pe sexe și pe vârste a deceselor este în fapt reprezentarea demografică *post mortem* a populațiilor vii (Trebici 1997, 110-115). Studiul paleodemografic al populației deshumate din situl medieval de la Lozova a reclamat o cercetare deosebit de atentă a caracterelor indicatoare de sex și vârstă pe cele 51 schelete umane. Această atitudine s-a impus cu atât mai mult, cu cât unele schelete analizate prezentau o stare defectuoasă de conservare. Îmbucurător de menționat este faptul că nu au existat situații în care să nu determinăm vârsta la deced, iar în cazul adulților, sexul, ceea ce face ca această serie scheletică să reprezinte o bază de date excelentă pentru studiul demografic.

În final, pentru a realiza un studiu antropologic și demografic complex și cât mai edificator din punct de vedere paleoistoric, datele obținute pentru seria scheletică de la Lozova (51 schelete) au fost comparate cu datele altor două comunități medievale sincrone și anume, cu cele publicate de P. Cantemir și D. Botezatu privind materialul osteologic uman (32 schelete) deshumat din punctul Brăila – Biserica „Sf. Arhanghel Mihail” (sec. XV) și cu datele publicate de S. Antoniu și C. Obreja privind materialul osteologic uman (101 schelete) provenit din cimitirul medieval de la Hudum – Botoșani (sec. XIII-XV) (Cantemir, Botezatu 1995, 198-218; Antoniu, Obreja 1985, 89-96).

⁵ Durata medie a vieții caracterizează cel mai complet regimul de mortalitate al unei populații și chiar gradul de dezvoltare socio-economică sub influența factorilor biologici, sanitari, sociali sau mediali (Ghețau 2002)

⁶ Structura pe sexe a unei populații este exprimată prin raportul dintre numărul de indivizi de sex masculin și cei de sex feminin, denumit și sex ratio sau indicele de masculinitate (Trebici 1997, 110-115).

⁷ Structura pe vârste se referă la distribuția numerică a indivizilor unei comunități sau populații în funcție de vârsta lor (Chamberlain 2006).

⁸ Speranța de viață la naștere este cea mai completă măsurătoare a nivelului mortalității și reprezintă numărul mediu de ani pe care îi are de trăit o persoană de la naștere până la vârsta limită (Țarcă 2008, 350-369).

REZULTATE ȘI DISCUȚII

Analiza paleodemografică

Seria osteologică deshumată din necropola medievală de la Lozova (sec. XIV-XV) este reprezentată prin 51 schelete umane, din care 22 de sex masculin, 13 de sex feminin, iar 16 indeterminabile din acest punct de vedere (8 aparțin categoriei de vârstă *infans I* și 8 categoriei de vârstă *infans II*). Din cele 22 schelete masculine și, respectiv, 13 feminine, câte doi indivizi din fiecare categorie (2 bărbați și, respectiv, 2 femei) au decedat la vârsta adolescenței (*juvenis*), adică în intervalul 14-20 ani. Rezultă că din totalul de 51 schelete analizate, 20 indivizi nu au depășit vârsta subadultă (*infans I*, *infans II* și *juvenis*) și 31 indivizi (20 bărbați și 11 femei) au supraviețuit vârstei de 20 de ani (*adultus*, *maturus*). Mortalitatea segmentului subadult, adică a indivizilor cu vârstele la deces cuprinse între 0-20 ani, înregistrează o valoare destul de ridicată (*infans I* – 15,7%, *infans II* – 15,7%, *juvenis* – 7,8%), ceea ce înseamnă că mai mult de o treime din populație (39,2%) nu a ajuns la vârsta adultă. Pentru intervalul 20-x ani frecvența majoritară a deceselor este înregistrată în categoria *maturus* (43,1%), în timp ce în categoria *adultus* procentul este de doar 17,6%. Subliniem faptul că niciun individ nu a „pășit” spre categoria senectutii (60-x ani).

În tab. 1 este redată structura pe sexe și pe categorii de vârstă a seriei scheletice de la Lozova comparativ cu alte două serii medievale sincrone – Brăila (sec. XV) și Hudum⁹ (sec. XIII-XV) (Cantemir, Botezatu 1995, 198-218; Antoniu, Obreja 1985, 89-96). Prima observație importantă este aceea că mortalitatea în rândul copiilor mici și mari (*infans I* și *infans II*) pentru populația din Lozova este destul de ridicată (31,4%), mai ales dacă purcedem la o comparație cu valoarea de 15,63% înregistrată pentru populația medievală din Brăila. Comparând însă valoarea mortalității infantile din seria lozoveană cu cea a seriei sincrone de la Hudum, situația este inversă, în cazul populației din Lozova (31,4%) valoarea fiind semnificativ mai mică față de cea din Hudum (44,51%), în care aproape jumătate din populație s-a stins până la vârsta de 14 ani. Pentru categoria de vârstă *juvenis* (14-20 ani), când se presupune că organismul uman a trecut cu bine de fenomenul de adaptabilitate biologică, mortalitatea în populația de la Lozova este de 7,8% - valoare de două ori mai mare față de cea de la Brăila (3,13%), însă mai mică față de cea înregistrată pentru adolescenții de la Hudum (12,9%). Mortalitatea pentru categoria de vârstă *adultus* la Lozova este de 17,6%, iar pentru categoria *maturus* va-

loarea aproape se triplează, ajungând la 43,1%. Dacă ne referim la aceleași categorii de vârstă din Brăila și Hudum, ratele de mortalitate sunt, după cum urmează: *adultus* Brăila – 15,6%, *maturus* Brăila – 62,5%; *adultus* Hudum – 28,7%, *maturus* Hudum – 7,92%.

Comparația între populația din Lozova și celelalte două populații medievale sincrone scoate în evidență diferențe importante privind ratele de mortalitate. Cu toate că mortalitatea infantilă (0-14 ani) este destul de ridicată în populația lozoveană, aceasta fiind de două ori mai mare față de cea de la Brăila, totuși nu atinge valori atât de ridicate precum cele înregistrate la Hudum, situația fiind asemănătoare și pentru adolescenți (14-20 ani). În ceea ce privește intervalul adult de vârstă (20-30 ani), populația de la Lozova se aseamănă cu cea de la Brăila, valorile mortalității fiind destul de apropiate în aceste două comunități. Intervalul matur de vârstă (30-60 ani) scoate în evidență faptul că la Hudum foarte puțini membri ai comunității ajungeau în această etapă de vârstă, în timp ce la Lozova aproape jumătate din populație se stinge în intervalul 30-60 ani. Referitor la categoria longevivilor (60-x ani), spre deosebire de populația din Lozova, unde nu am semnalat niciun individ ajuns la vârsta senectutii, în seriile de comparație valorile procentuale pentru categoria *senilis* sunt de circa 3%. Astfel, în seria scheletică din Lozova perioada de mortalitate maximă corespunde intervalului de vârstă *maturus*, situația fiind asemănătoare și în cazul populației din Brăila, dar diferită în cazul celei de la Hudum, unde perioada de mortalitate maximă este cea din intervalul *adultus*. Reamintim că perioada *adultus* durează doar 10 ani (între 20 și 30 ani), în timp ce perioada *maturus* se extinde pe o durată de 30 de ani, adică între vârstele de 30 și 60 de ani.

Sex ratio sau indicii de masculinitate pe ansamblul populației decedate din Lozova indică o pondere mai mare a scheletelor de sex masculin față de cele de sex feminin (22 bărbați/13 femei = 1,69), ceea ce se traduce printr-un dezechilibru frapant „în favoarea” bărbaților; situația este valabilă atât pentru etapa de vârstă adultă (6 bărbați/3 femei = 2,0), cât și pentru cea matură (14 bărbați/8 femei = 1,75). O valoare ridicată a indicelui de masculinitate ne poate sugera că populația respectivă viețuia în condiții pașnice, fără să fi trecut prin eventuale evenimente războinice.

Spre deosebire de seria lozoveană, valorile *sex ratio* în celelalte două necropole medievale sincrone sunt diferite, iar diferențele sunt grăitoare. Raportul de masculinitate pe totalul populației medievale din Brăila este ușor subunitar, ceea ce indică un echilibru aproape per-

⁹ În tabelul 1 din articolul de față datele procentuale privind structura pe categorii de vârstă a seriei scheletice de la Hudum sunt diferite față de cele din articolul original semnat de S. Antoniu și C. Obreja (1985, 89-96). Ne-am permis aceste modificări din cauza faptului că am identificat câteva erori în calculele statistice.

fect între sexe (14 bărbați/15 femei = 0,93), în timp ce în populația medievală de la Hudum raportul este ușor mai mare decât la Lozova, adică de 2,08 (27 bărbați/13 femei), ceea ce indică și aici o dominanță a prezenței sexului masculin. Observăm că în toate cele trei populații în intervalul *maturus* valoarea *sex ratio* este supraunitară, însă nu atinge valoarea 2,0 (Lozova – 1,75, Brăila – 1,22, Hudum – 1,67), ceea ce ne arată că femeile au supraviețuit, depășind vârsta adultă. Este cunoscut faptul că în intervalul adult de vârstă (20-30 ani) în perioada medievală exista un risc crescut de deces în rândul femeilor, multe dintre acestea neajungând la maturitate. În acest interval de vârstă este perioada de maximă fecunditate, iar în acele vremuri frecvența deceselor în timpul nașterii și mai ales postnatal era foarte ridicată din cauza infecțiilor, complicațiilor, lipsei asistenței medicale adecvate, gradului ridicat de contagiozitate, condițiilor precare de igienă. Faptul că un procent destul de ridicat de femei au depășit acest moment critic din viața lor, trecând de vârsta adultă, ne arată că acele condiții sociale care ar fi dus la o rată crescută de deces în intervalul adult feminin nu erau chiar atât de nefavorabile.

Durata medie a vieții (tab. 2), numită în demografie și vârsta medie la deces, calculată pe totalul populației medievale de la Lozova (intervalul de vârstă 0-x ani), este de 27,23 ani, în timp ce la Brăila această valoare este ceva mai ridicată și anume, de 36,8 ani. Cu totul diferită este situația seriei de la Hudum, unde durata medie a vieții înregistrată pentru întreaga populație este de numai 16,99 ani, fenomen datorat ratelor extrem de ridicate ale mortalității infantile (vezi tab. 1). Pentru segmentul adult al populației din Lozova, adică pentru subiecții care au depășit vârsta de 20 de ani, durata medie de viață a fost calculată separat pe sexe, aceasta fiind de 36,5 ani la bărbați și de 42,0 ani la femei, de unde deducem că femeile din Lozova trăiau în medie cu 6 ani mai mult decât bărbații. Comparând aceste date cu celelalte două populații adulte sincrone din punct de vedere istoric constatăm că, spre deosebire de Lozova, la Brăila membrii comunității decedau în medie aproximativ la aceeași vârstă, indiferent de sex – la circa 40 ani, în timp ce la Hudum membrii adulți ai comunității medievale trăiau în medie numai până la 31,88 ani. Speranța de viață la naștere înscrisă în populația medievală de la Lozova valoarea de 27,23 ani, iar speranța de viață la 20 de ani este egală la cele două sexe și anume, de 25,5 ani. Din nefericire nu dispunem de date comparative privind acest parametru demografic la populațiile sincrone de la Brăila și Hudum.

Analiza antropometrică

Caracteristicile antropometrice ale populației medievale deshumate din necropola de la Lozova (sec. XIV-XV) pot fi urmărite în tab. 3 pentru segmentul

cefalo-facial și în tab. 4 pentru segmentul postcranian și sunt, în medie, după cum urmează:

- lungimea (*g-op*) și lărgimea (*eu-eu*) neurocraniului – mijlocii la bărbați și mari la femei;
- înălțimea neurocraniului (*po-b*) – mijlocie la ambele sexe;
- indicele cranian (*eu-eu/g-op*) – mezocran la ambele sexe;
- indicele bazio-bregmatic longitudinal (*ba-b/g-op*) – hipsicran la bărbați, la femei – absent;
- indicele bazio-bregmatic transversal (*ba-b/eu-eu*) – metriocran la bărbați, la femei – absent;
- neurocraniul din normă verticală – ovoid, iar din normă occipitală – „casă”;
- lărgimea minimă a frunții (*ft-ft*) – foarte mare la bărbați și mare la femei;
- lărgimea maximă a frunții (*co-co*) – mare la ambele sexe;
- indicele fronto-transversal (*ft-ft/co-co*) – frunte ovală la ambele sexe;
- indicele fronto-parietal (*ft-ft/eu-eu*) – frunte eurimetopă la ambele sexe;
- lărgimea occipitalului (*ast-ast*) – mare la bărbați și mijlocie la femei;
- indicele parieto-occipital (*ast-ast/eu-eu*) – mijlociu la ambele sexe;
- gradul de curbura a occipitalului – ridicat la bărbați și moderat la femei;
- profilul facial gnatic/alveolar (*ba-pr/n-ba*) – ortognat la bărbați, la femei – absent;
- înălțimea facială totală (*n-gn*) – mijlocie la bărbați și mare la femei;
- înălțimea etajului facial superior (*n-pr*) – mijlocie la bărbați și mică la femei;
- lărgimea maximă facială (*zy-zy*) – scurtă/mică la bărbați, la femei – absent;
- indicele facial total (*n-gn/zy-zy*) – mezoprosop la bărbați, la femei – absent;
- indicele facial superior (*n-pr/zy-zy*) – mezen la bărbați, la femei – absent;
- înălțimea orbitară – joasă spre mijlocie la bărbați și mijlocie la femei;
- lărgimea orbitară (*mf-ek*) – mică la bărbați și mijlocie la femei;
- indicele orbitar (înălțimea orbitei/*mf-ek*) – mezoconc la bărbați și hipsiconc la femei;
- înălțimea nazală (*n-ns*) – mare la ambele sexe;
- lărgimea nazală (*al-al*) – mijlocie la bărbați și mică la femei;
- indicele nazal (*al-al/n-ns*) – mezin la bărbați și leptorin la femei;
- indicele palatal (*enm₂-enm₂/ol-st*) – brahistafilin la ambele sexe;
- relieful cranian – mai slab dezvoltat la femei și ușor mai accentuat la bărbați;

- regiunea zigomatică – de la pomeți masivi frontalizați până la pomeți gracili și temporalizați;
- fosa canină – de la ± adâncă până la de abia schițată;
- lărgimea mandibulei în regiunea gonică (*go-go*) – mijlocie la ambele sexe;
- lărgimea mandibulei în zona de articulație cu craniul (*kdl-kdl*) – mijlocie la bărbați și mare la femei;
- indicele de robusticitate mandibulară ($69_3/69_1$) – mare la bărbați și mic la femei;
- regiunea mentonieră mandibulară – piramidală la bărbați și butonată la femei;
- indicele secțiunii diafizei humerale – euribrahie la bărbați și platibrahie la femei;
- tibiile feminine – mezocneme, tibiile masculine – euricneme;
- femure platimere, cu pilastru și cu trohanter 3 la bărbați; femure hiperplatimere, cu pilastru slab la femei;
- statură (talie) – supramijlocie la bărbați (la limita superioară) și mare (la limita inferioară) la femei;
- robusticitatea scheletică – moderată la ambele sexe, însă mai accentuată la bărbați față de femei.

Analiza tipologică

Pentru stabilirea apartenenței tipologice a segmentului de populație deshumate din necropola medievală de la Lozova (sec. XIV-XV) am luat în considerație atât datele de ordin biometric, cât și cele morfologice sau conformativ, ghidându-ne după distribuția și frecvența pe categorii a caracterelor și după modalitatea lor de combinare. Tipul antropologic a fost stabilit individual, o astfel de diagnoză fiind posibilă doar la scheletele cu stare satisfăcătoare de conservare și la cele restaurate în bune condiții sau nedeformate, adică la 28

indivizi (17 bărbați și 11 femei) din totalul de 51, ceea ce înseamnă o pondere de 54,9% cazuri diagnosticabile tipologic.

Gradul ridicat de variabilitate sesizat în populația medievală din Lozova ne sugerează, așa cum era de așteptat, că aceasta nu era unitară din punct de vedere tipologic. Asocierea principalelor caractere biometrice și morfoscopice arată prezența unui polimorfism bioantropologic. Fondul de bază al acestui grup populațional poate fi definit ca unul *mediteranoido-nordoid*, în care elementele tipului *nordoid*¹⁰ sunt mai bine exprimate pe scheletele masculine, iar cele ale tipului *mediteranoid*¹¹ pe scheletele feminine. Ca elemente secundare apar formele *dinaroid*¹² și *alpinoide*¹³ (ambele în proporții apropiate la ambele sexe), și cele *esteuropoide*¹⁴. Astfel, pe un fond mediteranoid apar în diverse combinații toate celelalte trăsături. Cel mai slab sunt exprimate caracterele *esteuropoide* (apar doar la un individ de sex masculin) și cele *alpinoide* (apar la doi indivizi, un bărbat și o femeie). În ceea ce privește tipul antropologic *mongoloid*¹⁵, acesta nu a fost semnalat în nici un caz din cele analizate. Menționăm faptul că la un individ de sex masculin apar anumite caractere *protomediteranoide* (*mediteranoide* arhaice). În concluzie, cei 28 indivizi diagnosticabili din punct de vedere tipologic (17 bărbați și 11 femei) cuprind caractere și elemente ce aparțin marelui grup *europoid*. Sunt sesizabile influențele tipologice ce au fost aduse de-a lungul istoriei de unele populații (mai ales în perioada migrațiilor), fenomen ce a dus la apariția unor subtipuri antropologice printr-un fenomen microevolutiv de brahicefalizare explicat în literatura de specialitate de Olga Necrasov (Necrasov 1974, 512-524).

¹⁰ Tipul antropologic *nordoid* – calote craniene înalte, dolicroane și macrodimensionate, hipsicrane și acrocane, occipital mijlociu, masivitate osoasă intermediară, față înaltă/lungă cu aspect dreptunghiular, frunte teșită, nas îngust și extrem de înalt, drept și convex, orbite mezoconci, regiune zigomatică moderat dezvoltată și dispusă intermediar, mandibulă înaltă și masivă, menton piramidal, statură înaltă (Boev 1972).

¹¹ Tipul antropologic *mediteranoid* – gracilitate osoasă accentuată, calotă dolicroană (alungită și îngustă), ortocrană și metriocrană, frunte eurimetopă cu creste paralele, occipital larg și bombat, relief slab exprimat, față mijlocie spre îngustă, ovală alungită sau înaltă și îngustă, orbite mijlocii sau înalte, nas drept sau ușor convex, potrivit sau îngust și înalt, pomeți înguști dispuși intermediar sau parasagital, mandibulă gracilă și joasă, menton proeminent, statură mică, dar care variază între limitele categoriilor submijlocie și supramijlocie (Boev 1972).

¹² Tipul antropologic *dinaroid* – calotă brahicană înaltă, occipital scurt, aplatizat și turtit, schelet facial alungit și îngust, nas foarte înalt, lung și îngust și adesea convex sau drept, mandibulă înaltă și oblică, talie înaltă (Boev 1972).

¹³ Tipul antropologic *alpinoid* – calotă brahicană sau hiperbrahicană, craniu rotunjit cu înălțime mică, occipital bombat, schelet facial mezoprosop sau euriprosop scurt, de formă aproape rotundă, nas drept, scurt, mic și lat, distanță interorbitală mare (Boev 1972).

¹⁴ Tipul antropologic *esteuropoid* – calotă brahicană, uneori mezocrană, occipital plat, relief accentuat, schelet facial scurt și larg de tip mezen și mezoprosop, frunte teșită, pomeți frontalizați, fosă canină conturată, orbite foarte joase de tip cameconc, nas larg, scurt, puternic convex, mandibulă robustă și înaltă, prognatism alveolar, schelet foarte robust, statură supramijlocie sau înaltă (Boev 1972).

¹⁵ Tipul antropologic *mongoloid* – calotă brahicană, prognatism subnazal accentuat, schelet facial larg și foarte aplatizat, fose canine superficiale, pomeți masivi frontalizați, nas larg și turtit, orbite joase, distanță interorbitală mare, mandibulă robustă cu torus accentuat, talie supramijlocie spre înaltă (Stevens Coon 1954; Niskanen 2002).

În fig. 1 și 2 sunt prezentate cele mai concludente exemple de tipologie masculină și feminină din populația medievală de la Lozova. Craniul din fig. 1 aparține unui individ de sex masculin, deshumat din M.23, cu vârsta la deces de circa 20-25 ani (*adultus*), care din punct de vedere tipologic ilustrează un amestec de elemente *nordoide* și *mediteranoide*. Craniul din fig. 2 aparține unui individ de sex feminin, deshumat din M.10, cu vârsta la deces de circa 50-55 ani (*maturus*), care ne înfățișează caractere *mediteranoide* cu influențe *nordoide*.

Spre deosebire de Lozova medievală (sec. XIV-XV), unde suntem în prezența unei populații *mediteranoido-nordoide* cu influențe *dinaroide* și *alpinoid*, populația din Brăila medievală (sec. XV) indică un amestec populațional caracteristic pentru micile localități port-dunărene pe cale de urbanizare în perioada medievală medie spre târzie. La Brăila primează aportul elementelor autohtone *mediteranoide* mai mult sau mai puțin brahicefalizate, combinate cu alte elemente venite din teritorii circummediteraniene sau chiar anatoliene exprimate prin caractere *mongoloide* sau *dinaroide-anatoliene*. Important de subliniat este că la seria osteologică din Brăila sunt prezente la cel puțin cinci schelete (două masculine și trei feminine) caracterele *mongoloide*, elemente care la Lozova lipsesc cu desăvârșire. Combinația de elemente tipologice, dar în special prezența elementelor *mongoloide* într-o proporție crescută (la 5 schelete din 32) determină deosebiri semnificative între seria din Brăila și cea din Lozova. Din punctul de vedere al dimorfismului sexual, la populația din Brăila caracterele *mediteranoide* sunt exprimate mai bine la femei, situație asemănătoare cu cea a populației de la Lozova. În timp ce la bărbații din Brăila sunt mai bine exprimate caracterele *dinaroide*, la cei din Lozova, dimpotrivă, predomină caracterele *nordoide*. La fondul principal *mediteranoido-dinaroid* brăilean se adaugă influențele *mongoloide*, dar și trăsături *nordoide* și *esteuropoide*, cele din urmă într-o proporție foarte mică (Cantemir, Botezatu 1995, 198-218). Reamintim că la populația din Lozova la fondul principal *mediteranoido-nordoid* adăugăm elemente *dinaroide*, *alpinoid* și *esteuropoide*.

În ceea ce privește populația medievală de la Hudum (sec. XIII-XV), aceasta se aseamănă din punct de vedere tipologic mai mult cu cea din Brăila și mai puțin cu cea din Lozova, mai ales dacă urmărim ponderea cu care predomină caracterele fiecărui tip antropologic. În populația de la Hudum pe un fond *mediteranoid* se combină în doze diferite caracteristici ale tipurilor

dinaroid, *esteuropoid*, *nordoid* și, mai rar, *alpinoid*. Un singur aspect apropie populația din Hudum de cea din Lozova – absența caracterelor *mongoloide* (Antoniou, Obreja 1985, 89-96).

În concluzie, în seria osteologică medievală de la Lozova (sec. XIV-XV) putem susține prezența unui fond principal exprimat prin predominanța elementelor *mediteranoide*, la care adăugăm puternice influențe *nordoide* și *dinaroide* și influențe mai atenuate de factură *alpinoidă* și *esteuropoidă*. Amestecul de caractere din populația medievală analizată ne sugerează că această comunitate nu era omogenă, însă aparținea marelui tip antropologic *europoid*.

Analiza patologiilor, anomaliilor și caracterelor epigenetice

Complexul de factori precum stilul de viață, activitățile fizice, alimentația, bolile, caracteristicile culturale conduce la apariția diferențelor între populații și între membrii din sânul unei populații. Totuși, factorii ereditari delimitează cadrul în interiorul căruia, sub influența directă a factorilor de mediu, organismul evoluează și ulterior involuează. Modul de viață al unui individ își lasă necondiționat amprenta pe structurile osoase, aceste „urme” fiind studiate în amănunt de paleopatolog. Paleopatologia surprinde o parte infimă din tabloul morbidității populațiilor vechi, însă această parte este extrem de prețioasă pentru a interpreta anumite date privind mortalitatea, a surprinde momentul apariției sau eradicării unor boli și a preciza incidența acestora și, nu în ultimul rând, pentru a înțelege condițiile sociale dintr-o comunitate într-un anumit moment istoric. Osteoanomaliile¹⁶ sunt rezultate ale perturbării funcțiilor chimice sau metabolice sub influența unor factori exogeni, dar pot fi condiționate și de factorii genetici sau teratogeni¹⁷. Anomaliile osoase pot apărea prenatal sau postnatal și variază de la perturbări mai puțin grave până la anomalii majore, acestea din urmă fiind de cele mai multe ori letale. Osteoanomaliile mai puțin grave lasă „doar urme” pe schelet, cauzează deseori doar probleme de sănătate și, astfel, se pretează excelent unui studiu paleopatologic amănunțit (Gregg, Gregg 1987). Important de reținut este faptul că „...o anomalie scheletică este considerată a fi patologică doar dacă aceasta este selectiv dezavantajoasă pentru individ...” (White, Folkens 2005). Caracterele epigenetice (denumite și trăsături non-metrice, morfologice discontinui sau discrete) sunt expresii ale variațiilor observate pe structurile osoase. Importanța caracterelor non-metrice se bazează pe ipoteza că acestea sunt într-o oarecare

¹⁶ Osteoanomaliile – abateri de la structura osoasă normală.

¹⁷ Factorii teratogeni – stimuli ai mediului extern care acționează într-un moment critic din perioada creșterii intrauterine, atunci când structurile aflate în dezvoltare sunt vulnerabile.

măsură ereditare și pot fi utilizate în cercetările privind legăturile cu strămoșii, baza genetică fiind însă destul de ambiguă (Carson 2006, 383-402). Trăsăturile epigenetice s-au dovedit a fi utile în măsurarea afinității biologice a populațiilor umane dispărute. Atât caracterele non-metrice craniene (unde sunt incluse și cele dentare), cât și cele postcraniene încă mai promit multe surprize privind baza lor genetică.

Prezența patologiilor, anomaliilor și caracterelor discontinui la seria scheletică de la Lozova (sec. XIV-XV) este redată în tab. 5. Precizăm că valorile prezenței au fost calculate pentru cele două sexe (22 bărbați și 13 femei), pentru cei 16 copii (0-14 ani), dar și pentru întregul lot de subiecți (51 indivizi). În ceea ce privește scheletul cranian, raportându-ne la întreaga serie scheletică, patologiile cu cea mai ridicată prezență sunt pierderile dentare *in vivo* – 33,33% (fig. 3a), urmate de cariile dentare – 23,53% (fig. 3b). *Cribra orbitalia*¹⁸ a fost semnalată în 11,76% din cazuri (fig. 3c), fiind prezentă doar la femei și copii. Referitor la alte patologii, acestea înscriu valori sub 10%. Astfel, tartrul dentar¹⁹ este prezent în 9,80% din cazuri (fig. 3d), iar granulomul dentar apical²⁰ (fig. 3e) și hipoplazia dentară²¹ (fig. 3f) înscriu ponderi de câte 5,88%. O altă serie de patologii apare sporadic, înregistrând o prezență de doar 1/51 (1,96%); în această categorie intră: *cribra cranii externa*²², *cribra cranii interna*²³ și un caz de trepanație²⁴ parțial vindecată/refăcută (fig. 3g) la care ne vom referi și o vom descrie pe scurt în cele ce urmează.

Craniul trepanat aparține unui individ de sex masculin (M. 30), cu vârsta la deces de circa 50 ani, cu schelet foarte robust și masiv, statură supramij-

locie (169 cm), relief osos extrem de accentuat, tip antropologic ce indică un fond *nordoid* în amestec cu elemente *dinaroide*. Trepanația este localizată pe parietalul stâng, la 6 mm de sutura sagitală. Forma deschiderii este rectangulară cu colțuri rotunjite. Cele patru margini ale inciziei sunt aproape egale, lateralele fiind paralele cu sutura sagitală, iar cele antero-posterioare – cu sutura coronară. Marginile trepanației sunt rotunjite și îngroșate, netede și uniforme. Stratul osos refăcut se află mult sub nivelul celui endocranian, adică la circa 6-7 mm sub buza ectocraniană a trepanației. Pe tăblia osoasă internă sunt prezente urme de țesut osos nou-format, în special în porțiunea refăcută a inciziei. Nu se observă urme de instrumente în vecinătatea orificiului, pe marginile trepanației însă, la o examinare atentă, se întrevăd câteva scrijelituri care ar putea proveni de la un instrument ascuțit, cu ajutorul căruia s-a realizat deschiderea. Dimensiunile trepanației: latero-lateral pe marginea externă – 20 mm, pe cea internă – 10 mm; antero-posterior pe marginea externă – 21 mm, pe cea internă – 14,5 mm. Marginile trepanației sunt ușor înclinate (în bizou). Menționăm că în interiorul craniului, în momentul curățării scheletului, s-a descoperit un fragment osos de formă rectangulară ce pare să provină din zona trepanată refăcută (vezi detaliu în fig. 3g). Fragmentul are margini zimțate rugoase și neregulate, dimensiunile acestuia fiind ceva mai mari față de deschiderea trepanației rămasă nevindată; piesa prezintă pe tăblia sa osoasă internă aceeași structură ca și zona trepanată refăcută de pe endocraniu (țesut osos nou-format).

¹⁸ *Cribra orbitalia* – localizată pe peretele superior al orbitei; indicator al calității vieții, indicator non-specific al carențelor dietetice (anemie, scorbut, rahitism) (Bergman 1993, 63-75; Angel 1966, 760-763).

¹⁹ Tartrul dentar – complex organo-mineral aderent la suprafața dentară rezultat din mineralizarea plăcii bacteriene într-un mediu alcalin (Slootweg 2007).

²⁰ Granulomul dentar apical – o reacție defensivă a dintelui la infecția bacteriană din zona radiculară apicală, unde în final se formează chistul periapical (Slootweg 2007).

²¹ Hipoplazia dentară – șanțuri orizontale concave la nivelul smalțului dentar; indică episoadele de stres acut din timpul copilăriei timpurii, adică momentele în care a avut loc o încetinire a creșterii. Cauze posibile: carențe, avitaminoze (rahitismul), viroze epiteliotropice, hipocalcemie, excesul de fluor, infecții locale, traumatisme (Slootweg 2007).

²² *Cribra cranii externa* – creștere anormală a țesutului osos pe exocraniu; poate indica scorbutul infantil, rahitismul, anemia feriprivă, osteita, osteomielita, periostita, procese inflamatorii ale oaselor craniene; este utilizată în evaluarea stării de sănătate și a statusului nutrițional al populațiilor vechi (Ortner 2003; Walker et al. 2009, 109-125).

²³ *Cribra cranii interna* – creștere anormală a țesutului osos pe endocraniu; localizată, în general, pe occipital, în zona eminentei cruciate, dar apare și pe oasele parietale sau frontal. Cauze: meningita cronică, traumatisme, anemie, deficiența vitaminelor A, C și D, tumori, scorbut, rahitism, treponematoze, tuberculoză (Lewis 2004, 82-97).

²⁴ Trepanația este cea mai veche formă de operație proto-chirurgicală atestată arheologic; procedura constă în crearea unei deschideri în peretele osos cranian și îndepărtarea părții osoase incizate (Sullivan 1998, 109-120). Din punct de vedere paleopatologic, trepanația este o leziune traumatică osoasă cauzată de un instrument ascuțit (Ortner 2003). Scopul procedurii: ori magico-ritual (pentru a elibera demonii și spiritele nefaste, pentru a obține obiecte de uz magic, cum ar fi amuletele), ori curativ-terapeutic (pentru a elimina presiunea intracraniană sau hematoamele în cazul fracturilor sau altor traumatisme craniene, pentru a trata boli psihice, dureri de cap, epilepsie, nebunie, paralizie, alte afecțiuni neurologice) (Sullivan 1998, 109-120; Verano 2003, 223-236).

Este posibil ca trepanația în acest caz să fi fost efectuată drept urmare a unui traumatism cranian, pentru că pe parietalul drept, la circa 15 mm de sutura sagitală, este vizibilă o depresiune/înfundătură de doar 2-3 mm față de planul osos; aceasta nu are însă corespondent pe endocraniu. Probabil că trepanația s-a efectuat pentru a elibera presiunea acumulată în interiorul craniului post-traumatism, „operația” fiind executată aproape cu siguranță de către un inițiat, în sprijinul acestei afirmații venind aspectul îngrijit al deschiderii.

De altfel, individul trepanat nu era deloc în deplină sănătate fizică în momentul decesului. La nivel cranian am identificat la acesta următoarele odontopatii: două pierderi dentare *in vivo*, patru carii dentare de gradul 4 sau 5, un granulom dentar apical, uzură dentară avansată (gradele 3, 4 sau 5). Dintre trăsăturile epigenetice craniene sunt prezente: linia nucală superioară suplimentară, foramenul parietal bilateral, foramenul mastoid exsutural bilateral, torusul palatinal, torusul mandibular, creștătura frontală supraorbitară bilaterală, foramenul zigomatic facial dublu pe dreapta. La nivel postcranian am identificat prezența osteoartritei, aceasta fiind prezentă pe aproape toate piesele scheletice: falange, vertebre cervicale, toracale și lombare (porozitate/coroziune, osteofite, noduli Schmorl), coaste, clavicule, coxale, sacrum, etc. Pe unele oase ale membrilor inferioare (femure, tibii, fibule și patele) și superioare (humerusuri, radiusuri, ulne) sunt prezente numeroase osteofite rezultate de la inserțiile musculare (cartilaje osificate). Oasele scheletului postcranian prezintă urme ce ne pot sugera modul de viață al individului: osteofite și hernie vertebrală intraspongioasă (căra poveri pe spate), relief deltoidian humeral extrem de dezvoltat (utiliza membrele superioare în activități care-i suprasolicita mușchiul deltoid), platibrahie humerală (ridica greutăți), femure prevăzute cu fosă și creastă subtrohanteriană și cu trohanter suplimentar (mergea pe distanțe lungi cu poveri pe spate), femure platimere și cu pilastru mare (musculatura coapsei extrem de dezvoltată pentru a susține poveri cărate în spate), tibii euricneme și cu fațete suplimentare de arti-

culație (prefera poziția chirchită în timpul activităților de lucru, poate și în momentele de odihnă), fibule accentuat canelate (inserții provenite de la mușchii extrem de dezvoltati ai gambei). Important de subliniat este faptul că aparținătorul craniului trepanat a depășit cu succes momentul „operator”. Analiza marginilor deschiderii craniene (care înfățișează remodelare osoasă extinsă), aspectul țesutului osos de pe exo- și endocraniu, dar și structura stratului *diploe*, toate indică urme clare ale procesului de refacere osoasă post-operatorie, ceea ce înseamnă că individul nu numai că a supraviețuit „operației pe creier”, ci a mai trăit cel puțin încă un an după această procedură (perioada de care are nevoie țesutul osos pentru a se reface este de circa un an). Remodelarea osoasă nu este completă, ci parțială. Nu există zone cu porozitate osoasă în jurul trepanației, ceea ce ne spune că „plaga operatorie” nu s-a infectat, iar „pacientul” s-a recuperat și a supraviețuit o lungă perioadă de timp după „operație”²⁵.

Revenind la analiza paleopatologică populațională a seriei scheletice de la Lozova, dintre anomalii dentare de erupție semnalăm două cazuri (3,92%) de microdonție²⁶ (fig. 3h) și câte un caz (1,96%) de: molar 2 inferior monoradicular, molar 3 inferior triradicular, ectopie dentară²⁷ și molar 2 superior cu perlă de email²⁸. Dintre caracterele epigenetice (tab. 5), cea mai ridicată valoare o înregistrează torusul la nivelul mandibulei (39,21%), urmat de foramenul parietal, foramenul mastoid exsutural și creștătura supraorbitară (fig. 3i) – trăsături care înregistrează ponderi între 23-25%. Prezența ceva mai scăzută semnalăm pentru foramenul zigomatico-facial dublu (17,65%) (fig. 3j), osiculiile lambdoidali (11,76%), foramenul supraorbitar complet (9,80%), metopism²⁹ (3,92%) (fig. 3k) și pentru osiculiile din punctul *asterion* (3,92%) (fig. 3l). Restul trăsăturilor non-metrice înregistrează prezențe de doar 1/51 (1,96%), după cum urmează: osiculul în punctul *lambda*, foramenul infraorbitar accesoriu, sutura infraorbitară, torusul auricular, condiliile occipitali cu fațete duble, linia nucală superioară suplimentară, canalul posterior condilar și canalul condilar anterior dublu.

²⁵ Analiza detaliată a acestui caz extrem de interesant ne-o rezervăm într-un articol ce va face parte din următorul număr al Revistei Arheologice. Vom prezenta fotografii, radiografii și observații de ordin medical, dar și contextul arheologic.

²⁶ Microdonția – apariția unui sau mai multor dinți de dimensiuni reduse față de cele normale (Lyngstadaas et al. 1996, 137-142).

²⁷ Ectopia dentară – erupția unui dinte în afara sau în interiorul liniei normale a arcadei dentare, vestibular sau palatinal; cel mai des se produce din cauza persistenței dintelui temporar în alveolă (Ionescu 2005).

²⁸ Perlă de email – depozit/picătură de smalț localizat(ă) în poziție anormală pe suprafața dentară, cel mai frecvent în zona bifurcației radiculare (Slootweg 2007).

²⁹ Metopism – persistența suturii metopice după vârsta copilăriei timpurii (între 1-8 ani). Cauze posibile: creșterea anormală a oaselor craniene, hidrocefalia, plagiocefalia, stenocrotafia, scafocefalia, disfuncțiile sexuale sau hormonale, factorii ereditari. Unii autori consideră metopismul ca fiind un atavism – reapariția, după mai multe generații de absență, din cauza recombinării genetice, a unor caractere ancestrale latente, dobândite de la strămoșii îndepărtați (Castilho 2006, 61-66).

Pentru scheletul postcranian cea mai ridicată prezență la nivel populațional o înregistrează osteoartrita²⁹ (43,14%), identificată în special la nivelul coloanei vertebrale prin noduli Schmorl³⁰ (fig. 4a), osteofite³¹ (fig. 4b) și coroziune³² (fig. 4c), dar prezentă și la nivelul centurilor scapulară/pelvică și a membrilor superioare/inferioare prin impresii musculare accentuate³³, coroziune, osteofite, dar și prin alte abateri de la structura normală a zonelor de articulație (fig. 4d). Osteoartrita a fost semnalată la aproape jumătate din lotul analizat de subiecți, adică la 22 indivizi din totalul de 51. Subiecții „marcați” de osteoartrită sunt de vârste diferite (de la adulți până la maturi avansați), dintre care 12 bărbați și 10 femei. Valori ceva mai reduse în segmentul postcranian au fost înregistrate pentru o serie de trăsături epigenetice care intră în categoria indicatorilor ocupaționali. Astfel, creasta femurală subtrohanteriană

înregistrează o prezență de 23,53%, pilastrul femural și fosa femurală subtrohanteriană – câte 17,65%, trohanterul femural suplimentar, foramenul humeral supratrochlear³⁴ (fig. 4e) și lumbarizarea sacrală³⁵ (fig. 4f) – câte 13,72%, iar fațetele suplimentare pe articulația tibio-talară³⁶ (fig. 4g) – 11,76%. Cele mai scăzute ponderi au fost semnalate în cazul platicnemiei tibiale și a sulcusului coxal preauricular³⁷ (fig. 4h) – câte 5,88%, în cazul spondilozei vertebrale³⁸ L₅ (fig. 4i) – 3,92% și în cazul arcuirii tibiei, foramenului sternal³⁹ (fig. 4j), vertebrei-fluture⁴⁰, sacralizării vertebrei L₅⁴¹ (fig. 4k) și a joncțiunii sacro-coccigiene⁴² (fig. 4l), cel din urmă grup de trăsături fiind semnalat doar la câte un individ din totalul de 51, ceea ce înseamnă o prezență de câte 1,96% pentru fiecare anomalie.

Menționăm că, spre deosebire de segmentul adult, la copii (0-14 ani) nu au fost înregistrate pierderi den-

³⁰ Osteoartrita/osteoartroză – boală degenerativă a articulațiilor caracterizată prin pierderea cartilajului care protejează suprafețele articulare (Duthie, Bentley 1983).

³¹ Nodulul Schmorl/hernia intraspongioasă intervertebrală verticală – rezultatul bombării masei spongioase a corpului vertebral (a nucleului pulpos), deci a îngustării spațiului intervertebral, fenomen ce permite contactul între două vertebre adiacente (Schmorl, Junghans 1971).

³² Osteofitele (numite popular „ciocuri de papagal”) – se formează ca răspuns la presiunea sau frecționarea osoasă, ori drept urmare a diverselor forme de stres exercitate pe suprafața osoasă și menținute pentru o perioadă lungă de timp; se dezvoltă atât pe marginile corpurilor vertebrale, cât și la nivelul articulațiilor membrilor superioare și inferioare, a centurilor scapulară și pelviană și uneori chiar în porțiunea craniană (Duthie, Bentley 1983).

³³ Coroziunea osteoartritică – o modificare eroziv-distructivă manifestată prin mici orificii care uneori pot comunica cu formațiuni chistice subcondrale (Duthie, Bentley 1983).

³⁴ Inserțiile musculare accentuate – de cele mai multe ori sunt rezultate ale osteoartritei, în special în cazul indivizilor trecuți de 50 ani; se dezvoltă din cauza calcifierii ligamentelor cu vârsta; la tineri apar din cauza suprasolicitării musculare (Duthie, Bentley 1983).

³⁵ Foramenul supratrochlear humeral – caracteristică non-metrică hipostotică care, după unii autori (Mahajan 2011, 128-132) intră în categoria atavismelor, iar după alții (Singhal, Rao 2007, 105-107) ar fi un efect al atrofiei osoase ce se produce după osificare din cauza presiunii mecanice exercitate de olecranul ulnar asupra porțiunii supratrochleare humerale, situație ce se întâmplă atunci când brațul este întins în repetate rânduri (procedeul flexie-extensie), ceea ce ar duce la atrofia procesului olecran ulnar; neîndemânarea este o altă cauză posibilă.

³⁶ Lumbarizarea sacrală – separarea primei vertebre sacrale de restul corpului sacral; poate fi completă sau incompletă, unilaterală sau bilaterală, simetrică sau asimetrică (Katzenberg, Saunders 2008).

³⁷ Fațetele suplimentare pe articulația tibio-talară apar, după unii autori (Tulsi, Prasada Rao 1968, 232-235), din cauza stresului mecanic, adică a obișnuinței de a sta în poziție chirchită, iar după alții (Satinoff 1972, 209-212) acestea ar face parte din șirul de trăsături epigenetice postcraniane.

³⁸ Sulcusul coxal preauricular – un șanț/canelură localizat(ă) la nivelul inferior al suprafeței auriculare iliace drept urmare a inserției ligamentului muscular; în mod obișnuit (dar nu exclusiv) a fost semnalat la femei, la care acest ligament se întinde excesiv și uneori chiar se rupe în timpul nașterii, în câteva săptămâni se reface, rezultând astfel sulcusul preauricular tipic femeilor care au născut (Houghton 1975, 655-661).

³⁹ Spondiloza vertebrală – afecțiune reumatică a vertebrelor ce constă în separarea corpului vertebral împreună cu apofizele transverse și apofizele articulare superioare de lamele vertebrale, împreună cu apofizele articulare inferioare și apofiza spinosă (Katzenberg, Saunders 2008).

⁴⁰ Foramen sternal – defect congenital ce constă în neosificarea centrului embriologic; apare ca un orificiu central în corpul sternului; poate fi confundat cu un traumatism sternal vindecat (Katzenberg, Saunders 2008).

⁴¹ Vertebra-fluture – anomalie rară caracterizată printr-o îngustare sagitală centrală a corpului vertebral fără a afecta arcul neural; afectează de obicei o singură vertebra din segmentul toracal sau lombar; mai frecventă la bărbați; poate conduce la scolioză sau cifoză (Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998).

⁴² Sacralizarea L₅ – asimilarea de către osul sacrum a ultimei vertebre lombare (L₅); sacrumul capătă un segment și un foramen în plus (Katzenberg, Saunders 2008).

⁴³ Joncțiunea sacro-coccigiană – asimilarea primei vertebre coccigiene (Cc₁) în extremitatea caudală a sacrumului, astfel vertebra coccigiană devine o vertebra de tranziție între sacrum și coccis (Katzenberg, Saunders 2008).

tare *in vivo*, carii, granuloame dentare apicale, tartru dentar, osteoartrită, etc. Din totalul patologiilor craniene semnalate la seria scheletică de la Lozova, copiii sunt „marcați” doar prin hipoplazia dentară și cribra orbitalia, iar din totalul trăsăturilor epigenetice – prin creștătura supraorbitală, foramenul parietal, osiculii lambdoidali și osiculii din punctul *lambda* (tab. 5). Dintre anomaliiile osoase postcraniene înregistrate la seria scheletică studiată, la copii apare doar foramenul humeral supratrohlear (2 cazuri din totalul de 16 – 12,50%), acesta însă nu reprezintă o anomalie în cazul tuturor copiilor, fiind prezent la toate humerusurile umane până la vârsta de circa șapte ani (Nayak et al. 2009, 90-94).

Referitor la relația dintre obiceiurile alimentare și carii, reamintim că anumite carențe alimentare, un aport inadecvat al vitaminelor A, C și D, carența unor aminoacizi esențiali pot determina o vulnerabilitate crescută a dinților la agenții cariogeni. Lipsa fluorului din apa consumată poate duce la scăderea rezistenței dentare și la dezvoltarea cariilor. Reamintim că în seria medievală de la Lozova cariile dentare înregistrează ponderi destul de ridicate, atât la bărbați (27,27%), cât mai ales la femei (46,15%), iar pierderile dentare suferite drept urmare a dezvoltării cariilor înregistrează o prezență de 50,00% la bărbați și 46,15% la femei. O valoare semnificativă punctează și tartrul dentar supragingival (13,64% la bărbați și 15,38% la femei), acesta fiind depus atât la nivelul suprafețelor masticatoare, cât și în regiunea jugală. Cifrele de mai sus ne sugerează discret o parte dintre condițiile de trai ale comunității medievale din Lozova.

În ceea ce privește prezența osteopatiilor care ar putea indica posibile anemii cronice și carențe, seria scheletică medievală din Lozova deține un caz de *cribra cranii externa* (sex masculin) și șase cazuri de *cribra orbitalia* (trei femei și trei copii), ambele anomalii fiind porozități craniene care se dezvoltă pe tablăa osoasă externă. Prezența porozității exocraniene, indiferent de localizarea acesteia, este frecvent utilizată ca instrument în evaluarea stării de sănătate și a statutului nutrițional în populațiile vechi, fiind un posibil indicator al condițiilor de mediu și al anemiei cronice. Prevalența și severitatea acestei leziuni sugerează cât de favorabile sau nefavorabile au fost condițiile de mediu la un moment dat într-o anumită populație. În seria din Lozova porozitatea craniană este prezentă la 7/51 indivizi, însă severitatea acesteia nu este foarte ridicată, gradele de dezvoltare fiind de 1/5 sau 2/5.

Osteopatiile cele mai frecvente la populația medievală din Lozova, așa cum ne-am așteptat, sunt la nivelul coloanei vertebrale. Reamintim că atât prezența osteofitelor, cât și a nodulilor Schmorl sau a corozionii la nivelul coloanei vertebrale sau la nivelul altor arti-

culații indică afecțiuni artritice și reumatice de diferite grade de dezvoltare. În Lozova medievală osteoartrita era mult mai frecventă la sexul feminin comparativ cu cel masculin (76,92% față de 54,54%). La femei sunt afectate de osteoartrită în special centura scapulară, centura pelviană și membrele superioare, iar la bărbați – coloana vertebrală și oasele membrelor. Vârsta și predispoziția genetică sunt factori-cheie în debutul osteoartritei. La populațiile vechi, fără îndoială și în cazul celei din Lozova medievală, un rol la fel de important în dezvoltarea osteoartritei revine anumitor activități fizice și ocupații specifice, cum ar fi suprasarcinile cărate în spate. Aceste activități lasă „urme” vizibile și profunde, atât pe oasele lungi ale membrelor, cât mai ales pe vertebre.

În ultimele decenii studiile paleopatologice au fost îmbogățite cu observații privind morfologia zonelor de inserție musculară și a ligamentelor pe oase, observații care pot sugera activitățile cotidiene ale populațiilor din trecut. Aceste impresii lăsate de mușchi pe oase și ligamente pot fi identificate ca niște iregularități, rugozități de suprafață, remodelări osoase, reliefuri și șanțuri care se abat de la structura morfologică normală a osului și au grade diferite de dezvoltare în funcție de intensitatea activității fizice prestate. „Urmele” pe oase sunt, până la urmă, leziuni osteolitice la nivelul locașurilor de inserție musculară. Semnalăm astfel de fenomene, evident, și în seria scheletică la care ne referim în acest studiu. Impresiile lăsate pe componentele osoase ale centurii scapulare indică o varietate de activități, cu ar fi ridicarea de poveri, mănuierea uneltelor agricole, de minerit ori meșteșugit (plug, sapă, coasă, fereștrău, topor, ciocan, greblă, cazma, furcă, seceră, grapă, îmblăciu) sau a armelor de luptă (arbaletă, scut, arc cu săgeți, sulită, sabie, buzdugan). Impresiile musculare lăsate pe oasele membrelor superioare indică mișcări repetitive de extindere și întindere a brațelor, adică mișcări de flexie-extensie (tors, țesut, secerat, măcinat, spălat). „Urmele” musculare lăsate pe oasele membrelor inferioare și remodelările osoase (cele din urmă în special în zona gleznei) indică menținerea forțată a corpului în poziție verticală (uneori cu încărcături grele în spate) însoțită de mersul pe jos pe distanțe lungi. Dimorfismul sexual în cazul acestor „urme” osteolitice este destul de accentuat, femeile fiind mai slab „marcate” comparativ cu bărbații.

În ceea ce privește trăsăturile epigenetice, în populația medievală din Lozova au fost identificate 17 trăsături epigenetice la nivel cranian (16 la bărbați, 7 la femei și 4 la copii) și 13 trăsături la nivel postcranian (11 la bărbați, 11 la femei și 1 la copii). Trebuie aduse unele precizări referitoare la foramenul humeral supratrohlear și fațetele suplimentare tibio-talare de articulație, ambele trăsături încadrate în studiul de față

în categoria caracterelor epigenetice, acestea însă pot fi și rezultate ale remodelării osoase apărute în urma unor activități ce reflectă stilul de viață. Foramenul supratrohlear apare în urma presiunii mecanice exercitate asupra olecranului atunci când brațul este întins în repetate rânduri (mișcarea repetitivă de flexie-extensie). Și neîndemânarea poate cauza presiune mecanică și, astfel, poate fi considerată drept factor în dezvoltarea foramenului humeral supratrohlear. Fațetele suplimentare pe articulația tibio-talară pot să apară din cauza stresului mecanic exercitat asupra suprafeței de articulație; acestea rezultă din obișnuința de a sta în poziție chircită (poziția „pe vine” sau „ciuci”), iar de aici se pot trage concluzii cu privire la mișcările și pozițiile membrelor inferioare preferate în timpul activităților cotidiene de muncă sau odihnă.

O altă mențiune importantă este prezența scăzută a traumatismelor și absența fracturilor osoase. Într-un singur caz am identificat porozitatea intracraniană, aceasta fiind prezentă în imediata apropiere a eminenței cruciate occipitale, pe tăblia craniană internă (la ceafă). Leziunea are aspect poros-granulat și seamănă mai mult cu niște „excavații”, nu prezintă urme de țesut osos nou-format și nici formațiuni capilare sau refacere osoasă, ceea ce ne sugerează că procesul de vindecare nu era început. Este posibil ca în acest caz *cribra cranii interna* să se fi dezvoltat în urma unui traumatism cranian și să fi reprezentat cauza decesului, însă fără analize microscopice amănunțite această afirmație rămâne sub rezervă. Cazului anterior i se alătură și cel al craniului trepanat pe parietalul stâng. Trepanația este parțial vindecată, „operația” fiind făcută, probabil, cu scop terapeutic, pentru a elibera presiunea intracraniană produsă în urma unui posibil traumatism. Reamintim că pe parietalul drept există o depresiune de câțiva milimetri față de planul osos, înfundătură ce ar putea reprezenta urma unui posibil traumatism. Subliniem faptul că nici acest posibil traumatism de pe osul parietal drept, nici trepanația în sine nu au dus la deces; bărbatul a supraviețuit „operației pe creier” cel puțin încă un an după trepanare.

O concluzie generală care se desprinde din studiul paleopatologic este că prezența osteopatiilor la populația medievală din Lozova este moderată spre ridicată și în conformitate cu rezultatele obținute de alți cercetători pe serii scheletice medievale formate din indivizi-membri ai unor societăți sedentare (Cohen, Armelagos 1984; Rosado 1998, 2-8). Prin datele paleopatologice obținute de pe cele 51 schelete umane studiate deducem că cimitirul din Lozova era folosit de oamenii de rând din comunitatea locală, în sprijinul acestei afirmații venind și inventarul arheologic săracios descoperit în necropolă. Condițiile de viață în comunitatea medievală studiată trebuie să fi fost destul

de grele, acestea fiind oglindite în „încărcarea” patologică moderată spre ridicată, dar și în prezența unor osteoanomalii ce pot fi legate de carențele nutriționale și de activitățile cotidiene.

Concluzii

Studiul antropologic al celor 51 indivizi deshumați din necropola de la Lozova (r-nul Strășeni, Republica Moldova), datată în perioada medievală târzie (sec. XIV-XV), aduce informații prețioase pentru regiunea din care face parte, dar și pentru momentul istoric respectiv. Rezultatele obținute s-au dovedit a fi extrem de interesante și ne-au permis să formulăm concluzii importante cu privire la unele aspecte antropometrice, tipologice și paleopatologice, dar și să reprezentăm demografic *post mortem* populația din Lozova medievală. În primul rând, subliniem faptul că datele obținute pentru seria scheletică studiată se integrează în contextul demografic caracteristic perioadei medievale târzii din Podișul Central Moldovenesc. Valoarea indicelui de masculinitate (22/13) indică o pondere mai ridicată a bărbaților față de femei. Populația din Lozova se caracterizează printr-o mortalitate ridicată a copiilor (0-14 ani) și adolescenților (14-20 ani) – 39,2% – ceea ce înseamnă că mai mult de o treime din populație nu a atins vârsta de 20 ani. Proporția deceselor în rândul adulților (20-30 ani) se ridică la 17,6%, iar cea a maturilor (30-60 ani) ajunge la 43,1%. Nu s-a înregistrat niciun supraviețuitor după vârsta de 60 ani. Speranța de viață la naștere pe totalul populației analizate (0-x ani) este de 27,23 ani. Pentru subiecții care au depășit vârsta de 20 de ani speranța de viață este de 25,5 ani pentru ambele sexe. Vârsta medie la deces, calculată pentru segmentul de populație adultă (indivizii trecuți de 20 ani), este de 36,5 ani pentru bărbați și de 42,0 ani pentru femei, valori care indică un ușor dimorfism sexual în favoarea femeilor (cu 6 ani).

Comparația în ceea ce privește indicatorii demografici între populația din Lozova și celelalte două populații medievale sincrone (Brăila, sec. XV și Hudum, sec. XIII-XV) scoate în evidență diferențe importante. Indicele de masculinitate la Brăila indică un echilibru aproape perfect între sexe (14/15), în timp ce la Hudum bărbații sunt semnificativ mai numeroși comparativ cu femeile (27/13), cea din urmă situație fiind asemănătoare cu cea din Lozova. Mortalitatea infantilă este de două ori mai mare la populația din Lozova față de cea din Brăila, însă nu atinge valori atât de ridicate precum cele înregistrate la Hudum, situația fiind asemănătoare și pentru adolescenți. Valorile mortalității pentru segmentul adult de populație (20-30 ani) sunt apropiate între lotul din Lozova și cel din Brăila. Intervalul matur de vârstă (30-60 ani) scoate în evidență faptul că la Hudum foarte puțini membri ai comunității ajungeau

în această etapă de vârstă, în timp ce la Lozova aproape jumătate din populație se stingea în intervalul 30-60 ani. Pe de altă parte, la Lozova nici un membru al comunității nu a ajuns la vârsta senectuții, în seriile de comparație valorile procentuale pentru categoria *senilis* fiind de circa 3%. Vârsta medie la deces calculată pentru întreaga populație medievală din Lozova este mai mică decât cea din Brăila (27,23 ani față de 36,8 ani), însă mai mare comparativ cu cea din Hudum, unde acest parametru demografic înscrie o valoare de doar 16,99 ani (reamintim că mortalitatea infantilă la Hudum este foarte ridicată). În ceea ce privește segmentul adult de populație (20-x ani), dacă la Lozova bărbații trăiau în medie până la 36,5 ani, iar femeile până la 42,0 ani, la Brăila ambele sexe atingeau vârsta de circa 40 ani, în timp ce la Hudum membrii comunității nu depășeau 32 ani.

Datele privind tipologia seriei osteologice din Lozova nu au oferit surprize, acestea încadrându-se în tendințele generale de amestec populațional din perioada medievală. Suntem în prezența unui amestec de populații, însă susținem prezența unui fond principal exprimat prin predominanța elementelor *mediteranoide*, la care adăugăm influențe *nordoide*, *dinaroide*, *alpinoid* și *esteuropoide*, ceea ce sugerează un metisaj de caractere. Se pare că deschiderea relativă a comunității, acțiunea mediului geografic, alimentația și alți factori mezologici, fără a-i neglija pe cei ereditari, au amplificat treptat diversitatea tipologică din regiune. Mixtura de caractere ne arată că populația lozoveană medievală nu era omogenă, însă aparținea marelui tip antropologic *europoid*. Spre deosebire de Lozova, la Brăila (sec. XV) primează aportul elementelor autohtone *mediteranoide* combinate cu elemente *dinaroide-anatoliene* și *mongoloide*, prezența celor din urmă subliniind deosebiri tipologice semnificative față de seria din Lozova. Din punct de vedere tipologic populația din Hudum se aseamănă mai mult cu cea din Brăila decât cu cea din Lozova. La Hudum, pe un fond *mediteranoid*, se combină în dozaje diferite caracteristici ale tipurilor *dinaroid*, *esteuropoid*, *nordoid* și, mai rar, *alpinoid*. Un singur aspect apropie populația de la Hudum de cea din Lozova – absența caracterelor *mongoloide*.

Observațiile paleopatologice, privite în corelație cu principalii indicatori paleodemografici, ne pot oferi informații prețioase despre mediul de viață și condițiile socio-economice în care această comunitate își desfășura activitățile cotidiene. Anomaliile osoase și elementele patologice semnalate pe cele 51 schelete sunt numeroase, ceea ce ne îndreptățește să afirmăm că acest mic segment al Lozovei medievale apare foarte „încărcat” din acest punct de vedere, iar perioadele de vârstă la care respectivele anomalii sau patologii au fost semnalate explică întrucâtva mortalitatea la dife-

rite grupe de vârstă. Multiplele afecțiuni osteoartrite semnalate atât la indivizii adulți (20-30 ani), cât mai ales la cei maturi (30-60 ani) ne confirmă că această comunitate viețuia într-o zonă geografică suficient de rece și umedă, iar condițiile climatice au favorizat dezvoltarea afecțiunilor reumatismale. Pe de altă parte, prezența ridicată a osteoartritei într-o populație, în special dacă aceasta este semnalată și la persoanele tinere, ne poate „povesti” despre grelele condiții de viață cu care se confruntau zi de zi membrii comunității. Purtătorii tineri ai osteoartritei își suprasolicitau și tensionau articulațiile de susținere prin anumite tipuri de activități, cum ar fi ridicarea și căratul frecvent și repetitiv de poveri. Ponderele cazurilor de osteoartrită în populația din Lozova medievală este de 43,14%, ceea ce înseamnă că din totalul de 51, 22 indivizi (12 bărbați și 10 femei) sufereau de această afecțiune. Analiza inserțiilor musculare osoase și a remodelărilor osoase ne arată că aparținătorii acestor schelete prestau activități fizice grele și intense, cum ar fi mișcările repetitive de flexie-extensie a brațelor compatibile cu utilizarea uneltelor agricole. Alte activități deductibile din remodelările osoase sunt efortul depus din poziția chirchită sau genuflexiunile repetitive. Mersul pe teren accidentat, pe distanțe lungi, cu supragreutăți pe spate poate favoriza atât remodelarea osoasă, cât și osificarea anumitor ligamente (osteofite) sau apariția excavațiilor pe suprafața osoasă.

Datele privind prevalența odontopatiilor ne pot oferi informații prețioase privind obiceiurile alimentare. Acțiunea alimentelor cariogene, avitaminozele, lipsa unor oligoelemente sau carențele anumitor aminoacizi esențiali necesari în dezvoltarea dentară pot determina o vulnerabilitate crescută a dinților manifestată prin scăderea rezistenței dentare. În seria medievală de la Lozova patologiiile dentare înregistrează un procent ridicat, manifestându-se prin carii și pierderi dentare, granuloame, tartar supragingival și hipoplazie, cea din urmă dezvoltându-se în timpul copilăriei când condițiile grele de trai (inclusiv cele ce țin de alimentație) întrerup temporar procesele de creștere și dezvoltare.

În ceea ce privește grupul traumatismelor, acestea înregistrează o prezență slabă, ceea ce constituie un argument plauzibil în favoarea concluziei că această populație nu se implica în ciocniri violente, avea un caracter sedentar, cu un mod de viață obișnuit. Lipsesc fracturile. La un singur individ de sex masculin am semnalat un posibil traumatism intracranian (*cribra cranii interna*) care ar fi putut reprezenta cauza decesului acestui subiect. Un alt subiect, de asemenea de sex masculin, prezintă un posibil traumatism cranian (depresiune de câțiva milimetri pe parietalul drept) care, probabil, a dus la formarea hematoamelor și la creșterea presiunii intracraniene, ceea ce i-a provocat puter-

nice dureri de cap; drept urmare s-a recurs la trepanație – cea mai veche formă de operație proto-chirurgicală care constă în crearea unei deschideri în peretele osos cranian și îndepărtarea părții osoase incizate. În cazul de față trepanația s-a făcut într-un mod foarte îngrijit, probabil de către un „inițiat”, cu scop curativ-terapeutic; „pacientul” nu numai că a supraviețuit „operației”, acesta nu a suferit nici infecții „post-operatorii” în zona „operată” și, mai mult decât atât, a trăit cel puțin un an după trepanație, cauza decesului fiind una care nu a lăsat „urme” pe schelet. De altfel, în evul mediu trepanațiile se efectuau cu ajutorul unor instrumente metalice ce puteau fi sterilizate prin menținerea acestora în flacăra ce ajungea la temperaturi extrem de ridicate, acest procedeu ducând la scăderea incidenței infecțiilor post-operatorii, astfel încât circa 80% dintre „pacienții” trepanați supraviețuiau „operației” (Germana, Fornaciari 1992).

Referitor la indicatorii stării de sănătate, ponderea de 13,72% (7/51) întrunită de porozitățile osoase craniene (*cribra orbitalia* și *cribra cranii externa*), chiar dacă în forme puțin severe (gradele 1-2), ne-ar putea sugera prezența în sânul comunității a unor boli, cum ar fi: scorbutul infantil, rahitismul, anemia feriprivă, osteita, osteomielita, periostita sau procese inflama-

torii ale oaselor craniene. Prezența porozității exocraniene, indiferent de localizarea acesteia, este frecvent utilizată ca instrument în evaluarea stării de sănătate și a statusului nutrițional al populațiilor vechi și poate fi un posibil indicator al condițiilor de mediu. Prevalența și severitatea acestor leziuni oferă informații despre cât de favorabile sau nefavorabile au fost condițiile de mediu, igiena sau condițiile sociale la un moment dat într-o anumită populație. Rezultate interesante au adus și trăsăturile epigenetice, populația medievală din Lozova fiind destul de evident „marcată” din acest punct de vedere. Au fost identificate 17 trăsături epigenetice la nivel cranian (16 la bărbați, 7 la femei și 4 la copii) și 13 trăsături la nivel postcranian (11 la bărbați, 11 la femei și 1 la copii). Reamintim că importanța trăsăturilor non-metrice (epigenetice) se bazează pe ipoteza că acestea sunt într-o oarecare măsură ereditare și pot fi utilizate în cercetările privind afinitatea biologică a populațiilor umane dispărute.

Considerăm că studiul antropologic întreprins pe cele 51 schelete din Lozova contribuie la o mai bună cunoaștere a paleoecologiei populațiilor care au viețuit în perioada medievală târzie pe teritoriul Moldovei și reflectă o parte din condițiile de viață ale acestor comunități.

Tabelul 1.

Repartiția pe sexe și pe categorii de vârstă a seriei scheletice medievale din sec. XIV-XV descoperită la Lozova comparativ cu seria scheletică din sec. XV descoperită în punctul „Biserica „Sf. Arhanghel Mihail” din Brăila și cu seria scheletică din sec. XIII-XV descoperită la Hudum-Botoșani

Sexul, vârstă	Bărbați Lozova		Bărbați Brăila		Bărbați Hudum		Femei Lozova		Femei Brăila		Femei Hudum		Indet. Lozova		Indet. Brăila		Indet. Hudum		Total Lozova		Total Brăila		Total Hudum	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
<i>Infans I</i> (0-7 ani)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	15,7	1	3,1	36	35,6	8	15,7	1	3,13	36	35,6
<i>Infans II</i> (7-14 ani)	-	-	-	-	-	-	-	-	2	6,25	-	-	8	15,7	2	6,2	9	8,9	8	15,7	4	12,5	9	8,91
<i>Juvenis</i> (14-20 ani)	2	3,9	1	3,13	-	-	2	3,9	-	-	-	-	-	-	-	-	13	12,9	4	7,8	1	3,13	13	12,9
<i>Adultus</i> (20-30 ani)	6	11,7	1	3,13	19	18,8	3	5,9	4	12,5	10	9,9	-	-	-	-	-	-	9	17,6	5	15,6	29	28,7
<i>Matu- rus</i> (30-60 ani)	14	27,4	11	34,3	5	4,95	8	15,7	9	28,1	3	2,9	-	-	-	-	-	-	22	43,1	20	62,5	8	7,92
<i>Senilis</i> (60-X ani)	-	-	1	3,13	3	2,97	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3,13	3	2,97
Indeter- min.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2,9	-	-	-	-	3	2,97
Total	22	43,1	14	43,7	27	26,7	13	25,5	15	46,8	13	12,9	16	31,4	3	9,4	61	60,4	51	100	32	100	101	100

Tabelul 2.

Durata medie de viață (vârsta medie la deces) a populației medievale de la Lozova (sec. XIV-XV) privită comparativ cu cea a populației din Brăila (sec. XV) și cu cea a populației din Hudum (sec. XIII-XV)

		Lozova (sec. XIV-XV)	Brăila (sec. XV)	Hudum (sec. XIII-XV)
Vârsta medie la deces	Total populație (0 – x ani)	27,23 ani	36,8 ani	16,99 ani
	Bărbați (20 – x ani)	36,5 ani	40,5 ani	31,88 ani
	Femei (20 – x ani)	42,0 ani	39,2 ani	

Tabelul 3.

Valorile statistice ale principalelor dimensiuni absolute și relative cefalo-faciale la seria scheletică medievală din secolele XIV-XV din necropola de la Lozova

Nr. Martin	Dimensiuni și indici	Bărbați			Femei		
		N*	M**	δ***	N*	M**	δ***
1	g-op	10	184,4	8,8	2	178,5	3,5
5	n-ba	2	96,0	2,8	-	-	-
7	ba-o	2	38,0	7,1	-	-	-
8	eu-eu	9	143,7	5,8	3	141,0	2,6
9	ft-ft	12	104,4	6,8	5	96,2	5,3
10	co-co	11	123,1	7,1	4	119,3	3,8
12	ast-ast	12	112,8	8,0	4	105,5	1,3
16	lărg. for. magnum	3	26,3	1,5	-	-	-
17	ba-b	2	135,0	0,0	-	-	-
20	po-b	9	115,7	4,8	2	109,5	0,7
40	ba-pr	2	89,5	9,2	-	-	-
43	fnt-fnt	11	108,5	4,7	5	105,6	5,6
43 ₍₁₎	fmo-fmo	11	100,9	5,5	5	97,2	5,9
44	ek-ek	7	99,1	4,4	1	92,0	
45	zy-zy	5	130,8	6,3	-	-	-
46	zm-zm	3	100,0	7,0	-	-	-
47	n-gn	5	117,1	6,4	1	117,0	-
48	n-pr	6	70,0	2,4	1	63,0	-
50	mf-mf	4	24,5	5,1	1	21,0	-
51	mf-ek	5	40,0	1,4	1	40,0	-
52	înălț. orbitei	6	33,5	1,6	1	34,0	-
54	al-al	7	25,8	2,1	5	22,6	1,9
55	n-ns	4	54,3	4,3	1	52,0	-
62	ol-sta	12	40,8	3,3	2	38,0	5,7
63	enm ₂ -enm ₂	11	42,7	3,7	2	42,0	4,2
65	kdl-kdl	12	121,7	6,9	6	120,2	1,6
66	go-go	13	100,3	6,7	6	97,4	8,6
68	adânc. mandibulei	13	68,2	5,3	6	65,7	5,4
69	id-gn	14	30,7	3,2	8	27,7	1,3
69 ₍₁₎	înălț. r.oriz.g.n.	14	30,5	3,0	7	28,6	1,3
69 ₍₃₎	gros. r.oriz.g.n.	14	12,8	2,5	7	10,9	0,7
70	înălț. ramului vert.	12	67,2	4,6	7	63,1	3,8
70 ₍₃₎	înălț. inciz. mand.	12	13,8	1,5	6	11,8	1,0
71	lărg. ramului vert.	13	32,0	3,2	7	29,9	2,4
71 ₍₁₎	lărg. inciz. mand.	13	33,7	3,9	6	33,2	2,7
79 _(a)	ungh. ram. vertic.	7	118,4	5,7	4	122,3	12,4

8/1	i. cranian	9	78,1	5,3	2	78,5	3,2
17/1	i. bz.-brgmtc. long.	2	78,1	0,6	-	-	-
17/8	i. bz.-brgmtc. trsv.	2	94,1	7,4	-	-	-
20/1	i. pr-brgmtc. long.	9	63,0	3,5	2	61,4	0,8
20/8	i. pr-brgmtc. trsv.	8	80,5	3,5	2	78,3	2,1
9/10	i. fronto- transv.	11	84,7	6,2	4	81,3	3,0
9/8	i. fronto- parietal	9	72,9	7,1	2	71,4	2,5
12/8	i. parieto- occipital	9	76,7	2,8	2	75,0	0,6
16/7	i. for. magnum	2	68,1	10,7	-	-	-
40/5	i. gnatic (alveolar)	2	93,1	6,8	-	-	-
47/45	i. facial total	5	89,5	3,3	-	-	-
47/46	i. facial malar	3	120,3	3,5	-	-	-
48/45	i. facial superior	5	54,2	2,1	-	-	-
52/51	i. orbitalar	5	82,5	1,5	1	85,0	-
50/44	i. interorbitalar	4	24,4	4,3	1	22,8	-
54/55	i. nazal	4	47,5	8,9	1	42,3	-
63/62	i. palatal	11	105,3	12,0	2	107,7	0,8
45/8	i. jugo-parietal	5	89,7	3,4	-	-	-
9/43	i. fronto- parietal	11	95,0	2,6	5	91,2	5,3
9/45	i. fronto-jugal	5	77,7	2,2	-	-	-
66/45	i. jugo- mandibular	5	76,9	5,0	-	-	-
57/57 ₍₁₎	i. tr. al nazalelor	2	69,2	10,0	-	-	-
66/65	i. mandibular	12	82,5	6,1	6	81,1	7,3
66/9	i. gomo- frontal	11	96,1	8,1	4	108,7	4,8
71/70	i. ramului vertical	12	48,4	5,0	6	47,2	4,8
69 ₍₃₎ /69 ₍₁₎	i. de robusticitate	13	42,6	8,0	7	38,1	3,1
66/68	i. larg./ad. a mand.	13	147,9	15,7	6	149,1	17,7
70 ₍₃₎ /71 ₍₁₎	i. inciz.mand.	12	42,3	6,3	6	35,9	4,0

*Numărul de indivizi de la care s-a prelevat respectiva dimensiune; **Media aritmetică; *** Abaterea standard

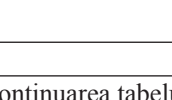
Tabelul 4.

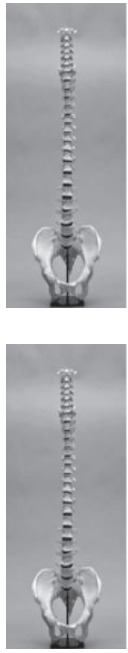
Valorile statistice ale principalelor dimensiuni absolute și relative postcraniene și ale staturii la seria scheletică medievală din secolele XIV-XV descoperită în necropola de la Lozova

	Nr. Martin	Dimensiuni și indici	Bărbați			Femei		
			N*	M**	δ***	N*	M**	δ***
Humerus	1	lung.max.	7	326,4	12,1	5	306,4	10,9
	4	lărg.max.epic.	7	60,9	4,5	5	55,8	4,3
	5	diam.max.mjl.	7	23,5	2,5	7	21,0	2,7
	6	diam.min.mjl.	7	18,4	1,4	7	15,1	1,7
	7	perim.min.	7	64,3	4,9	7	57,4	5,2
	6/5	i. de secțiune	7	78,5	5,8	7	72,7	7,3
	7/1	i. de soliditate	6	19,8	1,6	5	19,1	1,1
Radius	1	lung.max.	8	240,8	35,2	3	231,0	15,9
	3	perim.min.	8	43,6	2,5	5	39,2	3,2
	4	diam.transv.	8	16,4	1,2	6	13,9	1,7
	5	diam.antero-post.	8	12,2	0,7	6	10,8	0,8
	3/1	i. de robusticitate	7	17,3	1,1	3	17,4	0,7
	5/4	i. de secțiune	8	75,1	5,6	6	78,0	6,6
Ulna (cubitus)	1	lung.max.	6	272,5	10,3	4	247,8	14,5
	3	perim.min.	8	39,8	2,0	4	34,9	3,9
	11	diam.antero-post.	8	13,5	0,7	5	11,6	1,1
	12	diam.transv.	8	17,8	0,9	5	14,4	1,2
	3/1	i. de robusticitate	6	14,7	0,4	4	14,1	1,3
	11/12	i. de secțiune	8	76,2	5,8	5	80,7	7,5
Femur	1	lung.max.	8	452,1	18,8	5	418,4	19,2
	2	lung.morf.	8	449,1	18,7	5	415,4	19,9
	6	diam.antero-post.m.	8	29,5	2,2	5	25,2	2,7
	7	diam.transv.m.	8	28,0	1,3	5	27,1	1,7
	8	perim.median	8	89,4	4,2	5	82,0	6,0
	9	diam.transv.sup.	8	32,8	1,5	6	31,5	1,2
	10	diam.antero-post.sup.	8	25,7	1,7	6	22,1	2,5
	21	lărg.condilară	7	79,8	5,8	5	76,6	6,8
	(6+7)/2	i. de masivitate	8	12,8	0,4	5	12,6	0,5
	8/2	i. de soliditate	8	19,9	0,9	5	19,7	0,7
	6/7	i. de pilastrie	8	105,5	8,9	5	93,0	7,5
	10/9	i. de platimerie	8	78,4	6,0	6	69,9	6,0
Tibia	1	lung. max.	8	377,3	20,9	5	348,8	16,3
	8	diam. antero-post.m.	8	31,2	1,7	5	27,4	3,6
	9	diam. transv.m.	8	23,1	1,6	5	19,5	2,6
	8a	diam. antero-post.sup.	8	34,7	2,1	5	31,4	4,4
	9a	diam. transv.sup.	8	24,8	1,5	5	21,3	2,8
	10b	perim.min.	8	76,7	3,4	5	69,0	6,2
	10b/1	i. de soliditate	8	20,3	1,2	5	19,8	1,1
	9/8	i. de secțiune	8	74,0	4,8	5	70,8	5,5
	9a/8a	i. platicnemic	8	71,5	3,2	5	68,0	3,6
Fibula	1	lung.max.	3	372,3	24,6	3	328,7	16,2
	2	diam.antero-post.	6	13,7	2,3	4	10,9	0,8
	3	diam.transv.	6	14,6	2,4	4	14,8	1,7
	4a	perim.min.	3	38,0	2,6	4	34,5	3,3
	4a/1	i. de soliditate	2	9,8	1,1	3	10,0	0,3
Statura	după Manouvrier		9	1668,3	39,6	8	1568,4	34,4
	după Trotter-Glesser		9	1721,2	35,6	8	1605,8	38,7
	după Bach-Breitinger		9	1706,4	27,8	8	1608,8	34,4
	Media staturală		9	1699,6	33,6	8	1594,2	33,3

* Numărul de indivizi de la care s-a prelevat respectiva dimensiune; ** Media aritmetică; *** Abaterea standard

Prezența patologiilor, anomaliilor și caracterelor non-metrice osoase la seria scheletică medievală
deshumată din necropola de la Lozova (secolele XIV-XV)

Patologii/anomalii/caractere non-metrice (*patologie; **anomalie; ***caracter epigenetic)		Bărbați (14-x ani)		Femei (14-x ani)		Copii (0-14 ani)		Total	
		N	%	N	%	N	%	N	%
	hipoplazie dentară*	1/22	4,54	1/13	7,69	1/16	6,25	3/51	5,88
	carii dentare*	6/22	27,27	6/13	46,15	-	-	12/51	23,53
	granulom dentar*	2/22	9,09	1/13	7,69	-	-	3/51	5,88
	pierderi dentare <i>in vivo</i> *	11/22	50,00	6/13	46,15	-	-	17/51	33,33
	calculus/tartru dentar supragingival*	3/22	13,64	2/13	15,38	-	-	5/51	9,80
	molar 2 inferior monoradicular**	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	molar 3 inferior triradicular**	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	ectopie/distopie dentară**	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	molar 2 superior cu perlă de email**	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	microdonție**	2/22	9,09	-	-	-	-	2/51	3,92
	cribra orbitalia*	-	-	3/13	23,08	3/16	18,75	6/51	11,76
	cribra cranii externa*	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	cribra cranii interna*	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	trepanație*	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	metopism (complet/incomplet)***	2/22	9,09	-	-	-	-	2/51	3,92
	osicul lambdoid (pe sutura lambdoidă)/ os wormian***	3/22	13,64	-	-	3/16	18,75	6/51	11,76
	osicul în punctul <i>lambda</i> ***	-	-	-	-	1/16	6,25	1/51	1,96
	osicul în punctul <i>asterion</i> ***	1/22	4,54	1/13	7,69	-	-	2/51	3,92
	foramen parietal***	9/22	40,91	2/13	15,38	2/16	12,50	13/51	25,49
	foramen mastoid exsutural***	9/22	40,91	3/13	23,08	-	-	12/51	23,53
	foramen zigomatico-facial dublu***	7/22	31,82	2/13	15,38	-	-	9/51	17,65
	foramen infraorbitar accesoriu***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	sutură infraorbitară***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	foramen supraorbitar complet***	3/22	13,64	2/13	15,38	-	-	5/51	9,80
	creastăură supraorbitară***	6/22	27,27	5/13	38,46	1/16	6,25	12/51	23,53
	torus mandibular***	14/22	63,64	6/13	46,15	-	-	20/51	39,21
	torus auricular***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	condili occipitali cu fațete duble***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	linie nucală superioară suplimentară***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	canal posterior condilar***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
		1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96

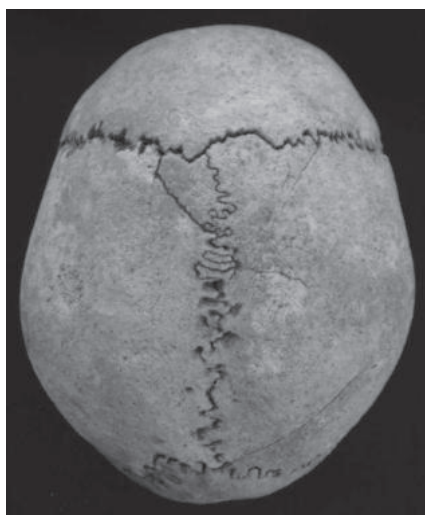
	osteoartrită (noduli Schmorl, osteofite, coroziune osoasă, impresii musculare accentuate)*	12/22	54,54	10/13	76,92	-	-	22/51	43,14
	spondiloză L ₅ *	1/22	4,54	1/13	7,69	-	-	2/51	3,92
	vertebră-fluture*	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	joncțiune sacro-coccigiană***	-	-	1/13	7,69	-	-	1/51	
	fosă femurală subtrohanteriană***	8/22	36,36	1/13	7,69	-	-	9/51	17,65
	creastă femurală subtrohanteriană***	8/22	36,36	4/13	30,77	-	-	12/51	23,53
	trohanter femural suplimentar (al treilea)***	6/22	27,27	1/13	7,69	-	-	7/51	13,72
	pilastru femural***	7/22	31,82	2/13	15,38	-	-	9/51	17,65
	platicnemie tibială***	2/22	9,09	1/13	7,69	-	-	3/51	5,88
	arcuire tibială***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	fațete suplimentare pe articulația tibio-talară***	3/22	13,64	3/13	23,08	-	-	6/51	11,76
	foramen humeral supratrohlear***	3/22	13,64	2/13	15,38	2/16	12,50	7/51	13,72
	foramen sternal***	-	-	1/13	7,69	-	-	1/51	1,96
	sacralizare L ₅ ***	1/22	4,54	-	-	-	-	1/51	1,96
	lumbarizare sacrală***	6/22	27,27	1/13	7,69	-	-	7/51	13,72
	sulcus coxal preauricular***	1/22	4,54	2/13	15,38	-	-	3/51	5,88

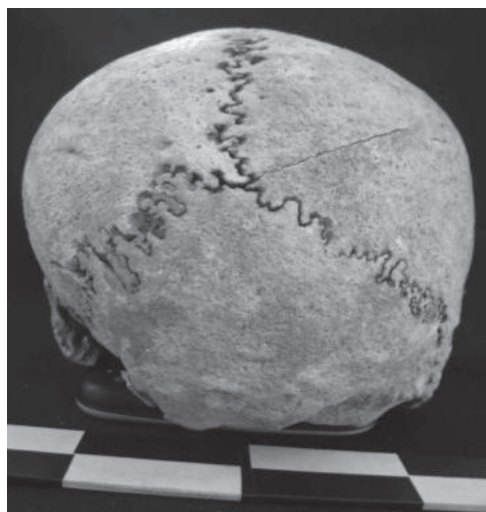
a)

b)

c)

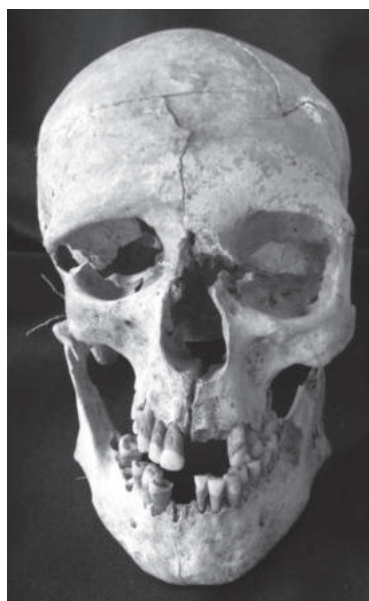

d)

e)

Fig. 1. M.23, bărbat, 20-25 ani, fond *nordoid* cu elemente *mediteranoide*. a) craniu privit din norma frontală/facială; b) craniu privit din norma laterală; c) craniu privit din norma verticală; d) craniu privit din norma occipitală; e) mandibula.

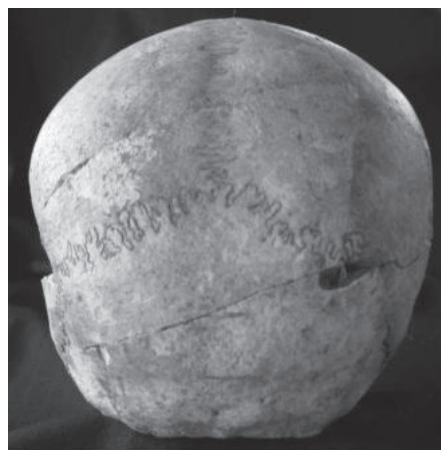
a)

b)

c)

d)

e)

Fig. 2. M.10, femeie, 50-55 ani, fond *mediteranoid* cu elemente *nordoide* (ușor deformat în timpul restaurării în porțiunea facială dreaptă); a) craniu privit din norma frontală/facială; b) craniu privit din norma laterală; c) craniu privit din norma verticală; d) craniu privit din norma occipitală; e) mandibula.

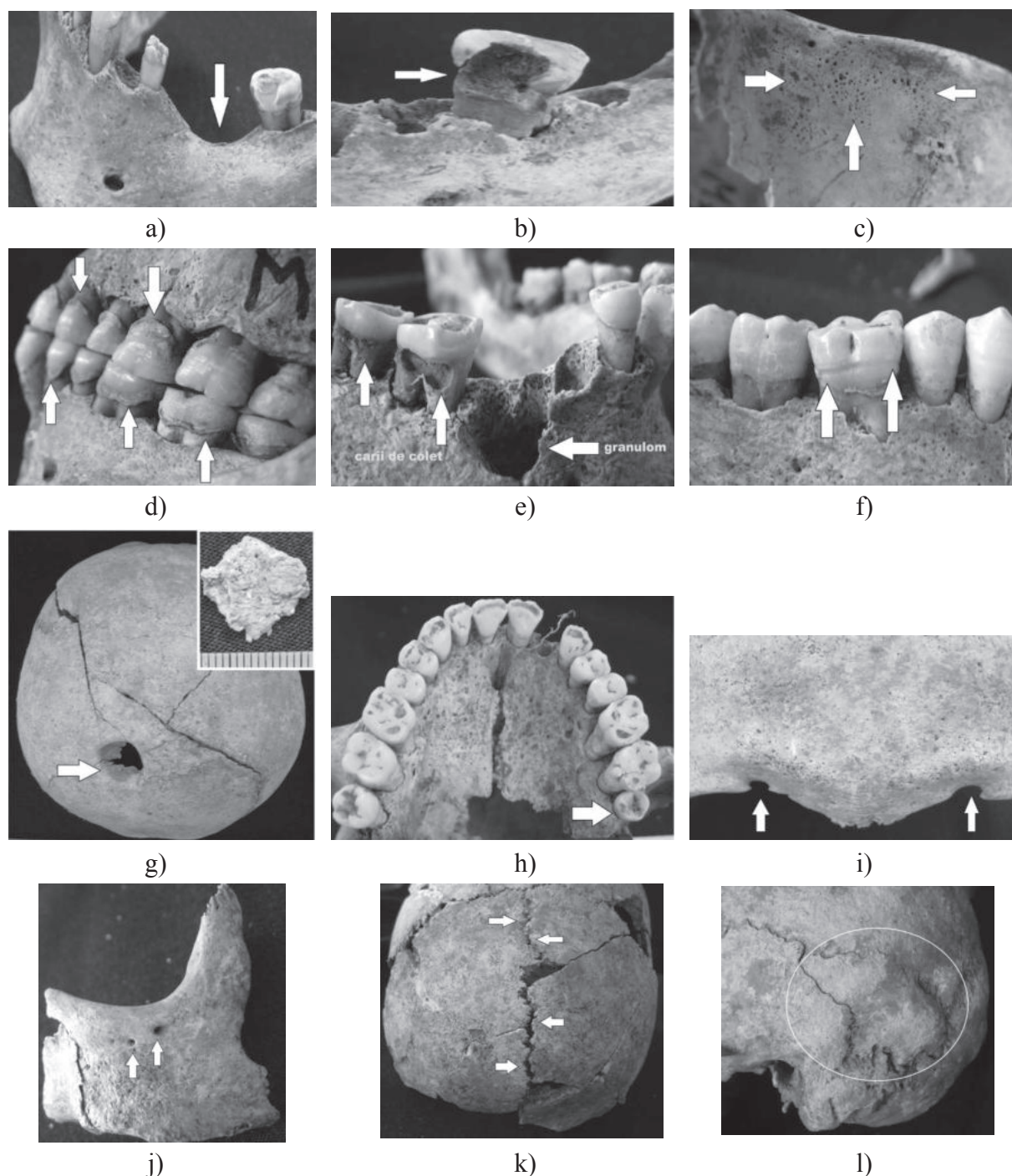

Fig. 3. Patologii, anomalii și caractere non-metrice în segmentul cranian. a) M.20, bărbat, 45-50 ani, mandibulă, pierdere dentare *in vivo* pe partea stângă; b) M.1, bărbat, 45-50 ani, mandibulă, molar 1 inferior stâng, carie gr. 4-5; c) M.3, sex indeterminabil, 6-7 ani, orbita stângă, cribra orbitalia gr. 1-2; d) M.9, bărbat, 50-55 ani, maxilar superior și mandibulă, partea stângă, tartru dentar supragingival; e) M.6, bărbat, 45-50 ani, mandibulă, molarul 1 cu granulom, molarii 2 și 3 cu carii de colet; f) M.14, bărbat, 30-35 ani, mandibulă, hipoplazie dentară foarte evidentă pe molarul 1 inferior drept; g) M.30, bărbat, 45-50 ani, craniu privit din norma verticală, trepanație parțial vindecată localizată pe osul parietal stâng; detaliu – fragment osos de formă rectangulară văzut dinspre tăblia osoasă endocraniană, provine, probabil, din zona trepanată refăcută, este vizibil țesutul osos nou-format; h) M.23, bărbat, 20-25 ani, molar 3 superior stâng cu microdonție; i) M.30, bărbat, 45-50 ani, creștătură supraorbitară bilaterală; j) M.15, bărbat, 40-45 ani, osul zigomatic stâng cu foramen zigomatico-facial dublu; k) M.15, bărbat, 40-45 ani, sutura metopica completa (metopism); l) M.33, bărbat, 35-40 ani, vedere din partea stângă, osicul în punctul *asterion*..

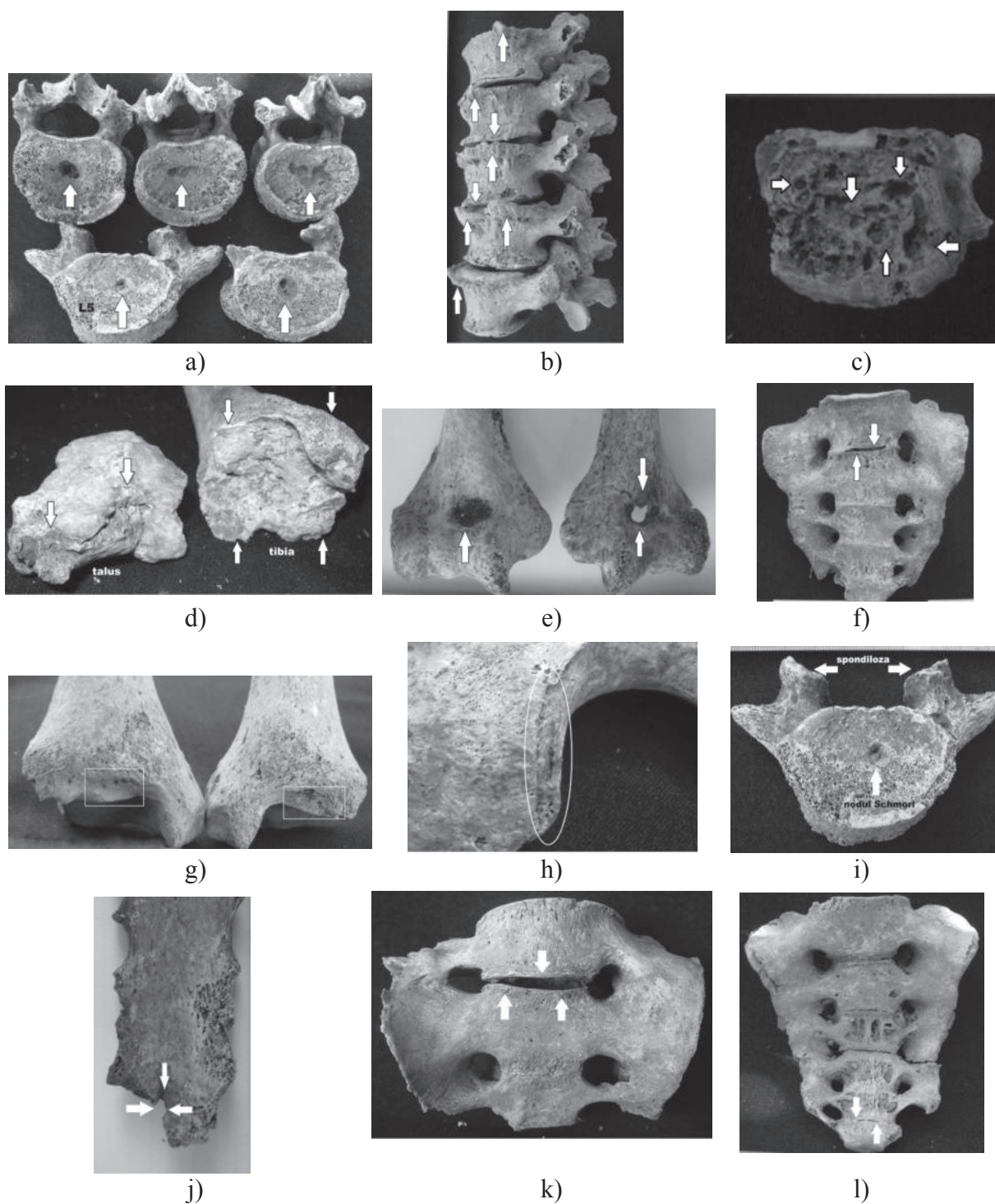

Fig. 4. Patologii, anomalii și caractere non-metriche în segmentul postcranian. a) M.26, femeie, 20-25 ani, segment vertebral lombar L_1 - L_5 cu noduli Schmorl, L_5 cu spondiloza; b) M.30, bărbat, 45-50 ani, segment vertebral lombar L_1 - L_5 cu osteofite; c) M.20, bărbat, 45-50 ani, corp vertebral cervical corodat; d) M.20, bărbat, 45-50 ani, articulația tibio-talară dreaptă afectată de osteoartrită; e) M.26, femeie, 20-25 ani, humerusuri cu foramen supratrohlear; f) M.23, bărbat, 20-25 ani, sacrum cu lombalizare centrală incompletă; g) M.30, bărbat, 45-50 ani, tibii cu fațete suplimentare pe articulația tibio-talară; h) M.12, femeie, 25-30 ani, sulcus coxal preauricular; i) M.26, femeie, 20-25 ani, vertebra L_5 cu spondiloză și nodul Schmorl; j) M.26, femeie, 20-25 ani, foramen sternal; k) M.33, bărbat, 35-40 ani, sacralizare incompletă a vertebrei L_5 ; l) M.29, femeie, 18-20 ani, joncțiune sacro-coccigiană (a-l).

Bibliografie

- Angel 1966:** J.L. Angel, Porotic hyperostosis, anemias, malaras, and marshes in the prehistoric eastern mediterranean. SCIENCE, 153 (3737), 1966, 760-763.
- Antoniou, Obreja 1985:** S. Antoniu, C. Obreja, Studiul antropologic al scheletelor medievale de la Hudum-Botoșani din secolele XIII-XV. AM, nr. 10, 1985, 89-96.
- Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998:** A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin, The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology (Cambridge 1998).
- Bach 1965:** H. Bach, Zur Berenchnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen weiblicher Skelette. AA, 29, 1965, 12-21.
- Bacumenco-Pîrnău, Vornic, Ursu 2011:** L. Bacumenco-Pîrnău, V. Vornic, I. Ursu, Descoperiri arheologice în situl medieval de la Lozova. AKADEMOS, nr. 2 (21), 2011, 120-122.
- Baker 1974:** J.R. Baker, Race (Oxford 1974).
- Barnes 1994:** E. Barnes, Developmental defects of the axial skeleton in paleopathology (Boulder 1994).
- Bergman 1993:** P. Bergman, The occurrence of selected non-metrical traits of the skull in relation to cribra orbitalia and grave equipment. VARIABILITY AND EVOLUTION, 2 (3), 1993, 63-75.
- Biasutti 1959:** R. Biasutti, Le Razze e i Popoli della Terra, vol. I-IV (Torino 1959).
- Blanchard 2010:** B.K. Blanchard, A study of the accuracy and reliability of sex estimation methods of the human pelvis. A Thesis presented to the Faculty of California State University (Chico 2010).
- Boev 1972:** P. Boev, Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostagaischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung (Sofia 1972).
- Breitinger 1938:** E. Breitinger, Zur Berenchnung der Körperhöhe aus den langen Gliedmassenknochen. AA, 14, 1938, 249-274.
- Brickley, Ives 2008:** M. Brickley, R. Ives, The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease (Oxford 2008).
- Broca 1875:** P. Broca, Instructions craniologiques et craniometriques. BMSAP, 21, 1875, 1-204.
- Brothwell 1981:** D.R. Brothwell, Digging up bones (London 1981).
- Bruzek, 2002:** J. Bruzek, A method for visual determination of sex, using the human hip bone. AJPA, 117, 2002, 157-168.
- Buikstra, Ubelaker 1994:** J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains, Arkansas Archaeological Survey Research Series No 44 (Fayetteville 1994).
- Cantemir, Botezatu 1995:** P. Cantemir, D. Botezatu, Date antropologice asupra osemintelor descoperite la Biserica „Sf. Arhanghel Mihail” din Brăila. In: Brăila. Origini și evoluție până la jumătatea secolului al XVI-lea, vol. I (Istros Brăila, 1995). 198-218.
- Carson 2006:** E.A. Carson, Maximum-likelihood variance components analysis of heritabilities of cranial nonmetric traits. HB, 78, 2006, 383-402.
- Castilho, Oda, Santana 2006:** S.M.A. Castilho, Y.I. Oda, G.D.M. Santana, Metopism in adult skulls from southern Brazil. IJM, 24 (1), 2006, 61-66.
- Chamberlain 2006:** A.T. Chamberlain, Demography in archaeology (Cambridge 2006).
- Cohen, Armelagos 1984:** M.N. Cohen, G.J. Armelagos, Paleopathology at the Origins of Agriculture (New York 1984).
- Comas 1960:** J. Comas, Manual of physical anthropology (Illinois 1960).
- Coon 1939:** C.S. Coon, The Races of Europe (New York 1939).
- Duthie, Bentley 1983:** R.B. Duthie, G. Bentley, Mercer's Orthopedic Surgery (London 1983).
- Fazekas, Kosa 1978:** I.Gy. Fazekas, F. Kosa, Forensic Fetal Osteology (Budapest 1978).
- Ferembach, Schwidetzky, Stloukal 1979:** D. Ferembach, I. Schwidetzky, M. Stloukal, Recommandations pour déterminer l'âge et le sexe sur le squelette. BMSAP, XIII, 6, 1, 1979, 7-45.
- Germana, Fornaciari 1992:** F. Germana, G. Fornaciari, Trapanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia dalla Preistoria all'Era moderna (Pisa 1992).
- Ghețău 2002:** V. Ghețău, Rezultatele preliminare ale Recensământului populației și al locuințelor din 18 martie 2002. Șocul milionului. Populație și Societate, V, 4 (București 2002).
- Gregg, Gregg 1987:** J.B. Gregg, P.S. Gregg, Dry Bone. Dakota Territory Reflected (Dakota 1987).
- Gross 2009:** C.G. Gross, A Hole in the Head. More Tales in the History of Neuroscience (Cambridge Massachusetts London 2009).
- Hiernaux 1964:** J. Hiernaux, Problems of race definition. Expert Meeting on the Biological Aspects of Race. United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (Moscow 1964).
- Hoppa, Vaupel 2002:** R.D. Hoppa, J.W. Vaupel, Paleodemography. Age distributions from skeletal samples. Cambridge Studies in Biological and Evolutionary Anthropology (Cambridge 2002).
- Houghton 1975:** Ph. Houghton, The bony imprint of pregnancy. BNYAM, vol. 51, no. 5, 1975, 655-661.
- Ionescu 2005:** E. Ionescu, Anomaliile dentare (București 2005).
- Iordanidis 1961:** P. Iordanidis, Determination du sexe par les os du squelette. ANN. MED. LEG. CRIMINOL. POLICE SCI. TOXICOL., 41, 1961, 280-291.
- Jeanty 1983:** P. Jeanty, Fetal limb biometry. RADIOLOGY, 147, 1983, 601-602.
- Katzenberg, Saunders 2008:** M.A. Katzenberg, R.S. Saunders, Biological Anthropology of the Human Skeleton (Hoboken 2008).

- Kimmerle, Baraybar 2008:** E.H. Kimmerle, J.P. Baraybar, Skeletal trauma. Identification of injuries resulting from human rights abuse and armed conflict (New York 2008).
- King 1981:** J.C. King, The Biology of race (Berkeley Los Angeles London 1981).
- Lewis 2004:** M. Lewis, Endocranial lesions in non-adult skeletons: understanding their aetiology. *IJO*, 14, 2004, 82-97.
- Lingstadaas et al. 1996:** S.P. Lingstadaas, H. Nordbo, T. Gedde-Dahl, P.S. Thrane, On the genetics of hypodontia and microdontia: synergism or allelism of major genes in a family with six affected members. *JMG*, 33, 1996, 137-142.
- Mahajan 2011:** A. Mahajan, Supratrochlear foramen; Study of humerus in North Indians. *PMJ*, 18 (1), 2011, 128-132.
- Manouvrier 1892:** L. Manouvrier, Determination de la taille d'après les grands os des membres. *REAP*, 2, 1892, 227-233.
- Maresh 1955:** M.M. Maresh, Linear growth of long bones of extremities from infancy through adolescence. *AJDC*, 89, 1955, 725-742.
- Maresh 1970:** M.M. Maresh, Measurements from roentgenograms. In: Human Growth and Development (Springfield 1970).
- Martin, Saller 1956-1966:** R. Martin, K. Saller, Lehrbuch de Anthropologie (Stuttgart 1956-1966).
- Mays 1998:** S. Mays, The archaeology of human bones (Routledge London New York 1998).
- Moorrees, Fanning, Hunt 1963:** C.F.A. Moorrees, E.A. Fanning, E.E. Hunt, Age variation of formation stages for ten permanent teeth. *JDR*, 42, 1963, 1490-1502.
- Nayak et al. 2009:** S.R. Nayak, S. Das, A. Krishnamurthy, L.V. Prabhu, B. Kumar Potu, Supratrochlear foramen of the humerus: An anatomico-radiological study with clinical implications. *UJMS*, 114, 2009, 90-94.
- Necrasov 1974:** O. Necrasov, Le processus de brachycephalisation dans les populations de Roumanie a partir du Neolitique et jusqu'à nos jours. *Bevölkerung Biologie* (Stuttgart 1974), 512-524.
- Niskanen 2002:** M. Niskanen, The Origin of the Baltic-Finns from the Physical Anthropological Point of View. *MQ*, XLIII, 2, 2002.
- Olivier 1969:** G. Olivier, Practical anthropology (Springfield 1969).
- Ortner 2003:** D.J. Ortner, Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Oxford 2003).
- Rosado 1998:** M.A. Rosado, Dental health and diet of two prehistoric populations from Chile's semiarid North. *DAJ*, 13, 1998, 2-8.
- Satinoff 1972:** M.I. Satinoff, Study of the squatting facets of the talus and tibia in ancient Egyptians. *JHE*, 1 (2), 1972, 209-212.
- Schaefer, Black, Scheuer 2009:** M. Schaefer, S. Black, L. Scheuer, Juvenile osteology (Oxford 2009).
- Scheuer, Black 2000:** L. Scheuer, S. Black, Developmental Juvenile Osteology (Oxford 2000).
- Schmitt 2005:** A. Schmitt, Une nouvelle methode pour estimer l'age au decès des adultes a partir de la surface sacro-pelviennne iliaque. *BMSAP*, 17, 1-2, 2005, 1-13.
- Schmorl, Jungnanns 1971:** C.G. Schmorl, H. Jungnanns, The Human Spine in Health and Disease (Oxford 1971).
- Singhal, Rao 2007:** S. Singhal, V. Rao, Supratrochlear foramen of the humerus. *ASI*, 82, 2007, 105-107.
- Sloutweg 2007:** P.J. Sloutweg, Dental pathology. A practical introduction (Berlin 2007).
- Stevens Coon 1954:** C. Stevens Coon, The Races of Europe (New York 1954).
- Stradalova 1975:** V. Stradalova, Sex differences and sex determination on the sacrum. *ANTHROPOS*, 13, 3, 1975, 237-244.
- Sullivan 1998:** R. Sullivan, Trephination. Proto-Surgery in Ancient Egypt. *ACTA MEDICA* (Hradec Kralove), 41, 1998, 109-120.
- Țarcă 2008:** M. Tarcă, Tratat de demografie, 350-369 (Iași 2008).
- Trebici 1997:** V. Trebici, Antropologia și demografia: relații privilegiate. Antropologia în actualitate și perspectivă, Lucrările Simpozionului din 18 decembrie 1996, 110-115 (București 1997).
- Trotter, Gleser 1951:** M. Trotter, G. Gleser, The effect of ageing on stature. *AJPA*, 9, 1951, 311-324.
- Trotter, Gleser 1952:** M. Trotter, G. Gleser, Estimation of stature from long bones of American whites and Negroes. *AJPA*, 10, 1952, 469-514.
- Trotter, Gleser 1958:** M. Trotter, G. Gleser, A Reevaluation of Estimation of Stature Based on Measurements of Stature Taken during Life and of Long Bones after Death. *AJPA*, 16, 1958, 79-123.
- Trotter, Peterson 1969:** M. Trotter, R.R. Peterson, Weight of bones during the fetal period. *Growth*, 33, 1969, 167-184.
- Tulsi, Prasada Rao 1968:** R.S. Tulsi, P.D. Prasada Rao, Ilio-tibial facet of the tibia in the Australian Aborigine. *APAO*, 3, 1968, 232-235.
- Ubelaker 1979:** D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis and Interpretation (Washington 1979).
- Ubelaker 1980:** D.H. Ubelaker, Human skeletal remains, 2nd ed. (Washington 1980).
- Vallois 1934:** H.V. Vallois, La valeur raciale des mensurations et indices du tronc et des membres: essai de classification. *Congres International des Sciences Anthropologique et Ethnologique*, 119-120 (London 1934).
- Vallois 1944:** H.V. Vallois, Les races humaines (Paris 1944).
- Vallois 1953:** H.V. Vallois, Race. *Anthropology Today* (Chicago 1953).
- Vallois 1965:** H.V. Vallois, Anthropometric Techniques. *CA*, 6, 2, 1965, 127-143.
- Verano 2003:** J.W. Verano, Trepanation in Prehistoric South America: Geographic and Temporal Trends over 2,000 Years, Chapter 17, 2003, 223-236. In: Trepanation. History, Discovery, Theory (Lisse 2003).
- Von Eickstedt 1934:** E.F. Von Eickstedt, Rassenkinds und Rassengeschichte der Menschheit (Stuttgart 1934).

Vornic ș.a. 2012: V. Vornic, I. Ursu, L. Bacumenco-Pîrnău, R. Pîrnău, L. Ciobanu, Cercetările arheologice din situl medieval de la Lozova-La Hotar cu Vornicenii. Rezultate preliminare. RA, vol. VIII, nr. 1-2, 2012 (numărul curent al revistei).

Waldron 2009: T. Waldron, *Palaeopathology* (Cambridge 2009).

Walker et al. 2009: P.L. Walker, R.R. Bathurst, R. Richman, T. Gjerdrum, V.A. Andrushko, The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis. *AJPA*, 139, 2009, 109–125.

Walrath, Turner, Bruzek 2004: D.E. Walrath, P. Turner, J. Bruzek, Reliability test of the visual assessment of cranial traits for sex determination. *AJPA*, 125, 2004, 132-137.

White, Folkens 2005: T.D. White, P.A. Folkens, *Human bone manual* (Oxford 2005).

Алексеев, Дебец 1964: В.П. Алексеев, Г.А. Дебец, *Краниометрия* (Москва 1964).

Бунак, Нестурх, Рогинский 1941: В.В. Бунак, М.Ф. Нестурх, И.И. Рогинский, *Антропология, краткий курс* (Москва 1941).

*Angela Simalcsik, antropolog, doctor în medicină, specialitatea „antropologie medicală”, cercetător științific gradul III, Secția de Cercetări Antropologice, Academia Română – Filiala Iasi, str. Theodor Codrescu, nr. 2.
e-mail: angellisimal@yahoo.com; antropologie.iasi@yahoo.com.*

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PARER AND BOOK REVIEW

*С.И. Посохов, С.В. Дьячков, С.Д. Литовченко (ред.), Харьковский историко-археологический
ежегодник ДРЕВНОСТИ 2011*

[Anuarul istorico-arheologic din Harkov ANTICHITĂȚI 2011]

Harkov, 2011, 420 pag., ISBN 978-617-578-066-4

Grație colegilor ucraineni și ruși, biblioteca Centru-
lui de Arheologie dispune de câteva volume ale Anu-
arului istorico-arheologic *Древности* (Antichități) al
Universității Naționale „V.N. Karazin” și Societății
Regionale de Istorie și Arheologie din orașul Harkov¹.
În rândurile de mai jos intenționăm să prezentăm volu-
mul 10, cel mai recent, editat în anul 2011 cu sprijinul
financiar al Asociației absolvenților, profesorilor și pri-
etenilor universității nominalizate.

Culegerea conține 32 de lucrări grupate în patru
compartimente mai mari, o recenzie și patru materiale
incluse la rubrica cronicii științifice. Autorii articole-
lor în majoritate sunt din Ucraina, dar și din Federația
Rusă și Bulgaria. Scrise în limbile rusă sau ucraineană,
toate lucrările sunt însoțite și de câte un rezumat în lim-
ba engleză.

Compartimentul I, **Studii**, include 17 articole,
șapte referindu-se la istorie și alte 10 la arheologie.
A.G. Čeredničenko semnează lucrarea *К проблеме
этнокультурной преемственности в Балкано-
Эгейском регионе на рубеже II-I тыс. до н.э./ Cu
privire la continuitatea etnoculturală în regiunea
balcano-egeeană la hotarul mil. II-I a. Chr.* (p.8-13).
Autorul se referă la etnogeneza paleoindoeuropeană
și analizează pentru început întrebarea dacă tradiția
scrierii din epoca creto-miceniană a dispărut irever-
sibil în „secolele întunecate” de la cumpăna mileni-
ilor menționate. Tradiția greco-romană și bizantină a
păstrat informații despre primii istorici-logografi din
Elada, care s-au inspirat în scrierile lor din texte mai
vechi. Akusilae din Argos (sec. VII a.Chr.) a transcris
„Genealogiile” de pe niște tăblițe de cupru, găsite
de tatăl său săpând în grădină. Unii istorici antici îl
considerau pe Kadmos inventator al alfabetului, al-
ții, printre care și Herodot – că acesta numai l-a adus
în Elada din Fenicia, unde fusese inventat. Miletanii
Anaximandru, Dionisie și Hekateu credeau că încă
înainte de Kadmos alfabetul a fost adus de Danaos.
Antiklides din Atena atribuie invenția egiptenilor, iar

Dosiades – cretanilor. Conform Cronicii de Paros,
inventarea scrisului are loc la mijlocul mil. II a.Chr.
Se emite ipoteza ca „scrierea lui Kadmos” nu este un
alfabet grecesc, ci o scriere lineară silabică. În conti-
nuare autorul se oprește asupra deosebirii dintre da-
nai, etnos indoeuropean, și elini. Încă Tucidides a ob-
servat ca Homer nu-i numește niciodată pe grecii din
Elada cu un termen general de elini, ci doar pe oștenii
lui Ahiles, ceilalți fiind numiți danai, ahei etc. Danaii
din tradiția elină au corespondențe directe în tradiția
mitologico-epică indiană veche, provenind din *Danu*,
fica celui de-al șaptelea fiu al lui Brahma *Dakṣi* și

¹ În vol. V, nr. 2 al Revistei Arheologice din 2010 colegul Ion Ursu a prezentat vol.VII al acestui anuar, publicat în anul 2008.

soția înțeleptului Pradjapati. Limba danailor poate fi atribuită grupei „satem” alături de limbile indoiraniene, slave, baltice, paleobalcanice, armeană și albaneză. Studiile din domeniul paleontologiei lingvistice demonstrează că populația zonei balcano-egeene era prioritar indoeuropeană. Alături de datele oferite de arheologie, tradiția istorică antică sau paleontologia lingvistică, și tradiția mitologică elină, respectiv datele mitologiei comparative, cu implementarea rezultatelor studiilor ADN-genealogiei omenirii, poate contribui la rezolvarea problemei enunțate, consideră autorul.

K.Ju. Nefedov publică studiul *Селевк Никатор и Александр Македонский: эволюция пропаганды/ Seleuc Nikator și Alexandru Macedon: evoluția propagandei* (p.14-25). În baza analizei izvoarelor narative și numismatice, autorul propune o nouă interpretare a utilizării numelui lui Alexandru cel Mare în diverse perioade ale domniei diadohului Seleuc Nikator. Este interesantă opinia lui K. Nefedov că numele marelui cuceritor era utilizat în propagandă nu pentru menținerea unității și puterii legale în imperiu, ci pentru îndreptățirea dezintegrării lui. Se constată că în primele decenii după moartea lui Alexandru, Seleuc îi invoca numele pentru a lupta împotriva lui Antigon, mai apoi, după ce redobândește satrapia Babilonului cu susținerea lui Ptolemeu, îl declară erou-protector, iar ulterior se proclamă el însuși „noul Alexandru”.

B.S. Ljapustin propune articolul *Провинции в хозяйственной жизни знатной римской фамилии II в. до н.э. – I в. н.э./ Provinciile în viața economică a familiei romane aristocrate în sec. II a.Chr. – I p.Chr.* (p.26-33). Aproximativ din sec. II a.Chr. în familiile aristocratice romane apar noi figuranți: *magister pecorarius* – păstorul superior, și *magister navis* – căpitanul navei și agentul comercial al stăpânului (*pater familia*). Dar criza afectase grav familia, baza social-economică a societății romane, ce îi asigurase înflorirea. Spre sfârșitul Republicii nobilii nu mai dispuneau de resursele necesare pentru a exercita o activitate politică stabilă. Cucerirea de noi teritorii a încurajat însă practicarea unor diverse activități economice în rândurile reprezentanților tuturor păturilor sociale, de la oamenii de rând până la senatori. Se demonstrează că provinciile aveau un potențial suficient pentru obținerea unor venituri în baza operațiilor financiar-economice, practicate mai ales de reprezentanții ordinului equestru.

S.D. Litovčenko este autorul articolului *Царство Софена в восточной политике Помпея/ Regatul Sofena în politica estică a lui Pompei* (p.34-40), în care discută problema regatului Sofena de la mijlocul sec. I a.Chr.: a rămas în componența Armeniei Mari sau a fost încadrat în Cappadocia. Majoritatea specialiștilor, bazându-se pe informațiile lui Appian, consideră că

Pompei după conflictul și arestarea lui Tigran Junior (fostul său aliat, fiul lui Tigran II și al Cleopatrei), a transmis Sofena regelui Cappadociei Ariobarzan I. Se argumentează opinia că Sofena și Gordiena au fost restituite lui Tigran II, reieșind din relațiile indirecte ale lui Dio Cassius, care scrie că bătrânul rege și-a recăpătat bogățiile, respectiv, controlul politic asupra cetăților unde se păstra vistieria.

A.N. Tokarev semnează articolul *Первые шаги Октавиана в политике и образ «нового Цезаря»/ Primii pași ai lui Octavian în politică și imaginea „noului Cezar”* (p.41-52). Autorul își propune scopul analizei critice a lucrărilor despre primii pași în ideologie ai lui Octavian August, învinuit de trădarea lui Cicero, a senatului și a Republicii. Asasinarea lui Iulius Caesar l-a prins pe Octavian în Apollonia, la instrucțiuni militare printre legiunile macedonene, care se pregăteau de războiul cu Partia. A fost sfătuit să ridice o răscoală cu ajutorul legiunilor, însă a avut discernământ și n-a urmat aceste îndemnuri la aventuri politice, venind în Italia ca o persoană privată. În opinia mai multor cercetători, doar primirea oficială a veteranilor l-a motivat să se hotărăască să pretindă la moștenire și să accepte numele dictatorului ucis. Autorul se referă la relațiile tânărului Octavian cu soldații, veteranii și plebea pe de o parte, și cu aristocrații pe de alta, o atenție aparte acordându-se celebrului orator M.T. Cicero.

O.M. Petrečko ne propune lucrarea *Римське суспільство і superstitio доби принципату/ Societatea romană și superstițiile în epoca principatului* (p.53-63), în care este analizat sensul termenului de superstiție pentru epoca principatului. Respectarea prea riguroasă a ritualurilor putea duce la superstiții, de asemenea vegetarianismul, magia, astrologia reprezentau manifestări ale acestui fenomen. Societatea romană în întregime, indiferent de pătura socială, era superstițioasă. Plutarh consideră frica drept cauză principală a răspândirii superstițiilor. În epoca principatului termenul respectiv era utilizat de romani pentru religiile orientale, îndeosebi pentru iudaism și creștinism.

K.O. Bardola publică articolul *Синона. Пути трансформации византийской налоговой практики/ Sinona. Căile de transformare a practicii bizantine de impozitare* (p.64-74). În perioada timpurie a Imperiului Bizantin se practica procurarea de către stat cu prețuri fixe a produselor și furajelor pentru armată de la cetățeni – *coemptio*. Pe timpul lui Anastasius (491-518) apare termenul grecesc *sinona*, care însemna aceeași achiziționare cu preț redus a produselor agricole, dar deja în scopul achitării unui impozit adăugător (*superindictio*). Se trage concluzia că în sec. VI-VIII *sinona* treptat se transformă într-un impozit adăugător,

pentru ca în sec. IX-XII să devină un destul de regulat impozit pe venit.

S.I. Berestnev și L.N. Berestneva semnează studiul *Вещи в контексте культового объекта (к проблеме социологической интерпретации погребальных памятников)/ Inventarul în contextul obiectului de cult (cu privire la interpretarea sociologică a complexelor funerare)* (p.75-87). Autorii propun o altă interpretare a depunerii inventarului funerar decât cea obișnuită, adică drept reflectare a rolului social, averii ori ocupației defunctului și pentru a fi folosit pe lumea cealaltă. Se susține că la începuturile constituirii practicilor rituale funerare, decedații erau priviți drept soli și intermediari între oameni și divinități, dar și jertfe supreme, iar piesele de inventar depuse – ca ofrandă transmisă de colectivitate pentru a le obține protecția și ajutorul. Sunt invocate o serie de complexe funerare de copii și adolescenți (deseori cu patologii ale oaselor), din paleolitic până în eneolitic, pentru a argumenta punctul de vedere respectiv.

A.D. Prjacin este autorul lucrării *Памятники покровского типа на современном этапе изучения в российской и украинской археологии/ Monumentele de tip Pokrovsk la etapa actuală de studiu în arheologia rusească și ucraineană* (p.88-101). Se face o trecere în revistă a interpretărilor complexelor de tip Pokrovsk din perioada mijlocie – începutul perioadei târzii a epocii bronzului din zonele de stepă și silvostepă dintre Don și Doneț, Volga și Ural. Pe parcursul anilor, ele au fost considerate drept cultura arheologică Pokrovsk, cultura Srubnaja-Pokrovsk, cultura Abașevo-Pokrovsk, aspectul cultural Pokrovka. Se propune plasarea intermediară a monumentelor de acest tip între culturile Abașevo și Srubnaja.

Ju.V. Bujnov publică *Вопросы хронологии и периодизации марьяновской культуры эпохи бронзы / Probleme de cronologie și periodizare a culturii Mar'janovskaja din epoca bronzului* (p.102-116). Datele stratigrafice și analiza complexelor ceramice, susține autorul, confirmă concluzia sa anterioară despre existența a două etape în evoluția culturii Mar'janovskaja. În prima etapă (sec. XVIII-XV a.Chr.) ea este localizată în stânga Niprului, iar în a doua (sec. XIV-XIII), sub presiunea purtătorilor culturii Sosnickaja – în silvostepa dintre Nipru și Don.

D.S. Grečko semnează *К вопросу о численности населения Нижнего Побужья в преддверии исчезновения большой хоры Ольвии / Cu privire la numărul populației din zona Bugului Inferior în ajunul dispariției chorei mari a Olbiei* (p.117-129). În baza datelor paleodemografice, autorul consideră că valorificarea pământurilor din împrejurimile Olbiei avea loc treptat în rezultatul creșterii naturale a numărului olviopoliților. Restrângerea temporară a chorei la sfârșitul

primei treimi a sec. V a.Chr. poate fi legată de situația instabilă din stepă. După stabilirea relațiilor de pace cu sciții, din a doua jumătate a sec. V, sunt valorificate teritorii întinse din întreaga zonă a Bugului Inferior.

R.V. Myzgin prezintă lucrarea *Монетно-вещевые клады на территории Черняховской культуры/ Tezaurele monetare mixte din arealul culturii Černjachov* (p.130-138). În arealul culturii Sântana de Mureș-Černjachov autorul a identificat 14 tezaure mixte, conținând monede romane și alte patru tipuri de piese (podoabe, piese vestimentare, accesorii, unelte ș.a.), dintre care doar 10 sunt sigure. Se subliniază că astfel de tezaure n-au fost semnalate pe teritoriul R. Moldova și în zona țărmului de nord al Mării Negre. Autorul analizează informația acumulată și prezintă și catalogul-repertoriu al descoperirilor luate în discuție.

V.V. Didyk se referă la *Amforele de tip Tanais din interfluviul Nipru-Donet Sivers'kij: probleme de import și datare/ Танаїські амфори лісостепового межиріччя Дніпра та Сіверського Дінця: проблеми довозу і датування* (p.139-149). În interfluviul Nipru – Donet Sivers'kij autorul a cartat 20 de puncte cu descoperiri de amfore romane de tip Tanais. În trei cazuri fragmentele se găseau în complexe închise. Siturile arheologice aparțin culturilor Kiev și Sântana de Mureș-Černjachov. Datarea amforelor, făcută în baza inventarului adiacent, cuprinde intervalul cronologic 255-270 p.Chr. Autorul consideră ca recipientele respective, cu vin și ulei, au fost aduse de goți în decursul războaielor scitice/gotice în rezultatul jafurilor.

M.B. Ljubičev semnează studiul *О поздней дате черняховской культуры к востоку от Днепра (комплексы ступени D1 могильника Войтенки)/ Cu privire la datarea târzie a culturii Černjachov la est de Nipru (complexele trepte D1 a necropolei Vojtenki)* (p.150-171). În rezultatul cercetărilor Expediției Germano-Ucrainene inițiate în anul 2004 și conduse de autor, în necropola de la Vojtenki au fost dezvelite 114 morminte (63 incineratii și 51 inhumatii). Analizând inventarul arheologic recuperat pe parcursul a cinci expediții în aceste complexe funerare, se ajunge la concluzia că în așa-numita „perioadă hunică” sau treapta D1 în cronologia europeană după J. Teirál, purtătorii culturii Sântana de Mureș-Černjachov continuă să locuiască în silvostepa din spațiul dintre Nipru și Donet.

D.A. Moiseev prezintă lucrarea *Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лазерной Балке (Мангуп)/ Complexul arheologic al ceramicii de construcție din sec. IX-X din săpăturile așezării de la Lagernaja Balka (Mangup)* (p.172-190). Autorul face mai întâi o analiză a publicațiilor consacrate ceramicii de construcție din cetatea Mangup, evidențiind lucrările semnate de M.A. Tichanova, A.L. Jakobson și A.I. Romančuk. Ul-

terior trece la prezentarea categoriilor, tipurilor și variantelor ceramicii luate în discuție, pentru a se opri și la aspectele de producere a ei.

M.S. Sergeeva analizează *Tehnica prelucrării cornului la Voins'ka Greblja/ Техніка обробки рогу у Воїнський Греблі* (p.191-205). Sunt discutate schemele tehnologice de bază utilizate la prelucrarea cornului în această cetate a Rusiei Kievene: 1) folosirea integrală sau parțială a formei naturale a cornului; 2) utilizarea semifabricatelor special pregătite. Cu toate că a fost descoperită o cantitate mare de materie primă, ateliere n-au fost semnalate, iar meșteri specializați erau puțini.

S.V. D'jačkov propune studiul *О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чѣмбало (XIV-XV вв.)/ Despre armamentul de lansare a garnizoanei cetății genoveze Čembalo (sec. XIV-XV)* (p.206-226). După cum se cunoaște, cetatea și colonia genoveză Čembalo (actualmente Balaklava) a avut un rol strategic foarte important în sistemul proprietăților republicii Liguria, alături de Kaffa și Soldaja. Autorul analizează câteva tipuri de arme individuale (praștia, lancea, arcul și arbaleta) și două tipuri de armament/artilerie de lansare: ballista și trebușul.

La compartimentul II, **Publicații**, sunt inserate cinci articole. S.D. Lysenko, D.P. Kušan, V.B. Pan'kovskij și V.F. Fed'ko semnează articolul *Памятники малополовецкого типа в бассейне р. Сунной /Monumentele de tip Malopoloveck din bazinul r. Supoj* (p.228-241). Autorii consideră foarte importantă analiza interferențelor culturale Babino – Tšinec – Srubnaja – Noua-Sabatinovka-Coslogeni în baza materialelor arheologice descoperite. Monumentele cu ceramică de tip Malopoloveck constituie o dovadă în această direcție. Prezintă interes și complexele uneltelor de os.

S.A. Gorbanenko publică lucrarea *Палеоботанический спектр Битицького городища/ Spectrul paleobotic al cetății Bitica* (p.242-247). Este o prezentare a materialelor paleobotanice din cetatea Bitica atribuită culturii Volincevo-romenă. A fost analizat un lot de 94 de amprente de boabe de cereale cultivate. Este confirmată utilizarea asolamentului bi- și trianual.

V.S. Aksenov se referă la *Погребения с западной ориентировкой Нетајловского грунтового могильника салтовской культуры/ Mormintele cu orientare vestică din necropola plană Netajlovka a culturii Saltovo (după materialele din 2010)* (p.248-260). Sunt analizate patru complexe funerare cercetate în anul 2010 de expediția comună a Muzeului de Istorie și Academiei de Cultură din Harkov. Autorul consideră că la sf. sec. VIII – începutul sec IX în comunitatea reprezentanților grupului privilegiat vorbitori de limbă turcă era prezent și un anumit număr de descendenți din „Bulgaria Neagră”, care alcătuiau pătura inferioară a acestei societăți.

V.V. Koloda semnează articolul *К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач)/ Cu privire la înmormântările culturii Saltovo din așezări (în baza mormântului feminin bogat din cetatea Mochnač)* (p.261-272). În anul 2010 a fost descoperit o înmormântare în groapă de provizii cu inventar foarte bogat, atribuit unei femei alane de cca 35-40 de ani. Lângă defunctă a fost descoperită o oglindă de bronz, trei cuțișe de fier, un nasture sferic, un alt nasture-clopoțel, un lănișor, un auriscapium, cinci brățări și patru inele de bronz, un inel de cupru argintat, un cerceș, 21 de saltaleoane de bronz și mai multe mărgelile de pietre semiprețioase (cristal de munte și cornalină), coral și sticlă. Datarea complexului se face în prima jumătate – mijlocul sec. IX. Având în vedere inventarul foarte bogat și faptul că nu departe de acest complex (la cca 20-25 m) se afla un mormânt cu patru defuncți (doi maturi și doi copii), analiza antropologică a scheletelor cărora a arătat că ar fi murit de foame, autorul crede că femeia a fost jertfită zeilor pe timpuri de răstărite pentru asigurarea condițiilor favorabile agriculturii.

A.B. Suprunenko și S.V. Maevskaja au prezentat lucrarea *Жіноче кочівницьке поховання золотоординського часу в низині Псла/ Mormântul nomad feminin din perioada Hoardei de Aur din zona cursului inferior al r. Psel* (p.273-284). Într-un tumul nu prea înalt din preajma s. Vološino, reg. Poltava, a fost dezvelit un mormânt secundar datat în a doua jumătate a sec. XIII – începutul sec. XIV. Defuncta, de cca 16-18 ani, era depucă într-un sicriu de lemn acoperit cu două scânduri late de stejar, cu capul spre NE. Inventarul consta din două detalii de formă cilindrică ale unui acoperământ de cap din coajă de mestecăn (bokki), un ac de fier, 20 de mărgelile de os, resturi de la două pandantive lucrate din sârmă de argint, resturi de pânză și pâslă de la bokki, o cupă și un amnar de fier (depusă în zona picioarelor), o piatră de silex, oase de animale (oaie și cal), un cuțit și o cataramă de fier.

Compartimentul III (p.286-339) este intitulat **Istoria științei** și include șase articole semnate de autori din Kiev și Harkov, cinci referitoare la istoricul cercetărilor arheologice din diverse zone ale Ucrainei, iar unul – la istoria Angliei epocii Tudorilor în viziunea istoricilor ucraineni din sec. XIX – începutul sec. XX.

Patru lucrări sunt grupate în Compartimentul IV **Note** (p.340-359). S.S. Kazarov din Rostov pe Don discută pe câteva pagini posibila localizare comună a sanctuarului lui Zeus-Ares și a polisului Passaron din Epir, invocând drept exemplu Delfi. Autorul se sprijină pe informații de la Plutarh și rezultatele săpăturilor arheologice din anii 30 ai sec. XX.

Cercetătorii bulgari I. Lazarenko, E. Mirčeva (Varna) și R. Enčeva (Balcik) publică articolul *Дионисопольский*

храм Понтийской Матери богов/ *Templul din Dionisopolis al Marii Zeițe-Mame Pontice* (p.344-349). Descoperit relativ recent, în anul 2007, templul era relativ bine păstrat. Are formă rectangulară (8,5x11 m, constând din pronaos și naos), acoperișul în două ape, acoperit cu țigle. Particularitățile ordinului ionic, prezența bucraniilor arhitecturale, ceramica de construcție și tehnica de ridicare a edificiului permit datarea lui în epoca elenistică, cca 280-260 a.Chr. Au fost descoperite 27 de inscripții păstrate integral sau în mare parte, inclusiv o listă a 19 adoratori ai Zeiței-Mame din perioada elenistică timpurie și alta din perioada romană conținând numele preoților și a 84 membri ai unei comunități religioase care organiza serbări în cinstea zeiței în prima zi a fiecărei luni. Majoritatea sculpturilor găsite în procesul investigațiilor o reprezintă pe Cybele. Descoperirile arheologice demonstrează că templul n-a fost devastat de creștinii-fanați, ci probabil de un incendiu în anul 378 (după o monedă de la Valens găsită *in situ*), provocat de goții stabiliți aici ca federați cu doi ani înainte. După incendiu edificiul n-a mai fost reconstruit, iar în anul 544 Dionisopolisul a fost lovit de un uragan puternic, care a dislocat dealurile din împrejurimi, acoperind cu totul ruinele templului.

S.B. Soročan semnează nota *К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму/ Cu referire la perioada creării themei Klimata în Crimeea bizantină* (p.350-352). Se reia discuția despre constituirea pe timpul basileului Teofil (829-842) a femeii cu centrul în Cherson, datată larg între 833-837. Autorul apelează la datele izvoarelor scrise despre succesiunea patriarhilor bizantini, venirea soliei hazare la Constantinopol și cererea lor insistentă de ridicare a

cetății Sarkel, argumentând datarea mai îngustă a evenimentului evocat: toamna-iarna anului 940 sau primăvara-vara anului 941. De asemenea, este analizată și datarea propusă mai recent de creare a themei Climata – între 933-935.

E.N. Stoljarenko în articolul *Новый участок водопровода генуэзской крепости Чембало (XIV-XV вв.)/ Un nou sector al apeductului cetății genoveze Ćembalo (sec. XIV-XV)* (p.353-358) descrie și ilustrează săpăturile din anul 2010 efectuate în zona bastionului nr.6, cea mai mare construcție păstrată a cetății. A fost descoperit *in situ* un sector al apeductului de țevi ceramice datat în sec. XIV (în perioada genoveză), care aprovizionează cisterna din bastionul nr.6.

La compartimentul **Recenzii** V.A. Kvašin prezintă lucrarea *«Щит и меч» Италии: были ли Фабий и Марцелл союзниками? / „Scutul și spada” Italiei: au fost oare Fabius și Marcellus aliați?* (p.360-370). Autorul analizează reflectarea în istoriografie a relațiilor dintre două personalități marcante din a doua jumătate a sec.II a.Chr. – Maximus Fabius și M. Claudius Marcellus, care s-au manifestat plenar în timpul războaielor punico-italice.

Ultimul compartiment al anuarului, **Cronica științifică**, reflectă rezultatele conferinței științifice internaționale „Probleme ale istoriei și arheologiei Ucrainei” (28-29 octombrie 2010), ale simpoziunilor internaționale „*Homo Byzantinus* printre idei și lucruri” (1 iulie 2010) și „Pământurile tracice și de la nordul Mării Negre în epoca antică” (7-8 aprilie 2011) ce au avut loc la Harkov. Tot aici este inserat un omagiu consacrat profesorului universitar, arheologului B.A. Šramko la cei 90 de ani, semnat de Ju.V. Bujnov.

Larisa Ciobanu (Chișinău)

NOTĂ

Redacția *Revistei Arheologice* a primit o adresare din partea dlui dr. Ion Mareș, director adjunct al Muzeului Bucovinei din Suceava cu următorul conținut:

Către colectivul de redacție al *Revistei Arheologice*,

Domnule dr. hab. Oleg Levițki,

Subsemnatul Ion Mareș, doctor în istorie, vă semnalez faptul că în *Revista Arheologică*, serie nouă, vol. IV, nr. 2, Chișinău, 2008, este publicat articolul semnat de Sergiu Constantin Enea (Iași), *Simboluri eneolitice ale puterii. Despre topoarele de aramă cu brațele "în cruce" din România*, p. 5-32. Respectivul era la acea vreme *doctorand la Facultatea de Istorie, Universitatea "Al. I. Cuza" din Iași*.

În articolul menționat, de la pagina 6 (1. Tipul **Ariușd**) și până la pagina 11 (tipul 11, 6. Tipul **Hortobágy**), textul este **plagiat din lucrarea mea**: Ion Mareș, *Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României*, Editura *Bucovina Istorică*, Suceava, 2002, **de la p. 108-116**.

Tabelele din textul semnat de Sergiu Constantin Enea **sunt o transcriere exactă a datelor** din *corpusul întocmit de mine în volumul citat* (p. 177-342), fără ca să fie făcute trimiteri de unde provin informațiile. Trimiterile bibliografice și bibliografia, cu câteva titluri în plus, apărute după ce am publicat cartea, **sunt preluate identic** din volumul meu (p. 393-409).

Acest *autor* a publicat același articol, cu titlul schimbat, anume: *Topoare de aramă cu "brațele în cruce din România" – simboluri eneolitice ale puterii și ale statutului social*, în *Carpica*, XXXVII, 2008, p. 146-176, uzând de același plagiat grosolan făcut după cartea mea, amintită mai sus.

Țin să fac această precizare, deoarece autorul articolului plagiat, Sergiu Constantin Enea, are și alte articole publicate în reviste de arheologie, unul tradus în engleză, cu fragmente copiate din cartea mea. Mai mult, dl Enea,

profesor, a devenit recent doctor în istorie și predă istoria la Școala *Garabet Ibrăileanu* din Târgu Frumos.

Domnule redactor șef, trimit această notă de protest, semnalând acest caz grosolan de plagiat, de furt intelectual, care îmi aduce grave prejudicii, cu rugămintea de a fi publicată în revista pe care o coordonați, pentru ca limitele elementare ale deontologiei profesionale să nu mai fie încălcate de către Sergiu-Constantin Enea.

Pentru confirmarea celor scrise mai sus, vă trimit cartea publicată de mine în anul 2002 și textul scanat din revista *Carpica*.

Cu stimă,

Dr. Ion Mares,

director adjunct al Muzeului Bucovinei, Suceava

Mesajul a fost readresat autorului vizat, dlui dr. Sergiu Constantin Enea, în data de 14.06.2012, la care am primit următorul răspuns la 03.07.2012:

„Buna ziua.

Stimate Domnule profesor,

Lucrez la un raspuns pentru scrisoarea dlui Mares; voi pune pe coloane textele incriminate și pe cele in limba germana de unde a preluat si el. In momentul in care va fi gata, va voi trimite raspunsul meu si sper ca mai este timp.

Ma gandesc la modul serios, ca acest lucru, sa nu afecteze relatiile de amicitie care exista intre mine si d-voastra.

Cu respect,

Sergiu”.

Până la moment (30 noiembrie 2012), însă, n-am mai primit acest răspuns promis, cu regret.

Redactor-șef, dr.hab. **Oleg Levițki**

IN HONOREM

К 85-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ ФЕОКТИСТОВИЧА ЧЕБОТАРЕНКО

12 мая 2012 года известному молдавскому археологу Георгию Феоктистовичу Чеботаренко исполнилось 85 лет. Родился он в селе Дэркэуць Сорокского уезда в семье учителей. В селе Згурица того же уезда закончил четыре класса начальной школы. После этого обучался в лицее города Сорока. Там же в послевоенное время закончил техникум механизации сельского хозяйства. В 1948 году поступил на исторический факультет Кишиневского педагогического института им. И. Крянгэ, который закончил в 1952 году. Уже в студенческие годы он увлёкся археологией и ежегодно принимал участие в археологических экспедициях, где получил первые навыки полевой работы. После окончания вуза поступил на работу в Институт истории Молдавского филиала АН СССР. В 1966-1967 гг. прошёл стажировку в Институте археологии АН СССР в Москве. В 1968 г. там же защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура Первого Болгарского царства в Пруто-Днестровском междуречье (по материалам раскопок поселения Калфа)». Всё последующее время Г.Ф. Чеботаренко работал в АН Молдавии, где прошёл путь от коллектора до старшего научного сотрудника. Георгий Феоктистович работал в разных археологических экспедициях и сам руководил многими из них. Ему пришлось исследовать археологические памятники от эпохи энеолита до позднего средневековья. Результатом этих многолетних полевых работ стали несколько монографий, написанных Г.Ф. Чеботаренко самостоятельно и в соавторстве с другими исследователями и десятки научных статей, которые внесли существенный вклад в молдавскую археологию. Несмотря на то, что Георгий Феоктистович исследовал, как уже было сказано, древности широкого хронологического диапазона, среди которых, особенно первобытных, имелись довольно репрезентативные материалы, в своей более узкой специализации он отдал предпочтение средневековой тематике и достиг в ее изучении значительных успехов.

С 1955 по 1966 год под руководством Г.Ф. Чеботаренко производились раскопки на интересном археологическом памятнике – поселении и городище Калфа. В этот же период велись активные разведки средневековых памятников в южной зоне Молдавии. В результате проводимых работ был получен значительный материал, который в сочетании с письменными, этнографическими и другими источниками позволил охарактеризовать различные стороны ма-

териальной культуры раннесредневековых памятников VIII-X вв. в южной части Прутско-Днестровского междуречья и отнести их к культуре Первого Болгарского царства. По этой теме, кроме кандидатской диссертации, защищенной в 1968 г., была подготовлена монография «Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре», которая вышла из печати в 1973 году. В монографии автор выдвинул и обосновал оригинальную идею о влиянии культуры Первого Болгарского царства на развитие культуры славян южной части Днестровско-Прутского междуречья. По его мнению, это получило особенно значительное отражение в керамике, найденной на таких поселениях как Калфа, Криничное, Глубокое и других. Именно со второй половины IX века в южной части региона славянская керамика сменяется гончарной, характерной для Нижнего Подунавья и отличающейся от керамики с древнерусских памятников Среднего Поднестровья. Появление гончарной посуды на южных поселениях Г.Ф. Чеботаренко связывал с распространением политической власти Первого Болгарского царства к северу от Дуная.

Установление господства этого государства в южной части Днестровско-Прутского междуречья привело к усиленной колонизации края выходцами из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи. Эта колонизация и обусловила частичную смену культуры на поселениях региона, в том числе и в Калфе. Верхняя граница существования культуры относится к концу X века. Продвижение печенегов на запад, упадок сильной централизованной власти болгарских царей и её ликвидация византийской империей привели к упадку жизни и в южной части Днестровско-Прутского междуречья, что прослеживается и на поселении Калфа.

Значительным событием является выход в свет работы подготовленной и изданной в соавторстве Г.Б. Фёдоровым и Г.Ф. Чеботаренко, посвящённой славянским памятникам Молдавии. Эта работа “Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Выпуск 6” вышла из печати в 1974 году в серийном издании и стала первой полной сводкой всех известных на тот момент в регионе славянских памятников. Она состоит из шести глав, посвящённых памятникам отдельных культурно-хронологических периодов славянской культуры. Для каждого из периодов в данном выпуске серии “Археологическая карта Молдавской ССР” составлены специальные карты, на которых нанесены соответствующие памятники. Каждая глава снабжена указателем, списком памятников и содержит краткое описание их с указанием местоположения, истории и результатов открытия и исследования, датировкой, ссылкой на соответствующую литературу или архивные данные. Издание сопровождается иллюстрациями, библиографией, алфавитным указателем. Весьма ценным является и то, что во введении к работе излагается краткая характеристика материальной культуры и история славян для всей эпохи в целом. Работа по настоящее время не утратила своего значения, и ещё долго будет служить исследователям, занимающимся средневековой тематикой.

Изучая в центральной Молдавии такие средневековые памятники как Ханска, Молешть, Логэнешть и другие, Г.Ф. Чеботаренко обоснованно выделил здесь этнокультурную контактную зону. В 1982 году выходит его монография “Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв.” в которой он анализирует материалы поселений и могильников, расположенных в контактной зоне двух основных славянских культур – древнерусской и южнославянской с кочевниками в X-XII вв. Автор комплексно подошёл к решению проблемы и по новому посмотрел на этнокультурные процессы, происходившие в этой зоне, произвёл объективную датировку древностей, выделил общие и особенные черты в материальной культуре населения центральной части Днестровско-Прутского междуречья в период формирования феодальных отношений. Данная работа явилась новым ша-

гом вперёд в средневековой археологии Молдавии и получила позитивные отзывы исследователей.

В 1984 году вышла из печати книга, написанная в соавторстве Г.Б. Фёдоровым, Г.Ф. Чеботаренко и М.С. Великановой “Бранештский могильник X-XI вв.”, в которой полностью вводились в научный оборот материалы археологических раскопок памятника 1962-1963 гг. Работа носила комплексный характер, так как в ней, кроме всестороннего анализа археологических материалов и погребального обряда, были приведены и антропологические определения со сравнительным анализом. Всё это позволило авторам отнести могильник к древнерусскому населению, жившему на данной территории в X-XI вв., проследить зарождение феодальных отношений у восточных славян и проникновение христианства в регион. Важным является и выявление инокультурных влияний в древнерусской культуре, происходивших в пограничной зоне степи и лесостепи Днестровско-Прутского междуречья. Книга является важным исследованием по истории Молдавии периода раннего феодализма и заслуженно пользуется вниманием специалистов.

Ряд работ Г.Ф. Чеботаренко посвящен курганным древностям, среди которых следует выделить монографию “Курганы Буджакской степи”, изданную в 1989 г. После раскопок Сорокской крепости, Г.Ф. Чеботаренко публикует монографическую работу об этом историко-архитектурном памятнике, который ранее не подвергался археологическим исследованиям. Довольно успешными были раскопки, проведенные Г.Ф. Чеботаренко на ряде средневековых памятников в районе придунайских озёр. Новые материалы, особой важности, были получены при исследовании Нижнего Троянова вала. Результативными были раскопки, предпринятые Георгием Феоктистовичем на городище раннего железного века Хыртопул Маре в центральной Молдавии.

Перечисление раскопанных памятников, открытий и публикаций можно продолжить и всё это будет свидетельствовать о несомненных успехах и большой значимости той исследовательской работы, которую на протяжении многих лет проводил Г.Ф. Чеботаренко и которая является важным вкладом в развитие молдавской археологии. Георгий Феоктистович имеет большой опыт полевых работ, хорошо знает археологический материал, видит проблемы, стоящие перед исследователем и пути их решения. Он всегда бескорыстно оказывает необходимую помощь тем, кто в ней нуждается и охотно передает свои знания молодым археологам.

Друзья и коллеги поздравляют Георгия Феоктистовича Чеботаренко с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, хорошего настроения, радости общения с учениками и всего самого доброго.

Н.П. ТЕЛЬНОВ (*Кишинэу*)

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM TUDOR ARNĂUT (24.12.1958-24.04.2012)

Este greu să scrii în câteva rânduri despre un Om, dar e mult mai greu să găsești cuvinte despre cineva care a plecat subit aidoma unei frunze rupte dintr-un copac de un copil, inconștient de ceea ce face. A plecat atunci când nu erau departe zilele care urmau să aducă bucuria realizării anilor de muncă, ani când muncă și odihnă au devenit sinonime, să aducă bucuria reușitelor fiicei, să aducă puțin mai mult timp liber pentru a ajunge acasă la Mama...

A fost un fiu iubitor și atent, care pronunța cuvântul Mama cu o tonalitate de dragoste aparte ce te făcea să-ți aduci aminte de propria mamă și să încerci să găsești timp pentru a-i face un telefon sau o vizită. Capacitatea de muncă, modestia în comportament și respectul față de cei de alături au fost cel mai mare dar primit de la părinți. În același timp, a iubit enorm Cartea, mai ales Cartea de Istorie. Anume Ea l-a făcut să plece de acasă pentru a o studia, pentru a o înțelege și pentru a aduce propriul tribut prin alte cărți scrise. La început la Școala pedagogică între anii 1974-1978, urmată de Universitatea de Stat din Chișinău între anii 1981-1986, apoi în alte universități, biblioteci și muzee din Republica Moldova, România, Ucraina, Franța, Turcia... Adâncit în muncă, nu a uitat niciodată valea Prutului, satul natal Giurgiulești, și, în ciuda locurilor frumoase vizitate, tot timpul era dominat de ideea de a reveni acasă.

Tudor Arnăut a fost un tată deosebit, puține fiind cazurile unor astfel de legături dintre tată și fiică. Deseori îi vedeai alături, fiecare cu cărțile sale, el pregătindu-se pentru orele la facultate și ea făcându-și temele pentru acasă propuse de profesorii de la liceu sau comunicând la telefon când nu se aflau alături.

Pentru elevii și studenții săi a fost un profesor de o pregătire fundamentală, cu o ținută care întrunea toate calitățile pentru a servi un model demn de urmat în domeniul competențelor, comportamentului, vestimentației, indiferent dacă era pe postură de dascăl sau de cea de administrator, la Colegiu sau la Universitate. Standardele impuse de profesor au devenit modele de veritabilă calitate. Și dacă la început veneam la el cu adresarea „*uitați-vă, ce am mai găsit...*”, peste un timp, mesajul a devenit: „*ce puteți să ne mai spuneți despre...*” și se părea că le știe pe toate în domeniul arheologiei, că a fost în toate localitățile din țară, a cercetat, a înțeles și a scris. Cărțile lui, studiile publicate au devenit lucrări de referință pentru specialiști, iar pentru debutanți – „chei” pentru lumea științei, caracterizate

printr-o cercetare profundă a materialului, identificare a sacralului și o reconstrucție istorică, adevărate etape ale cunoașterii arheologico-antropologice. A vedea, dincolo de miile de cioburi, fusaiole sau alte piese pe oamenii care au trăit, au gândit, au creat aceste piese, așa își învăța elevii. Cercetările arheologice îl duceau în fiecare an pe diferite șantiere: Butuceni, Pojăreni, Sobari, Potirca, Mașcăuți, Saharna, Stolniceni, Murighiol... Avea un simț aparte al descoperirii: „*să vezi ce descoperim acum...*” și peste câteva clipe ridica din pământ un vârf de săgeată sau un mâner de amforă, „*Thasos*”, spunea plin de emoție. Nu uita în același timp să învețe pe cei de alături cum se mănuieste șpaclul, cum se desenează planul și se scrie zilnicul de șantier. Desenul și fotografia erau slăbiciunea lui, prefera, ca și arheologii de pe timpuri, să facă singur desenele, iar Laboratorul de fotografiere de la Facultate îi devenise un loc de refugiu. După apariția aparatelor foto digitale făcea sute de fotografii, pe care acum răsfoindu-le observi că el nu prea apare în poze, iubea să fotografieze, dar mai puțin să fie fotografiat: „*iar mă fotografiezi?!?*”.

A avut o deosebită atitudine față de dascălii săi, prof. Ion Niculiță, care l-a îndreptat pe căile arheolo-

giei la Facultatea de Istorie din Chișinău începând cu anul 1981 și până în ultima zi în calitate de coordonator al tezei de doctor habilitat, față de prof. Constantin Preda, cel ce l-a sprijinit în efortul de a scrie teza de doctorat la București între anii 1991-1994 și a o susține cu succes în anul 1998, an în care a devenit și conferențiar universitar. O relație aparte îl lega de prof. Mircea Babeș, mixtură de atitudini părintești și respect față de munca de arheolog.

A fost un prieten adevărat, spiritul și ușile căruia erau întotdeauna deschise pentru orice inițiative venite de la cei de alături. Pronunțate în graiul dulce giurgiuleștean, expresiile „fii pe pace”, „neică”, „duduie”... parcă mai sună încă în urechi, dar deja le ducem dorul. Îi plăceau enorm plăcintele, prăjiturile, bomboanele și fructele care probabil îi aminteau de copilărie, de casa părintească, dar și ardeul, cât

mai iute, și muștarul, consumul cărora le considera o mândrie pentru cineva din sudul țării, iar în timpul periegezelor avea o capacitate deosebită de a face rost de astfel de bunătăți.

În ultimul timp, pe post de prorector al Universității de Stat din Moldova, era copleșit de planuri, dorea să reușească atât de multe, utile și necesare pentru facultate, pentru universitate, pentru studenții actuali și viitori, încât nu erau suficiente orele de lucru.

Istoria... timpul și spațiul... o combinație nefastă a acestor vectori l-a răpit de la familie, de la prieteni, de la cei apropiați. Pe masa de lucru a rămas ultima carte pregătită pentru tipar, au rămas multe file albe care urmau să fie scrise...

Odihnește-te în pace!

Sergiu MATVEEV (*Chișinău*)

Lista lucrărilor științifice

Monografii

- Vestigii getice din cea de a doua epocă fierului în interfluviul Pruto-Nistorean (Iași: Helios 1996), 157 p. (în colab. cu R. Ursu Naniu).
- Vestigii din sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la est de Carpați (Chișinău: Centrul Editorial al USM 2003), 407 p.
- Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna (Chișinău: Bons Offices 2008), 408 p. (în colab. cu I. Niculiță, A. Zancoci).
- Spații sacre și practici funerare din mileniul I a. Chr. în arealul carpato-balcanic (manuscrisul tezei de doctor habilitat).

Manuale

- Istorie. Epoca străveche și antică. Manual pentru clasa a V-a, Chișinău, Lumina, 2000, 224 p. (în colab. cu I. Niculiță și V. Potlog).

Studii și articole

- Geto-dacii în istoriografia sovietică. In: Simpozia Thracologica, nr. 8 (Satu-Mare-Carei 1990), 149-150.
- Observations archeologiques et historiques sur les peuples qui ont habité le bord N-O Pontique pendant la II-eme - parti du I mill. In: Simpozia Thracologica, nr. 9 (Băile Herculane 1992), 140-141 (în colab. cu V. Cojocaru).
- Фрако-гетские городища между Карпатами и Днестром (V-III вв. до н.э.). В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1994), 180-182 (în colab. cu V. Sîrbu).
- Incinta fortificată de la Stolniceni, r. Hîncești, Rep. Moldova. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracică, I (București 1995), 378-400 (în colab. cu V. Sîrbu).
- Activitatea științifică a lui G. Smirnov privind istoria tracilor septentrionali în mileniul I a.Chr. Tyragetia I, 1996, 278-283.
- Moneda antică la est de Carpați (sec. VI-III a.Chr.). In: Omagiu închinat lui C. Drahenberg și V. Potlog (Chișinău 1997), 42-52.

- Geto-dacii la est de Carpați în sec. VI-III a.Chr. In: Anuarul Științific al Universității de Stat din Moldova (Chișinău 1998), 15-23.
- Tezaurul de la Bubuieci /Le trésor du Bubuieci. In: Simpozia Professorum, seria Istoria (Chișinău 1999), 15-16.
- Necropola getică de la Giurgiulești. In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 135-145.
- Considerations sur une découverte faite aux alentours du village Bubuieci. In: Studia Antiqua et Archaeologica VII, 2000, 351-362 (în colab. cu R. Ursu Naniu).
- Așezarea fortificată Saharna Mare. In: Istro-Pontica (Tulcea 2000), 93-104.
- Предварительные археологические исследования близ с. Мэшкэуцы, в Центральной Молдове. В сб.: Карпатика, вып. 13 (Ужгород 2001), 116-123 (în colab. cu S. Matveev).
- Arheologul Mircea Babeș la 60 de ani. Tyragetia XI, 2002, 137-138.
- Вопросы происхождения и эволюции наконечников стрел Балкано-Карпато-Понтийского региона. В сб.: Карпатика, вып. 31 (Ужгород 2004), 78-86 (în colab. cu I. Niculiță, A. Zancoci, G. Simion).
- Stepele Bugeacului în mileniile II-I a.Chr. In: Thracians and circumpontic world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology (Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 September 2004), vol. I (Chișinău 2004), 285-322 (în colab. cu R. Ursu Naniu).
- Vetre de cult componente ale spațiului din habitatul nord-balcanic (sec. VIII-III a.Chr.). In: Studii de Istorie Veche și Medievală. Studia in honorem Gheorghe Postică (Chișinău 2004), 93-104 (în colab. cu A. Belotcaci și A. Pelivan).
- La sacrifice de la femme à la mort du mari chez les Thrace. In: Aspect of Spiritual Life in SE Europe (Iași 2004), 159-171 (în colab. cu A. Belotcaci).
- Rășnițe de tip grecesc din regiunile de la nord și nord-vest de Pontul Euxin (sec. IV a.Chr. – III p.Chr.). SCIVA 54-56, 2003-2005, 221-247.

- Data About a Category of Bone Tools with the Function of Polishing and Shaping. In: *Thracia XVII* (Sofia 2007), 295-305.
- Sistemul defensiv al cetății din epoca fierului – Saharna Mare. *Tyragetia* s.n., vol. I [XVI], nr. 1, 2007, 27-62 (în colab. cu I. Niculiță, A. Zanoci).
- Cercetări arheologice la Saharna Mică. In: *Studia in honorem Florea Costea* (Brașov 2007), 83-124 (în colab. cu I. Niculiță, A. Zanoci).
- Construcțiile de suprafață din siturile de la Saharna. *Tyragetia* s.n., vol. II [XVII], nr. 1, 2008, 51-78 (în colab. cu I. Niculiță, A. Zanoci).
- Complexe hallstattiene timpurii din așezările din zona „Saharna”. In: *Gavrilă Simion la 80 de ani* (Tulcea 2008), 60-105 (în colab. cu I. Niculiță, A. Zanoci).
- Stolniceni – a new aspect of the funerary ritual at the Getic populations. In: *Funerary Practices in Central and Eastern Europe* (10th c. BC - 3rd c. AD) (Brăila-Brașov 2008), 31-40 (în colab. cu R. Ursu Naniu).
- Les sacrifices humains chez les Thraco-Getes de l’Est des Carpates. In: *Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe* (Cluj-Napoca 2008), 161-176 (în colab. cu I. Niculiță).
- Le rapport d’emplacement spatial entre les lieux d’habitat et ceux des nécropoles chez les Thraces du I-er mil. av. J.-C. *Mousaios* XIV, 2009, 121-138 (în colab. cu I. Niculiță).
- Getic funerary vestiges in the Pruth-Dniester interfluvium (6th - 3rd centuries B.C.). Rite and ritual. In: *Analele Universității Spiru Haret. Seria Istorie*, nr. 12 (București 2009), 89-98 (în colab. cu R. Ursu Naniu).
- Răspele – noi contribuții la industria osului dur de animale. In: *Studia Archeologiae et Historiae Antiquae. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur* (Chișinău 2009), 175-186.
- Piese de armament descoperite în apropierea comunei Buțeni (r-nul Hâncești). In: *Studia Archeologiae et Historiae Antiquae. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur* (Chișinău 2009), 187-190 (în colab. cu S. Matveev).
- L’inventaire funéraire - un source informative ou/et indice social et symbole religieux (Base sur les matériaux des nécropoles du Ier millénaire av. J.-C. de l’est des Carpates). *Istros* XVI, 2010, 185-206 (în colab. cu I. Niculiță).
- A short report on new osteological and taphonomical records from the Getic monument Stolniceni. *RA*, vol. V, nr. 2, 2010, 179-183 (în colab. cu R. Croitor).
- The wooden church „Saint Hierarch Nicolas” – a historical monument and a Symbol of spiritual cultura. In: *Codrul Cosminului*, nr. 1, XVII (Suceava 2011), 55-62 (în colab. cu E. Vorotneac).
- Emiterea monedei geto-dacice după originalele elenomacedonene. In: *Conspecte numismatice* (I) (Chișinău 2011), 7-10.

Teze ale comunicărilor științifice

- Mășcăuți. In: *Cronica cercetărilor arheologice* (campania 1995) (Brăila 1996), 76-77 (în colab. cu S. Matveev și C. Cirimpei).
- Rezultatele preliminare ale săpăturilor din necropola getică de la Giurgiulești. In: *Cronica săpăturilor pe anul 1997* (Călărași 1998), 128.
- Emisiile monetare barbare din vestul și nord-vestul Pontului Euxin. In: *Conferința corpului didactico-științific al USM* (Chișinău 1998), 175-176 (în colab. cu N. Țârdea).
- Practici funerare la tracii septentrionali de la est de Carpați la sfârșitul sec. VII – sec. V a.Chr. In: *Conferința științifico-didactică anuală a USM*, 22-23 mai 1998. *Rezumatul comunicărilor* (Chișinău 1998), 8-9.
- Des pratiques Funéraires chez les Anciens Thraces dans la Région Est-Carpatique. In: *Thrace and the Aegean, Eight International Congress of Thracology*, Sofia-Iambol, 25-29 september 2000 (Sofia 2000), 61-62 (în colab. cu A. Belotcaci).
- Considérations préliminaires sur le site de Saharna I. In: *Tracii și lumea circumponică. Congresul al IX-lea Internațional de Tracologie. Rezumate* (Chișinău 2004), 63-64 (în colab. cu S. Matveev și V. Bercu).

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЩЕРБАКОВОЙ

16 сентября 2012 года, в возрасте 66 лет ушла из жизни научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, известный археолог, старший преподаватель кафедры Всемирной истории, лауреат государственной премии ПМР Татьяна Александровна Щербакова.

Т.А. Щербакова родилась 23 августа 1946 г. в поселке Кочеток Чугуевского района Харьковской области, в семье рабочего. После окончания средней школы в 1964 году она поступила на исторический факультет Харьковского государственного университета, который закончила в 1969 г. За годы учебы получила хорошую археологическую подготовку под руководством таких видных археологов как Б.А. Шрамко и В.К. Михеев и серьезно увлеклась археологией. Но сразу после университета ей попасть на работу в археологические структуры не удалось и пришлось год проработать учительницей истории в средней школе села Лизогубовка Харьковского района.

С 1970 года Т.А. Щербакова начала работать в секторе археологии Института истории АН МССР в городе Кишиневе. В Академии наук Молдавии она проработала 21 год и прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Свои первые полевые работы ей пришлось проводить на известном археологическом памятнике – средневековом молдавском городище Старый Орхей под руководством П.П. Бырни. По результатам этих работ вышли ее первые публикации. Со временем, после приобретения необходимого опыта, Татьяне Александровне доверили самостоятельно проводить полевые исследования и она многократно успешно руководила археологическими экспедициями по изучению памятников широкого хронологического диапазона.

За Татьяной Александровной как за научным сотрудником была закреплена тема «Памятники позднеримского времени в низовьях Днестра и Дуная», которую она должна была разрабатывать в связи с научным планом археологических исследований отдела. И тема, и регион исследования были сложными, несмотря на то, что в это время в Молдавии проводились широкомасштабные археологические работы. Юг республики не только был мало исследован в полевом отношении, в связи с чем существовало устойчивое убеждение о его слабой заселенности в древности, но и по определенным причинам был трудным для проведения полевых

археологических работ. Татьяной Александровной было принято решение начать изыскания с широкомасштабных разведок. Этому в тот период способствовало также и то, что на юге внедрялся масштабный проект по осуществлению переброски пресных вод с Дуная для проведения орошения на довольно больших площадях.

Разведки принесли первые результаты и после этого началась целенаправленная и кропотливая работа по изучению древностей позднеримского времени на юге Молдавии. Были исследованы большими площадями поселения и могильники у сел Этулия, Чишмикиой, Чалык, Томай, Екатериновка и др. Очень важно было то, что Татьяна Александровна сразу же обратила внимание на поселения позднеримского времени с довольно бедным культурным слоем, которые ранее исследователи считали неперспективными для стационарных раскопок. Т.А. Щербакова именно им отдала предпочтение в своих исследованиях. Упорный труд, хорошее знание материала и чувство археологического пред-

видения позволили ей сделать серьезное открытие там, где его не ожидали. Изучая и сопоставляя материалы, она выделила новый культурно-хронологический тип в археологических древностях позднееримского времени междуречья Днестра и Дуная, который получил название памятники типа Этулия. Свои выводы она аргументированно обосновала в ряде опубликованных ею работ.

В это же время, Татьяна Александровна принимала активное участие в археологических конференциях и симпозиумах, которые проходили в Кишиневе, Киеве, Москве, Ленинграде, Варшаве, Кракове и других городах. Ее доклады отличались широтой и важностью поставленных задач. Ученые признали значимость и актуальность темы, связанной с изучением выделенных Т.А. Щербаковой памятников типа Этулия в южном регионе. Позже, работая на многослойном Алчедарском поселении, Татьяна Александровна выявила древности типа Этулия и в центральной части Молдавии.

Следует отметить и ту большую работу, которую Татьяна Александровна провела при подготовке к изданию монографии «Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э.». После преждевременной и внезапной смерти исследователя могильника Данчены И.А. Рафаловича материалы остались в отчетах и в хранилище. Нужно было провести большую черновую работу и систематизировать все материалы, т.е. практически подготовить монографию с нуля, ибо для ее написания И.А. Рафалович успел мало что сделать. Эту работу Татьяна Александровна под руководством М.Б. Щукина успешно выполнила. М.Б. Щукиным и Т.А. Щербаковой был подготовлен очень важный раздел, посвященный хронологии Данченского могильника, опубликованный в указанной монографии. Издание монографически материалов Данченского могильника, которые не успел опубликовать И.А. Рафалович, позволило ввести в научный оборот новый важный археологический источник и увековечить память его исследователя.

70-80-ые годы XX века были «золотым» временем для советской археологии. В Молдавии также велись активные археологические исследования. Кроме запланированных в научных планах археологических раскопок, проводились широкомасштабные и интенсивные хозяйственные работы, направленные на изучение памятников в многочисленных зонах активной хозяйственной деятельности, осуществляемой в «застойный» период. Работы, выполненные тогда, продолжают и по сей день питать историческую науку археологическими источниками, которые еще долго будут обрабатываться, осмысливаться и вводиться в научный оборот.

В 1990 году Т.А. Щербакова как начальник Рыбницкой археологической экспедиции провела последние свои хозяйственные работы, раскопав у села Мокра Рыбницкого района пять курганов. Особый интерес среди полученных материалов вызывали сарматские комплексы, которые в 1993 году были изданы в альбоме-каталоге «Сармато-аланские древности (курганные захоронения близ с. Мокра)», полная же публикация материалов всех пяти курганов была осуществлена монографически в 2003 году.

В 1991 году, в силу сложившихся обстоятельств, Т.А. Щербакова переехала в город Тирасполь, где и работала в Приднестровском государственном университете имени Т.Г. Шевченко до своей кончины. Татьяна Александровна принимала самое активное участие в создании и становлении научно-исследовательской лаборатории «Археология» в этом же университете. Являясь сотрудником лаборатории, она начиная с 1993 года проводила раскопки многослойного поселения у села Чобурчию Слободзевского района. Несомненной ее заслугой является обоснованное выделение трех культурно-хронологических горизонтов на этом памятнике. Особенно же важно то, что она, благодаря находкам и анализу амфорных клейм, сделала вывод, что поселение Чобурчию было обитаемым на протяжении всего III и в первой четверти II в. до н.э.

Таким образом, благодаря исследованиям Т.А. Щербаковой, которая определила материалы второго горизонта на поселении как позднескифские, стало ясно, что в III – начале II в. до н.э. Нижнее Поднестровье не являлось «скифским хиатусом», а активно функционировало. Проживавшее на поселении население вело оживленные торговые связи минимум с пятью античными центрами, откуда поступали различные товары, в том числе и клейменные амфоры. Таким образом, благодаря Татьяне Александровне, на поселении у села Чобурчию получен очень важный, а в ряде случаев уникальный материал, позволяющий судить о культурно-исторических процессах, имевших место в середине I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. в Северо-Западном Причерноморье в целом и в Приднестровье в частности.

В 1994 году Татьяна Александровна на левобережье Нижнего Поднестровья у пгт. Слободзея раскопала замечательный курган. Ценность полученных при исследовании материалов из кургана заключалась в широте диапазона охвата доисторических и исторических культур региона, существовавших на этой территории от энеолита до средневековья. Особого внимания заслуживал представительный могильник средневековых кочевников, отложившийся на исследованном памятнике. Мо-

гильник средневековых кочевников является отражением сложных событий конца VIII – первой половины IX в. и в настоящее время представляет первое и фактически уникальное явление на территории Дунай-Днестровского междуречья. По материалам этого могильника в 2008 году была издана монография «Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)».

Татьяной Александровной опубликовано около 60 научных работ, в том числе несколько монографий. Все они отличаются высоким научным уровнем, глубиной анализа и обоснованностью исторических выводов. Как соавтор первого тома трехтомной «Истории Приднестровской Молдавской Республики» она является лауреатом государственной премии ПМР. Татьяна Александровна с момента переезда в Тирасполь работала также старшим преподавателем кафедры Всеобщей истории на историческом фа-

культете ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Она разработала и читала курсы: «Основы этнологии», «История первобытного общества», «История Древней Греции и Рима», «Культурология» и ряд спецкурсов. Много сил и времени Татьяна Александровна отдавала руководству дипломниками по самой разнообразной тематике древней истории и этнологии. Все они успешно защитили дипломные работы и плодотворно работают в Тирасполе и за его пределами.

Татьяна Александровна Щербакова была жизненнолюбивым и жизнерадостным человеком, всегда проявляла живой интерес к делам лаборатории, кафедры, ко всему происходящему. Добрый и отзывчивый человек, она привлекала сердца людей, особенно молодежи, которая всегда находила у нее совет и дружескую поддержку.

Все, кто знал Татьяну Александровну, учился у нее и работал с ней, навсегда сохранят о ней добрую память.

Н.П. ТЕЛЬНОВ (*Кишинэу*)

ANTROPOLOGUL BASARABEAN ALEXANDRU N. DONICI

Sergiu POPOVICI, Chișinău

“Printre basarabenii care s-au evidențiat și lucrează pe țărmul științei, trebuie mai întâi de toate să-l pomenim pe A.N. Donici, asistentul laboratorului de antropologie la Universitatea din Geneva. Trebuie să-l notăm pe d-nul. Donici, nu numai pentru faptul că el este un savant serios și solid, un adânc cunoscător al obiectului său, dar și pentru motivul că ramura de știință în care lucrează – antropologia – este inaccesibilă marelui public și în această materie cineva poate să fie mare savant, să aibă un nume mondial și totodată să rămână cu totul necunoscut concetățenilor săi” (Недзельский, 1932, 14).

“Aprecierile elogioase ale românilor se fac mai mult în străinătate decât la noi. Iar noi prețuim doar ceea ce vine din străinătate” (Bezveconnâi 1935, 134).

Cu aceste precizări în chip de preambul, putem porni spre redescoperirea personalității care a știut să promoveze antropologia basarabească în marele foruri științifice europene.

Alexandru N. Donici descinde dintr-o familie veche de nobili basarabeni, este rudă îndepărtată a fabulistului Alexandru Donici și reieșind din raporturile de rudenie cu acesta, este văr (al VII-lea) cu Nicolae Donici, „astronomul de la Dubăsari” (Гаина, Волянская 1997, 12-14). Se naște pe 15 iunie 1886 la Chișinău în familia lui Nicolae și Ana (Dobrova) Donici. O bună parte a copilăriei sale o petrece în nordul Basarabiei, la Noua Suliță, jud. Hotin și la Năvîrneț, jud. Bălți (Calendarul... 2006, 189). Probabil că atunci, în perioada fragedă a copilăriei sale, fiind înconjurat de splendoarea naturii, polietnicității și policulturalismului podișurilor Moldovei de Nord, îi încolțește dragostea față de antropologia basarabească. Credem că anume din aceste considerente cu mulți ani mai târziu se întoarce la Năvîrneț, unde cu ocazia unor cercetări arheologice de suprafață culege o colecție bogată de „scule preistorice” pe care o prezintă în cadrul unei întruniri științifice a universității din Geneva (Donici 1931, 4-5). Întorcându-se la Chișinău, tânărul Alexandru Donici este înmatriculat la Liceul Regional al Nobilimii (devenit „B.P. Hajdeu”, în perioada interbelică *n.a.*), de unde a fost transferat la un liceu din Kiev. Studiile liceale le absolveste în 1905. Tot în acest an emigrează în Franța, fiind urmărit pentru viziunile sale politice de către autoritățile monarhiei rusești (Moroșan 1935, 62-63). Urmează studiile universitare la Paris și Geneva, unde susține cu brio toate examenele și obține licența în Științe Naturale. Către această perioadă primește de la părinții săi o moșie cu suprafața de 1000 de hectare. Însă după aprobarea reformei agrare pentru Basarabia în

noiembrie 1918 și decretarea acestuia la 21 Decembrie 1918 (Mon. Of. 1920, 38), i-a fost expropriată întreaga avere. Atunci tânărul A. Donici decide să se stabilească definitiv la Geneva (Moroșan 1936, 12).

La Geneva, frecventeză cursurile ținute de ilustrul profesor Eugène Pittard (1867–1962), fondatorul Muzeului de Etnografie din Geneva (1902), a Institutului Suedez de Antropologie (1912) și a revistei „*Les Archives suisses d'anthropologie générale*” (1914). Apreciind cunoștințele solide ale tânărului basarabean, Eugène Pittard îl angajează pentru „muncă benevolă” în cadrul laboratorului său de antropologie. Probabil că anume acest gest al profesorului Pittard a constituit un punct de cotitură în viața tânărului Donici, care l-a marcat și i-a predefinit domeniul în care va activa până la ultima suflare. Urmează o perioadă a călătoriilor și documentărilor pe care le întreprinde în Franța și Egipt, de unde se întorcea cu colecții bogate de mostre antropologice, etnologice și arheologice autentice. Una dintre aceste colecții o donează în 1925 Secției Arheologice a Muzeului de Istorie Naturală din Chișinău (Moroșan 1936, 18).

Fig. 1. Chișinău, hotelul „Suisse” (gazda preferată a antropologului).

Primele lucrări științifice A. Donici le publică împreună cu mentorul său științific Eugène Pittard. Debutează cu lucrarea „*Répartition géographique dans le royaume de Roumanie de quelques caracteres anthropologiques*” (Pittard, Donici 1926, 49-114). Investigațiile sale antropologice asupra materialelor din România tratează un spectru larg de probleme: repartitia geografică a câtorva caractere antropologice (talie, culoarea părului, culoarea ochilor), repartitia indicelui cefalic, nasul, măsurile și indiciile craniene, studii privind culoarea ochilor și părului băștinașilor din Basarabia (Donici 1927, 28) etc.

În perioada anilor 1928-1929 efectuează cercetări perieghetice în Franța la o serie de monumente arheologice cunoscute, având norocul să descopere și câteva situri noi. Printre acestea se remarcă descoperirea unui dolmen în localitatea Châtellerault (Donici 1928, 69). Inspirat probabil de colecțiile bogate ale laboratorului de antropologie în piese litice din epoca pietrei, interpretează mai multe investigații de colectare a materialului litic în stațiunile din departamentul Dordogne din sud-vestul Franței (Pittard, Donici 1929, 195). La fel este preocupat și de antropologia peninsulei Anatolice. În urma mai multor investigații de teren efectuate acolo, apoi și de laborator, împreună cu profesorul său publică *Contributions à l'étude*

anthropologiques des Turcs d'Asie Mineure (Pittard, Donici 1929a, 3-32). Începutul anilor 30 sunt marcați de o atenție tot mai mare pe care cercetătorul o acordă materialelor antropologice din Basarabia. Probabil anume atunci a fost pusă o bază solidă pentru apariția în viitor a celei mai importante dintre lucrările sale *Crania Scythica: Contribution à l'étude anthropologique du crâne scythe et essai relatif à l'origine géographique des scythes*. Acest studiu, asupra căruia autorul a lucrat cca 5 ani, a fost premiat în primăvara anului 1935 cu un deosebit fast în *dies academicus* ale Universității din Geneva, învrednicindu-se de premiul *Edouard Claparide* cu mențiunea „*laureat de l'Université de Genève*”. Studiul a fost ales din cele 15 lucrări cu subiecte diferite, prezentate pentru premiul indicat (Moroșan 1936, 14). Datorită succesului de care s-a bucurat lucrarea în mediul științific, Academia Română a publicat-o în toamna anului 1935. În acest studiu autorul prezintă rezultatele cercetărilor sale asupra a 77 cranii (57 de bărbați și 20 de femei), obținute din săpăturile de la est de Carpați și inclusiv din săpăturile soților Stempkovskii de la sfârșitul secolului XIX (Musteață, Varzari 2011, 287). Tot în acest an face o scurtă, dar productivă vizită la Chișinău, pentru a culege material etnografic din taberele de țigani amplasate din abundență în jurul Chișinău-

lui. Oprindu-se în hotelul „Suisse”, acesta transformă camera sa de hotel într-un veritabil depozit de materiale etnografice. Nicolae Moroșan în amintirile sale scrie că „nu a fost nici o persoană care să-l fi fost vizitat la hotel, fără ca iubitul Donici să nu-i fi arătat colecția obținută.” (Moroșan 1936, 17). La acel moment duce ultimele tratative cu editura „Tiparul Moldovenesc” pentru a publica aici în Basarabia o lucrare de popularizare a științei antropologice, intitulată *În negura vremurilor. Omul diluvial în Europa* (Donici 1935). Lucrarea este scrisă într-o manieră accesibilă, unde se evită nomenclatura științifică și pentru atenția unui cerc mai larg de cititori, se tratează epocile pietrei și cuprului. Tot în acest an, autorul promite continuarea respectivei lucrări prin publicarea unui studiu despre epocile bronzului și ale fierului care însă nu a mai văzut lumina tiparului. Deseori în studiile sale privind Basarabia revenea asupra bogăției și valorii deosebite a materialului antropologic, paleoantropologic, arheologic și etnologic al acestei

regiuni. Întorcându-se la Geneva, prelucrează materialele culese în Basarabia și le prezintă pentru publicare Academiei Române (Donici 1936, 143-150). Însă organismul său slăbit dădea semne de o anormală funcționare. În luna mai, pe data de 13 a anului 1936, la un moment dat bătăile inimii s-au oprit, adormindu-l într-un somn de răpire pentru veșnicie, pe savantul și antropologul nostru basarabean Alexandru N. Donici.

Meritele sale științifice s-au reflectat pe bună dreptate și în titlurile pe care le obținuse în timpul vieții: doctor în antropologie, membru al Asociației Elvețiene de Antropologie, membru al Societății Elvețiene de Preistorie, membru al Institutului Internațional de Antropologie etc. (IDA 1938, 253).

Cu siguranță că colecțiile sale antropologice, operele de o valoare considerabilă, unele dintre care nu și-au pierdut din actualitate până în prezent, reprezintă un monument durabil pe care Alexandru N. Donici l-a edificat pentru Basarabia.

Lista lucrărilor publicate de către Alexandru N. Donici:

1926

Donici A. (cu Pittard E.), Répartition géographique dans le royaume de Roumanie de quelques caracteres anthropologiques, în: *Mémoire du Globe*, vol. LXV, pag. 49-114 (Geneva 1926).

Donici A. (cu Pittard E.), Etude sur l'indice céphalique en Roumanie avec un essai de répartition géographique de ce caractère, în: *Buletinul Societății române regale de geografie*, vol. XLV (București 1926).

1927

Donici A. (cu Pittard E.), L'indice nasal des Roumains et sa répartition géographique dans le royaume de Roumanie, în: *Buletinul Societății române regale de geografie*, vol. XLVI. (București 1927).

Donici A. (cu Pittard E.), La répartition géographique l'indice nasal des Roumanie, în: *Actes de la Societe Helvetique des Sciences Naturelles*, vol. II, pag. 226-227 (Bâle 1927).

Donici A. (cu Pittard E.), Les changements de l'indice céphalique en fonction de la taille croissante, în: *Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*, vol. VIII, pag. 39-51 (Paris 1927).

Donici A. Etude anthropologique de 2125 roumains (Paris 1927).

Donici A. (cu Pittard E.), Les pierres de jet d'une station intermédiaire entre le Moustérien et l'Aurignacien (Dordogne), în: *L'Homme préhistorique*, pag. 209-219 (Paris 1927).

Donici A. (cu Pittard E.), Une nouvelle station (?) magdalénienne dans la Dordogne: Le Moulin de Rochecaille, în: *Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie*, vol. V, pag. 111-116 (Geneva 1927).

1928

Donici A. (cu Pittard E.), Sur les discs plats provenant d'une station intermédiaire entre le Moustérien et l'Aurignacien, în: *C.R.III, Session d'institute international. d'arthropologie*, Amsterdam 1927, pag. 246-259 (Paris 1928).

Donici A., Un dolmen inédit. La maison du Fadet à Cenon, arondissement de Châtellerauit (Vienne), în: *Revue Anthropologique*, no. 10-12 (Paris 1928).

1929

Donici A. (cu Pittard E.), Plèces à coches, scies, crênellées, perciers provenant d'une station intermédiaire entre le Moustérien et l'Aurignacien en Dordogne, în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. V, nr. 2, pag. 195-215 (Geneva 1929).

Donici A., Une nouvelle station aurignacienne: la station du „Frontenieux”, commune de Saint-Pierre-de-Maille (Vienne), în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. V, nr. 2, pag. 186-194 (Geneva 1929).

Donici A. (cu Pittard E.), Les premiers grattoirs paléolithiques, în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. V, nr. 3, pag. 57-70 (Geneva 1929).

Donici A. (cu Pittard E.), Contributions à l'étude anthropologiques des Turcs d'Asie Mineure, în: *Revue turque d'anthropologie*, no 18, pag. 3-32 (Istamboul 1929).

1930

Donici A. Une nouvelle station aurignacienne à St-Pierre-de-Maille (Vienne), în: *Bulletins de la Société Suisse d'Anthropologie et d'Ethnographie* 1929/30, pag. 17-19 (Berne 1930).

Donici A. (cu Pittard E.), Le développement des trois grandeurs principales du crâne et fonction de la taille. Son influence sur la valeur de l'indice céphalique chez quelques groupes ethniques comparés, în: *L'anthropologie*, vol. XL, pag. 267-292 (Paris 1930).

Donici A. (cu Pittard E.), Essai de reconstitution de la taille à l'aide des dimensions du crâne, în *C.R. Congress international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Et VI-e session, Portugal 21-30 septembre 1930* (Paris 1930).

Donici A. (cu Pittard E.), A propos de la reconstitution approximative de la stature d'après les mesures craniennes.

Cas des types dolichocéphales et brachicéphales, în: *Bulletins de la Société d'Et. formes hum. Soc. de Morphol.*, 8-me année, pag. 238-240 (Paris 1930).

Donici A., Note sur quelques crânes scythes, în: *Revue Anthropologique*, n-os 7-9, pag. 36-40 (Paris 1930).

1931

Donici A. (cu Pittard E.), Quelque crânes anciens de Roumanie présentant la déformation macrocéphalique în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. VI, nr. 1, pag. 44-54 (Geneva 1931).

Donici A. (cu Pittard E.), Les grandeurs principales de crâne comparées à la stature chez les hommes fossiles în: *Bulletins de la Société Suisse d'Anthropologie et d'Ethnographie* 1930/31, pag. 21-34 (Berne 1931).

Donici A., Contribution a l'étude anthropologiques de scythes, în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. V, nr. 3 (Geneva 1931).

Donici A., Note sur un crâne néolithique provenant de Bessarabie, în: C.R. XV-e Congress international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, pag. 114-115 (Paris 1931).

Donici A. (cu Pittard E.), Deux objet exceptionnels provenant d'une station aurignacienne, în: C.R. XV-e Congress international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, pag. 501-505 (Paris 1931).

Donici A., Déformation cranienne en Bessarabie, în: *Association Française Avanc. Sc. 55. Ses, Congress de Nancy*, pag. 294-296 (Paris 1931).

1933

Donici A., Un station neolithique à Montcerf (Siene et Marne), în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. VI, nr. 2. 1932/32 (Geneva 1933).

1934

Donici A., Contribution à l'étude anthropologiques des burdognes, în: *Actes de la Societe Helvetique des Sciences Naturelles*, session 114-1933, pag. 400-412 (Aarau 1934).

Donici A., Contribution à l'étude anthropologiques des burdognes, în: *Bulletins de la Société Suisse d'Anthropologie et d'Ethnographie* 1930/31, pag. 12-25 (Altorf 1934).

Donici A. (cu Pittard E.), Encore quelques points d'aspect moustérien provenant d'une station intermédiaire entre le Moustérien et l'Aurignacien, în: *Mélanges de préhistoire et d'anthropologie offerts au Prof. Begouen*, pag. 234-242 (prezentat în 1934, apărut în 1938). (Toulouse 1938).

1935

Donici A., *Crania Scythica*: Contribution à l'étude anthropologique du crâne scythe et essai relatif à l'origine géographique des scythes. *Academia Română, Memoriile Secțiilor Științifice*, Ser. III, vol. X, mem. 9 (București 1935).

Donici A., Essai relatif à l'origine géographique des Scythes în: *Actes de la Societe Helvetique des Sciences Naturelles*, session 115-1935 (Aarau 1935).

Donici A., În negura vremurilor: Omul diluvial în Europa (Chișinău 1935).

1936

Donici A., Contribution a l'étude anthropologiques de roumains. Les mesures et les indices du crâne humain en Bessarabie, în: *Academia Română, Bulletin de la section Scientiphique*, an. XVII, no. 7-8 (București 1936).

Bibliografie

Bezveconnâi 1935: Gheorghe G. Bezveconnâi, Contribuții la istoria boierimii basarabene. In: *Din trecutul nostru*, anul III, nr. 17-20 (Chișinău 1935).

Calendarul... 2006: Calendarul național 2006 (Chișinău 2006).

Donici 1927: Donici A., Etude anthropologique de 2125 roumains (Paris 1927).

Donici 1928: Donici A., Un dolmen inédit. La maison du Fadet à Cenon, arrondissement de Châtelleraut (Vienne). *Revue Anthropologique*, no. 10-12 (Paris 1928).

Donici 1931: Donici A., Contribution a l'étude anthropologiques de scythes, în: *Archives suisses d'anthropologie générale*, Vol. V, nr. 3 (Geneva 1931).

Donici 1935: Donici A., În negura vremurilor: Omul diluvial în Europa (Chișinău 1935).

Donici 1936: Donici A., Contribution a l'étude anthropologiques de roumains. Les mesures et les indices du crâne humain en Bessarabie. In: *Academia Română, Bulletin de la section Scientiphique*, an. XVII, no. 7-8 (București 1936).

IDA 1938: Alex. Donici, în: *International directory of anthropologists*. National Research Council (U.S.), Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. Vol I (Washington 1938).

Mon. Of. 1920: Monitorul Oficial 258 din 13 martie 1920 (M. Of. 258/1920) (București 1920).

Moroșan 1935: Moroșan N., Donici Alexandru. „În negura vremurilor”, recenzie în: *Viața Basarabiei*, nr. 10 (Chișinău 1935), 62-63.

Moroșan 1936: Moroșan N., †Alex. Donici. *Viața Basarabiei*, nr. 11-12 (Chișinău 1936), 11-23.

Musteață, Varzari 2011: Musteață S., Varzari A. A brief history and current state of physical anthropology in Moldova. *The Routledge Handbook of Archaeological Human Remains and Legislation* (Abingdon 2011).

Pittard, Donici 1926: Pittard E., Donici A., Répartition géographique dans le royaume de Roumanie de quelques caracteres anthropologiques, în: *Mémoire du Globe*, vol. LXV (Geneva 1926), 49-114.

Pittard, Donici 1929: Pittard E., Donici A., Plèces à coches, scies, crénellées, perciers provenant d'une station intermédiaire entre le Moustérien et l'Aurignacien en Dordogne. In: *Archives suisses d'anthropologie générale*, vol. V, nr. 2 (Geneva 1929).

Pittard, Donici 1929a: Pittard E., Donici A., Contributions à l'étude anthropologiques des Turcs d'Asie Mineure, în: *Revue turque d'anthropologie*, no 18 (Istamboul 1929), 3-32.

Гаина, Волянская 1997: А.Б. Гаина, М.Ю. Волянская, О работах по астро приборостроению Н.Н. Донича. In: *Страницы истории астрономии в Одессе*, т. 4 (Odessa 1997), 12-14.

Недзельский, 1932: В. Недзельский, Антрополог Александр Донич. In: *Бессарабское слово*, nr. 2527, за 1932 г. (Chișinău 1932).

S. POPOVICI (Chișinău)

**LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ –
LIST OF ABBREVIATION**

AA	Anthropologischer Anzeiger, Journal of Biological and Clinical Anthropology, Stuttgart
ACTA MEDICA (Hradec Kralove)	Charles University, Faculty of Medicine Hradec Kralove, Czech Rep.
AJDC	American Journal of Diseases of Children, Child Health Institute, Chicago
AJPA	American Journal of Physical Anthropology, American Association of Physical Anthropologists, Hoboken, New Jersey
Akademios	Academia de Științe a Moldovei, Chișinău
AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
AMET	Anuarul Muzeului Etnografic al Transilvaniei, Cluj
AMN	Acta Musei Naposensis, Cluj-Napoca
AMNAIM	Arhiva Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
AMP	Acta Musei Porolissensis, Zalău
AMT	Acta Musei Tutovens, Muzeul „Vasile Pârvan”, Bârlad
Angustia	Revista Angustia, Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe
ANN. MED. LEG. CRIMINOL. POLICE SCI. TOXICOL.	Annales de Medecine Legale, Criminologie, Police, Scientifique et Toxicologie, Société de médecine légale de France, Paris
ANTHROPOS	Anthropos Institute, Sankt Augustin, Germany
Anuar	Revista Muzeului Național de Istorie a Moldovei (1991-1996), Chișinău
APAO	Archaeology & Physical Anthropology in Oceania, University of Sydney, Australia
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii, Alba Iulia
Archaeometry	Archaeometry, Oxford
ASI	Anatomical Science International, Japanese Association of Anatomists, Chiba University Graduate School of Medicine, Chiba, Japan
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassensis, Institutul de Arheologie, Iași
BAM	Bibliotheca Archaeologica Moldaviae, Iași
BAR	British Archaeological Reports, Oxford
BB	Bibliotheca Brukenthal, Sibiu
BHAB	Bibliotheca Historica et Archaeologica Banatica, Timișoara
BL	Buletinul Lunar. Biblioteca Academiei Române, București
BMA	Biblioteca MA
BMSAP	Bulletine et Memoires de la Societe d ‘Anthropologie de Paris, Societe d’anthropologie de Paris, Musee de l’Homme, Laboratoire d’anthropologie, Paris
BNYAM	Bulletin of the New York Academy of Medicine, The New York Academy of Medicine, New York
BSNR	Buletinul Societății Numismatice Române, Academia Română, București
BRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, Frankfurt am Main
B.THR	Biblioteca Thracologica, București
Carpica	Carpica, Muzeul județean de istorie „Iulian Antonescu”, Bacău
CA	Cercetări Arheologice, Muzeul Național de Istorie a României, București
CA	Current Anthropology, University of Chicago
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CCAR	Cronica cercetărilor arheologice din România, București
CI	Cercetări Istoric, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași
CN	Cercetări numismatice, Muzeul Național de Istorie a României, București
CNA	Cronica numismatică și arheologică, București
Crisia	Crisia, Muzeul Țării Crișurilor, Oradea
Dacia	Dacia, Recherches et Découvertes Archeologiques en Roumanie, București, I (1924) –XII (1948). Nouvelle Série: Revue d’Archéologie et d’Histoire Ancienne, București
DAJ	Dental Anthropology Journal, Arizona State University, Tempe
EA	Eurasia Antiqua, Berlin
EN	Ephemeris Napocensis, Cluj-Napoca
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
FA	Fasti Archaeologici, Firenze
FI	File de istorie, Muzeul Județean Bistrița Năsăud, Bistrița
FolArch	Folia Archaeologica. Annales Musei Nationalis Hungarici, Budapest
Germania	Germania, Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, Mainz am Rhein
HB	Human Biology, Human Biology Association, USA

Hierasus	Hierasus, Muzeul Județean Botoșani, Botoșani
IJM	International Journal of Morphology, Sociedad Chilena de Anatomia, Temuco, Chile
IJO	International Journal of Osteoarchaeology, University of Nevada, SUA
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
JbRGZM	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz.
JDR	Journal of Dental Research, University of Michigan, USA
JHE	Journal of Human Evolution, University of Toronto, Canada
JIRRS	Journal for Interdisciplinary Research on Religion and Science, Iași
JMG	Journal of Medical Genetics, BMJ Group, London, UK
JWMPA	Journal of Western Mediterranean Prehistory and Antiquity, Barcelona
Labirint	Labirint. Вестник кишиневского клуба коллекционеров, Кишинев
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra-Neamț
Mat. Stroz.	Materiały Starożytne, Wrocław-Warszawa-Kraków
MCA	Materiale și Cercetări Arheologie, București
MN	Muzeul Național, București
NK	Numizmatikai Közlöny, Budapest
MQ	Mankind Quarterly, The Council for Social and Economic Studies, Washington, DC, USA
OA	Opuscula Archaeologica, Zagreb
OJA	Oxford Journal of Archaeology, University of Oxford, Oxford
ÖZBH	Österreichische Zeitschrift für Berg- und Hüttenwesen, Wien
PAS	Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, München
PBF	Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
Peuce	Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie, Tulcea
PMJ	Professional Medical; Journal, Faisalabad, Pakistan
Pontica	Pontica, Constanța
Pyretus	Revista Muzeului de Istorie și Etnografie, Ungheni
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
RADIOLOGY	Radiological Society of North America, University of Chicago, USA
REAP	Revue de l'Ecole d'anthropologie de Paris, Institut international d'anthropologie, Paris, France
RI	Revista Istorică, București
RMM-MIA	Revista Muzeelor și Monumentelor, seria Monumente Istorice și de Artă, București
RSEA	Revista de studii euro-asiatice, Constanța
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica, Universitatea „Al.I. Cuza”, Iași
SAO	Studia et Acta Orientalia, București
SCGG	Studii și Cercetări, Geologie-Geografie, Bistrița
SC	Studii Clasice, Cluj
SCIENCE	American Association for the Advancement of Science, Washington, D.C., USA
SCN	Studii și Cercetări Numismatice, Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SlovArch	Slovenská Archeologia, Bratislava
SMI	Studii și Materiale de Istorie. Muzeul Suceava, Suceava
Stratum plus	Stratum plus, Școala Antropologică Superioară, Chișinău
Stvdia	Stvdia-Bibliotheca Cymidavae, Muzeul Județean de Istorie, Brașov
Suceava	Suceava. Studii și Materiale, Anuarul Muzeului Județean, Suceava
SN	Simpozion de Numismatică, București
SZ	Studijné Zvesti, Nitra
TD	Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, București
Tyragetia	Tyragetia, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
TÜBA-AR	Annual Journal of Archaeology, Istanbul
UJMS	Upsala Journal of Medical Sciences, Upsala Medical Society, San Diego, USA
VARIABILITY AND EVOLUTION	Institute of Anthropology, Poznan, Poland
ZfA	Zeitschrift für Archäologie, Berlin
WA	World Archaeology, London
AA	Археологический альманах, Донецк
AB	Археологические Вести, Санкт-Петербург
ADU	Археологічні дослідження України, Київ
AIM	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
AKM	Археологическая карта Молдавии, Кишинев
АП УРСР	Археологічні пам'ятки Української РСР

АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
АО	Археологические открытия в СССР, Москва
Археологія	Археологія, Київ
ВДИ	Вестник древней истории
ВЗ	Вестник зоологии, Киев
ДП	Древнее Причерноморье, Одесса
ДСПК	Древности Северного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЕТЦ	Енциклопедія трипільської цивілізації, Київ
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества, Одесса
Изв. МФ АН СССР	Известия Молдавского филиала АН СССР, Кишинев
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР	Краткие сообщения Института Археологии АН УССР, Киев, Украина
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва, Россия
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Государственного Археологического Музея, Одесса
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь
МАСП	Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МДАПВ	Материали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині, Киев
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИА ЮЗ СССР и РНР	Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР, Кишинев
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ
НФ	Нумизматика и Фалеристика, Киев
ПАВ	Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, Запорожье
ТГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград
ТКИЧП	Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, Москва

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE

Stimați colegi,

**Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei
vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* - volumul IX, nr. 1-2**

Considerații generale:

Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor științelor interdisciplinare în domeniu, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:

lucrări de sinteză;

discuții;

materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;

lucrări muzeografice;

studii și materiale ale științelor interdisciplinare;

recenzii și prezentări de cărți;

personalia;

antologii;

cronica cercetărilor științifice;

sistemul de ocrotire a siturilor arheologice conform normelor internaționale.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, lucrările muzeografice, studiile și materialele științelor interdisciplinare prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*. Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

III. Planșele cu materialul ilustrativ:

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română, legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se vor prezenta și în format electronic (TIF - nu mai puțin de 600 dpi).

IV. Bibliografie:

Notele bibliografice din text se prezintă în formă originală (caractere latine sau chirilice).

Exemple de note bibliografice în text: (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Петров 1999, 15, рис. 3,4-6).

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, după cerințele/modelele următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpätenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, jurnale etc.):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: E. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor științifice și actelor de arhivă:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bichbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Nr.inv. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor.

VI. Date despre autor:

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărți, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacția autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maxim - 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spațiu).

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul IX, nr. 1-2 este 31 august 2013

Manuscrisele și varianta electronică pot fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Informații suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: ipatrimoniul@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги,

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие
в издании *Археологического Журнала* - том IX, № 1-2

Основные положения:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территорий. Основные рубрики журнала:

аналитические работы;

материалы и результаты полевых исследований;

музеография;

междисциплинарные исследования;

рецензии;

антологии;

персоналии;

хроника научных исследований.

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языке.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по музеографии и междисциплинарным исследованиям:

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация:

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском*; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,0*.

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*. Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включительно иллюстрации и список литературы.

III. Иллюстрации:

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден легендой. В случае работ на русском или румынском языке легенды рисунков должны быть переведены на английский, немецкий или французский язык. Желательно представить иллюстрированный материал и в электронном виде (TIF, не менее 600 dpi).

IV. Библиография:

Сноски на библиографию в основном тексте даются в оригинале согласно следующей форме: (Петров 1999, 15, рис. 3,4-6); (Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzru). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений.**VI. Сведения об авторе:**

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail.

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Такие работы могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Максимальный объем рукописи 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Последний срок сдачи материалов в том IX, № 1-2, 31 августа 2013 г.

Рукописи и электронный вариант могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com

**INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION
IN THE *ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE***

Dear colleagues,

**The Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part
in the issue of the *Archaeological Magazine* - Vol. IX, Nr. 1-2**

The Main Provisions:

Papers on Archaeology and applied sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review. The main rubrics of the review are as follows:

analytical works,

materials and results of the field surveys,

museum articles,

applied researches,

reviews,

anthologies,

personalities,

chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French. The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

**The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museum matters
and applied researches:**

Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museum matters and applied researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary):

An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text¹. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*.

II. The main text:

The main text must be presented in the form of a manuscript in an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,5*. The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations:

The illustrations must be presented in an A4 format in a graphic representation. Each illustration (figure) must bear a numeric sign and a legend. If a paper is in Russian or Romanian, the legends of the illustrations must be translated in English, German or French. It is desirable to present illustration in an electronic format (TIF).

IV. Bibliography:

The references must be given in the original language in accordance with the following form (Петров 1999, 15, рис. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

The list of the used literature must be given in an alphabetic order at the end of the main text, but with observing the following requirements.

Samples for Monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978). **Аванесова 1991:** Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Samples for Papers, published in the reviews:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969) 110-122.

Samples for Papers, published in the periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Samples for Papers, published in the papers of conferences and seminars:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Samples for Scientific reports and archives:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations.

VI. The Data on the Author:

Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,5*. The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 20000 symbols

The deadline for submitting papers vol. IX, nr. 1-2 is August 31, 2013

The manuscripts and the electronic version on a diskette can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine*, Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 59

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com

LISTA

instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin, Deutschland
Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland
Bibliothèque de Préhistoire LAMPEA-MMSH 5, rue du Château de L'Horologe, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France
MTA Regeszeti Intezete Budapest, Uri u. 49, 10145, Ungarn
Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България
Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”, Academia Română, str. Henri Coandă nr.11, București, România, 71119
Institutul de Arheologie, Academia Română - Filiala Iași, str. Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107
Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor, Academia Română - Filiala Cluj, str. Constantin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020
Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, str. Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029
Asociația de studii pentru arheologie funerară – Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, str. 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800
Институт Археологии, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036
Институт Истории Материальной Культуры, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Институт Археології, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210
Государственный Эрмитаж, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Одеський Археологічний Музей, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026
Кафедра археологии исторического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990
Кафедра археологии исторического факультета, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Кафедра археологии та музеєзнавства. Історичний факультет, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ - 33, Україна
Археологічна лабораторія. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600
Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ, serie nouă, vol. VIII, nr. 1-2

Redactare: Vlad Vornic, Larisa Ciobanu, Oleg Levițki, Nicolai Telnov, Svetlana Reabțeva. Machetare computerizată: Renata Rață. Bun de tipar: 28.12.2012. Formatul 60x84 1/8. Coli de tipar: 23,25. Tiraj 200 ex. SRL “Garomont Studio”, MD-2065, Chișinău, str. Ion Creangă, 1. Tel. 022 50-86-16.

ERRATA

PAGINA СТРАНИЦА	RÂNDUL РЯД	ÎN LOC DE ВМЕСТО	SE VA CÎTI ЧИТАТЬ
27	Fig. / Рис. 3	второй четверти тыс. до н.э.	третьей четверти II тыс. до н.э.
33*	3, prima coloană/ первый столбец	товаров	материальных и нематериальных благ
33*	16, a doua coloană/ второй столбец	товары	ценности
33*	18, a doua coloană/ второй столбец	импортами	ценностями

* Această intervenție a aparținut redacției, care își păstrează punctual de vedere asupra corectitudinii versiunii imprimate.

* Данное исправление было внесено редакцией, которая сохраняет свое мнение о правильности напечатанного.